

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

На правах рукописи

ТИШИН Владимир Владимирович

**ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.**

Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, профессор
Васильев Дмитрий Дмитриевич

Москва — 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Начало изучения истории древних тюрков. Формирование источниковой базы и выработка методов исследования	25
1.1. Написание первых работ по истории древних тюрков (середина XVIII — конец XIX вв.)	25
1.2. Первые попытки осмысления социальной организации орхонских тюрков (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.)	40
Глава 2. Изучение древнетюркского общества в советской историографии	71
2.1. Советская историография 30-х — 50-х гг. XX в. и ее инерция в последующие годы	71
2.2. Советская историография 60-х — 80-х гг. XX в. Расширение методологической базы	105
Глава 3. Современные исследования	154
3.1. Проблемы генезиса социально-политических институтов и механизмов власти	154
3.2. Специальные и обобщающие работы	173
3.3. Работы по частным вопросам	209
3.4. Общая характеристика периода	235
Заключение	238
Список использованной литературы	245
Сокращения памятников	335
Приложения (отдельный том)	343
Приложение 1. По поводу употребляемых в работе дефиниций <i>Центральная Азия, Средняя Азия, древние тюрки, государство, государственность, социогенез и политогенез</i>	338
Приложение 2. Венгерская историография социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	340
Приложение 3. Работы западноевропейских и американских авторов по социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	361
Приложение 4. Изучение социальной истории	

Тюркского каганата VI—VIII вв. в японской историографии	430
Приложение 5. Работы турецких авторов	436
Дореспубликанский (османский) период (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.)	436
Республиканский период (середина 20-х гг. XX в. — 1980-е гг.)	446
Современный период	487
Приложение 6. Зарубежная традиционная марксистская историография. 50-е — 80-е гг. XX в. Работы китайских и монгольских ученых по социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	499
Приложение 7. Библиография библиографий работ по истории, культуре и языку древних тюрков VI—X вв.	510
Приложение 8. Критерии периодизации изучения социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	516
Приложение 9. Достижения, проблемы, методы, задачи и перспективы изучения древнетюркского общества и государственности	520
Приложение 10. Оригинальное написание восточных слов и сочетаний, переданных в основном тексте транслитерацией	539

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Значительное увеличение фонда источников и расширение методической и методологической базы исторических исследований в последние годы позволяют по-новому взглянуть на различные аспекты истории и культуры древних тюркоязычных народов Центральной и Средней Азии.

В 1961 г. Л.Н. Гумилев писал в своей диссертации «Древние тюрки. (VI—VIII вв.)»: «За последние 100 лет появилось множество частных исследований, публикаций, рецензий и ответов на рецензии. Число их умножается с каждым годом, но для того, чтобы составить на основании их представление о предмете исследования, необходимо собрать их, сверить, сопоставить между собою и сделать выводы по поводу самых мелких хронологических, филологических этнонимических и ономастических вопросов»¹. Однако историографического исследования он, открыто пренебрежительно относившийся к историографической составляющей исследовательской работы², не предпринял. В 1967 г. Л.Н. Гумилев также отмечал наличие уже даже на начало XX в. «огромной противоречивой литературы... <...>, недоступной для начинающего исследователя», экспрессивно сетуя на «проблемы», которые оставались «нерешенными» ввиду того, что уже тогда «из-за притока новых материалов возникали новые вопросы и обширная библиография грозила подменить собой науку, предлагая вместо ответов на волнующие вопросы ссылки на разноречивые мнения многочисленных авторов», из-за чего «начинающий историк, естественно, не мог прочесть всех написанных о тюрках книг»³. Обращаясь к современной ему эпохе, Л.Н. Гумилев дальше отметил, что «не нашлось специалиста, который взял бы на себя труд сводки мнений по широкой теме»⁴.

Сегодня общий список работ по древнетюркской тематике значительно расширился. Как отмечал Р.Г. Фахрутдинов уже для конца 90-х гг. XX в.: «Научный обзор всего этого историографического, литературоведческого и искусствоведческого багажа требует большого труда не одного исследователя. Подобная работа ждет своих будущих авторов — специалистов-кочевниковедов и историков культуры»⁵. В целом, учитывая весь объем фонда работ на различ-

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. (VI—VIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1961. С. 3.

² См.: Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна». М., 1970. С. 14—16, 346—348.

³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 95—96.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Фахрутдинов Р.[Г]. Кочевой мир Средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) // Татарская археология. 1997. № 2(3). Кочевой мир Средневековой Европы. С. 25.

ных языках, осуществление сколько-либо более или менее целостной попытки их обобщения и анализа, представляется затруднительным, по крайней мере, силами одного исследователя.

Одним из основных вопросов, требующих нового освещения, является характеристика социальных отношений в Тюркского каганате VI—VIII вв. в связи с особенностями кочевнических обществ. За предшествующий, более чем 250-летний, период изучения истории эпохи Тюркского каганата был накоплен значительный исследовательский материал, представленный работами специалистов различных научных направлений и национальных школ, который требует критического анализа и периодизации. Данное обстоятельство заставляет нас обратиться к специальному изучению исследовательской литературы и систематизации взглядов ученых на социо- и политогенез древних тюрков в период VI—VIII вв.⁶

Целью данной работы является изучение и обобщение опыта исследований по социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.

Это обуславливает постановку в рамках исследования следующих **задач**:

— анализ литературы, специально посвященной или связанной с проблемами социально-экономических отношений и социально-политической организации Тюркского каганата VI—VIII вв.;

— выделение и характеристика основных этапов изучения социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.;

— определение преобладающих направлений в исследованиях социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв., характеристика основных тенденций и выявление связанных с ними проблем данных исследований;

— установление связей и преемственности между отдельными исследовательскими направлениями;

— выявление проблем, определение перспектив и формулировка ближайших задач изучения древнетюркского общества и древнетюркской государственности.

Объектом исследования является исследовательская литература, касающаяся вопросов социально-экономических отношений и социально-политической организации древних тюрков VI—VIII вв.

Предметом исследования выступают теоретические и методологические подходы, методические принципы, концепции, гипотезы и мнения исследователей, затрагивавших проблемы хозяйства, общественного устройства и социально-политических институтов древних тюр-

⁶ Употребление в работе дефиниций *Центральная Азия, Средняя Азия, древние тюрки*, а также таких терминов как *государство, государственность, социогенез и политогенез* и их соотношение оговорено в Приложении 1.

ков VI—VIII вв., изложенные в той или иной форме. Таким образом, в настоящем исследовании понимание *историографического факта* ограничено содержательным аспектом.

Нижняя граница **хронологических рамок** исследования определяется началом появления первых исторических работ о древних тюрках VI—VIII вв., — серединой XVIII в., — верхняя граница — началом первого десятилетия XXI в.

Географические рамки Географические рамки исследования определяются исходя из места пребывания и гражданства авторов рассматриваемых работ в определенный исторический период и степени их участия в научной жизни конкретной страны. К исследованию привлечены работы дореволюционных и советских авторов, а в последующем исследователей из Российской Федерации и ряда стран СНГ — Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Азербайджана и Украины. Также были использованы работы ученых из Германии, Франции, Дании, Венгрии, Великобритании, Турции, Италии, США, Польши, Монголии, Японии и Китая⁷.

Степень разработанности проблемы. Специальные монографические исследования, обобщающие опыт историографии социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. как в целом, так и в рамках отдельной национальной традиции или в отдельно взятый хронологический этап, отсутствуют. По большей части это объясняется спецификой самого объекта исследования, поскольку единственной попыткой специального исследования социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. может быть названа лишь работа А.Н. Бернштама, защищенная в качестве кандидатской диссертации в 1935 г. и монографически изданная в 1946 г.⁸ Одна из глав монографии содержит раздел, бывший дополненным вариантом части статьи автора 1934 г., где предложен разбор имевшегося на тот момент опыта изучения кочевнических обществ в связи с Тюркским каганатом⁹. Обсуждение конкретных вопросов встречается в основной части книги. Полемические заметки по социальной проблематике разбросаны по страницам множества публикаций других авторов, так или иначе затрагивающих историю Тюркского каганата VI—VIII вв., а также встречаются в историографических работах, обобщающих результаты исследований социальных отношений у кочевников.

⁷ Эти работы, следуя сложившейся традиции, за объективным отсутствием альтернативы, в работе *условно* именуется понятием «зарубежная историография», при использовании в более узком контексте формулировок типа «западная историография», «работы западноевропейских и американских авторов», «турецкая историография» и т.д. Ввиду ограничения объема диссертационного исследования, рассмотрение этих работ дано в приложении. См.: Приложения 2—6.

⁸ *Бернштам А.[Н.]* Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI—VIII вв. н.э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. Л., 1935. 23 с.; *Его же.* Социально-экономический строй орхоненейских тюрков VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М. ; Л., 1946 (Тр. Ин-та востоковедения. Т. XLV). 207 с.

⁹ *Бернштам А.[Н.]* Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // Советская этнография. 1934. № 6. С. 87—95; *Его же.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 22—29.

Источниковая база обусловлена целью работы и спецификой объекта исследования. Она сформирована из двух категорий источников, — историографических и исторических, — соответственно отражающих два уровня историографического анализа.

Основу диссертационного исследования составляют историографические материалы, т.е. источники, представляющие непосредственный предмет историографии, напрямую отражающие процессы и тенденции, характерные для исторической науки в конкретных исторических условиях. Эта категория источников в общем совпадает с предметом настоящего исследования. Она представлена, прежде всего, литературой, отражающей взгляды тех или иных ученых на хозяйство, общество и социально-политические институты древних тюрков VI—VIII вв.

По качеству содержащейся в этих работах научной информации среди них могут быть выделены, во-первых, собственно научные издания: монографии, статьи в сборниках и журналах, авторские разделы в коллективных работах, тексты и тезисы научных докладов, сделанных на семинарах, конференциях, конгрессах, сообщения, а также диссертации и авторефераты диссертаций, предисловия к книгам и сборникам, комментарии к изданиям переводов исторических источников и иностранной литературы; во-вторых, реферативно-информативные источники: обзоры, аннотации, резюме; в-третьих, научно-учебная литература: лекции, учебники и учебные пособия¹⁰. Отдельно располагаются также привлекавшиеся нами иногда публикации научно-популярного характера. В данной классификации, вместе с тем, учитывается и такой признак как *целевое предназначение* привлекаемой литературы, — научная или социальная направленность конкретной работы¹¹, — который, однако, специфика поставленной проблемы настоящего исследования позволяет считать вторичным. Этот аспект представляется важным ввиду особенностей развития отдельных историографических традиций (например, в Турции).

Отмеченная выше монография А.Н. Бернштама, кроме объективных недостатков, вызванных стремлением автора подчинить выводы марксистской методологии, имела ряд других слабых сторон. В частности, на момент издания в 1946 г. в ней не были учтены научные публикации, появившиеся за десятилетие, прошедшее с момента ее защиты как диссертации в 1935 г., как и не были включены новые источниковые материалы, чего сам А.Н. Бернштам не отрицал¹²,

¹⁰ Учебники хотя и не являются в своей сущности исследовательскими работами, не содержат подробной аргументации и, как правило, ссылочного аппарата, однако отражают определенный уровень знаний о том или ином предмете на конкретный период времени, преподнося их в предельно емкой и доступной форме. К тому же, так или иначе, автором учебника или, по крайней мере, соответствующего раздела в нем является конкретный специалист, что также сказывается на форме и характере подачи информации. Поэтому мы считаем правомерным использование их в качестве *полноценного историографического источника*.

¹¹ См.: Маловичко С.И. Историописание : научно ориентированное vs социально ориентированное // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : Материалы XXII Междунар. науч. конф. Москва, 28—30 янв. 2010 г. М., 2010. С. 21—28.

¹² Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 29 прим. 4, с. 65 прим. 1.

но что, тем не менее, было отмечено его оппонентами¹³. Однако, она остается единственной целостной попыткой исследования древнетюркского общества на основе непосредственного источникового материала.

Поэтому весь массив привлеченных в настоящем исследовании в качестве источников авторских работ, исходя из их предмета исследования, может быть также разделен на две подгруппы: работы по древнетюркскому периоду, так или иначе затрагивающие проблемы социальной истории Тюркского каганата (ввиду фактического отсутствия исследований, посвященных ей непосредственно), и работы, касающиеся данной проблематики в контексте общих проблем кочевничества. Относительно внутренней характеристики этих подгрупп следует отметить, что так или иначе те и другие работы содержат разрозненные и зачастую попутные замечания по социальной истории древних тюрков VI—X вв., однако, если в работах, общих или специальных, связанных с историей кочевнических обществ, данная проблематика носит прикладной характер и затрагивается, как правило, в сравнительно-историческом аспекте, что при этом делается, как правило, авторами, не специализирующимися в этой области, то в рамках общей картины исследований, связанных с историей, культурой и языком древних тюрков VI—X вв., выполненных специалистами, обладающими необходимой соответствующей подготовкой, отдельные аспекты хозяйственной и социально-политической сфер жизни древнетюркского общества, даже не входя в круг предметов исследования, предстают в более четком представлении, т.к. исследуются на основе непосредственного источникового материала.

Подборке определенного круга необходимой для анализа такой специальной литературы, следовал длительный *эвристический этап*, связанный с подборкой подходящих для тематики настоящего исследования работ. В ходе этого предварительного этапа источниковедческого по характеру исследования была проделана работа по поиску и обработке указателей литературы по древнетюркской тематике, результатом чего стало составлением своеобразной «библиографии библиографий», отсутствующей в тюркологии¹⁴. (См.: Приложение 7).

В качестве историографических источников к настоящему исследованию были привлечены и другие материалы, так или иначе отражающие взгляды и подходы тех или иных авторов

¹³ Киселев С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы*. Изд. АН СССР, М—Л., 1946, 207 стр. + 2 карты // Вестник Древней истории. 1947. № 1. С. 83.

¹⁴ См.: Hazai G., Kellner-Heinkele B. *Bibliographisches Handbuch der Turkologie. Eine bibliographie der Bibliographien vom 18. Jahrhundert bis 1979*. Wiesbaden ; Budapest, 1986. Bd. 1 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. XXX); *Idem*. *Bibliographie der Bibliographien // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period* / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3). P. 352—355. Ср. попытку С. Штарка: Stark S. *Nomaden und Seßhafte in Mittel- und Zentralasien : Nomadische Adaptionsstrategien am Fallbeispiel der Alttürken // Grenzüberschreitungen : Formen des Kontakts und Wege des Kulturtransfers zwischen Orient und Okzident im Altertum. Akten des 3. Symposions der Arbeitsgruppe „Orient und Okzident im Altertum“* in Berlin / hg. M. Schuol, U. Hartmann, A. Luther. Stuttgart, 2002 (Orient et Occident. Bd. 3). S. 21 Anm. 62, 63.

или характеризующие (прямо или косвенно) определенные тенденции, присущие отдельному хронологическому этапу или исследовательскому направлению: рецензии, заметки, дискуссии и обсуждения, письма в редакцию, редакторские примечания, а также составленные современниками конкретных ученых материалы биографического свойства о них, статьи, приуроченные к важным датам, некрологи, газетные статьи, переписка.

Вторая выделенная нами группа источников имеет скорее вспомогательный характер, поскольку необходима для сопоставлений и критической оценки тех или иных принадлежащих конкретным авторам аргументов и выводов, связанных с интерпретацией данных непосредственно исторических источников, т.е. для их проверки на конкретном материале. Эту группу представляют сами письменные источники по истории древних тюрков VI—X вв. В рамках настоящего исследования мы не имеем ни необходимости, ни возможности дать критический обзор всего массива очень многочисленных и разнообразных по характеру материалов, поэтому ограничимся самыми общими сведениями с отсылками к специальным работам.

Изучение истории древних тюрков VI—X вв. основывается на достаточно богатой источниковой базе. Как писал еще в свое время В.В. Бартольд, «для изучения истории турецких народностей недостаточно быть туркологом, необходимо быть также, смотря по тому, какой эпохой интересуешься, синологом, арабистом или иранистом»¹⁵. Письменные источники представлены текстами на древнетюркском и различных более поздних тюркских наречиях, а также китайском, арабском, персидском, согдийском, среднегреческом, сирийском, тибетском, кавказских языках. Мы имели необходимость обращаться к самым информативным с точки зрения социальной истории Тюркского каганата материалам: это, во-первых, памятники древнетюркской рунической письменности¹⁶; во-вторых, китайские источники¹⁷; в-третьих, свидетельства византийских авторов¹⁸; реже возникала потребность привлекать данные мусульманских, —

¹⁵ Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 454—455.

¹⁶ См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй... 1946. С. 30—54; Bazin L. La littérature épigraphique turque ancienne // *Philologiae Turcicae fundamenta : iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis*. Aquis Mattiacis [Wiesbaden], 1964. Т. 2. Curavit et auxit, indices adiecit Pertev Naili Boratav / ed. L. Bazin, A. Bombaci, J. Denu, T. Gökbilgin, F. İz, H. Scheel. P. 192—211; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 42—83; Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи VIII—IX вв. как памятник историографии : генезис жанра и структура текста : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 270 с.

¹⁷ Характеристику см.: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). I. Buch. Texte. S. 473—483; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 35—46; Taşağul A. Gök-Türkler I. 2. bk. Ankara, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 160¹). S. 2—5; Aynı müel. Gök-Türkler II (fetret devri 630—681). Ankara, 1999 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 160^a). S. 111—113.

¹⁸ См.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 3. unveränderte Auflage. Leiden, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. X). Bd. II. Sprachreste der Turkvölker in den byzantinischen Quellen. S. 1—49.

арабских и персидских¹⁹, — и согдийских источников²⁰.

Историография проблемы. Вся совокупность проблем социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. лежит в двух плоскостях: во-первых, они входят в общий круг вопросов, связанных с древнетюркской эпохой VI—X вв., прежде всего, с изучением памятников древнетюркской рунической письменности, во-вторых, являются составной частью проблематики, связанной с характеристикой социальных отношений у кочевнических народов. Каждое из этих направлений представляет совершенно отдельную отрасль научного знания, имеет самостоятельное происхождение и собственную историю развития.

Изучение памятников древнетюркской рунической письменности больше примыкает к источниковедению и филологии. Филологические работы, связанные с анализом лексики, изучением семантики и установлением этимологии отдельных лексических единиц, разбором синтаксических конструкций, конкретизирующие содержание источника, имеют определенное значение при исследовании социальных аспектов древнетюркской эпохи. История открытия и изучения этих памятников получила значительное освещение в историографии²¹. История изу-

¹⁹ См.: *Бартольд В.В.* Древнетюркские надписи и арабские источники // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 284—311; *Zeki Velidi Togan A.* Tarihte Usül. 3 üncü. bk. İstanbul, 1981 (Enderun Yayınları 9). S. 184—188, 243—246; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 14—15; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 4—6.

²⁰ О значении согдийских источников для изучения государственных традиций Тюркского каганата см.: *Западный Тюркский каганат.* Атлас. Астана, 2013. С. 103—104.

²¹ См.: *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества.* 1899. Т. XII. Вып. II—III (с приложением одной таблицы и одного портрета). С. 1—15; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Соч. М., 1977. Т. IX. Работы по истории востоковедения. С. 454—455; *Крымский А.Ю.* Тюрки, их мови та літератури // *Крымский А.Ю.* Твори в п'яти томах. Київ, 1974. Т. 5. Сходознавство. С. 552—555; *Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // *Материалы УЗКОМСТАРИСА.* М.; Л., 1936. Вып. 6—7. С. 5—15; *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 11—29; *Orkun H.N.* Türk Tarihi. Ankara, 1946. Cilt I. S. 144—147; *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 11—16; *Saferoğlu A.* Türk Dili Tarihi. İstanbul, 1958 (İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. № 778). Cilt I. S. 107—110; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники ... С. 5—12; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 11—42; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // *Археология и этнография Монголии / отв. ред. А.П. Окладников.* Новосибирск, 1978. С. 37—60; *Батманов И.А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. С. 9—15; *Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.* Современная и древняя Енисейка. Фрунзе, 1962. С. 14—30; *Насилов В.М.* Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960. С. 7—9; *Кызласов Л.Р.* Начало сибирской археологии // *Историко-археологический сборник. Артемию Владимировичу Арциховскому. К шестидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной, педагогической и общественной деятельности / под ред. Д.А. Авдусина и В.Л. Янина.* М., 1962. С. 43—59; *Его же.* Краткая история археологического изучения Тувы // *Вестник Московского университета. Сер. IX. История.* 1965. № 3. С. 56—61, 64, 65, 66, 67—68, 70; *Его же.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 7—10, 11—12, 13, 14; *Vazin L.* La littérature épigraphique ... P. 192—211; *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1969. С. 158—159; *Айдаров Г.* Язык орхонского памятника Бильге-кагана. С. 3—5; *Его же.* Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. С. 7—11; *Сэр-Оджав Н.* БНМАУ-д түрэг бичгийн дурсгалыг судлаж байгаа нь / Изучение древнетюркской письменности в МНР // *Монгол нутаг дахь хадны бичээс, гэрэлт хөшөөний зүйл / Ринчэн эмхэтгэв / Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie / recueillis par Rintchen.* Улаанбаатар, 1968 (Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. Tomus 16. Fasc. 1). IX—XIII дугаар тал.; *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington; The Hague, 1968 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 69). P. 12—20; *Aynu müel.* Orhon Yazıtları Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. 2. bk. İstanbul, 1998 (Dil ve Edebiyat Dergisi : 1). S. 28—30; *Щербак А.М.*

чения кочевнических обществ насчитывает уже более ста лет дискуссий вокруг целого ряда социологических проблем, многие из которых пока еще далеки от решения. Многочисленные историографические исследования²² освобождают нас от необходимости подробно останавли-

Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970. С. 111—134; *Его же*. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб., 2001. С. 11—30; *Ögel B.* Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul, 1971 (1000 Temel Eser : 49). Cilt 1. S. 28—34; *Насилов Д.М.* Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969—1974 гг.) // Советская тюркология. 1976. № 1. С. 82—95; *Tryjarski E.* Die alttürkischen Runen-Inschriften in den Arbeiten der letzten Jahre. Befunde und kritische Übersicht // Altorientalische Forschungen. 1981. Bd. VIII. S. 339—352; *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. 2-е изд. Л., 1982. С. 307—312; *Его же*. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 7—13, 41—42, 51—56; *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. С. 46—47; *Его же*. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение. Африканистика». 2009. № 8. С. 46—55; *Vasilyev D.D.* Turkic Runic Inscriptions on Monuments of South Siberia // Foundations of Empire : Archaeology and Art of the Eurasian Steppes / ed by G. Seaman. Los Angeles, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions “Nomads : Masters of the Eurasian Steppe”. Vol. 3). P. 117—126; *Sertkaya O.F.* Köl Tigin kitâbesinin dikilmesinin 1250. yıl dönümü dolayısı ile Moğolistan Halk Cumhuriyeti’ndeki Köktürk harfli metinler üzerinde yapılan arkeolojik ve filolojik çalışmalara toplu bir bakış // Türk Tarih Kurumu Belleten. 1983. Cilt 47. Sayı 185. S. 67—85; *Aynı müel.* Eski Türkçe (Göktürkçe ve Uygurca) Araştırmacı Olarak Wilhelm Radloff // Türk Dili Dil ve Edebiyat Dergisi. 1988. Cilt LVI. Sayı 444. S. 303—317; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1987. Вып. 3. С. 8—20; *Cumagulov Ç.C.* Göktürk Harfli Yazıtların Kırgızistan’daki Araştırılması, Muhafazası, ve Bugünkü Durumu // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 2000. Ankara, 2001. S. 65—68; Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / под ред. А.Н. Кононова. 2-е изд., перераб. М., 1989. С. 196—197; *Болд Л.* БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал). Улаанбаатар, 1990. I боть. 4—16 дугаар тал.; *Temir A.* Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri : hayatı, ilmi kişiliği, eserler. Ankara, 1991 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu ; Türk Dili Kurumu Yayınları : 552). S. 36—48; *Сюэ Цзун-чжэн.* Ту-цзюэ ши. Пекин, 1992. С. 704—708 (на кит. яз.); *Рахмон Н.* Турк хоқонлиги. Тошкент, 1993. 17—30, 58—67-бетлар; *Рэчэбов Э., Мэммадов Ж.* Орхон-Енисей абидэлэри. Б., 1993. С. 5—14, 207—215, 329—330; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол. : А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. М., 1997. С. 381—391; *Аманжолов А.С.* История и теория древнетюркского письма. 2-е изд., испр. и доп. Алматы, 2010. С. 7—26; *Scharlipp W.E.* The Decipherment of the Turkish Runic Inscriptions and Its Effects on Turkology in East and West // Journal of Turkic Civilization Studies. 2004. № 1. P. 303—318; *Эрджиласун Б.* Первые упоминания об орхонских надписях в Турции // Altaica II. Сб. статей и материалов. М., 1998. С. 124—146; *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3). P. 22—36; *Ercilasun A.B.* Başlangıcından Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi. Ankara, 2004. S. 150—166; *Aydın E.* Cumhuriyet Döneminde Eski Türk Yazıtlarıyla İlgili Çalışmalar // Karaman, Dil, Kültür ve Sanat Dergisi. 2005. S. 205—211; *Aynı müel.* 1995—2005 Yılları Arasında Türk Runik Metinleri Üzerine Yapılan Çalışmalara Bir Bakış // İlmî Araştırmaları. 2005. Sayı 20. S. 43—56; *Aynı müel.* Yenisey Yazıtlarıyla İlgili Türkiye’de Yapılan Çalışmalara Bir Bakış // I. Uluslararası Uzak Asya’dan Ön Asya’ya Eski Türkçe Bilgi Söleni, 18—20 Kasım 2009. S. 25—34; *Батмугла Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005 (Corpus Scriptorum. T. I). 6—12 дугаар тал.; *Базылхан Н.* Қөне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас). Алматы, 2005 (Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. II т.). 39—41 б.; *Его же*. Древнетюркские письменные памятники в Монголии : каталогизация и музеефикация // Урало-алтайские исследования. 2010. № 2(3). С. 7—18; *Гэн Ши-минь.* Гу-дай ту-цзюэ вэнь-бэй мин янь-цзюэ. Пекин, 2005. 8. С. 23—44 (на кит. яз.); *Yavuz E.* Orhun Abideleri ve Bunlarla İlgili Yapılan Çalışmalar Üzerine Bibliyografya Denemesi : Muğla Üniversitesi Lisans Bitirme Tezi. Muğla, 2006. S. 19—23; *Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32 ; Türk Dili Dizisi 1). S. 25—34; и др.

²² *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. Сб. 1 / отв. ред. В.И. Авдиев, Н.П. Шастина. С. 31—95; *Lattimore O.* The Social History of Mongol Nomadism // Historians of China and Japan / ed. W.G. Beasley and E.G. Pulleyblank. London, 1961. P. 328—343; *Krader L.* Peoples of Central Asia. 2-nd ed. Bloomington ; The Hague, 1966 (Uralic and Altaic Series. Vol. 26). P. 153—155; *Никуфоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 264—268; *Абрамзон С.М.* Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // Советская этнография. 1970. № 6. С. 61—73; *Перишц А.И.* Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время (проблема исторических контактов) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971. С. 3—8; *Его же*. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства : сб. ст. / отв. ред. А.И. Перишц. М., 1976. С. 280—289; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 4—17; *Литвинский Б.А.* Исследование кочевых народов Центральной Азии в дореволюционной русской и советской науке // Роль кочевых народов в ци-

визации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. Улан-Батор, 1974. С. 175—183; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 32—35; *Горохова Г.С.* Монгольское средневековье в трудах ученых МНР // *Общественные науки в МНР* / отв. ред. И.Я. Златкин, С.К. Рощин. М., 1977. С. 39—64; *Коган Л.С.* Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе : на примере дореволюционного Казахстана : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1981. 18 с.; *Gellner E.* Foreword // *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison, 1994. P. ix—xxv; *Васильев М.А.* Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии. М., 1982. 48 с. (Деп. в ИНИОН АН СССР 29.09.82, № 11301); *Его же.* Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 13—45; *Его же.* Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 4—6; *Халиль Исмаил.* Исследования хозяйства и общественных отношений кочевников Азии в советской литературе 1950-х — 1980-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 194 с.; *Его же.* Исследования хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50—80 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 24 с.; *Эрдниева К.О.* К истории изучения вопроса о специфике феодальных отношений у кочевых народов // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы.* 1985. № 1(49). С. 47—53; *Гольман М.[И.]* Проблемы феодализма в монгольской историографии // *Олон улсын монгол эрдэмтэн IV их хурал.* Уланбаатар, 1985. I боть. 270—276 дугаар тал.; *Попов А.В.* Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // *Историография и источниковедение стран Азии и Африки.* Л., 1986. Вып. IX. С. 156—172; *Его же.* Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // *Mongolica.* Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова 1884—1931. М., 1986. С. 183—193; *Писаревский Н.П.* Проблемы изучения древних кочевнических обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии первой половины 30-х годов. Воронеж, 1986. 27 с. (Деп. в ИНИОН АН СССР 8.07.87, № 30224); *Его же.* Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 201 с.; *Его же.* Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989. 24 с.; *Его же.* Социальная организация кочевников степи и лесостепи Евразии эпохи раннего железного века в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. // *Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) :* тез. докл. Всеосоюз. археол. конф. Кемерово, 1989. Ч. I. С. 144—147; *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987. 162 с. (Деп. в ИНИОН АН СССР 16.06.1987, № 29892); *Его же.* Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990. С. 7—10; *Его же.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 12—43, 77—84; *Его же.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 7—15; *Его же.* Общественный строй кочевников : дискуссионные проблемы // *Вопросы истории.* 2001. № 4. С. 21—32; *Его же.* Кочевники Евразии. Алматы, 2007. С. 11—58; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М., 2006. С. 12—67; *Сулейменов Р.Б.* Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций* / отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата, 1989. С. 89—102; *Марков Г.Е.* Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // *Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран* / отв. ред. Г.Е. Марков. М., 1989. С. 54—75; *Его же.* Из истории изучения номадизма в отечественной литературе : вопросы теории // *Восток (Oriens).* 1998. № 6. С. 109—123; *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница : кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова ; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. СПб., 2009. С. 38—42; *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов : основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; М., 1995. С. 214—221; *Васютин С.А.* Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 25 с.; *Его же.* Ревизия сталинского марксизма в отечественных исследованиях социально-политической организации кочевников конца 1960-х — середины 1980-х гг. // *Images Mundi.* Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. Екатеринбург, 2010. № 7. Сер. : Интеллектуальная история. Вып. 4. С. 271—275; *Батмаев М.М.* Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII—XVIII вв. Элиста, 2002. С. 4—28; *Ешмуратов А.К.* История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 32 с.; *Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI—XII вв. Алматы, 2003. С. 111—123; *Его же.* Проблемы истории кочевых государств // *Вопросы истории.* 2006. № 6. С. 160—166; *Шаисламов А.Р.* Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 184 с.; *Его же.* Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 28 с.; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. 400 с.

ваться на этих вопросах, и в дальнейшем мы будем обращаться лишь к основным работам, наиболее полно отражающим мнение той или иной группы ученых. Оба направления и тематически, и хронологически смыкаются, поскольку выделение характеристики социальных отношений в древнетюркском обществе в качестве самостоятельной исторической проблемы оказалось возможным только после открытия (1889 г.) и расшифровки (1893 г.) древнетюркских рунических памятников в долине р. Орхон.

В 1894 г. Н.И. Веселовский опубликовал статью «Орхонские открытия», где впервые описал историю открытия и дешифровки Хошо-Цайдамских надписей, дал пересказ их содержания и представил некоторые предварительные результаты интерпретации в связи с известными историческими фактами²³. С этого сообщения может вести свое начало историография истории орхонских тюрков как самостоятельного предмета исследования.

Среди первых критических обзоров литературы по истории Тюркского каганата, не столь многочисленной на тот момент, следует назвать работы П.М. Мелиоранского и В.В. Бартольда. П.М. Мелиоранский еще при подготовке статьи 1898 г., посвященной анализу сведений древнетюркских рунических памятников, проработал основную связанную с ними и вообще историей древних тюрков литературу²⁴, развернутый анализ которой представил уже в защищенной в следующем году своей магистерской диссертации, впервые также изложив наиболее полную историю открытия и изучения орхонских памятников²⁵. Тогда же выходит статья В.В. Бартольда «Новые исследования об орхонских надписях», посвященная критическому обзору последних на то время исследований (1899 г.)²⁶. В дальнейший короткий период его научной деятельности, перед безвременной кончиной, историографическая проблематика ни разу не становилась предметом работ П.М. Мелиоранского, в то время как в ряде работ В.В. Бартольда, — статьях, обзорах, рецензиях, некрологах, — уделялось значительное внимание критическому анализу взглядов современников (тюркологов, китаистов, арабистов, иранистов, этнографов) на различные аспекты истории древних тюрков VI—X вв., о чем будет специально сказано в основной части настоящей работы. Поэтому В.В. Бартольд справедливо может считаться основателем того историографического направления, которое может именоваться «историографией истории Тюркского каганата VI—VIII вв.», что также совпадает с характери-

²³ *Веселовский Н. [И.] Орхонские открытия // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. ССХСII, апрель. Отд. 4. С. 59—72.*

²⁴ *Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. СССХVII, июнь. Отд. 2. С. 263—265.*

²⁵ *Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 1—15.*

²⁶ *Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 312—328. Обе работы вышли фактически одновременно. Статья В.В. Бартольда была опубликована в майском номере «Журнала Министерства народного просвещения» (СПб., 1899. Вып. СССХXVIII, май. Отд. 2. С. 231—250). Когда рукопись работы П.М. Мелиоранского была в типографии, он ознакомился с майским номером журнала «T'oung Pao» (*Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С. 13 прим. 2).**

стикой В.В. Бартольда как родоначальника историографической науки в востоковедении, данной ему В.Н. Никифоровым²⁷.

В 1900 г. К.А. Инностранцев, будучи еще студентом, составил критический обзор литературы, задачей которого было рассмотрение теорий происхождения хуннов (*сюн-ну*)²⁸. Вместе с тем, в связи с проблемами этно-лингвистической принадлежности и природы политического объединения, К.А. Инностранцев затронул проблемы соотношения хуннов с другими кочевническими народами, неизбежно коснувшись и древних тюрков VI—VIII вв. Работа впервые поднимает ряд важных вопросов теории и методики исследования этнических процессов у кочевнических народов, ставит проблему преемственности между их хронологически сменявшимися друг друга политическими образованиям. О новаторском характере работы свидетельствуют, в частности, серьезные полемические замечания, высказанные в рецензии В.В. Бартольда²⁹. Кроме того, именно этот обзор четко показывает, что фактически в период, предшествующий открытию и расшифровке орхонских памятников, ученых интересовали проблемы происхождения, этнической и языковой принадлежности исторических бесписьменных кочевнических народов, их соотношения друг с другом и связи с современным населением азиатских степей.

Как отметил уже В.В. Бартольд, с нахождением и переводом орхонских памятников, «европейская наука получила доступ к изучению древнейших памятников турецкого языка», а также «впервые был найден новый, туземный источник для истории кочевых государств, о которых раньше черпали сведения только из китайских летописей»³⁰. В статье, вышедшей 1914 г. в немецком еженедельнике «Гуманитарные науки», он писал: «Пониманию таких явлений, как возникновение великих кочевых империй, существенным образом способствовали наблюдения, сделанные в русской Средней Азии, в особенности блестящие путевые отчеты и заметки В.В. Радлова», но «еще более важным является открытие (Ядринцевым в 1889 г.) и дешифровка (В. Томсеном в 1893 г.) древнетюркских надписей (VIII в.) в Монголии, благодаря которым мы получили сведения о деятельности одной из таких правящих династий из уст ее представите-

²⁷ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 25.

²⁸ Инностранцев К.А. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е доп. изд. Л., 1926 (Труды туркологического семинария. Т. I). IV, 152 с. Второе издание, вышедшее в 1926 г., отличалось, по собственному указанию К.А. Инностранцева (с. III), лишь изменениями в V главе (с. 88—119) и наличием «Послесловия» (с. 124—152), содержавшего разбор литературы XX в. по основной проблеме книги.

²⁹ Бартольд В.В. [В.] [Рец. на] К. Инностранцев, Хун-ну и Гунны. (Библиографический обзор теорий о происхождении народа Хун-ну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) С.-Петербург, 1900 (отдельные оттиски из «Живой Старины»). 78 стр. 8⁰ // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1901. Т. XIII. Вып. IV (с приложением двух таблиц). С. 0109—0113. В связи с высказанной оценкой книги К.А. Инностранцева, не представляется возможным согласиться также с характеристикой рецензии В.В. Бартольда на ее первое издание как «утратившей значение» (*Кляшторный С.[Г.]* Предисловие // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 16).

³⁰ Бартольд В.В. История изучения Востока ... С. 455. Ср.: Его же. Томсен и история Средней Азии // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 761.

ля»³¹. В феврале 1926 г. во время доклада на Первом всесоюзном туркологическом съезде в Баку охарактеризовав открытие и расшифровку древнетюркских рунических памятников как «эпоху в истории туркологии», В.В. Бартольд отметил, что «помимо своего лингвистического значения, надписи имеют не меньше значения и для историка, как рассказ турок VIII в. о себе, во многом дополняющий сведения китайских источников»³². Несколько позже, на одной из лекций, прочитанных зимой 1926/1927 гг. в Стамбуле (изданы в 1927 г.), В.В. Бартольд указал: «Орхонские надписи... <...> представляют совершенно исключительное явление в истории граничивших с Китаем кочевых государств домонгольского периода. О государствах, возникших в степи раньше турецкого государства VI—VIII вв., мы принуждены довольствоваться краткими сведениями китайских источников; сами народы сошли со сцены, не оставив нам даже слов своего языка»³³. В другом месте он писал: «Надписи... <...> дают нам более наглядную и живую картину быта кочевников, чем могли бы дать китайцы»³⁴.

Таким образом, В.В. Бартольд первым указал на значение памятников древнетюркской рунической письменности для изучения кочевнических обществ как внутреннего источника. Говоря, вместе с тем, о сложности их интерпретации, В.В. Бартольд особо отмечал необходимость филологической подготовки для работы с надписями как с историческим источником³⁵.

Кроме того, в своих работах В.В. Бартольд не раз говорил о значении для изучения социальных отношений у кочевников, древних тюрков VI—VIII вв. в частности, работ В.В. Радлова, отметив его роль в историографии проблемы³⁶. Что касается материалов древнетюркских рунических памятников, В.В. Бартольд сам неоднократно обращался к ним в своих рецензиях на работы по кочевникам Л. Кауна, Н.А. Аристова, К.А. Иностранцева, Э. Шаванна, а также в связанных с памятниками статьях при критике тех или иных позиций названных ученых, а также В. Банга, Й. Маркварта, Ф. Хирта, выводя тем самым ряд исторических вопросов на дискуссионный уровень³⁷. Однако поскольку, в сущности, именно В.В. Радлов и В.В. Бартольд стояли у истоков изучения социальной истории древних тюрков VI—VIII вв., то именно это обстоятель-

³¹ Бартольд В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 512.

³² Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Там же. Т. V. С. 455.

³³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Центральной Азии // Там же. С. 32.

³⁴ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. С. 763.

³⁵ См.: Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 10—11; Его же. История Центральной Азии ... С. 27; Его же. Предисловие. С. 9—10; Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи VIII—IX вв. как памятник историографии ... С. 146.

³⁶ Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837—1918 // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 678; Его же. Изучение Востока — главная задача Академии // Там же. С. 581—582; ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 260 («Заслуга Радлова по изучению кочевых народов Средней Азии», [1928 г.]). Л. 19—21 (Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. Туманович Н.Н. Описание архива академика В.В. Бартольда. М., 1976. С. 315).

³⁷ Здесь опущены указания на литературу, поскольку при обращении к специальному рассмотрению научного наследия того или иного ученого в основной части работы, будет сказано об уже имеющихся историографических оценках наших предшественников. Такая методика позволит также наглядно, на конкретном материале, обосновать место рассматриваемых в этой части введения авторов в когорте историков науки.

ство дает нам основания считать В.В. Бартольда основоположником историографии и этого направления.

Таким образом, значение трудов В.В. Бартольда в свете проблематики настоящего исследования состоит в следующем: (1) им фактически были окончательно сформулированы критерии, позволяющие характеризовать написанные до открытия и расшифровки орхонских памятников работы, касающиеся истории древних тюрков VI—VIII вв. на основе данных преимущественно иноземных источников, как «предысторию» их изучения, т.е. собственно историю их изучения как уже известного объекта, в т.ч. и их социальных отношений, следует отсчитывать только с 90-х гг. XIX в.; (2) В.В. Бартольд было отмечено первостепенное значение памятников древнетюркской рунической письменности для изучения внутренних процессов в древнетюркском обществе; (3) В.В. Бартольд сформулировал требования к качественной работе с памятниками древнетюркской рунической письменности; (4) В.В. Бартольд фактически начал фиксировать развитие научной мысли относительно проблем истории древнетюркского общества, будучи при этом сам непосредственно включен в этот процесс.

Позже Н.Н. Козьмин (1936) также писал о значении открытия древнетюркских рунических памятников, — с чем «явилась возможность не только заниматься бесконечными войнами, дворцовыми переворотами, но и хозяйственными и социальными явлениями», — «для построения социальной истории турков»³⁸.

Несмотря на то, что отдельные, довольно размытые на фоне собственных рассуждений авторов, полемические сюжеты встречаются уже в работах марксистских исследователей, затрагивавших проблемы общественных отношений в Тюркском каганате А.С. Букшпана³⁹ и Н.Н. Козьмина⁴⁰, первую специальную попытку анализа исторических концепций о социально-экономических процессах в обществе древних тюрков VI—VIII вв. и кочевников вообще, как уже указывалось, предпринял еще в 1934 г. в статье «Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии» А.Н. Бернштам, разбиравший их с позиции марксистской методологии⁴¹. Позже этот же текст с незначительными дополнениями и изменениями был включен в его монографию (1946)⁴². Как метко указал, однако, П.К. Дашковский, «находясь под влиянием марксистских идеологических установок, А.Н. Бернштам попытался выявить элементы теории клас-

³⁸ Козьмин Н.Н. Предисловие // Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Иркутск, 1937. Т. 1. Чингиз-хан / перевод и предисловие проф. Н.Н. Козьмина. С. XVIII.

³⁹ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований (из отчета научн. сотр. по каф. истории тюрк. нар. пр. Губайдуллину) (отд. Оттиск из т. III «Востоковедения», изв. вост. факультета Аз. гос. университета). Баку, 1928. С. 59—63.

⁴⁰ Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме / предисл. М. Гудошникова. М.; Иркутск, 1934. С. 21—23; *Его же*. Классовое лицо «атысы» Иоллыг-тегина, автора орхонских памятников // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932: сб. ст. / отв. ред. И.Ю. Крачковский. Л., 1934. С. 269—270.

⁴¹ Бернштам А.[Н.] Проблема распада ... С. 87—95.

⁴² Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 22—29.

совой борьбы в концепциях предшественников, что привело к субъективным историографическим оценкам их научного наследия»⁴³. В дальнейшем, за отсутствием специальных работ, историографические сюжеты в той или иной степени затрагивались в отдельных работах различного плана. Так, в советской историографии это были исследования, связанные с древнетюркской тематикой (Л.Н. Гумилев, С.Г. Кляшторный, М.В. Воробьев)⁴⁴, историографические работы по проблемам кочевничества (Халиль Исмаил)⁴⁵, проблемами феодализма (М.Х. Маннай-оол)⁴⁶. На Западе К.М. Кортепетер в контексте изучения генезиса османской государственности затронул взгляды некоторых авторов на проблемы социально-политической организации древнетюркских кочевников⁴⁷. С начала 90-х гг. XX в. объем историографических работ, так или иначе связанных с проблематикой настоящего исследования расширился. В.В. Трепавлов привлек литературу по истории Тюркского каганата в историографическом обзоре по проблемам преемственности политических традиций у кочевников Центральной Азии⁴⁸. Взгляды русскоязычных авторов на социально-политическую организацию кочевнических политических образований домонгольской эпохи стали предметом исследования специальных работ К.Г. Ахсанова⁴⁹, С.А. Васютина и П.К. Дашковского⁵⁰. Венгерский тюрколог Михай Добрович в

⁴³ *Дашковский П.К.* Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. С. 15; *Его же.* Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. С. 6.

⁴⁴ *Гумилев Л.Н.* Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // *Материалы по Отделению этнографии.* Л., 1961. Ч. 1. Доклады за 1958—1961 гг. С. 19, 22—24; *Его же.* Древние тюрки. С. 60—61, 63, 91—102; *Артамонов М.И.* Истрия хазар. Л., 1962. С. 421—423 прим. ** (прим. Л.Н. Гумилева); *Кляшторный С.Г.* О собственности на землю в тюркском каганате // *Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г.* М., 1979. С. 97; *Его же.* Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности // *Проблемы современной тюркологии : Материалы II Всесоюзной Тюркологической конференции. 27—29 сентября 1976.* Алма-Ата, 1980. С. 324; *Его же.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. — I тысячелетие н.э.) // *Рабство в странах Востока в Средние века / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов.* М., 1986. С. 318—319 (переиздано в кн.: *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии ... С. 467—468); *Klyashtornyi S.G.* Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia : the Legal Documents and Practical Regulations // *Central Asian Law : An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke / ed. by W. Johnson, I.F. Popova.* Топека, 2006. P. 20—21; *Воробьев М.В.* Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно). Владивосток, 1994. С. 311.

⁴⁵ *Халиль Исмаил.* Исследования хозяйства и общественных отношений ... дис. ... С. 46—49.

⁴⁶ *Маннай-оол М.Х.* Генезис и развитие феодализма в Туве (историография вопроса) // *Проблемы истории Тувы.* Кызыл, 1984. С. 111—123; *Его же.* Тува в эпоху феодализма (к вопросу о генезисе и развитии феодальных отношений). Кызыл, 1986. С. 9—25.

⁴⁷ *Kortepeter C.M.* The Origins and Nature of Turkish Power // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi.* 1968. Sayı 10—11. S. 245—258.

⁴⁸ *Трепавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica : К 750-летию «Сокровенного сказания».* М., 1993. С. 169—189; *Его же.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 13—26.

⁴⁹ *Ахсанов К.Г.* Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 157 с.; *Его же.* Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 30 с.; *Его же.* Основные концепции политогенеза в кочевых обществах в отечественной историографии // *Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение : доклады и сообщения международной научной конференции, 23—25 мая 2000 г.* Казань, 2001. С. 38—45; *Его же.* Проблема государственности тюрков-

одной из статей представил обстоятельный обзор мнений о социально-политической организации Тюркского каганата в контексте проблемы генезиса кочевнической государственности⁵¹. В отдельной полемической статье ряда западных исследований, связанных с проблемами социальной истории Тюркского каганата, отчасти коснулся С.А. Васютин⁵².

Линь Гань в 1985 г. составил обзор китайских исследований по различным проблемам истории древних тюрков (*ту-цзюэ*) с 1919 по 1984 гг., в т.ч. затрагивающих и социальную проблематику⁵³. В 2006 г. подобный обзор за период 1900—2000 гг., так же с разбивкой на основные проблемы, опубликовал Хань Чжунь-и⁵⁴. К этим работам примыкает статья Жэнь Бао-лэй «Научный обзор отечественных [исследований] по западным тюркам за последние тридцать лет (1980—2010)»⁵⁵. Турецкий китаист Эйюп Сарыташ рассматривает общую линию китайских исследований в связи с различной проблематикой ранних этапов тюркской истории⁵⁶.

Н.Н. Серегин коснулся крупнейших работ на русском языке по истории Тюркского каганата, а также подробно рассмотрел работы археологов, так или иначе затрагивающие вопросы социальной структуры населения Саяно-Алтая и Центральной Азии в целом в данный период⁵⁷.

Определенное историографическое значение имеет работа турецкого историка Абдюлькадира Донука, где сведена основная литература по древнетюркской социально-политической

кочевников в отечественной историографии // Древнетюркский мир : история и традиции. Материалы одноименной научной конференции, 24—25 января 2001 г. Казань, 2002. С. 135—141. См. также: *Его же*. Историографический обзор // История татар с древнейших времен. Казань, 2002. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / ред С.Г. Кляшторный. С. 17—34; *Его же*. Очерки истории тюркских народов. Древность и средневековье (III в. до н.э. — XII в. н.э.) : учебное пособие. Казань, 2003. С. 16—38.

⁵⁰ *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 214—286; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 92—101, 152—169, 280—295, 455—490; *Его же*. Мировоззрение ... автореф. ... С. 19—21, 24—25, 29—31, 35—36.

⁵¹ *Dobrovits M.* Natalom és törzsi rendszer a második türk kaganátusban // *Publicationes Universitatis Miskolcensis. Sectio Philosophica.* 2004. Т. 9. Fasc. 3. 53—59. о. (Переиздано в кн.: *Dobrovits M.* Vámbéryval a harmadik évezredben. Dunaszerdahely, 2010. 103—111. о.).

⁵² *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология.* 2010. № 10(1). С. 34—39. В этой публикации, посвященной критике концепции Т.Дж. Барфилда, С.А. Васютин обращает внимание на некоторые моменты в исследованиях других специалистов.

⁵³ *Линь Гань.* Цзинь лю-ши юй-нянь (1919—1984) го-на ту-цзюэ ши янь-цзю пин шу // *Минь-цзю янь-цзю.* 1985. № 6. С. 68—75 (на кит. яз.).

⁵⁴ *Хань Чжунь-и.* Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзю (1900—2000 нянь) // *Цин-хай минь-цзю янь-цзю.* 2006. Цз. 17. Вып. 1. С. 89—94 (на кит. яз.). Следует отметить, что работа содержит много опечаток, а некоторые детали выходных данных, в т.ч. в именах авторов и названиях публикаций, иногда вовсе приводится неверно. Мы учли это и внесли соответствующие исправления.

⁵⁵ *Жэнь Бао-лэй.* Го-нэй цзинь сань-ши нянь си ту-цзюэ янь-цзю цзянь шу (1980—2010) // *Си-юй янь-цзю.* 2011. № 4. С. 128—135 (на кит. яз.).

⁵⁶ *Sartaş E.* Certain Thoughts of Modern Chinese Researchers on Turkish Perception // *А. Ясауи университетінің хабаршысы.* 2012. № 1(77). 163—164 б.

⁵⁷ *Серегин Н.Н.* Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // *Теория и практика археологических исследований.* Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 145—157; *Его же.* Социальная структура населения тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии по материалам погребальных комплексов (историографический аспект) // *Известия Алтайского государственного университета.* 2012. № 4—2(76). С. 184—187; *Его же.* Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013. С. 7—14, 14—22, 65—66, 114—115, 120—121.

терминологии и военно-административной титулатуре⁵⁸. Краткий обзор наиболее важных работ по титулатуре рассмотрены в книге Хатидже Ширин Усер⁵⁹. Обзор литературы по титулатуре в связи с личной ономастикой составлен финляндским тюркологом Ф. Рыбацки⁶⁰. В контексте социальной проблематики также интересна статья об истории изучения права тюрков доисламского периода в турецкой историографии, которую написал Муртеза Бедир⁶¹. Следует обратить внимание на некоторые историографические публикации, связанные с вопросами истории древних тюрков VI—X вв., более общего плана, в частности статьи Айхана Байоглу о работах турецких ученых⁶² и обзор работ монгольских историков и археологов в монографии Б. Батсүрэна⁶³.

В целом со времен постановки проблемы В.В. Бартольдом, когда изучение социальной истории Тюркского каганата только начиналось, ее историография так не развилась в самостоятельное направление. Мы имеем лишь совокупность многочисленных исследований по историографии социальной истории кочевничества, а также отдельных историографических сюжетов или полемических заметок касательно древнетюркской эпохи⁶⁴.

Теоретико-методологическую основу работы составляет совокупность методов исследования, как специальных, так и общенаучных. Методология работы базируется на принципах *объективности* и *историзма*. Объективность проявляется в том, что, отталкиваясь от понимания факта существования множества научных школ и, соответственно, различной интерпретации и теоретического осмысления одних и тех же исторических явлений и процессов, мы всячески избегаем методологического детерминизма. Принцип историзма способствует изучению взглядов ученых на социально-экономические отношения и социально-политическую организацию древних тюрков VI—VIII вв. в развитии и исторической обусловленности, поскольку те

⁵⁸ Donuk A. Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler. İstanbul, 1988. См. так же библиографию: Aynı eser. S. 111—121. Ср.: Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. 4. bk. İstanbul, 1997 (Ötüken Neşriyat ; Yayın Nu : 376. Kültür serisi ; 128). S. 273 dipnot 334.

⁵⁹ Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları ... S. 37—38.

⁶⁰ Rybatzki V. Forschungsgeschichtliche Notizen zur zentralasiatischen Onomastik // Remota Relata. Essays on the History of Oriental Studies in Honour of Harry Halén / ed. J. Janhunen & A. Parpola. Helsinki, 2003 (Studia Orientalia. Vol. 97). P. 245—261.

⁶¹ Bedir M. Osmanlı Öncesi Türk Hukuk Tarihi Yazıcılığı // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. 2005. Cilt 3. Sayı 5. Türk Hukuk Tarihi. S. 27—84.

⁶² Байоглу А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири : турецкая историография XIX—XXI вв. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 4(96). С. 124—140; *Его же*. Древние тюрки Центральной Азии в исследованиях турецких ученых XX века // Бюллетень (Newsletter). Екатеринбург, 2011. Вып. 1. Материалы конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 21—22 мая 2010 г.). С. 28—39. Мы не прибегали к использованию другой статьи А. Байоглу «Древние тюрки в исследованиях российских ученых (1917—1930-е)» (Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 301—306), т.к. она содержит значительную долю некорректных заимствований, почерпнутых из работы Л.Н. Гумилева (см. выше).

⁶³ Батсүрэн Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун). Улаанбаатар, 2009. iv—vii дугаар тал.

⁶⁴ Совершенно несостоятельной следует признать попытки обзора историографии в монографии Р.Т. Ганиева. Привлечена далеко не вся литература, а та, что привлечена, преподнесена бессистемно, обзор же теорий политогенеза Тюркского каганата носит несамостоятельный и реферативный характер (Ганиев Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI—VIII веках. Екатеринбург, 2006. С. 15—28, 53—60).

или иные научные взгляды или концепции не могут рассматриваться без учета общего состояния научного знания на конкретном хронологическом этапе, как и состояния общества, внутри которого они появляются. Именно понимание общего состояния духовной культуры и уровня развития науки этих обществ, — обстоятельство, наиболее важное для историографических исследований, — подразумевает применение также *принципа диахронии* в ходе критического рассмотрения определенных явлений локального характера в историографии, а также историографических фактов в глобальном общенаучном контексте.

В работе был использован ряд типичных для историографических исследований методов. *Хронологический метод* видится необходимым ввиду общего характера проблематики настоящей работы и ее неразработанности в целом. В совокупности с ним применялся *метод периодизации*, важный для выявления этапов изменения в историографической мысли как в общенаучном масштабе, так и в рамках развития исторической науки в отдельных странах. Это также тесно связано с задачей обоснования хронологических рамок каждого конкретного выделяемого периода, выявления основных вех — своеобразных отправных точек для отсчета того или иного этапа, что подразумевает увязку начала каждого из них с каким-либо историческим событием или фактом. При этом они могут носить как объективный, — имеющий определяющее значение в масштабах для всего исследовательского направления, — характер, как, например, открытие, расшифровка и перевод Хошо-Цайдамских памятников, так и субъективный, как, например, установление республики в Турции или коммунистического режима в России и на территории государственных образований ряда тюркоязычных народов Средней Азии и Кавказа, падение которого, соответственно, также имело определяющее значение для трансформации всей гуманитарной научной мысли в рамках этих территорий. С учетом этих факторов при выделении этапов мы ориентировались, во-первых, на изменение состояния массива источников базы по истории древних тюрков VI—VIII вв., и, как следствие, изменения в методике исследований, во-вторых, на эволюцию методологической базы работ по кочевничеству. При этом касательно данной стороны периодизации мы исходили из исследований того или иного периода, содержащих наиболее прогрессивные тенденции для того времени, а не из общего массива работ, в особенности, отражающих наиболее распространенную на тот конкретный период точку зрения на кочевнические общества. Эти явления рассматривались нами как инерция и были отнесены к предшествующим этапам. Поэтому периодизация исследований, предлагаемая в настоящей работе, не характеризуется четкими, строго определенными временными границами. *Историко-генетический (ретроспективный) метод* используется для выявления причинно-следственных связей между определенными школами, исследовательскими направлениями, концепциями и взглядами ученых, а также понимания их истоков, природы, условий и хода формирования, выяснения вопросов преемственности или опосредованного влияния на тео-

ретическую, методологическую, концептуальную или содержательную стороны конкретных работ. *Проблемный метод* применялся при выделении и рассмотрении основных проблем историографии социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. *Перспективный метод* мы использовали, намечая направления для будущих исследований, исходя из выявленных проблем существующих работ.

Названные специальные методы органично вписываются в канву использованных в работе общенаучных методов, наиболее распространенных в исторических исследованиях. Прежде всего, это *системный метод*, предполагающий рассматривать развитие научных взглядов и подходов к изучению древнетюркского общества как целостную развивающуюся систему. Органически связан с ним *метод анализа*, поскольку понимание общих направлений и закономерностей развития научной мысли, — научных методов, подходов, задач, — в области изучения древнетюркского общества может быть достигнуто только при понимании отдельных элементов системы, которые под разными срезами на разных таксономических уровнях могут быть представлены, во-первых, взглядами, предпочтениями, способностями и возможностями отдельных ученых, методологическими особенностями той или иной научной школы, историографическими традициями конкретной страны, во-вторых, объемом и состоянием изученности источниковой базы на конкретном хронологическом этапе, степенью развития методов работы как с конкретным источниковым материалом, так и с группой источников различного характера и т.д. История изучения древнетюркского общества — это динамический сложный процесс возникновения, развития и перетекания друг в друга отдельных взглядов, требующий выявления причин, условий и взаимосвязи названных явлений; он представляет собой многослойную и многомерную, постоянно изменяющуюся во времени и пространстве систему, что предполагает учет в едином комплексе всех ее элементов, различных по своей природе и характеру.

Невозможно было бы избежать использования *дедуктивного* и *индуктивного методов*. Обусловленность применения *дедуктивного метода* проистекает из самого того обстоятельства, что изучение подходов к оценке социо- и политогенеза древних тюрков VI—VIII вв. не может происходить в отрыве от общетеоретических разработок по оценке закономерностей социальной истории кочевнических обществ. Но вместе с тем для понимания особенностей становления и развития отдельных исследовательских школ и направлений в канве общенаучных тенденций применялся *индуктивный метод* при использовании также *конкретного анализа*, предполагающего рассмотрение развития историографических явлений в конкретно-исторической обстановке, — в конкретной стране, в на конкретном хронологическом этапе, — с учетом характерных для нее субъективных факторов, способных оказать влияние на развитие науки, и *логического анализа*, помогающего перенести и спроецировать тенденции, характерные для отдельного исследовательского направления, на масштабы историографической тради-

ции страны, в рамках которой оно развивается, или шире — понять его место среди общих, объективных тенденций в науке. Использование названных приемов исследования венчает *метод синтеза*, благодаря которому мы имеем возможность обобщить и свести в единую, всестороннюю и максимально приближенную к объективности картину все полученные выводы.

Особенностью работы является то, что предпочтение отдавалось в отдельных случаях тому или иному методу ввиду различных степени изученности и уровня проработки историографического материала, разбитого нами по определенным группам, как в частности, так и в совокупности в рамках выделенных групп.

Научная новизна работы. Настоящая работа является первым специальным историографическим исследованием проблем социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. В работе обобщены основные достижения в историографии вопроса, выявлены проблемы исследований, намечены задачи для последующих работ. Впервые проводится критический анализ исторических работ за весь период изучения истории Тюркского каганата, что позволяет произвести систематизацию взглядов исследователей, предложить периодизацию и представить целостную картину эволюции исторических концепций социальной и политической истории этого исторического политического образования тюркоязычных народов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории тюркоязычных народов, равно как и привлечены к исследованиям социальной истории кочевнических народов, поскольку в известной форме обобщают и подытоживают достижения огромного существующего фонда работ всего предшествующего периода. Материалы исследования могут найти практическое применение как при написании научных трудов, так и при подготовке учебных курсов и составлении учебных и справочных пособий по истории исторической науки, истории востоковедения, истории тюркологии, а также ряда смежных дисциплин: этнографии / этнологии / культурной (социальной) антропологии, тюркской филологии, археологии и др. Собранные автором материалы также могут служить дополнением к библиографии по истории и культуре древних тюрков VI—X вв.

Основные положения, выносимые на защиту⁶⁵:

— социальная история Тюркского каганата VI—VIII вв. за редкими исключениями не становилась предметом специального исследования в работах ученых, соответственно историография проблемы не разработана, периодизация отсутствует;

— в настоящем исследовании предлагается выделение пяти этапов изучения социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.: (1) середина XVIII — конец XIX вв.; (2) конец

⁶⁵ Ниже приводится освещение выводов, нашедших отражение как в основной части диссертационного исследования, так и в разделах, вынесенных в связи с большим объемом в Приложение к основной части работы.

XIX — 20-е гг. XX вв.; (3) 30-е — 50-е гг. XX в.; (4) 60-е — 80-е гг. XX в.; (5) с 90-х гг. XX вв. по настоящее время. Периодизация обусловлена наиболее значительными переменами в древнетюркском источниковедении, а также методике, теории и методологии кочевниковедческих исследований⁶⁶;

— период, начавшийся с появлением в первых работ, затрагивающих историю Тюркского каганата, в середине XVIII в., предшествующий открытию и расшифровке памятников древнетюркской рунической письменности, характеризуется введением в научный оборот первых сведений китайских авторов (Ж. Дегинь, К. Видлу, Н.Я. Бичурин (Иакинф) и др.) и одновременно выявлением (пока еще вне каких-либо определенных методологических установок) основных проблем этнической и социальной истории кочевнических обществ; он должен рассматриваться как подготовительный этап изучения древнетюркского общества;

— социальная история древних тюрков VI—VIII вв., как и всех других кочевнических народов степной зоны Евразии, неразрывно связана с их этнической историей ввиду специфики этнических процессов, характерных для кочевнических обществ;

— начало изучения социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. может отсчитываться с момента нахождения, расшифровки и издания первых переводов памятников древнетюркской рунической письменности в конце XIX в. и последовавшим потоком работ по их интерпретации (В.В. Радлов, В.В. Бартольд и др.);

— работы В.В. Радлова и Г. Вамбери, благодаря привлечению, прежде всего, сравнительно-этнографического материала, положили начало исследованию специфики социальных процессов у кочевнических народов, заложив основы для методологической базы; продуктивнее всего дальнейшее развитие эта линия нашла в венгерской историографии (Д. Немет и др.). В.В. Бартольд поставил проблему специфики отношений кочевнических обществ с оседло-земледельческим населением, разрабатывавшуюся позже в работах О. Латтимора, В. Эберхарда, А.М. Хазанова, Т.Дж. Барфилда, Н.Н. Крадина и др.;

— в советской историографии кочевничества в работах авторов периода 20-х — 40-х гг. XX в., изучавших проблемы истории древнетюркского общества (А.С. Букшпан, С.П. Толстов, А.Н. Бернштам) просматриваются попытки вписать особенности этнических и социальных процессов у кочевников в марксистские методологические схемы; в дальнейшем здесь, как и в марксистской историографии зарубежных стран, прежде всего, Монголии и Китая, возобладала догматическая трактовка социальных отношений в Тюркском каганате;

— в 60-е — 70-е гг. XX в., благодаря работам этнографов (Б.Г. Кузеев, Г.Е. Марков, А.И. Першиц, А.М. Хазанов, и др.) и археологов (А.Д. Грач, Д.Г. Савинов), советская историография обнаруживает полную неспособность своего подхода к рассмотрению кочевнических

⁶⁶ Критерии периодизации обоснованы в Приложении 8.

обществ, а в их общем ряду и древнетюркского, с позиций универсальной стадияльной схемы исторического процесса;

— западноевропейские и американские специалисты, продолжавшие придерживаться интерпретации социальной истории кочевнических обществ евразийских степей по линии, заданной В.В. Радловым, тем не менее, специально не разрабатывали эту проблематику в отношении Тюркского каганата, однако важные аспекты социальной жизни древних тюрков VI—VIII вв. нашли отражение в работах ученых с филологической направленностью (А. фон Габэн, О. Прицак, Д. Синор, сэр Дж. Клосон, Р. Жиро, Л. Базен, П.Б. Голден и др.);

— турецкая республиканская историография, с самого начала будучи, тесно связанной с формированием политической идеологии молодого государства, имела в основе предложенную М. Фуагом (Кёпрюлю) концепцию преемственности социально-политических институтов от кочевнических племен Центральной Азии до османов, и долгое время сохраняла, прежде всего, социальную ориентацию, говоря о линейном развитии, либо о бытовании основных институтов у тюрков с древнейших времен;

— начало 90-х гг. XX в. отмеряет новую веху в изучении истории древнетюркского общества VI—VIII вв., что было определено, прежде всего, факторами политического характера; период может характеризоваться началом интеграции различных методик и методологических направлений исследований, появлением специальных и междисциплинарных исследований;

— привлечение конкретного источникового материала по истории Тюркского каганата в дискуссиях по проблемам кочевнических обществ демонстрирует важность изучения внутренних аспектов социальной жизни кочевников Евразии в целом, показывая неспособность теоретических обобщающих схем отразить особенности их социальной истории.

Апробация работы. Предварительные наработки, основные идеи и заключения исследования озвучивались автором в виде докладов и подвергались обсуждению научным сообществом в ходе ряда научных мероприятий различного уровня (круглых столов, международных, межинститутских и внутриинститутских конференциях, конгрессах) в период 2010—2015 гг., проходивших в Москве, Санкт-Петербурге, Звенигороде, с публикацией текстов докладов или тезисов по результатам многих из них. Отдельные положения исследования были представлены в нескольких научных статьях, в т.ч. в изданиях, входящих в список ВАК.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка сокращений памятников и текстовых приложений обязательного и справочного характера, составляющих отдельный том.

Глава 1. НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ. ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ И ВЫРАБОТКА МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. НАПИСАНИЕ ПЕРВЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ (середина XVIII — конец XIX вв.)

Уже первые исследователи Южной Сибири, немецкие ученые, находившиеся на службе у российского императорского Двора, участники экспедиций, организовывавшихся с начала XVIII в., оставляли отдельные, случайные и разрозненные, заметки о социальной дифференциации у населения региона предшествующих эпох, составлявшиеся на основе как собственных наблюдений, так и первых попыток интерпретации уже тогда многочисленных древностей, полученных при раскопках, прежде всего, в долине Среднего Енисея (Д.Г. Мессершмидт, Ф.Й. Страленберг, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Э. Фишер, П.С. Паллас)⁶⁷. Однако несовершенство методов археологии, проходившей лишь период становления, а также отсутствие базы письменных источников, объективно не позволяло тогда сделать какие-либо далеко идущие выводы по поводу датировки и атрибуции имевшегося вещественного материала.

Накопление первых сведений о древних тюрках связано с работами французских миссионеров-иезуитов, развернувших в XVII—XVIII вв. в Китае широкую деятельность по сбору и переводу китайских источников.

Изучение же истории древних тюрков берет начало от пятитомной книги профессора Сорбонны и хранителя древностей в Лувре Ж. Дегиня, написанной на основе переводов китайских источников и представляющей несколько стилизованный пересказ их сведений (1756—1758, 1824 гг.)⁶⁸. Работа отразила тогдашний уровень науки, когда, как справедливо заметил уже К.А. Инostrанцев, еще не существовало таких дисциплин, как лингвистика, этнография и этнология⁶⁹. Ж. Дегинь еще не разделял кочевников азиатских степей по этнографическим или языковым группам, по традиции именуя всех их *татарами*, однако, в основу классификации

⁶⁷ См., напр.: *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Изучение социальной структуры средневекового населения Среднего Енисея немецкими учеными в XVIII—XIX вв. // Социальная организация и этногенез первобытных обществ : теория, методология, интерпретация : материалы всероссийской конференции. Кемерово, 1997. С. 65—68.

⁶⁸ *Deguignes J.* Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongoles, et des autres Tartares Occidentaux. Paris, 1756. Т. 1. Pt. 2. P. 367—461, 462—506.

⁶⁹ *Иностраницев К.А.* Хунну и гунны ... С. 6—7, 13.

им был положен принцип политического и географического разделения: так, к «восточным татарам» здесь отнесены исключительно племена, причисляющиеся ныне большинством ученых к монгольской языковой группе, — *то-ба*, *сянь-бэй*, *жоу-жань*, *ку-мо-си*, кидане, — когда к «западным татарам» — хунны (*сюн-ну*), тюрки (*ту-цзюэ*) и монголы⁷⁰. Назвавший такое деление «политической классификацией» К.А. Иностранцев признавал, что собственно Ж. Дегинь «нигде в своем сочинении не высказывался по этому поводу»⁷¹. По-видимому, такое разделение кочевников восходит к Б. д'Эрбело, автору энциклопедии «Восточная библиотека» (первым изданием вышедшей в 1697 г. посмертно), собравшего упоминания о тюрках в мусульманских источниках и, видимо, считавшего их одной нацией (*гасе*), но условно выделившего тюрков западных, к которым он относил османов, и восточных, «общая история» которых представлена в мусульманских источниках и касается «Моголов» и «Татар», а также ряд народов Средней Азии⁷².

Лишь в 1779 г. в качестве дополнения к переизданию энциклопедии Б. д'Эрбело издана работа К. Видлу об истории степных народов, написанная больше чем на полстолетия раньше⁷³. «Этот классический труд..., — как писал позже (1899 г.) Д.М. Позднеев, — <...> постигла почему-то замечательная судьба: об нем почти нет упоминаний в ученых сочинениях, из него почти не встречается цитат», а ведь между тем «перевод сделан прекрасно, не затемнен никакими предвзятыми идеями и толкованиями автора. У него встречается много пояснений к тексту, но они только являются результатами его эрудиции, дополняют материал и не вносят ничего произвольного в исследование». Основным же достоинством перевода, по мнению Д.М. Позднеева, являлось то, что переводчик, «видимо, признавал за китайскими авторами одни и те же общечеловеческие законы логики» и «применял к ним те же требования, какие предъявлял и к себе и ко всем вообще людям», т.е. не объяснял несообразностью авторов трудные места в переводах⁷⁴. В названной работе К. Видлу, по словам Д.М. Позднеева, «не задается целью проследить этнографическое родство и происхождение среднеазиатских племен, если только последнее не указывается китайскими летописцами мимоходом; он дает историю народов, “qui ont paru avec éclat dans ce vaste past” (Tartarie), т.е. обращает на них внимание только с того момента главным образом, когда они занимали выдающееся, а иногда первенствующее ме-

⁷⁰ Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 7—8, 13.

⁷¹ Там же. С. 7 прим. 2.

⁷² [d'Herbelot B.] Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient ; leurs histoires & traditions, tant fabuleuses que véritables ; leurs religions & leurs sectes; leurs gouvernements, loix, politique, moeurs, coutumes ; & les révolutions de leurs empires ; Les arts et les sciences ... Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poètes, historiens, capitaines, & de tous ceux qui se sont rendus illustres par leur vertu, leur sçavoir ou leurs actions. Des jugemens critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc sur toutes sortes de matières & de professions. La Haye, 1778. Т. III. N—Z. P. 539—543; д'Эрбело де Молневиль Б. Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки) / пер. с франц. А. Акимовой. Ташкент, 2002. С. 88—95.

⁷³ Visdelou C. Histoire de la Tartarie // Bibliothèque orientale ... Т. IV. P. 46—249.

⁷⁴ Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899. С. IX, X—XI.

сто в ряду кочевых племен Средней Азии»⁷⁵. Последнее утверждение вполне справедливо и перекликается с высказыванием К.А. Иностранцева по отношению к другим появившимся с середины XVIII в. переводным работам, связанным в т.ч. с историей древних тюрков VI—VIII вв., авторы которых «занимались ими только попутно, в связи с историей Среднего царства, а не ради самих народов, не для выяснения их происхождения и истории»⁷⁶. Речь идет о таких работах, как труд по истории династии Тан А. Гобиля, часть которого, содержащая сведения о тюрках (*ту-цзюэ*), была опубликована в XV-м томе мемуаров французских миссионеров⁷⁷, и много-томном труде по истории Китая Ж.-А.-М. де Майя, повествование о древних тюрках содержит VI-й том которого⁷⁸. Хотя эти работы не были ни исследованиями, ни переводами в прямом смысле этого слова, представляя собой, по сути, лишь переложения сведений китайских авторов, поскольку повествование дополнялось комментариями самих переводчиков или сокращалось по их усмотрению⁷⁹, — соответственно, им был присущ китаецентризм и некритическое отношение к источникам, как и чужд интерес к законам исторического процесса, в т.ч. и к социальной проблематике⁸⁰, — тем не менее, именно с именами указанных авторов связано введение в оборот исторических сведений китайских летописей о кочевнических народах, в т.ч. народе *ту-цзюэ* (они оставались актуальными вплоть до появления переводов Ст. Жюльена)⁸¹. Однако эти собрания фактов дали возможность в последующем приступить к написанию цельной истории кочевников Центральной Азии путем их обобщения и сопоставления⁸².

Работа К. Видлу, однако, важна еще тем, что он развил «географическую» классификацию Б. д'Эрбело, разделив Восточную и Западную «Татарии» по р. Обь. Также он отметил тождественность названия *Скифия* латинских и греческих авторов и более позднего *Татария* как обозначения одной территории населения этих народов, также именующихся мусульманами *турк*⁸³. Поэтому можно считать, что «политическая классификация» Ж. Дегиня была значительным шагом вперед.

⁷⁵ Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров ... С. XI.

⁷⁶ Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 6.

⁷⁷ Gaubil A. Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie des Tang // Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, etc. des chinois : Par les Missionnaires de Pékin. Paris, 1791. Т. XV. P. 399—516.

⁷⁸ [Mailla J.A.M.] Histoire générale de la Chine : ou, Annales de cet empire ; traduites du Tong-kien-kang-mou par de Mailla. Paris, 1778. Т. VI. 587 p.

⁷⁹ Козьмин Н.Н. Предисловие. С. IX.

⁸⁰ См.: Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX века). М., 1988. С. 41.

⁸¹ Julien S. Documents historiques sur les Tou-kiue (Turcs). Extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois // Journal Asiatique. 1864. Ser. 6. Vol. III P. 325—367, 491—549; Vol. IV. P. 201—242, 391—430, 453—477.

⁸² См. также: Гольман М.И. К периодизации изучения Монголии на Западе // Избранные статьи и доклады / ред.-сост. С. Чулуун. Улан-Батор, 2014. С. 160. Мнение Л.Н. Гумилева, что именно данные переводы А. Гобиля и Ж.-А.-М. де Майя использовал Ж. Дегинь (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 92), не точно и, по-видимому, основано на неверном понимании указания К.А. Иностранцева, говорившего о других трудах этих ученых (Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 5, 6).

⁸³ Visdelou C. Histoire de la Tartarie. P. 47.

Книга Ж. Дегиня важна первыми попытками осмысления социально-политической истории кочевнических народов. Описывая историю тюрков, он возводил истоки их государственности к хуннам. При этом говоря о наименованиях кочевнических народов, он отмечал не этнический, а политический характер этих наименований: «Турецкая орда, получив власть, дала свое имя всему остальному народу, или, скорее, другие народы знали гуннов только под именем турок, как впоследствии Чингис-хан из орды монголов был причиной того, что имя монгол сделалось именем почти всех татар»⁸⁴. «Подобные превращения одного народа в другой встречаются там сплошь да рядом, — комментировал К.А. Иностранцев. — Не зная этого обычая, совершенно нельзя понять истории этих народов»⁸⁵. Ж. Дегинь не может рассматриваться как родоначальник какой-либо из этнических теорий, но он прямо указывал политическое преемство между хуннами, тюрками (*ту-цзюэ*) и монголами⁸⁶.

Ряд важных вопросов, как показал О. Латтимор, связанных с социальной историей кочевничества, был фактически поставлен уже английским историком Э. Гиббоном, автором 12-томной «Истории упадка и разрушения Римской империи» (1776—1787 гг.), хотя не сумевшим пойти дальше описания объективно ввиду соответствующего уровня развития науки⁸⁷. Английский историк исходил из известных тогда данных о скифах и «татарах» (*Tartar*), о которых говорил в общем⁸⁸, не подразумевая конкретные народы, хотя также упоминал выражение «Татарская раса»⁸⁹, иногда понимая под этим древних монголов, использованные им источники о которых он также перечисляет⁹⁰. Кроме того, он использовал работу Ж. Дегиня, чьи сведения привлек для описания ранней истории гуннов, которых вслед за Ж. Дегинем связывал с *сюнну*⁹¹. Противоречивые и сбивчивые знания Э. Гиббона об истории тюрков до их соприкосновения с византийцами, кроме греческих источников, черпались им из работ Ж. Дегиня и К. Видлу⁹². Однако он отметил несколько важных моментов, связанных с социальной жизнью кочевников. Во-первых, это слабая привязанность их к территории, а скорее к «лагерю», т.е.

⁸⁴ Цит. по: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 8.

⁸⁵ Там же. Это, однако, не было учтено, например, советской историографией, не видевшей в работе Ж. Дегиня социальной проблематики (См.: *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе ... С. 40—41).

⁸⁶ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 12. К.А. Иностранцев свел все рассуждения Ж. Дегиня к следующему выводу: «Хунну было кочевое государство, из которого впоследствии вышло турецкое, а затем и монгольское». Позже эта формулировка перекочевала в работу А.Н. Бернштама (*Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 23. Ср.: *Его же.* Проблема распада ... С. 88), по которой ее цитировал позже В.В. Трепавлов, по недоразумению приписав ее самому Ж. Дегиню (*Трепавлов В.В.* Традиции государственности ... С. 174; *Его же.* Государственный строй ... С. 18).

⁸⁷ См.: *Lattimore O.* The Social History ... P. 328—331, 338. В русскоязычном переводе есть последнее издание: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи : Закат и падение Римской империи : в 7 т. / пер. с англ. М., 2008. Т. 3. С. 160—171, 217—221 (примечания).

⁸⁸ *Lattimore O.* The Social History ... P. 329.

⁸⁹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения ... Т. 3. С. 166.

⁹⁰ Там же. С. 162, 219 прим. 7.

⁹¹ Там же. С. 166, 219—220 прим. 10, с. 171, 221—222 прим. 27. См. также: *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 12 прим. 2.

⁹² *Гиббон Э.* История упадка и разрушения ... Т. 4. С. 507—515, 548—550 (примечания).

своему сообществу; во-вторых, это влияние их образа жизни, связанного с ездой верхом и охотой на их воинские качества и формирование дисциплины в их организации; в-третьих, это сохранение в памяти каждого из них своей генеалогии и использование ее в качестве основы своей организации, что проявлялось в усыновлении «самых храбрых и самых надежных между пленниками», т.е. фиктивная система родства; при этом он отмечал, что вожди отдельных племен, почитаемые на уровне отца, в мирное время имели функции судьи, в военное — главнокомандующего; территориальные споры между такими семьями улаживались как военными действиями, так и договоренностью, но со временем в силу разных обстоятельств эти «кочующие орды» объединялись в «национальные общины» под предводительством сильнейших вождей, отличавшихся особыми личными качествами, но при этом и побежденные допускались «к пользованию плодами победы», сам же хан приближал к себе наиболее надежных последователей, верность которых поддерживал при помощи подарков; непосредственная власть такого хана ограничивалась территорией его собственного племени, а его прерогативы были ограничены регулярно собирающимся советом предводителей племен (курултай), но права правления передавались только по линии кровного родства; в этом ученый находил «зародыши феодальной системы правления», однако племенные столкновения приводили к установлению деспотической власти над окружающими народами, платившими хану дань, а после укрепления власти хан вел свои орды на завоевания; под влиянием оседлой культуры эта система разваливалась⁹³. При этом, хотя Э. Гиббон прямо об этом не говорил, но, как полагает О. Латтимор, по-видимому, он рассматривал историю таких объединений в циклическом движении⁹⁴, хотя Э. Гиббон указывал, что постоянных и дальних перемещений памяти о прошлых завоеваниях у этих «варваров» не могло сохраняться⁹⁵.

Ряд важных работ, связанных с китайскими источниками, вышел в 20-е гг. XIX вв.⁹⁶ Некоторое развитие воззрения Ж. Дегиня получили в работе Ж.-П. Абель-Ремюза, посвященной «языкам татар»⁹⁷. Ученый писал, что под китайской транскрипцией *ту-цзюэ*, следует видеть этноним *турк*, а также первым указал на этническую связь тюрков с *сюнну*, считая тюрков наиболее древним народом Азии⁹⁸. Продолжение эти взгляды получили в рецензии Ж.-П. Абель-Ремюза на изданные в 1818 г. «Записки о сибирских древностях» Г.И. Спасского, в

⁹³ Гиббон Э. История упадка и разрушения ... Т. 3. С. 165, 166—167, 167—169. См.: Lattimore O. The Social History ... P. 329—331.

⁹⁴ Lattimore O. The Social History ... P. 331.

⁹⁵ Гиббон Э. История упадка и разрушения ... Т. 3. С. 169—170.

⁹⁶ Следует указать, что публикация в первой половине XIX в. в трудах Д.Х. Френа «первоисточников по истории тюрков», произведений мусульманских (арабских, персидских и тюркских) авторов (Литвинский Б.А. Исследование кочевых народов ... С. 176), не оказала никакого влияния на изучение древнетюркского общества.

⁹⁷ Abel Rémusat [J.-P.] Recherches sur les langues Tartares, ou Mémoires sur différens points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains. Paris, 1820. Т. I. См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 51—58.

⁹⁸ Abel Rémusat [J.-P.] Recherches ... P. 325, 326—327.

которой он также впервые высказался за принадлежность рунического письма найденных в Южной Сибири памятников⁹⁹. В 1823 и 1826 гг. двумя изданиями вышла книга Ю. Клапрота, два раздела которой посвящены истории древних тюрков, хотя преимущественно западных, и уйгуров¹⁰⁰. Кроме того, что этот ученый опроверг некритические построения И.Я. Шмидта, отождествлявшего *сюн-ну* и *ту-цзюэ* с монголами¹⁰¹, в 1827 г. он опубликовал статью, где, развивая взгляды Ж.-П. Абель-Ремюза, убедительно обосновал тождество *ту-цзюэ* с тюрками¹⁰².

Французский анатом А. Демулен сумел использовать труды всех упомянутых выше авторов для написания сочинения под названием «Естественная история человеческих рас северо-востока Европы, северной и восточной Азии и южной Африки...», важного несколькими замечаниями. А. Демулен рассматривал название скифов у Геродота, подразделявшего их на три группы, как «собирательное имя», объединяющее народы различного происхождения и языка, но исходил при этом из представления, где жили современные ему народы¹⁰³. А. Демулен находил там и *тюрков*, которых на основе того, что Менандр именует их *скифами* (*Σκύθαι*) [Men. Fr., 45], собственно и считал западными скифами¹⁰⁴, рассматривая как представителей «белой расы»¹⁰⁵. Он считал, что тюрки, «светловолосые, голубоглазые», по китайским источникам, с глубокой древности жили на территории от склонов Алтая до долины Енисея, но до возвышения «великой империи тюрков» над ними господствовали орды «монгольской расы», создавшие империи *сюн-ну*, *сянь-бэй*, *жоу-жань*¹⁰⁶. Однако в эти места тюрки пришли, по мнению автора, больше доверявшего западным источникам и своей логике, полемизируя при этом и с Ж. Дегинем и с Ю. Клапротом, с территории на севере от Каспийского моря¹⁰⁷. Монголоидность многих современных ему тюркских народов он объяснял влиянием «монгольской расы»,

⁹⁹ *Abel Rémusat J.-P.* [Рец. на] *Inscriptionibus Sibiricae: de antiquis quibusdam sculpturis et Inscriptionibus in Sibiria repertis, scripsit Gr. Spassky. Petropoli, 1822, in 4.° oblong // Journal des Savants. Octobre, 1822. P. 600. См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 13; Vasilyev D.D. Turkic Runic Inscriptions on Monuments of South Siberia. P. 118.*

¹⁰⁰ *Klaproth J.* *Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'à nos jours, accompagnés de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde. Paris, 1823; 1826. P. 101—120, 121—130.*

¹⁰¹ *Schmidt I.J.* *Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter. St. Pétersburg; Leipzig, 1824. S. 41. См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 27—29, 34—36.*

¹⁰² *Klaproth J.* *Memoire sur l'identité des Thou khiu et des Hioung nou avec les Turcs // Journal Asiatique. 1827. T. VII. P. 257—268. См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 58—59.*

¹⁰³ *Desmoulins A.* *Histoire naturelle des races humaines du nord-est de l'Europe, de l'Asie boréale et orientale, et de l'Afrique australe, d'après, des recherches spéciales d'antiquités, de physiologie, d'anatomie et de zoologie, appliquée à la recherche des origines des anciens peuples, à la science étymologique, à la critique de l'histoire, etc. Paris, 1826. P. 17, 22.*

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 30.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 71, 79.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 29—30. Сообщение о том, что тюрки предлагали металл византийскому посольству, представлялось ученому очень важными, т.к. это совпадало с данными китайских источников и современной ему информацией о месторождениях в долинах Алтая и р. Енисей (*Ibid.* P. 31—32).

¹⁰⁷ *Ibid.* P. 84—89.

например, *сюн-ну*¹⁰⁸. Подобное членение народов по расовому признаку может рассматриваться как крайняя степень «географической» классификации, ее тупиковый вариант¹⁰⁹.

В 1828 г. российский китаист, чуваш тюрк по происхождению, Н.Я. Бичурин (в монашестве — Иакинф) в историческом разделе «Записок о Монголии» дал краткий очерк истории *ту-цзюэ* по китайским источникам¹¹⁰. Уже в этой работе он выказал свое понимание общественного устройства кочевых народов: «Монголам известен один только образ правления — удельный. Они разделяются на поколения или уделы, называемые Аймаками. Целое государство или народ получает у них название от имени господствующего дома, а каждый Аймак от владетельного поколения. С падением владетельных домов народ их не теряет своего бытия, но с переменною оных получает только новые названия. Сим образом один и тот же Монгольский народ существует от древнейших времен доныне, под разными только именами». Этот «один и тот же» народ именовался в разные времена *Хунну*, *Сяньби*, *Жужу*, *Тулга*, *Кидань*, *Татань*, *Монгол*, он, оставаясь «в неизменном образе пастушеской жизни», не стал бы неизвестен, если бы не соседство Китая, чья история оказалась тесно связана с его историей¹¹¹.

Важнейшим для изучения истории древних кочевых народов стало издание в 1851 г. другого, последнего, труда Н.Я. Бичурина, содержащего расширенные переводы китайских летописей, замечания и комментарии к ним¹¹². При этом здесь он довольно жестко критиковал своих предшественников, Ж. Дегиня и Ю. Клапрота¹¹³. Н.Я. Бичурин (Иакинф) выступал за монгольское происхождение «тугю» (*ту-цзюэ*) и «хойху» (*хуэй-гэ*)¹¹⁴, что Д.М. Позднеев, напи-

¹⁰⁸ *Desmoulins A. Histoire naturelle ...* P. 81—82.

¹⁰⁹ Ср. ниже критику К.А. Иностранцевым К.Ф. Неймана.

¹¹⁰ [Бичурин Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии. Сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. СПб., 1828. Т. II. Ч. 3—4. С. 109—138, 139—154. Судя по сохранившейся в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР (ныне — Архив востоковедов ИВР РАН) рукописи с названием на титульном листе «История народа монгольского» (или расширенным вариантом в самом тексте «История народа монгольского от древнейших времен до Чингис хана, извлеченная из китайской летописи Ган-му и государственной истории Нинь-сянь-ши. Перевод с китайского, том I, 1826. При произведении испытания в магистры в сем дворе»), Н.Я. Бичурин давно работал над большой историей региона. Он пишет, что собирался довести ее до 1635 г., но, по-видимому, не закончил, доведя лишь до 1628 г. В этой рукописи также есть раздел, посвященный тюркам с названием «Период V. Дом Тугю. 552—744», он делится на две части: соответственно «Отделение I. Дом Тугю самостоятельный. 552—631» (с. 450—490) и «Отделение II. Дом Тугю под владением Китайским. 631—744» (с. 491—532). Эта рукопись легла в основу «Записок о Монголии», в которые вошла примерно четверть ее текста. Поскольку текст описаний для VIII и IX вв. утрачен, установить отношение этой рукописи к другим работам Н.Я. Бичурина, оказалось невозможным (См.: *Чугуевский Л.И. Новое о рукописном наследии Н.Я. Бичурина // Народы Азии и Африки. 1966. № 3. С. 127—130).*

¹¹¹ [Бичурин Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии ... Т. II. Ч. 3—4. С. 2.

¹¹² Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М.; Л., 1950. Т. I. LXXXVI, 384 с.

¹¹³ Там же. С. 45. См. также: *Иностранцев К.А. Хунну и гунны ...* С. 33.

¹¹⁴ [Бичурин Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии ... Т. II. Ч. 3—4. С. 109 прим., с. 136 прим.; *Его же. Собрание сведений ...* Т. I. С. 220, 214 сл.

савший в 1899 г. специальную книгу об уйгурах, где отметил ряд противоречий в его работе¹¹⁵, справедливо объяснял «увлечением монголизмом» Н.Я. Бичурина¹¹⁶.

Однако эта «увлеченность» монголами помогла Н.Я. Бичурину не только создать ряд важных работ по их истории, но и придать ее изложению более глубокий характер, с пониманием сущности общественных процессов, что имеет особую важность для изучения всех кочевнических обществ. В работе о калмыках в 1834 г. Н.Я. Бичурин метко указал, что «у кочевых владельцев подданные составляют родовое недвижимое их имущество, и потеря каждого человека считается потерей личной собственности»¹¹⁷. Это важный момент, в сущности, демонстрирующий, что Н.Я. Бичурин понимал надтерриториальную основу кочевнических объединений. Однако, как уже не раз справедливо отмечалось, недостатком работ Н.Я. Бичурина было игнорирование факта исторической динамики смены на одной территории одних народов другими¹¹⁸.

При работе над переводами китайских источников Н.Я. Бичурин столкнулся с проблемой передачи значений китайских иероглифов, обозначавших социальные единицы у кочевнических обществ. Объясняя свой перевод иероглифа *бу* через слово ‘колено’, Н.Я. Бичурин писал, что он применяется для обозначения степных родов, как «побочной линии владетельного дома, получившей во владение участок земли купно с народом». «Колена» Н.Я. Бичурин сравнивал с русскими *уделами*, также говоря, что «у монголов нередко прозвание владетельного дома... <...> служит названием всему его владению» и «нередко под названием колена разумеется и сам его владетель»¹¹⁹. В связи с этим любопытно и следующее замечание: «У кочевых народов под *Поколением* разумеется Владетельный княжеский Дом и княжеский удел, которым Дом сей владеет под зависимостью от Хана, как Верховного Главы народа. *Родом* называется боковая линия родственников Владетельного Князя, и часть удела, отделенная для содержания оной. Сим образом Монгольский народ делится на Поколения, Поколения на Роды. Хан, имея собственный удел, не касается доходов поколенных уделов; Владетельный Князь, имея собственный участок в своем удельном владении, не касается доходов с поместий Родичей. В во-

¹¹⁵ Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров ... С. XXXII—XXXVII.

¹¹⁶ Там же. С. XXXI. Ср: Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений ... Т. I. С. XXXVIII.

¹¹⁷ Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста 1991. С. 104. Ср.: Батмаев М.М. Социально-политический строй ... С. 32—33.

¹¹⁸ Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 30; Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд ... С. XXXIX.

¹¹⁹ Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из Дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 17 прим. 1. Вместе с тем, он был не всегда последователен в переводе и довольно часто пренебрегал различием терминов в источнике: так, он не совсем корректно переводит словом ‘аймак’ сочетание *бу-ло* в случае, когда речь идет о потомках сыновей волчицы (Думан Л.И. О труде Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения) : материалы конференции. М., 1977. Ч. II. С. 17), затем это же слово используется для перевода иероглифа *цзя*, которым описывается группа *телэских* племен, покоренных тюрками (Там же. С. 18).

енное время Хан, Князья и Родичи обязаны содержать свои участки воинов на собственном иждивении»¹²⁰. В целом свои взгляды Н.Я. Бичурин сохранил и в дальнейшем. В 1851 г. им был написан следующий пассаж, связывающий этнический и социально-политический аспект истории кочевнических обществ: «В Средней Азии искони господствовала удельная система правления, т.е. государство делилось на мелкие владения, которые, в свою очередь, то сливались, то снова дробились, и переобразовались в новые государства. Монгольский народ сверх сего получал народное название от господствующего Дома. Сим образом один и тот же народ под Домом Хунну назывался хуннами, под Домом Дулга [Тукюе] — дулгасцами; под Домом Монгол назывался монголами, и будет дотоле носить сие название, пока вновь усилившийся какой-либо Дом покорит его и сообщит ему свое, другое народное, название»¹²¹.

Можно согласиться с мнением К.А. Иностранцева, что Н.Я. Бичурин был на шаг впереди своих предшественников, поскольку, по сути, разделяя ту же линию «политической классификации», когда «у кочевых народов Средней Азии племенное или родовое имя распределяется на целый народ, т.е. на совокупность племен и родов», он смог придерживаться «этнографической классификации»¹²².

Немецкий востоковед К.Ф. Нейман в 1831 г. в комментариях к переводу одной армяноязычной хроники высказался о тюрках как о «крупном подразделении человеческой расы», о происхождении которого мало достоверных сведений, но, по китайским источникам, они, упомянутые как *ту-цзюэ*, предстают как «особое племя или класс *сюн-ну*». Ученый говорит о возможном тюркстве *сюн-ну*, однако, касаясь самих племен тюрков, отмечает, что о них «неизвестно ничего определенного». «Племена вырастают и разрушаются в Татарии как холмы в пустыне», — пишет он¹²³. Уже в 1837 г. К.Ф. Нейман высказался за то, чтобы считать тунгусов, монголов и *ту-цзюэ*, собирательно именуемых *татарами* (кит. Та та), частями монгольского народа, основываясь на мнении, что китайцы часто отождествляли народы, появлявшиеся в разные времена, но под близкими названиями со времен *сюн-ну* до Чингисхана¹²⁴. Признавая различие в физическом облике *ту-цзюэ*, монголов и тунгусов, К.Ф. Нейман исходил именно из факта языковой общности. «Это один и тот же народ, говорят китайцы, который при различных династиях назывался различными именами: Хун-ну (Hiong-nu), Тю-гю (Tu-kiuei), Мэн-гу (Mong-ku), Та-та (Та-’а)», — писал он в другой работе (1847)¹²⁵, отождествляя *сюн-ну* с монго-

¹²⁰ Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов ... С. 20 прим. 3.

¹²¹ Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений ... Т. I. С. 9—10.

¹²² Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 30—31 прим. 1.

¹²³ Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, During the Time of the Crusades / transl. from the Original Armenian, with notes and illustrations, by C.F. Neumann. London, 1831. P. 25, 64—65 note 8.

¹²⁴ Neumann C.F. Asiatische Studien. Mit einer lithographirten Beilage. Leipzig, 1837. Erster Theil. S. 123—125.

¹²⁵ Neumann C.F. Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Eine von dem Königlichem Institut von Frankreich Gekrönte Preisschrift. Zweite Auflage. Leipzig, 1855. S. 24. Цит. по: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 38.

лами, чей физический облик описывается в китайских источниках именно как монголоидный, и считая, таким образом, монголами их всех¹²⁶. «В передаче фактов истории Нейман следует строго за китайскими летописями»¹²⁷. Народ *ту-цзюэ* писал он, являлся частью *сюн-ну* и лишь позже отделился от них¹²⁸. Само же слово *тюрк* он выводит от слова *Туран*, персидского названия земель к северу от р. Окс¹²⁹. При этом, ошибочно ссылаясь на описание китайскими источниками внешности жителей Восточного Туркестана¹³⁰, К.Ф. Нейман считает самих тюрков носителями кавказских расовых черт¹³¹. Он признавал возможность принадлежности народов, входивших кочевнические объединения, к иному корню, нежели главенствующий: «Часто случается, что народы, завоевывающие страну, удерживают имена коренных или живших ранее их жителей»¹³². Однако, автор противоречит сам себе, с одной стороны, называя *ту-цзюэ* частью *сюн-ну*, по его же мнению, монгоглоязычных, с другой — считая их тюрками, но входившими в большее объединение, носившее имя другого главенствующего племени¹³³. На главный методологический недостаток работ К.Ф. Неймана было верно указано К.А. Иностранцевым, писавшим: «Мы не можем также согласиться с этим ученым относительно предпочтения классификации по физическому типу и таким образом поставить на второе место лингвистическую классификацию»¹³⁴. Кроме того, К.Ф. Нейман также не учитывал и возможности исторической динамики смены соотношения и политического статуса между тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским населением в том или ином политическом объединении кочевников¹³⁵.

В этом же аспекте следует упомянуть о статье Э.И. Эйхвальда «О древнейших обиталищах племен славянских, финских, турецких и монгольских в южной России по Геродоту» (Библиотека для чтения. 1838. Т. XXVII. Отд. 3), где на с. 79—80, говоря о скифах, он сделал важное замечание о тюрках. «Он писал, что выделение царских скифов аналогично ситуации, известной в степях Евразии в средние века. При этом он допускал, что среди скифов могли быть и финны и славяне, под управлением “финской династии”. Через тысячу двести лет “то же самое наименование”, что у скифов, “повторилось почти в тех странах: мы говорим о Царских турках или турках хаганских, эль-Этрак эль-Хагание знаменитой державе, которой глава, или хаган, кочевал в Кипчакской Степи, а разноплеменные подданные рассеяны были от Дона до Иртыша”. Э.И. Эйхвальд представлял, что Скифская держава в древности простиралась от Иртыша, а царские скифы подчиняли себе все кочевые племена, как тюрки во времена Первого Тюркского

¹²⁶ См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 39.

¹²⁷ Там же. С. 40.

¹²⁸ Neumann C.F. Die Völker ... S. 85—86. См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 41, 44—45.

¹²⁹ Neumann C.F. Die Völker ... S. 11. Цит. по: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 41.

¹³⁰ См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 42.

¹³¹ Neumann C.F. Die Völker ... S. 30. См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 39.

¹³² Neumann C.F. Die Völker ... S. 77. Цит. по: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 41.

¹³³ Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 42.

¹³⁴ Там же. С. 43.

¹³⁵ Там же. С. 42.

каганата», и следующий абзац: «Это сходство названий тем поразительнее, что слово “турки” в средних веках, как и слово “скифы” в классической древности принимаемо было в неопределенном значении: следственно подобные выражения, по-видимому, всегда составляли здесь технический термин для особенного рода державы...»¹³⁶

Российский востоковед В.В. Григорьев, будучи еще студентом, в статье «О двойственности верховной власти у хазаров» (ЖМНП. 1834. Ч. III. С. 279—295), позже вошедшей в сборник статей, изданный в 1876 г., затронул ряд важных вопросов социально-политической истории древних тюрков. Рассматривая природу низкого статуса Хакана (кагана) у хазар, он обратился к проблеме роли тюрков в становлении политического института каганства у хазар, но полагал, что те не могли оказать влияния на последних, поскольку «кочующие Турки без сомнения не были образованнее Хазаров»¹³⁷. Отталкиваясь от данных армянских источников об отношениях в начале VII в. византийских императоров с предводителями хазар, предстающими как самостоятельные правители, В.В. Григорьев отменил предположение, что «образ правления», когда наместник имел «много власти и силы в своем отечестве», был установлен тюрками, ведь «в начале VII века... <...> Турки находились на самой высокой степени славы и могущества»¹³⁸. Тем не менее, придя все-таки к выводу, что «Турки... <...> в VI веке... <...> точно покорили Хазар», он отмечает важную деталь, что они «управляли ими издали и, довольствуясь покорностью государей, не испровергали их образа правления», как монголы над Русью¹³⁹. Эти взгляды ученого получили развитие в более зрелый период его деятельности. В концептуальной работе «Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами» (1875), по словам В.В. Бартольда, «одной из лучших своих статей»¹⁴⁰, В.В. Григорьев, отмечая ряд общих черт в истории кочевнических народов¹⁴¹, в качестве примера касался и тюрков. Например, он указал, что «в половине VI века по Р. Хр.» те «легко... <...> наложили власть свою на процветавшие, усеянные городами, оседлые владения в долине Аму...»¹⁴². Снова отметил В.В. Григорьев и такое явление, как оставление кочевниками покоренной страны «в руках туземных владельцев, с обращением их в данников», как «Турки», например, «над нынешним Узбекистаном»¹⁴³. Фак-

¹³⁶ *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. Новосибирск, 2005. С. 169—170.

¹³⁷ *Григорьев В.В.* О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876. С. 75.

¹³⁸ Там же. С. 76.

¹³⁹ Там же. С. 77—78.

¹⁴⁰ *Бартольд В.В.* Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // *Бартольд В.В.* Соч. Т. IX. С. 651.

¹⁴¹ *Григорьев В.В.* Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Ч. CLXXVIII, март. Отд. 3—4. С. 1—2 сл.

¹⁴² Там же. С. 3.

¹⁴³ Там же. С. 4.

тически, В.В. Григорьев первым указал на традиционный характер политических институтов кочевников, что отметил уже А.П. Новосельцев, но без сомнений отверг эти идеи¹⁴⁴.

В той же статье В.В. Григорьев поставил вопрос о природе кочевнических вторжений. Он указал, что движущими силами миграций кочевников была отнюдь не алчность, не стремление приобрести товары оседлого производства, иначе они так и ограничивались бы набегами, а не стремились к завоеванию оседлых стран, чтобы «водвориться там прочным образом», к установлению «экспатриации». Так и не обозначив, тем не менее, первопричин, он обратился к описанию механизма кочевнических вторжений, сведя все к «толчкам», когда более слабое племя вытесняется со своей территории более сильным и двигается дальше. Так, например, вытеснению авар и болгар в Европу способствовали «усилившиеся Турки». При этом ученый писал далее: «Затем nastают усобицы между самими тюркскими народами, одни из них, гонимые другими, являются гонителями третьих», и перечисляет примеры, когда угров потеснили печенеги, тех гузы, а тех — кипчаки, часть гузов при этом двинулась на юг, основав позже государство сельджуков. Сам ход этих процессов В.В. Григорьев объяснял тем, что обычно одни кочевые народы в мирном состоянии кочуют «рассеянно», другие, желающие напасть на них, объединяются («в кучу») и действуют «кучею», и у первых есть лишь один способ спастись — это бегство. Настигнутые же преследователями, они погибают или «обращаются в рабов или в слуг, то есть, в данников», но иногда происходит поглощение их победителем — когда с ними заключают союз и они вместе продолжают набег. Так «образуется из малой льдины огромная лавина, все на пути своем подавляющая», и «таким именно образом возникли полчища кочевников, которые под бунчуками Хуннов, Жужаней, Тюрков, Киданей и т.д. подчиняли себе все кочевое население Средней-Азии и соседние с ним оседлые государства»¹⁴⁵. Этот момент в совокупности с приведенными выше противоречивыми рассуждениями о «тюркских народах», важен тем, что демонстрирует понимание племенного устройства кочевых народов, но невозможность объяснить его. Таким образом, В.В. Григорьев лишь выделил, но не объяснил характерные черты социально-политических процессов у кочевнических народов.

Линия Ж. Дегиня, между тем, продолжилась и в работах сэра Г. Ховорса. Так, часть VII его работы «Дрейфование кочевников в западном направлении...», начинается со слов: «это практика среди турецких орд ... <...> называть орду или сочетание кланов от клана или племени, к которому принадлежит правящая семья, и который является на то время преобладающим»¹⁴⁶, имя *турк* (*ту-цзюэ*) также изначально было названием лишь одного клана¹⁴⁷. В книге

¹⁴⁴ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 47.

¹⁴⁵ Григорьев В.В. Об отношении ... С. 9—13.

¹⁴⁶ Howorth H.H. The Westerly Drifting of Nomades, from the Fifth to the Nineteenth Century [Part III—IX] // The Journal of the Ethnological Society of London (1869—1870). 1870. Vol. 2. № 1 P. 242.

об истории монголов (1876) автор рассматривал их как одно из тюркских племен. Не будучи сведущ в восточных языках и не работая с источниками в оригиналах, он провел достаточно много необоснованных параллелей между правящими родами тюрков и монголов¹⁴⁸. В докладе, сделанном на шестом международном съезде ориенталистов в Лейдене, напечатанном в 1885 г., Г. Ховорс, «справедливо указав на отсутствие этнографической классификации у Дегиня», выступил против гипотезы Ю. Клапрота об отождествлении *сюн-ну* с *ту-цзюэ*, отметив, что «что Китайцы не делали никакого различия в этнографическом отношении между своими кочевыми соседями и, когда нападения этих соседей на их страну возобновились, они называли нападавших потомками Хунну». Одним из аргументов в пользу монгольского происхождения последних был факт того, что они занимали ту же территорию, что и позже монголы, а также имели схожие обычаи. Кроме того, он пишет о вражде *жоу-жаней*, монголоязычных, по его мнению, и *ту-цзюэ*, противопоставляя монголов и тюрков как целостные этнические общности¹⁴⁹. Большее значение имеет замечание ученого о том, что «что в Средней Азии часто династия была одного происхождения, а масса народа — другого»¹⁵⁰.

Значительный вклад в изучение кочевничества внесли работы российских этнографов XIX — начала XX вв. Исследования данного периода, в основном, неотделимы от этнографических записок, поскольку их авторы, — пограничные чиновники, разведчики, путешественники, — делали свои выводы, как правило, основываясь на собственных наблюдениях. Эти работы характеризуются, в основном, накоплением материала, но интересны характеристиками проблем хозяйства и общества кочевников на локальном уровне. Концептуальное осмысление этих проблем тогда не входило в задачи их авторов, из-за чего, например, в советской историографии они не были оценены должным образом¹⁵¹. Среди них известны такие имена, как А.И. Левшин, Ч.Ч. Валиханов, Н.М. Пржевальский, Г.Н. Потанин, М.В. Певцов,

¹⁴⁷ Howorth H.H. The Westerly Drifting of Nomades ... P. 243. Некоторые аспекты событийной истории сэра Г. Ховорс повторяет, в основном, по Ж. Дегиню и Ю. Клапроту (Ibid. P. 243—246), с частью добавлений своих соображений. Так, например, Юй-гу шэ, т.е. не кто иной, как Юй-гу шэ, прославившийся в середине VII в. активной военной деятельностью на территории Средней Азии, сэра Г. Ховорс отождествляет с Огуз ханом (Ibid. P. 245—246).

¹⁴⁸ Howorth H.H. History of the Mongols : from the 9th to the 19th Century. New York, 1965 (reprint of London, 1876). Part I. The Mongols Proper and the Kalmuks. P. 30—36. Он использовал слово *pasa* для классификации племен, но из некоторых фраз автора видно, что он отличал политические объединения от этнических образований (Ibid. P. 37—38). См. также критику В.В. Бартольда: Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Соч. М., 1963. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 109.

¹⁴⁹ См.: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 47—49.

¹⁵⁰ Там же. С. 48.

¹⁵¹ См., напр.: Литвинский Б.А. Исследование кочевых народов ... С. 176—177; Марков Г.Е. Теоретические проблемы номадизма ... С. 54.

П.И. Небольсин, А.М. Позднеев, Н.И. Гродеков, Н.Н. Харузин, А.Н. Харузин, П.К. Козлов и мн. др.¹⁵²

Прежде всего, следует коснуться труда А.И. Левшина о казахах (1832), хотя и не имевшего прямого отношения к древним тюркам, — «турков, кочевавших в Северо-Восточной Азии и известных под именем *ту-хю*», он знал по работам Ю. Клапрота¹⁵³, — его наблюдения о кочевниках легли затем в основу концепции В.В. Радлова (см. ниже). Как писал в 1928 г. В.В. Бартольд, «о недавнем прошлом казаков, в особенности об их жизни в XVIII в., он, благодаря труду Левшина, имел достаточно подробные сведения, и мог соединить эти исторические данные со своими наблюдениями над современной жизнью в одну стройную картину, которую он удачно применил для объяснения исторических известий о кочевых империях»¹⁵⁴. Прежде всего, А.И. Левшин отметил влияние самого кочевнического быта, сложившегося в определенных климатических условиях, на мировоззрение, нравы и обычаи, а также на социальные институты и политическую организацию кочевников¹⁵⁵.

Великий сын казахского народа Ч.Ч. Валиханов (Ш. Уәлихан), хотя он также не касался древнетюркской проблематики прямо¹⁵⁶, сам выходец из кочевнической среды, как никто другой понимал специфику развития хозяйства и общества степняков. Он также был талантливым источниковедом. Так, в середине 50-х гг. XX в. в письме И.Н. Березину по поводу его работы «Ханские ярлыки» (Казань, 1850) он, комментируя содержание ярлыков ханов Золотой Орды (Улуг Улус), уже отмечал изначальное понимание *орды* в узком значении ханской ставки как административного центра в кочевнических политических объединениях при полном сохранении у них племенной организации¹⁵⁷. Ч.Ч. Валиханов писал о древности обычая разделения племенной структуры у кочевников на два крыла с соответствующим старшинством сторон¹⁵⁸. Он считал, что, по-видимому, любая, «кочевая орда», не имела «правильного административного устройства и никаких ханских чинов, кроме свиты ханской... <...> и прочих чинов, постоянность которых требовал интерес ханский...», а, например, в ханствах потомков Чингисхана были потомки ханов (угланы) и родовые представители племен (беки, бии), — «достоинства, по-

¹⁵² См.: Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М., 1966. С. 142—436; Задваев Б.С. Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 56—135.

¹⁵³ Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 136.

¹⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 15. Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография ... Ту-манович Н.Н. Описание архива ... С. 315

¹⁵⁵ Ерофеева И.В. А.И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» // Левшин А.И. Описание ... С. 540—544, 573—574.

¹⁵⁶ Следуя за К. Видлу, Ж.-П. Абель-Ремюза, Ю. Клапротом, Н.Я. Бичуриным, Ч.Ч. Валиханов много говорит об уйгурах и кыргызах («хагасах»), но почти не упоминает о тюрках (Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. II. С. 52—53). Ср.: «тюгу (дульцы)» (Там же. С. 54, прим. *112).

¹⁵⁷ Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. I. С. 166—167.

¹⁵⁸ Там же. С. 167—168.

лучаемые по происхождению, а не чины»¹⁵⁹. Племенными беками совмещались административные посты, т.к. подвластные племена совпадали, как правило, с уделами ханства¹⁶⁰.

Об особенностях истории кочевнических народов Ч.Ч. Валиханов писал следующее (ок. 1856 г.): «...Поколения эти, беспрестанно меняя места своих кочевок, являлись под разными именами: то под родовым названием своего поколения, то под коллективным именем сильного, влиятельного рода. Одно племя усиливалось, соединяло все другие и давало им свое имя... <...> Миграция одного поколения, стесненного другим, порождала всеобщее движение, всеобщую перемену кочевок». Важны также отмеченные далее ученым проблемы, связанные с извлечением информации из китайских хроник, имеющих свои особенности как фонетической передачи иностранных слов, так и передачи информации об иноземных народах¹⁶¹.

Особо нужно сказать и о разработке Ч.Ч. Валихановым понимания такого явления, как *казакование* — существования степной вольницы, оторвавшихся от племенной основы кочующих групп, имеющих, прежде всего, политическую организацию, вне зависимости от изначальной племенной принадлежности¹⁶², иногда формировавших политические объединения, именовавшиеся по прозванию сильнейшего рода или группы, составляющих объединение¹⁶³.

Таким образом, этот период изучения древних тюрков, верхняя хронологическая граница которого ограничивается концом XIX в. весьма условно, характеризуется, прежде всего, сбором материала — ведением в оборот китайских источников, ставших основной для фактической базы, и накоплением знаний по этнографии, составившим основу методологических подходов к последующему осмыслению истории кочевнических обществ.

В сущности, ученые, следуя традициям античных авторов, рассматривали кочевников на протяжении всего исторического периода как некий аморфный конгломерат племен с различными названиями, с периодической сменой главенствующего из них над всей этой массой, тем не менее, начиная уже с Ж. Дегиня, они пытались как-то классифицировать их. Последнее явление возможно интерпретировать как попытки понять уже тогда заметно отличные от оседлых, в частности, западноевропейских, законы функционирования кочевнических обществ. Показательно, что фактически сразу продемонстрировала свою несостоятельность т.н. «географическая классификация», но широкое развитие получила «политическая» как наиболее эффективная для объяснения неустойчивости этнических компонентов кочевнических объединений ввиду подвижности элементов социальной организации.

¹⁵⁹ Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину. С. 170.

¹⁶⁰ Там же. С. 170—171.

¹⁶¹ Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 49. Ср. напр., замечание о необходимости понимания под «десятью тысячами семейств» китайских летописей кочевнической «тьмы» (Валиханов Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа [Дневник поездки в Кульджу 1856 г.] // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. II. С. 204—205.

¹⁶² Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие // Там же. С. 152—154, 158; [Валиханов Ч.Ч.] [Статьи из географического-статистического словаря российской империи] // Там же. С. 197—198.

¹⁶³ Валиханов Ч.Ч. Киргизское родословие. С. 151, 154.

1.2. ПЕРВЫЕ ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОРХОНСКИХ ТЮРКОВ (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.).

Выделяемый этап непосредственно связан, прежде всего, с открытием и расшифровкой памятников древнетюркской рунической письменности.

Первым ученым, прямо поставившим вопрос о закономерностях социальных отношений у кочевников может считаться В.В. Радлов. На основе полевых наблюдений за «киргизами», т.е. казахами, В.В. Радлов не только развил многие доводы А.И. Левшина, показав тем самым их справедливость, но и наиболее точно обозначил основные законы функционирования кочевнических обществ. «Только изучение быта казахов могло разъяснить современному исследователю такой важный фактор мировой истории, как образование, процветание и распадение кочевых империй..., — писал по этому поводу В.В. Бартольд, — В этом — значение бытовых и исторических исследований Радлова, и этого, конечно, вполне достаточно, чтобы обеспечить за ним право на благодарность этнографов и историков...»¹⁶⁴. Взгляды на социальные процессы у кочевников, изложенные В.В. Радловым прежде в трудах «Из Сибири» (1884; перепечатано без изменений в 1893 г.), затем в наиболее законченном виде в предисловии с названием «К вопросу об уйгурах» к изданию поэмы «Кутадгу Билиг» (1893)¹⁶⁵, являются основополагающими, поэтому на них следует остановиться очень подробно, в связи с историей древних тюрков.

Прежде всего, В.В. Радлов отмечал влияние природной среды на хозяйство и быт, а, как следствие, и формы социально-политической организации кочевников. Так, В.В. Радловым вслед за А.И. Левшиным было указано на непосредственное влияние кочевого образа жизни на «нравы, обычаи, образ мышления» казахов¹⁶⁶, форму общественной организации кыргызов («кара-киргызов»)¹⁶⁷. Он отмечал различия между равнинным и горным кочеванием¹⁶⁸, при этом открытость пространства заставляла степных кочевников группироваться в отличие от горных кочевников¹⁶⁹. Как верно писал В.В. Бартольд, «при описании жизни казаков Радловым совер-

¹⁶⁴ ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 19—21. Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография ... Туманович Н.Н. Описание архива ... С. 315.

¹⁶⁵ См.: Ахсанов К.Г. Фридрих Вильгельм Радлов: «Государственность у кочевых народов» // Гасырлар авазы — Эхо веков. 1997. № 3—4. С. 254—267; *Его же*. Проблема становления государственности ... дис. ... С. 12—17; Султанова А.А. Социально-антропологическая тематика в трудах дореволюционных тюркологов // История науки и техники. 2008. № 9, спец. выпуск. № 4. С. 60; *Ее же*. Социально-антропологическая тематика в научном наследии дореволюционных тюркологов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 14—15.

¹⁶⁶ Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1893. 1 Bd. Mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationen. S. 414; Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. М., 1989. С. 253. Ср.: Левшин А.И. Описание ... С. 296.

¹⁶⁷ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 527—528; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 348.

¹⁶⁸ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 419—420; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 257—258.

¹⁶⁹ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 511, 527—528; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 336, 348.

шенно отвергается обычное обвинение кочевников в неспособности к порядку и дисциплине. Кочевая жизнь рассматривается как результат своеобразных культурных условий, резко отличающихся от наших, но в своем роде вполне упорядоченных»¹⁷⁰. При этом В.В. Радлов отмечал отличие «социального строя кочевников и их правовых воззрений» от соответствующих категорий у оседлых народов¹⁷¹. В 1893 г. он писал: «Понимать историю кочевого народа — вообще трудная задача для всякого, кто знаком только с воззрениями оседлых народов. Понятия: князь, чиновник, народ, государство, область, собственность и т.п. — имеют в жизни кочевников не то значение, какое у оседлых. Равным образом война и мир влияют на социальные отношения кочевников не так, как у культурных оседлых народов»¹⁷². Однако В.В. Радлов исходил из стадийного понимания развития «человеческого общества» через три ступени: лесные охотники — кочевники скотоводы — земледельцы, и на основе этой шкалы он оценивал все народы, существующие и исторические¹⁷³. Кочевнический быт рассматривался им как застойный¹⁷⁴. Так, например, В.В. Радлов отмечал, что население Алтая, по данным китайских источников, занималось обработкой металла еще в середине VI в., считая, однако, «бесспорным» то, что «сами тую не плавил металл», ведь китайские источники «их описывают как кочевников, занимающихся скотоводством». Горным делом, по его мнению, занималось население северных районов Алтая, находившееся «на стадии ранней бронзы»¹⁷⁵. Согласно В.В. Бартольду, такая трактовка объяснялась предпочтением В.В. Радлова собственным этнографическим наблюдениям перед данными письменных источников¹⁷⁶. В том же ключе В.В. Радлов интерпретировал и данные археологических раскопок, в попытках идентификации которых с известиями письменных источников о кочевниках он также был первым¹⁷⁷. Однако ввиду недостатка письменных источников здесь он испытывал еще большие трудности¹⁷⁸ и также отдавал предпочтение этнографическим материалам. Так, в 1884 г. В.В. Радлов указал, что тюрки Средней Азии достигли очень высокой степени государственного развития благодаря «южным культурным народам», по

¹⁷⁰ ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 17. Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография ... Туманович Н.Н. Описание архива ... С. 315.

¹⁷¹ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 16.

¹⁷² Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 65—66.

¹⁷³ Там же. С. 66. Ср.: Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 249—250; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 122. См. также: Султанова А.А. Социально-антропологическая тематика в трудах ... С. 57—58.

¹⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 14. Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография ... Туманович Н.Н. Описание архива ... С. 315.

¹⁷⁵ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 439.

¹⁷⁶ Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837—1918. С. 679.

¹⁷⁷ Борисенко А.Ю. Изучение средневековых памятников Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : сб. тез. докл. Барнаул, 1994. С. 124; Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири ... С. 177.

¹⁷⁸ См.: Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи ... С. 457; Temir A. Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri ... S. 36—37.

сравнению с лишенными общения с оседлыми народами их «северными братьями», южно-сибирскими тюрками, погребения которых он лично раскапывал¹⁷⁹.

Форма хозяйства, таким образом, определяла динамику социальных процессов. Скот, являясь основным средством существования¹⁸⁰, был критерием имущественного и, соответственно, социального неравенства у кочевников¹⁸¹. Войны и набеги объяснялись как нуждой обедневших из-за непогоды скотоводов¹⁸², так и стремлением захвата лучших зимних пастбищ¹⁸³. Одновременно это был постоянный источник, способный удовлетворить стремление к простому обогащению¹⁸⁴.

На примере казахов В.В. Радлов показал, что кочевническое племенное подразделение делилось на роды, те — на родовые группы, которые рассматривали всю общеплеменную территорию как свою собственность¹⁸⁵. Хорошие зимние стоянки, обеспечивавшие достаточную кормовую базу для скота, было сложнее найти, поэтому кочевники особо дорожили ими. Владение зимними стоянками может рассматриваться как некая форма частного землевладения, в то время как летние стоянки считались владением племени¹⁸⁶. В.В. Радлов отмечал у казахов разделение территорий пастбищ, ограниченных естественными преградами, а если их нет — искусственными¹⁸⁷, а также существование номинальной «собственности» на пастбища: «человек богатый и влиятельный всегда мог устроить так, чтобы ему досталось лучшее место»¹⁸⁸.

Важное значение имеет указание на то, что основной хозяйственной и, соответственно, социальной единицей у кочевников был аул — объединение нескольких (от 6 до 10) семей, как правило, родственных, связанных общностью кочевий, а также семей, примкнувших к ним¹⁸⁹. Эта мысль является одной из наиболее замечательных и, судя по всему, важных для самого В.В. Радлова, поскольку, как отметил С.И. Вайнштейн¹⁹⁰, даже в своем «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлов указал в статье *аул* значение ‘аул, юрты находящиеся на одном месте (аул образует всегда одну социальную единицу, зависящую от одного лица, по имени которого аул называется; кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы и совершенно

¹⁷⁹ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 477—478.

¹⁸⁰ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 418; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 258; *Его же*. К вопросу об уйгурах ... С. 67.

¹⁸¹ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 513, 420; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 338, 259; *Его же*. К вопросу об уйгурах ... С. 68.

¹⁸² Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 511; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 336.

¹⁸³ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 415; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 254.

¹⁸⁴ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 410; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 250; *Его же*. К вопросу об уйгурах ... С. 73.

¹⁸⁵ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 254; Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 415.

¹⁸⁶ См.: Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 415—418; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 254—256, 336.

¹⁸⁷ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 255; Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 416.

¹⁸⁸ Радлов В.В. Из Сибири ... С. 256; Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 417.

¹⁸⁹ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 513; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 337; *Его же*. К вопросу об уйгурах ... С. 68.

¹⁹⁰ Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В. Радлова. М., 1972. С. 25.

близкие одна от другой, считаются разными аулами)¹⁹¹. Несколько аулов могут объединяться в еще большие группы (общины-стойбища), что происходит в мирное время и, как правило, зимой — для облегчения ухода за скотом и его охраны, поскольку это время большая его часть находится не при ауле. Летом же семьи расселяются по более обширной территории, сохраняя в то же время связь друг с другом на случай начала военных действий¹⁹². Объединение неродственных семей в аулы происходило ввиду необходимости пресечения попыток несправедливого распределения пастбищ со стороны многолюдных семей¹⁹³, бедные же скотоводы вынуждены были объединяться в группы на основе интересов добычи средств к пропитанию¹⁹⁴.

В таких общинах или родовых группах возникает необходимость, прежде всего, судебной власти для решения спорных вопросов между группами — она сосредотачивается в руках наиболее богатых и влиятельных скотовладельцев (у казахов — бии = беги)¹⁹⁵. В племенах, сохранявших свою структуру на протяжении ряда поколений, образуются целые привилегированные семьи, которые «признаются народом за своего рода дворян»¹⁹⁶. Все споры между племенами решаются собранием таких влиятельных людей, представляющих интересы своих племен¹⁹⁷.

В.В. Радловым был отмечен текучий характер социальной организации и эфемерность политических объединений кочевников. Он считал, что «постоянной сменой мелких племен поддерживается жизнеспособность всего народа». «Племена и колена тоже, благодаря подвижности их составных частей, подлежат непрерывным изменениям и потому постоянно сталкиваются друг с другом, что и выражается в непрерывных стычках и набегах, которые, однако, не наносят вреда общему благосостоянию, так как при распадении какого-нибудь колена части его примыкают к усиливающимся соседним коленам и пользуются в этом новом соединении той же защитой, как и прежде»¹⁹⁸. Наиболее сильное колено во главе с удачливым лидером объединяет вокруг себя другие — так возникает государство. «Чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть, и тем значительнее собирающееся вокруг него государство», — отмечал В.В. Радлов¹⁹⁹. Кочевники из колена хана заинтересованы воевать, пока не захватят достаточное количество скота, после чего стремятся остановиться, но

¹⁹¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1. Гласные. Ч. 1. Стб. 74.

¹⁹² Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 513; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 338; Его же. К вопросу об уйгурах ... С. 69.

¹⁹³ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 418; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 256—257.

¹⁹⁴ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 511; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 336.

¹⁹⁵ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 513; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 338; Его же. К вопросу об уйгурах ... С. 69—70.

¹⁹⁶ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 70—71.

¹⁹⁷ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 513—514; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 338; Его же. К вопросу об уйгурах ... С. 71—72.

¹⁹⁸ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 72—73.

¹⁹⁹ Там же. С. 73.

войско пополняется за счет представителей побежденных племен, присоединяющихся к хану в стремлении восстановить свое положение. Оставшиеся же продолжают поддерживать существующую власть, понимая, что при ее падении они потеряют свое положение²⁰⁰. Именно они являются главной поддержкой хана и из них формируется знать: родственники хана становятся починенными ханами и главами колен, его бывшие клиенты и приверженцы — главами племен, клиенты его приверженцев — главарями подплемен²⁰¹. Но любая такая власть, захваченная в борьбе с другими племенами, признается В.В. Радловым узурпацией²⁰². Ханская власть выгодна подданным до тех пор, пока она способна обогащать их в ходе военных походов, до этих пор они готовы терпеть подчинение²⁰³. Эфемерность таких политических объединений объясняется неспособностью ханской власти управлять большими территориальными образованиями, поскольку военные действия в одном направлении означают потерю власти в другом; сильная же власть может иметь место лишь во время боевых действий, вынуждавших племена держаться вместе, превращая весь подвластный хану народ в одно войско²⁰⁴. После смерти лидера его объединение, как правило, распадается, и власть может узурпировать представитель любого другого племени²⁰⁵. При этом происходит перегруппировка племен и их частей в новые соединения²⁰⁶.

Взгляды В.В. Радлова, в последующем нашедшие развитие в работах ведущих специалистов, стали фундаментом мирового кочевниковедения²⁰⁷.

С открытием в 1889 г. древнетюркских рунических надписей в Хошо-Цайдаме и их расшифровкой в 1893 г., к которой В.В. Радлов имел самое непосредственное отношение, ученые

²⁰⁰ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 73—74.

²⁰¹ Там же. С. 74.

²⁰² Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 515; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 339; Его же. К вопросу об уйгурах ... С. 73.

²⁰³ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 516—517; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 340; Его же. К вопросу об уйгурах ... С. 73.

²⁰⁴ Radloff W. Aus Sibirien ... 1 Bd. S. 410; Радлов В.В. Из Сибири ... С. 250.

²⁰⁵ Радлов В.В. К вопросу об уйгурах ... С. 74.

²⁰⁶ Там же. С. 74—75.

²⁰⁷ Например, Дьюла Немет, описывая механизм сложения кочевнических политических объединений, в своей фундаментальной работе «Формирование венгров в эпоху обретения родины» (1-е изд. 1930) дает пространную цитату из работы В.В. Радлова об уйгурах (*Németh Gy. A honfoglaló Magyarország kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest, 1991. 39—43 о. См.: Радлов В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893. С. 68—75*), а Йозеф Деер, автор другой классической работы, емко обобщившей все результаты кочевниковедческих исследований предыдущих лет, также развивал идеи В.В. Радлова (*Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest, 1938. 10—16 о., книга не содержит ссылок, но на 270. о. автор также указывает названную работу В.В. Радлова*). Непонимание взгляды В.В. Радлова в последующем встречали только у ученых, исходивших из эволюционистского понимания исторического процесса: внимание к личности предводителя дало основание, например, Л.Н. Гумилеву упрекнуть В.В. Радлова в «элементарном волонтаризме» (*Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 99*), а Л. Крэдеру назвать его концепцию «теорией узурпации» (*Krader L. Peoples of Central Asia. P. 154, 155; Idem. Formation of the State. Englewood Cliffs, New Jersey, 1968. P. 100—101*); Л. Крэдер, кроме того, считал, что В.В. Радлов «не мог взглянуть за пределы кровнородственных уз как основы социальной и политической организации» (*Krader L. Peoples of Central Asia. P. 155*).

получили возможность увидеть древнетюркское общество изнутри²⁰⁸, а сам В.В. Радлов — возможность подтвердить свою концепцию о кочевниках историческим материалом, как и случилось²⁰⁹. Новое изложение его взглядов последовало уже в предисловии ко второму изданию перевода памятника Кюль тегину (1895 г.). Согласно ему, тюркские племена объединялись на период войн для усмирения соседей (*алмыш*). Власть хана являлась гарантом порядка в противовес анархии в степи: хан укреплял единство племен (*тут*) и поддерживал порядок (*äm*), а также в качестве военного предводителя расширял территории расселения подвластного народа²¹⁰. Но ханская власть не была основана на каком-то законе и всегда могла быть узурпирована представителями других племен или же братьями и сыновьями самого хана (*älcipäm*)²¹¹. После смерти хана, как правило, начинались восстания в различных племенах с провозглашением ими своих ханов. Каждый новый хан мог опираться лишь на своих родственников, друзей и клиентов в стремлении заставить подчиниться собственный народ и окружающие племена, во главе которых они позже и ставились. В итоге победы одного из ханов среди племен устанавливалась общая политическая организация (*Äl*) с одной ханской династией и одним ханом над народом (*кабанлыб*)²¹². Чуть позже (1899) ученый привел в пример поражение Се-ли кагана, после которого пало первое Тюркское государство, начались племенные распри, но из этих же племен на основе прежней государственной структуры возникло новое объединение во главе с *се-янь-то*²¹³.

Более емко эти же взгляды В.В. Радлов озвучил и спустя много лет в четвертом выпуске «Древнетюркских исследований» (1911): «Так, надписи дают нам наглядную картину, как только через влияние определенных личностей (вождей племен — Stammführer) образуются из совсем маленьких начал (Anfänge) в кратчайшее время мощные племенные комплексы (Stammkomplexe) и как эти личности узурпируют ханскую власть (Chansgewalt). Они нам далее показывают, что только крепкая рука хана (die feste Hand des Chan) в состоянии держать в покое и боевой готовности государство кочевников (Nomadenstaat) и что хан только тогда может объединить не связанные племенные частички (Stammtheilchen) в одно крепкое целое, если он может всякое восстание (Auflehnung) против своей власти сразу подавить, но что кочевническое

²⁰⁸ Козьмин Н.Н. Предисловие. С. XVIII.

²⁰⁹ Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837—1918. С. 678.

²¹⁰ Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. St. Petersburg, 1895. III. Lief. S. 207.

²¹¹ В.В. Радлов не признавал привативное значение форм с аффиксом *-sira(t)* (Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. С. 58. См., напр.: Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. S. 204—205).

²¹² Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. S. 208.

²¹³ Radloff W. Die Inschrift des Tonjukuk // Radloff W. Die altürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. S. XIV—XV.

государство сразу распадается, когда крепкая рука хана ослабевает и становится бессильной»²¹⁴.

Одновременно с В.В. Радловым свои исследования вел венгерский этнограф и филолог Г. Вамбери. Он подверг критике подход, разделяющий кочевнические народы на «расы» по физическому признаку, выделив за основу, прежде всего, языковой фактор²¹⁵. Г. Вамбери одним из первых пытался разобраться в терминологии социальной организации тюркских кочевников²¹⁶. Так, он объяснял совпадающие названия многочисленных племенных подразделений постоянным образованием новых кочевых групп (Aul), формирующих новые социальные единицы, их перекочевками и последующим вливанием в другие племена, ввиду этого он первым прямо указал на отсутствие этнической основы у кочевнических объединений²¹⁷. Однако он никогда не привлекал свой материал для интерпретации древнетюркских памятников. Впрочем, при работе конкретным материалом Г. Вамбери обнаружил ряд слабых сторон, что продемонстрировал в своей рецензии на его «Заметки к древнетюркским надписям Монголии и Сибири» П.М. Мелиоранский²¹⁸. В заслугу Г. Вамбери следует приписать верную интерпретацию термина *tat* Хошо-Цайдамских текстов как «мирный человек, оседлый житель, подданный»²¹⁹, вопреки острым возражениям П.М. Мелиоранского²²⁰.

Некоторый интерес представляют взгляды Н.М. Ядринцева, собственно первооткрывателя Хошо-Цайдамских памятников, высказанные в докладе, сделанном 6 марта 1891 г. на ежегодном собрании Русского археологического общества. Н.М. Ядринцев представил кочевой быт как одну из «стадий человеческого развития», доказывая, что, вопреки господствующему мне-

²¹⁴ Radloff W. *Alttürkische Studien* (IV) // Известия Императорской Академии Наук. VI серия. 1911. Т. 5. Вып. 6. С. 310. Цит. по: Бернштам А. [Н.] Проблема распада ... С. 90. Ср.: *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 24—25.

²¹⁵ Vámbéry H. *Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen*. Leipzig, 1879. S. 4—12; *Српатулатов М.* Введение к соч. Вамбери : „Первобытная культура тюрко-татарских народов” // Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. [Омск, 1884.] Кн. VI. С. 3—12.

²¹⁶ Vámbéry H. *Die primitive Cultur* ... S. 131—135.

²¹⁷ Vámbéry H. *Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*. Leipzig, 1885. S. 181—185. См. также: Dobrovits M. *Vámbéryval 2000-ben* // *Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 223—224. о.; *Uő. Vámbéry munkáiról* // *Uo.* 268—270. о.

²¹⁸ Мелиоранский П.М. [Рец. на] *Noten zu alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's*. H. Vámbéry. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. XII. Helsingfors. 1899. 119 p. 8⁰ // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. 1899. Т. XII. Вып. IV (с приложением одной таблицы и одного портрета). С. 0146—0162.

²¹⁹ Vámbéry H. *Noten zu den alttürkischen Inschriften* ... S. 88—89. См.: *Minorsky V. Tāt* // *E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913—1936* / ed. by M.Th. Houtsma, T.W. Arnold, R. Basset, R. Hartmann. Leiden, 1987. Vol. III. *Ṭāʾif* — *Zūrkhāna*. P. 697.

²²⁰ Мелиоранский П.М. [Рец. на] *Noten zu alttürkischen Inschriften* ... С. 0154—0158. Правомерность трактовки Г. Вамбери была позже показана В. Томсеном, сумевшим привлечь для дополнительной аргументации недавно открытый тогда словарь Махмуда Кашгарлы (МК II, 224) (*Thomsen V. Turcica : études concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibirie*. Helsingfors, 1916 (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*. Т. XXXVII). P. 15—16; *Самойлович А.Н.* Вильгельм Томсен и тюркология // *Самойлович А.Н.* Тюркское языкознание. Филология. Руника. М., 2005. С. 155; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники ... С. 122 прим. 213; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 169 прим. 211).

нию, кочевник является не врагом оседлой культуры, а, мало того, что «переходя известные ступени развития, приближается к оседлости», еще и «сам создает известный род культуры, которым пользуются оседлые народы». При этом «зимовка есть уже первая стадия перехода от кочевого к оседлому быту». Земледелие также не было чуждо кочевнику. Н.М. Ядринцев говорил о «превосходстве над оседлыми народами», связанном с тем, что тело и дух кочевника были закалены борьбой с природой²²¹.

В 1896 г. В. Томсен в предисловии к изданию своего перевода Хошо-Цайдамских надписей впервые кратко изложил историю племени *ту-цзюэ*, сопоставив их сведения с данными китайских летописей, взятых им в изложении Ж. Дегиня и переводах С. Жюльена²²². В. Томсен, как указывает В.В. Бартольд, «знал социальный строй среднеазиатских кочевников и их верования по превосходным очеркам Радлова, к которым он вполне справедливо отсылал своих читателей; но Радлов наблюдал жизнь кочевников в то время, когда среди них уже не было резкой социальной дифференциации»²²³. В поздних работах В. Томсен отмечал, что тюркский или уйгурский *el* в значении ‘государства’ не следует отождествлять с государствами, в европейском понимании, поскольку у них это лишь племя или объединение нескольких племен под главенством кагана²²⁴. Здесь же В. Томсен, по замечанию В.В. Бартольда, «говорит о резкой противоположности (*scharfe Trennung*) между дворянством и простым народом, но не отмечает значения этого факта для рассказываемых в надписях событий»²²⁵. Вместе с тем, В. Томсену принадлежит наблюдение, что названия *тöлис* и *тардуи* обозначали две части Тюркского каганата, —

²²¹ Политическая хроника. [В антропологическом обществе] // Восточное обозрение. Газета литературная и политическая. 1892. № 16. С. 12.

²²² *Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées*. Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). P. 57—79.

²²³ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. С. 763. В письме В.В. Радлову 29 ноября 1893 г., через четыре дня после расшифровки древнетюркских рун, В. Томсен писал: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов» (Цит. по: Самойлович А.Н. Вильгельм Томсен и тюркология. С. 148, прим. 10. Ср.: Шербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности. С. 56 прим. 8).

²²⁴ *Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung* [Ausg. von H. Schaefer] // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1924. Bd. 78. S. 129; *Ayni müel. Moğolistan'daki Türkçe Kitabeler* // Türkiyat Mecmuası. 1935. Cilt III. S. 88. Ср.: *Thomsen V. Turcica ...* P. 17 not. 2.

²²⁵ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. С. 763. См.: *Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei ...* S. 130; *Ayni müel. Moğolistan'daki Türkçe Kitabeler*. S. 88. Назвав *kingmaker*’ом советника Тоньюкука, В. Томсен дал повод А.Н. Бернштаму считать, что он «учитывал роль вождей тюркского общества, способных возродить тюркский народ и восстановить его силу и могущество, т.е. восстановить родовой строй» (Бернштам А.[Н.] Проблема распада ... С. 93—94; *Его же*. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрок VI—VIII вв. н.э. // Вопросы истории доклассового общества: сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.; Л., 1936. С. 885 прим. 2; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 27—28, 139 прим. 2). Но это отождествление, как и ряд отмеченных А.Н. Бернштамом других сравнений, принадлежащих Г. Шлегелю и Ф. Хирту, носили скорее попутный характер, будучи лишены какого-либо социального подтекста (*Schlegel G. Tägin et Töre* // *T'oung Pao*. 1896. Vol. VII. P. 159; *Hirth F. Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen* // *Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge*. S. 1; *Thomsen V. Turcica ...* P. 99. Ср.: Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. С. 763—764). Деятельность этих специалистов, исключительно филологов, была направлена преимущественно на критику источника, поэтому в их работах следует видеть, выражаясь словами самого А.Н. Бернштама, скорее, «отдельные замечания» (Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 19).

соответственно восточную и западную, — организованные после того, как тюрки «отменили “национальные учреждения” подчиненных народов»²²⁶. Также он обратил внимание на запечатленную в Хошо-Цайдамских надписях древнетюркскую традицию наследования каганской власти от старших братьев младшими, затем сыновьями и племянниками [КТБ, 4—5 = БК, X, 5]²²⁷.

В 1896 г. издана претенциозная работа Л. Кауна о тюрках и монголах²²⁸, по справедливой оценке В.В. Бартольда, весьма слабая в научном плане²²⁹, однако содержащая несколько моментов, заслуживающих пристального внимания.

Л. Каун был близок к Ж. Дегиню, считая, что нельзя говорить о расовом и языковом разделении кочевников, только о диалектах, выступая, таким образом, в качестве сторонника т.н. «политической классификации»: «В этническом смысле слова никогда не существовало ни расы, ни даже племени, гунского, мадьярского, турецкого, монгольского или маньчжурского, но существовали только политические соединения, носившие их имена», и далее: «можно распределить по группам финно-угорские, турецкие, монгольские, маньчжурские языки, но нельзя распределить по расам или естественным видам (*espèces naturelles*); мы видим их, насколько можем видеть в прошлом, только как искусственные соединения, нации»²³⁰. Здесь, как специально отмечает К.А. Иностранцев, «он употребляет не слово *peuple*, а *nation*, нацию, народ как государство»²³¹. При этом Л. Каун прямо писал: «Слово “раса”, используемое для определения множества людей, племен и народов, не имеет смысла. Выражения “монгольская, угрофинская, алтайская, туранская раса” означают только воображаемые группы, или быстро образовавшиеся и быстро распадавшиеся при непрерывной текучести народов и империй»²³². Он также упомянул о таком распространенном у кочевников явлении, когда «их великие нации

²²⁶ *Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. P. 102, 146—147 not. 21; Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 275; Его же. Памятник в честь Кюль-Тегина ... С. 109.*

²²⁷ *Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. P. 63 not. 3. Ср. перевод сэра Дж. Клосона: Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 40.*

²²⁸ *Cahun L. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896. P. 31—118.* Л. Кауном также написана глава о тюрках и монголах для второго тома «Всеобщей истории» Э. Лависса и А. Рамбо (*Cahun L. [Chapitre XVI] Les Revolutions de l'Asie. Les Turcs, La Chine, L'Iran, L'Asie Centrale. Des origines à la fin du XIIIe siècle // Lavisse E., Rambaud A. Histoire générale du IVe siècle à nos jours. Paris, 1893. Т. II. L'Europe féodale. Les croisades 1095—1270. P. 884—973*), где он также некоторое внимание уделил и орхонским тюркам (*Ibid. P. 892—893, 904—907*). Он уже был информирован о расшифровке древнетюркского письма, судя по тому, что в библиографии упоминает финляндский и российский академический атласы рунических памятников (*Ibid. P. 972*), но, по-видимому, не использовал их, т.к. ничего не говорит о древнетюркской письменности.

²²⁹ *Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origins à 1405. Paris, 1896 // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 238—252; Его же. Туркестан ... С. 111).*

²³⁰ *Cahun L. Introduction ... P. 39—40. Цит. по: Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 13—14. Ср.: Cahun L. [Chapitre XVI] Les Revolutions de l'Asie ... P. 887—888.*

²³¹ *Иностранцев К.А. Хунну и гунны ... С. 14 прим. 1.*

²³² *Cahun L. Introduction ... P. 36—37; Idem. [Chapitre XVI] Les Revolutions de l'Asie ... P. 887.*

принимают имя своего начальника»²³³. Это очень важное замечание, однако, не получившее у него развития.

Л. Каун в предвосхищенных тонах говорит о воинском искусстве и военной организации кочевников, на которых оседлая же цивилизация оказывала разлагающее влияние²³⁴. Однако, здесь есть важный момент, на который обратил внимание О. Латтимор: Л. Каун писал, что кочевников неверно стереотипно воспринимать в качестве народов, находящихся в постоянном движении, поскольку на самом деле они никогда не жили без оседло-земледельческой продукции, и еще больше эта зависимость возникает при принятии оседлого образа жизни²³⁵.

Характер кочевнических объединений Л. Каун возводил к некоему идеалистическому образу. «Не только для того, чтобы кормить и одевать своих неимущих поданных, тюркский хан ночью не спит, днем не отдыхает; ради величия имени тюрков; ради национальной славы он трудится и сражается ночью и днем. Египетские фараоны, персидские или ассирийские цари избивали массы народа для прославления своего собственного имени и для возвеличения своих богов; тюркский каган думает только о славе своего народа», — писал он²³⁶. В этих высказываниях вскрывается не критическое отношение к древнетюркским текстам: «В противоположность остальным народам, у тюрков царь кормит свой народ, одевает его, дает ему содержание»²³⁷. Вольно трактуя титулатуру тюрков на западный манер²³⁸, Л. Каун писал: «в этом военном обществе есть иерархия, но нет кастовой аристократии; вельможи (т.е. беки) скорее могут быть названы высшими чиновниками, чем аристократами. Даже в тех случаях, когда тюрки подвергались иному влиянию, чем китайское, они сохранили чисто китайское уважение к мандаринству. Некоторые народы стремились к аристократическому, другие — к демократическому идеалу; идеалом тюрков было правление бюрократическое»²³⁹. Безосновательность обоих доводов была показана В.В. Бартольдом, отметившим, что в орхонских надписях беги в качестве высшего сословия явно противопоставляются «черному народу», и верховная власть далеко не всегда становится на их сторону, ведь именно они смирились с китайским владычеством, приняли китайские титулы, в то время как простой народ поднял восстание «во имя тюркской национальности»²⁴⁰. Кроме того, «вопреки мнению г-на Каёна, мы не знаем ни одного примера, чтобы

²³³ Cahun L. Introduction ... P. 79. Цит. по: Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 243.

²³⁴ Cahun L. Introduction ... P. IX. См.: Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 239.

²³⁵ Lattimore O. Studies in Frontier History : Collected Papers, 1928—1958. London ; New York ; Toronto, 1962. P. 146 note 1. См.: Cahun L. Introduction ... P. 49—50.

²³⁶ Cahun L. Introduction ... P. 78. Цит. по: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. С. 5.

²³⁷ Cahun L. Introduction ... P. 79. Цит. по: Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 243.

²³⁸ Cahun L. Introduction ... P. 81.

²³⁹ Ibid. P. 82. Цит. по: Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 243.

²⁴⁰ Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 243.

тюрки ввели бюрократическое управление там, где его раньше не было; не только в Китае, но и в мусульманской Средней Азии тюрки нашли бюрократическое устройство уже готовым»²⁴¹.

В последующие годы встречается огромное множество работ, идеализирующих тюрко-монгольские народы, но далеко не все они заслуживают столь подробного рассмотрения. Книга Л. Кауна была здесь первой. Это, безусловно, крайняя, радикальная точка зрения на историческую роль кочевников, однако, она может рассматриваться как закономерное явление своего времени: ответ на общий кризис позитивистской методологии, первая попытка отойти от стереотипного исключительно негативного восприятия кочевников. Заслуга Л. Кауна не только в том, что, как отметил В.В. Бартольд, он отверг представление о монгольских завоеваниях как о «нашествии бесчисленных диких полчищ» и «бессознательном движении огромных воли народов»²⁴², но — гораздо шире — и в том, что он стремился распространить такой взгляд на всех кочевников. По справедливому заключению В.В. Бартольда, «в его книге иногда высказываются широкие и плодотворные идеи, которыми, наверное, воспользуются будущие историки»²⁴³.

Н.А. Аристовым на основе привлечения широкого круга источников была предпринята попытка разбора происхождения и родо-племенной структуры тюркских народов. Он впервые привлек к исследованию такой источник как тамги.

В работах Н.А. Аристова наиболее ярко отражена точка зрения на характер кочевнических объединений как родовой. В этом случае следует указать, что ему одному из первых принадлежит попытка осмысления содержания социальной терминологии кочевников. Говоря о казахах, Н.А. Аристов отмечал, что их родовые единицы вовсе имеют не кровно-родственный характер, а во многом являют собой союзы родов разного происхождения²⁴⁴. Он же указал на условность терминологии, применяемой для обозначения подразделений племенной организации²⁴⁵. «Родом (урук, ру) у киргиз-казаков и кара-киргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений, с другой — совокупность этих подразделений, но так как родовые деления и группы имеют политическо-общественное значение, сверх кровного, иногда преобладающее, то слово род утратило свое строго кровное значение. Не говоря уже об обще-

²⁴¹ Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 244.

²⁴² Там же. С. 246.

²⁴³ Там же. С. 250. Часть этой книги, написанной в апологетическом духе по отношению к тюркским народам, была переведена на турецкий (староосманский) язык, внося определенный вклад в развитие тюркистских настроений в Османской империи (См.: Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 35; Şirin İ. Osmanlı'da Tarihin Anlam Arayışı // Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. 2000. Sayı 11. S. 572—573; Байоғлу А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири ... С. 126). См.: Necîp Âşım. Türk Târîhi. İstanbul, 1316/1900. 551 s. (на ст.-осм. яз.).

²⁴⁴ Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Т. 4. Вып. III—IV. С. 393, 446—447.

²⁴⁵ Там же. С. 447—449.

ственном значении родовых подразделений, они и в качестве патриархально-родовых не могут быть точно классифицированы и наименованы, ибо количество степеней в родословных бесконечно и трудно придумать и удержать для каждой из них особое название»²⁴⁶. На работы Н.А. Аристового большое влияние оказали этнографические исследования Г. Вамбери. Вслед за ним Н.А. Аристов выделял две группы факторов, влияющих на «образование новых родовых частей и на иное группирование существующих» у кочевников: экономические и политические (недостаток пастбищ вследствие умножения скота, борьба за эти пастбища, отсюда внутренние смуты, а также внешние нашествия и войны)²⁴⁷. Союзы родов, по мнению Н.А. Аристового, сплачиваются вокруг удачливых вождей, а затем «народным сознанием приравниваются к родовым единицам кровного происхождения»²⁴⁸. В целом высоко оценивая работу Г. Вамбери, Н.А. Аристов отметил в числе недостатков то, что «он ссылается также на неустойчивость родовых имен, меняющихся с образованием новых делений и распадением старых (s. 181), но упускает из вида, что меняются собственно имена родовых союзов с распадением их и образованием новых, имена же костей и главных родов, или в иных случаях племен, напротив отличаются изумительной, многовековой прочностью, связанною с господством родового быта»²⁴⁹. На этом основании Н.А. Аристов считал род устойчивой основной социальной единицей²⁵⁰.

В своей работе о тюркских родо-племенных подразделениях Н.А. Аристов отталкивался именно от представлений об устойчивости родового быта. «Сильный, многочисленный, дружный род имел большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать большую долю добычи и даней, поступавших в пользу племени или государства», — писал он. Но, разрастаясь, род неизбежно распадался на более многочисленные части. Таким образом, внутри родов всегда существовала борьба двух тенденций: центристремительной, связанной с необходимостью объединения членов родов для совместного выпаса и охраны скота, и центробежной, связанной с неизбежностью выделения из исходного рода дочерних. По мнению Н.А. Аристового, вся история тюркских и монгольских государств показывает, что они создавались в результате усиления одного из родов, деятельные руководители которого оказывались способны привести его к власти над остальными родами. Распад же этих государств происходил во время усобиц в главенствующем роде, «но всегда под преобладающим влиянием стремлений родов и племен к самостоя-

²⁴⁶ Аристов Н.А. Опыт выяснения ... С. 447. Разрядка Н.А. Аристового.

²⁴⁷ Vámbéry H. Das Türkenvolk ... S. 181; Аристов Н.А. Опыт выяснения ... С. 393.

²⁴⁸ Аристов Н.А. Опыт выяснения ... С. 393.

²⁴⁹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. III—IV. С. 288—289 прим. 1. Ср., также: «<...> ... как видно из надписей на памятниках Кюль-тегину и Могилян-хану на Орхоне, существовало два главных рода или племени телес и тардуш ...» (Там же. С. 341. Разрядка Н.А. Аристового).

²⁵⁰ Там же. 285.

тельности, когда их начальники объединили уже свои интересы с интересами родов»²⁵¹.

Таким образом, Н.А. Аристов хотя и применил выводы Г. Вамбери к конкретно-историческому материалу, тем не менее, пренебрег его выводом о надэтническом характере кочевнических объединений. Этот момент уловил уже П.М. Мелиоранский, отметивший, что, по Н.А. Аристову, получается историческое численное преобладание тюркских племен над монгольскими, которые, однако, с теми же названиями в поздние времена предстают как «омонголенные» тюрки. П.М. Мелиоранский, видя здесь своеобразную реакцию на «панмонголизм», встречающийся, например, в работах Н.Я. Бичурина, считал, что Н.А. Аристов впал в другую крайность, поскольку исторически едва ли оправданно считать, что при малом числе монголов могло так успешно идти «омонголение» тюрков²⁵².

В этот период впервые высказался о кочевниках В.В. Бартольд, озвучив свои взгляды на лекции об образовании империи Чингисхана (1896), а также в рецензиях на работы Л. Кауна (1896) и, в особенности, Н.А. Аристова (1899). Как верно отметил Г.А. Федоров-Давыдов, «взгляды В.В. Бартольда на сложение кочевых государств и на их социальное устройство пережили длительную и сложную эволюцию»²⁵³. Вопреки скептицизму некоторых исследователей²⁵⁴, этот процесс, может быть четко прослежен на фоне развития знаний о древних тюрках, будучи отражен в постоянной полемике В.В. Бартольда с оппонентами.

В.В. Бартольд отмечал сходство политических образований *сюн-ну* и тюрков и их отличие от империи монголов в том, что «первые два ограничились объединением кочевых народов и захватом тех культурных областей, которые всегда больше всего подвергались нападению кочевников; монгольское нашествие разрушило целый ряд культурных государств на всем пространстве Азии, и империя монголов своей обширностью превосходит все до сих пор существовавшие государства в мире»²⁵⁵. Касаясь предпосылок и обстоятельств прихода к власти Чингисхана, характер правления которого он рассматривался как аристократический, В.В. Бартольд противопоставил ему изречения надписей тюркских каганов, признающих вклад в свое возвышение за народом и отмечающих в качестве своих обязанностей заботу о народе²⁵⁶. В рецензии на работу Л. Кауна он прямо высказался о существовании идеи наследственной аристократии у тюрков²⁵⁷, и указал, что «правильные выборы с собиранием голосов и т.п. со-

²⁵¹ Аристов Н.А. Заметки об этническом составе ... С. 283—284.

²⁵² Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 282—283.

²⁵³ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. С. 6.

²⁵⁴ Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении. Ташкент, 1981. С. 196.

²⁵⁵ Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана (пробная лекция, читанная в СПб. унив. 8 апреля 1896 г.) // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 253.

²⁵⁶ Там же. С. 261.

²⁵⁷ Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 243.

вершенно неизвестны кочевникам»²⁵⁸. Последняя мысль была позже повторена В.В. Бартольдом в ходе критики работы Г. Ховорса, которому он, как человеку, позиционировавшему себя этнологом, поставил в упрек незнание «быта кочевников и их политического устройства, при котором не может быть и речи о правильном порядке престолонаследия или о закономерных выборах»²⁵⁹. Из этого видно, что В.В. Бартольд не преувеличивал значение демократичности у тюрков.

В.В. Бартольд считал, что распад империи Чингисхана связан с распадом рода, «основной экономической единицы у кочевых племен». Ссылаясь на орхонские надписи, он отмечал, что понятие родовой собственности переносится на государство, которое также рассматривается как собственность рода. Обогащение отдельных членов рода и укрепление их положения способствует тому, что они обретают самостоятельность и начинают тяготиться родовыми связями, что впоследствии приводит к усобицам²⁶⁰. Этот тезис повторен затем в ряде последующих работ²⁶¹. В частности, несколько позже (1904), в рецензии на труд Э. Шаванна, В.В. Бартольд, комментируя разделение Тюркского каганата на две части в 582 г., которые он изначально считал равноправными союзными государствами, писал: «При господстве среди кочевников понятия родовой собственности подобное двоевластие естественно должно было образовываться в тех случаях, когда империя создавалась не деятельностью одной исключительной личности, как Чингиз-хан, а совместной деятельностью двух или нескольких братьев»²⁶². Много позднее (1926) В.В. Бартольд конкретизировал свое мнение, отмечая, что «от большей части кочевых государств империя VI в. отличалась тем, что с самого начала находилась под властью только одной династии, но не одного лица», причем «ханы, правившие в западной половине империи, с самого начала были совершенно самостоятельны»²⁶³. В подобных суждениях В.В. Бартольда Н.Н. Козьмин улавливал отголоски родовой теории²⁶⁴. Но в рецензии на работу Н.А. Аристова, В.В. Бартольд, в целом не отрицая возможности борьбы между родовыми единицами, писал, что Н.А. Аристов преувеличивает ее значение и абсолютизирует ее, поскольку конкретный источниковый материал на примере двух указанных выше случаев (восстановление восточно-

²⁵⁸ Бартольд В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction ... С. 247.

²⁵⁹ Бартольд В.В. Туркестан ... С. 109.

²⁶⁰ Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана ... С. 265.

²⁶¹ Бартольд В.В. Туркестан ... С. 62—63, 330 (о Караханидах), 369 (о сельджуках), 529, 533 (о монголах). Ср. в более поздних работах: ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 118 (Черновые работы по восточным империям, [1919 г.]). Л. 5а—6а. Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография ... Туманович Н.Н. Описание архива ... С. 266 (о сельджуках); Бартольд В.В. История Туркестана // Бартольд В.В. Соч. М., 1963. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 129; Его же. История культурной жизни Туркестана // Там же. С. 248 (о Караханидах).

²⁶² Бартольд В.В. [Рец. на] E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par —. Avec une carte // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 357.

²⁶³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций ... С. 20. Этот важный вопрос о династийном управлении после получит развитие в работах Ф. Ласло и П.Б. Голдена (см.: Приложения 2, 3).

²⁶⁴ Козьмин Н.Н. Предисловие. С. XXXV прим. 2.

тюркской государственности и образование империи Чингисхана) показывает, что им предшествовала борьба степной аристократии и демократических элементов, притом что в случае с тюрками она закончилась победой демократии²⁶⁵. В то же время, высказавшись за одинаковые законы развития для обществ Запада и Востока, он призвал к осторожности по поводу рассуждений относительно кочевников о явлениях вроде классовой борьбы²⁶⁶.

В приложении к изданию В.В. Радловым памятника Тоньюкука (1897) В.В. Бартольд повторил мнение о борьбе у восточных тюрков двух направлений: аристократического, представленного родами богатых скотоводов, желающих захватить верховенство, и демократического, представленного родами бедных скотоводов, на которые, судя по источникам, прямо опирается каган²⁶⁷. В одной из своих многочисленных работ, критикующих В.В. Радлова и В.В. Бартольда, немецкий филолог В. Банг-Кауп, не поняв позиции В.В. Бартольда, писал, что нет причин говорить о демократичности тюркского хана, как это делает В.В. Бартольд, ведь окружение хана составляли его родственники или «дворянство»²⁶⁸. Тогда В.В. Бартольд подробно разъяснил, что имел в виду демократический характер рунических надписей, показывающих единство ханской власти и народа²⁶⁹. Этот тезис получит новую интерпретацию в последующие годы (см. ниже).

Полемизируя по этому же поводу с В.В. Бартольдом, Г. Вамбери высказался об отличии кочевнических государств от оседлых, указав, что относить к государствам как таковым можно лишь вторые²⁷⁰. При этом он оценивал первые лишь как постоянно передвигающиеся объединения племен, племенных подразделений, семей, противопоставляя их «культурным народам»²⁷¹. Как отметил П.М. Мелиоранский, Г. Вамбери укорял В.В. Бартольда за то, что тот говорил о «турецком государстве», «а из длинного рассуждения выясняется только, что понимать следует *кочевое* государство с различными присущими ему особенностями, в чем ни В. Бартольд, ни кто либо другой не сомневались, так что нового г. В<амбери — Авт.>. не сказал ничего...»²⁷².

В это же время П.М. Мелиоранский предпринял попытку внутренней критики Хошо-Цайдамских текстов, основываясь на методах филологического анализа и исторических выво-

²⁶⁵ Бартольд В.В. [Рец. на] Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 278.

²⁶⁶ Там же. С. 278—279; Кляшторный С.[Г.] Предисловие. С. 14. Например, Б.В. Лунин цитировал высказывание В.В. Бартольда о «классовой борьбе» вырванным из контекста, получая достаточно вольную и смелую трактовку взглядов В.В. Бартольда (Лунин Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда ... С. 48, 194—195).

²⁶⁷ Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold : Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg, 1897. S. 4—5, 6—8, 18.

²⁶⁸ Bang W. Zu den Köktürkischen Inschriften // T'oung Pao. 1898. Vol. IX. P. 121.

²⁶⁹ Бартольд В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники. С. 284—285.

²⁷⁰ Vámbéry H. Noten zu den alttürkischen Inschriften ... S. 4—5.

²⁷¹ Ibid. S. 5—6.

²⁷² Мелиоранский П.М. [Рец. на] Noten zu alttürkischen Inschriften ... С. 0161.

дах В.В. Радлова и В.В. Бартольда²⁷³. Во главе *эл'я* стоит *каган*, то есть хан, который «держит» *эль* (*тут*), т.е. старается поддержать связь между племенами и сохранить свою власть над ними, «устраивает» его (*ет*), т.е. старается усовершенствовать существующий порядок, разбирает и улаживает распри, тяжбы и т.п. При этом он еще стремится к расширению своего могущества и обогащению своих подданных. Для этого им предпринимаются походы как с целью грабежа, так и с целью покорения и включения в своей племенной союз других народов и *эл'ей*, что называется *казган* (приобретать, добывать). Награбленным добром хан поднимает состояние своего народа, что обозначается *егид* (возвышать, поднимать). В случае больших раздоров в *эл'е* или мятежей хан является с войском, наказывает виновных и восстанавливает благодетельный порядок и дает опять почувствовать свою власть, что именуется *ярат* (улаживать). В *эл'е* правовые отношения регулируются *төрү*, то есть «совокупностью законов старины, установлений, действующих в силу обычая, которыми руководствуется и сам хан, и его подданные», но, поскольку, по обычаю власть принадлежит хану, поэтому переводить слово *стбит* как «власть хана». Буквальное выражение *төрүг ет* «делать власть» значит «проявлять власть», что выражается в постановлении решений на суде, поэтому позже семантически термин означал «ханское решение на суде». Хан рисуется в надписях поставленным Небом владыкой, мудрым (*бильге*), т.е. понимающим, в чем состоит истинное благо его народа, поэтому те, кто не хотят повиноваться ему и возмущаются, впадают в «грех» или «преступление» по «неразумию»²⁷⁴. В памятниках хан не забывает про свой народ, которому он обязан возвышением так же, как и своим личным доблестям, поэтому ему характерен некоторый «демократизм», забота о народе, но «поддерживание» и «добывание» исходит не только от самого хана, но и от *эл'я*²⁷⁵. П.М. Мелиоранский указывает, что знать в тюркском обществе, безусловно, была, но в тот «золотой век», о котором говорится в надписях, рисуется как бы равенство в обществе: рядом с бегами всегда изображается *будун*, народ²⁷⁶. Высоким положением пользовались и женщины²⁷⁷. Хан в заботе о народе также активно стремится сопротивляться изнеживающему влиянию китайцев²⁷⁸. Важно также его предположение²⁷⁹, что, например, Онгинский памятник «был устроен китайскими военнопленными»²⁷⁹. В свою очередь, В.В. Бартольд согласился с тем мнением, что

²⁷³ Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 265 прим. 1, с. 271 прим. 1. В частности, П.М. Мелиоранский, похоже, разделял мнение В.В. Бартольда о родовом правлении и удельном характере Тюркского каганата (Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина ... С. 113).

²⁷⁴ Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 271. Ср.: *Его же*. Памятник в честь Кюль-Тегина ... С. 82—83.

²⁷⁵ Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 272.

²⁷⁶ Там же. С. 272.

²⁷⁷ Там же. С. 276.

²⁷⁸ Там же. С. 272—274.

²⁷⁹ Там же. С. 268—269.

походы тюркских каганов носили исключительно грабительский характер²⁸⁰, ведь только так они могли «поднять» тюркский народ, сделать его «сытым» и «одетым»²⁸¹.

Вышедший в 1903 г. труд французского сиолога Э. Шаванна о Западно-тюркском каганате содержал переводы китайских источников и значительную исследовательскую часть²⁸². Переводная работа до сих пор не потеряла значения, хотя исследовательский раздел вызвал суровую критику со стороны В.В. Бартольда²⁸³. Э. Шаванн первым попытался дать характеристику Западно-тюркскому каганату, который, по его мнению, не представлял собой централизованного государства, будучи разделенным на ряд автономных группировок, «которые образовывали федерацию, а не королевство». Каган не имел сильной власти, ей постоянно противостояли племена; западные тюрки не знали закона о престолонаследии, поскольку за смертью кагана почти всегда следовала борьба между его родственниками за престол. По мнению Э. Шаванна, только «под руководством умелого вождя» тюрки представляли реальную силу, перед которой склонялись все, но, остановившись в своих завоеваниях, они оказались неспособны «поддерживать процветание и величие своего государства»²⁸⁴. В.В. Бартольд указал на важность замечания Э. Шаванна о том, что «существование с самого начала разделение на два государства помешало туркам создать такую могущественную империю, как монгольская»²⁸⁵. Э. Шаванн также отметил роль западных тюрков в развитии культурных и торговых связей между Китаем, Византией, Персией и Индией²⁸⁶, с чем, по-видимому, также позже согласился В.В. Бартольд²⁸⁷.

Свидетельства византийских авторов Менандра [Men. Fr., 20] и Феофилакта Симокатты [Theoph. Sym., III. VI. 11] об умении переплавлять драгоценные металлы были осторожно истолкованы Э. Шаванном как доказательства высокого уровня металлургии у тюрков²⁸⁸, что, однако, встретило скептическое отношение В.В. Бартольда и Г.Е. Грумм-Гржимайло²⁸⁹. Будучи поклонником китайского конфуцианства и одновременно сторонником теории о влиянии расовых свойств народов на их историческую судьбу, ввиду чего довольно скептически смотрел на

²⁸⁰ Бартольд В.В. Новые исследования об орхонских надписях. С. 318.

²⁸¹ Там же. С. 326.

²⁸² *Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris, 1903. IV, 380 p.*

²⁸³ Бартольд В.В. [Рец. на] E. Chavannes, Documents ... С. 342—362. Э. Шаванну часто ставилось в упрек незнакомство с русскоязычными исследованиями (Там же. С. 352; Бартольд В.В., Ольденбург С.Ф. Эдуард Шаванн. Некролог // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 636—637; Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд ... С. XLIII).

²⁸⁴ *Chavannes E. Documents ... P. 299—300.*

²⁸⁵ Бартольд В.В. [Рец. на] E. Chavannes, Documents ... С. 361; *Chavannes E. Documents ... P. 221.*

²⁸⁶ *Chavannes E. Documents ... P. 300.*

²⁸⁷ Бартольд В.В. Двенадцать лекций ... С. 20—21.

²⁸⁸ *Chavannes E. Documents ... P. 238.*

²⁸⁹ Бартольд В.В. [Рец. на] E. Chavannes, Documents ... С. 358—359; Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. С. 216—217 прим. 1. Характерно, что мнение В.В. Бартольда основывалось на осторожном отношении к источникам, Г.Е. Грумм-Гржимайло же исходил скорее из стереотипных представлений о кочевниках (см. ниже).

соседей Китая, Э. Шаванн в одной из работ указал, что видит в орхонских памятниках лишь стремление каганов выразить, как написал В.В. Бартольд, «мечту о зверской славе»²⁹⁰.

В социальном аспекте можно упомянуть имя Й. Маркварта, который уделил некоторое внимание системе десятичного деления у древнетюркских племен, а также распределению племен на два крыла (напр., *до-лу* и *ну-ши-би*), считая, что все подобные объединения возникали, прежде всего, по военно-географическим, чем по этнологическим причинам и легко изменялись при смене политической ситуации²⁹¹. Однако, в целом его взгляды также были консервативны, когда, например он писал о «грабительских наклонностях кочевника»²⁹². Подобные суждения об орхонских тюрках и кочевниках вообще встречаются у Э. Блоше²⁹³. Как справедливо указал позже М.Т. Лаумулин, «в этом смысле антиномадистские взгляды Маркварта уже не отвечали современным представлениям о роли кочевых цивилизаций в истории»²⁹⁴.

Написанная на основе китайских источников, представляя собой во многом их пересказ, книга Э.Х. Паркера, вышедшая в 1895 г. и несколько дополненная во втором издании 1924 г. в связи с привлечением данных переводов рунических текстов²⁹⁵, примечательна с точки зрения вывода, сделанного ученым из рассуждений о соотношении названий *сюн-ну*, *тюрк* и *татар* и связи первых с европейскими гуннами и скифами, что все они были лишь обобщающими названиями кочевников со стороны китайцев или европейцев, но между этими народами, начиная со скифов «существовала некая этнографическая связь»²⁹⁶. Эти, развиваемые в ряде работ ученого идеи, не столь оригинальные на первый взгляд, не были бы столь замечательны²⁹⁷, если бы не получили развитие у последующих ученых.

²⁹⁰ Chavannes E. Notice sur Gabriel Devéria // Journal Asiatique. 1899. IXe Série. T. XIV. № 3. P. 384; Бартольд В.В., Ольденбург С.Ф. Эдуард Шаванн. Некролог. С. 631 прим. 19; Бартольд В.В. Двенадцать лекций ... С. 26; Его же. Обзор истории тюркских народов // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 429.

²⁹¹ Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 38.

²⁹² Цит. по: Бартольд В.В. Памяти Иосифа Маркварта. 1864—1930 // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 786.

²⁹³ Blochet E. Introduction L'Histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden; London, 1910 (E.J.W. Gibb Memorial Series. Vol. XII). P. 162, 185.

²⁹⁴ Лаумулин М.Т. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии // Отан тарихы. 2001. № 1. С. 47.

²⁹⁵ Parker E.H. A Thousand Years of the Tartars. Shanghai; Honkong; Yokohama; Singapore, 1895. P. 177—228, 231—261, 266—294. Книга не снабжена ссылочным аппаратом, что затрудняет ее использование в научных целях. Ср. русскоязычный перевод второго издания (London, 1924): Паркер Э. Татары. История возникновения великого народа / пер. с англ. Т.Е. Любовской. М., 2008. С. 124—160, 161—183, 184—199. Больше значение имеют переводы Э.Х. Паркером китайских летописей с комментариями, изданные в нескольких номерах журнала «The China Review» (1899. Vol. 24. № 3. P. 120—130; 1900. Vol. 24. № 4. P. 163—173; 1900. Vol. 24. № 5. P. 227—234; 1900. Vol. 25. № 1. P. 1—12; 1900. Vol. 25. № 2. P. 69—79; 1901. Vol. 25. № 4. P. 163—174; 1901. Vol. 25. № 5. P. 234—247; Vol. 25. № 6. P. 265—271). Слово *татар* ученый использовал здесь как аналог китайскому ху, букв. 'варвар'.

²⁹⁶ Parker E.H. A Thousand Years of the Tartars. P. 3—5; Паркер Э. Татары ... С. 8—9.

²⁹⁷ Бернштам А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд ... С. XLI. Меньше понимания работа встретила у более поздних советских историков (Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе ... С. 45).

Речь идет о книге М.А. Чаплички, изданной в 1918 г. еще до окончания Первой мировой войны²⁹⁸. В противоположность термину *Османский*, обозначающего жителей Османской империи, М.А. Чапличка ввела для общего названия тюрков термин *Туранский*, прямо возводя их историю к временам «Авесты»²⁹⁹. М.А. Чапличка, развивая выводы Э.Х. Паркера, делит историю тюрков на четыре периода: «1) От первого смутного (*vague*) упоминания в китайских летописях танской и чжоуской династий (2356—2200 до н.э.) и не менее смутных упоминаний в Авесте (если правильно отождествлять *Tuga* с *Turg*) до середины VI столетия н.э., когда впервые появляется имя *Tu-kiue* (*Turks*). 2) От появления названия “түрок” через период быстрого развития независимости до монгольского нашествия XIII века. 3) От XIII столетия через период великих передвижений, начавшихся с завоевания Чингис-хана и все еще независимого турецкого государства под монгольской династией, до начала русской династии XVII века. 4) От XVII столетия через периоды войны с Россией и с последующим русским управлением до русской революции 1917 г.»³⁰⁰. Хотя эта книжка не имела никакой научной ценности, кроме, по-видимому, библиографии³⁰¹, она важна тем, что излагала более или менее цельную концепцию тюркской истории, выстроив единую линию этнической и политической преемственности.

Другая крайность отражена, например, во взглядах французского сиолога Л. Вигера, также считавшего тюрков выступившими под иным названием хуннами³⁰², сформулировавшего свое понимание истории кочевников так: «Еще раз, история кочевых империй — это всегда история мыльного пузыря, который исчезает после взрыва. Тюрки заняли место аваров, надулись, сверкнули, навели трепет, произвели шум, и закончили, как они в свое время»³⁰³.

К концу XIX — началу XX вв. относятся также отдельные высказывания ученых о титулатуре и корнях политических традиций тюрков. За неудачными попытками транскрибирования звучания титулатуры, зафиксированной в китайских источниках, предпринятыми В.В. Радловым³⁰⁴ и Э.Х. Паркером³⁰⁵, с открытием орхонских надписей появляются работы,

²⁹⁸ *Czaplicka M.A.* The Turks of Central Asia in history and at the present day, an ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia. Oxford, 1918. См.: *Бартольд В.В.* [Рец. на] М.А. Czaplicka. The Turks of Central Asia in history and at the present day, an ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia // *Бартольд В.В.* Соч. Т. V. С. 441—445; *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 28—29.

²⁹⁹ *Czaplicka M.A.* The Turks of Central Asia ... P. 14, 18—20; *Бартольд В.В.* [Рец. на] М.А. Czaplicka. The Turks of Central Asia ... С. 442.

³⁰⁰ *Czaplicka M.A.* The Turks of Central Asia ... P. 61. Цит. по: *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 28. Ср.: *Бартольд В.В.* [Рец. на] М.А. Czaplicka. The Turks of Central Asia ... С. 443. Изложение эпохи от тюрков до кыркызов см.: *Czaplicka M.A.* The Turks of Central Asia ... P. 70—73.

³⁰¹ *Бартольд В.В.* [Рец. на] М.А. Czaplicka. The Turks of Central Asia ... С. 441, 445.

³⁰² *Wieger L.* Textes Historiques. Histoire politique de la Chine. 3e éd. revue et complete. Hien Hien, 1929. Т. II. De 420, début de la dynastie Sóng, à 906, fin de la dynastie des T'ang. P. 1230.

³⁰³ *Ibid.* P. 1231.

³⁰⁴ См.: *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций ... С. 32—33.

сводившиеся к мнению о заимствовании тюрками титулатуры и государственных институтов извне: В.П. Васильев писал о заимствовании у китайцев³⁰⁶; Э. Блоше также говорил о китайском влиянии³⁰⁷ (хотя на другой странице уже об иранском)³⁰⁸; А. Кордые в своей «Всеобщей истории Китая...» (1920), где, опираясь, в основном, на труд Э. Шаванна, а А. Гобиля и Ж.-А.-М. де Майя, уделил внимание тюркам³⁰⁹, упоминал титул кагана как тунгусский³¹⁰; П. Пельо на одной из лекций, прочитанных осенью 1925 г. в Ленинграде, высказал мнение, что титулатура и государственные институты тюрков заимствованы у их предшественников в степи *жоужаней*³¹¹.

С середины 10-х гг. XX в. интерес к изучению памятников древнетюркской рунической письменности несколько снизился в связи с открытиями уйгурских памятников в Восточном Туркестане³¹², привлечших внимание ведущих востоковедов со всего мира³¹³. В то же время значительно обострились противоречия между российскими (петербургскими) и немецкими (берлинскими) тюркологами³¹⁴. Затем такие события, как Первая мировая война и революция в России окончательно раскололи европейское востоковедческое сообщество и сделали невозможным дальнейшее сотрудничество³¹⁵. В последующем исторические работы по древнетюркской тематике выходили не столь интенсивно и не были столь же оригинальны и полемичны.

В работе «Улугбек и его время», законченной к началу 1915 г. (издана в 1918 г.), В.В. Бартольд наиболее емко и точно изложил свою позицию на социально-политическую историю кочевников. Он писал о том, что в степи всегда существовало имущественное неравенство и, следовательно, «антагонизм сословий», а также борьба за пастбища способствовали объединению народа вокруг одного лица или рода; при этом в «обычных условиях жизни кочевников» он считал возможным «говорить только об общественном, но не государственном

³⁰⁵ См.: Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 265 прим. 1; *Его же*. Памятник в честь Кюль-Тегина ... С. 8 прим. 1; *Hirth F.* Nachworte S. 7; *Бартольд В.[В.]* [Рец. на] К. Иностранцев, Хун-ну и Гунны ... С. 0112.

³⁰⁶ *Васильев В.П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. СПб., 1897. Т. II. С. 3—4, прим. 1.

³⁰⁷ *Бартольд В.В.* [Рец. на] E. Blochet, Introduction à la Histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden—London, 1910. 398 pp. 8 («E.J.W. Gibb Memorial» Series, vol. XII) // *Бартольд В.В.* Соч. Т. IX. С. 281; *Его же*. Двенадцать лекций ... С. 24—25. См.: *Bloch E.* Introduction ... P. 183.

³⁰⁸ *Бартольд В.В.* [Рец. на] E. Blochet, Introduction ... С. 281. См.: *Bloch E.* Introduction ... P. 211.

³⁰⁹ *Cordier H.* Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers : depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie Mandchoue. Paris, 1920. Vol. I. Depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie T'ang (907 après J.-C.). P. 380, 382, 386, 389—395, 402—403, 408—413, 416—418, 420—421, 423—426, 428—430, 439—441, 445—452, 453—454, 461—469.

³¹⁰ *Ibid.* P. 390.

³¹¹ *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций ... С. 24.

³¹² См.: *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 21; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники ... С. 9; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 25.

³¹³ *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968 (Ural-Altische Bibliothek. XV). P. 3—5; *Temir A.* Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri ... S. 51—61.

³¹⁴ См.: *Temir A.* Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri ... S. 68—71.

³¹⁵ *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples ... P. 6.

строе», только после объединения возникала «сильная государственная власть и представление о великодержавном могуществе». Предпринимаемые в последующем же главой этого объединения набеги и войны, обогащавшие народ, были необходимы для поддержания этой власти³¹⁶.

Конкретизация этих взглядов происходит в последующие годы, когда В.В. Бартольд прямо заявляет о своей согласии с концепцией В.В. Радлова о социальном устройстве кочевников, подчеркивая, что она полностью подтвердилась орхонскими текстами³¹⁷. В 1925 г. он отмечал, что главным выводом В.В. Радлова является указание на то, что у кочевников, в отличие от европейцев, «всякая власть в действительности является узурпацией», а также то, что народные собрания у кочевников никогда не представляли собой совещательного и законодательного института, органа, ограничивавшего власть кагана, а собирались лишь для того, чтобы «изобразить могущество хана, а не ограничивать его власть». В.В. Бартольд вновь отметил, что война — естественное состояние для кочевника, ибо набеги являются следствием стремления восстановить за счет более удачливых соседей свое пошатнувшееся из-за стихийных бедствий положение³¹⁸. Здесь же В.В. Бартольд указал на несостоятельность после прочтения древнетюркских надписей теории о родовой сущности кочевнической государственности, ведь «кроме борьбы между родами, мы видим еще борьбу сословную, между знатными и простыми, между богатыми и бедными, причем богатые люди различных родов соединяются против бедных людей также из различных, иногда из тех же родов. Борьба богатых с бедными — это явление, которое оказывает влияние на образование новых родов и, кроме того, играет роль при появлении обширных государств»³¹⁹. «Факт борьбы не только между отдельными родами, но и между сословиями, как повод к образованию кочевого государства, был выяснен только на основании памятников, оставленных самими кочевниками. В арабских и китайских известиях при описании событий на эту сторону не обращается никакого внимания. Таким образом, надписями дается существенное дополнение к тому представлению о подобных движениях, которое существовало раньше», — заключает В.В. Бартольд³²⁰.

Между тем В.В. Бартольд сравнивал древнетюркское общество и их рунические тексты с эллинами гомеровской эпохи, имевшими свой эпос; он говорил о «той же стадии развития». Например, каган также должен быть храбрым в бою и мудрым в совете³²¹. В то же время

³¹⁶ Бартольд В.В. Улугбек и его время // Бартольд В.В. Соч. М., 1964. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 27—28; Крадин Н.Н. Кочевые общества ... 1992. С. 18; Ахсанов К.Г. Проблема становления ... дис. ... С. 21; Его же. Проблема становления ... автореф. С. 12—13.

³¹⁷ Бартольд В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837—1918. С. 678; Его же. Двенадцать лекций ... С. 22.

³¹⁸ Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов. С. 427.

³¹⁹ Там же. С. 428.

³²⁰ Там же. С. 429.

³²¹ Повествуя о роли жрецов у гомеровских греков, ученый осторожно отметил, что древнетюркские надписи ничего не говорят о шаманах (Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов. С. 429—430). Ср.: Его же. Двенадцать лекций ... С. 27; Его же. Связь общественного быта с хозяйственным укладом // Бартольд В.В. Соч.

В.В. Бартольдом были высказаны сомнения в практическом значении каганских надписей, свидетельствовавших бы о «довольно большом распространения грамотности» среди тюрков, что, по его справедливому замечанию, «трудно ожидать в условиях кочевого быта», он несомненно видел здесь культурное влияние оседлых соседей³²².

В своих «Двенадцати лекциях...», прочитанных в 1926 г. в Стамбуле и впервые изданных в 1927 г., В.В. Бартольд прямо говорит, что «кочевой народ при нормальных условиях не стремится к политическому объединению; отдельная личность находит для себя полное удовлетворение в условиях родового быта и в тех связях, которые создаются жизнью и обычаем между отдельными родами, без каких-либо формальных договоров и без создания определенного аппарата власти». Ученый называет это «стадией развития» — когда общество располагает такой силой, «что его воля исполняется, не нуждаясь для этого в поддержке со стороны властей, которые бы располагали определенными законными полномочиями и определенной внешней силой принуждения». Лишь при «чрезвычайных обстоятельствах» появляется хан, который захватывает власть над народом, а при удаче над несколькими народами, чему часто сопутствует очень кровопролитная борьба, только после которой народ или народы смиряются с новой властью³²³. Следующие же затем походы, как отмечает В.В. Бартольд, на «культурные земли» за военной добычей — «единственный способ примирить народ с установлением ханской власти»³²⁴. В.В. Бартольд добавил к концепции В.В. Радлова «только одну новую черту, на которую Радловым не было обращено внимание», — это именно факт сословной борьбы как одного из «чрезвычайных обстоятельств» возникновения кочевой государственности. «В кочевом обществе, — писал В.В. Бартольд, — имущественные и сословные различия уже достигают таких пределов, что такое обострение вполне возможно». По его мнению, древнетюркские надписи показывают, «что во время китайского владычества аристократия, как бывало и в культурных странах, ради сохранения своих сословных привилегий легче мирилась с иноземным игом и легче изменяла своим народным обычаям, чем простой народ... <...> Принятие беками китайских нравов усилило ненависть к ним народных масс, и этим воспользовались представители ханской династии, чтобы поднять народ против китайского владычества и восстановить турецкое государство»³²⁵. В статье, посвященной памяти В. Томсена (1928), он прямо указывает, что «самый характерный исторический факт, устанавливаемый надписями, — связь восстания против китайцев в 680-х годах с сословной борьбой между бегами, т.е. аристократией, и “черной

Т. V. С. 472, что, видимо, почерпнуто у П.М. Мелиоранского (См.: *Мелиоранский П.М.* Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями. С. 266).

³²² Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов. С. 430.

³²³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций ... С. 22—23.

³²⁴ Там же. С. 23.

³²⁵ Там же.

народной массой» среди самих турок», и это, пишет он, не было отмечено ни В.В. Радловым, ни В. Томсеном³²⁶.

В рамках различных методологических подходов учеными акцентируется внимание, как правило, лишь на отдельных положениях В.В. Бартольда, что вызывает различную трактовку его воззрений³²⁷, вплоть до приписывания ему взглядов о внешнеэксплуататорской (экзополитарной) природе кочевнической государственности³²⁸. Следует отметить, что в своих рассуждениях В.В. Бартольд имел в виду только Второй Тюркский каганат, памятниками эпохи которого, собственно, орхонские надписи и являются. При этом предпринимаемые каганом набеги и войны он рассматривал лишь как фактор поддержания власти путем удовлетворения потребностей народа³²⁹, но не как условие ее установления. Говоря же в том или ином виде о социальной борьбе, В.В. Бартольд также был осторожен в обобщениях, отмечая недостаток источников³³⁰. Лишь в 1929 г., когда он, говоря о зафиксированной древнетюркскими и монгольскими источниками борьбе между имущими и неимущими, определял ее как «классовую борьба в ее первоначальном виде», «вероятно», под влиянием которой, «создается правительственная власть, военное и политическое могущество», указывая в качестве противоборствующей со степной аристократией стороны «народные массы», он писал: «Без момента обострения классовой борьбы даже в условиях кочевого быта нет почвы для возникновения сильной правительственной власти». Здесь он лишь оговаривался, что борьба хана за власть «со своим собственным народом» иногда была более кровопролитна, чем последующие завоевания³³¹. Таким образом, он никогда не исключал роли внутреннего фактора в возникновении кочевнической государственности, но нигде не описывал этот процесс подробно. В то же время В.В. Бартольд, по-видимому, при упоминании понятия «классовая борьба» не вкладывал в него тот смысл, который позже встречается в работах марксистских ученых. В.В. Бартольду марксизм остался чужд³³². Исходя из всего изложенного, наиболее целесообразным видится лишь удовлетвориться высказанным им

³²⁶ Бартольд В.В. Томсен и история Средней Азии. С. 763.

³²⁷ Бернштам А.[Н.] Проблема распада ... С. 93; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1935. С. 5; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 27, 28; *Кляшторный С.[Г.]* Предисловие. С. 15; *Кляшторный С.Г., Ромодин В.А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР // Тюркологический сборник. 1970. С. 151; *Klyashorniy S.G., Romodin V.A.* SSCB İlimler Akademisinde Türk Halkları Tarihi Araştırmalarına Dair // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. 2004. № 13(2). [Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2004. Cilt 11. Sayı 2]. С. 138; *Вайнштейн С.И., Кляшторный С.Г.* В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение ... С. 25; *Krader L.* Peoples of Central Asia. P. 154; *Барфилд Т.Дж.* Опасная граница ... С. 38—39.

³²⁸ *Ахсанов К.Г.* Историографический обзор. С. 24; *Его же*. Очерки истории тюркских народов. С. 26.

³²⁹ Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов. С. 429; *Его же*. Двенадцать лекций ... С. 23, 24.

³³⁰ Бартольд В.В. Двенадцать лекций ... С. 24.

³³¹ Бартольд В.В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом. С. 471.

³³² *Якубовский А.Ю.* Проблема социальной истории Востока в трудах академика В.В. Бартольда // Вестник Ленинградского Унив.-та. 1947. № 12. С. 79; *Кляшторный С.[Г.]* Предисловие. С. 15; *Кляшторный С.Г., Ромодин В.А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР. С. 151; *Klyashorniy S.G., Romodin V.A.* SSCB İlimler Akademisinde Türk Halkları Tarihi Araştırmalarına Dair. С. 138; *Лунин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда ... С. 197; *Писаревский Н.П.* Изучение ... дис. ... С. 32; *Ахсанов К.Г.* Проблема становления ... дис. ... С. 24, 42, 147.

еще в 1896 г. мнением о том, что «образование “обширных кочевых империй” вызывается “различными причинами, главным образом, экономического свойства”»³³³.

В работах К.А. Иностранцева и Г.Е. Грумм-Гржимайло разрабатывались, в основном, этнические проблемы древнетюркской истории³³⁴. Но они оставили несколько серьезных замечаний для истории социальной. Особо интересны они в полемике с В.В. Бартольдом.

Важное значение имеют взгляды на этнические и социальные процессы в степях К.А. Иностранцева, по сути, развивавшего взгляды Ж. Дегиня, который, по его словам, «совершенно верно понял политическую историю кочевых народов Средней Азии»³³⁵. Отмечая, что «вопрос о происхождении народа представляет... <...> большие затруднения» и является «в самом деле одним из самых сложных», К.А. Иностранцев писал: «В истории Средней Азии, т.е. в истории преимущественно кочевых народов, эти вопросы еще усложняются тем, что там смешения народов происходили гораздо чаще, чем в истории Европы... <...> Отсюда возникает большая трудность определения племенной принадлежности азиатских кочевых народов, побудившая некоторых исследователей совершенно отказаться от этнографической классификации и признать только политическую. Из отдельных фактов, способствующих такой путанице, назовем, напр., переход имени победившего племени или рода на всех поданных: победил род Хунну — все делается Хунну, победил род Сяньби — все делается Сяньби и т.д.»³³⁶. Отдавая должное вкладу Ж. Дегиня в понимание первичности политических, а не этнических связей в объединениях кочевнических народов, К.А. Иностранцев, тем не менее, справедливо критиковал сторонников этого мнения, доводивших его до крайности и полностью игнорировавших этнические характеристики этих объединений. «<...> ...При строгом проведении политической классификации неизбежно надо придти к некоторым непримиримым недоразумениям, — писал К.А. Иностранцев. — Только при признании влияния политического положения, но основываясь на этнографической классификации, можно решать вопросы о происхождении народов»³³⁷. Он считал «естественным», что «три великие кочевые империи: Хунну, Ту-гю и Монголов являлись пестрою смесью различных племен и родов, под верховенством одного рода»³³⁸. Критикуя попытки автоматических отождествлений друг с другом исторических народов одного региона на основе лишь сходства обычаев, К.А. Иностранцев писал, что обычаи кочевнических народов в разные времена естественно могут быть схожи, поскольку жизнь их «сложилась под

³³³ *Кляшторный С.[Г.]* Предисловие. С. 14. См.: *Бартольд В.В.* Образование империи Чингиз-хана ... С. 253.

³³⁴ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ...; *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия ... Т. II.

³³⁵ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 8.

³³⁶ Там же. С. 2—3.

³³⁷ Там же. С. 16.

³³⁸ Там же. С. 91—92.

всеуравнивающим влиянием степи»³³⁹, или «объясняется общими кочевыми условиями жизни»³⁴⁰. Для выяснения происхождения этих народов необходимо, прежде всего, определить, «к какой группе племен или даже расе принадлежала династия, а с нею ядро народа (которое иногда составляет большинство в государстве)»³⁴¹.

Мысль о т.н. «политической классификации» является важной с методологической точки зрения, а вывод К.А. Иностранцева о полиэтническом характере кочевнических объединений, по замечанию П.К. Дашковского, нашел развитие в более поздних концепциях место в концепции межэтнической иерархии политических образований кочевников (А.Д. Грач, Д.Г. Савинов и др.)³⁴². Между тем В.В. Бартольд вовсе «не вполне разделял» взглядов К.А. Иностранцева «на роль и будущность этой классификации»³⁴³. Не соглашаясь с критикой с К.А. Иностранцева в адрес Л. Кауна за приверженность к «политической классификации», В.В. Бартольд указывал на невозможность точной этнографической или лингвистической идентификации тех или иных кочевников при недостаточном количестве источников и их противоречивости, но, считал он, «на более твердую почву переносят нас только такие счастливые, к сожалению слишком редкие открытия, как открытие орхонских надписей», т.к. «тщательное исследование материала, заключающегося в надписях, и осторожное сопоставление добытых результатов с известиями о предшествующих и последующих веках, может быть, приведет нас к более прочным результатам», а до этого историк должен, отмечая этнографические, антропологические и лингвистические особенности того или иного народа, оставлять вопрос о его происхождении в стороне³⁴⁴. В.В. Бартольд исходил из чисто позитивистских позиций, четко разграничивая социально-политический и этнический аспект истории того или иного народа. Например, он признавал возможность наследования народами, не говорившими на «турецком» языке, «традиций турецкой империи» или «традиций каганов турецких», т.е. титулатуры и обычаев, если на это есть указания в источниках³⁴⁵. В то же время, исторические названия народов и племен он также интерпретировал, исходя только из письменных документов, пренебрегая данными этнографии об особенностях таких наименований. В работах В.В. Бартольда это выразилось, в итоге, в сложностях понимания соотношения терминов *түрк* и *огуз*³⁴⁶, первый из которых он удачно разъяснил как политический, считая, однако, второй этнографическим названием того же народа, ис-

³³⁹ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 22.

³⁴⁰ Там же. С. 43, 49.

³⁴¹ Там же. С. 92.

³⁴² *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 173. К.Г. Ахсанов по недоразумению приписал К.А. Иностранцева к последователям родовой теории (*Ахсанов К.Г.* Проблема становления ... дис. ... С. 19).

³⁴³ *Бартольд В.[В.]* [Рец. на] К. Иностранцев, Хун-ну и Гунны ... С. 0110.

³⁴⁴ Там же. С. 0111.

³⁴⁵ *Бартольд В.В.* Арабские известия о русах // *Бартольд В.В.* Соч. Т. II. Ч. 1. С. 815—816. Статья опубликована в 1940 г. (См.: Советское востоковедение. 1940. Т. 1. С. 15—50).

³⁴⁶ *Бартольд В.В.* [Рец. на] Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе ... С. 270—271.

ходя, в частности, из того момента, где тюркский каган именует огузов «своим народом» [Кб, 4]³⁴⁷. Историю тюркских племен Монголии В.В. Бартольд рассматривает именно как смену народов в этнографическом понимании, а не династий, т.е. в политическом значении, в отличие, например, от того же Л. Кауна³⁴⁸, соответственно, не понимая установленных В.В. Радловым и Г. Вамбери процессов текучести социальной организации кочевников, что он, судя по всему сводил, к «родовой теории», критикуя на этом основании В.В. Радлова и Н.А. Аристова, во многом следовавшего Г. Вамбери.

Крайность такой, совершенно противоположный К.А. Инностранцеву, подход нашел отражение в трудах путешественника Г.Е. Грумм-Гржимайло. В 1898 г. была издана его книга «Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии», вошедшая потом во второй том работы «Описание путешествия в Западный Китай» (1899), где ученый коснулся некоторых аспектов истории древних тюрков³⁴⁹. Несмотря на указанную В.В. Бартольдом уязвимую методическую сторону, связанную, прежде всего, «категоричностью выводов и резкостью полемических приемов» автора при недостаточном знакомстве с источниками и отсутствием у него «настоящей исторической и филологической подготовки»³⁵⁰, книга интересна тем, что Г.Е. Грумм-Гржимайло предпринял попытку написания обобщающего исторического труда о кочевниках на основе сопоставления сведений письменных источников, археологических и этнографических материалов с данными исторической географии³⁵¹. Прямо социальной истории кочевников он не затрагивал, но активно пытался установить этническое происхождение того или иного племени, опираясь, в основном, на антропологические сведения. Главной целью другой, главной своей книги, «Западная Монголия и Урянхайский край» (том II, 1926 г. закончен в декабре 1917 г.), Г.Е. Грумм-Гржимайло видел «осветить роль белокурой расы в Средней Азии», представителями которой он считал племя динлинов (*ди-ли* или *дин-лин*). В этом стремлении он, по собственному признанию, «невольно переступил осторожность в обращении с фактами». «Но, — пишет он, — такова, кажется, судьба большинства авторов гипотез, которые

³⁴⁷ Бартольд В.В. Гуззы // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 524; *Его же*. Очерк истории туркменского народа // Там же. Т. II. Ч. 1. С. 553; *Его же*. История турецко-монгольских народов. С. 200; *Его же*. Тюрки ... С. 579; *Его же*. Двенадцать лекций ... С. 23, 39—40. Между тем Й. Маркварт еще в 1898 г. показал, что, по крайней мере, о *токуз огузах* нужно говорить как об отдельной группе племен, лишь временно покоренной и вошедшей в политическую организацию *тюрков*, но уже во времена государства Кутлуга вышедшей из их подданства (*Marquart J. Die Chronologie Der Altürkischen Inschriften / mit einem Vorwort und Anhang von Prof. W. Bang in Löwen. Leipzig, 1898. S. 23—26*). Много позже несостоятельность всех доводов в пользу отождествления тюрков и огузов рунических надписей была доказана Ференцем Ласло (*László F. Die Tokuz-Oguz und die Köktürken // Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata / ed. L. Ligeti. Budapestini, 1942. Vol. I. S. 103—109*). Ср. турецкий перевод Х. Эрэна: *László F. Dokuz-Oğuzlar ve Gök Türkler // Belleten. 1950. Cilt : XIV. Sayı : 53. S. 37—43*).

³⁴⁸ См.: Бартольд В.В. Обзор истории тюркских народов. С. 432; *Его же*. Двенадцать лекций ... С. 50.

³⁴⁹ [Грум-Гржимайло Г.Е.] Описание путешествия в Западный Китай. СПб., 1899. Т. II. Поперек Бэй-шаня и Нань-шаня в долину Желтой реки. С. 1—127.

³⁵⁰ См.: Бартольд В.В. [Рец. на] Г.Е. Грумм-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с Историей Средней Азии // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 280—283; *Его же*. Ответ Г.Е. Грумм-Гржимайло // Там же. С. 330—341.

³⁵¹ «Г.Е. Грумм-Гржимайло взглянул на историю глазами географа» (*Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 96*).

могут служить опорой для дальнейших научных выводов и содействовать уяснению важнейших явлений современной действительности, иными словами — таких, значение которых в известной области знания достаточно велико»³⁵². На первых страницах книги он всерьез рассуждает о расовых характеристиках народов³⁵³, в итоге утверждая: «белокурые сыграли большую роль в Средней Азии»³⁵⁴. Еще в 1898 г., когда, по собственным словам, он «только что приступил к изучению хода исторических событий в Средней Азии и развития культурно-социальных форм у населявших ее народов», причисляя к «динлинской расе» племена *гао-цзюй*, *те-лэ* и уйгуров, Г.Е. Грумм-Гржимайло писал: «В истории народов Средней Азии они [в оригинальном издании: гаогюйцы — *Авт.*] играли фатальную роль. Их имя неразрывно связано с падением кочевых государств, могуществу коих они наносили первый, а иногда и последний удар. Но победами своими они успевали пользоваться лишь на самое короткое время. Их поколения, разбросанные на огромном пространстве [в оригинальном издании здесь следует фраза «Гобийской пустыни» — *Авт.*] от Тарбагатай до Большого Хингана [в оригинальном издании: «до Яблонового хребта и на юг до Нань-шаня» — *Авт.*], не были связаны общими интересами, каждое же в отдельности было не столь многочисленно, чтобы впитать в себя огромное наследие побежденного. Вот почему им приходилось всегда уступать свое место другим, более сплоченным народам, которые нередко с их же помощью, по меткому выражению китайского историка, — “героюствуя их силами”, выполняли выпадавшую на их долю задачу об’единения разноплеменных кочевых масс»³⁵⁵. Что касается древних тюрков, то, даже пытаясь следовать в построениях этнических отождествлений Н.А. Аристову³⁵⁶, Г.Е. Грумм-Гржимайло пытался находить среди них «голубоглазых суб’ектов» с «динлинской кровью», ссылаясь при этом на описание внешности тюркских каганов Му-гань и Чу-ло-хоу китайскими источниками, использованными им в переводах Н.Я. Бичурина и Ст. Жюльена³⁵⁷. Получалось, что «возвышение турецкой государственности, успех монгольских завоеваний — все это продукты голубоглазых динлинов», — отмечал позже антрополог А.И. Ярхо³⁵⁸, показавший на научном материале несостоятельность расистских построений Г.Е. Грумм-Гржимайло³⁵⁹. В этом же ключе была критика А.З. Велиди (Тогана)³⁶⁰.

В.В. Бартольд, в личном письме (от 31 января 1927 г.) хотя и похвалил Г.Е. Грумм-Гржимайло за «огромную работу», указав, что, «само собой разумеется», он «не во всем согла-

³⁵² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия ... Т. II. С. III.

³⁵³ Там же. С. IV.

³⁵⁴ Там же. С. 69.

³⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 69, 70. Ср.: [Грум-Гржимайло Г.Е.] Описание ... Т. II. С. 47.

³⁵⁶ См.: Бартольд В.В. [Рец. на] Г.Е. Грумм-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня ... С. 280; *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны ... С. 148.

³⁵⁷ Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия ... Т. II. С. 211—212.

³⁵⁸ Ярхо А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. С. 115.

³⁵⁹ Там же. С. 114—120.

³⁶⁰ *Zeki Velidi Togan A. Tarihte Usûl.* S. XIX.

сен» с ним, тем не менее, уклонился от выполнения просьбы о написании критического отзыва на его книгу, сославшись на свое недостаточное знакомство с литературой, привлеченной Г.Е. Грумм-Гржимайло, что делало бы дискуссию бесполезной³⁶¹. По-видимому, насыщенность фактами, многократно отмеченную в качестве положительной стороны книги Г.Е. Грумм-Гржимайло³⁶², следует считать едва ли не единственным ее достоинством.

Возможно, именно отсутствие исторического образования помешало Г.Е. Грумм-Гржимайло сделать какие-либо значимые выводы из ряда важных наблюдений. Например, комментируя данные китайских источников о металлоплавильном занятии тюрков, он писал, что «не они, однако, при их взглядах на назначение мужчины быть только воином занимались тяжким трудом рудокопа и выплавкой металла, а, вероятно, те из их кыштымов — мелких племен динлинской расы, которые населяли бассейны среднего Енисея и Оби, как известно, издавна служившие центром распространения медных и железных изделий»³⁶³. Таким образом, он первым гипотетически указал на существование эксплуатируемых тюрками групп оседлого или полuosедлого населения, занятых в металлургическом хозяйстве, но не сумел развить мысль.

Г.Е. Грумм-Гржимайло не имел сформированного представления о социальных процессах. Применительно к тюркам на страницах его книги можно встретить такие выражения как «ханский их род», «привилегированное дворянское сословие», «правлящий класс турок»³⁶⁴, но без какого-либо определенного смысла. Г.Е. Грумм-Гржимайло безосновательно писал о словном делении у тюрков на черную и белую кость, «чего не замечалось у хуннов»³⁶⁵. В целом свое отношение к кочевникам он прямо выказывает, соглашаясь с их характеристикой как «трутней человечества», занимавшихся лишь грабежом «культурных» оседлых народов, а создание древнетюркской письменности и возведение орхонских монументов он объясняет влиянием китайской культуры³⁶⁶. Периоды возвышения Тюркских каганатов он трактует как «героическую эпоху завоеваний», а падение сводит к «интригам честолюбцев» и проискам «неудовлетворенных самолюбий мелочных, себялюбивых натур»³⁶⁷. Морализаторские оценки и субъективные характеристики почти на каждой странице также снижают значение работы для науки.

Значительное влияние оказала работа Г.Е. Грумм-Гржимайло на книгу премьер-министра Монголии Анандына (Агданбуугийна) Амара «Краткая история Монголии», издан-

³⁶¹ Цит. по: *Грумм-Гржимайло А.Г.* Дела и Дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа, 1860—1936). М., 1947. С. 64. У Л.Н. Гумилева этот момент представлен в искажении (*Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 97).

³⁶² См.: *Грумм-Гржимайло А.Г.* Дела и Дни ... С. 65—67. См. теперь: *Задваев Б.С.* Западная Монголия в трудах ... С. 139, 146—148, 153, 172.

³⁶³ *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия ... Т. II. С. 215—216.

³⁶⁴ Там же. С. 209, 213, 219.

³⁶⁵ Там же. С. 213.

³⁶⁶ Там же. С. 214 прим. 5, с. 216—217.

³⁶⁷ Там же. С. 225, прим. 2.

ную в 1934 г.³⁶⁸ Несмотря на то, что книга эта посвящена монголам, она интересна тем, что автор продвигал идею родства монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов³⁶⁹, значительное внимание уделив тюркам и уйгурам, единственным, по мнению автора, тюркским народам, властвовавшим Монголии³⁷⁰.

Впоследствии многие идеи Г.Е. Грумм-Гржимайло перенял Л.Н. Гумилев, не только активно использовавший в своих работах т.н. «метод историко-географического синтеза», но и черпавший в расистских построениях Г.Е. Грумм-Гржимайло многие мысли для своих теорий³⁷¹.

Таким образом, введение в научный оборот памятников древнетюркской рунической письменности позволило поставить вопрос о социальных противоречиях в кочевнических обществах, однако, работ, посвященных изучению собственно общества не последовало.

* * *

Суммируя все результаты работ за период 2-й половины XVIII — 20-х гг. XX вв., следует отметить, что именно в это время зарождается фундаментальная основа источниковой и методологической базы, позволившая в последующие годы приступить не только к изучению древнетюркского общества, но и к первым попыткам теоретического осмысления его места в мировом историческом процессе. Важную роль в этом сыграли три обстоятельства: (1) разработка китайских материалов как основных внешних источников по истории древних тюрков; (2) открытие и расшифровка памятников древнетюркской рунической письменности; (3) активное привлечение материалов этнографии кочевнических тюрко-монгольских народов к историческим исследованиям.

Важным моментом является понимание учеными надэтнической природы кочевнических политических объединений и нераздельности этнических и социальных процессов в этих обществах, при невозможности объяснить это методами современной им науки, о чем свидетельствует факт постоянных противоречий между сторонниками т.н. «политической классификации» кочевнических народов, как наиболее универсальной, которой, как справедливо отмечал в 1928 г. А.С. Букшпан, так или иначе, придерживались Ж. Дегинь, Н.Я. Бичурин, Л. Каун,

³⁶⁸ *Амар А.* Монголын товч түүх. Улаанбаатар, 1989. Книга не снабжена ссылочным аппаратом, однако, имя Г.Е. Грумм-Гржимайло часто упоминается на ее страницах, так же как и повторяются его гипотезы. Например, гипотезу о происхождении тюрков в степях Барабы, после чего они передвинулись юго-восточнее, на Алтае-Саянское нагорье, где расселились по бассейнам рр. Катунь, Бия и западным притокам Енисея Кемчику и Абакану, частично смешавшись с местным населением (*Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия ... Т. II. С. 211; *Амар А.* Монголын товч түүх. 57 дугаар тал.).

³⁶⁹ См.: *Амар А.* Монголын товч түүх. 20—21, 21—22, 31—32 дугаар тал. Работа интересна также тем, что здесь впервые на монгольском языке (правда, с русскоязычного перевода, выполненного Б. Риченом) представлены тексты памятников Тоньюкука и Бильге кагана (Мөн тэнд. 62—66, 66—69 дугаар тал.).

³⁷⁰ Мөн тэнд. 57—70, 71—78 дугаар тал.

³⁷¹ *Гомбожапов А.Д.* Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева. Улан-Удэ, 2010. С. 18, 25, 32, 126.

В.В. Радлов³⁷², и «этнографической классификации», обнаружившей свою однобокость. Большое значение для понимания социальной организации кочевников имели методы работы Г. Вамбери, однако, в этот период не нашедшие понимания. Именно развитие этнографии, по сути, способствовало расширению методической базы кочевниковедческих исследований, продемонстрировав ограниченность чисто позитивистского подхода к изучению кочевников, замыкавшегося на критике письменных источников, исходя из общих представлений об историческом процессе, что, по-видимому, отчасти признавал и В.В. Бартольд³⁷³. Этнография занимает свою нишу в научно-исторических исследованиях. В частности лучше всего об этом говорит сам факт полемики В.В. Бартольда с Н.А. Аристовым, К.А. Иностранцевым и Г.Е. Грумм-Гржимайло, в сущности демонстрирующей конфликт различных методик исследования³⁷⁴. Вместе с тем, заслуга самого В.В. Бартольда в том, что он перенес рассмотрение политогенеза кочевников в другую плоскость, обратив внимание на значение их отношений с оседло-земледельческими соседями (см.: Приложение 3).

Ряд факторов позволяет установить четкую границу между периодами изучения древнетюркского общества. Во-первых, как отмечалось уже В.В. Бартольдом, Монгольская империя, созданная в результате походов Чингисхана и его потомков, ввиду того, что источники по ее истории в это время были известны ученым в более широком объеме по сравнению с кочевниками предшествующих эпох, занимала исследователей несколько больше, потому многие дискуссии о кочевниках сводились, прежде всего, в этом направлении³⁷⁵. С открытием древнетюркских текстов на р. Орхон и затем уйгурских памятников в Восточном Туркестане тюркология окончательно приобретает статус отдельной самостоятельной дисциплины³⁷⁶. Во-вторых, первые десятилетия XX в. вполне правомерно рассматривать как своеобразный переломный этап в отношении ученых к кочевникам. Так, В.В. Бартольд в 1924 г. писал о том, что «в последние годы» набирает оборот мнение о кочевниках «как посредниках в культурном взаимодействии между Востоком и Западом», притом что высказанные им на одной из публичных лекций в Лондоне возражения против «одностороннего представления... <...> о кочевниках как врагах и разрушителях всякой культуры», публике показались «спорными»³⁷⁷. В этом случае следует отметить, что Первая мировая война может быть отмечена в качестве водораздела меж-

³⁷² Букипан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 59.

³⁷³ Бартольд В.В. Изучение Востока — главнейшая задача Академии. С. 582.

³⁷⁴ По сути, об этом же, правда, очень однобоконе и предвзято прежде пытался сказать Л.Н. Гумилев (Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 95—98), и потому проблема была затронута им лишь поверхностно.

³⁷⁵ Бартольд В.В. Николай Иванович Веселовский. Некролог // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 643; *Его же*. Н.И. Веселовский как исследователь ... С. 655.

³⁷⁶ Menges K.H. The Turkic Languages and Peoples ... P. 6.

³⁷⁷ Бартольд В.В. Научная поездка в Западную Европу // Бартольд В.В. Соч. Т. IX. С. 570, 571.

ду старым и новым поколениями ученых, отличавшимися подходами к предмету и методами исследований³⁷⁸.

³⁷⁸ *Лаумулин М.Т.* Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии. С. 51—52.

Глава 2. ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 30-х — 50-х гг. XX в. И ЕЕ ИНЕРЦИЯ В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ

Очередной период изучения древнетюркского общества VI—VIII вв. может отсчитываться с конца 20-х — начала 30-х гг. XX в. В советской России, затем в СССР в это время происходят процессы становления новой марксистской идеологии. В советском государстве, отчасти сохранившем научный потенциал имперской России, начинаются разрабатываться новые письменные памятники, широко организуются археологические раскопки в Южной Сибири и Средней Азии, появляются важные труды по этнографии тюркских и монгольских народов.

Большое влияние на марксистскую историческую науку на первых порах оказала стадильная т.н. «яфетическая» теория лингвиста Н.Я. Марра. Сам Н.Я. Марр в 1927 г., несмотря на приверженность этой теории и фактически полное отрицание достижений современной ему классической школы филологии, высказал, тем не менее, чрезвычайно важную мысль. «Рассеянные на обширном пространстве от крайних пределов глубокой Азии до Средиземноморья, представляющие, по совокупности расселения в различных районах, ряд ступеней культурного развития, каждая неразрывно связанная с хозяйственно-общественной жизнью соответственного территориального объединения, турки под пером ученых специалистов трактуются как надстроечные социальные ценности, отвлеченно от материальной культуры и общественных форм каждого данного района, трактуются они в разрезе отвлеченно-религиозных и отвлеченно-лингвистических или общих отвлеченно-этнологических интересов, без увязки с окружением, с его конкретной жизнью», — писал он, отмечая в работах современных ему тюркологов «чудовищную переоценку творческой силы господствующих иноземных культур и иноземных языков мирового масштаба» в вопросах изучения тюркской культуры³⁷⁹.

Оформившаяся к середине 20-х гг. XX в. лингвистическая теория стадильности была сразу же взята на вооружение советскими историками и археологами, стремившимися против-

³⁷⁹ *Марр Н.Я.* Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // *Марр Н.Я.* Избранные работы. Л., 1937. Т. IV. Основные вопросы истории языка. С. 130—131.

поставить закономерности внутреннего развития обществ теориям диффузии, миграции и конвергенции³⁸⁰.

В этом плане интересна глубокая в методологическом плане и концептуальная статья бакинського ученого А.С. Букшпана (1928)³⁸¹. Рассматривая в комплексе тюркские эпические произведения, а также данные китайских хроник и тюркских летописей (первые, правда, он использовал в переводах, касательно вторых пользовался готовыми интерпретациями), А.С. Букшпан обратился к природе государства тюрков VI—VIII вв. Особое значение он придал фактору преемственности кочевнических народов, отметив важное высказывание Н.Я. Бичурина об «удельном» характере кочевых объединений, когда один народ выступает под разными наименованиями³⁸², соединив его взгляд с т.н. «политической классификацией», отметив при этом, что, по сути, такого же подхода придерживались и Ж. Дегинь, и Л. Каун, и В.В. Радлов³⁸³. А.С. Букшпан имел в виду надэтнический характер кочевнических политических объединений. Он считал, что «говорить об истории тюркских народов и племен вне зависимости от государственности, как организованных объединений, говорить о социально-экономическом состоянии всех тюркских народов, при наличии общего языка и территории, громадной по величине... <...> вне связи с окружающими влияниями, не представляется возможным». Исходя из этого, он указывал на искусственность любых классификаций тюркских народов: только появившихся в то время языковых, а также этнографических и географических³⁸⁴. А.С. Букшпан считал совершенно правильным подход Г. Вамбери, условно разбивавшего тюркские народы по географическому принципу, но учитывавшего миграции и их исторические связи³⁸⁵. В этом плане А.С. Букшпан чрезвычайно положительно отзывался об исследовании Н.А. Аристова, которого критиковал лишь за то, что тот ограничил себя, поскольку пренебрег значением природных и культурных влияний на развитие народов³⁸⁶. А.С. Букшпан особо отметил приведенную нами выше цитату Н.Я. Марра. Мастерство ученого проявилось в том, что он сумел соединить достижения дореволюционной историографии (выводы

³⁸⁰ Писаревский Н.П. Изучение ... дис. ... С. 77; *Его же*. Изучение ... автореф. ... С. 16—17.

³⁸¹ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 57—71.

³⁸² См.: [Бичурин Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии ... Т. II. Ч. 3—4. С. 2.

³⁸³ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 59. А.С. Букшпан не совсем обоснованно ставит в укор В.В. Бартольду критику Л. Кауна «за сделанную им попытку дать племенную историю тюрков, генеалогию племен», по-видимому, он не ознакомился с рецензией В.В. Бартольда на первое издание книги К.А. Иностранцева, из которой видно, что В.В. Бартольд не был столь критичен к этой стороне работы Л. Кауна, отметив, что его ошибку видит «только в том, что он, отказавшись от решения этнографических вопросов, все-таки в еще большей степени, чем сторонники этнографических классификаций, пользовался для своих целей фантастическим словопроизводством и народными этимологиями», что ниже он также называет «бесплодным словопроизводством» (Бартольд В.[В.] [Рец. на] К. Иностранцев, Хунь-ну и Гунны ... С. 0112).

³⁸⁴ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 60.

³⁸⁵ См.: Vámbéry H. Das Türkenvolk ... S. 85.

³⁸⁶ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 60—61.

В.В. Радлова и прогрессивные подходы Г. Вамбери и Н.А. Аристова) и попытаться примирить их с новой, правда, только становящейся (!) методологией.

Он метко выделил три важных аспекта, от которых, по его мнению, следовало исходить в последующих исследованиях: во-первых, это отмеченное еще прежними поколениями ученых явление, когда все племенное объединение именовалось по названию главного рода, бывшего своеобразным патроном, тогда как остальные племена играли роль «клиентов в коллективном смысле»; во-вторых, это факт повторяемости названий родов у разных народов; в-третьих, искусственность языковой классификации. Исходя из этого, А.С. Букшпан считал, что изучение тюркских народов необходимо производить «в связи с той стадией хозяйственного развития, которую они переживают, с установлением предыдущей, связанной с ней хозяйственной формой»³⁸⁷. Говоря о попытках рассматривать историю тюрков в общем контексте, в частности, критикуя схему М.А. Чаплички, ученый справедливо указывал, что «для одного и того же периода отдельные тюркские племена переживали разные формы хозяйственного развития»³⁸⁸.

Тюркский эль А.С. Букшпан охарактеризовал как «государство, или вернее государственное объединение племен»³⁸⁹. Он считал более вероятной этническую связь тюрков с хуннами³⁹⁰. В целом, он соглашался с мнением В. Томсена, что нельзя приравнивать тюркское государство к государствам в европейском понимании, отмечая также, что «у тюркских племен этого периода напрасна попытка искать кочевой строй». По его мнению, можно говорить лишь «о преимущественном кочевом быте у большинства племен, но с организующим центром вокруг племени, преимущественно более или менее оседлого, с некоторой развитой техникой, и средства и богатства которого отнюдь не заключаются только в скотоводстве». Развивая эту мысль, А.С. Букшпан отметил, что обилие травы и речных долин Алтая позволяло развивать скотоводство, но наличие минералов давало возможность практиковать здесь и ремесло. Вот почему в своей надписи Бильге каган призывает тюрков не переселяться с *Ötükāna*³⁹¹. Упоминания китайских источников о том, что тюрки меняли место жительства, а в голод вынуждены были кормиться костями мертвых, он интерпретировал как прямое указание на влияние природы на их быт. С учетом этих факторов, считал он, «станет ясным, что в зависимости от географических условий и устанавливается хозяйственный быт и что наиболее сильное в экономическом смысле племя и становилось господствующим». Поэтому надо изменить, во-первых, «мнение об исключительности кочевого быта тюрков», во-вторых, мнение В.В. Радлова «об исключительном значении физической силы того или иного рода и храбрости того или иного гла-

³⁸⁷ Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 61.

³⁸⁸ Там же. С. 63.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же. С. 63—64.

³⁹¹ Там же. С. 66—67. Исходя из перевода слова *екинлиг* [БК, Хб, 11], он писал здесь о пашнях (Там же. С. 67).

варя племени, которому обязана организация прочного политического целого из отдельных племен и колен»³⁹².

Далее А.С. Букшпан, отталкиваясь уже от рассуждений К. Маркса о важной роли оросительной системы, считал, что в ее отсутствие решающую роль в организации тюркских «государственных объединений» играла торговля, стремление тюрков к охране и дальнейшему завоеванию торговых сухопутных и морских путей³⁹³. Он выделял и другие элементы, кроме «торгового ведомства», такие как «ведомства финансовое и военное». «Нажим» финансового «был настолько силен», что в результате его происходила борьба богатых и бедных, например, когда беки, принявшие китайскую сторону, по его мнению, собирали подати с простого народа. Сила «военного ведомства» отражалась в ряде удачных походов³⁹⁴.

Основываясь на исследовании Э. Шаванна, А.С. Букшпан отметил, что у восточных тюрков ввиду их расположения было меньше условий для усиления роли торговли, поэтому китайцы и смогли прельщать их своими товарами и сеять смуты среди них. Именно кочевые племена составляли у восточных тюрков «основу военно-земледельческо-скотоводческого государственного объединения»³⁹⁵. У западных же тюрков была возможность проявить себя в торговле, являвшейся основой их «военно-земледельческо-скотоводческого государственного объединения», где они сами, однако, играли, в основном, роль посредников³⁹⁶.

Согласно заключению А.С. Букшпана, именно роль торговли определила возникновение тюркского государственного объединения. Опосредованные стремлением к контролю над торговыми путями набеги, войны, нашествия привели к захвату той огромной территории, на которой и расположилось тюркское государство. Однако «эти же условия надолго затормозили процесс феодализации этих областей; поскольку такой процесс ко времени изменения мировых путей не был завершен, не имела место и организация государств европейского типа», — заключает ученый³⁹⁷.

В 1932 г. владивостокский монголист И.А. Клюкин показал, что встречающиеся в орхонских памятниках термины *тöлис* и *тардуш* являются названиями объединений племен, военно-административных единиц, соответственно восточного и западного крыльев Тюркского каганата³⁹⁸. Незначительные недочеты аргументации исследователя были исправлены последователя-

³⁹² Букшпан А.С. К истории древних тюркских государственных образований ... С. 67.

³⁹³ Там же. С. 67.

³⁹⁴ Там же. С. 68.

³⁹⁵ Там же. С. 68—69.

³⁹⁶ Там же. С. 69, 70.

³⁹⁷ Там же. С. 71.

³⁹⁸ Клюкин И.А. Новые данные о племени тардуш'ей и толис'ов // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. 1932. № 1—2. С. 91—98.

ми³⁹⁹, а концепция получила филологическое обоснование в работах синологов и тюркологов⁴⁰⁰.

Важной вехой в развитии мирового кочевниковедения стал посмертно опубликованный труд Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934)⁴⁰¹. Не имея возможности уделить этой работе много внимания, хотя она и не имела прямого отношения к социальной истории древних тюрков VI—VIII вв., нельзя не остановиться на ней. Исследование целиком основывается на анализе социальной терминологии. Один важный момент нашел отражение во многих работах по кочевникам в последующем. Феодальная эксплуатация в монгольском обществе, по мнению Б.Я. Владимирцова, выражалась в существовании такого социального института как *unağan boğol* (здесь не обсуждается)⁴⁰², представлявшего собой определенную форму потомственной коллективной зависимости и эксплуатации одного рода другим. Зависимость выражалась в том, что роды, покоренные или добровольно примкнувшие к какому-либо роду, должны были кочевать со своими господами или по усмотрению их предводителя, распоряжавшегося пастбищами, маршрутами кочевков и указывавшего места стоянок⁴⁰³, а также служить загонщиками во время облавных охот. При этом попавший в зависимость род сохранял свою внутреннюю социальную структуру. Данная форма зависимости рассматривалась не как коллективное рабство, а скорее как вассалитет («крепостные вассалы» по Б.Я. Владимирцову), поскольку зависимость аристократии покоренных родов выражалась в обязанности военной службы, а рядовые родовичи несли трудовые повинности⁴⁰⁴.

Б.Я. Владимирцов, отмечая также у монголов незначительную роль домашнего рабства («прислужники»), выделил особую роль в процессе сложения феодальных отношений такого социального института, как нукерство (*nökör*, мн. ч. *nököd*), который рассматривал как особую, добровольную форму домашнего рабства и, вместе с тем, типичную военную дружину эпохи военной демократии, наличие и численность которой обуславливали возможность обеспечения внутриобщинного внеэкономического принуждения и усиления феодальной эксплуатации⁴⁰⁵.

³⁹⁹ *Caferoğlu A.* Tarduş ve Töles Kavimleri Hakkında Yeni Bir Düşünce // *Ülkü Halkevleri Dergisi*. 1936. Cilt VII. Sayı 41. S. 370—375; *Köprülü M.F.* Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur // *Körösi Csoma Archivum*. Leiden, 1967. Vol. I. 1935—1939. S. 341—342.

⁴⁰⁰ [*Boodberg P.A.*] Selected Works of Peter A. Boodberg / compl. by A.P. Cohen. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1979. P. 354—356; *Sinor D.* Dix années d'orientalisme hongoris (1940—1950) // *Journal Asiatique*. 1951. T. CCXXXIX. Fasc. 2. P. 224 (резюме статьи на венг. яз: *Czeplédy K.* A török népek és nyelvek tagolódásának kérdéséhez // *Magyar Nyelv*. 1949. 45. kötet. 291—296. о.); *Pulleyblank E.G.* Some Remarks on the Toquzoghuz Problem // *Ural-Altische Jahrbücher*. 1956. Bd. XXVIII. H. 1—2. S. 35—36, note 3; *Czeplédy K.* Çoğay-quzı, Qara-qum, Kök-öng // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962. T. XV. Fasc. 1—3. P. 59, 66 note 24.

⁴⁰¹ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295—488.

⁴⁰² См., напр.: *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. С. 36—38.

⁴⁰³ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов ... С. 408.

⁴⁰⁴ Там же. С. 359—362.

⁴⁰⁵ Там же. С. 382—392.

В последующем создаются первые чисто марксистские работы, напрямую затрагивающие проблемы социального строя Тюркского каганата.

Одним из первых в советский период взгляды на социальные отношения в Тюркском каганате изложил С.П. Толстов, выступивший на пленуме Государственной академии истории материальной культуры в июне 1933 г. с концепцией перехода кочевников от первобытно-общинных отношений к феодальным через рабовладельческую формацию⁴⁰⁶. Прежде всего, С.П. Толстов говорил о необходимости рассмотрения кочевнического хозяйства в комплексе с земледельческим, имея ввиду такое явление, как разделение труда между кочевниками и земледельцами⁴⁰⁷. Основываясь на примере туркмен XIX в., он указывал на наличие в социальной структуре кочевнического общества лиц, эксплуатируемых в хозяйстве, которых он определял как рабов⁴⁰⁸. Опираясь на один из фрагментов Хошо-Цайдамских текстов, где от лица кагана говорится, что «в то время, (наши) рабы рабовладельцами стали, (наши) рабыни стали владелицами рабынь» [КТб, 21 = БК, X, 18], С.П. Толстов сделал вывод о том, что основной целью войн, которые вели тюрки, был захват рабов⁴⁰⁹. Формы феодальной эксплуатации развивались из форм родовой взаимопомощи, какой был *саун* — отдача скота на выпас, с постепенным увеличением натуральных повинностей, что в итоге приводит к монополизации богатыми скотоводами родо-племенных пастбищ, а отдача скота на выпас приобретает формы вассалитета⁴¹⁰. Рабы, прежде занятые в кочевом хозяйстве, а также вольноотпущенники и лишившиеся скота клиенты теперь сажаются на землю, превращаясь в некое подобие крепостных⁴¹¹. Такие кочевнические образования ученый определял как «военно-рабовладельческие демократии или патриархальные монархии»⁴¹².

Доклад вызвал широкое обсуждение. Основная критика сводилась к замечанию, что С.П. Толстов сделал общий вывод на материалах разных эпох⁴¹³. Положительно была встречена идея об использовании кочевниками для эксплуатации родовых институтов⁴¹⁴. Выступивший по поводу доклада этнограф С.А. Токарев охарактеризовал упомянутые С.П. Толстовым кочевые

⁴⁰⁶ Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества : пленум Государственной академии истории материальной культуры, 20—22 июня 1933 г. М. ; Л., 1934 (Известия ГАИМК. Вып. 103). С. 165—199.

⁴⁰⁷ Там же. С. 172.

⁴⁰⁸ Там же. С. 176—177.

⁴⁰⁹ Там же. С. 179—180; Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 90 прим. 3. Ср. также: Толстов С.П. Тирания Аброя (Из истории классово-борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н.э.) // Исторические записки. 1938. Вып. III. С. 45; Его же. Древний Хорезм : Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 260—261.

⁴¹⁰ Толстов С.П. Генезис феодализма ... С. 188—189, 191.

⁴¹¹ Там же. С. 197.

⁴¹² Там же. С. 185.

⁴¹³ Вопросы истории феодализма у народов Востока [прения и заключительное слово] // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ... С. 320—334, 335, 355.

⁴¹⁴ Там же. С. 338, 355; К истории Бурято-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ / предисл. А.В. Шестакова ; под ред. А.В. Шестакова и А.И. Ломакина. М. ; Л., 1935. С. 73—74.

объединения, в т.ч. *ту-цзюэ* («тугю») и уйгуров, как «непрерывно сменявшие друг друга крупные феодальные царства»⁴¹⁵. В дальнейшем А.Н. Бернштам и С.П. Толстов акцентировали внимание на неразрывности кочевнического и оседло-земледельческого хозяйства⁴¹⁶, при этом А.Н. Бернштам считал, что развитие феодальных отношений у кочевников происходило из основной ячейки общества — патриархальной семьи, а контакты с оседлыми соседями, в частности, тюрков с Китаем, лишь давали толчок этому процессу⁴¹⁷, С.П. Толстов утверждал, что община способствовала консервированию старых форм эксплуатации, в т.ч. рабства, а развитие феодализма не могло идти без влияния оседлых элементов⁴¹⁸.

С развитием этих идей С.П. Толстов выступил в следующей работе, вновь основываясь на широком привлечении сравнительного материала⁴¹⁹. Он находил кочевников «от скифов до турок» на одном уровне развития, характеризуя их как военно-демократические, примитивные⁴²⁰. Под понятием «военно-демократическое» понималась своеобразная форма диктатуры «классов становящихся рабовладельцев над становящимися рабами»; такие общества совмещают в себе родо-племенное устройство и классовую борьбу, будучи, таким образом, одновременно родовыми, т.е. доклассовыми, и рабовладельческими, т.е. классовыми⁴²¹. История этих кочевнических народов есть циклическое чередование этнических имен, сопровождающееся втягиванием в общественные процессы новых варварских племен с периферии: они уничтожали рабовладельческую верхушку из господствующего племени, сами занимая его место⁴²². Их военно-демократическая организация была статичной и застойной формой общественного устройства, а не переходным состоянием, поскольку возможность грабежа соседей не способствовала ее развитию. Важнейшим фактором в развитии кочевников были их отношения с оседло-земледельческими соседями, развивавшимся по нормальной схеме. Только подъем оседлых соседей на новый уровень, т.е. феодальный, способствует и развитию кочевников⁴²³. Тюркский эль, по мнению С.П. Толстова, был государством (*polis*), чья история прекрасно вписывается в озвученную концепцию. Древнетюркские надписи, относящиеся ко Второму каганату полны гнева, направленного на прежних каганов, с которыми новая династия не связана, а генеалогии китайских летописей носят скорее легендарный характер. Поскольку приход к власти знати из новых племен всегда является узурпацией и ее задача — обоснование легитимности своего правления, они обвиняют прежнего кагана и бегов в бедах государства и народа.

⁴¹⁵ Вопросы истории феодализма ... С. 360.

⁴¹⁶ Там же С. 339, 381.

⁴¹⁷ Там же. С. 336, 337. См. также: *Писаревский Н.П.* Изучение ... дис. ... С. 143

⁴¹⁸ Вопросы истории феодализма ... С. 381, 385.

⁴¹⁹ *Толстов С.П.* Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7—8. С. 175—216.

⁴²⁰ Там же. С. 214.

⁴²¹ Там же. С. 205—206.

⁴²² Там же. С. 214—215.

⁴²³ Там же. С. 215.

Главный проводник этой политики — советник Тоньюкук. Таким образом, тюркский эль демонстрирует последнюю фазу генезиса военно-рабовладельческих государств, резко отличается от него уйгурское государство, где уже господствовали феодальные отношения⁴²⁴. Никакого критерия этих различий он, однако, не указал⁴²⁵.

С.П. Толстову принадлежит специальная работа о социальных отношениях в Тюркском каганате⁴²⁶. Тюркский *äl* предстает здесь как «“государство” в античном понимании этого слова в политическом, а отнюдь не территориальном значении», или точнее «гражданская община», соотносясь с греческим *πολις* или среднеперсидским *šahr* в значении «община активных граждан». Ему противостоит *budun* «народ», адекватный латинскому «populous»⁴²⁷. Тюркская община социально неоднородна. В ней выделяется слой родоплеменной знати, «во многом напоминающий по своему социальному профилю ранне-античных базилиевсов» — беги (*bäg*), связанные, по мнению С.П. Толстова, с енисейским *bay* «подразделение народа», «племя». Несколько ниже располагались *tarqan*’ы — «своеобразный патрициат каганата», вожди родов. Каган выступает как «военный вождь конфедерации», *jabyu* и *šad* — «высшие магистраты каганата», наместники кагана в покоренных областях из его ближайших родственников; наместники в менее значительных областях носили титул *tudun*, возможно, также *tutuq*, они не были родственниками кагана и назначались для «наблюдения за сбором дани и контроля над местными правителями»; правители подчиненных племенных союзов носили местные титулы: *ältäbär*, *udyqut* и др.⁴²⁸. С.П. Толстов критиковал А.Н. Бернштама, рассматривавшего древнетюркскую знать как феодалов, за схематизм и «модернизаторские тенденции»⁴²⁹. На основе анализа древнетюркской социальной терминологии он пришел к мнению, что «в своем иерархическом расчленении она отражает иерархическое расчленение гражданской общины, являющейся сколком с традиционной родоплеменной организации»⁴³⁰. Однако, это была лишь оболочка, поскольку основную роль в Тюркском каганате, как и предшествовавших «центрально-азиатских государственных образованиях», играло рабство. Сохраняя прежнее толкование термина *qul*, ученый добавил к прежней аргументации еще ряд сообщений китайских хроник об уводе тюрками людей в плен⁴³¹. При этом С.П. Толстов указывает: «Мы ничего не узнаем из орхонских текстов о формах эксплуатации рабов, мы узнаем лишь о путях пополнения их количества и о значительности того места, которое рабство занимало в общественном быту каганата». Опираясь на перевод

⁴²⁴ Толстов С.П. Военная демократия ... С. 216.

⁴²⁵ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 266.

⁴²⁶ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 3—54; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 248—280. Книга закончена в 1942 г., названная статья в переработанном виде также включена в нее в качестве приложения.

⁴²⁷ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 42; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 259.

⁴²⁸ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 42—44; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 259—260.

⁴²⁹ Толстов С.П. Основные вопросы ... С. 193—194 прим. 41; *Его же*. Тирания Абрауя ... С. 44 прим. 6; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 260 прим. 95.

⁴³⁰ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 44; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 260.

⁴³¹ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 44—46; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 260—261.

отрывка из китайской летописи о городе Гюйлосы (правильно — Да-ло-сы, т.е. Талас), где «вместе живут и торговые и кочевые», и среди них китайцы, «которых тукюесцы увели в плен», С.П. Толстов отметил здесь «ясное указание на одну из характерных форм рабовладельческой эксплуатации», получающую, по Ф. Энгельсу, «особое значение в тех рабовладельческих обществах, в развитии которых война играет ведущую роль»⁴³². Причина этого была, по его мнению, в том, что огромный приток пленников из оседлых районов вступал в противоречие с относительной ограниченностью сфер кочевнического хозяйства, ввиду чего кочевники-рабовладельцы вынуждены перестроить систему использования труда рабов и начать организацию поселений, где пленники могли бы заниматься земледелием и ремеслом⁴³³. Вместе с тем, ряд эпических источников указывает, что «рабы эксплуатировались, несомненно, и в скотоводческом хозяйстве и в хозяйстве домашнем». Малая трудоемкость кочевого хозяйства и большой приток рабской силы из оседлых районов и, как следствие, нерациональность использования труда рабов кочевников в качестве земледельцев и ремесленников, приводят к возникновению института «наследственного рабства», соответствующего тому, что описал в работе об общественном строе монголов Б.Я. Владимирцов (*unagan boyol*). Зависимость военнопленных кочевников от своих господ была лишь формальной: они были обязаны лишь выплачивать дань и поставлять военные отряды по требованию господ, то есть они представляли собой «нечто среднее между илотами и неравноправными союзниками». Эта «своеобразная модификация рабства» фиксируется не только у тюрков (в этой форме зависимости находились, например, тюрки по отношению к *жуань-жуаням*), но и у хуннов. Поэтому, зная каганата, господствующий класс, может рассматриваться как «военно-рабовладельческая аристократия, опирающаяся на военно-демократическую организацию кочевых племен, как на орудие своей политики, направленной на увеличение количества рабов и расширение пределов областей, обязанных данью»⁴³⁴.

Основной единицей древнетюркского общества была патриархальная семья (*familia*), характеризующаяся многоженством, развитым институтом адопции и развитой клиентелой. В роли клиентов выступают *оуиш*’ы — «дружинники и преданные слуги кочевого аристократа», которые могли составлять прослойку между адоптированными членами семьи и рабами, пополняющуюся за счет обедневших кочевников, отдававших себя и своих детей в рабство какому-либо аристократу. Почти эквивалентен ему термин *tat*, но если первый термин обозначал клиентов и адоптированных членов правящей семьи, второй — клиентов, положение которых характеризуется как «близкое к кабальным рабам», «как бы низший слой клиентелы», в целом же, термин

⁴³² Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 46; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 261.

⁴³³ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 46—47, 50; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 261, 263—264.

⁴³⁴ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 51—52; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 264.

обозначал «общины оседлых данников каганата в Восточном Туркестане и в Средней Азии»⁴³⁵, так же как, например, северокитайские государства в начале 70-х гг. VI в.⁴³⁶ Отношения тюркского эля с подвластными обществами строились по принципу своеобразной «проекции отношений, господствующих в нем самом, — отношений рабства и клиентелы»⁴³⁷. Это очень важный вывод, подытоживающий все наблюдения ученого, получившие, однако, специфическую интерпретацию из-за ограниченности господствующей методологии. Как отметил А.М. Хазанов, С.П. Толстов фактически отождествлял данничество с рабством⁴³⁸.

С.П. Толстов считал, что «основной задачей своей политики с первых же шагов образования нового каганата» тюрки поставили завоевание Восточного Туркестана и Средней Азии, поскольку нуждались в рынках сбыта для награбленной в Китае продукции, в частности шелка, становившегося средством меновой торговли с Ираном и Византией при посредничестве согдийцев⁴³⁹. Таким образом, торговля играла важную роль в обогащении верхушки.

В одной из следующих работ С.П. Толстов вновь отметил примитивность общественного уклада кочевых племен Средней Азии, охарактеризовав его как дофеодальный. Они, по его мнению, «долго сохраняли внешние формы архаической конфедерации племен». Поэтому Тюркский каганат, равно как и предшествующие объединения, «представляли собой господство союза кочевых племен... <...> над конгломератом подчиненных ему племен кочевников и городов-государств оазисов». При этом «не входившие в состав союза-гегемона племена и города полностью сохраняли свое политическое устройство и обязаны были лишь уплачивать определенную дань союзу-гегемону»⁴⁴⁰. В целом С.П. Толстов характеризует эти объединения как «орудие господства блока аристократии кочевых племен и городов над мелкими, независимыми производителями, клиентами и рабами кочевья и оазиса»⁴⁴¹, замечая также, что «обширные кочевые империи III в. до н.э. — VIII в. н.э.» являются «многоязычными конгломератами разнообразных племен». Исходя из учения Н.Я. Марра, С.П. Толстов писал: «В естественно слагающихся межплеменных аргю этих империй мы и должны искать зародыши тюркской системы, творчески переработавшей разнообразный лингвистический материал», указывая, что «марксистская разработка вопросов этногонии народов Средней Азии еще целиком впереди»⁴⁴². От-

⁴³⁵ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 52—53; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 264—265.

⁴³⁶ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 18; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 265.

⁴³⁷ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 53; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 265.

⁴³⁸ Хазанов А.М. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. С. 250. Ср.: Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения ... 1987. С. 85; *Его же*. Кочевые общества ... 1992. С. 125.

⁴³⁹ Толстов С.П. Тирания Абрауя ... С. 17, 18; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 265—266; История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.; Л., 1939. Ч. III—IV. История СССР в период крушения рабовладельческого строя и возникновения феодализма. С. 95.

⁴⁴⁰ Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник Древней истории. 1938. № 1(2). С. 193.

⁴⁴¹ Там же. С. 194.

⁴⁴² Там же. С. 203.

мечая, что для хуннов и тугю было характерно «включение воинов покоряемых племен в состав военных единиц хуннской и тугюэской военных организаций», ученый связывал это с заменой родовых делений военно-территориальными, отразившейся в делении на туманы, сотни и десятки во главе с магистратами, что является отнюдь не феодальным институтом. У тюрков это проявилось в делении на *оq*'и 'стрелы', которые впоследствии вновь ассимилировались с родами, т.к. родовая организация существовала параллельно военно-территориальной⁴⁴³. В специальной работе анализируя и сопоставляя список племен двух крыльев уйгурского каганата *Tölis* и *Tarduš*, приведенный в одном из хотано-сакских документов VIII в., списки огузских племен у Махмуда Кашгарлы, Рашид ад-Дина и Абу-л Гази, а также перечень туркменских племен на начало XX в., С.П. Толстов показал текучесть племенной структуры у кочевников, когда некоторые крупные племена впоследствии фиксируются как подразделения других племен или исчезают вовсе, притом что сохраняется общее число племен, что привело ученого к выводу о традиционном и искусственном характере этой структуры⁴⁴⁴.

Работы С.П. Толстова являются первой попыткой истолкования социальной истории Тюркского каганата исключительно с позиций марксистской методологии.

Попытку анализа социальных отношений в Тюркском каганате предпринял также сибирский ученый-краевед, этнограф Н.Н. Козьмин, специалист «старой школы», всерьез увлекшийся, тем не менее, марксизмом⁴⁴⁵. В 1934 г. издана его книга «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» и статья «Классовое лицо “атысы” Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников», где предпринята попытка доказать существование феодализма у орхонских тюрков⁴⁴⁶.

Книга Н.Н. Козьмина о феодализме у тюркских и монгольских кочевников основана на анализе широкого сравнительно-исторического и этнографического материала. Кочевнические общества, в т.ч. древние тюрки, характеризуются как классовые: им были свойственны земельные отношения, в сущности, не отличавшиеся от западноевропейского феодализма⁴⁴⁷. У орхонских тюрков существовало четкое разделение на два противоборствующих класса: беки, феодалы со структурированной иерархией, и «черный» народ, неопределенная масса, выполнявшая

⁴⁴³ Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // Вестник Древней истории. 1938. № 1(2). С. 75—76.

⁴⁴⁴ Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // Советская этнография. 1947. № 3. С. 78—83.

⁴⁴⁵ См.: К истории Бурято-Монголии ... С. 56, 57; Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969. Т. I. Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М.К. Азадовскому / ред. кол. Н.Ф. Бабушкин, Е.И. Беленький, А.В. Высоцкий, Н.Н. Яновский. С. 270; Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. М., 2002. Вып. 1. С. 89, 98 прим. 41.

⁴⁴⁶ Козьмин Н.Н. К вопросу ...; *Его же*. Классовое лицо ... С. 259—277. Книга закончена в 1931 г. (Литературное наследство Сибири. Т. I. С. 266). Н.Н. Козьмин имел планы заняться более глубокой разработкой орхонской тематики (Козьмин Н.Н. К вопросу ... С. 74; Литературное наследство Сибири. Т. I. С. 266).

⁴⁴⁷ См.: Козьмин Н.Н. К вопросу ... С. 73; Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. С. 41; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 19. Ср.: К истории Бурято-Монголии ... С. 53, 61; Литературное наследство Сибири. Т. I. С. 266; Решетов А.М. Николай Николаевич Козьмин ... С. 89.

различные повинности (*кара будун*)⁴⁴⁸, которых при этом в одном месте ученый именуется «крестьянством», помимо их борьбы с «беками», отмечая у последних внутреннюю борьбу крупного землевладения с мелким⁴⁴⁹. Тюркскую титулатуру ученый трактовал как феодальную лестницу⁴⁵⁰. Упоминая о некоторой роли рабства и «пережитков» (на это он специально обратил внимание) «патриархально-родовых отношений и общинных хозяйственных порядков», Н.Н. Козьмин все же характеризовал «общий строй хозяйственных и социальных отношений задолго до образования Монгольской империи» как феодально-крепостнический⁴⁵¹.

Н.Н. Козьмин критиковал В.В. Бартольда и П.М. Мелиоранского за попытки видеть у тюрков патриархально-родовой строй и за стремление выявить демократические тенденции в политике кагана, сравнивая их взгляды с концепцией Л. Кауна⁴⁵². По мнению Н.Н. Козьмина, в «турецком обществе» следует ясно видеть противостояние «турецкого феодального дворянства» и всего («черного») народа, *кара будуна* — процессы далеко шедшего социального расслоения и захвата земель социальной верхушкой⁴⁵³. Орхонские тексты были написаны именно для феодалов, а для не народа⁴⁵⁴. Беги — это, по его мнению, «однородная компактная группа»; вся территория государства распределена между бегами «разной хозяйственной и политической мощи», притом каган — самый сильный бег, он распределял земли, фактически, однако, будучи, «первым среди равных»; каган окружен *огланами* и *огушами* (дружинниками и вассалами)⁴⁵⁵. Н.Н. Козьмин считал, что в древнетюркском обществе существовали рабы и крестьяне (*кул, кара будун*), говорить же о родовом строе нет никаких оснований⁴⁵⁶.

Падение первого Тюркского каганата Н.Н. Козьмин объяснял борьбой феодальных интересов. Торговый капитал китайцев обострял социальные антагонизмы, в результате борьбы часть бегов ушла к китайцам. Там они были наделены земельными наделами, но за ними не были сохранены старые земли, они были переселены. Другая часть бегов скрылась в горах, откуда они начали предпринимать попытки восстановить свои владения⁴⁵⁷. Во главе них стал Кутлуг, владелец поместья на Алтае (*так!*), имевший сначала 17, потом 70 вассалов⁴⁵⁸. Йоллыг тегин, автор Хошо-Цайдамских текстов, бывший, по мнению ученого, аталыком, опекуном малолетних сыновей Кутлуга, являлся представителем феодальной аристократии, связывавшей свои

⁴⁴⁸ Козьмин Н.Н. К вопросу ... С. 14, 22—23, 56—57; К истории Бурято-Монголии ... С. 62.

⁴⁴⁹ Козьмин Н.Н. К вопросу ... С. 74.

⁴⁵⁰ Там же. С. 61.

⁴⁵¹ Там же. С. 43, 44.

⁴⁵² Там же. С. 20, 22—23, 139—140 прим. 20; Козьмин Н.Н. Классовое лицо ... С. 269, 270. Ср.: Смирнов Н. О феодализме у кочевых народов ([Рец. на] Проф. Н.Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме. ОГИЗ, Москва—Иркутск, 1934) // Историк-марксист. 1935. № 2—3(42—43). С. 141—142.

⁴⁵³ Козьмин Н.Н. Классовое лицо ... С. 261, 270.

⁴⁵⁴ Там же. С. 267.

⁴⁵⁵ Там же. С. 270.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Там же. С. 271, 272.

⁴⁵⁸ Там же. С. 273.

интересы с правящей династией⁴⁵⁹. В текстах он выдвигает политическую линию своего течения, призывая строить государство из поместий, ему противостоит стремящийся к независимости крупный феодал Тоньюкук, его линия — создать «федерацию независимых владений»⁴⁶⁰.

В рецензии на книгу Н.Н. Козьмина В.А. Казакевич обозначил ряд общих проблем изучения социальных отношений у кочевников. Он критически отозвался о позиции С.П. Толстова об отнесении кочевников к рабовладельческой формации, ставя ему в укор «механистическую интерпретацию учения Маркса о пяти антагонистических формациях»⁴⁶¹. В.А. Казакевич поднял вопрос о необходимости тщательной разработки социальной терминологии, например, указав, что нужен более внимательный анализ терминов «юрт», «инджи», «улус», «эль», чтобы решить проблемы форм землевладения и землепользования в Центральной Азии⁴⁶². Он упрекал Н.Н. Козьмина в недооценке роли рабства в общественной жизни орхонских тюрков, считая, что «грандиозное строительство орхоно-уйгурского и монгольского периодов» выполнено руками рабов, кроме того, они обеспечивали сельскохозяйственные работы, но при этом объективно признавал недостаток источникового материала. Он соглашался с мнением А.Н. Бернштама, что рабство было укладом в феодальном кочевническом обществе, а не формацией⁴⁶³. Также В.А. Казакевич критиковал Н.Н. Козьмина за сравнение общества «турок» VII—VIII вв. и монголов XIII—XIV вв., уподобляя эту тенденцию взглядам Л. Кауна⁴⁶⁴. Подобные замечания о механическом сочетании свидетельств различных эпох и неучете динамики социальных отношений были отмечены и другими критиками как основной недостаток книги Н.Н. Козьмина⁴⁶⁵.

Несмотря на ряд фактических ошибок, порожденных невнимательным отношением к данным источников⁴⁶⁶, а также искусственный характер построений Н.Н. Козьмина⁴⁶⁷, его работы имели важное значение для разработки теории землепользования у кочевнических народов.

⁴⁵⁹ Козьмин Н.Н. Классовое лицо ... С. 263—264.

⁴⁶⁰ Там же. С. 273, 276.

⁴⁶¹ Казакевич В.А. Проф. Н.Н. Козьмин. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении. [Рец. на] К вопросу о турецко-монгольском феодализме, ОГИЗ, Москва—Иркутск, 1934 // Советская этнография. 1934. № 5. С. 112.

⁴⁶² Там же. С. 114.

⁴⁶³ Там же. С. 115.

⁴⁶⁴ Там же. С. 115—116.

⁴⁶⁵ Смирнов Н. О феодализме у кочевых народов ... С. 141, 142; Кузьмин Ю.В. Н.Н. Козьмин — историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х : взгляд сквозь годы : материалы региональной научно-практической конференции «“Золотое десятилетие” иркутского краеведения : 1920-е годы», Иркутск, 11—13 января 2000 года. Иркутск, 2000. Т. 2. / ред. кол. А.С. Маджаров и др. С. 107; Его же. Николай Николаевич Козьмин : исследование жизни и творческой деятельности // Проблемы экономической, политической и культурной независимости Монголии : материалы «Круглого стола» 22 декабря 2001 г., посвященного 90-летию независимости Монголии и 80-летию Монгольской революции 1921 г. Иркутск, 2001. С. 16.

⁴⁶⁶ См.: Бернштам А.Н. Новые работы Н. Козьмина о древнем турецком обществе // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 1—2. С. 215—218; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 270, 333 прим. 19.

⁴⁶⁷ Lattimore O. The Social History ... P. 333—334.

Как отметил Н.Н. Крадин, «по иронии судьбы именно взгляд Козьмина на феодализм у номадов впоследствии стал господствующим в советской историографии»⁴⁶⁸.

А.Н. Бернштам критиковал Н.Н. Козьмина, прежде всего, за модернизацию общественных отношений у кочевников⁴⁶⁹. Самим А.Н. Бернштамом в ряде работ проблема социально-экономического строя Тюркского каганата разрабатывалась специально⁴⁷⁰. По этой тематике в 1935 г. им защищена диссертация, изданная в качестве монографии только в 1946 г.⁴⁷¹ Следует во многом согласиться с А.З. Велиди (Тоганом), назвавшим все выполненные в марксистской парадигме построения А.Н. Бернштама «чистым плодом воображения»⁴⁷², однако, несомненная важность этой работы в том, что, во-первых, в ее основе лежит непосредственный анализ древнетюркских рунических текстов, во-вторых, она до сих пор остается единственным монографическим исследованием социально-экономических отношений в Тюркском каганате.

Взгляды А.Н. Бернштама на древнетюркское общество, изложенные им в ряде работ периода середины 30-х — начала 50-х гг. XX в. рассматривались П.К. Дашковским, отметившим их особенности в канве общих тенденций советской историографии кочевничества⁴⁷³. Ниже обращено внимание на конкретные детали: во-первых, понимание А.Н. Бернштамом соотношения этнических и социальных процессов в кочевнических обществах; во-вторых, интерпретация внутренних процессов конкретно в древнетюркском обществе. Через все работы А.Н. Бернштама, начиная со статей 30-х гг. и заканчивая неоднозначной книгой «Очерк истории гуннов» (1951), идет единая линия плавно эволюционирующей концепции, последняя, — написанная еще до войны⁴⁷⁴, — подводит итог его многолетним исследованиям социогенеза древних тюркоязычных кочевников.

История кочевнических народов Центральной Азии рассматривается А.Н. Бернштамом как поступательный процесс. Важной чертой его работ является то, что он предпринял попытку поместить в единый исторический контекст этно-, глотто- и социогенез кочевнических народов. Данная проблема в том или ином ключе ставилась еще востоковедами т.н. «старой школы», рассматривавшими кочевнические народы, однако, в этнографических категориях⁴⁷⁵. А.Н. Бернштам попытался осветить эти вопросы комплексно. А.Н. Бернштам обратил внимание на этническую неоднородность Тюркского каганата, объединившего субстраты последователь-

⁴⁶⁸ Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 19.

⁴⁶⁹ Бернштам А.[Н.] Проблема распада ... С. 87 прим. 2.

⁴⁷⁰ См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 4 прим. 1, 2.

⁴⁷¹ Там же. С. 3 прим. 1.

⁴⁷² Zeki Velidi Togan A. Tarihte Usûl. S. 116.

⁴⁷³ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 226—227, 229—230; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 158—159, 163.

⁴⁷⁴ Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 267.

⁴⁷⁵ Бартольд В.В. Тюрки ... С. 585; Гордлевский В.А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 42, 184 прим. 1.

но сменявших друг друга «скифского» и «гуннского» обществ⁴⁷⁶, где последних он считал тюркоязычными⁴⁷⁷. Тюрки выступают «представителями крупнейшего феодального общества, которое знала история кочевого общества»⁴⁷⁸. В основе этих построений лежала теория Н.Я. Марра, что в определенной степени определило механистический характер комплексных интерпретаций А.Н. Бернштама. П.К. Дашковский отметил, что уже в ранних работах А.Н. Бернштама фактически не различаются содержательно генезис феодализма и период его расцвета⁴⁷⁹. В первоначальной трактовке А.Н. Бернштама генезис феодализма у тюрков происходит на высшей ступени варварства, соответственно общество орхоно-енисейских тюрков — переходное от высшей ступени варварства к феодализму⁴⁸⁰, но в поздней трактовке — это ранняя форма сложения примитивных феодальных отношений⁴⁸¹. Однако, так или иначе, образование Тюркского каганата, по А.Н. Бернштаму, знаменует завершение процесса этногенеза в условиях кочевого общества и одновременно завершение сложения классов и создания государства⁴⁸².

Феодализация охватила огромный массив центральноазиатских племен, втягивавшихся в процесс развития тюркского государства, поэтому *türk* — не этнический, а политический термин, корпорация племен⁴⁸³. Этот единый процесс мобилизации варварских племен в феодальное объединение, сопровождавшийся распространением «турецких» языков, А.Н. Бернштам охарактеризовал как «туркизация обществ»⁴⁸⁴. Не вошедшие в тюркское государство племена мигрировали на север и восток Сибири и Центральной Азии, составив «варварскую периферию»⁴⁸⁵.

⁴⁷⁶ Бернштам А.Н. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3—4. С. 50; *Его же*. Происхождение турок ... С. 49; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 89.

⁴⁷⁷ Бернштам А.[Н.] [Рец. на] EBERHARD W. *Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabı*. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. Ankara. 1942. 281 p.+2 tab. (ЭБЕРХАРД В. Книга первоисточников о китайских северных соседях. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Перевел на турецкий Нимет Улугтуг) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 127; *Его же*. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 102—117, 192—193, 195, 197; Материалы ... 1955. С. 522—523.

⁴⁷⁸ Бернштам А.Н. О роли завоеваний ... С. 49.

⁴⁷⁹ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 226; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 158.

⁴⁸⁰ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 15—16.

⁴⁸¹ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 145.

⁴⁸² Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 5—6, 13; *Его же*. К вопросу ... С. 872 прим. 1, с. 874; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 9—10; *Его же*. Очерк истории гуннов. С. 128, 129, 215.

⁴⁸³ Бернштам А.Н. Происхождение турок (к постановке проблемы) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5—6. С. 46, 47; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 147; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 90.

⁴⁸⁴ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 14; *Его же*. Происхождение турок ... С. 48, 54.

⁴⁸⁵ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 13—14; *Его же*. Происхождение турок ... С. 50; *Его же*. Очерк истории гуннов. С. 129.

Более важным в этом аспекте является замечание П.К. Дашковского, что неоднозначная оценка общественного строя Тюркского каганата, которую А.Н. Бернштам давал в своих работах разных лет, связана с тем, что «ученый пришел к выводу о сосуществовании государства и родоплеменного деления, что не соответствовало идеальной модели феодализма»⁴⁸⁶. Это нашло отражение в интерпретации А.Н. Бернштамом этногенетических процессов: изначально он указывал, что феодализация так и не могла завершиться из-за включения в процесс «все новых варварских резервов», племен с периферии⁴⁸⁷, но в книге 1951 г. он писал, что «основной варварский резерв к тюркскому периоду был исчерпан, почему тюркам и удалось в сравнительно быстрый срок создать государство и закончить этот процесс этнического объединения», добавив также, что помимо «варваризации» процессу этногенеза мешала, в первую очередь, активная военная роль Китая. Важным является указание А.Н. Бернштама на такую характерную черту «этнических образований» Центральной Азии, как «сохранение родоплеменных связей, определявших специфику этнических категорий вновь созданных народностей»⁴⁸⁸. Соответственно рецензентами книги отмечалось крайне запутанное изложение тюркского этногенеза, в частности противоречивая оценка места в нем хуннов⁴⁸⁹.

В целом построения А.Н. Бернштама вполне адекватно отразили ряд важных моментов, характеризующих историю кочевнических обществ. Во-первых, это преемственность циклически сменявших друг друга политических образований кочевнических народов Центральной Азии, притом что население региона постоянно состояло из разнородных этнических групп; во-вторых, родоплеменной характер связей внутри как этнических, так и политических объединений; в-третьих, невозможность формирования устойчивых этнических общностей ввиду регулярных миграций различных племенных групп и текучести всего населения; в-четвертых, политический, а не этнический характер наименований племенных объединений. Однако выход в свет монографии А.Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» (1951) совпал с падением марризма, составлявшего методологическую основу его заключений, в результате чего на книгу, а с ней и на всю концепцию ученого последовала череда резко критических отзывов⁴⁹⁰.

⁴⁸⁶ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 227; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 159.

⁴⁸⁷ Бернштам А.Н. Наследственность и выборность у древних народов центральной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7—8. С. 174.

⁴⁸⁸ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 129.

⁴⁸⁹ Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. [Рец. на] А.Н. БЕРНШТАМ, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951, 256 стр., тираж 3000 экз., цена 15 руб. // Вестник Древней истории. 1952. № 1. С. 104.

⁴⁹⁰ Там же. С. 101—109; Рафиков А.Х. [Рец. на] Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Ответственный редактор М.М. Дьяконов. Ленинградский государственный ордена Ленина университет имени А.А. Жданова. Исторический факультет. Издательство Ленинградского государственного ордена Ленина университета имени А.А. Жданова. Ленинград. 1951. 254 стр. // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 126—131; Удальцова З.В. Против идеализации гуннских завоеваний. [Рец. на] А.Н. БЕРНШТАМ «Очерк истории гуннов». Издательство Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. 1951. 255 стр. // Большевик. 1952. № 11. С. 68—72; Борисов А.Л. Об изданиях Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова по древней истории и

Разработка конкретных социальных вопросов в рамках марксистской методологии также натолкнулась на ряд сложностей, поскольку стадиалистский подход продемонстрировал невозможность объяснить очевидные особенности истории кочевнических народов, что выразилось в несколько отличных трактовках одних и тех же явлений в работах А.Н. Бернштама разных лет.

Сам генезис древнетюркского общества А.Н. Бернштам стремился описать по схеме, начертанной в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи...». Он исходил из мнения о развитии феодальных отношений у тюрков в результате распада патриархально-родовой общины⁴⁹¹. Основной хозяйственной единицей у древних тюрков была патриархальная семья, включавшая в себя также рабов и наложниц (*qul, küñ, küni*). Она сохраняла патриархальные обычаи отцовского рода (наследование, левират, полигамно-локальность и др.). Семья существовала внутри рода (*uru, oq*), являвшегося чаще всего формой кочевой общины (*bay, budun*). Среди семей были бедные (*çууaj*) и богатые (*baj*). Представители богатых семей (*bäg*) узурпировали органы родового строя в общине, будучи связаны с родовой знатью, власть которой в процессе завоеваний из родовой превращалась в королевскую (каганы)⁴⁹². Эта основная схема, составленная на основе механистических построений, содержательно претерпевала отдельные изменения в различных работах ученого.

На основе изучения терминологии А.Н. Бернштам пришел к выводу об описательном характере древнетюркской системы родства⁴⁹³, однако, теперь известно, что это не так⁴⁹⁴.

А.Н. Бернштам считал, что основной хозяйственной единицей у орхонских тюрков, по крайней мере, для VIII в. была большая патриархальная семья, с тенденцией перехода в малую⁴⁹⁵. Согласно А.Н. Бернштаму, патриархальная семья именовалась в древнетюркских памятниках двумя равнозначными терминами: *ini jügün* и *arqayun*, выступавших как «два обозначения одного и того же явления, рассматриваемого только с двух разных позиций — с точки зрения патриарха по отношению к своей семье и с точки зрения групп родственников, входящих в нее»⁴⁹⁶. Однако первый основан на некорректном отождествлении сочетания последова-

археологии // Вопросы истории. 1952. № 11. С. 136—137; Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 320—326; Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 267.

⁴⁹¹ Вопросы истории феодализма ... С. 336; Бернштам А. [Н.] Проблема распада ... С. 95, 101; Его же. Социально-экономический строй ... 1946. С. 115.

⁴⁹² Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 15—16; Его же. Социально-экономический строй ... 1946. С. 145.

⁴⁹³ Бернштам А.Н. Родовая структура Ту' Гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина) // Из истории докапиталистических формаций: сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. М.; Л., 1933 (Известия ГАИМК. Вып. 100). С. 560—576; Его же. Социально-экономический строй ... 1946. С. 87—98.

⁴⁹⁴ Baştuğ Şh. Kök Türik Kinship Terminology: An Omaha Model // Central Asiatic Journal. 1993. Vol. 37. № 1—2. P. 1—19.

⁴⁹⁵ Бернштам А.Н. Родовая структура ... С. 570, 572; Его же. Социально-экономический строй ... 1946. С. 88, 93, 94, 105, 109; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 94

⁴⁹⁶ Бернштам А.Н. Родовая структура ... С. 570; Его же. Социально-экономический строй ... 1946. С. 89.

тельности знаков $j^2gün^2m$, дававших бы прочтение *jigün-im* ~ *jegün-im* (степень лабиализации гласного в аффиксе не рассматривается), отнюдь не связанное с термином родства *jigin* ~ *jigen* ~ *jegin* ~ *jegen*⁴⁹⁷, существование второго основано на недоразумении, последовавшим в результате неверного прочтения этого слова В.В. Радловым, поместившего его в словарь издания переводов рунических надписей Монголии 1897 г., где термин *арка-гүн* в значении ‘Familie, Verwandte’ и сравнивался с *inijigün*⁴⁹⁸ (ср. в написании А.Н. Бернштама *arqayun* — с велярным аффиксом).

Признавая отсутствие в источниках указаний на род у древних тюрков, А.Н. Бернштам основывался только на интерпретации терминов социальной организации (*bay*, *uru*, *oq*, *täg*, *budun*), исходя понимания их соотношения в иерархическом порядке и эволюционистских соображений о переходе от родовой сущности общины к территориальной⁴⁹⁹. Ввиду формального подхода к содержанию терминологии случаи совпадения терминов привели его к представлению отдельных племен в качестве общин⁵⁰⁰.

Стержневой в работах А.Н. Бернштама является мысль об узурпации родовой знатью органов родового строя⁵⁰¹. П.К. Дашковский отметил важный момент, разнящийся в ранних и более зрелых работах А.Н. Бернштама: в работах 30-х гг. XX в. главное внимание уделялось борьбе каганства, родовой аристократии, основывающейся на рабовладении, и феодализирующегося бегства, то в монографии 1946 г. определяющая роль отводилась борьбе бега с общиной⁵⁰². Эти противоречия упирались в истолкование форм эксплуатации, точнее — роли рабства.

Первоначально А.Н. Бернштам отводил рабству решающее значение в процессе классового образования и возникновения государства, отмечая и роль завоеваний⁵⁰³. Он исходил из внутренних условий развития рабства (полигамия, торговля)⁵⁰⁴, но в древнетюркской общине оно носило патриархальный характер⁵⁰⁵; главным источником пополнения рабов были войны⁵⁰⁶,

⁴⁹⁷ Erdal M. A Grammar of Old Turkic. P. 160 note 277.

⁴⁹⁸ Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. S. 161.

⁴⁹⁹ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 10, 15; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 98, 104, 105, 109, 111.

⁵⁰⁰ См.: Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 16; *Его же*. К вопросу ... С. 881; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 135—136, 143—144. Ср. замечания П.К. Дашковского: Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 227; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 158.

⁵⁰¹ Вопросы истории феодализма ... С. 337; Бернштам А.Н. Наследственность и выборность ... С. 167; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 108, 175, 176; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 90.

⁵⁰² Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 230; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 163.

⁵⁰³ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 6.

⁵⁰⁴ См.: Писаревский Н.П. Изучение ... дис. ... С. 152.

⁵⁰⁵ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 19; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 139, 147.

⁵⁰⁶ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 17; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 117—118.

другим — институт клиентелы (*oγul, oγuŝ*)⁵⁰⁷. А.Н. Бернштам считал рабство укладом внутри феодальных отношений (это, по его мнению, являлось причиной «застойности» исторического процесса на Востоке)⁵⁰⁸. Потребности скотоводства как основы производства обслуживались общинной кооперацией, труд рабов ограниченно использовался во вспомогательных видах производства: земледелии и домашнем ремесле⁵⁰⁹. Поэтому «основная линия классовой борьбы» происходила между «народом», — общиной, и бегом, «а не по линии рабов»⁵¹⁰, или, точнее, речь идет о противоречиях «между народом, черным народом (*qara budun*), свободным представителем племени и каганатом» и «в этой борьбе против каганата беги выступают вместе с общиной»⁵¹¹, а каган и беги вступают в борьбу друг с другом за привлечение масс — «черного» народа⁵¹². Каганство и бегство имеют различную природу: каган как представитель родовой аристократии основывает власть на рабовладении, т.е. клиентеле, власть бега основывается на расслоении общины, поэтому «борьбу между родовой аристократией и бегами надо понимать как борьбу между рабовладельческой аристократией и формирующимся феодалом»⁵¹³. Патриархальные «усыновленные» рабы и отпущенники становились дружинниками хана, и с помощью них хан узурпировал родовую власть, превращая свободных общинников в зависимых крестьян. Эти рабы, получая право наследования в роде, становились собственниками, но были вынуждены нести повинности. Патриархальное рабство переросло в коммendaцию, а родовая взаимопомощь превращалась в военно-феодальную барщину⁵¹⁴. Завоевания, т.е. войны и грабежи, организуемые верхушкой, лишь ускоряли процесс классового образования⁵¹⁵. Фигура бега сложнее: это — с одной стороны, феодал, поскольку связан с формирующимися в общине отношениями эксплуатации, с другой стороны — рабовладелец, также эксплуатирующий труд рабов⁵¹⁶; последний момент приобретает большее внимание в книге А.Н. Бернштама⁵¹⁷. Также акцент делается на то, что каган выступает как родовой вождь, который, становясь военачальником, узурпирует власть в общине, превращая ее в королевскую, после чего он является уже не представителем родового строя, а нарождающейся имущественной знати, бегов, соответ-

⁵⁰⁷ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 103, 116, 117, 124, 125 прим. 3, с. 127 прим. 1; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 485.

⁵⁰⁸ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 6—7.

⁵⁰⁹ Там же. С. 16—17. Ср.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 145—146.

⁵¹⁰ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 17. Ср.: *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 146. Указания на «раннефеодальный» характер классовой борьбы он находил в орхонских текстах: Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 875; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 131.

⁵¹¹ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 19.

⁵¹² Там же. С. 19—20; Бернштам А.Н. Наследственность и выборность ... С. 169.

⁵¹³ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 20.

⁵¹⁴ Там же. С. 17; Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 145—146.

⁵¹⁵ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 18.

⁵¹⁶ Там же. С. 17; Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 885; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 139.

⁵¹⁷ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 145.

ственно выражая ее интересы⁵¹⁸. Таким образом, А.Н. Бернштам отмечал в древнетюркской общине две тенденции: феодализма и рабства, наличие которого он усматривал у хуннских племен «до турецкого периода», но еще в 1936 г. он явно не мог внятно объяснить его влияние на сложение классов у тюрков⁵¹⁹.

В 1938 г. С.П. Толстов, критикуя А.Н. Бернштама, отмечал, что тот «никаких данных о феодальных формах собственности и феодальных формах эксплуатации, кроме военной дани... <...> привести не был в состоянии» и «под влиянием новых археологических материалов» от этой точки зрения отказался⁵²⁰. Речь, вероятно, идет о совместно написанных ими параграфах для одного из томов макета «Истории СССР» 1939 г. Здесь оба исследователя Тюркского каганата, по-видимому, сошлись во мнении, что «существенной чертой этого государственного образования была субординация племен, подчинение путем военного насилия окраинных племен ханскому центру и эксплуатация их посредством обложения данью», и «никаких признаков феодальных норм не наблюдается». Каганат предстает как «варварская тюркская держава»⁵²¹.

Именно вопрос истолкования форм зависимости у кочевников с позиции марксистского понимания форм эксплуатации может считаться ключевым в разногласиях А.Н. Бернштама и С.П. Толстова. А.Н. Бернштам отмечал, что термины *qul* и *kün* в древнетюркских источниках обозначают не рабов, а зависимое положение, близкое к данничеству, применяемое иногда к целым племенам, равно как *tat* по отношению к зависимым иноземцам⁵²². Он сравнивал это с явлением, обозначенным Б.Я. Владимирцовым у монголов термином *unağan bogol*, и с сибирским кыштымством⁵²³. Свидетельство о восприятии подобной зависимости в как рабства самими кочевниками А.Н. Бернштам видел в китайских хрониках, где каган Ша-бо-люэ высказался за честь стать «вассалом» китайского императора, когда ему сказали, что этот статус соответствует статусу тюркского «раба»⁵²⁴. Такое терминологическое неразличение отношений между индивидами в рамках общины и между общинами не вписывалась в марксистские представления о классовом делении, что нашло своеобразную трактовку в работах А.Н. Бернштама⁵²⁵.

Включение рабов и родственников в состав патриархальной семьи, развитие института усыновления и клиентелы способствовало расширению экономических возможностей общи-

⁵¹⁸ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 109, 111, 114.

⁵¹⁹ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 891.

⁵²⁰ Толстов С.П. Тирания Абрау ... С. 44 прим. 6; *Его же*. Древний Хорезм ... С. 260 прим. 94.

⁵²¹ История СССР ... Ч. III—IV. С. 90.

⁵²² Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 121, 124—125, 126. Ср.: Вопросы истории феодализма ... С. 340—341.

⁵²³ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 125, 129.

⁵²⁴ Там же. С. 175.

⁵²⁵ П.К. Дашковский разграничивает взгляды А.Н. Бернштама на эксплуатацию внутри общины и эксплуатацию покоренных племен (Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 229—230; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 163).

ны⁵²⁶. Патриархальные рабы и зависимые племена обслуживают потребность знати в войнах и грабежах, выплачивая дань и участвуя в походах⁵²⁷. В случае завоевания одного племени другим, или в случае усиления хозяйственной зависимости бедных родов от богатых и их подчиненного положения, между родо-племенными единицами создается определенная система субординации. Еще большей степени закабаление знатью сородичей достигает в результате их участия в завоеваниях, предпринимаемых властной верхушкой⁵²⁸. В итоге в монографии 1946 г. А.Н. Бернштам говорит уже о важнейшей роли завоеваний, в ходе которых у тюрков развилась «своеобразная форма рабовладельческого уклада»⁵²⁹.

Одним из факторов многоукладности древнетюркского общества была многокомпонентность тюркского племенного объединения⁵³⁰. А.Н. Бернштам акцентировал внимание на том, что создавшие каганат племена были алтайского, а не центральноазиатского происхождения⁵³¹; они не знали рабовладельческой формации и не имели взаимодействий с рабовладельческим миром⁵³². Рабство было одним из этих укладов, но, ограниченное в своем развитии, в условиях кочевого общества не могло стать основой для производства⁵³³. Многоукладность отражена также в разной степени оседлости⁵³⁴ — основу хозяйства восточных тюрков составляло полукочевое скотоводство с постоянными зимовками⁵³⁵. Степень оседлости А.Н. Бернштам считал критерием развития классовых отношений⁵³⁶. Однако он не разрабатывал проблем землевладения, ограничиваясь указанием на то, что номинально земля считалась собственностью рода (общины), но фактически эксплуатировалась бегом⁵³⁷. Более осторожно, признавая отсутствие источниковых данных, он пишет об этом в монографии, ссылаясь также на работу Н.Н. Козьмина⁵³⁸. В то же время, интерпретируя каменные изваяния как обозначения могильников, он считал их, а также тамги на стелах признаками частной собственности на землю, явлением феодального периода⁵³⁹.

⁵²⁶ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 115—117.

⁵²⁷ Там же. С. 127, 145—146.

⁵²⁸ Там же. С. 127—128.

⁵²⁹ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 886; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 7, 120, 140, 146.

⁵³⁰ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 9—10, 145.

⁵³¹ Там же. С. 83.

⁵³² Там же. С. 144, 145.

⁵³³ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 17; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946; *Его же*. Очерк истории гуннов. С. 130—131.

⁵³⁴ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 71.

⁵³⁵ История СССР ... Ч. III—IV. С. 481, 486; Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 41, 42, 48, 50, 67—68, 71—72, 146.

⁵³⁶ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 181—182, 183.

⁵³⁷ Вопросы истории феодализма ... С. 337—338; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 93; Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 119. Н.П. Писаревский относит А.Н. Бернштама к т.н. «дуалистам», признававшим и сосуществование земельной собственности всего племени, и собственности отдельных родов (*Писаревский Н.П.* Изучение ... дис. ... С. 151—152).

⁵³⁸ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 126 прим. 5.

⁵³⁹ Там же. С. 74, 75, 110.

А.Н. Бернштам исходил из тех методологических соображений, что патриархальное рабство является характеристикой первобытнообщинной формации, приводя также высказывание К. Маркса о возможности развития из него в ходе завоеваний крепостных форм зависимости (что позже вызовет критику со стороны С.В. Киселева). В монографии А.Н. Бернштам оставил открытым вопрос о существовании в истории кочевников «примитивной рабовладельческой формации», указав на необходимость изучения более ранних кочевнических обществ, в частности, *жуань-жуаней*, для окончательного разрешения этого вопроса для VI—VIII вв.⁵⁴⁰ Так или иначе, по его мнению, кочевники VI—VIII вв. прошли рабовладельческие отношения либо сами, либо будучи включенными в систему рабовладельческих отношений государств Средней Азии и Китая, т.е. обществ феодальных⁵⁴¹. В ранних работах А.Н. Бернштам отмечал наряду с грабежами в истории тюркского общества важную роль и мирных торговых сношений, например, с Китаем и Византией⁵⁴². Однако впоследствии он писал, что в кочевом обществе торговля не играла роли источника накопления, поэтому нет оснований искать влияние торговых сношений с Китаем на создание тюркского государства⁵⁴³. В определенной степени ускорило феодализацию нахождение тюрков под властью Китая в период 630—681 гг., в частности проводимая китайцами политика насильственного оседания, участие тюрков в качестве данников в завоеваниях на стороне китайских императоров, а также участие в восстании против Китая, бывшего проявлением классовой борьбы в самом Китае⁵⁴⁴.

Таким образом, речь идет, прежде всего, о переплетении в тюркском обществе хозяйственных укладов, во-первых, ввиду нахождения на разных стадиях развития самих тюркских племен на начальном этапе генезиса государства, во-вторых, ввиду втягивания Тюркского каганата в социально-экономические отношения с оседлыми соседями, находящимися на более высоких стадиях развития. К мнению о пассивной роли кочевников А.Н. Бернштам добавил здесь именно «завоевательную практику» самих тюрков. В целом корни развития социальных отношений ученый искал в самой внутренней природе кочевнического общества, что заставило его обратить большее внимание на начальные этапы этого процесса, в частности на жуань-жуаньское общество. По его мнению, «предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI — конца VII вв. и монголам X—XII вв., т.е. стадии военно-племенной демократии»⁵⁴⁵, были «обществом переходного типа, стоящим на грани крушения первобытно-

⁵⁴⁰ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 120.

⁵⁴¹ Там же. С. 10, 120, 146.

⁵⁴² Бернштам А.Н. О роли завоеваний ... С. 48.

⁵⁴³ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 884 прим. 4; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 138 прим. 7.

⁵⁴⁴ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 18; *Его же*. К вопросу ... С. 885; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 10, 130, 139—140, 146, 178—179; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 100, 480.

⁵⁴⁵ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 66.

го общинного строя и мучительного созревания классового»⁵⁴⁶. А.Н. Бернштам выделяет тот факт, что тюрки изначально выступают как «рабы» *жуань-жуаней*⁵⁴⁷. В последующем они охарактеризованы как примитивное (т.е. патриархальное) рабовладельческое общество, но с пережитками родового строя, «образованием переходного типа от племенного союза к рабовладению», завершившим историю развития «варварских полугосударств», «патриархально-родовых образований» дотюркского периода. Подходя к непосредственно возникновению Тюркского каганата, А.Н. Бернштам отмечал, что при *жуань-жуанях*, именуемых им «династией», — что указывает на понимание им тесной связи этнических и социальных процессов в степи, — «завершились процессы образования государства, происходившие в Центральной Азии со времени гуннов», и указывал, что «чем ближе по времени к тюркам VI—VIII вв., тем короче время существования тех или иных кочевых образований», в каждом из которых шло «нарастание классового расслоения», ведущее «к формированию классов, к росту классовых противоречий, к созданию развитого государственного строя». Новым уровнем социально-экономического развития тюрков объясняется их восстание против *жуань-жуаней*⁵⁴⁸.

Ввиду низкой роли рабства в производстве и поскольку патриархальные рабы становились полноправными членами рода (общины), их нельзя выделять в особый класс, поэтому основная линия классовой борьбы отражалась в противостоянии общины богатым бегам, которые, тяготившись родовыми порядками, чтобы противостоять общине и эксплуатировать ее, должны консолидироваться в класс⁵⁴⁹. Таким образом, в качестве противостояния бегов и общины рассматривались как внутренние разногласия, так и межплеменные войны, сводившиеся к противопоставлению «господствующего слоя», пытавшегося путем завоеваний, т.е. объединения племен, превратиться в государство, и масс. Племена не были заинтересованы в объединении, т.к., во-первых, не желали отдавать власть в руки формирующегося класса в ущерб племенной знати, во-вторых, племенная знать уже самостоятельно формировалась в господствующий класс и также не хотела объединения. Племена стремились сохранить самостоятельность, свой эль — племенной союз, и выразителями этой идеи была господствующая верхушка племени. Таким образом, феодализирующиеся слои и племенная знать вступают в борьбу за эль — за организацию господствующего класса: каганы — над объединением «аморфного конгломерата племен», беги — над своими племенами. В результате этой борьбы происходит возникновение тюркского государства. Для выполнения объединения необходимо было развитие рабства внутри отдельных племен и вследствие этого повышение их экономической мощи, чтобы выступать против других племен, это достигалось с помощью увода в плен покоренных племен; но в усло-

⁵⁴⁶ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 130.

⁵⁴⁷ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 9.

⁵⁴⁸ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. С. 128.

⁵⁴⁹ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 110, 111, 146.

виях кочевого скотоводства их эксплуатация осуществлялась именно как своеобразное данничество⁵⁵⁰. Будучи связано с непосредственным производителем, бегство представляло более прогрессивный класс, поэтому покорение племен было одновременно и подчинением бегства⁵⁵¹. Именно против независимых тенденций среди племенных бегов выступает в своей надписи Тоньюкук, представитель родовой знати, консерватор, сторонник традиционных форм хозяйства и военной демократии⁵⁵².

При покорении одних племен другими в результате завоеваний происходит ликвидация местной знати, реже союз с ней. Орхонскими надписями отмечается организационная роль кагана в покоренных племенах, которым он «дал устройство» и где творил «суд и праву» — с них взимается дань, над ними ставится новая знать из своей родовой знати, становящейся теперь вассалами кагана: например, йабгу и шады — родственники кагана, его ближайшие военные деятели, представлявшие его дружины, одновременно наместники в землях покоренных племен, осуществлявшие непосредственный контакт с племенной знатью, буюруки — исполнители каганской власти (возможно, судьи), тарханы — сборщики натуральных повинностей, вожди племен, входивших в тюркское объединение, именовались эльтеберами, более мелких единиц, родов и просто племен — тутуками⁵⁵³. Таким образом, получалось две формы, по сути, две плоскости, классовой борьбы: борьба эксплуатируемого племени (и внутри него) против господствующей верхушки, приводящая к окончательному сложению классов, и борьба внутри господствующего класса, между каганом и бегами, выливавшаяся в феодальные междоусобицы⁵⁵⁴. Эти трехсторонние противоречия приводят к возникновению государства⁵⁵⁵. Создается феодальный союз племен — *äl* как результат компромисса между каганом и бегами: каган становится королем, беги — «потомственным дворянством», при этом в качестве основы политического устройства сохраняется родовой строй, его демократические органы и институты, что обусловлено стремлением их использования в целях феодальной эксплуатации⁵⁵⁶. Таким обра-

⁵⁵⁰ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 877—878; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 132—133.

⁵⁵¹ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 880—881; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 135, 182.

⁵⁵² Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 879, 882; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 41, 45, 134, 137, 180, 183—184; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 480.

⁵⁵³ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 878, 882—883, 884; *Его же*. Социально-экономический строй... 1946. С. 111—115, 133, 137—138.

⁵⁵⁴ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1935. С. 20; *Его же*. К вопросу ... С. 878, 887; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 133, 139. Ср. позже работы С.Г. Кляшторного.

⁵⁵⁵ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 881; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 136—137.

⁵⁵⁶ Вопросы истории феодализма ... С. 338; Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 15; *Его же*. Наследственность и выборность ... С. 170; *Его же*. Родовая структура ... С. 560, 564; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 109, 111, 115, 146; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 94.

зом, для тюркского государства характерен «германский тип образования классового общества»⁵⁵⁷ (по Ф. Энгельсу).

Особого внимания в этих построениях А.Н. Бернштама также заслуживают попытки интерпретации социальной терминологии, поскольку наглядно демонстрируют несостоятельность марксистских схем для характеристики социальной организации кочевников. Основываясь на противопоставлении В.В. Радловым терминов *äl* и *budun*⁵⁵⁸, А.Н. Бернштам трактует *budun* по контексту как ‘племя’, ‘народ’, но обосновывает семантическую эволюцию от значения конкретно своего племени к общему ‘народ’, в то время как *äl* представляет более широкую категорию: это одновременно совокупность племен, входивших в состав государства, и союз племен, но, в отличие от *budun*, это уже не община первобытно-общинного типа, а примитивная форма государственного (феодалного) устройства, имеющая законы и обычаи (*törü*), государственная организация, использующая родовые институты, в то же время, это союз знати, каганского рода и примкнувших к нему родоплеменных бегов, — господствующий класс, именовавшийся в надписях *kök türk* и являющийся своеобразной «белой костью», противопоставляющийся «черному народу» (*budun, qara budun*), по сути, плебсу⁵⁵⁹.

Причиной гибели тюркского государства стала именно усилившаяся эксплуатация внутри племен⁵⁶⁰. Логическое продолжение социальные отношения, возникшие в среде орхонских тюрков, нашли в Уйгурском каганате, или, по А.Н. Бернштаму, при уйгурской династии⁵⁶¹. Но ни в Тюркском, ни в Уйгурском каганате сложение феодальных отношений завершено не было⁵⁶².

У западных тюрков, по мнению А.Н. Бернштама, феодализация шла иначе⁵⁶³. Своеобразие социально-экономического развития было обусловлено большой развитостью торговли, оседлости и земледелия⁵⁶⁴. Распад Тюркского каганата и окончательное выделение в 588 г. Западно-тюркского государства были предопределены сословными экономическими и политическими интересами городов Средней Азии и Восточного Туркестана, а также культурными раз-

⁵⁵⁷ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 21; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 136, 138, 144.

⁵⁵⁸ Радлов В.В. Опыт словаря ... СПб., 1911. Т. IV. Ч. 2. Стб. 1861.

⁵⁵⁹ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 18; *Его же*. Наследственность и выборность ... С. 167—168; *Его же*. Родовая структура ... С. 565—567; *Его же*. К вопросу ... С. 888—891; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 84, 100—103, 142—143, 145, 146, 179, 184; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 93, 94.

⁵⁶⁰ Бернштам А.Н. К вопросу ... С. 890; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 140, 147, 184; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 483.

⁵⁶¹ Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 189—193.

⁵⁶² Там же. С. 10.

⁵⁶³ Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй ... 1935. С. 22; *Его же*. К вопросу ... С. 884; *Его же*. Социально-экономический строй ... 1946. С. 189.

⁵⁶⁴ История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 92, 97—98; Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 189.

личиями населения⁵⁶⁵. В работах А.Н. Бернштама Западно-тюркский каганат предстает как раннефеодальное государство, где во взаимодействии с оседло-земледельческим населением нашли значительное развитие рабовладельческие отношения⁵⁶⁶. Отдельного внимания заслуживают поздние выводы А.Н. Бернштама, сделанные на основе результатов раскопок в Семиречье, о постоянном взаимодействии кочевников и земледельцев, о своеобразии развития феодализма у кочевников⁵⁶⁷.

Отдельные выводы А.Н. Бернштама о характере социальных отношений у древних тюрков VI—VIII вв. легли в основу ряда последующих исследований. Однако, фактически, все слабые стороны социологических построений А.Н. Бернштама относительно древних тюрков были отмечены уже в рецензии С.В. Киселева (1947) на его монографию. С.В. Киселев критиковал А.Н. Бернштама за недостаточное и избирательное использование, и произвольное толкование данных археологии, полагая также, что он переоценил уровень развития орхонских тюрков⁵⁶⁸. Ближе ему была позиция С.П. Толстова. С.В. Киселев указал на поспешность попыток А.Н. Бернштама стадильно связать развитие тюрков с предшествующими степными народами, ввиду недостаточной изученности истории последних⁵⁶⁹. Также он отметил недостаточную сбалансированность концепции развития самих орхонских тюрков. В частности, он писал о необходимости шире развить мысль о клиентеле и считал ошибкой А.Н. Бернштама приравнивание института адаптации к клиентеле⁵⁷⁰. Именно неспособность, по мнению С.В. Киселева, обосновать феодальный характер описанной А.Н. Бернштамом формы зависимости, вынудила его обратиться к уйгурским документам из Восточного Туркестана X—XIV вв., по сути, не имевшим прямого отношения к орхонским тюркам⁵⁷¹. Подобного рода критику его и позже других оппонентов вызвала и искусственная конструкция А.Н. Бернштама «орхоно-енисейского общества» и попытка сведения в единую целостную социальную систему орхонских тюрков и енисейских кыргызов⁵⁷². С.В. Киселев не согласился ни с концепцией о борьбе кагана с бегами, ни с трак-

⁵⁶⁵ История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 96, 97—98.

⁵⁶⁶ История Киргизии. Фрунзе, 1956. Т. 1 / редкол. М.П. Вяткин, Б.Д. Джам-Герчинов, А.П. Окладников. С. 72; Очерки Истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. М., 1958. С. 385, 387—388.

⁵⁶⁷ Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. С. 132; Материалы ... 1955. С. 110, 111, 112.

⁵⁶⁸ Киселев С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй ...* С. 83—90. Дискуссия А.Н. Бернштама и С.В. Киселева имела и субъективный подтекст (См.: Алымов С.[С.] Космополитизм, марксизм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940—1950-х годов // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2009. № 97(3). С. 20; Смирнов Н.Ю. Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А.Н. Бернштама) // Археологические вести. СПб., 2011. Вып. 17. С. 358—359 прим. 17).

⁵⁶⁹ Киселев С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй ...* С. 83.

⁵⁷⁰ Там же. С. 87.

⁵⁷¹ Там же. С. 87, 88.

⁵⁷² Там же. С. 87; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (Материалы и исследования по археологии. № 9). С. 6; М.; Л., 1951. С. 8; Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов». С. 322 (С.В. Киселев); Кыласов Л.Р., Мерперт Н.Я. [Рец. на] А.Н. БЕРНШТАМ, *Очерк исто-*

товкой бегства как наиболее прогрессивного слоя, основы формирующегося феодального класса, т.к. считал выразителем феодальных интересов именно кагана⁵⁷³. По его мнению, А.Н. Бернштам недооценил роль рабства⁵⁷⁴. Дискутируя по поводу толкования термина *эль*, С.В. Киселев, отстаивавший мнение о менее развитом характере общественных отношений у орхонских тюрков, писал, что «государство здесь не только орган аристократии, но и форма ее организации»⁵⁷⁵.

Наиболее четко С.В. Киселев изложил свои взгляды в монографии «Древняя история Южной Сибири», изданной в 1949 г. и вышедшей вторым изданием в 1951 г. с поправками, обусловленными падением марризма⁵⁷⁶. С.В. Киселев писал, что приход тюрков на Орхон и покорение многочисленных и различных племен с различными политическими традициями обусловили сложную природу их общественного строя, в сущности же сохранившего архаические первобытно-общинные черты⁵⁷⁷. Помимо родовой аристократии, появляется слой богатых родовичей⁵⁷⁸. По мнению С.В. Киселева, материалы алтайских погребений VII—IX вв., китайские летописи и древнетюркские рунические тексты свидетельствуют о широком распространении у тюрков рабства, приведшего к усилению тюркской аристократии, начавшей закабаление своих соплеменников, сопротивление которых выражалось в восстаниях среди народа и племен, о чем, полагал С.В. Киселев, говорят фразы рунических текстов о ссорах «младших братьев со старшими» и борьбе «народа и бегов». «Такое положение и обусловило коренное изменение общественной организации у алтайских племен»⁵⁷⁹. Знать организуется в «вечный эль» — «объединение аристократии различных племен в организационно сплоченный заимствованными у того же родового строя традициями аристократический слой», который требует поддержки от народа (будун). С.В. Киселев критиковал попытки представить «эль» как род, племя и родовой союз в работах В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского, В.В. Бартольда, В. Томсена и Ф. Хирта, а также критиковал стремление А.Н. Бернштама представить «эль» как государственную организацию, т.к., по его мнению, тот «явно» переоценивал «классовую зрелость аристократии туг-ю»⁵⁸⁰. С.В. Киселев попытался обосновать эволюцию понятия *эль* как организации аристократии, хана и бегов, противопоставляющейся массам, т.е. организации, уже не связанной с родоплеменными институтами, но использующей их пережитки в своих целях, что, по

рии гуннов ... С. 105; *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 140; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 229; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 163.

⁵⁷³ Киселев С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй ...* С. 87—88.

⁵⁷⁴ Там же. С. 88.

⁵⁷⁵ Там же. С. 89.

⁵⁷⁶ Книга С.В. Киселева была завершена в начале 1946 г. и защищена в качестве докторской диссертации (*Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. С. 288).

⁵⁷⁷ Киселев С.В. *Древняя история ...* 1949. С. 280; 1951. С. 500—501.

⁵⁷⁸ Киселев С.В. *Древняя история ...* 1949. С. 281; 1951. С. 501.

⁵⁷⁹ Киселев С.В. *Древняя история ...* 1949. С. 281—282; 1951. С. 502—503.

⁵⁸⁰ Киселев С.В. *Древняя история ...* 1949. С. 282; 1951. С. 503.

его мнению, «явление, обычное при переходе к классовому строю». Но такая организация, подчеркивал он, существенно отличается от государства. На этой стадии государство и господствующий слой, т.е. аристократия, сливаются: государство, прежде всего, выступает не как орган, а как форма организации. Таким образом, *эль* — это именно аристократический слой⁵⁸¹. Указывая на несоответствие описанных в сообщениях китайских источников древнейших «законов» тюрков, восходящих к традициям, с новыми устанавливаемыми аристократией мерами «принудительного подчинения народа элю», С.В. Киселев находит в этом корень классовых противоречий, для смягчения которых каганская верхушка предпринимала завоевания⁵⁸².

Полемика С.В. Киселев с А.Н. Бернштамом, пытавшимся связать очевидно читающиеся в рунических текстах значения термина *эль* как некой совокупности народа или племен, и как некой «надстроечной», государственной организации, имеет большое значение как историографический факт, поскольку демонстрирует попытки этих ученых, непосредственно работавших с источниковым материалом, увязать очевидное несоответствие с привычным представлением о формах организации общества, основанном на материале оседлых народов, с необходимостью вместить картину древнетюркского общества в универсальную схему марксистской парадигмы.

Осторожно, признавая недостаток источников, С.В. Киселев предположил, что основной производящей ячейкой у алтайских тюрков VII—X вв. была семья, пользование земельными угодьями все еще сохраняло общинный характер («отдельные общины, родовые группы, племена»), в то же время «уже зародился принцип верховного суверенитета на землю со стороны бегов, ханов и других представителей аристократии»⁵⁸³.

С.В. Киселев первым предпринял попытку классификации погребений алтайских тюрков по имущественному признаку, выделив богатый класс, свободных общинников, а также зависимых и рабов, соответствующих как орхонским *qul* и *kün* (раб и рабыня), так и *tat* («принужденный стать в зависимость от кого-либо») ⁵⁸⁴. Интерпретацию погребений второй группы поставила под сомнение уже А.А. Гаврилова, указав на их более раннюю датировку⁵⁸⁵.

Каждый из четырех рассмотренных авторов в большей степени опирался на источники одной группы: С.П. Толстов привлекал обширный этнографический материал, Н.Н. Козьмин — разнообразные сравнительно-исторические данные различных эпох, А.Н. Бернштам основывался на анализе древнетюркских рунических текстов, С.В. Киселев — на данных археологии.

Заслуживают внимание еще несколько работ.

⁵⁸¹ Киселев С.В. Древняя история ... 1949. С. 282; 1951. С. 503—504.

⁵⁸² Киселев С.В. Древняя история ... 1949. С. 282—283; 1951. С. 504—505.

⁵⁸³ Киселев С.В. Древняя история ... 1949. С. 289—290; 1951. С. 515.

⁵⁸⁴ Киселев С.В. Древняя история ... 1949. С. 298—309; 1951. С. 530—549. См. также: *Teploukhov S.A., Kiselyov S.V., Kitova L.Yu. Pioneers of Archeological Research on Nomads in Medieval South Siberia // Chronica : Annual of the Institute of History, University of Szeged. 2011. Vol. 11. P. 166, 167.*

⁵⁸⁵ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. ; Л., 1965. С. 88.

Археологу М.И. Артамонову принадлежит вышедшая в 1936 г. работа о хазарах, одна из трех глав которой (с. 51—87) была посвящена важным вопросам политической истории Западно-тюркского каганата, и аналогичная глава в макете «Истории СССР» (Т. III—IV. С. 196—202), где каганат был уподоблен ученым «варварским многоплеменным образованиям», возникшим в результате завоеваний и внешне находившихся под управлением одной династии, подтачиваемым внутренними распрями между правителями крупнейших его подразделений⁵⁸⁶.

С.В. Юшков, историк права, опираясь на исследование Б.Я. Владимирцова, с которым, однако, расходился в оценках уровня «зрелости» феодализма монголов, писал, что «этот общественно-экономический и политический строй монгольских дофеодальных государств XI—XII вв. весьма сходен с общественно-экономическим и политическим строем дофеодальных государств кочевых народов Средней и Центральной Азии, в частности тюркского каганата»⁵⁸⁷. Следуя за Б.Я. Владимирцовым, он выделял здесь такие социальные явления и институты, как распад родовой общины (курень) и переход к семейному хозяйству (аил), распределение пастбищ богатыми скотовладельцами, установление зависимости над людьми, лишенными скота, наличие рабов в незначительном количестве, разрушение племенного устройства объединений, наличие избираемых ханов, имевших функции военных предводителей и судей, но ограниченных советом высших членов родов (курултаем), существование дружины в виде нукеров⁵⁸⁸. У тюрков он находил следующие аналоги: будуны — общинники, огуши — «класс полусвободных» как *unagan bogol* у монголов или смерды на Руси⁵⁸⁹. Эти образования он относил их к дофеодальным государствам, которые «возникли в результате разложения первобытно-общинного строя»⁵⁹⁰. Позже он упоминал о Тюркском каганате, писал о раннефеодальных отношениях⁵⁹¹. О. Латтимор считал, что С.В. Юшков, акцентируя внимание на этих самых полузависимых людях, уже вырванных из системы родо-племенных связей, был близок к пониманию существования у кочевников явления *субординации*, однако, эта точка зрения осталась в советской историографии незамеченной⁵⁹².

Этнограф Л.П. Потапов, в целом следовавший выводам А.Н. Бернштама и С.В. Киселева, отмечал шедший у алтайских тюрков в период каганата процесс классообразования⁵⁹³. В дока-

⁵⁸⁶ Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936. С. 72; История СССР ... 1939. Ч. III—IV. С. 202. А.Н. Бернштам ссылается на работу М.И. Артамонова, говоря о западных тюрках (*Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 186 прим. 2).*

⁵⁸⁷ Юшков С.В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 57.

⁵⁸⁸ Там же. С. 53—57.

⁵⁸⁹ Там же. С. 60—61.

⁵⁹⁰ Там же. С. 46.

⁵⁹¹ Юшков С.В. История государства и права СССР : Учебник для юридических вузов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1947. Ч. 1. С. 4, 52—53; *Его же*. История государства и права СССР : учебник / отв. ред. В.С. Покровский. 4-е изд. М., 1961. Ч. 1. С. 60, 64—64.

⁵⁹² Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 536; *Idem*. The Social History ... P. 334.

⁵⁹³ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л., 1953. С. 90.

зательство он приводил и расслоение в погребениях, и данные китайских источников об «уголовных законах» у тюрков, считая, что в этот период у тюрков «произошло полное отделение публичной власти от народа»⁵⁹⁴. Л.П. Потапов обосновывал невозможность развития у кочевников рабства, считая, что эксплуатация в общине шла по пути постепенного закрепощения⁵⁹⁵, потому «классовые отношения у кочевников тюркского каганата развились в форме патриархально-феодальных отношений»⁵⁹⁶. Л.П. Потапов считал несомненным отмеченный А.Н. Бернштамом факт классовой борьбы в Тюркском каганате как эксплуатируемых племен против господствующей верхушки, так и внутри господствующего класса. «Однако дает ли все это основание определить тюркский каганат как феодальное государство?», — задается вопросом ученый, и, отвечая отрицательно, указывает, что именовать «государством» Тюркский каганат можно лишь условно: каганат был «непрочным военно-административным объединением, временным союзом различных кочевнических племен под гегемонией тюркских каганов, не имевшим собственной экономической базы». С такой трактовкой не согласился А.Н. Бернштам, однако, в доказательство во втором издании книги Л.П. Потапова приводится цитата И.В. Сталина⁵⁹⁷.

Эти взгляды Л.П. Потапова важны с точки зрения понимания соотношения этнической и социальной организации. В одной из работ он писал, что «гунны, как и сяньбийское, жужанское и древнетюркское военно-административные объединения, различных этнических элементов, не составляли народности», будучи «конгломератами племен и народностей»⁵⁹⁸. В последующем Л.П. Потапов упоминал каганат тюрков в числе «военно-административных объединений кочевников, возникавших с целью грабежа и набегов на соседние племена и народности и основанных на временном успехе отдельных ханов»⁵⁹⁹, при этом он прямо высказался о развитии патриархально-феодальных отношений у тюрков VI—VIII вв. из кочевой аульной общины⁶⁰⁰. По его мнению, род у кочевников со временем не мог существовать как социальная единица, поэтому его заменяла аульная община, в своей сущности, сельская община⁶⁰¹. Это давало объяснение тому явлению, что «будучи разгромлены и рассеяны при очередном набеге враждебных племен, кочевники довольно быстро отправлялись от удара, возникали вновь на той же

⁵⁹⁴ Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. С. 91.

⁵⁹⁵ Там же. С. 90, 92, 93—94.

⁵⁹⁶ Там же. С. 93—94.

⁵⁹⁷ Там же. С. 94; Бернштам А.Н. [Рец. на] Л.П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск. 1948, стр. 504 // Советская этнография. 1949. № 3. С. 227—228.

⁵⁹⁸ Потапов Л.П. [Рец. на] История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 // Советская этнография. 1952. № 3. С. 235.

⁵⁹⁹ Материалы ... 1955. С. 27.

⁶⁰⁰ Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана // Вопросы истории. 1954. № 6. С. 82; Материалы ... 1955. С. 32.

⁶⁰¹ Потапов Л.П. Очерк этногенеза южных алтайцев // Советская этнография. 1952. № 3. С. 20—21; Материалы ... 1955. С. 27, 29.

территории, в новой комбинации, нередко под теми же родоплеменными названиями»⁶⁰². Борьба в степи не затрагивала «экономической основы таких кочевых объединений»⁶⁰³. Поэтому все известные единицы родоплеменного деления, в т.ч. и крылья в кочевнических объединениях, являются, по своей сути, единицами военно-административными, с внешней оболочкой родовых форм⁶⁰⁴. Эти мысли дополняет высказанное позже мнение Л.П. Потапова, что сохранение родоплеменного деления древнетюркских объединений было обусловлено невозможностью организации при кочевом образе жизни территориального (административного и военного) деления⁶⁰⁵.

Подводя итоги на конец 50-х гг. XX в. специальным исследованиям советских ученых, имея в виду, прежде всего, работы С.П. Толстова, А.Н. Бернштама, С.В. Киселева и Л.П. Потапова, С.Г. Кляшторный писал, что они «сумели убедительно показать, что история тюркского и уйгурского каганатов — это прежде всего история перерастания военно-демократического и примитивно-рабовладельческого укладов в систему раннефеодальных отношений; что эти процессы происходили в неразрывной связи с социально-экономическим развитием оседло-земледельческих центров Средней Азии и Китая; что и в степи, и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба»⁶⁰⁶, «при этом каждое из вновь возникавших государств не повторяло в деталях путь своих предшественников, а как бы использовало их социальный опыт, следствием чего было постепенное, хотя и неравномерное развитие классовых обществ»⁶⁰⁷.

Работы ученых последующих лет, в той или иной мере касавшихся тематики социальной истории Тюркского каганата, но специально ей не занимавшихся, самостоятельных выводов, как правило, не содержали, ограничиваясь довольно общей характеристикой социальных отношений, основанной на результатах предшествующих исследований (работы С.П. Толстова и А.Н. Бернштама), подкрепленной ссылками на постулаты «классиков марксизма». Это в равной степени касается как Восточно-тюркского⁶⁰⁸, так и Западно-тюркского каганата⁶⁰⁹.

⁶⁰² Материалы ... 1955. С. 27. Ср.: *Потапов Л.П.* Очерк этногенеза южных алтайцев. С. 21; *Абрамзон С.М., Потапов Л.П.* Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) // Советская этнография. 1975. № 6. С. 35.

⁶⁰³ *Потапов Л.П.* Очерк этногенеза южных алтайцев. С. 21.

⁶⁰⁴ Материалы ... 1955. С. 28.

⁶⁰⁵ История Тувы : в 2 т. М., 1964. Т. I / отв. ред. Л.П. Потапов. С. 94—95; История Тувы : в 2 т. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2001. Т. I. С. 97; История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Л., 1968. Т. 1. Древняя Сибирь / под ред. А.П. Окладникова. С. 281.

⁶⁰⁶ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники ... С. 13. Ср.: *Кляшторный С.Г., Ромодин В.А.* Изучение истории тюркских народов в АН СССР. С. 154; *Klyashorniy S.G., Romodin V.A.* SSCB İlimler Akademisinde Türk Halkları Tarihi Araştırmalarına Dair. С. 139.

⁶⁰⁷ *Итс Р.Ф., Кляшторный С.Г.* [Рец. на] «История Тувы». М. «Наука». 1964. Тираж 8 000. Т. I. 401 стр. Цена 1 руб. 67 коп.; Т. II. 455 стр. Цена 1 руб. 76 коп. // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 159.

⁶⁰⁸ *Вяткин М.П.* Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941. Т. 1. С древнейших времен по 1870 г. С. 44—46; История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.) / отв. ред. издания 1943 г. М. Абдыкалыков, А. Панкратова ; отв. ред. издания 2011 г. И. Дмитрова. 3-е изд.; перераб. Алматы, 2011. С. 92—93; *Батманов И.А.* Краткое введение в изучение киргизского языка. Фрунзе, 1947. С. 12, 17, 22—26; История Казахской ССР. (с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции). 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. Алма-Ата, 1949. Т. 1. С. 62—63; *Гафуров Б.Г.* Ис-

тория таджикского народа (в кратком изложении). М., 1949. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. С. 118—119; История Казахской ССР. 3-е изд. Алма-Ата, 1952. Т. 1. С. 47—48, 49, 50—51 (В.Ф. Шахматов); История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. Т. 1. С. 55, 59 (В.Ф. Шахматов); История Бурят-Монгольской АССР : в 2-х т. Изд. 2-е, испр. и доп. Улан-Удэ, 1954. Т. I / отв. ред. П.Г. Хаптаев. С. 37 (Г.Н. Румянцев); История Монгольской Народной Республики. М., 1954. С. 67; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх / эрхлэн хэвлүүлсэн Б. Ширэндэв. Улаанбаатар, 1955. 81 дугаар тал.; История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. Кн. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. С. 157—159 (С.А. Вязигин); Всемирная история : в 10 т. М., 1957. Т. III. С. 35—37 (Н.И. Конрад), 127 (А.Ю. Якубовский); *Черников С.С.* О термине «ранние кочевники» // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1960. Вып. 80. С. 19, 21; История СССР с древнейших времен до наших дней : в двух сериях, в 12-ти томах. М., 1966. Т. 1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь / под ред. С.А. Плетневой, Б.А. Рыбакова. С. 336 (А.П. Смирнов); *Кызласов Л.Р.* Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) // Вестник МГУ. Сер. IX. Исторические науки. 1960. № 1. С. 73; *Его же.* История Тувы в средние века. С. 53—55, 188 прим. 321 (при этом археолог опирался лишь на известные материалы письменных источников «почти без привлечения материалов раскопок»: *Серегин Н.Н.* Опыт и перспективы реконструкции ... С. 155; *Его же.* Социальная структура населения тюркской культуры ... С. 187; *Его же.* Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 22); *Кызласов Л.Р.* Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск, 1992. С. 72; История Тувы ... 1964. Т. I. С. 92 (Л.П. Потапов, ср.: История Тувы ... 2001. Т. I. С. 95); История Сибири ... Т. 1. С. 280 (Л.П. Потапов); *Смирнов А.П.* [Рец. на] Л.Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 211, рис. 66, тираж 1800 // Советская археология. 1971. № 1. С. 299—300; *Златкин И.Я.* Оуэн Латтимор как историк Востока // Против колониализма / ред. кол. : К.М. Попов (отв. ред.) и др. М., 1960. С. 14; *Его же.* Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития / отв. ред. Л.Р. Полонская. М., 1971. С. 181 (Ср.: *Zlatkin I.Y.* Main Periods in the History of Mongolian Feudalism // XXV International Congress of Orientalists. Papers Presented by the USSR Delegation. Moscow, 1960. P. 3—4; *Златкин И.Я.* А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 97—98, 99; *Его же.* Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития / отв. ред. Л.Р. Полонская. М., 1971. С. 173, 174—175; *Его же.* Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // Проблемы алтаистики и монголоведения : материалы всесоюзной конференции. Элиста, 17—19 мая 1972 года. Элиста, 1974. Вып. 1 (серия литературы, фольклора и истории). С. 36; *Его же.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев. М., 1982. С. 262; *Златкин И.Я., Попова А.П.* Образование монгольского государства и развитие феодальных отношений в Монголии // История стран Азии и Африки в Средние века / ред. кол. Ф.М. Ацамба, З.Г. Лапина, М.С. Мейер. 3-е, доп. и перераб. изд-е. М., 1987. Ч. I. С. 210); *Сердобов Н.А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 79, 82; *Антонов Н.К.* Лекции по тюркологии. Якутск, 1979. Ч. 2. (Древнетюркская эпоха). С. 12; История Алтая : учеб. пособие : в 3 ч. Барнаул, 1983. Ч. I. С. 49, 51; *Маннай-оол М.Х.* К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья // Проблемы истории Тувы. С. 100—101, 102—105; *Маннай-оол М.Х.* Генезис и развитие феодализма в Туве ... С. 117—118, 121; *Его же.* Тува в эпоху феодализма ... С. 17, 21, 47—51, 53—55; История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 209—210, 212, 214 (О.В. Зотов), 281, 283 (Л.Р. Кызласов); История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции : в 5 т. М., 1987. Т. 1. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI—V тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э.) / отв. ред. Ю.А. Краснов. С. 332 (А.В. Чернецов).

⁶⁰⁹ История Казахстана (История Казахской ССР ... Издание 1943 г.) ... С. 95, 99; История Казахской ССР ... 1949. Т. 1. С. 64, 68; *Тревер К.В., Якубовский А.Ю., Воронец М.Э.* История народов Узбекистана. Ташкент, 1950. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. С. 144; История Узбекской ССР. Ташкент, 1955. Т. 1. Кн. 1. С древнейших времен до середины XVIII в. С. 123 (К.В. Тревер); История Казахской ССР ... 1952. Т. 1. С. 52 (В.Ф. Шахматов); Материалы ... 1955. С. 452, 453, 456 (А.К. Кибиров, «О периодизации истории народов Киргизии в досоветскую эпоху»), 459 (Г.Ф. Дахшлейгер, «О периодизации дореволюционной истории Казахстана»), 471 (А.А. Росляков, «О периодизации истории народов Туркменистана в досоветскую эпоху»); История Казахской ССР ... 1957. Т. 1. С. 56 (В.Ф. Шахматов); *Еренов А.Е.* Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1960. С. 15—19, 28; Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. Т. 1 / под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. С. 72—73, 74 (С.П. Толстов, Т.А. Жданко); История Киргизии. Фрунзе, 1963. Т. 1 / редкол. М.П. Вяткин и др. С. 96—97, 100—101 сл. (Н.П. Кожемяко); История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968. Т. 1 / отв. ред. Б.Д. Джамгерчинов. С. 100, 106—107, 111 сл. (Н.П. Кожемяко); История Туркменистана : учебное пособие для вузов. Ашхабад, 1966. С. 41 (К.Р. Рахманов); История Узбекской ССР (С древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1974. С. 43—44 (Я.Г. Гулямов); История Киргизской ССР, с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / отв. ред. В.М. Плоских. Фрунзе, 1984. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. С. 258—259 (В.Д. Горячева), 239 (В.П. Мокрынин); *Нарочницкий А.Л., Агаджанов С.Г., Федоров-Давыдов Г.А.* [Рец. на] История Киргизской ССР. В 5-ти тт. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе.

Фактически, только советские ученые специально занимались проблемами социально-экономической истории кочевников. Объективно очевидность недостатков унифицированного стадийного подхода в отношении кочевников показала уже развернувшаяся на Ташкентской научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в 1954 г. острая дискуссия о сущности феодальных отношений у кочевников, позже продолжившаяся на страницах журнала «Вопросы истории» (1954—1956), а затем в специальных работах ее участников⁶¹⁰. По итогам Ташкентской сессии было официально объявлено, что «исследованиями советских ученых доказано, что кочевым народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития, что зарождение феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана относится примерно к VI в.»⁶¹¹. В 1964 г. на одной из дискуссий по проблемам феодализма советские ученые пришли к заключению о необходимости создания обобщающих, сравнительно-исторических работ по социальной истории кочевнических народов⁶¹². Подводя общие итоги изучению кочевнических народов Южной Сибири уже на середину 70-х гг. XX в., А.П. Новосельцев указывал, что «выявление социальных структур» политических объединений Южной Сибири «сложная, но... <...> вполне посильная задача», т.к. у них удалось установить «значительное социальное расслоение, различные формы эксплуатации, создание разветвленного, но сохранившего некоторые племенные формы государства», здесь же отмечалось господство одного рода над другими, централизованная форма эксплуатации общинников, использование рабского труда⁶¹³. А.П. Новосельцевым и его соавторами было указано на необходимость разработки проблем взаимоотношения кочевых обществ с оседлыми, а также поставлен вопрос о степени влияния на них географической среды⁶¹⁴.

Таким образом, советская историография признавала отсутствие единой интерпретации социальной истории кочевников как в общем, так и в частном, имея лишь поверхностные представления о социальных процессах и явлениях, интерпретируемых на основе догматических постулатов. В 1976 г. тюрколог С.Г. Кляшторный, специализировавшийся на изучении древне-

Кыргызстан. 1984. 800 с. // Вопросы истории. 1986. №4. С. 110; История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк) / ред. кол. : М.К. Козыбаев (гл. ред.) и др. Алматы, 1993. С. 56—60 (Б.И. Кумеков).

⁶¹⁰ Материалы ... 1955. С. 17—141. См.: *Lattimore O.* The Social History ... P. 335—337; *Понов А.В.* Теория «кочевого феодализма» ...; *Сулейменов Р.Б.* Формационная природа ... С. 93—94; *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 290—293; *Халиль Исмаил.* Исследования хозяйства и общественных отношений ... дис. ... С. 87—107; *Эрдниева К.О.* К истории изучения ... С. 49—50, 51—52; *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения ... 1987. С. 23—24, 50—55; *Его же.* Кочевые общества ... 1992. С. 78—81; *Его же.* Кочевые общества ... 1994. С. 12—14; *Батмаев М.М.* Социально-политический строй ... С. 9—14; *Васютин С.А., Даишковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 24—25; *Шаисламов А.Р.* Социальная история номадизма ... дис. ... С. 47—50.

⁶¹¹ Материалы ... 1955. С. 582, 557 (С.П. Толстов).

⁶¹² См.: Обсуждение доклада и сообщений // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / отв. ред. З.В. Удальцова. М., 1969. С. 288, 290, 298—299.

⁶¹³ *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Чичуров И.С., Щанов Н.Я.* Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны // История СССР. 1974. № 2. С. 78—79.

⁶¹⁴ Там же. С. 87—88.

тюркских памятников, отмечал среди круга проблем, связанных с историографической интерпретацией памятников древнетюркской рунической письменности, «проблему реконструкции по руническим текстам социальных отношений в древнетюркских государствах или, шире, проблему социального строя и ранней государственности Центральной Азии»⁶¹⁵.

⁶¹⁵ *Кляшторный С.Г.* Современные проблемы исследования ... С. 322.

2.2. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 60-х — 80-х гг. XX в. РАСШИРЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ

Период последней трети — конца 60-х гг. XX в. может считаться переходным этапом от старых, более жестких марксистских методологических рамок к несколько более свободным интерпретациям социальных процессов у кочевников⁶¹⁶. В общей историографии кочевничества вторая половина 60-х — 80-е гг. XX вв. характеризуются, с одной стороны, появлением ряда специальных работ, посвященных отдельным народам, с другой — углублением комплексных исследований и общетеоретических разработок⁶¹⁷. Одновременно, на конец 60-х — середину 70-х гг. XX в. приходится «вторая волна» дискуссий вокруг кочевнических обществ среди марксистских исследователей, — как в СССР, так и на Западе, — показавших значительные расхождения по целому ряду вопросов, начиная от характеристики их социальных отношений, возможностей их развития и движущих сил этих процессов⁶¹⁸.

В контексте древнетюркской проблематики период характеризуется расширением источниковой базы. Во многом, благодаря интенсивно начавшимся уже с 50-х гг. XX в. раскопкам в Южной Сибири⁶¹⁹, материалы археологии позволили шире взглянуть на этно- и социогенетические процессы в Центральной Азии. В 50-е — 60-е гг. XX в. советская тюркология достигла определенных успехов в изучении памятников древнетюркской рунической письменности⁶²⁰. В период конца 60-х — начала 80-х гг. XX в. возможности исследователей древних тюрков расширились за счет находок и издания новых памятников. Прежде всего, это открытие согдоязычной Бугутской надписи, памятника времен Первого Тюркского каганата, а также трех надписей Уйгурского каганата, — двуязычной (на древнетюркском и согдийском) Сэврэйской и тюркоязычных Терхинской (Тариатской) и Тэсийнской стел, — и ряда других надписей, а затем

⁶¹⁶ *Васютин С.А.* Ревизия сталинского марксизма ... С. 271—275; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 8; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 28.

⁶¹⁷ См.: *Крадин Н.Н.* Социально-экономические отношения ... 1987. С. 26—29; *Его же.* Кочевые общества ... 1992. С. 41—42; *Его же.* Кочевые общества ... 1994. С. 14; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 41—43, 45—47, 56—57; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 243—247.

⁶¹⁸ См.: *Хазанов А.М.* Социальная история скифов ... С. 34—35; *Дигар Ж.-П.* Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур ... С. 34—36.

⁶¹⁹ См.: *Серегин Н.Н.* История исследования погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : История. Политология. 2012. № 4/1. С. 200—201; *Его же.* Опыт периодизации истории исследования погребальных памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций / отв. ред. Г.А. Кубарева, В.П. Семибратов. Барнаул, 2013. С. 230—231.

⁶²⁰ *Кононов А.Н.* Тюркская филология в СССР. 1917—1967. М., 1968. С. 19, 38 прим. 51, с. 38—39 прим. 52; *Кононов А.Н.* SSCB'deki Türk Filolojisi (1917—1967) // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. 2004. № 13(2). [Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2004. Cilt 11. Sayı 2]. С. 162—163, 176. прим. 51, 52, 53.

их издание. В 1983 г. Д.Д. Васильевым издан корпус памятников бассейна Енисея с новыми фотографиями, прорисовками и транслитерацией памятников. Это значительно обогатило фонд письменных источников⁶²¹.

В целом древнетюркское общество в период конца 60-х — середины 80-х гг. XX в. в советской историографии характеризовалось, в основном, как раннефеодальное⁶²². Вот почему замечательно в рамках марксистской методологии выступление В.И. Шункова с докладом в 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР». В.И. Шунков отмечал особенность сохранения коллективных форм хозяйства у народов Южной Сибири и на этой основе критиковал концепцию С.В. Киселева о раннефеодальных отношениях у тюрков и кыркызов, считая, что в VI—VIII вв. у них господствовала военная демократия⁶²³. Однако, защищая и развивая позицию С.В. Киселева, его ученик, археолог Л.Р. Кызласов, придерживавшийся взгляда об «общем пути для феодального общества Европы и Азии», заключающемся в «развитии городской цивилизации», указал на отсутствие у В.И. Шункова доказательств для обоснования такого тезиса и отметил, что «вероятно, следует подготовить специальную монографию, в которой этот вопрос должен быть специально разработан»⁶²⁴.

Определенный след в историографии оставили работы историка Л.Н. Гумилева, которые достаточно трудно охарактеризовать однозначно с точки зрения методологии⁶²⁵. Изначально он предпринял попытку исследования престолонаследия у древних тюрков. Согласно принципу, обозначенному им как «удельно-лествичная система», в Тюркском каганате со времен Му-гань кагана существовал порядок, по которому каганом становился старший в роде А-ши-на, а все члены каганского рода занимали должности в соответствии со своим генеалогическим старшинством⁶²⁶. Венгерская исследовательница, китаист Ильдико Эчеди считала возможным не

⁶²¹ См.: *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии ... С. 29, 30—34.

⁶²² См.: *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 247; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 286.

⁶²³ *Шунков В.И.* Генезис феодальных отношений в Сибири // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. С. 237—238. Интересно, что здесь ученый также подверг критике и концепцию сознательной маскировки феодальной эксплуатации родовыми институтами (Там же. С. 251).

⁶²⁴ Обсуждение доклада и сообщений // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. С. 285, 286.

⁶²⁵ См.: *Крадин Н.Н.* Кочевые общества ... 1992. С. 37; *Его же.* Кочевые общества ... С. 15; *Его же.* Кочевники Евразии. С. 120; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 39, 345; *Гомбожапов А.Д.* Кочевые цивилизации ... С. 61; *Сараев А.С.* Историко-географический синтез в кочевниковедческих работах Л.Н. Гумилева // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии : история, современность, перспективы. Сборник статей Международного научного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Санкт-Петербург, 1—3 октября 2012 года. СПб., 2012. С. 406, 407.

⁶²⁶ *Гумилев Л.Н.* Удельно-лествичная система у тюрков в VI—VIII веках : (К вопросу о ранних формах государственности) // Советская этнография. 1959. № 3. С. 11—25. К подобному заключению пришел в своих работах О. Прицак (см.: [Приложение 3](#)). Характеризуя в этом свете работу Л.Н. Гумилева, Б.Д. Кочнев писал, «Последний вывод отнюдь не базируется на материалах О. Прицака, на чьи работы в статье Л.Н. Гумилева нет ссылок» (*Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209 гг.). М., 2006. Ч. I. Источниковедческое исследование. С. 244—245). Судя по тому, что на эту работу как на рукопись ссылается М.И. Артамонов в своей книге 1936 г. (*Артамонов М.И.* Очерки древнейшей истории хазар. С. 73 прим. 1), написана она была ок. 1934—1935 гг. Сам Л.Н. Гумилев прочел соответствующий доклад в 1937 г. (См.: *Сараев А.С.* Историко-географический

отрицать эту гипотезу⁶²⁷. Кроме того, она получила развитие в работах Питера Голдена⁶²⁸, считавшего, что, в отличие от тюрков, уйгуры переняли систему прямого наследования от отца к сыну под китайским влиянием⁶²⁹. Однако американский специалист Майкл Дромпп, специально исследовавший проблему соотношения верховной каганской власти и правителей на местах (хотя с работой Л.Н. Гумилева, судя по всему, не знакомый), пришел к выводу об отсутствии какого-либо порядка наследования в Тюркском каганате, отмечая, что верховным каганом мог быть любой представитель правящего клана А-ши-на, в зависимости от своего «харизматического влияния» среди тюрков⁶³⁰. Поэтому структура власти Тюркского каганата обладала определенной гибкостью, будучи способной преобразовываться под реалии времени⁶³¹.

Л.Н. Гумилев относил древнетюркское общество к эпохе военной демократии, ссылаясь на Ф. Энгельса⁶³², однако, очевидно, трактуя это понятие не в стадийном понимании. У кочевников Центральной Азии Л.Н. Гумилев выделял два типа общественной организации: военно-демократический, основанный на военной иерархии (орда), характерный для тюрков, и племенной, основанный на родо-племенных отношениях, характерный для телэских племен и уйгуров как одного из них⁶³³. Идея борьбы двух форм организации проходит через все работы Л.Н. Гумилева о древних тюрках. Он считал, что «степные объединения возникали не одним способом, а несколькими»⁶³⁴. В совместной с венгерским археологом Иштваном Эрдейи статье говорится, что «члены орды несли по существу функции европейского рыцарства, а члены племен — бюргерства». Вся история кочевников должна представляться не как борьба орд с племенами, поскольку они не могли существовать отдельно, а как «форма единства, обеспечивающая устойчивость системы в целом при неустойчивости ее отдельных звеньев»⁶³⁵. Древнетюркский эль Л.Н. Гумилев считал военно-политической системой, основанной в результате объединения и сосуществования двух типов общественной организации: *племен* и *орд*⁶³⁶. Рассматривая эль как форму сосуществования *орды* и *племен*, он отмечал централизованный характер *орды* и

синтез ... С. 402, 409 прим. 1).

⁶²⁷ *Ecsedy H.* Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1968. Т. XXXI. Fasc. 2. P. 134, 157 note 19.

⁶²⁸ *Golden P.B.* Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Činggisid Nomads of Western Eurasia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 39.

⁶²⁹ *Ibid.* P. 51.

⁶³⁰ *Drompp M.R.* Supernumerary Sovereigns : Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Türks (Tujue) // *Rulers from the Steppe : State Formation on the Eurasian Periphery* / ed by G. Seaman and D. Marks. Los Angeles, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions "Nomads : Masters of the Eurasian Steppe". Vol. 2). P. 95.

⁶³¹ *Ibid.* P. 107.

⁶³² *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. (VI—VIII вв.) : автореф. ... С. 17—18; *Его же.* Древние тюрки. С. 64—65, 285.

⁶³³ *Гумилев Л.Н.* Орды и племена ... С. 15—26. Доклад сделан 24 апреля 1958 г.

⁶³⁴ *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. С. 99.

⁶³⁵ *Гумилев Л.Н., Эрдейи И.* Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // *Народы Азии и Африки*. 1969. № 3. С. 79—80.

⁶³⁶ *Гумилев Л.Н.* Орды и племена ... С. 23—24; *Его же.* Древние тюрки. С. 61, 102.

неизбежность центробежных тенденций среди *племен*⁶³⁷. Орда определялась не как этническое, а как военно-организационное понятие⁶³⁸: «некоторое количество совместно живущих людей, определенным образом организованных», характеризующееся как высшая форма военной демократии; при этом обязательной является именно организация, а не общность происхождения, языка, религии или нравов⁶³⁹. В иной формулировке, «орда — это дружина эпохи военной демократии, но иногда приравниваемая ко всему народу», в то же время *племя* определялось как «территориально-хозяйственная единица, состоящая из экзогенных родов»⁶⁴⁰. *Племена* составляли эфемерные союзы, сохраняя самостоятельность и автономность, при подчинении же *орде* ее *племена* теряли. Организация *орды*, по Л.Н. Гумилеву, предполагала наличие двух крыл, правого и левого, чем у тюрков были *тöлис* и *тардуш*, восточное и западное, соответственно. Бегство играло при этом роль командного, а народ — рядового состава орды⁶⁴¹.

Это «совмещение военного и племенного строя» подчеркивается как «характерный признак социальной структуры» лишь для Тюркского каганата⁶⁴². Неустойчивость этой формы существования подтачивалась постоянной тягой племен к освобождению, при этом внутри самой орды беги и будун находились в жесткой дисциплине, сохраняя боевую готовность на случай внешних потрясений и внутренних смут⁶⁴³, поскольку «общая опасность» в виде как внешней угрозы, так и «от ненависти покоренных и ограбляемых племен», «связывала князей и войско в одну господствующую прослойку, что характерно для военной демократии»⁶⁴⁴. Не имея филологической подготовки Л.Н. Гумилев пишет, что тюрки «называли свою державу “вечный эль”, подчеркивая ее устойчивость сравнительно с племенными союзами телесцев и хозяйничаньем хищной орды жужаней»⁶⁴⁵. Однако, вся конструкция с лексемой *bengü : el* является сложноподчиненным предложением: *ötükän : jış : olur-sar : bengü : il tuta : olur-tacı sen* [КТ, Хб, 8 = БК, Хб, 6], а формулировка с аффиксом *-taçï*, показателем абсолютного будущего времени с модальным значением возможности, должествования, играет роль атрибутивной конструкции, с предшествующим условным деепричастием на *-sar*, а, кроме того, *bengü* может быть здесь не прилагательным, выступающим в роли определения, а наречием, выступающим в роли обстоятельства⁶⁴⁶.

⁶³⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 102; Гумилев Л.Н., Эрдейи И. Единство и разнообразие ... С. 79.

⁶³⁸ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 20—21; Его же. Древние тюрки. С. 60.

⁶³⁹ Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1960. С. 91—92.

⁶⁴⁰ Гумилев Л.Н., Эрдейи И. Единство и разнообразие ... С. 79.

⁶⁴¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 60.

⁶⁴² Там же. С. 63.

⁶⁴³ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 24.

⁶⁴⁴ Там же. С. 18.

⁶⁴⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 63.

⁶⁴⁶ Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 121.

Отрицая возможность противоречий рядовых воинов и знати, Л.Н. Гумилев отмечает факт внутренней борьбы среди знати⁶⁴⁷, поясняя, что «несмотря на продуманность и законченность системы, общество тюркютов не могло быть монолитным, так как выделение военной знати даже при наличии общенародных интересов не могло пройти бесследно», и далее: «Это своеобразие объясняется низким уровнем производительных сил и условиями кочевого скотоводческого хозяйства, способствовавшими сохранению родового быта»⁶⁴⁸. Однако причины смуты 80-х гг. VI в. в каганате он объясняет наличием множества самостоятельных ханов, а ее суть сводит к «честолюбию князей и алчности их дружинников, а после первой пролитой крови — жаждой мести»⁶⁴⁹. Этим периодом Л.Н. Гумилев датирует и начало классообразования в Тюркском каганате⁶⁵⁰. Далее отмечается, что «если бы удалось сломать иранский барьер и шелк широкой струей потек бы в эргастерии византийских патрикиев... <...> Тогда бы наполнилась золотом Согдиана, у тюркютов ускорился бы процесс классообразования и эль превратился бы в феодальное государство...»⁶⁵¹. Едва ли этот момент, как и другие отдельные высказывания Л.Н. Гумилева⁶⁵², следует понимать как свидетельство его склонности к мнению о влиянии внешнеполитического фактора на изменение формы общественной организации у кочевников⁶⁵³.

Л.Н. Гумилев, опираясь на тот же, что и его предшественники, источниковый материал, пришел к выводу, что в рабстве тюрками использовался труд, в основном, женщин; эпизод с подчинением кагана Ша-бо-люэ китайцам и случаи упоминания термина *qul* в орхонских надписях позволяют, по его мнению, видеть «лишь факт подчинения иноплеменному государю без какого бы то ни было социального угнетения», «лишь подчинение иноземцу, но отнюдь не лишение личной свободы», поэтому основное значение термина *qul* — «подчинение чужому»⁶⁵⁴, что, как много позднее отметила Г.Ф. Благова, согласуется с данными филологии⁶⁵⁵. Попытка Л.Н. Гумилева выйти за рамки «древнетюркского материала» и показать существование подобного института *кул* у *сюн-ну* не оправдалась⁶⁵⁶. Эксплуатация *кулов* заключалась в том, что тюрки «приводили их на свои земли, селили в определенных местах и взимали с них налоги». Л.Н. Гумилев ссылается на С.П. Толстова, но именует их не «рабами», а «данниками».

⁶⁴⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 59, 102.

⁶⁴⁸ Там же. С. 59.

⁶⁴⁹ Там же. С. 118—119. Ср.: Там же. С. 146.

⁶⁵⁰ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 18; *Его же*. Древние тюрки. С. 59—60.

⁶⁵¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 120.

⁶⁵² Там же. С. 217.

⁶⁵³ Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации ... С. 53.

⁶⁵⁴ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 18; *Его же*. Древние тюрки. С. 53—55.

⁶⁵⁵ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 1997. С. 670—671.

⁶⁵⁶ См.: Таскин В.С. Введение // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М., 1990. Вып. 2. Цзе. С. 5—6.

Отмеченное взимание «налогов» не было регулярным и четко установленным: Л.Н. Гумилев именует его «систематическим ограблением» или «жестоким эксплуатацией». Подобная система применялась по отношению как к пленникам, так и к покоренным или зависимым племенам и народам: от телэских племен и городов-государств Согдианы до выплачивавшего дань или подвергавшегося «опустошительным набегам» Китая и присылавших «дары в виде компенсации за мир или союз» Ирана и Византии⁶⁵⁷.

В перечне «внимающих» речи Бильге кагана на малой стороне соответствующей рунической надписи, Л.Н. Гумилев видит «картину военной демократии с иерархическим принципом устройства», где «орда голубых тюрок» включала еще пока только токуз-огузов⁶⁵⁸. Он считал, что «так как войско нуждается в пополнении», токуз огузы были приняты в эль и приравнены к собственно тюркам, а все прочие племена были причислены к «невольникам», т.е. *куллам*, у которых «личная свобода не отнималась, но обдирали их как липку»⁶⁵⁹. Тот факт, что каган называет огузов «собственный народом», по мнению Л.Н. Гумилева, указывает на то, что это «значит инкорпорированный, принятый в орду, а не данник, насильно включенный в эль — державу»⁶⁶⁰. Л.Н. Гумилев рассматривает термин *огуз* как название для племенной единицы, входящей в эль. Они объединялись в союзы (токуз огуз = девять огузов, уч огуз = три огуза) и соотносились с *budun* следующим образом: «уйгуры, подчиненные тюркам, стали по отношению к ним будунном, но, сохранив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами»⁶⁶¹. Попытки представить эти построения как «выдающийся вклад Гумилева ... <...> в изучение социального строя древних тюрок»⁶⁶² должны быть однозначно отвергнуты ввиду того, что они не соответствуют компетентным выводам большинства специалистов-тюркологов⁶⁶³.

Л.Н. Гумилев указывает, что тюрки Второго каганата «еще в большей степени... <...> находились в состоянии военной демократии», поскольку вновь «внутри дружины иерархия не исключала равенства, но для окружающих это была не демократия, а живодерня. Поэтому основным противоречием в таком обществе было противоречие между господствующими и покоренными племенами»⁶⁶⁴. В другом месте Л.Н. Гумилев пишет, что «характеристика тюркютского государства как примитивной военной деспотии» «вполне совпадает» как с данными древнеармянских и китайских источников, «так и с ходом истории» — основой существования «дер-

⁶⁵⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 55—56.

⁶⁵⁸ Там же. С. 285.

⁶⁵⁹ Там же. С. 313.

⁶⁶⁰ Там же. С. 285 прим. 52.

⁶⁶¹ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 21; *Его же*. Древние тюрки. С. 61—62.

⁶⁶² Сараев А.С. Историко-географический синтез ... С. 403, 404, 410 прим. 8.

⁶⁶³ См.: Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica. Bd. 9). P. 92—104, 205—206.

⁶⁶⁴ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 312.

жавы» была армия⁶⁶⁵. В другой его работе речь также идет о «жестокости» системы эля, которая «лишила ее популярности» среди племен⁶⁶⁶. В целом, «тюрки стояли на стадии военной демократии и делали все от них зависящее, чтобы сохранить строй, к которому они привыкли»⁶⁶⁷.

Показателен следующий фрагмент: «Несмотря на отсутствие сильного сопротивления со стороны разобщенных степных племен, завоевание потребовало полной консолидации сил тюркского народа и он превратился в народ-войско, принужденный держать оружие наготове, т.к. конгломерат из племен и княжеств, подчиненный только военной силой, всегда был готов к восстанию и отложению. Основным противоречием в первом тюркском каганате было антагонистическое противоречие между тюркютской военной демократией и покоренными племенами, находившимися еще на стадии родового строя. За время своего господства тюркютская орда претерпевала изменения: создалась военно-чиновная знать, закрепившая свое привилегированное положение передачей титулов и должностей по наследству, а рядовые воины компенсировались за службу военной добычей. Добычу составляли, наряду со скотом и тканями, пленники, обращаемые в рабство, но т.к. в кочевом хозяйстве труд рабов мало применим, женщин брали в наложницы, а мужчин сажали на землю и облагали податью — продуктами ремесла и сельского хозяйства»⁶⁶⁸. Здесь четко выступает стадиалистское понимание Л.Н. Гумилевым истории тюркского общества — от «стадии родового строя» до появления наследственной аристократии, а также механизмов этих изменений.

После крушения «грандиозной системы каганата», пишет Л.Н. Гумилев, население воплотило свои «наклонности», выбирая из двух путей развития: «военная демократия», созданная людьми разного происхождения, но говорившими на близких диалектах, и племена, чей уклад укрепился ввиду того, что «удельно-лествичная система, сначала фигурировавшая только как государственное учреждение, постепенно проникла в частную жизнь», формируя семейные отношения⁶⁶⁹. Процесс обогащения племен был связан с тем, что, «во-первых, добыча притекала со всех сторон, во-вторых, дань из рук ханов попадала к их приближенным и, в-третьих, замирение степи и прекращение постоянных грабежей повлияло благотворно на развитие скотоводства». При этом Л.Н. Гумилев отмечал накопление богатств «в больших семьях», что «было возможно только при наличии племенной организации» по примеру каганов рода А-ши-на, «управлявших колоссальной страной сообща». «Главы крупных семейств» переняли у тюркских ханов модель управления родственниками, «семьи разрастались в племена, но сохраняли свое территориальное и организационное единство», а старейшины стремились «принять титул

⁶⁶⁵ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 200.

⁶⁶⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства ... С. 122. Вопреки мнению В.В. Трепавлова, здесь нет противоречия (Трепавлов В.В. Традиции государственности ... С. 177; *Его же*. Государственный строй ... С. 21).

⁶⁶⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 285.

⁶⁶⁸ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 17.

⁶⁶⁹ Там же. С. 19, 20.

хана или идыкута»⁶⁷⁰. Здесь важно отметить восприятие тюркским правящим родом себя как одной большой семьи в понимании Л.Н. Гумилева, хотя выше он специально писал о том, что древним тюркам была присуща парная семья⁶⁷¹.

В интересах племен было «пасти свой скот и получать от Китая подарки за нейтралитет или поставку наемников», а предводители орд призывали молодежь в войска, чтобы отнять у Китая продукты земледелия и ремесла путем военной угрозы⁶⁷². Телэские, т.е. огузские племена были покорны тюрками, пока те побеждали⁶⁷³. При этом уйгуры, как прочие огузы, привыкли к конфедеративному устройству, и их не удовлетворяло место в орде тюркских каганов⁶⁷⁴. Даже однажды подняв восстание, огузы «не основали орды, а составили союз племен, более похожий на республику, чем на монархию»⁶⁷⁵. Одним из аргументов было утверждение, «в титулатуре уйгурских ханов приставка “иль” не встречается»⁶⁷⁶, что, однако, не так⁶⁷⁷. Л.Н. Гумилев считает, что нужно «рассматривать уйгурское объединение не как подобие тюркютского эля, а как племенной союз»⁶⁷⁸, а «дальнейшую борьбу тюркютов и уйгуров интерпретировать как столкновение двух систем, имеющих диаметрально противоположные направления развития»⁶⁷⁹. «История Центральной Азии должна была пойти либо по тюркскому, либо по уйгурскому пути»⁶⁸⁰.

Много внимания Л.Н. Гумилев уделил Западно-тюркскому каганату. Разделение единого каганата, он считает, произошло «вопреки воле и желанию тюркютского народа и явилось следствием постороннего, даже враждебного воздействия»⁶⁸¹. На западе «тюркюты», т.е. собственно племя *türk*, в отличие от территории Восточного каганата, были «в абсолютном меньшинстве». Однако, благодаря дружинной организации и установленной над местными народами «необременительной» дани, для ее содержания они не растворились среди них. В дальней-

⁶⁷⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 61; *Его же*. Орды и племена ... С. 20. «Основным аргументом» в пользу этой теории Л.Н. Гумилев считал «несовпадение наименований» подразделений — «родовых» у *гао-цзюй* в IV—V вв. и «племенных» у считающихся их потомками *те-лэ* в VII—VIII вв.: так первые разделялись на двенадцать «патриархальных родов», а вторые — на пятнадцать «племен». Не разбираясь в китайской терминологии, Л.Н. Гумилев утверждал, что эта «патриархальная система» могла быть, будучи замененной племенами, «территориально-хозяйственными объединениями», по мнению ученого, только вхождением этих народов в тюркскую орду. Это будто бы было замечено китайцами, которые роды обозначали иероглифом *син*, а племена стали обозначать *бу* (Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 22; *Его же*. Древние тюрки. С. 62—63).

⁶⁷¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 70, 74.

⁶⁷² Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 20—21; *Его же*. Древние тюрки. С. 61.

⁶⁷³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 27—28, 140, 157.

⁶⁷⁴ Там же. С. 143.

⁶⁷⁵ Там же. С. 180.

⁶⁷⁶ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 24.

⁶⁷⁷ См. теперь: *Rybatzki V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions // Central Asiatic Journal. 2000. Vol. 44/2. P. 233—235, 237—239, 245, 249; Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uyğur Kağanlığı Yazıtları ... S. 132.*

⁶⁷⁸ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 181.

⁶⁷⁹ Там же. Ср. его замечания относительно сравнения организации объединений *жоу-жань* и *те-лэ*: Там же. С. 13.

⁶⁸⁰ Там же. С. 143.

⁶⁸¹ Там же. С. 148.

шем западно-тюркские каганы вступили в борьбу за великий караванный путь, которая была «жизненной потребностью» для торговых оазисов и «сулила обогащение» кочевым подданным, потому встретила поддержку у тех и других⁶⁸², но далее Л.Н. Гумилев говорит только о торговых интересах согдийских подданных, поскольку «сами тюркюты не знали, куда девать награбленный или полученный в виде дани шелк»⁶⁸³. Каганы не вмешивались в жизнь городов, ограничиваясь получением дани с торговых доходов⁶⁸⁴. Это вело к эволюции социальных институтов у населения⁶⁸⁵. В том числе обогащались представители южной племенной группировки *нуши-би*, получавшей ввиду своего территориального расположения доход с караванных путей, в противовес более бедной, но воинственной северной группировке *до-лу* (у Л.Н. Гумилева по чтению Н.Я. Бичурина — «дулу»)⁶⁸⁶. Эти «неукротимые племена», по мнению Л.Н. Гумилева, «не умевшие и не хотевшие ладить с соседями», предстают виновниками всех беспорядков⁶⁸⁷. Все распри внутри Западно-тюркского каганата исходят исключительно из борьбы интересов этих двух конфедераций⁶⁸⁸; это в итоге привело к децентрализации и разделению каганата в 635 г.⁶⁸⁹

Л.Н. Гумилев отмечает, что «процесс классовобразования после разделения каганата протекал различно»: восточно-тюркские каганы опирались на военную и мощь и подавляли племена, восставшие во время наступления империи Тан, что привело к распаду каганата, западно-тюркские каганы связали интересы с оседлой торговой верхушкой, но не сдерживали кочевое население, распри среди которого привели каганат к упадку. «Таким образом, мы можем рассматривать тюркский каганат, как незавершенный процесс классовобразования, не пошедший далее военной демократии, в условиях окружения развитыми классовыми обществами»⁶⁹⁰.

Причины восстания тюрков в 679 г. Л.Н. Гумилев видит в «разнице в психологии» кочевников и китайцев⁶⁹¹. Во главе него стала «патриотическая группа, собравшаяся вокруг хана»; она «гнала и вела» всех остальных «в походы на поиски минувшей, древней славы»⁶⁹². Вывод о составе этой группы из «тарханов первого каганата, ставших рядовыми», и демократиче-

⁶⁸² Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 149.

⁶⁸³ Там же. С. 44—45.

⁶⁸⁴ Там же. С. 153.

⁶⁸⁵ Там же. С. 149.

⁶⁸⁶ Там же. С. 153.

⁶⁸⁷ Там же. С. 157.

⁶⁸⁸ Там же. С. 200, 201—202, 210 и др.

⁶⁸⁹ Там же. С. 213.

⁶⁹⁰ Гумилев Л.Н. Орды и племена ... С. 18. А.Д. Гомбожапов пишет, что мнение Л.Н. Гумилева о том, что «процесс классовобразования после разделения тюркютских каганатах не был завершен вследствие уничтожения военно-чиновной знати в ходе междоусобной войны или перехода их на службу китайскому императору», согласуется с мнением многих современных ученых о возвращении кочевников к традиционным клановым институтам при ослаблении имперского механизма или неэффективности экзополитарной эксплуатации оседлого народа (Гомбожапов А.Д. Кочевые цивилизации ... С. 88—89). Это недоразумение: речь идет о двух разных точках зрения на особенности механизмов социальных изменений внутри кочевнических обществ.

⁶⁹¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 272.

⁶⁹² Там же. С. 284.

ском характере руководства⁶⁹³ был сделан лишь на основе неверного перевода Н.Я. Бичуриным сочетания *а-бо да-гань* как ‘або и даганы’⁶⁹⁴, хотя Ф. Хирт показал здесь наличие единой конструкции, передающей тюркский титул *ара тарган*⁶⁹⁵. В сущности «восстание было массовым, народным, и его постигла судьба всех аналогичных движений»⁶⁹⁶. Отмечая одновременное восстание у западных тюрков, Л.Н. Гумилев считает «наличие продуманного заговора несомненным»⁶⁹⁷.

В восстановленном Восточно-тюркском каганате «принципом стратегии тюрков ... <...> стала активная оборона, а принципом политики и идеологии — противопоставление себя Китаю»⁶⁹⁸. Победа над внешними врагами и устранение смут, по мнению Л.Н. Гумилева, были достигнуты «не столько карательными экспедициями, сколько изменением внутренней политики»⁶⁹⁹. Мирная внутренняя и миролюбивая внешняя политика Бильге кагана рассматриваются им как признак того, что тюрки «начали создавать из варварской орды государство»⁷⁰⁰.

Позже Л.Н. Гумилев также выступил с утверждением о наличии у кочевых народов оригинальных форм общественно-политического устройства в зависимости от природно-географических условий регионов их проживания. Своеобразием ландшафта объясняется централизованный характер Восточно-тюркского каганата в Монголии и конфедеративное устройство Западно-тюркского каганата в Семиречье и Притяньшанье⁷⁰¹.

Кроме полного отсутствия методологической базы в построениях Л.Н. Гумилева⁷⁰², его работы отличает не критическое и поверхностное отношение к данным источников и избирательная подборка литературы. Его книга «Древние тюрки» представляет собой лишь пересказ переводов китайских текстов, выполненных Н.Я. Бичуриным, Э. Шаванном и Лю Мао-цай, она имеет значение лишь как попытка написания целостной истории древних тюрков в период VI—IX вв.⁷⁰³, но выводы и гипотезы Л.Н. Гумилева, в основном, не имели оснований, а в целом книга быстро устарела в связи с открытием в 60-е — 70-е гг. XX в. новых источников.

⁶⁹³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 284, 312—313.

⁶⁹⁴ Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений ... Т. I. С. 267.

⁶⁹⁵ Hirth F. Nachworte S. 22, 56. Ср. также: Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe). Wiesbaden, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). I. Buch. Texte. S. 158, 213.

⁶⁹⁶ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 274.

⁶⁹⁷ Там же. С. 279.

⁶⁹⁸ Там же. С. 318.

⁶⁹⁹ Там же. С. 323.

⁷⁰⁰ Там же. С. 326.

⁷⁰¹ Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга. Л., 1968. Вып. XIII—XIV. С. 118—134.

⁷⁰² См., напр.: Плетнева С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдеи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» // Советская археология. 1970. № 3. С. 279; Ее же. [Рец. на] Л.Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, М., 1969 // Там же. 1971. № 1. С. 297; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. С. 17.

⁷⁰³ Aubin F. L'Asie centrale prémoderne. [Rev.] Lev Nikolaevič Gumilev. — Drevnie Tjurki. — Moscou, Nauka, 1967, 504 p. Prix : 2 r. 25 k. Elisabeth Pinks. — Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960—1028). Wiesba-

Определенное внимание социальным отношениям у древних тюрков уделил казахстанский китаист Ю.А. Зуев. Особое значение имеет его кандидатская диссертация, защищенная в июне 1967 г., по большей части так и оставшаяся неопубликованной. Ю.А. Зуев обработал огромное количество китайских источников, привлек обширный сравнительно-исторический, этнографический и фольклорный материал.

В целом характеристика социальных отношений в Тюркском каганате в интерпретации Ю.А. Зуева не отличалась от общей линии марксистской историографии: в период VI—VII вв. произошло установление классовых отношений, но «родовые пережитки сохранялись». Оба каганата, восточный и западный, представляли собой «образования государственного типа, созданные для защиты интересов господствующего класса» и «стимулировали отделение аристократии от плебса», выразившееся и в появлении «династийных групп»⁷⁰⁴. Это были «складывающиеся государства», не связанные между собой единой экономической и этнополитической организацией, способной противостоять «экстремистским устремлениям изнутри и давлению извне»; обострение социальных отношений в каганате, усугубленных эпизоотией, джугами и голодом, наступление суйского Китая в 581—618 гг. и «естественно начавшийся» процесс автономизации районов каганата привели к его разделу в 603 г.⁷⁰⁵ В несколько более поздних работах Западно-тюркский каганат охарактеризован как государство, основанное на синкретизации кочевнико-скотоводческого с оседло-земледельческим обществом с уже значительной степенью развития феодальных отношений, что в итоге способствовало быстрому классовому образованию и дальнейшему формированию раннефеодальных отношений в самом каганате⁷⁰⁶.

В 1960 г. при издании перевода цзюаня 72 пекинского издания источника «Тан хуэй яо» («Сводное обозрение [истории] [династии] Тан») (с. 1305—1308) с названием «Тамги лошадей из вассальных княжеств», представляющего собой перечень народов Центральной и Средней Азии, поставивших лошадей в армию империи Тан, с изображением их тамг, Ю.А. Зуев сделал попытку интерпретации функционального предназначения этих тамг в контексте отношений собственности у кочевников, у которых «семейная собственность осознается как родовая, показателем власти над основным видом их имущества (лошадьми, быками, баранами) было его

den, Otto Harrassowitz, 1968 (Asiatische Forschungen, Bd 24), xi + 226 p., 1 carte. Prix : DM. 26. // L'Année sociologique (1940/1948—), Troisième série. 1969. Vol. 20. P. 285—286.

⁷⁰⁴ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 197; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 18.

⁷⁰⁵ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 57—58, 197—198.

⁷⁰⁶ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней : в 5 т. Алма-Ата, 1977. Т. 1. Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. С. 329, 332. Ср.: История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 4 т. Алматы, 1996. Т. I. С. 300, 301, 303.

тавление родовыми тамгами»⁷⁰⁷. В данном случае тамги олицетворяли не род, а все племя, являясь тамгами ханского рода, при смене которого сменяется тамга всего племени⁷⁰⁸. Это мнение осталось незамеченным, но впоследствии вопрос о характере древнетюркских тамг стал предметом отдельной дискуссии в советской историографии⁷⁰⁹.

Важны несколько специальных замечаний относительно социо- и политогенеза тюрков.

Прежде всего, Ю.А. Зуев обратил внимание на то, что объединение, известное в китайских источниках как *те-лэ* (тирек), составляло конгломерат различных племен, при этом значительное распространение тюркоязычных племен на территории Алтая и Семиречья было одним из важных факторов консолидации племен под верховенством рода А-ши-на⁷¹⁰.

По мнению Ю.А. Зуева, изначально «мельчайшей экономической единицей и основой социальной структуры древнетюркского общества была большесемейная община, обязательными атрибутами которой были общее жилище (на первых порах), общий котел и патриарх-домачин»⁷¹¹. Аргументом в пользу этого было также указание на крупный рогатый скот у тюрков, который требует стойлового содержания, потому речь должна идти об оседлом образе жизни тюрков⁷¹². Исходя из сообщений источников о металлургии, Ю.А. Зуев указывает, что тюрки имели развитое ремесло⁷¹³, что также в немалой степени способствовало их возвышению⁷¹⁴. Позже произошел переход тюрков к кочевому образу жизни, о чем свидетельствует, например, появление у них нового типа жилища — юрты (*käräkü*)⁷¹⁵, но *цун-лу*, — под чем ученый понимал большие юрты, — остались как реликт от времен, когда основным типом жилища был шалаш⁷¹⁶. При переходе к кочеванию произошла «автономизация» отдельных семей внутри общины, что привело к ее распаду, но не утрате связей между малыми семьями; однако, поскольку общность хозяйства общины была нарушена, большесемейная община, будучи не совместимой в своем классическом виде с кочевым хозяйством, начала приобретать черты патро-

⁷⁰⁷ Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII—X вв. Тан-хуйао) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960 (Тр. Ин-та Истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. VIII). С. 95; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 44.

⁷⁰⁸ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 44—45.

⁷⁰⁹ Кляшторный С.Г. Темирсугская руническая надпись // VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). М., 1971. С. 21; Кляшторный С.Г., Самбу И.У. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Т. XV. С. 247—249; Кызласов Л.Р. О древнехакасских личных тамгах // Проблемы истории Хакасии / отв. ред. Я.И. Сунчугашев. Абакан, 1979. С. 130—136.

⁷¹⁰ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 27, 29, 188, 190; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 9.

⁷¹¹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 14—15; История Казахской ССР ... 1977. Т. I. С. 331; История Казахстана ... 1996. Т. I. С. 302.

⁷¹² Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 72.

⁷¹³ Там же. С. 85, 138; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 14.

⁷¹⁴ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 191.

⁷¹⁵ Там же. С. 77—79.

⁷¹⁶ Там же. С. 74—75, 76.

нимии⁷¹⁷. Здесь важно, что Ю.А. Зуев, хотя и следовал схеме, намеченной Ф. Энгельсом, связывая стадии изменения социальных отношений с формой хозяйства, изменения в последней он увязывал с географическим фактором, со сменой места жительства тюрков⁷¹⁸.

В патриархальной большесемейной общине консервировался материнско-отцовский счет родства, что было связано с высокой ролью женщины в кочевническом хозяйстве или со спецификой объединения родо-племенных групп. Семья патриархального типа не успела окрепнуть, а из-за новых условий хозяйствования и характера социальных связей подверглась изменениям⁷¹⁹. Кроме кровнородственных членов, община включала «рабов» и «наложниц», но эти термины условны, поскольку условия кочевания не способствуют развитию рабства. Рабство носило домашний или семейный характер и ограничивалось эксплуатацией, в основном, женщин и девушек⁷²⁰, но не исключало наличия рабов-ремесленников, градостроителей и т.п.⁷²¹ В доказательство того, что термин *кул* у тюрков выражал зависимость, но не рабство Ю.А. Зуев приводит следующие данные китайских источников: во-первых, тюрки, добывавшие железо для *жоу-жаней*, именуются «плавильщиками-рабами», т.е. *дуань-ну*, но в этом же источнике говорится, что они были их вассалами, т.е. *чэнь*; во-вторых, есть сообщение, что «си и цидань /каи и кидани/ издавна были *ну* /т.е. вассалами/ тюрков...»; в-третьих, каган Ша-бо-люэ признал себя вассалом (*чэнь*) китайского императора, узнав о тождестве этого слова с их пониманием рабства (*ну*). Потому китайское *ну* является переводом тюркского *кул*⁷²².

Община еще не распадалась, внутренняя имущественная дифференциация еще не была значительной⁷²³. Однако между такими общинами (в более поздних работах — «племенами») существовало имущественное и политическое неравенство. Наиболее сильные держали в подчинении других, что являлось своеобразной формой данничества, зависимые общины выполняли различные повинности: гужевая, коштная, повинность ополчения. Были также покоренные племена, называвшиеся иногда «гостевыми», которых использовали как авангард в сражениях. Постоянный недостаток скота способствовал закабалению общины со стороны родоплеменной верхушки или могущественных соседей⁷²⁴.

⁷¹⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 15. См.: *Его же. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 80—83, 194.*

⁷¹⁸ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 73—74, 189—190.

⁷¹⁹ Там же. С. 83—84.

⁷²⁰ Там же. С. 139—142; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 15; История Казахской ССР ... 1977. Т. 1. С. 331—332; История Казахстана ... 1996. Т. I. С. 302—303.

⁷²¹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 141—142.

⁷²² Там же. С. 139—140.

⁷²³ Там же. С. 144.

⁷²⁴ Там же. С. 142—144; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 15—16; История Казахской ССР ... 1977. Т. 1. С. 331; История Казахстана ... 1996. Т. I. С. 302.

Ю.А. Зуев считал, что еще до перехода к кочевническому хозяйству у тюрков существовало две брачующихся фратрии: каганская и катунская⁷²⁵. Первую представляло племя *а-ши-на*, вторую — *а-ши-дэ* и басмылы (*ба-си-ми*), предоставлявшие каганскому роду жен попеременно через одно поколение, с той лишь разницей, что представительницы рода *а-ши-дэ* всегда играли роль старших жен. Форма брака у тюрков характеризовалась как полигамия с частичной или полной матрилокальностью жен. Это предопределило двойную систему наследования как по отцовской (принадлежность к *а-ши-на*), так и по материнской линии (принадлежность к *а-ши-дэ*), что привело к появлению порядка передачи власти по схеме: старший брат — младший брат — старший племянник. Такая система сужала круг претендентов на престол до трех родов, и способствовала сохранению целостности власти и нераспадению каганата на уделы. Система представляла собой своеобразный трехродовой союз с кольцевой связью племен, но лишь со стороны каганского рода к двум другим, то же время автономным друг по отношению к другу⁷²⁶. Эти два племени, *а-ши-дэ* и *басмылы*, играли роль крыльев по отношению к центральному, поскольку система межродовых связей накладывалась на военно-тактическую организацию. Позже триальная система развилась в девятичастную (напр., *токуз огуз*), когда по три племенных единицы располагались на крыльях и в центре. Вторичной была десятичная система, развившаяся при выделении господствующего рода, ставшего над девятью другими и оторвавшимся от этой системы⁷²⁷. В целом триальная система являлась отражением «военно-демократической тактики»⁷²⁸, девятичная и затем десятичная были следствием следующих этапов развития⁷²⁹. Много позже Ю.А. Зуев писал, что триальная система повторяла построение во время многоколлективных облавных охот⁷³⁰.

Через призму идеи о борьбе каганского и катунского племени за влияние Ю.А. Зуев интерпретировал данные орхонских памятников⁷³¹. Впоследствии на новом методологическом уровне она нашла отражение в его более поздней работе «Ранние тюрки: очерки истории и идеологии» (2002)⁷³², бывшей, как указывает К.У. Торланбаева, «трудом всей его жизни»⁷³³, а

⁷²⁵ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 146 сл.

⁷²⁶ Там же. С. 162—169; Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 16—18; *Его же*. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 66—67.

⁷²⁷ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 184—185; *Его же*. Древнетюркские генеалогические предания ... автореф. ... С. 17; *Его же*. Историческая проекция ... С. 67.

⁷²⁸ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 194.

⁷²⁹ Там же. С. 185, 191.

⁷³⁰ Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 33.

⁷³¹ Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания ... дис. ... С. 47—48, 126—127, 144—145, 151—152, 172—177.

⁷³² Зуев Ю.А. Ранние тюрки ... С. 10, 33—34, 74—75, 85—88, 167—169, 217—218, 226—229. См. также: Зуев Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана: сб. науч. ст. Алматы; М., 1998. Вып. 2. С. 153—161.

⁷³³ Торланбаева К. [У.] Памяти светлой свеча... [80-летие со дня рождения известного казахского китаиста и

также получила развитие в работах его учеников, в т.ч. и на новом материале⁷³⁴, и других авторов⁷³⁵.

Вклад Ю.А. Зуева в изучение древних тюрков остается недооцененным. Как справедливо отметила К.У. Торланбаева, многие положения его работ «так и не были поняты и подверглись жесткой критике, которая, впрочем, никогда не поднималась до методического уровня разработок Юрия Алексеевича»⁷³⁶.

Ленинградский тюрколог С.Г. Кляшторный, специально изучавший памятники древнетюркской рунической письменности, изначально придерживался взглядов на древнетюркское общество, близких к трактовке А.Н. Бернштама: «Внутри каганата шел подготовленный веками предшествующего развития процесс становления раннефеодальных отношений, сочетавшихся с примитивными военно-рабовладельческими методами эксплуатации покоренных народов и социальной структурой, сохранившей формы, характерные для высшей ступени»⁷³⁷ (в несколько более поздней формулировке — «сочетавшихся с социальной структурой, сохранившей формы, характерные для периода военной демократии»)⁷³⁸. При этом С.Г. Кляшторный категорически выступал против трактовки древнетюркского общества как военно-демократического⁷³⁹. Расширение каганата, сопровождаемое непрерывными войнами, на время приглушило социальные противоречия, «возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества». Походы спо-

тюрколога Юрия Алексеевича Зуева] // Казахстанская правда. 2012. 16 ноября (№ 397/398). С. 14.

⁷³⁴ Торланбаева К.[У.] Текстологический анализ тюркских рунических надписей, посвященных Тоньюкука, Бильге-кагану и Кюль-тегину // Отан тарихы. 2001. № 4. С. 105—109; *Ее же*. Институт каганской власти (Второй восточно-тюркский каганат) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. С. 19, 22—25; *Каржаубай С.* Объединенный каганат тюрков в 745—760 годах (по материалам рунических надписей). Астана, 2002. С. 31, 39—40, 95—100, 152—163, 178—180, 181—182; *Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы, 2006. С. 43—51, 152—153 (см. также: *Худяков Ю.С.* Монографическое исследование поминальных комплексов западных тюрков Жетысу. Досымбаева Айман. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006. 168 с. // *Российская археология*. 2009. № 2. С. 176—177; *Дашковский П.К.* Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья. С. 69—70; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 307); *Ее же*. Традиционное мировоззрение средневековых тюрков Жетысу (по материалам культовых памятников) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2010. С. 10, 25—26, 30—31.

⁷³⁵ *Кляшторный С.Г.* Руническая надпись из Восточной Гоби // *Studia Turcica* / ed. L. Ligeti. Budapest, 1971 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. XVII). P. 252—253 (без ссылки); *Его же*. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // *Страны и народы Востока*. М., 1980. Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. С. 94—95 (без ссылки); *Kljaštornyj S.G.* Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. P. 171; *Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования ... С. 291—292; *Его же*. Право кок-тюрков // *Rugosiagi*. 2007. № 1(47). С. 23—24.

⁷³⁶ Торланбаева К.[У.] Памяти светлой свеча... С. 14.

⁷³⁷ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники ... С. 21; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 94. Основные положения своих работ 60-х — 80-х гг. XX в. были перенесены С.Г. Кляшторным в более поздние работы, относящиеся к постсоветскому периоду, поэтому ниже приводятся ссылки и на них. П.К. Дашковским рассматривается лишь второе издание монографии 1964 г., вышедшее в 2003 г. среди современных разработок, чем объясняется заключение, что во взглядах С.Г. Кляшторного «еще прослеживается влияние классового подхода» (*Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 248, 249; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 457).

⁷³⁸ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам пелевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. М., 1973. С. 255.

⁷³⁹ *Итс Р.Ф., Кляшторный С.Г.* [Рец. на] «История Тувы» ... С. 160.

собствовали обогащению и усилению тюркской аристократии, «стремившейся к автономному управлению захваченными территориями», но ложились на плечи рядовых общинников. Первые же неудачи в середине 80-х гг. VI в. в борьбе с объединенным суйским Китаем, совпавшие с началом внутридинастийной распри и голодом в степи, привели каганат к острому социально-политическому кризису и распаду в 603 гг. на восточный и западный⁷⁴⁰. Ко времени правления Се-ли кагана (620—630) в Восточно-тюркском каганате, «давно минули времена», когда в грабительских набегах были заинтересованы все слои общества. Теперь «абсолютная власть военного вождя племени переросла в деспотическую власть кагана», который «руководствовался в политике интересами аристократической верхушки», совершая набеги на Китай, в то время как рядовые кочевники «были заинтересованы... <...> в мирной меновой торговле»⁷⁴¹. Непрерывные войны Се-ли кагана требовали постоянного снабжения его армии, не удовлетворявшегося размерами добычи, в результате чего он ужесточил подати и сборы с собственного народа, что совпало с джутом 627—628 гг. Кроме того, каган «следуя по пути, проложенному его предшественниками, перешел к формам и методам осуществления власти, свойственным социально более развитым обществам». Се-ли каган, «не полагаясь на старые органы управления, представители которых были в какой-то степени связаны родо-племенными традициями», раздал ключевые посты гражданской администрации китайцам и согдийцам. Это подхлестнуло недовольство обездоленного народа и спровоцировало восстание племен после первого же поражения кагана⁷⁴². Сам он, «покинутый всеми», как писал С.Г. Кляшторный позже, попал в плен, а каганат на 50 лет утратил свою независимость⁷⁴³.

⁷⁴⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 21; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники // История татар ... Т. 1. С. 228—229; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 94, 429—430; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 204; Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988. С. 27—28; Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / под ред. Б.А. Литвинского. М., 1992. С. 126; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992. С. 86; *Их же*. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. С. 83—84; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 90—91; История Востока. М., 1995. Т. II. Восток в Средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. С. 61; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии: учеб. пособие. Алматы, 2001. С. 84.

⁷⁴¹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 116—117; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 163; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 205. Ср. тезис о заинтересованности рядового населения в торговле: Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура ... С. 256.

⁷⁴² Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 117—119; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 162—163; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 205—206; Восточный Туркестан ... 1992. С. 126. П.К. Дашковским все приведенные взгляды С.Г. Кляшторного отнесены к периоду середины 1990-х — начала 2000-х гг. (*Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 248—250; *Дашковский П.К.* Мирозрение ... дис. ... С. 457—459).

⁷⁴³ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 86—88; *Их же*. Государства и народы ... С. 84—85; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 91—92; История Востока. Т. II. С. 63—64; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 84—85; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 229—230; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 206.

Восстание в 679 г. «не было стихийным, а явилось результатом заговора; об этом же свидетельствует и удачно выбранный момент для выступления». После разгрома основных сил и нового восстания Кутлуга «ядром новой повстанческой армии», по мнению С.Г. Кляшторного стала его дружина, бывшая лишь «горсткой всадников», но значительную роль играли «жители городов» (*балыкдакы*) — «тюркская беднота, “ятуки”, потерявшие свой скот в результате войн, эпизоотии, джута и вынужденные селиться... <...> в поселках пограничных оазисов», где «их уделом были изнурительный труд, полуголодное существование и полное бесправие». «Столь же бедны были горцы Иньшаня, “спустившиеся” к Кутлугу», при этом «не все из них имели коней». Именно это заставило Кутлуга напасть на токуз огузов и отбить у них скот⁷⁴⁴. Против такой трактовки выступил казахстанский востоковед В.П. Юдин. В своей рецензии (1968) он отметил, что под термином *балықдақы* скрывается не ‘тюркская беднота’, ‘ятуки’, а просто жившие в городах. Он справедливо указал, что подобное отождествление «навечно в монографии С.Г. Кляшторного тенденцией искать и находить социальное расслоение в составе участников любого общественного движения даже в тех случаях, когда источники не дают для этого оснований, и является, таким образом, неловкой данью этому опыту»⁷⁴⁵.

Несколько позже С.Г. Кляшторный повторил свою точку зрения на общественный строй Тюркского каганата, дополнив ее соображениям в связи работами А.Д. Грача (см. ниже): «Началом древнетюркской эпохи стало не просто возвышением племени *түрк* во главе с родом Ашина, а создание новой евразийской империи, простиравшейся от Маньчжурии до Византии. В столь широких пределах империя просуществовала менее полувека, однако и после ее распада уже не было возврата ни к политическому вакууму, ни к децентрализованной государственности, ни к парцелляризации этнических процессов». Это эпоха, когда на исторической арене появляются «крупные и сравнительно устойчивые этнические группировки собственно тюркских, огузских (уйгурских) и кыргызских племен, создавших свои государства», в рамках которых «завершается процесс становления классов и классового общества в кочевой среде Центральной Азии, процесс, начавшийся много раньше»⁷⁴⁶.

С.Г. Кляшторный высказывался о раннеклассовом характере древнетюркских государственных образований VI—X вв., отмечая такую особенность как сохранение архаичной социальной структуры⁷⁴⁷.

⁷⁴⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 25, 26—27; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 98, 99—101.

⁷⁴⁵ Юдин В.П. Рецензия на «Древнетюркские рунические памятники...» С.Г. Кляшторного // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 285, 286.

⁷⁴⁶ Кляшторный С.Г. Древнетюркская письменность и культура ... С. 255.

⁷⁴⁷ Кляшторный С.Г. Темирсугская руническая надпись. С. 21; Кляшторный С.Г., Самбу И.У. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе. С. 249.

Рассматривая в специальной статье религиозные воззрения древних тюрков, С.Г. Кляшторный отметил тесную связь мифа о божественном сотворении тюркского государства и мифа о небесном происхождении каганов, следствием которого является обожествление всего правящего рода. С.Г. Кляшторный считал, что их возникновение относится к периоду не ранее VI в. «в уже сложившемся тюркском государстве», в классовом обществе⁷⁴⁸.

В дальнейшем С.Г. Кляшторный прямо поставил проблему реконструкции по древнетюркским руническим памятникам социального строя Тюркского каганата⁷⁴⁹, охарактеризованного им как «раннесредневековое государство», говоря о важности его исследования не только как «этапа развития местной цивилизации, но и как типичной структуры “кочевой империи”»⁷⁵⁰.

Тюркская община, т.е. тюркский племенной союз (*türk qara qamay bodun* ‘весь целиком тюркский народ’), состояла из отдельных племен (*bod*) и родов (*oγuš*), политически организованных в эль (*el*). При этом родоплеменная организация (*bodun*) и военно-административная (государственная) организация (*el*) взаимно дополняли друг друга. Каган, как указано в енисейском тексте Кёжээлиг-Хову, «держал эль и возглавлял бодун» (*el tutu-m bodun bašladī-m*) [E-45, 4], т.е. осуществлял управленческие, судебные, жреческие и военные функции. Задачами эля было «поддержание на должном уровне боевой мощи армии, ориентация походов и набегов, удержание в подчинении и послушании покоренных, использование их экономических и военных ресурсов»⁷⁵¹. Каган опирался на *бегов*, аристократию по крови, членов родов, общепризнанно находившихся выше других по иерархии⁷⁵², притом что сам он был лишь «старшим в генеалогической иерархии родов и племен». Беги представляли собой своеобразное «служилое

⁷⁴⁸ Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 136—137; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 337—338.

⁷⁴⁹ Кляшторный С.Г. Современные проблемы исследования ... С. 322.

⁷⁵⁰ Там же. С. 324.

⁷⁵¹ Кляшторный С.Г. Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии // Культура и искусство Киргизии : тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. 3—6 июня 1983 г. Л., 1983. Вып. 2. С. 30; *Его же*. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востоковедение. 9. Филологические исследования / Ученые записки ЛГУ. № 412. Серия востоковедческих наук. 1984. Вып. 25. С. 145; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 320; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 251; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 430—470, 493; Восточный Туркестан ... 1992. С. 126; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 140; *Их же*. Государства и народы ... С. 141; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 151; История Востока. Т. II. С. 151—152; Sinor D., Klyashorny S.G. The Türk Empire // History of Civilizations of Central Asia. Paris, 1996. Vol. III. The crossroads of civilizations : A.D. 250 to 750 / ed. by B.A. Litvinsky. P. 331; Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux dans l’Histoire des Turcs Anciens. P. 153, 171; Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 131—132; Klyashorny S.G. Customary Law ... P. 22—23.

⁷⁵² Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ ... С. 147—148; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 322—323; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 252—253; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 472, 493; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 142; *Их же*. Государства и народы ... С. 143; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 152; История Востока. Т. II. С. 152; Sinor D., Klyashorny S.G. The Türk Empire. P. 332; Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 154—155, 172; Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 133; Klyashorny S.G. Customary Law ... P. 24—25.

сословие», составляя личное окружение кагана и осуществляя военно-административное руководство над племенами⁷⁵³.

Еще в монографии 1964 г. С.Г. Кляшторный отмечал, что в Хошо-Цайдамских текстах [БК, Хб, 11—12, 13—14] «ясно выражена классовая сущность идеологии аристократической верхушки тюркского каганата», настойчиво призывающей простой народ к покорности кагану и бегам, которым он и обязан своим благополучием⁷⁵⁴. Древнетюркское общество предстает в рунических памятниках разделенным на два сословия: знать и народ. Однако, кроме противопоставления, каганские надписи содержат призыв к единству этих двух групп, покорности кагану и служению интересам эля. Но, как указывает С.Г. Кляшторный, «обе оппозиции не стали в архаичных государствах древнетюркской эпохи зрелыми классовыми противоречиями. Фиксируя позиции традиционных сословий, они скорее отражают борьбу этих сословий за свою долю материальных благ, получаемых общиной, нежели попытки изменения структуры»⁷⁵⁵. Отчасти это перекликается с работами А.Н. Бернштама.

«Вечный эль» (*bengü el*) тюрков, созданная ими империя, выступает в надписях как социальный идеал тюркской аристократии. Верность бегов и «всего народа» постулируется как основное условие благополучия «вечного эля», а каган выступает гарантом этого благополучия. С.Г. Кляшторный прослеживает следующие управленческие полномочия кагана: (1) поселять и переселять враждебные племена, т.е. заново определять их территорию; (2) расселять тюрков на захваченных землях, т.е. распределять земли; (3) собирать, расселять и устраивать тюрков «в стране Отюкен», т.е. на коренной земле; (4) передавать на определенных условиях земли иммигрантам (согдийцам, китайцам). Откочевка рассматривалась как преступление народа против кагана и эля, ведь главной функцией кагана было именно «собрание» и «устройство» народа на

⁷⁵³ Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ ... С. 145; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 320; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 251—252; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 470; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 140; *Их же*. Государства и народы ... С. 141; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 151; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux* ... P. 153; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 132; *Klyashtornyj S.G. Customary Law* ... P. 23.

⁷⁵⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 61—62. В более поздних редакциях слово «классовая» убрано. Ср.: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 140; *Их же*. Государства и народы ... С. 157—158; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 164; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии ... С. 151—152; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 261; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 62. П.К. Дашковским эта позиция излагается лишь по книге 2003 г. «История Центральной Азии и памятники рунического письма» (*Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 256; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 457).

⁷⁵⁵ Кляшторный С.Г. Социальные категории ... С. 30—31; *Его же*. Каган, беги и народ ... С. 145—147; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 320—321; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 252; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 140—141; *Их же*. Государства и народы ... С. 141, 142; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 151—152; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux* ... P. 153—155, 172; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 132—133; *Klyashtornyj S.G. Customary Law* ... P. 23—24. См. также: История Востока. Т. II. С. 151—152; *Sinor D., Klyashtorny S.G. The Türk Empire*. P. 332; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии ... С. 471.

подвластной кагану земле, т.е. создание политической организации, системы подчинения⁷⁵⁶. Каган мог считаться верховным собственником земли, но владения определялись им при поддержке знати⁷⁵⁷.

В то же время С.Г. Кляшторный выделял высокую горизонтальную и социальную мобильность в древнетюркском обществе, где основную массу составляли свободные общинники *эры*, «мужи-воины». Этого статуса достигал любой юноша, достигший определенного возраста и получивший *er aty* ‘мужское имя’, после чего он становился полноправным членом общины и обязан был участвовать во всех мероприятиях, устраиваемых предводителем⁷⁵⁸. Положение эра в обществе определялось также следующими факторами: во-первых, степенью привилегированности рода и племени, к которому он принадлежал, в общей системе иерархии племен, во-вторых, титул и сан, предаваемые по наследству согласно старшинству, и, в-третьих, его богатство, благосостояние его семьи. В древнетюркских надписях богатым (*baj, bajbar, jylysy*) противопоставляются бедные (*сүгүј, joq сүгүј*), но бедность не вызывает сочувствия, т.к. «муж-воин» должен своей доблестью «добывать» (*qazyan-*) богатство в походах, рассказами о чем пестрят енисейские эпитафии⁷⁵⁹. Обосновать наличие имущественного неравенства С.Г. Кляшторный пытался на частном примере дифференциации инвентаря в одном из тувинских погребений и на основе стихов, приводимых у Махмуда Кашгарлы⁷⁶⁰. Лишь богатый бег мог позволить себе со-

⁷⁵⁶ Кляшторный С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках // Монгольская империя и кочевой мир / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2004. С. 101; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 243—244 (Первое издание статьи в 1977 г.); *Его же*. О собственности на землю ... С. 99—100, 100—101. Ср.: *Его же*. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызстанской государственности. Документы, исследования, материалы. Бишкек, 2003. С. 119.

⁷⁵⁷ Кляшторный С.Г. О собственности на землю ... С. 100.

⁷⁵⁸ Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ ... С. 148—149; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 323—324; *Его же*. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI—X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян. М., 1986. С. 221—222; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 254; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 472—473; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 143—144; *Их же*. Государства и народы ... С. 144; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 153; История Востока. Т. II. С. 152; *Sinor D., Klyashtorny S.G.* The Türk Empire. P. 332; *Kljaštornyj S.G.* Les Points Litigieux ... P. 155—156, 172; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 134—135; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law ... P. 26. С.Г. Кляшторный писал, что совершеннолетие у древних тюрков, судя по руническим текстам, наступало к 16 годам (Кляшторный С.Г. По поводу интерпретации Уланкомской надписи // Советская археология. 1963. № 4. С. 293; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 286—287). Ср. в этом плане работы Л. Базена (см.: Приложение 3).

⁷⁵⁹ Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ ... С. 149—151; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 324—326; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 254—255; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 473—475; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 144—146; *Их же*. Государства и народы ... С. 144—146; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 154—156; *Kljaštornyj S.G.* Les Points Litigieux ... P. 156—157; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 135—137; *Klyashtornyj S.G.* Customary Law ... P. 26—27.

⁷⁶⁰ Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ ... С. 151; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 326; *Его же*. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 255—256; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 476; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 146; *Их же*. Государства и народы ... С. 147; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 155; *Kljaštornyj S.G.* Les Points Litigieux ... P. 158; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казах-

держание большого числа дружинников из зависимых сородичей; от количества эров зависел его престиж.

С.Г. Кляшторный придерживался традиционной точки зрения, что «основную производственную ячейку любого кочевого общества», в т.ч. древнетюркского, составляло именно «семейное хозяйство», которое, однако, характеризуется им как патриархальное⁷⁶¹. При этом здесь действовала система майората при престолонаследии и наследовании титулов, и система минората при наследовании хозяйства и дома⁷⁶².

По мнению С.Г. Кляшторного, судя по руническим текстам, у древнетюркских кочевников было хорошо развито понятие племенной территории («собственной земли»), ограниченной как географически, так и политически, поскольку земли покоренных народов, включенных в тюркский эль, имели иной политический статус. Кроме того, политическим символом племенной территории могло служить имя государя⁷⁶³. Т.н. «посетительские» надписи Монголии, типа Хэнтэйской, С.Г. Кляшторный был склонен рассматривать как своеобразные письменные юридические «документы», фиксирующие преимущественное право пользования окрестных пастбищ в периоды весенних и зимних перекочевок⁷⁶⁴, притом что письмо, которым они сделаны, не носило элитарного характера и использовалось представителями различных социальных групп древнетюркского общества⁷⁶⁵.

В работах С.Г. Кляшторного нашел место и наиболее тщательный анализ форм социальной зависимости в древнетюркских обществах. Уже в монографии 1964 г. С.Г. Кляшторный установил, что термином *tat* именовалось иноплеменное население, занимавшееся отличными

стана и Центральной Азии. С. 137; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 28. Ср.: *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 116.

⁷⁶¹ *Кляшторный С.Г.* Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии / отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск, 1985. С. 165; *Его же.* Формы социальной зависимости ... С. 333; *Его же.* Основные черты социальной структуры ... С. 226; *Его же.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 257; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 483; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 148; *Их же.* Государства и народы ... С. 148; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 157; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux ...* P. 159; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 139; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 34.

⁷⁶² *Кляшторный С.Г.* Каган, беги и народ ... С. 149; *Его же.* Формы социальной зависимости ... С. 324; *Его же.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 254—255; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 474; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 144; *Их же.* Государства и народы ... С. 145; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 154; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux ...* P. 156; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 135; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 26. См. также: *Кляшторный С.Г.* Тэсинская стела (Предварительная публикация) // Советская тюркология. 1983. № 6. С. 83—84; *Его же.* Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. М., 1987. С. 26; *Klyashtornyj S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1985. T. XXXIX. Fasc. 1. P. 147.

⁷⁶³ *Кляшторный С.Г.* О собственности на землю ... С. 98—99.

⁷⁶⁴ *Кляшторный С.Г.* Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е. Малова. М., 1978. С. 158; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 277.

⁷⁶⁵ *Кляшторный С.Г.* Эпиграфические работы в Монголии // Археологические открытия 1978 года. М., 1979. С. 597—598.

от тюрков видами хозяйственной деятельности, в частности согдийцы⁷⁶⁶. В ряде работ последующего периода на основе тщательного изучения древнетюркских рунических памятников ученый четко показал, что формы социальной зависимости у древних тюрков были определены самим характером кочевого хозяйства и воспринимались в сознании кочевников одинаково, при этом личная зависимость не выходила за пределы домашнего рабства, где использовался, в основном, труд женщин⁷⁶⁷, коллективная зависимость выражалась в подчинении одних племенных групп другим⁷⁶⁸. При этом формы внутренней и внешней зависимости именовались в древнетюркском обществе одинаково — терминами *qul* и *küñ*, что С.Г. Кляшторный связал с «архаичным характером» коллективного мышления древних тюрков⁷⁶⁹. С.Г. Кляшторный выявил, что «рабские», т.е. подчиненные племена характеризовались: во-первых, утратой собственного кагана; во-вторых, утратой государственной организации (*эль*); в-третьих, утратой установлений, определяющих внутренний порядок (*төрү*); в-четвертых, утратой возможности трудиться и служить ради своих интересов, т.е. обязанность воевать на стороне чужого кагана; в-пятых, утратой племенных земель⁷⁷⁰. В монографии 2010 г. он дает перевод сочетания *küñim qulum bodun-уу* [МШУ, 13 (= Вост., 1), 33 (= Южн., 9)] как «подданные», «подданный мне народ»⁷⁷¹.

Важна еще одна гипотеза С.Г. Кляшторного. Прежде ученый показал, что *балбалы*, горизонтальные намогильные камни, символизирующие образы убитых врагов, также могут быть «подарены», т.е. установлены (как жертва?) на территории погребального комплекса умершего человека спустя время после похорон его живыми родственниками или соратниками⁷⁷². Опираясь на тот факт, что упоминание у Менандра о принесении в жертву умершему кагану “четве-

⁷⁶⁶ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 122—123; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 168—169. Эту трактовку принял П.Б. Голден (*Golden P.B. Imperial Ideology ...* P. 42).

⁷⁶⁷ Кляшторный С.Г. Социальные категории ... С. 31; *Его же*. Рабы и рабыни ... С. 159—168; *Его же*. Основные черты социальной структуры ... С. 225—227; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 326—334; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 479—484; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 148—149; *Их же*. Государства и народы ... С. 147—149; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 156—157; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux ...* P. 158—159; Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 138—140; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 257—258; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 30—35.

⁷⁶⁸ Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры ... С. 227—228; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 334—339; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 485—489; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 36—39.

⁷⁶⁹ Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры ... С. 228; *Его же*. Формы социальной зависимости ... С. 339; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 489; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 39.

⁷⁷⁰ Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости ... С. 338—339; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 488; *Klyashtornyj S.G. Customary Law ...* P. 38—39. Ср.: Кляшторный С.Г. О собственности на землю ... С. 100.

⁷⁷¹ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 56, 58, 61, 66.

⁷⁷² Кляшторный С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-Ханьинорской надписи) // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 251—255; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 266—270.

рых скованных военнопленных уннов” [Men. Fr., 45]⁷⁷³, т.е. указание на использование рабов для жертвоприношений, не находит отражения в археологическом материале, С.Г. Кляшторный сделал предположение, что если тюрки ранее практиковали ритуальное убийство пленников, то позже оно было заменено на установку балбалов⁷⁷⁴.

Выводы С.Г. Кляшторного могут считаться отправной точкой для всех последующих исследований социальных отношений в Тюркском каганате.

Этнограф Л.П. Лашук также оставил ряд замечаний новаторского характера о социально-политическом устройстве Тюркского каганата. В одной из своих работ Л.П. Лашук затронул вопросы социальной терминологии тюрко-монгольских кочевников⁷⁷⁵. Он считал, что кочевнические общества («социальные организмы», по Ю.И. Семенову) проходили этапы развития от первобытно-общинных к феодальным и далее⁷⁷⁶. Ссылаясь на С.Е. Малова, он выделил у тюрков категории *uruy* ‘род, поколение, семена, родственники’ и *urluy jüzlüg* ‘родственники и свойственники’, составлявшие две категории родства, но в совокупности объединявшиеся в *og* (ок) ‘род’, этому термину в енисейке был тождествен *баг*. Выражение енисейских текстов *алты баг будун*, таким образом, означало ‘народ (будун) из шести (родовых) делений’, следовательно, *будун* — большая этническая и социальная величина; тогда выражение *түрк будун* подразумевало объединение, совокупность всех родов, объединенных тюрками, без социального оттенка. Таким образом, ученый вырисовывал следующую схему социальной организации: род («семья») — *уруг* (в енисейке *баг?*), затем союз родов (племя) — *ог* или *огуш*, затем союз родственных племен — *будун* (*эль, иль*)⁷⁷⁷.

Согласно концепции Л.П. Лашука, сильное племя привлекает или покоряет слабые, образуя крупный племенной союз, в сущности, соответствующий по уровню развития общественных отношений раннефеодальному образованию⁷⁷⁸. У тюрков таким племенем были Аши-на, создавшие крупную державу. В этом свете ученый, ссылаясь на С.Е. Малова, обратил внимание на значение термина *bod* ‘тело, организм’ в значении ‘государственного организма’. Обращаясь таким образом к понятию *эль*, Л.П. Лашук принял интерпретацию С.В. Киселева о слиянии в сущности *эля* аристократии как господствующего слоя и государства: *эль* — это «формирующийся классовый социальный организм с военно-иерархической структурой и авто-

⁷⁷³ Византийские историки : Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом ; примечания Гавриила Дестуниса. СПб., 1860. С. 422.

⁷⁷⁴ *Кляшторный С.Г.* Рабы и рабыни ... С. 166; *Его же.* Основные черты социальной структуры ... С. 228; *Его же.* Формы социальной зависимости ... С. 333; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 484; *Klyashtornyi S.G. Customary Law ...* P. 35.

⁷⁷⁵ *Лашук Л.П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография. 1967. № 4. С. 27—28.

⁷⁷⁶ Там же. С. 29.

⁷⁷⁷ Там же. С. 30—31.

⁷⁷⁸ Там же. С. 33.

ритарным управлением», призванный, используя родоплеменную субординацию, осуществить подчинение окружающих племен через контроль над их верхушкой⁷⁷⁹. Однако объединение уровня Тюркского каганата было способно лишь навязать даннические отношения соседним народам, но не «полностью разложить свойственную этим народам традиционную социальную структуру»⁷⁸⁰.

В другой работе Л.П. Лашук попытался обосновать механизм функционирования таких объединений. Для характеристики их уровня развития он предложил замену термина «патриархально-феодальный», применяемого к характеристике общественных отношений у «средневековых кочевников», на «прафеодальный» или «феодальный» в зависимости от степени развития общества⁷⁸¹. В период орхонских тюрков, по мнению ученого, у центральноазиатских кочевников происходит зарождение новой формации, формирование нового типа общественных отношений, отразившееся в «возложении на народные массы различных повинностей и дани», пока еще на «прафеодальном» уровне, но именно даннические отношения, развившиеся «из глубин» военной демократии, привели к изменению «не только характера, но и способа присвоения», и легли в основу нового способа производства⁷⁸². Тюркское племенное объединение существовало за счет непрерывных завоеваний, грабежа соседних народов и обращения их в насильственное подданство. Но, как отметил ученый, это не было регулятором общественных отношений, поскольку разбой являл собой лишь один из способов обогащения, ведущий к смягчению социальных противоречий внутри объединения. Главной целью походов было «завоевание людей» для обращения их в данническую зависимость. Именно в результате этих отношений эль как организация аристократии развивается в государство. Так, по мнению Л.П. Лашука, в период конца VII — начала VIII вв. тюркские каганы еще не могли не считаться с народом⁷⁸³. Каганы, «используя свою силу, родственные связи, подкупы и посулы», сумели превратить *тюрк будун* в покорное войско; *кара будун* надписей — это чернь, «его удел подчиняться кагану и бегам», племенным предводителям. Политическая система каганата, в сущности, представляла собой «военно-государственную организацию, эксплуататорский союза кочевой знати, возглавляемый каганом и его приближенными из одного аристократического рода». «Основная форма установления господства» каганата над кочевыми и оседлыми соседями, по мнению ученого, сводилась к обращению их в «подданство», влекущее за собой установление различных повинностей и уплату дани⁷⁸⁴. Кочевая община любого уровня (род, поколение, племя), власть в которой осно-

⁷⁷⁹ Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов ... С. 34.

⁷⁸⁰ Там же. С. 35.

⁷⁸¹ Лашук Л.П. О характере классовобразования в обществах ранних кочевников // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 106.

⁷⁸² Там же. С. 117.

⁷⁸³ Там же. С. 117—118.

⁷⁸⁴ Там же. С. 118.

вывалась на патриархальных порядках, не могла противостоять установлению «деспотической» власти каганов, за которыми была военная сила. История создания Тюркского каганата демонстрирует то, что первым шагом на пути к установлению «прафеодальных даннических отношений» является создание военно-политической системы, обеспечивающей быстрое завоевание обширных территорий с одновременным обращением в подданство их населения⁷⁸⁵.

С.М. Абрамзон, ярый сторонник стадийного развития кочевников, но в рамках патриархально-феодальных отношений, продвигавший концепцию о существовании патриархальной общины, перерастающей в семейно-родственные союзы, объединявшие только что возникшие малые семьи⁷⁸⁶, специально выступил с рассмотрением форм семьи у древних тюрков. С.М. Абрамзон указал на наличие в китайских источниках свидетельств, противоречащих положению о патриархальной семье у тюрков, и выступил с критикой выводов А.Н. Бернштама, основанных на анализе древнетюркской терминологии. По его мнению, А.Н. Бернштам неверно принял концепцию о патриархальной семье, рассматривая древнетюркскую систему родства, как описательную; сам С.М. Абрамзон отметил, что ее следует считать классификационной⁷⁸⁷. Как он указал в другой работе, А.Н. Бернштам рассматривал термины лишь по старшинству и полу, но не затронул родства по матери и свойства⁷⁸⁸. С.М. Абрамзон согласился с рассуждениями Ю.А. Зуева, указав лишь, что описанные им процессы были характерны для более ранних времен, а под «автономизацией» Ю.А. Зуева следует понимать не что иное, как распад патриархальной семьи и образование семейно-родственных групп. С.М. Абрамзон также не согласился с мнением Ю.А. Зуева, что община приобретает очертания патронимии, и что патронимия обязательна при кочевании малыми семьями⁷⁸⁹. По заключению С.М. Абрамзона, около середины I тыс. н.э. развивается процесс перехода от старого порядка с господством большесемейных общин, к новому — с постепенным укреплением малой семьи⁷⁹⁰. В целом же С.М. Абрамзон тоже писал о раннефеодальном строе древнетюркских государств⁷⁹¹. Тюркский каганат представлял собой «такое же неустойчивое военно-административное объединение, как и ряд

⁷⁸⁵ Лашук Л.П. О характере классовобразования ... С. 119.

⁷⁸⁶ Абрамзон С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / отв. ред. С.П. Толстов. М., 1951 (Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. Т. XIV). С. 132—156; *Его же*. Некоторые вопросы социального строя ... С. 64—69, 72—73; *Его же*. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 228, 453 прим. 1; *Его же*. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье // Тюркологический сборник. 1972. С. 297—303. См. также: Материалы ... 1955. С. 117—121.

⁷⁸⁷ Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен ... С. 300.

⁷⁸⁸ Абрамзон С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках // *Türkologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 205.

⁷⁸⁹ Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен ... С. 301.

⁷⁹⁰ Там же. С. 303—304. Ср.: Материалы ... 1955. С. 119—120.

⁷⁹¹ Абрамзон С.М. Киргизы ... С. 50, 228.

предыдущих»⁷⁹². Несмотря на то, что С.М. Абрамзон считал родоплеменную структуру «каркасом» общественных связей⁷⁹³, по его мнению, патриархальное рабство, задерживало быстрый распад большесемейных общин, использовавших труд рабов в домашнем хозяйстве⁷⁹⁴.

С.А. Плетнева, автор концепции стадийного развития кочевников «от кочевий к городам», относительно которой С.А. Васютин отметил, что, «возможно, это была одна из первых попыток в отечественной историографии найти критерии для типологии крупных кочевых объединений вне формационной схемы»⁷⁹⁵, относила общество Тюркского каганата к той «ступени развития, когда земледелие и ремесла играли не меньшую роль, чем кочевое скотоводство» (1967)⁷⁹⁶, позже Тюркские каганаты отнесены конкретно ко «второй стадии кочевания» и определены как «достаточно развитые политические объединения типа раннефеодальных государств» (1981)⁷⁹⁷; в другой работе (1982), хотя и отсылая читателя к книге Л.Н. Гумилева, С.А. Плетнева более четко определяла уровень развития Тюркского каганата как государственный, судя по всему, раннефеодальный⁷⁹⁸, отмечая, что «развитие в отдельные отрасли ремесленных производств, в частности железоплавильного, единая письменность, единый язык, появление понятия своей земли, строгий государственный порядок в каганатах (разделение на аймаки, абсолютная власть кагана, сборщики податей и пр.) являются доказательством того, что каганаты были уже государствами». «Несмотря на то, — продолжает С.А. Плетнева, — что тюрки время от времени совершали набеги на соседей с целью обогащения той или иной орды или хана, их походы на запад, на государства Средней Азии, войны с Ираном и Византией свидетельствуют уже о большой государственной политике тюркских каганатов, заботящихся о международном престиже своего государства»⁷⁹⁹. Уйгурский же каганат был, по ее мнению, уже государством феодальным, классовым⁸⁰⁰, находящимся на «третьей стадии кочевания»⁸⁰¹.

Отмечая слабые стороны претендующей на универсализм схемы С.А. Плетневой на примере Тюркского и Уйгурского каганатов, С.А. Васютин указал, что, во-первых, согласно С.А. Плетневой, Тюркские каганаты, скорее, также должны быть отнесены к третьей модели, поскольку образования этого типа она сама именует «каганатами»; во-вторых, несмотря на факт появления городов и широкое участия согдийцев в торговле Уйгурского каганата, в целом, по

⁷⁹² Абрамзон С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен ... С. 296.

⁷⁹³ Там же. С. 297.

⁷⁹⁴ Там же. С. 303.

⁷⁹⁵ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 55.

⁷⁹⁶ Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 142). С. 182.

⁷⁹⁷ Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху Средневековья // Вопросы истории. 1981. № 6. С. 57.

⁷⁹⁸ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 68—69, 88.

⁷⁹⁹ Там же. С. 69.

⁸⁰⁰ Там же. С. 89.

⁸⁰¹ Плетнева С.А. Закономерности развития ... С. 60.

мнению С.А. Васютина, «с точки зрения организации политической власти, армии, социальной системы разница между этими политиями не была столь значительной»; в-третьих, неправомерность отнесения Тюркских каганатов к эфемерным «империям», распадавшимся, по классификации С.А. Плетневой, сразу после смерти вождя-образователя; в-четвертых, невозможность отнесения их ко второй модели (стадии) ввиду того, что во всех них «культивировалось развитие железодельного производства, сложилась и развивалась письменность, существовала податная система, строгий государственный порядок и абсолютная власть каганов»⁸⁰². В свою очередь, отметим также, что замечания о «податной системе» и «абсолютной власти каганов» весьма спорны.

Близких с С.А. Плетневой взглядов придерживался К.И. Петров, на материале «средневекового» Кыргызстана доказывавший, что «примерно в VI—VII вв. и особенно в VIII—XII вв. на Тянь-Шане происходил чрезвычайный по широте и глубине процесс массового перехода скотоводов к ведению комплексного земледельческого-скотоводческого, а затем земледельческого хозяйства, сопровождавшегося ростом очень больших ремесленно-земледельческих поселений и городов (с площадями в десятки квадратных километров), занявших все районы, пригодные для земледелия»⁸⁰³. Говоря о развитии общественных отношений у кочевников без оседания, К.И. Петров указывал, что рабство не могло развиваться ввиду характера хозяйства, а становление феодализма затруднялось отсутствием его основы — прочного владения землей⁸⁰⁴, поэтому наибольшую важность имело частное скотовладение. Оно разлагало патриархально-родовой строй, но, с другой стороны, общинная собственность на пастбища консервировала его; все это обуславливало некровнородственную основу родоплеменных связей, что позволяло говорить не о «пережитках», а об обусловленных органических институтах, вырабатывавших соответствующую иерархию в обществе⁸⁰⁵. По мнению К.И. Петрова, нормы общественно-государственной жизни кочевников этого периода регламентировались обычным правом, поэтому тюркские источники не содержат «конкретных сведений о формах собственности даже на скот»⁸⁰⁶. Археологические объекты, — крепости и укрепленные пункты, — являются памятниками бывшей собственности на пастбища и угодья, при этом «государственная собственность на землю как суверенитет в масштабе Тюркского каганата едва ли может подлежать сомнению». Однако эта собственность на землю не была еще прочной, т.к. в этих недавно завоеванных землях проявлялись сепаратистские тенденции, говорящие о перераспределении владений

⁸⁰² Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 55. Ср. оценку П.К. Дашковского: Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 502—503.

⁸⁰³ Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981. С. 5.

⁸⁰⁴ Там же. С. 50.

⁸⁰⁵ Там же. С. 51, 52—53.

⁸⁰⁶ Там же. С. 85.

среди правящей верхушки, что в итоге и привело к разделению каганата. Но уже с VIII в. происходит закрепление собственности на пастбища, и вместе с тем идет развитие феодальных отношений⁸⁰⁷.

В VII—XII вв., по мнению ученого, протекает процесс колонизации Кыргызстана тюрками земледельцами из Восточного Туркестана и Мавераннахра с их последующим оседанием здесь⁸⁰⁸. В VIII—XII вв. наблюдается массовый переход населения к комплексному хозяйству⁸⁰⁹. Мнение о том, что оседали бедняки, считает К.И. Петров, противоречило бы тому факту, что города активного основываются в период VI—VIII вв., а не после в XII в. К тому же, считает он, богатые скотоводы не позволили бы бесскотным собратьям остаться без работы и осесть⁸¹⁰.

Кроме разработок в ключе эволюционизма и стадиялизма, в этот период появился ряд работ, предложивших иной, по сути, альтернативный подход, значительно способствовавший расширению методологических возможностей в исследовании кочевников. В 70-е гг. XX в. в советской историографии появляются работы, доказывающие невозможность натурального развития у кочевников классовых (феодальных) отношений.

Г.Е. Марков, автор теории предклассового состояния кочевнических обществ, считал, что кочевым обществам были присущи следующие характеристики: племенная организация общества; частная собственность на скот и общественная (племенная) на пастбища; поголовное вооружение населения, препятствующее установлению классовой монополии на средства производства и установлению крепостной зависимости; личная свобода и хозяйственная самостоятельность кочевников, когда большая часть населения от крупных производителей до рядовых обладала средствами производства; имущественная, опосредованная частным ведением хозяйства и успехами в грабежах и набегах, но не классовая дифференциация; использование наемного труда пастухов, а не классовая эксплуатация. Это позволяет характеризовать кочевничество как особый способ производства⁸¹¹. Позже Г.Е. Марков писал лишь о «дофеодальном» характере общественных отношений у кочевников⁸¹².

Крупные политические объединения кочевников рассматривались ученым как эфемерные. Он также считал, что в зависимости от условий социальная организация кочевников могла находиться в двух агрегатных состояниях: в мирных условиях это «общинно-кочевое», характеризовавшееся слабостью верховной власти и аморфностью политической организации, и «во-

⁸⁰⁷ Петров К.И. Очерки ... С. 86.

⁸⁰⁸ Там же. С. 112—113.

⁸⁰⁹ Там же. С. 115.

⁸¹⁰ Там же. С. 119.

⁸¹¹ Марков Г.Е. Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. С. 7, 28—30.

⁸¹² Марков Г.Е. Кочевники Азии ... 1976. С. 306—308. Второе издание данной книги, вышедшее в 2010 г. в издательстве «Editorial URSS», является репринтом с незначительными исправлениями в заключительной части.

енно-кочевое» во время войн и переселений, характеризовавшееся более четкой военной и политической организацией⁸¹³. С.А. Васютин и П.К. Дашковский отмечают, что это мнение отчасти перекликается с концепцией Л.Н. Гумилева об «ордах» и «племенах»⁸¹⁴. Однако объективные выводы Г.Е. Маркова имели теоретический характер, опираясь, в основном, на этнографические материалы⁸¹⁵.

Г.Е. Марков, признавая недостаток сведений и противоречивый характер источников о ранних кочевниках⁸¹⁶, тем не менее, считал, что в основе социальной организации ранних кочевников, к которым им были отнесены хунну и тюрки, лежала племенная структура, для которой была характерна «специфическая для кочевничества военная организация», но характеристика ее как государственной, по его мнению, весьма спорна. Он отмечал отсутствие данных о существовании у них непримиримых классовых противоречий и групп населения, резко отличных друг от друга по отношению к средствам производства⁸¹⁷. В монографии 1976 г. Г.Е. Марков обозначил у древних тюрков племенную демократию, имущественное расслоение, частную собственность на скот и племенную организацию⁸¹⁸.

В последующем он вновь специально оговаривался, что оценка общественного строя тюрков может быть лишь условной из-за нехватки данных⁸¹⁹. Основной единицей у них он считал патриархальную семью, включавшую иногда дочерей с мужьями; собственность на скот имела семейный характер. Семьи группировались в небольшие племенные подразделения (*огус*), те — в отделы или племена (*будун*), совокупность племен составляла *эль* (союз племен или народ). Г.Е. Марков указывал на прослойку предводителей, точно о функциях которых не позволял говорить недостаток источников. По осторожному предположению, в основе военной структуры древних тюрков лежала племенная организация. Их общество не было полностью централизованным, что видно из рунических текстов, где каган призывает народ к единению⁸²⁰.

А.М. Хазанов, относивший все кочевые государства к раннеклассовым до завоевания земледельческих областей, после чего их развитие определялось взаимоотношениями с оседло-земледельческими обществами, отмечал две тенденции в кочевнических государственных образованиях: (1) эксплуатация кочевниками оседло-земледельческого населения на основе данни-

⁸¹³ Марков Г.Е. Кочевники Азии ... 1967. С. 6, 28; *Его же*. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. 1970. № 6. С. 88—89; *Его же*. Кочевники Азии ... 1976. С. 311—312.

⁸¹⁴ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 26—27; Дашковский П.К. Мироззрение ... дис. ... С. 166.

⁸¹⁵ Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. С. 23—24; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 48—49.

⁸¹⁶ Марков Г.Е. Кочевники Азии ... 1967. С. 5.

⁸¹⁷ Там же. С. 6—7.

⁸¹⁸ Марков Г.Е. Кочевники Азии ... 1976. С. 47—48.

⁸¹⁹ Марков Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации ... С. 79 прим. 34.

⁸²⁰ Там же. С. 79.

ческих отношений, причем кочевники и земледельцы, составляя единое политическое целое, существовали как отдельные этносоциальные общности, фактически не влияя друг на друга; кочевники оставались на раннеклассовом уровне; (2) завоевание кочевниками территорий с оседло-земледельческим населением, после чего кочевническая знать фактически превращается в господствующий слой над земледельцами и начинает интегрироваться в его культурную среду; здесь часто наблюдаются седентаризационные процессы⁸²¹.

В этом ключе А.М. Хазанов писал о даннической основе Тюркского каганата: «И рядовые тюрки, и их знать оставались по-прежнему кочевниками, и как только соотношение сил изменилось, их государство распалось»⁸²². Кроме того, рассматривая скифов, ученый попутно отметил у тюрков такие институты, как левират⁸²³, использование пленных в качестве домашней прислуги и сажание их на землю⁸²⁴, даннический характер отношений с побежденными кочевыми и оседлыми соседями⁸²⁵, отсутствие прямого порядка наследования власти⁸²⁶, удельная («улусная») система, связанная с представлениями о принадлежности власти всему роду⁸²⁷.

Именно в этот период стала очевидна несостоятельность марксистской методологии для изучения кочевнических обществ. Тем не менее, ведущими советскими кочевниковедами кочевое скотоводство рассматривалась, прежде всего, как отсталая, застойная форма хозяйства; особо отмечался именно ее статичный характер⁸²⁸. Однако последующие исследователи уже имели возможность взглянуть на социально-экономические проблемы кочевничества более широко.

Вместе с тем появлялись работы, пытавшиеся «примирить» новые методологические разработки с эволюционистским подходом. Особым этапом был здесь и период VI—VIII вв.

Так, Д.К. Кшибеков считал VI—XII вв. периодом «наивысшего развития внутренних возможностей кочевого общества», но также и периодом его «наибольшего территориального разделения»⁸²⁹. Значительное влияние на процесс его развития в этот период оказывали внешние факторы, в частности, подъем экономики и культуры Передней и Средней Азии, прежде всего, за счет посреднической торговли⁸³⁰. По мнению Д.К. Кшибекова, в это время у кочевников складывается феодализм, но с рядом дофеодальных пережитков⁸³¹; в другом месте говорит-

⁸²¹ Хазанов А.М. Социальная история скифов ... С. 257—259.

⁸²² Там же. С. 260.

⁸²³ Там же. С. 81.

⁸²⁴ Там же. С. 144.

⁸²⁵ Там же. С. 162, 163.

⁸²⁶ Там же. С. 196.

⁸²⁷ Там же. С. 197.

⁸²⁸ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата, 1971. С. 213; Марков Г.Е. Кочевники Азии ... 1976. С. 314—315; Хазанов А.М. Социальная история скифов ... С. 254, 266, 273; Кшибеков Д.[К.] Кочевое общество. Генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984. С. 209—213.

⁸²⁹ Кшибеков Д.[К.] Кочевое общество ... С. 93.

⁸³⁰ Там же. С. 98.

⁸³¹ Там же. С. 100.

ся о сохранении родо-племенных традиций, но отнюдь не наличии родового строя⁸³². Д.К. Кшибеков также поставил вопрос об особом способе производства у кочевников⁸³³. Он отметил невозможность бытования у них рабства⁸³⁴, но ниже, указывая на определенные особенности развития кочевников⁸³⁵, остановился на понимании их производственных отношений как патриархально-феодальных, основанных на скотовладении⁸³⁶. По его мнению, способ хозяйствования у кочевников не изменялся в течение долгих веков, изменения в политическом развитии также были не существенны: различные феодальные образования быстро появлялись и исчезали, сменяя друг друга⁸³⁷. Д.К. Кшибеков согласился с мнением о даннической сущности Тюркского каганата, указывая, что кочевое общество «представляло собой государственную форму политической организации, принимавшую в различные периоды своей истории разное наименование, разную структуру, то ярко выраженную, то скрытую различными патриархально-родовыми пережитками»⁸³⁸.

Интересен также тезис Ю.С. Худякова о том, что консолидация и переход в середине I тыс. н.э. к феодализму оседло-земледельческих народов «на южных границах кочевого мира» заставил кочевников «изменить стратегию войн» с ними, перейдя «от крупномасштабных вторжений и территориальных захватов к грабительским набегам, разорению пограничных областей с целью навязывания оседлым соседям даннических отношений, принудительной торговли». Именно из-за «активного сопротивления» оседлых соседей кочевники «консолидировались и поднялись на более высокую ступень общественных отношений». «Опыт внешних войн» способствовал разрушению родо-племенных институтов и установлению военно-административной системы управления и формированию военной демократии, причем усилилась борьба между различными этническими группами за политическое главенство, приводившая к «частой смене государственных образований, связанных с преобладанием того или иного этноса»⁸³⁹. При этом все кочевые объединения стремились к единой державному доминированию в регионе, контролю над Шелковым путем и навязыванию даннических отношений оседло-земледельческим соседям. Однако сам контроль над захваченными обширными территориями с разноэтничным населением был затруднителен, что делало эти государства недолговечными⁸⁴⁰.

⁸³² Кшибеков Д. [К.] Кочевое общество ... С. 99.

⁸³³ Там же. С. 99—100.

⁸³⁴ Там же. С. 100—101, 149—150.

⁸³⁵ Там же. С. 102.

⁸³⁶ Там же. С. 102—103, 104.

⁸³⁷ Там же. С. 149.

⁸³⁸ Там же. С. 172.

⁸³⁹ Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 136.

⁸⁴⁰ Там же. С. 226. См. также: Ахсанов К.Г. Проблема становления государственности ... дис. ... С. 144—145.

Любопытный взгляд на социально-политические процессы у кочевников изложил С.В. Дмитриев. По его мнению, если рассматривать процессы в кочевническом обществе как диалектическую систему, можно спроецировать следующую схему. Учитывая постоянство его экономической основы как базиса при соответствии ему надстроечной политической структуры, общество сохраняет стабильность социально-политической системы. При этом социальная борьба не приводит к коренным изменениям всей системы, а лишь к смене правящей группы. Этот феномен ученый называет «обезличиванием власти». Социальная структура при этом изменяется, но не развивается, коренным образом она может измениться только при переходе к иному виду хозяйственной деятельности. Социальная организация, основанная на фиктивном родстве, консервируется в определенных формах (у тюрков сёок), сохраняющих и легко восстанавливающих в меняющихся условиях свою структуру, меняя, в сущности, лишь содержание, родовой состав. В ходе природных и демографических процессов и постоянной борьбы за пастбища между родами в степи растет напряженность, появляется предводитель, стоящий во главе группировки родов с политонимом по названию победившего рода. Проигравшие роды либо уничтожаются, что редко, либо мигрируют, либо подчиняются. Так создается объединение государственного типа, направленное на то, чтобы «спустить пар» за счет выплеска накопившихся избыточных сил. После этого ввиду того, что экономическая база не меняется, и соответственно социально-политическое развитие невозможно, объединение распадается и степь возвращается к догосударственным порядкам. Но некоторое время сохраняется иерархия по родству относительно бывшего лидера, что порождает т.н. «институт двух лидеров» — по родству и способностям⁸⁴¹. Мысли автора, однако, не получили развития в дальнейших исследованиях.

Работы узбекистанского филолога Н.А. Рахманова (Н. Раҳмона) о Тюркском каганате, в основном, касались жанровых особенностей древнетюркских рунических памятников. При изложении как политической истории, так и затрагивая социальные аспекты, ученый оказался полностью зависим от выводов Л.Н. Гумилева⁸⁴². Но, как указывает Г.Б. Бабаяров, «Н. Рахманов в своей монографии “Турк хоқонлиги” (“Тюркский каганат”) остановился на мифологии и идеологии государственности древних тюрков»⁸⁴³. Работа была издана на основе защищенной в 1991 г. докторской диссертации по филологии, написанной и защищенной еще в

⁸⁴¹ Дмитриев С.В. Некоторые тенденции кочевого общества // Проблемы археологии скифо-сибирского мира ... Ч. I. С. 31—33; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 245—246; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 290—291.

⁸⁴² Раҳмон Н. Турк хоқонлиги. 42—58-бетлар, в особенности: 49—51-бетлар.

⁸⁴³ Бабаяров Г.Б. Государственный строй Западно-Тюркского каганата : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 2012. С. 13.

Советском Союзе⁸⁴⁴, где прямо социальная проблематика не затрагивалась, однако, определенные взгляды ученых в этом направлении высказал.

Следуя Д.С. Лихачеву, Н. Рахманов писал о влиянии элементов культа бесклассового общества на литературу классового общества, когда «герои письменной литературы приобретают качество героев эпосов». «Этот процесс, — считал он, — един для каждого народа, история развития письменной литературы также имеет общие характеристики»⁸⁴⁵. При этом тюркское общество было на той стадии, когда фольклор архаического периода постепенно вытеснялся древнетюркской литературой, хотя это, по сути, процесс, могущий длиться несколько веков⁸⁴⁶. Н. Рахманов отмечает наличие в орхоно-енисейских памятниках «элементов, сохранившихся еще от бесклассового общества»⁸⁴⁷, в т.ч. культовых элементов (отцы, деды, земля, вода, бог, небо, луна и т.д.)⁸⁴⁸. На стиль памятников оказали влияние определенные общественно-исторические условия, считает Н. Рахманов, в частности, актуален был мотив защиты родины, вылившийся в образ героя, борющегося с врагами⁸⁴⁹. Герои памятников, в т.ч. каганы и полководцы, представлены как смелые, обладающие силой, умные⁸⁵⁰. Согласно древнетюркским представлениям о космогонии, следовало думать о единстве мира и человеческого общества, где Тэнгри рассматривается как отец, а народ — как дети⁸⁵¹. Н. Рахманов указал и на такое явление, как прохождение обряда инициации, связанного с присвоением нового имени (*аты*)⁸⁵².

Результаты попыток сведения материалов археологии по тюркам на начало 80-х гг. XX в. не позволили говорить о каких-либо значительных продвижениях, «поскольку погребения их раскапывались спорадически, поселения же их вообще неизвестны», но также многие материалы, в частности результаты раскопок в Туве, не были обобщены⁸⁵³. В работах археологов древнетюркское общество в этот период предстает, в основном, в такой же интерпретации, как и прежде⁸⁵⁴, но они внесли важный вклад в изучение отдельных аспектов его истории.

Важно остановиться также на других вопросах, в частности, следует указать, что в эти годы в работах археологов были сделаны важные шаги для изучения *социальной структуры* древнетюркского общества.

⁸⁴⁴ Рахманов Н.А. Орхоно-енисейские памятники и тюркские эпосы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1991. 48 с.

⁸⁴⁵ Там же. С. 12.

⁸⁴⁶ Там же. С. 13.

⁸⁴⁷ Там же. С. 17.

⁸⁴⁸ Там же. С. 16.

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ Там же. С. 22.

⁸⁵¹ Там же. С. 38.

⁸⁵² Там же. С. 26.

⁸⁵³ Плетнева С.А. Введение // Степи Евразии в эпоху Средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнева. М., 1981. С. 8.

⁸⁵⁴ См., напр.: Могильников В.А. Тюрки // Там же. С. 31, 43. См. также работы Л.Р. Кызласова.

На ленинградской конференции в июне 1967 г. Г.В. Длужневская, говоря о различиях погребений древнетюркского времени, отметила наряду с хронологическим критерием типологизации также социальный, указав на признаки, отражающие внутреннюю племенную дифференциацию: состав инвентаря, положение барана вместо коня, захоронения в каменных ящиках, принадлежащие, по-видимому, подчиненным людям⁸⁵⁵.

В совместной статье Г.В. Длужневской и Б.Б. Овчинниковой, обобщивших материалы, полученные в результате раскопок Саяно-Тувинской экспедиции за 1965—1977 гг., отмечалось, что «значительное пополнение материала позволило поставить вопрос о выявлении имущественной и половозрастной дифференциации по погребальным памятникам»⁸⁵⁶. Несмотря на разновариантность погребений⁸⁵⁷, «анализ погребального инвентаря с учетом новейших полевых исследований позволяет отчасти расширить представления о социально-экономической дифференциации общества. Различие способов захоронения (как мера трудоемкости) и, главным образом, состав сопроводительного инвентаря отражают в определенном преломлении сложность его устройства», но, по замечанию археологов, следует учитывать и возможную принадлежность к разным этнографическим группам⁸⁵⁸.

Г.В. Длужневская, проанализировав около 200 погребений с конем с территории Тувы, Алтая и Монголии, на основе инвентаря выделила среди них несколько групп: мужчины-воины (с двумя стременами) и подростки (с одним стремянем) в сопровождении от 1 до 3-х коней с характерным инвентарем, состоявшим из берестяного колчана, лука, иногда меча, а также пояса и амулета, здесь же кенотафы с аналогичным инвентарем⁸⁵⁹; погребения мужчин с одним конем или без коня со стрелами (одной-двумя) или подростков без коня со стрелами; погребения мужчин и подростков без инвентаря⁸⁶⁰; женщины и девочки с характерным инвентарем (серьги, металлические зеркала, костяные гребни, маленькие ножи) или без него; при этом имели место случаи, когда женские погребения сопровождалась тушей 1—2-х коней (с одним стремянем),

⁸⁵⁵ Длужневская Г.В. Типы погребений древнетюркского времени на территории Тувы, Алтая и Монголии // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7—10 июня 1967 г.). Л., 1967. С. 57.

⁸⁵⁶ Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев / ред. А.П. Окладников. Кызыл, 1980. С. 79.

⁸⁵⁷ Там же. С. 81.

⁸⁵⁸ Там же. С. 83. Ср.: Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий : сб. научных трудов / ред. Л.М. Судакова. Омск, 1983. С. 67.

⁸⁵⁹ Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. Материалы совещания по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (Томск, 17—22 марта 1975 г.). С. 193—194, 195—196, 199, 200; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы ... С. 83—84, 85.

⁸⁶⁰ Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь ... С. 196—198, 199; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы ... С. 84—85.

богатым инвентарем, элементами сбруи и даже оружием⁸⁶¹. Дифференциация инвентаря явно демонстрировала хозяйственное разделение полов: при мужчинах находились металлические и деревянные сосуды, в погребениях женщин — керамические, но и здесь иногда встречалось оружие⁸⁶². Отсутствие же оружия в некоторых мужских погребениях, как отметила Г.В. Длужневская, не может рассматриваться как показатель рядового статуса погребенного ввиду наличия в инвентаре других ценных вещей⁸⁶³. Обратив внимание на то, что в Туве в каменных ящиках (а не в курганах) хоронились, как правило, дети, Г.В. Длужневская сочла правомерным говорить о существовании половозрастных категорий в древнетюркском обществе⁸⁶⁴.

Б.Б. Овчинникова обратила внимание на древнетюркские захоронения в подбоях в Туве, относившиеся, правда, уже к IX—X вв., предположив, что они принадлежат знатным воинам⁸⁶⁵. Говорить об этом позволяют, по ее мнению, даже подобные погребения без подбоев, характеризующиеся, в частности, такими признаками как усложнение конструкции сооружений, наличие двух сопровождающих лошадей, богатый инвентарь⁸⁶⁶.

Ю.С. Худяков, развивая мысль, высказанную А.Д. Грачем, о принадлежности погребений с конем в Минусинской котловине к тюркским гарнизонам⁸⁶⁷, обратился к их подробному анализу, при этом он не согласился с Ю.И. Трифионовым, отнесшим все более или менее синхронные древнетюркской эпохе погребения с конем на территории Южной Сибири к племенам *те-лэ*, являвшим собой, судя по всему, разнородную конфедерацию⁸⁶⁸. Ю.С. Худяков, тем не менее, считал, что «неоднородность погребений с конем... <...> еще не дает оснований предполагать этническую неоднородность. Для этого необходимо иметь ареалы распространения определенных вариантов погребений с конем»⁸⁶⁹.

Рассмотрев вещевой инвентарь минусинских погребений с конем, Ю.С. Худяков определил период бытования VIII—IX вв.⁸⁷⁰ Дополнительно опираясь на наличие у ряда таких погребений типичных для тюрков изваяний и оградок⁸⁷¹, он привлек и данные древнетюркских руни-

⁸⁶¹ Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь ... С. 198—199, 200.

⁸⁶² Там же. С. 200.

⁸⁶³ Там же. С. 199; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы ... С. 85.

⁸⁶⁴ Длужневская Г.В. Сопроводительный инвентарь ... С. 199; Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы ... С. 85.

⁸⁶⁵ Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы ... С. 85; Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях ... С. 65.

⁸⁶⁶ Овчинникова Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях ... С. 67.

⁸⁶⁷ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. М., 1966. С. 191; Худяков Ю.С. Кёк-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. А.П. Погожева. Новосибирск, 1979. С. 194.

⁸⁶⁸ Трифионов Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник. 1972. С. 364, 374.

⁸⁶⁹ Худяков Ю.С. Кёк-тюрки на Среднем Енисее. С. 205.

⁸⁷⁰ Там же. С. 195—202.

⁸⁷¹ Там же. С. 202—204.

ческих текстов⁸⁷². Вывод ученого сводился к следующему: «Судя по тому, что тюркские погребения располагаются, как правило, в пределах кыргызских родовых кладбищ, можно предполагать, что тюркским воинам пожалованы земли с подвластным населением, где они заняли место кыргызской родовой знати»⁸⁷³. Несмотря на то, что такая однозначная интерпретация данного типа погребений ввиду их многовариантности вызывает сегодня ряд возражений⁸⁷⁴, она заслуживает несомненного внимания как попытка понимания этносоциальной структуры общества.

Проанализировав принадлежавшие, судя по инвентарю, кыргызам погребения того же периода, характеризующиеся появлением ряда новшеств, Ю.С. Худяков заключил, что изменение в погребальной обрядности у кыргызов происходило в связи с миграцией населения и распадом родовых связей, протекавших, видимо, под влиянием тюрков⁸⁷⁵. Само же оставшееся здесь тюркское население ввиду своей малочисленности ассимилировалось и постепенно перешло от обряда погребений с конем к обряду трупосожжения, хотя такие погребения с сожжением попадались довольно редко⁸⁷⁶.

Во многом материалы археологии позволили шире взглянуть на этно- и социогенетические процессы в Центральной Азии. В 1966 г. Л.П. Потапов по результатам раскопок в Туве мог констатировать, что «уже накапливаются данные, позволяющие поставить вопрос о преемственной этногенетической связи культуры кочевников древнетюркского времени Тувы с культурой кочевников гуннского времени». Ученый отмечал, «что этногенетическая связь гуннских погребальных памятников в Туве с древнетюркскими хорошо согласуется с известными по Вэйской, Суйской и Танской династийным хроникам генеалогическими легендами и с прямыми сообщениями китайских летописей о происхождении древних тюрков и племен теле от гуннов»⁸⁷⁷.

Большую роль сыграла деятельность действовавшей с середины 60-х гг. XX в. Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР (Ленинградского отделения Института археологии). Как писал, оценивая первые результаты экспедиции, ее руководитель А.Д. Грач, «Особое внимание экспедиция уделяет исследованию древнетюркских памятников (VI—IX вв. н.э.). В древнетюркское время на очень широких территориях и у разных народов тюркской

⁸⁷² Худяков Ю.С. Кёк-тюрки на Среднем Енисее. С. 204.

⁸⁷³ Там же. С. 196, 202, 206.

⁸⁷⁴ Нестеров С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии / отв. ред. Р.С. Василевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск, 1985. С. 111, 117; Азбелев П.П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII—VIII вв. // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 12. Вып. 4. С. 82—83. См. также: Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 232—233; Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 20—21.

⁸⁷⁵ Худяков Ю.С. Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине // Археологический поиск (Северная Азия) / отв. ред. В.Е. Медведев. Новосибирск, 1980. С. 202.

⁸⁷⁶ Там же. С. 202, 204.

⁸⁷⁷ Потапов Л.П. Полевые исследования Тувинской археолого-этнографической экспедиции // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л., 1966. Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. С. 11.

языковой семьи возникают общие черты, проявляющиеся очень наглядно в материальной культуре (формы оружия, конской сбруи, украшений, сосудов и т.д.), а также в наиболее существенных сторонах погребального обряда (погребения с конем). Проведенные экспедицией раскопки курганов древнетюркского времени (отряд Ю.И. Трифонова) позволят внести значительный вклад в разработку проблем периодизации, этнических территорий и социального строя»⁸⁷⁸.

Огромное значение имеют работы самого А.Д. Грача. Несмотря на ряд спорных интерпретаций археологического материала, которых здесь коснуться нет возможности, ему удалось обосновать единство материальной культуры населения территории древнетюркских политических образований на протяжении всего периода их существования.

Уже подводя итоги своему изучению древнетюркских изваяний в Туве на конец 50-х гг. XX в., А.Д. Грач отмечал, что установка каменных изваяний, а также оградок и каменных столбов балбалов «встречаются только на территориях, некогда населенных племенами, входившими в каганат тюрок тугю», поэтому «являются достоверным этническим показателем», и, что особо важно, далее: «...пока речь может идти только об общих этнических категориях, и главным образом о политических границах, разделявших древние этнические группировки». По его мнению, «именно к такому выводу побуждает то, что термин *түрк* является собирательным именем военного союза племен»⁸⁷⁹. Здесь археолог ссылается на работы А.Н. Кононова, В.В. Бартольда, С.П. Толстова и А.Н. Бернштама, писавших «о собирательном значении термина турк, обозначавшем союз племен»⁸⁸⁰. Конкретно каменные изваяния, ошибочно соотносимые им, правда, с образами убитых врагов⁸⁸¹, и «связанные с ними ритуальные моменты», по его мнению, «явились отражением комплекса социальных отношений, порожденных войной и формированием военно-рабовладельческой знати», в чем он опирался на работы С.П. Толстова⁸⁸². Ниже А.Д. Грач указал, что «этот ритуал, вне всякого сомнения, имел и конкретно политические мотивы, глубоко связанные с особенностями социального строя центральноазиатских тюрок», он «был порожден идеологией кочевников, создавших первые государственные объединения Центральной Азии, идеологией, хотя и сохраняющей многочислен-

⁸⁷⁸ Грач А.Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС // Археологические открытия 1965 года. М., 1966. С. 23.

⁸⁷⁹ Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг. М., 1961. С. 56—57 прим. 10.

⁸⁸⁰ Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР // Филология и история тюркских народов ... С. 53.

⁸⁸¹ В это время Л.Р. Кызласовым, как раз, прежде всего, в полемике с А.Д. Грачом, была установлена роль каменных изваяний, служащих для обозначения похороненных тюрок, в отличие от балбалов — каменных столбов, обозначающих количество убитых врагов (*Кызласов Л.Р.* О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 27—39; *Его же.* О значении термина «балбал» древнетюркских надписей // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. М., 1966. С. 206—208; *Его же.* История Тувы в средние века. С. 35—43).

⁸⁸² Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы ... С. 82—83.

ные черты первобытнообщинного строя, но и отражавшей новые глубокие сдвиги в формировании общественного строя, связанного с феодальными отношениями»⁸⁸³. Отмечая интерпретацию сцены коленопреклонения, изображенную на Кудыргинском валуне, предложенную А.Н. Бернштамом и Л.П. Потаповым, ученый согласился с тем, что здесь следует видеть «мотивы, связанные с образным выражением даннических отношений, т.е. ... <...> системы господства и подчинения, бытовавшей в древнетюркское время»⁸⁸⁴. Судя по всему, археолог не имел четкого представления о характере древнетюркского общества, но специально этой проблемой не занимался, однако, он остановился на важном моменте соотношения этнических и культурных компонентов.

В 1964 г. в полемике Л.Р. Кызласовым А.Д. Грач сформулировал основные критерии «древнетюркского времени», датируемого им VI — 1-ой четвертью X вв., подразумевая под этим понятием период существования Первого и Второго Тюркских, Уйгурского и Кыркызского каганатов в Монголии (т.н. период «кыркызского великодержавия», по выражению В.В. Бартольда): «Древнетюркское время характерно возникновением и бытованием на очень широких территориях и у разных народов тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся очень наглядно в материальной культуре — формы оружия, конской сбруи, украшений, сосудов и т.д., а также в наиболее существенных чертах погребального обряда (погребения с конем). Долгое бытование этих черт объясняется прежде всего тем, что, вне зависимости от возникновения тех или иных политических объединений кочевников, на многих территориях в течение столетий продолжало обитать то же в этническом отношении население»⁸⁸⁵.

Разработке понятия «древнетюркское время» А.Д. Грач посвятил специальную обстоятельную статью, на положениях которой следует подробно остановиться ввиду того, что высказанные в ней взгляды имели чрезвычайно прогрессивный характер.

«Современные исследования убедительно показывают, — писал А.Д. Грач, — что во времена существования каганатов центральноазиатских тюрков (552—745) и уйгуров (745—840) этническая карта Центральной Азии и ряда сопредельных с ней территорий не претерпела коренных изменений, а смена одного каганата другим свелась в основном к смене политической гегемонии»⁸⁸⁶. Изменения последовали лишь в кыркызскую эпоху, с образованием государства Ляо в 916 г.⁸⁸⁷ «В специальной литературе, — продолжал А.Д. Грач, указывая в сноске работы С.В. Киселева и Л.П. Потапова, — получил распространение тезис, согласно которому

⁸⁸³ Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы ... С. 92.

⁸⁸⁴ Грач А.Д. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува) // Краткие сообщения Ин-та этнографии. 1958. Вып. XXX. С. 157.

⁸⁸⁵ Грач А.Д. По поводу рецензии Л.Р. Кызласова // Советская археология. 1965. № 3. С. 303—304.

⁸⁸⁶ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. С. 188.

⁸⁸⁷ Там же. С. 188, 191—192. Ср.: Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР. С. 53.

государства древних тюрков представляли собой пестрые конгломераты, временные и непрочные военно-административные объединения. Новейшие археологические исследования в сочетании с данными нарративных источников не позволяют считать этот тезис справедливым: во-первых, государства древнетюркского времени существовали столетиями, а, во-вторых, исследования погребальных комплексов, проведенные на широких территориях (Тува, Монголия, Хакассия, Южный Алтай, Казахстан, Средняя Азия), свидетельствуют о том, что в состав каганатов входили крупные и сравнительно устойчивые этнические группировки, которые вовсе не были эфемерными объединениями. Дробление этнической карты произошло, по-видимому, значительно позднее — в результате исторических событий, имевших место главным образом при сложении и развитии монгольской империи»⁸⁸⁸. Развивая свою высказанную прежде мысль, А.Д. Грач указывал: «В историко-хронологическом отношении древнетюркское время характеризуется возникновением и бытованием на очень широких территориях и у разных этнических образований тюркской языковой семьи общих черт, проявляющихся очень наглядно в материальной культуре — в форме оружия, бытовых предметов, конской сбруи, украшений, сосудов. В числе важных моментов, определявших общность древнетюркской культуры, следует, конечно, назвать древнетюркскую руническую письменность, а также погребальный обряд древних племен, входивших в состав тюркских каганатов, и в первую очередь погребения с конем, получившие широкое распространение с VII в. н.э.»⁸⁸⁹. При этом погребальный ритуал выступает важным маркером выделения различных историко-этнографических зон, являющихся ареалами обитания отдельных племен⁸⁹⁰. Важным является указание на социальные характеристики древнетюркского этно-культурного комплекса: «Исторические источники и археологические данные позволяют, наконец, сделать вывод о наличии у кочевого населения разных историко-культурных зон древнетюркского времени очень значительной и в то же время своеобразной по формам имущественной и социальной дифференциации, а также, по-видимому, об использовании рабского труда (скорее всего — труда военнопленных) в горных работах и строительстве рудовозных дорог»⁸⁹¹. Несколько позже А.Д. Грач прямо писал о «резкой социальной дифференциации, сложении классового общества и государственных форм социальной организации»⁸⁹².

По мнению А.Д. Грача, скотоводство определяло особенности культуры и быта населения древнетюркской культуры⁸⁹³. Среди поставленных им по итогам работ проблем археологи-

⁸⁸⁸ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы ... С. 189. Ср.: *Его же*. Древнетюркская археология в СССР. С. 53.

⁸⁸⁹ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы ... С. 188—189.

⁸⁹⁰ Там же. С. 189—190; Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР. С. 53.

⁸⁹¹ Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы ... С. 192—193.

⁸⁹² Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР. С. 54.

⁸⁹³ Там же. С. 53.

ческого изучения древнетюркского общества важное место занимал «вопрос о необходимости разработки проблем экономики и социального строя (в частности взаимодействия с оседлыми цивилизациями), истории экономических и культурных связей»⁸⁹⁴.

Л.Р. Кызласов подробно остановился на полемике с оппонентом по этому вопросу в монографии 1979 г. Обращаясь еще к работам С.В. Киселева, критиковавшего А.Н. Бернштама за искусственное сведение в единую социальную конструкцию тюрков и кыркызов, Л.Р. Кызласов уподобил им построения А.Д. Грача, взамен предложив стадиальную схему развития регионов Южной Сибири на примере Тувы⁸⁹⁵. Далее он с критикой обрушился на археологов, учеников А.Д. Грача, и филологов за оперирование понятием «древнетюркский» для соответственно «наименования всех древних тюркоязычных племен и народностей и их разнородных культур» и для обозначения языка памятников рунической письменности⁸⁹⁶. По его мнению, «древние тюрки — это та этническая группа, которая сама себя называла народом тюрк (“тюрк будун”), и только культуру этого народа следует называть древнетюркской, а время существования тюркских каганатов в VI—VIII вв. — древнетюркским временем»⁸⁹⁷. При этом Л.Р. Кызласов совершенно верно отмечал, что, «судя по письменным источникам, термин “тюрк” первоначально в V и начале VI в. был самоназванием южных алтайцев», лишь потом «с созданием тюркских каганатов», он, «продолжая сохранять этническое значение... <...>, одновременно стал собирательным политическим термином для всего военного союза племен этого объединения»⁸⁹⁸. Однако, получается, что Л.Р. Кызласов не видел разницы между историческим, этническим и политическим значением термина «тюрк» и условной научной категорией «древнетюркский».

Л.Р. Кызласов вскользь бросил упрек оппонентам в европоцентризме, считая, что «только с европоцентристских позиций все древние тюркоязычные племена являются кочевыми, а их культуры кажутся одинаковыми»⁸⁹⁹, однако, настаивая на стадильности развития, например, населения Тувы, Л.Р. Кызласов, в сущности, сам становился на эти позиции, не различая специфики этно-социальных процессов у кочевнических обществ. Уже в монографическом издании своей диссертации 1956 г. А.А. Гаврилова (1965) оперировала понятиями «тюркский период»⁹⁰⁰, «период тюркского господства»⁹⁰¹, «тюркское время»⁹⁰², тождественными «периоду

⁸⁹⁴ Грач А.Д. Древнетюркская археология в СССР. С. 54.

⁸⁹⁵ Кызласов Л.Р. Древняя Тува ... С. 140—141.

⁸⁹⁶ Там же. С. 141.

⁸⁹⁷ Там же; Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы // Татарская археология. 1997. № 1. Общетюркская и татарская средневековая археология: научные проблемы и достижения. С. 24—25 (то же в кн.: Историческая археология. Традиции и перспективы (К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). М., 1998. С. 343).

⁸⁹⁸ Кызласов Л.Р. Древняя Тува ... С. 141.

⁸⁹⁹ Там же. С. 141; Кызласов Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение ... С. 24—25 (то же в кн.: Историческая археология. Традиции и перспективы ... С. 343).

⁹⁰⁰ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ ... С. 3, 6.

⁹⁰¹ Там же. С. 5.

⁹⁰² Там же. С. 6, 10, 11, 22, 51.

тюркских каганатов»⁹⁰³. Как позже, продолжая эту линию, указывал А.А. Тишкин, конкретную археологическую культуру правильно именовать не «древнетюркской», а именно «тюркской», «поскольку такой этнос существовал только в период раннего средневековья»⁹⁰⁴.

Ю.И. Трифонов уже в 1971 г. относительно «древнетюркского времени» указал, что «терминологически правомерны оба понятия», но «если употреблять это понятие в широком историческом и этнокультурном значении, то период древнетюркского времени должен охватывать VI—X вв. (это — именно древнетюркское время, а не гунно-сарматское или древнемонгольское). Если же применять его в более узком смысле, то есть касательно собственно древних тюрков алтайского происхождения (этническое значение термина) или их истории (политическое), то данный период древнетюркского времени должен распространяться лишь на VI—VIII вв.»⁹⁰⁵.

Дальнейшее развитие эта точка зрения нашла в работах Д.Г. Савинова. Д.Г. Савинов отметил, что предлагаемая исследователями периодизация и выделение соответствующих веков в этнокультурной истории народов Южной Сибири основывается на разных критериях, в частности, А.Д. Грач применял этнокультурный, Л.Р. Кызласов — этнополитический подход, распределяя археологический материал по «периодам существования государственных объединений», однако, эти подходы «не противоречат друг другу, так как освещают разные стороны развития общества и культуры народов Южной Сибири во второй половине I тыс. н.э.»⁹⁰⁶. При этом сам Д.Г. Савинов указывал, что «древнетюркская эпоха — многовековой период в истории народов алтайской языковой семьи, так или иначе связанных с тюркским этногенезом и культурогенезом, игравшими определяющую роль в развитии южносибирских обществ в области экономики (преобладание полукочевого скотоводства), материальной культуры (типы жилищ, одежды, украшений, предметов убранства верхового коня и вооружения), социальных отношений (формы стратификации общества, выделение элитарно-правлящих династий), а также духовной культуры, мифологии, изобразительной деятельности и т.д.», притом что «доминирующую роль в этом процессе играла культура ведущих тюркоязычных этносов, распространяемая как “государственная” культура в среде окраинных обществ-реципиентов»⁹⁰⁷. Исходя из этого, на основе разных критериев, может быть предложена иная периодизация и разбивка на этапы.

⁹⁰³ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ ... С. 104, 106.

⁹⁰⁴ Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. С. 32; *Его же*. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем : исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 185.

⁹⁰⁵ Трифонов Ю.И. Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. 1971. Вып. XV. С. 113.

⁹⁰⁶ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 4—5.

⁹⁰⁷ Там же. С. 5—6.

Однако и Д.Г. Савинов считал, что «образование древнетюркских государственных объединений на определенной стадии социально-экономического развития скотоводческих обществ Центральной Азии и Южной Сибири, так же, как и культуры создавшего их населения, явилось закономерным результатом сложных этносоциальных и этнокультурных процессов, действовавших на протяжении всего I тыс. н.э.»⁹⁰⁸. Д.Г. Савинов характеризовал каганаты древних тюрков как «раннеклассовые государственные образования», которые «обычно складывались как полиэтнические объединения, получавшие название по имени ведущего этноса»⁹⁰⁹. Кроме того, развивая мысль А.Д. Грача, он указал, что поскольку объединения являлись полиэтническими, в их основе лежала определенная иерархия кочевнических групп, строгая система *социально-этнического подчинения* главенствующему этносу, когда выделяются доминирующие историко-культурные центры и окраинные общества реципиенты, а смена одних таких государств другими сводилась лишь к смене этнической элиты при общем сохранении преемственности государственных институтов⁹¹⁰.

Эта система сводилась к следующему: «1) присоединение различных в хозяйственном отношении районов, благодаря чему на внутренний рынок поступали продукты разных культурно-экологических областей, а также рудные запасы, изделия местных промыслов, шкуры диких животных и т.д.; 2) использование природных ресурсов в торговых целях — горные проходы и караванные тропы Южной Сибири, по сути дела, являлись артериями Великого шелкового пути, по которым на внешний рынок поступали пушнина, мамонтовая кость, драгоценные металлы, поделочные камни, мускус и т.д.; 3) привлечение иноплеменников для военных действий, различного рода общественных и домашних работ, совершения ритуальных жертвоприношений и т.д.»⁹¹¹. Д.Г. Савинов указывал, что «именно в этом контексте (конкретный культурно-исторический центр и его периферия) следует рассматривать те историко-культурные процессы, которые обычно определяются как процессы “тюркизации”»⁹¹². В свете этой проблемы интересны наблюдения археолога о цикличном характере периодов бытования у степного насе-

⁹⁰⁸ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири ... С. 7.

⁹⁰⁹ Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов) / авт. колл. : С.А. Арутюнов, Д.В. Деопик, Л.Е. Куббель, Е.М. Медведев, А.И. Першиц, Д.Г. Савинов, Ю.Б. Симченко, Л.А. Файнберг, А.М. Хазанов, М.А. Членов ; отв. ред. А.И. Першиц, А.М. Хазанов. М., 1978. С. 138.

⁹¹⁰ Савинов Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. конф. Омск, 1979. С. 41—45; *Его же*. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири : тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. (15—17 нояб. 1988 г.). Новосибирск, 1988. Вып. 1. Досоветский период. С. 83—84.

⁹¹¹ Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения ... С. 84.

⁹¹² Там же. С. 84.

ления нескольких традиций материальной культуры, что может быть связано со сменой доминирования того или иного этноса в степи и его культурных традиций⁹¹³.

Продолжая эту линию, П.П. Азбелев отметил, что подчинение одних этносов другому сопровождается заимствованием ими элементов его материальной культуры, что, в частности относится к социально значимым предметам (поясам, сбруе), при этом без каких-либо существенных изменений в обрядности⁹¹⁴. Развивая эту мысль на примере конкретного материала, ученый писал так о «государственной культуре Первого каганата»⁹¹⁵.

Полемика Л.Р. Кызласова с А.Д. Грачом значима в том плане, что демонстрирует несостоятельность марксистской методологии в решении проблем социально-экономических процессов в кочевническом обществе в связи с его спецификой. Таким образом, археологам уже к началу 60-х гг. XX в. становилась понятной сложность процессов социальных трансформаций древнетюркских обществ и их неразрывной связи с процессами этногенетическими, что, в частности выразилось в гипотезе Д.Г. Савинова. Это хорошо коррелировалось с разработками этнографов.

В 1980 г. в своей статье «Могулы», так и оставшейся неоконченной и неопубликованной при его жизни, казахстанский востоковед В.П. Юдин писал: «Между тем давно уже установлено, что история народа и история этнонима нередко не совпадают и представляют собой две независимо развивающиеся линии.

Достаточно хорошо установлено существование так называемых “кочующих” этнонимов. Такие этнонимы по каким-то конкретным историческим причинам присваиваются некоторым этническим коллективам, никогда не обозначавшимся прежде этими этнонимами и никакого отношения к коллективам, носившим их в действительности, не имевшим. Примеров тому немало...»⁹¹⁶.

Приводя в пример наименования *сюнну*, *тюрк*, *уйгур* и др., ученый отмечал: «Эти этнонимы служили обозначением племени или группы племен, которые, покорив многочисленные племена и создав кочевое объединение, передавали всем таким племенам свое имя. Поэтому историческая наука и сталкивается с такими фактами в истории кочевников Азии, когда огромный прежде народ внезапно “исчезает”, а вместо него, так же внезапно, “появляется” новый огромный, может быть даже более многочисленный народ.

⁹¹³ Савинов Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 17—18.

⁹¹⁴ Азбелев П.П. К интерпретации заимствования ремесленных традиций в среде центральноазиатских кочевников (I тыс. н.э.) // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1988. С. 75—76.

⁹¹⁵ Азбелев П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. Вып. 3. С. 92.

⁹¹⁶ Юдин В.П. Могулы // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. С. 118.

Сущность этих “рождений” и “смерти” народов давно уже вскрыта историками: погибали и возникали не народы, а рушились старые кочевые державы, а на их месте возникали новые. Племя, которое ранее господствовало в таком кочевом объединении или державе, теряло свои политические позиции, далеко уходило, спасаясь бегством, или, редко, истреблялось. В таких случаях этноним, которым обозначалось все население всего объединения, сохранялся только для обозначения того племени, прежде господствовавшего, которому он, собственно, и принадлежал. Все остальные племена вновь начинали называться своими древними именами. Они как бы воскресали. Так возникала иллюзия гибели и возникновения больших народов.

Но иногда, когда господство племени над другими племенами было продолжительным, имя господствовавшего племени продолжало еще довольно долго жить, став общим наименованием целого ряда племен, прежде не имевших никакого отношения к племени, давшему им это новое имя.

Иногда такое название несколько меняло свое содержание. Так было, например, с этнонимом “тюрк”, который в качестве этнонима первоначально служил названием небольшого племени. В период Тюркских каганатов тюрками стала называться огромная масса племен. После гибели каганатов этноним “тюрк” не исчез. Но он изменил свое содержание. Слово “тюрк” стало обозначать лингвистическую принадлежность племен, говоривших на языках особого типа, но имевших свои собственные этнические обозначения и нередко входивших в более крупные объединения племен, имевшие также особые названия»⁹¹⁷.

Однако то, что, по мнению В.П. Юдина, было «давно уже вскрыто историками», не нашло отражения в советской историографии, хотя, по сути, это то, о чем говорил Н.Я. Бичурин и то, на что позже обращал внимание А.С. Букшпан. Противопоставлена этой концепции может быть следующая формулировка Ф.С. Фасеева, исходившего, по всей видимости, из работ А.Н. Бернштама: «население каганатов состояло из многочисленных родо-племенных группировок, ибо патриархально-родовой уклад у тюрков-тюркутов продолжал сохраняться за счет включения новых племен и не успел перестроиться на основе территориально-государственного феодального базиса, что и невозможно при кочевом хозяйстве и слабости общественных институтов. Отсюда, дифференциация родо-племенных континуумов превалировала над их интеграцией и поэтому же ни в первом, ни при втором каганатах этноисторические процессы не дошли до своего логического завершения и образования общей народности»⁹¹⁸.

⁹¹⁷ Юдин В.П. Могулы. С. 125—126.

⁹¹⁸ Фасеев Ф.С. Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 146.

Однако в этот же период в работах этнографов встречаются прогрессивные выводы, полученные на конкретных материалах.

Специализировавшийся на изучении башкир, Р.Г. Кузеев обратил внимание на отсутствие четкого разграничения в понятиях «этнический» и «родо-племенной» состав в историко-этнографических исследованиях по народам Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Он отметил факт вливания в состав народов инородных групп населения, принимавших «традиционные формы родо-племенных организаций», и считал это, прежде всего, этническим процессом⁹¹⁹. Уже в 1957 г. Р.Г. Кузеев указал, что общей особенностью родо-племенной организации кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы была многостепенность (в более поздней редакции — многоступенчатость) их родо-племенной структуры⁹²⁰. Вместе с тем, он указал, что многие подразделения по мере того, как они теряли значение в общественной и экономической жизни башкир, исчезали, стирались⁹²¹. При этом потерявшие значение в общественной жизни родовые подразделения утрачивали и старую терминологию, а новая не отражала былую общественную значимость этих организаций, а лишь намекала на существование между определенной группой семей экономических и социальных связей⁹²².

Чуть позже Р.Г. Кузеев отмечал, что «разработка структуры родо-племенных организаций упомянутых народов по “полной схеме” (от высших звеньев до низших) создает многоступенчатую генеалогию с иерархической соподчиненностью включенных в нее родственных образований различного порядка. Однако в новое время родо-племенная иерархия и сама генеалогическая структура организации общества были не более чем идеологической надстройкой, отражающей былые генетические и политические связи, а также процессы этнической консолидации народа или его составных частей. В XVII—XIX вв. реальное значение имели лишь те звенья родо-племенной структуры, которые сохраняли определенные функции в общественной жизни»⁹²³. Ученый отмечал также относительность применяемой по отношению к этим структурным единицам терминологии⁹²⁴.

В целом, он писал: «...Можно сделать вывод, что даже комплекс признаков не может служить ориентиром для точного определения границ той или иной родо-племенной организации, в частности рода или племени. Это не находится в зависимости от недостатка материалов, а является особенностью многостепенной родо-племенной структуры башкир, особенностью, которая была характерна не только в XVIII в., но и в течение длительного времени, по крайней

⁹¹⁹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 13 прим. 5.

⁹²⁰ Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв. С. 27; *Его же*. Происхождение башкирского народа ... С. 62.

⁹²¹ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 30, 31.

⁹²² Там же. С. 37.

⁹²³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ... С. 64.

⁹²⁴ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 38.

мере нескольких столетий. Следовательно, когда мы применительно к родоплеменным организациям башкир (ырау, тюба, аймак) используем общепринятые в литературе термины “племя”, “род”, то, в известной степени, делаем это условно, подводя их родо-племенную структуру под рамку, схему былой родо-племенной системы классических народов... <...> У скотоводческих народов, в данном случае у башкир, существовала несколько иная, чем у древних земледельческих народов, многостепенная родо-племенная организация, хотя, в конечном счете, также основанная на принципе родства. Башкиры имели родо-племенную структуру, отличающуюся непостоянством, изменчивостью своих организаций, которая во многих случаях не позволяет установить границы между племенем и родом. Относя те или иные родо-племенные организации башкир под рубрику племя, род, мы руководствовались различными признаками: особенностями этнической истории данной родо-племенной организации, численностью ее членов, сложностью ее внутренней структуры и т.д., сознавая при этом известную условность принятой нами терминологии. Когда речь идет об условности терминов “племя”, “род” по отношению к родо-племенным организациям башкир, мы имеем в виду еще одно обстоятельство: постоянное движение и изменение родо-племенной структуры. Та организация, которую мы в XVIII в. называли племенем (ырыу), в более ранние времена могла выступать как тюба (род) и наоборот. Это движение и изменение звеньев родо-племенной структуры находилось и в зависимости от характера исторического процесса, который пережили кочевники еще с первых веков нашей эры»⁹²⁵. Надо заметить, что наблюдения Р.Г. Кузеева, высказанные еще в первой редакции его работы, получили высокую оценку Д. Немета⁹²⁶.

Однако, рассматривая на примере башкир процесс сегментации родов, в рамках которых происходило обособление близкородственных семей, разраставшихся позже и обретавших «форму и юридические функции новых родовых подразделений», Р.Г. Кузеев находил социально-экономическую основу этих процессов в «специфике кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства, условия которого требовали строгой регламентации количества скота, который можно было содержать на определенной территории». При этом «обособившиеся подразделения получают собственные, обычно патронимические, названия по имени одного из предков»⁹²⁷.

Он же обратил внимание на текучесть социальной организации: «Если родо-племенная структура башкир (и равно других народов) фиксировалась в процессе сегментации старого родового подразделения и выделения из него новых, то количество звеньев в структуре увеличивалось на одно или два звена. Эти ячейки на низших звеньях родо-племенной структуры иссле-

⁹²⁵ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 42—43.

⁹²⁶ Németh Gy. A honfoglaló Magyarorság kialakulása. 26. o.

⁹²⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ... С. 65.

дователи (стремясь как-то отличить их друг от друга) обозначают по-разному: подрод, ответвление рода, подразделение рода, родовое подразделение, мелкое родовое подразделение, семейно-родственная группа, патронимия и т. п., хотя, конечно, отработанной типологической классификации характеризуемых организаций не существует. Видимо, четкая классификация и невозможна, так как при показанной подвижности звеньев в многоступенчатой структуре родо-племенной организации всегда существовала вероятность возникновения новых звеньев или перехода одного звена в другое. Иначе говоря, вся родо-племенная структура башкир находилась в постоянном, хотя и очень медленном, движении»⁹²⁸. Ср. в более раннем варианте: «...звенья родо-племенной структуры кочевых скотоводческих народов находились в постоянном, хотя и очень медленном движении»⁹²⁹.

При постоянной сегментации единиц родо-племенной структуры выделившиеся дочерние единицы, обычно уровня семейно-родственных групп, находясь некоторое время в иерархически подчиненном состоянии, впоследствии выделяются в «самостоятельную пастбищно-кочевую группу с обособленным поселением, с собственными маршрутами кочевков, своим кладбищем, соответствующим образом измененной тамгой, традициями взаимопомощи и т.д.», превращаясь в самостоятельную часть рода, но уже не материнского подразделения, сохраняя с ним лишь генеалогическую связь, и будучи связанным с другими родовыми подразделениями в рамках рода соответственно механизму патронимии⁹³⁰. Развивая выводы С.М. Абрамзона, Р.Г. Кузеев указывал, что «сегментация могла ускоряться или напротив сдерживаться событиями политического характера»⁹³¹.

Таким образом, он приходит к выводу, что «племенные организации в составе тюркских народов... <...> могут быть различного типа», в частности: (1) сложившиеся в результате естественного развития генеалогической структуры, «организации которых образовались в результате генеалогической сегментации родительских ячеек»; (2) объединенные на основе группировки родовых организаций вокруг мощного племенного образования, не родственного его родам, но связанных с ними ввиду определенных исторических и политических факторов; (3) образующие союз родовых организаций, неродственных по происхождению, отколовшихся в силу тех или иных причин прежде от разных племенных образований; (4) не имеющие внутренней родовой структуры, но являющиеся самостоятельными по происхождению этническими образованиями с собственной структурой⁹³².

⁹²⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ... С. 67.

⁹²⁹ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 29.

⁹³⁰ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа ... С. 67—68.

⁹³¹ Там же. С. 69.

⁹³² Там же. С. 69—70.

В истории кочевников народ в традиционном понимании не может быть субъектом исторического процесса. Кочевническое общество было слишком сегментировано, чтобы создать основу для устойчивой этнической группировки, и обусловлено это было именно особенностями социальных процессов. Однако для изучения этих особенностей необходимо было обратиться к исследованиям социальной организации, сводящимся к анализу социальной терминологии. Но здесь вставал ряд проблем.

Как отмечали в совместной статье этнографы С.М. Абрамзон и Л.П. Потапов, «необходимо учитывать, что родоплеменная структура у многих народов не была стабильной. Ее подвижность находила отражение и в самой терминологии, применявшейся к понятию “племя” и его подразделениям — “род”, “подрод” и т.п. Нередко одним и тем же термином обозначались и племя, и род или их подразделения. Иногда для одной и той же этнической общности употреблялись различные термины, как собственно тюркские, так и заимствованные из других языков (арабского, иранских, монгольских)»⁹³³.

А.И. Першицу и А.М. Хазанову удалось наиболее четко показать такую особенность общественной организации кочевников как многоступенчатость и иерархичность, а также неустойчивость и текучесть ее структуры⁹³⁴.

Как правильно указывал А.М. Хазанов (правда, будучи уже в США), «...вслед за многими наблюдателями и учеными можно отметить, что социально-политическая структура наиболее развитых кочевых обществ евразийских степей, Ближнего и Среднего Востока приобретает вид приблизительно следующей схемы: семья — линидж или линиджи различной генеалогической глубины — род — секция или секции — племя — племенная конфедерация. Но подобная модель является скорее грудой кирпичей, чем построенным зданием и едва ли много приближает нас к пониманию кочевого общества.

<...> ...Сами кочевники, прекрасно сознавая многоступенчатость и иерархичность своей социальной структуры, тем не менее пользуются для обозначения соответствующих звеньев (сегментов) весьма недифференцированной терминологией, и отчасти это связано с их неполной функциональной дифференцированностью и изменчивостью»⁹³⁵.

Аналогично невозможность создания универсальной системы классификации терминологии социальных единиц отмечали Р.Г. Кузеев⁹³⁶ и Г.Е. Марков⁹³⁷. Наблюдения Р.Г. Кузеева

⁹³³ Абрамзон С.М., Потапов Л.П. Народная этногония ... С. 33.

⁹³⁴ Першицу А.И., Хазанов А.М. Община у кочевых скотоводов // Народы Азии и Африки. 1979. № 2. С. 51—60; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. 2-nd ed. Madison, 1994. P. 119—123; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 218—221.

⁹³⁵ Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. P. 121—122. Цит. по: Хазанов А.М. Кочевники и Внешний мир. С. 218—219.

⁹³⁶ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 38; Его же. Происхождение башкирского народа ... С. 70.

⁹³⁷ Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // Советская этнография. 1981. № 4. С. 89, 90.

важны тем, что он на конкретном источниковом материале показал вариативность применения одной и той же терминологии у различных подразделений одного народа в один и тот же период в зависимости от района проживания и специфики исторической ситуации⁹³⁸.

Эти важные аспекты, к сожалению, до сих пор остаются проблемными в истории как кочевников в целом, так и древних тюрков в частности.

Как можно увидеть, с 60-х гг. XX в. в советской историографии под оболочкой марксистской методологии, тем не менее, развивались очень прогрессивные идеи, в т.ч. подпитываемые расширением базы конкретного источникового материала, хотя диктатура марксистской парадигмы, безусловно, ограничивала возможности исследователей и тормозила развитие изучения кочевнических обществ, в т.ч. древнетюркского.

⁹³⁸ Кузеев Р.Г. Очерки ... Ч. 1. С. 32—38; *Его же*. Происхождение башкирского народа ... С. 71.

Глава 3. СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ И МЕХАНИЗМОВ ВЛАСТИ

Большое влияние на современные исследования кочевников оказала концепция американского антрополога Т.Дж. Барфилда, в основе которой лежали разработки О. Латтимора и А.М. Хазанова о взаимодействии кочевнических и оседло-земледельческих обществ⁹³⁹.

В современной историографии, в основном, возобладала выдвинутая А.М. Хазановым точка зрения о внешних факторах развития политических институтов и сложения кочевнической государственности, направленной на эксплуатацию оседло-земледельческих народов⁹⁴⁰. При этом сами кочевники государственного уровня не достигают, классифицируясь как «вождество»⁹⁴¹. А.М. Хазанов дал беглую трактовку общественным отношениям в Тюркском каганате⁹⁴².

Исследователь отмечает, что «ведущей формой отношений, установившихся между победителями и побежденными» в каганате «были различные виды вассально-даннической зависимости»⁹⁴³. При этом «вассальные» кочевнические образования должны были платить дань и участвовать в войнах, при этом «нередко их посылали вперед, потому что меньше жалели»⁹⁴⁴ (очевидно, взято у Л.Н. Гумилева). Что касается завоеванных оседлых территорий, то там сидели *тудуны*, собиравшие, по мнению А.М. Хазанова, «фиксированные подати» [??? — *Авт.*]⁹⁴⁵.

Каган и аристократия обладали, прежде всего, военно-организаторскими функциями, при этом «известно [??? — *Авт.*], что они ведали распределением пастбищ, особенно на завоеванных территориях», а каганы «отправляли еще сакральные функции»⁹⁴⁶. Каганы больше всего

⁹³⁹ Несмотря на то, что работы А.М. Хазанова и Т.Дж. Барфилда были изданы соответственно в 1984 и 1992 г. (хотя впервые Т.Дж. Барфилд озвучил свою позицию в статье 1981 г. о хуннуской конфедерации, см.: *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001. С. 29), мы упоминаем их здесь, поскольку они оказали значительное влияние на современную историографию кочевничества.

⁹⁴⁰ *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир.

⁹⁴¹ *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 164—169; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 279—285.

⁹⁴² *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 255—257; *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 397—400.

⁹⁴³ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 397; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 255.

⁹⁴⁴ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 398; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 255.

⁹⁴⁵ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 398; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 255.

⁹⁴⁶ *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 398; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 255.

боялись откочевок отдельных групп на другие территории, что означало выход из-под их власти, и именно от этого каган предостерегает тюрков, призывая их оставаться в Өтүкәне [КТ, Хб, 4—6 = БК, Хб, 3—7]⁹⁴⁷. А.М. Хазанов отмечал также, что «классом тюркская аристократия была лишь по отношению к покоренным странам и народам», собственном эле оставаясь «руководящим сословием»⁹⁴⁸, поскольку «грань между руководящим сословием и господствующим классом в древнетюркских кочевых государствах была подвижной», во многом, однако, зависев от «внешнеполитической ситуации и количества доходов, извлекаемых с покоренных оседлых областей и народов»⁹⁴⁹. При этом в системе самих кочевников А-ши-на им характеризуется как «сословие», выделившееся из генеалогической структуры древнетюркских племен, подобно «белой кости» у монголов или казахов⁹⁵⁰.

А.М. Хазанов полагает, что для первого Тюркского каганата «важнейшую роль играли взаимоотношения с Китаем»⁹⁵¹. Тюрки грабили или выкачивали дань с ослабевшего Китая. Но Се-ли каган, испытывая нужду в средствах, будучи не в силах «покрыть своих расходов за счет внешних поступлений... <...> по сведениям китайских источников, обложил племена высокими налогами», из-за чего они взбунтовались⁹⁵². Восточные тюрки Второго каганата сумели «извлечь урок» из этой истории. Здесь, как прежде хунны и позже монголы, «тюркская аристократия стремилась к созданию земледельческого и ремесленного укладов в своем обществе», но делали это при помощи поощрения «добровольного создания на своей территории больших согдийских колоний, занимавшихся земледелием, ремеслом, торговлей и даже основывавших города»⁹⁵³. Это было еще при Первом каганате: согдийцы помогали сбывать военную добычу и продукты дани, тюрки — обеспечивали безопасность торговых путей и открывали новые рынки. «Сложилась ситуация, которой не было ни в предшествующих, ни в последующих кочевых государствах в степях Евразии», — отмечает А.М. Хазанов. «Однако, когда каган Хели стал противопоставлять своих согдийских советников — сторонников [??? — *Авт.*] продолжения войн с Китаем — собственной аристократии, ничего хорошего из этого у него не вышло»⁹⁵⁴. Западные тюрки шли по этому же пути, при том оседлое население начинало отюречиваться, а сами тюрки поселяться в городах; лишь арабское завоевание прервало этот процесс⁹⁵⁵.

⁹⁴⁷ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 398; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 255—256.

⁹⁴⁸ На это замечание обратил также внимание П.Б. Голден (*Golden P.B. An Introduction ... P. 148 note 198*).

⁹⁴⁹ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 398; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 256.

⁹⁵⁰ *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 146; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 254.

⁹⁵¹ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 399; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 256.

⁹⁵² Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 399; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 256.

⁹⁵³ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 399; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 256.

⁹⁵⁴ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 399—400; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 256—257.

⁹⁵⁵ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 400; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 257.

Т.Дж. Барфилд обратился к другой стороне отношений кочевников с оседлым миром⁹⁵⁶. Основной тезис в исследованиях Т.Дж. Барфилда заключался в том, что уровень централизации кочевнического общества симметричен уровню могущества соседнего ему оседло-земледельческого государства⁹⁵⁷. Целую главу в своей книге он выделил для каганатов древнетюркской эпохи⁹⁵⁸. Однако поскольку прежде ученый исследовал хуннов, тенденция сравнения с ними других обществ проходит через всю книгу.

По мнению Т.Дж. Барфилда, кочевнические государства представляли собой *имперские конфедерации*, «автократические и государствовподобные во внешней и военной политике, но придерживавшиеся принципов совещательности и федерализма во внутренних делах». Они имели трехуровневую административную иерархию: (1) имперский лидер и его двор; (2) имперские наместники, назначаемые для контроля над племенами, входящими в империю; (3) местные племенные вожди. Таким образом, государственная структура не подменяла племенную структуру на местном уровне⁹⁵⁹. Т.Дж. Барфилд исходил из того, что «кочевые конфедерации имперского типа» возникали лишь при контакте с экономикой Китая. Они использовали демонстрацию силы, чтобы заключить договор об открытии рынков или выплаты дани Китаем. Притом они настолько зависели от китайских субсидий, что всячески стремились поддерживать династию, с которой установили подобные отношения: именно поэтому, например, уйгуры отправили в Китай войска на подавление восстания Ань Лу-шаня, ибо «могущественные кочевые империи возникали и рушились вместе с национальными династиями в Китае»⁹⁶⁰. Так, «во время падения Суй и возвышения Тан тюрки не предпринимали попыток захвата Китая, а, напротив, поддерживали различных китайских претендентов на имперский престол. Когда Танская династия начала клониться к упадку, она не могла справиться с внутренними восстаниями и стала призывать на помощь кочевников, чтобы подавлять бунты. Например, уйгуры в середине VIII в. подавили восстание Ань Лу-шаня, продлив существование Тан еще на столетие. После того как уйгуры пали жертвами атаки кыргызов в 840 г., в центральных степях начался период анархии. Династия Тан была уничтожена следующим большим восстанием в Китае»⁹⁶¹.

Что касается внутренней структуры, Т.Дж. Барфилд, вслед за Л. Крэдером, придерживался понимания семей или кочевых групп как основных социальных единиц кочевников, для взаимодействий с внешним миром объединявшихся в модели конического клана, иерархизиро-

⁹⁵⁶ Как пишет он сам, А.М. Хазанов «сфокусировал свое внимание прежде всего на отношениях, порожденных завоеванием кочевыми народами областей с оседлым населением, в которых кочевники превращались в правящую элиту общества смешанного типа», притом что «многие кочевые государства устанавливали и поддерживали такие асимметричные отношения и без завоевания территорий с оседлым населением» (*Барфилд Т.Дж.* Опасная граница ... С. 42).

⁹⁵⁷ Там же. С. 44—45, 50—53.

⁹⁵⁸ Там же. С. 212—238.

⁹⁵⁹ Там же. С. 43.

⁹⁶⁰ Там же. С. 44.

⁹⁶¹ Там же. С. 52. Ср.: «Конец уйгуров стал предвестником заката самой Тан» (Там же. С. 257).

ванной патрилинейной организации⁹⁶². Тюркская империя также была организована по типу имперской конфедерации, как и у хуннов, состояв из трех основных уровней: «1) имперское правительство и чиновники двора, 2) имперские чиновники для управления племенами на всей территории империи и 3) наследственные племенные вожди, ведавшие вопросами местного самоуправления». Высшим титулом был титул кагана, могущий иногда носиться одновременно несколькими лицами, при этом «старший каган» назначал малым каганам в управление различные части империи. «Официальный наследник» носил титул *йабгу*⁹⁶³. Титул *шад* носили имперские наместники, вместе с *йабгу* управляя подвластными племенами. Эти титулы распределялись между сыновьями, братьями и дядьями кагана, т.е. членами правящего клана, именовавшимися *тегинами* (принцами). Подвластные же племена имели собственных правителей — *бегов*, наиболее могущественные из них именовались *эльтеберами*, менее могущественные — *иркинами*, но все они подчинялись одному из наместников. Вся совокупность этих племен была разделена на восточное и западное крылья — *Толис*⁹⁶⁴ и *Тардуш*. Над племенами, которыми тюрки не управляли непосредственно, или находившимися в большом отдалении, ставились *тудуны* для взимания дани и контроля. Всего было 28 передававшихся по наследству званий⁹⁶⁵.

Т.Дж. Барфилду принадлежит следующее спорное утверждение: «Тюркская империя, судя по имеющимся данным, была не столь централизована, как империя сунну. Готовность кагана назначать малых каганов, которые часто вели себя независимо, приводила к раздробленности государственной структуры и ограничивала власть старшего кагана. Тюрки не имели десятичной системы военной организации (темники, тысячники и т.д.), и их каган обладал меньшей властью над своими подчиненными, чем шаньюй сунну»⁹⁶⁶. Откуда такие выводы, неясно.

Изначально «для тюрков установление связей с Китаем после атаки на жуаньжуаней стало приоритетной задачей»⁹⁶⁷. Возвысившись за счет военной мощи, тюрки сразу начали обеспечивать себе субсидии от китайских государств. «Основным фактором, способствовавшим интеграции Тюркской империи в единое целое», Т.Дж. Барфилд видит торговлю шелком, поскольку «восточные тюрки получали шелк от Китая, а западные продавали его в Иран и Византию». При этом «мощная политическая поддержка на местах» делала и тех и других фактически неза-

⁹⁶² Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 70—72. Основной социальной единицей в степи он отмечал большую семью, хотя признавал, что из-за внутренней нестабильности кочевых групп ее было сложно сохранять (Там же. С. 67, 68). Судя по упоминанию «малых семей» и «больших семей» (Там же. С. 71), в этот вопрос он не вдавался.

⁹⁶³ При этом ученый отмечает, что «до возникновения тюркской империи этот титул, похоже, был самым высоким, поскольку туцзюэ впервые обрели могущество под предводительством “великого ябгу”, еще находясь в составе империи жуаньжуаней» (Там же. С. 214). М.Р. Дромпп, опирающийся на оригинальные китайские тексты, отметил это заблуждение (*Drompp M.R. Supernumerary Sovereigns ...* P. 94, 108 note 11).

⁹⁶⁴ Похоже, Т.Дж. Барфилд также отождествлял этих Толис с племенами *те-лэ*, поскольку пишет далее о восстании «Племен Толис» (Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 221).

⁹⁶⁵ Там же. С. 214.

⁹⁶⁶ Там же. С. 214—215.

⁹⁶⁷ Там же. С. 255—256.

висимыми друг от друга; хорошие отношения между ними держались лишь из-за существования тесной родственной связи, ослабшей уже при преемниках основателей каганата, что вылилось в усобицу. Ее причины, как и у хуннов, ученый видит «в трудности управления политической системой, в которой наследование по боковой линии было нормой», ввиду невозможности найти способ исключения тех или иных лиц из числа наследников. По мнению Т.Дж. Барфилда, «в отличие от сюнну у тюрков не было строгой иерархии званий, которая определяла бы основного претендента на престол в случае смерти всех братьев из одного поколения», поэтому обеспечить наследование было возможно лишь при помощи силы⁹⁶⁸. Так, Тарду отказался признать права на престол за наследниками То-бо кагана; являясь старшим представителем своего поколения, он занимал более высокое положение, чем сыновья его двоюродных братьев, он мог претендовать на высший титул. «Это была прекрасная возможность для могущественного Западного каганата пересмотреть порядок наследования, установленный в период основания империи», т.к. «на руку Тарду играли и трудности, с которыми сталкивались восточные тюрки при передаче власти новому поколению правителей»⁹⁶⁹. Там же система наследования от старшего к младшему работала до смерти всех сыновей Ту-мэня, пока не наступил черед нового поколения, представители которого, будучи двоюродными братьями, имели меньше близости и связи между собой, но каждый из них был сыном кагана. «Как только власть переходила к новому поколению, представители всех ветвей родственников, кроме победившей, навсегда лишались возможности наследовать престол в будущем», — отмечает Т.Дж. Барфилд. В теоретически идеальную систему вмешались политические события: «самый старший из мужчин младшего поколения часто был сыном кагана, умершего многие десятилетия назад, в то время как сыновья недавно правивших каганов были ближе к реальной власти и могли использовать политических союзников отцов в собственной борьбе». Таким образом, именно факт «раскола в среде тюркской знати» стал причиной внезапного упадка Первой Тюркской империи в зените ее военной и экономической мощи⁹⁷⁰. В другом месте ученый пишет: «Тюрки гораздо чаще, чем сюнну, развязывали междоусобные войны. Это было связано с наличием большого числа потенциальных наследников и необходимостью устранять претендентов по боковой линии силой»⁹⁷¹.

Обращаясь к временам кагана Се-ли, Т.Дж. Барфилд пишет, что все его набеги, «несомненно», имели одну конечную цель — «заключение с Тан мирного договора для получения

⁹⁶⁸ Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 215. Спорность подобной интерпретации событий отметил уже М.Р. Дромпп (*Drompp M.R. Supernumerary Sovereigns ... P. 101, 113 note 52*).

⁹⁶⁹ Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 216.

⁹⁷⁰ Там же. С. 216—217, об этой борьбе см. до с. 221.

⁹⁷¹ Там же. С. 222. Далее, писав о возможности устранения потенциальных наследников лишь физически, он проводит параллель с Османской империей: «Междоусобная война стала чрезвычайно распространенным явлением, поскольку в обществе, где было разрешено многоженство, число потенциальных наследников обычно оказывалось весьма большим».

субсидий и развития торговли», при этом каган имел достаточно сил для этого, но, «как и прежде, даже если тюрки находились на вершине своего могущества, их превосходство неизменно рушилось из-за борьбы за престол»⁹⁷². Речь идет о повзрослевшем «представителе старшей генеалогической линии», сыне старшего брата Се-ли, — Ши-би кагана, — Ши-бо-би, получившего от дяди титул Ту-ли каган лишь, по мнению Т.Дж. Барфилда, в знак признания его прав на престол, т.к. «тюрки никогда не могли прийти к согласию относительно того, кто имел больше прав унаследовать престол — сыновья или братья». По-видимому, аргументом в пользу такого взгляда на этот факт ученый считает то, что «при этом Хэли не дал никому из прочих претендентов звание выше шада», и, по мнению ученого, «такой способ решения проблемы был традиционным»⁹⁷³. В этом плане Уйгурская империя оказалась успешнее, чем Тюркская, потому что уйгуры придерживались линейного порядка наследования, поэтому «подобно аристократии сунну, уйгурская знать оставалась единой и предотвращала все попытки племен, входивших в империю, отделиться от центра», и империя не знала междоусобных войн⁹⁷⁴.

Ниже Т.Дж. Барфилд отмечает, что «большое число набегов на Китай со стороны Хэли возможно было вызвано необходимостью консолидации власти в степи», поскольку «успешные набеги приносили добычу племенным лидерам империи и занимали их войной с внешним врагом»⁹⁷⁵. Падению Первой Тюркской империи способствовала совокупность обстоятельств: восстание подвластных племен, ссора Се-ли с Ши-бо-би, снегопады и падеж скота в степи, и восстание Ши-бо-би, развязавшего гражданскую войну. Ши-бо-би был поддержан многими тюрками, т.к. каган передал большую часть руководящих должностей иноземцам, бывших, «вероятно», согдийцами, «которые стремились руководить ею как оседлым государством». Это, во-первых, оставило без правящих должностей родственников кагана, во-вторых, «советники кагана, по-видимому, пытались ввести принцип регулярного налогообложения кочевников», став

⁹⁷² Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 228.

⁹⁷³ Там же. С. 229.

⁹⁷⁴ Там же. С. 245, 246. Ниже Т.Дж. Барфилд пишет: «Стремление к стабильности со всей очевидностью проявилось в государственной политике империи. На смену междоусобным войнам в борьбе за власть пришла практика спланированных убийств, и число потенциальных претендентов на престол значительно уменьшилось», основываясь при этом также на вольной трактовке древнеуйгурской политической истории: «В Первой и Второй Тюркских империях борьба за власть начиналась после смерти кагана и приводила к междоусобной войне. У уйгуров политическое противостояние чаще всего заканчивалось убийством правящего кагана соперником, который сменял его на престоле. Например, Тунь убил своего двоюродного брата Идицзяня, который находился у власти в течение 20 лет, а затем убил всех членов его рода, чтобы обезопасить свою власть. Несмотря на подобную жестокость, уйгурская знать не разделилась на противоборствующие группы и империя сохранила единство. Империя не раскололась и тогда, когда боролись друг с другом за престол сыновья самого Туня. Хотя передача власти у уйгуров часто сопровождалась насилием, у них не было междоусобных войн даже в период смены династий в 795 г.» (Там же. С. 246). На эту мысль Т.Дж. Барфилда обратил внимание также П.Б. Голден (*Golden P.B. An Introduction ... P. 169*).

⁹⁷⁵ Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 229.

взимать с них налоги в период бескормицы в степи. Таким образом, возмущены правлением Сели оказались все слои населения, что привело к восстанию⁹⁷⁶.

Говоря о временах кагана Мо-чжо, ученый писал, что его походы имели целью исключительно добиться уступок от Китая, при этом «чем неустойчивей становилось положение династии в Китае, тем сговорчивее она была», и «поэтому тюркские набеги обычно совпадали с периодами усиления власти в Китае, когда танский двор отказывался удовлетворять требования тюрков», ведь «при ослаблении власти число нападений уменьшалось, поскольку претенденты на престол стремились умиротворить тюркского кагана, уступая его требованиям».

По мнению Т.Дж. Барфилда, сами тюрки осознавали сущность этих взаимоотношений, о чем Бильге каган, указав «на важность эксплуатации Китая на расстоянии и опасность чрезмерного приближения к китайской границе», выбил слова на камне [КТ, Хб, 4—6 = БК, Хб, 3—7]⁹⁷⁷. Вскользь ученый, говоря о том, что «идея создания в степи городов не была изобретением уйгуров», отмечал и то обстоятельство, что «тюркский каган Могилян хотел основать город, но его отговорили». Он раскрывает эту мысль так: «Когда Могилян предложил основать тюркский город, Тоньюкук сказал ему, что это создаст угрозу для существования государства тюрков, которое опиралось на мобильность кочевников. Как кочевники, тюрки всегда были готовы к маневру, но, превратившись в защитников стационарных укреплений, они могли быть уничтожены одним сокрушительным ударом», как это потом случилось с уйгурами, а не из-за того, «что они стали худшими, чем прежде, воинами»⁹⁷⁸. Уйгуры, по мнению Т.Дж. Барфилда, имели такую же титулатуру и политическую организацию, как и тюрки, но более устойчивую политическую структуру, и «они являлись создателями более высокой цивилизации»⁹⁷⁹. Но, как и тюрки, они стремились контролировать торговлю шелком⁹⁸⁰.

Как видно, обе работы содержат ряд оригинальных и полезных замечаний, определенных применением общих эмпирических наблюдений на конкретный материал, однако незнание источников порой приводит к достаточно досадным фактическим неточностям. Вместе с тем, надо признать, Т.Дж. Барфилдом, действительно, была предложена теория, объясняющая *механизм возникновения* кочевой империи, чего нет у А.М. Хазанова⁹⁸¹.

Важным исследованием в этом плане является книга С. Жагчида и В.Дж. Симонса, посвященная подробному рассмотрению различных форм взаимоотношений исторических кочевнических народов с Китаем на основе конкретно-исторического материала. Ученые исходили из

⁹⁷⁶ Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 231—232.

⁹⁷⁷ Там же. С. 236.

⁹⁷⁸ Там же. С. 251.

⁹⁷⁹ Там же. С. 239.

⁹⁸⁰ Там же. С. 240.

⁹⁸¹ Работа А.М. Хазанова содержит на этот счет лишь довольно общее высказывание (См.: *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 233—234; *Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир*. С. 369).

мнения, что кочевники зависели от продукции оседло-земледельческих народов и стремились к ее мирному получению путем торговли, и лишь в крайних случаях вынуждены были совершать набеги⁹⁸². Оседлые государства видели эту зависимость и использовали ее в основе механизма влияния на кочевых соседей в политических интересах, в то время как кочевники были заинтересованы в постоянном притоке продукции. Вся история этих отношений — это история борьбы и временных периодов баланса двух тенденций: в периоды усиления оседлых государств последние использовали кочевников в своих интересах, ставя их в зависимость от притока своей продукции, в периоды усиления кочевников уже кочевники поддерживали смуты внутри оседлых соседей, пытаясь в разных формах обеспечить стабильное поступление их продукции, в период баланса сил устанавливались ровные отношения на взаимовыгодных условиях⁹⁸³. В этом ключе авторы дают краткую сводку случаев из тюрко-китайских отношений⁹⁸⁴. Авторы не излагают своей позиции по поводу политогенеза кочевников, по-видимому, согласившись с позицией А.М. Хазанова и Т.Дж. Барфида, что главным фактором в возникновении кочевнических государств была необходимость обеспечения постоянной и непрерывной торговли с оседлыми народами⁹⁸⁵.

В последующем подобная позиция наиболее обстоятельно была развита в многочисленных работах Н.Н. Крадина⁹⁸⁶, хотя много сторонников она нашла среди других крупных исследователей кочевников. Н.Н. Крадину принадлежит концепция о *ксенократическом способе эксплуатации*, или же *экзополитарном способе производства*⁹⁸⁷. В работах Н.Н. Крадина Тюркский каганат бегло рассмотрен в ряде теоретических моделей.

В 1987 г. Н.Н. Крадин мимоходом указал на рыхлый характер тюркского политического образования, указав на сбор дани с оседлого населения⁹⁸⁸. Такие кочевые империи (тюрки, уйгуры) в своей классификации ученый отнес империям *первого типа*, которые характеризуются тем, что кочевники и земледельцы здесь не составляли единой взаимосвязанной экономической и системы и, соответственно, политического организма⁹⁸⁹, чаще всего они являются «первичными»⁹⁹⁰. Позже Н.Н. Крадин, также отмечая внешнеэксплуататорскую основу Тюркского ка-

⁹⁸² Jagchid S., Symons V.J. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millennia [Translation of : Pei-ya yu-mu min-tsu yü Chung-yüan nung-yeh min-tsu chien-ti ho-p'ing, chan-cheng, yü mao-i chih kuan-hsi]. Bloomington ; Indianapolis, 1989. P. 1—2, 13—14, 24—25.

⁹⁸³ Ibid. P. 14—16.

⁹⁸⁴ Ibid. P. 39—43, 68—71.

⁹⁸⁵ Ibid. P. 12—13.

⁹⁸⁶ Крадин Н.Н. Империя Хунну; *Его же*. Кочевники Евразии; и др.

⁹⁸⁷ См.: Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 79—83, 101—105; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 403—404.

⁹⁸⁸ Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения ... 1987. С. 115.

⁹⁸⁹ Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблемы археологии скифо-сибирского мира ... Ч. I. С. 21—22; *Его же*. Социально-экономические отношения ... 1990. С. 14.

⁹⁹⁰ Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система. С. 23.

ганата⁹⁹¹, определил его среди «типичных кочевых империй»⁹⁹², с точки зрения уровня социально-политического развития которые он рассматривает как «суперсложные вождества»⁹⁹³. В Тюркском каганате Н.Н. Крадин отмечал двоичный характер «общественной структуры» (читай: социальной организации), с конца VII в. получившую триадный облик, а кроме того, наличие иерархической системы и деление армии по десятичному признаку⁹⁹⁴.

Развивая уже в более поздних работах концепцию Т.Дж. Барфилда, Н.Н. Крадин гораздо большее внимание уделил механизмам власти, соединявшим верхушку кочевой империи и племена — *престижной экономике*, заключающейся в распределении правителем полученных от оседлых соседей престижных товаров⁹⁹⁵. Тюрки и уйгуры относились к тому типу кочевых империй, которые существовали за счет получения прибавочного продукта от оседло-земледельческих обществ путем дистанционной эксплуатации (набеги, вымогательство «подарков», неэквивалентная торговля и др.)⁹⁹⁶.

Позже, составляя типологию образования кочевых империй, Н.Н. Крадин выделил в качестве одного из вариантов (*второй*), условно названного им *тюркским*, случай, когда империя образуется «на периферии уже сложившейся степной державы», имея в виду другую кочевую империю (ср., напр., взаимоотношения тюрков и жужаней, уйгуров и тюрков)⁹⁹⁷. Еще один вариант (*четвертый*), условно именуемый *хазарским*, заключается в образовании империй из сегментов существовавших до этого более крупных кочевых империй. Именно так возникли Восточно-тюркский и Западно-тюркский (а позже и Хазарский) каганаты, охарактеризованные Н.Н. Крадиным как «квазиимперские» образования⁹⁹⁸.

Далее рассматривая историю кочевников с точки зрения мир-системного подхода, Н.Н. Крадин указывает, что только тюркам после хуннов удалось восстановить биполярную структуру во Внутренней Азии, что «было обусловлено новым макроэкономическим ростом ведущих мир-империй того времени» (империя Тан, Арабский халифат, Византия), а политиче-

⁹⁹¹ Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения ... 1990. С. 14.

⁹⁹² Крадин Н.Н. Кочевые общества ... 1992. С. 171; *Его же*. Кочевые общества ... 1994. С. 29; *Его же*. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М., 2000. С. 316.

⁹⁹³ Крадин Н.Н. Кочевые общества ... 1992. С. 152.

⁹⁹⁴ Там же. С. 136. Десятичная и троичная структура отмечается Н.Н. Крадиным и у уйгуров, причем крыльями названы толисы, тардуши и внутренние «бурдюки», т.е., видимо, «буйруки» или «буюруки», что заимствовано из работы Ю.С. Худякова: *Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников ... С. 176.

⁹⁹⁵ Крадин Н.Н. Характерные черты кочевых империй // 100-лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов международной конференции. Улан-Удэ, 1996. Ч. I. С. 121—122; *Его же*. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. С. 231; *Его же*. Кочевники Евразии. С. 30—31; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 282—284, 294—295.

⁹⁹⁶ Крадин Н.Н. Характерные черты кочевых империй. С. 121, 122.

⁹⁹⁷ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. С. 319; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 123.

⁹⁹⁸ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. С. 320; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 124.

ская стабильность способствовала возобновлению торговых потоков. При этом тюрки и затем уйгуры «продолжили хуннскую политику вымогательства на расстоянии», вынуждая Китай посылать «подарки» и требуя открытия рынков на границах. Важную роль играл контроль тюрками трансконтинентальных торговых маршрутов (Великий Шелковый путь). Таким образом, «Первый каганат тюрков стал первой настоящей евразийской империей, которая связала торговыми путями Китай, Византию и исламский мир»⁹⁹⁹. «Однако в отличие от Хуннской державы Тюркский и Уйгурский каганаты были менее централизованными политиями»¹⁰⁰⁰.

В полемике с исследователями, рассуждавшими о возможности классификации кочевников как отдельной цивилизации (в частности с археологом А.И. Мартыновым), Н.Н. Крадин, сводя критерии «цивилизации» к признакам, выделенным К. Ренфрю (1972) (социальная стратификация; высокоразвитая ремесленная специализация; появление городов; наличие письменности; строительство монументальных культовых сооружений) и В.М. Массоном (1989) (город; монументальная архитектура; письменность), указал, что «только применительно к Тюркскому (кочевая цивилизация без городов) и Уйгурскому каганатам можно говорить о завершении процессов цивилизационного строительства»¹⁰⁰¹.

В этом же ключе теорий о внешнем факторе политогенеза кочевников следует отметить и другие теории. Так, сторонники мир-системного анализа отмечают особую роль тюрков: испытывая нужду в торговле, сподвигшую их к захвату и стремлению удержать торговые пути, они способствовали развитию трансконтинентальной торговли и восстановлению «Евразийской мир-системы» (К. Бекквис, Д. Кристиан)¹⁰⁰². При это надо сказать, что Д. Кристиан в целом разделял ход мыслей Н. Ди Космо (см. ниже), разве что отказывал кочевникам в государственности, считая, что они могут основать государство, только перейдя к оседлости¹⁰⁰³.

Близкий подход обнаруживается у Дж.Д. Роджерса. Дж.Д. Роджерс отметил в Тюркских каганатах многоуровневый административный аппарат, сосредоточение рычагов власти в руках одного клана, а также отсутствие централизации, несмотря на наличие формальной бюрокра-

⁹⁹⁹ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. С. 326—327; *Его же*. Кочевники Евразии. С. 103—104; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 61—62.

¹⁰⁰⁰ Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция. С. 327.

¹⁰⁰¹ Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. С. 88; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 40—41.

¹⁰⁰² Beckwith C.I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton, NJ, 1987. P. 178—179; *Idem*. Empires of the Silk Road : a history of Central Eurasia from the Bronze Age to the present. Princeton, NJ , 2009. P. 138—139; Christian D. “Inner Eurasia” as a Unit of World History // Journal of World History : Official Journal of the World History Association. 1994. № 5(2). P. 182—183.

¹⁰⁰³ Christian D. State Formation in the Inner Eurasian Steppes // Silk Road Studies II. Worlds of the Silk Roads : Ancient and Modern / ed. D. Christian and C. Benjamin. Turnhout, Belgium, 1998. P. 51—76. Работа Д. Кристиана «История России, Центральной Азии и Монголии» содержит много фактического материала по древнетюркской истории (Christian D. A History of Russia, Central Asia and Mongolia. Oxford ; Malden, Mass., 1998 (The Blackwell History of the World). Vol. 1. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire. P. 247—276), но без какого-либо концептуального осмысления.

тии; расширение империи сопровождалось «организационным налогообложением и поверхностной организацией», под чем, видимо, имеется в виду разделение на административные единицы¹⁰⁰⁴. Дж.Д. Роджерс указал на упорядоченный и последовательный характер передачи власти в рамках одного рода¹⁰⁰⁵. Но истоки формирования государственных политических структур, по его мнению, следует искать не во внутренних факторах, а рассматривать, прежде всего, фактор внешней угрозы, заставляющий кочевников консолидироваться¹⁰⁰⁶. Однако он хотя и отмечает отсутствие законченной формы государства у кочевников, говорит о различии путей их политического развития от оседлых обществ¹⁰⁰⁷.

Сам Т.Дж. Барфилд, подойдя к исследованию проблемы как антрополог, не отрицал, что его работа представляет собой лишь попытку проверить на практике разработанную гипотезу¹⁰⁰⁸. Он указывал, что им использовались как переводы китайских источников, выполненные специалистами прежде, так и тексты, проверенные «компетентными учеными»¹⁰⁰⁹. Тем не менее, уже в рецензии на книгу Т.Дж. Барфилда, синолог Р.У. Даннелл отметила, что, будучи хорошим специалистом-антропологом, Т.Дж. Барфилд подошел к проблеме с китаецентристских позиций; в качестве примера синолог отметила поверхностное сравнение пограничной ситуации ханьской и танской эпохи, указав также в качестве недостатков незнание специальной синологической литературы, односторонность метода («методологический детерминизм»), в целом заключив, что работа не способна заменить труды О. Латтимора и Р. Груссе¹⁰¹⁰.

Е.И. Кычанов, работавший с китайскими источниками непосредственно, писал о переоценке Т.Дж. Барфилдом роли в становлении государственности кочевников торговли с оседлыми соседями, считая его концепцию крайним явлением¹⁰¹¹. Одним из критиков теории внешних факторов государственности у кочевников выступил итальянский синолог Н. Ди Космо, известный своими исследованиями о хуннах (*сюн-ну*). По его мнению, различные объединения разных эпох во Внутренней Азии возникали в независимости от доли земледельческих элементов в их хозяйстве или характера их отношений с оседло-земледельческими соседями, тем более их возникновение отнюдь не совпадало с периодом расцвета оседлых соседей¹⁰¹². Позже

¹⁰⁰⁴ Rogers J.D. Inner Asian States and Empires : Theories and Synthesis // Journal of Archaeological Research. 2012. Vol. 20. P. 226—227.

¹⁰⁰⁵ Ibid. P. 226, 236.

¹⁰⁰⁶ Ibid. P. 238.

¹⁰⁰⁷ Ibid. P. 243.

¹⁰⁰⁸ Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 6.

¹⁰⁰⁹ Там же. С. 7.

¹⁰¹⁰ Dunnell R.W. [Review] *The Perilous Frontier : Nomadic Empires and China*. By Thomas J. Barfield. Cambridge, Mass., and Oxford, England : Basil Blackwell Inc., 1989. xiii, 325 pp. \$34.95 // The Journal of Asian Studies. 1991. Vol. 50. № 1. P. 126—127.

¹⁰¹¹ Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 277; *Его же*. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 317.

¹⁰¹² Di Cosmo N. State Formation and Periodization in Inner Asian History // Journal of World History. 1999.

М.Р. Дромпп и С.А. Васютин, независимо друг от друга, на конкретном источниковом материале показали, что ход истории Тюркского каганата не согласуется с основной идеей концепции Т.Дж. Барфилда о том, что периоды подъема/ упадка кочевнических политических образований совпадают с периодами подъема/ упадка соседних оседло-земледельческих государств, образуя, таким образом, своеобразные исторические циклы. Так, возвышение Первого Тюркского каганата выпало на период политического кризиса в Китае, падение совпало с укреплением Китая при Тан, образование Второго Тюркского каганата выпало на период расцвета Китая, его падение также не приходится ни на какие потрясения в Китае. Это обстоятельство заставило исследователей обратиться к внутренней природе социально-политических процессов в Тюркском каганате¹⁰¹³. Кроме того, М.Р. Дромпп, работавший с оригинальным текстом китайских источников о тюрках, отметил в работе Т.Дж. Барфилда ряд моментов, не поддающихся столь однозначной интерпретации исходя из непосредственных источниковых данных¹⁰¹⁴.

По мнению Н. Ди Космо, основные факторы образования государства во Внутренней Азии заключались не в естественной социальной эволюции, и не в развитии государства у оседлых соседей, образование государства здесь было ответом на кризисные явления, связанные с ухудшением экономических, политических и социальных условий¹⁰¹⁵. Кризис порождает милитаризацию кочевнического общества, направленную исключительно на военное решение проблем¹⁰¹⁶. От состояния кочевнического общества в «не-кризисный» период, когда войны в степи, в принципе, и так были явлением обычным, эта ситуация отличается тем, что здесь появляются харизматические лидеры, способные создать новый порядок и поставить себя над племенными традициями, обеспечив себе пожизненную и фактически неограниченную власть¹⁰¹⁷. Если в обычное, «не-кризисное», время племенная знать не играла особой роли в социальной жизни кочевнического общества, будучи лишь организаторами облавных охот и набегов¹⁰¹⁸, то теперь, при замене племенной, горизонтальной и, по сути, полуэгалитарной структуры на вертикальную, иерархическую, создается система субординации от самых низов до правителя¹⁰¹⁹.

Н. Ди Космо, однако, относит *уровень* политического развития тюрков, равно как хуннов и уйгуров, к государству, отнюдь не к вождеству, поскольку такие кочевые объединения обла-

Vol. 10. № 1. P. 8—9; *Ди Космо Н.* Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). Улан-Удэ, 2008. Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. С. 192—193.

¹⁰¹³ *Drompp M.R.* Imperial State Formation in Inner Asia : the Early Turkic Empires (6th to 9th centuries) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Т. 58. № 1. P. 101—111; *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии ... С. 34—39.

¹⁰¹⁴ *Drompp M.R.* Supernumerary Sovereigns ... P. 94, 108 note 11, p. 97, 111 note 31, p. 101, 113 note 52.

¹⁰¹⁵ *Di Cosmo N.* State Formation ... P. 9—11; *Ди Космо Н.* Образование государства ... С. 194—197.

¹⁰¹⁶ *Di Cosmo N.* State Formation ... P. 11—14; *Ди Космо Н.* Образование государства ... С. 197—199.

¹⁰¹⁷ *Di Cosmo N.* State Formation ... P. 13—14; *Ди Космо Н.* Образование государства ... С. 200—202.

¹⁰¹⁸ *Di Cosmo N.* State Formation ... P. 9—10; *Ди Космо Н.* Образование государства ... С. 194—195.

¹⁰¹⁹ *Di Cosmo N.* State Formation ... P. 13—14; *Ди Космо Н.* Образование государства ... С. 201—202.

дают достаточными мощностями и потенциалами для развития политических институтов даже при заимствовании последних¹⁰²⁰. Также с Тюркского каганата он начинает отсчет «эпохи торгово-данныческих империй», которые характеризовались участием в широкой континентальной торговле, а также централизованным государственным контролем пограничных рынков и взиманием дани с соседей, в частности, с Китая. В организации континентальной торговли важную роль играли согдийские купцы. Однако подобные политические объединения оставались слабыми образованиями, поскольку власть предводителя основывалась лишь на получении дани и контроле торговых путей, доходы от которых, тем не менее, не могли обеспечить все государство¹⁰²¹. При наличии определенной логики в схеме ученого в целом, опять же частные моменты могут быть справедливо оспорены¹⁰²².

М.Р. Дромпп несколько уточнил схему Н. Ди Космо на конкретном материале. Он вполне соглашается с тем, что возникновению Тюркского каганата способствовал кризис. Он уточняет, что есть кризисы, приводящие к становлению нового государства, а другие нет, но череда кризисов, сотрясающая старый порядок, как было с жоужаньским государством, в итоге приводит к образованию нового порядка¹⁰²³. Но необходимость получения дохода и милитаризация также имели место в истории Тюркского каганата. Например, Первый Тюркский каганат расширился очень быстро, а тюрки периода Второго каганата и уйгуры, хотя и не в таких масштабах, но также вели завоевательные войны, включая в свой состав кочевое и оседлое население, или предпочитали мирную торговлю¹⁰²⁴. Хотя харизматического лидера, удерживающего «диктаторскую» власть не было, т.к. Бумын умер почти сразу после прихода к власти¹⁰²⁵, но, считает М.Р. Дромпп, важность имеет не харизма лидера, а харизма всего клана, которая обеспечивалась самими же его членами путем основания различных генеалогических мифов, помогающих в целях объединения племен унифицировать и привести к единому знаменателю их религиозные церемонии, или через принятие какой-то соответствующей религии, как получилось у уйгуров¹⁰²⁶. Таким образом, концепция Н. Ди Космо, вполне подходящая для отдельных случаев¹⁰²⁷, подходит, по мнению М.Р. Дромппа, и для тюрков.

Что касается работ М.Р. Дромппа, то сам он, синтезируя и уточняя теории

¹⁰²⁰ *Di Cosmo N. State Formation ...* P. 6, 31 note 22; *Ди Космо Н. Образование государства ...* С. 188—191, прим. 3.

¹⁰²¹ *Di Cosmo N. State Formation ...* P. 21—22; *Ди Космо Н. Образование государства ...* С. 211—213.

¹⁰²² См.: *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 38; Его же. Монгольская империя в современной западной историографии // История Небесной империи. Новосибирск, 2011. Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. В.Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского; коммент. Л.В. Тюрюминой. С. 207; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 98.*

¹⁰²³ *Drompp M.R. Imperial State Formation ...* P. 107.

¹⁰²⁴ *Ibid.* P. 107—108.

¹⁰²⁵ *Ibid.* P. 108.

¹⁰²⁶ *Ibid.*

¹⁰²⁷ *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 31, 122—123.*

Х.Дж. Маккиндера о «Хартленде» (Heartland) и теории К. Грэнбека о выделении в степном пространстве Евразии трех регионов (соответственно Причерноморской [у автора — Русской, что некорректно], Туркестанской и Монгольской степей), исходил из понимания существования некоего «Хартленда» в истории центральноазиатских кочевников, коим была территория Монголии, «сердце Хартленда»¹⁰²⁸. При этом он отмечал отличие Тюркского каганата от Монгольской империи, первой контролировавшей все три региона, когда тюрки, несмотря на то, что в 579 г. дошли до Крыма, держали лишь Монголию, а власть над Туркестаном была фактически номинальной¹⁰²⁹. До монголов все «ранние государства Внутренней Азии» не стремились к завоеванию контроля над значительным оседлыми населением, удовлетворяясь властью над пограничными оседлыми территориями¹⁰³⁰, при этом ограничиваясь номинальным контролем с установлением выплат в виде дани или «подарков»¹⁰³¹. Степные объединения Монголии, начиная с эпохи *сюн-ну* до XII в., представляли собой кочевнические конфедерации, распадавшиеся из-за внутренних конфликтов, без давления внешних сил, когда восставшие подчиненные племена свергали правящую верхушку¹⁰³². Тюркский пример, — сам факт разделения каганата на западное и восточное крылья, споры, возникшие после смерти То-бо кагана, постоянные восстания подчиненных племен, о чем говорят и свидетельства орхонских текстов [КТб, 6 = БК, X, 5], — прекрасно демонстрирует то, что власть была не настолько централизованной, а аристократическая элита обладала широкой автономией в пределах конфедерации¹⁰³³. В сущности, центр империи оставался на р. Орхон вплоть до ликвидации в 840 г. Уйгурского каганата кыргызами, которые не стали закрепляться здесь¹⁰³⁴. По мнению М.Р. Дромппа, через историю всех кочевнических империй Центральной (Внутренней) Азии проходят две тенденции: борьба между племенами за право занять доминирующее положение и обрести соответствующие привилегии или, по крайней мере, независимость, и внутренняя борьба в правящей группе¹⁰³⁵. Так, Таны победили тюрков, сумев только отгородить элиту от подвластного народа¹⁰³⁶.

В отношении анализа внутренних процессов интересно также следующее направление.

Немецкий социолог турецкого происхождения Э. Кюрсат-Алерс в 1992 г. защитила диссертацию, опубликованную в 1994 г., где также затронула проблему политогенеза древних

¹⁰²⁸ Drompp M.R. Centrifugal Forces in the Inner Asian “Heartland” : History versus Geography // Journal of Asian History. 1989. Vol. 23. № 2. P. 134—138.

¹⁰²⁹ Ibid. P. 138—139.

¹⁰³⁰ Ibid. P. 140—142.

¹⁰³¹ Ibid. P. 142—145.

¹⁰³² Ibid. P. 149—151.

¹⁰³³ Ibid. P. 152—156.

¹⁰³⁴ Ibid. P. 156—157; Drompp M.R. Breaking the Orkhon Tradition : Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A.D. 840 // Journal of the American Oriental Society. 1999. Vol. 119. № 3. P. 390—403. Вопреки высказыванию Т.Дж. Барфилда о «неспособности кыргызов осуществлять политику экспансии» (Барфилд Т.Дж. Опасная граница ... С. 255). Ср.: Golden P.B. An Introduction ... P. 181.

¹⁰³⁵ Drompp M.R. Imperial State Formation ... P. 108.

¹⁰³⁶ Ibid. P. 109.

тюрков. В работе автор придерживается концепции «раннего государства» Х.Дж.М. Классена¹⁰³⁷, а также использует теорию Н. Элиаса о взаимовлиянии и параллельных линиях психогенеза и социогенеза, останавливаясь на роли идеологии¹⁰³⁸. В целом, работа носит во многом компилятивный характер¹⁰³⁹, и достаточно ясно стремление автора подвести результаты исследования под понимание специфики османского общества. В этом четко проявляется влияние на автора традиций турецкой историографии.

Для рассматриваемых автором кочевнических образований отмечается важность отношений с оседлыми соседями — роль торговли и войн, а также высокая роль родства, основанного на фиктивных генеалогиях, но важной чертой является родовая и клановая идеология и порожденное ей коллективное мышление, отразившееся в слабой внутренней дифференциации и дихотомическом восприятии, отраженном в противопоставлении «друг—враг», что создает благоприятные условия для возвышения харизматического лидера и обоснования им крепкой политической идеологии¹⁰⁴⁰. Что касается «гёктюрков», то Э. Кюрсат-Алерс исходит также из мнения, что основатели этого государства не были кочевниками¹⁰⁴¹. Очень схематично и противоречиво в работе нарисована социальная структура кочевнических «ранних государств» и описана ее эволюция¹⁰⁴².

Более интересна статья Э. Кюрсат-Алерс, где исследовательница подробно останавливается на роли идеологии в т.ч. и в Тюркском каганате¹⁰⁴³, обращая внимание на публичные функции кагана, путем постоянных напоминаний о своих заслугах перед народом, о своей территории и бывшем подчинении врагам, пытавшегося создать определенную идеологию¹⁰⁴⁴. Идеология основывается на трех положениях: народ должен иметь независимого правителя, *кагана*; иметь свою территорию, *il*; соблюдать традиционные племенные законы, *törü*, которые на самом деле быстро трансформировались в законодательные акты правителей¹⁰⁴⁵. Очень большую роль играет идея священного центра империи, земли (*idug yer sub*), где, живя и соблюдая

¹⁰³⁷ См.: Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. С. 25—26; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 35; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 87—88; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 244, 376—378.

¹⁰³⁸ Kürsat-Ahlers E. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern : Über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Göktürken mit einem Exkurs über die Skythen. Berlin, 1994 (Sozial-wissenschaftliche Schriften. Heft 28).

¹⁰³⁹ Так и по мнению С.Г. Кляшторного (из личной беседы 07.12.2012).

¹⁰⁴⁰ Geissen H.-P. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern // Istanbulpost. Jahr. 4. № 10, vom 7.03.2005. URL: <http://www.istanbulpost.net/05/03/01/geissen.htm> (дата обращения: 06.10.2013).

¹⁰⁴¹ Kürsat-Ahlers E. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern ... S. 305 ff.

¹⁰⁴² Geiss I. [Rez.] Über Elçin Kürsat-Ahlers, Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern [Elçin Kürsat-Ahlers : *Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern*. Über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Göktürken mit einem Exkurs über die Skythen. Sozial-wissenschaftliche Schriften Heft 28. Duncker & Humblot. Berlin 1994. 450 Seiten. DM 158,-] // Historische Mitteilungen. 1996. Bd. 9. S. 120—121.

¹⁰⁴³ Kürsat-Ahlers E. The role and contents of ideology in the early nomadic empires of the Eurasien Steppes // Ideology and the Formation of Early States / ed. by H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. Leiden ; New York ; Köln, 1996 (Studies in Human Society. Vol. 11). P. 136—152.

¹⁰⁴⁴ Ibid. P. 144.

¹⁰⁴⁵ Ibid. P. 145.

законы, народ обретет благополучие¹⁰⁴⁶. Важную роль для становления и функционирования идеологии играет монополизация каганским родом доступа к сакральным церемониям¹⁰⁴⁷.

Д. Роджерс предпринял попытку возразить и сторонникам внешнего фактора, и Н. Ди Космо, в чисто теоретической статье поддержав мысль о преемственности политических образований Центральной (у него — Внутренней) Азии¹⁰⁴⁸, отметив и Тюркский каганат¹⁰⁴⁹. Касаясь древнетюркского материала, он обратился, например, к личности Тоньюкука, воспитанного в Китае человека и, следовательно, знатока традиций управления, а также привел данные о привлечении уйгурами к управлению согдийских советников¹⁰⁵⁰. Он использовал эти материалы среди прочих в качестве доказательств того, что и степные правители применяли знания об оседлых обществах в своей политике, потому не следует преувеличивать зависимость политики кочевников от оседлых соседей¹⁰⁵¹. Признавая теоретико-методологические трудности в обосновании гипотезы о преемственности¹⁰⁵², Д. Роджерс обратил внимание на идеологический момент как часть стратегии правителей конкретного политического образования¹⁰⁵³, указывая, например, на постулирование древнетюркским надписями дарения небесного мандата правителю¹⁰⁵⁴, а в качестве выражения одного из идеологических аспектов — декларирование связи с физическими или мифическими предками, как, например, указание в рунических надписях на особое значение долины Орхона, имевшей сакральное значение прежде для *сюн-ну*, а в последующем для уйгуров и монголов¹⁰⁵⁵. Кроме того, ученый признает у тюрков совмещение родственных отношений с административной структурой¹⁰⁵⁶ и поддерживает гипотезу о неких советах, ограничивающих верховную власть (по Т.Дж. Барфилду!)¹⁰⁵⁷.

Очень интересной, несмотря на то, что она посвящена несколько иному историческому периоду, является монография турецкой китаистки Исенбике Тоган, дочери великого востоковеда А.З. Велиди (Тогана). По сути, И. Тоган рассматривает историческую роль Монгольской империи в мир-системной парадигме в контексте противостояния таких явлений, как универсализм и локализм в социо-культурном понимании¹⁰⁵⁸. И. Тоган обратилась к особенностям ко-

¹⁰⁴⁶ *Kürsat-Ahlers E.* Zur frühen Staatenbildung ... S. 325—326; *Eadem.* The role and contents of ideology ... P. 145.

¹⁰⁴⁷ *Kürsat-Ahlers E.* The role and contents of ideology ... P. 145.

¹⁰⁴⁸ *Роджерс Д.* Причины формирования государств в восточной Внутренней Азии // Монгольская империя и кочевой мир ... Кн. 3. С. 144—180.

¹⁰⁴⁹ Там же. С. 148.

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 153—154.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 153—155, 170—171.

¹⁰⁵² Там же. С. 157—159.

¹⁰⁵³ Там же. С. 159—160, 169—170.

¹⁰⁵⁴ Там же. С. 160.

¹⁰⁵⁵ Там же. С. 161—162.

¹⁰⁵⁶ Там же. С. 164.

¹⁰⁵⁷ Там же. С. 165.

¹⁰⁵⁸ *Togan I.* Flexibility and Limitation in Steppe Formations : the Kerait Khanate and Chinggis Khan. Leiden ; New York ; Köln, 1998 (The Ottoman Empire and It's Heritage. Vol. 15). Несмотря на то, что И. Тоган является пред-

чевнических обществ. Несмотря на это, она, однако, рассматривая их как часть общего исторического процесса, все же выделяет определенные эволюционные ступени. Здесь, вместе с тем, просматривается и продолжение концепции А.З. Велиди (Тогана) (См.: Приложение 5).

И. Тоган считала, что кочевническим обществам были свойственны следующие особенности: (1) понятие «общества открытого продвижения» для отдельных лиц в социальной сфере; (2) разделение власти в политической сфере, что способствовало усилению правителей на местах; (3) перераспределение, или редистрибуция, представляло собой не только систему экономических мер, но представало также в идеологическом ракурсе, будучи необходимым условием централизации¹⁰⁵⁹. Иначе говоря, поскольку основу хозяйства составляло кочевое скотоводство, состояние богатства было эфемерным, и имущественный фактор не мог играть существенной роли в социальной дифференциации, поэтому в ее основе лежал идеологический фактор — сложение представлений о благословении (*qut*) Неба (*Tejri*) какой-либо семье. Однако, поскольку кочевнические общества были основаны на племенной организации, чтобы добиться лояльности вождей, на местах применялись редистрибутивные механизмы, поэтому речь должна, по мнению ученого, идти не об «ограничении политической власти», а именно о распределении власти. Кроме того, подобное распределение имело место в политической и духовной сфере, что отразилось в институте соправительства¹⁰⁶⁰. Комбинация этих факторов играла роль во всей истории Центральной (у автора — Внутренней) Азии, разделяя различные ее этапы, где господствовали тенденции либо универсализма с его над-религиозными практиками и секуляризмом, либо локализма с его религиозными особенностями. Особенной характеристикой кочевнических объединений была гибкость¹⁰⁶¹. Такие объединения распадались и появлялись вновь — это было показателем прохождения степных народов через определенные стадии.

И. Тоган исходила из того, что в основе структуры кочевого общества лежала пирамидальная сегментарная линиджная система, постоянно меняющаяся и перестраивающаяся, при этом как за счет выделения новых групп и перекочевки старых, так и за счет такого феномена, когда побежденное или ослабленное племя присоединяется к другому в зависимом положении (племя-клиент), но которому ничего не мешает в будущем уйти от него или снова возвыситься¹⁰⁶². При этом И. Тоган отмечает у кочевников две формы политической организации в зависимости от степени интеграции в чужие государственные структуры: эгалитарное децентрализованное состояние с сегментарной структурой и разделением на кланы у свободных, а у тех,

ставителем турецкой научной традиции, мы выделяем ее работу из общего контекста турецкой историографии — она учла все современные разработки ведущих специалистов, и по методам ее работа соответствует общим тенденциям науки о кочевниках. Кроме того, показателен сам тот факт, что книга вышла под грифом издательства «Brill».

¹⁰⁵⁹ *Togan I. Flexibility and Limitation ... P. 5, 15—16.*

¹⁰⁶⁰ *Ibid. P. 5—6.*

¹⁰⁶¹ *Ibid. P. 6.*

¹⁰⁶² *Ibid. P. 115—117, 155.*

кто составлял часть чужой государственной системы, в виде некоей автономии — иерархическая и централизованная формы организации¹⁰⁶³. Распад государственных объединений сопровождается *трайбализацией* — когда в такой конфедеративной по характеру империи обретают сначала экономическую, а затем политическую автономию (один из «минусов» распределения власти) какие-либо ее субъекты — племена или оседлые торговые области, — начиная демонстрировать самостоятельность в социальной, политической и торговой сферах. Вторая стадия — *детрайбализация* — связана с созданием централизованной военизированной структуры, отражающей установки универсализма, в которой происходит взаимодействие кочевников с торговцами. Следующая стадия названа *ретрайбализацией*, она определена усилением местных центров, в основном, связанных с концентрацией торговли в оседлых поселениях, вследствие чего происходит разделение интересов кочевников и оседлых торговцев, забрасывающих степные рынки. После распада очередного объединения цикл начинается заново — когда одна из племенных группировок вновь начинает попытки объединения вокруг себя других групп, что сопровождается значительным процессом миграций и преобразованием племенной организации¹⁰⁶⁴. Роль оседлых торговцев здесь была противоречивой: с одной стороны они способствовали развитию коммуникаций, приносили продукцию, необходимую для обеспечения функционирования редиистрибутивных механизмов, с другой — они, как правило, являлись носителями различных религиозных учений, подмывавших положения универсализма в кочевнических объединениях¹⁰⁶⁵. Эту мысль, однако, не уловил Д. Синор, видевший противоречивость в суждениях И. Тоган о роли торговцев¹⁰⁶⁶.

И. Тоган указывает, что, несмотря на видимость определенных циклов, этот процесс развития не был циклическим: развитие отношений разделения власти и механизмов редиистрибуции имело свою определенную грань — это институт пожалований, *xubi* у монголов и *ülüşh* у тюрков, присущий уже больше для оседлых обществ¹⁰⁶⁷.

¹⁰⁶³ Togan I. Flexibility and Limitation ... P. 132.

¹⁰⁶⁴ Ibid. P. 7. Д. Синор, довольно неприветливо в целом встретивший появление данной книги, ограничился тем, что указал на бездоказательность этой схемы, в принципе, не отрицая ее (Sinor D. [Review] Flexibility and Limitations in Steppe Formations: The Kerait Khanate and Chinggis Khan, Ottoman Empire and its Heritage (ОЕИ) vol. 15 by Isenbike Togan // Journal of Asian History. 1999. Vol. 33. № 1. P. 90), хотя от него, как знатока венгерской школы, можно было бы ожидать более положительного взгляда на попытку предложить модель закономерностей изменения племенных структур.

¹⁰⁶⁵ Togan I. Flexibility and Limitation ... P. 18—21.

¹⁰⁶⁶ Sinor D. [Review] Flexibility and Limitations ... P. 90—91.

¹⁰⁶⁷ Togan I. Flexibility and Limitation ... P. 146—148. При этом, поскольку *qut* распространялся на всю правящую семью, и каждый ее член получал свой *ülüg*, имея при этом какие-то привилегии, и удел (*ülüşh*), И. Тоган считает возможным говорить о тенденциях к эволюции от представлений о Небесном предначертании к рассмотрению всей этой группы как правящей элиты, т.е. явление формирования правящего слоя (Ibid. P. 8). Правящий род тюрков она, следуя за К. Бекквисом, именует *arsilan* (Ibid. P. 9 note 25, p. 16). Надо отметить, что связь между терминами *ülüg* и *ülüş* не установлена (Clauson G. An Etymological Dictionary ... P. 142, 153). О первом см. замечания в кн.: Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. 40). S. 44 Anm. 101.

Империи домонгольского периода, — *сюн-ну*, тюрков, уйгуров, — И. Тоган характеризует как конфедерации со степным населением и харизматическим надплеменным руководством, не стремившиеся к завоеванию оседлых областей. Правители тюрков (каганы) считали себя наделенными *qut* (трактовка по М. Мори) Свыше и долей (*ülüg*). Тем не менее, эта идеология не привела к сложению представлений о едином правителе — для степи было присуще именно распределение власти, когда каганы должны были считаться с племенными бегами (*beg*), все больше со временем превращавшимися в аристократическое сословие, что, в конце концов, выливалось в создание альтернативных центров политической власти¹⁰⁶⁸.

В общем, суть сводится к эволюции всей социальной, политической и идеологической составляющих жизни степных кочевников, особые изменения претерпевших к моменту сложения Монгольской империи¹⁰⁶⁹. И. Тоган только для нее отмечает роль соратников правителя, в данном случае — нукеров, в формировании новых механизмов власти, основанных уже не на племенной, а военной иерархии, изменивших вертикаль социальной мобильности, когда фактор происхождения стал уступать место фактору личных способностей и заслуг¹⁰⁷⁰.

Работа интересна как попытка найти пути примирения между подходами, признающими особенности законов социально-политических изменений в кочевнических обществах, и эволюционистским пониманием исторического процесса, а также как попытка вписать социально-политическую историю тюркства в панораму мир-системных процессов.

В частности, это хорошо показано и в отдельной статье, где И. Тоган говорит о значении распределения получаемых от дальней торговли доходов внутри кочевнического общества (*ülüsh* как редистрибуции)¹⁰⁷¹. Тюркский каганат она упомянула, писав об исторических периодах, когда в оседлом мире существовало несколько политических центров, а кочевой мир, при гибкости своей структуры, сохранявшей преемственность, всегда имел тенденцию к централизации, что, в частности, отразилось в формировании в период Тюркских каганатов коммуникаций между Востоком и Западом через северное направление, распавшихся вместе с падением тюрков, а позже в создании империи Чингисхана — первой мир-системы¹⁰⁷².

Таким образом, дискуссии на конкретном материале показали, что социально-политическая история Тюркского каганата не может быть адекватно объяснена через призму поверхностных схем, а внутренние факторы изменений в кочевнических обществах вовсе заслуживают большего внимания.

¹⁰⁶⁸ *Togan I. Flexibility and Limitation ...* P. 9—10.

¹⁰⁶⁹ *Ibid.* P. 124—150.

¹⁰⁷⁰ *Ibid.* P. 137—142.

¹⁰⁷¹ *Togan I. Patterns of Legitimization of Rule in the History of the Turks // Rethinking Central Asia : Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity / ed. by K.A. Ertürk. Cornell, 1999. P. 39, 41, 42, 49, 50.*

¹⁰⁷² *Ibid.* P. 44, 45, 48.

3.2. СПЕЦИАЛЬНЫЕ И ОБОБЩАЮЩИЕ РАБОТЫ

С начала 90-х гг. XX в. появился ряд обобщающих работ, связанных с историей древних тюрков, в которых проблемы социальных отношений и политических институтов Тюркского каганата получили широкое освещение.

В 1992 г. вышла фундаментальная работа П.Б. Голдена, содержащая сводные достижения западной (европейской и американской), турецкой и советской историографии по истории тюркских народов; она затрагивала широкий круг вопросов их политической и этнической истории, но содержала мало социальных разработок. На самом деле, если изданную двумя годами ранее работу Д. Синора (1990) можно считать завершающей этап и подводящей итоги, то данная работа П.Б. Голдена, наоборот, больше ставит проблемы, почему можно говорить, что она *открывает новый этап* в исследованиях древних тюрков.

Отказавшись от попыток самостоятельного решения проблем социальной истории древних тюрков, П.Б. Голден продолжал развивать мнение о сегментарном характере социальной организации кочевников, когда семьи (не больше двух поколений), объединяются в конические кланы, а те объединяются в более значительные величины (племя) лишь при экстремальных обстоятельствах, и в этом важна роль харизматического лидера, по имени которого такие объединения нередко называются¹⁰⁷³. Он отмечал, что «процесс государствообразования или же процесс политогенеза в степи всегда был процессом, оказывающим влияние на ход этногенеза»¹⁰⁷⁴.

П.Б. Голден также принял концепцию А.М. Хазанова относительно соотношений кочевого и оседлого миров, в частности, указывая, что государственность не является необходимым условием для кочевнического общества¹⁰⁷⁵. Далее, оставляя открытым вопрос о причинах зарождения кочевнических государств ввиду недостатка источников кочевнического происхождения, говоривших бы о целях создателей этих государств¹⁰⁷⁶, он указывал, что, «учитывая их племенную организацию, постоянную практику в военном деле и организаторские таланты, необходимые для перемещения стад и людей на определенные расстояния, государство было скрыто в большинстве евразийских кочевнических образований»¹⁰⁷⁷. Государство могло образовываться в результате внутренних кочевнических войн, когда одно племя включало в свой состав другое, но это было завоевание, оно носило исключительно случайный характер. Об-

¹⁰⁷³ Golden P.B. An Introduction ... P. 3—5.

¹⁰⁷⁴ Ibid. P. 6—7.

¹⁰⁷⁵ Ibid. P. 7—8. В этом тезисе он ссылался на В.В. Бартольда (*Бартольд В.В. Двенадцать лекций ...* С. 22—23).

¹⁰⁷⁶ Ibid. P. 8.

¹⁰⁷⁷ Ibid. P. 9.

единение могло случаться и ввиду давления со стороны оседлых соседей, но единство исчезало так же быстро, как устранялась угроза, ставшая катализатором. Он не отрицал, по-видимому, ни концепции Т.Дж. Барфилда, ни концепции О. Прицака. П.Б. Голден, хотя и признавая влияние оседлых обществ, все же на примере цитируемого отрывка Хошо-Цайдамских надписей о китайских прельщениях [КТ, Хб, 5—6 = БК, Хб, 3—4] и известного диалога Бильге кагана и Тоньюкука указывал на осознание самими тюрками опасности втягивания в оседлый образ жизни¹⁰⁷⁸. Но, по его мнению, зачастую ничто не могло помешать постепенному оседанию правящего клана, что влекло его отчуждение от соплеменников¹⁰⁷⁹. П.Б. Голден также пишет, что захват тюркам Шелкового пути и завоевание, таким образом, роли главного посредника в международной торговле имели и отрицательные последствия для них: они не смогли найти правильный баланс отношений с оседлыми соседями, что в купе с междоусобными и династическими войнами способствовало быстрому разделению каганата на восточную и западную части¹⁰⁸⁰.

В целом проблемам социально-экономического характера в древнетюркской истории П.Б. Голден уделил лишь несколько страниц, где повторил свои предыдущие тезисы¹⁰⁸¹. Ученый сделал несколько замечаний о внутренней структуре каганата, повлиявших на его политическую историю: так, дуальное разделение и коллективный суверенитет, право коллективного владения страной членов правящего клана, опосредовали возможность самостоятельных политических решений для правителей уделов¹⁰⁸²; несмотря на то, что тюрки управляли четко структурированной конфедерацией, восстания подвластных племен происходили из-за «поборов»¹⁰⁸³. Характерно, что П.Б. Голден прямо указывает, что «мы располагаем малой информацией относительно социальной дифференциации», хотя отмечает «класс или сословие», имеющееся **qara bodun**, что означает ‘простой народ’ (по сэру Дж. Клосону)¹⁰⁸⁴. Он также указывает, что, вопреки Т.Дж. Барфилду, невозможно сказать, были ли тюрки больше централизованы, чем хунны, или нет¹⁰⁸⁵ (ср. выше мнение Н.Н. Крадина).

Касательно Западно-тюркского каганата П.Б. Голден отметил, что в его истории большое значение имели оазисы оседлого иранского населения, тюрки ограничивались сбором податей и дани, сохраняя лишь номинальную власть¹⁰⁸⁶. Пример правления тюгешского кагана Су-лу он именуется «классической кочевнической традицией руководства»¹⁰⁸⁷.

¹⁰⁷⁸ Golden P.B. An Introduction ... P. 9—10.

¹⁰⁷⁹ Ibid. P. 10—11.

¹⁰⁸⁰ Ibid. P. 153.

¹⁰⁸¹ Ibid. P. 146—149, 151—153.

¹⁰⁸² Ibid. P. 131.

¹⁰⁸³ Ibid. P. 137. В этой работе, видимо, по недоразумению, Озмыш (У-су-ми-ши) каган назван басмыльским вождем (Ibid. P. 138); речь должна идти об их вожде, провозглашенном каганом с титулом Цзе-де-и-ши.

¹⁰⁸⁴ Ibid. P. 148.

¹⁰⁸⁵ Ibid. P. 149, note 199.

¹⁰⁸⁶ Ibid. P. 138.

¹⁰⁸⁷ Ibid. P. 140.

Что касается оценок социально-политической сложности, П.Б. Голден пишет: «В его стадии *On oq* и, в частности, в эпоху тюркешского господства, очень сложно было бы охарактеризовать объединение западных тюрков как государство. Старые каганские достоинства остались, в частности, такие как титулы и звания, но внутреннее единство было окончательно разрушено. Это объединение, по сути, вернулось к статусу племенного союза, лишь периодически функционируя как государство»¹⁰⁸⁸; в других местах по отношению к Тюркскому каганату он применяет термины ‘(племенной) союз’¹⁰⁸⁹ или ‘конфедерация’¹⁰⁹⁰, как и по отношению к менее значительным по политическому статусу объединениям¹⁰⁹¹.

В последних работах П.Б. Голден, говоря о Тюркском каганате, отрицает какую-либо возможность внутренних предпосылок для зарождения государства у тюрков без внешнего катализатора¹⁰⁹².

Е.И. Кычанов был одним из последних профессионалов, обладающих специальной филологической подготовкой, кто рассматривал политогенез кочевников как следствие развития сословно-классового расслоения¹⁰⁹³. Он признавал наличие раннего государства у кочевников Центральной Азии¹⁰⁹⁴. Опираясь на китайские источники, Е.И. Кычанов обратился также к примеру Тюркского каганата¹⁰⁹⁵. В своих выводах он исходил из выводов специально занимавшихся тюрками А.Н. Бернштама, М. Мори, И. Эчеди, С.Г. Кляшторного и др.¹⁰⁹⁶

Е.И. Кычанов, развивая высказывание В.В. Бартольда о династийном управлении в каганате, указал, что династия воспринималась тюрками как часть мироздания, что подтверждается текстом Хошо-Цайдамских надписей [КТб, 1 = БК, X, 2—3]. Каганы были «рождены» Небом и Небу «подобны», от Неба каган получал помощь и содействие через Его приказы (ярлык), Его власть (куч) и Его мудрость (билиг)¹⁰⁹⁷. Следуя М. Масао, Е.И. Кычанов писал о наделении каганов Небом «небесной харизмой» (кут), проекцией которой были такие качества, как мудрость

¹⁰⁸⁸ Golden P.B. An Introduction ... P. 141.

¹⁰⁸⁹ Ibid. P. 123, 124, 126, 134.

¹⁰⁹⁰ Ibid. P. 134, 135, 138, 139, 146.

¹⁰⁹¹ Ibid. P. 135, 140, 143, 146 ((племенной) союз), 136, 143, 145, 146 (конфедерация).

¹⁰⁹² Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма : структура управления и власти. М., 1993. С. 213—215; Golden P.B. Nomads and Sedentary Societies in Medieval Eurasia / with a foreword by M. Adas. Washington, DC, 1998. P. 28—32 (то же самое в кн.: Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History / ed. by M. Adas. Philadelphia, 2001. P. 92—95).

¹⁰⁹³ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 273, 276; *Его же*. История приграничных ... С. 311—312, 314.

¹⁰⁹⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 3 сл., с. 269—270; *Его же*. История приграничных ... С. 7 сл., с. 306—307.

¹⁰⁹⁵ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 94—120; *Его же*. История приграничных ... С. 114—143.

¹⁰⁹⁶ Однако незнание тюркских источников не позволило ему избежать отдельных неточностей. Так, например, в одном из эпизодов китайского источника, где дана транскрипция Цюэ те-лэ имени Кюль тегина, он пишет «Цюэ из племени теле» (Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 109; *Его же*. История приграничных ... С. 129). В идеале в написании этого титула, скорее всего, вторым иероглифом следует видеть *цзинь*, а не *лэ* (См., напр.: Васильев В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках ... С. 2—3 прим. 1; Parker E.H. The Early Turks (From the CHOU SHU) // The China Review. 1899. Vol. 24. № 3. P. 122, 128 note 43; Позднеев Д.М. Исторический очерк уйгуров ... С. 53 прим. 2).

¹⁰⁹⁷ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 96; *Его же*. История приграничных ... С. 116.

(бильге) и храбрость (алп)¹⁰⁹⁸; аналогично у уйгуров¹⁰⁹⁹. Развивая мнение М. Мори, Е.И. Кычанов указывал, что, как по древнетюркским, так и по китайским источникам, не только каган «устраивает» и «собирает» народ, но народ также не пассивен — он принимает активное участие в возведении каганов на престол [КТб, 8—9 = БК, X, 8—9], служении ему [КТб, 22 = БК, X, 18—19]¹¹⁰⁰. Для провозглашения претендента каганом достаточно было одобрения его сородичей — никаких выборов не было: как и писал В.В. Бартольд, курултай или совет просто собирался для торжественной процедуры¹¹⁰¹. Династия каганов порождалась тремя силами: волей и силой Неба, «земли-воды» (йер суб) и деятельностью народа¹¹⁰². В толковании функций кагана Е.И. Кычанов следует за С.Г. Кляшторным¹¹⁰³.

Тюркские правители имели кочующие ставки, обозначавшиеся термином *тин*¹¹⁰⁴ ‘ставка’, ‘место пребывания правителя’¹¹⁰⁵. Чаще использовался термин *я-чжан*, где *я* — ‘знамя’, что буквально можно перевести как ‘ставка со знаменем’¹¹⁰⁶. Именно этим термином обозначаются резиденции тюркских и уйгурских каганов¹¹⁰⁷. Они выполняли роль столицы государства. Кагану в управлении помогали четыре группы людей: прежде всего, его сородичи, члены правящего дома, затем союзные кагану племена и народы, и последние две — чиновники-администраторы, которые размещались соответственно слева и справа от кагана¹¹⁰⁸. Возможно, среди них были чиновники, ведавшие делами согдийцев, игравших роль ремесленников и строителей в древнетюркском обществе¹¹⁰⁹. Е.И. Кычанов также говорит о шаманах, служителях культа¹¹¹⁰.

Разделение каганата на три части, по мнению исследователя, традиционно и вызвано стремлением облегчения управления им¹¹¹¹. Что касается разделения западных тюрков на десять частей, «стрел», во главе с шадами, ученый обратил внимание на то, что в китайских источниках эти «стрелы» (*цзянь*) стали именоваться *бу-ло*, а, соответственно, «тюрки десяти стрел» стали обозначаться как *ши-син бу-ло*, т.е. «бу-ло десяти фамилий». Поскольку есть сообщение, что в 657 г. их войско насчитывало 100 тыс. человек, Е.И. Кычанов считал, что каждая «стрела» или клан (*син*) соответствовал тумэну, военно-административной единице госу-

¹⁰⁹⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 97; *Его же*. История приграничных ... С. 117.

¹⁰⁹⁹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 122; *Его же*. История приграничных ... С. 145.

¹¹⁰⁰ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 98—99; *Его же*. История приграничных ... С. 118—119.

¹¹⁰¹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 99; *Его же*. История приграничных ... С. 119—120.

¹¹⁰² Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 98, 100; *Его же*. История приграничных ... С. 118, 121.

¹¹⁰³ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 100—101; *Его же*. История приграничных ... С. 121.

¹¹⁰⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 102; *Его же*. История приграничных ... С. 122.

¹¹⁰⁵ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 282; *Его же*. История приграничных ... С. 320.

¹¹⁰⁶ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 282; *Его же*. История приграничных ... С. 320.

¹¹⁰⁷ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 101, 122; *Его же*. История приграничных ... С. 122, 145.

¹¹⁰⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 102; *Его же*. История приграничных ... С. 122.

¹¹⁰⁹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 114; *Его же*. История приграничных ... С. 136.

¹¹¹⁰ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 112, 299; *Его же*. История приграничных ... С. 133, 338—339.

¹¹¹¹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 106, 108, 287; *Его же*. История приграничных ... С. 127, 129, 325—326.

дарства, выставившей около 10 тыс. воинов¹¹¹². Вся низовая административная система государства, по-видимому, имела военизированный характер, территория и население делилось по принципу десятичной системы¹¹¹³.

Разбирая правовые отношения у тюрков, Е.И. Кычанов пришел к заключению, что женщины у них приравнивались имуществу, поскольку «шли в уплату композиций за некоторые уголовные преступления»¹¹¹⁴. Он исходил из сообщения о существовании у тюрков обычая отдавать дочь за нанесенное увечье глаза, а если нет дочерей, то «жену и имущество»¹¹¹⁵. При этом он не отрицает и перевод Н.Я. Бичурина как «женино имущество», т.е. *имущество жены*¹¹¹⁶. В оригинальном тексте «Суй шу» написано: *шан-жэнь-му-чжэ чай чжи и ню у-ню цзе шу фу цай* [Суй шу, цз. 84, с. 3б], и иероглиф *фу* ‘замужняя женщина’, ‘жена’ может в данном случае выступать как неоформленное определение к последующему слову *цай* ‘имущество, собственность’, когда служебное слово *чжи* в таких случаях опускается — явление, известное еще в позднем древнекитайском языке¹¹¹⁷.

Е.И. Кычанов предполагал, что у тюрков имела место коллективная ответственность. Он исходил из сообщения китайских летописей о казни малого кагана И-ли каганом Сы шэ-ху (630—633 гг.) со всей семьей (*цзу*)¹¹¹⁸.

Исходя из текста «Чжоу шу» о зарубках для учета призываемых на военную службу людей и лошадей (*чжэн-фа бин-ма*), а также налогов (*кэ-шуй*) и разного скота (*цза-чу*), Е.И. Кычанов делает вывод о существовании воинской повинности и регулярном характере взиманий с населения и покоренных народов; при этом не столь принципиально, правильнее именовать их «данью» или «налогами»: это установить сложно, т.к. и то, и другое взималось в установленном размере. Тем не менее, «в тюркском государстве, хотя бы в отдельные периоды и в отдельных его регионах, мы имеем дело с налогооблажением»¹¹¹⁹.

Тюркское общество делилось на лично свободных (бош [??? — *Авт.*]) и рабов (кулькюн). Е.И. Кычанов, считал, что рабы играли важную роль в Тюркском каганате. «Безусловно, — пишет он, — рабы — тюрки и не тюрки, какова бы ни была их численность и в какой бы сфере хозяйственной деятельности они ни использовались, являлись четко очерченным эксплу-

¹¹¹² Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 108, 266; *Его же* История приграничных ... С. 129, 303.

¹¹¹³ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 113—114; *Его же*. История приграничных ... С. 134—135.

¹¹¹⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 111; *Его же*. История приграничных ... С. 131.

¹¹¹⁵ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 110; *Его же*. История приграничных ... С. 131

¹¹¹⁶ Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах ... Т. I. С. 230.

¹¹¹⁷ См.: Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. М., 1965. С. 104; Софронов М.В. Китайский язык и китайская письменность : курс лекций. М., 2007. С. 180.

¹¹¹⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 110; *Его же*. История приграничных ... С. 131.

¹¹¹⁹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 111—112, 296, 297; *Его же*. История приграничных в ... С. 132, 133, 335, 336. Здесь также ссылка на М. Мори о взимании нормированного налога шадами, ср.: *Его же*. Кочевые государства ... С. 104; *Его же*. История приграничных ... С. 124),

атируемым классом древнетюркского общества»¹¹²⁰, поскольку, по его мнению, у всех народов рабство было «первой, наиболее откровенной формой порабощения человека человеком» (по аналогии с античной Грецией и Римом)¹¹²¹.

У тюрков имела место частная собственность на скот, рабов и прочее имущество. Скот клеймился тамгой. Общество знало дифференциацию на богатых (бай) и бедных (чугай). Имущественная дифференциация и происхождение делили общество на благородных бегов и простой народ (будун) или же черный народ (кара будун); возможно, принадлежность к этим слоям, — правящему клану (тегины), бегам, куда входили все чиновники, и кара будуну, — имело сословный характер и было закреплено в обычном праве¹¹²². Навряд ли можно говорить о классах. Народ-будун, соединенный между собой родо-племенными отношениями, представлял один уровень организации, а «устраивавшийся» и «поддерживавшийся» над ним каганом, эль был организацией иного уровня — политической¹¹²³.

Полемизируя с И. Эчеди, А.Н. Бернштамом и М. Мори, Е.И. Кычанов считал возможным говорить лишь о том, что в основе племен лежал не кровно-родственный, а хозяйственно-территориальный характер объединения. Каким образом соотносились родо-племенная и военно-административная организация, точно сказать, он считает, сложно¹¹²⁴. Притом тюркский эль, включая в свой состав покоренные народы, часто сохранял за ними их социальные структуры, ограничиваясь назначением тутука, но не знал союзнических отношений, поэтому не может считаться конфедерацией или федерацией, а государством, сохранявшим разные социальные системы для собственного и подчиненных, эксплуатируемых народов¹¹²⁵.

Е.И. Кычанов соглашался с Л.Р. Кызласовым по поводу того, чтобы именовать «древними тюрками» лишь племя, образовавшее каганат, просуществовавший с 551 по 744 гг., но уже на следующей странице пишет, что «государства тюрков просуществовали почти 300 лет», поскольку Тюркский каганат в 744 г. сменил Уйгурский, а сменивший его, в свою очередь, «Киргизский был уничтожен в X в. киданями»¹¹²⁶. Еще ниже ученый говорит о том, что Уйгурский и Кыркызыский каганаты являются примерами того, как «совершенствовалась общетюркская государственность народов Центральной Азии»¹¹²⁷. Также он указывает, что те же формы государственности и устройство, что и у тюрков, были у уйгуров и *се-янь-то*¹¹²⁸. Признавая общую линию развития тюркской государственности, но также свою специфику каждого из каганатов,

¹¹²⁰ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 114—115; *Его же*. История приграничных ... С. 136.

¹¹²¹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 271—272; *Его же*. История приграничных ... С. 308.

¹¹²² Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 115; *Его же*. История приграничных ... С. 137. См. также: *Его же*. Кочевые государства ... С. 272; *Его же*. История приграничных ... С. 309.

¹¹²³ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 115—116; *Его же*. История приграничных ... С. 138—139.

¹¹²⁴ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 116—117; *Его же*. История приграничных ... С. 139.

¹¹²⁵ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 117—118; *Его же*. История приграничных ... С. 140.

¹¹²⁶ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 94, 95; *Его же*. История приграничных ... С. 114.

¹¹²⁷ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 125; *Его же*. История приграничных ... С. 146.

¹¹²⁸ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 123; *Его же*. История приграничных ... С. 146.

Е.И. Кычанов критикует схему С.А. Плетневой, отнесшей Тюркский, Уйгурский и Кыркызыский каганаты к разным ступеням эволюции («стадиям кочевания»), т.к., по его мнению, уйгуры не создали ничего принципиально нового, а кыркызы более заимствовали китайский образец управления¹¹²⁹.

С конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. С.Г. Кляшторный развивает свои мысли прежних лет в последующих изданиях, при этом, по мнению П.К. Дашковского, будучи не всегда последовательным¹¹³⁰. В частности, в вводной главе «История населения Восточного Туркестана» совместной с А.А. Колесниковым монографии о Восточном Туркестане (с. 9—55), а затем в главе IV «Хунны и тюрки в Восточном Туркестане» (с. 116—156) изданного в 1992 г. коллективного издания «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии» С.Г. Кляшторный впервые представил изложение своего полного видения истории древнетюркских политических образований. В это же время в одной из совместных с Т.И. Султановым работ С.Г. Кляшторный представляет свою «общую концепцию этнической истории древнетюркских племен», где излагает свое видение ранних этапов тюркского этно- и глоттогенеза в общем контексте политической истории Центральной Азии. Здесь С.Г. Кляшторным, отметившим в качестве древнейших территорий формирования тюркского этно- и глоттогенеза Центральную Азию и Южную Сибирь, — «от Алтая на западе до Хингана на востоке», — наиболее четко было сформулировано мнение о соотношении этнической и социальной истории тюркоязычных кочевников: «Отличительной чертой этногенетических процессов в Великой степи был их дислокальный, т.е. не связанный с одной территорией характер, определяемый высокой степенью подвижности населявших ее племен. Общей особенностью тюркоязычных племенных объединений древности и Средневековья была их неустойчивость, мобильность, способность легко адаптироваться в составе вновь возникающих племенных группировок. Только в рамках этнополитических объединений, созданных той или иной родо-племенной группой (династией), казалось бы, хаотические миграции приобретали определенную направленность. И только в пределах обширных хронологических периодов заметно, что эти миграции подчинялись общей закономерности — смещению тюркоязычных групп с востока на запад»¹¹³¹. При этом ученый отмечал, что «смена на исторической арене одних племенных

¹¹²⁹ Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 125; *Его же*. История приграничных ... С. 148—149.

¹¹³⁰ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 248; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 456.

¹¹³¹ Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 80; *Их же*. Государства и народы ... С. 78; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 85—86; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux* ... Р. 146; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 79; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 223; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 198. Данное методологическое заблуждение по поводу единственного направления миграций кочевников с востока на запад, носящее характер стереотипа, уже было опровергнуто Б.И. Вайнберг на конкретном материале, на Западе же на этот аспект обратил внимание Д. Синор (*Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в Древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. М., 1999.

объединений другими вовсе не означала их полного исчезновения. Древние племена сохранялись во вновь возникших этнических и политических структурах, часто под другими названиями, и формировали новые народы, претерпевавшие свои деформации. Судьба каждого из них неотделима от судьбы соседей и сородичей»¹¹³².

Отталкиваясь именно от факта существования тех или иных политических образований в конкретные хронологические этапы, С.Г. Кляшторный предложил определенную периодизацию древнетюркской истории. Он выделил слабо освещенный источниками период III—V вв. как этап легендарных предков, связанный с обособлением тюркоязычных групп в отдельные этнические образования, отраженные в археологических культурах. Затем наступает этап архаических империй, период VI—IX вв., — время бытования «тюркских и уйгурских каганатов, а также государств карлуков, тюргешей, кыргызов и кимаков», эфемерных образований, характеризующихся общими социально-политическими структурами, с одной стороны разрываемых центробежными тенденциями, но с другой — объединенных «общеимперской идеологией». При этом «в рамках единой державы появляются и продолжают существовать даже после ее распада единый литературный язык и письменность, общеимперская мода в материальной культуре, социально-политическая номенклатура». Его сменяет этап варварских государств, «преобразующихся в раннефеодальные державы» (восточно-туркестанские уйгуры, сырдарьинские огузы, Караханиды)¹¹³³.

Таким образом, в понимании С.Г. Кляшторного древнетюркские политические образования последовательно проходили определенные этапы политогенеза, но, по-видимому, по одной заданной схеме, т.к. в другом месте он указывал, что «ускорение процессов социального развития и территориально-политической консолидации привело во второй половине I тыс. к созданию тюркоязычными племенами нескольких крупных государственных образований (каганатов) на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа: первого Тюркского каганата, Восточнотюркского каганата, Западнотюркского каганата, Тюргешского каганата, Уйгурского каганата, а также государств енисейских кыргызов, карлуков, кимаков, приаральских огузов (гузов). Это время

С. 110—118; *Sinor D.* Reflections on the History and Historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. Vol. 58(1). P. 10).

¹¹³² *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 75; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 21; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 181.

¹¹³³ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 80—83, 84—85; *Их же.* Государства и народы ... С. 80—81, 82; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 87—88, 89; *Kljaštornyj S.G.* Les Points Litigieux ... P. 147—148, 149; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 81—83; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 224—228; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 200—201.

принято называть древнетюркской эпохой». Все эти народы были связаны общей культурой¹¹³⁴.

Конкретно это проявилось в следующем. «Имперская структура верховной власти», сформировавшаяся еще у хуннов, «предопределила глубокие социальные изменения не только внутри господствующей племенной группировки, но и в зависимых от них сообществах», резко ускорив там процессы политогенеза, нашедшие отражение в «унифицированной для всего центрально-азиатского мира политической терминологии источников». Позже «классическое воплощение» этой новой социально-политической структуры находит у тюрков и енисейских кыркызов в VI—VIII вв., когда появились термины, «обозначавшие как государственную политическую организацию (*эль*), так и сохранившуюся этноплеменную общность (*бодун*)»¹¹³⁵.

В 545 г. создается тюркский племенной союз, в 551 г. глава которого Бумын принял титул кагана. Тюрки быстро подчинили ряд соседних племен, создав государство *Тюрк эль*, после чего имя *тюрк* стало обозначать не только название племени, но и принадлежность различных племен к созданной им державе¹¹³⁶. По мнению С.Г. Кляшторного, «тюркские каганы стали создателями первой евразийской империи, политическое и культурное наследие которой оказало существенное влияние на историю Средней Азии и Юго-Восточной Европы»¹¹³⁷.

В свое понимание *империи* С.Г. Кляшторный вкладывал следующее значение: «*политико-этнические образования*, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателей империи», при этом при их создании «завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом». Завоевание происходило в два этапа: вначале шло объединение степных племен под властью одной династии и одного племени, после чего эти силы направлялись на то, чтобы поставить в зависимость от себя «области и госу-

¹¹³⁴ Цит. по: *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 74—75 (выделение полужирным шрифтом С.Г. Кляшторного). См. также: *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 218—219; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 181.

¹¹³⁵ *Кляшторный С.Г.* Основные этапы политогенеза ... С. 119.

¹¹³⁶ *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан ... С. 25; *Восточный Туркестан ...* 1992. С. 126; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 79; *Их же.* Государства и народы ... С. 77; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 90; *История Востока. Т. II.* С. 61. Ср.: *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 79; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 222—223; *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии ... С. 427; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 197. При этом «среди самих тюркоязычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого “тюркского” этнического самосознания не было, как не было и общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековье государственных образований» (*Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан ... С. 25).

¹¹³⁷ *Восточный Туркестан ...* 1992. С. 131; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 88; *Их же.* Государства и народы ... С. 85—86; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 92; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 86; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 231; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 434.

дарства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью», что приводило к установлению даннической зависимости или иных форм политического подчинения. «Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи»¹¹³⁸. Такое понимание сущности *кочевых империй* было развито С.Г. Кляшторным в написанной в соавторстве с Д.Д. Васильевым и М.В. Гореликом статье на примере ряда кочевнических политических образований Евразийских степей¹¹³⁹. «Становление государственности» в степях Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в «период раннего средневековья» (VI—XI вв.), по мнению С.Г. Кляшторного, начинается «именно с образования Тюркского каганата», и уже от него его государственные традиции наследуются уйгурами, кыргызами, кимаками, кыпчаками, булгарами и хазарами. «Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй», — заключает С.Г. Кляшторный¹¹⁴⁰.

По мнению П.К. Дашковского, в построениях С.Г. Кляшторного прослеживается влияние формационного подхода¹¹⁴¹. Однако попытки усмотреть во взглядах С.Г. Кляшторного мнение о внешнем факторе развития государственности¹¹⁴² требуют некоторых оговорок. В ряде работ советского периода склоняясь к пониманию уровня социально-политического развития кочевнических обществ как раннеклассового, в разделе для сводной работы «История древнего мира», посвященному хуннской державе, С.Г. Кляшторный охарактеризовал политическое образование хуннов как «примитивное государство»¹¹⁴³. В публикации 1993 г. С.Г. Кляшторный прямо указал, что разделяет выводы Е.И. Кычанова о раннегосударственном характере кочевнических политических объединений¹¹⁴⁴. На лекции, прочитанной 24 марта 1998 г. в Казани, С.Г. Кляшторный выступил с мнением о внешних факторах формирования государства у кочевников на примере хуннов¹¹⁴⁵, а в монографии 2005 г., в целом оставаясь на прежних позици-

¹¹³⁸ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 9—10; Кляшторный С.Г. Предисловие к тому // История татар ... Т. 1. С. 14; *Его же*. Основные этапы политогенеза ... С. 122.

¹¹³⁹ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды: материалы научной конференции / отв. ред. Г.Ф. Валеева-Сулейманова. Казань, 1993. С. 33 сл.

¹¹⁴⁰ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 12; Кляшторный С.Г. Предисловие к тому. С. 13; *Его же*. Основные этапы политогенеза ... С. 122.

¹¹⁴¹ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 249; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 457.

¹¹⁴² Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 255; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 460.

¹¹⁴³ Кляшторный С.Г. [Лекция 14] Гуннская держава на востоке // История древнего мира. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1989. Кн. III. Упадок древних обществ / отв. ред. В.Д. Неронова. С. 246.

¹¹⁴⁴ Кляшторный С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 140 прим. 1.

¹¹⁴⁵ Цит. по: Ахсанов К.Г. Проблема становления государственности ... дис. ... С. 122—123; *Его же*. Проблема становления государственности ... автореф. ... С. 25—26. См. также: *Его же*. Основные концепции политогенеза ... С. 43; *Его же*. Проблема государственности ... С. 139.

ях, опять же на примере хуннов он отказался от самостоятельного решения проблемы общественного строя и движущих сил политогенеза у кочевников, приведя две полярные точки зрения (Т.Дж. Барфилда и Е.И. Кычанова)¹¹⁴⁶. Однако в статье 2003 г., характеризуя объединение хуннов, он писал: «Последним, хотя бы предельно схематично, как относительно простые единицы социального и квазиполитического устройства, обозначаемые в современной социальной антропологии термином “вождество”, трансформировались в то состояние, которое мы обозначаем термином “раннее государство”, а применительно к обозначенным месту и времени — термином “архаичная империя”, объединенная силой или угрозой силы и сама состоящая из раннегосударственных образований и вождеств»¹¹⁴⁷. Уже в публикации 2009 г. ученый отметил важную роль в сложении кочевнической государственности внутренних факторов, таких как возрастающая абсолютизация ханской власти, основанная на идее божественных функций кагана, и развитие военизированной структуры административной и политической организации кочевнических объединений¹¹⁴⁸. На пленарном заседании Ежегодной научной сессии ИВР РАН «Письменное наследие востока как основа классического востоковедения. К 195-летию (1818—2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН» 04.12.2013 С.Г. Кляшторный, вновь повторив свои взгляды в докладе «Становление тюркской государственности и миграционные процессы в степной Евразии», отметил, что в этот период («архаичных империй») в отношениях кочевых империй и оседло-земледельческих государств основную роль играли именно основанные на силе кочевнических политических образований вымогательские и даннические отношения, нежели мирные отношения пограничной торговли и обмена. В последовавшем обсуждении доклада, когда мы попросили ученого конкретизировать свою позицию, С.Г. Кляшторный, отвечая на наш вопрос, особенно подчеркнул формулировку «на определенном этапе».

Именно в этом аспекте нужно иметь в виду и то, что С.Г. Кляшторный, считал возможным говорить об особой «древнетюркской цивилизации» с присущими ей признаками материальной и духовной культуры (прежде всего, собственная письменность), идеологией, формами социальной и политической организации¹¹⁴⁹ (последнее — не без влияния П.Б. Голдена)¹¹⁵⁰. О государственности особого типа он говорит и в последней крупной работе¹¹⁵¹.

Изложение истории Первого Тюркского каганата в этих работах С.Г. Кляшторного от

¹¹⁴⁶ Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 29—30. Ср.: Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 125—126.

¹¹⁴⁷ Кляшторный С.Г. Основные этапы политогенеза ... С. 115.

¹¹⁴⁸ Кляшторный С.Г. Имперская традиция в древнетюркской цивилизации // Научный Татарстан. 2009. № 1. С. 59—63.

¹¹⁴⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркская цивилизация : диахронические связи и синхронические аспекты // Советская тюркология. 1987. № 3. С. 58—62; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 490—491; *Kljaštornyj S.G. Les Points Litigieux* ... P. 160—170.

¹¹⁵⁰ Кляшторный С.Г. История Центральной Азии ... С. 494.

¹¹⁵¹ Кляшторный С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 139.

монографии 1964 г. отличало лишь отсутствие явно марксистских формулировок. Немаловажно то, что к тезису о большей заинтересованности рядовых кочевников в меновой торговле, нежели военных набегах¹¹⁵², С.Г. Кляшторный добавил формулировку, что тюркские каганы, следуя нуждам своих подданных, часто обращались к китайским императорам с просьбами разрешить меновой торг, но поскольку китайцы традиционно рассматривали пограничную торговлю как средство контроля над «варварами», «поэтому на определенном этапе истории тюркской аристократии удавалось получать широкую поддержку рядовых общинников в ее военных предприятиях на южной границе»¹¹⁵³.

В эти годы С.Г. Кляшторный предложил и свое видение истории Западно-тюркского каганата. Поход тюрков на запад, по мнению ученого, был «не просто завоеванием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен» с заселением горно-степных территорий на севере и востоке Средней Азии. Местные родственные им кочевые народы были либо включены в созданную тюрками военно-административную систему, либо мигрировали на запад¹¹⁵⁴. Кочевые, — бывшие изначально и затем инкорпорировавшиеся, — племена были организованы в «десятистрельный племенной союз» (*on oq bodun*), «вполне аналогичный в то время военно-административной системе, существовавшей у восточных тюрков», при этом «стрела» была единицей военно-административной, а не родо-племенной организации, возможно, включая несколько племен. Каждая из них выставляла десятитысячное войско (*тюмен*) во главе с *шадом* и имела своей боевой стяг. Все они были сгруппированы по пять «стрел» в два племенных союза, восточный и западный — *до-лу* и *ну-ши-би*, аналогично племенному союзу хуннов, конфедерации огузов и восточно-тюркскому каганату с его системой *тёлисов* и *тардушей*¹¹⁵⁵. Что же касается территорий с городским и оседло-земледельческим населением, то тюрки не внесли изменений в местные экономические, социальные и политические системы, ограничившись утверждением над ними своего сюзеренитета и установлением дани¹¹⁵⁶. «Таким образом, — пи-

¹¹⁵² См.: Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники ... С. 117; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 163; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 205.

¹¹⁵³ Восточный Туркестан ... 1992. С. 126; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии ... С. 430—431; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 205.

¹¹⁵⁴ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан ... С. 26—27; Восточный Туркестан ... 1992. С. 132; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 89; *Их же*. Государства и народы ... С. 86; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 93; История Востока. Т. II. С. 64; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 86; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 231; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 435.

¹¹⁵⁵ Восточный Туркестан ... 1992. С. 132—133; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 89—90; *Их же*. Государства и народы ... С. 86—87; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 93—94; *Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 86—87; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 231—232; *Его же*. История Центральной Азии ... С. 435—436; *Его же*. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 208.

¹¹⁵⁶ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан ... С. 27; Восточный Туркестан ... 1992. С. 132; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 89; *Их же*. Государства и народы ... С. 86; Кляштор-

сал С.Г. Кляшторный, — уже через три года после создания Тюркского каганата, в 555 г., на его западных (среднеазиатских) территориях сложилась военно-административная система, подобная той, которая существовала на востоке, но не объединенная с ней. Тем самым были созданы политические условия для последующего распада каганата»¹¹⁵⁷.

Тем не менее, завоевание Средней Азии сделало тюрков хозяевами Шелкового пути, главным покупателем шелка была Византия, а главным посредником в торговле были согдийцы. Торговля обогащала как согдийцев, так и тюркских каганов, сбывавших через них свою добычу и дань, получаемую от Китая. В Согде существовало развитое шелкоткацкое производство. Однако наличие местного производства шелка также в восточных провинциях Византии, а также в Иране (хотя и там, и там сначала из импортного сырья, а с VI в. уже из местного), ограничивало возможности сбыта шелка для согдийцев. Незаинтересованность обеих сторон в увеличении импортного шелка, как показывает С.Г. Кляшторный, не повлияла на отношения с тюрками, тем не менее, тюрко-византийский союз носил именно политический характер, хотя согдийцы рассчитывали на заключение торгового соглашения¹¹⁵⁸. Отношения с Ираном носили напряженный, но более или менее стабильный характер.

Дальнейшая трактовка истории Западно-тюркского каганата¹¹⁵⁹, по сути, основывалась на том, что уже было сказано о Западно-тюркском каганате в работах А.Н. Бернштама и Н.П. Кожемяко¹¹⁶⁰. Западно-тюркский каганат отличался от Восточно-тюркского тем, что здесь преобладала городская жизнь, были более развиты земледелие, ремесла и торговля, его социальная структура была «несравненно сложнее», поэтому, по мнению С.Г. Кляшторного, его

ный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 93; История Востока. Т. II. С. 64; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 86; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 231; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 435; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 207.

¹¹⁵⁷ Восточный Туркестан ... 1992. С. 133; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 90; *Их же.* Государства и народы ... С. 87; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 94; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 87; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 232; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 436; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 208—209.

¹¹⁵⁸ Восточный Туркестан ... 1992. С. 135; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 92; *Их же.* Государства и народы ... С. 88—89; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 95; История Востока. Т. II. С. 65; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 88—89; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 233; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 437; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 210—211. Это обстоятельство С.Г. Кляшторный отмечал еще в работе 1964 г., но не стал развивать мысль (*Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники... С. 102—103; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 148—149).

¹¹⁵⁹ Восточный Туркестан ... 1992. С. 135—137; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан ... С. 94; *Их же.* Государства и народы ... С. 90—92; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С. 97; История Востока. Т. II. С. 66; *Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М.* История Казахстана и Центральной Азии. С. 90—91; *Кляшторный С.Г.* [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 233—235; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 439—441; *Его же.* Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 212—214.

¹¹⁶⁰ См.: История Киргизии. Т. 1. С. 86; История Киргизии ... 1963. Т. 1. С. 100—101; История Киргизской ССР ... 1968. Т. 1. С. 111.

«можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат»¹¹⁶¹. При этом в Западно-тюркском каганате власть кагана не была столь же сильной, как в Восточно-тюркском. «Ожесточенная борьба различных группировок военно-племенной знати, в чьих руках была военная сила, часто делала каганов подставными фигурами, цеплявшимися за каждую возможность найти политическую и экономическую опору в своей стране». В этих условиях возрастала роль укрепленных согдийских городов. Кроме того, согдийцы сосредотачивали в своих руках всю экономическую жизнь, они чеканили каганскую монету при тюркских и тюркешских каганах¹¹⁶².

Несколько новых замечаний к тому, что он сам писал прежде (см.: Раздел 2.2), С.Г. Кляшторный добавил к изложению истории Второго Тюркского каганата. Он характеризовался «традиционной структурой Тюркского государства», представляя собой «территориальное объединение этнически родственных и иерархически соподчиненных племен и племенных союзов», притом что идеологически связь их определялась общими верованиями и признанными генеалогиями, а политическое единство — общей военно-административной организацией и общими правовыми нормами» (*törü*). «Первенствовал» в империи союз двенадцати (по К. Цегледи) тюркских племен, возглавляемый династийным племенем А-ши-на. Вторым по политическому значению был племенной союз токуз огузов, ‘девяти огузских (племен)’, которые были более многочисленны, нежели тюрки, но пребывали в более разрозненном состоянии. Кроме того, важную роль играли еще две «конфедерации» — карлуки и басмылы. Главы отдельных племен носили титул *иркин*, главы племенных объединений — *эльтеберы*. Во главе империи стоял каган, «державший *эль* и возглавлявший *бодун*», административные должности занимали его ближайшие родственники, носившие титулы *шад* и *йабгу*. Кагану помогали советники (*буйуруки*), исполнявшие военно-административные, дипломатические и судебные функции, носившие титулы *таркан*, *чор*, *тудун*. В целях более эффективного административного управления племена были организованы в две территориальные группы — *тардуш* (западная) и *тёлис* (восточная), составлявшие соответственно «крылья» боевого порядка и возглавляемые родичами кагана (шады) и наиболее влиятельными вождями каждого «крыла» (например,

¹¹⁶¹ Кляшторный С.Г., Колесников А.А. Восточный Туркестан ... С. 29; Восточный Туркестан ... 1992. С. 137—138; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 92; Их же. Государства и народы ... С. 96; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 98—99; Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 92; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 236; Его же. История Центральной Азии ... С. 441; Его же. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 214—215

¹¹⁶² Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан ... С. 93—94; Их же. Государства и народы ... С. 98; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 101; Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 93; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 237; Его же. История Центральной Азии ... С. 441; Его же. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 216.

Кюли чор)¹¹⁶³. Ученый отметил, что каганат все же оставался непрочным образованием именно из-за родо-племенной структуры. Так, военные поражения при Капагане способствовали кризису в каганате и восстаниям племен, подавлять которые пришлось как самому Капагану, так и после его гибели его наследникам¹¹⁶⁴. Упадок каганата начался из-за стремления к самостоятельности удельных правителей рода А-ши-на, что привело к усобицам и падению тюрков¹¹⁶⁵.

С.Г. Кляшторный внес дополнения и к своему пониманию социальной структуры древнетюркских обществ¹¹⁶⁶. Основным фактором форм высокой горизонтальной мобильности, считает он, была «крайняя неустойчивость экстенсивной скотоводческой экономики и ее чрезмерная специализация, лишавшие кочевое общество возможности полного самообеспечения», хотя она была обусловлена экологически. Вертикальная мобильность определялась богатством и личной доблестью человека, лишь на самом верху она сводилась к насильственной смене всей родоплеменной верхушки, т.е. фактической смене всего состава правящего сословия¹¹⁶⁷. Формы вертикальной мобильности не носили регулярного и узаконенного характера и не имели оправдания в политической доктрине в высших формах идеологии, что, по мнению С.Г. Кляшторного, было связано с «общей незрелостью социально-политической структуры или... <...> с безысходной внутренней противоречивостью структуры кочевого общества»¹¹⁶⁸.

Российский археолог С.А. Васютин определил Первый Восточно-тюркский каганат как «кочевую суперимперию» по аналогии с раннегосударственными образованиями. Распад таких образований вызван невозможностью эффективного управления всей территорией из одного центра, а также тяготением отдельных частей империи к разным земледельческим центрам¹¹⁶⁹. Второй Тюркский каганат, как и Уйгурский, был отнесен ученым к «кочевым ксенократическим империям», сходным с суперсложными вождествами земледельческих народов, основным

¹¹⁶³ История Востока. Т. II. С. 151—152; *Sinor D., Klyashtorny S.G. The Türk Empire. P. 331—332; Klyashtornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 171—172. Ср.: Кляшторный С.Г. История Центральной Азии ... С. 493.*

¹¹⁶⁴ *Sinor D., Klyashtorny S.G. The Türk Empire. P. 334—335; Klyashtornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 172—173.*

¹¹⁶⁵ История Востока. Т. II. С. 153—154; *Sinor D., Klyashtorny S.G. The Türk Empire. P. 337; Klyashtornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 174; Абусеитова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. С. 98; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 241; Его же. Рунические памятники Уйгурского каганата ... С. 223.*

¹¹⁶⁶ В основе этих разработок С.Г. Кляшторного лежали его статьи, написанные в середине 80-х гг. XX в. (*Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 256; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 428, 460—461.*)

¹¹⁶⁷ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы ... С. 149—150; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 157; Klyashtornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 160; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 258.*

¹¹⁶⁸ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы ... С. 150; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С. 158; Klyashtornyj S.G. Les Points Litigieux ... P. 160; Кляшторный С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники. С. 258.*

¹¹⁶⁹ *Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М., 2002 (Цивилизационное измерение. Т. 6). С. 68; Vasjutin S.A. Typology of Pre-States and Statehood Systems of Nomads // Nomadic Pathways in Social Evolution / ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, and T. Barfield. Moscow, 2003 (Civilization Dimension. Vol. 5). P. 58.*

признаком таких «империй» была «сложная этническая и родоплеменная стратификация»¹¹⁷⁰.

Подробно разбирая механизмы власти в Тюркском каганате, С.А. Васютин отметил именно фактор распределения каганом среди круга знати, представленного его родственниками и кланово-племенными лидерами, материальных благ, полученных в результате торговли или военных походов, что укрепляло авторитет кагана среди знати, повышая ее лояльность¹¹⁷¹. В то же время племенные вожди (лидеры кланово-линиджных групп) получали от кагана санкцию на собственные военные акции, призванные обеспечить необходимой продукцией своих подчиненных¹¹⁷². Среди архаичных черт С.А. Васютин выделяет публичную демонстрацию добродетелей кагана перед всем народом: щедрость, мудрость, военная доблесть, проявлявшаяся не только в публичных мероприятиях¹¹⁷³, но и также в возведении значительных погребальных и поминальных сооружений и нашедшую отражение в особом тоне рунических текстов¹¹⁷⁴. Однако в целом Тюркский каганат так и остался неустойчивым политическим объединением.

В дальнейших работах С.А. Васютин, развивая выводы С.Г. Кляшторного, основанные на непосредственном анализе источников, и следуя теоретическим разработкам Н.Н. Крадина, рассматривает в качестве основы механизма функционирования кочевнических обществ времен древнетюркских каганатов VI—VIII вв. иерархическую стратификацию населения, «преимущественно различающееся по степени свободы и несвободы, а также комплексу прав и привилегий»¹¹⁷⁵. При этом, по мнению С.А. Васютина, рассматривать взаимодействие с оседло-земледельческими соседями в качестве основного фактора развития государственности у кочевников, преждевременно¹¹⁷⁶. Первый Тюркский каганат характеризуется С.А. Васютиным как «объединение кочевых племен и союзов с многоплеменной этнополитической иерархией», важным механизмом функционирования которого была «престижная экономика» — распределение захваченной добычи и даров, достававшейся окружению кагана и кочевой аристократии¹¹⁷⁷. Таким образом, Тюркский каганат был «имперским вождеством с несложной политической организацией», достаточной для поддержания распределения продукта, добываемого с

¹¹⁷⁰ Васютин С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников. С. 68—69; Vasjutin S.A. Typology of Pre-States and Statehood Systems of Nomads. P. 58—59.

¹¹⁷¹ Васютин С.А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 96.

¹¹⁷² Там же. С. 96—97.

¹¹⁷³ Там же. С. 97.

¹¹⁷⁴ Там же. С. 99.

¹¹⁷⁵ Васютин С.А. Общественная система кочевников в эпоху Тюркских каганатов (VI—VIII вв.) // Социогенез в Северной Азии : сб. научн. тр. / отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск, 2005. Ч. I. С. 215—223.

¹¹⁷⁶ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 121—122.

¹¹⁷⁷ Васютин С.А. Модели политической адаптации кочевников раннего средневековья в Семиречье // Россия и мир : панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 440.

помощи сбора дани с Китая и войн¹¹⁷⁸. Выполнение этих несложных, — военной, редистрибутивной, сакрально-ритуальной и, возможно, судебной, — функций не требовало развития и усложнения административного аппарата, позволяя каганам опираться на традицию¹¹⁷⁹, т.е. «тюркские установления», и кланово-племенную структуру¹¹⁸⁰. Отсутствие подчиненных оседло-земледельческих территорий и городов не позволило Восточно-тюркскому каганату подняться выше уровня «квазиимперского вожества»¹¹⁸¹, в отличие от Западно-тюркского, значительная доля городского населения в составе которого способствовала развитию системы управления, направляя ее «по пути оформления государственной системы»¹¹⁸².

На проблеме социально-политических отношений у западных тюрков С.А. Васютин остановился отдельно¹¹⁸³. Западно-тюркский каганат заимствовал у оседлых народов фискальную практику, механизмы административного и судебного регулирования, но жизнь кочевников менялась мало¹¹⁸⁴. В Тюркешском каганате, судя по находкам монет с каганской тамгой, происходило усложнение политической системы: усиливается не только взаимодействие с ремесленными и торговыми центрами, но и, видимо, каган учредил специальный аппарат, регулирующий условия торговли и фискальную сферу¹¹⁸⁵. Однако и здесь основную роль играла «престижная экономика»¹¹⁸⁶. Тюркешский каганат остался «военно-политическим образованием имперского типа», сохранив «завоевательную модель» механизма власти. Увеличение доли «государственной составляющей» отрывало власть от рядовых кочевников и кочевой аристократии, что приводило к внутренним конфликтам и, в итоге, так и не смогло привести к созданию государства¹¹⁸⁷.

С.А. Васютин справедливо писал о невозможности характеризовать степень политического развития кочевнических политических объединений по единой шкале, указывая на сложность и многокомпонентность систем управления ими¹¹⁸⁸. Здесь на основе кросс-культурного анализа им была предпринята попытка разработки искусственной шкалы сравнения «динамики

¹¹⁷⁸ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 318—320; Васютин С.А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) // Восток (Oriens). 2010. № 4. С. 21—22.

¹¹⁷⁹ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 320; Васютин С.А. Основные модели организации власти ... С. 22.

¹¹⁸⁰ Васютин С.А. Модели политической адаптации ... С. 440.

¹¹⁸¹ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 320. Или «имперское вожество» (Васютин С.А. Основные модели организации власти ... С. 22—23).

¹¹⁸² Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 320.

¹¹⁸³ Васютин С.А. Модели политической адаптации ... С. 440.

¹¹⁸⁴ Там же. С. 440—441.

¹¹⁸⁵ Там же. С. 441; Васютин С.А. Основные модели организации власти ... С. 24; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 322.

¹¹⁸⁶ Васютин С.А. Модели политической адаптации ... С. 442.

¹¹⁸⁷ Там же. С. 444.

¹¹⁸⁸ Васютин С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // Монгольская империя и кочевой мир. Вып. 2. С. 59; *Его же*. Властные системы раннесредневековых кочевников Евразии в свете теории многолинейности // Монгольская империя и кочевой мир ... Кн. 3. С. 96.

уровней сложности» кочевнических политических объединений на основе формальных показателей, заменяющихся баллами¹¹⁸⁹, примененная прежде Н.Н. Крадиным¹¹⁹⁰. Согласно полученным на основе такого сравнения выводам, объединение во главе с Бумыном на 536 г.¹¹⁹¹ занимает «вторую ступень», характеризуясь как «сложное “вторичное” вождество» — среднемасштабное кочевое общество, с присущей ей моделью возникновения неустойчивых форм интеграции разнородных этнических групп, приводящей к возникновению двух- или трехступенчатой этноплеменной иерархии. Далее развитие этого объединения пошло по опять же одной из двух линий, а именно — военная экспансия привела к расширению его территории и созданию обширной кочевой империи¹¹⁹². Собственно Тюркский каганат выходит уже на «третью ступень», становясь «кочевой империей», характеризующейся административным делением на центр и крылья, сложной многоступенчатой этноплеменной иерархией и связанной с ней пирамидой власти (каган — члены правящего рода, занимавшие высшие военные и административные посты — лидеры кланов), десятичной системой организации войска, строгой дисциплиной в армии, необходимой для организации военных походов против земледельцев, дистанционная эксплуатация, и др. Внешне эти «империи» характеризовались именно политическим центром (ставкой) с должностной иерархией, организацией военных предприятий, заключением договоров с земледельцами и торговли с ними, наличием письменности в мемориально-пропагандистских целях, элементами фискальных практик по отношению к зависимому оседлому земледелию». Несмотря на все эти признаки, такие «империи» были лишь «суперсложными вождествами». Власть опиралась опять же на традиции, выполняя лишь военные, редистрибутивные и сакральные функции. Условно они подразделяются на «типичные» и «даннические», отличающиеся лишь объектом эксплуатации: в первом случае это были «наименее престижные группы кочевников», во втором — земледельцы. Ко второму типу Тюркский каганат относился, выступая в качестве эксплуататора оседлых территорий Средней Азии, в других условиях оставаясь «типичной номадной квазиимперией»¹¹⁹³.

С.А. Васютин предложил также и некоторую схему этапов развития кочевнических политических объединений, согласно которой история тюркской государственности вписывается в тот этап, когда «преобладали обширные политии, которые стремились к подчинению всех ко-

¹¹⁸⁹ *Васютин С.А.* Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2010. № 3(79). С. 51; *Его же.* Властные системы ... С. 105—110; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 333—338; *Васютин С.А.* Основные модели организации власти ... С. 26—30.

¹¹⁹⁰ *Крадин Н.Н.* Кочевники Евразии. С. 72 сл.

¹¹⁹¹ Очевидно, ошибочная дата взята у Н.Я. Бичурина (См.: *Ecsedy H.* Trade and War Relations ... P. 132, 152 endnote 6).

¹¹⁹² *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 341; *Васютин С.А.* Властные системы ... С. 120—121; *Его же.* Основные модели организации власти ... С. 31.

¹¹⁹³ *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 341—342; *Васютин С.А.* Властные системы ... С. 121—122; *Его же.* Основные модели организации власти ... С. 31.

чевых групп и их включению в этноплеменную иерархию»¹¹⁹⁴.

Тенденцию к превращению из «суперсложного вожества» в другую модель кочевой политики, кочевую конфедерацию, С.А. Васютин разглядел во Втором Тюркском каганате в период правления Бильге кагана (716—732 гг.), — процесс, так и не завершившийся из-за преждевременной смерти правителя¹¹⁹⁵. При его предшественнике Капагане достиг пика «процесс перепроизводства элиты», когда с увеличением ее численности, выросли и ее запросы, ввиду чего обычная «редистрибутивная» политика уже не могла удовлетворять механизм управления объединением, начались центробежные тенденции и распад каганата¹¹⁹⁶. Только смена курса при Бильге кагане, направленная на ослабление управления центральным аппаратом и усложнения аппарата управления на периферии, могла остановить кризис каганата¹¹⁹⁷.

В другой работе С.А. Васютин еще раз остановился на признаках государственности в Тюркском каганате, отметив, что тот государством не являлся, т.к. несмотря на наличие многоступенчатой иерархии, множества должностных лиц, «многие институты и функции, свойственные государству, все же отсутствовали», — такие как гражданская бюрократия, специализированные чиновники, единая фискальная система в отношении кочевых поданных (т.е. регулярные сборы); у кагана и его подчиненных не было монополии на применение силы, не было городов, следовательно, продолжалось господство догосударственных традиций¹¹⁹⁸. Усложнению государственного аппарата мешали постоянные усобицы. О тенденциях усложнения можно говорить в период правления То-бо (572—581 гг.) и Се-ли (622—630 гг.) каганов, в особенности во втором случае, когда в степи появлялись множество согдийских и китайских эмигрантов¹¹⁹⁹. Попытка ослабить внешнюю эксплуатацию Китая и усилить эксплуатацию племен при Бильге кагане привела к деградации властных институтов, усобицам и падению каганата¹²⁰⁰. Таким образом, по отношению к Тюркскому каганату можно говорить лишь о тенденции к усложнению политической организации, которая так и не была реализована.

В специальной работе С.А. Васютин снова отметил, что роль внутреннего фактора в функционировании тюркского механизма власти имела не меньшее значение, чем подарки из Китая¹²⁰¹. Каган должен был «устраивать» свой народ, т.е. заботиться о его порядке и благопо-

¹¹⁹⁴ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 343; Васютин С.А. Властные системы ... С. 125; *Его же*. Основные модели организации власти ... С. 32.

¹¹⁹⁵ Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии ... С. 60.

¹¹⁹⁶ Васютин С.А. Лики власти ... С. 58; *Его же*. Внешнеполитические стратегии ... С. 55.

¹¹⁹⁷ Васютин С.А. Внешнеполитические стратегии ... С. 56—59.

¹¹⁹⁸ Васютин С.А. Основные тенденции политического развития Центральной Азии в период раннего средневековья // Бюллетень (Newsletter). Екатеринбург, 2011. Вып. 1. Материалы конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 21—22 мая 2010 г.). С. 57.

¹¹⁹⁹ Васютин С.А. Основные тенденции политического развития ... С. 57.

¹²⁰⁰ Там же. С. 57—58.

¹²⁰¹ Васютин С.А. Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья (по письменным и эпическим памятникам тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник. 2009—2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 84.

лучии¹²⁰², а также быть удачливым полководцем¹²⁰³ в противовес образу «трусливого» и «неразумного» кагана¹²⁰⁴. Ученый вновь указал на значение «престижной экономики»¹²⁰⁵.

Каган призывает народ к подчинению в рунических текстах, славит свои успехи, но этого недостаточно, поэтому важна роль «престижной экономики» — раздача престижных товаров в соответствии с иерархией¹²⁰⁶. Дань с Китая, поборы с сельского и городского населения Восточного Туркестана и Средней Азии, доставка продукции от полуоседлых и оседлых народов северной периферии, торговые пошлины с Шелкового пути были главным источником дохода, поскольку это важнейший регулятор отношений кагана с его ближайшим военно-аристократическим окружением, обеспечивающий лояльность кочевой аристократии, военной дружины, племенных вождей¹²⁰⁷. Важную роль играла публичная демонстрация богатств и достоинств кагана¹²⁰⁸. Это были три составляющих харизмы кагана, — мудрость, щедрость и храбрость, — власть которого обосновывалась его божественным происхождением, благосклонностью Неба и встроенностью самого кагана в «ритуально-сакральный мир скотоводов»¹²⁰⁹. Иначе говоря, щедрость и военная удача были двумя важнейшими компонентами образа кагана, создаваемого в широких массах его ближайшим окружением¹²¹⁰. Однако вместе с тем при сбоях этого механизма в периоды восстаний племен основную роль играла военная организация, управляемая каганом — «главный институт поддержания единства кочевого мира»¹²¹¹. Скорее всего, каган обладал правом улаживать конфликты между племенными лидерами¹²¹². Однако источником права был не каган, т.к. он слишком зависел от военных успехов. Сакральные функции его тоже были ограничены, поскольку он не имел специальной религиозной организации¹²¹³.

Каганат имел военно-административную структуру (ставка кагана как интеграционный центр империи; деление на крылья во главе с князьями-представителями имперской династии; десятичная система; наличие особых представителей правящего рода в округах; иногда специальная административная сеть послов на торговых маршрутах), которая накладывалась на сложную кланово-племенную иерархию (каган и правящий род; ближайшие по статусу к его

¹²⁰² Васютин С.А. Образ правителя ... С. 84—85; *Его же*. Антропология власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2011. Вып. 72(1—2). С. 318—319.

¹²⁰³ Васютин С.А. Образ правителя ... С. 87; *Его же*. Антропология власти ... С. 323—324.

¹²⁰⁴ Васютин С.А. Образ правителя ... С. 100.

¹²⁰⁵ Там же. С. 85.

¹²⁰⁶ Васютин С.А. Антропология власти ... С. 317.

¹²⁰⁷ Там же. С. 317—318.

¹²⁰⁸ Там же. С. 321.

¹²⁰⁹ Васютин С.А. Образ правителя ... С. 90; *Его же*. Антропология власти ... С. 324—326.

¹²¹⁰ Васютин С.А. Образ правителя ... С. 88—89.

¹²¹¹ Васютин С.А. Антропология власти ... С. 322.

¹²¹² Там же. С. 328—329.

¹²¹³ Там же. С. 329.

клану родственные и аристократические роды; «штаб» кагана, включающий кочевую аристократию, представителей оседлого населения, талантливых военачальников неаристократического происхождения, личную гвардию, различных слуг и т.д.; племена доминирующей этнической группы; зависимые племена, составлявшие основу армии или вспомогательные части; зависимые кланово-племенные объединения с низким статусом (для дани, поборов); подчиненные полуоседлые и подтаежные народы на окраинах империи (для поставки в центр земледельческой продукции, пушнины, металла); размещенные в степи земледельцы)¹²¹⁴.

Квинтэссенцией исследований С.А. Васютина стала статья 2011 г., где он подвел итоги своих разработок. Продолжая относить Первый Тюркский каганат к «типичным» кочевым империям, ученый определяет его как «суперсложное (имперско-ксенократическое) вождество с элементами ранней государственности», Восточно-тюркский и Второй Тюркский каганат, не имевшие владений с оседлым населением, обладали более архаическими структурами и эволюционировали в сторону «племенных конфедераций»¹²¹⁵. Он выделяет пять этапов в истории Тюркского каганата. Первый, 553—572 гг., завоевательный, когда кагана разросся до огромных территорий, а основным источником продукции для кочевников были грабежи оседлого населения, а в 572 г. происходит разделение каганата на крылья и выделение уделов. Начинается второй этап, 572—582 гг., когда появляется необходимость структурирования управления каганатом. Третий этап, 582—603 гг., связан с междоусобицами и расколом каганата, вызванными «перепроизводством элиты» и отразившими невозможность управления такой «широтной» империей из одного центра. К тому же в 581 г. империя Суй прекращает выплату «престижной дани», и к 603 г. тюрки оказываются «в полной зависимости от Китая», идет китаизация знати, но параллельно происходит «кристаллизация надэтнических связей» у зависимых племен, оформляющихся в «племенные вождества» (телесцы, например). Четвертый этап, 603—630 гг., инерционный, когда благодаря кризису в Китае тюркам удается вновь усилиться, но уже укрепление Китая при династии Тан приводит к краху Тюркского каганата. Пятый этап, 689—745 гг., связан с возрождением имперской системы. При Капагане каганат повторяет «классическую» модель развития: проводит завоевательную политику, расширяет территорию, консолидирует разнотнические народы для осуществления над ними «дистанционной эксплуатации», но ряд поражений от арабов и китайцев в 712—715 гг. и мятежи подчиненных племен приводят к власти «изоляционистскую “партию”» во главе с Бильге каганом, Кюль тегином и Тоньюкуком, которые отказываются от старой модели, исключив «путь усложнения властных институтов и каганата за счет контроля шелкового пути и фискально-пошлинной эксплуатации ресурсов Восточного Туркестана». Возникает альтернативная модель, заключающаяся в отказе от набегов на

¹²¹⁴ Васютин С.А. Антропология власти ... С. 308.

¹²¹⁵ Там же. С. 310.

Китай и создания централизованной системы жесткой эксплуатации периферийных племен, реализовывавшейся в создании опорных пунктов для сбора дани в их землях. Но смерть Бильге кагана, последовавшие внутренние раздоры и восстания племен не позволили произойти каким-либо переменам¹²¹⁶.

Разработки С.А. Васютина очень высоко оценил С.Г. Кляшторный¹²¹⁷.

С.А. Васютин отметил также сложность комплексного изучения социальной структуры Тюркского каганата на материалах археологии ввиду, прежде всего, фактического отсутствия элитных погребений, недостаточной изученности захоронений на территории Монголии, где располагался центр империи, а также фрагментарности и противоречивости материала с территорий периферии, в частности Южной Сибири¹²¹⁸. Вместе с тем, ученый указал на возможность выявления определенных характеристик структуры тюркского общества в ракурсе половозрастной дифференциации¹²¹⁹. В частности, на основе археологического материала, ему удалось подкрепить выдвинутый прежде С.Г. Кляшторным на основе анализа письменных источников тезис о важной роли в социальной жизни древних тюрков образа воина-героя¹²²⁰, а также сделать вывод о высоком статусе и значительной роли в обществе категории взрослых (замужних) женщин, охватывающей широкий возрастной диапазон¹²²¹.

В российской науке известна также попытка обобщающего исследования социальной структуры населения Тюркского каганата. Н.Н. Серегин, автор первого монографического исследования социальной структуры населения Саяно-Алтая периода зарождения и существования Тюркского каганата, а также последующих веков бытования *тюркской культуры* (2-я половина V—XI вв., по А.А. Тишкину)¹²²², обобщил данные по погребальной обрядности древних тюрков Саяно-Алтайского региона, т.е. Алтая, Тувы, Минусинской котловины. Н.Н. Серегин также отметил такие трудности, как незначительность известных погребений древнетюркского времени по сравнению, например, с кочевниками предыдущих эпох, а также

¹²¹⁶ Васютин С.А. Антропология власти ... С. 312—316.

¹²¹⁷ С.Г. Кляшторный высказался об этом в личной беседе 07.12.2012.

¹²¹⁸ Васютин С.А. Проблемы и перспективы изучения демографии и социальной стратификации кочевых обществ древнетюркской эпохи по данным археологии // Этноистория и археология Северной Евразии : теория, методология и практика исследований : сб. науч. тр. Иркутск, 2007. С. 269.

¹²¹⁹ Там же. С. 270—271.

¹²²⁰ Васютин С.А. Социальная атрибутика тюркского «мужа-воина» по археологическим источникам // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта — 1 апреля 2009 г.). Иркутск, 2009. С. 84—88.

¹²²¹ Васютин С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул : АГУ, 2009. С. 199—200.

¹²²² Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... Ср.: Тишин В.В. [Рец. на] Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с. // Вестник НГУ. Сер. : история, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 192—195.

такие проблемы, как разграбленность ряда известных памятников и дискуссионность датировки многих комплексов¹²²³.

Тем не менее, на основе новых методик социальных реконструкций в археологии им была предпринята попытка анализа социальной структуры древних тюрков путем выделения половозрастных и социальных показателей положения индивида в структуре общества. По мнению исследователя, материал погребений позволяет говорить не только об имущественной, но и профессиональной дифференциации населения и выделить следующие социальные группы: военную и управленческую элиту, профессиональные воины, свободные общинники, зависимое население, не имевшее права владения оружием¹²²⁴, хотя, в действительности, все подобные построения в той или иной мере условны¹²²⁵. Н.Н. Серегин указывает, что археологические данные с территории Саяно-Алтая позволяют «предположить, что положение людей определялось, прежде всего, не возрастом, а имеющимися заслугами и происхождением», поскольку имеются погребения юношей с разнообразным и многочисленным сопроводительным инвентарем, но «основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины»¹²²⁶. При этом археолог установил такой важный факт, как «отсутствие захоронений, демонстрирующих зависимое положение женщин в обществе кочевников»¹²²⁷, и, что особо интересно, это высокий, судя по материалам раскопок, статус пожилых женщин¹²²⁸. Отсутствие сопроводительного захоронения коня в погребениях тюркской культуры, по крайней мере, на территории Саяно-Алтая и Тувы может рассматриваться как показатель низкого социального статуса погребенного, в иных случаях это может быть этнокультурным маркером¹²²⁹.

Как также выявил Н.Н. Серегин, основным маркером социальной дифференциации погребенных являлись не размеры и устройство погребального сооружения или количество лоша-

¹²²³ См.: Серегин Н.Н. Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая : источники, проблемы, методы // Древние культуры Евразии : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 289—291; *Его же*. Источники и материалы для реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 103—104; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 28—34; *Seregin N.N. Features of Development of Social System of Early Medieval Turks of Central Asia During the Period of the First Khaganate (On Archaeological Materials) // Middle-East Journal of Scientific Research*. 2014. Vol. 20. № 12. P. 2139—2141.

¹²²⁴ Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая. (2-я половина V—XI вв. н.э.): системный анализ и социальная интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. С. 20.

¹²²⁵ См.: Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 106—119.

¹²²⁶ Серегин Н.Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая // Древности Сибири и Центральной Азии : сб. науч. трудов. Горно-Алтайск. 2010. № 3(15). С. 157. См.: *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 73, 72, 75—76.

¹²²⁷ Серегин Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрков Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2(17). С. 66.

¹²²⁸ Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 74, 76.

¹²²⁹ Серегин Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры ... С. 13; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 44—45, 79; *Его же*. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. № 2(8). С. 105—106.

дей, положенных в погребение, определяющую роль играет комплекс сопроводительного инвентаря, при этом «основными являются следующие факторы: 1) материальная ценность предметов; 2) символическая значимость вещей; 3) закономерности распределения изделий в погребениях и особенности распространения конкретных находок; 4) общие тенденции развития кочевых обществ центрально-азиатского региона в раннем средневековье (“престижная” экономика, роль военного дела, направления торговых связей и др.)»¹²³⁰. Исходя, прежде всего, из соотношения предметов, формирующих «комплекс власти» (в основном, предметы вооружения) и «комплекс богатства» (предметы тюркетики из цветных и драгоценных металлов), Н.Н. Серегин сумел выделить на основе мужских погребений три социально-типологических модели погребений «элиты» *тюркского времени* на Алтае, отличающиеся также количеством положенных в могилу предметов, размерами надкурганых сооружений, количеством сопровождающих умершего лошадей¹²³¹. По мнению археолога, результаты анализа погребений позволяют говорить о существовании у тюрков, кроме военной элиты, чисто профессиональных воинов, командующих подразделениями, еще «разветвленного аппарата “чиновников”, деятельность которых не была связана непосредственно с военным делом»; прежде всего, о разграничении этих групп говорит соотношение в отдельных погребениях друг с другом предметов, принадлежащих соответственно к «комплексу власти» и «комплексу богатства»¹²³². При этом Н.Н. Серегин не исключает возможности и иной интерпретации этих отличий — как указания на явление т.н. «двойной элиты», т.е. этносоциальной иерархии, когда наряду с представителями тюркской знати имело место существование местной элиты, не принадлежавшей к тюркам, но выполнявшей на местах определенные административные функции. Это им могли принадлежать комплексы с меньшим количеством предметов вооружения¹²³³.

Интересна гипотеза Н.Н. Серегина, объясняющая незначительные отличия в размерах погребальных сооружений элиты и рядовых кочевников тюркского времени, по сравнению с предыдущими эпохами, где размер кургана также служил четким социальным маркером погребенного. Н.Н. Серегин, развивая мнение С.С. Матренина и А.А. Тишкина, связавших тенденцию постепенного уменьшения у кочевников региона трудозатрат к «гунно-сарматскому» времени (булан-кобинская культура) на возведение погребальных комплексов знати с изменениями

¹²³⁰ Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2013. Вып. 229. С. 75; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 79—80.

¹²³¹ Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков ... С. 76—78; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 121—122.

¹²³² Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков ... С. 78—79; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 124.

¹²³³ Серегин Н.Н. Элита раннесредневековых тюрков ... С. 79; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 124. О разработках в исследовании феномена двойной элиты см.: Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 213; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 419—420, 463—464, 477.

в социально-экономической ситуации и религиозно-мифологических воззрениях кочевников, а также с низким уровнем их консолидации и зависимостью от кочевников Центральной Азии, предположил, что в *тюркское время* в связи, прежде всего, с консолидацией кочевников региона последовало усложнение социальной структуры и политической организации в целом, отразившееся в сокращении разрыва между различными уровнями элиты, появлении разветвленного аппарата управления, что также повлекло увеличение численности представителей привилегированных слоев и, в отдельных случаях, даже к «перепроизводству политической элиты»¹²³⁴.

Это очень важная работа, суммирующая данные в рамках одного региона, но представляющая объективные данные археологии по изучению социальной структуры Тюркского каганата.

Пример очень удачного соединения данных археологических и письменных источников с современными методологическими разработками в кочевниковедении демонстрируют работы С. Штарка. Немецкий археолог в своих работах придерживается концепции определяющего влияния контактов кочевников с оседло-земледельческим миром в развитии политических структур. Номадизм он рассматривает как особое социо-культурное явление. Важное значение для социо- и политогенеза в этом направлении имел контроль над торговыми путями и протекторат над торговыми городами, приносящий товары, распределяемые каганом среди элиты¹²³⁵.

Вышедшая в 2008 г. в качестве монографии защищенная в 2005 г. докторская диссертация С. Штарка представляет собой первую попытку исследования определенных аспектов истории и культуры древних тюрков на основе комплексного сопоставления источников различных групп¹²³⁶. Несмотря на то, что основной уклон делается все же на археологические материалы (очевидно, ввиду специализации самого автора), к исследованию привлечена широкая база письменных материалов, — древнетюркских, китайских, арабских, персидских, согдийских, византийских, тибетских, — многие из которых, в частности китайские и арабские, цитируются им в оригинале, хотя, по замечанию рецензентов, не всегда корректно; кроме того, ученый привлек значительный массив литературы на разных языках, в т.ч. на русском¹²³⁷. В целом работа

¹²³⁴ *Сергун Н.Н.* Элита раннесредневековых тюрков ... С. 79—80; *Его же.* Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 124—125.

¹²³⁵ *Stark S.* Nomaden und Sesshafte in Mittel- und Zentralasien : Nomadische Adaptionsstrategien am Fallbeispiel der Alttürken // *Grenzüberschreitungen : Formen des Kontakts und Wege des Kulturtransfers zwischen Orient und Okzident im Altertum.* Akten des 3. Symposions der Arbeitsgruppe „Orient und Okzident im Altertum“ in Berlin / hg. M. Schulz, U. Hartmann, A. Luther. Stuttgart, 2002 (Orient et Occident. Bd. 3). S. 363—404; *Idem.* Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und Sesshafte. Vol. 6). См. также: *Stark S.* On Oq Bodun. The Western Türk Qaghanate and the Ashina Clan // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* 2006/2007. T. 15. P. 159—172.

¹²³⁶ *Stark S.* Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und Sesshafte. Vol. 6).

¹²³⁷ *Scharlipp W.-E.* [Rez.] Sören Stark : *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien.* Archäologische und historische Studien. Wiesbaden 2008. Dr. Ludwig Reichert Verlag ; Nomaden und Sesshafte Bd. 6. 452 Sn. 7 Karten, 116 Tafeln. ISBN 978-3-89500-532-9 // *Acta Orientalia* [Copenhagen]. 2009. Vol. 70. P. 259—264; *Drompp M.* [Review] Stark,

затрагивает, в основном, проблемы этнического и культурного взаимодействия и, с этой точки зрения, исходя из характера материала, должна быть, прежде всего, оценена археологами. В свою же очередь, скажем, что С. Штарк активно использует опыт советских исследователей по взаимоотношениям кочевников с оседло-земледельческим населением в Средней Азии, но методологические установки определяют и направленность выводов¹²³⁸. Исследования С. Штарка, проработавшего конкретный источниковый материал, как бы венчают теоретические разработки этого направления в историографии кочевниковедения.

Исследователь исходит из понимания надэтнической сущности наименования *Türk*¹²³⁹, отмечая организационный характер терминов *bodun* и *el*, соответственно как военно и политически организованных групп¹²⁴⁰. С. Штарк обращает внимание, что в рунических надписях подчеркивается синонимичность понятий 'организации' объединения племенных групп в империю и ее управлением¹²⁴¹.

Именно с расширением Тюркского каганата связано и распространение элементов материальной культуры по степям Евразии¹²⁴². Определенную роль могла играть организация ремесленного производства в ставках каганов, направленная на монополизацию производства, задающего моду¹²⁴³. В социальном аспекте интересно наблюдение о распространении у согдийцев моды среди прочего и на тюркскую титулатуру, повлекшую девальвацию изначального значения тюркских терминов¹²⁴⁴. Тем не менее, в интерпретации фактического материала здесь у автора встречаются некоторые натяжки¹²⁴⁵. Что касается восточных тюрков, то внимание автора фокусируется на согдийцах в ставке каганов, где они выполняли роль не только ремесленников, чиновников и дипломатов, а формировали отдельную социальную категорию¹²⁴⁶.

Важной гипотезой С. Штарка представляется сделанный на основе археологических и

Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien: Archäologische und historische Studien. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. [Nomaden und Sesshafte, Band. 6]. xvi + 591 pp. ISBN 978-3-89500-532-9 // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2010. T. 17. P. 281—284; Kasai Y. [Review] Stark, Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert 2008. 591 Seiten, 8° = Nomaden und Sesshafte 6, € 99,00, ISBN 978-3-89500-532-9 // Orientalistische Literaturzeitung. 2014. Vol. 109. Iss. 4—5. S. 421—424.

¹²³⁸ В этом русле выполнен и обзор источников: китайских, мусульманских и древнетюркских (Stark S. Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 25—50). Например, это трактовка термина *äb* как "дом" (Ibid. S. 47 Anm. 194), хотя, например, О. Недим (Туна) показал многозначность употребления этого термина в рунических надписях в зависимости от контекста (Tuna O.N. Bazı İmlâ Gelenekleri Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1957. 2. bk. Ankara, 1988. S. 66). Вообще автор использовал древнетюркские источники в устаревших теперь уже переводах Т. Текина (Drompp M. [Review] Stark, Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... P. 284).

¹²³⁹ Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 14—15.

¹²⁴⁰ Ibid. S. 59—63.

¹²⁴¹ Ibid. S. 61 Anm. 254; Stark S. On Oq Bodun. The Western Türk Qaghanate and the Ashina Clan // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2006/2007. T. 15. S. 169—170.

¹²⁴² Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 56—57, 63 ff., 324 (резюме на рус. яз.), 329 (резюме на англ. яз.).

¹²⁴³ Ibid. S. 188—195.

¹²⁴⁴ Ibid. S. 258—260.

¹²⁴⁵ Kasai Y. [Review] Stark, Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 423.

¹²⁴⁶ Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 289—314.

иконографических материалов вывод о существовании тюркских наемных гвардии типа *comitatus* (институт *čakar*) в городах и у отдельных правителей Средней Азии, а также вольных отрядов под руководством тюркских командиров, типа своеобразных *condottieri*¹²⁴⁷. Учитывая, что позже кризис политической организации в Западно-тюркском каганате совпал с периодом раздробленности среднеазиатских владений, после чего теряют значение племенные объединения, есть основания предполагать роль в этом именно таких наемных дружин: бывшие военные элиты стремятся к обретению политической власти¹²⁴⁸.

Следуя П.Б. Голдену и М.Р. Дромпу, С. Штарк отмечает важность у тюрков принадлежности к правящему роду, а также коллективный суверенитет (породивший, например, проблемы после смерти Татпар кагана), и, развивая идеи Дж. Флэтчера, пишет о стремлении образования института дружин типа монгольских *nököd* из согдийских *čakar* (трактовка ситуации с Се-ли каганом), из которых формировался слой советников и высшей администрации, чтобы противопоставить свою власть, — опирающуюся в этом случае на эти иноэтничные, не связанные с местной родоплеменной структурой, — элементы власть притязаниям других членов рода А-ши-на и авторитету местных родоплеменных элит¹²⁴⁹.

Военная организация играла важную роль для самих кочевников. Она способствовала и взлету тюргешей. Однако именуя в рунических текстах западно-тюркское политическое образование *On oq bodun*, а тюргешей ‘своим народом’, и противопоставляя *On oq qağan* и *Türgeš qağan*, восточно-тюркские каганы из рода А-ши-на не признавали тюргешских каганов легитимными; это понимали и сами тюргешы, почему Су-лу и женился на дочери Бильге кагана¹²⁵⁰.

В 2012 г. многолетние исследования узбекистанского специалиста по нумизматике и археологии Г.Б. Бабаярова нашли отражение в докторской диссертации, посвященной социально-политической истории Западно-тюркского каганата¹²⁵¹. Эта работа должна быть рассмотрена подробно, поскольку она, во-первых, представляет собой, первое обобщающее исследование по истории Западно-тюркского каганата¹²⁵², во-вторых, это специальное исследование государственности. Большое значение ему придает то, что в основу положен такой источник, как материалы нумизматики, работа с которыми требует специальной квалификации.

¹²⁴⁷ Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien ... S. 240—247, 325 (резюме на рус. яз.), 330 (резюме на англ. яз.).

¹²⁴⁸ Ibid. S. 247—258 (в особенности, S. 257), 325—326 (резюме на рус. яз.), 330 (резюме на англ. яз.).

¹²⁴⁹ Ibid. S. 303—310, 326—327 (резюме на рус. яз.), 331 (резюме на англ. яз.). См. также: Stark S. On Oq Bodun ... P. 163—164, 168—170.

¹²⁵⁰ Stark S. On Oq Bodun ... S. 165—167.

¹²⁵¹ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... См. также его совместный с Г. Умировым раздел в атласе «Западный Тюркский каганат» (2.3. Территория и система управления государством): Западный Тюркский каганат ... С. 113—123.

¹²⁵² Ср.: Новосельцев А.П. Хазарское государство ... С. 74, 94 прим. 49. Работа М. Наито (1988) на японском языке остается недоступной для большинства исследователей.

Г.Б. Бабаяров исходит из отличий социально-политических процессов у оседло-земледельческих и кочевнических народов и, соответственно, придерживается мнения об особых путях развития государственности последних¹²⁵³. У древних тюрков, или, как указывает ученый, «точнее, прототюркок», терминология отражала особое понимание государства; это, в частности выражалось в том, что *el* ‘государство’, подразумевавший военно-административную организацию, объединял *türk qamağ budun* ‘Весь народ тюрков (Каганата)’, — связанный родоплеменными отношениями (*budun*) и состоявший из племен (*bud*) и родов (*oğuş*), — соединял в себе три основных элемента: *törü* ‘власть/ закон’, *ulus* ‘страна’, *budun* ‘народ’¹²⁵⁴.

Государственные образования Центральной (читай: Средней) Азии Г.Б. Бабаяров подразделяет на два вида: (1) мелкие (догосударственные) и крупные политические объединения кочевых племен, и (2) оазисные государства или объединения оазисных владений; они, как правило, находились под защитой крупных кочевых образований. Все кочевнические объединения региона в истории образовывались путем установления господства кочевников над оседлыми оазисами. Такие объединения могут быть классифицированы как «раннее государство», бывшее уровнем выше, чем вождество¹²⁵⁵. Таким был и Западно-тюркский каганат¹²⁵⁶. При этом Г.Б. Бабаяров не соглашается с высказанным А.М. Хазановым мнением о внешнеэксплуататорской природе Тюркского каганата, когда кочевники и подвластное оседло-земледельческое население составляли разные этно-социальные системы, ученый отмечает, что для Тюркского каганата характерна экономическая интеграция и затем смешение и ассимиляция скотоводческих и оседлых народов¹²⁵⁷. Остановившись на разделяемом многими учеными (В.В. Бартольд, А.М. Хазанов, Т. Дж. Барфилд и др.) мнении о влиянии роли сильной личности в создании кочевой государственности, Г.Б. Бабаяров, однако, считает этот фактор скорее одним из многих, но не единственным и основным, справедливо отмечая, что китайские источники просто акцентировали внимание на одной личности (например, Бумын) и не выделяли других¹²⁵⁸. Очень важное замечание, которое следует учитывать при работе с источниками.

Продолжая критиковать концепцию А.М. Хазанова и Т.Дж. Барфилда, считавших, что государственность у кочевников возникает только после завоевания оседлого населения, Г.Б. Бабаяров указывает на противоречие у развивавшего их идеи Н.Н. Крадина. Так, он замечает: «если все государства у кочевников появились только с целью осуществления внешних целей, то каким образом можно объяснить классификацию формирования империй на

¹²⁵³ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 16, 47.

¹²⁵⁴ Там же. С. 16.

¹²⁵⁵ Там же. С. 16—17. Следует отметить, что в современной науке вопрос о соотношении между категориями *вождество* и *раннее государство* остается предметом дискуссий.

¹²⁵⁶ Там же. С. 49—50.

¹²⁵⁷ Там же. С. 18.

¹²⁵⁸ Там же. С. 18—19.

4 отличающихся друг от друга типа, предложенную Крадиным: 1) *монгольский*; 2) *тюркский*; 3) *хуннский*; 4) *хазарский*?¹²⁵⁹. Г.Б. Бабаяров отмечает высказывание А.М. Хазанова, что «государство у кочевников может возникать за счет внутренней седентаризации и/или создания земледельческого уклада в их обществе без всяких завоеваний, в результате религиозного движения», притом ниже он пишет: «В отдельных случаях государство у кочевников возникало уже накануне завоевания земледельцев и горожан, хотя от успеха или неудачи последнего зависела его дальнейшая судьба»¹²⁶⁰. Так или иначе, процесс развития государственности с подчинением оседло-земледельческого населения А.М. Хазанов связывал. Г.Б. Бабаяров никакой своей схемы не предложил, оставив, таким образом, этот вопрос открытым.

В образовании Тюркского каганата Г.Б. Бабаяров выделяет следующие основные факторы: «1) взаимное объединение в результате борьбы за независимость; 2) экономическая независимость (добыча железа и налаживание торговли им, наличие прочного оружия); 3) установление международных отношений (установление дипломатических связей с Китаем, достижение поддержки союза племен *Теле*); 4) наличие сильных личностей (лидеров) (Бумын, Истеми)»¹²⁶¹, при этом в возвышении «малого политического объединения племени ашина» он выделяет такие два фактора: «1) полная ликвидация власти старых хозяев и их преследование до конца», где имеется в виду разгром *жуань-жуаней*, затем уничтожение эфталитов как «одного из их ответвлений или союзника», а затем «преследование другого их ответвления», авар; «2) попытка восстановления крупных государств, созданных их предшественниками... <...> или попытка копировать их», что подразумевает «установление границ на территории бывших государств Хунов [т.е. хунны, *сюн-ну* — *Авт.*], Кушан, Хионитов и Эфталитов»¹²⁶². Однако, речь может идти о наследовании политических традиций и географической обусловленности рамок расширения.

Г.Б. Бабаяров отмечает, что разделение на два крыла было характерно для всех кочевых образований, в случае же с тюрками западное крыло всегда носило подчиненное положение¹²⁶³. Г.Б. Бабаяровым установлено, что, судя по многочисленным упоминаниям в источниках различного происхождения, а также по данным нумизматики, западные каганы под влиянием внешних событий последовательно сменили свои титулы: *йабгу* (60-е гг. — последняя четв. VI в.), *йабгу каган* (конец VI — 30-е гг. VII вв.) и *каган* (30-е гг. VII — 2-я четв. VIII вв.), соответственно эти периоды охарактеризованы им как *Ябгуйство*¹²⁶⁴, *Ябгу-каганат* и *Каганат*. Не-

¹²⁵⁹ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 19.

¹²⁶⁰ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 369; *Khazanov A.M. Nomads and the Outside World*. P. 233—234.

¹²⁶¹ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 21.

¹²⁶² Там же. С. 21—22.

¹²⁶³ Там же. С. 23.

¹²⁶⁴ Ср. турецкое *yabğuluk*.

смотря на эпизодическое провозглашение отдельными западно-тюркскими предводителями себя *каганами*, так или иначе, Западно-тюркский каганат оставался в номинальном подчинении к Восточно-тюркскому, вплоть до падения последнего в 630 г.¹²⁶⁵ При этом каждый из этапов характеризуется определенными внутренними процессами: так, 560-е — 630-е гг., т.к. время *Ябгуйства* и *Ябгу-каганата*, были «периодом подъема», связанным с расширением территорий, период 630—657 гг., время существования «независимого каганата», прошел во внутренних усобицах, а период 657—740 гг. может быть охарактеризован как «период упадка» или «период правления каганов-марионеток», зависимых от Китая¹²⁶⁶. Не менее важным фактом является то, что Г.Б. Бабаярову удалось показать, что печатание первых монет в западно-тюркском политическом образовании относится уже к периоду конца 560-х гг. — последней четверти VI в. и не прекращалось в дальнейшем¹²⁶⁷.

Анализируя государственную идеологию Тюркского каганата, Г.Б. Бабаяров указывает следующие ее основы: «сохранение в независимом состоянии “вечного эля”» и «обеспечение господства над другими этносами или установление дружественных связей с ними». При этом эта идеология находит отражение в рунических надписях, где создание государства и его расширение преподносится как уничтожение врагов «Тюркского народа», а также «обеспечение его независимого проживания и превращения его в правящую прослойку на захваченной территории»¹²⁶⁸. Таким образом, «в основе этого лежала идеология “строительства мирового государства” [ссылка на О. Турана — *Авт.*] (стремление к освобождению от власти иноплеменников)»¹²⁶⁹. Г.Б. Бабаяров пишет о влиянии *Тенгрианства* на идеологию Западно-тюркского каганата, при этом отрицая возможность принятия отдельными каганами буддизма, «так как, если какой-либо каган возвел другую религию кроме тенгрианства в статус государственной идеоло-

¹²⁶⁵ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 6, 24—25, 26, 33 прим. 139, с. 46.

¹²⁶⁶ Там же. С. 27. Конец каганата ученый связывает с убийством в 740 г. А-ши-на Синь.

¹²⁶⁷ Там же. С. 25—26, 48.

¹²⁶⁸ Там же. С. 28. Г.Б. Бабаяров также обращает внимание на «употребление в стелах узкого и широкого значения термина “тюрк”», считая так: «Если в узком значении данный термин использовался по отношению к правящему этносу, основавшему Каганат, и под ним понималось племя и роды, называвшие себя “тюрк”, то в широком смысле под ним понимались все тюркоязычные, но имеющие свои племенные названия племена. В частности, использование выражений “мои тюрки, мой (свой) народ, мои сородичи” по отношению к враждебным к Каганату племенам, как *огузы*, *уйгуры*, *тюргеши*, *басмылы*, указывает, что они являлись племенами в составе Каганата, так и тюркскими этносами. Таким образом, можно считать, что одной из государственных идеологий, нашедшей отражение в стелах было обращение каганов к своим <м. — *Авт.*> подданным с их этническим именем, особенно по отношению к населению, составлявшему его основу, которое являлось попыткой завоевания у них авторитета. Кроме того, они стремились объединить под этим именем родственные племена» (Там же). Однако эта гипотеза должна быть воспринята с осторожностью при учете всех достижений исследований по общественной организации кочевнических обществ и в связи с установлением ее надэтнической природы. Тем не менее, в несколько более поздней работе автор указывал, что во встречающейся на монетах западно-тюркских каганов формуле *twrk x'γ'n* термин *тюрк* выступает «скорее всего, в узком значении в качестве обозначения этноса — создателя Каганата», подчеркивая принадлежность кагана к правящей этнической группировке, ср. в этом аспекте надпись на монетах тюркешских каганов *twrkyš x'γ'n* (Бабаяров Г., Кубатин А. Монеты западнотюркского каганата с титулом «тюрк-каган»: палеография и интерпретация // Проблемы древней и средневековой истории Чача / ред. Ш. Камоллидин. Berlin, 2014. Вып. 2. История. Археология. Нумизматика. С. 58—60).

¹²⁶⁹ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 29.

гии, то это бы начало ярко проявляться в жизни Каганата»¹²⁷⁰. Но здесь можно возразить по следующим пунктам. Во-первых, неясно, что понимать под *тенгрианством*, ведь навряд ли методологически оправданно сравнивать религиозные воззрения кочевнических народов, базирующихся больше на традиционном мировоззрении с т.н. мировыми религиями, имеющими письменно закреплённую каноническую основу, а зафиксированные в рунических надписях воззрения тюрков скорее отражают государственно ориентированную идеологию, направленную именно на расширение территории за счёт подчинения других кочевнических народов, а также основанную на традиционных культах, при гипертрофировании культа Неба и культа правителя¹²⁷¹. Во-вторых, автор не учитывает установленные для многих кочевнических политических образований особенности религиозной терпимости и даже равнодушия, притом что среди полиэтничного населения, как правило, было распространено множество разнообразных религий, как это было и у тюрков¹²⁷². В то же время массовое принятие кочевниками какой-либо религии может быть обусловлено только глубокой их интеграцией в конкретную культуру. С другой стороны, данное высказывание может быть увязано с указанием автора выше на интеграционные и ассимиляционные процессы среди населения, что также требует особого обсуждения.

Ниже Г.Б. Бабаяров указывает, что тюркский правитель, именуя себя *Небоподобным*, *Небом поставленным*, будучи близок в этом отношении к правителям Танского Китая и Сасанидского Ирана¹²⁷³. Согласно воззрениям древних тюрков, *Тенгри* (бог) предоставлял право на власть избранным людям, какими были каганы, через которых он управлял людьми. Они были наделены сверхъестественными способностями, выразившимися через понятия а) *qut* ‘благодаря, харизма/ политическая власть’; б) *uluš, ülüg* ‘участь, удел, доля’¹²⁷⁴; в) *küç* ‘сила’¹²⁷⁵. Но если каган не был способен править, считалось, что *qut* покидал его, тогда он смещался и отдалялся от власти¹²⁷⁶. Правитель имел огромные полномочия. «Каждый его приказ считался и почитался в качестве закона. Должностные лица всех звеньев государственного управления и весь народ должны были подчиняться приказам и указам правителя». Кроме административной, он выполнял судебные функции (по С. Коджа), но главной его обязанностью, следуя за С. Максуди (Арсалом), Г.Б. Бабаяров называет «защиту территории государства, расширение

¹²⁷⁰ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 29.

¹²⁷¹ Golden P.B. An Introduction ... P. 2—3.

¹²⁷² Ibid. P. 150.

¹²⁷³ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 29.

¹²⁷⁴ Речь должна идти, конечно же, о разных корнях, когда говорится об *uluš* и *ülüğ* ‘часть, доля’, как вторичная форма от первичного *ülüğ*, по словам Махмуда Кашгарлы (Clouston G. An Etymological Dictionary ... P, 153, 142), если только это не опечатка.

¹²⁷⁵ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 30.

¹²⁷⁶ Там же. С. 47.

его границ, упорядочение законов, повышение экономического благосостояния народа». Каган командовал войском¹²⁷⁷.

Что касается системы престолонаследия, то здесь Г.Б. Бабаяров считает, что, согласно *тёрю*, престол должен занимать самый старший в роде мужчина, т.е. действовала система передачи престола от старшего брата к младшему, затем — старшему племяннику. В последующем эта система нарушилась и престол стал переходить от отца к сыну¹²⁷⁸.

Каганат имел развитую бюрократическую систему: важное место занимали *буйруки* (министры); имелась также должность *айгучы* ‘государственного советника, главного советника, главы государственного совета’ (по А. Донуку); среди министров имелся носитель титула *анаоге* ‘главный министр’, осуществлявший контроль над другими министрами; назначавшийся каганом министр с титулом *йарган* отвечал за правовые и судебные дела [??? — *Авт.*]; носители титула *бойла* относились к государственному совету. При этом избрание кагана осуществлялось на курултае (*той*), где принимали участие члены государственного совета, состоявшего из «членов правящего дома, министров и других чиновников центрального аппарата». Кандидат в каганы должен быть представителем династии А-ши-на и тюрком по матери (учитывается случай с Да-ло-бянем)¹²⁷⁹. При этом Г.Б. Бабаяров отмечает, что «если в Восточно-Тюркском каганате правительство в основном, состояло из представителей племен *ашина* и *ашида*, то в управлении Западно-Тюркского каганата участвовали чиновники, происходившие из 10 племен, составлявших военно-административную структуру “Он Ок”», а, кроме того, участие в управлении принимали и представители не-тюркских этносов, в частности согдийцы и китайцы, что подтверждается китайскими источниками¹²⁸⁰.

В другом месте Г.Б. Бабаяров уточняет некоторые моменты. Каган не обладал единоличной властью, разделяя ее с собранием, именованным *той*, «кенгеш», «члены которого именовались “тойгун”» [по И. Кафесоглу!!! — *Авт.*], на них «решались социальные, политические, военные, экономические и культурные вопросы, где решения принимались после прений и совещаний». Они «проходили под председательством кагана, а в его отсутствие они собирались под председательством государственных советников, имеющих титул *айгучы* или *оге*». Постоянными членами государственного совета были лица, занимающие военных и управленческие должности, имеющие титулы *тегин*, *эльтебер*, *эркин*, *кюль-чор*, *ана*, *тудун*, *тархан* и др., во главе с *хатун* и *ябгу/шад*. «Одна часть совета состояла из членов правящего дома, а другая

¹²⁷⁷ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 31.

¹²⁷⁸ Там же. С. 31—32.

¹²⁷⁹ Там же. С. 32.

¹²⁸⁰ Там же. С. 32—33.

назначалась из чиновников, не происходящих из нее». Этот курултай созывался в определенном месте раз в год, там назначались чиновники¹²⁸¹.

Г.Б. Бабаяров, указывая на недостаточную изученность вопроса о существовании у тюрков «удельно-лествичной системы», ссылается на Решата Генча (*Genç R. Karahanlı Devlet Teşkilâtı*. Ankara, 2002. S. 186), выступившего против мнения О. Прицака о существовании у Караханидов и других тюркских государственных образований системы соправительства и постепенчатого возвышения, но, так или иначе, указывает, что, по-видимому, «она не достигла той степени развития, как в эпоху Чингизидов и была еще в “зачаточном состоянии”»¹²⁸². Тем не менее, автор последней крупной работы о Караханидах Б.Д. Кочнев писал на этот счет: «Концепцию О. Прицака разделяют многие исследователи, но прежде всего те, кто историей Караханидов специально не занимается; у тех же, кто ее изучает, сомнения возникают», и добавлял: «О. Прицак сформулировал некие общие принципы организации власти в каганате, очевидно, отдавая себе отчет в том, что в реальной жизни они могли нарушаться. И выявление таких отклонений... <...> разумеется, отнюдь не зачеркивает... <...> концепцию в целом»¹²⁸³.

Специально рассматривая титулатуру каганата, Г.Б. Бабаяров, следуя выделению Т.Дж. Барфилдом трех уровней управления в имперской конфедерации, указывает на три уровня титулов, званий и должностей: «1) центральное правительство и титулы составляющих его чиновников двора, а также глав крыльев; 2) титулы чиновников каганата, управляющих вассальными племенами и владениями; 3) наследственные титулы глав вассальных племен и владений, отвечающих за местное самоуправление»¹²⁸⁴. Титулы присваивались согласно «на основании свода древнетюркских законов — *тёрю*»¹²⁸⁵.

Характерно, что в одной из статей Г.Б. Бабаяров и А. Кубатин показывают наличие очень развитой и сложной многоуровневой системы титулатуры Западно-тюркского каганата, подразделяющуюся на собственно титулы, эпитеты, административные должности; часть из

¹²⁸¹ *Бабаяров Г.Б.* Государственный строй ... С. 33, 36, 47. При этом «чиновники, когда собирались при кагане, занимали во дворце место согласно своему статусу. Возле правителя и за ним занимали место члены династии: братья, племянники и сыновья кагана, а также представители союзных племен; затем справа — следовали чиновники, занимавшие высокие ступени *шадапыт беки*; а слева — *таркат* (тарханы) и *буйрук* (министр) *беки*» (Там же. С. 41).

¹²⁸² Там же. С. 33—34.

¹²⁸³ *Кочнев Б.Д.* Нумизматическая история ... Ч. I. С. 245. Как указывал сам Б.Д. Кочнев, «по существу, весь клан Караханидов являлся коллективным носителем власти, а каждый член династии уже в силу своего происхождения имел право на часть общединастийного достояния», и эта система «восходит к древнетюркскому времени и связана с весьма давними кочевыми, степными традициями», которая «естественно... <...> стала разрушаться в Мавераннахре, стране древней оседлой культуры с иными принципами организации власти» (*Кочнев Б.* Караханидский каганат // *Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред. Д.А. Алимова, Э.Р. Ртвеладзе.* Ташкент, 2001. С. 71, 72).

¹²⁸⁴ *Бабаяров Г.Б.* Государственный строй ... С. 34—36; Западный Тюркский каганат ... С. 116.

¹²⁸⁵ *Бабаяров Г.Б.* Государственный строй ... С. 36.

них восходит к традициям политических образований, предшествовавших образованию Тюркского каганата¹²⁸⁶.

В целом, Г.Б. Бабаяров приходит к выводу, что «Каганат продолжал традиции управления, присущие кочевым и полукочевым государственным объединениям Центральной Азии, существовавших до него, как государства Хунов, Юечжи, Усунь и др.», что особенно «проявилось в управлении кочевыми племенами, опоре на их правящую прослойку и назначении для контроля над ними своего представителя, использование в военном деле “десятичной системы”, присущей этим государствам, создание своих ставок на месте древних управленческих центров, использование в определенной степени в своем государственном аппарате титулов древних государств и др.», но эта система была еще более усовершенствована тюрками¹²⁸⁷.

Административно-территориальное деление каганата позволяет выделить военно-административные территории, т.е. центральные земли и территории, населенные, в основном, кочевым, родственным тюркам населением, входившим в объединение Он-Ок, а также подчиненные территории, в основном сохранявшие свои правящие династии, к которым относились оазисные владения, а также отдельные, как правило, подчиненные силой оружия, кочевые племена, для контроля над которыми Каганат ограничивался назначением наместника¹²⁸⁸. Соответственно, исходя из этого, административный аппарат Каганата состоял из трех ступеней: (1) *центр*, «государственный удел», представленный объединением Он Ок из двух крыл *до-лу* и *ну-ши-би*, включавших по 5 племен, в каждом из которых управляли от имени кагана соответственно *чоры* и *эркины*; (2) «зависимые от центра» вассальные племена и роды, имеющие территорию со своим полунезависимым управлением», возглавляемые *эльтеберами* или *эркинами*; (3) «вассальные оазисные владения, сохранявшие свое независимое внутреннее самоуправление», как правило, правителям которых присваивался титул *эльтебер* и к нему назначался связывающий его с центром наместник *тудун*¹²⁸⁹. Однако методы управления вассалами могут быть разделены на два вида: (1) *непосредственный*, заключавшийся в направлении царевичей-тегинов для контроля вассалов; это было на первом этапе истории Каганата и связано с попыткой укрепления своих позиций в наиболее стратегически важных пунктах (Чач, Фергана, Тохаристан, Кабулистан); (2) *косвенный*, заключавшийся как раз в указанной практике назначения *тудунов*. В отдельных случаях, в зависимости от конкретных условий, Каганат использовал другие средства управления: (1) установление брачных связей с относительно сильными оазисными владениями, когда их правители делались зятями тюркских каганов (Гаочан, Куча, Каш-

¹²⁸⁶ Babayarov G., Kubatin A. Old Turkic Titles Used before the Turkic Qaghanate // Yalın Kaya Bitigi. Osman Fikri Sertkaya Armağanı / ed. H. Şirin User, B. Gül. Ankara, 2013. S. 162—163.

¹²⁸⁷ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 36, 39—40, 43, 48.

¹²⁸⁸ Там же. С. 36—38.

¹²⁸⁹ Там же. С. 6—7, 40, 46—47. Ср.: Западный Тюркский каганат ... С. 114, 120.

гар, Хотан, Самарканд, Мерв), практика, сравнимая Г.Б. Бабаяровым с «системой кураганства»; (2) содержание войска или строительство гарнизона в особо стратегически важных местах (Гаочан); (3) назначение на место правителя какого-либо оазисного владения, — как правило, малого, — представителя важного тюркского племени или рода (Кумед, Панч, Хутгаль и др.); (4) назначение в управление вассальными территориями представителя племени А-ши-на или какого-либо союзного племени¹²⁹⁰.

Среди источников финансового дохода ученый перечисляет следующие: «1) подать, собираемая с зависимых кочевых племен; 2) дань, собираемая с вассальных оазисных владений; 3) использование ценностей или ископаемых богатств каждого подвластного края; 4) сборы с зарубежных караванов и торговцев; 5) доход от торговли шелком и различными металлами (в основном, железом); 6) добыча, полученная в результате битв и различных военных действий (грабеж, завоевательные походы и др.)». Организацией и контролем за сборами ведали *тудуны*, чьи ставки с войсками из практических соображений не нарушать инфраструктуру и не мешать сформировавшейся экономике подвластных территорий организовывались на относительно отдалении от городских центров. Кроме этого, источниками дохода Каганату служили международные торгово-экономические взаимоотношения и добыча военных походов¹²⁹¹.

Внутренний порядок государство обеспечивался «на основании обычного права, именуемого *тёрю*, которому должны были следовать все — члены правительства и граждане» (по С. Максуди (Арсалу)). Оно пронизывало абсолютно все сферы жизнедеятельности общества на всех уровнях: социальную, правовую, экономическую, политическую, религиозную¹²⁹².

Среди несомненно сильных сторон работы следует отметить источниковую базу, в частности широкое использование разнообразных письменных и богатых нумизматических материалов, введенных в оборот самим же Г.Б. Бабаяровым, но существенной слабой стороной предстает некритическое использование научной литературы. Среди такой же богатой научной историографической базы, проработка которой, безусловно, составляет еще одну заслугу ученого, особенно часто им используется турецкая литература, в частности статьи из энциклопедии «Türkler», отмеченные нами в Приложении 5. Но полагаясь на эти работы, Г.Б. Бабаяров отдается под власть вторичных утверждений, основанных на требующих критического переосмыс-

¹²⁹⁰ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 42—43, 47—48, 48—49; Западный Тюркский каганат ... С. 122—123. Важно, что на основе изучения генезиса тамг Г.Б. Бабаярову удалось подтвердить факт принадлежности многих правителей на местах к правящему дому тюрков (*Babayarov G. The Tamgas of the Co-Ruling Ashina and Ashida Dynasties as Royal Tamgas of the Turkic Kaghhanate // Traditional Marking Systems : A Preliminary Survey / ed. J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London ; Dover , 2010. P. 394—396; Idem. The Imperial Titles on the Coins of the Western Turkic Qaghanate // Марказий Осиё тарихи замонавий медиэвистика талкинида (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади) / History of Central Asia in Modern Medieval Studies (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). Тошкент, 2013. 342—344-бетлар.*)

¹²⁹¹ Бабаяров Г.Б. Государственный строй ... С. 44—45.

¹²⁹² Там же. С. 45.

ления заключениях основоположников турецкой историографии. В этом отношении она, конечно же, не может считаться удачной.

Мы остановились на наиболее значимых общих работах, однако, существует множество работ, содержащих отдельные интересные заключения частного характера, — работы, специалистов в конкретной отдельной области, в основном, археологов и филологов, — вносящих определенный вклад в развитие знаний о древнетюркском обществе или в методологию исследований. Имеется также огромный пласт работ, в целом не вписывающихся в общие темпы развития древнетюркского источниковедения и общей методологии кочевниковедческих исследований, равно как и отдельные претенциозные работы¹²⁹³.

¹²⁹³ Речь идет, прежде всего, о трех именах.

Во-первых, это монографически опубликованная диссертация Р.Т. Ганиева (*Ганиев Р.Т.* Восточно-тюркское государство в VI—VIII веках), представляющая, в своей сущности, не очень качественно составленную компиляцию, при чрезвычайно слабой теоретико-методологической базе (*Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 260; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 465—466). Книга не вносит ничего нового и существенного, разве что интересна попытка перевода фрагментов труда Лю Мао-цай, но, судя по всему, и они в исполнении автора полны неточностей и грубых грамматических ошибок (См.: *Леус П.М.* О цитировании китайских письменных источников по истории древних тюрков // *Археологические вести.* 2006. № 13. С. 277—278). Большой интерес могла бы представлять специальная статья Р.Т. Ганиева, где он обратил внимание на проблему употребления понятия *государственность* по отношению к кочевническим политическим образованиям. По сути, статья была направлена против взглядов С.А. Васютина на Тюркский каганат как объединение догосударственного характера. На примере Восточно-тюркского каганата Р.Т. Ганиев попытался обосновать справедливость классификации последнего как *государства* (*Ганиев Р.Т.* Государственность восточных тюрков VI—VIII вв. // *Известия Уральского государственного университета.* Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 4(96). С. 68—81). Он выдвинул мнение об особом *степном государстве*, возникающем в уникальных для кочевников природно-климатических условиях, признаками которого являются: «1) собственная экономика с внутренней и внешней отраслью хозяйственной деятельности; 2) суверенитет; 3) особая структура управления, опирающаяся на степную государственную традицию номадов», что соответствует традиционным признакам государства и характеризует Восточно-тюркский каганат (Там же. С. 72 сл.). Так или иначе, он не смог привести состоятельной аргументации, кроме простого перечисления фактов.

Во-вторых, Объектом специального исследования древнетюркская государственность и институты власти стали в монографии 2003 г. (*Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования ...) и ряде статей Т.С. Жумаганбетова, легших в основу защищенной в 2008 г. докторской диссертации (*Жумаганбетов Т.С.* Становление и развитие государственности древних тюрков. (VI—VIII вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Караганда, 2008. 51 с.). Работа в целом очень противоречивая и довольно «сырая». По сути, автор бессистемно собрал всевозможные разработки касательно древнетюркского общества и государственности и попытался совместить их. Интерес работа вызывает лишь тем, что является цельной попыткой объяснить возникновение и развитие социальных и политических институтов древних тюрков изнутри, но, кроме того, содержит ряд интересных, хотя не подкрепленных ничем, кроме логических рассуждений, гипотез. К сожалению, эта работа содержит некорректные заимствования. Так, отдельные части историографического введения являются переводом с турецкого соответствующего текста из работы А. Ташагыла, при этом переводчик даже не стал пытаться перевести на кириллицу транскрипцию китайских имен и названий работ, данных в оригинале по системе Wade—Giles (*Жумаганбетов Т.С.* Проблемы формирования ... С. 10, 11—12. См.: *Taşagıl A.* Gök-Türkler I. S. 4, 5, 6, 7). Безусловно, отдельные замечания Т.С. Жумаганбетова заслуживают внимания, но в целом его концепция требует более глубокой проработки.

В-третьих, работы кыргызстанского ученого Т.Д. Джуманалиева. Он исходил из представлений об эволюционном развитии политической власти кочевников Притяньшанья от «номадического типа» к более высоким формам (*Джуманалиев Т.[Д.]* Эволюция политической власти кочевников Притяньшанья (II в. до н.э. — XII в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2005. С. 3—4), пытаясь обосновать преемственность политических институтов кочевнических объединений Притяньшанья (Там же. С. 8, 18—19, 39; *Джуманалиев Т.Д.* Конфедеративный тип ... С. 77—82). Работа представляет собой своеобразную попытку осмысления древнетюркской государственности, попытку вписать концепцию об оригинальных формах социально-политических институтов у кочевников в эволюционистскую парадигму, натолкнувшуюся, однако, на ряд методологических противоречий. В частности, он пишет о феодализме (*Джуманалиев Т.[Д.]* Эволюция политической власти ... С. 22 сл.).

Ср. также: *Файзрахманов Г.Л.* Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000; *Игибаев С.К.* Образование тюркского каганата и его распад. Усть-Каменогорск, 2004; и др.

3.3. РАБОТЫ ПО ЧАСТНЫМ ВОПРОСАМ

В ряде работ исследователей последних лет древнетюркское общество и государственность были затронуты частично, но они также имели важное методологическое значение.

Д.Д. Васильев указывал на значение такого фактора в образовании кочевых империй, как экологическая обусловленность кочевнической экономики, также говоря об отличительной и специфической природе социально-политических структур степной Евразии¹²⁹⁴. В этом плане он указал на то обстоятельство, что без внимания остается такой внутренний по отношению к кочевникам источник, как древнетюркские эпитафии, в частности енисейские надписи, помогающие осветить многие важные моменты этнополитической истории тюркоязычных народов периферии каганата, а также сделать ряд социально значимых выводов о жизни племенной знати¹²⁹⁵. Эта проблематика была разработана самим Д.Д. Васильевым в последующем¹²⁹⁶.

В работах В.В. Трепавлова был поднят вопрос об исторической преемственности социально-политического устройства и соответствующих государственных институтов у кочевых обществ евразийских степей (хунны — тюрки — монголы)¹²⁹⁷. По мнению ученого, определенная «государственная традиция» складывается в непосредственной связи со способом определенной деятельности и, хотя не обязательно отражается в материальной культуре, но существует как неотъемлемая часть культуры духовной. Данная концепция, таким образом, признает у различных, но населяющих одну и ту же территорию обществ наличие формирующихся на основе практики и исторической памяти в виде традиций стереотипных представлений о государственном строительстве.

В.В. Трепавлов, обращаясь к древним тюркам попутно, считал, что В.В. Бартольд неправомерно писал о демократичной сущности власти тюркского кагана в противовес Чингисхану, поскольку тюркское общество отчетливо делится в рунических текстах на различные социальные категории, поэтому социальных конфликтов, сопровождавших приход к власти тюркских каганов, не быть не могло¹²⁹⁸. Обращаясь к термину *törpü*, В.В. Трепавлов вслед за В.В. Радловым, П.М. Мелиоранским, С.Е. Маловым и сэром Дж. Клосоном понимает под ним

¹²⁹⁴ Vasilyev D.D. New Find of Old Turkic Inscriptions in Southern Siberia // Rulers from the Steppe ... P. 116, 117.

¹²⁹⁵ Ibid. P. 120.

¹²⁹⁶ См.: Vasilyev D.D. Güney Sibirya'daki Göktürk Runik Yazıtlarında Adları Geçen Kişilerin. Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki. Tarihi Bilgiler // "Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl" konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 2. Cilt. S. 901—910.

¹²⁹⁷ Трепавлов В.В. Традиции государственности ... С. 169—189; *Его же*. Государственный строй ...

¹²⁹⁸ Трепавлов В.В. Традиции государственности ... С. 170—171; *Его же*. Государственный строй ... С. 15.

«законную...» или «правительственную власть», предусматривающую определенный порядок устройства народа с разделением государства на правое (тардуш) и левое (тöлис) крылья¹²⁹⁹. Говоря о дуальном разделении государства, для всех кочевых империй ученый считает общим: «а) разделение державы на две части; б) сюзеренитете над каждой из них особого правителя; в) принадлежность соправителя к одному роду с верховным каганом; г) соправители не наследовали каганский престол; д) чаще всего соправительство устанавливалось после раздела отцовских владений между двумя старшими сыновьями; е) соправительство передавалось по наследству в роде первого соправителя; ж) западная часть державы номинально подчинялась восточной»¹³⁰⁰. У тюрков такими соправителями, по мнению ученого, были йабгу¹³⁰¹ и малые каганы¹³⁰². Сам же Тюркский эль В.В. Трепавлов рассматривает как «сословно-административную структуру военной и родовой знати»¹³⁰³.

Захват тюрками Ордоса (???) после восстания против жужаней (*жоу-жань*) был, по мнению ученого, актом, подчеркивающим преемственность от империи шаньюев, хотя имперский центр, по мнению исследователя, оставался на Алтае¹³⁰⁴, поэтому позже особое значение оккупация этой территории имела для монголов¹³⁰⁵. Концепция верховной власти тюрков, как и у хуннов прежде, и уйгуров после, состояла в ниспослании с Небес (вместе с Землей) права управления государством для благоденствия народу¹³⁰⁶. В.В. Трепавлов также писал об опасности тюркских каганов «дестабилизирующего влияния китайской культуры на подданных»¹³⁰⁷.

Кроме общей политической традиции, В.В. Трепавлов также отмечает *две тенденции развития кочевнической* государственности: установление деспотического централизованного монархического правления, чаще всего в результате разгрома соперничающих объединений и завоевания их владений, другая — объединение постепенно разлагающихся племен с адаптацией родоплеменных институтов к функциям племенной властной структуры¹³⁰⁸.

Таким образом, современная наука все-таки пришла к необходимости поставить вопрос об оригинальных путях развития кочевнических политических объединений, вследствие чего возникает потребность разработки механизмов этого развития. Выше мы специально останавливались на том, что многие авторы, независимо от своей методологии, указывали на наличие двух противоположных тенденций в изменении социальной организации кочевнических об-

¹²⁹⁹ Трепавлов В.В. Государственный строй ... С. 38—39.

¹³⁰⁰ Там же. С. 95—96.

¹³⁰¹ Там же. С. 96.

¹³⁰² Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи : к проблеме восточных заимствований в российской государственности // Восток (Oriens). 1994. № 2. С. 51.

¹³⁰³ Там же. С. 52.

¹³⁰⁴ Там же. С. 49.

¹³⁰⁵ Там же. С. 49—50.

¹³⁰⁶ Там же. С. 62, 63—64.

¹³⁰⁷ Там же. С. 72.

¹³⁰⁸ Трепавлов В.В. Традиции государственности ... С. 170; *Его же*. Государственный строй ... С. 14.

ществ: начиная от Ч.Ч Валиханова «форма подчинения [с] более патриархальным началом» у «кочевых народов тюркского коня» и сословное разделение на белую и черную кость у «народов монгольских, или орд, бывших в покровительстве монголов»¹³⁰⁹, затем центростремительная и центробежная тенденции у Н.А. Аристова, аристократическое и демократическое направления у В.В. Бартольда (См.: Раздел 1.2), периоды напряжения у А.З. Велиди (Тогана), централизаторская и децентрализаторская тенденции у С. Максуди (Арсала) (См.: Приложение 5), родство и свободный выбор у О. Латтимора (См.: Приложение 3), орды и племена у Л.Н. Гумилева (См.: Раздел 2.2), «общинно-кочевое» и «военно-кочевое» состояния у Г.Е. Маркова, закон «дисперсности» и «относительная концентрация» у Н.Э. Масанова¹³¹⁰, «конфедерации» и «империи» Дж. Флэтчера¹³¹¹, две тенденции у М.Р. Дромппа (См.: Раздел 3.2). Сюда же можно привлечь отмечаемую А.Н. Бернштамом борьбу тюркской каганской власти и народа, представленного племенными бегами¹³¹², а также два вида аулов, — байский, группировавшийся вокруг господского хозяйства, и «маломощные», носившие характер трудового сообщества, — у С.Е. Толыбекова¹³¹³. В этой же связи Н.Н. Крадин отмечал у хуннов «имперскую» и «конфедеративную» тенденции¹³¹⁴. Эти две тенденции ярко заметны на протяжении всей истории древней тюрков — два каганата, тюрков (*ту-цзюэ*) и уйгуров, возникли разными путями: уйгуры стали во главе племенной конфедерации, в которой ранее были лишь «одними из», «первыми среди равных», Тюркский каганат сплотился вокруг племени А-ши-на, сохранившего доминирующие позиции на протяжении всей двухсотлетней истории каганата¹³¹⁵.

Важными являются работы авторитетного казахстанского историка и этнографа Н.Э. Масанова, также представляющего новаторское направление в кочевниковедческих исследованиях. В свое время Н.Э. Масановым был четко поставлен и разработан вопрос о влиянии природных условий на форму общественной организации кочевников¹³¹⁶. Позже ученый развивал концепцию об особом номадном способе производства¹³¹⁷. Он выделил две формы общественной организации у кочевников в зависимости от увлажнения ландшафта: для увлажненных зон, требующих меньших затрат труда по добыче воды и выпасу, была присуща рассредо-

¹³⁰⁹ Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 39.

¹³¹⁰ На сходство трех последних моделей уже обращалось внимание ученых (Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 86). Ср.: Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 166, где сравниваются взгляды Л.Н. Гумилева и Г.Е. Маркова.

¹³¹¹ Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2004. С. 220.

¹³¹² Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 178—184.

¹³¹³ Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века ... С. 501—502.

¹³¹⁴ Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 232.

¹³¹⁵ В той или иной мере различия в социальной организации древнетюркских племен древнетюркских племен в период Тюркского, а затем Уйгурского каганатов уже отмечались учеными (Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 184, 189—193; Гумилев Л.Н. Древние тюрки. С. 180—181).

¹³¹⁶ Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1984. 176 с.

¹³¹⁷ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов ... С. 6, 16 и др.

точенная общественная организация (закон «дисперсности»), в то время как для более сухих районов — кооперация в добыче воды и, как следствие, централизованный характер общественной организации («относительная концентрация») ¹³¹⁸.

Н.Э. Масанов выдвинул также гипотезу о развитии патронимической организации из самой сущности кочевнического общества с характерной для него системой строгого иерархического ранжирования по принципу генеалогического старшинства ¹³¹⁹. Несмотря на то, что генеалогическая организация существовала только в общественном сознании и никогда не реализовалась на практике в действительную общность ¹³²⁰, именно механизм вертикальной патронимической структуры с основным принципом подчинения младших старшим лежал в основе всей хозяйственной и общественной организации кочевников. Это естественный механизм, не позволяющий говорить о внутренней эксплуатации как таковой. Он строился как бы на основе негласного взаимовыгодного договора при разделении обязанностей. Патронимическая организация в тех случаях, когда появлялись проблемы, не связанные с внутренней жизнью общины, могла сменяться военно-потестарной организацией, чаще при отношениях с соседями ¹³²¹. Именно в этих условиях происходило становление знатных династийных племен, вроде тюркского *ашина* или уйгурского *йаглакар* ¹³²². Именно принадлежность к такой группировке определяла право на власть ¹³²³.

Эти исследования положили начало концепции об особом пути развития кочевнических обществ. В настоящее время ее активно разделяют многие авторы ¹³²⁴.

Интересные замечания для социальной проблематики имела работа В.Е. Войтова, изданная в 1996 г. на основе диссертации 1989 г. ¹³²⁵ В.Е. Войтов, исходя из того, что культово-

¹³¹⁸ Масанов Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 20—26; *Его же*. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 55—89; *Его же*. Принцип дисперсного состояния как всеобщий принцип кочевого общества // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири: межвузовский сборник научных трудов / отв ред. В.И. Молодин. Новосибирск, 1989. С. 83—93; *Его же*. Кочевая цивилизация казахов ... С. 114—130.

¹³¹⁹ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов ... С. 145—150.

¹³²⁰ Там же. С. 132.

¹³²¹ Там же. С. 155—156 сл.

¹³²² Там же. С. 157—158. Это племя продолжало управлять остальными согласно системе генеалогического старшинства (Масанов Н.Э. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности (на примере государственно-потестарных структур казахского общества) // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Сборник материалов Международной научной конференции (Алматы, 19—20 декабря 2005 г.). Алматы, 2007. С. 53).

¹³²³ Там же. С. 51—52

¹³²⁴ См., напр.: Жумаганбетов Т.С. К проблеме генезиса государственных институтов управления у тюрков-туцзюэ. Актобе, 2002 (Деп. в ИНИОН 16.10.2002, № 57502). С. 4, 10—12; *Его же*. Проблемы формирования ... С. 20, 26—29, 47—49, 51, 68, 100—105, 107—108, 121—122, 123—125, 126—127, 130—131, 136, 159, 163—164, 169—171, 176—177, 214; *Его же*. Патронимия как внутренняя структура политической власти в кочевом обществе // Вестник ОГУ. 2006. № 5. С. 27—31; *Его же*. Проблемы истории кочевых государств. С. 164—165; *Его же*. Становление и развитие ... С. 18—19, 20, 28—29; Джуманалиев Т.[Д.] Эволюция политической власти ... С. 3—4.

¹³²⁵ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. М., 1996.

поминальные сооружения древних тюрков группировались на определенных участках, выдвинул предположение, что «земельно-пастбищными участками в древнетюркское время владели не только каганы, политико-административное влияние которых распространилось на землю всего государства, но и отдельные семьи и роды в соответствии с их племенной принадлежностью»¹³²⁶. Политическим центром каганата был Хангай, о чем говорят многочисленные каганские сооружения там¹³²⁷. Ученый предложил характеризовать участки, на которых установлены погребально-поминальные сооружения представителей определенной социальной прослойки, определенной военно-административной должности, как *куруки*¹³²⁸.

Основываясь на работах С.Г. Кляшторного и А.Д. Грача о раннефеодальном характере древнетюркского общества, он отмечал его разделение на «черный народ» (кара-будун) и «аристократию» (каган, тегины, беги различных рангов), писав на этом основании о глубоком социальном неравенстве, отразившемся и на сословном делении памятников, в частности в их устройстве — от низших к высшим с увеличением числа дополнительных элементов¹³²⁹. Памятники отвечали общественному положению умершего¹³³⁰. Так, на подставках в виде черепях и с драконовым навершием устанавливались стелы каганов и их ближайших родственников, занимавших должности йабгу и шад, а всех остальных начальников, не принадлежащих к правящему роду (Тоньюкук, Кюли чор) — на простые каменные постаменты, остальные военные и «приказные» чины довольствовались памятниками без стел¹³³¹. Воины просто обходились установленными статуями и балбалами¹³³². В.Е. Войтов отметил, что число балбалов в памятнике также зависело от занимаемой мемориантом ступени в социальной иерархии, круга приверженцев, авторитета среди соплеменников, т.е. количества влиятельных и состоятельных родственников, поскольку многие балбалы могли быть дарственными¹³³³. Порядок установки самих балбалов определялся их дифференциацией на основе социальной значимости убитых врагов¹³³⁴. Кроме того что число элементов отражало полярные грани общественной градации, сами различия в наборе элементов и их ориентировке соотносились со стадией развития или племенной принадлежностью¹³³⁵. Статуи баранов у стел символизируют достижение успеха меморианта и его рода, заключавшегося в умножении скота, что в целом являлось залогом могущества государства, основой благосостояния подданных¹³³⁶.

¹³²⁶ Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон ... С. 8—9.

¹³²⁷ Там же. С. 74.

¹³²⁸ Там же. С. 79.

¹³²⁹ Там же. С. 23.

¹³³⁰ Там же. С. 25.

¹³³¹ Там же. С. 67.

¹³³² Там же. С. 100.

¹³³³ Там же. С. 89.

¹³³⁴ Там же. С. 90.

¹³³⁵ Там же. С. 79.

¹³³⁶ Там же. С. 99.

В.Е. Войтов, следуя С.Г. Кляшторному, отмечал, что религиозно-идеологические и мифологические представления кочевников Центральной Азии при тюрках приобрели статус официальной государственной идеологии, стремящейся организовать и стабилизировать установленный обычаями предков порядок¹³³⁷. Причины распада каганата на западный и восточный ученый видел в борьбе народов и племен и борьбе внутри самой верхушки¹³³⁸.

Археолог Д.Г. Савинов рассматривает в качестве основы социально-экономических отношений у кочевников, в т.ч. и древнетюркского времени, своеобразную систему подчинения, выражающуюся в стремлении установления власти одного племени над этносами, принадлежавшими к отличной от него хозяйственной системе, и эксплуатации их людских ресурсов и территории в военных и экономических целях¹³³⁹. Эта система подчинения состояла в следующем: «1) присоединение различных в хозяйственном отношении районов, благодаря чему на внутренний рынок поступали продукты разных культурно-экологических областей, а также рудные запасы, изделия местных промыслов, шкуры диких животных, т.е. в первую очередь то, что отсутствовало в природно-хозяйственном потенциале этноса-элиты; 2) использование природных ресурсов различных культурно-экологических областей в торговых целях — на внешний рынок поступали пушнина, мамонтовая кость, драгоценные металлы, мускус и другие товары (или предметы обмена), чем обеспечивалась экономическая целостность самого государства; 3) привлечение иноплеменников для военных действий, различного рода общественных и домашних работ, совершения ритуальных жертвоприношений»¹³⁴⁰. В этом отношении Д.Г. Савинов согласился с определением «экзополитарное» государство¹³⁴¹. В другой работе ученый, рассуждая о перечислении в рунических памятниках тюрков захваченной добычи и принесенной дани, указывает, что «очевидно, такого рода ценности регулярно поступали в распоряжение и собственность кочевников», и это «соответствует понятию экзополитарного государства» (по Н.Н. Крадину), однако, при этом оно «вряд ли могли служить основой экономики»¹³⁴².

Концепция Д.Г. Савинова является продолжением его выводов, высказывавшихся в 70-е — 80-е гг. XX в., и венчает его многолетние изыскания в археологии древних и «средневековых» народов Южной Сибири. Она вдвойне ценна тем, что выдвинута археологом¹³⁴³.

¹³³⁷ *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон ... С. 71.

¹³³⁸ Там же. С. 7.

¹³³⁹ *Савинов Д.Г.* Система социально-экономического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2005. Вып. 2 / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. С. 40.

¹³⁴⁰ Там же. С. 32.

¹³⁴¹ Там же. С. 41.

¹³⁴² *Савинов Д.Г.* Историко-культурное значение древнетюркских рунических надписей-эпитафий // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3(23). С. 281.

¹³⁴³ П.К. Дашковским все внимание акцентируется лишь на том, что «в основе концепции Д.Г. Савинова лежала убежденность в государственном характере раннесредневековых кочевых объединений Центральной Азии»

Д.Г. Савинов, переориентировавшийся в последние годы на этнографию, пишет о комплексном хозяйстве у тюрков, у которых, кроме скотоводства (по его мнению, основанному на «Книге гаданий» (Ырк битиг) [ЫБ, LXII], отгонного горного), судя по руническим надписям, практиковалось подсобное земледелие, судя по упоминанию «пашен» в тувинских надписях¹³⁴⁴; в «Книге гаданий» (Ырк битиг) он находит указание на облавную охоту (там: *sayir*) [ЫБ, LXIII]; ссылаясь на С.Е. Малова в переводе памятника Тэлээ [Е-46, 3], писал он и об «определенных указаниях о добыче полезных ископаемых»¹³⁴⁵. Основным собственником скота была семья¹³⁴⁶, которая, исходя из перечисления в енисейских надписях в составе которой таких членов, как «жена (она же княжна или княгиня), мать, сыновья, старшие и младшие братья, старшая сестра, зятя и невестки», Д.Г. Савиновым характеризуется как «большая неразделенная (патриархальная)», «вообще характерная для кочевнических обществ»¹³⁴⁷, с чем, однако, едва ли можно согласиться¹³⁴⁸.

И.Л. Кызласов, опытный и авторитетный археолог, но также неоднократно предпринимавший попытки работы с памятниками древнетюркской рунической письменности, рассматривал наличие письменности как показатель стадии развития общества, соответствующей государству¹³⁴⁹. Выделяя несколько региональных типов рунических алфавитов у народов степной Евразии, ученый отмечал, что каждый из них является, прежде всего, не этническим, а культурно-политическим, государственным признаком¹³⁵⁰. Едва ли справедлива здесь критика со стороны Р.Г. Фахрутдинова, возразившего, что «не получается ли некое синкретическое единение этноса и государства (его государства!)?»¹³⁵¹. Несмотря на то, что он прочел книгу И.Л. Кызласова «с большим вниманием», он не уловил той мысли, что И.Л. Кызласов несколько раз подчеркнул, что эти государства носили полиэтнический характер, а алфавит следует отождествлять, прежде всего, с создавшим его этносом, «конкретным этническим коллективом», но находившимся в соответствующую эпоху во главе государства¹³⁵². Так или иначе, и позиция И.Л. Кызласова, отталкивающегося от представлений о стадийном характере соци-

и Саяно-Алтая» (Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 258; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 258). Чуть позже он отметил также сходства концепции Д.Г. Савинова с разработками в теории двойной элиты (Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 463—464).

¹³⁴⁴ См., однако: *Aydın E. Remarks on Qatun in the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64. № 3. P. 251—256.*

¹³⁴⁵ Савинов Д.Г. Историко-культурное значение ... С. 282. Однако это достаточно спорный эпизод (См.: Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. С. 225—226).

¹³⁴⁶ Савинов Д.Г. Историко-культурное значение ... С. 281.

¹³⁴⁷ Там же. С. 282.

¹³⁴⁸ См.: *Периц А.И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии ... С. 20, 21; Хазанов А.М. Социальная история скифов ... С. 73—76; Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. P. 126—130; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. С. 227—231; Периц А.И., Хазанов А.М. Община у кочевых скотоводов. С. 53; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов ... С. 133; Крадин Н.Н. Империя Хунну. С. 161; и др.*

¹³⁴⁹ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 208.

¹³⁵⁰ Там же. С. 213, 238.

¹³⁵¹ Фахрутдинов Р.[Г]. Кочевой мир Средневековой Евразии ... С. 36.

¹³⁵² Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. С. 213—214, 238—239.

ального развития, и позиция Р.Г. Фахрутдинова, рассуждающего о государствообразующем этносе, и не увидевшего типичного для кочевников политического, надэтнического, понимания государственности, свидетельствуют о традиционных для еще советской историографии представлениях у ученых об этнических и социальных процессах у кочевников, без осознания специфики этих процессов.

Кроме того, И.Л. Кызласов остановился на употреблении в древнетюркских, орхонских и енисейских, текстах слова *oylan* именно в значении определенной возрастной категории, правда, буквально рассматривая его как множественное число от *oγul*¹³⁵³. Несколько позже И.В. Кормушин¹³⁵⁴ обратил внимание, что термины *oγul* и *oylan* в енисейских текстах употребляются как врозь: *oγul* [E-3, 1, 5; E-7, 4; E-10, 1; E-11, 2; E-14, 2; E-22, 3; E-26, 2; E-30, 1; E-31, 5; E-38, 1; E-43, 1; E-48, 14; E-70, 2; E-120, 1; E-147, 2] и *oylan* [E-1,1; E-3, 6; E-16, 1; E-20, 1; E-42, 2; E-45, 1, 7; C/E-47, 9; E-51, 1; E-59, 3; E-110, 2], так и вместе, — например, в Суджинской стеле *oylan* назван лишь старший сын [C/E-47, 9], остальные при перечислении, в т.ч. и сам герой стелы и тот же старший сын — *oγul* [C/E-47, 2, 5, 6, 10, 11]. Ученый заключил, что, *oylan*, по-видимому, означает, «юношу раннего возрастного периода, 11—14 лет»¹³⁵⁵.

Рассматривая другие древнетюркские термины подобного плана, И.Л. Кызласов представил свои соображения об общественном строе древних тюрков. Так, он остановился на употреблении терминов *qadaš* ‘сородичи’ и *eš* ‘друзья’ по отношению к воинам, что, как он считал, имело место вне зависимости от их социально уровня, «или по крайней мере сохранило воспоминания о таком былом равенстве», значит, «в ранней истории тюркоязычных народов реально существовала эпоха, когда правитель (beg) был первым среди равных»¹³⁵⁶. Термин *bodun* иногда, по его мнению, употребляется в значении ‘войско’, с основным значением ‘народ’, но в целом имеет значение ‘поданный’; бег управлял бодуном, включавшим лишь только мужскую часть племени, эров¹³⁵⁷. При этом эры — ‘мужчина’, ‘муж’, ‘воин’ — представляли собой особую категорию в иерархии древнетюркского общества и армии; признаком эра в енисейских надписях выступает *er erdäm* ‘мужская доблесть’, ‘добрость эра’. Переход в эту категорию сопровождается особым обрядом инициации с получением *er atī* ‘геройского имени’¹³⁵⁸.

В другой работе он также коснулся проблем общественного устройства. Так, И.Л. Кызласов пишет, что «данные о грамотности, и об образованности носителей азиатского рунического письма убеждают в существовании особого профессионального сословия, виде-

¹³⁵³ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие сведения об армии // Российская археология. 1996. № 3. С. 84, 86. В свое время еще В.В. Радлов отмечал различные значения для *oγul* ‘ребенок, сын’ и *oγlan* ‘мальчик, сын, воин’ (Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. III. Lief. S. 355).

¹³⁵⁴ Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпиграфики: грамматика, текстология. М., 2008. С. 266—268.

¹³⁵⁵ Там же. С. 268.

¹³⁵⁶ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков I ... С. 86.

¹³⁵⁷ Там же. С. 86.

¹³⁵⁸ Там же. С. 83.

шего свое предназначение в умственной деятельности»¹³⁵⁹. Рассматривая тамги («гербовые знаки») на енисейских стелах как «косвенное свидетельство грамотности аристократии»¹³⁶⁰, он развивал тезис о распространении образованности в высших слоях древнетюркского общества¹³⁶¹. Кроме этого, он считал возможным говорить о существовании «придворных поэтов», составлявших «в отличие от поздних народных акынов» особый слой, составленный из «аристократов, получивших специальное образование, овладевших литературным языком, литературно-художественной традицией изучивших самобытную руническую письменность»¹³⁶². И.Л. Кызласов упоминает «феодалную верхушку и духовенство»¹³⁶³, а также «простолюдинов»¹³⁶⁴.

В последние годы социологическая тематика стала очень популярна у российских археологов, социологические интерпретации встречаются в ряде работ¹³⁶⁵.

Финляндский лингвист Ф. Рыбацки полемизирует с Г. Дёрфером, сэром Дж. Клосоном и с У. Йохансен, интерпретируя термины *il/ el* как ‘страна, государство’, а *bodun* как ‘народ, племя, группа племен и т.д.’, отмечая именно территориальную основу первого и этническую основу второго, в доказательство чего приводит обширный сравнительный лингвистический материал¹³⁶⁶. Ф. Рыбацки пишет: «Политический мир тюрков состоял из племен, кланов и идея государства возникла в Центральной Азии до Монгольского периода, когда Чингисхан уничтожил старые племенные и клановые структуры и построил государство, которое было основано на его личности. Эта гипотеза может также быть подтверждена тем, что *bodun* в древнетюркских надписях обозначает племена или кланы, жившие в непосредственной сфере влияния тюрков, которые никогда не назвались *el*»¹³⁶⁷.

К началу 2000-х гг. ученые постепенно стали приходить к пониманию кочевничества как особого, уникального социо-культурного явления, появляется все больше интерпретаций кочевничества как особой цивилизации¹³⁶⁸.

Ю.И. Дробышев предпринял попытку исследования способов взаимодействия и путей адаптации кочевничества к природным условиям на основе комплексного междисциплинарного

¹³⁵⁹ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. 1999. № 4. С. 100.

¹³⁶⁰ Там же. С. 101.

¹³⁶¹ Там же. С. 103—105.

¹³⁶² Там же. С. 106.

¹³⁶³ Там же. С. 115.

¹³⁶⁴ Там же. С. 102, 103.

¹³⁶⁵ См.: Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 273—286; Дашковский П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация ... С. 472—490.

¹³⁶⁶ Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. S. 75—78 Anm. 217.

¹³⁶⁷ Ibid. S. 75, 78 Anm. 217.

¹³⁶⁸ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 116—119; Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 389—400.

подхода. Некоторое место в работе уделено древним тюркам¹³⁶⁹. На основе такого подхода ученый пришел к выводу, что феномен оседания и градостроительства в некоторых политических образованиях, отличающий их от «типичных кочевых империй», не связан с природно-климатическими факторами, а зиждется на «социально-политической эволюции кочевых обществ, причем не самих по себе, а в тесной связи с оседлым миром, в первую очередь, с Китаем»¹³⁷⁰. «Природа, — пишет Ю.И. Дробышев, — могла ослабить кочевое государство и сделать его жертвой соседей или заставить на время изменить внешнюю политику, но она не позволяла скотоводам в массовом порядке превращаться в земледельцев или торговцев и не понуждала их к этому»¹³⁷¹. Этот вывод имеет методологическое значение прежде всего потому, что заставляет, с одной стороны, подробнее обратиться к рассмотрению внутренних механизмов функционирования кочевнических обществ, с другой — не позволяет полностью отрицать внешнеполитический фактор в процессе трансформации их социально-политической организации.

Ю.И. Дробышев также обратил внимание на тот аспект, что немалую роль в возвышении тюрков сыграл высокий уровень металлургии, при этом, в отличие от О. Латтимора, Д. Синора и Ю.А. Зуева, склонявшихся к изначальной оседлости тюрков, Ю.И. Дробышев говорит об «обладании стратегически важными природными ресурсами, в частности полезными ископаемыми, и умение их добывать и перерабатывать, превращая в оружие, предметы экспорта или иную полезную продукцию»¹³⁷².

Это одно из наиболее перспективных и мало разработанных исследовательских направлений в изучении истории кочевнических обществ. Хотя проблема взаимодействия кочевников с окружающей природной средой затрагивалась учеными не раз, но именно Ю.И. Дробышев обратился к ней специально.

Б.Е. Кумекоев рассматривает историю тюркских кочевых государств как единый процесс развития тюркской степной цивилизации с характерными для каждого периода особенностями¹³⁷³. Б.Е. Кумекоев отмечает такие общие для всех тюркских государственных образований черты, как нахождение верховной власти в руках кагана, личность которого была священна, сосредоточение в ханской ставке (орде) военно-административного аппарата, административное разделение государства на две части, строгая иерархия родоплеменной организации¹³⁷⁴.

¹³⁶⁹ Дробышев Ю.И. История взаимодействия человека и природы в центрально-азиатских кочевых обществах раннего средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 16—19; *Его же*. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.). М., 2014. С. 336—357.

¹³⁷⁰ Дробышев Ю.И. История взаимодействия ... С. 20; *Его же*. Человек и природа ... С. 103.

¹³⁷¹ Дробышев Ю.И. История взаимодействия ... С. 20—21; *Его же*. Человек и природа ... С. 103.

¹³⁷² Дробышев Ю.И. Человек и природа ... С. 95.

¹³⁷³ Кумекоев Б.Е. Об общем и особенном в развитии тюркской степной цивилизации // *Journal of Turkic Civilization studies*. 2004. № 1. С. 87—92.

¹³⁷⁴ Кумекоев Б.Е. О древнетюркских государственных традициях // *Известия Национальной академии наук республики Казахстан. Сер. общественных наук*. 2003. № 1(239). С. 74—77; *Его же*. Об общем и особенном ... С. 89—90.

П.К. Дашковский обратился к изучению данных о служителях культа у древних тюрков. Исходя из данных китайских источников об участии кагана в приношении жертв Небу и предкам, он считает возможным сделать вывод о существовании жертвоприношений «общегосударственного характера», где принимали участие «каган и его окружение», при этом каган выступал не только в роли первосвященника и при инаугурации¹³⁷⁵, он также советовался с духами предков при принятии важных государственных решений. П.К. Дашковский проанализировал данные китайских и византийских источников [Men. Fr., 20; Theoph. Sym., VII. VIII. 15], привлек «Шāхнāмэ», а также данные более поздних арабских свидетельств, отмечая, кроме того, богатую тюркскую лексику с обозначением «довольно широкого спектра во многом синонимичных понятий, которые могут характеризовать таких лиц, как заклинатель, волшебник, маг, шаман, чародей, предсказатель, пророк и т.п.» (*jat, yrq, arva, jelvi, qam*). Также ученый обратил внимание и на существование сложных мемориальных комплексов тюркской элиты, где, как он указал, должны были совершаться определенные действия уже после смерти правителей¹³⁷⁶. В итоге П.К. Дашковский пришел к выводу о «существовании у тюрков в эпоху средневековья группы лиц, которая обслуживала многообразную систему религиозных действий»¹³⁷⁷. Надо отметить, однако, что данные письменных источников не дают достоверных данных о наличии сакральных функций у кагана, как и не позволяют дать четкой характеристики служителям культа в Тюркском каганате¹³⁷⁸.

Несомненно важен другой вывод П.К. Дашковского. Ученый заключил, что в лояльное отношение каганов к разным религиозным традициям было опосредовано самим полиэтничным характером их политических образований. Тем более что, несмотря на сакрализацию власти, степные каганы не обладали абсолютной властью и стабильным положением даже в рамках собственного племени, будучи обязаны считаться и с интересами подвластных народов. Для сложения единой религиозной системы для всего полиэтничного объединения требовался гораздо более длительный период, чем могли просуществовать политические образования Центральной Азии и Южной Сибири эпохи «средневековья» в той нестабильной и постоянно меняющейся военно-политической обстановке¹³⁷⁹.

¹³⁷⁵ Дашковский П.К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2009. Вып. 4/1(64). С. 65—66; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 302—303.

¹³⁷⁶ Дашковский П.К. Служители культов ... С. 66—67, 69; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 303—304, 306.

¹³⁷⁷ Дашковский П.К. Служители культов ... С. 70; Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 307. Ср.: Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 352, 371—372.

¹³⁷⁸ См.: Тишин В.В. Служители культа у древних тюрков VI—VIII вв.: основные проблемы исследований // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза: XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, 16—18 апреля 2014 г.: материалы конференции. М., 2013. С. 272—277.

¹³⁷⁹ Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 310—311.

П.К. Дашковский критически отнесся к концепции и внешних факторах политического развития кочевников, продвигаемой в работах А.М. Хазанова и других исследователей, считая подобные выводы поспешными¹³⁸⁰.

Здесь важно сказать об еще одном важном направлении в степной археологии — это т.н. «новая» археология. В нашем случае речь пойдет о работах американского и монгольского археологов У. Ханичёрча и Ч. Амартүвшина, занимающихся, в основном, *сюннуским* и монгольским периодом в истории Монголии, но чьи работы имеют огромное методологическое значение для нашей темы. Прежде всего, археологи дают конструктивную критику разделяемой в работах Т.Дж. Барфилда и Н.Н. Крадина концепции о внешней зависимости развития кочевнических политических образований, отмечая, что, по сути, все эти выводы основываются на данных китайских летописей, отличавшихся тенденциозностью и предвзятостью в отношении кочевников, в стремлении показать их экономическую и политическую зависимость от Среднего царства¹³⁸¹. Важнейшей характеристикой кочевничества, как отмечают У. Ханичёрч и Ч. Амартүвшин, учитывая экологическую зависимость кочевнического хозяйства, является легкая биологическая и социальная адаптация: «Возможность к изменению распределения круга ресурсов и режимов мобильности на различных уровнях социальной интеграции является главной особенностью присущей для Внутренней Азии адаптации к непредсказуемым изменениям окружающей среды, которую более корректно определять как непредсказуемую, нежели как “маргинальную”» (имеется в виду определение О. Латтимора)¹³⁸². Это отражается и в социальной организации: так, например, если ведение скотоводческого хозяйства осуществляется такой единицей, как расширенная семья, то расширение сферы хозяйства за счет земледельческой и охотничье-собирательской деятельности позволяет создавать более широкие объединения¹³⁸³.

Сопоставление материалов *сюннуского* и уйгурского периодов (соответственно 209 г. до н.э. — 93 г. н.э. и 744—840 гг. н.э.), полученных в результате раскопок в долине р. Эгийн-гол, с применением новейших методик смежных дисциплин, позволило ученым прийти к важным выводам на основе конкретных данных¹³⁸⁴. Так, исследования основных микрофоссилий почвы у оз. Байкал и его воды показали наличие значительных изменений температуры и влажности в голоцене, а *сюннуский* и *уйгурский* периоды отличались пониженной температурой и пониженной влажностью, чем последние 200—300 лет, что оказывало влияние на изменения в скотоводческом хозяйстве; это позволяют проследить этнографические и, как выражаются авторы,

¹³⁸⁰ Дашковский П.К. Мировоззрение ... дис. ... С. 453.

¹³⁸¹ Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings : The ‘New’ Old World Archaeology from the Eurasian Steppe // Journal of Archeology for Asia & the Pacific. 2007. Vol. 46. № 1. P. 37—38.

¹³⁸² Ibid. P. 37.

¹³⁸³ Ibid.

¹³⁸⁴ Ibid. P. 39—40.

этноисторические модели¹³⁸⁵.

Сюннуский период характеризуется наличием небольших по площади поселений, на территории которых, кроме обильной керамики, находят значительное количество зерна, в т.ч. пшеница (*Triticum aestivum*) и ячменя (*Hordeum sp.*), что позволяет рассматривать их как «непостоянные» или сезонные поселения, при этом большая их часть располагалась в основном течении реки¹³⁸⁶. Для уйгурского периода нет наличия следов сельского хозяйства, хотя объем керамики и данные о составе фауны соотносимы с сюннуским периодом, несколько поселений также могут быть определены как «непостоянные сезонные»¹³⁸⁷. Но большая часть из них расположена в течениях притоков р. Эгийн-гол, когда кладбища располагались в видных местах ландшафта. Удалось установить, что эти поселения организовывались в районах пастбищ, наиболее продуктивных в весенний период, что позволяет говорить об их большем значении для населения скотоводства, чем земледелия¹³⁸⁸. Обобщая этот и более ранний местный материал¹³⁸⁹, У. Ханичёрч и Ч. Амартүвшин указывают на следующие варианты централизации кочевнического населения долины: (1) «расширение территорий и дистанций мобильности за пределы ограничений, сложившихся в период Бронзового и раннего Железного века, что нарушает авторитет местных вождей и снижает сплоченность местных групп путем изменений в иерархии групп»; (2) «сбор дани с присоединенных местностей в форме земледельческой продукции в обмен на скотоводческую продукцию, находившуюся в руках центральных авторитетов, которые могли затем пересадить зерна на территориях, где земледельческая продукция не применялась, для расширения политического влияния»; и (3) «поощрение земледельческого хозяйства на местах в целях “привязывания” местных групп к определенным местам на период лета и осени, когда они свободны от снежного покрова и поэтому эти периоды характеризуются максимальным уровнем подвижности в степи»¹³⁹⁰.

Поселения уйгурского периода, меньшие по размерам, нежели *сюннуского* периода, располагались в верховьях и низовьях долины, что на основе сопоставления с этнографическими данными позволяет говорить о том, что они были рассчитаны как на летние, так и на зимние месяцы. Однако расположение кладбищ не позволяет твердо связывать их с какой-то местностью в большей степени. Кроме того, уйгурский вещественный материал обнаруживает меньшую плотность по сравнению с сюннуским, что позволяет предполагать более редкое повторное использование этих поселений. В целом же, несмотря на наличие ресурсов в долине, она не использовалась для интенсивного земледелия, что ученые связывают с главной ставкой уйгуров

¹³⁸⁵ Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings ... P. 44—45.

¹³⁸⁶ Ibid. P. 47—48, fig. 7.

¹³⁸⁷ Ibid. P. 48—49.

¹³⁸⁸ Ibid. P. 49—50, 51 fig. 8.

¹³⁸⁹ Ibid. P. 51—53.

¹³⁹⁰ Ibid. P. 53—54.

на развитие, прежде всего, Бай Балыка, который известен как крупный торговый, производственный, земледельческий и военный центр, при этом в этот период открылись более широкие по сравнению с сюннуским возможности для эффективного управления рядом локальных групп из одного центра¹³⁹¹. При этом У. Ханичёрч и Ч. Амартүвшин специально отмечают, что города были показателем не естественного пути социально-экономического развития, а были адаптированы к скотоводству¹³⁹². Подводя итог всему, археологи указывают, что «основная модель изменений в течение периода, охватывающего Бронзовый и ранний Железный век, сюннуский и уйгурский периоды демонстрируют снижение зависимости части местных групп от определенной местности, расширение территории и одновременное развитие политической и экономической стратегии, которая скрепляет и стабилизирует кочевническое политическое образование», при этом оседлые центры играли важную роль в интеграции определенного политического центра¹³⁹³.

Таким образом, на основе изучения политических образований Монголии, У. Ханичёрч и Ч. Амартүвшин выделили следующие методы, позволившие этим объединениям «создавать, поддерживать и использовать экономические и политические отношения [между местными группами — *Авт.*] на больших расстояниях»: (1) «поддерживание отношений между отдаленными друг от друга группами, которые сильно различаются между собой по культуре, языку и организации»; (2) «эффективное управление распределением сухопутного перемещения людей, ресурсов и информации»; (3) «использование и контролирование сети передвижений в политических целях»; (4) «повышенное внимание к организационным характеристикам, которые облегчали взаимодействие в пространстве, такие как синкретическая и адаптационная культурные системы»¹³⁹⁴.

Эту концепцию принял на вооружение Б. Батсүрэн¹³⁹⁵, который в своей работе «Высокие колесницы и древние тюрки VI—IX вв.» затронул фактически все стороны древнетюркской истории¹³⁹⁶. Монгольский специалист обратился к разбору трех концепций политогенеза у кочевников¹³⁹⁷: модели внешней зависимости (А.М. Хазанов, Т.Дж. Барфилд, Н.Н. Крадин, Ш. Бира),

¹³⁹¹ Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings ... P. 54. При этом позже монголами долина р. Орхон была выбрана в качестве имперского центра именно для легитимизации своей власти, установление преемственности с предыдущими кочевническими державами, что, тем более, подтверждается и археологически (Honeychurch W., Amartuvshin Ch. [Chapter 12] States on Horseback : the Rise of Inner Asian Confederations and Empires // Archaeology of Asia / ed. by M.T. Stark. Malden, Mass. ; Oxford, 2006. P. 275).

¹³⁹² Honeychurch W., Amartuvshin Ch. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings ... P. 54—55.

¹³⁹³ Ibid. P. 55—56.

¹³⁹⁴ Ibid. P. 58.

¹³⁹⁵ Он ссылается на работу на монгольском языке: Ханичёрч В., Амартүвшин Ч. Эртний нүүдэлчдийн төрийн байгууламжинд хийсэн археологийн судалгаа. (Эгийн голын сав нутгийн жишээн дээр). Улаанбаатар, 2006.

¹³⁹⁶ Батсүрэн Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун). За консультации по переводам при использовании этой работы хотелось бы выразить признательность Э.А. Тумахани (ВСГТУ, Улан-Удэ) и д.и.н. В.В. Грайворонскому (ИВ РАН, Москва).

¹³⁹⁷ Мөн тэнд. 120—143 дугаар тал.

внутреннего развития (Н. Ди Космо) и концепцию У. Ханичёрча и Ч. Амартүвшина, по сути, своеобразного номадного способа производства — «пространственной политэкономии»¹³⁹⁸. Основные особенности пространственной политэкономии состояли в следующем. Во-первых, это сочетание собственных форм производства с наиболее эффективными формами хозяйствования для обеспечения государства продукцией. Во-вторых, это политическая интеграция других кочевнических групп, любые перемещения которых ставятся под контроль. В-третьих, это сохранение привилегий за местной знатью¹³⁹⁹.

Б. Батсүрэн согласился с тем, что обе первых теории вызвали справедливые замечания М.Р. Дромппа. Но третью он сам развил на конкретном материале: тюркском¹⁴⁰⁰ и уйгурском¹⁴⁰¹. Суть ее состоит в смене гегемонии племен над всей массой тюркоязычных племен, кочевавших в различных географических регионах. Она ограничивалась федеральной зависимостью остальных групп населения от главного племени, удовлетворявшего свои потребности в товарах¹⁴⁰². Иначе говоря, все сводилось к череде смены главенствующих племен. Ученый отметил, что такие смены происходили соотносимо с временными циклами по 40—50 лет, притом что каждые 4—5 лет источники фиксируют природные катаклизмы, наиболее сильные из них приводят к ослаблению власти государства, поскольку его экономической основой всегда было кочевнико-скотоводческое хозяйство. При уйгурах, начавших внедрение оседло-земледельческого элемента, все изменилось¹⁴⁰³. Так, после начала смут у тюрков, последовавших за смертью Дэн-ли кагана в 741 г., степь погружается в безвластие: друг против друга выступают вожди тюрков Озмыш тегин, басмылов А-ши-на Ши и уйгуров Гу-ли Пэй-ло. Б. Батсүрэн обращает внимание на фрагмент в очень плохо сохранившейся стк. 4 Селенгинской надписи, где в довольно неясном контексте после упоминаний *elig jil olirmis türk elinjä* ‘пятьдесят лет в тюркском эл’е’ несколько далее встречается сочетание *enč#... berti*, т.е. буквально ‘покой... был’ [МШУ, 4 (= Сев., 4)]¹⁴⁰⁴, хотя и чтение первого слова сомнительно. Так или иначе, приход к власти уйгуров также был закономерен. Уйгурский каган легитимизирует свою власть, тем более что в Терхинской (Тариатской) стеле имя Бумын кагана называется среди предков и предшественников уйгурского кагана [Тер, 16 (В 1)]¹⁴⁰⁵.

Б. Батсүрэн обратился также к анализу социальной терминологии. Он попытался соотнести китайские термины с монгольскими и экстраполировать эту схему на древних тюрков. Так, схема выглядит следующим образом: *чжун* ‘аймаг’, *бу-ло* ‘овог/хүрээ’ или *и-ло* ‘хүрээ’, *син*

¹³⁹⁸ Батсүрэн Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун). 120—127 дугаар тал.

¹³⁹⁹ Мөн тэнд. 125 дугаар тал.

¹⁴⁰⁰ Мөн тэнд. 127—134 дугаар тал.

¹⁴⁰¹ Мөн тэнд. 134—143 дугаар тал.

¹⁴⁰² Мөн тэнд. 133—134, 223—224 дугаар тал.

¹⁴⁰³ Мөн тэнд. 143, 239 дугаар тал.

¹⁴⁰⁴ Мөн тэнд. 136—141 дугаар тал.

¹⁴⁰⁵ Мөн тэнд. 141 дугаар тал.

‘ураг’¹⁴⁰⁶. Основной ячейкой древнетюркского как и любого другого кочевнического общества ученый вслед за А.М. Хазановым считал нуклеарную семью¹⁴⁰⁷. Что касается *ураг*, то здесь следует видеть то, под чем А.М. Хазанов понимал «минимальный линидж», главенствующий из которых в объединении превращался затем в своеобразное «сословие»¹⁴⁰⁸. Это А-ши-на у тюрков, И-ли-ту у *сеяньтосцев*, *яо-ло-гэ* (йаглакар) у уйгуров¹⁴⁰⁹. Термин *овог* являлся не чем иным, как коническим кланом (по Т.Дж. Барфилду)¹⁴¹⁰. Именно эту единицу представляли собой и тюрки, и *телэсцы*¹⁴¹¹. Иной уровень представляет собой *аймаг* — территориальное объединение, примерно то, под чем Т.Дж. Барфилд понимал конфедерацию¹⁴¹².

На самом деле, все эти сопоставления более чем спорны, поскольку сделаны на основе монгольского материала XII—XIII и XIV—XVII вв. с привлечением работ Б.Я. Владимирцова, Ст. Калюжиньского, Л. Билэгта, П.О. Рыкина и т.д., лишь с проецированием на древнетюркскую эпоху. То же самое относится и к попыткам рассмотрения системы хозяйствования и экономики тюрков¹⁴¹³.

В целом в последние годы появился ряд работ, связанных непосредственно с интерпретацией социальной терминологии.

Ш. Баштуг определенно считая древнетюркскую систему родства классификационной, отнесла ее к типу Омаха¹⁴¹⁴, на что указывает, прежде всего, разделение родственников на группу *ini*, включавшую всех подчинявшихся *EGO*, согласно старшинству, и группу *eçi*, состоявшую из отделившихся старших братьев и братьев отца¹⁴¹⁵. Ш. Баштуг независимо обращается к термину *tağay* со значением ‘дядя со стороны матери’¹⁴¹⁶, она считает, что термин мог функционировать в орхонско-тюркской среде и обозначать прежде всего ‘члена материнского патрилинджа’, или же ‘членов патрилинджа чьей-то матери’¹⁴¹⁷. На этой основе рассматривая парные сочетания, групповые термины типа *eçim aram*, *eçim atım*, она считает возможным выделить группы *yeğen tağay*¹⁴¹⁸, и выражение из уйгурского памятника *ka kadaş yeğen tağay*¹⁴¹⁹; она определяет их как групповые термины, где первая пара — это «члены собственного патри-

¹⁴⁰⁶ *Батсүрэн Б.* Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун). 177 дугаар тал.

¹⁴⁰⁷ Мөн тэнд. 166 дугаар тал.

¹⁴⁰⁸ См.: *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 248, 254; *Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World. P. 142, 146.

¹⁴⁰⁹ *Батсүрэн Б.* Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун). 179 дугаар тал.

¹⁴¹⁰ Мөн тэнд. 180 дугаар тал.

¹⁴¹¹ Мөн тэнд. 179 дугаар тал.

¹⁴¹² Мөн тэнд. 180—184 дугаар тал.

¹⁴¹³ Мөн тэнд. 188—221 дугаар тал.

¹⁴¹⁴ *Baştuğ Şh.* Kök Türuk Kinship Terminology : An Omaha Model // *Central Asiatic Journal.* 1993. Vol. 37. № 1—2. P. 1—19.

¹⁴¹⁵ *Ibid.* P. 10. Это отмечал еще А.Н. Бернштам (См.: *Бернштам А.Н.* Родовая структура ... С. 572; *Его же.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 91).

¹⁴¹⁶ *Baştuğ Şh.* Kök Türuk Kinship Terminology ... P. 13.

¹⁴¹⁷ *Ibid.* P. 13, 16.

¹⁴¹⁸ *Ibid.* P. 14—15. Она приводит в сравнение турецк. *çoluk çocuk* и *kap-kaçak*.

¹⁴¹⁹ *Clauson G.* An Etymological Dictionary ... P. 474.

линджа его' (как по прямой, так и коллатеральной линии)», вторая включает, во-первых, линиджи, родственные *yeġen'*ам, через женитьбу, а, во-вторых, линиджи *taġay'*ев через «брак его [ego — Авт.] отца с его матери матерью», т.е. в этом сочетании прослеживаются три разряда родственников: «члены его собственного патрилинджа», «члены патрилинджа его матери» и «члены другого патрилинджа»¹⁴²⁰.

В другой статье Ш. Баштуг развивает концепцию сегментарной линиджной системы у кочевников, характерной для взаимодействия единиц различного уровня: от небольших групп до крупных политических образований, каждая из которых четко иерархически структурирована как по вертикали, так и по горизонтали¹⁴²¹. Ш. Баштуг перечисляет социальные единицы, представленные в древнетюркских рунических текстах (*oba, ogus, uruk, ok, bodun, il*), однако, не берется объяснять их, ссылаясь на то, что «контекст, в котором они встречаются, не указывает на определенный порядок терминов в иерархии»¹⁴²². Она предлагает разграничивать термин *племя* и *конфедерация*, на примере Тюркского каганата указывая на различие «внутренних», включенных в государственную структуру, и «внешних» племен, находящихся на положении клиентов (по П.Б. Голдену)¹⁴²³. Стержневые линиджи она именуется «королевскими линиджами», указывая, что на уровне племен такой линидж мог быть как-то родственно связан с другими, но на уровне конфедерации, где он един для всех племен, даже уже если представлял собой не связанные части одного когда-то прежде единого рода. Так, Асена, быв таковым для «кёк тюрков», был таким и для басмылов, и для *он ок*¹⁴²⁴. Именно в значении неправящего линиджа Ш. Баштуг рассматривает термин *kara bodun*, считая, что противопоставляться ему должен не зафиксированный в текстах *ak bodun*¹⁴²⁵. Ш. Баштуг, не соглашаясь с М.Р. Дромппом, считала, что передача престола у тюрков осуществлялась от брата к брату: Бильге каган констатирует, что от его отца «согласно обычаю» трон перешел к его дяде (*Ol törüde üze eġim kagan olurti*) [КТб, 16—17 = БК, X, 14—15]¹⁴²⁶.

У. Йохансен, один из первых исследователей этнологии тюркских народов в Германии¹⁴²⁷, также обратилась к анализу социальной терминологии¹⁴²⁸. У. Йохансен рассматривала

¹⁴²⁰ *Baştuğ Sh. Kök Türuk Kinship Terminology ... P. 15.*

¹⁴²¹ *Baştuğ Sh. Tribe, Confederation and State among Altaic Nomads of the Asian Steppes // Rethinking Central Asia : Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity / ed. by K.A. Ertürk. Cornell, 1999. P. 77—105.*

¹⁴²² *Ibid. P. 92.* Ср. также: «Термин *il* в орхонских надписях использовался в значениях “территория”, “конфедерация” и “государство”. *Bodun* — это множественная форма от *bod*, слова, в общем обозначавшего “линидж”. *Bodun* используется в значении “народ” или “племя”. *Ogus, uruk* и *ok*, очевидно, обозначают ступени сегментарной пирамиды. Контекст не указывает места этих терминов в иерархическом порядке, но мы представляем их так, как указали» (*Ibid. P. 104*).

¹⁴²³ *Ibid. P. 94—95.*

¹⁴²⁴ *Ibid. P. 98—99.*

¹⁴²⁵ *Ibid. P. 99—100.*

¹⁴²⁶ *Ibid. P. 100.*

¹⁴²⁷ *Дёрфер Г. О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии // Советская тюркология. 1974. С. 98, 100.*

минимальной социальной и экономической единицей у древних тюрков сезонную большую семью с патриархальным началом, включающую, по крайней мере, три поколения, которую она видела в термине *уиш*; члены одного поколения именовали друг друга *kadaš* ‘дальние родственники и друзья’¹⁴²⁹. Большим уважением у древних тюрков пользовались женщины¹⁴³⁰. Семьи объединялись в кланы, основанные на территориальном принципе, но характеризующиеся фиктивным родством, подобно монгольским *oboq*. Они формировали линидж¹⁴³¹. Однако поскольку между кланами существовало также расслоение и отношение зависимости, У. Йохансен считает возможным рассматривать *el* и *bodun* соответственно как ‘главенствующая линия в каждом клане’, ‘династия’ и ‘группа подчиненных, последователей’¹⁴³².

Работа российского историка права Р.Ю. Почекаева, хотя и посвящена, прежде всего, древним монголам, тем не менее, интересна тем, что правовую сферу разбирает именно профессионал. Ученый на основе широко материала приходит к выводу, что «тöre... <...> имеет двойственную природу: с одной стороны — это совокупность норм, регулирующих деятельность общества и взаимоотношения в нем, с другой — некий сакральный признак правления, критерий законности и истинности правителя»¹⁴³³. При этом для понимания природы этого социального явления интересно то, что, как заключает Р.Ю. Почекаев, «тöre возникло задолго до создания Монгольской империи в качестве источника обычного права (“высшего закона”, публичного, государственного права) у тюрков — в отличие от народных правовых обычаев “йосун”, регулировавших бытовые отношения между членами племен»¹⁴³⁴. Таким образом, у тюрков *töre* предстает как продукт законотворчества ханов, которое ограничивалось волей народа и должно было согласовываться с бегами, поэтому деятельность хана в этой области была ограничена существующими обычаями и традициями¹⁴³⁵.

Для Иштвана Зимоньи неприемлемы формальные сопоставления терминов¹⁴³⁶. Он проанализировал все существующие точки зрения на значения терминов *el* и *bodun*, рассмотрел все грамматические конструкции с употреблением терминов и пришел к следующим выводам: термин *el* имеет значения ‘суверенная власть, верховная власть, государство’¹⁴³⁷, что касается *bodun*, то он носит, прежде всего, семантику общности, употребляясь в функции послелого со

¹⁴²⁸ Johansen U. *El und bodun* // Memoriae Munusculum. Gedenkband für Annemarie v. Gabain / hg. K. Röhrborn, W. Veenker. Wiesbaden, 1994 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 39). S. 73—84.

¹⁴²⁹ Ibid. S. 74—75.

¹⁴³⁰ Ibid. S. 75.

¹⁴³¹ Ibid. S. 75—76.

¹⁴³² Ibid. S. 77—78.

¹⁴³³ Почекаев Р.Ю. Эволюция төре в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. С. 532—533.

¹⁴³⁴ Там же. С. 540.

¹⁴³⁵ Там же. С. 534.

¹⁴³⁶ Zimonyi I. *Bodun und El im Frühmittelalter* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2003. T. 56. № 1. S. 57—79.

¹⁴³⁷ Ibid. S. 75.

значением множественности, при обозначении какой-то политической общности, так и в общем значении подданных¹⁴³⁸, поэтому его следует переводить просто как ‘народ, люди’¹⁴³⁹; при этом *el* связан с каганом ‘суверенным правителем’ и *törü* ‘законом’ таким образом, что *el* существует в том случае, если каган совершает походы (*sü sülä-*), каган и его советники мудры (*bilgä*) и храбры (*alp*), поддерживается согласие (*tüz*) между бегами и бодуном, Небо дает поддержку элю (*täñri el ber-*), удерживается территория предков (*Ötükän yış*), эль поддерживается (*el tut-*) и увеличивается (*el qazğan-*), другие эли уничтожаются (*el at-, artat-, bulğa-*)¹⁴⁴⁰.

Специально посвящены социальной организации Тюркского каганата были несколько статей М. Добровича¹⁴⁴¹. А-ши-на, которых он рассматривает как харизматический клан, имели тамгу, запечатленную на каганских стелах (по С.Г. Кляшторному), отличную от племени с таким же названием в китайских источниках, что, по мнению М. Добровича, говорит о четком различии между династией и (главенствующим) племенем¹⁴⁴². Возвращаясь вслед за К. Цегледи к эпитафии принцессы Сянь-ли (*сянь-ли би-цзя гун-чжу*), дочери кагана Мо-чжо (725 г.), где ее отец называется «каганом тридцати фамилий» (*сань-ши-син... <...> кэ-хань*), а также к тибетскому манускрипту № 1283 из коллекции П. Пельо (*Pelliot Tibétain 1283*), М. Добрович считает, что эти тридцать племен составляют двенадцать восточно-тюркских племен (одиннадцать, — северные (левое крыло): *А-ши-на*, *Хэ-лу*, *А-ши-дэ*, *Да А-ши-дэ* (у М. Добровича ошибочно *da* как ‘великий’, но это другой иероглиф), *Ба-янь А-ши-дэ*, южные (правое крыло): *Энь-цзе* (*Сы-цзе*), *Фу-ли-юй*, *Ци-би*, *Си-цзе*, *Ху-се*, *Ну-лай* (у М. Добровича: *Nula*), а кроме них сам правящий клан А-ши-на, отличающийся от племени)¹⁴⁴³, десять западно-тюркских (*он огу*) и токуз огузы¹⁴⁴⁴. Он также обратился к проблеме соотношения древнетюркской и китайской терминологии в источниках, указав, что это сложный вопрос¹⁴⁴⁵.

¹⁴³⁸ *Zimonyi I. Bodun und El im Frühmittelalter. S. 64—70.*

¹⁴³⁹ *Ibid. S. 69.*

¹⁴⁴⁰ *Ibid. S. 74—77.*

¹⁴⁴¹ *Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 53—66. o. (Перепечатано в кн.: Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben. 103—119. o.); Idem. The Thirty Tribes of the Turks // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2004. Vol. 57. № 3. P. 257—262.*

¹⁴⁴² *Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 60. o.; Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben. 112. o.; Idem. The Thirty Tribes of the Turks. P. 258.*

¹⁴⁴³ Но здесь есть две проблемы. Во-первых, Лю Мао-цай, на которого ссылается М. Добрович в перечислении тюркских племен, по-видимому, просто привел список племен из цз. 72 «Тан хуэй яо» (*Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten ... I. Buch. S. 453—454*), при упоминании которых еще специально говорится об их отношении к *ту-цзюэ* (См.: *Зуев Ю.А. Тамги ... С. 100—101*), что, однако, не указывает на их прямую принадлежность к ним. Во-вторых, сомнения вызывает стремление объяснить отличие тамг племени А-ши-на в «Тан хуэй яо» от тамг на Хошо-Цайдамских стелах наличием племени и отличающегося от него рода с наименованием А-ши-на.

¹⁴⁴⁴ *Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 60—62. o.; Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben. 112—115. o.; Idem. The Thirty Tribes of the Turks. P. 257—262. См. также: Katona-Kiss A. Észrevételek a „tokuz-oguz problémá”-hoz. 238—239. o. В этом плане важно замечание Ф. Ласло, обратившего внимание на лауну в одном фрагменте Хошо-Цайдамских надписей, где идет перечисление внимающих речи кагана, между словом *otuz* и конструкцией *türk oғuz bägläri bodun* [КТ, Хб, 1—2 = БК, Хб, 1] (*László F. A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. Vol. III. 1941—1943. Leiden, 1967. S. 20*).*

¹⁴⁴⁵ *Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 63. o.; Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben. 115. o.; Idem. The Thirty Tribes of the Turks. P. 257—258.*

М. Добрович следует за предшественниками в толковании терминов *bodun* как ‘союз племен’¹⁴⁴⁶, ‘народ’ (коллект. от *bod*, ср. *türk sir bodun* ‘народ (племенной союз) тюрков и *сиров*’ [Тон, 4 (= I Зап., 4)], *oq* как ‘стрелы’, обозначающей также ‘племя’¹⁴⁴⁷. Признавая, что для *oγuš* и *uruγ* едва ли можно подобрать точное значение, М. Добрович принимает для *uruγ* значение ‘семья’, ‘зерно’ > ‘потомки’, ‘род’¹⁴⁴⁸. Критикуя интерпретацию У. Йохансен терминов *oγuš* и *qadaš*, ученый указывает, во-первых, на то, что второй упоминается лишь в енисейских текстах, во-вторых, на существование термина *qa qadaš* с дополнительной лексемой **qa*- ‘семья’ < китайск. *ця* id., в-третьих, термин *qadaš* упоминается в «Хуастванифт» (*X^uastvānīft*) [Chuast., 90], памятнике, переведенном на тюркский язык в VIII в., где М. Добрович склонен рассматривать *qadaš* именно как ‘кровных родственников’¹⁴⁴⁹. Следуя за мнением сэра Дж. Клосона и П.Б. Голдена относительно интерпретации *oγuš*¹⁴⁵⁰, М. Добрович принял его толкование как ‘племени’, ‘расширенной семьи’. Что касается китайской терминологии, то он следовал за И. Эчеди и Б. Чонгор. Так, принимая во внимание указание И. Эчеди, что иероглиф *син* часто употреблялся как синоним *бу-ло*¹⁴⁵¹, М. Добрович предположил, что изначально *син* был близок по значению древнетюркскому *oγuš*¹⁴⁵².

Кроме этого, ученый, по-видимому, не без влияния Л.Н. Гумилева и Т.Дж. Барфилда отметил отрицательную роль боковой системы наследования в истории Тюркского каганата, что, судя по руническим текстам, упоминающим о событиях 581—603 гг., считает он, осознавалось и самими тюрками [КТб, 5—7 = БК, X, 5—7]¹⁴⁵³.

В отдельной статье М. Добрович коснулся проблемы внешнего, оседло-

¹⁴⁴⁶ Dobrovits M. The Thirty Tribes of the Turks. P. 257. В одной из предыдущих работ он переводит *bodun* как ‘конфедерация’ (Dobrovits M. “They called themselves Avar” — Considering the pseudo-Avar question in the work of Theophylaktos // *Ērān ud Anērān* : Studies Presented to Boris Il’ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday / ed. by M. Comparesi, P. Raffetta, G. Scarcia. Venezia, 2006. P. 180).

¹⁴⁴⁷ Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 63. o.; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 115—116. o.

¹⁴⁴⁸ Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... P. 63—64; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 116—117. o.

¹⁴⁴⁹ Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 65. o.; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 117. o. Однако именно первичное положение термина *adaš* позволяет думать о его большем значении, нежели *qadaš*, поэтому интерпретация М. Добровича так же сомнительна.

¹⁴⁵⁰ Сэр Дж. Клосон писал про *uγuš*: «В ранний период единица населения меньше, чем племя или клан (**1 bo:d**), но больше, чем одна единичная семья, ‘расширенная семья’, или, что менее точно, ‘семья’; от этого [значения] перешедшая к значению ‘поколение’ или ‘степень родства’» (Clouston G. An Etymological Dictionary ... P. 96).

¹⁴⁵¹ *Ecsedy H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. P. 250 note 7; Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 65. o.; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 118. o.; *Idem. The Thirty Tribes of the Turks*. P. 258.

¹⁴⁵² Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... P. 66; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 119. o.

¹⁴⁵³ Dobrovits M. A rossz uralkodó a türköknél // Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben. Dunaszerdahely, 2010. 139—140, 143. o. М. Добрович прямо ссылается на мнение названных ученых: Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer ... 58. o., 24. jegyzet; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben*. 108—109. o., 24. jegyzet; *Uő. A rossz uralkodó a türköknél*. 138. o., 12. jegyzet.

земледельческого фактора в истории Тюркского каганата¹⁴⁵⁴. Здесь, как и в другом месте, он прямо высказал свое согласие с концепцией «внешней пограничной стратегии» Т.Дж. Барфилда, в частности, в древнетюркских рунических надписях это выражено предостережением Бильге кагана народу сближаться с китайцами [КТ, Хб, 5—8 = БК, Хб, 3—5]¹⁴⁵⁵, в китайских источниках — противодействию Тоньюкука (Тун-юй-гу) принятию в 718 г. Бильге (Мо-цзи-лянь) каганом буддизма¹⁴⁵⁶. Но, следуя С. Жагчиду и И. Эчеди, М. Добрович указал на направленность кочевников поддерживать, прежде всего, мирные отношения пограничной торговли, обмена, брачных союзов, и только если это не удавалось, в ход шло оружие¹⁴⁵⁷.

Особый интерес, несмотря на некоторые методологические неувязки, представляет диссертационное исследование Н.М. Тукешевой, затрагивающее проблему представлений тюрков о властных отношениях¹⁴⁵⁸. Говоря об этом политическом образовании, автор именует его «государством»¹⁴⁵⁹, при этом пишет о его потестарно-политической структуре и потестарно-политической культуре¹⁴⁶⁰, или потестарном обществе¹⁴⁶¹. Это, с точки зрения современных подходов к политогенезу, противоречие, однако, мы не касаемся этой теоретической стороны.

В целом, «государственные институты власти организовывались с учетом кочевого образа жизни населения»¹⁴⁶². Н.М. Тукешева исходит из понимания тенгрианства как «мировоззренческой системы», а «не религиозной и философской», считая, что это понятие «включает религию, морально-этические установки, политико-правовые воззрения номадов Казахстана и Центральной Азии». Частью картины мира тенгрианства является представление о непосредственной связи Неба, людей и земли, отраженное в системе: «Тан (небо) — правитель (каган) — ел (племенной союз) — торю (установления тюркского народа) — люди (социум) — ер (земля)». У тюрков к этому было добавлено лишь представление об изначальном господстве рода А-шина, опосредовав создание культа родовых и племенных предков¹⁴⁶³.

Каган является гарантом существования народа, но кагану предписано заботиться о народе, поскольку уход народа означал конец небесного покровительства и падение государства, народу же предписано подчиняться кагану. Каждый очередной каган получал Небесную

¹⁴⁵⁴ Dobrovits M. „Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek? Az ’Ötükän erdő’ az orchoni feliratokon // Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben. 144—154. о. Оригинал издан в кн: Acta Universitatis Szegediensis, Acta Historica. 2005. Т. CXXI. 15—22. о.

¹⁴⁵⁵ Dobrovits M. „Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek? ... 148—149. о.; *Uő*. A rossz uralkodó a türköknél. 140—141. о. Здесь же М. Добрович отмечает позицию Л. Базена о тюркском «полном национализме» (*Dobrovits M.* „Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek? ... 149. о., 19. jegyzet).

¹⁴⁵⁶ Dobrovits M. A rossz uralkodó a türköknél. 141—143. о.

¹⁴⁵⁷ Dobrovits M. „Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek? ... 152. о.

¹⁴⁵⁸ Тукешева Н.М. Эволюция представлений о верховной власти в обществах тюркского периода (VI—XII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уральск, 2007. 31 с.

¹⁴⁵⁹ Там же. С. 8, 12—19.

¹⁴⁶⁰ Там же. С. 4, 7, 11, 14, 16, 19.

¹⁴⁶¹ Там же. С. 17, 18.

¹⁴⁶² Там же. С. 18.

¹⁴⁶³ Там же. С. 12.

инвеституру и вместе с ней наделялся Небесной харизмой, становясь носителем благодатной (сакральной) власти — кут, свойством при этом индивидуальным¹⁴⁶⁴. Функции кагана ограничивались созиданием, а не созданием *törü*, закона, служившего основанием для «*törüg/tөрүг*» — «верховой политической власти». Посредством *törü* каган объединял племена в одно политическое целое — *äl (ilig тутун törüg imic)* [КТб, 3]¹⁴⁶⁵.

Важно следующее заключение: «Анализ сведений источников показал более широкий круг применения термина “*töcü*”, нормы которого распространялись на все сферы государственной жизни — военную, социальную, политическую, морально-этическую, правовую. Речь идет о политических традициях управления, основанных на народных обычаях и воззрениях. Они превращаются в общепринятые для кочевых государств тюркоязычных народов политические нормы. “*Törü*” аккумулировал в себе общие законы общества и определял стереотип поведения каждого члена социума, в том числе правителя. Период правления каждого нового кагана (хана) фактически сопровождался политико-правовыми установками, которые постановлялись в зависимости от конкретно-исторических условий существования государств и обществ тюркского периода. Проводимые реформы, решения, приказы верховного правителя обязательно должны были аргументироваться нормами *törü*. Несомненно “*törü*” служило правовым оформлением власти кагана и в целом закрепляло властные отношения в тюркском социуме. Верховный правитель становился первым ревностным исполнителем норм “*törü*” и на основе “*törü*” обязан был установить Высший Закон, Высшую справедливость». При этом лишь Бумын и Истеми, первые каганы названы основателями *törü*, в то время как последующие каганы лишь соблюдали и поддерживали его, поэтому «время происхождения “*törü/торю*” определяется началом истории народа и восходит к “небеснорожденным” предкам. Иначе, это жизненный опыт народа, его функционирование обеспечивает жизнедеятельность социума»¹⁴⁶⁶

Титул *каган* присваивался по традициям лишь единым правителям степи, поэтому его появление «свидетельствовало о зарождении независимого государства, с которым следует устанавливать равноправные отношения»¹⁴⁶⁷. Каган, будучи «главой независимого государства, проводящего активную международную политику»¹⁴⁶⁸, выполнял ряд функций, таких как административное управление, судебная, религиозная и др., но приоритетной была военная, поскольку каган обязан был, прежде всего, думать об обороне, защите и социальном

¹⁴⁶⁴ Тукешева Н.М. Эволюция представлений о верховной власти ... С. 13—14. Так, например, получение ер-аты так же рассматривалось как признание воинской харизмы каждого мужчины (Там же. С. 18).

¹⁴⁶⁵ Там же. С. 14—15. При этом Н.М. Тукешева пишет: «Создание “*äl*” невозможно без “*il*” [??? — Авт.] — народа, *töcü* — народных установлений и “*törüg/tөрүг*” — верховной власти» (Там же. С. 15). Однако здесь явное недоразумение, поскольку *törüg* — в данном случае падежная форма от *törü*.

¹⁴⁶⁶ Там же. С. 15.

¹⁴⁶⁷ Там же. С. 16.

¹⁴⁶⁸ Там же. С. 17.

благополучии народа¹⁴⁶⁹. Власть кагана ограничивалась беками/bäg (бег, бий, би, бей), бывшими «представителями тюркской родовой аристократии в отличие от простого народа». Бек (bäg) был правителем какого-либо «baγ», территориального объединения (видимо, по А.Н. Бернштаму)¹⁴⁷⁰, «поэтому кагану приходилось считаться с ним и привлекать их к государственной службе». Эта группа ограничивала власть кагана и, выступая в роли «хранителей заповедей предков», представляла совет старейшин, что, по мнению Н.М. Тукушевой, «свидетельствует о сильных позициях традиционных лидеров в общественных отношениях кочевников тюркского периода» (ср. позже институт бийства у казахов)¹⁴⁷¹.

В результате расширения эля и подчинения других племен осуществлялось «преобразование кочевого государства в степную империю», но подчинение иногда ограничивалось «выплатой обусловленной дани». При этом «получение согласия населения на определенные сборы зависело от силы личного авторитета степного правителя», поскольку «правители кочевых государств, не облагая налогом собственное население, не чуждались дани и добычи с завоеванных территорий», также они контролировали «караванные пути и торговые центры, торговые порты»¹⁴⁷².

Порядок наследования также был основан на «торю» и реализовывался на основе принципа «от старшего к младшему». Новый каган при этом должен был подтвердить свой статус «своими военными подвигами, дипломатией, заботой о народе»¹⁴⁷³.

В целом государство состояло из родов и племен, входивших в состав более крупных племенных союзов (эль). При этом военно-административная система включала в себя родо-племенную организацию. Каган был старшим в генеалогической иерархии родов и возглавлял бодун (видимо, по С.Г. Кляшторному)¹⁴⁷⁴.

Работающий в Турции фольклорист Т.Б. Давлетов для анализа древнетюркского понимания социальной политики также привлек материалы рунических надписей, обратив внимание на заботу кагана о материальном благополучии народа, чем объяснял стремление к эксплуатации Китая¹⁴⁷⁵. Он отметил также равноправие полов в древнетюркских обществах¹⁴⁷⁶.

Известный своими обобщающими трудами П.Б. Голден в специальной работе, где согласился, что словом «раб» (*qul*) у тюрков, по сути, обозначалась политическая зависимость¹⁴⁷⁷,

¹⁴⁶⁹ Тукушева Н.М. Эволюция представлений о верховной власти ... С. 18.

¹⁴⁷⁰ См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй ... 1946. С. 109—110.

¹⁴⁷¹ Тукушева Н.М. Эволюция представлений о верховной власти ... С. 16—17.

¹⁴⁷² Там же. С. 17.

¹⁴⁷³ Там же. С. 18.

¹⁴⁷⁴ Там же.

¹⁴⁷⁵ Davletov T.B. Eski Türklerde Toplumsal Siyaset Anlayışı // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2008. Yıl: 5. Sayı: 8. S. 92—93, 100.

¹⁴⁷⁶ Aynı eser. S. 95—96.

¹⁴⁷⁷ Golden P.B. The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic // Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / ed. D. DeWeese. Bloomington, Ind., 2001 (Uralic and Altaic series. Vol. 167). P. 28—29.

вновь обратил внимание на случаи захвата тюрками людей, предположив, что это осуществлялось, прежде всего, в целях их продажи оседлым соседям, — явление, известное и широко распространенное у кочевников Нового времени¹⁴⁷⁸, — а захваченных женщин и девушек тюрки использовали для работ в домашнем хозяйстве¹⁴⁷⁹, и, возможно, захватывали мужчин из оседлых народов для того, чтобы сажать их обрабатывать землю, например, в Восточном Туркестане¹⁴⁸⁰.

Обстоятельную специальную статью П.Б. Голден посвятил исследованию термина *oq*, встречающегося в рунических текстах в наименовании западных тюрков, и его соотношения с термином *oγuz*¹⁴⁸¹. Он обратил внимание на то, что западные тюрки обозначаются в рунических текстах *On Oq*, а в согдоязычной Карабалгасунской стеле *δs' p'δ'y* (*dasa pâθê*), что также означает 'десять стрел', а также то, что термин *oq* в орхонских и енисейских текстах представлен в значении оружия, отмечая при этом, что десятичное деление является традиционной системой кочевнических народов Центральной Азии¹⁴⁸²; при этом в китайских текстах западные тюрки, численность которых указывается равной 100.000, обозначены как *ши син* 'десять фамилий/кланов/потомков', 'десять фамилий/клановых имен', что позволяет предположить численной одной стрелы, — племенного подразделения, — равную 10 тыс. человек¹⁴⁸³, хотя прямых данных о таком подразделении западных тюрков и существовании системы стрел (*Oq*) в период Первого Тюркского каганата нет¹⁴⁸⁴. Именно в этом контексте, по-видимому, следует переводить и лексему *Oqsız* 'кланы/племена, не имевшие должной военной организации'¹⁴⁸⁵, а оснований толковать *oq* как 'подплемя' нет¹⁴⁸⁶. Речь должна идти о создании системы стрел только в 638 г.¹⁴⁸⁷ Кроме того, обозначение западных тюрков в китайских источниках то как *ши син*, то как *ши цзянь*¹⁴⁸⁸ отражает факт объединения военной и родоплеменной организации, поскольку командиры созданных в 638 г. подразделений являлись представителями местной аристократии¹⁴⁸⁹. Одновременно, как установил П.Б. Голден, разделение всего политического объединения на стрелы отнюдь не связано с огузской традицией, т.к. их реальная связь с западными

¹⁴⁷⁸ Golden P.B. The Terminology of Slavery ... P. 30.

¹⁴⁷⁹ Ibid. P. 31—32.

¹⁴⁸⁰ Ibid. P. 32—33.

¹⁴⁸¹ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz* // *Turkic Languages*. 2012. Vol. 16. № 2. P. 155—199. См. также его раздел в атласе «Западный Тюркский каганат» (1.4. Племена Западного Тюркского каганата Ок (*Oq*) и Огур-Огуз (*Oğur* - *Oğuz*). К вопросу о взаимосвязи терминов): Западный Тюркский каганат ... С. 50—82.

¹⁴⁸² Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 158—159; Западный Тюркский каганат ... С. 51—52.

¹⁴⁸³ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 159—160; Западный Тюркский каганат ... С. 52—53.

¹⁴⁸⁴ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 160—161; Западный Тюркский каганат ... С. 53.

¹⁴⁸⁵ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 161—162; Западный Тюркский каганат ... С. 53—56.

¹⁴⁸⁶ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 163—164; Западный Тюркский каганат ... С. 56—57.

¹⁴⁸⁷ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 162, 166—167; Западный Тюркский каганат ... С. 56—57, 64—65.

¹⁴⁸⁸ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 166; Западный Тюркский каганат ... С. 61—64.

¹⁴⁸⁹ Golden P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz*. P. 169; Западный Тюркский каганат ... С. 65.

тюрками неизвестна¹⁴⁹⁰. Кроме того, в дочингисхановскую эпоху, термины со значением ‘стрелы’ не использовались у кочевников для обозначения единиц социально-политической организации¹⁴⁹¹. П.Б. Голден отметил и то, что термин *син* ‘фамилия/ клановое имя/ племя’ одинаково применялся для обозначения терминов *оq* и *оғuz* соответственно в конструкциях *Он Оq* и *Тоqуз Оғuz*¹⁴⁹². Обратившись к известному в ряде тюркских языков термину *иq* ~ *оq* со значением ‘рода’, ‘племени’, П.Б. Голден также отметил возможность его связи с термином *оғур* ~ *оғuz* как формой множественного числа¹⁴⁹³. Тот факт, что такая корреляция значений терминов ‘стрела’ и ‘племя’ / ‘военное подразделение’ в более ранних источниках неизвестна, а в китайских источниках мы встречаемся с одинаковым обозначением этих единиц, позволяет предполагать связь этой традиции только с западными тюрками; при этом П.Б. Голден обосновал возможность семантической эволюции к VIII в. термина *оғур* ~ *оғuz* от значения родственной группы к этнониму¹⁴⁹⁴.

Пониманию самими тюрками значения термина *qul* посвятил специальную статью также Осава Такаси. По его мнению, именование тюрков *qul*’ами табгачского народа означало лишь то, что тюрки не могли переселяться, куда хотели, хотя сохраняли свою социальную организацию, правящую верхушку и лидеров¹⁴⁹⁵. Поэтому тюрки не могли звать себя именно «рабами» только из-за подчинения Китаю, ввиду чего правильнее было бы интерпретировать *qul*’ов как слуг или вассалов¹⁴⁹⁶. Хоронившиеся с тюркскими аристократами воины, по его мнению, были связаны с ними традиционной системой фиктивного родства и могут рассматриваться как своеобразные личные слуги, телохранители, типа согдийских **chakar* и монгольских *nökör*¹⁴⁹⁷.

В этом плане интересна новая концепция тюрко-китайских отношений, которую выдвинул синолог Дж.К. Скэфф. Принимая разработки предшественников, он рассматривал Тюркский каганат или эль как военно-административную организацию, объединение племенных союзов (*bodun*), состоявших из кланов (*bod*) и племен (*oghush*), в которых власть монополизирована кланом А-ши-на. Такие неустойчивые объединения основывались на распределении каганом среди племенной верхушки (йабгу, эльтебер, эркин, шад) дани, взимаемой с соседних племен¹⁴⁹⁸. Однако неспособность кочевой экономики вынуждала их обращаться к оседлым сосе-

¹⁴⁹⁰ Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz*. P. 171—174; Западный Тюркский каганат ... С. 68—71.

¹⁴⁹¹ Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz*. P. 174—177; Западный Тюркский каганат ... С. 71—76.

¹⁴⁹² Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz*. P. 184; Западный Тюркский каганат ... С. 80.

¹⁴⁹³ Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz*. P. 185—186; Западный Тюркский каганат ... С. 81.

¹⁴⁹⁴ Golden P.B. *Oq and Oğur ~ Oğuz*. P. 188; Западный Тюркский каганат ... С. 82.

¹⁴⁹⁵ Osawa T. Aspects of the Old Turkic Social System Based on Fictitious Kinship (the analysis of the term <kul (slave)> in the Orkhon-Yenisei epitaphs) // Kinship in the Altaic World (Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10—15 July, 2005) / ed. by E.V. Boikova, R.B. Rybakov. Wiesbaden, 2006 (Asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ostund Zentralasiens. 150). P. 222.

¹⁴⁹⁶ Ibid. P. 223—224.

¹⁴⁹⁷ Ibid. P. 226, 227—228.

¹⁴⁹⁸ Skaff J.K. *Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors : Culture, Power, and Connections*, 580—800. Oxford, 2012. P. 34.

дям, которых путем набегов они склоняли к выдаче подарков и выплате дани (вымогательство)¹⁴⁹⁹. Это вело к строительству их отношений по системе патрон—клиент¹⁵⁰⁰. Кочевников вполне устраивала такая стабильность, но именно из-за неустойчивости кочевнической экономики, следовательно, всей социально-политической системы кочевые политии не могли долго конкурировать с имевшими более устойчивую базу оседлыми соседями и быстро сходили со сцены¹⁵⁰¹.

Дж.К. Скэфф отмечает, что система «патрон-клиент» издревле характерна для азиатских политий: как для конфуцианского Китая¹⁵⁰², так и для тюрко-монгольских кочевнических объединений, ведь гибкая социально-политическая организация последних держалась во многом благодаря личным качества предводителя, а последний, в свою очередь, искал внутреннюю социальную опору, которую мог бы противопоставить племенным вождям. Такой опорой были дружинники хана (у тюрков *fuli-bōri*), не какой-то особый институт, а люди, скорее из бедняков, нанявшиеся в его хозяйство и взамен содержавшиеся им, т.е. связанные с ним личными узами. В основе этих отношений лежала система клиентелы¹⁵⁰³, переносившаяся в более широком диапазоне на положение даннических племен по отношению к главенствующему племенному объединению¹⁵⁰⁴.

Дж.К. Скэфф так же отказался от попытки разбора китайской терминологии, хотя затронул этот вопрос, отметив, что она не унифицирована¹⁵⁰⁵.

Как можно убедиться из представленного обзора, в последние годы различные аспекты изучения древнетюркского общества привлекали внимание многих ученых, отличавшихся самыми различными методиками и методологическими подходами. Такая широта в методике и в методологии порождает разнообразие в выводах и соответственно в исторических оценках характера как отдельных явлений и процессов в древнетюркском обществе, так и древнетюркского общества и государственности в целом.

¹⁴⁹⁹ Skaff J.K. Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors ... P. 35

¹⁵⁰⁰ Ibid. P. 11—14, 104.

¹⁵⁰¹ Ibid. P. 106—107.

¹⁵⁰² Ibid. P. 103.

¹⁵⁰³ Ibid. P. 77—79.

¹⁵⁰⁴ Ibid. P. 107—108.

¹⁵⁰⁵ Ibid. P. 342. Сам Дж.К. Скэфф представляет следующую схему: clan/ surname (*син*), tribal division (*бу*), tribe (*бу-ло*), polity/ state (*зо*) and race (*чжун*) (Ibid. P. 34).

3.4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРИОДА

Период конца 80-х — 90-х гг. XX в. характеризуется появлением ряда новых методических и методологических разработок в изучении кочевников, на что оказали влияние как объективные научные факторы, так и субъективные, в качестве которых можно рассматривать политические катаклизмы, потрясшие постсоветское пространство. Это отразилось на состоянии науки возникших в результате распада СССР государств.

Российские ученые смогли ознакомиться с опытом зарубежных коллег, прежде всего, касающимся теоретико-методологической стороны кочевниковедческих исследований. Однако и российское кочевниковедение вовсе не было на тот момент безнадежно отсталым, поскольку пережило предшествующий новой эпохе период 70-х — 80-х гг. XX в., фактически подготовивший плавное падение марксистской парадигмы¹⁵⁰⁶. Говоря о тюркологии, следует отметить, что здесь российские ученые занимали передовые позиции: уже в 70-е гг. XX в. начинается издание «Этимологического словаря тюркских языков» (1974; 1978; 1980; 1989), в 80-е гг. XX в. выходят первые три тома «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», посвященные фонетике (1984), синтаксису (1986) и морфологии (1988). Несравненно большим пластом материалов в силу понятных причин располагали и российские археологи.

Что касается образовавшихся после распада СССР республик, прежде всего, государств вернувших независимость тюркских народов, то здесь наряду с выстраиванием собственной идеологии начинается процесс переосмысления своего прошлого, прежде всего, остро стоит вопрос о времени зарождения государственности, ее корнях и традициях. В определенной степени это сопровождается болезненными процессами в историографии, связанными с поиском новых подходов и только начинающимся формированием собственных исторических школ. Это определяет качество обработки и характер подачи исторического материала: в этих работах мы встречаем как простое переложение или повторение выводов предшественников, так и чрезмерно смелые, порой ничем не подкрепленные, гипотезы¹⁵⁰⁷.

Вместе с тем, Россия теряет ведущую роль в тюркологических исследованиях, многие результаты сегодня достигаются за счет инерции работ предшествующих эпох. На ведущие позиции постепенно продвигаются исследователи из Монголии, Турции и Казахстана. Для первых

¹⁵⁰⁶ См.: *Васютин С.А.* Социальная организация ... С. 14—17; *Его же.* Ревизия сталинского марксизма ... С. 271—275; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 46—52, 83—86; *Дашковский П.К.* Мироззрение ... дис. ... С. 376—380.

¹⁵⁰⁷ Надо отметить, что историография тюркских государств Средней Азии и тюркских республик России испытывает сильное влияние Л.Н. Гумилева, зачастую некритично заимствуя его идеи или подражая ему, ввиду чего эти работы зачастую едва ли могут подняться выше уровня научной или околонучной публицистики.

эти исследования носят своеобразный «краеведческий» характер; вторые, как и прежде, руководимы интересом к древнейшему прошлому своего народа, его культурным и государственным традициям; третьи так же основываются на стремлении обоснования глубоких корней казахской культуры и государственности. Кроме того, после падения «железного занавеса» и монополии бывшей советской науки на полевое изучение тюркских древностей, и с приходом национальных правительств в Казахстане и Кыргызстане, демократического правительства в Монголии западные, японские и китайские ученые получили возможность приступить к изучению уникальных памятников истории и культуры древнетюркского периода непосредственно. Очень активизировались в этом направлении турецкие ученые¹⁵⁰⁸. С начала 90-х гг. XX в. в Монголии начинают действовать монгольско-японская и монгольско-турецкая экспедиции¹⁵⁰⁹, давшие богатый эпиграфический и археологический материал, и приведшие к сенсационным результатам¹⁵¹⁰.

Поэтому рубеж 80-х — 90-х гг. XX в. нельзя считать вехой только для тюркологии государств, возникших на постсоветском пространстве: с этого времени возможно говорить о разрывании *международного сотрудничества* между специалистами различных стран и фактически о начавшихся взаимных *интеграционных процессах* между представителями разных школ; фактически, речь идет о процессах, связанных с *интернационализацией науки*.

В целом, за минувшие с распада СССР годы в количественном отношении пласт работ по древнетюркской проблематике значительно разросся, держать в поле зрения все появляющиеся публикации становится все сложнее. В этот период для всей кочевниковедческой историографии с ее широтой и многообразием методологических подходов характерна тенденция апробации различных схем, часто обобщающего характера, на кочевниках различных эпох и регионов¹⁵¹¹, не стали исключением создатели древнетюркских каганатов.

Западноевропейская историография активно развивала линию, намеченную В.В. Радловым, Г. Вамбери и В.В. Бартольдом. Если первые двое наметили основные принципы социальной организации кочевников, установив ее родо-племенной и надэтнический характер, то второй обратился к проблеме взаимодействия кочевников с оседло-земледельческим населе-

¹⁵⁰⁸ *Türkoğlu İ.* Central Eurasian Studies in Turkey (1985—2002) // Research Trends in Modern Central Eurasian Studies (18th—20th centuries) : a Selective and Critical Bibliography of Works Published Between 1985 and 2000 / ed. by Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. Tokyo, 2003 (Toyo Bunko Research Library 3). Part I. P. 105—106.

¹⁵⁰⁹ См.: *Бамтулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. 12—14 дугаар тал. См. также: XX зууны Монгол улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг (Нэмж засварласан хоёр, дахь хэвлэл) / эрхлэн хэвлүүлсэн : академич Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар, 2010. 527 дугаар тал.

¹⁵¹⁰ *Osawa T.* Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlarının 1996—1998 Yılları Arasındaki Yeni İnceleme Sonuçları ... S. 277—286; *Gömeç S.* Moğolistan'daki Türk Anıtları Projesi Çalışmaları : 1993—2003 // Modern Türk Araştırmaları Dergisi. 2005. Cilt 2. Sayı 1. S. 7—16.

¹⁵¹¹ См., напр.: *Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников ... С. 21—32; *Его же.* Кочевники Евразии. С. 11—37, 61—108; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. С. 26—67; *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация ... С. 87—99; *Дашковский П.К.* Мировоззрение ... дис. ... С. 375—406.

нием, эти моменты были развиты В. Эберхардом и О. Латтимором. К этим же проблемам, так или иначе, постепенно, хотя и разными путями, подходили и советские ученые (ср. концепции С.А. Плетневой, Г.Е. Маркова, А.М. Хазанова и др.). Так, сам по себе стал вопрос о природе появления у кочевников сложной военно-политической системы и затем создания крупных кочевнических политических объединений, — очевидно, явлений периодических и эфемерных, — и о механизмах внутреннего взаимодействия общества и социальной структуре в ее связи с особенностями общественной организации.

В отношении древних тюрков VI—X вв. существует следующая дилемма, сводящаяся к двум типам методологических и методических подходов в изучении древнетюркского общества: применение имеющихся знаний о кочевниках в целом к конкретному материалу или, наоборот, его использование для развития методологии изучения кочевников. Часть ученых стремится, имея в своем распоряжении огромный теоретико-методологический задел, найти место древним тюркам в контексте ряда социологических схем, как разработанных для кочевников, так и универсальных, другая часть сосредотачивается на конкретной проблематике. Так или иначе, все эти обстоятельства вынудили нас прибегнуть к более жестким критериям отбора и классификации работ.

При этом следует оговориться, что второй вариант предполагает опору на непосредственный источниковый материал, т.е. работу с древнетюркскими надписями и китайскими летописями, разбор их терминологии, анализ восприятия социальных явлений самими кочевниками, для чего неизбежно необходимы знания в тюркской филологии, давшие бы возможность проследить состав и изменения лексического запаса, развитие семантики отдельных слов и выражений. В этом плане особое значение имеют работы тюркологов-филологов, несмотря на больше источниковедческий характер, тем не менее, содержащиеся в них толкования отдельных фрагментов источников, лексико-грамматический анализ, разбор семантики и установление этимологии отдельных лексических единиц, в т.ч. социальных терминов, дают непосредственную почву для важных заключений. Однако, зачастую основанные только на исключительно лингвистических приемах анализа, без учета историко-культурного контекста, многие из этих выводов остаются в значительной степени ослабленными.

Из приведенного обзора в целом видно, что современная историография не только гораздо более многочисленна по сравнению с предыдущими периодами, но и демонстрирует значительное разнообразие в методических и методологических подходах к исследованию древнетюркского общества, при этом исследования самого различного характера и уровня, тем не менее, вносят определенный вклад в рассмотрение проблемы, поскольку, так или иначе, но обращают внимание на отдельные ее аспекты (См.: Приложение 9).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работа над составлением историографии социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. привела нас к выводу, что социо- и политогенез древних тюрков не могут рассматриваться отдельно от их этногенеза. Поиск корней древнетюркской государственности, а также стремление установить механизм ее становления неизбежно должны были бы привести исследователя к необходимости решения вопросов об условиях формирования древнетюркской этнокультурной общности и ее связях с другими культурами Центральной Азии.

Проблема характеристики социально-экономических отношений и изучения социально-политической организации древних тюрков VI—VIII вв. может считаться одной из наиболее сложных как в тюркологии, так и в кочевниковедении. Это объясняется, прежде всего, сложностью источникового материала, который при всем своем разнообразии требует разносторонней и высококвалифицированной подготовки от исследователя. С самого начала своего изучения история древних тюрков VI—VIII вв., как правило, не выходила из общего контекста кочевниковедческих исследований. Мы выделяем пять периодов развития изучения общественных отношений древних тюрков.

Первый период (середина XVIII — конец XIX вв.) отмечен крупными работами о тюрках или, по крайней мере, связанными с ними, как правило, не затрагивавшими проблем их социальной истории, касавшимися, в основном, политической и отчасти этнической истории. Изучение древних тюрков началось со второй половины XVIII в. и изначально базировалось, в основном, на данных письменных, прежде всего, китайских источников. Уровень науки тогда был таков, что дальше пересказа этих источников, как правило, с европоцентристских позиций, это изучение продвинуться не могло. Однако ученые активно занимались проблемами происхождения, этнической и языковой идентичности того или иного кочевнического народа, их соотношения между собой. Лишь с введением в оборот новых источниковых материалов, в большей степени, этнографических и лингвистических, историческая наука оказалась в состоянии предпринять первые попытки дать характеристику процессам, происходящим в кочевнических обществах.

Первыми исследователями политическая история кочевнических народов изучалась в непосредственном контексте этнических проблем: часть ученых рассматривала кочевников как лишенную этнической основы массу племен, говорящих на различных тюрко-монгольских наречиях, образующих политические объединения, называемые по имени главенствующего племени (Ж. Дегинь, Л. Каун), другие авторы пытались разобраться в происхождении каждого

из упоминаемых в источниках народов и установить связи между ними (Ж.-П. Абель Ремюза, Ю. Клапрот, Н.А. Аристов, Д.М. Позднеев, Г.Е. Грумм-Гржимайло), третьи писали об одном народе, выступавшим в разные времена под разными названиями (Н.Я. Бичурин, К.Ф. Нейман).

В целом, все эти тенденции отражали как общий уровень науки, тогда пока еще не готовой к решению проблем социо- и политогенеза, так и неразработанность проблем этногенеза, не говоря уже о соотношении этих процессов.

Второй период (конец XIX — 20-е гг. XX вв.) в изучении древнетюркского общества может отсчитываться с открытия (1889 г.) и расшифровки (1893 г.) древнетюркских рунических надписей Монголии. Эти тексты помогли увидеть кочевническое общество с другой стороны. Также они дали богатый лингвистический материал.

Даже когда были более или менее установлены определенные особенности функционирования кочевнических обществ (В.В. Радлов, Г. Вамбери), некоторые специалисты все же пытались вписать их в универсальную схему Всемирного исторического процесса, не различая их специфики (В.В. Бартольд), наибольшую крайность эта тенденция обнаружила в последующем марксистской историографии.

Наиболее четко выступает здесь методологическая сторона — противоборство традиционных и, как оказалось, консервативных, и новаторских подходов: с одной стороны это В.В. Бартольд, классический востоковед позитивистской школы, ставящий во главу всего исторический источник и исходящий из соображений об общих закономерностях исторического процесса, с другой стороны — это полевые исследователи: В.В. Радлов, Г. Вамбери, отчасти Н.А. Аристов, прежде всего, этнографы, затем Г.Е. Грумм-Гржимайло, географ, и др. Последние, в основном, менее были знакомы с методикой работы с письменными источниками, при этом в работах В.В. Радлова лучше всего выступает попытка синтеза этнографических и письменных материалов. Именно он выявил и сформулировал основные закономерности социо- и политогенеза кочевнических политических объединений, отметив их сегментарность, текучесть, эфемерность. В.В. Бартольд, оставаясь все же, в силу своего образования, сторонником единства исторического процесса, представления о закономерностях которого он черпал из примеров истории западных, оседло-земледельческих, обществ, обратился к стороне взаимодействия кочевников с оседлыми цивилизациями, отметив интеграцию кочевого общества в оседлую культуру как следующую стадию его развития. Тем не менее, по сути, как позже показал А.М. Хазанов, речь должна идти о двух формах существования кочевнического общества.

Дальнейшее развитие эволюционистский стадийный подход получил в марксистской, прежде всего, советской историографии. С ней связан **третий период** изучения древнетюркского общества (**30-е — 50-е гг. XX в.**), поскольку именно здесь началось настоящее изучение социально-экономической и социально-политической истории Тюркского каганата VI—VIII вв.

Если А.С. Букшпан и даже С.П. Толстов и А.Н. Бернштам в определенной мере пытались совместить установленные предыдущим поколением ученых закономерности в истории кочевников, очевидно выходящие за рамки типичных представлений, сложившихся на основе изучения оседло-земледельческих народов, с общей теоретической схемой, разработанной именно на основе последних, то в последующие годы мы видим лишь попытки, как правило, носящие декларативный характер, разместить кочевников, в т.ч. древних тюрков, в одной из ниш марксистской периодизации Всеобщей истории. В СССР эти тенденции наблюдаются вплоть до второй половины 60-х гг. XX в., когда развитие тюркской филологии, археологии, этнографии позволили в последующие годы поколебать ортодоксальную схему.

Несмотря на некую односторонность трактовки закономерностей социальных изменений, предлагаемой марксистской методологией, советские ученые с привлечением самого разнообразного материала предприняли очень важные попытки вскрыть сущность социальных процессов, происходящих в кочевнических обществах, в т.ч. и в древнетюркском. В официальной историографии в эти времена было принято говорить о феодальных характеристиках в социальных отношениях у кочевников. Первым сигналом, указавшим на шаткость такого подхода, послужила знаменитая дискуссия 1954 г. о сущности феодальных отношений у кочевников.

Следующий, **четвертый период (60-е — 80-е гг. XX в.)** связан с расширением методологической базы у марксистских ученых и попытками западноевропейских ученых создать единую историю тюрко-монгольских народов, органично соединив между собой отдельные этапы и охватив политический и, по возможности, социально-экономический аспект (Д. Синор, Б. Шпулер, Л. Квантен, Ж.-П. Ру, отчасти Дж. Сондерс).

Увеличение в период 1950-х — 1980-х гг. источниковой базы, благодаря, в первую очередь, изысканиям в археологии и тюркской филологии, дало массу дополнительного материала, требовавшего обобщения и нового осмысления. В то же время широкое использование сравнительно-исторического и сравнительно-этнографического методов позволило выявить полную несостоятельность марксистской методологии для изучения кочевнических обществ. Именно в 60-е — 70-е гг. XX в. появляются работы, предлагающие интерпретацию общественных отношений у кочевников вне рамок феодальной формации (Л.Н. Гумилев, Г.Е. Марков, А.М. Хазанов, А.И. Першиц и др.)¹⁵¹². Стали очевидны такие особенности социальной организации кочевников, не присущие оседлым народам, как ее сегментарность и текучесть. Наряду с работами по общим проблемам кочевничества таких ученых, как Г.Е. Марков, А.М. Хазанов, А.И. Першиц, в древнетюркской проблематике важную роль сыграли взгляды археолога А.Д. Грача, развитые потом в археологии его учеником Д.Г. Савиновым, а также специалистом

¹⁵¹² Ср.: Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация ... С. 8, 347; Дашковский П.К. Мироззрение и социально-политическая организация ... С. 28, 501.

по древнетюркским руническим памятникам, учеником С.Е. Малова и А.Н. Бернштама С.Г. Кляшторным. Таким образом, увеличение базы археологических источников, обобщение всего материала с территории Южной Сибири и Монголии, относящегося к периоду существования здесь крупных политических объединений тюркоязычных народов, способствовали пониманию неразрывной взаимосвязи этно- и социогенетических процессов у этих обществ (А.Д. Грач, Д.Г. Савинов). В нескольких специальных работах на основе конкретно-исторического материала С.Г. Кляшторный также установил ряд важных особенностей социальных отношений у древних тюрков VI—X вв.

Большое значение имело обращение в советской историографии на роль экологического фактора (Л.Н. Гумилев, Н.Э. Масанов). Понимание зависимости кочевнического хозяйства от природно-географических условий позволило выдвинуть гипотезу о «номадном государстве», т.е. уникальной модели механизма функционирования кочевнического общества. Впрочем, эта концепция была взята на вооружение представителями национальной, в первую очередь, тюрко-татарской историографии и учеными некоторых тюркских республик, освободившихся после распада СССР.

Однако если в целом марксистская историография рассматривала историю того или иного общества в срезе линейного развития, то на Западе был больше распространен подход видеть историю кочевнических обществ степной Евразии как смену правящих племен при изменении соотношения этнических элементов в общей массе кочевнических народов, социально-экономическая система которых имела более или менее статичный характер, а общественно-политическая организация была эфемерной.

В целом, европейские, американские и японские исследователи продвинулись в изучении древнетюркского общества несколько дальше. Прежде всего, это венгерские ученые — Д. Немет, А. Альфёльди, Ф. Ласло и др. Они сумели развить опыт В.В. Радлова и Г. Вамбери. Так называемая «будапештская школа» востоковедения или «школа Л. Лигети» умело синтезировала методы исторического исследования с достижениями этнографии и алтайского языкознания. Каждый исследователь кочевников, как правило, имел одинаково хорошую как теоретическую, так филологическую подготовку, оперируя с источниковым материалом в оригинале. Это обстоятельство, даже после установления в Венгрии коммунистического режима и навязывания ученым марксистской методологии, помогло венгерским специалистам не только сохранить традиции, но и поднять исследования на более высокий уровень. В частности, не касаясь теоретических проблем, венгерские специалисты сосредоточили внимание на ряде вопросов источниковедческого характера, но даже отдельные замечания в этих работах часто имеют огромное значение для понимания определенных событий, явлений или процессов широкого характера. Работы Д. Немета, К. Цегледи, И. Эчеди и других специалистов оставили глубокий

след в историографии кочевничества, его социальной истории, древних тюрков в частности, хотя эти исследования всегда имели вспомогательный характер, будучи нацелены на понимание истории венгерского народа. (См.: Приложение 2).

Западноевропейская и американская историография всегда из поколения в поколение последовательно передавала все свои достижения. Несмотря на некоторые различия в подходах сильнейшие востоковедческие школы, такие как французская, немецкая и отчасти английская, традиционно сохраняли научные связи и обмен опытом. Здесь обобщающей работы по социальной истории Тюркского каганата так и не появилось. Роль основной работы по истории степных кочеников Азии несколько десятилетий выполняла вышедшая в 1939 г. книга Р. Груссе. К отдельным сторонам социальной истории древних тюрков VI—X вв. обращались как профессионалы, однако, прежде всего филологи (А. фон Габэн, Р. Жиро, сэр Дж. Клосон, Л. Базен, В.-Э. Шарлипп) или историки, имевшие сильную филологическую подготовку (О. Прицак, Д. Синор, П.Б. Голден), так и различные исследователи иного профиля (О. Латтимор, Л. Крэдер, Ж. Кюзенье и др.), и при этом все они внесли свой определенный вклад в изучение проблематики. Главной особенностью здесь можно считать объективное разделение сфер компетенции при стремлении того или иного ученого придать своим выводам, сделанным, в силу его специализации, на материалах одной группы, при попутном привлечении стороннего материала без возможности его проверить со всеми неточностями и ошибками, абсолютизирующий характер. Разумеется, это отражалось и на общем уровне исследования. (См.: Приложение 3).

Тем не менее, разработки, имевшие концептуальное значение, в т.ч. и для изучения социальной истории древних тюрков VI—VIII вв., появились в работах ученых специально тюрками не занимавшихся. Так, работы О. Латтимора, В. Эберхарда и написанные еще в советский период деятельности работы А.М. Хазанова заложили основу для понимания двух форм (или уровней) политической организации кочевников, отличающихся, прежде всего, своей экономической основой, граница между которыми определялась местом в ней оседло-земледельческих элементов. Так или иначе, речь должна идти о племенном состоянии и состоянии интеграции в оседло-земледельческое общество, его экономическую и социально-политическую систему. При этом важно помнить, что первое было описано В.В. Радловым, проблему второго начал разрабатывать В.В. Бартольд. Упомянутые несколькими строками выше специалисты, касаясь именно этого аспекта, установили единые закономерности для всех случаев, идет ли речь о переходе какой-то кочевой группы под патронат крупного оседло-земледельческого объединения и переселении на его, как правило, пограничную территорию, либо о завоевании кочевниками территории со значительным оседлым населением, имевшим свою налаженную социально-политическую систему. При этом О. Латтимор, В. Эберхард, позже О. Прицак на Западе, а

Г.Е. Марков и А.М. Хазанов в СССР указывали именно на циклическую связь этих форм политической организации кочевников, а не на стадиальную зависимость второй от первой. Тем не менее, этот подход не избежал крайностей, выражением чего может рассматриваться концепция Т.Дж. Барфилда.

Начиная с **90-х гг. XX в.**, когда наступает **пятый период**, прежде всего, за счет специалистов из государств бывшего СССР, значительно увеличилось число различных научных школ, объективно расширилась теоретико-методологическая база.

Освободившиеся после падения советского режима молодые тюркские республики переживают болезненный процесс переосмысления своего прошлого, что в полной мере отражается в ломке историографических традиций, формировании новых научных школ, поисках и апробации новых концепций национальной истории, в совокупности со стремлением нащупать соответствующую теоретико-методологическую канву, поэтому национальные школы демонстрируют чрезвычайно широкий, разнообразный и зачастую противоречивый диапазон методологических подходов.

Турецкая историография особенно обогатилась многочисленными работами по древнетюркской государственности в последние годы. Однако стремление провести одну линию развития общества, государства и права тюрков от древнейших времен до султанатов сельджуков и османов, а затем — Турецкой республики, общее для работ турецких ученых, значительно сужает методологическую базу исследований. Тем не менее, многими турецкими учеными, начиная с Б. Öгеля и И. Кафесоглу, последовательно отстаивается позиция о специфических культурных, социальных и политических характеристиках кочевнических обществ, не позволяющих рассматривать их как примитивные или отсталые. Однако это явление имеет, скорее, не научную, а социально-идеологическую природу. (См.: Приложение 5).

Увеличение числа теоретико-методологических подходов в целом отнюдь не стало способствовать положительному продвижению в изучении кочевнических обществ, в т.ч. древнетюркского. Одна и та же источниковая база при разных методологических подходах позволяет делать самые различные выводы по поводу характеристики кочевнических обществ и по-разному трактовать одни и те же происходящие в них процессы.

Взгляд на кочевнические общества как на статичные дал некоторым ученым, в основном, антропологам повод выдвинуть и разработать концепцию о непосредственной зависимости экономических, социальных и политических трансформаций в кочевнических обществах от оседлых соседей (А.М. Хазанов, Т.Дж. Барфилд, Н.Н. Крадин). По сути, исследователи, придерживающиеся подобных взглядов, занимают позиции, близкие к европоцентристским: характер социально-политического устройства кочевников оценивается ими по шкалам, разработанным

ным на материалах оседлых обществ. При этом приходится объективно признать отсутствие адекватных альтернативных методик.

Это указывает на необходимость возвращения к работе с *непосредственным источниковым материалом*. Тем более что изучение любого исторического общества на основе письменных источников сводится, прежде всего, к изучению свойственной для него лексики, в т.ч. социальной терминологии. Именно по этому пути следуют такие специалисты, как тюркологи С.Г. Кляшторный, П.Б. Голден, И. Зимоньи, М. Добрович, Т. Осава, китаист М.Р. Дромпп, археолог С. Штарк, предпринявший важную попытку обобщения всего материала.

Между тем, надо отметить, что с развитием научного знания и сужения специализации определенных направлений исторической науки возрастает значение специальных работ, но также и междисциплинарных исследований. Так, например, развитие тюркской филологии и компаративистики существенно расширяет возможности по интерпретации древнетюркской терминологии, что, однако, не может быть сделано правильно без учета конкретно-исторических условий существования древнетюркского общества. Введение в научный оборот новых археологических источников и разработка современных методик их интерпретации позволяет сегодня говорить о возможности реконструкции социальной структуры и общественной организации некоторых локальных групп населения древнетюркского времени (см. работы С.А. Васютина, Н.Н. Серегина). Важное направление в междисциплинарных исследованиях представляют работы археологов У. Ханичёрча и Ч. Амартүвшина.

Таким образом, мы можем говорить о необходимости создания обобщающего исследования, сумевшего бы не только обработать весь комплекс нового введенного в оборот источникового материала, но и совместить в себе последние разработки в теории, методике и методологии кочевниковедческих исследований, а также учесть достижения смежных с исторической наукой дисциплин: тюркской филологии и компаративистики, социальной археологии, этнической экологии и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон. — Фрунзе : Кыргызстан, 1990. — 480 с.
2. Абрамзон, С.М. Народная этногония как один из источников для изучения этнической и социальной истории (на материале тюркоязычных кочевников) / С.М. Абрамзон, Л.П. Потапов // Советская этнография. — 1975. — № 6. — С. 28—41.
3. Абрамзон, С.М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ / С.М. Абрамзон // Советская этнография. — 1970. — № 6. — С. 61—73.
4. Абрамзон, С.М. О некоторых терминах родства в тюркских языках / С.М. Абрамзон // *Türccologica*. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. — Л. : Наука, 1976. — С. 204—207.
5. Абрамзон, С.М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии / С.М. Абрамзон // Родовое общество. Этнографические материалы и исследования / отв. ред. С.П. Толстов. — М. : Изд-во АН СССР, 1951 (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, новая серия. — Т. XIV). — С. 132—156.
6. Абрамзон, С.М. Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье / С.М. Абрамзон // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. — М. : Наука, 1973. — С. 287—305.
7. Абусейтова, М.Х. История Казахстана и Центральной Азии : учебное пособие / М.Х. Абусейтова, Ж.Б. Абылхожин, С.Г. Кляшторный, Н.Э. Масанов, Т.И. Султанов, А.М. Хазанов. — Алматы : Білім, 2001. — 620 с.
8. Агаджанов, С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. / С.Г. Агаджанов. — Ашхабад : Ылым, 1969. — 296 с.
9. Азбелев, П.П. К интерпретации заимствования ремесленных традиций в среде центральноазиатских кочевников (I тыс. н.э.) / П.П. Азбелев // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: тезисы докладов IV конференции молодых ученых ИА АН СССР. — М., 1988. — С. 75—76.
10. Азбелев, П.П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах / П.П. Азбелев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. — Горно-Алтайск : АКИН, 2007. — Вып. 6. / под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. — С. 106—115.
11. Азбелев, П.П. Общество и государство енисейских кыргызов в VII—VIII вв. / П.П. Азбелев // Вестник СПбГУ. — 2009. Сер. 12. — Вып. 4. — С. 78—89.

12. Азбелев, П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля / П.П. Азбелев // Петербургский археологический вестник. — СПб. : Фарн, 1993. — Вып. 3. — С. 89—93.
13. Айдаров, Г. Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности / Г. Айдаров. — Алма-Ата : Наука, 1979. — 145 с.
14. Айдаров, Г. Язык орхонского памятника Бильге-кагана / Г. Айдаров. — Алма-Ата : Наука, 1966. — 94 с.
15. Айдаров, Г. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века / Г. Айдаров. — Алма-Ата : Наука, 1971. — 380 с.
16. Айдын, Э. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских надписях / Э. Айдын // Эпиграфика Востока. — 2011. — Вып. XXIX. — С. 3—13.
17. Александр Николаевич Самойлович : научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г.Ф. Благова. — М. : Вост. лит-ра, 2008. — 590 с.
18. Алымов, С.[С.] Космополитизм, марризм и прочие «грехи» : отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940—1950-х годов / С.[С.] Алымов // Новое литературное обозрение : теория и история литературы, критика и библиография. — 2009. — № 97(3). — С. 7—36.
19. Аманжолов, А.С. История и теория древнетюркского письма / А.С. Аманжолов. — 2-е изд., испр. и доп. — Алматы : Мектеп, 2010. — 368 с.
20. Антонов, Н.К. Лекции по тюркологии / Н.К. Антонов. — Якутск : Изд-во ЯГУ, 1979. — Ч. 2. (Древнетюркская эпоха). — 56 с.
21. Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н.А. Аристов // Живая старина. — 1896. — Т. 6. Вып. III—IV. — С. 277—456.
22. Аристов, Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований / Н.А. Аристов // Живая старина. — 1894. — Т. 4. Вып. III—IV. — С. 391—486.
23. Артамонов, М.И. История хазар / М.И. Артамонов. — Л. : Изд-во гос. Эрмитажа, 1962. — 523 с.
24. Артамонов, М.И. Очерки древнейшей истории хазар / М.И. Артамонов. — Л. : Соцэкгиз, 1936. — 140 с.

25. Ахсанов, К.Г. Историографический обзор / К.Г. Ахсанов // История татар с древнейших времен. — Казань : Рухият, 2002. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности / ред С.Г. Кляшторный. — С. 17—35.
26. Ахсанов, К.Г. Основные концепции политогенеза в кочевых обществах в отечественной историографии / К.Г. Ахсанов // Мирза Казем-Бек и отечественное востоковедение : доклады и сообщения международной научной конференции, 23—25 мая 2000 г. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. — С. 38—45.
27. Ахсанов, К.Г. Очерки истории тюркских народов. Древность и средневековье (III в. до н.э. — XII в. н.э.) : учебное пособие / К.Г. Ахсанов. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2003. — 108 с.
28. Ахсанов, К.Г. Проблема государственности тюрков-кочевников в отечественной историографии / К.Г. Ахсанов // Древнетюркский мир : история и традиции. Материалы одноименной научной конференции, 24—25 января 2001 г. — Казань, 2002. — С. 135—141.
29. Ахсанов, К.Г. Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Камиль Гусманович Ахсанов. — Казань, 1999. — 30 с.
30. Ахсанов, К.Г. Проблема становления государственности тюрков-кочевников в домонгольский период в отечественной историографии : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Камиль Гусманович Ахсанов. — Казань, 1999. — 157 с.
31. Ахсанов, К.Г. Фридрих Вильгельм Радлов : «Государственность у кочевых народов» / К.Г. Ахсанов // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1997. — № 3—4. — С. 254—267.
32. Бабаяров, Г.Б. Государственный строй Западно-Тюркского каганата : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Гайбулла Боллиевич Бабаяров. — Ташкент, 2012. — 56 с.
33. Бабаяров, Г. К вопросу о генезисе тамг на монетах Западно-Тюркского каганата / Г. Бабаяров, А. Кубатин // Археология Казахстана в эпоху независимости : итоги, перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. — Алматы, 2011. — Т. II. — С. 295—303.
34. Бабаяров, Г. Монеты западнотюркского каганата с титулом «тюрк-каган» : палеография и интерпретация / Г. Бабаяров, А. Кубатин // Проблемы древней и средневековой истории Чача / ред. Ш. Камоллидин. — Berlin : LAP Lambert Academic Publishing, 2014. — Вып. 2. История. Археология. Нумизматика. — С. 53—62.
35. Базен, Л. Тюркские и монгольские степные народы : пастушеское кочевничество / Л. Базен // История человечества. — М. : ЮНЕСКО ; МАГИСТР-ПРЕСС, 2003. — Т. IV. VII—XVI века / под ред. М.А. Аль-Бахита, Л. Базена и С.М. Сиссоко. — С. 477—482.

36. Базен, Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке / Л. Базен // Зарубежная тюркология / отв. ред. А.Н. Кононов. — М. : Наука, 1986. — Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. — С. 345—360.
37. Базылхан, Н. Древнетюркские письменные памятники в Монголии : каталогизация и музеефикация / Н. Базылхан // Урало-алтайские исследования. — 2010. — № 2(3). — С. 7—18.
38. Байоглу, А. Древние тюрки Центральной Азии в исследованиях турецких ученых XX века / А. Байоглу // Бюллетень (Newsletter). — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. — Вып. 1. Материалы конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 21—22 мая 2010 г.). — С. 28—39.
39. Байоглу, А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири : турецкая историография XIX—XXI вв. / А. Байоглу // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2011. — № 4(96). — С. 124—140.
40. Бартольд, В.В. Арабские известия о русах / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 810—858.
41. Бартольд, В.В. Гуззы / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 524—527.
42. Бартольд, В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 19—192.
43. Бартольд, В.В. Древнетюркские надписи и арабские источники / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 284—311.
44. Бартольд, В.В. Изучение Востока — главная задача Академии / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 581—582.
45. Бартольд, В.В. История изучения Востока в Европе и России / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 198—482.
46. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 169—433.

47. Бартольд, В.В. История Туркестана / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 109—166.
48. Бартольд, В.В. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1966. — Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. — С. 377—396.
49. Бартольд, В.В. Киргизы. Исторический очерк / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 471—525.
50. Бартольд, В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 648—664.
51. Бартольд, В.В. Научная поездка в Западную Европу / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 564—580.
52. Бартольд, В.В. Николай Иванович Веселовский. Некролог / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 642—647.
53. Бартольд, В.В. Новые исследования об орхонских надписях / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 312—328.
54. Бартольд, В.В. Обзор истории тюркских народов / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 425—437.
55. Бартольд, В.В. Образование империи Чингиз-хана (пробная лекция, читанная в СПб. унив. 8 апреля 1896 г.) / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 253—265.
56. Бартольд, В.В. Ответ Г.Е. Грумм-Гржимайло / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 329—341.
57. Бартольд, В.В. Очерк истории туркменского народа / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. — С. 547—623.

58. Бартольд, В.В. Памяти В.В. Радлова. 1837—1918 / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 665—688.
59. Бартольд, В.В. Памяти Иосифа Маркварта. 1864—1930 / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 779—788.
60. Бартольд, В.В. [Рец. на] Г.Е. Грумм-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с Историей Средней Азии / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 280—283.
61. Бартольд, В.[В.] [Рец. на] К. Иностранцев, Хун-ну и Гунны. (Библиографический обзор теорий о происхождении народа Хун-ну китайских летописей, о происхождении европейских Гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) С.-Петербург, 1900 (отдельные оттиски из «Живой Старины»). 78 стр. 8⁰ / В.В. Бартольд // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. — 1901. — Т. XIII. Вып. IV (с приложением двух таблиц). — С. 0109—0113.
62. Бартольд, В.В. [Рец. на] Н.А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 266—279.
63. Бартольд, В.В. [Рец. на] E. Blochet, Introduction à la Histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din. Leyden—London, 1910. 398 pp. 8 («E.J.W. Gibb Memorial» Series, vol. XII) / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 270—310.
64. Бартольд, В.В. [Рец. на] E. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Recueillis et commentés par —. Avec une carte / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 342—362.
65. Бартольд, В.В. [Рец. на] Léon Cahun, Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405. Paris, 1896 / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 238—252.
66. Бартольд, В.В. [Рец. на] М.А. Czaplicka. The Turks of Central Asia in history and at the present day, an ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 363—378.

нения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 441—445.

67. Бартольд, В.В. Связь общественного быта с хозяйственным укладом / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 468—472.

68. Бартольд, В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 454—465.

69. Бартольд, В.В. Состояние и задачи изучения истории Туркестана / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 510—521.

70. Бартольд, В.В. Томсен и история Средней Азии / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 757—764.

71. Бартольд, В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1963. — Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — С. 45—597.

72. Бартольд, В.В. Тюрки (историко-этнографический обзор) / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 576—595.

73. Бартольд, В.В. Улугбек и его время / В.В. Бартольд // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1964. — Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. — С. 25—196.

74. Бартольд, В.В. Эдуард Шаванн. Некролог / В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1977. — Т. IX. Работы по истории востоковедения. — С. 629—641.

75. Барфилд, Т.Дж. Опасная граница : кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. — 1757 г. н.э.) / Т.Дж. Барфилд ; пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузнецова ; науч. ред. и предисл. Д.В. Рухлядева. — СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ ; Нестор-История, 2009. — 488 с.

76. Баскаков, Н.А. Введение в изучение тюркских языков / Н.А. Баскаков. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Высшая школа, 1969. — 384 с.

77. Баскаков, Н.А. Памяти Алессио Бомбачи / Н.А. Баскаков // Советская тюркология. — 1980. — № 2. — С. 106—108.

78. Батмаев, М.М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII—XVIII вв. / М.М. Батмаев. — Элиста : АПП «Джангар», 2002. — 400 с.
79. Батманов, И.А. Краткое введение в изучение киргизского языка / И.А. Батманов. — Фрунзе : Киргизгосиздат, 1947. — 115 с.
80. Батманов, И.А. Современная и древняя Енисеика / И.А. Батманов, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкин. — Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1962. — 252 с.
81. Батманов, И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности / И.А. Батманов. — Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1959. — 220 с.
82. Бернштам, А.Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI—VIII вв. н.э. / А.Н. Бернштам // Вопросы истории доклассового общества : сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. — С. 871—892.
83. Бернштам, А.Н. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» / А.Н. Бернштам // Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. I. — С. V—LV.
84. Бернштам, А.Н. Наследственность и выборность у древних народов центральной Азии / А.Н. Бернштам // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 7—8. — С. 160—174.
85. Бернштам, А.Н. Новые работы Н. Козьмина о древнем турецком обществе / А.Н. Бернштам // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 1—2. — С. 215—218.
86. Бернштам, А.Н. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса / А.Н. Бернштам // Проблемы истории материальной культуры. — 1933. — № 3—4. — С. 46—51.
87. Бернштам, А.Н. Очерк истории гуннов / А.Н. Бернштам. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1951. — 256 с.
88. Бернштам, А.[Н.] Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии / А.[Н.] Бернштам // Советская этнография. — 1934. — № 6. — С. 86—95.
89. Бернштам, А.Н. Происхождение турок (к постановке проблемы) / А.Н. Бернштам // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 5—6. — С. 43—54.
90. Бернштам, А.Н. [Рец. на] Л.П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибирск. 1948, стр. 504 / А.Н. Бернштам // Советская этнография. — 1949. — № 3. — С. 225—230.
91. Бернштам, А.Н. [Рец. на] С.В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР, т. IX, М.—Л., 1949, стр. 364, табл. 62, из них

3 цветных / А.Н. Бернштам // Вестник Ленинградского Унив.-та. — 1950. — № 4. — С. 164—168.

92. Бернштам, А.[Н.] [Рец. на] EBERHARD W. *Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabı*. Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. Ankara. 1942. 281 p.+2 tab. (ЭБЕРХАРД В. *Книга первоисточников о китайских северных соседях*. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Перевел на турецкий Нимет Улугтуг) / А.Н. Бернштам // Вопросы истории. — 1946. — № 7. — С. 124—127.

93. Бернштам, А.Н. Родовая структура Ту' Гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина) / А.Н. Бернштам // Из истории докапиталистических формаций : сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н.Я. Марра. — М. ; Л. : ОГИЗ, 1933 (Известия ГАИМК. — Вып. 100). — С. 560—576.

94. Бернштам, А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы / А.Н. Бернштам. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1946 (Труды Института востоковедения. — Т. XLV). — 207 с.

95. Бернштам, А.[Н.] Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI—VIII вв. н.э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации / А.Н. Бернштам. — Л., 1935. — 23 с.

96. Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / под ред. А.Н. Кононова. — 2-е изд., перераб. — М. : Наука, 1989. — 304 с.

97. [Бичурин, Н.Я. (Иакинф)]. Записки о Монголии. Сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов / [Н.Я. Бичурин (Иакинф)]. — СПб. : Тип. Карла Крайя, 1828. — Т. II. Ч. 3—4. — VI, 341, [1] с.

98. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / Н.Я. Бичурин [Иакинф]. — 2-е изд. — Элиста : Калмыцкое книжн. изд-во, 1991. — 127 с.

99. Бичурин, Н.Я. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из Дома Чингисова / Н.Я. Бичурин (о. Иакинф) // История монголов. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. — С. 9—234.

100. Бичурин, Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин [Иакинф] ; редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. — Т. I. — LXXXVI, 384 с.

101. Благова, Г.Ф. Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии / Г.Ф. Благова // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 1. — С. 133—138.

102. Борисенко, А.Ю., Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков. — Новосибирск : НГУ, 2005. — 270 с.

103.Борисенко, А.Ю. Изучение социальной структуры средневекового населения Среднего Енисея немецкими учеными в XVIII—XIX вв. / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков // Социальная организация и этногенез первобытных обществ : теория, методология, интерпретация : материалы всероссийской конференции. — Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. — С. 65—68.

104.Борисенко, А.Ю. Изучение средневековых памятников Южной Сибири немецкими учеными XVIII—XIX вв. / А.Ю. Борисенко // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока : сборник тезисов докладов. — Барнаул : Изд-во АГУ, 1994. — С. 123—124.

105.Борисов, А.Л. Об изданиях Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова по древней истории и археологии / А.Л. Борисов // Вопросы истории. — 1952. — № 11. — С. 134—138.

106.Букшпан, А.С. К истории древних тюркских государственных образований (из отчета научн. сотр. по каф. истории тюрк. нар. пр. Губайдуллину) (отд. Оттиск из т. III «Востоковедения», изв. вост. факультета Аз. гос. университета) / А.С. Букшпан. — Баку, 1928. — С. 57—71.

107.Вайнберг, Б.И. Этногеография Турана в Древности. VII в. до н.э. — VIII в. н.э. / Б.И. Вайнберг. — М. : Вост. лит-ра РАН, 1999. — 359 с.

108.Вайнштейн, С.И. В.В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов / С.И. Вайнштейн, С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В. Радлова. — М. : Наука, 1972. — С. 20—31.

109.Вайнштейн, С.И. Об облике древних тюрков / С.И. Вайнштейн, М.В. Крюков // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. — М. : Наука, 1966. — С. 177—187.

110.Валиди Тоган, А.З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры / А.З. Валиди Тоган. — Уфа : Башкирское издательство «Китап», 1994. — Кн. I. — 400 с. ; Уфа : Башкирское издательство «Китап», 1998. — Кн. II. — 368 с.

111.[Валидов, А.] [Приложения] Письма А. Валидова В.В. Бартольд / А. Валидов ; [пер. с турецкого А.Г. Салихова] // Салихов, А.Г. Деятельность А. Валидова в России. — Уфа : Гилем, 2001. — С. 155—161.

112.Валиханов, Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа [Дневник поездки в Кульджу 1856 г.] / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. — Алма-Ата : Казахская Советская энциклопедия, 1985. — Т. II. — С. 174—247.

113.Валиханов, Ч.Ч. Записки о киргизах / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. — Алма-Ата : Казахская Советская энциклопедия, 1985. — Т. II. — С. 7—89.

114. Валиханов, Ч.Ч. Киргизское родословие / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. — Алма-Ата : Казахская Советская энциклопедия, 1985. — Т. II. — С. 148—166.

115. Валиханов, Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений : в 5 т. — Алма-Ата : Казахская Советская энциклопедия, 1984. — Т. I. — С. 163—172.

116. [Валиханов, Ч.Ч.] [Статьи из географического-статистического словаря российской империи] / Ч.Ч. Валиханов // Валиханов, Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. — Алма-Ата : Казахская Советская энциклопедия, 1985. — Т. II. — С. 197—208.

117. Васильев, В.П. Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Кара-Балгасуне / В.П. Васильев // Сборник Трудов Орхонской экспедиции. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1897. — Т. II. — С. 1—36.

118. Васильев, Д.Д. К истории открытия и изучения памятников древнетюркской письменности Горного Алтая / Д.Д. Васильев // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение. Африканистика». — 2009. — № 8. — С. 46—55.

119. Васильев, Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея / Д.Д. Васильев. — Л. : Наука, 1983. — 128 с.

120. Васильев, Д.Д. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии / Д.Д. Васильев, М.В. Горелик, С.Г. Кляшторный // Из истории Золотой Орды : Материалы научной конференции / отв. ред. Г.Ф. Валеева-Сулейманова. — Казань, 1993 — С. 33—44.

121. Васильев, М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии / М.А. Васильев. — М., 1982. — 48 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 29.09.82, № 11301.

122. Васильев, М.А. Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 ; 07.00.09 / Михаил Александрович Васильев. — М., 1983. — 263 с.

123. Васильев, М.А. Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Михаил Александрович Васильев. — М., 1983. — 15 с.

124. Васютин, С.А. Антропология власти в кочевых империях (по материалам эпохи Тюркских каганатов) / С.А. Васютин // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. — 2011. — Вып. 72(1—2). — С. 306—329.

125. Васютин, С.А. Архаические элементы политической культуры в тюркских каганатах / С.А. Васютин // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. — Барнаул : Изд-во АГУ, 2004. — С. 95—99.

126. Васютин, С.А. Властные системы раннесредневековых кочевников Евразии в свете теории многолинейности / С.А. Васютин // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 93—143.

127. Васютин, С.А. Внешнеполитические стратегии и организация верховной власти во II Тюркском каганате / С.А. Васютин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2010. — № 3(79). — С. 49—62.

128. Васютин, С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая / С.А. Васютин // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. — Барнаул : АГУ, 2009. — С. 198—201.

129. Васютин, С.А. К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда / С.А. Васютин // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. — 2010. — № 10(1). — С. 34—39.

130. Васютин, С.А. Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) / С.А. Васютин // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2005. — Вып. 2 / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 56—71.

131. Васютин, С.А. Модели политической адаптации кочевников раннего средневековья в Семиречье / С.А. Васютин // Россия и мир : панорама исторического развития. Сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького / отв. ред. Д.А. Редин. — Екатеринбург : НПМП «Волот», 2008. — С. 438—443.

132. Васютин, С.А. Образ правителя в ментальных представлениях кочевников Центральной Азии в период раннего средневековья (по письменным и эпическим памятникам тюркоязычных народов) / С.А. Васютин // Тюркологический сборник. 2009—2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2011. — С. 79—108.

133. Васютин, С.А. Общественная система кочевников в эпоху Тюркских каганатов (VI—VIII вв.) / С.А. Васютин // Социогенез в Северной Азии : сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Харинский. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2005. — Ч. I. — С. 215—223.

134. Васютин, С.А. Основные модели организации власти у кочевников Центральной Азии периода раннего средневековья (в свете теории многолинейности) / С.А. Васютин // Восток (Oriens). — 2010. — № 4. — С. 20—33.

135. Васютин, С.А. Основные тенденции политического развития Центральной Азии в период раннего средневековья / С.А. Васютин // Бюллетень (Newsletter). — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2011. — Вып. 1. Материалы конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 21—22 мая 2010 г.). — С. 56—68.

136. Васютин, С.А. Проблемы и перспективы изучения демографии и социальной стратификации кочевых обществ древнетюркской эпохи по данным археологии / С.А. Васютин // Этноистория и археология Северной Евразии : теория, методология и практика исследований : сборник научных трудов. — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2007. — С. 268—275.

137. Васютин, С.А. Ревизия сталинского марксизма в отечественных исследованиях социально-политической организации кочевников конца 1960-х — середины 1980-х гг. / С.А. Васютин // Images Mundi. Альманах исследований всеобщей истории XVI—XX вв. — Екатеринбург : Изд-во Уральск. ун-та, 2010. — № 7. Сер. : Интеллектуальная история. — Вып. 4. — С. 271—275.

138. Васютин, С.А. Социальная атрибутика тюркского «мужа-воина» по археологическим источникам / С.А. Васютин // Социогенез в Северной Азии : материалы 3-й научно-практической конференции (Иркутск, 29 марта — 1 апреля 2009 г.). — Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 84—88.

139. Васютин, С.А. Социальная организация кочевников Евразии в отечественной археологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Сергей Александрович Васютин. — Барнаул : Кузбассвузиздат, 1998. — 25 с.

140. Васютин, С.А. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования) / С.А. Васютин, П.К. Дашковский. — Барнаул : Изд-во АГУ, 2009. — 400 с.

141. Васютин, С.А. Типология потестарных и политарных систем кочевников / С.А. Васютин // Кочевая альтернатива социальной эволюции / отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. — М., 2002 (Цивилизационное измерение. — Т. 6). — С. 63—71.

142. Вернадский, Г.В. История России. Древняя Русь / Г.В. Вернадский ; [пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана ; идея, вступ. ст., ред. рус. Текста : Б.А. Николаев ; предисл., введ., гл. 1—3 Б.Л. Губман, гл. 4—8 Е.П. Беренштейн]. — Тверь : ЛЕАН ; М. : АГРАФ, 2000. — 445, [2] с.

143. Вернер, Э. Пантуркизм и некоторые тенденции современной турецкой историографии / Э. Вернер // *Լրաբեր Հասարակական Գիտություններ* (Вестник общественных наук). — 1966. — № 6. — С. 81—91.

144. Веселовский, Н.[И.] Орхонские открытия / Н.[И.] Веселовский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1894. — Ч. ССХСII, апрель. Отд. 4. — С. 59—72.
145. Византийские историки : Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом ; примечания Гавриила Дестуниса. — СПб. : Типография Леонида Демиса, 1860. — [2], XIV, 496, 31 с.
146. Владимирцов, Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов // Владимирцов, Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2002. — С. 295—488.
147. Войтов, В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI—VIII вв. / В.Е. Войтов. — М. : ГЭМ, 1996. — 152 с.
148. Вопросы истории феодализма у народов Востока [прения и заключительное слово] // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества : пленум Государственной академии истории материальной культуры, 20—22 июня 1933 г. — М. ; Л. : ОГИЗ, 1934 (Известия ГАИМК. — Вып. 103). — С. 321—381.
149. Воробьев, М.В. Маньчжурия и Восточная Внутренняя Монголия (с древнейших времен до IX в. включительно) / М.В. Воробьев. — Владивосток : Дальнаука, 1994. — 410 с.
150. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье : Этнос, языки, религии / под ред. Б.А. Литвинского. — М. : Наука, 1992. — 688 с.
151. Всемирная история : в 10 т. — М. : Госполитиздат, 1957. — Т. III. — 896 с.
152. Вяткин, М.П. Очерки по истории Казахской ССР / М.П. Вяткин — М. : ОГИЗ — Госполитиздат, 1941. — Т. 1. С древнейших времен по 1870 г. — 367 с.
153. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. — М. ; Л. : Наука, 1965. — 145 с.
154. Галиев, А.А. Этнополитические процессы у тюркоязычных народов : история и ее мифологизация : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Ануар Абитаевич Галиев. — Алматы, 2010. — 52 с.
155. Ганиев, Р.Т. Восточно-тюркское государство в VI—VIII веках / Р.Т. Ганиев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2006. — 152 с.
156. Ганиев, Р.Т. Государственность восточных тюрков VI—VIII вв. / Р.Т. Ганиев // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2011. — № 4(96). — С. 68—81.
157. Гатин, М.С. Немецкие историки о Золотой Орде : проблемы истории Улуса Джучи и поздnezолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX—XX вв. / М.С. Гатин. — Казань : Татар. кн. изд-во, 2011. — 255 с.

158. Гафуров, Б.Г. История таджикского народа (в кратком изложении) / Б.Г. Гафуров. — М. : Госполитиздат, 1949. — Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. — 476 с.

159. Гафуров, Б.Г. Таджики: древнейшая, древняя и средневековая история / Б.Г. Гафуров. — Изд. 2-е. — Душанбе : Ирфон, 1989. — Кн. 2. — 480 с. : ил.

160. Генинг, В.Ф. Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981 г.) / В.Ф. Генинг // Советская археология. — 1981. — № 3. — С. 276—281.

161. Гиббон, Э. История упадка и разрушения Римской империи : Закат и падение Римской империи : в 7 т. / Э. Гиббон ; пер. с англ. — М. : ТЕРРА — книжный клуб, 2008. — Т. 3. — 624 с. ; Т. 4. — 624 с.

162. Голден, П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов / П.Б. Голден // Феномен восточного деспотизма : структура управления и власти. — М. : Наука, 1993. — С. 211—233.

163. Гольман, М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX века) / М.И. Гольман. — М. : Наука, 1988. — 224 с.

164. Гольман, М.И. К периодизации изучения Монголии на Западе / М.И. Гольман // Избранные статьи и доклады / ред.-сост. С. Чулуун. — Улан-Батор : Соёмбо принтинг, 2014. — С. 157—164.

165. Гольман, М.[И.] Проблемы феодализма в монгольской историографии / М.[И.] Гольман // Олон улсын монгол эрдэмтэн IV их хурал. — Улаанбаатар, 1985. — I боть. — 270—276 дугаар тал.

166. Гомбожапов, А.Д. Кочевые цивилизации Центральной Азии в трудах Л.Н. Гумилева / А.Д. Гомбожапов. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. — 148 с.

167. Горбунов, В.В. Военное дело средневекового населения Алтая (III—XIV вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 / Вадим Владимирович Горбунов. — Барнаул, 2006. — 55 с.

168. Горбунов, В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) / В.В. Горбунов // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. — С. 102—128.

169. Гордлевский, В.А. Государство Сельджукидов в Малой Азии / В.А. Гордлевский. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. — 200 с.

170. Горохова, Г.С. Монгольское средневековье в трудах ученых МНР / Г.С. Горохова // Общественные науки в МНР / отв. ред. И.Я. Златкин, С.К. Роцин. — М. : Наука, 1977. — С. 39—64.

171. Грантовский, Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов / Э.А. Грантовский // Вестник Древней истории. — 1980. — № 4. — С. 128—155.

172. Грач, А.Д. Древнетюркская археология в СССР / А.Д. Грач // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7—10 июня 1967 г.). — Л., 1967. — С. 52—54.

173. Грач, А.Д. Древнетюркская каменная фигура из района Мунгу-Хайрхан-Ула (Юго-Западная Тува) / А.Д. Грач // Краткие сообщения Института этнографии. — 1958. — Вып. XXX. — С. 151—158.

174. Грач, А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953—1960 гг. / А.Д. Грач. — М. : Вост. лит-ра, 1961. — 96 с., 95 рис., 3 табл.

175. Грач, А.Д. По поводу рецензии Л.Р. Кызласова / А.Д. Грач // Советская археология. — 1965. — № 3. — С. 302—306.

176. Грач, А.Д. Работы в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС / А.Д. Грач // Археологические открытия 1965 года. — М. : Наука, 1966. — С. 22—23.

177. Грач, А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени / А.Д. Грач // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. — М. : Наука, 1966. — С. 188—193.

178. Григорьев, В.В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. — СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1876. — С. 66—78.

179. Григорьев, В.В. Об отношении между кочевыми народами и оседлыми государствами / В.В. Григорьев // Журнал Министерства народного просвещения. — 1875. — Ч. CLXXVIII, март. Отд. 3—4. — С. 1—27.

180. [Грум-Гржимайло, Г.Е.] Описание путешествия в Западный Китай. Составлено Г.Е. Грум-Гржимайло, действительным членом Императорского Русского Географического Общества, почетным членом Королевского Нидерландского Географического Общества. — СПб. : Издание Императорского русского географического общества ; Тип. В. Киршбаума, 1899. — Т. II. Поперек Бэй-шаня и Нань-шаня в долину Желтой реки (С картой, 27 фотографиями, 1 гравюрой и 10 цинкографиями в тексте). — VIII, 445 с.

181. Грумм-Гржимайло, А.Г. Дела и Дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа, 1860—1936) / А.Г. Грумм-Гржимайло. — М. : Изд-во Моск. общ-ва испытателей природы, 1947. — 96 с.

182. Грумм-Гржимайло, Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край / Г.Е. Грумм-Гржимайло. — Л. : Гос. рус. Геогр. Об-во, 1926. — Т. II. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — VI, 900 с.

183. Гумилев, Л.Н. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века / Л.Н. Гумилев, И. Эрдейи // Народы Азии и Африки. — 1969. — № 3. — С. 78—87.

184. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. — М. : Клышников, Комаров и К°, 1993. — 524 с.

185. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки. (VI—VIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Лев Николаевич Гумилев. — Л., 1961. — 28 с.

186. Гумилев, Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров / Л.Н. Гумилев // Материалы по Отделению этнографии. — Л., 1961. — Ч. 1. Доклады за 1958—1961 гг. — С. 15—26.

187. Гумилев, Л.Н. Поиски вымышленного царства. Легенда о «Государстве пресвитера Иоанна» / Л.Н. Гумилев. — М. : Наука, 1970. — 432 с.

188. Гумилев, Л.Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI—VIII веках : (К вопросу о ранних формах государственности) / Л.Н. Гумилев // Советская этнография. — 1959. — № 3. — С. 11—25.

189. Гумилев, Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена / Л.Н. Гумилев. — М. : Вост. лит-ра, 1960. — 292 с.

190. Гумилев, Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период / Л.Н. Гумилев // Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга. — Л., 1968. — Вып. XIII—XIV. — С. 118—134.

191. Дашковский, П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Петр Константинович Дашковский. — Барнаул, 2010. — 43 с.

192. Дашковский, П.К. Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Петр Константинович Дашковский. — Барнаул, 2010. — 663 с.

193. Дашковский, П.К. Служители культов у тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья / П.К. Дашковский // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : История, политология. — 2009. — Вып. 4/1(64). — С. 65—71.

194. Дёрфер, Г. О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии / Г. Дёрфер // Советская тюркология. — 1974. — № 6. — С. 98—109.

195. Джумагулов, Ч. Эпиграфика Киргизии / Ч. Джумагулов. — Фрунзе : Илим, 1987. — Вып. 3. — 168 с.
196. Джуманалиев, Т.Д. Конфедеративный тип политической власти у кочевников При Тяньшаня в VII — сер. X веков / Т.Д. Джуманалиев // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. — 2006. — № 15 [Manas Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2006. — Sayı 15]. — С. 75—84.
197. Джуманалиев, Т.[Д.] Эволюция политической власти кочевников При Тяньшаня (II в. до н.э. — XII в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Тынчболот Дадыевич Джуманалиев. — Бишкек, 2005. — 49 с.
198. Ди Космо, Н. Образование государства и периодизация истории Внутренней Азии / Н. Ди Космо // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 181—226.
199. Дигар, Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке / Ж.-П. Дигар // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв ред. В.М. Массон. — Алма-Ата : Наука, 1989. — С. 33—54.
200. Длужневская, Г.В. Кочевое население Тувы в раннем средневековье / Г.В. Длужневская, Б.Б. Овчинникова // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев / ред. А.П. Окладников. — Кызыл, 1980. — С. 77—94.
201. Длужневская, Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) / Г.В. Длужневская // Из истории Сибири. — Томск : Изд-во ТГУ, 1976. — Вып. 21. Материалы совещания по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (Томск, 17—22 марта 1975 г.). — С. 193—200.
202. Длужневская, Г.В. Типы погребений древнетюркского времени на территории Тувы, Алтая и Монголии / Г.В. Длужневская // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7—10 июня 1967 г.). — Л., 1967. — С. 56—57.
203. Дмитриев, С.В. Некоторые тенденции кочевого общества / С.В. Дмитриев // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1989. — Ч. I. — С. 31—33.
204. Досымбаева, А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей / А. Досымбаева. — Алматы : Комплекс, 2006. — 168 с.

205. Досымбаева, А.М. Традиционное мировоззрение средневековых тюрков Жетысу (по материалам культовых памятников) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Айман Медеубаевна Досымбаева. — Алматы, 2010. — 52 с.
206. Дробышев, Ю.И. История взаимодействия человека и природы в центрально-азиатских кочевых обществах раннего средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Юлий Иванович Дробышев. — М., 2008. — 25 с.
207. Дробышев, Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.) / Ю.И. Дробышев. — М. : ИВ РАН, 2014. — 608 с.
208. Думан, Л.И. О труде Н.Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» / Л.И. Думан // Н.Я. Бичурина и его вклад в русское востоковедение (К 200-летию со дня рождения) : материалы конференции. — М. : Наука, 1977. — Ч. II. — С. 3—23.
209. Еренов, А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов / А.Е. Еренов. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. — 159 с.
210. Ерофеева, И.В. А.И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей» / И.В. Ерофеева // Левшин, А.И. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. — Алматы : Санат, 1996. — С. 533—594.
211. Ешмуратов, А.К. История изучения института собственности в Казахстане (вторая половина XIX — начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Арман Канатович Ешмуратов. — Алматы, 2002. — 32 с.
212. Жамцарано, Ц. Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг. / Ц. Жамцарано // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. — СПб., 1913. — Сер. II. № 2. — С. 44—53.
213. Жумаганбетов, Т.С. К проблеме генезиса государственных институтов управления у тюрков-туцзюэ / Т.С. Жумаганбетов. — Актобе, 2002. — 14 с. — Деп. в ИНИОН РАН 16.10.2002, № 57502.
214. Жумаганбетов, Т.С. Патронимия как внутренняя структура политической власти в кочевом обществе / Т.С. Жумаганбетов // Вестник ОГУ. — 2006. — № 5. — С. 27—31.
215. Жумаганбетов, Т.С. Право кок-тюрков / Т.С. Жумаганбетов // Rurociagi. — 2007. — № 1(47). — С. 22—26.
216. Жумаганбетов, Т.С. Проблемы истории кочевых государств / Т.С. Жумаганбетов // Вопросы истории. — 2006. — № 6. — С. 160—166.
217. Жумаганбетов, Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI—XII вв. / Т.С. Жумаганбетов. — Алматы : Жеті жарғы, 2003. — 432 с.

218. Жумаганбетов, Т.С. Становление и развитие государственности древних тюрков. (VI—VIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Талгат Смагулович Жумаганбетов. — Караганда, 2008. — 51 с.

219. Задваев, Б.С. Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII — начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Бадма Сергеевич Задваев. — СПб., 2006. — 202 с.

220. Западный Тюркский каганат. Атлас / Коллектив авторов / А. Досымбаева, М. Жолдасбеков (рук. проекта). — Астана : Service Press, 2013. — 848 с.

221. Златкин, И.Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов / И.Я. Златкин // Вопросы истории. — 1971. — № 2. — С. 88—102.

222. Златкин, И.Я. Концепции истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность / И.Я. Златкин // Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития / отв. ред. Л.Р. Полонская. — М. : Наука, 1971. — С. 131—193.

223. Златкин, И.Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов / И.Я. Златкин // Проблемы алтаистики и монголоведения : материалы всесоюзной конференции. Элиста, 17—19 мая 1972 года. — Элиста, 1974. — Вып. 1 (серия литературы, фольклора и истории). — С. 26—41.

224. Златкин, И.Я. Образование монгольского государства и развитие феодальных отношений в Монголии / И.Я. Златкин, А.П. Попова // История стран Азии и Африки в Средние века / ред. кол. Ф.М. Ацамба, З.Г. Лапина, М.С. Мейер. — 3-е, доп. и перераб. изд-е. — М. : Изд-во МГУ, 1987. — Ч. I. — С. 209—224.

225. Златкин, И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов / И.Я. Златкин // Типы общественных отношений на Востоке в средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев. — М. : Наука, 1982. — С. 255—268.

226. Златкин, И.Я. Оуэн Латтимор как историк Востока / И.Я. Златкин // Против колониализма / ред. кол. : К.М. Попов (отв. ред.) и др. — М. : Вост. лит-ра, 1960. — С. 5—53.

227. Зуев, Ю.А. Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. / Ю.А. Зуев // Вопросы археологии Казахстана : сборник научных статей. — Алматы ; М. : Гылым, 1998. — Вып. 2. — С. 153—161.

228. Зуев, Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Юрий Алексеевич Зуев. — Алма-Ата, 1967. — 18 с.

229. Зуев, Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков : дис. ... канд. ист. наук / Юрий Алексеевич Зуев. — Алма-Ата, 1967. — 220 с.

230.Зуев, Ю.А. Историческая проекция казахских генеалогических преданий (к вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) / Ю.А. Зуев // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). — Алма-Ата : Наука, 1981. — С. 63—78.

231.Зуев, Ю.А. Ранние тюрки : очерки истории и идеологии / Ю.А. Зуев. — Алматы : Дайк-Пресс, 2002. — 338 с.

232.Зуев, Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из Китайского сочинения VIII—X вв. Танхуйао) / Ю.А. Зуев // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960 (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. — Т. VIII). — С. 93—140.

233.Игибаев, С.К. Образование тюркского каганата и его распад / С.К. Игибаев. — Усть-Каменогорск : Атамур, 2004. — 116 с.

234.Икеда, Т. Вклад японской науки в изучение языков Северной Евразии / Т. Икеда // Языки коренных народов Сибири. — 2005. — Вып. 16. — С. 172—223.

235.Иностранцев, К.А. Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) / К.А. Иностранцев. — 2-е дополн. изд. — Л., 1926 (Труды туркологического семинария. — Т. I). — IV, 152 с.

236.История Алтая : учеб. Пособие : в 3 ч. — Барнаул : Изд-во АГУ, 1983. — Ч. I. — 184 с.

237.История Бурят-Монгольской АССР : в 2-х т. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Улан-Удэ : Бурят-Монгольск. книжн. изд-во, 1954. — Т. I / отв. ред. П.Г. Хаптаев. — 496 с.

238.История Востока. — М. : Вост. лит-ра РАН, 1995. — Т. II. Восток в Средние века / отв. ред. Л.Б. Алаев, К.З. Ашрафян. — 720 с.

239.История Казахской ССР. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1957. — Т. 1. — 609 с.

240.История Казахской ССР (с древнейших времен до Октябрьской социалистической революции). — 2-е изд., испр. и доп. / под общ. ред. И.О. Омарова и А.М. Панкратовой. — Алма-Ата, 1949. — Т. 1. — 511 с.

241.История Казахской ССР. — 3-е изд. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1952. — Т. 1. — 496 с.

242.История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней : в 5 т. — Алма-Ата : Наука, 1977. — Т. 1. Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана. — 479 с.

- 243.История Казахстана в западных источниках XII—XX вв. / сост. Б.М. Сужиков. — Алматы : Санат, 2005. — Т. I. Груссе, Р. Империя степей. Аттила, Тамерлан, Чингисхан / Р. Груссе ; пер. с франц. Х.К. Хамраева. — 286 с.
- 244.История Казахстана с древнейших времен до наших дней (очерк) / ред. кол. : М.К. Козыбаев (гл. ред.) и др. — Алматы : Дәуір, 1993. — 416 с.
- 245.История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Издание 1943 г.) / отв. ред. издания 1943 г. М. Абдыкалыков, А. Панкратова ; отв. ред. издания 2011 г. И. Дмитрова. — 3-е изд.; переработ. — Алматы, 2011. — 670 с.
- 246.История Казахстана (с древнейших времен до наших дней) : в 4 т. — Алматы : Атамұра, 1996. — Т. I. — 544 с.
- 247.История Киргизии. — Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1956. — Т. 1 / редкол. М.П. Вяткин, Б.Д. Джам-Герчинов, А.П. Окладников. — 426 с.
- 248.История Киргизии. — Фрунзе : Киргизск. гос. изд-во, 1963. — Т. 1 / редкол. М.П. Вяткин и др. — 592 с.
- 249.История Киргизской ССР. — Фрунзе : Кыргызстан, 1968. — Т. 1 / отв. ред. Б.Д. Джамгерчинов. — 708 с.
- 250.История Киргизской ССР, с древнейших времен до наших дней : в 5 т. / отв. ред. В.М. Плоских. — Фрунзе : Кыргызстан, 1984. — Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. — 800 с.
- 251.История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции : в 5 т. — М. : Наука, 1987. — Т. 1. Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI—V тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э.) / отв. ред. Ю.А. Краснов. — 492 с.
- 252.История Монгольской Народной Республики. — М. : Изд-во АН СССР, 1954. — 422 с.
- 253.История Монгольской Народной Республики. — Изд. 2-е, перераб. и дополн. — М. : Наука, 1967. — 538 с.
- 254.История Монгольской Народной Республики. — Изд. 3-е, перераб. и дополн. — М. : Наука, 1983. — 664 с.
- 255.История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней / [Ю.В. Бутин, В.Н. Горегляд, Д.В. Деопик и др.]. — М. : Наука, 1986. — 583 с.
- 256.История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол. : А.А. Вигасин, А.Н. Хохлов, П.М. Шаститко. — М. : Вост. лит-ра РАН, 1997. — 536 с.
- 257.История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. — Л. : Наука, 1968. — Т. 1. Древняя Сибирь / под ред. А.П. Окладникова. — 454 с.

258. История СССР с древнейших времен до наших дней : в двух сериях, в 12-ти томах. — М. : Наука, 1966. — Т. 1. Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь / под ред. С.А. Плетневой, Б.А. Рыбакова. — 718 с.

259. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. — Ч. III—IV. История СССР в период крушения рабовладельческого строя и возникновения феодализма. — 532 с. — (на правах рукописи).

260. История Тувы : в 2 т. — М. : Наука, 1964. — Т. I / отв. ред. Л.П. Потапов. — 410 с.

261. История Тувы : в 2 т. / под общей ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. — 2-е изд., перераб. и доп. — Новосибирск : Наука, 2001. — Т. I. — 367 с.

262. История Туркменистана : учебное пособие для вузов. — Ашхабад : Туркменистан, 1966. — 536 с.

263. История Туркменской ССР. — Ашхабад : Изд-во АН ТуркмССР, 1957. — Т. 1. Кн. 1. С древнейших времен до конца XVIII века. — 496 с.

264. История Узбекской ССР. — Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1955. — Т. 1. Кн. 1. С древнейших времен до середины XVIII в. — 544 с.

265. История Узбекской ССР (С древнейших времен до наших дней). — Ташкент : ФАН, 1974. — 584 с.

266. Итс, Р.Ф. [Рец. на] *«История Тувы»*. М. «Наука». 1964. Тираж 8 000. Т. I. 401 стр. Цена 1 руб. 67 коп. ; Т. II. 455 стр. Цена 1 руб. 76 коп. / Р.Ф. Итс, С.Г. Кляшторный // Вопросы истории. — 1965. — № 8. — С. 159—163.

267. Ишжамц, Н. О формировании монгольской народности / Н. Ишжамц // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 155—164.

268. Ишжамц, Н. Образование единого Монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI — середина XIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 573 / Н. Ишжамц. — М., 1972. — 33 с.

269. К истории Бурято-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ / предисл. А.В. Шестакова; под ред. А.В. Шестакова и А.И. Ломакина. — М. ; Л. : ОГИЗ—СОЦЭКГИЗ, 1935. — 184 с.

270. Казакевич, В.А. Проф. Н.Н. Козьмин. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении. [Рец. на] К вопросу о турецко-монгольском феодализме, ОГИЗ, Москва—Иркутск, 1934 / В.А. Казакевич // Советская этнография. — 1934. — № 5. — С. 112—117.

271. Каржаубай, С. Объединенный каганат тюрков в 745—760 годах (по материалам рукописных надписей) / Сартхожаулы Каржаубай. — Астана : Фолиант, 2002. — 204 с.

272. Карская, Л.Н. Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии, 1818—1917 гг. : (научная периодика) / Л.Н. Карская. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2000. — 871 с.

273. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы и исследования по археологии СССР. — № 9). — 364 с.

274. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — 642 с.

275. Киселев, С.В. [Рец. на] А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы*. Изд. АН СССР, М—Л., 1946, 207 стр. + 2 карты / С.В. Киселев // Вестник Древней истории. — 1947. — № 1. — С. 83—90.

276. Клейнмехель, З. Современное состояние тюркологии в Германской Демократической Республике / З. Клейнмехель // Советская тюркология. — 1976. — № 4. — С. 93—107.

277. Клюкин, И.А. Новые данные о племени тардуш'ей и толис'ов / И.А. Клюкин // Вестник Дальневосточного отделения АН СССР. — 1932. — № 1—2. — С. 91—98.

278. Кляшторный, С.Г. Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни / С.Г. Кляшторный // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение / редкол. Г.Ф. Гирс [и др.]. — М. : Наука, 1980. — С. 158—161.

279. Кляшторный, С.Г. Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.) / С.Г. Кляшторный, А.А. Колесников. — Алма-Ата : Наука, 1988. — 224 с.

280. Кляшторный, С.Г. Генеалогия и хронология западно-тюркских и тюркешских каганов VI—VIII веков / С.Г. Кляшторный // Из истории дореволюционного Киргизстана. — Фрунзе : Наука, 1986. — С. 164—170.

281. Кляшторный, С.Г. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. — СПб. : Петерб. востоковедение, 2000. — 320 с.

282. Кляшторный, С.Г. Государства татар в Центральной Азии (дочингисова эпоха) / С.Г. Кляшторный // *Mongolica* : К 750-летию «Сокровенного сказания». — М. : Наука, 1993. — С. 139—147.

283. Кляшторный, С.Г. Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) / С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. — М. : Наука, 1973. — С. 254—264.

284. Кляшторный, С.Г. Древнетюркская цивилизация : диахронические связи и синхронические аспекты / С.Г. Кляшторный // Советская тюркология. — 1987. — № 3. — С. 58—62.

285. Кляшторный, С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии / С.Г. Кляшторный. — М. : Наука, 1964. — 214 с.

286. Кляшторный, С.Г. Изучение истории тюркских народов в АН СССР / С.Г. Кляшторный, В.А. Ромодин // Тюркологический сборник. 1970. — М. : Наука, 1970. — С. 148—162.

287. Кляшторный, С.Г. Изучение истории тюркских народов в АН СССР в 20-х — 40-х гг. / С.Г. Кляшторный, В.А. Ромодин // Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7—10 июня 1967 г.). — Л., 1967. — С. 63—65.

288. Кляшторный, С.Г. [Лекция 14] Гуннская держава на востоке / С.Г. Кляшторный // История древнего мира. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Наука, 1989. — Кн. III. Упадок древних обществ / отв. ред. В.Д. Неронова. — С. 243—254.

289. Кляшторный, С.Г. Имперская традиция в древнетюркской цивилизации / С.Г. Кляшторный // Научный Татарстан. — 2009. — № 1. — С. 59—63.

290. Кляшторный, С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма / С.Г. Кляшторный. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 560 с.

291. Кляшторный, С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности / С.Г. Кляшторный // Востоковедение. 9. Филологические исследования. / Ученые записки ЛГУ. — № 412. Серия востоковедческих наук. — 1984. — Вып. 25. — С. 143—153.

292. Кляшторный, С.Г. Казахстан : летопись трех тысячелетий / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. — Алма-Ата : Рауан, 1992. — 382 с.

293. Кляшторный, С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках / С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник 1977. — М. : Наука, 1981. — С. 117—138.

294. Кляшторный, С.Г. Надпись уйгурского Бёгю-кагана в Северо-Западной Монголии / С.Г. Кляшторный // Центральная Азия : новые памятники письменности и искусства / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. — М. : Наука, 1987. — С. 19—37.

295. Кляшторный, С.Г. Наскальные рунические надписи Монголии (Тэс, Гурвалжин-Ула, Хангита-хат, Хэнтэй) / С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е. Малова. — М. : Наука, 1978. — С. 151—158.

296. Кляшторный, С.Г. О собственности на землю в тюркском каганате / С.Г. Кляшторный // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г. — М. : Наука, 1979. — С. 97—101.

297.Кляшторный, С.Г. Образ кагана в орхонских памятниках / С.Г. Кляшторный // Монгольская империя и кочевой мир / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — С. 100—103.

298.Кляшторный, С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI—X вв.) / С.Г. Кляшторный // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности / отв. ред. Г.Ф. Ким, К.З. Ашрафян. — М. : Наука, 1986. — С. 217—228.

299.Кляшторный, С.Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии / С.Г. Кляшторный // Проблемы политогенеза кыргызстанской государственности. Документы, исследования, материалы. — Бишкек : Инновационный центр «АРХИ», 2003. — С. 115—125.

300.Кляшторный, С.Г. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии / С.Г. Кляшторный, В.А. Лившиц // Археология и этнография Монголии / отв. ред. А.П. Окладников. — Новосибирск : Наука, 1978. — С. 37—60.

301.Кляшторный, С.Г. По поводу интерпретации Уланкомской надписи / С.Г. Кляшторный // Советская археология. — 1963. — № 4. — С. 292—293.

302.Кляшторный, С.[Г.] Предисловие / С.Г. Кляшторный // Бартольд, В.В. Сочинения : в 9 т. — М. : Наука, 1968. — Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. — С. 5—16.

303.Кляшторный, С.Г. Предисловие к тому / С.Г. Кляшторный // История татар с древнейших времен. — Казань : Рухият, 2002. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности / ред С.Г. Кляшторный. — С. 12—16.

304.Кляшторный, С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) / С.Г. Кляшторный // Древние культуры Монголии / отв. ред. Р.С. Васильевский. — Новосибирск : Наука, 1985. — С. 159—168.

305.Кляшторный, С.Г. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе / С.Г. Кляшторный, И.У. Самбу // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. — 1971. — Т. XV. — С. 245—249.

306.Кляшторный, С.Г. Руническая надпись из Восточной Гоби / С.Г. Кляшторный // *Studia Turcica* / ed. L. Ligeti. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1971 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. — XVII). — P. 249—258.

307.Кляшторный, С.Г. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна / С.Г. Кляшторный // Страны и народы Востока. — М. : Наука, 1980. — Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. — С. 90—102.

308.Кляшторный, С.Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей / С.Г. Кляшторный. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. — 328 с.

309.Кляшторный, С.Г. Современные проблемы исследования памятников древнетюркской письменности / С.Г. Кляшторный // Проблемы современной тюркологии : Материалы II Всесоюзной Тюркологической конференции. 27—29 сентября 1976. — Алма-Ата, 1980. — С. 318—324.

310.Кляшторный, С.Г. Социальные категории древнетюркского общества в памятниках рунической письменности Киргизии / С.Г. Кляшторный // Культура и искусство Киргизии : тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. 3—6 июня 1983 г. — Л., 1983. — Вып. 2. — С. 30—31.

311.Кляшторный, С.Г. [Глава 4] Степная империя тюрков и ее наследники / С.Г. Кляшторный // История татар с древнейших времен. — Казань : Рухият, 2002. — Т. 1. Народы степной Евразии в древности / ред С.Г. Кляшторный. — С. 218—267.

312.Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. — 346 с.

313.Кляшторный, С.Г. Темирсугская руническая надпись / С.Г. Кляшторный // VII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (краткие сообщения). — М. : Наука, 1971. — С. 19—21.

314.Кляшторный, С.Г. Тэсинская стела (Предварительная публикация) / С.Г. Кляшторный // Советская тюркология. — 1983. — № 6. — С. 76—90.

315.Кляшторный, С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. — I тысячелетие н.э.) / С.Г. Кляшторный // Рабство в странах Востока в Средние века / отв. ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. — М. : Наука, 1986. — С. 312—339.

316.Кляшторный, С.Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (к интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) / С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник. 1974. — М. : Наука, 1978. — С. 238—255.

317.Кляшторный, С.Г. Эпиграфические работы в Монголии. 1978 / С.Г. Кляшторный // Археологические открытия 1978 года. — М., 1979. — С. 597—598.

318.Коган, Л.С. Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе: на примере дореволюционного Казахстана : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.02 / Людмила Семеновна Коган. — М., 1981. — 18 с.

319.Козьмин, Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме / Н.Н. Козьмин ; предисл. М. Гудошников. — М. ; Иркутск : ОГИЗ, 1934. — 150 с.

320. Козьмин, Н.Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников / Н.Н. Козьмин // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882—1932 : сборник статей / отв. ред. И.Ю. Крачковский. — Л. : Изд-во АН СССР, 1934. — С. 259—277.
321. Козьмин, Н.Н. Предисловие / Н.Н. Козьмин // Д'Оссон, К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. — Иркутск : ОГИЗ; Восточносибирское областн. изд-во, 1937. — Т. 1. Чингиз-хан / перевод и предисловие проф. Н.Н. Козьмина. — С. V—XXXX.
322. Кононов, А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. / А.Н. Кононов. — Л. : Наука, 1980. — 170 с.
323. Кононов, А.Н. История изучения тюркских языков в России / А.Н. Кононов. — 2-е изд. — Л. : Наука, 1982. — 360 с.
324. Кононов, А.Н. Тюркская филология в СССР. 1917—1967 / А.Н. Кононов. — М. : Наука, 1968. — 48 с.
325. Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И.В. Кормушин. — М. : Наука, 1997. — 303 с.
326. Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии : грамматика, текстология / И.В. Кормушин. — М. : Наука, 2008. — 342 с.
327. Коротаев, А.В. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) / А.В. Коротаев, Н.Н. Крадин, В.А. Лынша // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. — М. : Логос, 2000. — С. 24—83.
328. Кочнев, Б. Караханидский каганат / Б.[Д.] Кочнев // Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред. Д.А. Алимова, Э.Р. Ртвеладзе. — Ташкент : Шарк, 2001. — С. 65—84.
329. Кочнев, Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209 гг.) / Б.Д. Кочнев. — М. : Издательский дом «София», 2006. — Ч. I. Источниковедческое исследование / отв. ред. В.Н. Настич. — 344 с.
330. Крадин, Н.Н. Империя Хунну / Н.Н. Крадин. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Логос, 2001. — 312 с.
331. Крадин, Н.Н. Империя Чингисхана / Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2006. — 557 с.
332. Крадин, Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система / Н.Н. Крадин // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1989. — Ч. I. — С. 19—23.
333. Крадин, Н.Н. Кочевники Евразии / Н.Н. Крадин. — Алматы : Дайк-Пресс, 2007. — 416 с.

- 334.Крадин, Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция / Н.Н. Крадин // Альтернативные пути к цивилизации / ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. — М. : Логос, 2000. — С. 314—335.
- 335.Крадин, Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Н.Н. Крадин. — Владивосток : Дальнаука, 1992. — 240 с.
- 336.Крадин, Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.03 / Николай Николаевич Крадин. — М., 1994. — 37 с.
- 337.Крадин, Н.Н. Монгольская империя в современной западной историографии / Н.Н. Крадин // История Небесной империи. — Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. — Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. В.Е. Ларичева ; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского ; коммент. Л.В. Тюрюминой. — С. 201—218.
- 338.Крадин, Н.Н. Общественный строй кочевников : дискуссии и проблемы / Н.Н. Крадин // Вопросы истории. — 2001. — № 4. — С. 21—32.
- 339.Крадин, Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Николай Николаевич Крадин. — Владивосток, 1990. — 18 с.
- 340.Крадин, Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе / Н.Н. Крадин. — Владивосток, 1987. — 162 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 16.06.1987, № 29892.
- 341.Крадин, Н.Н. Характерные черты кочевых империй / Н.Н. Крадин // 100-лет гуннской археологии. Номадизм : прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен. Тезисы докладов международной конференции. — Улан-Удэ, 1996. — Ч. I. — С. 120—124.
- 342.Крюков, В.М. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени / В.М. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов. — М. : Наука, 1987. — 312 с.
- 343.Кузеев, Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир / Р.Г. Кузеев. — Уфа : Башкирск. книжн. изд-во, 1957. — Ч. 1. Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв. — 184 с.
- 344.Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р.Г. Кузеев. — М. : Наука, 1974. — 571 с.
- 345.Кузьмин, Ю.В. Н.Н. Козьмин — историк, этнограф, краевед / Ю.В. Кузьмин // Иркутское краеведение 20-х : взгляд сквозь годы : материалы региональной научно-практической конференции «“Золотое десятилетие” иркутского краеведения : 1920-е годы», Иркутск, 11—13 января 2000 года. — Иркутск : Изд-во Иркут. обл. публ. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2000. — Т. 2. / ред. кол. А.С. Маджаров и др. — С. 101—107.

346. Кузьмин, Ю.В. Николай Николаевич Козьмин : исследование жизни и творческой деятельности / Ю.В. Кузьмин // Проблемы экономической, политической и культурной независимости Монголии : материалы «Круглого стола» 22 декабря 2001 г., посвященного 90-летию независимости Монголии и 80-летию Монгольской революции 1921 г. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2001. — С. 13—19.

347. Кумеков, Б.Е. О древнетюркских государственных традициях / Б.Е. Кумеков // Известия Национальной академии наук республики Казахстан. Сер. общественных наук. — 2003. — № 1(239). — С. 74—77.

348. Кумеков, Б.Е. Об общем и особенном в развитии тюркской степной цивилизации / Б.Е. Кумеков // Journal of Turkic Civilization studies. — 2004. — № 1. — С. 87—92.

349. Кшибеков, Д.[К.] Кочевое общество. Генезис, развитие, упадок / Д.К. Кшибеков. — Алма-Ата : Наука, 1984. — 236 с.

350. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие сведения об армии / И.Л. Кызласов // Российская археология. — 1996. — №3. — С. 73—89.

351. Кызласов, И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма / И.Л. Кызласов // Российская археология. — 1999. — № 4. — С. 99—118.

352. Кызласов, И.Л. Рунические письменности евразийских степей / И.Л. Кызласов. — М. : Вост. лит-ра, 1994. — 327 с.

353. Кызласов, Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.) / Л.Р. Кызласов. — М. : Изд-во МГУ, 1979. — 207 с.

354. Кызласов, Л.Р. История Тувы в средние века / Л.Р. Кызласов. — М. : Изд-во МГУ, 1969. — 212 с.

355. Кызласов, Л.Р. Краткая история археологического изучения Тувы / Л.Р. Кызласов // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. — 1965. — № 3. — С. 52—70.

356. Кызласов, Л.Р. Начало сибирской археологии / Л.Р. Кызласов // Историко-археологический сборник. Артемию Владимировичу Арциховскому. К шестидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной, педагогической и общественной деятельности / под ред. Д.А. Авдусина и В.Л. Янина. — М. : Изд-во МГУ, 1962. — С. 43—59.

357. Кызласов, Л.Р. О древнехакасских личных тамгах / Л.Р. Кызласов // Проблемы истории Хакасии / отв. ред. Я.И. Сунчугашев. — Абакан, 1979. — С. 130—136.

358. Кызласов, Л.Р. О значении термина «балбал» древнетюркских надписей / Л.Р. Кызласов // Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А.Н. Кононова. — М. : Наука, 1966. — С. 206—208.

359. Кызласов, Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей / Л.Р. Кызласов // Советская археология. — 1964. — № 2. — С. 27—39.

360. Кызласов, Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов. — Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1992. — 224 с.

361. Кызласов, Л.Р. Первый Тюркский каганат и его значение для Восточной Европы / Л.Р. Кызласов // Татарская археология. — 1997. — № 1. Общетюркская и татарская средневековая археология : научные проблемы и достижения. — С. 24—31 (Периздано в кн.: Историческая археология. Традиции и перспективы (К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина). — М. : Памятники исторической мысли, 1998. — С. 342—349).

362. Кызласов, Л.Р. [Рец. на] А.Н. БЕРНШТАМ, *Очерк истории гуннов*, Л., 1951, 256 стр., тираж 3000 экз., цена 15 руб. / Л.Р. Кызласов, Н.Я. Мерперт // Вестник Древней истории. — 1952. — № 1. — С. 101—109.

363. Кызласов, Л.Р. Тува в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.) / Л.Р. Кызласов // Вестник МГУ. Сер. IX. Исторические науки. — 1960. — № 1. — С. 51—78.

364. Кычанов, Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров) / Е.И. Кычанов. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Петербургск. лингвистическ. общ-во, 2010. — 364 с.

365. Кычанов, Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров / Е.И. Кычанов. — М. : Вост. лит-ра РАН, 1997. — 319 с.

366. Кюнер, Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока / Н.В. Кюнер. — М. : Наука, 1961. — 391 с.

367. Лаумулин, М.Т. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии / М.Т. Лаумулин // Отан тарихы. — 2001. — № 1. — С. 40—65.

368. Лашук, Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников / Л.П. Лашук // Советская этнография. — 1967. — № 4. — С. 25—39.

369. Лашук, Л.П. О характере классовообразования в обществах ранних кочевников / Л.П. Лашук // Вопросы истории. — 1967. — № 7. — С. 105—121.

370. Левшин, А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А.И. Левшин. — Алматы : Санат, 1996. — 656 с.

371. Леус, П.М. О цитировании китайских письменных источников по истории древних тюрков / П.М. Леус // Археологические вести. — 2006. — № 13. — С. 273—280.

372. Литвинский, Б.А. Исследование кочевых народов Центральной Азии в дореволюционной русской и советской науке / Б.А. Литвинский // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 175—180.

373. Литературное наследство Сибири. — Новосибирск : Западно-сибирск. книжн. изд-во, 1969. — Т. I. Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М.К. Азадовскому / ред. кол. Н.Ф. Бабушкин, Е.И. Беленький, А.В. Высоцкий, Н.Н. Яновский. — 395 с.

374. Лунин, Б.В. Из эпистолярного наследия В.В. Бартольда (письма к Н.П. Остроумову) / Б.В. Лунин // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдовские чтения 1975 г. — М. : Наука, 1979. — С. 186—198

375. Лунин, Б.В. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда: Средняя Азия в отечественном востоковедении / Б.В. Лунин. — Ташкент : Изд-во «Фан» Узбекской ССР, 1981. — 224 с.

376. Максуди Арсал, С. Тюркская история и право / С. Максуди Арсал ; пер. с турецк. Р.Ф. Мухаметдинова ; ред. М.С. Гатин, Б.Л. Хамидуллин. — Казань : ФЭН, 2002. — 412 с.

377. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков : тексты и переводы / С.Е. Малов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. — 116 с.

378. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. — 113 с.

379. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С.Е. Малов. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. — 451, (1) с.

380. Маловичко, С.И. Историописание : научно ориентированное vs социально ориентированное / С.И. Маловичко // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин : Материалы XXII Междунар. науч. конф. Москва, 28—30 янв. 2010 г. — М., 2010. — С. 21—28.

381. Малявкин, А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования / А.Г. Малявкин. — Новосибирск : Наука, 1989. — 432 с.

382. Маннай-оол, М.Х. Генезис и развитие феодализма в Туве (историография вопроса) / М.Х. Маннай-оол // Проблемы истории Тувы. — Кызыл, 1984. — С. 111—123.

383. Маннай-оол, М.Х. К вопросу о предпосылках и сущности генезиса феодализма у народов Саяно-Алтайского нагорья / М.Х. Маннай-оол // Проблемы истории Тувы. — Кызыл, 1984. — С. 98—110.

384. Маннай-оол, М.Х. Тува в эпоху феодализма (к вопросу о генезисе и развитии феодальных отношений) / М.Х. Маннай-оол. — Кызыл : Тувинск. Книжн. изд-во, 1986. — 196 с.

385. Марков, Г.Е. Из истории изучения нomaдизма в отечественной литературе : вопросы теории / Г.Е. Марков // Восток (Oriens). — 1998. — № 6. — С. 109—123.

386.Марков, Г.Е. Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Геннадий Евгеньевич Марков. — М. : Изд-во МГУ, 1967. — 31 с.

387.Марков, Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации / Г.Е. Марков. — М. : Изд-во МГУ, 1976. — 316 с.

388.Марков, Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии / Г.Е. Марков // Советская этнография. — 1970. — № 6. — С. 74—89.

389.Марков, Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология / Г.Е. Марков // Советская этнография. — 1981. — № 4. — С. 83—94.

390.Марков, Г.Е. Теоретические проблемы нomaдизма в советской этнографической литературе / Г.Е. Марков // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран / отв. ред Г.Е. Марков. — М. : Изд-во МГУ, 1989. — С. 54—75.

391.Мarr, Н.Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков / Н.Я. Marr // Marr, Н.Я. Избранные работы. — Л. : Госсocэкгиз, 1937. — Т. IV. Основные вопросы истории языка. — С. 125—160.

392.Масанов, Н.Э. Историческая типология государственных структур и проблема их преемственности (на примере государственно-потестарных структур казахского общества) / Н.Э. Масанов // Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Сборник материалов Международной научной конференции (Алматы, 19—20 декабря 2005 г.). — Алматы : Дайк-Пресс, 2007. — С. 44—61.

393.Масанов, Н.Э. Кочевая цивилизация казахов : основы жизнедеятельности номадного общества / Н.Э. Масанов. — Алматы : Социнвест ; М. : Горизонт, 1995. — 320 с.

394.Масанов, Н.Э. Принцип дисперсного состояния как всеобщий принцип кочевого общества / Н.Э. Масанов // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири : межвузовский сборник научных трудов / отв ред. В.И. Молодин. — Новосибирск : Изд-во НГПИ, 1989. — С. 83—93.

395.Масанов, Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX веков / Н.Э. Масанов. — Алма-Ата : Наука, 1984. — 176 с.

396.Масанов, Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии / Н.Э. Масанов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв ред. В.М. Массон. — Алма-Ата : Наука, 1989. — С. 55—89.

397.Масанов, Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии / Н.Э. Масанов // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск, 1986. — С. 20—26.

398.Массон, М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии / М.Е. Массон // Материалы УЗКОМСТАРИСА. — М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 6—7. — С. 5—15.

399.Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. — Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1955. — 592 с.

400.Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. — М. : Наука, 1984. — 486 с.

401.Махмұд ал-Кāшгарū. Дīвāн Лугāt ат-Турк / Махмұд ал-Кāшгарū ; перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой ; индексы составлены Р. Эрмерсом. — Алматы : Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

402.Махмұд ал-Кāшгарū. Дīвāн Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / Махмұд ал-Кāшгарū ; пер. с арабск. А.Р. Рустамова ; под ред. И.В. Кормушина ; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2010 (Памятники письменности Востока. — Вып. СХХVIII). — Т. 1. — 461 с.

403.Мелиоранский, П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями / П.М. Мелиоранский // Журнал Министерства народного просвещения. — 1898. — Ч. СССXVII, июнь. Отд. 2. — С. 263—292.

404.Мелиоранский, П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей / П.М. Мелиоранский // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. — 1899. — Т. XII. Вып. II—III (с приложением одиннадцати таблиц). — С. 1—144.

405.Мелиоранский, П.М. [Рец. на] Noten zu alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibirien's. H. Vambéry. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XII. Helsingfors. 1899. 119 p. 8⁰ / П.М. Мелиоранский // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. — 1899. — Т. XII. Вып. IV (с приложением одной таблицы и одного портрета). — С. 0146—0162.

406.Могильников, В.А. Тюрки / В.А. Могильников // Степи Евразии в эпоху Средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1981. — С. 29—43.

407.Мори, М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии / Масао Мори // XIII Международный конгресс исторических наук. 16—23 августа 1970 г. — М. : Наука, 1970. — 8 с.

408.Мухаметдинов, Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов : Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.) / Р.Ф. Мухаметдинов. — Казань : Заман, 1996. — 272 с.

409.Народы Средней Азии и Казахстана. — М. : Изд-во АН СССР, 1962. — Т. 1. / под ред. С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. — 769 с.

410. Нарочницкий, А.Л. [Рец. на] История Киргизской ССР. В 5-ти тт. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе. Кыргызстан. 1984. 800 с. / А.Л. Нарочницкий, С.Г. Агаджанов, Г.А. Федоров-Давыдов // Вопросы истории. — 1986. — № 4. — С. 109—112.
411. Насилов, В.М. Язык орхоно-енисейских памятников / Д.М. Насилов. — М. : Изд-во Вост. лит-ры, 1960. — 88 с.
412. Насилов, Д.М. Памятники древнетюркской письменности (орхоно-енисейские и древнеуйгурские) в отечественных тюркологических исследованиях последних лет (обзор лингвистических публикаций 1969—1974 гг.) / Д.М. Насилов // Советская тюркология. — 1976. — № 1. — С. 82—95.
413. Немет, Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии / Ю. Немет // Вопросы языкознания. — 1963. — № 6. — С. 126—136.
414. Нестеров, С.П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем / С.П. Нестеров // Проблемы реконструкций в археологии / отв. ред. Р.С. Василевский, Ю.П. Холушкин. — Новосибирск : Наука, 1985. — С. 111—121.
415. Никифоров, В.Н. Советские историки о проблемах Китая / В.Н. Никифоров. — М. : Наука, 1970. — 416 с.
416. Новгородова, Э.А. Археологические открытия и проблемы древней истории / Э.А. Новгородова // Общественные науки в МНР / отв. ред. И.Я. Златкин, С.К. Рощин. — М. : Наука, 1977. — С. 12—38.
417. Новосельцев, А.П. Итоги и задачи изучения древнейших государств нашей страны / А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто, И.С. Чичуров, Н.Я. Щапов // История СССР. — 1974. — № 2. — С. 71—93.
418. Новосельцев, А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А.П. Новосельцев. — М. : Наука, 1990. — 263 с.
419. Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А.Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. — 1953. — Вып. XVII. — С. 320—326.
420. Обсуждение доклада и сообщений // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / отв. ред. З.В. Удальцова. — М. : Наука, 1969. — С. 276—298.
421. Овчинникова, Б.Б. К вопросу о захоронении в подбоях в средневековой Туве / Б.Б. Овчинникова // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий : сборник научных трудов / ред. Л.М. Судакова. — Омск, 1983. — С. 60—68.
422. Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / под ред. Шан Юэ ; пер. с китайск. В.И. Глунина, В.С. Колоколова, Б.А. Митбрейта. — М. : Вост. лит-ра, 1959. — 580 с.
423. Очерки и истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 949 с.

424.Паркер, Э. Татары. История возникновения великого народа / Э. Паркер ; пер. с англ. Т.Е. Любовской. — М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. — 223 с.

425.Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов) / авт. колл. : С.А. Арутюнов, Д.В. Деопик, Л.Е. Куббель, Е.М. Медведев, А.И. Першиц, Д.Г. Савинов, Ю.Б. Симченко, Л.А. Файнберг, А.М. Хазанов, М.А. Членов; отв. ред. А.И. Першиц, А.М. Хазанов. — М. : Наука, 1978. — 302 с.

426.Першиц, А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов / А.И. Першиц // Становление классов и государства : сборник статей / отв. ред. А.И. Першиц. — М. : Наука, 1976. — С. 280—313.

427.Першиц, А.И. Община у кочевых скотоводов / А.И. Першиц, А.М. Хазанов // Народы Азии и Африки. — 1979. — № 2. — С. 51—60.

428.Першиц, А.И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время (проблема исторических контактов) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 576 — этнография / Абрам Исаакович Першиц. — М., 1971. — 38 с.

429.Петров, К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. / К.И. Петров. — Фрунзе : Илим, 1981. — 236 с.

430.Писаревский, Н.П. Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Николай Петрович Писаревский. — Кемерово, 1989. — 201 с.

431.Писаревский, Н.П. Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Николай Петрович Писаревский. — Кемерово, 1989. — 24 с.

432.Писаревский, Н.П. Проблемы изучения древних кочевнических обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии первой половины 30-х годов / Н.П. Писаревский. — Воронеж, 1986. — 27 с. — Деп. в ИНИОН АН СССР 8.07.87, № 30224.

433.Писаревский, Н.П. Социальная организация кочевников степи и лесостепи Евразии эпохи раннего железного века в советской археологии середины 20-х — первой половины 30-х гг. / Н.П. Писаревский // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения) : тез. докл. Всесоюз. археол. конф. — Кемерово, 1989. — Ч. I. — С. 144—147.

434.Плетнева, С.А. Введение / С.А. Плетнева // Степи Евразии в эпоху Средневековья / отв. ред. тома С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1981. — С. 5—8.

435.Плетнева, С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху Средневековья / С.А. Плетнева // Вопросы истории. — 1981. — № 6. — С. 50—63.

- 436.Плетнева, С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей / С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1982. — 189 с.
- 437.Плетнева, С.А. [Рец. на] Л.Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, М., 1969 / С.А. Плетнева // Советская археология. — 1971. — № 1. — С. 295—298.
- 438.Плетнева, С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева. — М. : Наука, 1967 (Материалы и исследования по археологии СССР. — № 142). — 200 с.
- 439.Плетнева, С.А. По поводу статьи Л.Н. Гумилева и И. Эрдеи «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века» / С.А. Плетнева // Советская археология. — 1970. — № 3. — С. 279—283.
- 440.Позднеев, Д.М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам) / Д.М. Позднеев. — СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1899. — LXIII, 162 с.
- 441.Политическая хроника. [В антропологическом обществе] // Восточное обозрение. Газета литературная и политическая. — 1892. — № 16. — С. 12.
- 442.Попов, А.В. Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени / А.В. Попов // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. — Вып. IX. — С. 156—172.
- 443.Попов, А.В. Теория «кочевого феодализма» академика Б.Я. Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников / А.В. Попов // Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова 1884—1931. — М. : Наука, 1986. — С. 183—193.
- 444.Потапов, Л.[П.] [Рец. на] История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / Л.П. Потапов // Советская этнография. — 1952. — № 3. — С. 229—236.
- 445.Потапов, Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана / Л.П. Потапов // Вопросы истории. — 1954. — № 6. — С. 73—89.
- 446.Потапов, Л.П. Очерк этногенеза южных алтайцев / Л.П. Потапов // Советская этнография. — 1952. — № 3. — С. 16—35.
- 447.Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. — М. ; Л. : Наука, 1953. — 442 с.
- 448.Потапов, Л.П. Полевые исследования Тувинской археолого-этнографической экспедиции / Л.П. Потапов // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. — М. ; Л., 1966. — Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. — С. 3—12.
- 449.Почекаев, Р.Ю. Эволюция төре в системе монгольского средневекового права / Р.Ю. Почекаев // Монгольская империя и кочевой мир / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. — С. 530—543.
- 450.Пэрлээ, Х. К истории древних городов и поселений в Монголии / Х. Пэрлээ // Совет-

ская археология. — 1957. — Вып. III. — С. 43—53.

451. Радлов, В.В. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме / В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский // Сборник трудов Орхонской экспедиции. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1897. — Т. IV. — 45 с.

452. Радлов, В.В. Из Сибири : страницы дневника / В.В. Радлов ; пер. с нем. К.Д. Цивиной, Б.Е. Чистовой ; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна ; топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И. Донидзе ; указатель этнич. названий Е.П. Батьякова. — М. : Наука, 1989. — 749 с.

453. Радлов, В.В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2 / В.В. Радлов. — СПб., 1893. — 130 с.

454. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893. — Т. 1. Гласные. Ч. 1. — XVII с., стб. 1—968.

455. Радлов, В.В. Опыт словаря тюркских наречий / В.В. Радлов. — СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1911. — Т. IV. Ч. 2. — Стб. 2204—2230, 107 с.

456. Расул-заде, М. Пантуранизм и проблема Кавказа / М. Расул-заде // Источник. — 2004. — № 2(10). — С. 16—18; № 3(11). — С. 34—36.

457. Рафииков, А.Х. [Рец. на] Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Ответственный редактор М.М. Дьяконов. Ленинградский государственный орден Ленина университет имени А.А. Жданова. Исторический факультет. Издательство Ленинградского государственного орден Ленина университета имени А.А. Жданова. Ленинград. 1951. 254 стр. / А.Х. Рафииков // Вопросы истории. — 1952. — № 5. — С. 126—131.

458. Рахманов, Н.А. Орхоно-енисейские памятники и тюркские эпосы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.03 ; 10.01.09 / Насимхон Аскарлович Рахманов. — Ташкент, 1991. — 48 с.

459. Решетов, А.М. Николай Николаевич Козьмин : основные направления научной деятельности / А.М. Решетов // Репрессированные этнографы / сост. Д.Д. Тумаркин. — 2-е изд. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2002. — Вып. 1. — С. 81—100.

460. Роджерс, Д. Причины формирования государств в восточной Внутренней Азии / Д. Роджерс // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 144—180.

461. Рона-Таш, А. Хазары и мадьяры / А. Рона-Таш // Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. — Иерусалим : Гешарим ; М. : Мосты культуры, 2005 (Евреи и славяне. — Вып. 16). — С. 111—124.

462. Рухлядев, Д.В. Древнетюркские рунические надписи VIII—IX вв. как памятник историографии : генезис жанра и структура текста : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Дмитрий Владимирович Рухлядев. — СПб., 2005. — 270 с.

463. Савинов, Д.Г. Историко-культурное значение древнетюркских рунических надписей-эпитафий / Д.Г. Савинов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 3(23). — С. 279—284.

464. Савинов, Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. — 174 с.

465. Савинов, Д.Г. Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья / Д.Г. Савинов // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий : тез. докл. обл. конф. — Омск : Изд-во ОмГУ, 1979. — С. 41—45.

466. Савинов, Д.Г. Система социально-экономического подчинения в истории кочевников Центральной Азии и Южной Сибири / Д.Г. Савинов // Монгольская империя и кочевой мир. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2005. — Вып. 2 / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 31—43.

467. Савинов, Д.Г. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири / Д.Г. Савинов // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (15—17 ноября 1988 г.). — Новосибирск : Наука, 1988. — Вып. I. Досоветский период. — С. 83—84.

468. Савинов, Д.Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 / Дмитрий Глебович Савинов. — Новосибирск, 1987. — 54 с.

469. Салихов, А.Г. Деятельность А. Валидова в России / А.Г. Салихов. — Уфа : Гилем, 2001. — 164 с.

470. Самойлович, А.Н. Вильгельм Томсен и тюркология / А.Н. Самойлович // Самойлович, А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. — М. : Вост. лит-ра РАН, 2005. — С. 146—157.

471. Самойлович, А.Н. Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности / А.Н. Самойлович // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. — 1914. — Т. XV. Вып. 1. — С. 55—80.

472. Санджеев, Г.Д. Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии / Г.Д. Санджеев // Народы Азии и Африки. — 1962. — № 5. — С. 155—158.

473.Сараев, А.С. Историко-географический синтез в кочевниковедческих работах Л.Н. Гумилева / Л.Н. Гумилев // Наследие Л.Н. Гумилева и судьбы народов Евразии : история, современность, перспективы. Сборник статей Международного научного конгресса, посвященного 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилева. Санкт-Петербург, 1—3 октября 2012 года. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. — С. 400—411.

474.Сембинов, М. Становление национальной истории Казахстана / М. Сембинов // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова ; предисл. Ф. Бомсдорфа. — Изд. 2-е, испр. и дополн. — М. : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — С. 176—191.

475.Сердобов, Н.А. История формирования тувинской нации / Н.А. Сердобов. — Кызыл : Тувинск. книжн. изд-во, 1971. — 480 с.

476.Серегин, Н.Н. История исследования погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : История. Политология. — 2012. — № 4/1. — С. 199—202.

477.Серегин, Н.Н. Источники и материалы для реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 356. — С. 102—105.

478.Серегин, Н.Н. К вопросу о начальном этапе социогенеза раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии / Н.Н. Серегин // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. — С. 221—224.

479.Серегин, Н.Н. Общие и особенные характеристики женских погребений раннесредневековых тюрок Центральной Азии (к реконструкции некоторых аспектов гендерной истории) / Н.Н. Серегин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2012. — № 2(17). — С. 61—69.

480.Серегин, Н.Н. Опыт и перспективы реконструкции социальной организации кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. — Вып. 4. — С. 145—157.

481.Серегин, Н.Н. Опыт периодизации истории исследования погребальных памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона / Н.Н. Серегин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций / отв. ред. Г.А. Кубарева, В.П. Семибратов. — Барнаул : Концепт, 2013. — С. 228—233.

482.Серегин, Н.Н. Погребальные комплексы тюркской культуры Саяно-Алтая. (2-я половина V—XI вв. н.э.) : системный анализ и социальная интерпретация : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Николай Николаевич Серегин; АГУ. — Барнаул, 2011. — 24 с.

483.Серегин, Н.Н. Половозрастная дифференциация в погребальном обряде населения тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Древности Сибири и Центральной Азии : сборник научных трудов. — Горно-Алтайск, 2010. — № 3(15). — С. 151—159.

484.Серегин, Н.Н. Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая : источники, проблемы, методы / Н.Н. Серегин // Древние культуры Евразии : материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. — СПб. : Инфо-ол, 2010. — С. 288—293.

485.Серегин, Н.Н. Социальная структура населения тюркской культуры Саяно-Алтая и Центральной Азии по материалам погребальных комплексов (историографический аспект) / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 4—2(76). — С. 184—187.

486.Серегин, Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) / Н.Н. Серегин. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. — 206 с.

487.Серегин, Н.Н. Элита раннесредневековых тюрок Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов) / Н.Н. Серегин // Краткие сообщения Института археологии РАН. — 2013. — Вып. 229. — С. 71—83.

488.Серегин, Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрок Алтае-саянского региона и Центральной Азии : этнокультурная и социальная интерпретация / Н.Н. Серегин // Теория и практика археологических исследований. — 2013. — № 2(8). — С. 100—108.

489.Смирнов, А.П. [Рец. на] Л.Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд-во МГУ, М., 1969, стр. 211, рис. 66, тираж 1800 / А.П. Смирнов // Советская археология. — 1971. — № 1. — С. 298—301.

490.Смирнов, Н. О феодализме у кочевых народов ([Рец. на] Проф. Н.Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме. ОГИЗ, Москва—Иркутск, 1934) / Н. Смирнов // Историк-марксист. — 1935. — № 2—3(42—43). — С. 140—143.

491.Смирнов, Н.Ю. Возвращенная рукопись (из публицистического наследия А.Н. Бернштама) / Н.Ю. Смирнов // Археологические вести. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. — Вып. 17. — С. 353—365.

492.Софронов, М.В. Китайский язык и китайская письменность : курс лекций / М.В. Софронов. — М. : АСТ : Восток—Запад, 2007. — 638 с.

493. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. — М. : Наука, 1997. — 800 с.

494. Стратилатов, М. Введение к соч. Вамбери : „Первобытная культура тюрко-татарских народов” / М. Стратилатов // Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. — [Омск, 1884.] — Кн. VI. — С. 1—49.

495. Сулейменов, Р.Б. Формационная природа кочевого общества : проблема и метод / Р.Б. Сулейменов // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / отв. ред. В.М. Массон. — Алма-Ата : Наука, 1989. — С. 89—102.

496. Султанова, А.А. Социально-антропологическая тематика в научном наследии дореволюционных тюркологов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / Айгуль Ахсановна Султанова. — М., 2009. — 23 с.

497. Султанова, А.А. Социально-антропологическая тематика в трудах дореволюционных тюркологов / А.А. Султанова // История науки и техники. — 2008. — № 9, спец. выпуск. № 4. — С. 54—65.

498. Сэр-Оджав, Н. Археологическая наука в МНР / Намсрайн Сэр-Оджав // Олон улсын монголч эрдэмтний II Их хурал. — Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх үйлдвэр (ШУАХ), 1973. — II боть. — 139—142 дугаар тал.

499. Сэр-Оджав, Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. — XII в. н.э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 575 / Намсрайн Сэр-Оджав. — Новосибирск, 1971. — 27 с.

500. Сэр-Оджав, Н. Кочевые народы и цивилизации Центральной Азии / Н. Сэр-Оджав // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх үйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 277—280.

501. Таскин, В.С. Введение / В.С. Таскин // Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. — М. : Наука, 1990. — Вып. 2. Цзе. — С. 3—27.

502. Таштемханова, Р.М. История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XIX века — 1991 г.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования / Райхан Мухамедьяновна Таштемханова. — Алматы, 2005. — 50 с.

503. Тверитинова, А.С. Страны Востока и средневековье / А.С. Тверитинова // Средние века. — 1971. — Вып. 34. — С. 77—80.

504. Тишин, В.В. [Рец. на] Серегин Н.Н. Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплек-

сов). Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2013. 206 с. / В.В. Тишин // Вестник НГУ. Сер. : история, филология. — 2014. — Т. 13. Вып. 8: История. — С. 192—195.

505.Тишин, В.В. Служители культа у древних тюрков VI—VIII вв. : основные проблемы исследований / В.В. Тишин // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза : XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто, 16—18 апреля 2014 г. : материалы конференции. — М. : ИВИ РАН, 2013. — С. 272—277.

506.Тишкин, А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.06 / Алексей Алексеевич Тишкин. — Барнаул, 2006. — 55 с.

507.Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем : исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. — 356 с.

508.Токарев, С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период) / С.А. Токарев. — М. : Наука, 1966. — 456 с.

509.Толстов, С.П. Военная демократия и проблема «генетической революции» / С.П. Толстов // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 7—8. — С. 175—216.

510.Толстов, С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах / С.П. Толстов // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества : пленум Государственной академии истории материальной культуры, 20—22 июня 1933 г. — М. ; Л. : ОГИЗ, 1934 (Известия ГАИМК. — Вып. 103). — С. 165—199.

511.Толстов, С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) / С.П. Толстов // Советская этнография. — 1947. — № 3. — С. 55—102.

512.Толстов, С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского ([Рец. на] *A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Vol. 1. The Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history in Yale University, 425 p. 8 maps. New Haven. Yale University press. 1943 (Lec. printing. 1944)*) / С.П. Толстов // Вопросы истории. — 1946. — № 4. — С. 113—124.

513.Толстов, С.П. Древний Хорезм : Опыт историко-археологического исследования / С.П. Толстов. — М. : Изд-во МГУ, 1948. — 352 с.

514.Толстов, С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии / С.П. Толстов // Вестник Древней истории. — 1938. — № 1(2). — С. 72—81.

515.Толстов, С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии / С.П. Толстов // Вестник Древней истории. — 1938. — № 1(2). — С. 176—203.

516. Толстов, С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен / С.П. Толстов // Проблемы истории докапиталистических обществ. — 1935. — № 9—10. — С. 3—35.

517. Толстов, С.П. Тирания Абрая (Из истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н.э.) / С.П. Толстов // Исторические записки. — 1938. — Вып. III. — С. 3—53.

518. Толыбеков, С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века (Политико-экономический анализ) / С.Е. Толыбеков. — Алма-Ата : Наука, 1971. — 634 с.

519. Торланбаева, К.У. Институт каганской власти (Второй восточно-тюркский каганат) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Кенже Ускенбаевна Торланбаева. — Алматы, 2003. — 32 с.

520. Торланбаева, К.[У.] Памяти светлой свеча... [80-летие со дня рождения известного казахстанского китаиста и тюрколога Юрия Алексеевича Зуева] / К.[У.] Торланбаева // Казахстанская правда. — 2012. — 16 ноября (№ 397/398). — С. 14.

521. Торланбаева, К.[У.] Текстологический анализ тюркских рунических надписей, посвященных Тоньюкука, Бильге-кагану и Кюль-тегину / К.[У.] Торланбаева // Отан тарихы. — 2001. — № 4. — С. 105—109.

522. Тревер, К.В. История народов Узбекистана / К.В. Тревер, А.Ю. Якубовский, М.Э. Воронец. — Ташкент : Изд-во АН УзССР, 1950. — Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. — 476 с.

523. Трепавлов, В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности / В.В. Трепавлов. — М. : Наука, 1993. — 168 с.

524. Трепавлов, В.В. Россия и кочевые степи: к проблеме восточных заимствований в российской государственности / В.В. Трепавлов // Восток (Oriens). — 1994. — № 2. — С. 49—62.

525. Трепавлов, В.В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) / В.В. Трепавлов // Mongolica : К 750-летию «Сокровенного сказания». — М. : Наука, 1993. — С. 169—189.

526. Трифонов, Ю.И. Древнетюркская археология Тувы / Ю.И. Трифонов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории. — 1971. — Вып. XV. — С. 112—122.

527. Трифонов, Ю.И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) / Ю.И. Трифонов // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П.М. Мелиоранского. — М. : Наука, 1973. — С. 351—374.

- 528.Тукешева, Н.М. Эволюция представлений о верховной власти в обществах тюркского периода (VI—XII вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Назгуль Мукатаевна Тукешева. — Уральск, 2007. — 31 с.
- 529.Тюркер, Т. Османская империя в современной турецкой историографии / Т. Тюркер // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. — 2007. — № 2. — С. 41—50.
- 530.Удальцова, З.В. Против идеализации гуннских завоеваний. [Рец. на] А.Н БЕРНШТАМ «Очерк истории гуннов». Издательство Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова. 1951. 255 стр. / З.В. Удальцова // Большевик. — 1952. — № 11. — С. 68—72.
- 531.Умняков, И.И. Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда / И.И. Умняков. — Туманович, Н.Н. Описание архива академика В.В. Бартольда / Н.Н. Туманович. — М. : Наука, 1976. — 468 с.
- 532.Файзрахманов, Г.Л. Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии / Г.Л. Файзрахманов. — Казань : Мастер-Лайн, 2000. — 188 с.
- 533.Фасеев, Ф.С. Кто они так называемые «голубые тюрки»? / Ф.С. Фасеев // Источниковедение и история тюркских языков. — Казань, 1978. — С. 137—147.
- 534.Фахрутдинов, Р.[Г]. Кочевой мир Средневековой Евразии (обзор археолого-исторической литературы второй половины XX в.) / Р.Г. Фахрутдинов // Татарская археология. — 1997. — № 2(3). Кочевой мир Средневековой Европы. — С. 25—46.
- 535.Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. — М. : Изд-во МГУ, 1973. — 180 с.
- 536.Флетчер, Дж. Средневековые монголы : экологические и социальные перспективы / Дж. Флетчер // Монгольская империя и кочевой мир / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2004. — С. 212—253.
- 537.Хазанов, А.М. Кочевники и внешний мир / А.М. Хазанов. — Изд. 3-е, доп. — Алматы : Дайк-Пресс, 2002. — 604 с.
- 538.Хазанов, А.М. Роль рабства в процессах классового образования у кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов // Становление классов и государства : сборник статей / отв. ред. А.И. Першиц. — М. : Наука, 1976. — С. 249—279.
- 539.Хазанов, А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей / А.М. Хазанов. — М. : Наука, 1975. — 344 с.
- 540.Халиль Исмаил. Исследования хозяйства и общественных отношений кочевников Азии в советской литературе 1950-х — 1980-х гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Халиль Исмаил. — М., 1983. — 194 с.

- 541.Халиль Исмаил. Исследования хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50—80 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Халиль Исмаил. — М., 1983. — 24 с.
- 542.Хаттори, С. Изучение тюркских языков в Японии (1946—1972) / С. Хаттори // Советская тюркология. — 1974. — № 5. — С. 76—89.
- 543.Хенниг, Р. Неведомые земли / Р. Хенниг ; пер. с нем. Е.К. Краснокутской и А.Д. Райхштейна ; предисл. и ред. А.Б. Дитмара. — М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1961. — Т. II. — 520 с.
- 544.Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. — Новосибирск : Наука, 1986. — 271 с.
- 545.Худяков, Ю.С. Золотая волчья голова на боевых знаменах : оружие и войны древних тюрков в степях Евразии / Ю.С. Худяков. — СПб. : Петерб. востоковедение, 2007. — 192 с.
- 546.Худяков, Ю.С. К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков / Ю.С. Худяков // Российская археология. — 2000. — № 4. — С. 100—108
- 547.Худяков, Ю.С. Кёк-тюрки на Среднем Енисее / Ю.С. Худяков // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. А.П. Погожева. — Новосибирск : Наука, 1979. — С. 194—207.
- 548.Худяков, Ю.С. Монографическое исследование поминальных комплексов западных тюрков Жетысу. Досымбаева Айман. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы, 2006. 168 с. / Ю.С. Худяков // Российская археология. — 2009. — № 2. — С. 175—179.
- 549.Худяков, Ю.С. Типология погребений VI—XII вв. в Минусинской котловине / Ю.С. Худяков // Археологический поиск (Северная Азия) / отв. ред. В.Е. Медведев. — Новосибирск : Наука, 1980. — С. 193—205.
- 550.Чандарлыоглу, Г. Научные работы и методы исследования по истории тюркских народов в дальневосточных странах / Г. Чандарлыоглу // Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi. — 2001. — Cilt : 1. Sayı : 1. [Manas Journal of Social Studies. — 2001. — Vol. 2. № 8]. — S. 269—274.
- 551.Черников, С.С. О термине «ранние кочевники» / С.С. Черников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — 1960. — Вып. 80. — С. 17—21.
- 552.Чугуевский, Л.И. Новое о рукописном наследии Н.Я. Бичурина / Л.И. Чугуевский // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 3. — С. 127—130.
- 553.Шаисламов, А.Р. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Альберт Рамилевич Шаисламов. — Казань, 2009. — 28 с.

554. Шаисламов, А.Р. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Альберт Рамилевич Шаисламов. — Казань, 2009. — 184 с.

555. Шервашидзе, И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура / И.Н. Шервашидзе // Вопросы языкознания. — 1990. — № 3. — С. 81—91.

556. Шираиси, Н. Этапы кочевых государств монгольских степей / Н. Шираиси // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3 / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 239—251.

557. Шнирельман, В.А. Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии / В.А. Шнирельман // Политическая концептология : журнал междисциплинарных исследований. Научно-аналитическое издание. — 2009. — № 4. — С. 192—212.

558. Шунков, В.И. Генезис феодальных отношений в Сибири / В.И. Шунков // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР / отв. ред. З.В. Удальцова. — М. : Наука, 1969. — С. 234—265.

559. Шырендыб, Б. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» / Б. Шырендыб // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 23—31.

560. Щербак, А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности / А.М. Щербак // Тюркологический сборник. 1971. Памяти В.В. Радлова. — М. : Наука, 1972. — С. 54—63.

561. Щербак, А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения / А.М. Щербак // Тюркологический сборник. 1970. — М. : Наука, 1970. — С. 111—134.

562. Щербак, А.М. Памятники рунического письма енисейских тюрок / А.М. Щербак // Народы Азии и Африки. — 1964. — № 4. — С. 140—151.

563. Щербак, А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрок, границы ее распространения и особенности использования / А.М. Щербак. — СПб. : Наука, 2001. — 152 с.

564. Энхтувшин, Б. Традиции государственности и история кочевников / Б. Энхтувшин // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2008. — Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. — С. 227—238.

565. д'Эрбело де Молневиль, Б. Центральная Азия глазами одного французского эрудита XVII-го века (отрывки) / Б. д'Эрбело де Молневиль ; пер. с франц. А. Акимовой. — Ташкент : ИД «Ijod Dunyosi», 2002. — 113 с.

566. Эрджиласун, Б. Первые упоминания об орхонских надписях в Турции / Б. Эрджиласун // Altaica II. Сборник статей и материалов. — М. : Ин-т востоковедения РАН, 1998. — С. 124—146.

567. Эрдниева, К.О. К истории изучения вопроса о специфике феодальных отношений у кочевых народов / К.О. Эрдниева // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. — 1985. — № 1(49). — С. 47—53.

568. Юдин, В.П. Могулы / В.П. Юдин // Юдин, В.П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. — Алматы : Дайк-Пресс, 2001. — С. 96—136.

569. Юдин, В.П. Рецензия на «Древнетюркские рунические памятники...» С.Г. Кляшторного / В.П. Юдин // Юдин, В.П. Центральная Азия в XIV—XVIII веках глазами востоковеда. — Алматы : Дайк-Пресс, 2001. — С. 271—285.

570. Юлдашбаев, А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди (в памяти своих современников) / А.М. Юлдашбаев. — Уфа : Китап, 2000. — 320 с.

571. Юшков, С.В. История государства и права СССР : учебник для юридических вузов / С.В. Юшков. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юридич. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1947. — Ч. 1. — 767 с.

572. Юшков, С.В. История государства и права СССР : учебник / С.В. Юшков ; отв. ред. В.С. Покровский. — 4-е изд. — М. : Госюриздат, 1961. — Ч. 1. — 679 с.

573. Юшков, С.В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве / С.В. Юшков // Вопросы истории. — 1946. — № 7. — С. 45—65.

574. Якубовский, А.Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. / А.Ю. Якубовский // Очерки по истории русского востоковедения. — М. : Изд-во АН СССР, 1953. — Сб. 1 / отв. ред. В.И. Авдиев, Н.П. Шастина. — С. 31—95.

575. Якубовский, А.Ю. Проблема социальной истории Востока в трудах академика В.В. Бартольда / А.Ю. Якубовский // Вестник Ленинградского Унив.-та. — 1947. — № 12. — С. 62—79.

576. Ярхо, А.И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк / А.И. Ярхо. — Абакан : Хакоблнациздат, 1947. — 148 с.

577. Яхонтов, С.Е. Древнекитайский язык / С.Е. Яхонтов. — М. : Наука, 1965. — 115 с.

578. Амар, А. Монголын товч түүх / А. Амар. — Улаанбаатар : Улсын Хэвлэийн Газар, 1989. — 201 тал.

579. Ауғали, Е. Қытай түркологиясы : өткені мен бүгіні / Е. Ауғали // Түркі Дүніесі : альманах / құраст. Қ.Р. Кемеңгер, К.Н. Райымхан. — Алматы : Интеллсервис, 2013. — 192—201 б.
580. Базылхан, Н. Қөне түрік бітіктастары мен ескерткіштері (Орхон, Енисей, Талас) / Н. Базылхан. — Алматы : Дайк-Пресс, 2005 (Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. — II т.). — 252 б., 144 бет жапсырма.
581. Батсүрэн, Б. Өндөр тэрэгтнүүд ба эртний түрэгүүд (VI—IX зуун) / Б. Батсүрэн. — Улаанбаатар : Мөнхийн үсэг, 2009. — xi, 252 тал.
582. Баттулга, Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр / Ц. Баттулга. — Улаанбаатар, 2005 (Corpus Scriptorum. — Т. I). — 240 тал.
583. Болд, Л. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал) / Л. Болд. — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн газар, 1990. — I боть. — 156 тал.
584. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх / эрхлэн хэвлүүлсэн Б. Ширэндэв. — Улаанбаатар : Улсын Хэвлэл Гэсэр, 1955. — 544 тал.
585. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. — Засварлаж нэмсэн хоёр дахь удаагийн хэвлэл. — Улаанбаатар : БНМАУ-ын Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл, 1966. — 568 тал.
586. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. — Улаанбаатар : Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хорос, 1966. — Тэргүүн боть. Нэн эртнээс XVII зуун / эрхлэн хэвлүүлсэн Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Н. Ишжамц, Х. Пэрлээ, Ш. Бира, Н. Сэр-Оджав, М. Санждорж, Б. Түдэв. — 499 тал.
587. Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх / эрхлэн хэвлүүлсэн Ш. Бира, А.П. Окладников. — Нэмж засварлаж гуравдах дахь удаагийн хэвлэл. — Улаанбаатар : Улсын Хэвлэлийн Газар, 1984. — 722 тал.
588. Вэлиди Туған, Ә. Төркі тарихына инеш / Ә. Вэлиди Туған // Ватандаш. — 1999. — № 1. — С. 130—150; № 2. — С. 76—96; № 3. — С. 149—161; № 4. — С. 118—134.
589. Кримський, А.Ю. Тюрки, їх мови та літератури / А.Ю. Кримський // Кримський, А.Ю. Твори в п'яти томах. — Київ : Наукова думка, 1974. — Т. 5. Сходознавство. — С. 447—583.
590. Монгол Улс дахь түүхийн судалгааны ном зүй / эмхтгэсэн : Р. Төрдалай, С. Чулуун. — Улаанбаатар, 2012. — 904 тал.
591. Монгол улсын түүх / түүхийн ухааны Д. Цэвээндорж. — Улаанбаатар, 2003. — Тэргүүн боть (Нэн эртнээс XII зууны дунд үе). — v, 438 тал.
592. Өкэл, Б. Бөжүк Һун империясы / Б. Өкэл; тэрчүмэ едэнлэр : Х. Маммэдов, В. Һэбибоғлу. — Бақы : Кэнчлик, 1992. — I китаб. — 408 сәһ.
593. Прицак, О. Походження Русі / О. Прицак. — Київ : Обереги, 1997. — Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). — 1080 с.

594.Рахмон, Н. Турк хоконлиги / Н. Рахмон. — Тошкент : Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти, 1993. — 144 б

595.Рэчэбов, Э. Орхон-Енисей абидэлэри / Э. Рэчэбов, Ж. Мэммэдов. — Б. : Язычы, 1993. — 400 с.

596.Сэр-Оджав, Н. БНМАУ-д түрэг бичгийн дурсгалыг судлаж байгаа нь / Изучение древнетюркской письменности в МНР / Н. Сэр-Оджав // Монгол нутаг дахь хадны бичээс, гэрэлт хөшөөний зүйл / Ринчэн эмхэтгэв / Les dessins pictographiques et les inscriptions sur les rochers et sur les stèles en Mongolie / recueillis par Rintchen. — Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1968 (Corpus Scriptorum Mongolorum Instituti Linguae et Litterarum Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. — Tomus 16. Fasc. 1). — IX—XIII дугаар тал.

597.Сэр-Оджав, Н. Эртний түрэгүүд (VI—VIII зуун) / Н. Сэр-Оджав. — Улаанбаатар : Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэл, 1970 (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. — Т. 5. Fasc. 2). — 116 тал.

598.ХХ зууны Монгол улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг (Нэмж засварласан хоёр, дахь хэвлэл) / эрхлэн хэвлүүлсэн: академич Ж. Болдбаатар. — Улаанбаатар : Монгол улсын их сургуулийн Түүхийн судалгааны хүрээлэн, 2010. — 858 тал.

599.A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Kortársak és krónikások híradásai / sajtó alá rendezte Gy. Györfly ; munkatársak K. Czeglédy, J. Harmatta, J. Horváth, Zs. Kakuk, I. Kniezsa, Gy. Moravcsik, Gy. Németh, D. Pais. — 3. Kiadás. — Budapest : Gondolat Kiadó, 1986. — 356. o.

600.Abel Rémusat, [J.-P.] Recherches sur les langues Tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigours et des Tibétains / [J.-P.] Abel Rémusat. — Paris : Imprimerie Royale, 1820. — Т. I. — li, 400 p.

601.Abel Rémusat, J.-P. [Рец. на] Inscriptionibus Sibiricae : de antiquis quibusdam sculpturis et Inscriptionibus in Sibiria repertis, scripsit Gr. Spassky. Petropoli, 1822, in 4.° oblong / J.-P. Abel Rémusat // Journal des Savants. — Octobre, 1822. — P. 595—602.

602.Akın, H. Nemeth'e Göre En Eski Türk—Macar Münasebetleri / H. Akın // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 1982. — Cilt : XXX. Sayı : 1—2 (Ocak 1979 — Haziran 1982). Atatürk'ün 100. Doğum Yilina Armağan. — S. 1—6.

603.Aksaraylı, Z.A. Gök Türk İmparatorluğu İleriş, Kapgan ve Bilge'nin Hükümdarlıkları (680—734) / Z.A. Aksaraylı // Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2011. — Cilt 9. Sayı 2. (Prof. Dr. Mahmut Kaplan Armağan Sayısı). — S. 729—736.

604.Akün, Ö.F. ATŞIZ, Hüseyin Nihal / Ö.F. Akün // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 1991. — Cilt 4. Âşık Ömer — Bâlâ Külliyesi. — S. 87—91.

605. Alföldi, A. Türklerde Çift Krallık / A. Alföldi // İkinci Türk Tarih Kongresi, İstanbul 20—25 Eylül 1937. Kongrenin çalışmaları, kongreye sunulan tebliğler. — İstanbul : Kenen Matbaası, 1943 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri : No. 2). — S. 508—519.

606. Antal, B. Türk-ösmagyar etnogenetikai kérések / B. Antal // Nomád társadalmak és államalakulatok (Tanulmányok) / szerk. : F. Tókei. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1983 (Körösi Csoma Kiskönyvtár 18). — 67—79. o.

607. Arezi, A. Orhon Yazitlari'nin Çağdaş Uygurca Çevirisi ve Çin Halk Cumhuriyeti'ndeki İlgili Çalışmaların Genel Bir Değerlendirilmesi / A. Arezi // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. — Ankara, 2011. — 1. Cilt. — S. 55—70.

608. Arsal, S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla Kadim Yunanlıların genos-fratria teşkilâtında ve Kadim Romanların gens-curia teşkilâtında hakim olan esasların ayniyetine dair / S.M. Arsal // IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10—14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler. — İstanbul : Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1952 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri — No. 4). — S. 109—124.

609. Arslan, M. Step İmparatorluklarında Sosyal ve Siyasî Yapı / M. Arslan. — İstanbul : Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Basimevi, 1984. — XII, 126 s.

610. Atsız, H.N. Türk Edebiyatı Tarihi / H. Nihâl Atsız. — İstanbul : Baysan Basım ve Yayın Sanayii A.Ş., 1992. — 179 s.

611. Atsız, N. 16 Devlet masalı ve Uydurma Bayraklar / Nihâl Atsız // Ötüken. Mayıs 1969. Sayı 65. S. 3.

612. Atwood, C.P. Paul Pelliot and Mongolian Studies / C.P. Atwood // Paul Pelliot : de l'histoire à la légende. Colloque international organisé par J.-P. Drège, G.-J. Pinault, C. Scherrer-Schaub et P.-È. Will au Collège de France et à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Palais de l'Institut), 2—3 octobre 2008. Actes édités par J.-P. Drège et M. Zink. — Paris : Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 2013. — P. 433—449.

613. Aubin, F. L'Asie centrale prémoderne. [Rev.] Lev Nikolaeviç Gumilev. — Drevnie Tjurki. — Moscou, Nauka, 1967, 504 p. Prix : 2 r. 25 k. Elisabeth Pinks. — Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960—1028). — Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1968 (Asiatische Forschungen, Bd 24), xi + 226 p., 1 carte. Prix : DM. 26. / F. Aubin // L'Année sociologique (1940/1948—), Troisième série. — 1969. — Vol. 20. — P. 285—286.

614. Avcıoğlu, D. Türklerin Tarihi / D. Avcıoğlu. — İstanbul : Tekin Yayınevi, 1978. — Birinci Kitap. — S. 1—558; İkinci Kitap. — S. 559—1062.

- 615.Aydın, E. 1995—2005 Yılları Arasında Türk Runik Metinleri Üzerine Yapılan Çalışmalara Bir Bakış / E. Aydın // İlmi Araştırmaları. — 2005. — Sayı 20. — S. 43—56.
- 616.Aydın, E. Cumhuriyet Döneminde Eski Türk Yazıtlarıyla İlgili Çalışmalar / E. Aydın // Karaman, Dil, Kültür ve Sanat Dergisi. — 2005. — S. 205—211.
- 617.Aydın, E. Kök Türk Harfli Metinler ve Kök Türklerle İlgili Türkiye’de Yayımlanmış Çalışmalar Bibliyografyası (Deneme) / E. Aydın, G. Güner // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 2007. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 2010. — Cilt 1. — S. 33—82.
- 618.Aydın, E. Remarks on *Qatun* in the Yenisei Inscriptions / E. Aydın // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2011. — Vol. 64. № 3. — P. 251—256.
- 619.Aydın, E. Şine Usu Yazıtı / E. Aydın. — Çorum : KaraM Yayıncılık, 2007 (KaraM Yayınları : 19 ; Dilbilim Kitaplığı : 3). — 6, 145, 7 s.
- 620.Aydın, E. Türk Runik Bibliyografyası / E. Aydın. — Genişletilmiş 2. baskı. — İstanbul, 2010 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi : 61). — 277 s.
- 621.Aydın, E. Türk Runik Kaynakçası’na Ek I / E. Aydın // Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları. — 2009. — Vol. 4/8. — S. 552—575.
- 622.Aydın, E. Yenisey Yazıtlarında Geçen Türk Boyları Üzerine Notlar / E. Aydın // Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları. — 2011. — Vol. 6/1. — P. 390—398.
- 623.Aydın, E. Yenisey Yazıtlarıyla İlgili Türkiye’de Yapılan Çalışmalara Bir Bakış / E. Aydın // I. Uluslararası Uzak Asya’dan Ön Asya’ya Eski Türkçe Bilgi Söleni, 18—20 Kasım 2009. — Afyonkarahisar, 2010. — S. 25—34.
- 624.Babayarov, G. Old Turkic Titles Used before the Turkic Qaghanate / G. Babayarov, A. Kubatin // Yalım Kaya Bitigi. Osman Fikri Sertkaya Armağanı / ed. H. Şirin User, B. Gül. — Ankara : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yay., 2013. — S. 153—165.
- 625.Babayarov, G. The Imperial Titles on the Coins of the Western Turkic Qaghanate / G. Babayarov // Марказий Осиё тарихи замонавий медиевистика талқинида (Профессор Розия Мукминова хотирасига бағишланади) / History of Central Asia in Modern Medieval Studies (In Memoriam of Professor Roziya Mukminova). — Тошкент : Yangi nashr, 2013. — 330—348-бетлар.
- 626.Babayarov, G. The Tamgas of the Co-Ruling *Ashina* and *Ashida* Dynasties as Royal Tamgas of the Turkic Kaghanate / G. Babayarov // Traditional Marking Systems : A Preliminary Survey / ed. J.E. Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. — London ; Dover : Dunkling Books, 2010. — P. 393—402.
- 627.Balaban, A. İskit, Hun ve Göktürklerde Sosyal ve Ekonomik Hayat : Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi / Ayhan Balaban. — Ankara, 2006. — V, 141 s.
- 628.Bang, W. Zu den Köktürkischen Inschriften / W. Bang // T’oung Pao. — 1898. — Vol. IX. — P. 117—141.

629. Barthold, W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften / W. Barthold // Radloff, W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. — Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold : Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. — S. 1—36.

630. Bastug, Sh. Tribe, Confederation and State among Altaic Nomads of the Asian Steppes / Sh. Bastug // Rethinking Central Asia : Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity / ed. by K.A. Ertürk. — Cornell : Ithaca Press, 1999. — P. 77—105.

631. Baştuğ, Sh. Kök Türk Kinship Terminology : An Omaha Model / Sh. Baştuğ // Central Asiatic Journal. — 1993. — Vol. 37. № 1—2. — P. 1—19.

632. Baykara, T. Türk Kültür Tarihine Bakışlar / T. Baykara. — Ankara : Atatürk Yüksek Kurumu, 2001 (Atatürk Yüksek Kurumu, Atatürk Kültür Merkezi Yayın : 252). — 234 s.

633. Baykara, T. Zeki Velidi Togan / T. Baykara. — Birinci Baskı. — Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1989 (Türk Büyükleri Dizisi : 110). — IX, 229 s.

634. Bazin, L. L'inscription d'Uyuğ-Tarlıq (Iénisséi) / L. Bazin // Acta Orientalia [Copenhagen]. — 1955. — Vol. 22. — P. 1—7.

635. Bazin, L. La littérature épigraphique turque ancienne / L. Bazin // Philologiae Turcicae fundamenta : iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis. — Aquis Mattiacis Apud Franciscum Steiner [Wiesbaden : Franz Steiner], 1964. — T. 2. Curavit et auxit, indices adiecit Pertev Naili Boratav / ed. L. Bazin, A. Bombaci, J. Deny, T. Gökbilgin, F. İz, H. Scheel. — P. 192—211.

636. Bazin, L. Les calendriers turcs anciens et medievux / L. Bazin. — Lille : Service de reproduction des thèses, Université de Lille, 1974 (Université de Lille III). — (3), 800 p.

637. Bazin, L. Les peuples turcs et mongols de la steppe : le nomadisme pastoral / L. Bazin // History of Humanity. — Paris : Éditions UNESCO, 2000. — Vol. IV. From the Seventh to the Sixteenth Century. — P. 1099—1111.

638. Bazin, L. Les Turcs, des mots, des hommes / L. Bazin ; éd. M. Nicolas et G. Veinstein ; préf. J. Hamilton. — Paris : Arguments, 1994. — XI, 428 p.

639. Bazin, L. Notes sur les mots „Oğuz” et „Türk” / L. Bazin // Oriens. — 1953. — Vol. 6. № 2. — P. 315—322.

640. Bazin, L. René Giraud et la Turcologie / L. Bazin // Turcica. Revue d'Etudes Turques. — 1969. — T. 1. — P. 242—246.

641. Bazin, L. Turcs et Sogdiens : Les enseignements de l'inscription du Bugut (Mongolie) / L. Bazin // Mélanges linguistiques offerts à Émile Benvéniste. — Paris, 1975 (Collection Linguistique, publiée par la Société de Paris. — LXX). — P. 37—45.

642.Beckwith, C.I. Empires of the Silk Road : a history of Central Eurasia from the Bronze Age to the present / C.I. Beckwith. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009. — xxvii, 472 p.

643.Beckwith, C.I. The Tibetan Empire in Central Asia. A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages / C.I. Beckwith. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 1987. — xix, 270 p.

644.Bedir, M. Osmanlı Öncesi Türk Hukuk Tarihi Yazıcılığı / M. Bedir // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. — 2005. — Cilt 3. Sayı 5. Türk Hukuk Tarihi. — S. 27—84.

645.Benzing, J. Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie / J. Benzing. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1953. — VII, 142 S.

646.Benzing, J. [Rez.] *Ural-Altäische Jahrbücher*. Fortsetzung der “Ungarischen Jahrbücher”. Herausgegeben von Julius von Farkas. Band XXIV, Heft 1—2, 1952. 153 S. (Verlag Otto Harrassowitz, Wiesbaden) / J. Benzing // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — 1952. — Bd. 102 (Neue Folge. — Bd. 27). — S. 407—411.

647.Berktaş, H. Tarih Çalışmaları / H. Berktaş // Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi. — İstanbul : İletişim Yayınları, 1985. — Cilt IX. — S. 2456—2474.

648.Berktaş, H. Türkiye Tarihi / H. Berktaş, Â. Ödekan, Ü. Hassan. — İstanbul : Cem Yayınevi, 1995. — Cilt 1. Osmanlı Devletine Kadar Türkler. — 520 s.

649.Beşirli, H. Türk Kültüründe Güç, İktidar, İtaat ve Sadakatin Yemek Sembolizmi Esasında Değerlendirilmesi / H. Beşirli // Türk Kültürü ve Hacı Beştaş Veli Araştırma Dergisi. — 2011. — Sayı 58. — S. 139—152.

650.Beyhan, M.A. Ziya Gökalp’in Tarih Anlayışı ve Türk Medeniyeti Tarihi Adlı Eseri / M.A. Beyhan // Sosyoloji Dergisi. — 2006. — Sayı 13. Ziya Gökalp’in 130. Doğum Günü. — S. 47—61.

651.Bılıklioğlu, T. [Eleştiri—tanıtma] *René Giraud, L’Empire des Turcs Célestes. Les règnes d’Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734) = Göktürk İmparatorluğu, Elteriş, Kapgan ve Bilge devirleri (680—734)*. 219 sayfa, metin dışı 4 harita, Paris 1960 / T. Bılıklioğlu // Belleten. — 1961. — Cilt : XXV. Sayı : 99. — S. 492—493.

652.Bibliographie alttürkischer Studien / ausgewählt und chronologisch angeordnet von V. Adam, J.P. Laut und A. Weiss. Nebst einem Anhang : Alphabetisches Siglenverzeichnis zu Klaus Röhrborn : Uigurisches Wörterbuch, Lieferung 1—6, 1977—1998. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 2000. — XXI, 127 S.

653.Birinci Türk Tarih Kongresi / Maarif Vekâleti ve Türk Tarihi tektik Cemiyeti tarafından tertip edilmiştir. Birinci bin. — İstanbul : T.C. Maarif Vekâleti, 1932. — XV, 631 s.

654.Birinci, A. RIZA NUR / A. Birinci // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2003. — Cilt 35. Resûlîler — Sak. — S. 65—66.

655.Bloch, E. Introduction L'Histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din / E. Bloch. — Leyden : E.J. Brill ; London : Luzac & Co, 1910 (E.J.W. Gibb Memorial Series. — Vol. XII). — [8], 398 p.

656.Bodrogligeti, A. Németh, Gyula [2010] [Электронный ресурс] // Encyclopædia Iranica. — Режим доступа : <http://www.iranicaonline.org/articles/nemeth-gyula>. (дата обращения: 14.08.2013)

657.Bombaci, A. Qutluğ bolzun! A Contribution to the concept of 'fortune' among the Turks / A. Bombaci // Ural-Altische Jahrbücher. — 1965. — Vol. 36. Fasc. 3—4. — S. 284—291; 1966. — Vol. 38. — S. 13—43.

658.[Boodberg, P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg / P.A. Boodberg; compl. by A.P. Cohen. — Berkeley ; Los Angeles ; London : University of California Press, 1979. — xix, 502 p.

659.Böler, T. Necip Asım Yazıksız ve Türk Diline Katkıları / T. Böler // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — 2009. — Sayı 25. — S. 195—208.

660.Caferoğlu, A. Tarduş ve Töles Kavimleri Hakkında Yeni Bir Düşünce / A. Caferoğlu // Ülkü Halkevleri Dergisi. — 1936. — Cilt VII. Sayı 41. — S. 370—375.

661.Caferoğlu, A. Tukyü ve Uygurlarda Han Unvanları / A. Caferoğlu // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. — 1931. — Cilt 1. — S. 105—119.

662.Caferoğlu, A. Türk Dili Tarihi / A. Caferoğlu. — İstanbul : Edebiyat Fakültesi Basımevi, 1958 (İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları. — № 778). — Cilt I. — VIII, 184 s.

663.Caferoğlu, A. Türk tarihinde 'Nöker' ve 'Nöker-zâdeler' müessesesi / A. Caferoğlu // IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10—14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler. — İstanbul : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1952 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri — No. 4). — S. 251—261.

664.Cahun, L. Introduction à l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols des origines à 1405 / L. Cahun. — Paris : Armand Colin et Cie, Éditeurs, 1896. — XIII, 519 p.

665.Cahun, L. [Chapitre XVI] Les Revolutions de l'Asie. — Les Turcs, La Chine, L'Iran, L'Asie Centrale. Des origines à la fin du XIIIe siècle / L. Cahun // Lavis, E., Rambaud, A. Histoire générale du IVe siècle à nos jours. — Paris : Armand Colin & Cie, Éditeurs, 1893. — T. II. L'Europe féodale. Les croisades 1095—1270. — P. 884—973.

666.Cannata, P. Profilo storico del 1° impero turco (metà VI — metà VII secolo) / P. Cannata. — Rome : il Bagatto, 1981. — 108 p.

667.Ceylan, A. İslam Öncesi Türk Hukukunda Danışma Meclisi / A. Ceylan // Erzincan Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. — 1997. — Cilt I. Sayı 1. — S. 1—12.

- 668.Chavannes, E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux / E. Chavannes. — Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1903. — IV, 380 p.
- 669.Chavannes, E. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux / E. Chavannes // T'oung Pao. — 1904. — Ser. II. T. V. — P. 1—110.
- 670.Chavannes, E. Notice sur Gabriel Devéria / E. Chavannes // Journal Asiatique. — 1899. — IXe Série. T. XIV. № 3. — P. 375—387.
- 671.Christian, D. A History of Russia, Central Asia and Mongolia / D. Christian. — Oxford ; Malden, Mass. : Blackwell, 1998 (The Blackwell History of the World). — Vol. 1. Inner Eurasia from Prehistory to the Mongol Empire. — xxiii, 472 p.
- 672.Christian, D. State Formation in the Inner Eurasian Steppes / D. Christian // Silk Road Studies II. Worlds of the Silk Roads : Ancient and Modern / ed. D. Christian and C. Benjamin. — Turnhout, Belgium : Brepols, 1998. — P. 51—76.
- 673.Christian, D. "Inner Eurasia" as a Unit of World History / D. Christian // Journal of World History : Official Journal of the World History Association. — 1994. — № 5(2). — P. 173—211.
- 674.Christie, A. Lawrence Krader : *Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads*. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 20.) x, 412 pp. The Hague : Mouton and Co., 1963. Guilders 48, \$13.25. / A. Christie // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. — 1966. — Vol. 29. Iss. 02. — P. 410—411.
- 675.Cihan, C. Türk Devlet Felsefesi Açısından Kök Türk Devleti'nin Dış Politikası / C. Cihan // Sosyal Bilimler Dergisi. — 2001. — Cilt III. Sayı 1. — S. 59—71.
- 676.Clauson, G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 / G. Clauson // Journal Asiatique. — 1956. — T. CCXLV. Fasc. 1. — P. 11—24.
- 677.Clauson, G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / G. Clauson. — Oxford : Clarendon Press, 1972. — xlviii, 989 p.
- 678.Clauson, G. [Review] L'Empire des Turcs Célestes. By R. Giraud. pp. 221, 4 maps. Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient, 1960. 20 NF. / G. Clauson // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain & Ireland (New Series). — 1961. — Vol. 93. Iss. 3—4. — P. 131.
- 679.Clauson, G. Turkish Philology in Hungary / G. Clauson // Asia Major. — 1973. — Vol. XVIII. Pt. 2. — P. 209—219.
- 680.Clauson, G. Turkish and Mongolian Studies / G. Clauson. — London : Royal Asiatic Society, 1962 (Prize Publication Fund. — XX). — XVII, 261 p.
- 681.Cohen, A.P. In Memoriam : Wolfram Eberhard, 1909—1989 / A.P. Cohen // Asian Folklore Studies. — 1990. — Vol. 49. № 1. — P. 125—133.
- 682.Cordier, H. Histoire générale de la Chine et de ses relations avec les pays étrangers : depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie Mandchoue / H. Cordier. — Paris : Librairie

Paul Geuthner, 1920. — Vol. I. Depuis les temps les plus anciens jusqu'à la chute de la dynastie T'ang (907 après J.-C.). — 574 p.

683.Cuisenier, J. Économie et parenté : essai sur les affinités de structure entre système économique et système de parente / J. Cuisenier. — Lille : Service de Reproduction des Thèses de l'Université de Lille III, 1971. — (4), 862 p.

684.Cuisenier, J. Parenté et organisation sociale dans le domaine turc / J. Cuisenier // *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. — 1972. — 27e année. № 4—5. — P. 923—948.

685.Cumagulov, Ç.C. Göktürk Harfli Yazıtların Kırgızistan'daki Araştırılması, Muhafazası, ve Bugünkü Durumu / Ç. Cumagulov // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 2000. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 2001. — S. 65—68.

686.Czaplicka, M.A. The Turks of Central Asia in History and at the Present Day, an Ethnological Inquiry into the Pan-Turanian Problem, and Bibliographical Material Relating to the Early Turks and the Present Turks of Central Asia / M.A. Czaplicka. — Oxford : Clarendon Press, 1918. — 242 p.

687.Czeplédy, K. Čoğay-quzi, Qara-qum, Kök-öng / K. Czeplédy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1962. — T. XV. Fasc. 1—3. — P. 55—69.

688.Czeplédy, K. From East to West : the Age of Nomadic Migrations in Eurasia / K. Czeplédy // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. — 1983. — T. III. — P. 25—125.

689.Czeplédy, K. History and the Turkic Inscriptions / K. Czeplédy // *Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 303—305.*

690.Czeplédy, K. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig / K. Czeplédy. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1969 (Kőrösi Csoma kiskönyvtár 8). — 159, (12). o.

691.Czeplédy, K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations / K. Czeplédy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1972. — T. XXV. — P. 275—281.

692.Czeplédy, K. Zur Stammesorganisation der türkischen Völker / K. Czeplédy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1982. — T. XXXVI. Fasc. 1—3. — P. 89—93.

693.Çakır, A. Bozkır Kültür Çevresinde Sosyal Yapı ve Teşkilatlanma : Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi / Ayşe Çakır. — Ankara, 2007. — vii, 158 s.

694.Çayır, Y. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu'nun Hayati ve Eserleri / Y. Çayır, M. Şahin // *I. Burdur Sempozyumu Bildiriler, Burdur, 16—19 Kasım 2005 / editörler Prof. G. Yıldız, Prof. Dr. M. Zeki Yıldırım, Yrd. Doç. Dr. Ş. Kazan. — Burdur, 2007 (Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Rektörlüğü Sempozyum Dizisi : 1). — II. Cilt. — S. 1602—1614.*

695.Çetin, E. Orhon Yazıtlarında 'İtaat' Kavramı / E. Çetin // Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları. — 2009. — Vol. 4/8. — S. 825—837.

696.Davletov, T.B. Eski Türklerde Toplumsal Siyaset Anlayışı / T.B. Davletov // Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — 2008. — Yıl: 5. Sayı: 8. — S. 81—101.

697.Deér, J. Pogány magyarság, keresztény magyarság / J. Deér. — Budapest : Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, 1938. — 273. o.

698.Deguignes, J. Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongoles, et des autres Tartares Occidentaux / J. Deguignes. — Paris : Chez Desaint & Saillant, rue S. Jean de Beauvais, 1756. — T. 1. Pt. 2. — xcv, 522 p.

699.Desmoulins, A. Histoire naturelle des races humaines du nord-est de l'Europe, de l'Asie boréale et orientale, et de l'Afrique australe, d'après, des recherches spéciales d'antiquités, de physiologie, d'anatomie et de zoologie, appliquée à la recherche des origines des anciens peuples, à la science étymologique, à la critique de l'histoire, etc. / A. Desmoulins. — Paris : Méquignon-Marvis, 1826. — xxxiv, (2), 392 p., 5 fl.

700.Di Cosmo, N. State Formation and Periodization in Inner Asian History / N. Di Cosmo // Journal of World History. — 1999. — Vol. 10. № 1. — P. 1—40.

701.Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / çev. B. Atalay. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1985. — Cilt I. — 530 s.; Cilt II. — 366 s.; Cilt III. — 329 s.; 1986. — Cilt IV. — 885 s.

702.Divitçioğlu, S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar / S. Divitçioğlu. — *Kök Türkler*'in Yenilenmiş 3. baskısı. — Ankara : İmge Kitabevi, 2005. — 288 s.

703.Dobrovits, M. A rossz uralkodó a türköknél / M. Dobrovits // Dobrovits, M. Vámbéryval a harmadik évezredben. — Dunaszerdahely : Lilium Aurum, 2010. — 135—143. o.

704.Dobrovits, M. Hatalom és törzsi rendszer a második türk kaganátusban / M. Dobrovits // Publicationes Universitatis Miskolciensis. Sectio Philosophica. — 2004. — T. 9. Fasc. 3. — 53—66. o.

705.Dobrovits, M. The Thirty Tribes of the Turks / M. Dobrovits // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2004. — Vol. 57. № 3. — P. 257—262.

706.Dobrovits, M. Vámbéry munkáiról / M. Dobrovits // Dobrovits, M. Vámbéryval a harmadik évezredben. — Dunaszerdahely : Lilium Aurum, 2010. — 244—286. o.

707.Dobrovits, M. Vámbéryval 2000-ben / M. Dobrovits // Dobrovits, M. Vámbéryval a harmadik évezredben. — Dunaszerdahely : Lilium Aurum, 2010. — 207—233. o.

708.Dobrovits, M. „Nemzethalál” vagy kereskedelmi érdek? Az 'Ötükän erdő' az orchoni feliratokon / M. Dobrovits // Dobrovits, M. Vámbéryval a harmadik évezredben. — Dunaszerdahely : Lilium Aurum, 2010. — 144—154. o.

709.Dobrovits, M. “They called themselves Avar” — Considering the pseudo-Avar question in the work of Theophylaktos / M. Dobrovits // *Ērān ud Anērān : Studies Presented to Boris Il’ič Maršak on the Occasion of his 70th Birthday* / ed. by M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia. — Venezia : Libreria Editrice Cafoscarina, 2006. — P. 175—184.

710.Doerfer, G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit / G. Doerfer. — Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1963. — Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. — Bd. XVI). — XLVIII, 557 S.

711.Doerfer, G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit / G. Doerfer. — Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1965. — Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. — Bd. XIX). — V, 671 S.

712.Doerfer, G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit / G. Doerfer. — Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1967. — Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. — Bd. XX). — (2), 670 S.

713.Donuk, A. Çeşitli Topluluklarda ve Eski Türkler’de Âile / A. Donuk // *Tarih Dergisi*. — 1982. — Sayı 33. — S. 147—168.

714.Donuk, A. Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler / A. Donuk. — İstanbul : Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı, 1988. — X, 133 s.

715.Donuk, A. Gök-Türk Hakanlıkları / A. Donuk // *Tarihte Türk Devletleri*. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 111—116.

716.Donuk, A. Türklerde ve Moğollarda Meclis Geleneği / A. Donuk // *İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Dergisi*. — 2011. — Sayı 52 (2010/2). — S. 1—12.

717.Drompp, M.R. Breaking the Orkhon Tradition : Kirghiz Adherence to the Yenisei Region after A.D. 840 / M.R. Drompp // *Journal of the American Oriental Society*. — 1999. — Vol. 119. № 3. — P. 390—403.

718.Drompp, M.R. Centrifugal Forces in the Inner Asian “Heartland” : History *versus* Geography / M.R. Drompp // *Journal of Asian History*. — 1989. — Vol. 23. № 2. — P. 134—168.

719.Drompp, M.R. Imperial State Formation in Inner Asia : the Early Turkic Empires (6th to 9th centuries) / M.R. Drompp // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2005. — T. 58. № 1. — P. 101—111.

720.Drompp, M. [Review] Stark, Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien: Archäologische und historische Studien. Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2008. [Nomaden und Sesshafte, Band. 6]. xvi + 591 pp. ISBN 978-3-89500-532-9 / M. Drompp // Archivum Eurasiae Medii Aevi. — 2010. — T. 17. — P. 281—284.

721.Drompp, M.R. Supernumerary Sovereigns : Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Türks (Tujue) / M.R. Drompp // Rulers from the Steppe : State Formation on the Eurasian Periphery / ed by G. Seaman and D. Marks. — Los Angeles : University of Southern California Ethnographics Press, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions “Nomads : Masters of the Eurasian Steppe”. — Vol. 2). — P. 92—115, 350—352.

722.Dunlop, D.M. The History of the Jewish Khazars / D.M. Dunlop. — Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1954 (Princeton Oriental Studies. — Vol. 16). — xv, 293 pp.

723.Dunnell, R.W. [Review] *The Perilous Frontier : Nomadic Empires and China*. By Thomas J. Barfield. Cambridge, Mass., and Oxford, England : Basil Blackwell Inc., 1989. xiii, 325 pp. \$34.95 / R.W. Dunnell // The Journal of Asian Studies. — 1991. — Vol. 50. № 1. — P. 126—127.

724.Durmuş, İ. Eski Türk Devletlerinin Oluşumunun Temel Unsurları / İ. Durmuş // Gazi Türkiyat. — 2008. — Sayı 2. — S. 25—45.

725.Eberhard, W. A History of China / W. Eberhard ; transl. by E.W. Dickes. — 4th ed. — Los-Angeles ; Berkeley : University California Press, 1977. — xix, 388 p.

726.Eberhard, W. Conquerors and Rulers : Social Forces in Medieval China / W. Eberhard. — 2nd revised ed, reprint. — Leiden : E.J. Brill, 1965 (Rpr. : 1970). — xi, 129 pp.

727.Eberhard, W. Çin tarihi (Metin dışında 50 resim vardır) / W. Eberhard. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1947 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. — XIII. seri — No. 3). — XVI, 383 s.

728.Eberhard, W. Çin'in şimal komşuları : bir kaynak kitabı / W. Eberhard ; Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. — Ankara : İdeal Matbaası, 1942 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. — VII. seri — No. 9). — XVI, 281 s.

729.Eberhard, W. Eski Çin Felsefesinin Esasları / W. Eberhard // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 1944. — Cilt : 2. Sayı : 2. — S. 265—276.

730.Eberhard, W. Der Prozeß der Staatenbildung bei mittelasiatischen Nomadenvölkern / W. Eberhard // Forschungen und Fortschritte. — 1949. — 25 Jahrg. Heft 5/6. — S. 52—54.

731.Ecsedy, H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century / H. Ecsedy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1968. — T. XXXI. Fasc. 2. — P. 131—180.

732.Ecsedy, H. Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire / H. Ecsedy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1972. — T. XXV. — P. 245—262.

733.Ecsedy, I. A Note on “Slavery” in the Turk Rulers’ Burial Customs / I. Ecsedy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1988. — T. XLII. Fasc. 1. — P. 3—16.

734.Ecsedy, I. Nomads Societes and State Formations (A joint conference of the Committee for Oriental Studies of the Hungarian Academy of Scienties and the Csoms de Kőrös Society, Budapest, October 25—26 — Visegrád, October 27, 1978) / I. Ecsedy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1981. — T. XXXV. Fasc. 2—3. — P. 393—396.

735.Ecsedy, I. Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age / I. Ecsedy // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 1977. — T. XXXI. Fasc. 1. — P. 3—15.

736.Ercilasun, A.B. Başlangıcından Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi / A.B. Ercilasun. — Ankara : Akçağ Yayınları, 2004. — 488 s.

737.Erdal, M. A Grammar of Old Turkic / M. Erdal. — Leiden ; Boston : Brill, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. — Vol. 3). — xii, 575 p.

738.Erdélyi, I. Éléments Bibliographiques de l’Archéologie de l’Asie Centrale Vestiges Prototurcs / I. Erdélyi // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period* / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (*Philologiae et historiae Turcicae fundamenta*. — T. 1 ; *Philologiae Turcicae fundamenta*. — T. 3). — P. 42—47.

739.Eren, H. Türkoloji / H. Eren // *Türk Ansiklopedisi*. — Ankara : Millî Eğitim Basımevi, 1983. — Cilt XXXII. — S. 434—461.

740.Eroğlu, H. Mustafa Kemal Atatürk’ün Tarih Anlayışı İle İlgili Bazı Görüşler / H. Eroğlu // *Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi*. — 2002. — Sayı : 29—30. — S. 75—85.

741.Findley, C.V. The Turks in World History / C.V. Findley. — Oxford : University Press, 2005. — xvi, 300 p.

742.Franke, O. Geschichte des chinesischen Reiches : eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit / O. Franke. — Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter & Co, 1936. — II. Band : Der Konfuzianische Staat I. der Aufstieg zur Weltmacht. — VI, 610 s.; Berlin ; Leipzig : Walter de Gruyter & Co, 1937. — III. Band : Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis. — IX, 576 s.

743.Gabain, A. (von) Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben / A. von Gabain. —

2. verbesserte Auflage. — Leipzig : Otto Harrassowitz, 1950 (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann. — XXIII). — XVIII, 357, [18] S.

744. Gabain, A. (von) Das uigurische Königreich von Chotscho 850—1250 / A. von Gabain. — Berlin : Akademie-Verlag, 1961 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst Jahrgang 1961. — Nr. 5). — 81 S.

745. Gabain, A. (von) Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften / A. von Gabain // Anthropos. — 1953. — Bd. 48. H. 3/4. — S. 537—556.

746. Gabain, A. (von) Irano-Turkish Relations in the Late Sasanian Period / A. von Gabain // The Cambridge History of Iran / ed. by E. Yarshater. — Cambridge : Cambridge University Press, 1983. — Vol. 3. The Seleucid, Parthian and Sasanid Periods. Pt. 1. — P. 613—624.

747. Gabain, A. (von) Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış I : Stepte Yaşayan Köktürkler (682—742) / A. von Gabain // Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 1944. — Cilt II. Sayı 5. — S. 685—695.

748. Gabain, A. (von) Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış III : Şehir Gözüyle Step / A. von Gabain // Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 1950. — Cilt VIII. Sayı 3. — S. 373—379.

749. Gabain, A. (von) Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken / A. von Gabain // Der Islam. — 1949. — Bd. XXIX. Heft 1. — S. 30—62.

750. Gabain, A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Şähri. Studie zur Akkulturation der Alt-Türken / A. von Gabain // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1982. — T. XXXVI. Fasc. 1—3. — P. 183—196.

751. Gaubil, A. Abrégé de l'histoire chinoise de la grande dynastie des Tang / A. Gaubil // Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, etc. des chinois : Par les Missionnaires de Pékin. — Paris, 1791. — T. XV. — P. 399—516.

752. Geiss, I. [Rez.] Über Elçin Kürsat-Ahlers, Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern [Elçin Kürsat-Ahlers : *Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern*. Über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Göktürken mit einem Exkurs über die Skythen. Sozial-wissenschaftliche Schriften Heft 28. Duncker & Humblot. Berlin 1994. 450 Seiten. DM 158,-] / I. Geiss // Historische Mitteilungen. — 1996. — Bd. 9. — S. 118—123.

753. Geissen, H.-P. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern [Электронный ресурс] // Istanbulpost. — Jahr. 4. № 10, vom 7.03.2005. — Режим доступа : <http://www.istanbulpost.net/05/03/01/geissen.htm>. (дата обращения: 06.10.2013)

754. Gellner, E. Foreword / E. Gellner // Khazanov, A.M. Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. — 2-nd ed. — Madison : University of Wisconsin Press, 1994. — P. ix—xxv.

755.Genç, R. Türk Tarihi / R. Genç // Türk Ansiklopedisi. — Ankara : Millî Eğitim Basımevi, 1983. — Cilt XXXII. — S. 269—295.

756.Geng, Shimin. Die alttürkischen Steppenreiche (552—745) / Geng Shimin // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — P. 102—124.

757.Geng, Shimin. Recent Chinese Research in Turkic Studies / Geng Shimin // Central Asian Survey. — 1982. — Vol. 1. № 1. — P. 105—109.

758.Georgeon, F. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. Yusuf Akçura (1876—1935) / F. Georgeon ; çev. A. Er. — Ankara, 1986 (Yurt yayınları : 13 ; Türkiye Araştırmaları Dizisi : 12). — 168 s.

759.Giraud, R. L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale / R. Giraud. Illustré de 4 cartes en hors texte. — Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1960. — 219 p.

760.Giraud, R. L'Inscription de Baïn Tsokto : Édition Critique / R. Giraud. — Paris : Adrien Maisonneuve, 1961. — 166 p.

761.Glaubitz, J. Japanische Arbeiten über Zentralasien / J. Glaubitz // Der Islam : Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients. — 1960. — Bd. 35. — S. 126—141.

762.Golden, P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East / P.B. Golden. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1992 (Turkologica. — Bd. 9). — xvii, 483 p.

763.Golden, P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia / P.B. Golden // Archivum Eurasiae Medii Aevi. — 1982. — T. II. — P. 37—76.

764.Golden, P.B. Khazar Studies : An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars / P.B. Golden. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1980. — Vol. 1. — 252 p.

765.Golden, P.B. Nomads and Sedentary Societies in Medieval Eurasia / P.B. Golden // Agricultural and Pastoral Societies in Ancient and Classical History / ed. by M. Adas. — Philadelphia : Temple University Press, 2001. — P. 71—115.

766.Golden, P.B. Nomads and Sedentary Societies in Medieval Eurasia / P.B. Golden ; with a foreword by M. Adas. — Washington, DC : American Historical Association, 1998. — vi, 45 p.

767.Golden, P.B. *Oq* and *Oğur* ~ *Oğuz* / P.B. Golden // Turkic Languages. — 2012. — Vol. 16. № 2. — P. 155—199.

768.Golden, P.B. [Review] *The Headless State : Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. By David Sneath. New York : Columbia University Press,

2007. xi, 273 pp. \$50.00 / P.B. Golden // *The Journal of Asian Studies*. — 2009. — Vol. 68. Iss. 1. — P. 293—296.

769. Golden, P.B. *The Terminology of Slavery and Servitude in Medieval Turkic* / P.B. Golden // *Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel* / ed. D. DeWeese. — Bloomington, Ind. : Research Institute for Inner Asian Studies, 2001 (Uralic and Altaic series. — Vol. 167). — P. 27—56.

770. Göckenjan, H. *Zur Stammesstruktur und Heeresorganisation altaischer Völker. Das Dezimalsystem* / H. Göckenjan // *Europa slavica — Europa orientalis. Festschrift für Herbert Ludat zum 70. Geburtstag* / hg. v. K.-D. Grothusen u. K. Zernack. — Berlin : Duncker & Humblot, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europäischen Ostens. — Band 100). — S. 51—86.

771. Göde, K. *Hocamız Prof. Dr. Bahaeddin Ögel (1924—1989)* / K. Göde // *Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. — 1990. — Sayı 4. — S. 453—466.

772. Gökalp, Z. *Bir Kavmin Tedkikinde Takib Olunacak Usul* / Z. Gökalp // *Gökalp, Z. Makaleler III (Millî Tettebbular Mecmuası'ndaki makaleler)* / hazırlayan : M. Orhan Durusoy. — Ankara : Gündüz Matbaası, 1977 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 283 ; Ziya Gökalp Serisi. — Seri : II, No : 13). — S. 3—16.

773. Gökalp, Z. *Eski Türkler'de İçtimaî Teşkilât İle Mantıkî Tasnifler Arasında Tenâzur* / Z. Gökalp // *Gökalp, Z. Makaleler III (Millî Tettebbular Mecmuası'ndaki makaleler)* / hazırlayan : M. Orhan Durusoy. — Ankara : Gündüz Matbaası, 1977 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 283 ; Ziya Gökalp Serisi. — Seri : II, No : 13). — S. 17—90.

774. Gökalp, Z. *Türk Medeniyeti Tarihi* / Z. Gökalp; hazırlayanlar : İ. Aka, K.Y. Koprıman. — İstanbul : Güneş Matbaacılık, 1976 (Kültür Bakanlığı I ; Ziya Gökalp Yayınları : 8. Seri : I, No : 8). — Birinci kısım : İslâmiyetten Evvel Türk Medeniyeti. — 416 s.

775. Gökalp, Z. *Türk Töresi* / Z. Gökalp; hazırlayan : H. Dizdaroğlu. — Birinci basılış. — İstanbul : Devlet Kitapları, 1976 (Kültür Bakanlığı ; Ziya Gökalp Yayınları : 6 ; I. Seri : 6). — 140 s.

776. Gökalp, Z. *Türklerde Milli İktisat Devreleri* / Z. Gökalp // *Gökalp, Z. Makaleler VIII* / hazırlayan : F. Rağıp Tuncor. — Ankara : Gündüz Matbaası, 1981 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 388 ; Ziya Gökalp Dizisi : 18). — S. 88—96.

777. Gömeç, S. *Bazı Çingiz Yasalarının Tarihi ve Sosyal Dayanakları* / S. Gömeç // *Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları*. — 2006. — Vol. 2. — S. 9—19.

778. Gömeç, S. *İslam Öncesi Türk Tarihinin Kaynakları Üzerine* / S. Gömeç // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü*, 2000. — Cilt 20. Sayı 31. — S. 51—93.

779. Gömeç, S. *Kök Türk Tarihi* / S. Gömeç. — Ankara, 1997 (Türksoy Yayınları No. : 8). — X, 188 s.

780.Gömeç, S. Moğolistan'daki Türk Anıtları Projesi Çalışmaları : 1993—2003 / S. Gömeç // Modern Türk Araştırmaları Dergisi. — 2005. — Cilt 2. Sayı 1. — S. 7—16.

781.Grenet, F. Bibliographie Sélective sur la Présence Turque en Asie Centrale (Sogdiane, Bactriane-Tokharestân, Hindukush) et dans l'Inde du Nord-Ouest à l'Époque Préislamique (VIe—VIIIe s.) / F. Grenet // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — P. 47—51.

782.Grousset, R. L'empire des steppes. Attila, Gengis-khan, Tamerlan / R. Grousset. — Quatrième édition. — Paris : Éditions Payot, 1965 (première édition: 1938). — 620 p.

783.Gül, B. Moğolistan Halk Cumhuriyetinde Türklük Bilimi / B. Gül // Çağdaş Türklük Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, Ankara, 5—7 Mayıs 2003. — Ankara, 2007. — Cilt : 2. — S. 272—283.

784.Gül, B. Moğolistan'da Türkolojinin Gelişimi ve Moğolistan'da Yapılması Gerekli Türkoloji Çalışmaları Üzerine / B. Gül // I. Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri, 25—26 Mayıs 2006 Mehmet Akif Ersoy Salonu Beytepe/ Ankara, Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. — Ankara, 2006. — S. 203—217.

785.Güngörmüş, N. Hungarológia Törökországban / N. Güngörmüş // Hungarologische Beiträge. — 1995. — 4. sz. Hungarológia Magyarországon kívül. — 23—34. o.

786.Güngör Ergan, N. Bozkır Türklerinde Töre ve Sosyal Kontrol / N. Güngör // Polis Bilimleri Dergisi. — 1999. — Cilt 1. Sayı 3. — S. 1—8.

787.Györffy, G. Die Rolle des *buyruq* in der alttürkischen Gesellschaft / G. Györffy // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1960. — T. XI. — P. 169—179.

788.Haeshi, T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States : From the Xiongnu Empire to the Uigur Qaghanate / T. Haeshi // Материалы Международной конференции «Урбанизация и номадизм в центральной Азии: история и проблемы». — Алматы : Дайк-Пресс, 2004. — С. 117—134.

789.Hamayon, R. [Exam.] Lawrence Krader, *Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads*, Indiana University Publ. Uralic and Altaic series, n° 20, La Haye, Mouton & Co., 1963, 412 p., 24 x 16,5 cm / R. Hamayon // L'Homme. — 1966. — T. 6. № 4. — P. 110—112.

790.Hambly, G. et al. Central Asia / G. Hambly, A. Bennigsen, D. Bivar, H. Carrère d'Encausse, M. Hajianpur, A. Lamb, C. Lemerrier-Quellejay, R. Pierce. — New York : Dell Publishing Co., Inc. ; London : George Weidenfeld and Nicolson Ltd., 1969. — xii, 388 p.

791.Hayashi, T. The Development of a Nomadic Empire : The Case of Ancient Turks (Tuque) / T. Hayashi // Bulletin of the Ancient Orient Museum. — 1990. — Vol. XI. — P. 135—184.

792.Hazai, G. Bibliographie der Bibliographien / G. Hazai, B. Kellner-Heinkele // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — P. 352—355.

793.Hazai, G., Kellner-Heinkele, B. Bibliographisches Handbuch der Turkologie. Eine bibliographie der Bibliographien vom 18. Jahrhundert bis 1979 / G. Hazai, B. Kellner-Heinkele. — Wiesbaden : Otto Harrossowitz ; Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986. — Bd. 1 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. — XXX). — 583 S.

794.[d'Herbelot, B.] Bibliothèque orientale, ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient ; leurs histoires & traditions, tant fabuleuses que véritables ; leurs religions & leurs sects ; leurs gouvernements, loix, politique, moeurs, coutumes ; & les révolutions de leurs empires ; Les arts et les sciences ... Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poètes, historiens, capitaines, & de tous ceux qui se sont rendus illustres par leur vertu, leur sçavoir ou leurs actions. Des jugemens critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc sur toutes sortes de matières & de professions / B. d'Herbelot. — La Haye : J. Neaulme & N. van Daalen, 1778. — T. III. N—Z. — 623 p.

795.Hess, M. [Review] Wolfgang-Ekkehard Scharlipp : *Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur.* — Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992, xiv, 147 S. / M. Hess // Oriens. — 1994. — Vol. 34. — P. 546—548.

796.Hirth, F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen / F. Hirth // Radloff, W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. — Zweite Folge. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. — S. 1—140.

797.Honeychurch, W., Amartuvshin, Ch. Hinterlands, Urban Centers, and Mobile Settings : The 'New' Old World Archaeology from the Eurasian Steppe / W. Honeychurch, Ch. Amartuvshin // Journal of Archeology for Asia & the Pacific. — 2007. — Vol. 46. № 1. — P. 36—64.

798.Honeychurch, W., Amartuvshin, Ch. [Chapter 12] States on Horseback : the Rise of Inner Asian Confederations and Empires / W. Honeychurch, Ch. Amartuvshin // Archaeology of Asia / ed. by M.T. Stark. — Malden, Mass. ; Oxford : Blackwell, 2006. — P. 255—278.

799.Hou, Xudong. Recent Research in China on Wei-Jin Nanbeichao History / Hou Xudong // Asia Major (The Third Series). — 2010. — Vol. XXIII. Pt. 1. — P. 1—17.

800.Howorth, H.H. History of the Mongols : from the 9th to the 19th Century / H.H. Howorth. — New York : Burt Frankin, 1965 (reprint of London : Longman, Green and Co, 1876). — Part I. The Mongols Proper and the Kalmuks. — 750 p.

801.Howorth, H.H. The Westerly Drifting of Nomades, from the Fifth to the Nineteenth Century [Part III—IX] / H.H Howorth // The Journal of the Ethnological Society of London (1869—1870). — 1870. — Vol. 2. № 1 — P. 83—227.

802.Hung, Chin-Fu. China and the Nomads : Misconceptions in Western Historiography on Inner Asia. [Review] Imperial Nomads : A History of Central Asia, 500—1500 by Luc Kwanten. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1979. Pp. xv + 352. \$25 / Chin-Fu Hung // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1981. — Vol. 41. № 2. — P. 597—628.

803.Hungarian Turcology 1945—1974 : Bibliography / ed. by Zs. Kakuk. — Budapest : Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára, 1981 (Keleti tanulmányok ; Oriental Studies. — No. 5). — 187 p.

804.İlgen, A. Bozkır Göçebelerinde Sosyo-Ekonomik Yapı / A. İlgen // Sosyal Siyaset Konferansları Dergisi. — 2004. — Sayı 49. — S. 817—840.

805.İnan, A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler / A. İnan // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. — 1948. — Cilt : VI. Sayı : 3. — S. 127—137.

806.İnan, A. Türk Etnolojisini İlgilendiren Birkaç Terim-Kelime Üzerine / A. İnan // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1956. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basimevi, 1956. — S. 179—195.

807.İnan, A. “Orun” ve “Ülüş” Meselesi / A. İnan // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. — 1931. — Cilt 1. — S. 121—133.

808.Jagchid, S. Peace, War, and Trade along the Great Wall. Nomadic-Chinese Interaction through Two Millenia [Translation of : Pei-ya yu-mu min-tsu yü Chung-yüan nung-yeh min-tsu chienti ho-p'ing, chan-cheng, yü mao-i chih kuan-hsi] / S. Jagchid, V.J. Symoms. — Bloomington; Indianapolis : Indiana University Press, 1989. — ix, 266 p.

809.Johansen, U. *El* und *bodun* / U. Johansen // Memoriae Munusculum. Gedenkband für Anemarie v. Gabain / hg. K. Röhrborn ve W. Veenker. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1994 (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 39). — S. 73—84.

810.Julien, S. Documents historiques surles Tou-kiue (Turcs). Extraits du Pien-i-tien et traduits du chinois / S. Julien // Journal Asiatique. — 1864. — Ser. 6. Vol. III. — P. 325—367, 491—549; Vol. IV. — P. 201—242, 391—430, 453—477.

811.Kafesoğlu, İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan : *Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti*. Neşreden : Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 / İ. Kafesoğlu // Tarih Dergisi. — 1965. — Cilt 15. Sayı 20. — S. 171—188.

812.Kafesoğlu, İ. TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet) / İ. Kafesoğlu // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2012. — Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. — S. 487—490.

813.Kafesoğlu, İ. Türk Milli Kültürü / İ. Kafesoğlu. — 4. baskı. — İstanbul : Ötüken Neşriyat, 1997 (Ötüken Neşriyat ; Yayın Nu : 376. Kültür serisi ; 128). — 466 s.

814.Kafesoğlu, İ. Türkler / İ. Kafesoğlu // İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1988. — Cilt XII/2. Tuğ — Türşiz. — S. 142—280.

815.Kasai, Y. [Review] Stark, Sören. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien, Wiesbaden : Dr. Ludwig Reichert 2008. 591 Seiten, 8° = Nomaden und Sesshafte 6, € 99,00, ISBN 978-3-89500-532-9 / Y. Kasai // Orientalistische Literaturzeitung. — 2014. — Vol. 109. Iss. 4—5. — S. 421—424.

816.Kaşıkcı, O. Eski Türklerde Devlet Başkanlığı-Hakanlık / O. Kaşıkcı // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 888—893.

817.Katona-Kiss, A. Észrevételek a „tokuz-oguz problémá”-hoz / A. Katona-Kiss // A Wosinsky Mór Megyei Múzeum Évkönyve. — 2007. — XXIX. kötet. — 237—241. o.

818.Kern, M. The Emigration of German Sinologists, 1933—1945 / M. Kern // Journal of the American Oriental Society. — 1998. — Vol. 118. № 4. — P. 507—530.

819.Khazanov, A.M. Nomads and the Outside World / A.M. Khazanov ; transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. — 2-nd ed. — Madison : University of Wisconsin Press, 1994. — xlix, 382 p.

820.Klaproth, J. Memoire sur l'identité des Thou khiu et des Hioung nou avec les Turcs / J. Klaproth // Journal Asiatique. — 1827. — T. VII. — P. 257—268.

821.Klaproth, J. Tableaux historiques de l'Asie, depuis la monarchie de Cyrus jusqu'a nos jours, accompagnes de recherches historiques et ethnographiques sur cette partie du monde / J. Klaproth. — Paris, 1823; Paris : Schubart, 1826. — XXX, 291 p.

822.Kljaštornyj, S.G. Al-Bīrūnī's Version of an Old Türkic genealogical legend. On the semantics of Türkic *baraq* / S.G. Kljaštornyj // Türkic Languages. — 1998. — Vol. 2. № 2. — P. 247—252.

823.Kljaštornyj, S.G. Les Points Litigieux dans l'Histoire des Turcs Anciens / S.G. Kljaštornyj // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — P. 146—176.

824.Klyashtorny, S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan / S.G. Klyashtorny // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1985. — T. XXXIX. Fasc. 1. — P. 137—156.

825.Klyashtorniy, S.G. Customary Law in the Ancient Turkic States of Central Asia : the Legal Documents and Practical Regulations / S.G. Klyashtorniy // Central Asian Law : An Historical Overview. A Festschrift for the Ninetieth Birthday of Herbert Franke / ed. by W. Johnson, I.F. Popova. — Topeka : Jostens, 2006. — P. 13—39.

826.Klyashtorniy, S.G. SSCB İlimler Akademisinde Türk Halkları Tarihi Araştırmalarına Dair / S.G. Klyashtorniy, V.A. Romodin // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. — 2004. — № 13(2). [Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2004. — Cilt 11. Sayı 2]. — C. 135—146.

827.Koca, S. Eski Türklerde Devlet Geleneği ve Teşkilâtı / S. Koca // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 823—844.

828.Koca, S. Eski Türklerde Sosyal ve Ekonomik Hayat / S. Koca // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 3. İlk Çağ. — S. 15—37.

829.Koca, S. TURAN, Osman / S. Koca // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2012. — Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. — S. 410—412.

830.Kononov, A.N. SSCB'deki Türk Filolojisi (1917—1967) / A.N. Kononov // Манас Университети «Коомдук илимдер» журналы. — 2004. — № 13(2). [Manas Universitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2004. — Cilt 11. Sayı 2]. — C. 153—181.

831.Kortepeter, C.M. The Origins and Nature of Turkish Power / C.M. Kortepeter // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi. — 1968. — Sayı 10—11. — S. 241—285.

832.Kotwicz, W. Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale / W. Kotwicz // Rocznik Orientalistyczny. — 1949. — T. XV (1939—1949). — P. 159—195.

833.Köprülü, M.F. Türkiye tarihi : Anadolu istilâsına kadar Türkler / M.F. Köprülü; hazırlayan M. Hanefi Palabıyık. — Ankara : Akçağ Yayınları, 2005. — 263 s.

834.Köprülü, M.F. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur / M.F. Köprülü // Kőrösi Csoma Archivum. — Leiden : E.J. Brill, 1967. — Vol. I. 1935—1939. — S. 327—344.

835.Köymen, M.A. Gök Türk Kağanlığı Adlı Bir Yazı Münasebetiyle Bazı Mülâhazalar / M.A. Köymen // İlahyat Fakültesi Dergisi. — 1954. — Cilt 3. Sayı 3. — S. 103—118.

836.Köymen, M.A. Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi / M.A. Köymen. — 3. Baskı. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2000 (Türk Tarih Kurumu Yayınları : VII. Dizi — Sayı 23²). — Cilt : I. Kuruluş Devri. — 30*, 392 s.

837.Krader, L. Formation of the State / L. Krader. — Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1968. — x, 118 p.

838.Krader, L. Peoples of Central Asia / L. Krader. — 2-nd ed. — Bloomington : Indiana University Publications ; The Hague : Mouton & Co, 1966 (Uralic and Altaic Series. — Vol. 26). — xvi, 322 p.

839.Krader, L. Principles and Structures in the Organization of the Asiatic Steppe- Pastoralists / L. Krader // *Southwestern Journal of Anthropology*. — 1955. — Vol. 11. № 2. — P. 65—92.

840.Krader, L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads / L. Krader. — The Hague : Mouton & Co., 1963 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. — Vol. 20). — x, 412 p.

841.Krader, L. The Origin of the State among the Nomads of Asia / L. Krader // *The Early State* / ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalník. — The Hague : Mouton, 1978. — P. 93—107.

842.Kurat, A.N. Göktürk Kağanlığı. Birinci Bölüm : siyasî tarihin ana hatları (M.s. 552—745) / A.N. Kurat // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Degrisi. — 1952. — Cilt X. Sayı 1—2. — S. 1—56 (Переиздано в кн.: *Türkler* / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 49—78).

843.Kuribayashi, Y. Turkological Studies in Japan : Past and Present / Y. Kuribayashi // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. — Ankara, 2011. — 2. Cilt. — S. 523—529.

844.Kürsat-Ahlers, E. The role and contents of ideology in the early nomadic empires of the Eurasien Steppes / E. Kürsat-Ahlers // *Ideology and the Formation of Early States* / ed. by H.J.M. Claessen, J.G. Oosten. — Leiden ; New York ; Köln : E.J. Brill, 1996 (Studies in Human Society. — Vol. 11). — P. 136—152.

845.Kürsat-Ahlers, E. Zur frühen Staatenbildung von Steppenvölkern : Über die Sozio- und Psychogenese der eurasischen Nomadenreiche am Beispiel der Hsiung-Nu und Göktürken mit einem Exkurs über die Skythen / E. Kürsat-Ahlers. — Berlin : Duncker en Humblot, 1994 (Sozialwissenschaftliche Schriften. — Heft 28). — 450 S.

846.Kwanten, L. Imperial Nomads : A History of Central Asia, 500—1500 / L. Kwanten. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1979. — xv, 352 p.

847.László, F. A kagán és családja / F. László // *Körösi Csoma Archivum*. — Leiden : E.J. Brill, 1967. — Vol. III. 1941—1943. — S. 1—39.

848.László, F. Die Tokuz-Oguz und die Köktürken / F. László // *Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Körös dicata* / ed. L. Ligeti. — Budapestini : Simptibus Academiae Litterarum Hungaricae et Societatis A Csoma de Körös Nominatae, 1942. — Vol. I. — S. 103—109.

849.László, F. Dokuz-Oğuzlar ve Gök Türkler / F. László // *Bellesten*. — 1950. — Cilt : XIV. Sayı : 53. — S. 37—43.

850.Lattimore, O. *Inner Asian Frontiers of China* / O. Lattimore. — London ; New York : Oxford University Press, 1940 (American Geographical Society. Research Series. — № 21). — xxiv, 588 p.

851.Lattimore, O. *Feudalism in History* ([Review] *Feudalism in History*. Edited by Rushton Coulbom. Foreword by A.L. Kroeber. Contributions by Joseph R. Strayer (Western Europe) ; Edwin O. Reischauer (Japan) ; Derk Bodde (China) ; Burr C. Brundage (Ancient Mesopotamia and Iran) ; William F. Edgerton (Ancient Egypt) ; Daniel Thorner (India) ; Ernst H. Kantorowicz (Byzantine Empire) ; Marc Szeftel (Russia) ; and “A comparative study of feudalism” by Rushton Coulborn, Princeton, Princeton University Press, 1956, p. 439) / O. Lattimore // *Past and Present*. — 1957. — № 12. — P. 47—57.

852.Lattimore, O. *On Some Questions of Periodisation in Nomadic History* / O. Lattimore // *Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.]* / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 171—173.

853.Lattimore, O. *Some Recent Inner Asian Studies* / O. Lattimore // *Pacific Affairs*. — 1947. — Vol. 20. № 3. — P. 318—327.

854.Lattimore, O. *Studies in Frontier History : Collected Papers, 1928—1958* / O. Lattimore. — London : Oxford University Press ; New York ; Toronto, 1962. — 565 p.

855.Lattimore, O. *The Social History of Mongol Nomadism* / O. Lattimore // *Historians of China and Japan* / ed. W.G. Beasley and E.G. Pulleyblank. — London : Oxford University Press, 1961. — P. 328—343.

856.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2001/2002. — Bd. 17. — S. 234—239.

857.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (II)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2003/2004. — Bd. 18. — S. 202—207.

858.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (III)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2005. — Bd. 19. — S. 229—232.

859.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (IV)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2006. — Bd. 20. — S. 228—232.

860.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (V)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2007. — Bd. 21. — S. 224—229.

861.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VI)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2008. — Bd. 22. — S. 268—273.

862.Laut, J.P. *Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VII)* / J.P. Laut // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. — 2009. — Bd. 23. — S. 175—178.

- 863.Laut, J.P. Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VIII) / J.P. Laut // Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge). — 2010/2011. — Bd. 24. — S. 259—263.
- 864.Laut, J.P. Bibliographie zu den Uiguren-Kapiteln / J.P. Laut // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — S. 235—255.
- 865.Laut, J.P. Was ist Turkologie? Überlegungen zu einem sogenannten Orchideenfach / J.P. Laut. — Istanbul : Orient-Institut, 2013 (Pera-Blätter. — Bd. 24). — 38 S.
- 866.Laut, J.P. Zur Sicht des Islam in der Türkischen Republik bis zum Tode Atatürks / J.P. Laut // Kolloquien des Max Weber-Kollegs. — Erfurt : Max-Weber-Kolleg für Kultur- und Sozialwissenschaftliche Studien, 2000. — VI—XVI (1999/2000) / hrsg. W. Schluchter. — S. 59—75.
- 867.Ligeti, L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban / L. Ligeti. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1986. — 602. o.
- 868.Ligeti, L. Bilinmeyen İç Asya / L. Ligeti ; macarcadan çeviren Sadrettin Karatay. — 2. baskı. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 1998 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu Yayınları ; 527). — 361 s.
- 869.Lin, Gan. Göktürklerde Gelenekler ve Dini İnançlar / Lin Gan // Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi. — 2000. — Sayı IV. — S. 361—374.
- 870.Liu, Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe) / Liu Mau-tsai. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1958 (Göttinger asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. — Band 10). — I. Buch. Texte. — 484 S.; II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. — S. 485—831.
- 871.Loewenthal, R. The Turkic Languages and Literatures of Central Asia. A Bibliography / R. Loewenthal. — 'S-Gravenhage : Mouton & Co, 1957 (Central Asiatic Studies ; 1). — XII, 212 s.
- 872.Lőrincz, L. Histoire de la Mongolie : des origins à nos jours / L. Lőrincz. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1984. — 292 p., 20 ill.
- 873.[Mailla, J.A.M.] Histoire générale de la Chine : ou, Annales de cet empire ; traduites du Tong-kien-kang-mou par de Mailla / J.A.M. Mailla. — Paris, 1778. — T. VI. — 587 p.
- 874.Marquart, J. Die Chronologie Der Alttürkischen Inschriften / J. Marquart ; mit einem Vorwort und Anhang von Prof. W. Bang in Löwen. — Leipzig : Dieterichsche Verlags-Buchhandlung, 1898. — VII, 112 S.
- 875.Marquart, J. Über das Volkstum der Komanen / J. Marquart // Bang, W., Marquart, J. Ostturkische Dialektstudien. — Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Königlichlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. — Bd. XIII. № 1). — S. 25—238.

876.McNeill, W.H. A World History / W.H. McNeill. — 2-nd edition. — New York ; London ; Toronto : Oxford University Press, 1971. — xviii, 550 p.

877.Menges, K.H. The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies / K.H. Menges. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1968 (Ural-Altäische Bibliothek. — XV). — xiv, 250 p.

878.Meram, A.K. Göktürk İmparatorluğu / Ali Kemal Meram. — [İstanbul] : Milliyet Yayınları, 1974 (Milliyet Yayınları, Tarih Dizisi ; 35). — 285 s.

879.Meredith-Owens, G.M. [Review] René Giraud, *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734)*. Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte. — Paris, Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve 1960. Pp. 219 / G.M. Meredith-Owens // Oriens. — 1964. — Vol. 17. — P. 307—308.

880.Mergen, K. Ölümünün 50. Yılında Prof. Dr. Hüseyin Namık Orkun / K. Mergen // Ölümünün 50. Yılında Prof. Dr. Hüseyin Namık ORKUN / hazırlayan : Y. Hacaloğlu. — Ankara, 2006 (Türk Ocakları Şubesi Yayınları : 22). — S. 4—8.

881.Minorsky, V. Tāt / V. Minorsky // E.J. Brill's First Encyclopaedia of Islam, 1913—1936 / ed. by M.Th. Houtsma, T.W. Arnold, R. Basset, R. Hartmann. — Leiden : Brill, 1987. — Vol. III. Ta'if — Zūrkhāna. — P. 697—700.

882.Mode, M. Frühe Reiternomaden der eurasischen Steppen. Bibliographische Notizen mit Ausblick auf die früh- und hochmittelalterliche Zeit und Angaben zur Geschichte der Forschung [1998] [Электронный ресурс] // Central Asia Pages : The Pre-Islamic Heritage — Arbeitsbereich Archäologie und Kunst Mittelasiens. — Режим доступа: <http://www.orientarch.uni-halle.de/ca/nomads/nomads.htm>. (дата обращения: 30.11.2014)

883.Moravcsik, Gy. Byzantinoturcica / Gy. Moravcsik. — 3. unveränderte Auflage. — Leiden : E.J. Brill, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. — X). — Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. — XXIX, 609 S.; Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen. — XXV, 376 S.

884.Moravcsik, Gy. Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisch-ungarischen Beziehungen 1914—1925 / Gy. Moravcsik // Kőrösi Csoma Archivum. — Leiden : E.J. Brill, 1967. — Vol. II. 1926—1932. — S. 199—236.

885.Mori, M. Kuzey Asya'daki Eski Bozkır Devletlerinin Teşkilâtı / M. Mori // Journal of Turkic Civilization Studies. — 2004. — № 1. — S. 73—86.

886.Mori, M. On Chi-li-fa (Eltäbär/Eltäbir) and Chi-chin (Irkin) of the T'ieh-lê Tribes / Mori Masao // Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai]. — 1965. — № 9. — P. 31—56.

887.Mori, M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign / Mori Masao // Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai]. — 1981. — № 41. — P. 47—75.

888.Moses, L.W. T'ang Tribute Relations with the Inner Asian Barbarian / L.W. Moses // Essays on T'ang Society : the Interplay of Social, Political and Economic Forces / ed. J.C. Perry and B.L. Smith. — Leiden : E.J. Brill, 1976. — P. 61—89.

889.Nagata, Y. JAPONYA (III. Japonya-Osmanlı İlişkileri ; IV. Ülkede İslâm ve Şarkiyat Çalışmaları) / Yuzo Nagata // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2001. — Cilt 23. İslâm — Kaade. — S. 574—576.

890.Nagrodzka-Majchrzyk, T. Geneza miast u dawnych ludów tureckich, VII—XII w. / T. Nagrodzka-Majchrzyk. — Wrocław ; Warsaw ; Cracow ; Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1978. — 168 s.

891.Németh, Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / Gy. Németh ; közzéteszi B. Árpád. — Második, bővített és átdolgozott kiadás. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991. — 397. o.

892.Németh, J. Noms ethniques turcs d'origine totémistique / J. Németh // Studia Turcica / ed. L. Ligeti. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1971 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. — XVII). — P. 349—359.

893.Neumann, C.F. Asiatische Studien. Mit einer lithographirten Beilage / C.F. Neumann. — Leipzig : Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1837. — Erster Theil. — V, 254, (1) S.

894.Neumann, C.F. Die Völker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Eine von dem Königlichen Institut von Frankreich Gekrönte Preisschrift / C.F. Neumann. — Zweite Auflage. — Leipzig : Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1855. — VIII, 174 S.

895.Okur Gümrükçüoğlu, S. Hukuk Tarihi Açısından Hüseyin Namık Orkun ve *Fasikülleri* / S. Okur Gümrükçüoğlu // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. — 2005. — Cilt 3. Sayı 5. Türk Hukuk Tarihi. — S. 805—822.

896.Orhun, M. Atsız Beğ ve Türk Tarih Sistematiği [Электронный ресурс] // Orkun Dergisi. — 1999. — Sayı : 14. — Режим доступа : <http://www.nihal-atsiz.com/yazi/atsiz-beg-ve-turk-tarih-sistematiği-mehmet-orhun.html>. (дата обращения: 11.10.2013)

897.Orkun, H.N. Eski Türk yazıtları / H.N. Orkun. — 3. baskı. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1994 (Türk Dil Kurumu Yayınları 529). — 963 s.

898.Orkun, H.N. Türk Tarihi / H.N. Orkun. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1946. — Cilt I. — 198 s.

899.Osawa, T. Aspects of the Old Turkic Social System Based on Fictitious Kinship (the analysis of the term <kul (slave)> in the Orkhon-Yenisei epitaphs) / T. Osawa // Kinship in the Altaic World (Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10—15 July, 2005) / ed. by E.V. Boikova, R.B. Rybakov. — Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 2006 (Asiatische

Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ostund Zentralasiens, 150). — P. 219—230.

900. Osawa, T. Moğolistan'daki Eski Türk Anıt ve Yazıtlarının 1996—1998 Yılları Arasındaki Yeni İnceleme Sonuçları (Japon-Moğol Ortak Çalışmasının Ön Raporu Olarak) / T. Ōsawa // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 2000. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 2001. — S. 277—286.

901. Ögel, B. [Доклад] / B. Ögel // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. — Улан-Батор : Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэх Уйлдвэр (ШУАХ), 1974. — С. 243—246.

902. Ögel, B. Batı Göktürk devleti / B. Ögel // Tarihte Türk Devletleri. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 117—120.

903. Ögel, B. Devlet Meclisi ve Kurultay / B. Ögel // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 874—887.

904. Ögel, B. Doğu Göktürkleri hakkında vesilalar ve notlar / B. Ögel // Belleten. — 1957. — Cilt : XXI. Sayı : 8. — S. 81—137.

905. Ögel, B. Göktürkler'de devlet ve millet anlayışı, Göktürkler'den Osmanlılar'a / B. Ögel // Tarihte Türk Devletleri. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 129—137.

906. Ögel, B. İslâm önceki Türk Devletlerinde Timar sistemi / B. Ögel // IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10—14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler. — İstanbul : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1952 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri — No. 4). — S. 242—251.

907. Ögel, B. İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi (Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre) / B. Ögel. — 2. baskı. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1984. — XX, 403 s.

908. Ögel, B. Türgeş Devletleri (Göktürkler'in batıya kaymaları, batıda şehirli Türk devletlerinin doğuşu) / B. Ögel // Tarihte Türk Devletleri. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 121—127.

909. Ögel, B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları / B. Ögel. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1971 (1000 Temel Eser : 49). — Cilt 1. — xviii, 161 s.

910. Ögel, B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları / B. Ögel. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1971 (1000 Temel Eser : 50). — Cilt 2. — 168 s.

911. Ögel, B. Türk Kültür Tarihine Giriş / B. Ögel. — Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1978 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 244; Kültür Eserleri : 13). — Cilt I. Türklerde Köy ve Şehir Hayati. Göktürklerden Osmanlılara. — XVI, 496 s.

912.Ögel, B. Türk Kültür Tarihine Giriş / B. Ögel. — Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1978 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 244; Kültür Eserleri : 13). — Cilt II. Türklerde Ziraat Kültürü. Göktürklerden Osmanlılara. — XXIII, 527 s.

913.Ögel, B. Türk Milleti ve Türk Devleti / B. Ögel // Tarihte Türk Devletleri. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 65—67.

914.Ögel, B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar) / B. Ögel. — 2. baskı. — Ankara : Turk tarih kurumu basımevi, 1993 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. — VII. Dizi — Sa. 102¹). — I. Cilt. — 645 s.

915.Ögel, B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar) / B. Ögel. — 2. baskı. — Ankara : Turk tarih kurumu basımevi, 1995 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. — VII. Dizi — Sa. 102^a). — II. Cilt. — XVI, 611 s.

916.Ögel, B. Türkler’de “Kâinat Devletleri” anlayışı (universismus) / B. Ögel // Tarihte Türk Devletleri. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). — Cilt I. — S. 55—63.

917.Ögel, B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde / B. Ögel // Central Asiatic Journal. — 1963. — Vol. 8. No. 1. — S. 27—42.

918.Öz, M. Cumhuriyet Döneminde Tarih Araştırmaları / M. Öz // Atatürk’ün Ölümünün 62. Yılında Cumhuriyet Türkiye’sinde Bilimsel Gelişmeler Sempozyumu 8—10 Kasım 2000 / ed. : B. Yediyıldız. — Ankara : Hacettepe Üniversitesi Atatürk İlkeleri ve İnkılap Tarihi Enstitüsü, 2001. — S. 17—28.

919.Öz, M. Osman Turan’ın Milliyetçilik Anlayışı / M. Öz // Vefatının 30. Yılında Prof. Dr. Osman TURAN’ı Anıyoruz / hazırlayan : Yücel Hacaloğlu. — Ankara, 1998 (Türk Ocakları Ankara Şubesi Yayınları Nu : 35). — S. 27—36.

920.Özbek, N. Zeki Velidi Togan ve “Türk Tarih Tezi” / N. Özbek // Toplumsal Tarih. — 1997. — Cilt 8. Sayı 45. — S. 20—27.

921.Özcan, A.T. Omeljan Pritsak (1919—2006) / A.T. Özcan // Karadeniz Araştırmaları. Bal-kan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu İncelemeleri Dergisi. — 2007. — Sayı 13. — S. 1—9.

922.Öztuna, T.Y. Başlangıcından Zamanımıza Kadar Türkiye Tarihi / T. Yılmaz Öztuna. — 2. baskı. — Ankara : Hayat Kitapları, 1963 (Hayat Kitapları : 37 ; Tarih Dizisi : 1). — Cilt 1. Türklere Önce Anadolu ve Anadoluya Gelmeden Önce Türkler. — 288, 16 s.

923.Palabıyık, M.H. Ord. Prof. Dr. Mehmed Fuad Köprülü, İlmî Hayatı ve ‘Türkiye Tarihi’ Adlı Eseri Münasebetiyle Tarih Anlayışı / M. Hanefi Palabıyık // Atatürk Dergisi. — 2003. — Cilt III. Sayı 3. — S. 7—29.

- 924.Pamir, A. Orta-Asya Türk Hukukunda “Töre” Kavramı. The Concept of “Tore” in the Middle — Asia Turkish Law / A. Pamir // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. — 2009. — Cilt 58. Sayı 2. — S. 359—375.
- 925.Pamir, A. The Concept of Tradition in Middle-Asian Turkish Law / A. Pamir // Ankara Law Review. — 2010. — Vol. 7. № I. — P. 49—64.
- 926.Parker, E.H. A Thousand Years of the Tartars / E.H. Parker. — Shanghai ; Honkong ; Yokohama ; Singapore : Kelly & Walsh, 1895. — iv, 371 p.
- 927.Parker, E.H. The Early Turks (From the CHOU SHU) / E.H. Parker // The China Review. — 1899. — Vol. 24. № 3. — P. 120—130.
- 928.Parker, E.H. The Early Turks (From the PEI SHI and the SUI SHU) / E.H. Parker // The China Review. — 1900. — Vol. 24. № 4. — P. 163—173.
- 929.Parker, E.H. The Early Turks — Part II (From the PEI SHI and SUI SHU, Continued) / E.H. Parker // The China Review. — 1900. — Vol. 25. № 1. — P. 1—12.
- 930.Parker, E.H. The Early Turks — Part III (From the PEI SHI and SUI SHU, Continued) / E.H. Parker // The China Review. — 1900. — Vol. 25. № 2. — P. 69—79.
- 931.Parker, E.H. The Early Turks (From the T’ANG SHU) (Continued from Vol. XXIV, p. 172 / E.H. Parker // The China Review. — 1900. — Vol. 24. № 5. — P. 227—234.
- 932.Parker, E.H. The Early Turks — Part IV (From the Old T’ang Shu) / E.H. Parker // The China Review. — 1901. — Vol. 25. № 4. — P. 163—174.
- 933.Parker, E.H. The Early Turks — Part IV (From the T’ang Shu ; Continued from where it leaves off at Part I) / E.H. Parker // The China Review. — 1901. — Vol. 25. № 5. — P. 234—247.
- 934.Pelliot, P. Sur la légende d’Uyuz-khan en écriture ouigoure / P. Pelliot // T’oung Pao (Second Series). — 1930. — Vol. 27. № 4/5. — P. 247—358.
- 935.Pelliot, P. Uygur Yazısıyla Yazılmış Uğuz Han Destanı Üzerine / P. Pelliot ; çev. V. Köken. — Ankara, 1995 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu Yayınları : 619). — [5], 103 s.
- 936.Poppe, N. [Review] *Orientalism and history*. Edited by Denis Sinor. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1954. VIII + 107 pages. / N. Poppe // Central Asiatic Journal. — 1955. — Vol. 1. №. 1. — P. 75—76.
- 937.Poppe, N. [Review] *Ural-Altäische Jahrbücher*, Fortsetzung der „Ungarischen Jahrbücher“, herausgegeben von Julius von Farkas, Band XXIV, Heft 1—2 (1952), Otto Harrassowitz, viii + 153 pages / N. Poppe // Harvard Journal of Asiatic Studies. — 1952. — Vol. 15. № 3/4. — P. 522—523.
- 938.Pritsak, O. Die 24 Ta-ch’ên : Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche / O. Pritsak // Oriens Extremus. — 1954. — Jg. 1. H. 2. — S. 178—201.

939.Pritsak, O. Die Karachaniden / O. Pritsak // *Der Islam*. — 1954. — Bd. XXXI. Heft 1. — S. 17—68.

940.Pritsak, O. Karachanidische Streitfragen 1—4 / O. Pritsak // *Oriens*. — 1950. — Bd. 3. Heft 2. — P. 209—228.

941.Pritsak, O. Kara-hanlılar / O. Pritsak // *İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati*. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1977. — Cilt VI. *Ḳāʿān* — *Kvaṭṭa*. — S. 251—273.

942.Pritsak, O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker / O. Pritsak // *Ural-Altäische Jahrbücher*. — 1952. — Bd. XXIV. H. 1—2. — S. 49—104.

943.Pritsak, O. The Origin of Rus' / O. Pritsak. — Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1981. — Vol. 1. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. — xxx, 928 p.

944.Pritsak, O. The Slavs and the Avars / O. Pritsak // *Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo*, 15—21 aprile 1982. — Spoleto : Presso la Sede del Centro, 1983. — T. I (Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo. — XXX). — P. 353—435.

945.Pritsak, O. Tribal Names and Titles amongst the Altaic Peoples / O. Pritsak // *The Turks in the Early Islamic World* / ed. by C.E. Bosworth. — Ashgate : Variorum, 2007 (The Formation of the Classical Islamic World. — Vol. 9). — P. 59—116.

946.Pritsak, O. Von den Karluk zu den Karachaniden / O. Pritsak // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. — 1951. — Bd. 101 (Neue Folge. — Bd. 26). — S. 270—300.

947.Pulleyblank, E.G. Some Remarks on the Toquzoghuz Problem / E.G. Pulleyblank // *Ural-Altäische Jahrbücher*. — 1956. — Bd. XXVIII. H. 1—2. — S. 35—42.

948.Rachewiltz, I. Introduction to Altaic philology : Turkic, Mongolian, Manchu / I. Rachewiltz, V. Rybatzky ; with the collaboration of Hung Chin-fu. — Leiden ; Boston : Brill, 2010 (Handbook of Oriental Studies, Section 8. Uralic & Central Asia. — № 20). — xx, 446 p., xxxix text., 25 fig.

949.Radloff, W. Alttürkische Studien (I) / W. Radloff // *Известия Императорской Академии Наук*. VI серия. — 1909. — Т. 3. Вып. 18. — С. 1213—1220.

950.Radloff, W. Alttürkische Studien (IV) / W. Radloff // *Известия Императорской Академии Наук*. VI серия. — 1911. — Т. 5. Вып. 6. — С. 305—326.

951.Radloff, W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche / W. Radloff. — Zweite Ausgabe. — Leipzig : T.O. Weigel Nachfolger, 1893. — 1 Bd. Mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationen. — 3, 536 S.

952.Radloff, W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei / W. Radloff. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1895. — III. Lief. — viii, 460 S.

953.Radloff, W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei / W. Radloff. — Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold : Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. — vii, 181 S.

954.Radloff, W. Die Inschrift des Tonjukuk / W. Radloff // Radloff, W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. — Zweite Folge. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1899. — S. I—XXIV, 1—122.

955.Rásonyi, L. Tarihte Türklük / L. Rásonyi. — Ankara : Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 1971 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları : 39 ; Seri : III — Sayı : A11). — VII, 420 s.

956.Rásonyi, L. Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisches- ungarischen Beziehungen 1926—1934 / L. Rásonyi // Kőrösi Csoma Archivum. — Leiden : E.J. Brill, 1967. — Vol. I. 1935—1939. — S. 1—68.

957.Rogers, J.D. Inner Asian States and Empires: Theories and Synthesis / J.D. Rogers // Journal of Archaeological Research. — 2012. — Vol. 20. — P. 205—256.

958.Roux, J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles / J.-P. Roux // Revue de l'histoire des religions. — 1962. — T. 161. № 1. — P. 1—24; № 2. — P. 199—231.

959.Roux, J.-P. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques / J.-P. Roux // Revue de l'histoire des religions. — 1956. — T. 149. № 1. — P. 49—82; № 2. — P. 197—230; T. 150. № 1. — P. 27—54; № 2. — P. 173—212.

960.Roux, J.P. Orta Asya. Tarih ve Uygarlık / J.P. Roux ; terc. L. Arslan. — İstanbul : Kabalcı Yayınevi, 1999 (Kabalcı Yayınevi : 171 ; İnceleme Dizisi : 31). — 502 s.

961.Roux, J.P. Türklerin Tarihi : Pasifik'ten Akdeniz'e 2000 yıl / J.P. Roux ; terc. A. Kazancıgil. — İstanbul : Kabalcı, 2007. — 563 s.

962.Rybatzki, V. Die Toñuquq-Inschrift / V. Rybatzki. — Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. — 40). — 132 S.

963.Rybatzki, V. Forschungsgeschichtliche Notizen zur zentralasiatischen Onomastik / V. Rybatzki // Remota Relata. Essays on the History of Oriental Studies in Honour of Harry Halén / ed. J. Janhunen & A. Parpola. — Helsinki, 2003 (Studia Orientalia. — Vol. 97). — P. 245—261.

964.Rybatzki, V. The Titles of Türk and Uigur Rulers in the Old Turkic Inscriptions / V. Rybatzki // Central Asiatic Journal. — 2000. — Vol. 44/2. — P. 205—292.

965.Sançar, N. Hüseyin Namık Orkun'un Kitapları, Makaleleri ve Hakkında Yazılanlar / N. Sançar // Türk Kütüphaneciler Derneği Bülteni. — 1957. — Cilt VI. Sayı 1—2. — S. 83—118.

966.Saray, M. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu, hayatı ve eserleri / M. Saray // Türk Kültürü Araştırmaları. — 1985. — Cilt XXX. Sayı 1—2. Prof. Dr. İbrahim KAFESOĞLU'nun Hâtrasına Armağan. — S. 1—27.

967.Sarıtaş, E. 1935 Yılından İtibaren Türkiye’de Yapılan İçin Araştırmalarına Genel Bir Bakış / E. Sarıtaş // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Mecmuası. — 2009. — Sayı 15. — S. 97—111.

968.Sarıtaş, E. [Eleştiri—tanıtma] Hsüeh Tsung Cheng, Göktürk Tarihi (T’u-Chüeh Shih), Çin Toplum Bilimleri Yayınları, Pekin, 1992, 808+11 s. / E. Sarıtaş // Tarih İncelemeleri Dergisi. — 1998. — Cilt XIII. — S. 273—274.

969.Sarıtaş, E. Certain Thoughts of Modern Chinese Researchers on Turkish Perception / E. Sarıtaş // А. Ясауи университетінің хабаршысы. — 2012. — № 1(77). — 154—166 б.

970.Sarıtaş, E. Türkiye’de Akademik Çince Çeviriler ve Sorunlar / E. Sarıtaş // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Mecmuası. — 2010. — Sayı 17. — S. 85—106.

971.Saunders, J.J. The History of the Mongol Conquests / J.J. Saunders. — London : Routledge & K. Paul, 1971 (Repr. : Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2001). — xix, 275 pp.

972.Schamiloglu, U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde : Doctoral Thesis / U. Schamiloglu. — New York : Columbia University, 1986. — viii, 286 p.

973.Scharlipp, W.E. Bibliographie zur Geschichte der alten Türken / W.E. Scharlipp // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — S. 177—186.

974.Scharlipp, W.-E. Die alttürkische Religion und ihre Darstellung bei einigen türkischen Historikern / W.-E. Scharlipp // Die Welt des Islams (New Series). — 1991. — Bd. XXXI. № 2. — S. 168—192.

975.Scharlipp, W.E. Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur / W.E. Scharlipp. — Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992. — xiv, 147 s.

976.Scharlipp, W.E. Leben und Kultur der alten Türken in der Steppe / W.E. Scharlipp // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. — Berlin : Klaus Schwarz Verlag, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. — T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. — T. 3). — S. 125—145.

977.Scharlipp, W.-E. [Rez.] Sören Stark : *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien*. Wiesbaden 2008. Dr. Ludwig Reichert Verlag ; Nomaden und Sesshafte Bd. 6. 452 Sn. 7 Karten, 116 Tafeln. ISBN 978-3-89500-532-9 / W.-E. Scharlipp // Acta Orientalia. — 2009. — Vol. 70. — P. 259—264.

978.Scharlipp, W.E. The Decipherment of the Turkish Runic Inscriptions and Its Effects on Turkology in East and West / W.E. Scharlipp // Journal of Turkic Civilization Studies. — 2004. — № 1. — P. 303—318.

979.Schlegel, G. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun / G. Schlegel. — Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. — T. IX). — XV, 141 S.

980.Schlegel, G. Tägin et Töre / G. Schlegel // T'oung Pao. — 1896. — Vol. VII. — P. 158—161.

981.Schmidt, I.J. Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter / I.J. Schmidt. — St. Pétersburg : Gedruckt bei Karl Kray ; Leipzig : in Commission bei Carl Cnobloch, 1824. — xiv, (2), 287 S., 2 lrg. folding plates.

982.Seregin, N.N. Features of Development of Social System of Early Medieval Turks of Central Asia During the Period of the First Khaganate (On Archaeological Materials) / N.N. Seregin // Middle-East Journal of Scientific Research. — 2014. — Vol. 20. № 12. — P. 2139—2141.

983.Sertkaya, O.F. Eski Türkçe (Göktürkçe ve Uygurca) Araştırmacıları Olarak Wilhelm Radloff / O.F. Sertkaya // Türk Dili Dil ve Edebiyat Dergisi. — 1988. — Cilt LVI. Sayı 444. — S. 303—317.

984.Sertkaya, O.F. Göktürk (Runik) Harfli Yazıtların Envanter, Alfabe ve Bibliyografya Problemleri Uzerine / O.F. Sertkaya // Dil Arastırmaları Dergisi. — 2008. — Sayı 2. — S. 7—34.

985.Sertkaya, O.F. Hüseyin Nihâl Atsız / O.F. Sertkaya. — Ankara, 1987 (Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları : 847; Türk Büyüklere Dizisi : 69). — VII, 180 s.

986.Sertkaya, O.F. Köl Tigin kitâbesinin dikilmesinin 1250. yıl dönümü dolayısı ile Moğolistan Halk Cumhuriyeti'ndeki Köktürk harfli metinler üzerinde yapılan arkeolojik ve filolojik çalışmalara toplu bir bakış / O.F. Sertkaya // Türk Tarih Kurumu Belleten. — 1983. — Cilt 47. Sayı 185. — S. 67—85.

987.Seyitdanlioğlu, M. Eski Türklerde Devlet Meclisi “Toy” Üzerine Düşünceler / M. Seyitdanlioğlu // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Dergisi. — 2009. — Cilt XXVIII. Sayı 45. — S. 1—12.

988.Shirô, H. The Studies of the Turkic Languages in Japan After World War II / Shirô Hattori // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1973—1974. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1974. — S. 25—39.

989.Sinor, D. Central Eurasia / D. Sinor // Orientalism & History / ed. by D. Sinor. — 2nd edition. — Bloomington ; London : Indiana University Press, 1970. — P. 93—119.

990.Sinor, D. Dix années d'orientalisme hongoris (1940—1950) / D. Sinor // Journal Asiatique. — 1951. — T. CCXXXIX. Fasc. 2. — P. 211—235.

991.Sinor, D. [Review] Flexibility and Limitations in Steppe Formations : The Kerait Khanate and Chinggis Khan, Ottoman Empire and its Heritage (OEH) vol. 15 by Isenbike Togan / D. Sinor // Journal of Asian History. — 1999. — Vol. 33. № 1. — P. 90—92.

992.Sinor, D. *Inner Asia. History—Civilization—Languages. A Syllabus* / D. Sinor. — Bloomington : Indiana University Publications ; The Hague : Mouton & Co, 1969 (Uralic and Altaic Series. — Vol. 96). — xxx, 261 p.

993.Sinor, D. *Introduction à l'Étude de l'Eurasie Centrale* / D. Sinor. — Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1963. — xxiv, 371 p.

994.Sinor, D. *Introduction : the Concept of Inner Asia* / D. Sinor // *The Cambridge History of Early Inner Asia : From Earliest Times to the Rise of the Mongols* / ed. by D. Sinor. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — Vol. 1. — P. 1—18.

995.Sinor, D. *Notes on the Historiography of Inner Asia I* / D. Sinor // *Journal of Asian History*. — 1973. — Vol. 7. № 2. — P. 178—206.

996.Sinor, D. *Notes on the Historiography of Inner Asia II* / D. Sinor // *Journal of Asian History*. — 1975. — Vol. 9. № 2. — P. 155—172.

997.Sinor, D. *Reflections on the History and Historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia* / D. Sinor // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 2005. — Vol. 58(1). — P. 3—14.

998.Sinor, D. *Some Components of the Civilization of the Türks (6th to 8th century A.D.)* / D. Sinor // *Altaistic Studies : Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala, June 7—11 1982* / ed. G. Jarring, S. Rosén. — Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1985 (Konferenser / Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. — 12). — P. 145—159.

999.Sinor, D. *The Establishment and Dissolution of the Türk Empire* / D. Sinor // *The Cambridge History of Early Inner Asia : From Earliest Times to the Rise of the Mongols* / ed. by D. Sinor. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — Vol. 1. — P. 285—316.

1000.Sinor, D. *The Historical Role of the Turk Empire* / D. Sinor // *Journal of World History*. — 1958. — Vol. IV. № 3. — P. 427—434.

1001. Sinor, D. [Review] *The Empire of the Steppes : A History of Central Asia*. By René Grousset. New Brunswick : Rutgers University Press, 1970. XXX, 542 pp. Notes, Index. \$17.50 / D. Sinor // *The Journal of Asian Studies*. — 1971. — Vol. 30. № 3. — P. 633—638.

1002. Sinor, S. *The Legendary Origin of the Türks* / D. Sinor // *Folklorica : Festschrift for Felix J. Oinas* / ed. by E.V. Zygaz, P. Voorheis. — Bloomington : Research Institute for Inner Asian Studies, 1982 (Indiana University Uralic and Altaic Series. — Vol. 141). — P. 223—257.

1003.Sinor, D. *The Türk Empire* / D. Sinor, S.G. Klyashtorny // *History of Civilizations of Central Asia*. — Paris : Unesco, 1996. — Vol. III. *The crossroads of civilizations : A.D. 250 to 750* / ed. by B.A. Litvinsky. — P. 322—342.

1004. Sinor, D. [C.r.] *Ural-Altäische Jahrbücher. Fortsetzung der «ungarischen Jahrbücher»*. Herausgegeben von Julius von FARKAS. Band XXIV, Heft 1—2. Otto Harrassowitz. — Wiesbaden, 1952 : 153 pages / D. Sinor // *Journal Asiatique*. — 1952. — T. CCXL. Fasc. 3. — P. 424—428.
1005. Skaff, J.K. *Sui-Tang China and Its Turko-Mongol Neighbors : Culture, Power, and Connections*, 580—800 / J.K. Scaff. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — xxxii, 400 p.
1006. Sneath, D. *The Headless State : Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia* / D. Sneath. — New York : Columbia University Press, 2007. — xi, 273 p.
1007. Sneath, D. [Chapter 5] *The Headless State in Inner Asia : Reconsidering Kinship Society and the Discourse of Tribalism* / D. Sneath // *Hierarchy. Persistence and Transformation in Social Formations* / ed. by K. Rio, O.H. Smedal. — New York ; Oxford : Berghahn Books, 2009. — P. 143—183.
1008. *Sovietico-Turcica : Beiträge zur Bibliographie der Türkischen Sprachwissenschaft in Russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957* / redigiert von G. Hazai. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1960 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. — IX). — 320 S.
1009. Spuler, B. *Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken* / B. Spuler // *Handbuch der Orientalistik*. — Leiden ; Köln : E.J. Brill, 1966. — 1. Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. V. Altaistik. Abschnitt 5. *Geschichte Mittelasiens*. — S. 123—310.
1010. Stark, S. *Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien* / S. Stark. — Wiesbaden : Reichert Verlag, 2008 (Nomaden und Sesshafte. — Vol. 6). — XVI, 591 S.
1011. Stark, S. *Nomaden und Sesshafte in Mittel- und Zentralasien: Nomadische Adaptionsstrategien am Fallbeispiel der Alttürken* / S. Stark // *Grenzüberschreitungen: Formen des Kontakts und Wege des Kulturtransfers zwischen Orient und Okzident im Altertum. Akten des 3. Symposiums der Arbeitsgruppe „Orient und Okzident im Altertum“ in Berlin* / hg. M. Schuol, U. Hartmann, A. Luther. — Stuttgart : Steiner, 2002 (Orient et Occident. — Bd. 3). — S. 363—404.
1012. Stark, S. *On Oq Bodun. The Western Türk Qaghanate and the Ashina Clan* / S. Stark // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. — 2006/2007. — T. 15. — P. 159—172.
1013. Szűcz, J. *Nemzet és történelem: Tanulmányok* / J. Szűcz. — 3. Kiadás. — Budapest : Gondolat Kiadó, 1984. — 666. o.
1014. Szűcz, J. „Gentilizmus”. *A barbár etnikai tudat kérdése (Knadidátusi ért. téz.)* / J. Szűcz. — Budapest, 1971. — 24. o.
1015. Şahingöz, M. *Hüseyin Namık Orkun'un Yaşadığı Dönem* / M. Şahingöz // *Ölümünün 50. Yılında Prof. Dr. Hüseyin Namık Orkun* / hazırlayan : Y. Hacaloğlu. — Ankara, 2006 (Türk Ocakları Şubesi Yayınları : 22). — S. 9—14.

1016. Şen, S. Orhon yazıtlarında geçen *Teñri teg teñride bolmuş Türuk Bilge Kagan ve Teñri teg teñri yaratmış Türuk Bilge Kagan Yaratmış Türuk Bilge Kagan* ifadelerinin yeni bir yorumu / S. Şen // I. Uluslararası Uzak Asya'dan Ön Asya'ya Eski Türkçe Bilgi Söleni, 18—20 Kasım 2009. — Afyonkarahisar, 2010. — S. 251—260.

1017. Şencan, Y.C. İslamiyet Öncesi Türk Devlet Geleneği: İnönü Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi / Yusuf Cem Şencan. — Malatya, 2007. — 92 s.

1018. Şirin, İ. Osmanlı'da Tarihin Anlam Arayışı / İ. Şirin // Ankara Üniversitesi Osmanlı Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Dergisi. — 2000. — Sayı 11. — S. 555—574.

1019. Şirin User, H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi / H. Şirin User. — Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32 ; Türk Dili Dizisi 1). — 548 s.

1020. Tarih. — İstanbul : Devlet Matbaası, 1933. — [Cilt] II. Ortazamanlar. — XXIII, 400, 49 s.

1021. Taşağıl, A. Gök-Türkler I / A. Taşağıl. — 2. baskı. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. — VII. Dizi — Sayı 160¹). — ix, 197, [23] s.

1022. Taşağıl, A. Gök-Türkler II (fetret devri 630—681) / A. Taşağıl. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1999 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. — VII. Dizi — Sayı 160^a). — viii, 128, [12] s.

1023. Taşağıl, A. Gök-Türkler III / A. Taşağıl. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 2004 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. — VII. Dizi — Sayı 160^b). — ix, 109, [20] s.

1024. Taşağıl, A. Gök-Türkler'de İdari ve Sosyal Yapı / A. Taşağıl // Bilim ve Ütopya Dergisi. — 2003. — Sayı 104. — S. 20—25.

1025. Taşağıl, A. Göktürk Devletlerinin Kuruluşları ve Çöküşleri / A. Taşağıl // Kuruluş ve Çöküş Süreçlerinde Türk Devletleri Sempozyumu Bildirileri, (5—6 Kasım 2007) / yay. haz. M. Alpargu — M.B. Çelik. — Sakarya, 2008. — S. 21—29.

1026. Taşağıl, A. Göktürk Kağanlığı Göktürkler / A. Taşağıl // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 15—48.

1027. Taşağıl, A. TÜRK (I. Tarih) / A. Taşağıl // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. — İstanbul : Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2012. — Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. — S. 467—474.

1028. Tekin, Ş. [Eleştiri—tanıtma] René GIRAUD, L'Empire Des Turcs Célestes ; Les Règnes D'Elterich, Quapghan Et Bilge (680—734) / Ş. Tekin // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1964. — 2. baskı. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basimevi, 1989. — S. 160—163.

1029. Tekin, T. A Grammar of Orkhon Turkic / T. Tekin. — Bloomington ; The Hague : Mouton & Co, 1968 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. — Vol. 69). — 419 p.

1030. Tekin, T. Orhon Yazıtları Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk / T. Tekin. — 2. baskı. — İstanbul : Simurg, 1998 (Dil ve Ebebiyat Dergisi : 1). — 128 s.

1031. Temir, A. Türkoloji tarihinde Wilhelm Radloff devri : hayatı, ilmî kişiliği, eserler / A. Temir. — Ankara : Türk Dil Kurumu, 1991 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu ; Türk Dili Kurumu Yayınları : 552). — xv, 191 s.

1032. Teploukhov, S.A. Pioneers of Archeological Research on Nomads in Medieval South Siberia / S.A. Teploukhov, S.V. Kiselyov, L.Yu. Kitova // Chronica : Annual of the Institute of History, University of Szeged. — 2011. — Vol. 11. — P. 161—167.

1033. The Cambridge History of China. — Cambridge : Cambridge University Press, 1979 (Repr. : 2008). — Vol. 3. Sui and T'ang China, 589—906. Pt. 1 / ed. by D. Twitchett. — xx, 789 p.

1034. Thomsen, V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung (Ausg. von H. Schaeder) / V. Thomsen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — 1924. — Bd. 78. — S. 121—175.

1035. Thomsen, V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées / V. Thomsen. — Helsingfors : Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. — T. V). — 224 p.

1036. Thomsen, V. Moğolistan'daki Türkçe Kitabeler / V. Thomsen // Türkiyat Mecmuası. — 1935. — Cilt III. — S. 81—118.

1037. Thomsen, V. Turcica : études concernant l'interprétation des Inscriptions Turques de la Mongolie et de la Sibérie / V. Thomsen. — Helsingfors, 1916 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. — T. XXXVII). — 107 s.

1038. Tishin, V.V. On the Term *dáguān* of Chinese Sources on the Early Turkic History (in View of the One Hypothesis of İbrahim Kafesoğlu) / V.V. Tishin // Dil Araştırmaları. — 2014. — Sayı 15. — S. 39—51.

1039. Togan, I. Flexibility and Limitation in Steppe Formations : the Kerait Khanate and Chinggis Khan / I. Togan. — Leiden ; New York ; Köln : Brill, 1998 (The Ottoman Empire and It's Heritage. — Vol. 15). — xxii, 192 p.

1040. Togan, I. Patterns of Legitimization of Rule in the History of the Turks / I. Togan // Rethinking Central Asia : Non-Eurocentric Studies in History, Social Structure and Identity / ed. by K.A. Ertürk. — Cornell : Ithaca Press, 1999. — P. 39—53.

1041. Tooru, H. Japonya'da Göktürkler ve Uygurlarla İlgili Olarak Japonca Yayınlanan Araştırmaların Bibliyografyası / H. Tooru, U. Hiroşi // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1985. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1989. — S. 211—254.

1042. Topal, N. Prof. Dr. Osman Turan (1914—1978). Hayatı ve eserleri / N. Topal. — Ankara, 2004 (Türk Yurdu Yayınları : 82). — XV, [17—]150 s.

1043. Tryjarski, E. Die alttürkischen Runen-Inschriften in den Arbeiten der letzten Jahre. Befunde und kritische Übersicht / E. Tryjarski // *Altorientalische Forschungen*. — 1981. — Bd. VIII. — S. 339—352.

1044. Tuna, O.N. Bazı İmlâ Gelenekleri Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama / O.N. Tuna // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 1957. — 2. baskı. — Ankara : Ankara Üniversitesi Basımevi, 1988. — S. 41—81.

1045. Turan, O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti / O. Turan. — 2. baskı. — İstanbul : Turan Neşriyat Yurdu, 1969. — XIX, 478 s.

1046. Turan, O. The Ideal of World Domination among the Medieval Turks / O. Turan // *Studia Islamica*. — 1955. — № 4. — P. 77—90.

1047. Tutar, A. İslam Öncesi Türk Devlet Geleneğinde Adalet Anlayışı / A. Tutar // *Türkler* / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. — Ankara : Yeni Türkiye Yayınları, 2002. — Cilt 2. İlk Çağ. — S. 868—873.

1048. Türk Dünyası El Kitabı. — 2. baskı. — Ankara, 1992 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. — Yay. : 21, Ser. : 1, Sayı : A-23). — Cilt 1. Coğrafya—Tarih. — 544 s.

1049. Türkoğlu, İ. Central Eurasian Studies in Turkey (1985—2002) / İ. Türkoğlu // *Research Trends in Modern Central Eurasian Studies (18th—20th centuries) : a Selective and Critical Bibliography of Works Published Between 1985 and 2000* / ed. by Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. — Tokyo : Toyo Bunko, 2003 (Toyo Bunko Research Library 3). — Part I. — P. 99—136.

1050. Váczy, P. A hunok Európában / P. Váczy // *Attila és hunjai* / szerk. : Gy. Németh. — Budapest : Magyar Szemle Társaság, 1940. — 61—142, 277—307. o.

1051. Vahram's Chronicle of the Armenian Kingdom in Cilicia, During the Time of the Crusades / transl. from the Original Armenian, with notes and illustrations, by C.F. Neumann. — London : Oriental Translation-Fund, 1831. — xix, 1, 1, 23—110 p.

1052. Vámbéry, H. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen / H. Vámbéry. — Leipzig : F.A. Brockhaus, 1885. — XII, 638 S.

1053. Vámbéry, H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen / H. Vámbéry. — Leipzig : F.A. Brockhaus, 1879. — VIII, 276 S.

1054. Vámbéry, H. Noten zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei und Sibiriens / H. Vámbéry. — Helsingfors : Druckerei der Finnischen litteratur-gesellschaft, 1898 (*Mémoires de la Société Finno-ougrienne*. — Vol. XII). — 122 S.

1055. Vásáry, I. A régi Belső-Ázsia története. Második, átdolgozott kiadás / I. Vásáry. — Budapest : Balassi Kiadó, 2003. — 196. o.

1056. Vászary, I. Nép és ország a türkőknél / I. Vászary // Nomád társadalmak és államalakulatok (Tanulmányok) / szerk. : F. Tőkei. — Budapest : Akadémiai Kiadó, 1983 (Kőrösi Csoma Kiskönyvtár 18). — 189—213. o.

1057. Vasilyev, D.D. Güney Sibirya'daki Göktürk Runik Yazıtlarında Adları Geçen Kişilerin. Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki. Tarihi Bilgiler / D.D. Vasilyev // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. — Ankara, 2011. — 2. Cilt. — S. 901—910.

1058. Vasilyev, D.[D.] Güney Sibirya'daki Göktürk Runik. Yazıtlarında Adları Geçen Kişilerin. Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki. Tarihi Bilgiler / D.[D.] Vasilyev // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri özetleri). — Ankara, 2010. — S. 106—107.

1059. Vasilyev, D.D. New Find of Old Turkic Inscriptions in Southern Siberia / D.D. Vasilyev // Rulers from the Steppe : State Formation on the Eurasian Periphery / ed by G. Seaman and D. Marks. — Los Angeles : University of Southern California Ethnographics Press, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions “Nomads : Masters of the Eurasian Steppe”. — Vol. 2). — P. 116—125.

1060. Vasilyev, D.D. Turkic Runic Inscriptions on Monuments of South Siberia / D.D. Vasilyev // Foundations of Empire : Archaeology and Art of the Eurasian Steppes / ed by G. Seaman. — Los Angeles : Ethnographics Press, The University of Southern California, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions “Nomads : Masters of the Eurasian Steppe”. — Vol. 3). — P. 117—126.

1061. Vasjutin, S.A. Typology of Pre-States and Statehood Systems of Nomads / S.A. Vasjutin // Nomadic Pathways in Social Evolution / ed. by N.N. Kradin, D.M. Bondarenko, and T. Barfield. — Moscow, 2003 (Civilization Dimension. — Vol. 5). — P. 50—62.

1062. Visdelou, C. Histoire de la Tartarie / C. Visdelou // Bibliothèque orientale : ou Dictionnaire universel contenant tout ce qui fait connoître les peuples de l'Orient. Leurs histoires et traditions tant fabuleuses que véritables. Leurs religions et leurs sectes. Leurs gouvernemens, politique, loix, mœurs, coûtumes, et les révolutions de leurs empires. Les arts et les sciences ... Les vies de leurs saints, philosophes, docteurs, poètes, historiens, capitaines, & de tous ceux qui se sont rendus illustres par leur vertu, leur sçavoir ou leurs actions. Des jugemens critiques et des extraits de leurs livres, écrits en arabe, persan ou turc sur toutes sortes de matières & de professions. — La Haye : J. Neaulme & N. van Daalen, 1779. — T. IV. — P. 46—249.

1063. Wieger, L. Textes Historiques. Histoire politique de la Chine / L. Wieger. — 3e éd. revue et complete. — Hien Hien : Imprimerie de la mission catholique, 1929. — T. II. De 420, début de la dynastie Sóng, à 906, fin de la dynastie des T'ang. — P. 1068—1524.

1064. Works by Mongolian Historians (1960—1974) : Annotated Bibliography (In English and Russian) / compiled by Ts. Ishdorj, D. Dorj ; translated by Ts. Tsendsuren, Sh. Bira. — Труды монгольских историков (1960—1974) : Аннотированная библиография (на английском и русском языках) / сост. Ц. Ишдорж, Д. Дорж ; редактор Ш. Бира. — Ulan-Bator : MPR Academy of Sciences' Press, 1975. — 265 p., 256 c.

1065. Yalınkılıç, T. Çinli Tarihçi Wu Yugui'nin Çince Kaynaklarda Geçen Eski Türk Tarihi ile İlgili Çalışmaları / T. Yalınkılıç // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. — 2014. — Sayı : 3/1. — S. 85—95.

1066. Yalınkılıç, T. Prof. Dr. Luo Xin'in "*Orta Çağda Çin'in Kuzeyindeki Milletlerde Unvan*" Adlı Kitabı Üzerine / T. Yalınkılıç // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. — 2012. — Sayı 1/4. — S. 246—256.

1067. Yavuz, E. Orhun Abideleri ve Bunlarla İlgili Yapılan Çalışmalar Üzerine Bibliyografya Denemesi : Muğla Üniversitesi, Lisans Bitirme Tezi / Esra Yavuz. — Muğla, 2006. — 192 s.

1068. Yuvalı, A. Bahaeddin Ögel / A. Yuvalı. — Ankara, 1993 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 1458 ; Türk Büyükleri Dizisi : 150). — XIII, 290 s.

1069. Zeki Validi Togan, A. Ibn Fadlān's Reisebericht / A. Zeki Validi Togan. — Leipzig : Kommissionsverlag F.A. Brockhaus, 1939 (Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. — Bd. XXIV. Nr. 3). — XXXIV, 337, 45 S.

1070. Zeki Velidi Togan, A. Tarihte Usûl / A. Zeki Velidi Togan. — 3 üncü. baskı. — İstanbul : Enderun Kitabevi, 1981 (Enderun Yayınları 9). — XXX, 350 s.

1071. Zeki Velidi Togan, A. Umumi Türk Tarihine Giriş / A. Zeki Velidi Togan. — İstanbul : İsmail Akgün Matbaası, 1946. — Cild 1. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar (Tarih Araştırmaları. — № 2. Cild 1). — XVI, 488 s.

1072. Zhang, Xupeng. Historical Writing in the People's Republic of China since 1978 / Zhang Xupeng // Revue Tiers Monde. — 2013. — No 216. — P. 89—110.

1073. Zieme, P. Die alttürkischen Reiche in der Mongolei / P. Zieme // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen : Ausstellungskatalog / hsg. C. Müller. — Bonn ; München : Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Hirmer Verlag GmbH, 2005. — S. 63—68.

1074. Zimonyi, I. *Bodun* und *El* im Frühmittelalter / I. Zimonyi // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2003. — T. 56. № 1. — S. 57—79.

1075. Zlatkin, I.Y. Main Periods in the History of Mongolian Feudalism / I.Y. Zlatkin //

XXV International Congress of Orientalists. Presented by the USSR Delegation. — Moscow : Oriental Literature Publishing House, 1960. — 13 p.

1076. Гэн, Ши-минь. Гу-дай ту-цзюэ вэнь-бэй мин янь-цзю / Гэн Ши-минь. — Пекин : Чжун-ян минь-цзу да-цзя чу-бань-шэ), 2005. 8. — 334 с. (на кит. яз.).

1077. Жэнь, Бао-лэй. Го-нэй цзинь сань-ши нянь си ту-цзюэ янь-цзю цзянь шу (1980—2010) // Жэнь Бао-лэй // Си-юй янь-цзю. — 2011. — № 4. — С. 128—135. (на кит. яз.).

1078. Линь, Гань. Цзинь лю-ши юй-нянь (1919—1984) го-на ту-цзюэ ши янь-цзю пин шу / Линь Гань // Минь-цзу янь-цзю. — 1985. — № 6. — С. 68—75. (на кит. яз.).

1079. Ло, Синь. Лунь То-ба Сянь-бэй чжи дэ-мин / Ло Синь // Ли-ши янь-цзю. — 2006. — № 6. — С. 32—48. (на кит. яз.).

1080. Ма, Чжан-шоу. Ту-цзюэ жэнь хэ ту-цзюэ хань-го / Ма Чжан-шоу. — Пекин : Шанхай жэнь-минь чу-бань-шэ, 1957. — 107 с. (на кит. яз.).

1081. Сюэ, Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши / Сюэ Цзун-чжэн. — Пекин : Чжун-го шэ-хуэй кэ-сюэ чу-бань-шэ), 1992. — 11, 2, 808 с. (на кит. яз.).

1082. Хань, Чжунь-и. Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзю (1900—2000 нянь) / Хань Чжунь-и // Цин-хай минь-цзу янь-цзю. — 2006. — Цз. 17. Вып. 1. — С. 89—94. (на кит. яз.).

1083. Hayashi, T. The Development of a Nomadic Kingdom seen from the Perspectives of Pillage, Agriculture and Trade : in the Case of Tuque / T. Hayashi // Tōyōshi kenkyū. — 1985. — Vol. 44. № 1. — P. 110—136. (на яп. яз с англ. резюме на p. 5).

1084. Maeda, Masana. [Review] M. Mori, Historical Studies of the Ancient Turkic people, Tōkyō, 1967 / Maeda Masana // Tōyō-shi Kenkyū. — 1968. — Vol. 27. № 1. — P. 91—97. (на яп. языке).

1085. Mori, Masao. Kodai Toruko minzokushi kenkyū. I / Mori Masao. — Tōkyō : Yamakawa Shuppansha, Shōwa 42), [1967]. — 16, 656, 25 p. (на яп. яз. с англ. резюме с добавочным названием «Historical studies of the ancient Turkic peoples I»).

1086. Mori, M. An Introduction to the Studies of the Official Titles of the Eastern Türküt : On “Qaghan” of the “First Türküt Empire” / M. Mori // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). — 1954. — Vol. 37. № 3. — P. 279—329. (на яп. яз. с англ. резюме на p. 032).

1087. Mori, M. On the Ssū-li-fa (Iltābār) and the Ssū-chin (Irkin) Titles of the T'ieh-lê Tribes / M. Mori // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). — 1963. — Vol. 46. № 3. — P. 293—322 (на яп. яз. с англ. резюме на p. 1).

1088. Murayama, Shichirō. [Review] Mori, M. ; Historical Studies of Ancient Turkic Peoples, I.] / Murayama Shichirō // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). — 1968. — Vol. 50. № 4. — P. 136—147. (на яп. яз.).

1089. Naitō, Midori. Nishi Tokketsu shi no kenkyū / Naitō Midori. —Tōkyō : Waseda Daigaku Shuppanbu), 1988. — ix, 456, (1) p. (на яп. яз.)

1090. Necîp Âşım. Orhon Âbideleri / Necîp Âşım. — İstanbul : Matbaa-yı Âmire, 1340/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 61)). — 95 [birinci kısım], 165 [ikinci kısım] s. (на ст.-осм. яз.).

1091. Necîp Âşım. Türk Târihi / Necîp Âşım. — İstanbul : Darü'l Tıbbâ'at el-Âmire, 1316/1900. — 551 s. (на ст.-осм. яз.).

1092. Rızâ Nur. Türk tarihi : resimli ve haritalı / Rızâ Nur. — İstanbul : Matbaa-yı Âmire, 1342/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 54). — Cild 1. — 377 s. (на ст.-осм. яз.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ПАМЯТНИКОВ

БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана

БК, Xб — малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана

Е — енисейские надписи

Кб — боковая надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль тегина

КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина

КТ, Xб — малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина

МШУ — стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень)

С/Е-47 — Суджинская стела, или «сын кыркыза»

Тер — Терхинская (Тариатская) стела

Тон — надпись советника Тоньюкука (I; II — две стелы)

ЫБ — «Ырк битиг» («Гадательная книга»)

Chuast. — «Хуастванифт», или «Покаянная молитва манихейцев»

Суй шу — «История [династии] Суй». Цит. по изд.: Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо : Суй шу (гон эр цо). — Чанчунь : Чанчунь чу-бань шэ, 2005.

Men. Fr. — Менандр Протектор «История» (фрагменты)

Theoph. Sym. — Феофилакт Симокатта «История»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

На правах рукописи

ТИШИН Владимир Владимирович

**ИСТОРИОГРАФИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.
(ПРИЛОЖЕНИЯ)**

Специальность 07.00.09 — Historiography, source studies
and methods of historical research

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, профессор
Васильев Дмитрий Дмитриевич

Москва — 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Приложение 1. По поводу употребляемых в работе дефиниций <i>Центральная Азия, Средняя Азия, древние тюрки, государство, государственность, социогенез и политогенез</i>	338
Приложение 2. Венгерская историография социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	340
Приложение 3. Работы западноевропейских и американских авторов по социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	361
Приложение 4. Изучение социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв. в японской историографии	430
Приложение 5. Работы турецких авторов	436
Дореспублканский (османский) период (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.)	436
Республканский период (середина 20-х гг. XX в. — 1980-е гг.)	446
Современный период	487
Приложение 6. Зарубежная традиционная марксистская историография. 50-е — 80-е гг. XX в. Работы китайских и монгольских ученых по социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	499
Приложение 7. Библиография библиографий работ по истории, культуре и языку древних тюрков VI—X вв.	510
Приложение 8. Критерии периодизации изучения социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.	516
Приложение 9. Достижения, проблемы, методы, задачи и перспективы изучения древнетюркского общества и государственности	520
Приложение 10. Оригинальное написание восточных слов и сочетаний, переданных в основном тексте транслитерацией	539

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
(обязательное)

ПО ПОВОДУ УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В РАБОТЕ ДЕФИНИЦИЙ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, СРЕДНЯЯ АЗИЯ, ДРЕВНИЕ ТЮРКИ,
ГОСУДАРСТВО, ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, СОЦИОГЕНЕЗ И ПОЛИТОГЕНЕЗ

В работе под *Центральной Азией*, в связи с дискуссионным характером содержания данной дефиниции, понимается географический регион, включающий территории Монголии, Южной Сибири (территория Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Прибайкалья и Забайкалья), территории входящих в состав Китайской народной республики административных единиц, — автономных районов Внутренняя Монголия и Нин-ся-Хуэй, провинций Цин-хай и Гань-су, — а также Восточного Туркестана (для затрагиваемого периода), под *Средней Азией* — территории современных Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана¹⁵¹³.

Понятие *древние тюрки* используется в работе условно, применительно к тюркоязычному населению политических объединений на территории Центральной и Средней Азии в период VI—X вв., таких как Тюркский, Уйгурский и Кыркызский каганаты¹⁵¹⁴. Проблема культурологического обоснования правомерности применения этой формулировки в данном значении также разбирается в одном из разделов работы (См.: Раздел 2.2). Применительно к периоду Тюркского каганата мы будем говорить о *древних тюрках VI—VIII вв.*, именовавшихся в китайских источниках *ту-цзюэ*¹⁵¹⁵, в древнетюркских памятниках — *türk, türiük*, шире — о *древних тюрках VI—X вв.*

Здесь же во избежание недоразумений следует оговориться, что использованные категории *политическое образование / объединение* применительно к перечисленным политическим

¹⁵¹³ См.: Дробышев Ю.И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н.э. — XVI в. н.э.). М., 2014. С. 19—54. Ср.: Stark S. Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und Sesshafte. Vol. 6). S. 6—8.

¹⁵¹⁴ В работе используется название *кыркызы*, т.е. фонетическая форма, которая зафиксирована в памятниках древнетюркской рунической письменности. Также следует отметить, что мы не прибегаем к понятию «кыркызское великодержавие», учитывая его дискуссионность: Азбелев П.П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. / под ред. В.И. Соенова, В.П. Ойношева. С. 106—115.

¹⁵¹⁵ Оригинальное написание приводимых в работе слов, словосочетаний и фраз на восточных языках, имеющих в основе алфавиты, отличные от латиницы и кириллицы, дано в Приложении 10.

единицам употребляется в тексте, когда речь идет от нашего собственного имени. Это не отражает нашей точки зрения, но мы сознательно избегаем употребления категории *государство*, проблема критериев которого является дискуссионной в современных социально-гуманитарных науках. Мы применяем эту формулировку *только* при изложении позиций авторов, оперировавших ей. Вместе с тем, с этим понятием мы отнюдь не смешиваем часто используемую нами категорию *государственность*, под чем мы будем понимать сложную социально-политическую структуру и совокупность соответствующих институтов власти, без увязки ее с конкретными критериями эволюционного характера.

В этом же ключе оперируя категориями *социогенез* и *политогенез*, мы подразумеваем, прежде всего, говорить здесь об *изменениях (трансформациях)* в социальной и политической жизни общества соответственно, исключая заочно эволюционистское понимание этих процессов, т.е. не соотносим их с такими категориями как *развитие* или *эволюция*¹⁵¹⁶.

¹⁵¹⁶ Ср. дискуссию в кн.: *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лышца В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации* / ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лышца. М., 2000. С. 24—83.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
(обязательное)

ВЕНГЕРСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.

Для венгерских ученых интерес к проблемам древнетюркской истории всегда был актуален. Интерес к кочевникам проистекал из того факта, что история самого венгерского народа уходит корнями в историю кочевнических народов, а интерес к тюркским языкам, как и другим языкам алтайской семьи, и урало-алтайской общности в целом, был вызван опять же стремлением найти корни и родственные связи венгерского языка. По этой причине венгерские ученые всегда уделяли большое внимание методике и методологии исследований, а также филологическим аспектам. Таким образом, в Венгрии сформировалась одна из старейших и объективно сильнейших школ, активно занимавшаяся исследованием различного круга проблем алтайского языкознания и истории кочевнических народов. Со времен Г. Вамбери не были обделены вниманием и древние тюрки, хотя больше венгерских исследователей занимали гунны и авары. Работы, касающиеся непосредственно древних тюрков Центральной Азии появляются со второй половины 20-х гг. XX в.¹⁵¹⁷ При этом важно отметить, что именно взгляды Г. Вамбери на этнические процессы у кочевников повлияли на воззрения венгерских ученых¹⁵¹⁸.

В 1991 г. вышло второе, переработанное и дополненное, издание книги Дьюлы Немета «Формирование венгров в эпоху завоевания» (1-е изд. 1930)¹⁵¹⁹, имеющей фундаментальное значение с точки зрения методологии исследования кочевнических обществ¹⁵²⁰. Д. Немец обратил внимание на проблему соотношения терминов, обозначающих единицы социальной орга-

¹⁵¹⁷ В библиографии, составленной Д. Моравчиком, затрагивающей период 1914—1925 гг., среди работ, входящих в рубрику «Исторические тюркские народы», мы встретим лишь работы о гуннах, аварах, хазарах, печенегах и куманях (*Moravcsik Gy. Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisches-ungarischen Beziehungen 1914—1925 // Kőrösi Csoma Archivum. Leiden, 1967. Vol. II. 1926—1932. S. 205—208*).

¹⁵¹⁸ См.: *Dobrovits M. Vámbéryval 2000-ben // Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben. Dunaszerdahely, 2010. 224. o.*

¹⁵¹⁹ *Németh Gy. A honfoglaló Magyarország kialakulása / közléteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest, 1991.*

¹⁵²⁰ *Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica. Bd. 9). P. 6 note 19*). Эта, безусловно, фундаментальная работа, редактировавшаяся автором на протяжении 45 лет после первого издания, к сожалению, остается непереведенной ни на один из европейских языков, ввиду чего малодоступна большинству специалистов.

низации у кочевников. Он указал на такие факторы как невозможность уловить по источникам изменение соотношения сегментов, их положения в иерархии социальной организации, так же как и иногда установить точное положение той или иной единицы¹⁵²¹. Д. Немет специально остановился на механизмах формирования кочевнических племен и племенных объединений. Выделяются три фактора образования тюркских племен: (1) естественное увеличение и разделение (вокруг одной семьи); (2) желание или нежелание отдельных племен или групп племен образовывать новое объединение (возвышение одного племени над другими или объединение на основе какого-то взаимного интереса); (3) выделение частей внутри самих этих племенных групп¹⁵²². В Хошо-Цайдамских текстах показателен момент, когда будущий каган собрал вокруг себя с разной округи людей, которых сначала было семьдесят, потом стало семьсот [КТб, 11—12 = БК, X, 10—11]. Таким образом, соединение племен, разделение и их перегруппировка были постоянными процессами, что подтверждается, например, свидетельством Менандра, в 569 г. Тюркская империя делилась на четыре племени [Men. Fr., 18], в 576 г. — на восемь [Men. Fr., 45]¹⁵²³.

В степи регулярно происходили смешения народов, поэтому их наименования всегда имели не этническое, а политическое значение¹⁵²⁴. В понимании механизмов образования крупных объединений Д. Немет следовал за В.В. Радловым¹⁵²⁵. Он отталкивался от факта племенного характера кочевнических политических объединений, вслед за В.В. Радловым и В. Томсеном¹⁵²⁶, полагая, что рассматривать их как «государства» в привычном понимании нужно с большими оговорками, обращая внимание именно на организационный характер¹⁵²⁷.

При этом, как Д. Немет писал и позже, «названия тюркских народов и племен образуют определенные семантические группы... <...> Реестр племен, входивших в государство, не является произвольным, а составлен на основе строгих, но не везде одинаковых принципов. Реестр племен отражал структуру государства (вспомним, например, огузскую систему племен). При этом необходимо учитывать, что в составе союза племен по причинам политическим и хозяй-

¹⁵²¹ *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarország kialakulása. 26—29. o.

¹⁵²² *Akın H.* Nemeth'e Göre En Eski Türk—Macar Münasebetleri // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1982. Cilt : XXX. Sayı : 1—2 (Ocak 1979 — Haziran 1982). Atatürk'ün 100. Doğum Yılına Armağan. S. 2. См.: *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarország kialakulása. 29—30. o.

¹⁵²³ *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarország kialakulása. 31. o.; *Akın H.* Nemeth'e Göre En Eski Türk—Macar Münasebetleri. S. 3.

¹⁵²⁴ *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarország kialakulása. 34—35. o.

¹⁵²⁵ Уо. 26, 38—44. о., здесь, на 39—43. о., Д. Немет дает пространную цитату из работы В.В. Радлова. См.: *Радлов В.В.* К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Императорской Академии Наук № 2. СПб., 1893. С. 68—75.

¹⁵²⁶ См.: *Radloff W.* Die Inschrift des Tonjukuk // *Radloff W.* Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. S. XIV; *Thomsen V.* Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung [Ausg. von H. Schaeder] // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* Leipzig, 1924. Bd. 78. S. 129; *Aynı müel.* Moğolstandaki Türkçe Kitabeler // *Türkiyat Mecmuası.* 1935. Cilt III. S. 88.

¹⁵²⁷ *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarország kialakulása. 34. o. Д. Немет указывал на соответствие значений термина *oq* (> *oğuz* ~ *oğur*) 'стрела' и 'племя' (Уо. 77. о.).

ственным происходили постоянные изменения; в этих условиях система родовых наименований не могла оставаться неизменной»¹⁵²⁸. Д. Немет подробно описывает в книге тот феномен, когда одни племена, будучи силой подчинены какому-то более могущественному, в совокупности именовались по названию политического объединения, названного, как правило, по имени главного племени, сохраняя при этом внутри этого объединения свои собственные наименования¹⁵²⁹. Д. Немет пришел к выводу, что «в древнетюркскую эпоху ... <...> личные имена не использовались в качестве названий племен»¹⁵³⁰.

Д. Немет, будучи, прежде всего, лингвистом, не задавался специальной целью исследования закономерностей социальных отношений у кочевников. Однако некоторые его взгляды позволяют предполагать, что в духе времени он все же придерживался стадийного понимания исторического процесса. Говоря об изменении значений терминологии сегментов социальной организации, он оставлял открытым вопрос о факторах, оказывающих влияние на это обстоятельство, не исключая, по-видимому, и эволюционные процессы, связанные с переходом от родовой к территориальной организации¹⁵³¹. Д. Немет считал, что в древнетюркскую эпоху некоторые племена именовали себя по названиям птиц и животных, бывших их тотемами¹⁵³². Такая позиция встречает возражения различных специалистов, прежде всего, потому, что под *тотемизмом* принято понимать одну из ранних форм религии, именно в стадийном ракурсе; среди возражений приводится и такое, что культы, связанные с сакрализацией названий животных, могут иметь иную социальную природу¹⁵³³.

Андраш Альфёльди исследовал институт соправительства в исторических тюркских государствах¹⁵³⁴. Он обратился к таким примерам соправительства в истории Тюркского каганата,

¹⁵²⁸ Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 133. Ср.: *Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása*. 54, 108. о.

¹⁵²⁹ *Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása*. 104—108. о.

¹⁵³⁰ Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии. С. 133. См., однако: *Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása*. 64—65. о.

¹⁵³¹ *Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása*. 26, 28—29. о.

¹⁵³² Уо. 65—71, 273—274. о.; *Németh Gy. Noms ethniques turcs d'origine totémistique // Studia Turcica / ed. L. Ligeti. Budapest, 1971 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. XVII). P. 355—359.*

¹⁵³³ См.: *Clauson G. Turkish Philology in Hungary // Asia Major*. 1973. Vol. XVIII. Pt. 2. P. 215—216; *Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü*. 4. bk. İstanbul, 1997 (Ötüken Neşriyat ; Yayın Nu : 376. Kültür serisi ; 128). S. 297—298; *Türk Dünyası El Kitabı*. 2. bk. Ankara, 1992 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü. Yay. : 21, Ser. : 1, Sayı : A-23). Cilt 1. Coğrafya—Tarih. S. 208—209, *Aynı müel. Türkler // İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugatı*. İstanbul, 1988. Cilt XII/2. Tuğ — Türşiz. S. 240—241; *Scharlipp W.-E. Die alttürkische Religion und ihre Darstellung bei einigen türkischen Historikern // Die Welt des Islams (New Series)*. 1991. Bd. XXXI. № 2. S. 171—172 (здесь же на S. 184—185 ff. критика самого И. Кафесоглу); *Idem. Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur*. Darmstadt, 1992. S. 59; *Idem. Leben und Kultur der alten Türken in der Steppe // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3). P. 136—137).*

¹⁵³⁴ *Alföldi A. Türklerde Çift Krallık // İkinci Türk Tarih Kongresi, İstanbul 20—25 Eylül 1937. Kongrenin çalışmaları, kongreye sunulan tebliğler*. İstanbul, 1943 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri : No. 2). S. 508—519. Ср. статью на венг. яз.: *Alföldi A. A kettős királyság a nomádoknál. Tanulmányok a királyság intézményének az észak-ázsiai lovasnépeknél való kialakulásához // Emlékkönyv Károlyi Árpád Születése Nyolcvanadik Fordulójának Ünnepére*. Budapest, 1933. 28—39. о.).

как упоминание великого кагана и малого кагана у тюрков или двух правителей у уйгуров с титулами *ил илтебер* и *кюль эркин* (по Рашид ад-Дину)¹⁵³⁵, а также обратил внимание на факт деления тюркских государств на два раздела, например, *учук* и *бузук*, или же «внутренних» и «внешних» племен у огузов, или *tarduş* и *telis* у тюрков, указывая, что у них зафиксированы титулы *talis-kagan* и *tarduş-şad*; здесь же он отметил деление тюркешей на «желтые племена и черные племена» (по Э. Шаванну), а также деление уйгуров на *он-уйгур* и *токуз-уйгур*¹⁵³⁶. Он пришел к выводу о единой природе этих явлений и их тотемистическом происхождении, связанном с дуальной организацией, развившейся на основе «патриархальной двухклассовой системы» из союза двух экзогамных родов¹⁵³⁷. К подобному же выводу немного позже в СССР пришел С.П. Толстов¹⁵³⁸. По мнению А. Альфёльди, двукрылая система и соправительство типичны для тюркских государств, развиваясь из деления армии на два крыла, в то же время она имеет практическую реализацию, когда происходит простое разделение власти между двумя братьями или когда один из соправителей занимается военными делами, другой — гражданскими¹⁵³⁹.

Изданная в 1938 г. монография Йожефа Деера содержала много концептуальных идей¹⁵⁴⁰. По сути, ученый емко обобщал все результаты кочевниковедческих исследований предыдущих лет и развивал идеи В.В. Радлова, хотя работа и не содержит ссылочного аппарата, но автор указывает, что, кроме него, использовал также концепцию Д. Немета и выводы А. Альфёльди¹⁵⁴¹. Как писал позже П.Б. Голден, заимствовавший его схему, «Деер на основе разрозненных данных, имеющихся в нашем распоряжении, попытался проследить механизм формирования кочевнического государства и возвышения харизматического клана»¹⁵⁴².

В основе кочевнического общества лежали роды, включавшие кроме родственных семей еще и присоединившихся извне бедняков. Отделявшиеся члены семей могли образовывать свои роды (*nemzetség*). Объединения родов основывались не на кровном родстве, но имели общего предводителя (*nemzetségfő*) и общность собственности¹⁵⁴³. Они кочевали разрозненно, но совместно выпасали в скот в зимнее время. Для решения споров, выбора маршрутов или решения военных вопросов выбирались какие-то наиболее отличавшиеся способностями представители

¹⁵³⁵ *Alföldi A. Türklerde Çift Krallık. S. 508—509.*

¹⁵³⁶ *Aynı eser. S. 509—510.*

¹⁵³⁷ *Aynı eser. S. 511—512, 517—518.*

¹⁵³⁸ *Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9—10. С. 14 прим. 4, с. 20, 29.*

¹⁵³⁹ *Alföldi A. Türklerde Çift Krallık. S. 514.*

¹⁵⁴⁰ *Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest, 1938.*

¹⁵⁴¹ *Uo. 270. o.*

¹⁵⁴² *Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1982. Т. II. P. 49.*

¹⁵⁴³ *Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. 10—11. o.*

родов¹⁵⁴⁴. Представители наиболее богатых семей могли поставить в зависимость все остальные, обеспечив себе привилегированное положение, либо захватить его силой. Это Й. Деер назвал «явной и неявной узурпацией власти»¹⁵⁴⁵. Благодаря личным качествам, предводителю удастся привлечь к себе еще больше сторонников, создав политическое объединение. Но для поддержания репутации ему приходится прибегать и к психологическим методам воздействия, возглавлять религиозные культы¹⁵⁴⁶, или в дальнейшем к созданию идеологии организации, согласно которой предводитель (каган), поставленный Свыше, при соответствующей поддержке заботится о народе [КТб, 10—11 = БК, X, 9—10; БК, Xб, 11—12; КТб, 26 = БК, X, 21; БК, Xб, 13—14; КТб, 22—23 = БК, X, 18—19; Тон, 56 (= II Вост., 6)]¹⁵⁴⁷. Эти правители не были всевластны, они могли легко потерять власть из-за внутренних разногласий¹⁵⁴⁸, во избежание этого ими создавалась концепция Божественной благодати правителю и его династии [КТб, 1 = БК, X, 2—3], харизмы (по М. Веберу), сопровождавшаяся сложением генеалогических мифов и легенд¹⁵⁴⁹.

Покоренные племена занимают место внизу социальной организации. При расширении объединения происходит новая перегруппировка ролей племен. Й. Деер назвал это «сверхрасслоение»¹⁵⁵⁰, или, лучше, «суперстратификация»¹⁵⁵¹. При смене верхушки, как случилось при подчинении тюрков Китаю и затем при восстановлении тюркской власти в конце VII в. [КТб, 11—12 = БК, X, 10—11], главенствующее место занимает наиболее сильное из имеющихся племен, образуя новый «правлящий класс»; процесс расширения объединения вокруг него, подчинения новых племен, начинается с самого начала [КТб, 21 = БК, X, 18]¹⁵⁵². Здесь не играет роли ни этнический, ни языковой фактор, а лишь хозяйственный — идет тенденция к объединению всех окружающих кочевых народов [КТб, 18 = БК, X, 15—16]¹⁵⁵³. Степные войны ведутся исключительно за пастбища, т.к. скот является основой всей жизнедеятельности, и часто такое хозяйство не может обеспечить потребности общества, вынуждая кочевников снаряжаться в набеги на соседей¹⁵⁵⁴.

¹⁵⁴⁴ Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. 11—12. o.

¹⁵⁴⁵ Uo. 13. o.

¹⁵⁴⁶ Uo. 13—14. o.

¹⁵⁴⁷ Uo. 19—20. o.

¹⁵⁴⁸ Uo. 20—22. o.

¹⁵⁴⁹ Uo. 22—28. o.

¹⁵⁵⁰ Uo. 14. o.

¹⁵⁵¹ Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 50.

¹⁵⁵² Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. 15—16. o.

¹⁵⁵³ Uo. 18—19, 44. o.; Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 61.

¹⁵⁵⁴ Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. 16—17. o.

Вышедшая в 1940 г. статья Ференца Ласло была посвящена исследованию исторической роли кагана и его семьи¹⁵⁵⁵. Ученый принял концепцию В.В. Радлова, особо отметив важность личного влияния кочевого предводителя, харизмы (по М. Веберу)¹⁵⁵⁶, наследовавшуюся всем его родом¹⁵⁵⁷. В противовес В.В. Бартольд, Ф. Ласло писал об аристократическом характере верховной власти у тюрков¹⁵⁵⁸. Ф. Ласло также отмечал традиционное соправительство у тюрков, выражавшееся в разделении их политических объединений на два крыла или выделении особых территорий¹⁵⁵⁹. Это было вызвано необходимостью облегчения правления подвластными народами и территориями. Ученый также отмечает противостояние знати (*bäglär*) и народа (*budun*), между которыми каган должен был лавировать, учитывая интересы каждой из этих категорий¹⁵⁶⁰.

В другой статье Ф. Ласло отметил и особенность передачи этнонима главенствующего племени всему объединению: «Прежде всего, — писал он, — мы должны отметить то, что в крупных тюркских кочевнических государствах имя народа, которым называется все государство, имеет двойное значение. В кёктюркском государстве, например, назывались кёктюрками в широком смысле все народы, которые входили в государство, независимо от происхождения и расы; это значение является, таким образом, “политическим”. В более узком смысле, однако, это только первоначально собственный народ кагана кёктюрков. Это племя, или племенной союз, составляет ядро всего государства и дает ему имя»¹⁵⁶¹. При этом подвластные племена сохраняют и собственные имена. Показательно, что тюркский каган токуз огузов именуется «своим народом» (*t[oquz oγu]z budun mäniñ budunim ärti* [Кб, 4] ‘токуз огузы были моим народом’, а также позже называет «своим тюрком», «своим народом» тюргешского кагана (*türgiš qaγan türk-üm budun-im ärti* ‘тюргешский каган был моим тюрком, моим народом’) [БК, X, 16], аналогично зовет токуз огузов каган уйгуров (*toquz oγuz budun-imin tirü qobratı altım* ‘мой токуз-огузский народ я собрал’) [МШУ, 5 (= Сев., 5)]¹⁵⁶².

Лайош Лигети в изданной в 1940 г. книге «Неизвестная Внутренняя Азия» (турецкий перевод 1946 г.) считал воинственность одной из основных, неотъемлемых черт «кочевого государства», отмечая постоянные внутривременные войны. Когда одно из главенствующих племен

¹⁵⁵⁵ *László F. A kagán és családja // Kőrösi Csoma Archivum. Vol. III. 1941—1943. Leiden, 1967. S. 1—39. См. также: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1950. Cilt 8. Sayı 1—2. S. 251; Journal Asiatique. 1951. T. CCXXXIX. Fasc. 2. P. 215.*

¹⁵⁵⁶ *László F. A kagán és családja. S. 9—10.*

¹⁵⁵⁷ *Ibid. S. 9—12.*

¹⁵⁵⁸ *Ibid. S. 14.*

¹⁵⁵⁹ *Ibid. S. 19—24.*

¹⁵⁶⁰ *Ibid. S. 25—26.*

¹⁵⁶¹ *László F. Die Tokuz-Oguz und die Köktürken // Analecta orientalia memoriae Alexandri Csoma de Kőrös dicata / ed. L. Ligeti. Budapestini, 1942. Vol. I. S. 103—104. Cp.: Aynı müel. Dokuz-Oğuzlar ve Gök Türkler // Belleten. 1950. Cilt : XIV. Sayı : 53. S. 37—38.*

¹⁵⁶² *László F. Die Tokuz-Oguz und die Köktürken. S. 106; Aynı müel. Dokuz-Oğuzlar ve Gök Türkler. S. 40.*

исчерпывало силы, его сменяло другое¹⁵⁶³. Здесь играли большую роль личности, такие как, например, неутомимый воин Кюль тегин или мудрый советник Тоньюкук, которого Л. Лигети называет «Бисмарком империи кёк тюрков»¹⁵⁶⁴.

Петер Вацци в своей работе о европейских гуннах использовал древнетюркский материал как сравнительно-историческое подспорье¹⁵⁶⁵. Он указал на коллективный характер зависимости у кочевников: представители покоренных народов были лично свободны и выглядели «невольниками и рабами» только в глазах «правлящего слоя», но на деле их подневольное состояние было подобно положению «слуг». Об этом говорят Хошо-Цайдамские надписи, когда упоминают, что *qul qul-liŷ bolmīs [küŷ küŷ-lig bol-mīs er-ti]* ‘рабы рабов имеющими стали, рабыни рабынь имеющими стали’ [КТб, 21 = БК, X, 18]¹⁵⁶⁶.

Что касается самой организации власти, то все племя или народ, из которого происходит племенная династия, считается «дворянством», «царствующим», «белым» или «белой костью», когда вся остальная часть народа считается «черной». Правящее племя составляет меньшинство, но его представители занимают все высшие должности, которые считаются наследственными, как и у глав покоренных племен¹⁵⁶⁷. Вместе с тем все племена подчинялись определенной иерархии и каждый из их лидеров занимал в ней определенное более или менее престижное место¹⁵⁶⁸. Однако власть правящего слоя держалась только на военной дисциплине, через силу и «поблажки», но с разрастанием границ объединения правящий слой становится все менее многочисленным¹⁵⁶⁹. Власть не всегда наследовалась по прямой линии, хотя наследником обычно считался сын правителя от старшей жены, но в случае его неспособности власть принимал брат умершего правителя. Однако на деле никакого закона или порядка передачи власти не существует, все зависит от конкретной ситуации. Все представители династии имели одинаковое право на власть, основывающееся на «харизме» мифического героического предка¹⁵⁷⁰. Политическая организация и вместе с ней власть правителя являлась проекцией космического устройства: каган рассматривался как страж миропорядка, связующее звено человечества с Вселенной, посредник между мирами. Он наделен магической силой, именно поэтому когда

¹⁵⁶³ Ligeti L. Bilinmeyen İç Asya / macarcadan çev. S. Karatay. 2. bk. Ankara, 1998 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu Yayınları ; 527). S. 205.

¹⁵⁶⁴ Aynı eser. S. 206.

¹⁵⁶⁵ Váczy P. A hunok Európában // Attila és hunjai / szerk. : Gy. Németh. Budapest, 1940. 61—142, 277—307. o. См. также: Sinor D. Dix années d’orientalisme hongoris (1940—1950) // Journal Asiatique. 1951. T. CCXXXIX. Fasc. 2. P. 217.

¹⁵⁶⁶ Váczy P. A hunok Európában. 106—107. o.

¹⁵⁶⁷ Uo. 108. o.

¹⁵⁶⁸ Uo. 108—109. o.

¹⁵⁶⁹ Uo. 109. o.

¹⁵⁷⁰ Uo. 110. o.

случалось какое-то бедствие, рассматриваемое как нарушение миропорядка, он мог быть низложен и даже убит. Но эта магическая сила отождествлялась со всей династией, ее харизмой¹⁵⁷¹.

В 1958 г. вышло первое издание хрестоматии отрывков источников, имеющих отношение к ранней истории венгров, под редакцией Дьёрдя Дьёрффи. Отдельный раздел был посвящен орхонским надписям, перевод которых по изданиям В. Томсена и С.Е. Малова выполнила Жужа Какук¹⁵⁷². В кратких примечаниях (выполнены переводчиком, иногда с добавлениями редактора (с. 19)) представлены значения некоторых лексических единиц: *tölis* и *tarduš* интерпретируются соответственно как «одно из двух тюркских племенных объединений, завоеванных и присоединенных тюрками на востоке»¹⁵⁷³, и «другое завоеванное тюрками племенное объединение»¹⁵⁷⁴; для термина *bäg* дано толкование ‘руководители племенной организации, элита’¹⁵⁷⁵; для *buyruk* — ‘войны двора; члены эскорта’¹⁵⁷⁶.

Одно из последующих исследований Д. Дьёрффи было посвящено разбору термина *buyruq* древнетюркских надписей, где ученый показал, что функции *buyruq* у тюрков были аналогичны *nökör* у монголов, что, следуя за Б.Я. Владимирцовым, он трактовал как «военный эскорт»¹⁵⁷⁷. Ученый отметил, что о таком сопровождении сообщают китайские источники (летописи о гвардии *фу-ли*, записки Сюань Цзана)¹⁵⁷⁸. Д. Дьёрффи указал, что рунические надписи различают четыре слоя древнетюркского общества: каган и его семья; буйруки (*buyruq*); беги (*bäglär*); народ (*budun*). Относительно последних ученый отметил, что «основной социальный слой, подразумеваемый под народом (*budun*), разделенный на племена, кланы и аулы, представляли массы». Вместе с *budun* всегда связываются *bäglär*, и Д. Дьёрффи вслед за В.В. Радловым видел в них предводителей кланов и племен, но при этом указал, что это наследственный статус главы клана или племени, а значение ‘господин, дворянин’ вторично. При этом *budun* и *bäglär* представляют собой «политически неорганизованное, живущее в клановых объединениях тюркское общество», тогда как государство (*el*) появляется после того, как над ними возвышается каган вместе со «слоем *buyruq*, который выполняет приказы». Так, *buyruq* представляли собой «инструмент политической и в то же время военной организации», эскорт кагана «на данном экономическом и социальном уровне», но впоследствии из них назначались вы-

¹⁵⁷¹ Váczy P. A hunok Európában. 112—114. o.

¹⁵⁷² A magyarok elődeiről és a honfoglalásról. Kortársak és krónikások híradásai / sajtó alá rendezte Gy. Györffy ; munkatársak K. Czeglédy, J. Harmatta, J. Horváth, Zs. Kakuk, I. Kniezsa, Gy. Moravcsik, Gy. Németh, D. Pais. 3. Kiadás. Budapest, 1986. 57—75. o.

¹⁵⁷³ Uo. 63, 276. o., 71. jegyzet.

¹⁵⁷⁴ Uo. 63, 276. o., 72. jegyzet.

¹⁵⁷⁵ Uo. 58, 275. o., 46. jegyzet.

¹⁵⁷⁶ Uo. 58, 275. o., 43. jegyzet.

¹⁵⁷⁷ Györffy G. Die Rolle des *buyruq* in der alttürkischen Gesellschaft // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1960. T. XI. P. 169—179 (ср. с. 8—9 русскоязычного резюме к выпуску).

¹⁵⁷⁸ Ibid. P. 174—175 note 7.

сокие сановники¹⁵⁷⁹. На одном уровне вместе с ними существовали такие военные чиновники как *tarqan* (мн. ч. *tarqat*)¹⁵⁸⁰.

Нужно отметить, что венгерская школа очень далеко продвинулась в изучении социальных аспектов кочевничества. При этом ученые обращались к непосредственному источниковому материалу. Это важно еще и потому, что венгерские ученые первыми стали применять методы этимологического анализа для исторических исследований. Как писал еще в 1958 г. Д. Немет, правда, о персидско-арабских заимствованиях в османском языке и оседании турок: «Эти необычные социальные изменения сопровождались необычными изменениями в языке»¹⁵⁸¹. Здесь уместно сослаться на слова А. Рона-Таш, сказанные касательно хазарской проблематики: «<...> ...исследователи уделяли основное внимание изучению филологических и лингвистических проблем, пытаясь в то же время обойти исторические. Этому есть много причин. Одна из них в том, что после прихода к власти коммунистов в Венгрии многие ученые определили себя как лингвисты, поскольку историки были вынуждены полностью освоить марксистскую идеологию, тогда как лингвисты могли обходиться несколькими цитатами...»¹⁵⁸².

Сам Л. Лигети, тюркологии обучавшийся у Д. Немета¹⁵⁸³, но как китаевед и монголист будучи учеником П. Пельо, наиболее всего был близок к методике последнего¹⁵⁸⁴. По словам А. Рона-Таш, Л. Лигети, «ключевая фигура в венгерской ориенталистике»¹⁵⁸⁵, будучи, прежде всего, лингвистом, тем не менее, всегда считал, что изучение языка какого-либо народа должно происходить в тесном соприкосновении с его историей, и именно этот взгляд он прививал своим ученикам¹⁵⁸⁶. Как писал сам Л. Лигети уже в своей последней крупной работе «Тюркские

¹⁵⁷⁹ Györffy G. Die Rolle des *buuruq* in der alttürkischen Gesellschaft. P. 175.

¹⁵⁸⁰ Ibid. P. 175—176.

¹⁵⁸¹ Németh Gy. A kevert nyelvrendszer kérdéséhez. (Az oszmán-török nyelv kettős rendszere.) : I // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv-és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. 1958. II. kötet. 1—4. szám. 315. o. (ср. переиздание в кн.: Németh Gy. Törökök és magyarok. II. Oszmán törökök / szerk. : E. Schütz, É. Apor. Budapest, 1990 (Budapest Oriental Reprints Series. A 5). 26. o.). Цит. по: Bodrogligeti A. Németh, Gyula [2010] // Encyclopædia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/nemeth-gyula> (дата обращения: 14.08.2013).

¹⁵⁸² Рона-Таш А. Хазары и мадьяры // Хазары / ред. кол. В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. Иерусалим ; М., 2005 (Евреи и славяне. Вып. 16). С. 112, 121 прим. 9.

¹⁵⁸³ Menges K.H. The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968 (Ural-Altäische Bibliothek. XV). P. 8.

¹⁵⁸⁴ См.: Atwood C.P. Paul Pelliot and Mongolian Studies // Paul Pelliot : de l'histoire à la légende. Colloque international organisé par J.-P. Drège, G.-J. Pinault, C. Scherrer-Schaub et P.-É. Will au Collège de France et à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Palais de l'Institut), 2—3 octobre 2008. Actes édités par J.-P. Drège et M. Zink. Paris, 2013. P. 433, 439.

¹⁵⁸⁵ «Лигети был вице-президентом Венгерской академии наук, президентом ее Восточной комиссии, основателем Acta Orientalia, главой факультета Центральной Азии, Института изучения Китая и Дальнего Востока, а также некоторое время стоял во главе факультета тюркологии в Будапештском университете. Почти все венгерские ученые-ориенталисты (тюркологи, монголоеды, тибетологи, синологи и др.) после 1945 г. были его учениками, или, по меньшей мере, он сыграл значительную роль в их карьере» (Рона-Таш А. Хазары и мадьяры. С. 111, 121 прим. 6).

¹⁵⁸⁶ Санджеев Г.Д. Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 155—158.

связи венгерского языка от эпохи завоевания родины до периода династии Арпадов»¹⁵⁸⁷, начинающая главу о древних тюрках с разбора их наименования: «Конечно, определяющее идентичность народа его имя имеет свои ограничения. Известно, что объединения кочевнических народов [будь то] род, племя (кровнородственное и некровнородственное), племенной союз, народ, кочевническое государство — нестабильная категория, характеризуется отсутствием каких-либо форм устойчивости. Соответственно, имена некоторых подразделений могут быть легко подвержены изменениям или даже исчезнуть. Для идентификации племени, народа совершенно необходима языковая идентификация. В связи с этим часто делали и продолжают делать ошибки в отношении древних народов, ничего не зная об их языке, или опираясь только на отдельные сведения, заслуживающие слабого доверия (или не заслуживающие его вообще)»¹⁵⁸⁸. Вместе с тем, повествуя о подчинении тюрками племен *те-лэ* и (токуз) огузов, он отмечал: «Кочевническому быту присущи массовые присоединения к победителю родственных ему и даже совсем чужих племен; позже другие племена, против своей воли, были вынуждены следовать их примеру»¹⁵⁸⁹.

Ученые, работавшие в 60-е — 70-е гг. XX в., продолжая традиции исследователей предыдущих лет, в целом отказывали Тюркскому каганату в государственном уровне.

Китаистка Ильдико (Хильда) Эчеди, разделяя взгляды О. Латтимора (1940)¹⁵⁹⁰, отмечала, что кочевническая экономика не была в состоянии обеспечить нужды своего общества, из-за чего кочевники были вынуждены пускаться в грабительские войны. Китайцы, понимая это, предпочитали снабжать их шелком и необходимыми дарами по требованию¹⁵⁹¹. Исследовательница особо отмечает, что кочевники никогда не покидали свои земли в миграциях намеренно, если для этого не было обуславливающей причины. Они уходили за пределы своей земли, лишь выезжая охотиться, либо если их кто-то вытеснял, вынуждая двигаться на земли Китая, где они искали укрытие; но, едва становясь сильнее, они начинали требовать у китайцев открытия рынков, угрожая вторжениями¹⁵⁹². Китай иногда открывал для тюрков рынки, иногда давал им шелк только потому, что опасался их набегов¹⁵⁹³. Тюрки, в свою очередь, нападали только тогда, когда чувствовали свое преимущество¹⁵⁹⁴. При этом, как отмечает И. Эчеди, обмен лоша-

¹⁵⁸⁷ Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986. 334. о. «Эта книга вышла в свет (декабрь 1986 г.) за несколько месяцев до смерти автора (24 мая 1987 г.)» (Рона-Таш А. Хазары и мадьяры. С. 112, 121 прим. 8).

¹⁵⁸⁸ Ligeti L. A Magyar nyelv török kapcsolatai ... 321. о. В книге дан общий очерк истории древних тюрков, восточных и западных, племен *те-лэ*, (токуз) огузов и уйгуров (Уо. 321—326, 326—332, 332—336, 336—339. о.).

¹⁵⁸⁹ Уо. 324. о.

¹⁵⁹⁰ Ecsedy H. Trade and War Relations between the Turks and China in the Second Half of the 6th Century // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1968. Т. XXXI. Fasc. 2. P. 180.

¹⁵⁹¹ Ibid. P. 140.

¹⁵⁹² Ibid. P. 139—140.

¹⁵⁹³ Ibid. P. 139.

¹⁵⁹⁴ Ibid. P. 140—141.

дей на шелк шел лишь тогда, когда китайцам не хватало лошадей, но едва их становилось достаточно, они прекращали поставлять шелк тюркам, что становилось причиной набегов. Если они побеждали, Китай вновь начинал поставки шелка¹⁵⁹⁵. Шелк рассматривался тюрками как средство установления контактов с другими народами, в качестве своеобразной «валюты»; лишь когда попытки установить мирные контакты с соседями не выходили, тюрки принимались за оружие¹⁵⁹⁶. Китайцы также осознавали такую роль шелка и использовали это в своей политике (политика контроля над варварами)¹⁵⁹⁷. Критикуя позже концепцию тюрко-китайских отношений И. Эчеди, Хаяси Тосио указал, что Китай также нуждался в торговле с тюрками, в частности, в лошадях¹⁵⁹⁸.

Древнетюркское общество И. Эчеди рассматривала как родоплеменное, состоявшее из экзогамных племен¹⁵⁹⁹. Само имя *Türk* распространялось на население территорий, входивших в сферу военного и политического влияния именованного так главенствующего племени, нежели употреблялось в этническом отношении¹⁶⁰⁰.

Исследовательнице также принадлежит попытка изучения социальной организации тюрков VI—VII вв. на основе установления значений встречающихся в китайских источниках терминов, обозначающих единицы социальной организации. И. Эчеди выделила следующую иерархию китайских терминов для обозначения общественной организации кочевников: *син* ‘кланы’ — экзогамные родоплеменные группы, роды или племена, *бу-ло* ‘племена’ — патриархальные группы, руководимые вождем, *го* ‘государства’, образующиеся при доминировании какого-либо племени над другими в совокупности со всей населенной ими территорией¹⁶⁰¹. При этом племена, обычно именующиеся по имени предводителя, составляли основные территориально-хозяйственные единицы, хотя определенную роль играли и кровно-родственные отношения, о чем свидетельствует наличие экзогамных кланов, брачующихся друг с другом за пределами своих племен¹⁶⁰². Эта племенная организация имела пирамидальную структуру с привилегированным племенем во главе, которое отличалось тем, что могло контролировать налогообложение и сбор налогов; при этом в больших «кочевых империях» не существовало специальной бюрократии, ведавшей фискальными делами, что фактически говорит о «демократическом»

¹⁵⁹⁵ *Ecsedy H.* Trade and War Relations ... P. 141.

¹⁵⁹⁶ *Ibid.* P. 141—142.

¹⁵⁹⁷ *Ibid.* P. 143.

¹⁵⁹⁸ *Hayashi T.* The Development of a Nomadic Empire : The Case of Ancient Turks (Tuque) // *Bulletin of the Ancient Orient Museum.* 1990. Vol. XI. P. 158—160.

¹⁵⁹⁹ *Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society in the 6th Century Turk Empire // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1972. T. XXV. P. 245—262; *Eadem.* Tribe and Empire, Tribe and Society in the Turk Age // *Ibid.* 1977. T. XXXI. Fasc. 1. P. 3—15. См.: *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 116—117; *Его же.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 139.

¹⁶⁰⁰ *Ecsedy H.* Tribe and Tribal Society ... P. 247 note 3.

¹⁶⁰¹ *Ibid.* P. 249 note 6, p. 252.

¹⁶⁰² *Ecsedy I.* Tribe and Empire, Tribe and Society ... P. 5.

характере племенной организации¹⁶⁰³. Все сборы распределялись между предводителями кланов руководящего племени¹⁶⁰⁴. Они обозначались, по мнению И. Эчеди, термином *цзюнь-чжан*, использовавшимся китайцами по отношению к предводителям единиц меньше, чем племя. Кроме того, в источниках они значатся также как *бу-ло да-жэнь* ‘большие люди племени’ или *цзи бу-ло цзю-чжан* ‘вожди своих племен’, они же *чжу гуй-жэнь* ‘уважаемые из них’, кого каждый год каган собирает для принесения жертвы предкам¹⁶⁰⁵. Члены одного правящего клана монополизировали все рычаги власти¹⁶⁰⁶. Так, в цз. 73 «Ган хуэй яо» о расселении тюрков и телэсцев после победы 630 г. говорится, что они были поселены так, что при этом управлялись *инь цзи си-су* ‘согласно их собственным обычаям’, *те-лэ* были *фэнь-чжи цзю шоу* (где *цзю шоу* как вариант *цзюнь-чжан*) ‘были расселены с их предводителями отдельно’, которые *тун лин бу-ло* ‘управляли ими, каждый своим собственным племенем’, согласно статусу и размеру их территории¹⁶⁰⁷.

По мнению И. Эчеди, утрата племенем своей земли, — территории, где оставались женщины и дети, — независимо от того, был ли жив лидер племени, означала фактическое уничтожение племени как политической единицы, т.к. территория в совокупности с его армией, состоявшей из всех его свободных членов, необходимой именно для ее защиты и обеспечения продукцией, и составляла его основу¹⁶⁰⁸. И. Эчеди считала минимальной экономической единицей у древних тюрков большую семью, маркировавшуюся в китайских источниках термином *чжан* ‘палатка’, ‘юрта’¹⁶⁰⁹.

Большое внимание исследовательница уделила линии женского родства. В этом плане важны следующие наблюдения И. Эчеди. В одной из генеалогических легенд тюрков, где говорится о мальчике, оставшемся после уничтожения хуннского племени (*ло*), спасенном и вскормленным волчицей, выросшие сыновья волчицы, родившиеся после гибели мальчика, взяли себе жен из Гао-чана, и каждый составил род, названный в источниках *син*. При этом сыновья волчицы названы *цзюнь-чжан* ‘главами (иноземных племен)’¹⁶¹⁰. В другой легенде говорится об уничтожении рода, названного *цзу*¹⁶¹¹. Старший внук главы рода Нэ-ду-лю, сын рожденного волчицей И-чжи Ни-ши-ду, названный в источнике *да-эр*, т.е. ‘старший сын’, имел десять жен и все его сыновья получили имена по названиям родов своих матерей, в т.ч. и А-ши-на (этот

¹⁶⁰³ Ecsedy I. Tribe and Empire, Tribe and Society ... P. 8.

¹⁶⁰⁴ Ibid. P. 8—9.

¹⁶⁰⁵ Ibid. P. 10.

¹⁶⁰⁶ Ibid. P. 13.

¹⁶⁰⁷ Ibid. P. 10.

¹⁶⁰⁸ Ecsedy H. Tribe and Tribal Society ... P. 258—260.

¹⁶⁰⁹ Ibid. P. 262.

¹⁶¹⁰ Ibid. P. 250.

¹⁶¹¹ Ibid.

аспект не раз привлекал особое внимание ученых)¹⁶¹². И. Эчеди отмечает, что, поскольку этап матриархата нигде у тюрков не фиксируется, здесь следует видеть временное явление преобладания матриликальных элементов, исключительно при экстремальных обстоятельствах, а в сообщениях о женах из Гао-чана следует видеть отголосок древнейших связей правящего рода тюрков с этой территорией¹⁶¹³.

Рассматривая эпизоды, когда при избрании каганов дважды был обойден Да-ло-бянь, И. Эчеди отметила, что в указании на низкое происхождение его матери [в источнике — *цзянь* ‘низкое общественное положение; подлое состояние (происхождение), худородство’ — *Авт.*] следует понимать меньшую знатность ее рода по сравнению с родом жены, например, То-бо, сын которого как раз занял престол после смерти отца, и именно члены рода матери могли повлиять на выборы кагана¹⁶¹⁴. Да-ло-бянь же, получив лишь титул *А-бо* кагана, «вернулся управлять своим племенем» (*хуань лин-со бу*)¹⁶¹⁵, и в дальнейшем предпринимал все действия со *своим* «народом» (*шу*), «племенем» (*бу-ло*)¹⁶¹⁶. Их И. Эчеди считает как раз родственниками матери А-бо, что как будто подтверждается сообщением, что когда враги напали на его главную ставку, то убили там его мать¹⁶¹⁷. Это говорит о соотношении терминов *син* и *бу-ло*.

И. Эчеди, принимая выводы С.Г. Кляшторного о формах эксплуатации¹⁶¹⁸, обратила внимание на одно обстоятельство, связанное с гибелью в Китае Се-ли кагана в 634 г. Известно, что на свежей могиле Се-ли его приближенный с титулом *ху-лу да-гуань* (< *ulu tarqan?*) по имени Ту-юй-хунь-се, бывший некогда в свите его матери и сопровождавший его с самого детства, перерезал себе горло, а находившийся на китайской службе полководец Су-ни-ши, дядя Се-ли, служивший когда-то под его началом, едва узнав о его смерти, заколол себя. И. Эчеди связала эти два случая, как и попытку заколоться тюркского полководца А-ши-на Шэ-эр на похоронах императора Тай-цзуна в 649 г., которому он долго служил, с патриархальным сознанием тюрков, пережитком тех времен, когда вслед за вождем в могилу, действительно, следовали его жена, друзья, приближенные¹⁶¹⁹.

¹⁶¹² *Ecsedy H. Tribe and Tribal Society ...* P. 250. Ср.: *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (Материалы и исследования по археологии. № 9). С. 6; М.; Л., 1951. С. 276; *Потанов Л.П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953. С. 137—138; Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 112; *Его же.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 158; *Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 68; *Cuisenier J.* Économie et parenté: essai sur les affinités de structure entre système économique et système de parenté. Lille, 1971. P. 97, 98—99.

¹⁶¹³ *Ecsedy H. Tribe and Tribal Society ...* P. 250.

¹⁶¹⁴ *Ibid.* P. 251—252 note 8.

¹⁶¹⁵ *Ibid.* P. 257 note 11.

¹⁶¹⁶ *Ibid.* P. 251—252 note 8.

¹⁶¹⁷ *Ibid.* P. 257—258, note 13.

¹⁶¹⁸ *Ecsedy I.* A Note on “Slavery” in the Turk Rulers’ Burial Customs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1988. T. XLII. Fasc. 1. P. 3.

¹⁶¹⁹ *Ecsedy I.* A Note on “Slavery” in the Turk Rulers’ Burial Customs. P. 9. Кроме того, по мнению И. Эчеди, это также является свидетельством в пользу экзогамии у древних тюрков, т.к. Ту-юй-хунь-се состоял в свите его ма-

Тюрколог Кароль Цегледи в своей работе «Миграции кочевнических народов с Востока на Запад» уделил внимание вопросу о связях миграций с особенностями организации кочевнических объединений¹⁶²⁰. Прежде всего, он сделал следующее важное замечание: «Это постоянно повторяющееся явление, что, проиграв какую-нибудь войну, степные племена обычно присоединяются к победителям, и, даже несмотря на то, что они образуют отдельную группу в рамках нового племенного союза, выступают не под своим старым именем, а под именем победителей, также заслуживает внимания. Это создает ложное представление, что побежденные племена были полностью уничтожены, и исчезли из степи. Настолько же типичная и периодически повторяющаяся модель в степной истории состоит в том, что не всякое и любое племя завоеванного народа передвигается с победителями. Более того, те племена, которые были не в состоянии мигрировать ввиду недостатка животных или иных причин, полвека спустя все еще могут быть обнаружены проживающими рядом со своими старыми местами обитания. Также хорошо известно явление в истории степи, когда в процессе миграции кочевнические народы оставляют несколько племен на прежних местах с той целью, чтобы эти племена сохранили владения старыми местами обитания на случай, если им не удастся занять новую родину. Наиболее часто эти племена, что были оставлены позади, никогда не воссоединялись с теми племенами, что мигрировали. Скорее они растворялись среди племен каких-нибудь новых кочевнических народов, которые в итоге завладели оставленной территорией»¹⁶²¹.

К. Цегледи отмечал, что при расширении племенных объединений и включении в их состав новых племен между племенами организуется определенная стратификация. Главенствующее племя, или племя правителя, ставит членов своей семьи руководить подчиненными племенами или оставляет им своих правителей. Семьи правителей главенствующих племен находятся в близком родстве с каганом, заключают с его семьей браки, приобретая особое положение, что часто подчеркивается в их титулатуре¹⁶²². После же победы над каким-нибудь племенем или завоевания союз разрастается и соответственно перестраивается стратификация. Особо сильные союзы распространяют свою власть и на «культурные народы»: их правящие дома также рождаются с каганами. Завоеванные и вошедшие таким образом в союз кочевнические племена перенимают имя правящего племени, притом что их языковая принадлежность абсолютно не

тери, По-ши (Со-ши) со времен ее замужества и сопровождал Се-ли кагана с его рождения (*Ecsedy H. Tribe and Tribal Society ... P. 272*).

¹⁶²⁰ *Czeglédy K. Nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest, 1969 (Kőrösi Csoma kiskönyvtár 8)*. Ср. также переработанное англоязычное издание с переводом, выполненным П.Б. Голденом: *Czeglédy K. From East to West: the Age of Nomadic Migrations in Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1983. Т. III. P. 25—125*.

¹⁶²¹ Цит. по: *Czeglédy K. From East to West ... P. 43*. См.: *Uő. Nomád népek ... 27—28. о.*

¹⁶²² *Czeglédy K. Nomád népek ... 78. о.; Idem. From East to West ... P. 87*. В переводе П.Б. Голдена для правящего слоя используется сочетание «*ruling strata*» (*Czeglédy K. From East to West ... P. 89, 110*), К. Цегледи же везде употребляет «*vezértörzs*», букв. «*правлящее племя*» (*Czeglédy K. Nomád népek ... 79, 104. о.*).

имеет значения. Такие союзы состояли из различных элементов¹⁶²³. На конкретном примере такой подход ученого отражается, например, в следующей формулировке, когда речь идет о восточной группе племен *те-лэ*: «Групповое тюркское наименование этой восточной группировки было *огуз*, а наименование их правящего племени было *уйгур*»¹⁶²⁴.

К. Цегледи, отождествляя союз *токуз огуз* и *уйгур* как названия одного племенного союза, считал, что он не был подвластен тюркам, которые долгие десятилетия вели с ним тяжелые войны, пытаясь подчинить его, а те все время отчаянно сопротивлялись, воюя за свою независимость. По данным тибетских и сакских документов (соответственно тибетский манускрипт № 1283 (*Pelliot Tibétain 1283*) и т.н. «сакский манускрипт», оба из коллекции П. Пельо), тюркский и токуз огуз-уйгурский представляли два разных, соответственно двенадцати и восемнадцатиплеменных союза¹⁶²⁵. Развивая эту мысль, К. Цегледи высказал мнение, что в лучшее время Тюркское объединение составляло племенную конфедерацию из тридцати племен, из которых двенадцать являются собственно тюркскими, девять являются токуз огузами, главное из которых, уйгуры, было разделено на еще девять (всего получилось восемнадцать, т.е. 9 уйгуров + 1 ханское племя + 8 остальных огузских племен)¹⁶²⁶. Позже он пересмотрел свои взгляды на соотношение уйгуров и токуз огузов, указав, что они составляли 18 племен, а именно — в девятиплеменной конфедерации *Toquz-Oyuz* выделялось племя *Уууур*, делившееся на десять подразделений (*On-Uyur*)¹⁶²⁷. Любопытен тот факт, что К. Цегледи пытался приписать уйгурам введение десятичной системы, притом что тюрки пользовались девятичной, почитая это число, согласно данным Махмуда Кашгарлы¹⁶²⁸. Но, как справедливо указал В.В. Трепавлов, десятичная система известна у кочевнических народов задолго до VIII в.¹⁶²⁹

Определенное влияние на венгерскую историографию оказал Йено Сюч, в своей диссертации (1971) предпринявший попытку адаптировать к ранней истории венгров выдвинутую Р. Венкусом на основе древнегерманского материала теорию этногенеза, или «гентилизма»

¹⁶²³ Czeglédy K. Nomád népek ... 78—79. о.; *Idem*. From East to West ... P. 87—88.

¹⁶²⁴ Czeglédy K. Nomád népek ... 104. о.; *Idem*. From East to West ... P. 109.

¹⁶²⁵ Czeglédy K. Nomád népek ... 104—105. о.; *Idem*. From East to West ... P. 110.

¹⁶²⁶ Czeglédy K. On the Numerical Composition of the Ancient Turkish Tribal Confederations // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1972. T. XXV. P. 275—281 (ср. на венг. яз.: *Uő. A régi török törzsszövetségek numerikus felosztásának kérdéséhez* // Magyar Nyelv. 1963. 59. kötet. 456—461. о.); *Idem*. History and the Turkic Inscriptions // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии: [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. Улан-Батор, 1974. С. 303—304. Прежде эта позиция озвучена в статье: Czeglédy K. A török népek és nyelvek tagolódásának kérdéséhez // Magyar Nyelv. 1949. 45. kötet. 291—296. о. См.: Sinor D. Dix années d'orientalisme hongorais (1940—1950). P. 223—224.

¹⁶²⁷ Czeglédy K. Zur Stammesorganisation der türkischen Völker // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1982. T. XXXVI. Fasc. 1—3. P. 89—93. Дискуссию в венгерской историографии см.: Katona-Kiss A. Észrevételek a „tokuz-oguz problémá”-hoz // A Wosinsky Mór Megyei Múzeum Évkönyve. 2007. XXIX. kötet. 237—241. о.

¹⁶²⁸ Czeglédy K. History and the Turkic Inscriptions. С. 304. См.: Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / çev. В. Atalay. Ankara, 1985. Cilt III. S. 127; Махмүд ал-Кашгарӣ. Дивән Лугāt ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 835.

¹⁶²⁹ Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // Mongolica : К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 177 прим. 8; *Его же*. Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 22—23, 119 прим. 13.

(Gentilismus), — объединения вокруг успешных военных предводителей и их родов с их идеологией экзогенных групп, с формированием своеобразной присущей «варварскому» самосознанию формы самоидентификации, соотносением себя с конкретным племенем, — доэтнической формой общности, противопоставлявшей себя другим таким же общностям, — и о последующем сложении этнических групп путем политизации и интеграции таких племен (*Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. Köln; Graz, 1961*)¹⁶³⁰. Й. Сюч в рамках этой чисто теоретической работы¹⁶³¹ затронул и кочевников, стремясь противопоставить свою концепцию восприятию истории кочевников как историю аморфной массы из разрозненных групп с перманентно возникающим состоянием объединения под деспотической властью. Для этого он использовал именно орхонские надписи, указав, что в понимании «империи» в надписях четко отделены друг от друга термин *il* в полуабстрактном значении ‘власть кагана’ и *budun* ‘народ’. При этом он отмечал неопределенность и размытое значение второго термина ‘масса, толпа, люди’, ‘совокупность подданных тюркской империи’ (в качестве обозначения одного из племен, подвластных собственно тюркам) и, наконец, ‘простой народ’. Отсюда он делает вывод об «одномерном» мышлении древних тюрков. По мнению Й. Сюча, терминология позволяет выделить две группы людей с точки зрения обладания политической властью: соответственно те, у кого она есть, кого и представляет каган (*il*), и те, у кого ее нет. В представлении тюрков убить чьего-то кагана и понятие «забрать иль» тождественны. Судя по руническим текстам, истребленный правящий слой какого-либо народа заменяется наместниками из числа эскорта правящего кагана (*buyruq*). Поэтому покоренный народ (племя, племенной союз) приравнивался к общему знаменателю в категории *budun* «народ», входя в общую государственную систему, но при этом сохранял свое внутреннее устройство и противопоставление в рамках ее категорий *bäglär budun* ‘беги и народ’, поскольку правящий слой всегда оставался тонкой прослойкой при сохранении родоплеменной организации. Кроме того, каган все равно опирался на местную племенную знать, что видно из енисейских надписей, где с бегом всегда в сочетании выступают его народ (*budunim*), родственники, сподвижники. Вместе с тем, Й. Сюч признавал, что в силу специфики организации степных народов *budun* не всегда подразумевает этническое единство: в каждом частном случае это зависело от стабильности характера населения. Любая суверенная политическая группа рассматривалась как «народ, обладающий властью и правителем» (*illiy qayanliy budun*)¹⁶³².

¹⁶³⁰ Dobrovits M. Hatalom és törzsi rendszer a második türk kaganátusban // Publicationes Universitatis Miskolcensis. Sectio Philosophica. 2004. T. 9. Fasc. 3. 50. o.; *Uő. Vámbéryval a harmadik évezredben. 105—106. o.*

¹⁶³¹ Szűcz J. „Gentilizmus”. A barbár etnikai tudat kérdése (Knadidátusi ért. téz.). Budapest, 1971; *Uő. Nemzet és történelem: Tanulmányok. 3. Kiadás. Budapest, 1984. 329—357. o.*

¹⁶³² Szűcz J. „Gentilizmus” ... 20—21. o.; *Uő. Nemzet és történele ... 351—353. o.* См. также: Zimonyi I. *Bodun und El im Frühmittelalter* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2003. T. 56. № 1. S. 59. Соответствующий доклад Й. Сюча «Этническое самосознание кочевников» с привлечением древнетюркского

Эту концепцию взял на вооружение тюрколог Иштван Вашари. Он высказывался за возможность отнести кочевнические политические образования к государствам, отметив, что категория ‘государство’ связана с таким устойчивым образованием как ‘нация’, и предложил сохранять более универсальное ‘империя’¹⁶³³. Отличительными признаками здесь следовало видеть наличие исполнительной власти¹⁶³⁴ и не территориальную, а населенческую их основу¹⁶³⁵.

Обращаясь к древнетюркскому материалу, И. Вашари прибег к его интерпретации, опираясь на теорию государства П. Шкальника. Исходя из всех значений термина *bodun* (по Дж. Клосону, см. ниже) ‘народ’, ‘нация’, ‘племя’, ‘племенной союз’, он предпочитает толковать *türk bodun* как ‘тюркский народ, тюркское племя’¹⁶³⁶, при этом указывая на толкование *qara bodun*, или же *qara igil bodun*, как ‘простолюдины’, ‘простой народ’, а *bodun* с детерминативами в виде этнических наименований — как обозначение целого народа, народа в целом¹⁶³⁷. Именно это привело ученого к проблеме самоопределения этих народов, проблеме соотношения политической и этнической составляющей в этих объединениях — проблеме «национальности», прежде всего, происхождения, возникновения рассматриваемой общности¹⁶³⁸.

На примере тюрков И. Вашари исходил из этимологии слова *bodun* как *bod* ‘род’ и ‘количество мужчин’ с множественным аффиксом *-n* (ср. *er + -n > eren*), что может быть соотносено с вариантом генеалогической легенды о создании тюркского союза, изложенным в «Чжоу шу», повествующей о формировании группы, сплотившейся вокруг одного тотема¹⁶³⁹. Эта общность (тюркский народ), кроме единого языка (тюркского языка), имела свои культы (тюркские божества), т.е. *türk täñrisi türk iduq yeri-subı*¹⁶⁴⁰, свои обычаи (тюркские обычаи), т.е. *törü*, при этом именно обычаи предков, о чем прямо говорят рунические тексты (*äcüm-apam törüsinčä*) [КТБ, 13]¹⁶⁴¹. Каган воздвигался («поднимался» *yügärü kötür*) над народом, народ обретал своего вождя (*qağanlıq bodun*) и власть над собой¹⁶⁴², что видно из значения слова *el* ‘племенной союз’,

материала был сделан ученым на конференции в конце октября 1978 г.: *Ecsedy I. Nomads Societies and State Formations (A joint conference of the Committee for Oriental Studies of the Hungarian Academy of Sciences and the Csoms de Körös Society, Budapest, October 25—26 — Visegrád, October 27, 1978) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1981. T. XXXV. Fasc. 2—3. P. 395 (резюме на англ. яз.)*.

¹⁶³³ *Vásáry I. Nép és ország a türköknél // Nomád társadalmak és államalakulatok (Tanulmányok) / szerk.: F. Tökei. Budapest, 1983 (Kőrösi Csoma Kiskönyvtár 18). 189—191. о. Резюме на англ. яз. см.: Ecsedy I. Nomads Societies and State Formations ... P. 395.*

¹⁶³⁴ *Vásáry I. Nép és ország a türköknél. 192. о.*

¹⁶³⁵ Уо. 193—194. о.

¹⁶³⁶ Уо. 194—195. о.

¹⁶³⁷ Уо. 195. о.

¹⁶³⁸ Уо. 196. о.

¹⁶³⁹ Уо. 197. о.

¹⁶⁴⁰ Уо. 197—198. о.

¹⁶⁴¹ Уо. 198. о.

¹⁶⁴² Уо. 198—199. о.

‘империя’, ‘государство’, ‘власть’¹⁶⁴³; обычаи народа, теперь ставшие установлениями эля (*boduniñ eli törüsi*), поддерживает каган (*qayan eli törüsi*). И. Вашари обратил внимание на то, что тюркское объединение *illiy qayanliq bodun*, по сути, являло собой организованную структуру, основу которой составляла «организация власти и находящиеся в ведении кагана люди»¹⁶⁴⁴. Каган является вождем своего народа, военным предводителем, он водит его в походы (*sülä-, sü sülä-*), чтобы «собрать» другие народы (*ter-/qobrat-/qamaqi-*) [КТб, 2; БК, X, 11], подчиняет их, а его власть основывается на укреплении самой *организации*, где при этом важную роль играла и идеология, но остававшаяся актуальной лишь для своего собственного народа¹⁶⁴⁵. Она сводилась к тому, чтобы противопоставить свой народ (*bodun*) другим, которые «были врагами» (*yayı bol-*) [КТб, 14], на которых совершают походы (...*tapa sülä-*) [КТб, 35], с которыми сражаются (*sünüš-*) [КТб, 15], которых побеждают (*süg yoq qış-, süsin ölü-/sanç-/buz-*) [КТб, 32; БК, X, 25, 26, 34], что преподносится как усмирение (*boduniy ölü-/buz-/baz qil-*) [БК, X, 29, 24; КТб, 2]; целью здесь является захват скота (*yülqisın barımın al-*) [БК, X, 24]; его люди убивают каганов (*qayanıy ölü-*) [КТб, 36] и захватывают эли (*eli al-*) [КТб, 36], покоряют народы (*boduniy al-*) [КТб, 2], включая их в свое объединение (*iç-*) [МШУ, 19 (= Вост., 7)], где они теперь должны «отдавать труды и силы» (*işig küçig ber-*) [МШУ, 17 (= Вост., 5)], подчиняться новому кагану (*-qa kör-*) [КТб, 30]; они становятся слугами тюрков (*qul kün*) [КТб, 20]; они получают имя главенствующего народа (*toquz-oğuz budun kántü bodunim ärti; türgäş qayan türkümüz bodunim ärti*) [КТб, 4; КТ, Xб, 19 = БК, Xб, 16]. Это теперь народы, не имеющие организации и кагана (*elsirätmiş qayansiratmiş bodun*), подчиненные народы (*künädmiş quladmiş bodun*), живущие по обычаям тюрков (*türk törüsün içyinmiş*) [КТб, 13]¹⁶⁴⁶. Во главе их каган сажает своих наместников, назначаемых из лично верных ему людей, не связанных с родами (*buyuruq*), в противовес бегам (*bäg*), являющимся предводителями родоплеменной структуры с кровными связями в основе¹⁶⁴⁷. Таким образом, появление кагана выводит социальную организацию степных народов на качественно совершенно новый уровень. Происходит процесс политической интеграции различных этнических группировок, создающих хаотичную временную систему с нестабильной иерархией сегментов различной сложности: род — племя — империя (*bod — bodun — el*)¹⁶⁴⁸. При этом только уровень *bodun* содержит этническую основу, а *el*, будучи следствием самореализации лишь одного народа (*bodun*), может трактоваться как ‘политическая нация’, основанная только на силе стержневого народа¹⁶⁴⁹.

¹⁶⁴³ *Vásáry I. Nép és ország a türköknél.* 199. o.

¹⁶⁴⁴ Уо. 199—200. о.

¹⁶⁴⁵ Уо. 200—201. о.

¹⁶⁴⁶ Уо. 201—202. о.

¹⁶⁴⁷ Уо. 203. о.

¹⁶⁴⁸ Уо. 203—204. о.

¹⁶⁴⁹ Уо. 204. о.

Фактически, речь идет об эволюционистской модели развития кочевнических обществ, но за счет внутренней специфики. Однако, как отметил позже Иштван Зимоньи, И. Вашари исходил из представлений о формировании государств с точки зрения европейского средневековья¹⁶⁵⁰.

Кроме проблем образования империи, И. Вашари обратился к механизмам поддержания ее функционирования. Отмечая, что, как и писал О. Латтимор, история никогда не имела примеров чистых кочевников, И. Вашари отмечает в качестве особенности организации кочевнических политических объединений то, что они сочетали в себе различные хозяйственные уклады на разных территориях (принцип «возможностей местности»), поддерживающейся из одного центра¹⁶⁵¹. Поэтому предложенное толкование понятия *el* через дефиницию *империя*, сопоставляемую с *imperium*, следует понимать, прежде всего, в организационном плане, надтерриториальном. Но вместе с тем неизбежно обращение к понятию *yer* ‘земля, место’¹⁶⁵². Тюркский народ имел свою такую землю, именованную *ïduq yeri-subî* ‘копия Неба’, ‘священная земля-вода’, отражавшая восприятие тюрками *Ötükäna*, т.е. они сами себе представлялись как *ïduq ötükän yış bodun* ‘народ священных гор Отюкен’, где они справляли свои культы и где находилась резиденция кагана (*ordu*), и здесь же они организовали центр империи¹⁶⁵³. Такую землю, такой *yer*, имел каждый народ, каждый *bodun*¹⁶⁵⁴. Таким образом, тюркская кочевая империя составляла организацию ряда локальных общин, состоявших из *bodun* ‘народа’ и *yer-sub* ‘местожительство народа’¹⁶⁵⁵.

Вместе с тем, древнетюркская терминология отразила различные обозначения оседлых пунктов (*yurt; äb, ordu; baliq; uluř*)¹⁶⁵⁶. Здесь, во многом основываясь на работе Т. Нагродзка-Майхжык (см. ниже), И. Вашари, отталкиваясь от изменения семантики некоторых терминов, склонился к мнению о постепенной социальной эволюции кочевнических политических образований в сторону оседлых государств. Так, прежде всего, это позднее значение термина *uluř* ‘страна’, зафиксированное для документов эпох уйгуров и Караханидов IX—XII вв., аналогичное понятию *regnum*¹⁶⁵⁷. Исходя из этого, И. Вашари говорит о соответствии направления семантических изменений усложнению политической структуры тюркских государственных образований, исторически, с постепенным переходом населения кочевнических объединений к оседанию под влиянием манихейства у уйгуров и ислама у Караханидов, и привязыванию наро-

¹⁶⁵⁰ Zimonyi I. *Bodun und El im Frühmittelalter*. S. 62 Anm. 8.

¹⁶⁵¹ Vászary I. *Nép és ország a türköknél*. 206—207. o.

¹⁶⁵² Uo. 207—208. o.

¹⁶⁵³ Uo. 209. o.

¹⁶⁵⁴ Uo. 210—211. o.

¹⁶⁵⁵ Uo. 211. o.

¹⁶⁵⁶ Uo. 209—211. o.

¹⁶⁵⁷ Uo. 211—212. o.

да к территории. В частности, это отразилось и в поздних значениях термина *el* ‘страна как территория’ и ‘население империи’¹⁶⁵⁸.

Практически эта же точка зрения была повторена И. Вашари уже в монографии 2003 г. «История древней Центральной Азии», где тюркское государство в социальном отношении рассматривалось как более развитое, чем предыдущие «кочевые империи»: оно было более централизованным, хотя племенная организация сохранялась. Уничтожить ее смог лишь впоследствии Чингисхан¹⁶⁵⁹.

Михай Добрович в 2004 г. отметил, что статья И. Вашари на протяжении двух десятилетий была эталонной для венгерской научной литературы¹⁶⁶⁰.

Вместе с тем, и в Венгрии выходили работы, написанные в традиционном марксистском духе. Так, например, книга Ласло Лёринца об истории Монголии в небольшом параграфе о «Тюркском ханстве» дает изложение его истории в традиционной более для советской историографии трактовке: об обогащении тюркской аристократии за счет китайской дани, о делении тюрков на аристократические и зависимые племена (*tat*), вынужденные нести для первых повинности в виде выплаты дани и военной службы, оседлые же народы выплачивали им продуктами земледелия; одним из проявлений недовольства против эксплуатации стало антифеодальное) восстание «князя Або»¹⁶⁶¹.

Но, как отмечает М. Добрович, венгерским марксистам ближе была концепция патриархально-феодальных отношений, основывающихся не на земельной собственности, а на внутренних патриархальных отношениях в общине (С.Е. Толыбеков)¹⁶⁶².

Здесь интересной также выглядит попытка Берты Антала увязать достижения венгерской историографии в понимании общности этнических и социальных процессов в истории кочевнических народов с марксистской парадигмой¹⁶⁶³. В частности, ученый попытался, отталкиваясь от теоретической линии, заданной Ф. Энгельсом, и ссылаясь на работу А.Н. Бернштама, продемонстрировать механизм формирования племен из родов как родовых союзов, аналогичных латинскому *gens*, и их мобильности в период Тюркского каганата VI—VIII вв.¹⁶⁶⁴

Таким образом, в целом мы можем говорить о более или менее единой линии понимания истории древнетюркской государственности у венгерских ученых, очень много внимания уделявших частным моментам на конкретно-историческом материале. Однако в этих работах

¹⁶⁵⁸ *Vásáry I.* Nép és ország a türköknél. 212 o.

¹⁶⁵⁹ *Vásáry I.* A régi Belső-Ázsia története. Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 2003. 80. o.

¹⁶⁶⁰ *Dobrovits M.* Hatalom és törzsi rendszer ... 53. o.; *Uő.* Vámbéryval a harmadik évezredben. 103. o.

¹⁶⁶¹ *Lőrincz L.* Histoire de la Mogolie : des origins à nos jours. Budapest, 1984. P. 24—27. Основывался в этих выводах автор, по-видимому, исходя из трехтомной «Истории МНР», указанной в его библиографическом списке (*Ibid.* P. 283).

¹⁶⁶² *Dobrovits M.* Hatalom és törzsi rendszer ... 57—58. o.; *Uő.* Vámbéryval a harmadik évezredben. 109. o.

¹⁶⁶³ *Antal B.* Türk-ösmagyar etnogenetikai kérdések // *Nomád társadalmak és államalakulatok ...* 67—79. o.

¹⁶⁶⁴ *Uo.* 72—79. o. Резюме на англ. яз. см.: *Ecsedy I.* Nomads Societies and State Formations ... P. 394.

Тюркский каганат затрагивался лишь попутно: в основном ученых привлекали этнические процессы эпохи, а материал, касающийся социальной истории, брался лишь для сравнительно-исторических параллелей относительно венгров эпохи «обретения родины». За исключением, пожалуй, работ Ф. Ласло, выделившим на конкретном материале основные аспекты специфики обществ древнетюркской эпохи, И. Эчеди, коснувшейся проблемы внешнеполитических связей Тюркского каганата и их значения для социально-экономических отношений внутри этого политического объединения, и И. Вашари, принявшего на вооружение неозволюционистские построения, венгерские ученые вообще не интересовались механизмами социальных и политических отношений у древних тюрков VI—VIII вв. специально, руководствуясь, по-видимому, принятой установкой о родо-племенном характере их социальной организации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

(обязательное)

РАБОТЫ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.

Членить западноевропейскую и выросшую из нее американскую историографию на локальные, «национальные», школы едва ли сообразно, поскольку о таковых возможно говорить в отношении специальных дисциплин, например, лингвистики — немецкая или французская школа тюркологии и т.п., — но когда речь идет об изучении социальной организации кочевников, тем более, конкретного общества, как в случае с древними тюрками VI—X вв., возможно говорить скорее о традиции, которая для западноевропейской науки в целом была общей, что отразилось в единстве методологических подходов и методов исследования¹⁶⁶⁵, хотя в частности исследователи, определенно, так или иначе придерживались методических приемов в той или иной области исследования, привитых им в рамках собственных национальных научных школ¹⁶⁶⁶.

Изучение древнетюркского общества протекало специфически, не сложившись в отдельное исследовательское направление, как и не сложилось отдельного направления по истории кочевнических народов в целом. Советская историография *со своих позиций* отмечала здесь от-

¹⁶⁶⁵ См.: *Васильев М.А.* Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии. М., 1982. 48 с. (Деп. в ИНИОН АН СССР 29.09.82, № 11301); *Его же.* Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 13—45; *Его же.* Современная англо-американская буржуазная историография истории кочевников Восточной Европы в период раннего средневековья (конец IV — середина X вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 4—6; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 26—27; *Его же.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 11—12; *Шаисламов А.Р.* Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 71—114; *Его же.* Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 14—20.

¹⁶⁶⁶ Политический фактор, такой как события, связанные с двумя Мировыми войнами (1914—1918, 1939—1945 гг.), не оказали разрушительного влияния на единство этой традиции, хотя в значительной степени, по видимому, способствовал замыканию на некоторое время ученых разных стран в рамках собственных школ. Однако взаимодействие европейских ученых никогда не прекращалось, о чем говорит хотя бы тот факт, что ни одна крупная востоковедческая работа, вышедшая, например, во Франции или Германии, никогда не оставалась без отклика зарубежных коллег. Непосредственное же сотрудничество ученых возобновлялось при первой же возможности и, будучи всегда проникнуто духом плюрализма, имело очень плодотворные результаты, о чем свидетельствует, например, выход в конце 50-х — первой половине 60-х гг. XX в. двух томов коллективного издания «Основы тюркской филологии» («*Philologiae Turcicae fundamenta*»).

сутствие анализа внутренних социальных процессов¹⁶⁶⁷. Однако развитие здесь получил именно тот подход, к которому шли еще Ж. Дегинь, Л. Каун, В.В. Радлов и Г. Вамбери.

Безусловно, здесь историками большее внимание уделялось частным моментам социальной и политической жизни древних тюрков VI—X вв., как правило, в сравнительном контексте с другими кочевническими тюрко-монгольскими народами евразийских степей. Кроме того, очень плодотворно шло изучение социальных аспектов в филологических работах. В целом же изучение социально-политической истории древнетюркского общества редко имело целенаправленный, а скорее случайный характер.

Французский синолог и монголист П. Пельо, ученик Э. Шаванна, известен прежде всего как источниковед, переводчик и комментатор¹⁶⁶⁸. Ему принадлежат также несколько важных источниковедческих работ по древнетюркской эпохе¹⁶⁶⁹. Но также он был одним автором компаративной методики в лингвистических исследованиях, по крайней мере, тем, кто активно использовал ее на практике. П. Пельо в изучении бесписьменных тюрко-монгольских народов Центральной Азии пытался выявить происхождение некоторых лексических единиц путем реконструкции их звучания, зафиксированного в китаеязычной передаче¹⁶⁷⁰. Важность его методика возымела и для алтаистических исследований, прежде всего, потому, что сумела показать возможности реконструкции лексики более широкого языкового диапазона, что ставило под сомнения стремление многих лингвистов связывать с *сюн-ну* историю только тюркоязычных

¹⁶⁶⁷ См., напр.: *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953. Сб. 1 / отв. ред. В.И. Авдиев, Н.П. Шастина. С. 91; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 13; *Итс Р.Ф., Кляшторный С.Г.* [Рец. на] «История Тувы». М. «Наука». 1964. Тираж 8 000. Т. I. 401 стр. Цена 1 руб. 67 коп.; Т. II. 455 стр. Цена 1 руб. 76 коп. // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 159; *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 32; *Гумилев Л.Н., Эрдейи И.* Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78; *Васильев М.А.* Проблемы истории кочевого скотоводства ... С. 14; *Его же.* Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 26; *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе (XIII — середина XX века). М., 1988. С. 84—85, 128). С другой стороны, едва ли не будет правомерно, говоря о критической линии советской историографии, процитировать современного исследователя: «Это можно объяснить следующими причинами: во-первых, недостаточным вниманием и отрицательным отношением к иностранному опыту на протяжении длительного периода времени. Долгое время изучение зарубежной историографии определялось идеологическими установками, довольно часто не позволявшими всесторонне оценивать творчество отдельного исследователя, так как необходимо было подвести его работы под общий знаменатель реакционности, при этом почти полностью игнорировался накопленный ценнейший материал ученого; и, во-вторых, плохим знанием исследователями отечественной истории иностранных языков» (*Гатин М.С.* Немецкие историки о Золотой Орде: проблемы истории Улуса Джучи и позднесолотоордынских государств Восточной Европы в немецкой историографии XIX—XX вв. Казань, 2011. С. 7—8). См. также: *Таушевханова Р.М.* История изучения Казахстана в Германии (вторая половина XIX века — 1991 г.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алматы, 2005. С. 4—5. Второй момент не в такой степени характерен, однако, для востоковедов, знавших работы иностранных коллег достаточно хорошо.

¹⁶⁶⁸ *Atwood C.P.* Paul Pelliot and Mongolian Studies // Paul Pelliot: de l'histoire à la légende. Colloque international organisé par J.-P. Drège, G.-J. Pinault, C. Scherrer-Schaub et P.-È. Will au Collège de France et à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Palais de l'Institut), 2—3 octobre 2008. Actes édités par J.-P. Drège et M. Zink. Paris, 2013. P. 433—439.

¹⁶⁶⁹ *Rachewiltz I., Rybatzky V.* Introduction to Altaic philology: Turkic, Mongolian, Manchu / with the collaboration of Hung Chin-fu. Leiden; Boston, 2010 (Handbook of Oriental Studies, Section 8. Uralic & Central Asia. № 20). P. 130.

¹⁶⁷⁰ *Atwood C.P.* Paul Pelliot and Mongolian Studies. P. 439—448.

народов лишь на том основании, что достоверный монгольский языковой материал датируется только начиная с XIII в.¹⁶⁷¹

В 1930 г. в комментариях к изданию Ризâ Нуром (1928) уйгурской версии дастана об Огуз кагане П. Пельо затронул некоторые аспекты древнетюркской социальной терминологии¹⁶⁷². Так, он обратил внимание на собирательное значение термина *budun* ‘корпорация’¹⁶⁷³ и организационное значение термина *el~äl*, исходя из соответствия первого термина уйгурскому *kün* в значении ‘человек’ и сочетанию *el kün* ‘народ’, ‘покорные люди’¹⁶⁷⁴.

К сожалению, в самой Франции П. Пельо после себя учеников по тюркологическому направлению не оставил¹⁶⁷⁵.

Заслуживает упоминания одна посмертно опубликованная работа польского монголиста, алтаиста В. Котвича так же в контексте как сравнительных, так источниковедческих исследований. В. Котвич, рассматривая прежде всего монгольскую терминологию социальной организации, обращаясь также к тюркскому материалу, видел в основе кочевнических обществ «кости» (тюрк. *süök*, монг. *yasun*), — агнатные группы кровных родственников, ведущих происхождение от одного предка, — и кланы (тюрк. *отуq*, монг. *обоу*), более аморфные единицы, разбавленные принятыми извне элементами. При этом члены одной «кости» могли находиться в разных кланах. Они объединялись в племена (монг. *ayimaγ*, *отоу*), либо под властью одного клана, по имени которого племя получало название, либо объединяясь в союз несколькими кланами, как, например, тюркские *Toquz Oγuz*, *On Uγur*, *Toquz Tatar*. Образуемые этими племенами государства (*el*, *ulus*) состояли из разнородных этнических элементов¹⁶⁷⁶. Название по имени одного из них никогда не означало этнического единства; входившие в эти государства элементы, при их распадении и рассеивании, могли стать у основания нового¹⁶⁷⁷. Так и государство *Türk* было основано группой тюркских племен с одной династией во главе, но это имя распространилось на всех их подданных¹⁶⁷⁸. Также здесь В. Котвич выдвинул на основе попытки

¹⁶⁷¹ Atwood C.P. Paul Pelliot and Mongolian Studies. P. 443.

¹⁶⁷² Pelliot P. Sur la légende d’Uγuz-khan en écriture ouigoure // T’oung Pao (Second Series). 1930. Vol. 27. № 4/5. P. 247—358. Ср. перевод на турецкий язык: Pelliot P. Uygur Yazısıyla Yazılmış Uğuz Han Destanı Üzerine / çev. V. Köken. Ankara, 1995 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu Yayınları : 619).

¹⁶⁷³ При этом ученым, хотя и указал, что в китайско-уйгурском словаре *beden* соответствует *иэнь*, но, видимо, именно из-за такой транскрипции сопоставил его с турецким *bütün* (Pelliot P. Sur la légende d’Uγuz-khan en écriture ouigoure. P. 262—263; *Aynı müel*. Uygur Yazısıyla Yazılmış Uğuz Han Destanı Üzerine. S. 21).

¹⁶⁷⁴ Pelliot P. Sur la légende d’Uγuz-khan en écriture ouigoure. P. 268; *Aynı müel*. Uygur Yazısıyla Yazılmış Uğuz Han Destanı Üzerine. S. 26.

¹⁶⁷⁵ Menges K.H. The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968 (Ural-Altäische Bibliothek. XV). P. 8.

¹⁶⁷⁶ Kotwicz W. Contributions à l’histoire de l’Asie Centrale // Rocznik Orientalistyczny. 1949. T. XV (1939—1949). P. 160, 161—162.

¹⁶⁷⁷ Ibid. P. 164.

¹⁶⁷⁸ Ibid. P. 165.

этимологизации титула *Kül-tägin* (едва ли, тем не менее, корректной), гипотезу о существовании у тюрков института, аналогичного монгольскому *odčigin*¹⁶⁷⁹.

Нельзя не отметить книгу об истории Китая книге О. Франке¹⁶⁸⁰, написанную в старой немецкой традиции и являющуюся, наверное, лучшим на тот момент изложением политической истории Тюркского каганата в связи с китайской историей, хотя в ней оно представлено в виде разбросанных по разным страницам сюжетов и совершенно не содержит социологических изысканий. Автор использовал все работы предшественников (А. Гобиль, С. Жюльен, Э.Х. Паркер, Э. Шаванн, Ф. Хирт, Л. Вигер, П. Пельо), а также привлек исследования по руническим надписям (В. Томсен, В.В. Радлов, В.В. Бартольд), сделав важные комментарии касательно ряда спорных моментов тюркской истории, помещенные в третьем томе его работы¹⁶⁸¹.

В 1939 г. во Франции была напечатана выдержавшая с тех пор несколько изданий и переведенная на множество языков сводная работа о кочевниках Р. Груссе, также затронувшего историю древних тюрков VI—VIII вв.¹⁶⁸² Как позже отметил Д. Синор, отраженная в названии книги формулировка «Империя степей» являет собой «прекрасное и отражающее свою внутреннюю сущность понятие»¹⁶⁸³. Р. Груссе основывался на работах китаистов Ст. Жюльена, Э. Шаванна, П. Пельо, переводах древнетюркских памятников В. Томсена; им была описана только политическая история, но, безусловно, на более высоком уровне, чем это было сделано в работах предшественников¹⁶⁸⁴. Работа подобного плана давно назревала с учетом того, что упомянутыми исследователями и рядом других востоковедов к тому времени была подготовлена основательная источниковедческая база, что подразумевает и наличие множества изданных, переведенных и прокомментированных текстов, и наличие ряда критических публикаций.

С тюрков Р. Груссе начинается эпоха средневековья¹⁶⁸⁵. Ученый рассматривал образ жизни кочевников как «стадию развития», и ставил в основу их миграций географический фактор, в частности, писал, что все время испытывавших нужду в пищевых продуктах тюрков и монголов

¹⁶⁷⁹ Kotwicz W. Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale. P. 185—188 (II. La signification du titre *Kül-tägin*).

¹⁶⁸⁰ Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches : eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit. Berlin ; Leipzig, 1936. II. Band : Der Konfuzianische Staat I. der Aufstieg zur Weltmacht. S. 230—235, 241, 243, 245—246, 248, 311—314, 326—327, 331, 336—337, 338, 339, 345, 351—357, 358—360, 362—365, 371, 381, 393—395, 400, 419—423, 440—443.

¹⁶⁸¹ Franke O. Geschichte des chinesischen Reiches ... Berlin ; Leipzig, 1937. III. Band : Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis. S. 310—311, 312, 314—316, 338—339, 347, 350—352, 353—354, 355—356, 361—362, 369, 371, 372, 374, 383, 389—391.

¹⁶⁸² Grousset R. L'empire des steppes. Attila, Gengis-khan, Tamerlan. Quatrième édition. Paris, 1965 (première édition : 1938). P. 124—161; История Казахстана в западных источниках XII—XX вв. / сост. Б.М. Сужиков. Алматы, 2005. Т. I. Груссе Р. Империя степей. Аттила, Тамерлан, Чингисхан / пер. с франц. Х.К. Хамраева. С. 93—132.

¹⁶⁸³ Sinor D. Central Eurasia // Orientalism & History / ed. by D. Sinor. 2-nd edition. Bloomington ; London, 1970. P. 96.

¹⁶⁸⁴ Sinor D. [Review] The Empire of the Steppes : A History of Central Asia. By René Grousset. New Brunswick : Rutgers University Press, 1970. XXX, 542 pp. Notes, Index. \$17.50 // The Journal of Asian Studies. 1971. Vol. 30. № 3. P. 634.

¹⁶⁸⁵ Grousset R. L'empire des steppes ... P. 127—168; История Казахстана в западных источниках ... Т. I. С. 95.

засухи вынуждали организовывать вторжения к оседлым соседям. «<...> ... В данном случае, — писал он, — географический вопрос расселения человечества становится вопросом социальным»¹⁶⁸⁶.

Р. Груссе рассматривал смену тюрками *жуань-жуаней*, а тюрков монголами лишь как переход «имперской земли Монголии» от народа к народу с сохранением центра правителей в верхнем течении р. Орхон¹⁶⁸⁷. Распад империи произошел из-за соперничества восточного правителя, сохранившего титул каган, и западного (йабгу). Уже здесь Р. Груссе интересно подметил то обстоятельство, что Центральная Азия разделилась на две империи в 589 г., когда Китай объединился, под властью империи Суй¹⁶⁸⁸.

Итоги изучения древних тюрков на основе памятников рунической письменности на начало 1940-х гг. были подведены ученицей В. Банга немецким филологом А. фон Габэн¹⁶⁸⁹. Доклад А. фон Габэн, опубликованный в 1944 г. на турецком¹⁶⁹⁰, а затем в 1949 г. в качестве статьи на немецком¹⁶⁹¹, содержал идею неизбежности постепенного перехода кочевников от степной кочевой к городской оседлой жизни, что демонстрировалось на примере тюрков и уйгуров, когда летние и зимние кочевые ставки ханов (*ordu*) с тронном (*örgün*) и частоколом (*çit*) фактически перерастали в укрепленные города¹⁶⁹².

А. фон Габэн также высказала очень интересное наблюдение, заключающееся в том, что в орхонских памятниках народ порицается за самовольные поступки, ибо попадает в несчастья, поскольку все они должны получить благословение «духа-хранителя империи», носителем которого был каган, чья власть недвусмысленно именуется «божественной». Именно ему дана «высокая честь» и «судьба» вести народ к благу, поэтому тюркские племена не должны проти-

¹⁶⁸⁶ История Казахстана в западных источниках ... Т. I. С. 7—8; *Grousset R. L'empire des steppes ...* P. 8—9. Показательно, что более четко развитая в другой книге, эта концепция подверглась критике со стороны советских ученых (См.: *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв. С. 89—93; *Гольман М.И.* Изучение истории Монголии на Западе ... С. 81—82). Н.Н. Крадин отмечает эту книгу Р. Груссе среди работ о кочевниках, где нашел отражение «социологический аспект» (*Крадин Н.Н.* Кочевые общества ... 1992. С. 26), а именно — концепция зависимости степени политической централизации и возникновения государственности от взаимоотношений с соседним оседло-земледельческим государством (*Крадин Н.Н.* Кочевые общества ... 1994. С. 12).

¹⁶⁸⁷ *Grousset R. L'empire des steppes ...* P. 126; История Казахстана в западных источниках ... Т. I. С. 94.

¹⁶⁸⁸ *Grousset R. L'empire des steppes ...* P. 130—131; История Казахстана в западных источниках ... Т. I. С. 99—100. См. разбор концепции Т. Дж. Барфилда в Разделе 3.1.

¹⁶⁸⁹ «Эта так называемая Берлинская школа тюркологов широко использовала в своих исследованиях сравнительно-исторический метод» (*Клейнмехель З.* Современное состояние тюркологии в Германской Демократической Республике // Советская тюркология. 1974. № 6. 1976. № 4. С. 93).

¹⁶⁹⁰ *Gabain A. (von) Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış I : Stepte Yaşayan Köktürkler (682—742) // Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1944. Cilt II. Sayı 5. S. 685—695.*

¹⁶⁹¹ *Gabain A. (von) Steppe und Stadt im Leben der ältesten Türken // Der Islam. 1949. Bd. XXIX. Heft 1. S. 30—62.* В 1950 г. вторая часть, касающаяся уйгуров, была издана на турецком языке в переводе Саадет Чагатай (*Gabain A. (von) Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış III : Şehir Gözüyle Step // Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1950. Cilt VIII. Sayı 3. S. 373—379.*)

¹⁶⁹² *Gabain A. (von) Köktürklerin Tarihine Kısa Bir Bakış I ...* S. 690—691; *Eadem.* Steppe und Stadt ... S. 44—45.

виться его воле, но служить и платить подати. По мнению ученого, «такое мировоззрение, впрочем, необходимо для тех, кто хочет контролировать огромное пространство степи»¹⁶⁹³.

Однако здесь и в других работах исследовательница остановилась на ряде важных вопросов социального характера, и тем ценнее ее наблюдения, что делались они на основе непосредственной работы с материалом. Исследовательница во многом исходила из интерпретации терминологии. Так, в одной из следующих статей А. фон Габэн выделяются такие понятия, как *el* ‘племя’, *bäg* ‘знать’, *budun* ‘народ’, *el törüsi* ‘свод законов’. А. фон Габэн отмечает, что, судя по данным древнетюркских, прежде всего, енисейских надписей, о знати можно точно сказать, что они обладали значительным богатством и имели обязанность служить, но точные их обязанности неизвестны¹⁶⁹⁴. В этом плане А. фон Габэн обратила внимание на имена и титулы тюркской знати, указав, что встречаются такие понятия, как *är at* ‘мужское имя’, *är ärdämi at* ‘имя храбреца’, и реже *ulu at* ‘великое имя’. Означали ли они какие-то категории, ставит вопрос исследовательница, подразумевали ли какие-то обязанности и права?¹⁶⁹⁵

Любопытное обстоятельство отмечает А. фон Габэн для такой процедуры как поминки (*yoy*): «Свидетели этой церемонии были, очевидно, важны, поскольку Таласские надписи дважды упоминают тридцать рыцарей (*oylan*) в качестве плачущих, т.е. принимающих участие в ритуале. На поминках *Кюль тегина*, как указывается, знать и народ стояли вокруг ограды, тогда как в центре король *Бильге* расположил почетный караул»¹⁶⁹⁶.

Остановливаясь на термине *tamyä*, исследовательница пишет: «остается неясным, была ли тамга общей для всего племени, или этим знаком метила свою собственность отдельная семья, причем у близкородственных семей она модифицировалась внесением небольших изменений»¹⁶⁹⁷.

¹⁶⁹³ *Gabain A. (von) Steppe und Stadt ... S. 39.* Ср. также: «...Тюрки, однако [по сравнению с согдийцами — *Авт.*], всегда имели организацию и порядок среди людей, кроме того, медленно изменявшееся, неписанное *törä* ‘(обычное) право’, всегда обязательное для исполнения» (*Gabain A. (von) Das uigurische Königreich von Chotscho 850—1250.* Berlin, 1961 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst Jahrgang 1961. Nr. 5). S. 20).

¹⁶⁹⁴ *Gabain A. (von) Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Anthropos. 1953. Bd. 48. H. 3/4. S. 554.* А. фон Габэн считала, что у тюрков не было никакого порядка передачи престола от отца к сыну, а власть переходила к сильной личности, получившей голоса высшей знати (*Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Šähri ... P. 190*). Вместе с тем, она отрицала идею О. Прицака о «ступенчатом восхождении», по крайней мере, для уйгуров (*Ibid.* S. 21), хотя соглашалась с теорией дуального разделения А. Альфельди, отмечая, что каган не был единовластным правителем (*Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Šähri ... S. 189—190*).

¹⁶⁹⁵ *Gabain A. (von) Inhalt und magische Bedeutung ... S. 546.*

¹⁶⁹⁶ *Ibid.* S. 550.

¹⁶⁹⁷ Цит. по: *Кляшторный С.Г.* Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // *Страны и народы Востока.* М., 1980. Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. С. 93. См.: *Gabain A. (von) Inhalt und magische Bedeutung ... S. 542.* Уже в более поздней работе А. фон Габэн продемонстрировала свое видение отношений родства у древних тюрков VI—VIII вв. А. фон Габэн, исходя из того, что в турфанских уйгурских текстах сделки заключаются не от имени отца, но старшего брата, который при этом он должен был получить согласие младшего брата и других членов семьи, а также из того, что в этих текстах термины, обозначающие *iči* ‘старшего брата’ и *ini* ‘младшего брата’, упоминаются в одной конструкции в порядке *ini iči*, сделала вывод, что уйгуры в Кочо перешли к расширенной семье из трех поколений с общим имуществом и местом житель-

Как видно, А. фон Габэн, ограничившись осторожными рассуждениями, лишь поставила ряд важных вопросов.

В качестве вывода А. фон Габэн излагает свой взгляд на древнетюркское общество, сформированный на основе изучения памятников рунической письменности. Так, считает она, стремление членов племен к самовозвеличиванию, влечет постоянную межплеменную борьбу, что не способствует развитию производства и культуры, но погашение противостояний и внешняя угроза способствуют консолидации племен и созданию «больших и долговечных конфедераций», вместе с чем вырастают потребности в производственных и культурных благах, что способствует дальнейшему развитию общества¹⁶⁹⁸.

Направление этих рассуждений немецкой исследовательницы находятся в общем русле западной историографии того времени¹⁶⁹⁹.

Чрезвычайно большое значение для рассматриваемой нами проблемы имеют работы исследователей, специально Тюркским каганатом не занимавшихся, хотя попутно привлекавших тюркский материал, но своими работами внесших большой вклад в развитие понимания механизмов взаимоотношений между кочевническими и оседло-земледельческими обществами. Речь идет об О. Латтиморе и В. Эберхарде¹⁷⁰⁰.

О. Латтимор, автор концепции адаптации кочевников на китайской границе, всегда признавал и особенности развития восточных обществ. В одной из статей (1937) он упоминал о «отличительных признаках», «важность которых возрастает по мере отклонения развития Китая от развития Европы»¹⁷⁰¹. Еще в 1938 г. он высказался за то, что не считает различия между формами хозяйства, будь то охота, скотоводство и земледелие, эволюционными, но хозяй-

ства, что она рассматривает как сужение круга родственных связей, поскольку «для степных империй были характерны широкие родственные связи» (*Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idiqt-Šähri ... P. 191*).

¹⁶⁹⁸ *Gabain A. (von) Inhalt und magische Bedeutung ... S. 555—556.*

¹⁶⁹⁹ На это уже обращал внимание С.А. Васютин (См.: *Васютин С.А.* К вопросу о взаимодействии Первого Тюркского каганата и Китая в свете концепции «биполярного мира» Т. Барфилда // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология.* 2010. № 10(1). С. 34). В этом ключе интересно упомянуть работу немецкого ученого, историка античной географии Р. Хеннига, в одном из томов своей фундаментальной работы «*Terra incognita*» (Leiden, 1950. Bd. II) в комментариях к переводу отрывка Менандра о путешествии византийского посла Земарха он затрагивает ряд вопросов, связанных с экономической ролью Тюркского каганата (*Хенниг Р.* Неведомые земли / пер. с нем. Е.К. Краснокутской и А.Д. Райхштейна; предисл. и ред. А.Б. Дитмара. М., 1961. Т. II. С. 87—92). Солидаризируюсь с Л.Н. Гумилевым в том, что, не берясь судить, «насколько верны его комментарии по поводу путешествий норманнов и мавров», можно с уверенностью сказать, что Р. Хеннинг достаточно хорошо был знаком с фактическим материалом по древнетюркским сюжетам (*Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993. С. 93—94), и, свою очередь, отметим также тот факт, что видение немецким ученым, не являвшимся востоковедом, Тюркского каганата вполне укладывается в рамки традиционных представлений о кочевниках XIX — середины XX вв.

¹⁷⁰⁰ Несмотря на то, что оба автора также имели полемику с К.А. Виттфогелем, суть дискуссии сводилась к характеру китайского общества и роли в его эволюции пришлых кочевых элементов. Поскольку о тюрках названный автор не сказал ничего, его работы мы здесь не рассматриваем. О взглядах К.А. Виттфогеля на кочевничество см.: *Крюков В.М., Малявин В.В., Софронов М.В.* Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 6—7; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества ... 1992. С. 27; *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. М., 2006. С. 36—37; *Шаусламов А.Р.* Социальная история номадизма ... дис. ... С. 82—84.

¹⁷⁰¹ *Lattimore O.* *Studies in Frontier History: Collected Papers, 1928—1958.* London; New York; Toronto, 1962. P. 100.

ственными, т.е. рассматривал их соотношение не в вертикальном, а в горизонтальном срезе, притом что два первых были экстенсивными, второй — интенсивным¹⁷⁰². О. Латтимор прямо писал, что видит развитие степи, как и развитие Китая, циклическим, называя это «спиральным повторением», притом что общество развивается и с каждым новым циклом, как китайское, так и кочевническое общество, от хуннов до Чингисхана, предстает в более высокой форме¹⁷⁰³. Теоретически кочевническое общество было самодостаточным и могло обеспечить себя, но история почти не знает изолированных кочевников¹⁷⁰⁴. На последнем обстоятельстве О. Латтимор останавливался не раз¹⁷⁰⁵. Уже в 1928 г. он указал, что в плодородной части Северной Монголии, как свидетельствуют курганы и каменные памятники, уйгуры первые предприняли попытку оторваться от кочевых традиций, приспособиться к земледелию и постоянному местожительству¹⁷⁰⁶.

Интересно также следующее замечание ученого: «Теоретически чистая степная кочевническая жизнь предполагает близкое приспособление к географии. Иначе необходимый симбиоз общества и стад, обеспечивающих его пищей, одеждой, жильем, топливом, и транспортом, был бы невозможен. Социальная структура такого чисто кочевого общества также должна быть полностью сбалансирована. Поэтому как война и завоевание, так торговля и накопление принесли бы изменения как в снабжение, так и в распределение предметов повседневного использования и предметов роскоши, и изменения в политические связи между вождями и соплеменниками. Вождь мог бы стать фактически вождем с новыми функциями, хотя все еще основывая свое моральное притязание на власть, исходя из старых соображений. Общество также, номинально все еще оставаясь прежним (названия институтов изменяются медленнее, чем их функции), нуждалось бы в новых типах подчинения и службы со стороны соплеменников по отношению к их вождю»¹⁷⁰⁷.

К.М. Кортепетер, рассматривая эти же высказывания О. Латтимора, приходит к выводу, что «таким образом, самым важным фактором в исследовании Латтимора является кочевнический вождь, который имеет полномочия строить контакты с периферии или игнорировать ее»¹⁷⁰⁸. О. Латтимор нигде не высказывался об этом, и такой вывод совершенно не вытекает из логики его рассуждений о «ведущих политических фигурах», которые «должны были, вероятно, быть людьми из низших слоев правящего класса» и далее о таком человеке как «решающем факторе» движения кочевников, при этом отмечая, что «географическим детерминантом в та-

¹⁷⁰² *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 246—248.*

¹⁷⁰³ *Ibid. P. 252—253.*

¹⁷⁰⁴ *Ibid. P. 253—254.*

¹⁷⁰⁵ *Ibid. P. 146, 254.*

¹⁷⁰⁶ *Ibid. P. 60.*

¹⁷⁰⁷ *Ibid. P. 254.*

¹⁷⁰⁸ *Kortepeter C.M. The Origins and Nature of Turkish Power // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Araştırmaları Dergisi. 1968. Sayı 10—11. S. 255.*

ких фазах была не окраинная местность, а, очевидно, степная местность, потому что более бедное степное кочевническое общество менее пострадало во время периода временного и иллюзорного объединения»¹⁷⁰⁹. Однако в другом месте он говорит о том, что сводить миграции кочевников к роли личности или климата «является упрощением», поскольку кочевники всегда имели смешанное хозяйство¹⁷¹⁰. Но в последующих работах ученый не возвращается к проблеме роли личности, акцентируя внимание на объективные процессы. При этом, считал О. Латтимор, именно широта степной зоны способствовала стабильному и в то же время застойному характеру кочевой экономики и кочевнического общества, и только в пограничных районах (*marginal areas*), где возможен был контакт с другими формами хозяйства, происходили экономические и социальные изменения, которые, по предположению ученого, вполне могли оказывать влияние на всю ситуацию, в т.ч. и политическую, в степи¹⁷¹¹.

В 1940 г. О. Латтимор писал, что «при орхонских тюрках интенсивно орошаемое земледелие пользовалось покровительством далеко на севере степи, во Внешней Монголии, в VIII в. христианской эры», но при этом его аргументация сводилась к следующему. Хотя древнетюркские рунические тексты, — переводами которых он пользовался в изданиях В.В. Радлова («*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*», 1894) и В. Томсена («*Inscriptions de l'Orkhon déchiffrés*», 1896), — «живо демонстрируют колебания между лесным трайбализмом и китаизацией», однако не упоминают о земледелии, тем не менее, О. Латтимор опирается на сообщение китайских источников об отправке семян проса и сельскохозяйственных орудий тюркам. О. Латтимор считает естественным, что тюркские тексты молчат о земледелии, намеренно скрывая «очевидное» влияние китайской культуры¹⁷¹². В одной из работ 1949 г. ученый, писав о том, что якуты давно были знакомы с земледелием, также бегло упомянул: «<...> ...нам известно, что древние тюрки между озером Байкал и рекой Орхон занимались не просто земледелием, но знали ирригацию, в дополнение у своему скотоводческому хозяйству»¹⁷¹³.

В одной из ранних работ О. Латтимор писал, что тюрки во Внутренней Монголии, пользовавшиеся покровительством Китая с VI по IX вв., развили там высокие формы земледелия с применением ирригации¹⁷¹⁴. Орхонские тюрки, сами по происхождению будучи кочевниками, тем не менее, вели активную торговлю с Китаем и оазисами Туркестана, народы Байкальского региона и Тувы поставляли им шкурки соболей и бѐлок. О. Латтимор, оставляя открытым вопрос о первичности влияния торговли или земледелия, указал, что, по-видимому, развитие этих

¹⁷⁰⁹ *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. London ; New York, 1940 (American Geographical Society. Research Series. № 21). P. 72.*

¹⁷¹⁰ *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. P. 513.*

¹⁷¹¹ *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 254—255.*

¹⁷¹² *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. P. 250, note 10.*

¹⁷¹³ *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 461.*

¹⁷¹⁴ *Ibid. P. 255—256; Kortepeter C.M. The Origins and Nature ... S. 256. Интересно, что здесь О. Латтимор ссылается на Н.Н. Козьмина (Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 256 note 24).*

процессов, ведущих к накоплению предметов роскоши, способствовали возвышению тюркских вождей на иной уровень получения доходов, нежели взимание налогов в виде крупного рогатого скота и власть над исключительно кочевыми подданными. Их новые интересы способствовали развитию земледелия, что превращало их в правителей нового типа. Начинают появляться небольшие земледельческие островки среди кочевнического моря. Общество начинает разделяться, правитель вынужден лавировать между традиционными кочевническими устоями и интересами оседлых общин. Хотя там земледелие не было достаточно развито для того, чтобы преобразовать все общество, О. Латтимор считал возможным полагать, что среди некоторых вождей кочевнического населения, обеспокоенных ослаблением своих привилегий, зародилась тенденция к отложению. В итоге это привело к конфликту между ними, хранителями степных традиций, и оседлыми общинами, исход которого заочно был определен не в пользу последних, в силу их немногочисленности и невоинственности¹⁷¹⁵.

Позже в книге «Границы Китая во Внутренней Азии» (1940), он, хотя, в основном, экстраполировал свою теорию на хуннский материал, уделил и тюркам немного внимания. По концепции ученого, кочевники проходят четыре стадии в адаптации. Первая, когда они просто разрозненно кочуют, но, испытывая необходимость в товарах оседлых народов, объединяются, включая в свой состав других кочевников, и захватывают оседлую территорию, население которой, занятое земледелием, торговлей и ремеслом, становится данниками кочевников; создается «смешанная [лучше: двойственная — *Авт.*] структура», что является второй стадией. Здесь же происходит разделение кочевников, когда часть из них тяготеет к оседлому образу жизни и остается на захваченной территории, а часть сохраняет кочевой уклад и продолжает жить в степи и участвовать в походах. Третья стадия — стадия борьбы двух тенденций при предводителях кочевников и внутренних конфликтов между кочевниками. На четвертой стадии, приходящейся на внука или правнука основателя объединения, — когда он, сам, будучи оторванным от кочевого уклада, фактически уже не имеет власти над кочевниками, — происходит распад объединения¹⁷¹⁶.

Здесь О. Латтимор указал, что тюрки могли быть и некоего происхождения, раз, во-первых, в источнике они именуется «смешанными варварами», во-вторых, указывается об их переселении от Вэй к *жуань-жуаням*, что говорит об их «искусственном» кочевом состоянии, и, в-третьих, легенда возводит их к кузнецу, а кузнецы имели высокий статус у кочевников. Тюрков было много, раз они сумели распространить свою власть на огромные пространства.

¹⁷¹⁵ *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 256.*

¹⁷¹⁶ *Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. P. 519—523.*

Так или иначе, они достигли стадии «двойственной структуры», включив в свой состав как оседлые территории на западе (Турфан), так и кочевые народы на востоке (кидане)¹⁷¹⁷.

О. Латтимор всегда прямо заявлял, что не принимает советское понимание «кочевого феодализма», основанного на землевладельческих отношениях (он был знаком с работами Н.Н. Козьмина и Б.Я. Владимирцова). Такие отношения совершенно не совместимы с подвижным образом жизни кочевников, препятствующим возможности закабаления какой-либо из кочевых групп: «Право передвигаться преобладает над правом останавливаться. “Собственность” означает, по сути, право собственности на цикл передвижений»¹⁷¹⁸. В примечании там же он указывает: «Я сомневаюсь, представляет ли это собой настоящую эволюцию от степного племенного общества к феодализму. Более вероятно, это является периодически повторяющейся или скачкообразной фазой застоя, явлением тех периодов, когда степь и оседлые земли были под единым правлением — как когда маньчжурский правитель был императором Китая и монголов»¹⁷¹⁹.

В 1947 г. О. Латтимор отмечал, что сущность кочевнического общества составляла подвижность, связанная с необходимостью передвигаться за стадами, являвшимися и главной собственностью кочевников. В степи всегда существовала тенденция регулировать передвижения, поэтому пастбища делились между племенами на основе традиционных договоренностей. На этой основе он критиковал советских и китайских авторов, строго характеризовавших общества кочевников, в зависимости от критерия, как «феодалы» или «племенные». Они не учитывали именно фактор подвижности.

О. Латтимор отметил важный момент, говоря относительно взаимосвязи между службой и поощрением при феодальной системе, в отличии феодальных отношений у оседлых народов и кочевнических, подвижных, где феодальный вассал, как «человек, годный носить оружие», недовольный отношением к себе мог легко уйти от покровителя к другому, и это было распространенным и обычным явлением, поэтому «степные господа должны были уважать мнение своего народа больше, чем феодальные господа в других обществах»¹⁷²⁰. Об этом же факторе мобильности и возможности легко покинуть занимаемую территорию ученый писал и много позже¹⁷²¹.

Хотя он и оперировал термином «феодализм», он держался своего понимания этого явления. В видении О. Латтимора, «феодализм — это совокупность экономических, социальных,

¹⁷¹⁷ *Lattimore O.* Inner Asian Frontiers of China. P. 528—529.

¹⁷¹⁸ *Ibid.* P. 66.

¹⁷¹⁹ *Ibid.* P. 66 note 14.

¹⁷²⁰ *Lattimore O.* Studies in Frontier History ... P. 146. Ср.: *Idem.* The Social History of Mongol Nomadism // *Historians of China and Japan* / ed. W.G. Beasley and E.G. Pulleyblank. London, 1961. P. 338—339.

¹⁷²¹ *Lattimore O.* On Some Questions of Periodisation in Nomadic History // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии: [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. Улан-Батор, 1974. С. 173.

военных и административных методов организации (не “преимущественно правительственный метод”»¹⁷²²).

В 1957 г. О. Латтимор подробно изложил свое видение внутреннего устройства кочевнического общества. Так, в них было два уровня коллективного статуса: правящие кланы и подчиненные кланы, попавшие в такое положение после поражения в войне или добровольно искав покровительства и защиты, но они не были в рабском положении. Они сохраняли своих глав и внутренне устройство и могли отделиться от правящего клана при его ослаблении. Были «личные рабы» — как правило, пленники или подобранная где-то молодежь, воспитывавшаяся, не зная своего родства, из которой формировались верные воины и личная свита. Внутри самой правящей группы существовало два принципа организации: родство и «свободный выбор». Родство требовало совместного участия в войнах и соблюдения обязанности кровной мести. Родство часто искусственно расширялось за счет побратимства. Кланы были патрилинейны и экзогамны, существовала система брачующихся кланов. Свободный выбор был противоположным принципом: воин мог отказаться от своего родства, преданности клану и привилегий, и самостоятельно выбрать себе предводителя, став его товарищем по оружию, у монголов — «товарищем» (*nukur*). Его награды и привилегии целиком зависели от успеха и щедрости предводителя¹⁷²³. О. Латтимор называл эту систему ‘подчинением’, специально указывая, что ни ‘рабство’, ни ‘крепостная зависимость’ здесь не подходят. Отдельные проявления этой системы могли не встречаться в отдельную эпоху или в отдельном регионе, но в нее входили: личные рабы; зависимые семьи, могущие условно быть названы ‘вассалами’, подчиненные семьям правителей или вождей; подчиненные кланы или даже племена, притом что они сохраняли внутреннюю структуру и организацию¹⁷²⁴.

В одноименной статье О. Латтимор специально коснулся вопроса о «пограничном феодализме» (1954). Это концептуальная работа, где он косвенно затронул и проблемы этносоциального характера. Так, он писал следующее: «<...> ...племена известны иногда под своими собственными именами, а иногда под именами, которые изначально были даны им другими; племя может быть разбавлено новыми членами, вследствие чего большинство из них в данной группе не являются на самом деле потомками первичного племенного ядра; часть племени, присоединившаяся к новому племени, может сохранять свое старое племенное имя в качестве

¹⁷²² *Lattimore O. Feudalism in History* ([Review] *Feudalism in History*. Edited by Rushton Coulbom. Foreword by A.L. Kroeber. Contributions by Joseph R. Strayer (Western Europe) ; Edwin O. Reischauer (Japan) ; Derk Bodde (China) ; Burr C. Brundage (Ancient Mesopotamia and Iran) ; William F. Edgerton (Ancient Egypt) ; Daniel Thorner (India) ; Ernst H. Kantorowicz (Byzantine Empire) ; Marc Szeftel (Russia) ; and “A comparative study of feudalism” by Rushton Coulborn, Princeton, Princeton University Press, 1956, p. 439) // *Past and Present*. 1957. № 12. P. 49; *Idem*. *Studies in Frontier History* ... P. 543, там же подробное изложение понимания О. Латтимором сущности феодализма.

¹⁷²³ *Lattimore O. Studies in Frontier History* ... P. 506—507. Первооткрывателем этого социального феномена он назвал Э. Гиббона (*Lattimore O. The Social History* ... P. 329).

¹⁷²⁴ В последнем моменте О. Латтимор ссылается на то, что это явление в отношении зависимых групп разобран В. Эберхардом (*Lattimore O. The Social History* ... P. 341).

кланового имени в составе нового племени; или, наоборот, клан, что был однажды, может расти до тех пор, пока не станет племенем. Эти процессы являются сложными. Они включают в себя приливы и отливы, восхождение и упадок, повторение и расхождение, сохранение имени в ходе изменения языка, религии и политической зависимости, преемственности и изменений...»¹⁷²⁵. «Пограничный феодализм» он рассматривал как «форму феодализма», сменяющую трайбализм, затем всплывающий снова¹⁷²⁶.

Первая фаза феодализма как стадия политической эволюции: территориально большие княжества, но ввиду больших расстояний, слабых коммуникаций, путей снабжения и несовершенных методов административного управления, основные социальные функции (производство, управление и война, налогообложение, торговля) сосредотачиваются в рамках региональных подразделений, которые могут рассматриваться как феодальные единицы с наследственными правителями. Основное производство и потребление не выходит за рамки этих региональных единиц. Как только эти единицы будут объединены, такой феодализм начинает бороться за выживание, поскольку первостепенное значение обретает власть единого правителя. Это *вторая стадия* феодализма. Правителем нового объединения может стать любой представитель ранее существовавшей феодальной знати. При нем начинается длительное соперничество между его министрами и феодальной знатью за сбор дохода и осуществление полномочий. Государство начинает расширяться, хотя в силу, прежде всего, природно-географических и отчасти обусловленных ими экономических причин не может делать это бесконечно¹⁷²⁷.

В случае с Китаем границей отказ от расширения и, следовательно, оттеснения «варваров», ознаменовало строительство Китайской стены¹⁷²⁸, однако, селившиеся вдоль нее «варвары» фактически вливались в систему феодальных отношений согласно второй фазе: в местах их поселения создаются территориальные единицы, их начальники получают наследственные титулы согласно иерархической лестнице «табели о рангах» китайского Двора, но именно они имели и реальную власть над созданными территориальными единицами, а не императорские чиновники. Они должны были защищать границы Китая от собственных сородичей¹⁷²⁹.

У кочевников эти две стадии проходят со своими особенностями. В ходе племенных войн выдвигаются наиболее энергичные лидеры, создающие сильные «племенные объединения», мощь которых направляют против оседлых оазисов Внутренней Азии или против Китая, для разграбления, завоевания или установления дани. На первой, или племенной, фазе основание крупных племен требует расширения принципа кровного родства с помощью других ин-

¹⁷²⁵ Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 521.

¹⁷²⁶ Ibid. P. 528.

¹⁷²⁷ Ibid.

¹⁷²⁸ Великую Китайскую стену ученый вообще рассматривал как очерчивающую границу между цивилизациями (Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 58, 97—98, 235—236, 484—485).

¹⁷²⁹ Ibid. P. 528—529.

ститутов, как, например, институт побратимства (у монголов — *anda*). Другим институтом была форма зависимости *unagan bogol*. К разрушению же «клановой структуры» и быстрейшему переходу к феодализму ведет институт *nukur*, аналог дружины. Феодализм наступает не после объединения племен, а только после оседания нового единого правителя, тогда он стремится создать централизованное управление, фактически давая начало феодализму¹⁷³⁰. О. Латтимор не раз подчеркивал, что развитие феодальных отношений у кочевников было возможно только при завоевании оседлого общества¹⁷³¹.

Не касаясь взглядов О. Латтимора на политику кочевников в завоеванном Китае, отметим, что ученый вновь указывал на постепенное отделение правителя, осуществлявшего теперь управление и административный контроль по принципам оседло-земледельческого государства, от традиционной кочевой знати, остававшейся все время ущемленной или обделенной, в особенности это мелкие вожди. Так начиналась борьба двух тенденций — феодализма и трайбализма. Именно обратный процесс перехода, возвращения кочевников от феодализма к трайбализму, отмечает О. Латтимор, пропустили и В.В. Бартольд, и Б.Я. Владимирцов¹⁷³². О. Латтимор предостерегал от того, чтобы интерпретировать этот процесс как своеобразный «национализм». Так, приводя в качестве примера орхонские надписи, ученый указывает, что если это так, то здесь следует видеть скорее именно «антикитайский национализм», а более того даже некую «воинственность» [КТб, 14—15 = БК, X, 12—13]. В то же время надписи демонстрируют, что кочевники прекрасно понимали традиционную китайскую политику *и-и чжи-и*, букв. «руками варваров покорять варваров» [КТб, 6—8 = БК, X, 6—9]¹⁷³³.

Иными словами, он имел в виду «циклический характер истории вдоль Великой Китайской стены», когда «здесь скотоводческие общества неоднократно становились прикрепленными к границе государства какой-нибудь династии, правившей в Китае. В этих фазах происходила эволюция по направлению к феодализму... <...> В противофазе этого же цикла, когда такие

¹⁷³⁰ *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 535—537. См. также: Златкин И.Я. Оуэн Латтимор как историк Востока // Против колониализма / ред. кол.: К.М. Попов (отв. ред.) и др. М., 1960. С. 8—10.*

¹⁷³¹ *Lattimore O. Feudalism in History ... P. 56—57; Idem. Studies in Frontier History ... P. 550.*

¹⁷³² *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 538—539. См. также: Kortepeter C.M. The Origins and Nature ... S. 256—257. В.В. Бартольд впервые отметил, но, к сожалению, так и не сформулировал, известное явление, когда процесс приобщения к ценностям завоеванного оседлого народа и оседания части кочевнической знати приводил к разладу в рядах кочевнического народа, одна часть которого становится приверженцами оседло-земледельческой культуры, другая выступает за сохранение прежних кочевых традиций (Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана (пробная лекция, читанная в СПб. унив. 8 апреля 1896 г.) // Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 264—265; Его же. Туркестан // Там же. Т. I. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 372; Его же. Улугбек и его время // Там же. Т. II. Ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. С. 36; Его же. История Туркестана // Там же. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 153—154; Его же. История культурной жизни Туркестана // Там же. С. 252, 265; ПФА РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 118 (Черновые работы по восточным империям, [1919 г.]). Л. 5а—6а (Цит. по: Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов академика В.В. Бартольда. Туманович Н.Н. Описание архива академика В.В. Бартольда. М., 1976. С. 266). Позже этот тезис был развит советскими учеными (См.: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 21; Lattimore O. The Social History ... P. 337).*

¹⁷³³ *Lattimore O. Studies in Frontier History ... P. 539. Ср.: Idem. Inner Asian Frontiers of China. P. 546.*

группы откалывались от прикрепления к имперской границе, они снова сходили с эволюционного пути к феодализму и обратно деградировали к трайбализму¹⁷³⁴. Таким образом, социальная эволюция для кочевнических обществ была явлением временным и обратимым.

Сам же О. Латтимор отмечал, что не считает историю кочевнических народов циклической, т.к. хотя каждая новая волна кочевников периодически сменяла другую, но она никогда не повторяла ее истории (*сянь-бэй*, орхонские тюрки, уйгуры, монголы, маньчжуры), и истории *сюн-ну*, первого известного крупного «племенного объединения» на севере Китая, эпоха же Монгольской империи и ее феодализма полностью изменила кочевое общество, сделав его полностью отличным от обществ предыдущих эпох¹⁷³⁵.

Концепция О. Латтимора, выдвинутая им в книге 1940 г., сразу же встретила возражение со стороны китаиста П.А. Будберга. На лекции «Тюрки, арийцы и китайцы в древней Азии», прочитанной в 1942 г. в Калифорнийском университете¹⁷³⁶, ученый подверг критике видение О. Латтимором пограничных отношений китайцев и их кочевнических соседей; он опровергал выводы оппонента рядом важных замечаний.

П.А. Будберг критиковал оппонента, прежде всего, за своеобразный китаецентризм¹⁷³⁷. Монгольские кочевники, северные соседи Китая, по его мнению, ввиду климатических условий лишены возможности развивать земледелие, создали особую культуру, направленную на создание системы смешанного хозяйства. «История китайского пограничья не может, следовательно, как показывает мистер Латтимор, быть истолкована как многолетняя борьба двух изначально сосуществовавших миров, — указывает П.А. Будберг, — но должна быть понята как противостояние Китая с новой исторической силой, неожиданно возникшей на его периферии, монстром, по большей части самим же Китаем и созданным»¹⁷³⁸.

Позиция П.А. Будберга расходилась с позицией О. Латтимора принципиально. П.А. Будберг исходил из того, что номадизм — особый вид хозяйства, культуры, альтернативный земледелию, также при этом отметив, что его носители никогда не были чистыми кочевниками¹⁷³⁹. Но они всегда создавали уникальные политические системы, основанные на сочетании кочевнического и оседлого населения, платившего первым налог¹⁷⁴⁰.

В III в до н.э. на политическую арену выходят новые кочевые империи, вступившие в

¹⁷³⁴ *Lattimore O.* Feudalism in History ... P. 51; *Idem.* Studies in Frontier History ... P. 546. Cp.: *Idem.* The Social History ... P. 342—343.

¹⁷³⁵ *Lattimore O.* On Some Questions of Periodisation in Nomadic History. С. 173.

¹⁷³⁶ [*Boodberg P.A.*] Selected Works of Peter A. Boodberg / compl. by A.P. Cohen. Berkeley ; Los Angeles ; London, 1979. P. 1—40.

¹⁷³⁷ *Ibid.* P. 7.

¹⁷³⁸ *Ibid.* P. 8.

¹⁷³⁹ *Ibid.* P. 7—11. По его указанию, кочевники со времен Геродота «скорее смешанное “ковбойское” хозяйство, практикующееся поблизости от оседлых обществ значительных масштабов, нежели чисто кочевническое хозяйство» (*Ibid.* P. 8).

¹⁷⁴⁰ *Ibid.* P. 14.

противостояние с Китаем за монопольные права на торговлю «предметами роскоши и престижными товарами», что сопровождалось распространением тюркской лексики в политико-экономическом словаре Азии¹⁷⁴¹. Пробуждение этих империй, считает П.А. Будберг, «не было порождено климатическими переменами, расовым антагонизмом, борьбой за пастбища или исключительной любовью к войне и грабежу, а запрограммированной неусидчивостью, исходившей из их организации и интенсивной функциональности... <...> но, — добавляет ученый, — эта организация в связи с характером и широким географическим диапазоном ее действий подвергалась быстрым изменениям»¹⁷⁴².

Несмотря на то, что с хуннской эпохи (конец III в. до н.э.), все эти народы принадлежали к алтайской языковой семье, сами кочевнические объединения всегда представляли собой разношерстные конгломераты, конфедерации племен различного этнического корня («смешанные»). Их названия также часто переходили к другим племенам, они смешивались и распались, но организация в одну конфедерацию никогда не означала этнического и языкового единства — только политическое и экономическое. В основе их организации лежала система «рогов» или «подразделений», отражавшаяся в разных алтайских формах в этнонимах (*iβir, avar, uuz, mog'er*), часто имевших также и «числовые» наименования (восемь, пять, сорок)¹⁷⁴³, впервые зафиксированной у хуннов («десять рогов») и затем адаптированной другими кочевниками¹⁷⁴⁴. Тюрки также были лишь этнической основой каганата¹⁷⁴⁵.

Эти объединения всегда расширялись на запад, в сторону оседло-земледельческих народов, однако, даже контакты с последними не вносили перемен в их кочевнический уклад¹⁷⁴⁶. Здесь кочевники вступали в борьбу за контроль над торговыми путями¹⁷⁴⁷. Ученый считал, что с этих пор существовал «план контроля кочевниками над <торговыми — Авт.> магистралями на трансконтинентальном уровне», при этом «изначально задуманный сюн-ну», но возрожден и реализован он был тюрками¹⁷⁴⁸. В хуннские времена на запад мигрировали лишь отдельные малые группы¹⁷⁴⁹.

Характеризуя кочевые империи, начиная с хуннов, он писал: «Неизбежно разнородный состав кочевых империй, главнейший залог которых составляет смешанное хозяйство в марги-

¹⁷⁴¹ [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg. P. 19—20.

¹⁷⁴² Ibid. P. 20.

¹⁷⁴³ Ibid. P. 14. Об этимологических построениях П.А. Будберга см. также: Ibid. P. 300—304 (Marginalia to the Histories of the Northern Dynasties // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1938. Vol. 3. P. 223—253; 1939. Vol. 4. P. 230—283).

¹⁷⁴⁴ [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg. P. 14—15. П.А. Будберг заведомо исходил, однако, из тюркоязычности хуннов (Ibid. P. 4—5).

¹⁷⁴⁵ Ibid. P. 17.

¹⁷⁴⁶ Ibid. P. 15.

¹⁷⁴⁷ Ibid. P. 16, 19—20.

¹⁷⁴⁸ Ibid. P. 16.

¹⁷⁴⁹ Ibid. P. 13.

нальных [т.е. пограничных — *Авт.*] районах оседлых цивилизаций, связанных по отдельности или группами с кочевническим обществом, различные и зачастую противоречивые силы притяжения, вызывавшиеся отдельными центрами тяжести, — все это способствует сделать единство таких империй эфемерным. Это единство сохраняться могло лишь активными усилиями энергичных лидеров, которые руководили, управляя внутренними линиями связей между двумя центрами оседлых цивилизаций, устранить своих соперников и навязать, прежде всего, Китаю, свое стремление к монополии на торговые перевозки»¹⁷⁵⁰.

Именно тюрки реорганизовали азиатский торговый путь из Китая в Иран¹⁷⁵¹. У китайской границы они стремились основать своеобразные опорные пункты для лучшего контроля над китайско-иранским торговым путем¹⁷⁵². Значение Тюркского каганата в том, что тюрки сумели таким образом объединить всю Азию¹⁷⁵³.

Несколько подобного рода общих замечаний относительно характера государственности древних тюрков VI—VIII в. оставил Г.В. Вернадский (1943), связанный в свое время с евразийством¹⁷⁵⁴. Прежде всего, Г.В. Вернадский писал о постоянных движениях в степи из Центральной Азии в средиземноморье, начиная с IV в. Одной из этих волн были тюрки¹⁷⁵⁵.

Отмечая среди причин миграций засухи или давление соседей, Г.В. Вернадский считал, что «волна экспансии могла быть также результатом определенных изменений внутри племени или группы племен — изменений в их социальной и политической организации», ведь «многие племена и роды при стечении обстоятельств сливались под воздействием диктатуры какого-либо выдающегося военного лидера, который ограничивал автономию родовых вождей», вроде Чингисхана, но, как указывает Г.В. Вернадский, «другую движущую силу политики завоевателя степей» могли составлять «экономические мотивы», такие как «желание контролировать межконтинентальные торговые пути», хотя зачастую «создание кочевой империи» становилось ре-

¹⁷⁵⁰ [Boodberg P.A.] Selected Works of Peter A. Boodberg. P. 11.

¹⁷⁵¹ Ibid. P. 18.

¹⁷⁵² Ibid. P. 16.

¹⁷⁵³ Ibid. P. 20.

¹⁷⁵⁴ В социальной истории древних тюрков это течение никакого следа не оставило, поэтому мы не останавливаемся на нем вовсе. Так или иначе, эта идея, как верно указал А.З. Велиди (Тоган), была тесно связана с российским империализмом, имея в основе стремление «ассимиляции восточных народов» (*Валиди Тоган А.З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998. Кн. II. С. 288*). В науке это направление не оценили ни позитивисты в лице В.В. Бартольда (См.: *Лунин Б.В. Из эпистолярного наследия В.В. Бартольда (письма к Н.П. Остроумову) // Формы земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке. Бартольдские чтения 1975 г. М., 1979. С. 193* (отрывок из письма от 5 ноября 1927 г.)), ни марксисты (См., напр.: *Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946* (Тр. Ин-та востоковедения. Т. XLV). С. 4—5). В современных научных кругах она (во всех своих реинкарнациях) тоже не принимается всерьез (См., напр.: *Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 476*).

¹⁷⁵⁵ *Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь* / [пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана; идея, вступ. ст., ред. рус. текста: Б.А. Николаев; предисл., введ., гл. 1—3 Б.Л. Губман, гл. 4—8 Е.П. Беренштейн]. Тверь; М., 2000. С. 85—86.

зультатом «амбициозной политики имперской экспансии»¹⁷⁵⁶. Эта мысль была развита им при рассмотрении богатств хуннских курганов Ноин-Ула (Ноён уул), находки которых среди прочих «дают точные представления о богатстве вождей кочевников, равно как и о широком размахе их коммерческих интересов», и помогают «лучше понять внутреннюю историю подъема и развития государств кочевников». Так, накопление каким-либо вождем богатств увеличивает его популярность среди других кланов, торговля приносит дополнительные богатства и информацию об окружающих землях, после чего он отправлялся на завоевания. «Таким был тип степного империализма от ранних сарматских вождей до Аттилы и Чингиз-хана»¹⁷⁵⁷.

Что касается внутренней организации, то Г.В. Вернадский высказал свое мнение, писал о скифах, что «их царство было одним из серии кочевых империй, которые сменяли друг друга в евразийских степях...», притом их империя «не являлась централизованным государством», царь не был абсолютным правителем, хотя его власть признавалась «предводителями более мелких орд», составлявших «скорее конфедерацию сильных кочевых родов», «как социально, так и по легальному статусу» соответствовавшую «государству, базировавшемуся на родовом законе»¹⁷⁵⁸.

О тюрках же Г.В. Вернадский писал так: «Их главной целью, как и у гуннов до них, было установить контроль над великим сухопутным путем от Китая до Средиземноморья, чтобы монополизировать экспорт китайского шелка»¹⁷⁵⁹. Сравнивая скифское государство с более поздними Хазарским государством и Золотой Ордой, которые «устроены по одному образцу», он характеризовал их как «власть кочевой орды над соседними земледельческими племенами»¹⁷⁶⁰. Это важно, поскольку в другом месте ученый указывал, что «разумеется, тюркская орда, которая вторглась на Северный Кавказ во второй половине шестого века, состояла из кочевников, но ко времени подъема хазарского государства, век спустя, некоторые из этих кочевников были уже знакомы с обычаями более оседлой жизни»¹⁷⁶¹. Это говорит о том, что Г.В. Вернадский четко отличал Тюркский каганат как кочевое государство.

¹⁷⁵⁶ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 86. Организация подобной экспансии «требовала всегда полного сотрудничества ведущего рода и всего племени или группы племен», но такие империя были очень недолговечны из-за стремления старейшин родов обеспечить свои привилегии, что приводило к борьбе, «выливаясь в становление того, что Владимирцов называл “кочевым феодализмом”», но ясно, что Г.В. Вернадский имел в виду только термин, вкладывая в него совсем иное содержание (Там же. С. 86—87).

¹⁷⁵⁷ Там же. С. 100.

¹⁷⁵⁸ Там же. С. 73. См. также: Толстов С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского ([Рец. на] *A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Vol. I. The Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history in Yale University, 425 p. 8 maps. New Haven. Yale University press. 1943 (Lec. printing. 1944)*) // Вопросы истории. 1946. № 4. С. 115—116.

¹⁷⁵⁹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 197. С.П. Толстов, отмечая, что ученый был знаком со многими работами советских авторов, касаясь истории древних тюрков, не использовал работы А.Н. Бернштама (Толстов С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. С. 114).

¹⁷⁶⁰ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 74; Толстов С.П. Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского. С. 116. М.А. Васильев усматривал здесь влияние М.И. Ростовцева (Васильев М.А. Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 89—90).

¹⁷⁶¹ Вернадский Г.В. История России. Древняя Русь. С. 228.

Важными в этом же аспекте представляются взгляды немецкого китаиста, социолога, историка культуры В. Эберхарда, эмигрировавшего в 1937 г. из Германии и затем много работавшего в Китае, Турции и США¹⁷⁶². В 1947 г. на турецком языке вышла его классическая работа «История Китая», много раз потом переизданная на разных языках, в 1952 г. — другая важная работа «Завоеватели и правители : социальные силы в средневековом Китае».

В одной из статей он также обмолвился о патриархальной идее в монгольских и тюркских культурах, где основу общества составляет объединение семей, во главе которого стоит самый старший по возрасту мужчина, остальные подчинены ему. При этом В. Эберхард высказал важную мысль, что «государство — это всего лишь расширение семьи, а мир богов также организован по типу семьи»¹⁷⁶³. По-видимому, эта идея оказала влияние на взгляды его ученика Бахаддина Огеля (см.: [Приложение 5](#)).

В специальной статье В. Эберхард изложил свои взгляды на политогенез в кочевнических обществах. В. Эберхард указывал, что наиболее адекватно классифицировать кочевнические народы в целом можно по расовому признаку, но созданные ими политические образования, государства, представляли собой пестрые объединения племен различного происхождения, языковой и культурной принадлежности, но именовавшиеся по названию главенствующего племени, язык и культура которого также были доминирующими. Здесь имело место и социальное расслоение: существовали как аристократические племена, так и подчиненные, «рабские», были также отдельные рабы, принадлежавшие всему племени или членам племен. Именно аристократические племена, состоявшие из нескольких родственных семей, с хуннского периода на протяжении веков возглавляли циклически сменявшие друг друга кочевнические государства (он приводит в пример хуннское племя *ду-гу* или *ту-зэ*).

Неустойчивость скотоводческого хозяйства в зимний период и, как следствие, нужда в продуктах земледелия склоняет кочевников к торговле с оседлым населением, создавая взаимовыгодный симбиоз, — поскольку торговля фактически осуществлялась в рамках «государственной монополии», — заключенный между правителями. Оседлые не были так зависимы от поставок скота, нежели кочевники от продуктов земледелия, поэтому могли использовать это в качестве политического регулятора: повышать цены или закрывать рынки, вынуждая кочевников этим, однако, прибегать к набегам, как и простое уменьшение пастбищной территории.

¹⁷⁶² См.: Kern M. The Emigration of German Sinologists, 1933—1945 // Journal of the American Oriental Society. 1998. Vol. 118. № 4. P. 512, 518—519. Его пребывание в Турции, длившееся с 1937 по 1948 гг. имело большое значение и для развития синологии в этой стране (Cohen A.P. In Memoriam : Wolfram Eberhard, 1909—1989 // Asian Folklore Studies. 1990. Vol. 49. № 1. P. 126—127). О работе В. Эберхарда в Турции и его вкладе в турецкую синологию см.: Sarıtaş E. 1935 Yılından İtibaren Türkiye’de Yapılan İçin Araştırmalarına Genel Bir Bakış // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Mecmuası. 2009. Sayı 15. S. 100—102.

¹⁷⁶³ Eberhard W. Eski Çin Felsefesinin Esasları // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1944. Cilt : 2. Sayı : 2. S. 269.

Однако эти набеги не имеют политического значения. Лишь когда лидер объединения приходит к пониманию необходимости полного подчинения оседло-земледельческого государства для решения продовольственной проблемы, путем войн с соседями создается крупное объединение, «кочевое государство», в качестве ядра содержащее племя лидера и родственные ему племена с демократическим, совещательным началом, в то время как подчиненные племена, организованные теперь в военные единицы, напрямую подчиняются этим вождям.

При победе над противником, кочевники имеют три варианта: (1) наименее эффективное: уничтожение оседлого населения, кроме ремесленников, и превращение их территории в пастбища; (2) порабощение оседлого населения, ведущее к назначению над ним наместников и, таким образом, распылению силы кочевников; (3) превращение кочевников в господствующий класс в оседлом государстве, что приводит к конфликту старой кочевнической и новой, переезжавшей в оседлые области, знатью¹⁷⁶⁴.

В. Эберхард отмечал, что тюрки были первым кочевническим народом, который сумел создать свою систему письменности и на этой основе сумел править без привлечения китайских клерков¹⁷⁶⁵, в отличие, например, от хуннов, при которых китайские перебежчики играли важнейшую роль¹⁷⁶⁶. Племенные лидеры стремились увеличивать богатство путем контроля над торговыми путями Средней Азии (у В. Эберхарда — «Центральной Азии»), покровительствуя населению оазисов и защищая караваны, как, например, это удавалось уйгурам¹⁷⁶⁷.

Обращаясь к понятию «феодализм», В. Эберхард соглашается с концепцией «пограничного феодализма» О. Латтимора или, как он сам называл такое явление, «маргинальные [лучше: пограничные или крайние — *Авт.*] социальные системы». Он писал, что «феодальное общество является обществом, прежде всего, земледельческого характера с двумя отдельными общественными классами: правящим и управляемым классом». При этом земледельческая продукция находится в руках подчиненного класса. При этом: «Управляемый класс в данном случае может быть подразделен <т.е. на более мелкие группы — *Авт.*>, но это не принципиально важно». Правящий класс иерархически структурирован: он состоит из аристократии по рождению, предводительствуемой каким-либо лидером, обладающим религиозной или действительной властью¹⁷⁶⁸. У кочевников феодализм является не только экономическим явлением, здесь

¹⁷⁶⁴ Eberhard W. Der Prozeß der Staatenbildung bei mittelasiatischen Nomadenvölkern // Forschungen und Fortschritte. 1949. 25 Jahrg. Heft 5/6. S. 52—54.

¹⁷⁶⁵ Eberhard W. Conquerors and Rulers : Social Forces in Medieval China. 2nd revised ed, reprint. Leiden, 1965 (Rpr. : 1970). P. 135.

¹⁷⁶⁶ Eberhard W. Çin tarihi (Metin dışında 50 resim vardır). Ankara, 1947 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. XIII. seri. No. 3). S. 87—88; *Idem.* A History of China / transl. by E.W. Dicks. 4th ed. Los-Angeles ; Berkeley, 1977. P. 73—74.

¹⁷⁶⁷ Eberhard W. Conquerors and Rulers ... P. 133—134.

¹⁷⁶⁸ *Ibid.* P. 27—28.

феодализм — это результат социальных изменений: все кочевнические завоевания приводят к становлению у них феодализма¹⁷⁶⁹.

Точно так же не принимая советскую модель «кочевого» феодализма, он предлагает более простой вариант: поскольку нет самой основы феодализма, — «фьефа» — земли с людьми для передачи господином вассалу, — его роль играет скот с пастбищной территорией; в качестве «феодальной ренты» рассматриваются такие вещи как определенное число молодых животных, передаваемых господину, и обязанность участвовать в его войнах; если в идеале собственник передает арендатору определенную землю, то в этом случае, — ее эквивалент, — животных, взамен же ему возвращаются продукты животноводства (молоко, кожа, шерсть, молодежь)¹⁷⁷⁰. Так, например, хунну были «консервативным кочевническим племенным обществом», имели «феодальную организацию без централизации»¹⁷⁷¹.

Ученый также дал свое видение природы такого явления как переход кочевников от земледельческих хозяйств к состоянию воинственных групп. Федерации кочевнических племен зачастую формировались в ответ на атаки китайцев, собственно, пытавшихся предупредить набеги кочевников. Механизм таков: группа племен соединяется с другой возле границы. Они начинают либо вести рыночный обмен с оседлыми соседями, либо совершать грабительские набеги. Как только соседи начинают сопротивляться, кочевнические племена объединяются под руководством способного и искусного предводителя. После первого успеха, союз усиливается. Кочевники порывают с земледелием и начинают вести воинственный образ жизни, не видя необходимости в ведении торговли, поскольку продукты продовольствия и роскоши они могут получить силой. Оседлые соседи начинают еще больше сопротивляться и предпринимают меры. Возможен двойкий исход: первое — это когда кочевники побеждают и берут земледельцев под контроль, второе — когда побеждают соответственно земледельцы. Но если их победа не окончательна, в федерации кочевников происходят глубокие изменения, часто сопровождающиеся усобицами из-за власти и существования. Это приводит к ее распаду. Цикл может начаться заново¹⁷⁷². После распада объединения племена часто возвращаются в степь или пустыню и продолжают вести кочевнический образ жизни, но иногда появляется новый предводитель, реорганизовывающий племена и создающий новую федерацию. Если это возникает сразу после падения предыдущей, новая может иметь имя старой, когда во главе нее встает человек, связанный с властью в прошлой федерации¹⁷⁷³. Характерно, что, критикуя подобные мнения западных ученых об образовании кочевнических государств и проблеме преемственности,

¹⁷⁶⁹ Eberhard W. *Conquerors and Rulers ...* P. 58.

¹⁷⁷⁰ Ibid. P. 58—59.

¹⁷⁷¹ Ibid. P. 120. Ср.: Eberhard W. *Çin tarihi ...* S. 87, 153; *Idem.* A History of China. P. 73, 131.

¹⁷⁷² Eberhard W. *Conquerors and Rulers ...* P. 113.

¹⁷⁷³ Ibid. P. 114.

М.А. Васильев, ссылаясь на пример А-ши-на, указал, что не всегда главенствующим родом следующего государства становится род из старой знати¹⁷⁷⁴, хотя вопрос, конечно же, не может решаться столь однозначно¹⁷⁷⁵.

В. Эберхард выделял тибетский, монгольский и тюркские типы организаций федераций¹⁷⁷⁶. Первые формировались на основе небольших родственных групп и характеризовались выборностью власти¹⁷⁷⁷. Второй тип включал случаи, когда племена со своими вождями, независимые друг от друга, объединяются, избирая лидера¹⁷⁷⁸. Третий тип характеризовался тем, что здесь было главенствующее племя, имевшее право выдвигать своих представителей на лидерство в федерации, также были союзные с ним «обычные», а также внутренние и внешние племена, присоединившиеся позже или включенные в федерацию силой. Они имели меньше прав. Часто их предводители заменялись представителями главенствующего племени. Здесь отмечают, что любопытно, «прислужники и/или рабы», бывшие как личными, так и общими. Они могли быть связаны как с отдельным племенем, так и со всей федерацией, но не были частью федерации¹⁷⁷⁹.

О. Латтимор не разделял подобной обобщающей классификации В. Эберхарда, указав, что, например, тюрки характеризуются достаточно широким диапазоном форм хозяйства: от орошаемого земледелия в оазисах и кочевнического скотоводства до лесной охоты и оленеводства, а стратификация племен на правящие, подчиняющиеся, и подданные или «рабские», характерна не только для тюрков, но и для всей Монголии в целом¹⁷⁸⁰.

Интересно в концепции В. Эберхарда замечание касательно характеристики периода истории Китая 220—580 гг. В это время, по его мнению, тюркские и монгольские народы, правившие на севере Китая, принесли с собой «традиции феодальной знати с привилегиями по праву рождения и все, что под ними подразумевается», в то время как на юге формировалась знать иного типа, связанная с торговым классом¹⁷⁸¹. Падение кочевнических династий В. Эберхард связывает именно с социально-экономическими переменами в самом Китае и с возникшим конфликтом между двумя путями развития Китая: когда на юге совершился пере-

¹⁷⁷⁴ Васильев М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства ... С. 18—19; *Его же*. Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 30.

¹⁷⁷⁵ См.: *Sinor S.* The Legendary Origin of the Türks // *Folklorica : Festschrift for Felix J. Oinas / ed. by E.V. Zygax, P. Voorheis.* Bloomington, 1982 (Indiana University Uralic and Altaic Series. Vol. 141). P. 223—257.

¹⁷⁷⁶ *Eberhard W.* Conquerors and Rulers ... P. 114—115, см. также схему на п. 117.

¹⁷⁷⁷ *Ibid.* P. 115—116.

¹⁷⁷⁸ *Ibid.* P. 116—118.

¹⁷⁷⁹ *Ibid.* P. 118. См. также: *Kortepeter C.M.* The Origins and Nature ... P. 250—251.

¹⁷⁸⁰ *Lattimore O.* Studies in Frontier History ... P. 532—533. Мы не касаемся видов скота, соглашаясь с А.М. Хазановым, что «попытка Эберхарда (*Eberhard*, 1952: 107—139; ср. *Johnson*, 1969: 13) разделить евразийский степной тип номадизма на монгольский с преобладанием лошадей и тюркский со смешанным составом стада несостоятельна» (*Khazanov A.M.* Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. 2nd ed. Madison, 1994. P. 46. Цит. по: *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. С. 124).

¹⁷⁸¹ *Eberhard W.* Çin tarihi ... S. 124; *Idem.* A History of China. P. 110. Ср.: *Eberhard W.* Çin tarihi ... S. 191—192; *Idem.* A History of China. P. 170.

ход населения от выращивания злаковых культур на сухих полях к выращиванию рисовых культур на влажных полях, и от полевого земледелия к овощеводству с целью продажи; на севере же Китая разразилось противостояние между китайским земледельческим и кочевническо-скотоводческим хозяйством Центральной Азии. Тюркские и монгольские завоеватели сравнительно недавно отказались от подсобного земледелия, перейдя к чистому кочевничеству, но нужда в земледельческой продукции склоняла их к грабёжам или торговле. Если бы они оставались кочевниками, они вынуждены были бы регулярно совершать походы на юг и захватывать в рабство крестьян или просто истребить их, другой выход состоял в том, что они сами превращались в правящий класс, знать над местными жителями. Именно этот путь позже избрали монголы, но не тюркские кочевники, в результате чего были постепенно поглощены и исчезли¹⁷⁸².

Здесь замечателен тот факт, что все описанные выше теории строились исходя из восприятия истории кочевников с позиций их оседло-земледельческих соседей. Особое значение поэтому имеют работы венгерского по происхождению алтаиста Д. Синора, ученика Л. Лигети, Д. Немета и П. Пельо. Имея блестящую лингвистическую и историческую подготовку, а также широкую эрудицию, Д. Синор обратил внимание на неразработанность общей концепции истории кочевническо-скотоводческих и охотничьих народов Азии (в его терминологии: Центральной Евразии), в т.ч. и кочевников Внутренней Азии. Как писал, К.П. Атвуд, также ученик П. Пельо, «хотя он и занимался филологической работой, основной моделью исследовательской деятельности для него были не комментарии Пельо, а “Империя степей” Рене Груссе»¹⁷⁸³.

В одной из статей (1954) Д. Синор поставил ряд проблем методического и методологического характера, связанных с изучением преимущественно бесписьменных обществ степной Евразии¹⁷⁸⁴. Д. Синор много внимания уделил климатическому фактору, соответственно, повлиявшему на сложение форм хозяйства, а также на характер и мировосприятие степных скотоводов¹⁷⁸⁵. Кочевническо-скотоводческое хозяйство Д. Синор считал, во-первых, «наиболее производительной и совершенной формой хозяйства» (в сравнении с охотой!), во-вторых, что «оно было единственной хозяйственной системой, способной содержать сильную армию»¹⁷⁸⁶. Вместе с тем он отмечал ограниченный потенциал этого хозяйства в обеспечении продовольственными

¹⁷⁸² Eberhard W. Çin tarihi ... S. 124; *Idem*. A History of China. P. 111.

¹⁷⁸³ Atwood C.P. Paul Pelliot and Mongolian Studies. P. 439.

¹⁷⁸⁴ Sinor D. Central Eurasia. P. 93—119. Первое издание сборника «Orientalism & History» вышло в 1954 г.

¹⁷⁸⁵ *Ibid.* P. 96—97.

¹⁷⁸⁶ *Ibid.* P. 98.

продуктами, что вынуждало кочевников решать эти проблемы силовым вариантом, как бы компенсируя нехватку продовольствия своей военной мощью¹⁷⁸⁷.

Само противопоставление понятий «цивилизованный» и «варвар»¹⁷⁸⁸, хотя их условность и оговорена автором¹⁷⁸⁹, свидетельствует в пользу приверженности Д. Синора стадиялизму и, соответственно, эволюционизму. Об этом также говорит и следующее высказывание: «Только для того, чтобы достичь наивысшей стадии своего развития, общество Центральной Евразии нуждается в сильном, централизованном руководстве»¹⁷⁹⁰. В мирное время такой предводитель нужен для распределения пастбищ и регулирования маршрутов кочевания, но еще больше он необходим в военное время, поскольку необходимость ведения боевых действий носила систематический характер. Именно об этом, по мнению ученого, свидетельствуют Хошо-Цайдамские стелы, описывающие походы Эльтериша, Капагана и Бильге каганов¹⁷⁹¹.

Но исчезновение таких империй обычно проходит быстрее, чем их образование. Д. Синор так пишет об этом: «Когда руководство правящего класса, т.е. клана вождя, перестает быть выгодным для большинства, политическая структура распадается и империя прекращает существование. Такие политические исчезновения не обязательно означают в итоге истребление народа, который с ними связан. Отдельный индивид либо возвращается к менее благополучному образу жизни, либо просто вступает в зависимость к новому господину. Победоносный вождь не испытывает трудностей в поиске последователей, которые при этом только счастливы воспользоваться возможностью бóльшего процветания, которую он предлагает им. Растущее количество означает растущую власть, рост власти и рост богатства являются синонимами»¹⁷⁹². Именно в этом ключе Д. Синор интерпретирует упоминания Хошо-Цайдамских надписей о ссорах младших братьев и со старшими, знати и народа, и утрату кагана в итоге; при этом ученый указывает, что нередко именно китайцы или византийцы сеяли смуты среди кочевников, следуя принципу *divide et impera* («разделяй и властвуй»)¹⁷⁹³.

Отмечая религиозную терпимость, присущую степным кочевникам, связанную также с вхождением разных групп населения в их империи, Д. Синор объяснял это стремлением населения объединять свои силы для завоевания с целью обретения наиболее благоприятных экономических условий. Война была для кочевников способом поиска благ, при этом она никогда

¹⁷⁸⁷ Sinor D. Central Eurasia. P. 98—99. Ср. несколько утрированное толкование позиции Д. Синора: Васильев М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства ... С. 7; Его же. Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 17—18.

¹⁷⁸⁸ Sinor D. Central Eurasia. P. 94.

¹⁷⁸⁹ Ср.: Poppe N. [Review] *Orientalism and history*. Edited by Denis Sinor. Cambridge, W. Heffer & Sons Ltd., 1954. VIII + 107 pages. // Central Asiatic Journal. 1955. Vol. 1. №. 1. P. 76.

¹⁷⁹⁰ Sinor D. Central Eurasia. P. 99.

¹⁷⁹¹ Ibid.

¹⁷⁹² Ibid. P. 99—100.

¹⁷⁹³ Ibid. P. 100.

не сопровождалась неоправданной жестокостью¹⁷⁹⁴. В этом ученого полностью поддержал Н.Н. Поппе¹⁷⁹⁵. Здесь же Д. Синор прямо называет войну единственным источником дохода для кочевников¹⁷⁹⁶. Вместе с тем, историческая роль кочевников состоит еще и в том, что они были связующей артерией между культурами Востока и Запада, а, кроме того, обеспечивали безопасное процветание Великого Шелкового пути¹⁷⁹⁷. Но их терпимость делала их общества открытыми и для инокультурных влияний, в частности, проникновения чужих религий¹⁷⁹⁸. Д. Синор отмечал это явление, когда «варвары» обычно предпочитают терять свою идентичность и интегрироваться в чуждую, цивилизованную, среду¹⁷⁹⁹.

Следует учитывать, что Д. Синор не был историком социальных отношений. Так, как было видно, в его работах фигурирует такое выражение как «правлящий класс», идентичный правящему клану (т.е. не в марксистском понимании), в переводах древнетюркских надписей у него мы встречаем: «...рабы стали имеющими рабов, а слуги стали имеющими слуг»¹⁸⁰⁰.

Вместе с тем важно то, что Д. Синор отметил книгу Р. Груссе как эталон обобщающего исследования, призвав ученых больше внимания уделять аналитическим работам, отметив, что, в принципе, этой работой все, что можно сделать в описательном плане, сделано¹⁸⁰¹. При этом работы О. Латтимора он охарактеризовал как «передовые работы»¹⁸⁰².

С конца 50-х гг. XX в. Д. Синор специально обращается к истории Тюркского каганата¹⁸⁰³. В 1969 г. он предпринимает попытку издания учебного пособия «Внутренняя Азия : История—Языки—Цивилизация», главы 13—14 которого посвящены соответственно тюркам и уйгурам¹⁸⁰⁴, где отчасти переданы те же мысли, что и в изданной ранее статье¹⁸⁰⁵.

В свою очередь, отметим, что глава о тюрках является также первой в западной историографии со времен Р. Груссе попыткой цельного изложения истории Тюркского каганата. Для примера укажем, что вышедшая первым изданием в 1966 г. коллективная работа «Центральная Азия» под редакцией Г. Хамбли упоминала о тюрках и уйгурах бегло, и то в контексте отноше-

¹⁷⁹⁴ Sinor D. *Central Eurasia*. P. 102—103.

¹⁷⁹⁵ Poppe N. [Review] *Orientalism and history*. Edited by Denis Sinor ... P. 76.

¹⁷⁹⁶ Sinor D. *Central Eurasia*. P. 103.

¹⁷⁹⁷ Ibid. P. 104—105.

¹⁷⁹⁸ Ibid. P. 105.

¹⁷⁹⁹ Ibid. P. 95.

¹⁸⁰⁰ Ibid. P. 99.

¹⁸⁰¹ Ibid. P. 112—113.

¹⁸⁰² Ibid. P. 115.

¹⁸⁰³ Sinor D. *The Historical Role of the Turk Empire* // *Journal of World History*. 1958. Vol. IV. № 3. P. 427—434.

¹⁸⁰⁴ Sinor D. *Inner Asia. History—Civilization—Languages. A Syllabus*. Bloomington; The Hague, 1969 (Uralic and Altaic Series. Vol. 96). P. 101—112, 113—122.

¹⁸⁰⁵ Здесь Д. Синор указывает, что его статья 1958 г. представляет, по-видимому, лучший, хотя и краткий обзор истории тюрков, на английском языке (Ibid. P. 112).

ний с Ираном и Китаем¹⁸⁰⁶, в то время как, например, истории Монгольской империи с учетом различных аспектов было посвящено четыре главы (Ch. 6—9). У.Х. МакНилл в своей «Всеобщей истории» (1-е изд. в 1967 г.) бегло говорит о тюрках среди прочих «степных народов Востока», указывая на образование в 552 г. «тюркской конфедерации» и ее разделение на две части в 572 г.¹⁸⁰⁷

Д. Синор все степные политические образования от хуннов до монголов, условно именуемые «империями» и условно «кочевыми», считал «политическими сообществами, в которых лингвистически и этнически зачастую разнородное население объединялось вместе одним из их компонентов [т.е. данных сообществ — *Авт.*], который оказывался в политическом и военном плане сильнейшим». Все они имели довольно постоянный центр и постоянную, хотя и этнически смешанную, основу населения, менявшую имя в зависимости от правящей группы¹⁸⁰⁸. Так, тюрков (*ту-цзюэ*) он именуется «правлящим классом», сменившим в этой роли *жуань-жуаней*¹⁸⁰⁹.

В этой смене власти ученый видел яркий пример именно внутренних деструктивных процессов, без всякого внешнего влияния. Д. Синор предполагал, что восстание тюрков вполне могло иметь социальный подтекст, заключавшийся отчасти в «социальном противостоянии» правящего класса и «класса шахтеров-металлургов», коими были тюрки, параллельно с фактом их принадлежности к различным этническим или лингвистическим группам¹⁸¹⁰.

Расширение и наращивание мощи Тюркской империи требовало расширения торговых возможностей, из-за чего тюрки вступили в борьбу за контроль над Шелковым путем¹⁸¹¹. Интересно, что место Хошо-Цайдамских надписей, где каган говорит о том, что сел править не сытым и богатым, а «лишенным пищи внутри, лишенным одежды снаружи» (*ičrā aš-siz tašra ton-siz*) [КТб, 26 = БК, X, 21], Д. Синор трактует как свидетельство «вечных экономических проблем, которые сопутствуют населению, не способному к преобразованию к более эффективным формам экономики»¹⁸¹². Произошедшее разделение Тюркской империи на восточную и запад-

¹⁸⁰⁶ *Hambly G. et al. Central Asia. New York ; London, 1969. P. 59—60. Автор раздела — Д. Бивар. Ср.: Sinor D. Notes on the Historiography of Inner Asia I // Journal of Asian History. 1973. Vol. 7. № 2. P. 181—182.*

¹⁸⁰⁷ *McNeill W.H. A World History. 2-nd edition. New York ; London ; Toronto, 1971. P. 194.*

¹⁸⁰⁸ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 427—428.*

¹⁸⁰⁹ *Ibid. P. 428, 429.* Что касается *жуань-жуаней*, то Д. Синор отмечал важность их изучения для понимания возвышения тюрков (*Sinor D. Inner Asia ... P. 100*).

¹⁸¹⁰ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 429.* Д. Синор отмечает, что это трудно определить, были ли тюрки шахтерами или даже кузнецами (*Sinor D. Inner Asia ... P. 101*). Приводя же свои переводы отрывков из древнетюркских рунических текстов, Д. Синор снова дает буквальные значения терминов, обозначающих социальные группы; у него мы встречаем 'знать' и 'народ' (*Ibid. P. 103, 108*). Фрагмент же, где повествуется о том, что тюрки *qul qul-lŷ bolmīs [kūŷ kūŷ-lig bol-mīs er-ti]* [КТб, 21 = БК, X, 18], ученый относит к эпохе Капагана и переводит 'слуги имели своих собственных слуг' (*Ibid. P. 110*).

¹⁸¹¹ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 429—430; Idem. Inner Asia ... P. 103, 104.*

¹⁸¹² *Sinor D. Inner Asia ... P. 110—111.*

ную Д. Синор считал «традиционной мерой для многих кочевых империй», с традиционным же «первенством», если не главенством восточного над западным¹⁸¹³.

Значение же Тюркского каганата именно в том, что он впервые проложил коммуникации между Востоком и Западом, что способствовало не только торговому, но и культурному обмену¹⁸¹⁴. Западная Тюркская империя при этом играла важную роль посредника в торговом обмене, Восточная оставалась в стороне от этого¹⁸¹⁵. Кроме того, «для племен, живших разбросанно на бескрайних пространствах Центральной Евразии, имя *Türk* стало символом единства народов, связанных между собой общим языком»¹⁸¹⁶. «Тюркское государство не обладало ни прочностью, ни мощью будущей Монгольской империи, но имело такое же свободное отношение к интригам и мыслям, и это было менее разрушительно. Оно было обречено погибнуть после короткого периода; еще не пришло время объединить все народы, “живущие в войлочных шатрах”. Тюркская империя, как и любое королевство, расколовшееся и впавшее в раздоры, пришла к гибели»¹⁸¹⁷. Когда Тюркскую империю сменила Уйгурская, особых перемен не произошло: «Изменения состояли в относительно малых нововведениях. Огромная кочевая империя Монголии осталась там, где она была, и это не казалось имеющим большое значение, то, что власть над ней перешла от тюрков к уйгурам. В некоторой степени, это была лишь смена административного аппарата»¹⁸¹⁸.

С 50-х гг. XX в. намечается совершенно новый этап в изучении тюрко-монгольских кочевников. Как отметил А.Р. Шаисламов, в период 50-х — 70-х гг. XX в. внимание западных исследователей кочевничества привлекает проблема выявления факторов государствообразования¹⁸¹⁹.

В 50-е гг. XX в. вышел ряд исследований работавшего тогда в Германии украинского ученого О. Прицака, касавшихся социальной и политической жизни древних тюрков. Несмотря на то, что эти заметки разбросаны по различным статьям ученого, они дают ясное представление о его взглядах на кочевнические общества.

¹⁸¹³ *Sinor D. Inner Asia ... P. 103.*

¹⁸¹⁴ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 433; Idem. Inner Asia ... P. 111.*

¹⁸¹⁵ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 434. Cp.: Idem. Inner Asia ... P. 111—112.*

¹⁸¹⁶ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 434; Idem. Inner Asia ... P. 112.*

¹⁸¹⁷ *Sinor D. The Historical Role of the Turk Empire. P. 434.*

¹⁸¹⁸ *Ibid; Sinor D. Inner Asia ... P. 111.* Интересно, что в одной из работ Д. Синор характеризует остатки уйгуров, откочевавшие после разгрома Уйгурского каганата в 840 г. кыркызами в Восточный Туркестан, как «группу бывших правящих классов, т.е. собственно уйгуров» (*Sinor D. Notes on the Historiography of Inner Asia II // Journal of Asian History. 1975. Vol. 9. № 2. P. 167.*)

¹⁸¹⁹ *Шаисламов А.Р. Социальная история номадизма ... дис. ... С. 82; Его же. Социальная история номадизма ... автореф. ... С. 16.* Ученые отмечают важной вехой появление работ о Б. Шпулера о Золотой Орде, где выступает мысль о симбиотическом характере существования кочевнических и оседло-земледельческих обществ (*Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе ... С. 78; Лаумулин М.Т. Тюркология и среднеазиатские исследования в Германии. С. 51—52; Таштемханова Р.М. История изучения Казахстана в Германии ... С. 23—24.*)

Статья О. Прицака «Племенные названия и титулатура алтайских народов», вышедшая в 1952 г., содержащая две главы из его докторской диссертации¹⁸²⁰ (1948 г.), подготовленной под руководством А. фон Габэн¹⁸²¹, была попыткой рассмотреть социальные отношения у кочевников на новом уровне¹⁸²². Ученый привлек многочисленный этнографический и лингвистический материал, впервые в историографии предприняв попытку использования данных языка для изучения закономерностей изменения социально-политической организации кочевнических обществ.

Исследователь отрицал какие-либо возможности говорить о «кочевом» феодализме, принимая именно точку зрения о пестром по языку и происхождению и эфемерном состоянии кочевнических политических объединений, фактически развивая взгляды В. Эберхарда¹⁸²³.

О. Прицак, задаваясь вопросом «Как возникла степная империя?», дает на него следующий ответ (цит. по переводу Л.Н. Гумилева)¹⁸²⁴: «Когда в степи появлялся талантливый организатор, он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род¹⁸²⁵, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о котором идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой — размещение гарнизонов в степных укреплениях, сначала на Орхон-Ороне, потом на Чу¹⁸²⁶.

Обладание священными местами в степи приобщило основателя новой федерации к благодати¹⁸²⁷, придававшей его власти¹⁸²⁸ силу законности. Так как только принадлежащие к гос-

¹⁸²⁰ Poppe N. [Review] *Ural-Altäische Jahrbücher*, Fortsetzung der „Ungarischen Jahrbücher“, herausgegeben von Julius von Farkas, Band XXIV, Heft 1—2 (1952), Otto Harrassowitz, viii + 153 pages // *Harvard Journal of Asiatic Studies* 1952. Vol. 15. № 3/4. P. 522. Здесь «алтайский» употребляется в значении принадлежности к алтайской языковой семье.

¹⁸²¹ Özcan A.T. Omeljan Pritsak (1919—2006) // *Karadeniz Araştırmaları*. Balkan, Kafkas, Doğu Avrupa ve Anadolu İncelemeleri Dergisi. 2007. Sayı 13. S. 4.

¹⁸²² Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1952. Bd. XXIV. H. 1—2. S. 49—104. Переиздание на англ. яз.: *Pritsak O. Tribal Names and Titles amongst the Altaic Peoples // The Turks in the Early Islamic World* / ed. by C.E. Bosworth. Ashgate, 2007 (The Formation of the Classical Islamic World. Vol. 9). P. 59—112. О. Прицак пытался также проследить семантику отдельных племенных наименований на фоне морфонологических изменений. Прежде подобная работа уже была проделана Д. Неметом в его книге 1930 г. (*Németh Gy. A honfoglaló Magyarorság kialakulása / közzéteszi B. Árpád. Második, bővített és átdolgozott kiadás*. Budapest, 1991. 56—101. о.), но О. Прицак не был знаком с этой публикацией.

¹⁸²³ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 50, 88—89 Anm. 7, 8; *Idem*. Tribal Names and Titles ... P. 61 note 7, 8, где ученый перечисляет мнения С.П. Толстова, С.В. Киселева, С.В. Токарева, Н.Н. Козьмина, Б.Я. Владимирцова.

¹⁸²⁴ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 51; *Idem*. Tribal Names and Titles ... P. 62. Цит. по: Гумилев Л.Н. Орды и племена у древних тюрков и уйгуров // *Материалы по Отделению этнографии*. Л., 1961. Ч. 1. Доклады за 1958—1961 гг. С. 16; *Его же*. Древние тюрки. С. 100. Данный здесь перевод адекватно отражает терминологию оригинала.

¹⁸²⁵ В оригинале: клан.

¹⁸²⁶ В оригинале далее следует фраза «...к западу от Иссык-куля».

¹⁸²⁷ Н.Н. Крадин, также цитировавший этот фрагмент, верно исправляет здесь на «харизма», при этом заключая, что О. Прицак отводил большую роль в образовании кочевых империй «личности талантливого объедини-

подствующему роду могли рассматриваться как господа¹⁸²⁹, то созываемый на священном месте, вблизи от укрепления, курултай¹⁸³⁰, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал по старому обычаю кандидата в степные цари. Выбранный принимал обычно по предложению шамана царский титул. Этот титул выражал притязание на мировое господство. Кроме титула правителя устанавливалось название для нового государства или федерации»¹⁸³¹.

Основная критика со стороны Л.Н. Гумилева в этом случае¹⁸³² крайне субъективна и совершенно не конструктивна, и, безусловно, стояла на несравненно более низком методологическом уровне. В целом же, по мнению Л.Н. Гумилева, О. Прицак «описал процесс становления “военной демократии”, но отмеченное им сочетание дружины и племени живущего родовым строем характерно для оседлых племен Европы, а у кочевников та же проблема решалась иначе»¹⁸³³. Однако это утверждение в корне неверно.

О. Прицак рассматривал кочевнические политические объединения, «степные государства», как эфемерные «племенные федерации», формирующиеся вокруг какого-либо племени во главе с влиятельным, предприимчивым вождем. Все входящие в такую «федерацию», в т.ч. Тюркский каганат, племена и народы он подразделял на четыре ранга: правящее племя и союзные ему высокостатусные родственные племена (токуз огузы), в т.ч. брачующееся с главным племя; племена, добровольно вошедшие в «конфедерацию», как правило, близкого происхождения; находящиеся на положении данников народы, как правило, оседлые (согдийцы); подчиненные, завоеванные силой, «рабские» племена¹⁸³⁴. Родственные племена, как правило, сохраняли своих вождей¹⁸³⁵. Именно правящее племя и родственные ему племена, связанные экзогамными браками, как указывает ученый в другой работе, сформировали «правлящий класс, знать государства»¹⁸³⁶. Говоря о подчиненных племенах, О. Прицак ссылаясь на Б.Я. Владимирцова и А.Н. Бернштама¹⁸³⁷. Имя главенствующего клана распространялось на все

теля вождя» (*Крадин Н.Н.* Кочевые общества ... 1992. С. 26. Ср.: *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингисхана. С. 27).

¹⁸²⁸ В оригинале: «...его империи (и его племенам) ...».

¹⁸²⁹ В оригинале фраза звучит так: «Потому что только члены рода “законного” правителя могли быть правителями».

¹⁸³⁰ В оригинале: «степной совет».

¹⁸³¹ В оригинале последняя фраза в целом звучит иначе: «Для достижения религиозно-магического эффекта для того и другого наименования выбиралось какое-то древнее слово. При этом название племени (или клана) нового императора может стать наименованием всей федерации».

¹⁸³² *Гумилев Л.Н.* Орды и племена ... С. 15—16, 16—17; *Его же.* Древние тюрки. С. 100—101.

¹⁸³³ *Гумилев Л.Н.* Орды и племена ... С. 17.

¹⁸³⁴ *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen ... S. 52—53; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 62—63.

¹⁸³⁵ *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen ... S. 53; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 64.

¹⁸³⁶ *Pritsak O.* Die 24 Ta-ch'ên : Studie zur Geschichte des Verwaltungsaufbaus der Hsiung-nu Reiche // *Oriens Extremus.* 1954. Jg. 1. N. 2. S. 179.

¹⁸³⁷ *Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen ... S. 53, 80 Anm. 20; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 64 note 20.

объединение¹⁸³⁸, его диалект становился основным, «государственным» языком, как и его культура доминирующей¹⁸³⁹. Однако при потере им ведущего положения, теряет это свойство и его культура, и у родственных племен вытесняясь культурой нового главенствующего племени¹⁸⁴⁰.

Очень доброжелательно этот раздел работы О. Прицака встретил Д. Синор, особенно отметив приводимые О. Прицаком данные, показывающие что «одни и те же племенные наименования появляются в составе различных федераций»¹⁸⁴¹.

Сопоставляя тюркскую и монгольскую терминологию, О. Прицак попытался дать универсальную схему иерархии единиц общественной организации кочевников, критикуя подобную попытку, предпринятую А.Н. Бернштамом: тюрк. *il* = монг. *ulus* ‘федерация племен’, тюрк. *budun* = монг. *irgen* ‘племенная группа, народ’, тюрк. *oq* (< **oqu*) = монг. *oboq* ‘племя (не род!)’¹⁸⁴².

Очень важное значение имела попытка О. Прицака на основе рассмотрения именных аффиксов алтайских языков обосновать не множественный, а собирательный характер аффиксов в названиях племен, показать, что они не имеют грамматической характеристики обозначения конкретных признаков класса или группы предметов, в то время как другие, наоборот, носят функцию разделительности: определенности, специализации, индивидуализации¹⁸⁴³. Однако филологическая сторона построений О. Прицака не выдержала критики. Суровую оценку вынес изысканиям О. Прицака в морфонологии Й. Бенцинг¹⁸⁴⁴, Д. Синор лишь удивился стремлению видеть в финальном слоге племенных названий аффиксы множественности и также указал на спорность некоторых фонетических сопоставлений¹⁸⁴⁵. Что касается сравнительных сопоставлений семантики тюркских и монгольских терминов, то Д. Синор предостерег от создания универсальных схем организации в отрыве от терминологии конкретного источникового материала.

¹⁸³⁸ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 50—51; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 61—62.

¹⁸³⁹ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 52; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 62.

¹⁸⁴⁰ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 55; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 67.

¹⁸⁴¹ Sinor D. [C.r.] *Ural-Altäische Jahrbücher. Fortsetzung der «ungarischen Jahrbücher»*. Herausgegeben von Julius von FARKAS. Band XXIV, Heft 1—2. Otto Harrassowitz. — Wiesbaden, 1952: 153 pages // *Journal Asiatique*. 1952. T. CCXL. Fasc. 3. P. 425—426.

¹⁸⁴² Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 60; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 73—74. Каждому из упомянутых терминов О. Прицак посвятил тщательный разбор на основе широко сравнительно-исторического материала (*Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen ... S. 56—59; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 66—72), в частности он показал, что термин *budun* обозначает группы населения различного уровня (*Pritsak O.* Stammesnamen und Titulaturen ... S. 56—57; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 70).

¹⁸⁴³ Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen ... S. 66 ff.; *Idem.* Tribal Names and Titles ... P. 82 ff.

¹⁸⁴⁴ Benzing J. [Rez.] *Ural-Altäische Jahrbücher. Fortsetzung der “Ungarischen Jahrbücher”*. Herausgegeben von Julius von Farkas. Band XXIV, Heft 1—2, 1952. 153 S. (Verlag Otto Harrassowitz, Wiesbaden) // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1952. Bd. 102 (Neue Folge. Bd. 27). S. 409—411. Английский перевод см.: Pritsak O. Tribal Names and Titles ... [Appendix] [Benzing J.] Review of Pritsak’s article by J. Benzing in *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, CII (1952), pp. 409—11. P. 113—116.

¹⁸⁴⁵ Sinor D. [C.r.] *Ural-Altäische Jahrbücher* ... Band XXIV, Heft 1—2 ... P. 426. В целом же алтаисты, и Д. Синор (*Ibid.* P. 426—427) и Н.Н. Поппе (*Poppe N.* [Review] *Ural-Altäische Jahrbücher* ... Band XXIV, Heft 1—2 ... P. 522), сочли эти наработки интересными и далеко не бесполезными.

ла¹⁸⁴⁶. В последующем же и вовсе все изыскания О. Прицака в этом направлении были поставлены под сомнение Г. Дёрфером¹⁸⁴⁷. Поэтому данная часть цитируемой статьи может считаться устаревшей, но, несмотря на это, заслуживает самого пристального внимания именно метод.

Не менее важны заметки О. Прицака о древних тюрках, параллели с которыми он неоднократно проводил, в свои специальных работах о Караханидах, написанных на основе докторской диссертации. Как писал Б.Д. Кочнев, «при реконструкции структуры власти в каганате <Караханидов — Авт.> О. Прицак постоянно обращался к древнетюркским материалам, тем более что в караханидских политических институтах обнаруживаются сильные традиции древнетюркского государства»¹⁸⁴⁸.

Важной чертой древнетюркских государств О. Прицак считал «ступенчатую систему восхождения», «как и у других алтайских династий»¹⁸⁴⁹, именуемую им также «ступенчатое продвижение», согласно которому каждый титул в определенном порядке наследовался членами династии на основе принципа сеньората, т.е. от старшего брата к младшему и т.д.¹⁸⁵⁰ Однако вместе с этим важной чертой было соправительство, как он специально отмечал, «с делением пополам племен»¹⁸⁵¹, т.е. разделение государства между двумя правящими каганами, которое он также считал типичной «алтайской системой»¹⁸⁵². Также разделение для Тюркского каганата, произошедшее, по его мнению, в 581 г., он никогда не отрицал¹⁸⁵³.

В последующих работах О. Прицак дальше разработал концепцию развития кочевнических политических объединений (см. ниже).

В 1960 г. в качестве книги была опубликована первая часть диссертации французского тюрколога Р. Жиро, посвященная истории Второго Тюркского каганата в связи с орхонскими надписями¹⁸⁵⁴. Несмотря на то, что она была завершена прежде, чем вышло новое издание надписи Тоньюкука П. Аалто и фундаментальная работа Лю Мао-цай по китайским источникам

¹⁸⁴⁶ Sinor D. [С.г.] *Ural-Altäische Jahrbücher* ... Band XXIV, Heft 1—2 ... P. 425—426.

¹⁸⁴⁷ Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Wiesbaden, 1963. Bd. I. *Mongolische Elemente im Neupersischen* (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). S. 125—127, 176; *Idem*. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen* ... Wiesbaden, 1965. Bd. II. *Türkische Elemente im Neupersischen* (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XIX). S. 49—50, 133, 198—199.

¹⁸⁴⁸ Кочнев Б.Д. *Нумизматическая история Караханидского каганата (991—1209 гг.)*. М., 2006. Ч. I. *Источниковедческое исследование*. С. 244.

¹⁸⁴⁹ Pritsak O. *Karachanidische Streitfragen 1—4* // *Oriens*. 1950. Bd. 3. Heft 2. P. 210—211.

¹⁸⁵⁰ Pritsak O. *Die Karachaniden* // *Der Islam*. 1954. Bd. XXXI. Heft 1. S. 23—24; *Aynı müel. Kara-hanlılar // İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati*. İstanbul, 1977. Cilt VI. *Qā'ān — Kvaṭṭa*. S. 252—253. К примеру, эту же систему он отмечал у хуннов (*Pritsak O. Die 24 Ta-ch'ên* ... S. 160).

¹⁸⁵¹ Pritsak O. *Karachanidische Streitfragen 1—4*. P. 210—211.

¹⁸⁵² Pritsak O. *Die Karachaniden*. S. 22—23; *Aynı müel. Kara-hanlılar*. S. 252—253

¹⁸⁵³ Pritsak O. *Karachanidische Streitfragen 1—4*. P. 227, 228.

¹⁸⁵⁴ Giraud R. *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte*. Paris, 1960. 219 p. Вторая часть вышла в следующем году: *Giraud R. L'Inscription de Bañ Tsokto : Édition Critique*. Paris, 1961. 166 p.

(обе в 1958 г.), из-за чего Р. Жиро не смог избежать некоторых промахов, тем не менее, книга носила новаторский характер и содержала ряд интересных и оригинальных замечаний¹⁸⁵⁵.

Ученый предпринял попытку интерпретировать древнетюркские термины, обозначающие социальные единицы, расположив их в иерархическом порядке. Так, он предложил следующую схему: *kisi* 'индивид, атом' — *bod* 'племя' — *bodun / bodin* 'конфедерация' — *el*¹⁸⁵⁶.

При этом Тюркское государство проходило, по мнению ученого, определенную эволюцию. Походы и завоевания, предпринимаемые каганом, были призваны установить порядок. Вначале они составляли основу его экономики, но затем они стали предприниматься только ради добычи, а также для захвата торговых путей¹⁸⁵⁷.

Р. Жиро выделяет три периода истории Второго Тюркской империи: первый — «основание» (681—691): правление Эльтериша, время раскола тюрков и огузов, борьба тюрков с врагами вокруг Өтүкәна; второй — «расширение» (691—716): правление Капгана, победы над кочевыми народами Алтая, Джунгарии, Тарбагатая и дельты р. Или, походы до р. Сыр-Дарьи и в Монголию, установление восточной «границы» по Хингану, признание Китаем могущества тюрков спустя 30 лет после того, как Эльтериш поднял восстание, рассматриваясь вначале как разбойник; и третий — «взлет и постепенный упадок» (716—734): правление Бильге кагана, важный, прежде всего, покорением огузов¹⁸⁵⁸.

Р. Жиро писал о «племенной (*bod*) организации» — племенах, соединявшихся в союз племен (*bodin, bodun*), и затем — в *el*, что означает организованное государство (*État organisé*) и буквально может быть переведено словом «империя»¹⁸⁵⁹. Р. Жиро также толковал как *el* как 'политическую власть, которая ими [т.е. племенами — *Авт.*] управляет, администрацию, государственную организацию'¹⁸⁶⁰, и, отмечая его сочетание со словами *et- yarat-* соответственно 'создавать' и 'организовывать, устраивать', — что, как он считал, говорит о политической эволюции¹⁸⁶¹, — и, обращая внимание на его грамматическую соотносимость со словом *qayan*¹⁸⁶²,

¹⁸⁵⁵ *Clauson G.* [Review] *L'Empire des Turcs Célestes*. By R. Giraud. pp. 221, 4 maps. Paris : Librairie d'Amérique et d'Orient, 1960. 20 NF. // *Journal of the Royal Asiatic Society (New Series)*. 1961. Vol. 93. Iss. 3—4. P. 131; *Meredith-Owens G.M.* [Review] René Giraud, *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734)*. Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte. — Paris, Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve 1960. Pp. 219 // *Oriens*. 1964. Vol. 17. P. 307—308 (там же на pp. 308—310 рецензия этого же автора на вторую книгу Р. Жиро). Р. Жиро приступил к работе над темой в 1945 г., книга была сдана в печать в конце 1957 г., а диссертация Р. Жиро была защищена в июле 1958 г. (*Bazin L.* René Giraud et la Turcologie // *Turcica. Revue d'Etudes Turques*. 1969. T. 1. P. 244—245).

¹⁸⁵⁶ *Giraud R.* *L'Empire des Turcs Célestes ...* P. 67—68; *Tekin Ş.* [Eleştiri—tanıtma] René GIRAUD, *L'Empire Des Turcs Célestes ; Les Règnes D'Elterich, Quapghan Et Bilge (680—734)* // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 1964. 2. bk. Ankara, 1989. S. 160; *Bilkihoğlu T.* [Eleştiri—tanıtma] René Giraud, *L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734) = Göktürk İmparatorluğu, Elteriş, Kapgan ve Bilge devirleri (680—734)*. 219 sayfa, metin dışı 4 harita, Paris 1960 // *Belleten*. 1961. Cilt : XXV. Sayı : 99. S. 492.

¹⁸⁵⁷ *Giraud R.* *L'Empire des Turcs Célestes ...* P. 26—27.

¹⁸⁵⁸ *Ibid.* P. 55—59.

¹⁸⁵⁹ *Ibid.* P. 25—26.

¹⁸⁶⁰ *Ibid.* P. 70.

¹⁸⁶¹ *Ibid.* P. 23.

также писал: «*El* связан в текстах, как с *bodun*, так и с *qayan*», где «*Bodun* является... <...> объединением племен, собранным под властью так же одного кагана», составляя основу народа¹⁸⁶³. *El* же отражал политическую и национальную идентификацию¹⁸⁶⁴. В другом месте ученый характеризовал *el* как ‘государственную организацию, империю, политическое господство’¹⁸⁶⁵. Р. Жиро обратил внимание и на термин *törü* ‘порядок, традиция, обычай’, но в контексте с *el* ‘политическая власть’ *törü* — это ‘юридические институты’¹⁸⁶⁶.

Исходя из того, что вера в *Täŋri* была общетюркской, т.е. распространялась на все слои населения, и он был своеобразным «национальным» богом¹⁸⁶⁷, Р. Жиро интерпретирует сочетание *qut ülüg* как ‘удача и судьба’ или ‘счастье и удача’, т.е. именно как благодать и удачу для кагана вести свой народ¹⁸⁶⁸. Вслед за Р. Жиро эту концепцию древнетюркской религии принял Л. Базен¹⁸⁶⁹.

Каган должен быть *bilgä* ‘мудрым’ и *alp* ‘мужественным’, тогда не будет страдать народ. Фрагмент Хошо-Цайдамских памятников, где говорится об ошибке неблагоразумных (*bilig bilmäz*), внявших речам китайцев и переметнувшихся на их сторону, из-за чего пострадал весь тюркский народ [КТ, Хб, 6 = БК, Хб, 4], Р. Жиро интерпретирует как указание на «типичный случай коллективной ответственности», «в соответствии с клановым мышлением»¹⁸⁷⁰.

Среди разбора политической терминологии Р. Жиро, обратив внимание на эпизодическое упоминание титулов *Inäl qayan* и *Bögü qayan*, указал на отсутствие у тюрков института соправительства «малого кагана» как такового¹⁸⁷¹. Интересно замечание, что *bäglär* и *buyruk* были коллективными названиями, где *buyruq* являлись различными приближенными чиновниками кагана¹⁸⁷². Бегов он интерпретировал как ‘группу элиты’¹⁸⁷³, писал о них: «Каким был образ жизни бегов? Если они составляли, как мы полагаем, феодальный класс, они должны были, как главы своих племен или кланов, жить, хотя и в меньших масштабах, так, как сюзерен», т.е. «ко-

¹⁸⁶² Giraud R. L’Empire des Turcs Célestes ... P. 71.

¹⁸⁶³ Ibid. P. 69.

¹⁸⁶⁴ Ibid. P. 70.

¹⁸⁶⁵ Giraud R. L’Inscription de Baïn Tsokto ... P. 143.

¹⁸⁶⁶ Giraud R. L’Empire des Turcs Célestes ... P.71, 131

¹⁸⁶⁷ Ibid. P. 102—103.

¹⁸⁶⁸ Ibid. P. 105.

¹⁸⁶⁹ Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков Центральной Азии в VIII веке // Зарубежная тюркология / отв. ред. А.Н. Кононов. М., 1986. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. С. 355). Оригинал см.: Bazin L. L’homme et la notion d’histoire dans l’Asie Centrale turque au VIIIe siècle // Diogene. 1963. № 42. P. 86—102 (перездано в кн.: Bazin L. Les Turcs, des mots, des homes / éd. M. Nicolas et G. Veinstein ; préf. J. Hamilton. Paris, 1994. P. 313—324, цитируемый фрагмент на p. 321).

¹⁸⁷⁰ Giraud R. L’Empire des Turcs Célestes ... P. 109; Roux J.-P. La religion des Turcs de l’Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles (Deuxième article) // Revue de l’histoire des religions. 1962. T. 161. № 2. P. 214.

¹⁸⁷¹ Giraud R. L’Empire des Turcs Célestes ... P. 73.

¹⁸⁷² Ibid. P. 82—83.

¹⁸⁷³ Ibid. P. 134.

роче говоря, *беги* составляли привилегированный и честолюбивый класс, жаждущий почестей и прибыли»¹⁸⁷⁴.

Обращаясь к социальной структуре, после приведения цитаты В.В. Бартольда о демократической природе власти кагана тюрков, Р. Жиро пишет: «Тюркские тексты не так ясны, но, в целом, истина должна быть там. Этот вопрос имеет такое большое историческое и социальное значение, что мы считаем необходимым рассмотреть все касающиеся его пассажи, как в памятниках Кюль тегину, так и в других эпиграфических памятниках, где народ называется *qara bodun*»¹⁸⁷⁵. Р. Жиро трактовал *qara qamıy bodun*, где *qamıy* ‘весь, совокупность’¹⁸⁷⁶, как ‘черная масса, весь народ’, считая синонимичным с *qamıy* термин *igil* памятника Могойн Шинэ Усу¹⁸⁷⁷; он выделил оппозицию *örün beg* ‘белые беги’, термина из памятника Могойн Шинэ Усу, и *qara bodun* ‘черный народ’¹⁸⁷⁸. Однако в целом вопрос он оставил открытым, так и написав: «Это объяснение было бы очень слабо для того, чтобы обрело смысл, социальный и исторический, такое противопоставление как *örün beg* и *qara bodun*. Вероятно, решение надо искать в другом направлении. Проблема остается нерешенной»¹⁸⁷⁹. Памятники не говорят ничего конкретного о положении народа¹⁸⁸⁰.

Отталкиваясь от тех мест Хошо-Цайдамских текстов, где каган восхваляет землю *Ötükan*, призывая тюрков не покидать ее, Р. Жиро делает вывод о том, что Бильге каган решил сменить политику, сосредоточившись не на завоеваниях, а на мирной жизни, удовлетворившись завоеванными землями, развивая торговлю¹⁸⁸¹. По мнению ученого, в этом результат того, что каган проникся влиянию китайской культуры («китаизация») ¹⁸⁸². Также, исходя из того, что религией тюрков был шаманизм, примитивная ее стадия, а все народы имели тенденцию переходить к более развитым формам религии, Р. Жиро утверждал, что таковой для тюрков представился буддизм¹⁸⁸³. Однако против этого, прежде всего, против китайского влияния выступил Тоньюкук, сторонник кочевого и военного образа жизни, противник оседания¹⁸⁸⁴. Называя Тоньюкука «собирателем империи»¹⁸⁸⁵ и разделяя взгляд В. Томсена на него как на «king-

¹⁸⁷⁴ Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes ... P. 86.

¹⁸⁷⁵ Ibid. P. 87.

¹⁸⁷⁶ Ibid.

¹⁸⁷⁷ Ibid.

¹⁸⁷⁸ Ibid. P. 88, 15. Любопытно, что А.М. Щербак отметил возможность перевода сочетания *ürün kara* в памятнике Бегре [E-11, 10] ‘моя знать и моя чернь’, но сам пока воздержался от этого (Щербак А.М. Памятники рунического письма енисейских тюрков // Народы Азии и Африки. 1964. № 4. С. 146).

¹⁸⁷⁹ Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes ... P. 88.

¹⁸⁸⁰ Aksaraylı Z.A. Gök Türk İmparatorluğu İleriş, Kapgan ve Bilge'nin Hükümdarlıkları (680—734) // Celal Bayar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2011. Cilt 9. Sayı 2. (Prof. Dr. Mahmut Kaplan Armağan Sayısı). S. 732.

¹⁸⁸¹ Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes ... P. 57—58.

¹⁸⁸² Ibid. P. 108.

¹⁸⁸³ Ibid. P. 114—115.

¹⁸⁸⁴ Ibid. P. 61.

¹⁸⁸⁵ Ibid. P. 63.

maker»¹⁸⁸⁶, ученый, по-видимому, дает понять, что не исключает роли личности в истории кочевников. По мнению Р. Жиро, каганские надписи сочетают в себе мирный взгляд на ведение политики, но в то же время под влиянием Тоньюкука, они пронизаны духом национализма, декларируя отказ от любых иностранных влияний¹⁸⁸⁷.

Несмотря на то, что заключения Р. Жиро достаточно прямолинейны и буквальны, они, тем не менее, осторожны¹⁸⁸⁸. В целом работа очень важна своей филологической составляющей.

Г. Дёрфер в своей фундаментальной четырехтомной работе о тюркских и монгольских заимствованиях в новоперсидском (фарси) выступил с отдельными замечаниями относительно социально-политической организации Тюркского каганата. Среди групп титулов, он выделил «собственно ранговые титулы, различающие социальные градации и приблизительно соответствующие нашим дворянским титулам». «Таковых было всего четыре: а) *χaγan* „великий хан, верховный вождь всей Федерации”, б) *χan* „хан, вождь Федерации, типа *Qırqız* и т.п.”, в) *tegin*, слово, обозначающее в узком смысле заместителя хана, т. е. наследного принца (в качестве постоянного заместителя, представитель хана при определенной акции, напротив, назывался *inäl*), а в широком смысле объединяющее всех участников верховной коллегии кроме самого хана: так к примеру, в надписи в честь Кюли-чора выражение *tört tegin*, букв. „четыре тегина” обозначает „два ябгу” и „два шада”, д) *bäg* „князь, глава отдельного племени или предводитель группы значительных должностных лиц”. Ниже этого ранга находилась уже народная масса (*qara bodän*)...»¹⁸⁸⁹.

Интересно еще такое замечание об «особых должностных званиях», среди которых *tegin* (*teğen*) («= заместитель хана, сын или младший брат хана...»): «Выбор личности заместителя, как и условия этого выбора, были предоставлены на произвол верховного властителя. Например, вместо брата тегином мог быть выбран сын... В связи с существованием также „малых ханов” (тегинов) иногда говорят о „двойном царском правлении” древних тюрков. Выражение это, однако, не вполне корректно и ведет к некоторым недоразумениям: ведь *tegin* сам не имел

¹⁸⁸⁶ Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes ... P. 108.

¹⁸⁸⁷ Ibid. P. 108—109.

¹⁸⁸⁸ Ср., напр.: «Жиро [3 <Giraud R. L'Empire des Turcs Célestes ... — Авт.>, с. 73—75] считает, что *yabγu* и *šad* одновременно имелись только у западных тюрков, а восточные тюрки имели только двух шадов; однако конструкцию *eki šad* „два шада”, несомненно, следует понимать как „ябгу и шад” <??? — Авт.>. Кроме того, китайские источники доказывают, что у восточных тюрков имелся *yabγu*» (Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 396. Цит. по: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 82).

¹⁸⁸⁹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 393. Цит. по: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики ... С. 81. Ср.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Wiesbaden, 1967. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XX). S. 141—142. Что касается написания древнетюркских лексем с широким гласным в аффиксах, то это объясняется тем, что Г. Дёрфер, как и О. Прицак, придерживались мнения характере вокализма орхонских памятников, близком к огузскому (с широкими гласными в аффиксах) (Ср.: Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 40, 34—36, 39).

титула *хауан* и вполне очевидно, что он назначался только по воле настоящего правителя, кагана... Подобное лицо никак нельзя квалифицировать как царя, но лишь как верховного чиновника государства... Однако это слово имело, кроме того, общее значение „принц”, причем звание это было выше, чем *šad* и *yabyu* (также являющимся принцами)...»¹⁸⁹⁰.

Г. Дёрфер не видел оснований говорить об институте соправительства, т.е. наличии двух верховных правителей в Тюркском каганате, но скорее о регентстве, поскольку, по его мнению, все известные по источникам случаи отнюдь не складываются в какую-либо последовательную систему¹⁸⁹¹.

Исследователь считал, что «хану и тегину в качестве нижестоящих членов верховной коллегии подчинялись по одному ябгу и по одному шаду (так что в целом верховная коллегия в большой Федерации древнетюркского государства состояла из 6 человек, а в малых коалициях, сохранявших самостоятельность — таких, как *Türgäš* — как будто бы только из 3 человек: *хауан*, *yabyu*, *šad*). Они также принадлежали к ханской семье и назначались из числа братьев или сыновей хана. Оба стояли во главе больших государственных уделов, состоявших из древних *el*, т.е. племенных Федераций, объединяющихся государством в так называемый „Великий *el*”, так сказать, в Федерацию Федераций. Они часто упоминаются в надписях (в честь Могиляна, Тоньюкука и др.), причем *yabyu* прежде всего в качестве главы Федерации *Töläs*, а *šad* — в качестве главы Федерации *Tarduš*. Эти же титулы встречаются и в китайских источниках...»¹⁸⁹².

В противовес О. Прицаку и А.Н. Бернштаму Г. Дёрфер предложил примерно следующую иерархию тюркской социальной организации: *uryu* ‘род’ — *ууиш* ‘племя’ — *иу* ‘народ’ — *bodän* ‘административная единица’ — *el* ‘государство’, или, более точно, ‘государственное объединение, объединение народа’, отмечая также в этом плане такие значения термина *el* как ‘мирное (состояние), мир (покой), поддерживаемый государством мир’ и ‘люди, которые живут вместе в мире’¹⁸⁹³, с центральными значениями именно ‘племенной союз; состояние государства’ в зависимости от контекста¹⁸⁹⁴. При этом Г. Дёрфер поддержал понимание Р. Жиро соотношения понятий *el* и *bodun*¹⁸⁹⁵. Говоря о создании *el*, включении племен в организацию, он указал на зна-

¹⁸⁹⁰ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 395. Цит. по: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики ... С. 81—82.

¹⁸⁹¹ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. III. S. 161—162, 163.

¹⁸⁹² Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 396. Цит. по: Шервашидзе И.Н. Фрагмент древнетюркской лексики ... С. 82. Ср.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen ... Bd. II. S. 537; Bd. III. S. 323.

¹⁸⁹³ См.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 50—51.

¹⁸⁹⁴ Ibid. S. 195.

¹⁸⁹⁵ Ibid. S. 199. Г. Дёрфер читал как *bodän* ‘народ’, ‘подвластное население’ (Ibid. S. 49, 485—486), рассматривая его значение как ‘подданные племенной конфедерации’, проводя тождество с монгольским *ulus* (Ibid. S. 359). Здесь интересно отметить, что возражения А.Н. Кононова против подобного перевода ‘подданные’ (Кононов А.Н. Грамматика ... С. 49) мотивировались исключительно ссылкой на мнение В.В. Бартольда, высказавшегося еще в 1927 г. о недостаточном уровне общественного развития кочевников для сильного социального расслоения

чение глагола *iček-* ‘подчиняться, покоряться’¹⁸⁹⁶. При этом создание крупного объединения происходило вокруг одного правящего дома главенствующего племени, коим был в данном случае *türk*¹⁸⁹⁷. Г. Дёрфер принял и точку зрения о том, что у древних тюрков термин *qul* имел значение не ‘раб’, а ‘вассал’ или ‘зависимый’¹⁸⁹⁸.

Таким образом, Г. Дёрфер тоже подошел к проблеме с позиции филолога.

К этому же времени, второй половине 50-х — началу 60-х гг. XX в., относятся работы французского тюрколога и этнографа Ж.-П. Ру, больше все-таки специалиста по мусульманскому периоду. Ж.-П. Ру обратил внимание на то, что верования (или религия) тюрко-монгольских кочевников имеют две формы, первая — «имперская, национальная, государственная», и вторая — «народная и семейная». Первая возникает, когда создаются крупные племенные союзы и тогда возрастает значение культа Тэнгри¹⁸⁹⁹. Возглавлявший объединение каган выполнял роль Небесного посланника и первосвященника, путем создания идеологии универсального Бога укрепляя свою власть¹⁹⁰⁰. Этот уровень тюрко-монгольской религии был назван ученым «Тэнгризм». Эта форма существовала и исчезала вместе с крупными степными империями¹⁹⁰¹. Каган получал от Неба *kut* ‘счастье, удача, благодать’, — именно ‘естественное счастье, благополучие’ в отличие от *ülüg* ‘удача’, — становясь сыном Неба, по китайскому образцу, его посланником, но эта благодать не распространяется на всю его семью: каган должен был проявлять мудрые и храбрые качества, чтобы продемонстрировать свою Небесную поддержку и не утратить престиж¹⁹⁰². Важно, что эта точка зрения была высказана до появления в свет работ А. Бомбачи и, тем более, Мори Масао о термине *qut*¹⁹⁰³.

Итальянский тюрколог А. Бомбачи специально заострил внимание на термине *qut*. Рассмотрев все случаи употребления этого термина в древних и средневековых тюркоязычных памятниках, он пришел к выводу, что в орхонских текстах термин *qut* обозначает именно небес-

(Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Центральной Азии // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 23).

¹⁸⁹⁶ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 200.

¹⁸⁹⁷ Ibid. S. 485; Кононов А.Н. Грамматика ... С. 48.

¹⁸⁹⁸ Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. III. S. 504.

¹⁸⁹⁹ Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles [premier article] // Revue de l'histoire des religions. 1962. Т. 161. № 1. P. 7. Это очень интересно, поскольку Г. Дёрфер, писавший примерно в это же время и также выделявший три «напластования» в религии тюрко-монгольских народов, — тотемистическое, шаманистическое и тэнгриистское, — последнюю объяснял китайским влиянием (Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente ... Bd. II. S. 580).

¹⁹⁰⁰ Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles [premier article]. P. 20.

¹⁹⁰¹ Roux J.-P. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques [quatrième article] // Revue de l'histoire des religions. 1956. Т. 150. № 2. P. 206—207.

¹⁹⁰² Roux J.-P. Tängri. Essai sur le ciel-dieu des peuples altaïques [troisième article] // Ibid. № 1. P. 28—29, 31.

¹⁹⁰³ На близость позиций Ж.-П. Ру и М. Мори обратил внимание также Д.В. Рухлядев (Рухлядев Д.В. Древнетюркские рунические надписи VIII—IX вв. как памятник историографии : генезис жанра и структура текста : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 194—195).

ный мандат, даруемый Свыше кагану, «небесная харизма королевской удачи»¹⁹⁰⁴, но не только Небом, но также родной землей, будь то священная роща Өтүкән или некий *Īduq baš*¹⁹⁰⁵. Развивая мысль, высказанную еще в 1949 г. А. фон Габэн о декларировании памятниками особой роли кагана как ведущего народ к благу, А. Бомбачи указал, что *qut* содержит именно концепцию королевской удачи¹⁹⁰⁶. Таким образом, орхонские памятники преподносят манифестацию правителем национальной солидарности, исходящей из его харизмы, отражающейся в том, что он постоянно напоминает о своей заботе о народе¹⁹⁰⁷. А. Бомбачи также принадлежит несколько статей по истории Тюркского каганата и древнетюркской титулатуре¹⁹⁰⁸.

Британский филолог сэр Дж. Клосон уже в 1957 г. в комментариях к одному тибетскому документу отмечал: «...С незапамятных времен, тюрки имели формы одной огромной массы семей и кланов, без относительных величин и политического состава, которые непрерывно менялись»¹⁹⁰⁹. Говоря о семьях и кланах, он ссылается на Махмуда Кашгарлы, писавшего (цит. по переводу с арабского З.-А. М. Ауэзовой): «По происхождению тюрки делятся на двадцать племен... <...> Каждое племя имеет ветви, количество которых знает только Аллах» (у сэра Дж. Клосона не совсем точно, но отмечена оригинальная терминология)¹⁹¹⁰. Ученый продолжает: «Есть несколько названий, которые встречаются на протяжении веков, в одну эпоху как название подплемена, в другую как название племени, в другую вовсе как название конфедерации, потом они теряют значение и, наконец, исчезают. Итак, почти наверняка то, что как имена *сюн-ну* китайских хроник, *Hunni* латинских текстов, *хунь* “девяти фамилий”, и *Qun* арабских географов идентичны, и не менее вероятно, что существует какая-то связь между народами, которые ими обозначены. Аналогично, состав конфедераций, которые обозначались этим же именем, менялся время от времени...»¹⁹¹¹.

Сэр Дж. Клосон верно разглядел такую особенность племенной организации степных народов как текучесть состава и развитую вертикальную мобильность в их объединениях. По его мнению, мелкие племенные единицы, кланы (**bo:d**), в основе которых лежала родственная группа в виде расширенной семьи, объединялись в более крупные — племена (**bodun**). Каждая

¹⁹⁰⁴ *Bombaci A. Qutluq bolzun! A Contribution to the concept of ‘fortune’ among the Turks // Ural-Altische Jahrbücher. 1965. Vol. 36. Fasc. 3—4. S. 288—290.*

¹⁹⁰⁵ *Bombaci A. Qutluq bolzun! ... 1966. Vol. 38. P. 17—19.*

¹⁹⁰⁶ *Gabain A. (von) Steppe und Stadt ... S. 39; Bombaci A. Qutluq bolzun! ... 1966. Vol. 38. S. 37.*

¹⁹⁰⁷ *Bombaci A. Qutluq bolzun! ... 1966. Vol. 38. S. 37.*

¹⁹⁰⁸ *Баскаков Н.А. Памяти Алессо Бомбачи // Советская тюркология. 1980. № 2. С. 107—108 прим. 7, 10.*

¹⁹⁰⁹ *Clauson G. A propos du manuscrit Pelliot tibétain 1283 // Journal Asiatique. 1956. T. CCXLV. Fasc. 1. P. 21.*

¹⁹¹⁰ «Есть множество тюркских племен (*qaim*) и в каждом племени множество семей (*batın*), только Бог знает их количество» (Ibid. P. 21, 24 not 18). См.: *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / çev. B. Atalay. Ankara, 1985. Cilt I. S. 28; Махмұд ал-Кәишгарӣ. Дүвән Лугāt ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. С. 68; Махмұд ал-Кәишгарӣ. Дүвән Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / пер. с арабск. А.Р. Рустамова; под ред. И.В. Кормушина; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М., 2010 (Памятники письменности Востока. Вып. СХХVIII). Т. 1. С. 73.*

¹⁹¹¹ *Clauson G. A propos du manuscrit ... P. 21.*

из этих небольших групп получала название по имени своего основателя, но имя главенствующего из них, «правлящего клана», в объединении распространялось на всю совокупность подчиненных. При обособлении некоторые из них, будучи не такими значительными, тем не менее, сохраняли за собой название всего объединения. Ввиду текучести состава и численности таких объединений, смены иерархии между единицами, — «кирпичиками», — название объединения могло со временем остаться за группой, не такой значительной и отличной по происхождению от изначального носителя этого названия¹⁹¹².

Однако и он не избежал схематизма. Так, например, о термине *ulus* сэра Дж. Клосона писал в своем «Этимологическом словаре...» (1972): «Тогда, поскольку монголы мыслили больше в категориях народов, чем территорий, он приобрел значение ‘конфедерация народов (é:l)’, народы делились на ‘племена’ (**aymag**), племена на ‘кланы’ (**boy**), а они — на семьи (**uruğ**)»¹⁹¹³.

Сэр Дж. Клосон рассматривал *é:l* как ‘политическую единицу, организованную и управляемую независимым правителем’, приводя как аналог английское *realm*, составляющими которого являются правитель (*xağan*), народ (*bodun*), неписанный закон (*törö*), территория (*ulus*) и руководитель административного аппарата (*öge*). *Bodun* он рассматривает как общину, население *эля*¹⁹¹⁴, в другом месте как ‘племя’¹⁹¹⁵, ‘организованное племенное сообщество, народ’¹⁹¹⁶.

Интересны его рассуждения относительно термина *qara bodun* с общим смыслом ‘весь народ’¹⁹¹⁷. В другом месте ученый писал, что слово имело бранный оттенок, и привел целый ряд доказательств того, что слово нельзя интерпретировать иначе чем ‘черный’, и перевел *qara: bodun* как ‘простой народ’, уточняя «как противоположность аристократии»¹⁹¹⁸.

Еще в середине 50-х — 60-е гг. XX в. вышел ряд статей французского тюрколога, ученика Ж. Дени, Л. Базена, увенчавшийся его докторской диссертацией, изданной в 1972 г. в качестве монографии, представляющей собой «большой труд... <...>, содержащий разнообразные историко-филологические сведения, извлеченные Т<тюркских> Р<рунических> П<паметников> и тщательно прокомментированные»¹⁹¹⁹. Коллега Р. Жиро, Л. Базен высоко ценил его работы¹⁹²⁰.

¹⁹¹² *Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962 (Prize Publication Fund XX). P. 11—12.*

¹⁹¹³ *Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 152.*

¹⁹¹⁴ *Ibid. P. 121, 122.*

¹⁹¹⁵ *Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. P. 11.*

¹⁹¹⁶ *Clauson G. An Etymological Dictionary ... P. 306.* Также он добавляет сюда термин *bay* со значениями ‘связь, связка, ремень’, ‘что-то связанное или скрепленное вместе, узел, тюк’, и пишет, что «в ранней политической терминологии **ba:ğ** также мог означать ‘конфедерация’, т.е. некоторое количество кланов, объединенных на договорном начале в противовес **bo:d** ‘клан’, некоторому количеству семей, объединенных на основе кровных связей, и **bodun** ‘группа таких кланов’» (*Ibid. P. 310*).

¹⁹¹⁷ *Clauson G. An Etymological Dictionary ... P. 306.*

¹⁹¹⁸ *Ibid. P. 643—644.*

¹⁹¹⁹ *Кононов А.Н. Грамматика ... С. 55.*

¹⁹²⁰ *Bazin L. René Giraud et la Turcologie. P. 246; Aksarayli Z.A. Gök Türk İmparatorluğu İleriş, Kapgan ve Bilge'nin Hükümdarlıkları ... S. 730.*

Сам Л. Базен не затрагивал социально-экономической проблематики в своих работах специально, но акцентировал внимание на социо- и этно-культурных процессах.

Характерно, что уже в одной из ранних статей Л. Базен высказал предельную осторожность, предостерегая от категоричной передачи термина *el*, на примере перевода надписи Уюк-Тарлык [E-1]: «Содержание слова *el* в формах *elim-ä*! и *elim-kä* в нашем тексте совершенно иное: это слово, которое в древнетюркском обозначает и состояние мира внутри племени, и политическую единицу, образованную племенами, усмирёнными под властью одного вождя, и в более широком смысле страну и даже “люди, народ”; передавая первый как “мои люди”, мы предпочли неясное значение, которое, как нам кажется, больше подходит для выражения общего термина, предваряющего точное перечисление “*qunçiuïm*... и т.д. ...”; но при этом мы довольно осторожны, предлагая этот выбор: возможно также допустить, не без оснований, что здесь содержится политический смысл, который проявляется во второй “*elim (-kä)*” и производной от нее *elçi* “уполномоченный представитель *el*’я, посол”, равно как и в первой части (“моя страна!” или “мой народ!”, “мое царство!”, и т.д. ...). Ничто не позволяет сделать на этот счет окончательного заключения»¹⁹²¹.

По статье 1963 г. можно увидеть понимание Л. Базеном структуры тюркского общества по древнетюркским памятникам, где «Вселенная иерархически представлена как племя: над массой народов “четырёх сторон света” властвует привилегированная группа объединённых тюркских племён, над которыми, в свою очередь, властвует императорский клан, и во главе этого клана стоит каган, — хозяин вселенной, поставленный Небом. Каждое тюркское племя имеет своих рабов обоего пола, из числа военнопленных или угнанных. Над ними находятся простолюдины, “темные массы” (как гласят надписи), которыми управляет аристократия из военачальников и богатых скотоводов, иерархически организованных и подчинённых бегу, который является вассалом кагана»¹⁹²². Понимание ученым племенного характера организации кочевнических государств выдает и следующая фраза, сказанная в отношении табгачей, когда он говорит об их языке, то упоминает «множество племён», и «в том числе» правящий клан¹⁹²³. Кроме того, в этих случаях он, видимо, вслед за Р. Жиро, принимал толкование термина *él* как «“империя (*empire*)”: как “королевство (*royume*)” и “правление (*règne*)”»¹⁹²⁴.

Уже в статье 1959 г. Л. Базен указывал, что политическая доктрина Бильге кагана носила характер «полного национализма», направленная на то, чтобы «строго держаться национальных

¹⁹²¹ *Bazin L. L'inscription d'Uyug-Tarliq (Iénisséï) // Acta Orientalia [Copenhagen]. 1955. Vol. 22. P. 6 (Переиздано в кн.: Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 23).*

¹⁹²² *Базен Л. Человек и понятие истории ... С. 355; Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 320.*

¹⁹²³ *Bazin L. Les calendriers turcs anciens et medievauz. Lille, 1974 (Université de Lille III). P. 157. Л. Базен считал табгачей тюроязычными. Здесь вопрос о языковой принадлежности табгачей не затрагивается.*

¹⁹²⁴ *Ibid. P. 196.*

традиций» и оказывать сопротивление иностранному, т.е. китайскому, влиянию¹⁹²⁵, однако, пишет ученый: «Это мечта о неподвижности и вечности империи, накануне ее распада»¹⁹²⁶. Призывы Бильге кагана не отрывать от традиционной кочевнической жизни, оставаться частью мира, подвластного кагану, противопоставляющего эту идеологию влиянию оседлой цивилизации видит Л. Базен в Хошо-Цайдамских текстах¹⁹²⁷.

В более поздних работах, говоря о тюркских памятниках VIII в., которые он считал более совершенными, чем енисейские эпитафии, Л. Базен рассуждает о «стадиях эволюции», подразумевая в т.ч. изменения в «социальной среде, “политических” тенденциях, возрасте и степени культуры»¹⁹²⁸.

Л. Базен указывает, что к началу VIII в. культурное влияние Китая на тюрков возрастает очень значительно, при этом данный процесс сопровождается попытками политической интервенции со стороны Китая, и именно всем этим процессам противостоит режим Бильге кагана¹⁹²⁹. Поэтому «националистическая реакция» среди тюрков на китайское влияние была естественным явлением. Тоньюкук выступил главным проводником этой идеи, боровшись за то, чтобы, отвергнув китайскую культуру, отстоять независимость, которую тюрки только что завоевали. Именно он выступил направителем политики Бильге кагана¹⁹³⁰. Это ученый именует «националистическим “старотюркским” и антикитайским духом»¹⁹³¹.

Таким образом, идеология, сформулированная Бильге каганом, была направлена на то, чтобы консолидировать тюркский народ, *türk bodun*, путем создания концепции поставленного Небом универсального правителя на земле, в лице тюркского кагана, которому должны подчиняться все народы. При этом сами тюрки должны четко блюсти традиции предков, сохранять привычный жизненный уклад, основанный на кочевом скотоводстве, и не поддаваться тенденции к оседлому образу жизни, в отношениях с Китаем ограничиваясь торговлей и контролем над караванными путями¹⁹³². Этот национализм проявлялся как в политике, так и в религии

¹⁹²⁵ Bazin L. La littérature épigraphique turque ancienne // *Philologiae Turcaicae fundamenta : iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis*. Aquis Mattiacis [Wiesbaden], 1964. T. 2. Curavit et auxit, indices adiecit Pertev Naili Boratav / ed. L. Bazin, A. Bombaci, J. Deny, T. Gökbilgin, F. İz, H. Scheel. P. 209.

¹⁹²⁶ Bazin L. La littérature épigraphique ... P. 209—210.

¹⁹²⁷ Базен Л. Человек и понятие истории ... С. 353—356; Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 320—322.

¹⁹²⁸ Bazin L. Les calendriers turcs ... P. 205. Ср.: Базен Л. Человек и понятие истории ... С. 356; Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 322.

¹⁹²⁹ Bazin L. Les calendriers turcs ... P. 191—192.

¹⁹³⁰ Ibid. P. 207—208. И. Кафесоглу позже акцентировал внимание на этом (*Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü*. 4. bk. İstanbul, 1997 (Ötüken Neşriyat ; Yayın Nu : 376. Kültür serisi ; 128). S. 126 dipnot 425).

¹⁹³¹ Bazin L. Les calendriers turcs ... P. 208.

¹⁹³² Bazin L. Turcs et Sogdiens : Les enseignements de l'inscription du Bugut (Mongolie) // *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Paris, 1975 (Collection Linguistique, publiée par la Société de Paris. LXX). P. 38 (переиздано в кн.: Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 13). Ср.: Базен Л. Человек и понятие истории ... С. 354—355; Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes. P. 320.

(противостояние буддизму), и в языке, о чем говорит тюркоязычие рунических текстов¹⁹³³. Это как раз то, чего не избежали тюрки Первого каганата, использовавшие, судя по Бугутской стеле и по косвенным сообщениям китайских и византийских источников, в официальной сфере согдийский язык или, по крайней мере, согдийское письмо, и принявшие при Таспар (То-бо) кагане буддизм.

Аналогично в монографии Л. Базен отмечает влияние китайской культуры и на енисейских кыркызов, указывая, например, на наличие у них китайской терминологии и титулатуры (*kuñcu*, *sañun*, *tutuk* и др.). Интересна здесь гипотеза о распространении у кыркызов китайского календаря с 12-летним животным циклом, которое ограничивалось маленькой группой «культурной» аристократии¹⁹³⁴.

Л. Базен отсекал все попытки говорить о расовых различиях тюрков, указывая лишь на культурные и языковые характеристики. Чтобы уяснить, что ученый понимал под «национализмом», необходимо обратиться к следующему пассажиру:

«<...> ...В древние времена эта культурная общность была намного ближе, чем в современности, и распространялась на образ жизни (кочевое скотоводство и лесная охота), тип социальной организации (структурированные и военизированные племена), религию (обожествленное небо) и магическо-религиозные практики (шаманизм).

Именно в этом смысле, лингвистическом, и, во-вторых, в культурном, мы говорим о “тюркских народах”, часто предпочитая более точное выражение “тюркоязычные народы”. Какой-либо антропологический критерий исключен из нашего определения, так же, как и любой политический критерий: исторически тюркские народы никогда, как мы знаем, не составляли единой политической группы, они лишь прекратили бы биться между собой. Минимальное политическое объединение, без которого вряд ли может быть языковое единство, могла существовать относительно них в доисторические времена, и мы в этой связи сходимся к гипотезам: без сомнения, они составляли относительную совокупность во всем регионе от озера Байкал до озера Балхаш, охватывая верхний Енисей и Алтай, под властью сюн-ну, начиная с конца III в. до н.э.»¹⁹³⁵.

Л. Базен первым обратил внимание на возрастные категории у древних тюрков. Так, он отметил встречающееся в источниках обозначение ступени взросления — ‘мужское имя’ (*nom viril är ät* (E-2; E-15; E-29; E-38; E-41; E-42; E-48, 50), *ärdäm ät(ïm)* (E-32) или ‘название мужской добродетели’ *är ärdäm(i)* (E-5; E-48), заменяющее ‘имя мальчика’ *oglan ät(ïm)* (E-45). Это

¹⁹³³ *Bazin L. Turcs et Sogdiens ...* P. 39, 43; *Idem. Les Turcs, des mots, des hommes.* P. 14, 17. Позже эту гипотезу переняла А. фон Габэн (*Gabain A. (von) Irano-Turkish Relations in the Late Sasanian Period // The Cambridge History of Iran / ed. by E. Yarshater. Cambridge, 1983. Vol. 3. The Seleucid, Parthian and Sasanid Periods. Pt. 1. P. 621.*)

¹⁹³⁴ *Bazin L. Les calendriers turcs ...* P. 139.

¹⁹³⁵ *Ibid.* P. 106—107.

же явление видим и в орхонских памятниках [КТб, 31], и, по мнению ученого, оно имело «социальную (и военную) функцию», в этом возрасте человек получает и право занимать какие-либо должности. Так, Бильге каган в четырнадцать лет стал шадом тардушей [БК, X, 15]¹⁹³⁶.

Л. Базен подробно остановился на институте усыновления у древних тюрков, но именно в социальном контексте. Так, обратив внимание на то, что в енисейских эпитафиях часто сообщается о том, что мемориант в раннем детстве остается без отца (3 года в Е-6; 5 лет в Е-45; 6 лет в Е-32; 7 и 8 лет в орхонских памятниках), он пишет: «Это явление имеет социальное значение, так как смерть отца приводит к усыновлению родственником по мужской линии», старшим братом или дядей по отцу, обозначавшимся термином *eçi*. Он и заботится о детях¹⁹³⁷.

Наиболее законченный вид взгляды Л. Базена обретают, похоже, в соответствующем разделе, написанном для вышедшей уже в 2000 г. многотомной «Истории человечества», где он также дал свою краткую оценку тюрко-монгольским кочевническим обществам¹⁹³⁸, опираясь, однако, касательно тюрков, судя по всему, лишь на работы Э. Шаванна, Р. Груссе, Л. Квантена и Ж.-П. Ру. Он отмечал такую черту, как всеобщее вооружение мужского населения, всегда готового к мобилизации¹⁹³⁹. Путем набегов или установления даннических отношений с оседлыми народами, они получали от них всевозможные продукты земледелия, а их вожди — предметы роскоши, алкоголь и шелк¹⁹⁴⁰. Они много торговали, используя для обмена скот, а также получали прибыль с караванов от контроля торговых путей¹⁹⁴¹. Военная мощь степных конфедераций обеспечивала им доход, который, в свою очередь, обеспечивал содержание войска; также их мощь увеличивалась за счет привлечения покоренных народов, но серия поражений снижала мощь конфедерации и могла привести к ее распаду, а успехи часто приводили к ее быстрому расширению¹⁹⁴².

Основную социальную ячейку у тюрко-монгольских кочевников Л. Базен видел в большой семье, близкой к патриархальной¹⁹⁴³. Эти семьи были патрилокальны и полигамны. Несколько семей, происходящие от одного предка, составляли клан; такие кланы характеризовались экзогамией, имел место авункулат. Отцу в семье наследовал старший сын, на уровне племени, конфедерации или государства для этого нужно было одобрение собрания вождей и

¹⁹³⁶ Bazin L. Les calendriers turcs ... P. 129. Ср. позже работы С.Г. Кляшторного.

¹⁹³⁷ Ibid. P. 130.

¹⁹³⁸ Bazin L. Les peuples turcs et mongols de la steppe : le nomadisme pastoral // History of Humanity. Paris, 2000. Vol. IV. From the Seventh to the Sixteenth Century. P. 1099—1111. Ср. русскоязычный перевод, который, однако, следует признать совершенно неудачным: Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы : пастушеское кочевничество // История человечества. М., 2003. Т. IV. VII—XVI века / под ред. М.А. Аль-Бахита, Л. Базена и С.М. Сиссоко. С. 477—482.

¹⁹³⁹ Bazin L. Les peuples turcs ... P. 1100; Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ... С. 477.

¹⁹⁴⁰ Bazin L. Les peuples turcs ... P. 1101; Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ... С. 477—478.

¹⁹⁴¹ Bazin L. Les peuples turcs ... P. 1101; Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ... С. 478.

¹⁹⁴² Bazin L. Les peuples turcs ... P. 1101; Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ... С. 478.

¹⁹⁴³ Bazin L. Les peuples turcs ... P. 1104. В русскоязычном переводе «расширенная семья патриархального типа» (Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ... С. 479).

знати¹⁹⁴⁴. Так, например, после смерти Капган кагана совет провозгласил преемником не его старшего сына, а сына его старшего брата Эльтериша.

В этом обществе вертикаль между семьей, кланом, племенными подразделениями, племенем, племенным союзом, конфедерацией и империей образовывала строгую иерархию этнополитической структуры их объединений, обеспечивавшую четкое взаимодействие между гражданской и военной властью и подданными для обеспечения боеготовности армии. Эти этнические объединения, будучи одновременно и политическими, не были статичными и перестраивались в зависимости от политической обстановки¹⁹⁴⁵.

Институт семьи и брака был гибким, допуская адопцию, побратимство, усыновление, наделение правами детей рабов, возведение в ранг законных жен пленниц, т.е. общественная система была открытой¹⁹⁴⁶, что было естественным в условиях постоянных миграций и смене этнической картины¹⁹⁴⁷.

Политическо-религиозная идеология тюрко-монгольских народов предусматривала существование универсального, поставленного Волей Небес, правителя над Вселенной, независимо от расовых и других признаков населения¹⁹⁴⁸.

Этнограф Л. Крэдер в знаменитой монографии о социальной организации тюрко-монгольских кочевников во введении обмолвился, что в качестве вводного сюжета к главе о казахах им дан раздел об организации «орхоно-енисейских тюрков», которая «проливает свет на позднейшую тюркскую организацию»¹⁹⁴⁹. Соответственно, в одном из разделов ученый набросал картину структуры древнетюркского общества¹⁹⁵⁰. Как отметил рецензент, Л. Крэдер, делая ставку, прежде всего на этнографические материалы, рассматривает социальную организацию орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. на основе данных о казахах XVII—XIX вв.¹⁹⁵¹ Другой рецензент отметил, что среди солидной библиографии на фоне различных путевых записок и работ русских и западных ученых литература по уникальным памятникам тюрков обнаруживает свою скудность, как и другие тюрко-монгольские письменные источники¹⁹⁵².

¹⁹⁴⁴ *Bazin L. Les peuples turcs ...* P. 1104. В русскоязычном переводе «племенных вождей и старейшин, которые могли, собравшись вместе...» (*Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ...* С. 479).

¹⁹⁴⁵ *Bazin L. Les peuples turcs ...* P. 1104—1105; *Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ...* С. 479.

¹⁹⁴⁶ В русскоязычном издании: «...общественные устои еще не сложились».

¹⁹⁴⁷ *Bazin L. Les peuples turcs ...* P. 1105; *Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ...* С. 479.

¹⁹⁴⁸ *Bazin L. Les peuples turcs ...* P. 1105; *Базен Л. Тюркские и монгольские степные народы ...* С. 479.

¹⁹⁴⁹ *Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 20). P. 2.*

¹⁹⁵⁰ *Ibid. P. 183—189.*

¹⁹⁵¹ *Christie A. Lawrence Krader : Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, Vol. 20.) x, 412 pp. The Hague : Mouton and Co., 1963. Guilders 48, \$13.25. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1966. Vol. 29. Iss. 02. P. 410.*

¹⁹⁵² *Hamayon R. [Exam.] Lawrence Krader, Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads, Indiana University Publ. Uralic and Altaic series, n° 20, La Haye, Mouton & Co., 1963, 412 p., 24 x 16,5 cm // L'Homme. 1966. T. 6. № 4. P. 110. Впрочем, располагая лишь уже во многом устаревшими к его времени работами В.В. Бартольда и*

Следует оговориться, что основной социально-политической единицей у всех кочевников Л. Крэдер считал «генеалогический клан»¹⁹⁵³, на основе чего им была также разработана теория «родового государства» у кочевников¹⁹⁵⁴. Он признавал определенную социальную эволюцию кочевников и классовое деление, что сближало его с позициями марксистов¹⁹⁵⁵.

Л. Крэдер охарактеризовал древнетюркские политические образования как «конфедерации народов (или кланов, или линиджей)», отметил социальную структуру во главе с ханом, буйруками, которые были «совмещавшими гражданские и военные функции помощниками хана», затем простой народ и рабов¹⁹⁵⁶. Ученый отмечает, что этот простой народ должен был платить налоги и служить, но указывает, что суть этих явлений не ясна¹⁹⁵⁷. Ученый не согласился с В.В. Бартольдом в том, что в древнетюркском обществе господствовали демократические тенденции, поскольку, несмотря на то, что общинники оставались членами своих племенных конфедераций, они управлялись ханом, а также наследственной и служилой знатью¹⁹⁵⁸. При этом Л. Крэдер считал, что монгольский хан был более отдален от народа, чем хан орхонских тюрков, который давал народу больше свободы действий и выбора¹⁹⁵⁹.

Основу социальной организации представляли родственные группы. Отдельные родственные группы возводили себя к мифическим предкам. Такой группой, по его мнению, была ханская свита или дружина, положение членов которой было наследственным. Л. Крэдер отметил у тюрков левират, полигинию, расширенную семью, патриархат, но с широкими правами

Й. Маркварта по истории Центральной и Средней Азии соответствующих периодов, Л. Крэдер, судя по всему, имел, весьма смутное представление об общем ходе истории древних тюрков VI—VIII вв. Это, конечно, не его вина, но ему не удалось избежать ряда грубых промахов. Так, в монографии «Народы Центральной Азии», например, он упоминает об обозначении арабов в надписи Тоньюкука словом *tözik* (Krader L. Peoples of Central Asia. P. 54), или пишет об адаптации под тюркский язык согдийцами семитского шрифта (north Semitic Syriac script), на котором потом базировались шрифты монголов и маньчжуров (Ibid. P. 76), пишет о төлбс уйгурах (Ibid. P. 76), о пришествии огузов, имевших, по китайским источникам, «десять подразделений или племен» (ten divisions or tribes) в середине VIII в. в долину р. Или (Ibid. P. 79). Кроме того, он продемонстрировал совершенное непонимание соотношения названий племен и народов региона, следуя за мнением В.В. Бартольда об отличии племенной и политической принадлежности, или сводя все к обычной ассимиляции (Ibid. P. 80—81). В этом плане он значительно уступал В. Эберхарду и О. Прицаку.

¹⁹⁵³ Krader L. Peoples of Central Asia. P. 8—10. См.: Хазанов А.М. Социальная история скифов ... С. 105—106.

¹⁹⁵⁴ См.: Васильев М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства ... С. 31; *Его же*. Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 42; *Его же*. Современная англо-американская буржуазная историография ... автореф. ... С. 6; *Его же*. Кочевые общества ... 1992. С. 27; *Его же*. Монгольская империя в современной западной историографии // История Небесной империи. Новосибирск, 2011. Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. В.Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского; коммент. Л.В. Тюрюминой. С. 206—207; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 28.

¹⁹⁵⁵ См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества ... 1992. С. 27; *Его же*. Кочевые общества ... 1994. С. 12; *Его же*. Кочевники Евразии. С. 26; *Его же*. Монгольская империя в современной западной историографии. С. 207; Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 28. См. также: Шаусламов А.П. Социальная история номадизма ... дис. ... С. 97—99.

¹⁹⁵⁶ Krader L. Social Organization ... P. 184. О социальной организации кочевников см. также: Krader L. Formation of the State. P. 87—88, где ученый в целом, по-видимому, следует В.В. Радлову.

¹⁹⁵⁷ Krader L. Social Organization ... P. 184.

¹⁹⁵⁸ Ibid. P. 184 note 15.

¹⁹⁵⁹ Krader L. Formation of the State. P. 97.

женщины¹⁹⁶⁰, а также попытался разобраться в терминах родства¹⁹⁶¹, что, имея в своем распоряжении лишь работы В. Томсена, В.В. Радлова и С.Е. Малова, он сделал крайне неудачно¹⁹⁶². Среди терминов социальной организации он приводит: *kün* ‘семья’; *arkagun* ‘семья’, ‘родственники’; *el* ‘клан?’, ‘племя?’; *ulus* ‘клан?’, ‘племя?’; *baga* ‘отделение народа’¹⁹⁶³. Однако, одна часть этих терминов ошибочна, другая вызывает ряд возражений в интерпретации.

Также на примере тюрков Л. Крэдер доказывал ошибочность «теории узурпации власти» в степи В.В. Радлова. Так, в 611 г. брат унаследовал трон брата, который тот получил от своего отца. Когда сын умирает без потомства, наследование переходит к следующей коллатеральной (боковой) линии, и не всегда по старшинству, что доказывается событиями 573 г., когда некий «князь», — речь идет о То-бо кагане, — не дал трон своему сыну, а передал его старшему сыну старшего брата¹⁹⁶⁴.

Несколько позже ученый писал: «Тюрки и монголы имели разделенное на классы общество в интересующий нас период», при этом такая эпоха начинается с *сянь-бэй*, а древнетюркские надписи среди прочих источников «дают прекрасную картину образования отдельных государств у кочевнических народов»¹⁹⁶⁵.

Таким образом, в целом, работы Л. Крэдера, использовавшего материал «из вторых рук», не могут считаться удачными относительно древнетюркской тематики.

Немецкий тюрколог Б. Шпулер, известный больше как специалист по мусульманскому периоду¹⁹⁶⁶, затронув Тюркский каганат¹⁹⁶⁷, в описании социальных явлений опирался на работы В.В. Бартольда, а также А. фон Габэн, А.Н. Бернштама и Р. Жиро. Его работу высоко оценил Д. Синор как лучшее на тот момент (1973) изложение политической истории затронутого периода¹⁹⁶⁸. Но в социальном аспекте выводы Б. Шпулера не так значимы.

Об образовании Тюркского каганата Б. Шпулер писал: «Как и в случае со многими кочевыми империями, так же и в создании “первой Тюркской империи” энергичная личность ее предводителя, Бумын кагана, сыграла большую роль», ведь ему удалось объединить занятых постоянной сезонной работой по уходу за скотом и живших в строго иерархизированном по-

¹⁹⁶⁰ *Krader L. Social Organization ...* P. 185. При этом в одной из статей Л. Крэдер, ссылаясь на работу Н.Я. Бичурина, писал, что в древние времена дочь могла быть продана в рабство за преступление отца; это должно было доказать его тезис о бесправии женщин у кочевников (*Krader L. Principles and Structures in the Organization of the Asiatic Steppe-Pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology. 1955. Vol. 11. № 2. P. 74*).

¹⁹⁶¹ *Krader L. Social Organization ...* P. 186—188.

¹⁹⁶² *Ibid.* P. 186—187.

¹⁹⁶³ *Ibid.* P. 187.

¹⁹⁶⁴ *Ibid.* P. 76.

¹⁹⁶⁵ *Krader L. The Origin of the State among the Nomads of Asia // The Early State / ed. by H.J.M. Claessen, P. Skalnik. The Hague, 1978. P. 99.*

¹⁹⁶⁶ См.: *Дёпфер Г.* О состоянии тюркологии в Федеративной Республике Германии // Советская тюркология. 1974. № 6. С. 99; *Гатин М.С.* Немецкие историки о Золотой Орде ... С. 41—42.

¹⁹⁶⁷ *Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. Leiden ; Köln, 1966. 1. Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. V. Altaistik. Abschnitt 5. Geschichte Mittelasiens. S. 123—310.*

¹⁹⁶⁸ *Sinor D. Notes on the Historiography of Inner Asia I. P. 180.*

рядке племен и кланов кочевников. Но с самого начала империя, состоявшая из разнородных элементов, имела тенденцию к разделению¹⁹⁶⁹.

Во главе государства стоял хан, члены его семьи и «феодалы» (*Bäg* и *Buj[u]ruq*). Многие из них носили китайские титулы, что говорит о соответствующем культурном влиянии, но оно охватывало не все слои общества, вне его оставался народ, *qara budun*, что вызывало борьбу с просвещенной аристократией, но хан делал усилия, чтобы удовлетворить народ¹⁹⁷⁰. Хан был носителем «божественной милости» и хранителем «священных постановлений» (*törü*). Он должен быть храбрым (*alp*) и мудрым (*bilgä*). Его ослушание считалось преступлением. В его пользу неслись такие повинности как подати и конная служба. Народы, пытавшиеся откочевать, как правило, покорялись силой и возвращались на прежнее место жительства.

Над покоренными народами в зависимости от их размеров ставятся *Qaghans*, *Eltäbirs* или *Tutuqs* (губернаторы) и им вменяется обязанность уплаты дани и военного обслуживания. Сохранение племенной организации способствует повышению боевой мощи. Иногда они делались рабами, тогда их земля переходила под полный контроль тюрков. Управлять хану помогали *Schads* и *Jabghus* (упоминающиеся, по его данным, лишь у западных тюрков), назначавшиеся из младших братьев или сыновей хана над союзными племенами¹⁹⁷¹.

Империя подразделялась на части. Тюрки делились на два правящих дома: *Tardusch* (западнее *Ötükän*) и *Tölich* (*Töläs*; *Tölös*; западнее р. Тола), были еще постоянно восстававшие огузы, жившие на восток от рр. Орхон и Тола, возможно до побережья оз. Байкал. Б. Шпулер, в целом ориентированный на работу А.Н. Бернштама, выделял в общественной организации древних тюрков следующие ступени: племенной союз (*Budun*), племя (*bod/ bodh*), клан (*Bagh, Oq?*), «возможно, также род (? *Oghush/ Oghus, Urugh*)», отмечая при этом: «Конечно, возможно, такое разграничение значений этих терминов между собой ненадежно; они могли меняться в зависимости от места и времени»¹⁹⁷².

Для тюрков была характерна патриархальная семья (*Arqaghun*) с главенством отца, но и женщины обладали высоким положением¹⁹⁷³. Тюркское общество характеризовалось строгим разделением сфер труда, женщина была задействована в семейном хозяйстве. В отсутствие мужа (бывшего на войне или охоте), она руководила всем домашним хозяйством и слугами (*Qul*), которые вербовались из «пленников мужского и женского пола» (*Küng*). Возможно, пишет ученый, влияние восточного и сассанидского искусства на тюрков пришло через китайских и иран-

¹⁹⁶⁹ Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken. S. 127.

¹⁹⁷⁰ Ibid. S. 140.

¹⁹⁷¹ Ibid. S. 143.

¹⁹⁷² Ibid. S. 144.

¹⁹⁷³ Ibid.

ских пленников¹⁹⁷⁴. Также у тюрков существовал институт клиентелы, пополнявшийся из сирот, принимаемых в семью, а, значит, и в племя, и бедных мужчин, «отрабатывавших» в хозяйстве жены¹⁹⁷⁵. Они, по мнению Б. Шпулера, видимо, имели одинаковый социальный статус.

«В целом, — заключает Б. Шпулер, — жизнь более позднего государства кэктюрков отражает также и структуру других среднеазиатских кочевых государств в соприкосновении с соседними высокими культурами, как ее можно наблюдать и столетия спустя»¹⁹⁷⁶.

Как видно, работы Л. Крэдера и Б. Шпулера, использовавших материал на основе вторичных источников, но пытавшихся показать древних тюрков эпохи VI—VIII вв. как типичное кочевническое общество, едва ли могут считаться удачными, с точки зрения социальной проблематики.

В 70-е гг. XX в. в Западной Европе, кроме упомянутой выше работы Л. Базена и словаря сэра Дж. Клосона, вышло много работ, связанных с историей древних тюрков VI—VIII вв., но за некоторыми исключениями фактически бесполезных для изучения социальной истории.

Французский этнограф Ж. Кюзенье, взяв за основу работы Р. Жиро и Л. Крэдера, также попытался разобраться в социальной организации древних тюрков¹⁹⁷⁷. Он использовал более широкий сравнительно-исторический и этнографический материал по тюркам, и более удачно, нежели Л. Крэдер; по крайней мере, он адекватно изучил древнетюркскую терминологию родства, придя к выводу, что в ней нет терминологического различия в старших и младших поколениях и возрасту, но есть распределение по полу, притом что так распределены самые близкие, единокровные родственники: отец и мать, сын и дочь, специальными терминами обозначены брат и сестра, но также терминологически разделены родственники по отцовской и материнской линии, притом что по второй линии специально определяются лишь члены мужского пола¹⁹⁷⁸. В этом плане ученый обратил внимание и на отношения свойства: так, отмечая обычаи уплаты калына (*kalym*) и левирата, он пришел к мысли о существовании особого механизма регулирования отношения между кочующими группами, указывая на него как один из путей сохранения какого-то единства между ними¹⁹⁷⁹.

Кроме отношений родства и свойства, Ж. Кюзенье затронул также проблемы социального устройства. Общественные объединения у тюрков и туркмен, на примере огузских *oba*, он рассматривал как лагерные группы, сплочающиеся вокруг лидера для грабежа. Они имели сле-

¹⁹⁷⁴ Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken. S. 144.

¹⁹⁷⁵ Ibid. S. 145.

¹⁹⁷⁶ Ibid.

¹⁹⁷⁷ Cuisenier J. Économie et parenté : essai sur les affinités de structure entre système économique et système de parenté. Lille, 1971; *Idem*. Parenté et organisation sociale dans le domaine turc // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1972. 27e année. № 4—5. P. 923—948.

¹⁹⁷⁸ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 109—110; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 924—925. Так же было у огузов XI в. и более поздних туркмен, что позволило ученому прийти к выводу об одинаковой системе родства у них (Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 111, 112; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 926, 927).

¹⁹⁷⁹ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 118—119; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 929—930.

дующие характеристики: это объединения кочующих вместе семей разного происхождения, связанных именем лидера и легендарной генеалогией; власть в группе номинально наследуется по отцовской линии, но фактически зависит от личных качеств и успеха; они открыты для вхождения новых семей из других таких объединений; их функции сводятся, прежде всего, к военным целям: захват пленников, грабеж, завоевание¹⁹⁸⁰. В этом значении им эквиваленты *було* китайских и *bod* тюркских источников в значении 'шайка, банда'¹⁹⁸¹.

Развивая мысль Г. Вамбери об *aul* как разношерстном, эфемерном объединении, он указал, что лидер, безусловно, должен был поддерживать его существование не только в тех случаях, когда это необходимо для экспедиций¹⁹⁸². Обращаясь к древнетюркскому материалу, Ж. Кюзенье делает важное замечание: «При этом туркменские князья изменяют в самой сущности тюркское наследство в вопросе общественной организации. Империя, или *äl* орхонских тюрков, была политической властью, осуществляемой над народом, *bodun*, или объединением племен. Множественное число от *bod*, племя, слово *bodun* может быть переведено как 'конфедерация племен', если термин 'конфедерация' не отсылал бы к идее о взаимных связях между объединенными группировками, идее, совершенно отсутствующей в системе значений, характерных для тюрков развитого средневековья». Здесь иное явление: хан сам распределяет политическую организацию, вручая вождям стрелы; это демонстрирует то, что власть хана отнюдь не ограничивается военным командованием, и говорит о высоком уровне социальной организации¹⁹⁸³.

Исходя из понимания того, что китайцы выплачивают дань тюркам, боясь набегов, не регулярно, а зависимо лишь от силы тюрков¹⁹⁸⁴, каган должен использовать политические методы, чтобы обеспечивать постоянный приток различных продуктов в виде дани или товаров. Однако задача хана состоит даже не в этом — демонстрация военной силы устраивается не столько для устрашения Китая, сколько для поддержания объединения в боевом состоянии, чтобы обеспечить единство¹⁹⁸⁵.

Таким образом, родство, в идеале создающее модель социального устройства на практике не может функционировать ввиду ограниченных возможностей скотоводства. На более высоких уровнях социальной организации предводитель должен умело распорядиться двумя функциями: обеспечивать прибыль товаров и распределять их, а также поддерживать объединение в «военном состоянии»¹⁹⁸⁶.

¹⁹⁸⁰ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 120—125; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 931—933.

¹⁹⁸¹ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 120; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 931.

¹⁹⁸² Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 124—125; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 933.

¹⁹⁸³ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 128; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 935.

¹⁹⁸⁴ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 128—129; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 935.

¹⁹⁸⁵ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 130—131; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 936.

¹⁹⁸⁶ Cuisenier J. Économie et parenté ... P. 131—136; *Idem*. Parenté et organisation sociale ... P. 936—937.

Некоторый интерес представляет монография Дж. Сондерса о монгольских завоеваниях, содержащая целую главу с названием «Тюркская репетиция монгольских завоеваний»¹⁹⁸⁷. Автор приводит богатый фактический материал, но не вдаётся в анализ социальных процессов и явлений¹⁹⁸⁸, оставив лишь отдельные замечания, позволяющие судить о его взглядах. Он выделяет личность Бумына как основателя империи¹⁹⁸⁹. Среди ряда причин упадка и падения Тюркского каганата он отмечает именно тот факт, что Бумын умер, не успев консолидировать завоеванные области, но уже успев раздробить то, что завоевал. Здесь же Дж. Сондерс обращает внимание на то обстоятельство, что объединение Китая совпало с расколом у тюрков, случившимся в 584 г. по вине Тарду, не удовлетворенного ролью вассального кагана; сменившая династию Суй династия Тан, возглавленная энергичным вождем, смогла перейти к активным действиям и сломить мощь кочевников; западные тюрки были сломлены после поражения и гибели Тарду в 603 г.¹⁹⁹⁰ Тем не менее, значение Тюркской империи в том, что они, прежде всего, продемонстрировали возможность создания хорошо организованной кочевой конфедерации, способной взять под контроль всю Евразию, они же создали первую державу, сумевшую соприкоснуться с четырьмя разными цивилизациями, такими как Китай, Индия, Персия и Византия¹⁹⁹¹,

Л.У. Мосес в статье о даннических отношениях империи Тан с северными соседями также неизбежно затронул тюркскую проблематику¹⁹⁹². Он отметил такое обстоятельство, что тюрко-уйгурское возвышение совпало с расцветом Тан¹⁹⁹³. Однако на этот, тюрко-уйгурский, период приходится эволюция воззрений «варваров», заключающаяся в следующем: во-первых, происходит становление «варварского» видения восточной Внутренней Азии как центра; во-вторых, зарождается идея о богоподобном правителе, правящем миром из данного «варварского» центра; в-третьих, ставит проблема выбора оседлой религии для обоснования этой концепции; в-четвертых, идет развитие письма и литературы для пропаганды этого нового мировоззрения и религии; в-пятых, создание четкой оседлой базы, опять же необходимой для обоснования нового мировоззрения. Эту «стадию» ученый именует «pastoral-urbanization»¹⁹⁹⁴.

У тюрков Л.У. Мосес отмечает основной проблемой нестабильности систему соправительства, типичную для других «варваров», когда правитель должен был передать власть от от-

¹⁹⁸⁷ Saunders J.J. *The History of the Mongol Conquests*. London, 1971 (Repr. : Philadelphia, 2001). P. 17—30.

¹⁹⁸⁸ Тренавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica* : К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 177—178; *Его же*. Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 21.

¹⁹⁸⁹ Saunders J.J. *The History of the Mongol Conquests*. S. 28.

¹⁹⁹⁰ Ibid. S. 23—25.

¹⁹⁹¹ Ibid. S. 26—27.

¹⁹⁹² Moses L.W. T'ang Tribute Relations with the Inner Asian Barbarian // *Essays on T'ang Society : the Interplay of Social, Political and Economic Forces* / ed. J.C. Perry and B.L. Smith. Leiden, 1976. P. 61—89.

¹⁹⁹³ Ibid. P. 62.

¹⁹⁹⁴ Ibid. P. 64.

ца к брату или сыну. Но у тюрков это означало, что наследник получает во владение имперский центр, располагавшийся в Монголии; со времен тюрков власть стала передаваться от отца к сыну. Второй центр, находившийся в Джунгарии, располагался на важных торговых путях, там правил брат кагана, носивший титул *йабгу*¹⁹⁹⁵, он был старше сына правителя. Именно это противоречие привело к кризису, последовавшему за смертью Таспара в 581 г.¹⁹⁹⁶ В правление энергичного Гарду (576—603 гг.) Западно-тюркский каганат фактически отделился от Восточного.

Повторяя выводы И. Эчеди, Л.У. Мосес указывает, что тюрки нуждались в китайских товарах, в частности, в шелке, чтобы использовать его как продукт торговли с западной Азией и народам севера¹⁹⁹⁷. Ученый приписывает Бильге кагану «мечту» принять буддизм, как это прежде сделали, по его мнению, Таспар, Ышбара и Тон йабгу¹⁹⁹⁸. Именно Бильге каган задал последующим кочевникам региона направление к оседанию¹⁹⁹⁹. Обсуждая захват имперского центра («heartland») уйгурами, ученый говорит и о приобретении ими «феодалного господства»²⁰⁰⁰. В орхонских текстах (цитируемых по переводу Т. Текина) Л.У. Мосес видит во всех этих тенденциях появление новой концепции господства [КТ, Хб, 2 = БК, Хб, 1—2], уверенности «варваров» в превосходстве их образа жизни [КТб, 1 = БК, Х, 2—3], а также стремление к полуоседлости, уже за счет китайского влияния [КТ, Хб, 3—4 = БК, Хб, 2—3], как и понимание его «минусов» [КТб, 22—24 = БК, Х, 18—20; КТ, Хб, 4—6 = БК, Хб, 3—7]²⁰⁰¹. Однако врожденная уверенность «варваров» в превосходстве их образа жизни, недостижимость *Ötükāna* для китайского завоевания и влияния, отдаленного от них территорией Ордоса и Гоби, природные условия, позволяющие заниматься скотоводством, но не строить города, толкали кочевников лишь к цели завоевания окрестных племен и создания здесь конфедерации, и торговле с Китаем²⁰⁰².

Третий том «Кэмбриджской истории Китая» также содержал отдельные пассажи, касающиеся тюрков²⁰⁰³. Но здесь тюрки, как и другие соседи Китая VI—VII вв., характеризуются как «плохо организованные, в основном кочевые и бесписьменные племенные народы, находя-

¹⁹⁹⁵ Ошибка, перекочевавшая потом к Л. Квантену (см. ниже). Л.У. Мосес допускает ошибки и при описании смут в Восточно-тюркском каганате. Так, например, каган Ышбара (583—587 гг.) именуется «младшим братом» Да-ло-бяня (*Moses L. W. T'ang Tribute Relations with the Inner Asian Barbarian*. P. 67), хотя он его двоюродный и, видимо, старший брат; наследник Ышбара каган Чу-ло назван его сыном, хотя это его брат (*Ibid.* P. 68); убийство Тон йабгу приписывается племени карлук (*Qarlyg*) (*Ibid.* P. 71); и др.

¹⁹⁹⁶ *Ibid.* P. 66.

¹⁹⁹⁷ *Ibid.* P. 68.

¹⁹⁹⁸ *Ibid.* P. 74, 76.

¹⁹⁹⁹ *Ibid.* P. 74.

²⁰⁰⁰ *Ibid.* P. 77.

²⁰⁰¹ *Ibid.* P. 83—84.

²⁰⁰² *Ibid.* P. 84—85.

²⁰⁰³ *The Cambridge History of China*. Cambridge, 1979 (Repr. : 2008). Vol. 3. Sui and T'ang China, 589—906. Part 1 / ed. by D. Twitchett. P. 106—109, 140—143, 220—224, 230—231, 279—280, 286—287, 433—435, 435—438.

щиеся на стадии культурного развития значительно ниже, чем народ Китая». При этом «такие племенные конфедерации были всегда эфемерны и неустойчивы, и Китай мог противостоять им при помощи хорошо испытанных средств, при помощи усиленной пограничной обороны и использования их внутреннего деления для того, чтобы разрушить их единство. Это был именно такой тип ситуаций, и такой тип соседствующих народов, при которых вся традиционная китайская теория международных отношений отдыхала»²⁰⁰⁴. Таким образом, с первых страниц видно, что серьезного отношения к тюркам со стороны авторов ожидать не придется.

Картина возвышения Тюркского каганата рисуется соответствующим образом: «Когда будущий император Вэнь-ди был еще официально императором Северного Чжоу, *ту-цзюэ* на севере вырисовывались в серьезную угрозу. Они возникли из калейдоскопической панорамы племенных войн на степных территориях и к 550-м гг. добились расшатанного, но пугающего контроля над обширной территорией, простирающейся от реки Ляо в Маньчжурии до границ Персии. Они усилились и обогатились за счет успешных набегов на земледельческие народы и за счет контроля над Шелковым путем, пролегающим из Китая на Запад. Политически они были разделены на два каганата, восточный и западный, с подчинением западного восточному. Центр восточного каганата располагался в районе Орхона, сейчас находящегося во Внешней Монголии, а западный располагал свои летние и зимние стоянки в сезонно благоприятных участках Западного Туркестана. Западный каганат увеличил свою мощь и богатство рядом сложных действий, затронувших эфталитов, Византию и сассанидскую Персию, в то время как восточный смотрел свысока на разделенный северный Китай, которым мог манипулировать в своих интересах»²⁰⁰⁵. Раскол каганата приписывается «импульсивному и задиристому человеку по имени Тарду», между 582 и 584 гг. позарившемуся на титул великого кагана, коим обладали лишь восточные тюрки. Восточный каганат погрузился в смуту, которой не избежал и удел Тарду. В результате манипуляций китайской дипломатии, каганат как соперник был ослаблен»²⁰⁰⁶. Подобного рода и прочие замечания.

Ослаблению Восточного каганата в 628 г. способствовали личные разногласия среди правящей верхушки, а также возросшее недовольство кочевников, вызванное чрезмерным доверием кагана к согдийцам²⁰⁰⁷. Падение в 630 г. каганата восточных тюрков, «бывших гегемонов северной Азии», создало в регионе «большой вакуум власти», позволивший китайскому правительству забыть о северной угрозе и перейти к активной внешней политике на других направлениях²⁰⁰⁸. В 691 г. тюрки вновь превращаются в «грозную силу» в лице кагана Капага-

²⁰⁰⁴ The Cambridge History of China. Vol. 3. P. 37.

²⁰⁰⁵ Ibid. P. 107.

²⁰⁰⁶ Ibid. P. 108.

²⁰⁰⁷ Ibid. P. 221.

²⁰⁰⁸ Ibid. P. 220.

на, лишь при помощи своих личных качеств вновь основавшего мощную империю от Маньчжурии до Ферганы, уже после его смерти в 716 г. пришедшей к спаду могущества²⁰⁰⁹.

Говоря о тюргешах, авторы метко указывают, что «могущество тюргешей полностью зависело от личного лидерства Су-лу, и его способности бесконечно обеспечивать добычей своих племенных вождей»²⁰¹⁰.

Прямолинейные трактовки источников и китаецентристский взгляд на тюрков делает эту работу мало полезной в исследованиях древнетюркского общества.

Работа бельгийского ученого Л. Квантена была аналогичной по характеру, — задачам, форме, содержанию, — написанным в предыдущие эпохи книгам Ж. Дегиня, Л. Кауна, Э.Х. Паркера и Р. Груссе, призванной осветить историю Центральной Азии, хотя в несколько более узкий хронологический период. Л. Квантен взялся заменить устаревшую, по его мнению, книгу Р. Груссе, а также объявил себя приверженцем школы «анналов», желая рассмотреть историю кочевников именно под этим углом²⁰¹¹, но ни то, ни другое ему не удалось²⁰¹².

Л. Квантен писал, что среди тюрков были не только кочевники, но также земледельцы и кузнецы, а стадию их развития, видимо, вслед за Л.У. Мосесом, он охарактеризовал как «pastoral-urbanization». Государство тюрков относилось к типу империй, которые возникали вокруг «харизматической личности»²⁰¹³. Л. Квантен особо отметил зависимость Тюркского объединения от удачи и лидера²⁰¹⁴. Ученый считал, что каган обладал лишь сакральной ролью, а йабгу, которого он отождествлял с западным каганом, имел реальную политическую власть, но на деле не пользовался большим влиянием. Многие зависело от личных качеств того или иного деятеля. Противостояние кагана и йабгу Л. Квантен видел во всей тюркской истории. Управлявшаяся каганом политико-административная система совпадала с организацией племенных армий. Каган обладал абсолютной властью, но влияние аристократии было значительно²⁰¹⁵.

²⁰⁰⁹ The Cambridge History of China. Vol. 3. P. 364.

²⁰¹⁰ Ibid. P. 434.

²⁰¹¹ Kwanten L. Imperial Nomads : A History of Central Asia, 500—1500. Philadelphia, 1979. P. 2.

²⁰¹² См. рецензии в след. изданиях: Military Affairs. 1979. Vol. 43. № 3. P. 162; The American Historical Review. 1980. Vol. 85. № 1. P. 193—194; The English Historical Review. 1980. Vol. 95. № 376, P. 611—614; Historische Zeitschrift. 1980. Bd. 231. H. 2. S. 423—424; Harvard Journal of Asiatic Studies. 1981. Vol. 41. № 2. P. 597—628; Journal of the American Oriental Society. 1982. Vol. 102. № 1. P. 240—241; The Journal of Asian Studies. 1982. Vol. 41. № 2. P. 331—333; International Journal of Middle East Studies. 1985. Vol. 17. № 1. P. 138—139.

²⁰¹³ Kwanten L. Imperial Nomads ... P. 32.

²⁰¹⁴ Ibid. P. 43.

²⁰¹⁵ Ibid. P. 44. В.В. Трепавлов отмечал, что Л. Квантен «установил несколько пунктов парадигмы соотношения главного кагана и ябгу (начальника правого крыла) в тюркских каганатах VI—VIII вв.», а именно, «ябгу всегда подчинен кагану; он всегда брат кагана; всегда правит западной частью государства» (Трепавлов В.В. Государственный строй ... С. 96). Такая точка зрения на статус носителей титула *йабгу* очень распространена. Так же полагал, например, китайский исследователь Линь Гань (Цит. по: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 104; *Его же*. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 125). С этим, однако, никак нельзя согласиться. М.Р. Дромпп на основе анализа китайских источников верно отметил, что часто верховными каганами становились те, кто прежде носил звание подчиненного кагана (*Drompp M.R. Supernumerary Sovereigns : Superfluity and Mutability in the Elite Power Structure of the Early Türks (Tujue) // Rulers from the Steppe : State Formation on the*

В основе социальной организации, по мнению Л. Квантена, стояли расширенные семьи, объединявшиеся в кланы²⁰¹⁶ — «инкорпорированные экзогамные патрилинейные родственные группы», которые, однако, не были политическими единицами²⁰¹⁷.

Исследователь отметил сходство империй хуннов и тюрков, выразившееся, во-первых, в племенных территориях, во-вторых, в племенной организации²⁰¹⁸. Л. Квантен указал на сравнительно высокий уровень организации Тюркского государства, структурированную политическую систему и более или менее определенный политический центр²⁰¹⁹. Отмечая стремление тюрков к монополюльной торговле, приведшее к войне с Ираном, Л. Квантен говорит о зависимости от Китая²⁰²⁰.

Автор одной из рецензий на эту работу, как правило, справедливо носивших разгромный характер, Хун Цзинь-фу, хотя и акцентировал большее внимание на монгольской эпохе, отметил, прежде всего, такой недостаток книги как использование материала «из вторых рук», что повлекло наличие в т.ч. и «кочующих» ошибок²⁰²¹. Он указал на то, что тезис о существовании политической традиции от хуннов до монголам требует глубокой обоснованности²⁰²². Характерно, что отрицательно отнесся он и к попыткам интерпретации Л. Квантеном китайских терминов, маркирующих единицы, социальной организации, напомнив, что еще в 1949 г. К.А. Виттфогель и Фэн Цзя-шэн отмечали, что «одно и то же китайское слово нередко включает в себя достаточно различные значения в зависимости от разных конкретных описываемых ситуаций или терминологии различных авторов, описывающих их»²⁰²³.

П.Б. Голден в своих «Хазарских исследованиях», работе, начатой в середине 60-х гг., защищенной в качестве докторской диссертации в 1970 г., доработанной и подготовленной к публикации в 1972 г., но изданной в виде книги только в 1980 г. (при том что учесть вышедшую за этот период литературу возможности автору не представилось, как он сам отметил), предпринял попытку реконструкции политических институтов Хазарского каганата, основываясь на

Eurasian Periphery / ed by G. Seaman and D. Marks. Los Angeles, 1991 (Proceedings of the Soviet-American Academic Symposia in Conjunction with the Museum Exhibitions "Nomads : Masters of the Eurasian Steppe". Vol. 2). P. 106).

²⁰¹⁶ Kwanten L. Imperial Nomads ... P. 42—43.

²⁰¹⁷ Ibid. P. 43.

²⁰¹⁸ Ibid.

²⁰¹⁹ Ibid. Н.Н. Крадин отмечает, что Л. Квантен разграничил эпоху тюрков и уйгуров как «переходных империй», сумевших установить контроль над Шелковым путем, в отличие от «ранних империй» *сюн-ну*, *сянь-бэй* и *жоу-жань*, основывавшихся только на военных успехах и харизме предводителя, позже кидане научились управлять смешанными обществами из кочевнического и оседло-земледельческого населения и следующая, третья стадия приходится уже на создание империи монголов (Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. Империя Чингисхана. С. 37).

²⁰²⁰ Kwanten L. Imperial Nomads ... P. 39.

²⁰²¹ Hung Chin-Fu. China and the Nomads : Misconceptions in Western Historiography on Inner Asia. [Review] Imperial Nomads : A History of Central Asia, 500—1500 by Luc Kwanten. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1979. Pp. xv + 352. \$25 // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1981. Vol. 41. № 2. P. 598—599.

²⁰²² Ibid. P. 600. Ср. аналогичную оценку В.В. Трепавлова: Трепавлов В.В. Традиции государственности ... С. 172; *Его же*. Государственный строй ... С. 16.

²⁰²³ Hung Chin-Fu. China and the Nomads ... P. 626.

данных о Тюркском каганате²⁰²⁴. Ученый кратко изложил свой взгляд на политические образования алтайских народов, отметив «священное право правителей», т.е. как политическое, так и сакральное значение кагана, а также высокую военную организацию, чиновничью иерархию, административный аппарат, с одной стороны, а с другой — эфемерный характер этих племенных союзов с постоянной сменой племенного состава, ввиду все время идущего процесса текучки и перегруппирования племен и кланов²⁰²⁵. Что касается оценки самого Тюркского каганата, то здесь он повторяет выводы А. Альфёльди о происхождении соправительства из двукрылого деления армии, а также выводы Ф. Ласло о каганской династии, выводы О. Прицака, Р. Жиро и В. Эберхарда об устройстве племенной конфедерации²⁰²⁶. Кроме того, он упоминает лишь тот факт, что *Bäg* ‘знать’ в древнетюркских текстах «противопоставляется» *qara budun* ‘массам’²⁰²⁷.

В другой работе П.Б. Голден дал более подробное изложение своего видения социальной организации Тюркского каганата²⁰²⁸. В характеристике социальных отношений ученый основывался на работах О. Прицака, В. Эберхарда, Р. Жиро и теоретических разработках Л. Крэдера²⁰²⁹. П.Б. Голден вслед за Л.Н. Гумилевым отметил лестничную систему, которая могла быть затем унаследована печенегами и куманами-кыпчаками (половцами)²⁰³⁰. Он писал о харизме каганского рода (по Ф. Ласло) и распространяющейся на него благодати (*qut* ‘Небом дарованная харизма’) ²⁰³¹. При этом, по его мнению, клан А-ши-на как харизматический контролировал сакральные места (священные леса, горы, реки), это было критерием легитимности²⁰³².

²⁰²⁴ Golden P.B. *Khazar Studies : An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Budapest, 1980. Vol. 1. P. 11. В оценке, насколько удачной может считаться эта затея, следует исходить из понимания невыразительности всей картины имевшихся данных о социально-политических институтах Тюркского каганата, но сама по себе попытка заслуживает внимания. Однако, как видно из подзаголовка («An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars»), П.Б. Голден не ставил своей одной из своих задач исследование общественного или государственного устройства хазар. Своими исследованиями тех лет П.Б. Голден, в принципе, попытался решить проблему, ставшую перед Д.М. Данлопом. Д.М. Данлоп в своей фундаментальной работе о хазарах в 1954 г. ничего не мог сказать по поводу отношения последних к западным тюркам, рассуждая о которых обходился, в основном, работами Й. Маркварта и Э. Шаванна (*Dunlop D.M. The History of the Jewish Khazars*. Princeton, New Jersey, 1954 (Princeton Oriental Studies. Vol. 16). P. 21—22, 24—26, 30—33, 35—36). Но уже он натолкнулся на некоторые моменты социально-политического характера, потребовавшие отсылку к тюркскому материалу (*Ibid.* P. 159, 160). Приводя Хазарию к сравнению с другими кочевыми империями, ученый обращался к гуннам и монголам (*Ibid.* P. 235).

²⁰²⁵ Golden P.B. *Khazar Studies ...* Vol. 1. P. 27—28.

²⁰²⁶ *Ibid.* P. 37—42, 147—148.

²⁰²⁷ *Ibid.* P. 163.

²⁰²⁸ Golden P.B. *Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Çinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 37—76. В этих работах П.Б. Голдена, однако, нет ссылок на важные работы А. Бомбачи по поводу термина *qut* и статьи М. Мори о древнетюркской титулатуре.

²⁰²⁹ При цитировании древнетюркских текстов он ссылался на переводы Г. Айдарова как «последние» (*Golden P.B. Khazar Studies ...* Vol. 1. P. 27 note 44; *Idem. Imperial Ideology ...* P. 45 note 29).

²⁰³⁰ Golden P.B. *Imperial Ideology ...* P. 39. Уйгуры под китайским влиянием переняли систему прямого наследования от отца к сыну (*Ibid.* P. 51).

²⁰³¹ *Ibid.* P. 45—46. Отсюда и далее мы будем также отмечать положения, перешедшие затем в кн.: *Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden, 1992 (Turkologica. Bd. 9). P. 147, где дана ссылка на А. Бомбачи, но *qut* трактуется так, как и прежде.

²⁰³² Golden P.B. *Imperial Ideology ...* P. 46. В этом плане следует указать на попытку П.Б. Голдена видеть у тюрков институт персон из правящего клана с сакральными функциями в **eb qagan* ‘домашний каган’ < и-кэ-хань

П.Б. Голден считал, что тюрки унаследовали политический и культурный аппарат от *сюн-ну*, *сянь-бэй* и *жуань-жуаней*²⁰³³, в частности они переняли традицию создания ставки на Хангае²⁰³⁴.

Следуя за Л. Крэдером, он писал, что «клан, основанный на кровных связях и держащийся вместе по экономической необходимости, является основой единицей кочевнического общества», в частности такая «экономическая необходимость» проявляется в зимнее время для занятия большего количества зимовок и кооперации в хозяйстве, хотя во многом межклановые отношения зависят от личных качеств их вождей и богатства клана²⁰³⁵. Успешный предводитель присоединял к своему клану другие, создавая объединение. Развивая мысль Й. Деера²⁰³⁶ (см.: Приложение 2), П.Б. Голден пишет, что у кочевников «политическая власть... <...> всегда является скрытой или явной узурпацией». Она была деспотической и основывалась на силе. Но предводитель всегда защищал интересы, прежде всего, своего клана, его члены занимали ведущие позиции в образовавшейся политической структуре. Новые подданные присоединялись к союзу силой или добровольно (ср. «суперстратификация»); так зимовавшее вместе клановое объединение превращалось в племя, а племена — в конфедерации²⁰³⁷.

П.Б. Голден обратился также к разбору социальной терминологии. Так, рассматривая термин *bođun* (< *bođ* ‘племя’), он указывал: «племена, состоявшие из кланов, были организованы в *bođun*’ы», т.е. «были сгруппированы их племен и подплемен». Такой *bođun* возглавляется младшим каганом. Кроме них есть еще *oğuz*, что, возможно, обозначает ‘группы родственных племен’ (по Л.Н. Гумилеву?). Ученый писал: «Главенствующее племя в *bođun*’е часто дает свое имя в качестве политической идентификации другим подчиненным племенам», но это не исключает сохранения их собственных имен. С падением ведущего племени оно сменяется другим. «Политическая власть над *bođun* обозначалась термином *el/il*, который, с течением времени, развился в многообразие расширенных значений “верховная власть (*imperium*), племенное объединение или организация, народ, государство, государственная организация”, короче, “государство (a polity)”». Племенной же союз структурно представлял собой сложную социально-политическую пирамиду с каганским кланом на вершине²⁰³⁸.

(*Golden P.B. Khazar Studies ... Vol. 1. P. 200—202; Idem. Imperial Ideology ... P. 46, 56; Idem. An Introduction ... P. 147; Голден П.Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов // Феномен восточного деспотизма : структура управления и власти. М., 1993. С. 225*), о которых, однако, источники ничего конкретного не говорят. См. об этом работы Ю.А. Зуева и М.Р. Дромппа. Кроме того, как указал М. Добрович, П.Б. Голден смешивает здесь институт сакрального правителя и соправительство (*Dobrovits M. A roszs uralkodó a türkőknél // Dobrovits M. Vámbéryval a harmadik évezredben. Dunaszerdahely, 2010. 137—138. o.*) [Оригинал издан в кн.: *Hatalom, legitimáció, ideológia. Történeti tanulmányok / szerk. É. Gedő és É. Horváth. Budapest, 2007. 21—29. o.*].

²⁰³³ *Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 48.*

²⁰³⁴ *Ibid. P. 48—49.*

²⁰³⁵ *Ibid. P. 49.*

²⁰³⁶ См.: *Deér J. Pogány magyarság, keresztény magyarság. Budapest, 1938. 10—16. o.*

²⁰³⁷ *Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 50.*

²⁰³⁸ *Ibid; Golden P.B. An Introduction ... P. 146.*

Племена делились на «внутренние» и «внешние». «Внутренние» племена объединялись в конфедерации. Также были брачующиеся племена или кланы, откуда руководящий клан брал жен. Такие племена сохраняли своих собственных правителей²⁰³⁹. «Внешние» племена состояли из тех, что инкорпорировались в союз, но их правители обычно заменялись представителями правящей династии. Кроме того, были платившие дань вассалы, часто это оседлые торгово-земледельческие народы (например, согдийцы), они играли важную роль в торговле и дипломатии. Имелись также рабские племена, личные рабы (обычно военнопленные), связанные с племенным лидером, либо его племенем или кланом. Однако положение правящего клана не было стабильным, в степи постоянно шла борьба, ведущая к смене одного правящего племени другим; при этом поверженные племена никуда не исчезали, оставаясь в конфедерации и лишь меняя свой статус. «Это постоянное напряжение, — отмечает П.Б. Голден, — в значении творческого напряжения, несомненно, является источником динамизма кочевнического государства»²⁰⁴⁰.

В Тюркском каганате существовала определенная административная структура²⁰⁴¹. Поскольку харизма была общим достоянием правящего клана, каждый из его членов имел какие-либо военно-административные посты и функции²⁰⁴². Кроме того, было дуальное разделение каганата (как восточного, так и западного) на восточную и западную части при старшинстве восточной, и соправительство²⁰⁴³. Существовал ряд территориальных уделов со своими правителями, носившими различные титулы (*el t̄ab̄ār, yab̄ġu*)²⁰⁴⁴; было множество подчиненных каганов, но верховный каган был только один²⁰⁴⁵. От кагана исходило создание *t̄or̄ū*, «законов племенного союза; оно основывалось на племенных законах или обычном праве» (ср. монг. *yasa*)²⁰⁴⁶.

Эти политические традиции длительное время сохранялись в Центральной и Восточной Евразии, но в западных ее частях под чужим влиянием они изменялись²⁰⁴⁷. Это явление П.Б. Голден сравнил с идеей *translatio imperii*, лучше всего отраженной в примере Караханидов²⁰⁴⁸, но он предложил также понятие *continuatio imperii*, примером чего служит Хазарский каганат²⁰⁴⁹.

Польская исследовательница Т. Нагродзка-Майхжык написала книгу о древнетюркских городах VII—XII вв., где она фактически развила концепцию А. фон Габэн и С.А. Плетневой о

²⁰³⁹ Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 50—51.

²⁰⁴⁰ Ibid. P. 51—52.

²⁰⁴¹ Ibid. P. 52.

²⁰⁴² Ibid.

²⁰⁴³ Ibid. P. 52—53.

²⁰⁴⁴ Ibid. P. 53—54.

²⁰⁴⁵ Ibid. P. 56; Кычанов Е.И. Кочевые государства ... С. 107; Его же. История приграничных ... С. 128.

²⁰⁴⁶ Golden P.B. Imperial Ideology ... P. 51.

²⁰⁴⁷ Ibid. P. 56—72, 73—76.

²⁰⁴⁸ Ibid. P. 55, 73.

²⁰⁴⁹ Ibid. P. 73.

постепенном оседании кочевников в ходе социального развития²⁰⁵⁰. Политическая структура тюрков была охарактеризована как «государства государств», т.е. состоявшие из «суверенного государства» племен *ту-цзюэ* и «зависимых государств». Исследовательница согласилась с мнением С.А. Плетневой о полукочевом состоянии, необходимым для создания государства. Вся схема сводится к подчинению племен «государствам»²⁰⁵¹.

Исследовательница обратила внимание на то, что тюркские термины носят двойственную семантику: так, *ulus* / *ulus* ‘страна’ в географическом смысле, но в политическом соответствует *el*; *ordu* ‘место пребывания правителей’, ‘лагерь’²⁰⁵².

Влияние на градостроительные тенденции оказывали следующие моменты: во-первых, нужда ханов в политическом, административном и военном центре, коим было *ordu*²⁰⁵³; во-вторых, экономический фактор — необходимость для восточных тюрков контроля над торговыми путями; в-третьих, этно-культурный фактор — влияние оседлых подданных, в частности создававших торговые точки на территории Тюркского государства²⁰⁵⁴; в-четвертых, влияние соседних оседло-земледельческих народов²⁰⁵⁵. Т. Нагродзка-Майхжык упоминает также про *йатуков* — вынужденных оседать обедневших кочевников²⁰⁵⁶.

По мнению исследовательницы, тюрки начинают оседать при кагане Мо-чжо²⁰⁵⁷. Процесс задан тем, что феодалы стремятся создать стационарные центры своих владений²⁰⁵⁸. У тюрков такой резиденцией каганов был *Ötükän*²⁰⁵⁹. Т. Нагродзка-Майхжык говорит о существовании стационарных пунктов еще в период Первого Тюркского каганата: например, задается вопросом она, где проживала буддистская миссия при То-бо кагане?²⁰⁶⁰ Факт возведения гробниц при Бильге кагане свидетельствует о том, что уже тогда была тенденция к строительству зданий²⁰⁶¹. В конце концов, каганское *ordu* сочетало в себе как организацию высших представителей власти, так и политический центр²⁰⁶². Но лишь при уйгурах начинается строительство городов²⁰⁶³.

Важным представляется исследование немецкого специалиста Х. Гёкеньяна, посвященного рассмотрению на основе широкого сравнительно-исторического материала десятичной си-

²⁰⁵⁰ Nagrodzka-Majchrzyk T. Geneza miast u dawnych ludów tureckich, VII—XII w. Wrocław ; Warsaw ; Cracow ; Gdańsk, 1978.

²⁰⁵¹ Там же. S. 28.

²⁰⁵² Там же. S. 23.

²⁰⁵³ Там же. S. 139.

²⁰⁵⁴ Там же. S. 140.

²⁰⁵⁵ Там же. S. 141.

²⁰⁵⁶ Там же. S. 110.

²⁰⁵⁷ Там же. S. 29.

²⁰⁵⁸ Там же. S. 30—31.

²⁰⁵⁹ Там же. S. 32.

²⁰⁶⁰ Там же. S. 33.

²⁰⁶¹ Там же. S. 39.

²⁰⁶² Там же. S. 40—42.

²⁰⁶³ Там же. S. 47—52.

стемы у степных «алтайских» народов²⁰⁶⁴. Он пришел к выводу о существовании этой системы в Тюркском каганате²⁰⁶⁵. Обратив, однако, внимание на числовые обозначения в названиях древнетюркских племен²⁰⁶⁶, он остановился на числе «девять»²⁰⁶⁷, в частности на его символическом значении для ханской власти, предположив, что его распространение связано с влиянием китайской культуры, в то время как число «десять» имеет алтайское происхождение и связано с каким-то религиозно-магическими воззрениями местных народов²⁰⁶⁸. Ученый придерживался той же точки зрения на формирование кочевнических политических объединений, что развивали в своих работах В.В. Радлов, Д. Намет и, в особенности, О. Прицак, считая их полуавторитарными «шайками»²⁰⁶⁹, постепенно в ходе войн присоединявших к себе другие племена, в результате чего усложняется племенная структура и иерархия (по О. Прицаку), и возникает необходимость формирования десятичной системы для создания централизованной военной организации, зачастую сопровождавшаяся разрушением прежней племенной структуры (как в случае Чингисхана)²⁰⁷⁰.

О. Прицак вновь обратился к общественно-политическому устройству Тюркского каганата в начале 80-х гг. XX в. Он выступил с мнением, что «кочевая империя» была отражением оседлой империи, также претендуя на установление повсеместной власти, в этом случае осуществлявшейся при контроле над трансконтинентальными торговыми путями, и повсеместного закона и порядка (тюрк. *törü*). Однако по структуре эти империи различались в том, что основу оседлых всегда составляло оседло-земледельческое население, когда население кочевых обнаруживало принадлежность к разным типам хозяйства: кроме кочевников его неотъемлемой частью были еще земледельцы, охотники и рыболовы. Кочевая империя, в отличие от оседлой, не имела также стабильной территории, изменяя свои территориальные очертания в зависимости от выгодных направлений торговых путей²⁰⁷¹.

Вторым неустойчивым элементом был язык. Кочевые империи не имели непрерывной письменной традиции, что также было связано с малой приживаемостью великих религий, т.к. традиция прерывалась со сменой династии, ведь у кочевых империй не было задачи обеспечения непрерывности «национальной культуры». Здесь идеальная конструкция политической ор-

²⁰⁶⁴ *Göckenjan H.* Zur Stammesstruktur und Heeresorganisation altaischer Völker. Das Dezimalsystem // *Europa slavica — Europa orientalis. Festschrift für Herbert Ludat zum 70. Geburtstag / hg. v. K.-D. Grothusen u. K. Zernack.* Berlin, 1980 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des Europaschen Ostens. Band 100). S. 51—86.

²⁰⁶⁵ *Ibid.* S. 55—56.

²⁰⁶⁶ *Ibid.* S. 58—59.

²⁰⁶⁷ *Ibid.* S. 60 ff.

²⁰⁶⁸ *Ibid.* S. 65—69.

²⁰⁶⁹ *Ibid.* S. 72—73.

²⁰⁷⁰ *Ibid.* S. 73—75 ff.

²⁰⁷¹ *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1. Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 11—12; *Прицак О.* Походження Русі. Київ, 1997. Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських sag). С. 76—77.

ганизации отражалась в институте «мужских союзов», поскольку кочевые империи имели основной задачей создание такой организации, которая сумела бы обеспечить наиболее эффективную экономическую эксплуатацию населения и оградить его от влияния оседлой цивилизации. Во главе такой организации стоял харизматический правящий клан (династия), диктовавший «официальный» язык (свой диалект) и культуру, становившуюся как бы «национальной». Но едва он терял силу, кочевники сбрасывали его власть и отвергали их²⁰⁷². Здесь ощущается влияние теории этногенеза Р. Венкуса.

Наиболее устойчивым был третий элемент кочевой империи, по мнению О. Прицака, — идея объединения евразийской степи. Циклическая смена правящих кланов воспринималась кочевниками как закономерное явление. Это циклическое мировосприятие также отличало кочевников от оседлых народов с присущим им линейным мировосприятием²⁰⁷³.

Четвертым отличием был статус степного правителя, бывшего в мирное время «первым среди равных» и одновременно посредником при торговле с оседлыми империями и диктатором в военное время, в отличие от оседлых правителей, сумевших при помощи универсальной религии и политики превратить свою власть в наследственную²⁰⁷⁴.

Также О. Прицак указывал, что кочевнические объединения всегда развивались в соответствии с изменениями в оседло-земледельческих обществах: когда определенная земледельческая империя (Иран, Китай, Рим) достигала экономической стабильности и расцвета, устанавливая крупные международные торговые связи, поднимались «кочевые» харизматические кланы, стремившиеся овладеть их богатствами²⁰⁷⁵.

О. Прицак полагает, что составлявшие кочевые империи общины, кочевые или оседлые, были вполне автономны в своем жизнеобеспечении и не нуждались в создании империи, т.е. создание империи не было необходимостью или результатом их внутреннего социального развития. Однако своим возникновением они обязаны племенам, в основе которых лежала идеология «мужских союзов», специализировавшихся на военном деле; у тюрков здесь важную роль сыграл культ *Тенгри*. Такие союзы породили структуру из военных предводителей и их свиты или дружины (др.-тюрк. *бурук*); именно такие племена О. Прицак именует харизматическими кланами²⁰⁷⁶.

²⁰⁷² Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 12; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 77.

²⁰⁷³ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 12—13; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 77—78.

²⁰⁷⁴ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 13; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 78.

²⁰⁷⁵ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 13; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 78—79. М.А. Васильев считал, что в этом случае О. Прицак заимствовал теорию «вызова и ответа» у А. Тойнби: так, в ответ на создание в оседлом государстве стабильного и богатого состояния появляется кочевой лидер, желающий эти богатства получить (Васильев М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства ... С. 25—26, 27; *Его же*. Современная англо-американская буржуазная историография ... дис. ... С. 40, 73).

²⁰⁷⁶ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 13—14; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 79—80. См. также: Pritsak O. The Slavs and the Avars // Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto Medioevo, 15—21 aprile 1982. Spoleto, 1983. Т. I (Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'alto Medioevo. XXX). P. 358—361. В другом разделе

По своей структуре степная империя представляла союз племен. Создавался он так. Один из лидеров клана решал ограбить богатый караван, если он достигал удачи, его слава широко распространялась, и к нему стекалось больше сторонников. Если он не желал ограничиваться грабежами, он принимал титул *кагана* (др.-тюрк. *qaγan*) и вводил законы (др.-тюрк. *törü*), придерживаясь традиционного степного этического и религиозного кодекса «мужских союзов». Так начинает формироваться военизированное государство, и вождь решает объединить как все степные и лесные племена, в т.ч. родственные, так и жителей окрестных оазисов. В этом были заинтересованы и торговцы, желающие расширения торговых путей; они начинают спонсировать военные мероприятия²⁰⁷⁷.

Именно о таком симбиозе говорит древнетюркская пословица *Tatsiz Türk bolmas, başsiz bürk bolmas* («Нет тата [иранского купца] без тюрка, как нет шапки без головы»).

Второй Тюркский каганат (681—744 гг.) был результатом совместной деятельности харизматического клана А-ши-на из Турфана и согдийских купцов из Ордоса, коих тюрки называли *Sir*. В качестве силы они использовали скотоводческие племена Центральной Азии, именуемые китайцами *те-лэ*, а, кроме того, около 100.000 китайцев из беженцев и пленных были задействованы в бюрократическом и командном управлении.

Таким образом, «кочевые империи не возникали спонтанно в результате мифических подвигов степных скотоводов. Скорее, они были продуктом обдуманых планов профессиональных строителей империй, основанными в прото-урбанистической цивилизации своего времени»²⁰⁷⁸.

Кочевые союзы имели «сравнительно и развитую и структурированную политическую, социальную, экономическую, военную и административную систему». Именно такой кочевой союз (др.-тюрк. *il* = Рах) представлял собой Второй Тюркский каганат. Это была конфедерация нескольких автономных политических структур: политически и военно-организованных племенных кочевых и купеческих группировок (*bodan*), городищ и городов (*balag*) и вассальных оседлых княжеств. Население этих империй делилось на четыре класса, три из которых составляли свободные и вассалы: племенная знать (др.-тюрк. *buyrük*), высший класс свободных людей и рядовые члены общества (*qara bodan*), четвертый — рабы, разумеется, не в классическом понимании. Власть сосредотачивал клан, племя и знать из основателей союза (в данном случае

монографии О. Прицак дает транскрипцию и перевод восточной стороны надписи Кюль тегина [КТ6, 1—12] и ее анализ с позиции своей теории в ракурсе сравнения тюркского и скандинавского мировоззрения (*Pritsak O. The Origin of Rus'.* Vol. 1. P. 73—86; *Прицак О. Походження Русі.* Т. 1. С. 139—149). Но перевод тенденциозен.

²⁰⁷⁷ *Pritsak O. The Origin of Rus'.* Vol. 1. P. 14—15; *Прицак О. Походження Русі.* Т. 1. С. 80; *Pritsak O. The Slavs and the Avars.* P. 359—360. О. Прицак возвращается к концепции соправительства, указывая, что оба *кагана*, Бумын и Истеми, имели по два *йабгу* («левый» и «правый» соответственно) и по два *шада*, т.е. всего шесть. Так на практике осуществлялась тройственная система (по мифологии) и принцип бифуркации (дихотомии) (*Pritsak O. The Origin of Rus'.* Vol. 1. P. 79—80; *Прицак О. Походження Русі.* Т. 1. С. 144—145).

²⁰⁷⁸ *Pritsak O. The Origin of Rus'.* Vol. 1. P. 15—16; *Прицак О. Походження Русі.* Т. 1. С. 81.

клан *Türk*), а также родственные ему, т.е. брачующиеся с ним, кочевые племена; кроме них доступ к власти имели союзная иранская (согдийская) купеческая верхушка (*Sir*) и высокопоставленные китайские военнопленные, выступавшие советниками и администраторами.

Вся империя делилась на две, левую и правую, части, а также разделялась на центр, состоявший из четырех временных резиденций (*ordu*), — по две на каждую половину, с соответствующим разделением дружины (*buyruq*), — и провинции. Именно в резиденциях сосредотачивалась административная власть, притом попарно для каждой из половин империи: различные министры (*tarqat*), финансовые чиновники, командиры и т.д.

Провинцию составляли союзы объединенных племен, а также города и подчиненные государства. Управление здесь осуществлялось на двух уровнях: на низшем это была местная знать, наследственная или выборная (у племен *il-täbär* и *irkin*), на высшем — каганские сановники и члены его племени (напр., *tudän*), они отвечали за общее управление, систему налогообложения и военные дела. Вся титулатура имела строгую иерархию.

В стремлении добиться «основной религиозной и политической цели тенгрианства», а именно — мирового господства, руководитель союза делал акцент на два момента: во-первых, сбор дани (товарами и деньгами) для содержания государства и правящей элиты, во-вторых, пополнение войска. Именно для эффективности первой меры население разделялось на четыре экономические группы, три из которых составляли кочевники (пастухи, охотники и рыболовы), земледельцы и горожане, т.е. непосредственное население союза, четвертая же охватывала подчиненные оседлые государства.

Что касается войска, то к нему не относилось все население, а союз делился на регионы, округа (др.-тюрк. *oq* или *oǰaz*), каждый из которых поставлял 10.000 воинов (*tümän*), «обычно по два взрослых мужчины с одного домохозяйства». «Практически это означало, что каждое большое этническое образование одновременно подразделялось на несколько маленьких племен, которые могли составлять один такой военно-политический регион»²⁰⁷⁹. О. Прицак рассматривал численность одного домохозяйства в 5—7 чел.²⁰⁸⁰ Система *oq* придавала аполитическому племенному конгломерату (др.-тюрк. *oqsaz*) соответствующую военную подготовку и политическую организацию, способствуя также стиранию межплеменных диалектов²⁰⁸¹.

Поскольку, однако, сборов с населения было недостаточно, чтобы обеспечить большой приток денег, кочевники стремились к «раскупорке» оседлой экономики, что они могли сделать либо путем угроз, склоняя оседлых соседей к выплате дани, и грабежей, либо путем торговли.

²⁰⁷⁹ Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 17—18; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 83—84.

²⁰⁸⁰ Pritsak O. The Slavs and the Avars. P. 360.

²⁰⁸¹ Ibid. P. 360—361. Племена делились на внутренние и внешние, все политические группы были организованы в два крыла и носили названия, отражающие десятичное деление (*Toqaz Oǰaz*, *On Oq* на Востоке, *Onnoǰur*, *Quturǰur* и *Uturǰur* на Западе), внешние племена использовались для охраны границ и были организованы аналогично (*üzю сун ху* 'девять племен иранских [военных поселенцев]', по Э.Дж. Пуллиблэнку) (Ibid. P. 358, 362—363).

При этом набеги часто совершались также с целью заставить их открыть рынки, т.к. торговля была монополией оседлого государя²⁰⁸².

В 1981 г. на итальянском языке вышла брошюра «Исторический очерк первой тюркской империи...» П. Каннаты²⁰⁸³, по словам такого прекрасно разбиравшегося в библиографии специалиста как Д. Синор, «вероятно, лучшее современное представление Тюркской империи»²⁰⁸⁴, но, тем не менее, социально-экономическая проблематика была затронута здесь поверхностно.

Исследовательница также писала о торгово-данническом характере экономики древних тюрков, выманивающих у китайцев дань и подарки в виде шелка, реализуемого ими на Шелковом пути²⁰⁸⁵, обменивая, например, на продукты земледелия²⁰⁸⁶. Но вместе с тем в тюркскую среду проникало и культурное влияние²⁰⁸⁷, что вносило раскол в тюркское общество, а размытие традиций вело к его разрушению, т.к. по структуре, как и все кочевнические общества, оно представляло собой «пирамиду, в основании которой лежала семейная ячейка» с ее традициями; это рисуют древнетюркские надписи, говоря о событиях 630 г. [КТб, 7—8 = БК, X, 6—7]²⁰⁸⁸.

Среди отдельных замечаний встречается утверждение о роли харизматических лидеров в создании степных империй, характеризующихся как федерации под управлением одного племени или клана с сильной военной организацией²⁰⁸⁹. Уже разделение каганата между двумя братьями предопределило образование двух ханств²⁰⁹⁰. Зачинщиком распри 80-х гг. VI в. в каганате здесь именуется Апа каган, обойденный при престолонаследии²⁰⁹¹.

В одной из своих поздних работ А. фон Габэн о хозяйстве Тюркского каганата писала так: «В хозяйственном и политическом отношении это было исключительно государство скотоводов, которые, за исключением подчиненных им пограничных народов, проявляли лишь некоторую склонность к земледелию (просо)»²⁰⁹². Надо также отметить, что А. фон Габэн до конца

²⁰⁸² Pritsak O. The Origin of Rus'. Vol. 1. P. 18—19; Прицак О. Походження Русі. Т. 1. С. 85—86.

²⁰⁸³ Cannata P. Profilo storico del 1° impero turco (metà VI — metà VII secolo). Rome, 1981.

²⁰⁸⁴ [Bibliography] // The Cambridge History of Early Inner Asia : From Earliest Times to the Rise of the Mongols / ed. by D. Sinor. Cambridge, 1990. Vol. 1. P. 480.

²⁰⁸⁵ Cannata P. Profilo storico del 1° impero turco ... P. 8—10. По-видимому, влияние работ Д. Синора (1958) и И. Эчеди (1968), упоминающихся наряду с монографией Л. Крэдера, в библиографии (pp. 89—98).

²⁰⁸⁶ Ibid. P. 9.

²⁰⁸⁷ Ibid. P. 10.

²⁰⁸⁸ Ibid. P. 12.

²⁰⁸⁹ Ibid. P. 25.

²⁰⁹⁰ Ibid. P. 26. При этом автор считает, что Истеми, в отличие от Бумына, носил титул *yabgu* (Ibid. P. 26—27). Очень интересно П. Канната избежала проблемы соотношения этнической и политической структуры каганата, указав, что племена *те-лэ* и *се-янь-то* идентифицируются с *төлис* и *тардуш* орхонских текстов, соответственно восточной и западной части империи, отраженных также в титулатуре, ср.: *йабгу* Запада *Тарду каган*, наместник провинций *Ту-ли каган* (Ibid. P. 60).

²⁰⁹¹ Ibid. P. 55—56. Здесь, П. Канната отметила такие аспекты в обществе тюрков, как необходимость официального утверждения при наследственном распределении должностей, как прежде у хуннов и после монголов, а также сохраняющуюся матрилинейность (Ibid. P. 55).

²⁰⁹² Gabain A. (von) Von Ötükän nach Idikut-Şähri ... P. 183. Ср.: *Eadem. (von) Irano-Turkish Relations ...* P. 617, где про *жуань-жуаней*, сравниваемых с тюрками, пишется: «были кочевниками и коневодами».

была уверена во влиянии иранской культуры на тюрков, что в т.ч. отразилось в титулатуре и церемониальной обрядности²⁰⁹³. Кроме того, поскольку в торговле на Шелковом пути присущий кочевникам способ обмена товарами не был подходящим, тюрки адаптировались в монетную политику согдийцев и китайцев, и заимствовали у согдийцев терминологию для монет²⁰⁹⁴.

В 1984 г. вышла книга Ж.-П. Ру «История тюрков...», для нашей темы могущая быть полезной лишь емким очерком политической истории Тюркского каганата²⁰⁹⁵. Миграции и нашествия тюрков и монголов он объяснял возрастанием численности населения в степи²⁰⁹⁶. Он отмечает общую тенденцию для тюркских империй, где, несмотря на централизованную, деспотическую власть, покоренные народы сохраняли свою самобытность, культуру, язык, религию и часто своих правителей²⁰⁹⁷. Для основания империй важен факт личных качеств предводителя, получавшего благословение шамана и заручавшегося поддержкой родственников, кровных или побратимов²⁰⁹⁸. Ж.-П. Ру пишет о наделении Небом правящей четы кагана и катун своей поддержкой (*qut*). Собранные вокруг правящей четы люди, занятые управлением, составляют класс (*sinif*) бегов²⁰⁹⁹. Порядок престолонаследия осуществлялся по завещанию, но не всегда соблюдался, иногда каганы получали престол путем выборов²¹⁰⁰. Каган должен был поддерживать благосостояние народа (*budun*), заботиться о нем²¹⁰¹. Женщины обладали в кочевническом обществе равными правами с мужчинами, имели доступ ко всем сферам социальной жизни²¹⁰². В Тюркском каганате ученый отмечал высокую роль согдийцев в государственной организаторской деятельности²¹⁰³. В книге ученого 1997 г. «Центральная Азия : история и цивилизации» дан более пространственный очерк политической истории каганата²¹⁰⁴.

Юлай Шамильоглу отмечал в Тюркском каганате дуальность верховной власти территориально-политическое разделение на четыре части, присущее, по его мнению, всем кочевническим государствам (т.н. *four-bey system*)²¹⁰⁵.

В посмертно изданной статье Дж.Ф. Флэтчера-младшего (1986), где он, хотя и отмечал особенности развития кочевнических обществ по сравнению с оседлыми, связанные с их по-

²⁰⁹³ *Gabain A. (von) Irano-Turkish Relations ...* P. 622—623.

²⁰⁹⁴ *Ibid.* S. 624.

²⁰⁹⁵ *Roux J.P. Türklerin Tarihi : Pasifik'ten Akdeniz'e 2000 yıl / terc. A. Kazancıgil. İstanbul, 2007. S. 92—106.*

Нами было использовано это издание на турецком языке.

²⁰⁹⁶ *Aynı eser.* S. 40.

²⁰⁹⁷ *Aynı eser.* S. 41—42.

²⁰⁹⁸ *Aynı eser.* S. 136.

²⁰⁹⁹ *Aynı eser.* S. 137.

²¹⁰⁰ *Aynı eser.* S. 137—138.

²¹⁰¹ *Aynı eser.* S. 138.

²¹⁰² *Aynı eser.* S. 138—139.

²¹⁰³ *Aynı eser.* S. 96.

²¹⁰⁴ *Roux J.P. Orta Asya. Tarih ve Uygarlık / terc. L. Arslan. İstanbul, 1999 (Kabalcı Yayınevi : 171 ; İnceleme Dizisi : 31). S. 129—151.* Нами было использовано данное издание на турецком языке.

²¹⁰⁵ *Schamiloglu U. Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde : Doctoral Thesis. New York, 1986. P. 20—22.*

движным образом жизни, способствовавшем выработке гибкой и четкой военной организации²¹⁰⁶, тем не менее, прямо говорил, что внешняя опасность не могла способствовать созданию у кочевников стабильных объединений надплеменного уровня, поскольку для обороны достаточно временных альянсов, однако, для вымогания продукции у оседлых обществ такая централизованная организация непременно требовалась²¹⁰⁷. При этом у ученого проскальзывает идея о человеческом факторе в образовании централизованной кочевнической империи, тенденция к которой шла, начиная с III в. до н.э., и завершилась лишь с образованием Монгольской империи²¹⁰⁸. Интересна также идея противопоставления власти хана (воина) и шамана (жреца)²¹⁰⁹. Именно «с подъемом тюрков в VI в. власть правителя стала жестче, с претензиями на абсолютизм, и его роль была в большей мере полностью военной»²¹¹⁰.

В 1992 г. вышла книга немецкого филолога В.Э. Шарлиппа об истории и культуре древних тюрков Центральной Азии²¹¹¹, представлявшая собой переработанный вариант лекций, прочитанных ученым в Цюрихе в 1985/1986 гг. Она была задумана как вводный курс, а более детальную разработку поднятых вопросов В.Э. Шарлипп планировал дать в третьем томе «Основ тюркской филологии» («*Philologiae Turcicae fundamenta*»)²¹¹². Как отмечает М. Хесс, работа значительно уступает вышедшей в том же году книге П.Б. Голдена (см.: Раздел 3.3)²¹¹³. Социальные вопросы затронуты В.Э. Шарлиппом довольно поверхностно²¹¹⁴. В этой работе, как, собственно, и в авторском разделе ученого в «Основах тюркской филологии» о социальном и государственном устройстве Тюркского каганата дана самая общая информация²¹¹⁵.

В докладе, представленном на XXV съезде Постоянной международной алтаистической конференции (PIAC) в 1982 г. Д. Синор, говоря о «цивилизации тюрков», — в значении конкретно локализованной в рамках исторического времени и пространства общности, — обратил-

²¹⁰⁶ Флетчер Дж. Средневековые монголы : экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир / ред. кол. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ, 2004. С. 214—215.

²¹⁰⁷ Там же. С. 215—217; Шаусламов А.Р. Социальная история номадизма ... дис. ... С. 108—110. К этому мнению автор, по собственному признанию (Флетчер Дж. Средневековые монголы ... С. 217, 253 прим. 1), пришел под влиянием Т.Дж. Барфилда (Journal of Asian Studies. 1981. Vol. 41. № 1. P. 45—61), см.: Раздел 3.1.

²¹⁰⁸ Флетчер Дж. Средневековые монголы ... С. 222, 223, 228 и др.

²¹⁰⁹ Там же. С. 219, 221.

²¹¹⁰ Там же. С. 222.

²¹¹¹ Scharlipp W.E. Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1992. Надо отметить, что это первая общая работа по истории и культуре древних тюрков в немецкой историографии.

²¹¹² Ibid. S. XIII—XIV. Фактически, ученый опирался на исследовательскую литературу (Ibid. S. 12, 43—44, 74).

²¹¹³ Hess M. [Rez.] Wolfgang-Ekkehard Scharlipp : *Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur*. — Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1992, xiv, 147 S. // Oriens. 1994. Vol. 34. P. 546.

²¹¹⁴ Ibid. P. 547.

²¹¹⁵ Scharlipp W.E. Die frühen Türken in Zentralasien ... S. 35—36, 62—67; *Idem*. Leben und Kultur der alten Türken in der Steppe // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3). P. 140—144.

ся, к проблемам этногенеза, для чего привлечены данные о встречающейся в источниках ономастике, прежде всего, в рамках этнонимии и просопографии²¹¹⁶; позже эти данные легли в основу раздела главы о тюрках в «Кэмбриджской истории древней Внутренней Евразии»²¹¹⁷.

Д. Синор много внимания уделил выяснению соотношения между собой названий различных племенных названий, упоминающихся в тюркских, китайских, тибетских и др. источниках и их этнолингвистической принадлежности²¹¹⁸, в результате чего пришел к выводу, что в «племенную конфедерацию» под именем *Türk* входили народы различной языковой принадлежности, но прежде всего тюркоязычные, в т.ч. как собственно «девять племен тюрков» (*цзю-син ту-цзюэ* китайских источников и *Drugu rus dgu* ‘тюрки девяти костей’ из тибетского манускрипта *Pelliot Tibétain 1283*), так и девять племен уйгуров [? — *Авт.*], три племени *янь-мянь*, три племени карлуков и др.²¹¹⁹

Судя по всему, Д. Синор не имел собственного представления о социальном устройстве кочевнических империй. Так, называя «конфедерацией» Западно-тюркское государство²¹²⁰, он именуется этим термином и входящие в него племенные группировки *ну-ши-би* и *до-лу*, включавшие по пять племен²¹²¹ (ср. в другом месте *ну-ши-би* как «племенная группа»)²¹²², по-видимому, не вкладывая в него никакого значения, поскольку у него упоминается также «конфедерация» племен *те-лэ*²¹²³. Употребляя же по отношению к тюркам выражения типа «правлящий класс»²¹²⁴ или затем «правлящий слой»²¹²⁵, Д. Синор имел в виду определенную племенную общность, именно группу, господствующую над остальными.

Написанная Д. Синором глава о Тюркском каганате в «Кэмбриджской истории древней Внутренней Евразии»²¹²⁶, редактором которой он был, представляет собой прекрасный пример объективного и добротного исследования, с исключительно осторожными выводами.

Во вводной главе к изданию Д. Синор прямо изложил свой взгляд на политогенез в евразийских степях: «Такая обстановка, — писал он, имея в виду природно-географические

²¹¹⁶ *Sinor D. Some Components of the Civilization of the Türks (6th to 8th century A.D.) // Altaistic Studies : Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala, June 7—11 1982 / ed. G. Jarring, S. Rosén. Stockholm, 1985 (Konferenser / Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 12). P. 145—159.*

²¹¹⁷ См.: *Sinor D. The Establishment and Dissolution of the Türk Empire // The Cambridge History of Early Inner Asia ... Vol. 1. P. 287—291.*

²¹¹⁸ *Sinor D. Some Components of the Civilization of the Türks ... P. 152—155.*

²¹¹⁹ *Ibid. P. 155—156. Ср.: Sinor D. The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 288—290. О «трех» янь-мянь см., однако: Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследование. Новосибирск, 1989. С. 46, 177—178 ком. 264.*

²¹²⁰ *Sinor D. The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 309.*

²¹²¹ *Ibid. P. 289.*

²¹²² *Ibid. P. 302.*

²¹²³ *Ibid. P. 295, 311.*

²¹²⁴ *Sinor D. Some Components of the Civilization of the Türks ... P. 147.*

²¹²⁵ *Sinor D. The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 288.*

²¹²⁶ *Ibid. P. 285—316. О начале работы над «Кэмбриджской историей Внутренней Азии» Д. Синор писал еще в 1954 г. как о готовящейся попытке опыта обобщения истории степных кочевнических народов (*Sinor D. Central Eurasia. P. 119*).*

условия Степи, — могла и делала возможным создание сильных централизованных государств и была в состоянии поддерживать такую политическую сверхструктуру в течение того времени, как население могло обеспечивать пополнение своей основной продукции предметами, полученными из других, преимущественно земледельческих районов»²¹²⁷, что подкрепляется ссылкой на О. Латтимора²¹²⁸. Кроме того, Д. Синор обосновывал необходимость внешней торговли для кочевников ввиду ограниченности технического прогресса, недиверсифицированности внутренней экономики (не поднимая вопроса о характере собственности на стада!), которые способствовали росту спроса на товары, которые кочевники не могли производить²¹²⁹. Ключевую роль здесь играла лошадь: либо в качестве товара, предлагаемого на обмен, либо в качестве средства вторжения, обеспечивавшего кочевникам военное преимущество. Но, как указывал Д. Синор, кочевники могли вторгнуться, но не могли долго сохранять свое преимущество на завоеванной территории, не располагавшей хорошими пастбищами, что обычно вело к их растворению и ассимиляции среди покоренного населения²¹³⁰. Зачастую оседлые правительства были заинтересованы уступать требованиям кочевников, чтобы предотвратить вторжение²¹³¹. Что касается самих кочевников, то будучи заинтересованы в получении товаров не-степного производства, в период побед они относились к городским жителям с презрением, но даже в успешные времена соблазн комфортной жизни привлекал их расстаться с кочевым бытом, что влекло потерю идентичности, — против чего и периодически выступали такие, как Тоньюкук, — но общая тенденция облегчала мирное расширение оседлых государств²¹³².

Вместе с тем Д. Синор предостерегал от заниженной оценки кочевнических и охотничьих обществ по сравнению с основанными на оседло-земледельческом хозяйстве, указывая на такую черту как почти неограниченный потенциал развития последнего. Однако говоря о разных путях развития этих цивилизаций, Д. Синор отмечает застойный характер технологического развития кочевников²¹³³, исходя из эволюционистского понимания исторического процесса.

О захвате тюрками политического господства в этой работе Д. Синор писал еще более осторожно, выделяя лишь гипотетически возможность их усиления за счет металлургического производства²¹³⁴. Он отмечает также совпадение возвышения тюрков с раздробленностью в Китае, но не делает из этого никаких поспешных выводов²¹³⁵. Он дает уверенное утверждение о характере разделения каганата: «Управление столь огромными территориями, что находились

²¹²⁷ *Sinor D.* Introduction : the Concept of Inner Asia // *The Cambridge History of Early Inner Asia ...* Vol. 1. P. 7.

²¹²⁸ *Ibid.* P. 7—8.

²¹²⁹ *Ibid.* P. 8—9.

²¹³⁰ *Ibid.* P. 10.

²¹³¹ *Ibid.* P. 11.

²¹³² *Ibid.* P. 13.

²¹³³ *Ibid.* P. 12—13.

²¹³⁴ *Sinor D.* The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 295—296, 313.

²¹³⁵ *Ibid.* P. 307.

под контролем тюрков, определенно требовало некоторого административного деления, приводившего впоследствии, однако, к значительной, а иногда и полной, свободе действий правителей на местах. Как сообщает Менандр, черпавший свои сведения из того, что говорили о себе сами тюрки, Тюркское государство состояло из четырех частей, во главе каждой из которых стоял свой правитель. Как убедительно доказано Хуань Ван²¹³⁶ (явно не знакомым с данными Менандра), китайские источники ясно показывают существование четырех главных административных единиц, называемых Центральным, Восточным, Западным и Западным пограничными районами (*си мянь*). Правителем Центрального района был великий каган (*чжун мянь да кэ-хань*). Однако важная роль и авторитет Иштэми, чье положение сопоставимо с ролью Бату в Монгольской империи в XIII в., могли способствовать тому, что он сохранил независимую власть, поддерживая Мухана, на чьей территории располагалась священная Ӧтүкәнская роща, символическая точка для национального самосознания тюрков. Уделом Иштэми был как раз Западный пограничный район»²¹³⁷.

Начало смуты в Первом каганате Д. Синор связывает с амбициями А-бо кагана, имевшего личную неприязнь к Нивар кагану; но именно с ним автор связывает основание Западно-тюркского каганата в 583 г., в т.ч. за счет земель, отторгнутых у Тарду²¹³⁸. Вместе с тем, цитируя текст Хошо-Цайдамских надписей, повествующий о смуте у тюрков после смерти первых каганов [КТб, 5—8 = БК, X, 6—8], Д. Синор пишет: «Этот короткий отрывок, только что цитированный, демонстрирует, что иные фрагменты этих надписей полностью подтверждают, то есть, что внутренние конфликты были не только племенными или личными, но также социальными, противопоставляя высший класс (“знать”, *bāglār*) простому народу (“простолюдины”, *budun*). Предательство первых вызывает горькую обиду, а возрождение Тюркского государства недвусмысленно отнесено к желанию большинства (*hoi polloi*), “черного” народа (*qara budun*)»²¹³⁹. Тем не менее, падение каганата стало результатом именно разлада, внутренних потрясений, в ходе которых друг с другом и за «обладание рычагами власти» боролись племена басмылов, карлуков и уйгуров²¹⁴⁰.

По-видимому, именно эта работа подводит итог изысканиям европейской и американской историографии на конец 80-х гг. XX в. В целом же Д. Синор заключает: «Вопреки непрекращающимся усилиям, четкого представления о внутренней структуре тюркского государства не появилось, мы действительно не знаем ни точного значения титулов различных сановников,

²¹³⁶ Имеется в виду работа: Wang Huan. Apa Qaghan Founder of the Western Turkish Khanate, the Splitting up of the Turkish Khanate and the Formation of the Western Turkish Khanate // Social Sciences in China. 1983. Vol. 2. P. 124—154. — *Авт.*

²¹³⁷ Sinor D. The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 298.

²¹³⁸ Ibid. P. 305—306.

²¹³⁹ Ibid. P. 310.

²¹⁴⁰ Ibid. P. 313.

не можем определить связи общности, которая объединила вместе — по крайней мере, на некоторое время — пестрое население этой великой империи. Это остается задачей будущих исследователей, дать достоверное, достаточно полное, лишенное клише описание тюркской цивилизации»²¹⁴¹.

Таким образом, Д. Синор, подходя разделяльно к этнической и социальной истории древних тюрков, и всех кочевников Евразии вообще, с позиций, близких к позитивистским, не приблизился к пониманию особенностей и взаимосвязи этих процессов.

В отличие от советских и следовавших за ними наиболее ортодоксальных марксистских авторов вообще, зарубежные специалисты касались проблем социо- и политогенеза древних тюрков в контексте других проблем, либо рассматривали общество и развитие государственности древних тюрков с позиций общих теоретических установок. Как видно, очень большой пласт работ принадлежит филологам. Во многом именно их заслуга в разработке проблем древнетюркской социальной терминологии (А. фон Габэн, Р. Жиро, Г. Дёрфер, сэр Дж. Клосон).

Западная историография также обнаружила проблему отсутствия сводного изложения истории Центральной и Средней Азии. Это вопрос особо стал в 60-е гг. XX в. Выдержавшая несколько изданий книга Р. Груссе (1939) устарела лишь по причине расширения источниковой базы и в связи с появлением ряда работ по более узким проблемам истории региона²¹⁴². Важные попытки предпринимались в этом направлении Д. Синором, проработавшим огромный пласт литературы и источников, в отличие от совершенно неудачных попыток Л. Квантена и в Советском Союзе Л.Н. Гумилева с его «Степной трилогией»²¹⁴³. Но, по сути, эта проблема занимала Д. Синора наиболее всего.

Вместе с тем, так и не появилось ни одной написанной специалистом по источникам специальной работы по социально-экономической и социально-политической истории Тюркского каганата. Лишь как отдельные попытки можно рассматривать пассажи в работах О. Прицака, Р. Жиро и П.Б. Голдена.

Если венгерские ученые основное внимание сосредоточили на проблемах племенной структуры и общественной организации кочевнических обществ в целом, то западноевропейские и американские исследователи, в основном, обращались к отношениям кочевников с оседло-земледельческими соседями и именно ими был поставлен прямо вопрос о возможности влияния оседло-земледельческих обществ на социально-политические изменения у кочевников.

²¹⁴¹ *Sinor D.* The Establishment and Dissolution of the Türk Empire. P. 315.

²¹⁴² *Sinor D.* [Review] The Empire of the Steppes ... P. 634—637.

²¹⁴³ Как мы уже указывали, необходимость написания не просто политической истории Тюркского каганата, а с социальным аспектом, демонстрирует тот факт, что их нужду ощущали уже авторы работ о хазарах: Д.М. Данлоп (1954) ссылаясь на устаревшие работы, а М.И. Артамонов (1962) вовсе обращался за консультациями невостоковеду Л.Н. Гумилеву.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4
(обязательное)

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.
В ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работах японских ученых изучение истории древних тюрков имело свою специфику.

Крупный японский востоковед конца XIX — первой половины XX вв. Сиратори Куракичи (Kurakichi Shiratori) занимался больше лингвистическими и этническими проблемами²¹⁴⁴, однако, его работы, по своей методике явно опережавшие время, оказали большое влияние на последующую японскую историографию Центральной (в этой традиции: «Северной») Азии, фактически положив начало новой историографической традиции²¹⁴⁵.

Особенность японской тюркологии состоит в том, что, несмотря на ограниченность числа лингвистов, японские историки обладают достаточной подготовкой, чтобы проводить самостоятельные филологические исследования²¹⁴⁶.

В Японии с 50-х гг. XX в. древнетюркской проблематикой активно занимался Мори Масао (Masao Mori)²¹⁴⁷. Будучи учеником Эгами Намио (Namiō Egami), он так же был, прежде всего, историком; они принадлежали к *токийской школе*²¹⁴⁸.

М. Мори считал степные объединения от хунну до уйгуров «древними степными государствами»²¹⁴⁹. Ученый привлек разработки советских ученых и во многом исходил из них²¹⁵⁰.

²¹⁴⁴ *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны (разбор теорий о происхождении народа Хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). 2-е доп. изд. Л., 1926 (Труды тюркологического семинария. Т. I). С. 141—142; *Бартольд В.В.* Тюрки (историко-этнографический обзор) // *Бартольд В.В.* Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 577; *Его же.* по истории турецких народов Центральной Азии // Там же. С. 33. См. также: *Eren H.* *Türkoloji // Türk Ansiklopedisi.* Ankara, 1983. Cilt XXXII. S. 460—461.

²¹⁴⁵ *Икеда Т.* Вклад японской науки в изучение языков Северной Евразии // Языки коренных народов Сибири. 2005. Вып. 16. С. 191. См. также: *Генинг В.Ф.* Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981 г.) // Советская археология. 1981. № 3. С. 280 (о содержании доклада Кюдзо Като «К истории изучения народов Средней Азии в Японии»).

²¹⁴⁶ *Shirō H.* The Studies of the Turkic Languages in Japan After World War II // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 1973—1974. Ankara, 1974. S. 25; *Хаттори С.* Изучение тюркских языков в Японии (1946—1972) // Советская тюркология. 1974. № 5. С. 76.

²¹⁴⁷ Список его работ на 1972 г. см: *Shirō H.* The Studies of the Turkic Languages in Japan After World War II. S. 33—34; *Хаттори С.* Изучение тюркских языков в Японии (1946—1972). С. 81—83.

²¹⁴⁸ *Икеда Т.* Вклад японской науки в изучение языков Северной Евразии. С. 191.

М. Мори выделил в древнетюркском обществе три класса (*kaikyū*): беги (*bäg*), владевшие большим числом хозяйств, простые скотоводы (*budun*) и рабы (*qul, kün*)²¹⁵¹. На вершине государства (*kokka*) (*il ~ el*) стоял каган (*qaγan*) и аппарат чиновников. Основу Тюркского государства (*kokka*) составляла конфедерация уделов (*bay*), в которые объединялись роды (*shizoku*) и племена (*buzoku*)²¹⁵². Если говорить о других особенностях этой монографии М. Мори, то, как указал А.Г. Малявкин, «очень много внимания выяснению подлинного значения терминов “бу”, “цзу”, “син” и других уделил японский ученый Масао Мори. В его книге приведены многочисленные примеры их употребления»²¹⁵³. С точки зрения изысканий в титулатуре и социальной организации, работа получила высокую оценку Мураяма Ситиро²¹⁵⁴.

По мнению М. Мори, власть кагана базировалась на волшебном-колдовском влиянии, т.к. он, возможно, был еще и шаманом²¹⁵⁵. Основу Восточного и Западного тюркских государств составляла конфедерация племен, во главе с группой кланов, среди которых были А-ши-на, А-ши-дэ и др.²¹⁵⁶ Кроме множества каганов со своими уделами²¹⁵⁷, М. Мори выделяет еще и «феодалных владык»²¹⁵⁸. До правления Мо-хэ кагана (587—588 гг.) тюрки были децентрализован-

²¹⁴⁹ См.: Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). Улан-Удэ, 2008. Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. С. 239.

²¹⁵⁰ См.: Maeda Masana. [Review] M. Mori, Historical Studies of the Ancient Turkic people, Tōkyō, 1967 // Tōyō-shi Kenkyū. 1968. Vol. 27. № 1. P. 95—96 (на яп. яз.).

²¹⁵¹ Такое разделение было сделано под влиянием классификации погребений С.В. Киселева (*Maeda Masana*). [Review] M. Mori, Historical Studies ... P. 96; Osawa T. Aspects of the Old Turkic Social System Based on Fictitious Kinship (the analysis of the term <kul (slave)> in the Orkhon-Yenisei epitaphs) // Kinship in the Altaic World (Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference, Moscow 10—15 July, 2005) / ed. by E.V. Boikova, R.B. Rybakov. Wiesbaden, 2006 (Asiatische Forschungen : Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ostund Zentralasiens. 150). P. 219).

²¹⁵² Mori Masao. Kodai Toruko minzokushi kenkyū. I. Tōkyō, Shōwa 42, [1967] (на яп. яз. с англ. резюме с добавочным названием «Historical studies of the ancient Turkic peoples I»).

²¹⁵³ Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск, 1989. С. 42.

²¹⁵⁴ Murayama Shichirō. [Рец. на] Mori, M.; Historical Studies of Ancient Turkic Peoples, I.] // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). 1968. Vol. 50. № 4. P. 138, 147 (на яп. яз.).

²¹⁵⁵ Мори М. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии // XIII Международный конгресс исторических наук. 16—23 августа 1970 г. М., 1970. С. 1.

²¹⁵⁶ Там же.

²¹⁵⁷ Там же. С. 2—3.

²¹⁵⁸ Там же. С. 4. М. Мори в специальной статье рассмотрел древнетюркские титулы *сы-ли-фа* (< *iltäbär*) и *сы-цзинь* (< *irkin*) и пришел к выводу о том, что первый имел большую значимость, по-видимому, ввиду того, что *эльтеберы* управляли более большими племенами, чем *иркины*. Так, в 605 г. вождя племени *ци-би* имевшего титул *iltäbär irkin* (?) освободившиеся от тюрков вожди *телэских* племен, носившие титулы *irkin*, провозгласили каганом, а вождя *се-янь-то*, также бывшего *irkin*, — малым каганом, потом вернули им их же титулы. В 626—627 гг., после провозглашения *се-янь-то* каганом вожди уйгуров (*хуэй-хэ*), **Boqut* (*ну-зу*), байырку (*ба-е-зу*), тонгра (*тун-ло*) и хунь сменили титулы с *irkin* на *iltäbär*. Это были наиболее значительные племена в этот период, имевшие более 10 тысяч войска. В период подчинения *телэсцев* китайцам и административного разделения племен на округа (*ду-ду-фу*) и области (*цы-ши-чжоу*), именно вожди с этим титулом получили от танской администрации должность начальников округов (*ду-ду*), в то время как *irkin* — начальников областей *цы-ши* (Mori M. On the Ssü-li-fa (Iltäbär) and the Ssü-chin (Irkin) Titles of the T'ieh-lê Tribes // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). 1963. Vol. 46. № 3. P. 293—322 (на яп. яз. с англ. резюме на р. 1); Mori M. On Chi-li-fa (Eltäbär/Eltäbir) and Chi-chin (Irkin) of the T'ieh-lê Tribes // Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture. 1965. № 9. P. 31—56. См. также: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 105; Его же. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 125—126).

ной страной (country), состоящей из феодальных государств²¹⁵⁹. Исследовав упоминание тюркской титулатуры, ученый заключил, что ко времени Ши-би кагана (609—619 гг.) Восточно-тюркский каганат из децентрализованного феодального превращается в централизованное феодальное государство²¹⁶⁰.

В докладе, сделанном на XIII Международном конгрессе исторических наук, прошедшем в середине августа 1970 г. в Москве, М. Мори уточнил социальную структуру тюркского общества, выделив лишь два класса. Во-первых, это феодалы, класс собственников, начиная с носителей крупных титулов ябху (так в тексте) и шад, и продолжая вождями племен (ил) и кланов (бэй), т.е. соответственно äлтäбäров и эркинов, именовавшихся «бегами». Из этого класса были чиновники с различной титулатурой. Второй класс — это простые кочевники (будун) и рабы (кул, кюнг), но рабство носило, в основном, домашний характер, они были слугами бегов. Однако будун обладали своими бегами, представителями общин, защищавшими их интересы в борьбе с классом богатых скотоводов. Разделение классов не было глубоким, «чтобы низвести кочевников до рабства»²¹⁶¹. Таким образом, тюркское общество состояло из многочисленного слоя независимых и свободных кочевников²¹⁶².

Интересно, что А.С. Тверитинова поставила в упрек М. Мори отсутствие «сопоставлений результатов его изысканий с тем, что сделано советскими учеными»²¹⁶³.

В другой своей работе японский ученый показал степные кочевнические общества, начиная с хунну, как государства с формировавшимся классом аристократии из представителей влиятельнейших родов²¹⁶⁴.

Вместе с тем такая трактовка, как титулатуры, так и оценка уровня развития подверглась критике со стороны Маеда Масана, призывавшего к более осторожному толкованию источников и считавшего, что М. Мори переоценил тюркское общество; сам он считал их обычным эфемерным племенным союзом²¹⁶⁵.

Непосредственно исследуя рунические тексты, М. Мори показал, что тюркский каган преподносился как посредник между Небом (*Täŋri*) и тюркским народом, но он развил высказанное замечание Р. Жиро (см. выше), что от кагана требуются сильные личные качества, чтобы

²¹⁵⁹ *Mori M.* An Introduction to the Studies of the Official Titles of the Eastern Türküt : On “Qaghan” of the “First Türküt Empire” // *Tōyō Gakuhō* (Reports of the Oriental Society). 1954. Vol. 37. № 3. P. 279—329 (на яп. яз. с англ. резюме на р. 032).

²¹⁶⁰ *Mori M.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии. С. 4, 6. Ср.: *Mori M.* An Introduction to the Studies of the Official Titles of the Eastern Türküt ... P. 279—329 (на яп. яз. с англ. резюме на р. 032). См. также: *Glaubitz J.* Japanische Arbeiten über Zentralasien // *Der Islam*. 1960. Bd. 35. S. 128.

²¹⁶¹ *Mori M.* Политическая структура древнего государства кочевников Монголии. С. 7.

²¹⁶² Там же. С. 7—8.

²¹⁶³ *Тверитинова А.С.* Страны Востока и средневековье // *Средние века*. 1971. Вып. 34. С. 80.

²¹⁶⁴ *Mori M.* Kuzey Asya'daki Eski Bozkır Devletlerinin Teşkilâtı // *Journal of Turkic Civilization Studies*. 2004. № 1. S. 73—86.

²¹⁶⁵ *Maeda Masana.* [Review] *M. Mori, Historical Studies ...* P. 93—94, 95—96.

вести народ к успехам и победами (*bilgä* ‘мудрый’ и *alp* ‘храбрый’), но не только от кагана, но и от всего народа²¹⁶⁶, и что поклонение Небу (Небесному Божеству) носило общетюркский, «национальный» характер: Небо наделяет мудростью и храбростью весь тюркский народ, дает ему независимость и ставит над ним *кагана* и *катун*, делает слабыми врагов, подчиняет им страны²¹⁶⁷, вопреки А. Бомбачи (см.: Приложение 3)²¹⁶⁸, весь тюркский народ наделяется божественной удачей (*ülüg*) и через верховного кагана благосклонностью Неба — *небесной харизмой* (*qut*), однако его власть опиралась и на неписанные традиционные нормы *törü* (по сэру Дж. Клосону)²¹⁶⁹.

Японские ученые, в основном, рассматривают кочевнические политические объединения дочингисхановского периода как племенные конфедерации (Мори Масао, Ямада Нобуо (Nobuo Yamada), Хаяси Тосио (Toshio Hayashi))²¹⁷⁰. Савада Исао (Isao Sawada) охарактеризовал эпоху древних тюрков как «период становления кочевого государства»²¹⁷¹; Сираиси Норюки (Noriyuki Shiraishi), следуя К. Кристиансену, дополнившему схему Э. Сервиса, помещает объединения тюрков, как и хуннов, на стадии «архаичного государства», располагающегося между вождеством и государством²¹⁷²; они были децентрализованы и жили, в основном за счет грабежей, имея в своей основе кочевую экономику²¹⁷³, но уйгуры, с их степенью централизации власти и появлением городов как политических, экономических и культурных баз центральной власти, уже достигли ступени государства²¹⁷⁴; Т. Хаяси отказывал этим кочевническим объединениям в государственности²¹⁷⁵.

Т. Хаяси исходил из того факта, что развитие кочевнических политических образований происходило благодаря оседло-земледельческим элементам в их хозяйстве, таким как земледелие и торговля. В 1985 г. он писал, что тюрки захватывали китайцев и сажали их на землю, что возможно было на южных территориях, в основном, между Инь-шанем и Хуан-хэ, наиболее пригодной для земледелия местности. После того как при Мо-чжо кагане эта территория была

²¹⁶⁶ Mori M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign // Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture. 1981. № 41. P. 47—50, 48 note 4.

²¹⁶⁷ Ibid. P. 52—58.

²¹⁶⁸ См.: Ibid. P. 58—68.

²¹⁶⁹ Ibid. P. 69, 71—74, 74—75.

²¹⁷⁰ См.: Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). Кн. 3. С. 239. Следует обратить внимание, что среди перечисленных имен названы специалисты по тюркологии. В статье Н. Сираиси, из которой была, в основном, почерпнута изложенная информация, среди перечня литературы, кроме работ, специально посвященных хуннам и монголам, а также работ М. Мори и Т. Хаяси, названы две книги, в которых тюрки рассмотрены среди прочих степных народов, это, во-первых, книга Н. Эгами (Egami Namio) «Государства всаднических народов» (Токио, 1967), во-вторых, книга Н. Ямада, известного также работами по древнеуйгурским документам, «Исследование истории кочевнических народов Северной Азии» (Токио, 1989) (См.: Приложение 10).

²¹⁷¹ Шираиси Н. Этапы кочевых государств монгольских степей. С. 239.

²¹⁷² Там же. С. 243.

²¹⁷³ Там же. С. 245—246, 247.

²¹⁷⁴ Там же. С. 244, 247—248.

²¹⁷⁵ Там же. С. 240.

утрачена тюрками, Бильге каган изменил политику каганата, сделав акцент на торговлю, положив начало нашедшему свое развитие уже в Уйгурском каганате процессу образования степных городов как центров земледелия и ремесла²¹⁷⁶.

Более обстоятельная подборка источников была приведена им чуть позже. Китайские источники сообщают нам в разные времена о бегстве китайцев к тюркам или захвате тюрками китайского населения. Кроме того, на землях тюрков селились согдийцы, хотя их было значительно меньше, чем китайцев, соответственно и их роль в развитии хозяйства Тюркской империи была меньше²¹⁷⁷. При этом Т. Хаяси указывает, что источники не позволяют нам говорить о том, что набеги кочевников на оседлых соседей опосредованы тем, что они нуждались в продуктах земледелия, но, вероятно, целью этих набегов был именно захват людей²¹⁷⁸.

Т. Хаяси также указывает на то, что Бильге каган отказался от политики грабежей и сделал ставку на торговлю, а также хотел строить города, но его отговорил советник Тоньюкук²¹⁷⁹. Отмечая когда-то сделанное замечание А.Н. Бернштама, Т. Хаяси разделял мнение о противостоянии старой и новой силы в древнетюркском обществе²¹⁸⁰.

Так или иначе, видно, что японским ученым близко именно стадияльное эволюционистское восприятие истории степных политических образований Монголии как некоего цельного развивающегося процесса. Надо отметить, что все названные авторы являются также и археологами. Ни один из них, кроме Т. Хаяси, не написал специальной работы о древнетюркских политических объединениях. По-видимому, именно специализация по археологии многих ученых оказала влияние на восприятие ими исторического процесса. Японские ученые, занимающиеся проблемами, связанными с древнетюркской эпохой, такие как, например, Осава Такаси (Takashi Ōsawa) предпочитают ограничиваться публикациями источниковедческого характера.

Можно также упомянуть работу Наито Мидори (Midori Naitō), посвященную политической истории Западно-тюркского каганата, но в трактовке социально-политических явлений исследовательница следует за М. Мори²¹⁸¹.

Таким образом, в японской историографии со времен М. Мори не имеется ни одного мо-

²¹⁷⁶ Hayashi T. The Development of a Nomadic Kingdom seen from the Perspectives of Pillage, Agriculture and Trade : in the Case of Tuque // Tōyōshi kenkyū. 1985. Vol. 44. № 1. P. 110—136 (на яп. яз. с англ. резюме на р. 5).

²¹⁷⁷ Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire : The Case of Ancient Turks (Tuque) // Bulletin of the Ancient Orient Museum. 1990. Vol. XI. P. 135—184; Haeshi T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States : From the Xiongnu Empire to the Uigur Qaghanate // Материалы Международной конференции «Урбанизация и номунизм в центральной Азии : история и проблемы». Алматы, 2004. С. 123—126. Характерно, что Т. Хаяси в этом плане высоко оценивает работы С.А. Плетневой (Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire ... P. 153, 157 note 17; Haeshi T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States ... P. 124, 130 note 10.).

²¹⁷⁸ Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire ... P. 138, 154 note 1, p. 157, 158; Haeshi T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States ... P. 123, 130 note 9.

²¹⁷⁹ Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire ... P. 151—153; Haeshi T. The Role of Sedentary People in the Nomadic States ... С. 125—126.

²¹⁸⁰ Hayashi T. The Development of a Nomadic Empire ... P. 153, 157 note 16.

²¹⁸¹ Naitō Midori. Nishi Tokketsu shi no kenkyū. Tōkyō, 1988. P. 118—125 и др.

нографического исследования по истории Тюркского каганата. В его исследованиях социологическая тематика в истории народов Центральной Азии наиболее отчетлива²¹⁸².

²¹⁸² *Shirô H.* The Studies of the Turkic Languages in Japan After World War II. S. 29; *Хамтопу С.* Изучение тюркских языков в Японии (1946—1972). С. 79; *Eren H.* Türkoloji ... S. 461; *Nagata Y.* JAPONYA (III. Japonya-Osmanlı İlişkileri ; IV. Ülkede İslâm ve Şarkiyat Çalışmaları) // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2001. Cilt 23. İslâm — Kaade. S. 576; *Kuribayashi Y.* Turkological Studies in Japan : Past and Present // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 2. Cilt. S. 523.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5
(обязательное)

РАБОТЫ ТУРЕЦКИХ АВТОРОВ

ДОРЕСПУБЛИКАНСКИЙ (ОСМАНСКИЙ) ПЕРИОД (конец XIX в. — 20-е гг. XX в.)

Открытие памятников древнетюркской письменности вызвало большой резонанс среди тюркских национальных элит. *Работы ученых тюркского происхождения* занимают особое место в историографии истории древних тюрков. Как писал в 1930 г. основатель и первый президент Азербайджанской демократической республики М.Э. Расулзаде (М.Э. Рәсулзәдә): «Путешествие Вамбери по Средней Азии, идеальное открытие Фон-Ле-Кока, знаменитая книга Леона Кахона об истории тюркской расы, словарь тюркских наречий Радлова и научные труды Бартольда по истории Туркестана, а также труды ориенталистов-тюркологов в том или ином виде доходили до тюркской интеллигенции и вызывали у нее определенную реакцию»²¹⁸³. Отклик эти открытия получили у наиболее прогрессивных, националистических²¹⁸⁴, слоев тюркской интеллигенции, живущей как в России, так и в Турции, обративших свой интерес к древнейшим историческим корням тюркства.

Неджип Âсым (Йязыксыз), с самого начала заинтересовавшийся памятниками древнетюркской рунической письменности²¹⁸⁵, также известный как переводчик книги Л. Кауна, в своих работах обосновывал самобытность и высокую роль тюрков в истории, приводя, однако,

²¹⁸³ *Расул-заде М.* Пантуранизм и проблема Кавказа // *Источник*. 2004. № 3(11). С. 35.

²¹⁸⁴ Здесь и далее понятия *национализм* и *тюркизм* применяются не в традиционном стереотипно негативном, а, наоборот, в положительном смысле, подразумевая объективные, исторически обусловленные явления. О таком понимании см.: *Мухаметдинов Р.Ф.* Зарождение и эволюция тюркизма (Из истории политической мысли и идеологии тюркских народов: Османская и Российская империи, Турция, СССР, СНГ 70-е гг. XIX в. — 90-е гг. XX в.). Казань, 1996. С. 9—10, 16—21, 163—165. Ср.: *Berktaş H., Ödekan A., Hassan Ü.* Türkiye Tarihi. İstanbul, 1995. Cilt 1. Osmanlı Devletine Kadar Türkler. S. 48—50; *Султанова А.А.* Социально-антропологическая тематика в научном наследии дореволюционных тюркологов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 16.

²¹⁸⁵ Об общем вкладе ученого в изучение древнетюркской письменности см.: *Эрджиласун Б.* Первые упоминания об орхонских надписях в Турции // *Altaica II*. Сборник статей и материалов. М., 1998. С. 125—135, 137—138, 144; *Байоглу А.* Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири: турецкая историография XIX—XXI вв. // *Известия Уральского государственного университета*. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 4(96). С. 126.

поверхностные рассуждения на основе рунических памятников в апологетическом идеализаторском духе²¹⁸⁶. Как указывает Халил Берктай, под влиянием успехов французской и венгерской тюркологии он развивает националистические идеи в форме тюркизма²¹⁸⁷. Позже они нашли отражение во взглядах других турецких авторов²¹⁸⁸.

Во введении к своей диссертации 1903 г. о государственных институтах Османской империи, отдельно изданном потом в 1913 г.²¹⁸⁹, татарский ученый и общественно-политический деятель Йусуф Акчура (до эмиграции — Ю.Х. Акчурин) писал о большей привязанности воинственных кочевых тюрков к своему языку и обычаям, чем к территории. Он выделял у них патриархальную систему, коллективное владение землей, подчинение общества хану, власть которого, однако, была ограничена *yasak* или *tore* (т.е. букв. ‘закон’ и ‘обычай’), наличие аристократии, способность образования государственности, высокую религиозную терпимость²¹⁹⁰. Й. Акчура был хорошо знаком с древнетюркской историей и культурой²¹⁹¹.

Отдельного внимания в этом ключе заслуживают ранние взгляды Э. Вәлиди (А.А. Валидова), — башкирского националиста, патриота башкирской земли и тюркиста, впоследствии одного из основателей башкирской автономии, — во время его пребывания в России. В 1912 г. выходит его книга «Төрк вә татар тарихы» («История тюрков и татар»), переизданная с некоторыми сокращениями и дополнениями в 1915 и 1917 гг. под названием «Кыскача төрктатар тарихы» («Краткая история тюрко-татар»)²¹⁹². Из пяти глав вторая носила название «Ислам и тюрки (от Тукю до Чингиза)»²¹⁹³. Ученый испытал некоторое идеологическое влияние Л. Кауна и Неджипа Асыма (Йазыксыза)²¹⁹⁴, но в методологии опирался на экономические взгляды Г.В. Плеханова и В.В. Бартольда²¹⁹⁵. Во «Вступлении» книги указывается, что «слово

²¹⁸⁶ *Necîp Âşım. Orhon Âbideleri. İstanbul, 1340/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 61) (на ст.-осм. яз.). См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М. ; Л., 1946 (Тр. Ин-та востоковедения. Т. XLV). С. 29, 37; Böler T. Necîp Asım Yazıksız ve Türk Diline Katkıları // Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2009. Sayı 25. S. 201. См. также: Эрджиласун Б. Первые упоминания ... С. 132, 133—134; Scharlipp W.E. The Decipherment of the Turkish Runic Inscriptions and Its Effects on Turkology in East and West // Journal of Turkic Civilization Studies. 2004. № 1. P. 311.*

²¹⁸⁷ *Berktaş H. Tarih Çalışmaları // Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi. İstanbul, 1985. Cilt IX. S. 2459.*

²¹⁸⁸ См.: *Laut J.P. Zur Sicht des Islam in der Türkischen Republik bis zum Tode Atatürks // Kolloquien des Max Weber-Kollegs. Erfurt, 2000. VI—XVI (1999/2000) / hrsg. W. Schluchter. S. 69.*

²¹⁸⁹ *Georgeon F. Türk milliyetçiliğinin kökenleri. Yusuf Akçura (1876—1935) / çev. A. Er. Ankara, 1986 (Yurt yayınları : 13 ; Türkiye Araştırmaları Dizisi : 12). S. 29 dipnot 56.*

²¹⁹⁰ См.: *Aynı eser. S. 29; Berktaş H., Ödekan Â, Hassan Ü. Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 41; Findley C.V. The Turks in World History. Oxford, 2005. P. 17—18.*

²¹⁹¹ Йусуф Акчура и его товарищ Садри Максуди (Арсал) (до эмиграции — С.Н. Максудов) (см. ниже) во время обучения в Школе политических наук при Сорбоннском университете брали уроки древнетюркского языка у Ж. Галеви (*Georgeon F. Türk milliyetçiliğinin kökenleri ... S. 28—29, dipnot 55*).

²¹⁹² *Салихов А.Г. Деятельность А. Валидова в России. Уфа, 2001. С. 62, 70.*

²¹⁹³ Там же. С. 68.

²¹⁹⁴ Там же. С. 63, 66.

²¹⁹⁵ *Валиди Тоган А.З. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1994. Кн. I. С. 97; Султанова А.А. Социально-*

тюрк — это название одной большой нации, живущей сегодня в северной части и западе Азии, восточной части Европы, говорящей на одном языке»²¹⁹⁶. Э. Валиди придерживался трехступенчатой схемы исторического процесса: дикость (низшая ступень), варварство (средняя ступень, кочевая), цивилизация (высшая ступень). При этом он считал, что «тюркские народы с известных в истории времен находились на второй ступени развития»²¹⁹⁷. Также он полагал, что уровень развития народа зависит от среды его обитания, но в отличие от европейцев, имевших дороги и моря, что способствовало развитию торговли и широким контактам с другими народами, земля тюрков не обладала такими условиями, поскольку «торговля, купечество, культура, наука не распространяются без дорог». Но у тюрков было то, «чего не было у цивилизованных народов»: «совершенная народная литература, национальная и приспособленная к их языковым особенностям письменность, любовь к отечеству, способность, умение жить»²¹⁹⁸. Именно эта работа стала основой для написанной впоследствии книги «Введение во всеобщую историю тюрков»²¹⁹⁹, но уже тогда рецензенты отмечали недостаточное внимание тюркским правительствам до Чингисхана²²⁰⁰.

В 1915 г. изданы две статьи турецкого социолога Мехмета Зийя (Гёк Алпа) «Метод ведения исследования одного племени» (Millî Tetebbular Mecmuası. Mayıs—Haziran 1331/1915. Sayı 2. S. 193—205) и «Симметрия между социальной организацией у древних тюрков и логической классификацией» (Millî Tetebbular Mecmuası. Temmuz—Ağustos 1331/1915. Sayı 3. S. 385—456), вместе с рядом других его трудов переработанные во время ссылки на Мальте в 1919 г., составив основу для книги «История Тюркской цивилизации», так и не законченную и изданную через два года после его смерти²²⁰¹. В первой статье М. Зийя (Гёк Алп) на основе собственного взгляда на развитие социальных институтов и явлений (Müessese), таких как религия и религиозные обряды, правовые и моральные устои, языковые и эстетические нормы, формы экономики и научные изобретения, предложил типологию стадийной эволюции обществ, исходя из ключевого понятия тотемного клана как первичной группы: фратрия > племя > конфедерация. Здесь же он поставил проблему включения в эту схему «тюркского народа»²²⁰². Во

антропологическая тематика в трудах дореволюционных тюркологов // История науки и техники. 2008. № 9, спец. выпуск. № 4. С. 62—63.

²¹⁹⁶ Салихов А.Г. Деятельность А. Валидова в России. С. 63. Следует учесть, что в науке в этот период категории *раса, нация, народ* и т.д. еще не получили устоявшегося содержания и четких критериев соотношения в силу объективно недостаточного развития этнологии, лингвистики, расовой антропологии и других наук.

²¹⁹⁷ Там же. С. 64.

²¹⁹⁸ Там же. С. 66—67.

²¹⁹⁹ Там же. С. 72.

²²⁰⁰ Там же. С. 71.

²²⁰¹ Beyhan M.A. Ziya Gökalp'in Tarih Anlayışı ve Türk Medeniyeti Tarihi Adlı Eseri // Sosyoloji Dergisi. 2006. Sayı 13. Ziya Gökalp'in 130. Doğum Günü. S. 56.

²²⁰² Gökalp Z. Bir Kavmin Tedkikinde Takib Olunacak Usul // Gökalp Z. Makaleler III (Millî Tetebbular Mecmuası'ndaki makaleler) / hazırlayan : M. Orhan Durusoy. Ankara, 1977 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 283 ; Ziya Gökalp Serisi. Seri : II, No : 13). S. 9—16. Термин *kavim* он рассматривал как эквивалент 'народ' (Aynı eser. S. 3).

второй статье он также ссылаясь на орхонские тексты²²⁰³. Ученый рассматривал доисламскую историю тюрков как один из ранних этапов развития тюркской цивилизации.

Пытаясь выявить различные тотемы для древнетюркских племен, М. Зийя (Гёк Алп) на этой основе делает вывод об эволюции тюркских племен от уровня *ulus*, соответствовавшего тотемному клану, каждый из которых почитал какое-либо животное из входивших в двенадцатилетний тюркский цикл, до *il*, получавшего название по имени своих тотемных животных²²⁰⁴.

М. Зийя (Гёк Алп) продельывает различные изыскания, обращаясь к семантике цветовых и числовых обозначений, из которых наибольший интерес вызывает попытка рассмотреть природу и роль дуализма в тюркском обществе, в т.ч. и дуальное деление племен, являющееся как бы проекцией мифического противостояния светлой и темной стороны. Здесь разделение огузов на *Üç Ok* и *Boz Ok*, монголов на *Baragungar* и *Cagungar* и т.д.²²⁰⁵ Троичное деление появляется лишь при подчинении другого племени, когда его знать также включается в правительственный аппарат при сохранении собственных привилегий²²⁰⁶. Однако правая часть как правая рука считалась главнее и обладала большими привилегиями. Это отразилось даже в цветовых маркерах: так, желтый или белый означал более знатные племена, черным цветом обозначали группу племен, обладающих меньшими привилегиями. Здесь в качестве примера ученый приводит деление тюргешей на желтые и черные роды, а также упоминание в орхонских надписях сочетания *Kara Budun* в значении 'черная кость'²²⁰⁷.

Любопытны его подробные замечания в статье 1917 г. «Стадии национальных отношений у тюрков» (*İktisadiyat Mecmuası*. 8 Mart 1333. Sayı 44—48. S. 1—4). Здесь М. Зийя (Гёк Алп) называет *городскую общину*, одной из моделей государства, следующей перед *империей* и «современным государством». Это состояние соответствует доисламскому периоду тюрков. Но тогда тюрки не были оседлыми, а были кочевыми, и их население назвалось «*Budun*», которых было несколько, они соответствовали *городам* древних греков или римлян. Каждый *Budun* делился на три «слоя»: *Tekin*'ы, *Buрук*'и и *Kamik*'и. Первые были потомками легендарных героев, основателей народа, они несли народу «небесную благодать». Эта священная династия давала имя всему государству (*il*). *Buрук*'и изначально были выходцами из *Kamik* и формировались как свита аналогично клиентеле в Риме. Под *Kamik* же понималась совокупность всех подданных той или иной династии, на них распространялась благодать их правителя, они могли быть наследованы или поделены среди потомков первого правителя, являя в этом смысле собой

²²⁰³ Эрджиласун Б. Первые упоминания ... С. 139, 144.

²²⁰⁴ *Gökalp Z. Eski Türkler'de İçtimai Teşkilât İle Mantukî Tasnifler Arasında Tenâzur // Gökalp Z. Makaleler III ... S. 33—35.* В работе очень много некорректных этимологий: так, например, этноним *Oğuz*, возводится к *ok* 'стрела', который представляется синонимом якобы родственного слова *ök* 'ум' (Aynı eser. S. 35—36), из чего М. Зийя (Гёк Алп) выводит целую теорию (Aynı eser. S. 36—37).

²²⁰⁵ Aynı eser. S. 70—72, 73—74.

²²⁰⁶ Aynı eser. S. 75—76.

²²⁰⁷ Aynı eser. S. 79—80.

«ulus». Но у каждого *ulus* был свой предводитель, каждый из которых, будучи по отцовской линии представителем правящей династии, имел свой удел; речь идет об «племенных беях»²²⁰⁸. Исходя из этого, все государства или *il*'и находились под властью одной семьи, все подданные семьи скотовладельцев были их «своего рода собственностью»²²⁰⁹. Также ввиду подвижного характера народа, подданные, люди, являлись главным имуществом. Однако тюрки, завоеывая новые территории, так или иначе, селились в городах, оседали, что выводило их на новый уровень государства. Чтобы удержать народ под своей властью, хакан стремился обеспечивать и кормить его. Так М. Зийя (Гёк Алп) интерпретирует призывы Бильге кагана не поддаваться китайскому влиянию. Но сам Бильге каган не мог создать централизованную империю ввиду того, что в тюркском обществе на этой стадии все правители *il*'ей были равны, поскольку имели равные права от рождения. Каган или хакан собирал их, беев племен, на пир или курултай и держал совет с ними; здесь же могло быть принято решение о свержении хакана. Это было нечто вроде римского сената. Однако, там могли принимать участие и женщины, к мнению которых тоже прислушивались: так, хакан обязательно принимал решения вместе с хатун²²¹⁰. При этом только хакан принимал послов от других государств, только хакан и хатун обладали статусом наместников Бога²²¹¹. После завоевания оседлых территорий тюрки переходили к новому уровню, создавая государства нового типа, где само тюркское воинство теперь являло собой правящий слой. Здесь осуществляется переход к новой стадии государства — *империя*²²¹².

Важное значение имела также близкая к этим статьям книга М. Зийя (Гёк Алпа) «Обычай тюрков» (1923), в которой на основе данных древнетюркских рунических надписей (в переводе В. Томсена) и словаря Махмуда Кашгарлы, ученый выясняет, что *töre* являет собой не только «закон», употребляясь в рунических текстах в паре *il* «государство», но «на самом деле, кроме правовых обычаев, это также религиозные и этические обычаи»²²¹³.

Тему дуализма ученый поднимает и в этой работе²²¹⁴. Здесь важен тот момент, что он обосновывает метафорическое обозначение *kara* для присоединившихся или покоренных племен. Так, в тюркском *il*'е к *ak* принадлежали именно *tekin*'ы и *hatun*, а к *kara* — их поддан-

²²⁰⁸ *Gökalp Z. Türklerde Milli İktisat Devreleri // Gökalp Z. Makaleler VIII / hazırlayan : F. Rağıp Tuncor. Ankara, 1981 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 388 ; Ziya Gökalp Dizisi : 18). S. 88—89.*

²²⁰⁹ Aynı eser. S. 89—90.

²²¹⁰ Aynı eser. S. 90—91.

²²¹¹ Aynı eser. S. 91—92.

²²¹² Aynı eser. S. 92.

²²¹³ *Gökalp Z. Türk Töresi / hazırlayan : H. Dizdaroğlu. Birinci basılış. İstanbul, 1976 (Kültür Bakanlığı ; Ziya Gökalp Yayınları : 6 ; I. Seri : 6). S. 11—13.* На этой основе ученый даже этимологизировал от *töre* слово *Türk*, интерпретируя его в значении «обладающий законом» (Аynı eser. S. 14). Ср.: *Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879. S. 79; Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Центральной Азии // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 39. См. теперь: *Bazin L. Notes sur les mots „Oğuz” et „Türk” // Oriens. 1953. Vol. 6. № 2. P. 318—322 (Переиздано в кн.: Bazin L. Les Turcs, des mots, des hommes / éd. M. Nicolas et G. Veinstein ; préf. J. Hamilton. Paris, 1994. P. 173—179).**

²²¹⁴ *Gökalp Z. Türk Töresi. S. 53 vd.*

ные²²¹⁵. При этом, как отмечает М. Зийя (Гёк Алп), у восточных тюрков аналогом для обозначения *ak* был *Gök*, поэтому «восточные тюрки бывших *il*'ем *Gök-Türk*, в то время как народ *Kara-Budun*, или *Kara-Kamık* называли»²²¹⁶. Обращаясь к дуальному разделению в самой работе о тюркской цивилизации, М. Зийя (Гёк Алп) обозначил следующие соответствия: *белая кость*, они были правителями и представляли собой аристократический слой, *черная кость*, они были подданными и представляли демократическое направление²²¹⁷. *İl* же подразумевал под собой «господство, власть»²²¹⁸.

В целом «для Тюркского иля быть феодальным, аристократическим и империалистическим — это новшества, ставшие следствием перенесенных болезней», — писал он²²¹⁹.

М. Зийя (Гёк Алп) первым пытался объяснить значения терминов *il* и *budun* по словарю Махмуда Кашгарлы. Он отметил для второго значения ‘народ’, ‘нация’ и указал на его разделение на «правую» и «левую» часть, т.е. *Töleş* и *Tarduş*. *İl* он интерпретировал через западно-огузское понятие *кочевой (göçebe)* как ‘белый народ’, или же *белая кость*, в противовес *ulus*, *оутак*, *gün*, т.е. *черная кость*. Из всех этих рассуждений М. Зийя (Гёк Алп) пришел к выводу о тождестве понятий: народ (*kavmî*) = этнический (*etnique*)²²²⁰. Специфически интерпретировав термин *öz*, ‘родственник’ у Махмуда Кашгарлы, он предложил схему эволюционного развития древнетюркского общества: сообщества родственников (*öz*) превращаются в племена (*aşîret*), которые теперь состоят из фратрий (*boy*), те — из родов (*sop*), но у огузов, по мнению ученого, *öz* остались в виде объединявшихся в *Ongun*, *Sünük*, *Mâbûdlar*; при этом фратрии (*boy*, они же *kabile*), у «гёктюрков»²²²¹ обозначались *oğuş*, которые уже объединялись в *il*²²²².

В итоге своих построений М. Зийя (Гёк Алп) сконструировал схему социальной организации древних тюрков: начиная с высших таксонов, *İl* (Medine) = город, *Öz* (Aşîret) = племя, *Boy* (kabile) = фратрия, *Sop* = род, *Soy* = родственники, *Pederî Âile* = отцовская семья, *İzdivâcî Âile* = супружеская семья; главное же заключение состояло в том, что *Türk İli* был «кочевнической го-

²²¹⁵ *Gökalp Z. Türk Töresi. S. 73—74.*

²²¹⁶ *Aynı eser. S. 75.*

²²¹⁷ *Gökalp Z. Türk Medeniyeti Tarihi / hazırlayanlar : İ. Aka, K.Y. Kopruman. İstanbul, 1976 (Kültür Bakanlığı I ; Ziya Gökalp Yayınları : 8. Seri : I, No : 8). Birinci kısım : İslâmiyetten Evvel Türk Medeniyeti. S. 80.*

²²¹⁸ *Aynı eser. S. 109.*

²²¹⁹ *Aynı eser. S. 62.*

²²²⁰ *Aynı eser. S. 166—167.*

²²²¹ Сочетание *kök türk* Хошо-Цайдамских надписей [КТб, 3; БК, X, 4] с подачи В. Банга многими представителями западно-европейской и турецкой историографии стало рассматриваться как этническое наименование (*Kök-Türken*, *Köktürken*, *Kök Türkler*, *Göktürkler* и т.д.) (Ср.: *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. С. 44 прим. 10; *Sinor D.* Some Components of the Civilization of the Türks (6th to 8th century A.D.) // *Altaistic Studies : Papers at the 25th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala, June 7—11 1982 / ed. G. Jarring, S. Rosén. Stockholm, 1985 (Konferenser / Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 12). P. 155).*

²²²² *Gökalp Z. Türk Medeniyeti Tarihi. S. 167—168.*

родской общиной»²²²³. Указание на отцовский характер семьи также является важным в исследованиях М. Зийя (Гёк Алпа)²²²⁴.

М. Зийя (Гёк Алп) опирался, в основном, на материалы мусульманских источников об огузах и османах, и его сопоставления не всегда были корректны, о чем писал позже и А.З. Велиди (Тоган), критикуя методику механического переноса теоретических социологических схем на исторический процесс²²²⁵. Тем не менее, сами попытки сопоставления данных письменных источников, этнографических данных, применения сравнительно-лингвистического метода, с привлечением новейших на тот момент разработок в социологии и этнографии, может считаться передовой методикой.

В этот период в связи с проблемой значения термина *огуз* может быть отмечена разгоревшаяся в 1925 г. полемика между Мехметом Фуатом (Кёпрюлю Заде), турецким историком, филологом, литературоведом, учеником М. Зийя (Гёк Алпа), и Садри Максуди (Арсалом), татарским юристом, общественным и политическим деятелем, первым президентом республики Идель-Урал, тогда еще совсем недавно по приглашению Ататюрка перебравшимся в Турцию²²²⁶.

В 1924 г. в третьем, мартовском, номере «Journal Asiatique» С. Максуди (Арсал) опубликовал статью «Хуэй-ху и уйгуры китайцев и монголов и огузы тюркских надписей Орхона» (s. 141—148), предварительно обсуждавшуюся 11 января этого же года на заседании Парижского Азиатского общества, где ученый, во-первых, интерпретировал племя *у-ху* или *у-хэ* китайских источников, отражающее тюркское звучание *уйгур*, как одно из названий племенного союза *токуз огуз*, а, во-вторых, впервые высказался за тождество слова *огур*, фигурирующего в названии болгарских племен в западных, — латинских и византийских, — источниках (*огуры*, *сарагуры*, *оногуры*, *утиугуры*, *котригуры*, и т.д.) и термина *огуз* древнетюркских надписей, обозначающих, по его мнению, «племенные союзы» и соответствующие китайскому *син* ‘род’, поскольку, например, древнетюркскому сочетанию *toquz oғuz* соответствовало китайское *цзю-син*, т.е. ‘девять родов’²²²⁷. Как заявил впоследствии С. Максуди (Арсал): «В тюркской истории нет огузских тюрков, а есть лишь тюркские огузы»²²²⁸.

Перевод этой статьи на турецкий язык был издан в 1925 г. в 7-м номере журнала «Türk Yurdu» (s. 27—37). После она вызвала критическую статью М. Фуата (Кёпрюлю) в первом же номере журнала «Türkiyat Mecmüası» (s. 322—326), главным редактором которого он сам и был.

²²²³ *Gökalp Z. Türk Medeniyeti Tarihi. S. 169.*

²²²⁴ *Aynı eser. S. 293—295, 326—327.*

²²²⁵ *Zeki Velidi Togan A. Tarihte Usûl. 3 üncü. bk. İstanbul, 1981 (Enderun Yayınları 9). S. 105—106.*

²²²⁶ См.: *Эрджиласун Б. Первые упоминания ... С. 140—142, 145; Aydın E. Cumhuriyet Döneminde Eski Türk Yazıtlarıyla İlgili Çalışmalar // Karaman, Dil, Kültür ve Sanat Dergisi. 2005. S. 207.*

²²²⁷ Цит. по: *Максуди Арсал С. Тюркская история и право / пер. с турецк. Р.Ф. Мухаметдинова; ред. М.С. Гатин, Б.Л. Хамидуллин. Казань, 2002. С. 314—320. См. также: Эрджиласун Б. Первые упоминания ... С. 141.*

²²²⁸ Цит. по: *Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 314.*

«Если говорить откровенно, — пишет Б. Эрджыласун, — то Фуад Кёпрюлю критиковал не столько мнение Садри Максуди, сколько задевал его лично. Кёпрюлю весьма пренебрежительно отозвался о предположении Максуди и заявил, что подобные утверждения ничего не стоят и почти каждый день появляются в посредственных газетах и журналах и не нуждаются даже в упоминании; данная же статья рассматривается лишь только потому, что она появилась в столь серьезном научном периодическом издании как “Journal Asiatique”», указав, что С. Максуди (Арсал) не видел книги В. Томсена и не знаком с ее выводами, хотя сам при этом дал неточное название статьи оппонента. В 14-м номере журнала «Türk Yurdu» того же года С. Максуди (Арсал) отметил невнимательность М. Фуата (Кёпрюлю), указав на упомянутую выше предварительную апробацию статьи на заседании Азиатского общества и более четко повторил свои аргументы (s. 218—231)²²²⁹.

М. Фуат (Кёпрюлю) имел в виду аналогичное указание в последней работе В. Томсена об обозначении словом *Oyuz* племени и его связи с формой *Oyur*²²³⁰, с той лишь разницей, что В. Томсен считал уйгуров одним из племен объединения огузов. Однако, как указал позже В.В. Бартольд, это не подтверждается найденной Г.Й. Рамstedтом Селенгинской надписью²²³¹. Но этот упрек в незнакомстве С. Максуди (Арсала) со статьей В. Томсена был несправедлив и даже некорректен еще и потому, что статья В. Томсена вышла в свет спустя шесть месяцев после первого издания статьи С. Максуди (Арсала), хотя и неизвестно, был ли он знаком с выводами С. Максуди (Арсала) или пришел к подобным заключениям самостоятельно²²³². Наиболее вероятен второй вариант, поскольку уже в 1896 г. В. Томсен нащупывал соответствие между этнонимами *уйгур* и *огуз*, еще не вдаваясь в их этимологию, уже обратив внимание на сочетание *toyozyor* мусульманских источников, соответствовавшее *тогуз уйгур*²²³³. Против подобных отождествлений выступал позже В.В. Бартольд²²³⁴. Однако сам С. Максуди (Арсал) не смешивал понятий *уйгур* и *огур*²²³⁵. Г. Шлегель переводил *цзю-син* китайских летописей как *Toqiz*

²²²⁹ Эрджыласун Б. Первые упоминания ... С. 141.

²²³⁰ Thomsen V. Alttürkische Inschriften aus der Mongolei in Übersetzung und mit Einleitung [Ausg. von H. Schaefer] // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, 1924. Bd. 78. S. 128—129; *Aynı müel*. Moğolistan'daki Türkçe Kitabeler // Türkiyat Mecmuası. 1935. Cilt III. S. 87.

²²³¹ Бартольд В.В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 580.

²²³² Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 320, 391 прим. 999.

²²³³ Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). P. 102, 147—148 not. 22.

²²³⁴ Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Бартольд В.В. Соч. Т. V. С. 459.

²²³⁵ См.: Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 320, 391—392 прим. 999.

Aimak ‘девять племен’²²³⁶. В.В. Бартольд и Ф. Хирт отождествили *цзю-син* с *toqiz oγuz* древнетюркских рунических текстов²²³⁷.

По-видимому, об этой же статье С. Максуди (Арсала) идет речь в письме Э. Валиди В.В. Бартольду от 14 апреля 1925 г.: «О статье Садри Максуди мне писали уже из Будапешта Хусейн Намык и Nemeth Юла. Я сам тоже присутствовал, когда он читал свой доклад. Минорский и Топчибашев мне объяснили по-русски то, что он говорил по-французски. После доклада я лично указал на Махмуд Кашгари, на книгу Маркварта о команах и на орхоно-уйгурскую надпись Моюн-чура (изд. Ramstedt.) и рекомендовал не печатать доклад, но он страшно обиделся. Вот теперь провалился. Теперь вышел турецкий перевод его статьи (“Тюрк Юрду”, № 6)»²²³⁸. По-видимому, ученый имел в виду, во-первых, то, что у Махмуда Кашгарлы уйгуры и огузы упоминаются как два совершенно разных этнонима, во-вторых, тот факт, что Й. Маркварт обращает внимание на упоминание у Рашид ад-Дина ат-Табиба легенды *токуз уйгур* и *он уйгур*, считая, что речь идет о племенах, являвшихся предками уйгуров и соответствовавших наименованию западных тюрков *Он оқ* ‘десять стрел’ или *Он Огуз* ‘десять огузов’ и объединению *Toqiz Oguz*²²³⁹, а также то, что Й. Маркварт первым отождествил этноним *’Ογώρ*, встречающийся у Феофилакта Симокатты [Theoph. Sym., VII. VIII. 6], с *Oguz*²²⁴⁰, в-третьих, равноправное упоминание в найденной Г.Й. Рамстедтом Селенгинской надписи терминов *иγγур* и *оγуз* в одной синтаксической конструкции *он иγγур тоқуз оγуз* ‘десять уйгуров [и] девять огузов’ [МШУ, 3 (= Сев., 3)]²²⁴¹.

Так или иначе, о критике своей гипотезы С. Максуди (Арсал) писал и в последующем²²⁴².

Как писала Б. Эрджыласун, «Садри Максуди подошел к изучению памятников с большим волнением и компетентностью. Он внимательно изучил издания В. Радлова и В. Томсена, очень много размышлял над памятниками, пытаясь решить ряд проблем в их текстах, и настаивал на доказательствах своей теории. Немаловажно отметить здесь, что не так важно, верными

²²³⁶ Schlegel G. Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun. Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. IX). S. 8, ср.: Ibid. S. 120, где *син* толкуется как ‘Stämme (*Aimak*)’.

²²³⁷ Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg, 1897. S. 24; Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen // Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge. St. Petersburg, 1899. S. 34—37, 136.

²²³⁸ [Валидов А.] [Приложения] Письма А. Валидова В.В. Бартольду / [пер. с турецкого А.Г. Салихова] // Салихов А.Г. Деятельность А. Валидова в России. С. 158. Ср., однако: Валиди Тоган А.З. Воспоминания ... Уфа, 1998. Кн. II. С. 242.

²²³⁹ Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Bang W., Marquart J. Ostturkische Dialektstudien. Berlin, 1914 (Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge. Bd. XIII. № 1). S. 35—36, 76.

²²⁴⁰ Ibid. S. 72.

²²⁴¹ Ср. выше замечание В.В. Бартольда, а также работы Ф. Ласло и К. Цегледи.

²²⁴² Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 318, 390 прим. 990.

или ложными были его гипотезы, важнее то, что размышления и комментарии других исследователей по этому вопросу стали появляться после публикаций Садри Максуди»²²⁴³.

В последующем разработки упомянутых авторов нашли отражение в новой турецкой историографии — республиканской историографии, в значительной мере повлияв на ее становление и развитие.

²²⁴³ Эрджиласун Б. Первые упоминания ... С. 145.

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПЕРИОД
(середина 20-х гг. XX в. — 1980-е гг.)

В Турции с установлением республики и необходимостью создания новой национальной идеологии развивается объяснимый интерес к историческому прошлому народа, истоки которого зародились, как мы показали выше, гораздо раньше.

Рассматривать такую проблему как социальная история Тюркского каганата в турецкой историографии невозможно изолированно от общих тенденций в турецкой исторической науке. Во-первых, потому что она никогда не выделялась специально, и внимание на этот аспект было обращено довольно поздно, зато ряд замечаний касательно хозяйства и общества «гёк тюрков» встречается в работах самых различных авторов; во-вторых, учет именно специфики работы этих авторов, а также необходимость проследить, как менялось восприятие древнетюркской эпохи в турецкой историографии, какие аспекты в какое время и почему рассматривались, требуют не только хронологической периодизации, но и выявления корреляции тех или иных историографических явлений с общими тенденциями, присущими турецкой исторической науке.

Ташансу Тюркер, писав о периодизации османской истории в республиканской историографии, по-видимому, следуя Х. Берктаю, выделил следующие этапы развития историографии: «1) начальный период существования республики — время негативного восприятия османского прошлого; 2) период подъема турецкого национализма в 1930-х — начале 1940-х гг. — время безразличного отношения; 3) последние годы Второй мировой войны и послевоенный период — время складывания более академического подхода к оценке османской истории; 4) период Второй республики (1960—1970-е гг.), прошедший под знаком влияния “Анналов” и марксизма; 5) период после военного переворота 1980 г. — утверждение “турецко-исламского синтеза”; б) последние годы XX в. и начало нового столетия — время постмодернизма». Выделенные хронологические отрезки, несмотря на то, что «данная схема достаточно условна», адекватно отражают этапы развития республиканской исторической науки в целом. При этом «ни одна из указанных парадигм полностью никогда не исчезала, но продолжала существовать в последующие годы», поэтому следует говорить «о кумулятивном (накапливаемом) эффекте изменений»²²⁴⁴.

В 20-е гг. XX в. первые работы ученых исполнены антизападными, антиимпериалистическими и антифеодальными настроениями. При этом президент Мустафа Кемаль (Ататюрк)

²²⁴⁴ Тюркер Т. Османская империя в современной турецкой историографии // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2007. № 2. С. 41. См.: *Berktaş H. Tarih Çalışmaları*. S. 2474.

утверждал об исконно демократическом характере исторических тюркских правителей, а племенная конфедерация «гёк тюрков», «огромное турецкое государство» рассматривалось именно как «государство»²²⁴⁵. В первые годы республиканской историографии мы видим лишь отдельные работы, мимоходом касающиеся истории Тюркского каганата в общем контексте тюркской (в данном случае — турецкой истории): Неджип Âсым, Ризâ Нур, М. Фуат (Кёпрюлю) и др.²²⁴⁶. Большую роль на первых порах сыграли взгляды Й. Акчуры²²⁴⁷. Тем не менее, вышедшая в 1923 г. «История Турции...» М. Фуата (Кёпрюлю) излагала новую концепцию турецкой истории от древнейших времен до образования республики через непрерывный процесс истории ряда государств, сводящийся лишь к смене династии, нашедшую наиболее полное, — и даже гипертрофированное, — развитие в 14-томной «Истории Турции...» Ризâ Нура²²⁴⁸, пропитанной, однако, идеологизированными туранистскими идеями²²⁴⁹.

Концептуальная работа М. Фуата (Кёпрюлю) «История Турции...» содержала лишь краткий очерк истории *ту-цзюэ* и самые общие декларативные сведения о древнетюркском государстве (*il*) во главе с монархом-хаканом²²⁵⁰. Важно здесь также замечание, что характер объединений тюркских племен под единым именем часто имел не этническую, а политическую основу²²⁵¹. Но, обосновывая социальную эволюцию тюрков от кочевого образа жизни в Центральной Азии до оседлых феодальных институтов сельджуков, М. Фуат (Кёпрюлю) исходил из суждений Й. Акчуры об организации кочевых тюрков и следовал схеме Ф. Энгельса; при этом даже ислам у тюрков в его интерпретации был «тюркским исламом», понимание которого было основано на традиционных культурных институтах тюрков²²⁵².

Особенности новой традиции отметил посетивший Турцию в августе 1925 г. А.Н. Самойлович, писавший В.В. Бартольд в письме от 27 сентября того же года следующее: «Для меня было новостью ограничение “турчизма” [т.е. тюркизма — *Авт.*] кругом турецких только народов и популярность теории о принадлежности турецких народов не к монголоидам,

²²⁴⁵ *Berktaş H., Ödekan Â, Hassan Ü. Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 51.*

²²⁴⁶ *Berhümmat A.H. Социально-экономический строй ... 1946. С. 29, 85; Berktaş H., Ödekan Â, Hassan Ü. Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 43, 48, 51—54.*

²²⁴⁷ *Berktaş H. Tarih Çalışmaları. S. 2460.*

²²⁴⁸ *Eroğlu H. Mustafa Kemal Atatürk'ün Tarih Anlayışı İle İlgili Bazı Görüşler // Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi. 2002. S. 81.*

²²⁴⁹ *Avcıoğlu D. Türklerin Tarihi. İstanbul, 1978. Birinci Kitap. S. 27. Хотя работа и содержала несколько незначительных социологических выкладок в разделе о периоде Тюркского каганата (*Rizâ Nur. Türk tarihi : resimli ve haritalı. İstanbul, 1342/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 54). Cilt 1. S. 111—113*), но, в целом, книга не имеет научного значения (*Birinci A. RIZA NUR // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2003. Cilt 35. Resûlîler — Sak. S. 66*). Вообще эта работа во всей полноте отразила новую концепцию истории Турции и тюрков в целом, задав линию, оказывающую влияние на турецкую историографию до сих пор, в отличие от османской историографии, возводя историю турецкого (анатолийского) народа к центральноазиатским истокам.*

²²⁵⁰ *Köprülü M.F. Türkiye tarihi : Anadolu istilâsına kadar Türkler / hazırlayan M. Hanefi Palabıyık. Ankara, 2005. S. 78—81, 90—91.*

²²⁵¹ *Aynı eser. S. 3—4.*

²²⁵² *Berktaş H. Tarih Çalışmaları. S. 2467—2468; Berktaş H., Ödekan Â, Hassan Ü. Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 54—56.*

а к белой расе. Замечается уклонение некоторых турчистов от мечтательного идеализма к реальному материализму (Акчурин), как правильно, по-видимому, объясняется — под русским влиянием; дело сводится к признанию крупной роли в судьбе народов экономического фактора. Кёпрюлюзаде выявляется весьма продуктивным исследователем и выдающимся организатором»²²⁵³.

Заслуга М. Фуата (Кёпрюлю) не только в том, что он заложил методологическую основу для новой школы, но и в том, что он, развивая идеи своего учителя М. Зийя (Гёк Алпа), сумел провести единую линию от исторических периодов тюркской истории, связанных с Центральной Азией и кочевническим бытом, к анатолийскому мусульманскому периоду²²⁵⁴, которая актуальна и по сей день²²⁵⁵.

Так или иначе, здесь важно отметить то, что именно с этого времени турецкая историография обретает свое главное свойство, присущее всем последующим работам турецких историков, а именно — «*тюркский (= турецкий) народ*» (*Türk milleti*) *занимает место субъекта исторического процесса*²²⁵⁶.

Подъему уровня изучения истории Центральной и Средней Азии способствует посещение страны такими фигурами как В.В. Бартольд, В. Эберхард и Л. Расоньи²²⁵⁷. Значительный вклад в развитие молодой республиканской исторической науки внесли и представители наиболее прогрессивной тюркской интеллигенции, эмигрировавшие из России; это были люди, в основном, татарского, такие как Йусуф Акчур, Садри Максуди (Арсал), Акдес Нимет (Курат) (до эмиграции — А. Нигметов), Рашит Рахмети (Арат) (до эмиграции — Р.Г. Рахматуллин), Саадет Шакир (Чагатай) (дочь великого просветителя Гаяза Исхаки), Ахмет Темир²²⁵⁸, башкирского, —

²²⁵³ Цит. по: Александр Николаевич Самойлович : научная переписка, биография / сост., автор статей и биографии Г.Ф. Благова. М., 2008. С. 154, письмо № 60.

²²⁵⁴ *Palabıyık M.H.* Ord. Prof. Dr. Mehmed Fuad Köprülü, İlmî Hayatı ve ‘Türkiye Tarihi’ Adlı Eseri Münasebetiyle Tarih Anlayışı // Atatürk Dergisi. 2003. Cilt III. Sayı 3. S. 14—15.

²²⁵⁵ *Berktaş H.* Tarih Çalışmaları. S. 2469.

²²⁵⁶ Определенную роль сыграл здесь и тот факт, что после принятия анатолийским народом нового самоназвания *Türk* в турецком языке произошло слияние, повлекшее фонетическое и, следовательно, семантическое неразличение термина с обобщающим родовым лингвистическим значением (рус. *тюркский*, англ. *Turkic*) и термина с видовым этнолингвистическим значением (рус. *тюрк*, англ. *Turkish*), хотя, определенно, их фонетическое различие между собой в русском и западных языках искусственно (*Благова Г.Ф.* Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 135, 137—138). Тем не менее, слияние в одном термине обозначения языковой группы и обозначения нации стирает грань в восприятии их как двух отличных, равноуровневых явлений и концентрирует внимание на более узком значении, что, безусловно, способствует формированию своеобразного отношения у представителей *турецкой нации* к другим народам *тюркской языковой группы*: везде, где речь идет о *Türk*, это, независимо от контекста, ассоциируется, прежде всего, с национальным. Таким образом, республиканская историография уже изначально формировалась как *националистическая*.

²²⁵⁷ *Türkoğlu İ.* Central Eurasian Studies in Turkey (1985—2002) // Research Trends in Modern Central Eurasian Studies (18th—20th centuries) : a Selective and Critical Bibliography of Works Published Between 1985 and 2000 / ed. by Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu. Tokyo, 2003 (Toyo Bunko Research Library 3). Part I. P. 102.

²²⁵⁸ Последние трое, будучи в свое время учениками В. Банга, фактически стали основателями тюркской филологии в Турции (*Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3). P. 25—26).

Ахмет Зеки Велиди (Тоган), Абдюлькадир Инан (до эмиграции — Ф.М. Сулейманов), — происхождения, азери тюрк Ахмет Джафероглу и др.

В докладе Айше Афет ханым (Инан), приемной дочери М. Кемаля (Ататюрка), на Первом Турецком историческом конгрессе (1932 г.), «Общий взгляд на историю Средних веков», история Тюркского каганата бегло изложена в самых общих чертах. Для докладчика очевидно, что причиной гибели государства стало его разделение. Она отмечает, что мы имеем дело с федерацией независимых и бейликов и ханств, но все социальные процессы истолковывает исключительно с позиций волюнтаризма²²⁵⁹. История Тюркского, Тюргешского, Карлукского и Уйгурского каганатов представлена в сборнике «Tarih» («История»)²²⁶⁰. Государственному устройству Тюркского каганата посвящен лишь один абзац. Он охарактеризован как нецентрализованное, феодальное государство, конфедерация независимых племен, от крупных предводителей которых зависела власть кагана²²⁶¹.

В 30-е — 50-е гг. XX в. начинают регулярно появляться отдельные исследования по древнетюркским руническим памятникам²²⁶².

В 1938 г. вышла статья М. Фуата (Кёпрюлю) о древнетюркской титулатуре, где им также было высказано свое мнение о характере древнетюркского общества: «Вопреки мнению Бартольда и других ученых, которые следуют за ним, мы убеждены в том, что как все древнетюркские государства, так и государство Караханидов имело исключительно аристократическую, но не демократическую организацию»²²⁶³.

Наиболее важны в этот период взгляды других специалистов, отразившие связанную с различиями традиций вариативность подходов к тюркской истории.

В статье о титулатуре тюркских и уйгурских каганов А. Джафероглу на основе анализа изменений элементов титулатуры пришел к выводу об эволюции государств тюрков: первый каганат *ту-цзюэ* представлял собой типичное кочевническое государство, отличное от государств в современном понимании (это А. Джафероглу подчеркивает особо), так же как второе государство в самом начале. В эти периоды правители отдельных подразделений только организовывали государства, о чем говорят их титулы (*El kağan*, *Elteriş kağan*). В то же время в титулатуре последних каганов второго государства и уйгурских каганов видится китайское влияние. Каганы получали титулы не после избрания, а от китайских императоров. Это позволяет

²²⁵⁹ Birinci Türk Tarih Kongresi / Maarif Vekâleti ve Türk Tarihi tektik Cemiyeti tarafından tertip edilmiştir. Birinci bin. İstanbul, 1932. S. 422—423.

²²⁶⁰ Tarih. İstanbul, 1933. [Cilt] II. Ortazamanlar. S. 44—51, 52—54, 55—56, 57—60.

²²⁶¹ Aynı eser. S. 49.

²²⁶² Aydın E. Cumhuriyet Döneminde Eski Türk Yazıtlarıyla İlgili Çalışmalar. S. 205—211

²²⁶³ Köprülü M.F. Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur // Körösi Csoma Archivum. Leiden, 1967. Vol. I. 1935—1939. S. 338.

говорить о значительной роли внешнеполитического фактора в развитии государственности кочевников²²⁶⁴.

А. Джафероглу принадлежит также исторический очерк в связи с памятниками древнетюркской рунической письменности²²⁶⁵, демонстрирующий, что в понимании социальной жизни кочевников он во многом следовал за В.В. Радловым²²⁶⁶. Соответственно, А. Джафероглу отмечал следующие ступени социальной организации: *süyük*, основанный на родстве, и *klan*, базировавшийся на политическом и социальном единстве, а также на общей хозяйственной деятельности²²⁶⁷; эти две единицы имели стабильные наименования; затем *aymak*, образовывавшийся при завоевании одним кланом остальных и дававший всему объединению свое имя; и затем — объединение таких племен, создававших государство, *il* или *ulus*²²⁶⁸. Так, одно лишь племя *Türk* дало имя всему объединению²²⁶⁹. В интерпретации социальных процессов в гёктюркском государстве и внутренней критике орхонских текстов А. Джафероглу следует за А.Н. Бернштамом, говоря изначально о демократических устоях, усилившейся затем феодальной аристократии, стремлении кагана объединить все племена в единый «el»²²⁷⁰.

А.З. Велиди (Тоган), которого чешский востоковед Карл Ян справедливо считал последним представителем русской исторической школы (*Central Asiatic Journal*. 1970. Vol. 14. № 4. P. 309—310)²²⁷¹ (с точки зрения методологии), оставил две важных работы: во-первых, это ставший его докторской диссертацией труд по изданию комментированного перевода записок о путешествии Ахмеда Ибн Фадлана по им же открытой Мешхедской рукописи (1939), где большое значение имеет, прежде всего, обширный исторический комментарий²²⁷²; во-вторых, это фундаментальная обобщающая работа «Введение во Всеобщую историю тюрков», которой вышла лишь первая часть (1946)²²⁷³. Ученый исходил из понимания общности материальной, духовной и политической культуры тюркских и монгольских кочевников, относившихся, во-первых, к алтайской языковой семье, во-вторых, взаимодействовавших друг с другом на протя-

²²⁶⁴ *Caferoğlu A. Tukyü ve Uygurlarda Han Unvanları // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası*. 1931. Cilt 1. S. 116—117.

²²⁶⁵ *Caferoğlu A. Türk Dili Tarihi*. Cilt I. S. 103—110.

²²⁶⁶ Aynı eser. S. 56 vd.

²²⁶⁷ Здесь, по-видимому, влияние книги Б.Я. Владимирцова, у которого ср. здесь соответственно *obox* и *yasun*.

²²⁶⁸ Aynı eser. S. 57—58.

²²⁶⁹ Aynı eser. S. 102—103.

²²⁷⁰ Aynı eser. S. 103—107.

²²⁷¹ См.: *Baykara T. Zeki Velidi Togan*. Ankara, 1989 (*Türk Büyükleri Dizisi* : 110). S. 64—65.

²²⁷² *Zeki Validi Togan A. Ibn Faḡlān's Reisebericht*. Leipzig, 1939 (*Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes*. Bd. XXIV. Nr. 3). S. 104—331.

²²⁷³ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş*. İstanbul, 1946. Cild 1. En Eski Devirlerden 16. Asra Kadar (Tarih Araştırmaları. № 2. Cild 1). Книга частично переведена на баш. яз.: *Вәлиди Туган Ә. Төрки тарихына инеш // Ватандаш*. 1999. № 1. С. 130—150; № 2. С. 76—96; № 3. С. 149—161; № 4. С. 118—134. Наброски этой книги он начал делать уже в 1927—1928 гг. (*Baykara T. Zeki Velidi Togan*. S. 18).

жении всей своей истории²²⁷⁴. Он широко применял сравнительно-исторический и сравнительно-этнографический методы.

В комментариях к переводу сочинения Ибн Фадлана А.З. Велиди (Тоган) затронул проблему государственных институтов булгар и хазар, для анализа которых обращался и к «кёктюркскому» материалу²²⁷⁵. Ученый писал о «четырёхчастной системе устройства государственного управления», будь то четыре племени или четыре удела²²⁷⁶, находя ее и у кёктюрков [Men. Fr., 18]²²⁷⁷. Он связывал ее с идеей мирового господства — господства над четырьмя сторонами света²²⁷⁸. Над четырьмя частями империи или во главе племен ставятся представители правящего дома²²⁷⁹. А.З. Велиди (Тоган) специально отмечал такое явление как возрастное старшинство при наследовании, выражавшееся в порядке занятия престола от старшего брата к младшему брату, а если это невозможно, то к старшему сыну старшего брата, или к сыну брата²²⁸⁰.

Кроме того, в тюркских государствах А.З. Велиди (Тоган) находил разделение ветвей власти, согласующееся с идеями Аристотеля и Ибн Сина, отраженное в наличии в государственном аппарате уполномоченных людей, ведавших внутренней политикой, внешней политикой и хранителей сакральной власти²²⁸¹. На этой основе ученый писал о существовании «тройственной системы» земельного или племенного управления, это был первичный этап четырехчастной системы. Она складывалась следующим образом: три князя старшего поколения оставались с каганом (т.н. *ič el*), когда четыре брата младшего поколения рассылались по четырем землям (*diš el* или же *taš el*) (ср. дастан об Огуз кагане)²²⁸². Это, конечно, противоречие.

В этом же контексте важно указание А.З. Велиди (Тогана) на систему соправительства, притом что каган у тюрков и хазар являлся в известной степени патриархом своего народа²²⁸³. Существовал также своеобразный вице-король²²⁸⁴, который не принадлежал к правящей династии²²⁸⁵, ср., например, у Караханидов, хакана (*Elik*) и управляющего (*Yuğruš*)²²⁸⁶. Однако, он

²²⁷⁴ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 64—65.* См. также: *Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 36.* Ученый указывает на первичность монголоидного антропологического облика у древних тюрков, конструктивно критикуя альтернативные теории (*Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 9—10, 383—384 dipnot 6; Велиди Туган Э. Тюрки тарихына инеш ... № 1. С. 137—138, 145—146 искәртү 6.*)

²²⁷⁵ Ср., напр., его: «Титул *эльтебер*, судя по времени кёктюрков, по-видимому, давался наследственным предводителям отдельных народов, в то время как лично назначенный губернатор носил титул *буйрук* „распорядитель“» (*Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 106, на S. 140—141* про титул *Yabgu*).

²²⁷⁶ *Ibid. S. 155—158.*

²²⁷⁷ *Ibid. S. 156.* См.: *Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris, 1903. P. 235.*

²²⁷⁸ *Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 157—158.*

²²⁷⁹ *Ibid. S. 158.*

²²⁸⁰ *Ibid. S. 184—185.*

²²⁸¹ *Ibid. S. 262.* Здесь использована также статья С.П. Толстова (ВДИ. 1938. № 1(2). С. 79).

²²⁸² *Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 262—263.*

²²⁸³ *Ibid. S. 253, на S. 272* он прямо ссылается на работу А. Альфельди, которого на S. 292—293 критикует за то, что тот считал соправительство универсальным институтом для всех примитивных народов.

²²⁸⁴ *Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 256.*

²²⁸⁵ *Ibid. S. 273.*

мог быть зятем²²⁸⁷. Это был один из заместителей, отвечающий именно за исполнительную власть²²⁸⁸.

А.З. Велиди (Тоган) исходил из представления, что во главе всех тюркских и монгольских государств стояли представители одного рода, одной династии Асена²²⁸⁹, которую он, кроме собственно кёктюрков²²⁹⁰, находил у тюргешей, басмылов и *ша-то*²²⁹¹. Он называет их Хаканидами, считая, что они сформировали «особую касту» «белой кости» (*aq sөyek*)²²⁹². Опираясь на то, что потомки Чингисхана звались у казахов *Törö*, как именовалось и «обычное право»²²⁹³, А.З. Велиди (Тоган) нашел подтверждение мнению, что они выполняли судебные функции, и, следовательно, мнению, что каган был ответственен за справедливость, а его заместитель (Elbek) — за мощь государства²²⁹⁴. Кроме того, каганы совмещали жреческие функции²²⁹⁵. Но, поскольку в сознании масс формировался идеальный образ кагана, любой из представителей династии, достигший власти, даже будучи прежде рядовым членом общества, должен более не иметь контактов ни с простым народом, ни с представителями отдельных племен, чтобы его приговоры не вызывали сомнений в пристрастности²²⁹⁶. Это качество воспевается в эпосах, наравне с успешной военной и политической деятельностью²²⁹⁷.

При этом А.З. Велиди (Тоган) отмечал и такое свойство, как «абсолютная покорность народа» правителю²²⁹⁸, объясняя это не гением отдельного правителя, а тем, что «эта дисциплина общества кочевников Центральной Азии заключена в их природе и обусловлена образом их жизни»²²⁹⁹.

Он отметил также и тот момент, что любая группа, входившая в состав объединений кочевых тюрков или монголов, «полукочевых» кёктюрков (*так!*), или хазар, была достаточно свободна²³⁰⁰. А.З. Велиди (Тоган) говорил о зарождении у кочевников свободы личности. Ин-

²²⁸⁶ Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 257.

²²⁸⁷ Ibid. S. 274.

²²⁸⁸ Ibid. 258—259, 261—262.

²²⁸⁹ Ibid. S. 268—269, 275.

²²⁹⁰ Ibid. S. 270.

²²⁹¹ См.: Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux. Paris, 1903. P. 43, 220, 309 (о западных тюрках), 305 (о восточных тюрках).

²²⁹² Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 273, 274. Он даже пытался обосновать тюркскую этимологию названия рода Чингисхана (Ibid. S. 274), которого всегда рассматривал «как основоположника общего для тюрков и монголов государства, как общего героического предводителя двух народов» (Валиди Тоган А.З. Воспоминания ... Кн. II. С. 284).

²²⁹³ Ср.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden, 1963. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen (Akademie der Wissenschaften und der Literatur : Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). S. 267.

²²⁹⁴ Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 273.

²²⁹⁵ Ibid. S. 276—279.

²²⁹⁶ Ibid. S. 279—282.

²²⁹⁷ Ibid. S. 282—285.

²²⁹⁸ Ibid. S. 285.

²²⁹⁹ Ibid. S. 286.

²³⁰⁰ Ibid. S. 287.

дивид был втянут в социальную организацию, составляемую «политически ведущим племенем», где его племя было либо главенствующим, либо подчиненным; он не имел права свободного передвижения только в периоды критического напряжения в обществе, будучи связанным со своим племенем, которое составляло ядро воинского подразделения. Ученый жестко критиковал попытки ученых (особенно в России) видеть в кочевнических обществах феодальные общества, с элементами рабства. Он специально оговаривался, что если термин «феодальная система» и применим, то только в периоды социальной напряженности, и вплоть до XVII в. здесь вообще не может идти речи о «классах феодалов и крепостных»²³⁰¹. Вместе с тем признавая, что в монгольский период социальные условия в степи изменились, А.З. Велиди (Тоган), тем не менее, не сомневался в общих принципах внутренней организации монголов и хазар, и, видимо, остальных тюрко-монгольских народов, хотя прямо поставил вопрос о необходимости изучения «основ и трансформации их социальной структуры и государственной организации» на протяжении всего исторического периода с целью получения возможности выявления его закономерностей в общеисторическом контексте²³⁰². Общность политических традиций он отмечал и у северо-западных и у центральноазиатских тюрков²³⁰³.

Дисциплина и равенство сближали тюрко-монгольские общества с первобытной общиной, все изменилось в X в., с принятием ислама, когда власть, под влиянием новых культурных веяний стала отрываться от народа и возымела более деспотический характер, при этом древнетюркские государственные традиции управления до поры сохранялись, но после сошли на нет, и последовало проникновение традиционных для оседлых обществ институтов²³⁰⁴.

Во «Введении во всеобщую историю тюрков» А.З. Велиди (Тоган) также уделил некоторое внимание орхонским тюркам²³⁰⁵. Он отмечал важное историческое значение для тюркской истории периода VI—VII вв., связанного с подъемом Тюркского каганата²³⁰⁶, объединившего огромное территориальное пространство, различные культуры²³⁰⁷. Сам Тюркскому каганату он уподоблял Хазарский каганат, указывая, что оба они основаны силами одного племени²³⁰⁸; их обоих он считал государствам типа феодальных федераций, где каган имел свою ставку, а рядом существовал целый ряд полунезависимых племенных правителей, к которым он относил буйруков, тутуков, тудунов и т.д.²³⁰⁹ При этом хакан выполнял шаманские обряды²³¹⁰.

²³⁰¹ *Zeki Validi Togan A. Ibn Faḍlān's Reisebericht. S. 288—289.*

²³⁰² *Ibid. S. 289.*

²³⁰³ *Ibid. S. 295.*

²³⁰⁴ *Ibid. S. 289—290.*

²³⁰⁵ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 42—43, 68—72; Велиди Туган Ә. Төрки тарихына инеш ... № 3. С. 156—157. Известна также его работа «Göktürk Kaganlarının siyâsi tarihi», изданная в выпусках 10—15 журнала «Orkun» за 1943 г. (См.: *Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 85, № 147.*)*

²³⁰⁶ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 99.*

²³⁰⁷ *Aynı eser. S. 48; Велиди Туган Ә. Төрки тарихына инеш ... № 4. С. 121—122.*

²³⁰⁸ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 98.*

²³⁰⁹ *Aynı eser. S. 52; Велиди Туган Ә. Төрки тарихына инеш ... № 4. С. 125.*

Важной в его работе была сама концепция развития тюрко-монгольских государств. Говоря об их миграциях, ученый выделял два явления: завоевание, проявлявшееся в спланированных походах, и распространение (или расселение), носившее случайный характер²³¹¹. Вся история орхонских тюрков была связана именно с первым, заключавшимся в стремлении включить под свой контроль другие племенные группы, управление которыми в дальнейшем осуществлялось из коренного центра²³¹². Важной чертой тюрко-монгольских образований была «простая и гибкая организационная система», основанная на обычном праве («tügü»), главенстве рода, разделении государства на четыре части²³¹³. Так или иначе все попытки А.З. Велиди (Тогана) выявить здесь общую для тех или иных тюрко-монгольских государств закономерность основаны на формальном привлечении частных фактов и разбиваются, как показал В.В. Трепавлов, при попытках сравнительного анализа²³¹⁴.

По мысли А.З. Велиди (Тогана), тюрки и монголы, завоеывая очередную территорию, основывали на ней свой порядок, органично адаптируя институты местных оседлых народов под свою систему. Речь идет о т.н. системе пожалований (ülüş)²³¹⁵. Одним из видов которых было военное пожалование (вроде *икта*), напоминающее феодальные уделы; указания на такие уделы он находил и у гектюрков и тюргешей (718 г., пожалование китайцами Су-лу)²³¹⁶.

Далее, по мнению А.З. Велиди (Тогана), создается развитое политическое объединение с дуальной организацией власти и последующим образованием многоуровневой социальной структуры и развитием имущественной дифференциации, ведущей к отделению власти от народа (у древних тюрков «karabudun»). Такая система действует в течение 4—6 поколений (100—150 лет), постепенно происходит разделение государства на ряд земельных владений, принадлежащих как правящей семье, так и племенным вождям. Это приводит правящую семью к конфликту с племенными вождями. Начинающиеся противоречия среди знати (беги), а также между ханом и знатью приводят к распаду государства, что может считаться прогрессивным процессом для развития общества. Если племенные вожди побеждают, это влечет новые усобицы и новую борьбу за престол, в ходе которой вырабатываются новые нормы взаимодействия и новый порядок, и в результате которой появляется новый хан²³¹⁷. Затем появляется институт

²³¹⁰ Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 50; Велиди Туган Ә. Төрки тарихына инеш ... № 4. С. 124.

²³¹¹ Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 100, 140—143.

²³¹² Aynı eser. S. 101, 103—105.

²³¹³ Aynı eser. S. 106—109.

²³¹⁴ Трепавлов В.В. Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // Mongolica : К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 178—179; Его же. Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 22—23.

²³¹⁵ Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 277 vd.

²³¹⁶ Aynı eser. S. 280, 457 dipnot 536. См.: Chavannes E. Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux // T'oung Pao. 1904. Ser. II. T. V. P. 36.

²³¹⁷ Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 288—289; Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 178.

наместничества, направленный на централизацию государства, и развиваются новые социальные отношения, характерные для оседлых обществ²³¹⁸.

Несмотря на то, что А.З. Велиди (Тоган) всегда старался избегать методологического детерминизма, он в духе образования, полученного в свое время, придерживался эволюционистских позиций²³¹⁹. А.З. Велиди (Тоган) не разделял некоторых мыслей В.В. Бартольда, считая, что тот несправедливо критиковал Л. Кауна. А.З. Велиди (Тоган) отмечал противоречие у него самого в том, что, говоря об общих законах истории для всех народов, он рассматривал тюрков лишь только как кочевников, фактически отказывая им в развитии²³²⁰. А.З. Велиди (Тоган) считал, что «при всей прогрессивности взглядов, Бартольд воспринял точку зрения Радлова на род как биологический организм со свойственными ему перманентными процессами активности и затухания»²³²¹, т.е. он фактически выступил против циклического восприятия истории тюрков, хотя, по-видимому, в целом не отрицал взглядов В.В. Радлова на кочевников²³²². Сам же он указывал, что «история тюрков не представляет собою лишь историю кочевых племен, хотя самыми деятельными кругами были кочевники»²³²³. При завоевании кочевниками оседлого общества, они не растворяются, а создают новую систему взаимодействия двух экономических укладов²³²⁴. Ученый поддерживал идею о существовании тюркского и монгольского феодализма как системы, развивавшейся из внутренних свойств кочевнического общества (к полукочевому, а затем — преемственно до военно-административных систем государств Ильханов и Османов), но он не разделял концепции О. Латтимора (см. выше) о внешнеполитических факторах влияния²³²⁵.

Важным, несмотря на чрезмерную идеализацию тюрков и лично необъективные негативные суждения о монголах, может считаться и труд С. Максуди (Арсала) «Тюркская история и право» (1947)²³²⁶, посвященный важным вопросам общества и права доисламских тюрков. Он дал также краткий очерк политической и дипломатической истории Тюркских кагана-

²³¹⁸ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 292—293.*

²³¹⁹ *Zeki Velidi Togan A. Tarihte Usûl. S. 8—9, 14, 107—111, 144—145; Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди (в памяти своих современников). Уфа, 2000. С. 182.*

²³²⁰ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 289—290; Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 180—181.*

²³²¹ *Султанова А.А. Социально-антропологическая тематика в трудах ... С. 63; Ее же. Социально-антропологическая тематика в научном наследии ... С. 16—17. См.: Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 290; Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 181—182. Он критиковал В.В. Радлова за то, что тот использовал для своих построений лишь материал южносибирских и некоторых центральноазиатских тюрков того периода, когда они не имели развитого государства (*Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlân's Reisebericht. S. 291—292*).*

²³²² А.З. Велиди (Тоган), например, не отрицал выводов В.В. Радлова об аульной системе (Aul-System), подкрепляя их ссылкой на работу Н.И. Гродекова (*Ibid. S. 20 Anm. 4*). Критику В.В. Радлова см.: *Ibid. S. 291—292.*

²³²³ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 291. Ср.: Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 182.*

²³²⁴ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 292; Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 182—183.*

²³²⁵ *Zeki Velidi Togan A. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild 1. S. 292, 460—461 dipnot 626^b; Özbek N. Zeki Velidi Togan ve "Türk Tarih Tezi" // Toplumsal Tarih. 1997. Cilt 8. Sayı 45. S. 25.*

²³²⁶ Впервые книга была напечатана под названием «История тюркского права» арабским шрифтом в конце 1928 г., явившись результатом работы над одноименным курсом, который с 1925 г. ученый основал в университете Анкары. В 1947 г. вышло дополненное и расширенное издание.

тов²³²⁷. Ученый обратился к изучению социальной структуры, общественной и политической организации этих образований, привлекая достаточно широкий источниковый материал и фактически все основные европейские исследования. Как отметил в своей историографической статье Муртеза Бедир, работа С. Максуди (Арсала) остается единственной попыткой столь всестороннего исследования права тюрков домусульманского периода, с тех пор никем более ничего подобного не делалось²³²⁸.

Социальную историю тюрков С. Максуди (Арсал) так же рассматривал с эволюционистских позиций. Важно учитывать, что в основе понимания истории тюркского права у ученого лежало представление о единой линии эволюции права от тюркских племен Средней Азии до правовых систем сельджуков и османов²³²⁹. При этом он утверждал, что «уже в свой самый древний период культура тюрков поднялась на значительно высокий уровень», и что «тюрки являются нацией (миллет), обладающей довольно высокой национальной культурой»²³³⁰. На Четвертом Турецком историческом конгрессе в 1948 г. С. Максуди (Арсал) также выступил с докладом, где попытался обосновать идентичность родо-племенной организации тюрков с организацией древних греков, римлян и германцев²³³¹.

До образования государств тюркские народы представляли собой племенные союзы. При этом ученый оговаривается, что «слово “племя” не имеет точного смысла потому, что племенем часто называются и роды, и оймаки, и аширеты (кочевые племена), поэтому для того чтобы более четко выделить существенные черты и элементы племенных союзов, мы будем употреблять далее тюркские термины». Он предложил следующую схему: семья, затем род, именованный у тюрков «огуш» и «уруг», более высшим звеном был «оймак», объединение нескольких оймаков называлось «ок», те объединялись в «оклар» или «огуз»²³³². Далее ученый уточнял, что «первоначальным социальным ядром у тюрков был “uug”, то есть род»²³³³, в другом месте указывая, что «семья в широком смысле слова называется “uug”: Семью же в узком смысле, то есть семью, состоящую из отца, матери и детей, древние тюрки называли “törkün»»²³³⁴. Это, по-видимому, связано с тем, что древнетюркскую семью он рассматривал как

²³²⁷ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 190—194, 194—200, 201—203, 203—205, 205—208, 208—210, 236—249.

²³²⁸ Bedir M. Osmanlı Öncesi Türk Hukuk Tarihi Yazıcılığı // Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi. 2005. Cilt 3. Sayı 5. Türk Hukuk Tarihi. S. 33

²³²⁹ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 28—29.

²³³⁰ Там же. С. 34.

²³³¹ Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla Kadim Yunanlıların genos-fratria teşkilâtında ve Kadim Romanların gens-curia teşkilâtında hakim olan esasların ayniyetine dair // IV. Türk Tarih Kongresi, Ankara 10—14 Kasım 1948. Kongreye sunulan tebliğler. İstanbul, 1952 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından IX. Seri — No. 4). S. 109—124.

²³³² Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 198. Ср.: Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 109.

²³³³ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 33.

²³³⁴ Там же. С. 39, 322 прим. 33.

патриархальную²³³⁵. С. Максуди (Арсал) считал «оймак», «бой», «аймак» ступенью социальной организации, стоящей между родом («уруг», «огуш») и племенным союзом («ок»), считая значение термина, а также аналогичных ему «бой» и «аймак», тождественным латинскому *curia* и греческому *phratria*²³³⁶. В другом месте он также пишет: «Мы используем здесь слова “soy” (род), “оумак” (племя) и “ок” (племенной союз) как равнозначные латинским словам “gens” (объединение семей), “curia” и “tribu”»²³³⁷.

Из патриархальной семьи, бывшей «первой ступенью цивилизационного развития и первой предпосылкой дальнейшей эволюции», появились роды, поскольку «естественный результат патриархата — родовой строй». По мере объединения, разрастания и дробления родов появились племена. Борьба племен друг с другом приводила к созданию союзов племен — «ок», а те, в свою очередь, создавали более крупные объединения (конфедерации) союзов племен²³³⁸. Само же объединение происходит следующим образом. Род состоял из нескольких семей, «объединившихся вокруг авторитетного деда, главы большого семейства». Но кроме кровных родственников он включал людей, искавших защиту, приемных детей, а также освобожденных рабов (пленных). При этом большая семья могла выделиться в отдельный род. Племена также состояли из родов, группировавшихся вокруг главного, как отделившихся от него, так и присоединившихся²³³⁹. Он повторяет эту мысль несколько раз: «В свою очередь, и “оки”, объединившись, создали союзы “оков” (“огуз”, “огур”)²³⁴⁰. В параграфе об уйгурах он также пишет: «Каждый из племенных союзов (“ок”) состоял из нескольких оймаков, а каждый оймак (племя) — из нескольких родов»²³⁴¹. «Племена, союзы племен и конфедерации союзов племен являлись в одинаковой мере как общественными, так и политическими объединениями», — указывает ученый²³⁴². Главную цель племенной организации ученый видел в устранении конфликтов и разногласий между родами. Это делалось на племенном совете (курултае), состоявшем из выбиравшихся предводителей родов и их мудрейших представителей²³⁴³.

На процесс формирования племен влияли два фактора, две противоборствующие тенденции, проходящие через всю историю древнетюркских обществ: централизаторская, заклю-

²³³⁵ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 270; Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 109—110.

²³³⁶ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 285; Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 110.

²³³⁷ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 198, 365 прим. 589.

²³³⁸ Там же. С. 283. Ср.: Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 109—111. Развивая мысль В. Томсена о трактовке сочетания *idi oksuz* как сокращенной конструкции от *idisiz* и *oksuz*, С. Максуди (Арсал) предположил, что речь идет о временах до создания государств Бумына, когда не было у тюрков «племенной организации» (*oksuzluk*) и «хозяев» (*idisizlik*) (Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 190, 363 прим. 570).

²³³⁹ Там же. С. 286. Ср.: Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 117.

²³⁴⁰ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 286.

²³⁴¹ Там же. С. 201.

²³⁴² Там же. С. 283.

²³⁴³ Там же. С. 285; Ср.: Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 119.

чающаяся в стремлении к созданию сильного государства (тюрки), и децентрализаторская — в стремлении к племенной обособленности (токуз огузы)²³⁴⁴. Так же формировались племена: объединяясь по уговору или при подчинении одним племенем остальных²³⁴⁵.

Объединение в союзы племен («огузы») происходило согласно этим же механизмам: один из предводителей какого-либо «огуза» подчинял другие и основывал «иль». В этом случае роль племен становилась второстепенной. «После формирования государства, — пишет С. Максуди (Арсал), — жизнь племен регулировалась уже не племенным съездом. А съездом всего “иля”», и добавляет: «С появлением “иля” демократическое устройство племен, бывших в свое время политически независимыми, уступало место относительно аристократическому устройству общества. Если раньше для родов и племен были обязательны решения их союзов, то с возникновением государства... <...> племена подчинялись только могущественному хакану и курултаю, состоявшему из беев и авторитетнейших людей государства». Однако структура устройства племен и племенных союзов сохранялась²³⁴⁶. При этом С. Максуди (Арсал) считал, что «число племенных союзов — “оков”, “огузов”, в тюркских племенных общностях, обитавших на определенной территории и объединенных общим этнонимом, не изменилось в течение всего времени существования общности»²³⁴⁷. Сохранение племенной структуры с ее системой «внутриплеменной субординации и соподчинения» облегчало процесс создания государства, поскольку она служила «готовой конструкцией» для формирования государственных структур²³⁴⁸. Однако когда тюркские государства распались, «население таких государств снова делилось на племена (оймаки) и на союзы племен, которые именовались либо традиционными этнонимами, либо, в случае образования новых племенных союзов, получали новые названия»²³⁴⁹.

С. Максуди (Арсал) отмечал зависимость племенного названия от имени правящей династии, а также от переселения, осуществлявшегося двумя способами: когда одно племя захватывает другое и, соответственно, его землю, и включает его в состав под своим именем, и когда небольшая группа какого-либо племени переселяется на территорию другого племени (т.е. обычная миграция) и, следовательно, принимает его имя²³⁵⁰. «Вот почему ни одну из исторических или существующих в наше время тюркских народностей нельзя рассматривать как некую гомогенную массу, сохранившую с древних времен свою этническую сущность и этноним», —

²³⁴⁴ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 202, 228—229.

²³⁴⁵ Там же. С. 198. Эти же тенденции, по мнению ученого, проявились и в период противостояния тюрков с Китаем, когда одни, «космополиты» и «коллаборационисты», как именует их автор, предпочитали покоряться, другие, — «национальные герои», — всегда отстаивали суверенитет (Там же. С. 204, 366 прим. 614).

²³⁴⁶ Там же. С. 287.

²³⁴⁷ Там же. С. 198.

²³⁴⁸ Там же. С. 287—288.

²³⁴⁹ Там же. С. 199.

²³⁵⁰ Там же. С. 288—289.

заключает ученый²³⁵¹. В этом же ключе он отмечал бесплодность усилий, направленных на «нахождение прямой этнической, родовой или племенной преемственности, этнической адекватности как между древними и средневековыми тюркскими племенами, так и между средневековыми и нынешними этническими тюркскими сообществами (народностями)»²³⁵².

Объединение в союзы племен происходило именно под властью сильного человека, но, как указывает С. Максуди (Арсал), «было бы неправильно сводить причины образования тюркских государств к выдающейся роли отдельных личностей», поскольку для возникновения таких государств необходим «ряд экономических, исторических и политических предпосылок». Но роль личности была важна и для удержания стабильности в государстве²³⁵³.

С. Максуди (Арсал) предлагал толкование для термина *il* ‘организованное политическое сообщество, государство’²³⁵⁴. Он писал: «Иль — это самостоятельная политически организованная общность, подчиняющаяся авторитетной власти, имеющая своей целью обеспечение безопасности и справедливости», при этом «древние тюрки представляли “иль” как единое целое, состоящее из трех частей: устройство (формирование), независимость и авторитетная власть»²³⁵⁵.

В древнетюркских государствах было три субъекта власти: хан, беи и народ («будун»), притом что «власть хана всеобъемлюща», «власть беев относительно ограничена», а власть народа «проявляется только в определенное время», но именно он «является постоянным источником власти»²³⁵⁶. Хан был монархом, но его власть ограничивали три фактора: народ, традиции и воззрения которого он обязан был уважать и с ними считаться; беи, с которыми он советовался на курултае; традиционные законы, в рамках которых мог осуществлять свою власть хан²³⁵⁷. Хан имел следующие полномочия: (1) будучи высшим главой представительной и ис-

²³⁵¹ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 289. Ср.: *Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 121.*

²³⁵² Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 291. Правда, такой подход был вызван несколько иного порядка соображениями С. Максуди (Арсала). Так, довольно жестко и не совсем справедливо критикуя методы работы В. Томашека и О. Франке «на основе лишь внешнего сходства слов делать выводы об этнической идентичности народов, о которых писал еще Геродот, с современными казахскими родами или говорить об идентичности племен, упоминавшихся Плинием (*pasakaе, comasaе*), с печенегами и кимаками», он писал: «Тюркология — это великая, а для нас, тюрков, национальная наука. Самая важная ее задача — это освещение настоящей истории культуры, цивилизации тюрков. Та школа в тюркологии, которая принимает за историю тюрков эфемерную историю тюркских племен и их названий, не может считаться настоящей научной школой. Она изучает тюрков лишь в одном аспекте и поэтому бесплодна. Мы, тюрки, не принимаем таких методов изучения тюркской истории. Для нас, тюрков, тюркология, история тюрков — это не история преходящих, сменяющих друг друга племен, а история культуры великой тюркской нации, которая существовала еще в доисторические времена и, дай Бог, будет существовать вечно и история государств, которые она создала. Мы не можем допустить низведения тюркологической науки до примитивной, построенной только на принципе внешней аналогии слов “племенологии”» (Там же. С. 291, 384 прим. 883). Это важный момент для уяснения его методологии.

²³⁵³ Там же. С. 199.

²³⁵⁴ Там же. С. 214.

²³⁵⁵ Там же. С. 216.

²³⁵⁶ Там же. С. 215.

²³⁵⁷ Там же. С. 217.

полнительной власти, он должен был «устраивать государственную жизнь и обеспечивать долговечность существования государства»; (2) он правил согласно традиционному национальному «торе»; (3) он управлял государством в мирное время и являлся главнокомандующим в военное время; (4) он имел право «вносить на рассмотрение курултая проекты законов», а также «непосредственно устанавливать законы», но при этом они не «не должны противоречить традициям предшественников». Хан имел следующие обязанности: (1) защищать границы государства и предпринимать усилия по расширению его территории; (2) поддерживать и улучшать экономическое благосостояние народа; (3) обеспечивать «честь и славу тюркского государства и народа (иля и будуна)»²³⁵⁸. Касательно «торе» С. Максуди (Арсал) указывает, что это «совокупность правил общественной жизни», главными источниками его формирования были: народ, курултай и хан, поскольку, во-первых, часть регулирующих жизнь общества правовых положений формировалась «непосредственно в народной среде» и передавалась из поколения в поколение, это то, что именуется «обычным правом»; во-вторых, это опять же законы, издававшиеся по личной инициативе хана; в-третьих, «решения, принимавшиеся баями на курултаях»²³⁵⁹. Таким образом, каганы древних тюрков не являлись оторванными от народа абсолютными монархами, а «демократическими правителями, находившимися в постоянном контакте с народом, имевшими по отношению к нему определенные обязанности и которые были должны обеспечить и защищать материальные и духовные интересы народа»²³⁶⁰. Одной из особенностей орхонских эпитафий, по мнению ученого, «является то, что они пронизаны духом демократии»²³⁶¹.

Курултай играл очень важную роль у древних тюрков. У С. Максуди (Арсала) не вызывает сомнений, что в Тюркских каганатах собирались курултай, притом что там «принимали участие хан, беи и часть народа»: о таких сборах сообщают китайские источники, в орхонских надписях тюркский каган обращается к бегам и народу. Хотя «точных сведений о вопросах, которые обсуждались на подобных собраниях, нет», тем не менее, ученый считает возможным полагать, что «это были вопросы, связанные с хозяйственным положением населения, внешней политикой, войной и миром», а «когда престол оказывался свободным, на курултае избирали нового хана»²³⁶². Несколько дальше С. Максуди (Арсал) пишет, что избирать, а в определенных случаях даже свергать хана имел право «курултай беев», который играл важную роль и в законодательной области, поскольку, как указывалось, «законы и указы, исходившие от хана, долж-

²³⁵⁸ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 218.

²³⁵⁹ Там же. С. 232—233.

²³⁶⁰ Там же. С. 227.

²³⁶¹ Там же. С. 80.

²³⁶² Там же. С. 225.

ны были согласовываться с беями»²³⁶³. В другом месте ученый пишет так: «В курултае могло принимать участие и население, жившее в месте, где он проводился»²³⁶⁴. В целом, «все эти свидетельства доказывают, что роль народа в жизни тюркских государств VI—VIII в. была немалой, и что эти государства, будучи монархическими, имели определенную демократическую сущность»²³⁶⁵.

Общественный строй хуннского и тюркского государств С. Максуди (Арсал) охарактеризовал как «тюркский феодализм», не отличавшийся от западного, т.к. обладал соответствующими признаками: (1) территория поделена на бейлики (лены); (2) наличие класса землевладельцев (беев); (3) обязанность военной службы беев; а, кроме того, имел характерные особенности: (1) сильная центральная власть; (2) подчинение всех войск правителю, равенство перед ним беев и рядовых воинов; (3) добровольное признание беями власти правителя²³⁶⁶. Но, говоря о феодализме в государстве Кутлуга²³⁶⁷, ученый отмечает, что он «был более похож на феодализм европейского типа или феодализм Конийского сельджукского султаната, нежели на феодализм Гуннского или Османского государства»²³⁶⁸.

В древнетюркском обществе существовало три класса: беи или беги, статус которых не был наследственным, а мог быть заслужен; свободные люди, не ограниченные ни в каких правах и не обремененные какими-либо чрезмерными обязательствами, и рабы, пополнявшиеся из побежденных народов; это были военнопленные, «а также их дети и внуки»²³⁶⁹. Были также люди, обладавшие рядом привилегий, своеобразная прослойка, это тарханы и служители культа²³⁷⁰. Конкретно о беях он говорит, описывая положение дел в Западно-тюркском каганате, когда каганы «подчинив своей власти наследственных предводителей племен, старались придать союзам племен характер государств... <...> они превратили их в беев-феодалов или наместников»²³⁷¹.

Если бы С. Максуди (Арсал) рассматривал феодализм с формационной точки зрения, то он говорил бы о раннефеодальных отношениях, но судя по тому, на кого он ссылался (представители французской историографии второй половины XIX — первых десятилетий XX вв.), он понимал феодализм именно как социально-правовое, нежели экономическое явление²³⁷².

Абдюлькадир Инан на основе анализа данных о подразделении огузских племен Махмуда Кашгарлы, Рашид ад-Дина ат-Табиба и Абу-л Гази, а также анонимного «Тā'рūх-и āл-и

²³⁶³ Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 232—233.

²³⁶⁴ Там же. С. 218.

²³⁶⁵ Там же. С. 230.

²³⁶⁶ Там же. С. 188—189.

²³⁶⁷ Там же. С. 227.

²³⁶⁸ Там же. С. 229.

²³⁶⁹ Там же. С. 232.

²³⁷⁰ Там же. С. 266.

²³⁷¹ Там же. С. 200.

²³⁷² Там же. С. 188, 359 прим. 555.

салджүк» и сочинения Йазыджыоглу Али, с привлечением широкого этнографического материала показал, что в крупных племенных объединениях тюркских народов существовала определенная система субординации, выражавшаяся в порядке расположения вождей племен и порядке их обслуживания на празднествах, когда главенствующее племя всегда находилось в центре (*orun*), а остальные — в зависимости от своего статуса — располагались по правую и левую руку, ближе или дальше к центру; каждый из них согласно своей очереди получал предназначенную долю мяса (*ülüş*). В зависимости от конкретной политической ситуации статус племен мог меняться²³⁷³.

В 1948 г. А. Инан издал статью, где отстаивал верность метода использования сравнительно-этнографического материала для установления природы тех или иных социальных институтов у тюркских племен²³⁷⁴. Здесь ему удалось также показать распространение у кочевых тюрков института усыновления, при этом усыновленный имеет те же права, что и родной ребенок²³⁷⁵. Усыновлялись даже чужаки, вероятно, в целях расширения племени за счет неродственных связей ввиду экзогамии²³⁷⁶, А. Инан также обратил внимания на тот факт, что во многих тюркских языках совпадает терминология со значением ‘слуга’ и ‘ребенок’²³⁷⁷. Этнографический и фольклорный материал не позволяет рассматривать этот институт у кочевников как рабство²³⁷⁸. Ученый видел здесь элементы матриархата²³⁷⁹, но, отмечая высокое положение женщин у тюрков и монголов на основе сообщения, что у гектюрков VI в. прелюбодейние каралось смертью, а каганы и йабгу имели свои ставки, сделал вывод, что у них уже были патриар-

²³⁷³ İnan A. “Orun” ve “Ülüş” Meselesi // Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası. 1931. Cilt 1. S. 121—133.

²³⁷⁴ İnan A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi. 1948. Cilt : VI. Sayı : 3. S. 128—129.

²³⁷⁵ Aynı eser. S. 129—131.

²³⁷⁶ Aynı eser. S. 132, 133.

²³⁷⁷ Aynı eser. S. 134.

²³⁷⁸ Aynı eser. S. 135—136, 137. Интересно, что на Четвертом Турецком историческом конгрессе во время обсуждения доклада А. Джафероглу об институте нукерства, А. Инан поднял вопрос: не могли ли *oğlan* орхонских надписей быть своеобразным прототипом нукеров в качестве обычного института дружины, известного у многих народов, и быть одновременно предтечей института гулямов? Он отмечает сообщение Махмуда Кашгарлы о том, что термин *Tekin*, означающий хаканских детей, изначально обозначал невольников (*Caferoğlu A. Türk tarihinde ‘Nöker’ ve ‘Nöker-zâdeler’ müessesesi // IV. Türk Tarih Kongresi ... S. 258—259* (обсуждение доклада)). См.: *Divanü Lûgat-it-Türk ve Tercümesi / çev. B. Atalay. Ankara, 1985. Cilt I. S. 413—414; Махмұд ал-Кәишгарұ. Дивән Лугāt ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой ; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. С. 390—391; Махмұд ал-Кәишгарұ. Дивән Лугāt ат-Турк (Свод тюркских слов) / пер. с арабск. А.Р. Рустамова ; под ред. И.В. Кормушина ; прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. М., 2010 (Памятники письменности Востока. Вып. СХХVIII). Т. 1. С. 340—341.*

²³⁷⁹ İnan A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler. S. 133, 135, 137. А. Инан, опираясь на данные о положении женщин у *у-хуань* (*Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / редакция текста, вступ. ст., комм. А.Н. Бернштама и Н.В. Кюнера. М. ; Л., 1950. Т. I. С. 142—143. Ср.: Eberhard W. Çin’in şimal komşuları : bir kaynak kitabı / Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ. Ankara, 1942 (Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. VII. seri. No. 9). S. 47; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 134—135; Өкәл Б. Бөјүк Хун империясы. Бақы, 1992. I kitab. С. 167—168. См. теперь: Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / введ., пер. [с кит.] и коммент. В.С. Таскина. М., 1984. С. 63).*

хальные семьи; в это же время рядом были племена, которые еще сохраняли «старые обычаи», поскольку многое зависело от условий их проживания²³⁸⁰.

Вместе с тем, А. Инан скептически относился к попыткам создания универсальных иерархических схем терминов социальной организации тюрков в отрыве от конкретно-исторического материала, не соглашаясь, например, с С. Максуди (Арсалом)²³⁸¹. Позже А. Инаном была предпринята попытка изучения значений терминологии социальной организации тюркоязычных народов для различных временных периодов, ее этимологии и семантической эволюции²³⁸². Относительно тюрков VIII в. он во многом опирался на изданный в 1935 г. в третьем выпуске журнала «Türkiyat Mecmuası» перевод Рагибом Хулүси статьи В. Томсена, также столкнувшегося с проблемой эквивалентной передачи социальной терминологии на турецкий язык²³⁸³.

В 30-е гг. XX в. в Турции появляется уникальный исследователь нового поколения, «хорошо подготовленный специалист по Т<юркским> Р<уническим> П<амятникам>»²³⁸⁴. Хюсейин Намык (Оркун) еще в начале 20-х гг. XX в. отправившийся в Будапешт, где обучался у венгерского тюрколога Д. Немета, уже довольно рано проявлял несогласие с взглядами М. Фуата (Кёпрюлю); при этом он, судя по всему, вращался в кругу венгерских туранистов²³⁸⁵. Очевидно, Венгрия оказала значительное влияние на его теоретические взгляды и методологию²³⁸⁶.

Х. Намык (Оркун) был первым, кто предпринял попытку не только адаптировать восприятие, но и более или менее упорядочить употребление древнетюркской терминологии, в т.ч. и социальной, давая в своей работе «Древнетюркские надписи» (Ankara, 1936—1941. Cilt I—IV) перевод терминам рунических текстов по словарю Махмуда Кашгарлы²³⁸⁷. С именем ученого связан ряд работ по тюркской истории и культуре, в частности ему принадлежит 4-х томная «История тюрков» (1946)²³⁸⁸, первый том которой также содержит изложение политической истории Тюркского каганата²³⁸⁹. Но наиболее важны для проблематики настоящего исследования

²³⁸⁰ İnan A. Göçebe Türk Boylarında Evlâtlık Müesseseleriyle İlgili Gelenekler. S. 136—137.

²³⁸¹ Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 124 (обсуждение доклада).

²³⁸² İnan A. Türk Etnolojisini İlgilendiren Birkaç Terim-Kelime Üzerine // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1956. Ankara, 1956. S. 179—195.

²³⁸³ См.: Thomsen V. Moğolistandaki Türkçe Kitabeler. S. 81—118.

²³⁸⁴ Кононов А.Н. Грамматика ... С. 55. Написание, следующее в скобках <...>, дополнено нами.

²³⁸⁵ «Хусейн Намык очень резко критиковал Фуата Кёпрюлю-заде» (Валиди Тоган А.З. Воспоминания ... Кн. II. С. 300; Baykara T. Zeki Velidi Togan. S. 15).

²³⁸⁶ См.: Mergen K. Ölümünün 50. Yılında Prof. Dr. Hüseyin Namık ORKUN // Ölümünün 50. Yılında Prof. Dr. Hüseyin Namık Orkun / hazırlayan : Y. Hacaloğlu. Ankara, 2006 (Türk Ocakları Şubesi Yayınları : 22). S. 4—5.

²³⁸⁷ См.: Orkun H.N. Eski Türk yazıtları. 3. baskı. Ankara, 1994 (Türk Dil Kurumu Yayınları 529). S. 3.

²³⁸⁸ См.: Байоглу А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири ... С. 128; Его же. Древние тюрки Центральной Азии в исследованиях турецких ученых XX века // Бюллетень (Newsletter). Екатеринбург, 2011. Вып. 1. Материалы конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, 21—22 мая 2010 г.). С. 30.

²³⁸⁹ Orkun H.N. Türk Tarihi. Ankara, 1946. Cilt I. S. 91—121, 122—133. Ср. также: Aynı müel. Eski Türk yazıtları. S. 5—13 и замечания о внутренней жизни на s. 14—16.

взгляды Х. Намыка (Оркуна) на общественный уклад древних тюрков, в частности глава «Мораль, обычаи и цивилизация гёк-тюрков» (s. 134—149).

Основной хозяйственной и социальной величиной с древности Х. Намык (Оркун) считал у тюрков племенные группы, именовавшиеся *ok* или *söngek*²³⁹⁰. В оценке социальных механизмов он, в целом, следовал, судя по всему, за В.В. Радловым, что сближает его с методологией венгерской школы²³⁹¹. Исходя из кочевого быта тюрков, он высказался о социальном неравенстве на основе скотовладения: «Владелец стада живет в благополучии; не имевшие стада вынуждены служить владельцу стада. Чье стадо наиболее богатое, тот, соответственно, и имеет наиболее всего людей. Его сын тоже рождается богатым, богато живет. Вот это обстоятельство в кочевническом обществе и рождало классовые различия. Знатное происхождение составляло сущность тюркского общества <т.е. играло наиболее важную роль в нем — *Авт.*>»²³⁹².

О тюркской государственности Х. Намык (Оркун) также писал: «Аулы образовывали племена; племена соединялись в еще бóльшие политические объединения, племенные союзы. Очевидно, что тюркское общество состояло из входивших друг в друга, в своих собственных масштабах автономных и независимых атомов. Это то, из-за чего с распадом большого политического объединения, то есть государства, с народом ничего не происходит. Аул — это снова старый аул; племя — это снова старое племя. Просто державшая политическое объединение династия падала, на том месте ее сменяла другая династия. Это то, почему тюркские исторические государства рассматривать отдельно друг от друга неправильно»²³⁹³.

В Тюркском каганате власть принадлежала кагану, который возглавлял племенной союз. Он следил за организацией народа. Тюркское общество делилось на два класса: благородный, т.е. «белые», аристократы, беги, и простой, «черные»²³⁹⁴. Каган избирался только из рода А-сена. Существовал курултай, где участвовали племенные вожди и члены правящей династии, здесь выбирался каган из детей умершего кагана²³⁹⁵.

Интересны наблюдения ученого за отношениями собственности у тюрков. Так, наличие огромных стад вынуждало метить свой скот. В результате каждое племя, каждый богач или ведущая семья метила свое имущество тамгами: тамги наносились и на скот, о чем говорят встре-

²³⁹⁰ *Orkun H.N. Türk Tarihi. Cilt I. S. 18.*

²³⁹¹ См.: *Aynı eser. S. 134—136.*

²³⁹² *Aynı eser. S. 135.*

²³⁹³ *Aynı eser. S. 136.*

²³⁹⁴ *Aynı eser. S. 137.*

²³⁹⁵ *Aynı eser. S. 136.*

чающиеся в древнетюркских надписях сочетания вроде *tamgalig yulki* [E-26, 6]²³⁹⁶ *ve tögünlüg at* [Тон, 54 (= II Вост., 4)]²³⁹⁷, и на надгробных камнях²³⁹⁸.

На эти годы, кроме того, приходится наибольшая активность философа, писателя, поэта и публициста Хюсейина Нихâля (Атсыза)²³⁹⁹, очень эрудированного в области тюркской истории и культуры человека, ученика А.З. Велиди (Тогана). Работая в 30-е гг. XX в. преподавателем турецкой литературы и истории, Х. Нихâль (Атсыз) взял на вооружение схему Ризâ Нура²⁴⁰⁰. Это был разносторонний и очень компетентный человек и, судя по крупнейшим романам и многим стихам, очень восхищался эпохой Тюркских каганатов²⁴⁰¹.

Х. Нихâль (Атсыз) в «Истории турецкой литературы» (1940) дал емкий очерк политической истории Тюркского каганата²⁴⁰². Кратко описывая социально-политический строй, Х. Нихâль (Атсыз), вероятно, следовал А.З. Велиди (Тогану), говоря о разделении государства на две части и затем каждой из них еще на две. Звания бегов у чиновников были наследственными. В целом организация государства имела военизированный характер. После смерти кагана власть переходила к его сыну, брату или дяде²⁴⁰³. В этой же работе представлены переводы на турецкий язык надписей Тоньюкука и Кюль тегина по чтению В. Томсена²⁴⁰⁴.

Собственно социальной проблематики Х. Нихâль (Атсыз) в исторических работах специально не затрагивал, но ввиду самого того факта, что он оказал в последующем большое влияние на общественную мысль, важно остановиться на некоторых его взглядах. По-видимому, в целом Х. Нихâль (Атсыз) придерживался традиционных эволюционистских представлений об историческом процессе. Так, в статье «Исследование тюркского дастана : I. Тюркский дастан» (Orkun. 27 Nisan 1951. Sayı : 30. S. 10—11) он оперирует понятиями «первобытные общества» и «тотемизм». Но двигателем исторического процесса он считал борьбу наций. В 1955 г. он писал: «Мир — это поле борьбы, борьбы различных наций за место под солнцем. Чтобы выжить, нации вынуждены воевать. Две основы делают нацию готовой к войне. Одна — это материальная основа, которую мы называем “техникой”, другая — это духовная основа, которая называ-

²³⁹⁶ По И.В. Кормушину — стк. 7.

²³⁹⁷ Ср. теперь *tügünlüg* ‘имеющий узлы’ (Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997 (Studia uraloaltaica. 40). S. 72 Anm. 211, S. 122 Anm. 320; Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32 ; Türk Dili Dizisi 1). S. 96—97).

²³⁹⁸ Orkun H.N. Türk Tarihi. Cilt I. S. 140.

²³⁹⁹ Мухаметдинов П.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма ... С. 167

²⁴⁰⁰ Позже она также нашла отражение в работе А.Т. Иылмаза (Öзтуна) (см. ниже) (Orhun M. Atsız Beğ ve Türk Tarih Sistematiği // Orkun Dergisi. 1999. Sayı : 14. URL: <http://www.nihal-atsiz.com/yazi/atsiz-beg-ve-turk-tarih-sistematiği-mehmet-orhun.html> (дата обращения: 11.10.2013)).

²⁴⁰¹ Sertkaya O.F. Hüseyin Nihâl Atsız. Ankara, 1987 (Kültür ve Turizm Bakanlığı yYayınları : 847; Türk Büyükleri Dizisi : 69). S. 18—41. См. также: Akün Ö.F. ATŞIZ, Hüseyin Nihal // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 1991. Cilt 4. Âşık Ömer — Bâlâ Külliyesi. S. 89—90.

²⁴⁰² Atsız H.N. Türk Edebiyatı Tarihi. İstanbul, 1992. S. 18—21.

²⁴⁰³ Aynı eser. S. 19.

²⁴⁰⁴ Aynı eser. S. 93—121.

ется “идеалом”. При равной технике, как показывает опыт истории, побеждает та нация, дух которой выше.

Духовная сила есть вера в жизнеспособность и потенциал своей нации, желание видеть ее более могучей, другими словами, это — национальный идеал. Национальный идеал — создающая сила общества... <...>

...Если раньше роль идеала выполняла религия, то в наше время господствует национальный идеал, который вбирает в себя и религию»²⁴⁰⁵.

Такое диалектическое, близкое к гегельянскому, идеалистическое понимание истории базировалось на том представлении, что «нации существуют уже тысячи лет»²⁴⁰⁶, типичном для республиканской историографии. В другой работе (1955) он писал: «Нация — это организованное сообщество, живущее в своей независимой стране», и, критикуя попытки коммунистов подменить это понятие словом «народ», он отмечал, что «”народ” — это общность людей, существующая в данный момент, а “нация” существовала, существует и будет существовать в прошлом, настоящем и будущем, “нация” является выражением сознания “бытийности”» (var olma şuurun)²⁴⁰⁷.

Хорошо зная фактический материал, Х. Нихâля (Атсыз) критиковал популяристские идеологические построения, если они не имели научного обоснования, например, ставшую популярной с тех пор схему Текина Эрера о «16 великих исторических тюркских государствах»²⁴⁰⁸. В этой статье Х. Нихâля (Атсыз), развивая идею о непрерывности тюркской истории, также высказал свой взгляд на политическое устройство, писав: «Порой в разные времена установление господства одной из нескольких династий над другими из тюркских государств в различных регионах и даже их столкновения друг с другом не означают деградации. Эта ситуация не что иное, как теория тюркского политического господства, понимание государств, не бывших централизованными без необходимости. Поскольку, по меньшей мере, даже в этом случае одна из этих династий фактически господствует над другими»²⁴⁰⁹.

Х. Нихâля (Атсыза) отличало то, что он всегда оставался в рамках историзма, основываясь на научных достижениях своего времени, в зависимости от результатов исследований по истории и лингвистике корректируя свою позицию. Но он негативно относился к исламу, считая его чуждым для тюрков (Ötüken Dergisi. 17 Nisan 1964. Sayı 4. S. 7—9)²⁴¹⁰.

²⁴⁰⁵ *Atsız N. Türk Ülküsü. İstanbul, 1992. S. 7, 8. Цит. по: Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма ... С. 168.*

²⁴⁰⁶ *Atsız N. Türk Ülküsü. S. 7. Цит. по: Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма ... С. 168, 174.*

²⁴⁰⁷ *Atsız N. Türk Halkı Değil, Türk Milletiyiz! // Ötüken. Ocak 1969. Sayı : 61. S. 3—4 (перепечатано в кн.: Atsız N. Türk Ülküsü. S. 49). Цит. по: Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма ... С. 171, 174.*

²⁴⁰⁸ *Atsız N. 16 Devlet masalı ve Uydurma Bayraklar // Ötüken. Mayıs 1969. Sayı 65. S. 3.*

²⁴⁰⁹ Aynı eser. S. 3.

²⁴¹⁰ См. также: *Akın Ö.F. ATSIZ, Hüseyin Nihal. S. 88.*

Так или иначе, взгляды Х. Нихâля (Атсыза) соответствуют общему уровню теории, методологии и философии истории в Турции, господствующей на тот момент в умах представителей новой турецкой интеллигенции.

В интерпретации истории Тюркского каганата нашло отражение противостояние нового и старого поколения турецких историков. Так, опубликованная в 1952 г. статья А. Нимета (Курата) о Тюркском каганате, посвященная 1400-летию образования «первого “тюркского государства”»²⁴¹¹ и излагавшая, как видно из названия, лишь политическую историю, имела хоть фактологический характер и опиралась на классические, в т.ч. российские, труды, но, по сути, отражала дореволюционный российский подход. Она вызвала суровую критику, хотя не во всем справедливую, молодого Мехмета Алтая (Кёймена), назвавшего статью компиляцией и противопоставившего подходу автора результаты новых работ европейских специалистов, также упрекнув его не только в отсутствии анализа событий, но также в отсутствии аргументации, касающейся, в частности, и вывода о высоком уровне государственного управления, социально-политической сферы жизни и культуры, опосредованных прекрасной организацией, сложившейся в условиях кочевого образа жизни; один из упреков был направлен и против восприятия Тюркского каганата как первого известного тюркского государства, автоматически означавшее игнорирование более ранних периодов истории тюркства²⁴¹².

Сам М. Алтай (Кёймен), всю жизнь занимавшийся сельджукской историей, позже в одной работ (1979), отметил значение степного образа жизни для тюрков, сформировавших в суровых природных условиях «всадническую кочевую цивилизацию»²⁴¹³. В этом же контексте он говорил о невозможности самообеспечения себя внутренней продукцией в этих условиях, т.е. указывал на важность внешнего фактора в экономике²⁴¹⁴. Тюркская история, по его мнению, — история неровная, история всплесков и революционных изменений, а не степенного эволюционного развития: так автором трактуются скачки от племени до империи²⁴¹⁵. Империя гёктюрков относится к государствам, основанным тюрками на родной территории²⁴¹⁶. Условно подразделяя тюркские государства по характеру образования, империю гёктюрков ученый относит к такому типу государств, основатель которого принадлежал «к правящему роду или, по крайней мере, к знатному роду»²⁴¹⁷.

²⁴¹¹ *Kurat A.N. Göktürk Kağanlığı. Birinci Bölüm : siyasi tarihin ana hatları (M.s. 552—745) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Degrisi. 1952. Cilt X. Sayı 1—2. S. 1—56 (Переиздано в кн.: Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 49—78).*

²⁴¹² *Köymen M.A. Gök Türk Kağanlığı Adlı Bir Yazı Münasebetiyle Bazı Mülâhazalar // İlâhyat Fakültesi Degrisi. 1954. Cilt 3. Sayı 3. S. 103—118.*

²⁴¹³ *Köymen M.A. Büyük Selçuklu İmparatorluğu Tarihi. 3. bk. Ankara, 2000 (Türk Tarih Kurumu Yayınları : VII. Dizi — Sayı 23²). Cilt : I. Kuruluş Devri. S. 18*.*

²⁴¹⁴ Aynı eser. S. 19*.

²⁴¹⁵ Aynı yer.

²⁴¹⁶ Aynı eser. S. 22*, 23*.

²⁴¹⁷ Aynı eser. S. 22*.

Осман Ферит Туран написал в 1941 г. под руководством М. Фуата (Кёпрюлю) диссертацию по древнетюркскому двенадцатилетнему животному циклу и в 1943 г. исследование по «средневековой» тюркской титулатуре, но в дальнейшем переключился на сельджукский период²⁴¹⁸. Отдельного внимания заслуживает его статья, обосновывавшая мысль, что со времен Тюркского каганата у тюрков существовала национальная «идея мирового господства». При этом тюркские каганы, от лица которых написаны орхонские тексты, были уверены в превосходстве своего народа и считали, что не внешний противник способен разрушить тюркское государство, а лишь забвение тюркскими людьми своих законов и неповиновение своим правителям, власть которым, по их концепции государства, дана Свыше с задачей сохранять тюркский народ от тягот и лишений. В концепции Тюркского государства нашла отражение идея общественного блага и социальной солидарности между правителем и народом; именно это обеспечивало тюркам превосходство над окружающими народами. Эта идея сохранилась и после вхождения тюрков в лоно «исламской цивилизации»²⁴¹⁹. Подобные взгляды О. Туран высказывал и в следующих работах²⁴²⁰. Данная концепция, безусловно, являясь развитием взглядов М. Фуата (Кёпрюлю)²⁴²¹, не только стала ярким выражением идеи нового турецкого национализма, но и во многом, как считается, определила ход мысли основного исследовательского направления в исторической науке²⁴²².

О. Туран не раз обращается к эпохе Тюркского каганата в своей фундаментальной работе о сельджуках. Прежде всего важно, что он несколько раз говорит о «древней тюркской феодальной структуре», связанной с разделением государства на несколько частей²⁴²³. При этом традиционно у тюрков государство являлось «общим достоянием каждого члена правящего дома»²⁴²⁴. Это часто было причиной смут после смерти сильного правителя, начинавшихся между его сыновьями или братьями²⁴²⁵. Кроме того, О. Туран обмолвился в связи с пониманием социального устройства древних тюрков о таком понятии как *кочевой феодализм*, позже синтезировавшимся с проникавшими исламскими элементами²⁴²⁶. Каган (или позже султан) у тюрков

²⁴¹⁸ См.: *Koca S. TURAN, Osman // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2012. Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. S. 410—412; Topal N. Prof. Dr. Osman Turan (1914—1978). Hayatı ve eserleri. Ankara, 2004 (Türk Yurdu Yayınları : 82). S. 33, 35—36, 46. Подробно об этих работах см.: Topal N. Prof. Dr. Osman Turan ... Hayatı ve eserleri. S. 49—51, 52—53, второй также сопутствовали отдельные статьи: Aynı eser. S. 84, 85, 86.*

²⁴¹⁹ *Turan O. The Ideal of World Domination among the Medieval Turks // Studia Islamica. 1955. № 4. P. 78—81, 90.*

²⁴²⁰ *Öz M. Osman Turan'ın Milliyetçilik Anlayışı // Vefatının 30. Yılında Prof. Dr. Osman TURAN'ı Anıyoruz / hazırlayan : Yücel Hacaloğlu. Ankara, 1998 (Türk Ocakları Ankara Şubesi Yayınları Nu : 35). S. 29*

²⁴²¹ *Koca S. TURAN, Osman. S. 411.*

²⁴²² *Öz M. Osman Turan'ın Milliyetçilik Anlayışı. S. 33.*

²⁴²³ *Turan O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. 2. bk. İstanbul, 1969. S. 234, 61.*

²⁴²⁴ *Aynı eser. S. 67.*

²⁴²⁵ *Aynı eser. S. 276, 69.*

²⁴²⁶ *Aynı eser. S. 73, 237.*

традиционно рассматривался как отец своего народа²⁴²⁷, должный заботиться о нем, что видно из рунических надписей²⁴²⁸. Потому ученый соглашался с мнением об отношениях кагана и народа, высказанным В.В. Бартольдом²⁴²⁹. Власть правителя, будь то каган гёк-тюрок или йабгу огузов, была ограничена влиятельными племенными беями, собиравшимися на совет для решения важных политических вопросов; при этом О. Туран равнозначно ссылается здесь на данные об огузах Ибн Фадлана, Огуз намэ и «Китаб-и Дэдэм Коркут»²⁴³⁰. Женщина также традиционно обладала высокими правами, что видно из равнозначного упоминания в рунических текстах кагана и его супруги Эльбильге²⁴³¹. Заслуживают внимания и другие сюжеты, связанные с политическими и культурным аспектами истории тюрок в период каганата гёк-тюрок²⁴³².

Отдельное значение для социальной тематики имеют в этот период некоторые работы, больше связанные с этнографией (ср. выше про А. Инана) и лингвистикой.

В вышедшей в 1957 г. работе филолога Османа Недима (Туна) на основе рассмотрения семантики глаголов *taşra jorî-*, *taşik-*, *içik-* показано отражение в рунических памятниках не только центростремительных, но и центробежных социальных процессов, сопровождающих объединение и распад конфедераций племен; автор ссылался при описании этих социальных процессов на работу Б.Я. Владимирцова²⁴³³.

На этот же период выпадает издание крупнейших работ Бахаддина Öгеля, знатока китайского языка, историка тюркской культуры²⁴³⁴. Он был учеником Мехмета Шемсеттина (Гюналтая) и Айше Âфет (Инан), защитил докторскую диссертацию под руководством синолог В. Эберхарда. Он был знаком с рядом работ на русском языке²⁴³⁵, что, кстати, было существенным преимуществом по сравнению с его учителем²⁴³⁶.

²⁴²⁷ Turan O. Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. S. 148.

²⁴²⁸ Aynı eser. S. 165—166.

²⁴²⁹ Aynı eser. S. 415. Влияние В.В. Бартольда очень заметно в построениях О. Турана в целом: так, создателями Тюркского каганата он считает огузами (Aynı eser. S. 37).

²⁴³⁰ Aynı eser. S. 38.

²⁴³¹ Aynı eser. S. 220.

²⁴³² Aynı eser. S. 373—376, 383—387.

²⁴³³ Tuna O.N. Bazı İmlâ Gelenekleri Bunların Metin İncelemelerindeki Önemi ve Orhon Yazıtları'nda Birkaç Açıklama // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten 1957. 2. bk. Ankara, 1988. S. 41.

²⁴³⁴ Список работ ученого см.: Yuvalı A. Bahaeddin Ögel. Ankara, 1993 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 1458 ; Türk Büyükleri Dizisi : 150). S. 63—80.

²⁴³⁵ Байоглу А. Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири ... С. 132; *Его же*. Древние тюрки Центральной Азии в исследованиях ... С. 34—35. По-видимому, негативным отношением Б. Öгеля к марксизму вызвана и очень невысокая оценка современной ему «русской», т.е. советской историографии в сравнении с учеными времен В.В. Радлова: «Русские тоже хотели пролить свет на историю гёктюрок. Но в России, какие были в те времена, сейчас, нет того, кто был бы способен к созданию подобных исследований. Русские ученые прежних времен подходили к этому более разумно, чем современные» (Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul, 1971 (1000 Temel Eser : 49). Cilt 1. S. 33).

²⁴³⁶ Ср. упреки А.Н. Бернштама в адрес В. Эберхарда по поводу незнакомства с русскоязычными работами: Бернштам А.Н. [Рец. на] EBERHARD W. Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabı ... С. 127.

Уже в 1948 г. он выступил с тезисом о существовании у домусульманских тюрков, основателей степных государств, военно-ленной системы, где затронул и такой аспект как разделение народа главного племени на три крыла, существование подчиненных ему племен и их подразделение на основе десятичной системы²⁴³⁷. Но старшие коллеги, в частности А. Инан и А. Джафероглу, призвали его к более внимательному отношению к понятийно-терминологическому аппарату и более осторожной интерпретации исторических фактов²⁴³⁸. На заре своей научной карьеры Б. Ögel очень положительно встретил социологические построения С. Максуди (Арсала), считая возможным применить их, например, к истории уйгуров²⁴³⁹.

Показательно, что и позже он благожелательно принял эволюционистский подход к рассмотрению кочевничества²⁴⁴⁰. Это было связано со стремлением противостоять западным стереотипам о застойности кочевнических обществ²⁴⁴¹.

В образцовом исследовании, посвященном древнетюркскому титулу *šad*²⁴⁴², Б. Ögel показал, что, в целом, это была внеиерархическая, назначаемая должность командующего определенным военным подразделением²⁴⁴³, вместе с тем, в Тюркском каганате с конца VII в. начала складываться система двух шадов, командующих двух крыльев, просуществовавшая до уйгурского периода²⁴⁴⁴.

Среди многочисленных источниковедческих и культурологических работ Б. Öгеля большое значение для рассматриваемой нами темы имеет несколько раз переиздававшаяся работа «Вехи развития тюркской культуры». Хотя больше всего он опирался на «хуннский» и «уйгурский» материал, Б. Ögel обратился к вопросам, связанным с социальными институтами и общественным укладом древнетюркского общества.

По мнению ученого, сами условия кочевой жизни определили военизированный образ жизни и строго дисциплинированный характер тюркской общины²⁴⁴⁵, а также племенную структуру²⁴⁴⁶. Для тюрков была характерна семья с отцовским началом, в отличие от монголов, у которых ученый отмечал материнское начало. Тюркам была присуща экзогамия, а семьи

²⁴³⁷ Ögel B. İslâm önceki Türk Devletlerinde Timar sistemi // IV. Türk Tarih Kongresi ... S. 242—251.

²⁴³⁸ Aynı eser. S. 250—251 (обсуждение доклада).

²⁴³⁹ Arsal S.M. Eski Türklerde soy-oymak teşkilâtının istinat ettiği esaslarla ... S. 121—122 (обсуждение доклада).

²⁴⁴⁰ Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. Ankara, 1978 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 244 ; Kültür Eserleri : 13). Cilt I. Türklerde Köy ve Şehir Hayatı. Göktürklerden Osmanlılara. S. 38—39.

²⁴⁴¹ Yuvalı A. Bahaeddin Ögel. S. 27—28.

²⁴⁴² Ögel B. Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde // Central Asiatic Journal. 1963. Vol. 8. No. 1. S. 27—42.

²⁴⁴³ Ibid. S. 42.

²⁴⁴⁴ Ibid. S. 36—37. Эти выводы не изменили представление ученого о *толиш* и *сир-тардуш* как двух племенах (Ibid. S. 39—40).

²⁴⁴⁵ Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. İstanbul, 1971 (1000 Temel Eser : 50). Cilt 2. S. 18, 19—20.

²⁴⁴⁶ Aynı eser. S. 28.

свойственников играли важную роль в социальной жизни²⁴⁴⁷. Ученый отметил такой порядок наследования, когда власть передается от отца к сыну и лишь в случае его неспособности к младшему брату отца²⁴⁴⁸. Из истории с отстранением Да-ло-бяня (Tarban?) он делает вывод, что у тюрков была распространена моногамия и, следовательно, претендовать на наследование могли лишь дети «старшей жены»²⁴⁴⁹; характерно, что при престолонаследии старший сын наследовал престол, младший — командование над армией²⁴⁵⁰.

Б. Ögel обратился и к социальной терминологии, использующейся в источниках, к интерпретации которой подошел очень осторожно. Так, он писал: «Используемые нами здесь слова *род*, *племя* и *народ*, в нашем употреблении не означают точных социальных величин. Вообще то, что мы подразумеваем под *племенем*, представляет собой коллективы людей, разрастающиеся, затем распадающиеся или снова возникающие союзы. В зависимости от места и эпохи, их строение тоже изменялось»²⁴⁵¹, иногда семьи разрастались в племена²⁴⁵². Ученый выделил кровнородственные объединения: *Oba* у кыркызов, *Oğuş* у уйгуров (возможно, производное от него *Oğuz*) и *Uğuş* у орхонских тюрков; последние, видимо, небольшие по размерам, т.к. термин используется в сочетании «*Uğuşım, budunım*». Есть еще неопределенный термин *Uruğ* или *Uruk*, происходящий от слова со значением ‘семья, поколение, потомство и родня’, использующийся для кровнородственных объединений. Ученый обращает внимание, что уйгурские семьи в китайских источниках обозначаются *шун*, правда, он предостерег от поспешной интерпретации, указав, что у китайцев очень большие семьи²⁴⁵³. Отталкиваясь от того факта, что разные племена в китайских источниках обозначаются, в отличие от небольших подразделений *шун*, иероглифами *син* или *бу*, он указывает, что, вероятно, одни могли обозначать племена, другие племенные союзы и соответствовать *Bod* и *budun* древнетюркских текстов²⁴⁵⁴.

По-видимому, не без влияния М. Зийя (Гёк Алпа) Б. Ögel трактует древнетюркское *katıg* как форму слова *ketik* (кость), аналогичное *süngük* или *süyek*, из чего выражение *Kara katıg budun* переводит ‘чернокостный народ’, обозначающий весь простой народ, что не остав-

²⁴⁴⁷ Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Cilt 2. S. 22—23. Подобные выводы о монголах сделаны на основе сообщений китайских источников о быте племен *у-хуань*, а также одного эпизода из «Тайной истории...» (Өкэл Б. Бөжүк хун империясы. I китаб. С. 168—169, 191—194).

²⁴⁴⁸ Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Cilt 2. S. 23—24.

²⁴⁴⁹ Aynı eser. S. 25—26.

²⁴⁵⁰ Aynı eser. Cilt 1. S. 42; Cilt 2. S. 102. Версия тюркской генеалогической легенды с избранием ханом младшего из десяти сыновей по имени *А-шун-на*, а также положение советника при уйгурском кагане *Bögü* его младшего брата *Tun Bağa Tarkan* натолкнуло Б. Öгеля на параллель со статусом Толуя в Монгольском улусе после смерти Чингисхана и дало дополнительный аргумент в пользу существования у них института *Ot-Tegin* (> *Otçıgin*) (Ögel B. *Türk mitolojisi* (Kaynakları ve açıklamaları ile destanlar). 2. bk. Ankara, 1993 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sa. 102^a). I. Cilt. S. 27—28, 85—86).

²⁴⁵¹ Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Cilt 2. S. 27.

²⁴⁵² Aynı eser. S. 29—30.

²⁴⁵³ Aynı eser. S. 28—29.

²⁴⁵⁴ Aynı eser. S. 32—34.

ляет у ученого сомнения в существовании понятия *белая кость*, обозначающего каганов²⁴⁵⁵. Он критикует советских ученых, видевших в понятии *kara budun* социальный оттенок и пришедших на этом основании к мнению о классовой борьбе, которой быть не могло, поскольку народ и каган взаимно поддерживали друг друга²⁴⁵⁶, тем более что в источниках никогда каган и беги не противопоставляются народу²⁴⁵⁷. На мудрости кагана и советников, поддерживавших тюркские установления, а также на соблюдении бегами и народом тюркских установлений держалось тюркское государство²⁴⁵⁸. При этом обоюдное соблюдение *töre* ‘установлений государственного порядка’ было первоосновой тюркского общества²⁴⁵⁹. В китайских источниках тюркскому *il* ‘государство’ или ‘страна’ соответствовал термин *zo*²⁴⁶⁰. Главными составляющими государства были земля и народ, о чем говорит значение слова *Ulus*²⁴⁶¹; значение *il* отождествлялось именно с каганской властью²⁴⁶².

Одна из ключевых мыслей в концепции Б. Öгеля была сформулирована следующим образом: «С точки зрения древних тюрков, “Купол Неба для государства, купол юрты для семьи”, и то, и другое рассматривались в качестве крыши и купола. Имела место схема “Государство под Небом, семья под куполом шатра”. Поэтому у древних тюрков схема устройства государства и устройства семьи тоже родились похожими»²⁴⁶³.

Каган считался ставленником Свыше, что выражалось в трех моментах: 1) Бог (Тэнгри) даровал кагану мандат на правление (*yarlık*); 2) Бог (Тэнгри) даровал кагану свою благодать (*kut*), выделявшую его среди других людей; 3) Бог (Тэнгри) даровал кагану удачу (*ülüg*). Все это должно было способствовать успешному правлению кагана²⁴⁶⁴. Иначе говоря, каган является не сыном Неба, а ставленником, наместником²⁴⁶⁵. Сам же каган должен был соответствовать образу мудрого (*Bilge, Böğü*) и храброго (*Alp*)²⁴⁶⁶. В иерархии выше бегов все же стояли буйуруки кагана, т.е. высшие командиры и советники²⁴⁶⁷. Важно, что ученый отмечает личную дружину кагана, строившуюся на принципе покровительства, своеобразного усыновления²⁴⁶⁸.

²⁴⁵⁵ Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 2. S. 34—35, 37.

²⁴⁵⁶ Aynı eser. S. 36—37.

²⁴⁵⁷ Aynı eser. S. 43.

²⁴⁵⁸ Aynı eser. S. 44—46.

²⁴⁵⁹ Aynı eser. S. 73 vd. Cp.: Aynı eser. Cilt 1. S. 38.

²⁴⁶⁰ Aynı eser. Cilt 2. S. 48.

²⁴⁶¹ Aynı eser. S. 48—51.

²⁴⁶² Aynı eser. S. 51—53.

²⁴⁶³ Aynı eser. Cilt 2. S. 137.

²⁴⁶⁴ Aynı eser. S. 57.

²⁴⁶⁵ Öкэл Б. Бөжүк һүн империясы. I китаб. С. 226.

²⁴⁶⁶ Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 2. S. 64—67.

²⁴⁶⁷ Aynı eser. S. 102.

²⁴⁶⁸ Aynı eser. S. 99—100.

Также, по мнению Б. Öгеля, существовал институт соправительства в виде малых каганов, правивших отдельными территориями и командовавших набранными там войсками, но подчинялись они верховному кагану²⁴⁶⁹.

Военная организация с подразделениями на крылья и десятичным делением была определена самим образом жизни, а десятичная система фактически совпадала с делением внутри племен, поскольку они и так жили небольшими группами²⁴⁷⁰. Понятия «народ» и «войско» были фактически тождественными²⁴⁷¹. Автором также отмечается древняя тюркская традиция «троичного» деления государства на Центр, Восток и Запад под властью кагана²⁴⁷².

Распад каганата на Восточный и Западный, и сравнительно быстрое падение второго произошло из-за того, что на Западе тюрки были в меньшинстве, среди множества других по культуре народов, установить твердую общую власть над ними было сложнее²⁴⁷³. Западные тюрки, по сути, унаследовали, культурное достояние и политические традиции эфталитов²⁴⁷⁴.

Б. Öгель сделал несколько интересных замечаний по поводу социально-экономических и социально-политических изменений в Восточно-тюркском каганате в конкретный период. Так, он считал, что при Капагане началось развитие сельского хозяйства, он провел аграрную реформу²⁴⁷⁵. Бильге же каган сделал ставку на собирание народа и увеличение его благосостояния, сбалансировав внешнюю политику, сделав ее более мирной²⁴⁷⁶. В своем докладе на Международном симпозиуме «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», прошедшем в начале мая 1973 г. в Улан-Баторе, говоря о социальной структуре кочевников Центральной Азии, Б. Öгель высказал мнение, что кочевнические народы всегда были знакомы с культурой земледелия и практиковали ее не меньше и не хуже оседлых. Так, Западно-тюркский каганат был «земледельческой страной», но сложно что-то сказать о восточных тюрках. Известный случай, когда Капаган каган попросил у китайцев зерно и сельскохозяйственные орудия, связан с тем, что каган задумал перейти к новым, более совершенным традициям земледелия. Отказ китайцев вынудил его применить силу и после победы он вернулся из похода с семенами зерна, инструментами и специалистами. Эта война имела большое значение для истории Центральной Азии, об этом, как указывает ученый, он читал специальную лекцию в Анкаре («Земледелие или война за зерно»)²⁴⁷⁷.

²⁴⁶⁹ Ögel B. *Türk Kültürünün Gelişme Çağları*. Cilt 2. S. 86—87, 104, 112.

²⁴⁷⁰ Aynı eser. S. 31—32.

²⁴⁷¹ Aynı eser. S. 108—112.

²⁴⁷² Aynı eser. S. 83—85.

²⁴⁷³ Aynı eser. S. 83, 85.

²⁴⁷⁴ Aynı eser. S. 56.

²⁴⁷⁵ Aynı eser. Cilt 1. S. 42—43.

²⁴⁷⁶ Aynı eser. S. 43—44.

²⁴⁷⁷ Ögel B. [Доклад] // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии ... С. 245—246.

Б. Öгелъ уделил очень много внимания вопросу о городской культуре древних тюрков. Западные тюрки селились в городах и строили охранные пункты на торговых путях, но с ними селились их семьи. Эти точки разрастались в города²⁴⁷⁸. Тюргеши фактически уже были городским государством²⁴⁷⁹. Уйгурский каган имел свою постоянную ставку (*örüg*) с какими-то сооружениями, — этакое подобие дворца, — являвшуюся символом власти, центром государства. На завоеванных землях уйгуры основывали крепости, где селились наместники и размещались гарнизоны, и вскоре они тоже превращались в центры владений. Так появлялись города²⁴⁸⁰.

Ставка тюркских и уйгурских каганов обозначалась в китайских источниках как *я-чжан*, где *я* — ‘знамя’²⁴⁸¹. Знамя (др.-тюрк. *tuğ*), было, по мнению ученого, не только символом связи правителя с Небом²⁴⁸², но также и обозначением подразделения государства, т.е. количество знамен в таких случаях обозначало количество племен, входящих в него (напр., *Uç tuğluğ*)²⁴⁸³.

Это основные взгляды ученого, нашедшие отражение и в ряде других его монографий и статей, в частности в монографии «Понимание государства у тюрков (до конца XIII в.)» (Ankara, 1982)²⁴⁸⁴ и докладе «Тюркский народ и тюркское государство» (Tarihte Türk Devletleri Sempoziumu. Ankara, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). Cilt I. S. 65—67)²⁴⁸⁵.

Кроме того, в докладе на симпозиуме «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии», говоря о социальной структуре кочевников Центральной Азии, Б. Öгелъ отметил такую форму организации как монгольский *Küriyen* — объединение множества различных единиц, необходимое для защиты ввиду постоянной борьбы между ними за пастбища (тюрк. *Yurt*), способствовавшее сплоченности и дисциплине степного народа и дававшего ему богатый опыт управления²⁴⁸⁶. Исходя из сообщения Рашид ад-Дина, что племена *джалаир* когда-то пасли верблюдов (ср. по переводу Л.А. Хетагурова: «давали масло [в пищу] самцам-верблюдам») у уйгурского кагана (ср. по переводу Л.А. Хетагурова: «гур-хана, который был государем уйгу-

²⁴⁷⁸ Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 1. S. 57—58.

²⁴⁷⁹ Aynı eser. S. 67.

²⁴⁸⁰ Aynı eser. Cilt 2. S. 129—131.

²⁴⁸¹ Aynı eser. S. 122. Ср., однако: Ögel B. Türk Kültür Tarihine Giriş. Cilt I. S. 259, где ученый рассуждает в совсем ином направлении.

²⁴⁸² Ögel B. Türk mitolojisi (Kaynakları ve açılmaları ile destanlar). 2. bk. Ankara, 1995 (Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sa. 102^a). II. Cilt. S. 165—166.

²⁴⁸³ Ögel B. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 2. S. 122; Aynı müel. Türk Kültür Tarihine Giriş. Ankara, 1978 (Kültür Bakanlığı Yayınları : 244 ; Kültür Eserleri : 13). Cilt II. Türklerde Ziraat Kültürü. Göktürklerden Osmanlılara. S. 107. При этом ученый обращал внимание и на священное значение числа *девять* в верованиях тюркских народов: Ögel B. Türk mitolojisi ... II. Cilt. S. 163—166, 243; Aynı müel. Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 2. S. 153—154.

²⁴⁸⁴ См.: Yuvalı A. Bahaeddin Ögel. S. 135—141. Подробно о взглядах ученого см. также: Göde K. Hocamız Prof. Dr. Bahaeddin Ögel (1924—1989) // Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 1990. Sayı 4. S. 460—465.

²⁴⁸⁵ См.: Yuvalı A. Bahaeddin Ögel. S. 235—239.

²⁴⁸⁶ Ögel B. [Доклад] // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии ... С. 244. Ср. также: Ögel B. Türk mitolojisi ... I. Cilt. S. 551, 553.

ров») ²⁴⁸⁷, а также из сообщения китайского источника XII в. «Хуэй-чжу лу» Ван Мин-цина, что кидане были у уйгуров пастухами овец, а татары — пастухами коров, Б. Òгель считал возможным писать об особой системе «государственного разведения скота», когда наиболее сильное племя предоставляет наиболее бедным (в данном случае монгольским) определенные пастбищные земли. А с уходом уйгуров после 849 г. из Монголии именно это обстоятельство, — это некогда имевшее место подданство, — помогло возвыситься одним монгольским племенам среди других ²⁴⁸⁸. Едва ли, конечно, эти рассуждения заслуживают серьезного отношения. Но более важно то, что в другой работе Б. Òгель преподнес это как «уйгурскую феодальную систему» ²⁴⁸⁹.

Ряд ценных замечаний, хотя весьма общего характера, содержится у долгое время работавшего в Турции венгерского специалиста Ласло Расоньи и издавшего там в итоге книгу «Тюркство в истории» ²⁴⁹⁰. Говоря о степной прародине тюркских народов, он солидаризировался с учеными, полагавшими, что природные условия степи оказали первостепенное влияние на формирование уникальной степной культуры, способствовавшей выработке многих специфических, в первую очередь, военных и организационных характеристик у тюркских народов. Однако сам характер кочевого скотоводства, требующий постоянного расширения пастбищных территорий, не мог не приводить степняков к конфликтам друг и с другом и также вынуждал к нашествиям на оседлых соседей. Но кроме отрицательного разрушительного эффекта, их нашествия часто позже играли положительную роль в формировании и организации новых государств ²⁴⁹¹.

Л. Расоньи отметил патриархальный характер кочевнической общины ²⁴⁹². Развивая рассуждения В.В. Радлова об ауле (объединение 6—10 семей) как основной форме существования кочевнических объединений, организовавшихся в более крупные единицы лишь по хозяйственной или военной необходимости (общины-стойбища) ²⁴⁹³, Л. Расоньи выдвинул мнение о создании на основе наиболее долго существующих таких единиц «общественных объединений» — илей и улусов. Во главе этих объединений всегда стоит один из кланов (оумак), члены которого

²⁴⁸⁷ См.: Зуев Ю.А. Ранние тюрки : очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С. 293—295.

²⁴⁸⁸ Ögel B. [Доклад] // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии ... С. 245.

²⁴⁸⁹ Экэл Б. Бөжүк һун империясы. I китаб. С. 137—138.

²⁴⁹⁰ Rásonyi L. Tarihte Türklük. Ankara, 1971 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları : 39 ; Seri : III — Sayı : A11). Ср. его книгу «Dünya Tarihinde Türklük» (Ankara, 1942). Мы рассматриваем эти работы в контексте турецкой историографии, исходя именно из большого значения книги для нее, нежели для венгерской историографии. Само пребывание ученого в Турции в период 1935—1942 гг. сыграло важную роль, по крайней мере, уже тем, что Л. Расоньи способствовал изучению венгерского языка и тем самым ознакомлению с работами венгерских ученых многими турецкими исследователями (*Güngörmüş N. Hungarológia Törökországban // Hungarologische Beiträge. 1995. 4. sz. Hungarológia Magyarországon kívül. 26—28. o.*). С 1963 по 1971 гг. Л. Расоньи, уйдя на пенсию из Венгерской академии наук, снова работает в Турции (Уо. 30—31. о.).

²⁴⁹¹ Rásonyi L. Tarihte Türklük. S. 4, 5.

²⁴⁹² Aynı eser. S. 54.

²⁴⁹³ Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche. Zweite Ausgabe. Leipzig, 1893. 1 Bd. Mit farbigem Titelbilde und 15 Illustrationen. S. 513; Из Сибири : страницы дневника / пер. с нем. К.Д. Цивинной, Б.Е. Чистовой ; примеч. и послесл. С.И. Вайнштейна. М., 1989. С. 337—338.

заинтересованы в сохранении власти за своим представителем, поэтому они взаимно поддерживают друг друга. Существование таких объединений поддерживается необходимостью военного противостояния другим подобным объединениям, способствуя также выработке их внутренней организации²⁴⁹⁴. Они объединялись в племена (оумак), те — в конфедерации (*ulus, il*)²⁴⁹⁵. Здесь заметно также влияние Б.Я. Владимирцова.

Основу тюркского общества, по Л. Расоньи, составляла моногамная большая патриархальная семья²⁴⁹⁶, характер функционирования которой ученый сравнил с механизмом кочевнического объединения, когда правитель должен обеспечивать пропитание и защиту своих подданных, как глава семьи своим домочадцам²⁴⁹⁷, что прослеживается и по руническим текстам, где при обращении кагана к народу перечисляются вначале его родственники, затем подвластные племена²⁴⁹⁸. Семья же правителя старается легитимировать свою власть и в качестве одного из средств использует идею об особых качествах правителя, его избранности, которые могут быть названы как 'харизма'²⁴⁹⁹. Власть передается в рамках одной семьи, но с согласованием с предводителями других племен. Однако власть хана не является абсолютной, он вынужден считаться с главами племен (беги), постоянно поддерживать их лояльность, устраивая пиры, совещания и разного рода собрания²⁵⁰⁰. В разделе о *ту-цзюэ*²⁵⁰¹ важным является указание на демократический характер власти, в отличие от монголов времен Чингисхана²⁵⁰². Тюркское объединение состояло из тридцати племен (12 гектюркских и еще 18 из 9 уйгурских, 1 объединения токуз огузов и 8 племен огузов)²⁵⁰³.

Большое, прежде всего, методологическое значение, имела вышедшая в 1977 г., выдержавшая с тех пор несколько изданий, фундаментальная книга Ибрахима Кафесоглу (урожденный Халил Ибрахим) «Тюркская национальная культура»²⁵⁰⁴. Вряд ли преувеличением будет сказать, что эта работа стала настольной книгой для всех последующих поколений турецких историков. В книге было высказано много интересных мыслей, перекочевавших затем в работы других ученых, в т.ч., однако, и гипотез, часто опиравшихся на достаточно шаткую аргументацию. Он же написал раздел об истории Тюркского каганата и устройства древнетюркского общества для «Учебника Тюркского мира» (1976)²⁵⁰⁵.

²⁴⁹⁴ *Rásonyi L. Tarihte Türklük. S. 54—56.*

²⁴⁹⁵ *Aynı eser. S. 55—56.*

²⁴⁹⁶ *Aynı eser. S. 56—57.*

²⁴⁹⁷ *Aynı eser. S. 58.*

²⁴⁹⁸ *Aynı eser. S. 59.*

²⁴⁹⁹ *Aynı eser. S. 59—60.*

²⁵⁰⁰ *Aynı eser. S. 60—61.*

²⁵⁰¹ *Aynı eser. S. 96—103.*

²⁵⁰² *Aynı eser. S. 102.*

²⁵⁰³ *Aynı eser. S. 103.*

²⁵⁰⁴ *Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. 4. bk. İstanbul, 1997 (Ötüken Neşriyat ; Yayın Nu : 376. Kültür serisi ; 128).*

²⁵⁰⁵ *Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 127—145, 187—188. Cp.: Kafesoğlu İ. TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet) // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2012. Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. S. 487—490.*

Ученик Л. Расоньи, М. Фуата (Кёпрюлю), А. Инана, работая над докторской диссертацией в Венгрии, И. Кафесоглу слушал лекции А. Альфёльди, Д. Немета, Л. Лигети²⁵⁰⁶, однако, специализировался он сам больше на мусульманском периоде тюркской истории²⁵⁰⁷.

Тем не менее, И. Кафесоглу предпринял попытку сравнительно-исторического исследования становления и развития общества, в т.ч. социальных и политических институтов тюркских государственных образований, с древнейших времен до начала исламского периода. Важна мысль ученого о самостоятельном развитии социальных институтов кочевников, определяющемся, прежде всего, условиями и потребностями степного быта²⁵⁰⁸. Несомненно, некоторое влияние на концепцию И. Кафесоглу оказали взгляды Л. Расоньи.

Вместе с тем, И. Кафесоглу полностью отрицает теорию В.В. Радлова, построенную на основе наблюдений за тюркскими народами, которые, в отличие от сельджуков и османов, за годы господства монголов, а потом русских, придались «забвению высокой культуры», и вслед за этим И. Кафесоглу выражает недоумение по поводу всех, кто принял теорию В.В. Радлова, а это В.В. Бартольд, В. Томсен, Д. Намет, А. Альфёльди, Ф. Ласло, А. фон Габэн, а затем А.Н. Бернштам, П. Ваци, Э.А. Томпсон и др.²⁵⁰⁹ Здесь, по-видимому, имело место свойственное для некоторых турецких историков, как отметил Й.П. Лаут, подчеркивание «элементов оседлой жизни турецкого народа в ущерб кочевым элементам, не в последнюю очередь для противопоставления западным и арабо-персидским оговоркам о примитивном кочевническо-варварском менталитете турков»²⁵¹⁰.

И. Кафесоглу был сторонником диффузионизма, опираясь на два тезиса. Во-первых, то, что, широко рассеявшись по территории Евразии, тюрки приспособлялись к местности, в зависимости от местных природных условий, и со временем тюркские общины стали отличаться друг от друга; во-вторых, в местах, где природные условия не сильно разнились, тюрки сохранили больше сходств друг с другом и с материнской культурой, такие как язык, обычаи, традиции и т.д.²⁵¹¹

²⁵⁰⁶ Saray M. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu, hayatı ve eserleri // Türk Kültürü Araştırmaları. 1985. Cilt XXX. Sayı 1—2. Prof. Dr. İbrahim KAFESOĞLU'nun Hâtrısına Armağan. S. 1—2; Çayır Y., Şahin M. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu'nun Hayati ve Eserleri // I. Burdur Sempozyumu Bildiriler, Burdur, 16—19 Kasım 2005 / editörler Prof. G. Yıldız, Prof. Dr. M. Zeki Yıldırım, Yrd. Doç. Dr. Ş. Kazan. Burdur, 2007 (Mehmet Akif Ersoy Üniversitesi Rektörlüğü Sempozyum Dizisi : 1). II. Cilt. S. 1602.

²⁵⁰⁷ Saray M. Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu, hayatı ve eserleri. S. 3. Список работ И. Кафесоглу см.: Aynı eser. S. 7—22.

²⁵⁰⁸ Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. S. 213—214; Aynı müel. Türkler // İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul, 1988. Cilt XII/2. Tuğ — Türşiz. S. 215—216; Aynı müel. TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 487; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 187—188. Ср. также его высказывания в рецензии на одну из работ Османа Турана в изд.: Kafesoğlu İ. [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan : Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti. Neşreden : Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // Tarih Dergisi. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 178—179.

²⁵⁰⁹ Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. S. 32 dipnot 37.

²⁵¹⁰ Laut J.P. Zur Sicht des Islam in der Türkischen Republik bis zum Tode Atatürks. S. 69—70.

²⁵¹¹ Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. S. 40.

По-видимому, описание И. Кафесоглу социальных и политических институтов является наиболее важной частью его работы. Именно И. Кафесоглу принадлежит авторство кочующей сегодня по работам турецких ученых схемы общественной организации древних тюрков: семья (*oğuş*) — объединение семей (?) (*urug*) — племя (*bod*) — союз племен (*bodun*)²⁵¹².

И. Кафесоглу отмечал, что древним тюркам была присуща малая форма семьи, близкая к расширенной, т.к. бытование большой семьи невозможно в условиях кочевнического хозяйства. Она характеризовалась моногамией и левиратом²⁵¹³. Семьи объединялись в *urug*, хотя сам термин зафиксирован в древнетюркских текстах лишь гипотетически: некоторыми учеными он читается в енисейском памятнике Кемчик—Чыргаки [Е-41, 10]²⁵¹⁴, а также корень слова видят в Хошо-Цайдамских надписях в глаголе *uruy-sira-t-* с буквальным значением ‘пресечь, прекратить род’ [КТб, 10 = БК, X, 9]²⁵¹⁵. Кроме того, И. Кафесоглу ссылается на упомянутую выше статью А. Инана, указавшего к слову *URUG* для VIII в. значение ‘сообщество, состоящее из близких и дальних братьев по крови’²⁵¹⁶. Следующая социальная величина — *Boy* (др.-тюрк. *bod*); они руководились бегами (*beg*) и были довольно устойчивыми единицами, обладая общностью земли, стада; выставляли общее ополчение на войну. В военной организации им были эквиваленты *Ok* ‘стрелы’²⁵¹⁷. Эти единицы имели социально-политический характер. Они управлялись выборным представителем из наиболее могущественной семьи. Вероятно, совещательную роль играл *той*, где решались вопросы выбора маршрутов перекочевок, разделения пастбищ, разбирались споры. Это был прообраз учредительного органа государства²⁵¹⁸. Более высокий, теперь уже политический, уровень представлял *bodun*. Это не всегда объединение общих по этнической и языковой принадлежности племен, а, скорее, политический или экономический союз²⁵¹⁹. Высшей формой организации является *il* ‘государство’. Он отличался более четкой организацией: в ее основе лежало десятичное деление. Государство имело четыре харак-

²⁵¹² *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 227, 229; *Aynı müel.* Türkler. S. 219—220; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 191—192. Ср.: *Kafesoğlu İ.* TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 488.

²⁵¹³ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 228; *Aynı müel.* TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 488; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 192.

²⁵¹⁴ У Х. Намыка (Оркуна), читавшего это слово в надписи Кемчик—Чыргаки (*Orkun H.N.* Eski Türk yazıtları. S. 490, 491, 494), его значение толкуется как *uruy* ‘племя, род, клан’ (*Aynı eser.* S. 876). Совсем иначе читал и транскрибировал всю строку С.Е. Малов (*Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков: тексты и переводы. М.; Л., 1952. С. 75). В 1983 г. Д.Д. Васильев уточнил транслитерацию: мы можем уверенно читать *zzl²: u¹r¹γn¹: qb¹j¹: u¹r¹γn¹* и далее — ясно *altimya altim* [Е-41, 10] (*Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. С. 29 (транслитерация), 67 (прорисовка), 106 (фотография). Ср: *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М., 2008. С. 54—55, 56). С учетом этой транслитерации совсем иное чтение предложил И.В. Кормушин (*Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии ... 2008. С. 55, 56—57). Однако чтение Х. Намыка (Оркуна) повторяет Э. Айдын (*Aydın E.* Yenisey Yazıtlarında Geçen Türk Boyları Üzerine Notlar // *Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları.* 2011. Vol. 6/1. P. 391; *Айдын Э.* Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских надписях // *Эпиграфика Востока.* 2011. Вып. XXIX. С. 4).

²⁵¹⁵ *Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları ... S. 372.

²⁵¹⁶ *İnan A.* Türk Etnolojisini İlgilendiren Birkaç Terim-Kelime. S. 183.

²⁵¹⁷ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 229—230; *Aynı müel.* TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 488.

²⁵¹⁸ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 231; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 193.

²⁵¹⁹ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 231—232; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 193.

теристики: независимость или суверенитет (*oksızlık*), территория (*ülke* или *ulus*), народ, т.е. подданные (*kün*), и закон (*töre*)²⁵²⁰. При этом И. Кафесоглу специально отметил, что степные тюркские государства не рассматривались как коллективная собственность правящего дома²⁵²¹.

Что касается подданных, то у тюрков не было рабов, как не было классового разделения вообще, но группы населения различались по широте своих прав в связи с тремя факторами: экономическое состояние, отношение к военной службе и административный ранг. Поэтому возвышение было открыто для любого члена тюркской общины²⁵²². И. Кафесоглу, сравнивая понятия *ak beg* и *kara bodun*, говорит не о социальной борьбе. Второе сочетание он переводит как 'весь, большой, целиком народ'. Однако ни одна должность, кроме ханской, не была наследственной, занять любую должность можно было по выборности. Именно так попадали в категорию *ak beg*, включавшую высший командный и административный состав государства²⁵²³. Однако социально-правовые ограничения накладывались на покоренные племена, попадавшие в коллективную зависимость по типу установленной Б.Я. Владимирцовым у монголов формы *unagan boğol*²⁵²⁴.

Тюркским государствам, по мнению ученого, была присуща всеобщая милитаризация, так что народ соответствовал войску²⁵²⁵, а также дуальное деление административной и военной организации²⁵²⁶, и соправительство²⁵²⁷.

И. Кафесоглу принадлежит предположение о тождестве упоминаемого в китайских источниках сочетания *да-гуань* и зафиксированного в надписи Кюль тегина древнетюркского термина *toğun*; он считал, что данный тюркский термин означал участников народного собрания («государственный совет» или «народное собрание»)²⁵²⁸. Это утверждение теперь можно встретить в работах многих турецких авторов²⁵²⁹, но оно безосновательно²⁵³⁰.

²⁵²⁰ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 233—247; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 193—201. Термин *oksızlık*, по мнению ученого, эквивалентен *kaganlık*, т.е. означал централизованное состояние.

²⁵²¹ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 245—246; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 198; *Kafesoğlu İ.* TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 488. См.: *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples : Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992 (Turkologica. Bd. 9). P. 11 note 42, p. 220 note 166.

²⁵²² *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 239—241; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 196—197. И. Кафесоглу отмечает, что рунические надписи не дают упоминаний о духовенстве у тюрков. Ср. также рассуждения об отсутствии рабства в кн.: *Kafesoğlu İ.* TÜRK (II. Kültür ve Medeniyet). S. 488—489.

²⁵²³ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 242; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 197.

²⁵²⁴ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 245; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 198.

²⁵²⁵ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 282—283; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 205—206.

²⁵²⁶ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 270—273.

²⁵²⁷ Aynı eser. S. 274—278; Türk Dünyası El Kitabı. Cilt 1. S. 202—203.

²⁵²⁸ *Kafesoğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 260—263; *Çayır Y., Şahin M.* Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu'nun Hayati ve Eserleri. S. 1608—1610.

²⁵²⁹ См., напр.: *Donuk A.* Eski Türk Devletlerinde İdarî-askerî Ünvan ve Terimler. İstanbul, 1988. S. 40 dipnot 318; *Taşoğlu A.* Gök-Türkler I. 2. bk. Ankara, 2003 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 160¹). S. 51, 96 dipnot 559; *Aynı müel.* Gök-Türkler'de İdari ve Sosyal Yapı // Bilim ve Ütopya Dergisi. 2003. Sayı 104. S. 22; *Çayır Y., Şahin M.* Prof. Dr. İbrahim Kafesoğlu'nun Hayati ve Eserleri. S. 1608—1609; *Çakır A.* Bozkır Kültür Çevresinde Sosyal Yapı ve Teşkilatlanma : Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2007.

Попытки обращения в древнетюркской проблематике в этот период также делались в работах неспециалистов, представителей интеллигенции, не бывших историками или филологами профессионально: журналистами, публицистами, общественными деятелями.

В первом томе своей двенадцатитомной «Истории Турции с начала до сегодняшнего дня» некоторое внимание древнетюркскому периоду уделил националист Абдуллах Тахсин Йылмаз (Öztuna)²⁵³¹, но социальных вопросов он не затронул.

Вышедшая в 1974 г. книга журналиста Али Кемаля (Мерама) являлась, в сущности, не слишком критичным пересказом источников, содержала много фактических ошибок²⁵³². В незначительном разделе о социальном устройстве древних тюрков он отметил разделение на классы, определявшееся тремя факторами: племенной принадлежностью, местом в иерархии гражданских и военных чинов, личными заслугами, помогавшими им подняться по социальной лестнице²⁵³³. Также он написал о равноправии и демократичности в древнетюркской семье²⁵³⁴.

Социалист Догу Перинчек не считал гёк-тюркский каганат государством, отмечая там племенной строй, находящийся на грани образования государства, а также писал о зачатках («посеянных зернах») государства, военной демократии, ведущей к образованию типичного для степи «централизованного деспотического государства»²⁵³⁵.

Социал-демократ Доган Авджюглу, журналист, автор пятитомной «Истории тюрков», также придерживался марксистских построений и объяснял отношения между кочевыми племенами, следуя теории Б.Я. Владимирцова об *unagan-bogol* как форме зависимости²⁵³⁶. В древнетюркских каганатах он выделял главенствующее племя (А-ши-на у тюрков, Йаглакар у уйгуров), племенную знать (беи) и простой народ (*kara budun*)²⁵³⁷. При этом, противопоставляя *beyleg* и *budun*, вслед за Р. Жиро (см. выше) с цветовыми обозначениями *ak* и *kara*, сочетание *kara kamık* он интерпретировал как обозначение ‘черной кости’²⁵³⁸. Характерно, что он возражал против националистической трактовки сочетания *Türk budun* рунических надписей как ‘тюркский народ’, т.е. в понимании именно нации, обладающей собственным самосознани-

S. 117; Seyitdanlioğlu M. Eski Türklerde Devlet Meclisi “Toy” Üzerine Düşünceler // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Dergisi. 2009. Cilt XXVIII. Sayı 45. S. 5—6; и др.

²⁵³⁰ См.: Tishin V.V. On the Term *dāguān* of Chinese Sources on the Early Turkic History (in View of the One Hypothesis of İbrahim Kafesoğlu) // Dil Araştırmaları. 2014. Sayı 15. S. 39—51.

²⁵³¹ Öztuna T.Y. Başlangıcından Zamanımıza Kadar Türkiye Tarihi. 2. bk. Ankara, 1963 (Hayat Kitapları : 37 ; Tarih Dizisi : 1). Cilt 1. Türklerden Önce Anadolu ve Anadoluya Gelmeden Önce Türkler. S. 143—180.

²⁵³² Meram A.K. Göktürk İmparatorluğu. [İstanbul], 1974 (Milliyet Yayınları, Tarih Dizisi ; 35).

²⁵³³ Aynı eser. S. 106—107.

²⁵³⁴ Aynı eser. S. 107—108.

²⁵³⁵ Perinçek D. Bozkurt Efsaneleri ve Gerçek — Orta Asya Türk Kavimlerinin Tarihî Gelişmeleri Üzerine // Aydınlik. 1976. Sayı 66. Цит. по: Avcioglu D. Türklerin Tarihi. İstanbul, 1978. Birinci Kitap. S. 102.

²⁵³⁶ Avcioglu D. Türklerin Tarihi. Birinci Kitap. S. 248—249, 252—252, 441—442, 480—485; İkinci Kitap. S. 741—743.

²⁵³⁷ Aynı eser. İkinci Kitap. S. 743—744.

²⁵³⁸ Aynı eser. Birinci Kitap. S. 260—262.

ем²⁵³⁹; *budun* имел, прежде всего, организационный характер²⁵⁴⁰. Д. Авджюглу помещал развитие древних тюрков, как и хуннов, на стадию военной демократии²⁵⁴¹. Необходимо отметить и попытку интерпретации терминов социальной организации в эволюционистском ключе²⁵⁴². Характерно, что в отдельных моментах автор пытался полемизировать с И. Кафесоглу.

Социолог Махмут Арслан в 1984 г. издал работу, специально посвященную социальному и политическому устройству «степных империй»²⁵⁴³. Несмотря на то, что он постоянно обращается к разработкам В.В. Радлова и В.В. Бартольда, привлекает Б.Я. Владимирцова, в его рассуждениях присутствует ряд противоречий, вызванных попытками объединить выводы М. Зийя (Гёк Алпа), С. Максуди (Арсала) и И. Кафесоглу.

Вторя В.В. Радлову, он писал о хозяйственной природе и, следовательно, демократическом характере ханской власти²⁵⁴⁴. Он также рассуждал о патриархальном характере зависимости в степном обществе, именно это обозначали термины *kul* и *kün (köng)*, но рабство не было присуще кочевническому обществу²⁵⁴⁵, и, вслед за Б.Я. Владимирцовым, М. Арслан пишет о коллективной зависимости *unagan bogol*²⁵⁴⁶. Ученый отмечал коллективную собственность на землю, в лице всего племени (*aşiret*)²⁵⁴⁷. Крепкий, коллективный характер социальной организации проистекал из самой необходимости ухода за скотом и его охраны²⁵⁴⁸. Однако М. Арслан предпринял отличную от И. Кафесоглу попытку разобраться в терминах социальной организации древних тюрков, приведя их такой иерархии: *Oğuş* ‘семья’, *Urug* ‘род’ (семья?), *Bod* ‘племя’, *Ok* ‘племя (политическое объединение)’, *Bodun* ‘племенной союз’ (обладающий политической независимостью или нет), *İl (él)* ‘независимое сообщество, государство, империя’²⁵⁴⁹. По его мнению, важное значение в социальной организации имело именно осознание коллективного родства, поэтому, обращаясь к форме семьи, М. Арслан, учитывая подходы С. Максуди (Арсала) и И. Кафесоглу, пытается как бы примирить их и пишет о большой семье, управляемой домохозяином (*Pater familia*), но существующей только «юридически», на деле же состоящей из ряда малых семей, поэтому М. Арслан предлагал отказаться от термина «малая семья» в этом случае²⁵⁵⁰. Этот факт важен еще тем, что показывает неаргументированность в целом правильного утверждения И. Кафесоглу, хотя и само утверждение М. Арслана безосновательно вовсе.

²⁵³⁹ *Avcıoğlu D. Türklerin Tarihi. Birinci Kitap. S. 37, 291—295.*

²⁵⁴⁰ *Aynı eser. S. 257—258.*

²⁵⁴¹ *Aynı eser. İkinci Kitap. S. 773—774.*

²⁵⁴² *Aynı eser. Birinci Kitap. S. 234—235 dipnot.*

²⁵⁴³ *Arslan M. Step İmparatorluklarında Sosyal ve Siyasî Yapı. İstanbul, 1984.*

²⁵⁴⁴ *Aynı eser. S. 13.*

²⁵⁴⁵ *Aynı eser. S. 23—24, 46, 25.*

²⁵⁴⁶ *Aynı eser. S. 24, 25.*

²⁵⁴⁷ *Aynı eser. S. 32.*

²⁵⁴⁸ *Aynı eser. S. 36.*

²⁵⁴⁹ *Aynı eser. S. 36.*

²⁵⁵⁰ *Aynı eser. S. 37—38.*

М. Арслан полагал, что именно общность бытия определяла централизацию семей в более крупные единицы, в основе которых, однако, лежало, считал он, фактически следуя С. Максуди (Арсалу), кровное родство, — *Urug*, прежде патриархальный род, расширяющийся за пределы кровного родства, соответствовавший греческому *Genos*, римскому *Gens* и германскому *Sippe*, позже переросший в своеобразный союз родов, возглавлявшийся беем, составлявший новый уровень племенных конфедераций²⁵⁵¹. Эти племена характеризовались патриархальным началом и экзогамией²⁵⁵². Если бы М. Арслан был знаком с работой Л. Крэдера, он бы, думается, смог бы решить все поставленные задачи гораздо лучше.

Термин *boy* и, по мнению М. Арслана, эквивалентный ему монгольский *oymak*, ученый также пытался объяснить через сравнение с греческим *Fratria*, и римским *Curia*, отмечая их демократическую сущность²⁵⁵³. Они объединялись уже в племенные союзы²⁵⁵⁴, а те составляли *эли* в виде «простейшей формы государства»²⁵⁵⁵. При этом, возвращаясь к работам М. Зийя (Гök Алпа), автор пишет, что *эли* делились на провинции (*Uz*), состоявшие из племен (*aşiret*)²⁵⁵⁶. М. Арслан также отмечает соправительство с разделением на два крыла²⁵⁵⁷.

Что касается политических институтов, то исходя из того, что в источниках каган заботится о процветании и сытости народа, М. Арслан считает возможным говорить и о его «законодательной деятельности», которая обсуждается с бегами²⁵⁵⁸. Этот *toy* играет роль съезда аристократии²⁵⁵⁹. Не может идти речи о борьбе аристократических и демократических элементов, а лишь о демократической сущности каганской власти²⁵⁶⁰. Каган наделен *kut* ‘имперской властью и суверенитетом’, обеспечивающим ему поддержку народа²⁵⁶¹, харизмой, распространяющейся на всех его потомков²⁵⁶².

По сути, можно заключить, что эта работа имеет больше компилятивный характер, но она заслуживает внимания лишь потому, что является одной из первых попыток синтезировать имеющиеся теоретические разработки по изучению кочевнического общества тюрков, по крайней мере, в турецкой историографии, хотя при этом ничего важного она не вносит.

Эта работа, как и книга Д. Авджюглу, из разряда тех, где, выражаясь словами Т. Тюркера, «социологический подход практически подменяет самостоятельные изыскания на

²⁵⁵¹ *Arslan M. Step İmparatorluklarında Sosyal ve Siyasî Yapı. S. 38—39.*

²⁵⁵² *Aynı eser. S. 39—40.*

²⁵⁵³ *Aynı eser. S. 45—46, 49.*

²⁵⁵⁴ *Aynı eser. S. 49 vd.*

²⁵⁵⁵ *Aynı eser. S. 51.*

²⁵⁵⁶ *Aynı eser. S. 52 vd.*

²⁵⁵⁷ *Aynı eser. S. 58—59.*

²⁵⁵⁸ *Aynı eser. S. 71—72.*

²⁵⁵⁹ *Aynı eser. S. 108—109.*

²⁵⁶⁰ *Aynı eser. S. 99—100.*

²⁵⁶¹ *Aynı eser. S. 104.*

²⁵⁶² *Aynı eser. S. 108.*

основе архивных материалов [в нашем случае: на основе письменных источников — *Авт.*]»²⁵⁶³. М. Ӗз также отмечал общий схематизм социологических работ, писавшихся, начиная с 60-х гг. XX в., в русле преимущественно марксистской методологии²⁵⁶⁴.

Именно концепции работ И. Кафесоглу, а также Б. Ӗгеля, могут считаться основополагающими для турецкой историографии древних тюрков.

Важно, что турецким ученым, как, например, С. Максуди (Арсалу), так и И. Кафесоглу, присуще общее стремление показать тюркское общество традиционно демократическим, даже вразрез с данными источников, когда, например, в их работах речь идет об открытой социальной системе, они отрицают данные китайских источников о наследственном характере должностей у тюрков²⁵⁶⁵. Но здесь очевидна и методическая неувязка: ведь в источнике речь идет о военно-административном уровне организации древнетюркского общества, а не племенном.

Кроме того, для всех националистически настроенных историков не вставал вопрос о землепользовании и землевладении: народ (нация), государство и земля были едины²⁵⁶⁶.

Перу А. Донука, ученика И. Кафесоглу, принадлежит среди прочих статья об изучении древнетюркской семьи в сравнительно-историческом аспекте²⁵⁶⁷, где он повторяет доводы Б. Ӗгеля о том, что семья была маленькой моделью государства²⁵⁶⁸, а саму древнетюркскую семью характеризует вслед за И. Кафесоглу (*ođuş*) как малую, отцовскую, но также пишет о равноправии женщины и левирате²⁵⁶⁹.

На состоявшемся в Университете Анкары 20—25 мая 1985 г. симпозиуме, посвященном «историческим тюркским государствам», доклады, посвященные Тюркским каганатам, подготовили А. Донук (восточные тюрки)²⁵⁷⁰ и Б. Ӗгель (западные тюрки и тюргеши)²⁵⁷¹, который также вновь изложил здесь в реферативной форме свои взгляды на генезис тюркских государственных институтов, развивающихся в рамках культуры тюркского (= турецкого) народа и последовательно эволюционировавших на протяжении всего периода от хуннов до Османов²⁵⁷².

²⁵⁶³ *Тюркер Т.* Османская империя в современной турецкой историографии ... № 2. С. 45.

²⁵⁶⁴ *Ӗз М.* Cumhuriyet Döneminde Tarih Araştırmaları // Atatürk'ün Ölümünün 62. Yılında Cumhuriyet Türkiye'sinde Bilimsel Gelişmeler Sempozyumu 8—10 Kasım 2000 / ed. : B. Yediyıldız. Ankara, 2001. S. 22.

²⁵⁶⁵ *Максуди Арсал С.* Тюркская история и право. С. 232; *Кафесоğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 273—274.

²⁵⁶⁶ См.: *Атsız Н.* 16 Devlet masalı ve Uydurma Bayraklar. S. 3; *Ӗgel B.* Türk Kültürünün Gelişme Çağları. Cilt 2. S. 49; *Ӗкэл Б.* Бейжук хун империясы. I китаб. С. 122, 125—126; *Кафесоğlu İ.* Türk Milli Kültürü. S. 235—236; *Türk Dünyası El Kitabı.* Cilt 1. S. 194.

²⁵⁶⁷ *Donuk A.* Çeşitli Topluluklarda ve Eski Türkler'de Âile // *Tarih Dergisi.* 1982. Sayı 33. S. 147—168.

²⁵⁶⁸ *Aynı eser.* S. 147.

²⁵⁶⁹ *Aynı eser.* S. 162—167.

²⁵⁷⁰ *Donuk A.* Gök-Türk Hakanlıkları // *Tarihte Türk Devletleri.* Ankara, 1987 (Ankara Üniversitesi Rektörlüğü Yayınları : 98). Cilt I. S. 111—116.

²⁵⁷¹ *Ӗgel B.* Batı Göktürk devleti // *Aynı eser.* S. 117—120; *Aynı müel.* Türgeş Devletleri (Göktürkler'in batıya kaymaları, batıda şehirli Türk devletlerinin doğuşu) // *Aynı eser.* S. 121—127.

²⁵⁷² *Göde K.* Hocamız Prof. Dr. Bahaeddin Ӗgel (1924—1989). S. 454—455. См.: *Ӗgel B.* Türk Milleti ve Türk Devleti // *Tarihte Türk Devletleri.* Cilt I. S. 65—67; *Aynı müel.* Türkler'de “Kâinat Devletleri” Anlayışı (univarsismus) // *Aynı eser.* S. 55—63; *Aynı müel.* Göktürkler'de devlet ve millet anlayışı, Göktürkler'den Osmanlılar'a // *Aynı eser.* S. 129—137.

Особенно важно здесь стремление показать понимание тюрками на протяжении всей истории в едином значении социально-политической терминологии, как, например, *il* ‘государство’, *budun* ‘народ’, *ulus* ‘область, провинция’²⁵⁷³, хотя тот же А.З. Велиди (Тоган) призывал к осторожному оперированию с терминологией, относящейся к различным эпохам²⁵⁷⁴. (Ср. также работу А. Инана выше).

Особенность этой концепции состоит в том, что в отличие, например, от концепции О. Турана, где хоть и предполагалось генетическое родство социальных и политических институтов исторических тюркских государств, но речь шла о процессе их трансформации с вхождением в лоно мусульманской цивилизации²⁵⁷⁵, здесь мы видим рассмотрение всех социальных и политических институтов скорее в *сравнительно-сопоставительном*, нежели сравнительно-историческом аспекте; речь идет о бытовании одних и тех же категорий социально-политической жизни с древнейших времен²⁵⁷⁶. Следует, однако, отметить, что и И. Кафесоглу было присуще эволюционистское понимание изменения форм социально-политического устройства в связи с развитием форм хозяйства: от кочевнико-скотоводческих к оседло-городским. Это важный момент, по поводу которого он полемизировал с О. Тураном²⁵⁷⁷.

А.Н. Бернштам в свое время писал, что в современной ему турецкой историографии «древнетюркское... <...> общество рассматривается: 1) как сравнительно поздний этап, которому предшествовала история тюркского народа еще задолго до скифов, 2) как единое национальное целое, господствующее и завоевывающее все и вся, 3) как организующая сила эпохи на территории от Китая до Западной Европы, 4) как не знающее никаких внутренних противоречий, тем более классовой борьбы»²⁵⁷⁸. Если исключить конкретизацию про «классовую борьбу», то, так или иначе, все четыре пункта сохраняют актуальность и по сей день.

Всех выше названных специалистов, так или иначе, бывших первопроходцами в своем деле, Исмаил Тюркоглу выделяет в первое поколение турецких исследователей Центральной (и Средней) Азии, последующее поколение, среди которых историки Абдюлькадир Донук, Исенбике Тоган, филологи Талât Текин, Осман Фикри Серткайя, Ахмет Биджан Эрджыласун и др.,

²⁵⁷³ См.: *Ögel B.* Göktürkler’de devlet ve millet anlayışı ... S. 129—137.

²⁵⁷⁴ *Zeki Velidi Togan A.* Tarihte Usûl. S. 103—104.

²⁵⁷⁵ См.: *Berktaş H., Ödekan Â, Hassan Ü.* Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 69—73.

²⁵⁷⁶ Надо сказать, что, к примеру, попытка показать единство религиозных воззрений тюрков, их монотеистический характер, от древнейших времен до принятия ислама (О. Туран, Б. Öгел, И. Кафесоглу), не выдерживает критики (См.: *Scharlipp W.-E.* Die alttürkische Religion und ihre Darstellung bei einigen türkischen Historikern // *Die Welt des Islams (New Series)*. 1991. Bd. XXXI. № 2. S. 169, 179—190; *Idem.* Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1992. S. 59; *Idem.* Leben und Kultur der alten Türken in der Steppe // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period* / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3). S. 138—139).

²⁵⁷⁷ *Kafesoğlu İ.* [Eleştiri—tanıtma] Prof. Dr. Osman Turan : *Selçuklular Tarihi ve İslâm-Türk Medeniyeti*. Neşreden : Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü, Ankara, 1965 // *Tarih Dergisi*. 1965. Cilt 15. Sayı 20. S. 181, 184—186.

²⁵⁷⁸ *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй ... 1946. С. 86.

были их учениками²⁵⁷⁹. И, тем не менее, следует особо учесть именно то, что названные исследователи являлись преимущественно узкоспециализированными, т.е. либо историками, либо филологами, не имея той фундаментальной разносторонней подготовки, которой могли характеризоваться А.З. Велиди (Тоган), А. Инан, А. Джафероглу или даже Х. Намык (Оркун).

Десятилетие, последовавшее после переворота 1980 г., в целом, может считаться застойным в изучении древних тюрков²⁵⁸⁰. Тем не менее, с официальным восторжествованием доктрины «турецко-исламского синтеза» в 1985 г. интерес к Центральноазиатскому прошлому в Турции значительно повысился, именно в этом направлении теперь принято было искать истоки «национальной» государственности тюрков²⁵⁸¹. Это скажется уже в работах 90-х гг. XX в.

Сегодня в турецкой историографии доминирующей остается линия, декларирующая не только прямое этническое родство, но и преемство социальных и политических институтов от хуннов к политическим образованиям тюрков. История древних тюрков рассматривается как «доисламская», после которой идет эпоха оседания тюрков и образования мусульманских государств: Караханидов, Газневидов, Сельджукидов, Хорезмшахов, и др. вплоть до бейликов Анатолии и империи Османов. В работах ученых равной степени при изучении тех или иных социальных или политических институтов привлекаются источники различных исторических эпох: данные китайских летописей о хуннах, древнетюркские рунические тексты, источники эпохи Караханидов (XI в.), — поэма Йусуфа Баласагунлу «Кутадгу билиг» и словарь «Диван-и Лугат ат-Тюрк» Махмуда Кашгарлы, — мусульманские арабские и персидские источники, материалы тюркского эпоса и т.д. Этот методологический прием объясняется и слабой изученностью социальной жизни тюрков в доисламский период, история которого рассматривалась со времен М. Фуата (Кёпрюлю) как некая прелюдия к анатолийскому, связанному с исламом. Но в эволюционистских построениях последнего характеристика обществ доисламских тюрков давалась умозрительно. Это же мы встретим и у левацки настроенных историков и впоследствии. Позднее «доисламский материал» рассматривался скорее в ретроспективном ключе различными националистическими историками и не являлся объектом специального исследования, а более источником для сопоставлений.

Так или иначе, турецкая историография развивалась несколько изолированно от общих тенденций мировой, в первую очередь, европейской исторической науки, хотя впитала многие ее достижения в методике и методологии исследований, но все они были несколько адаптированы в условиях националистической идеологии, в том или ином виде существовавшей в Турции, будь то кемалистская историография середины 20-х — начала 40-х гг. XX в., направление,

²⁵⁷⁹ *Türkoğlu İ.* Central Eurasian Studies in Turkey (1985—2002). P. 103.

²⁵⁸⁰ *Байюглу А.* Древние тюрки Центральной Азии и Южной Сибири ... С. 133; *Его же.* Древние тюрки Центральной Азии в исследованиях ... С. 35—36.

²⁵⁸¹ *Berktaş H., Ödekan A., Hassan Ü.* Türkiye Tarihi. Cilt 1. S. 61—64.

развиваемое учеными-эмигрантами (А. Джафероглу, А.З. Велиди (Тоганом), А. Инаном), более приближенное к источниковой критике и угасшее фактически после них (начало 70-х гг. XX в.), или возникшее уже в недрах именно республиканской историографии, сформированное новым поколением собственно турецких ученых, направление, развившееся в концепцию «турецко-исламского синтеза» И. Кафесоглу. Поскольку историю тюркства было принято вести с древнейших времен, то эпоха Тюркского каганата была лишь рядовым хронологическим этапом²⁵⁸².

²⁵⁸² См., напр.: *Genç R. Türk Tarihi // Türk Ansiklopedisi. Ankara, 1983. Cilt XXXII. S. 273.*

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Как отмечает М. Ӗз, даже сегодня в целом, по сравнению с республиканским и османским, доисламский период истории тюрков, как и сельджукский, значительно обделен вниманием турецких историков²⁵⁸³. Турецкая историография интересна в большей степени работами, посвященными частным вопросам социально-экономической и социально-политической истории древних тюрков VI—VIII вв.

Ахмет Ташагыл, автор трехтомной работы «Гёк-тюрки»²⁵⁸⁴, бывшей его докторской диссертацией, написанной на основе китайских источников, — первого исследования подобного плана в Турции²⁵⁸⁵, — посвятил специальную статью социальному устройству строю Тюркского каганата²⁵⁸⁶. Древнетюркское общество представлено как вполне демократическое без внутренних противоречий, где каган предстает как избранник народа и посланник Неба, управляющий в согласовании с советом племенных старейшин²⁵⁸⁷. По сути, А. Ташагыл лишь подтверждает разработки Б. Ӗгеля и И. Кафесоглу ссылками на китайские источники.

В одной из статей А. Ташагыл также рассмотрел государственную структуру Тюркского каганата. Говоря о государственных признаках, таких как территория, население, суверенитет, независимость, обычаи/ закон, ученый считает, что все они были присущи для Тюркского каганата. При этом внутренним суверенитетом тюрки обладали уже в период подчинения *жуань-жуаням*, а территорию унаследовали со времен хуннов. От них же они сохранили все обычаи и установления (*töge*)²⁵⁸⁸. Что касается населения, то оно состояло, по мнению ученого, из группы

²⁵⁸³ Ӗз М. Cumhuriyet Döneminde Tarih Araştırmaları. S. 22.

²⁵⁸⁴ Taşağıl A. Gök-Türkler I; *Aynı müel.* Gök-Türkler II (Fetret Devri 630—681). Ankara, 1999 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 160^a); *Aynı müel.* Gök-Türkler III. Ankara, 2004 (Türk Tarih Kurumu Yayınları. VII. Dizi — Sayı 160^b).

²⁵⁸⁵ См.: Sarıtaş E. 1935 Yılından İtibaren Türkiye’de Yapılan İçin Araştırmalarına Genel Bir Bakış // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Mecmuası. 2009. Sayı 15. S. 106. Вообще в Турции только со второй половины первого десятилетия 2000-х гг., впервые со времен Б. Ӗгеля, наблюдается тенденция к появлению как переводов оригинальных китайских источников по древнетюркской истории, так и переводов, — двойных, по сути, — классических работ, таких как труды Э. Шаванна (2007) и Лю Мао-цай (2006) (*Aynı eser.* S. 107). Последние, надо отметить, выполняются, однако, как правило, несинологами, поэтому характеризуются значительными недостатками при переводе китайских слов и терминов, переданных европейской транскрипцией (См.: Sarıtaş E. Türkiye’de Akademik Çince Çeviriler ve Sorunlar // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Şarkiyat Mecmuası. 2010. Sayı 17. S. 99—100, 102).

²⁵⁸⁶ Taşağıl A. Gök-Türkler’de İdari ve Sosyal Yapı. S. 20—25.

²⁵⁸⁷ Ср. также его статьи: Taşağıl A. Göktürk Kağanlığı Göktürkler // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 15—48; *Aynı müel.* TÜRK (I. Tarih) // Türkiye Diyanet Vakfı İslâm Ansiklopedisi. İstanbul, 2012. Cilt 41. Tevekkül — Tüsteri. S. 467—474.

²⁵⁸⁸ Taşağıl A. Göktürk Devletlerinin Kuruluşları ve Çöküşleri // Kuruluş ve Çöküş Süreçlerinde Türk Devletleri Sempozyumu Bildirileri, (5—6 Kasım 2007) / yay. haz. M. Alparğu — M.B. Çelik. Sakarya, 2008. S. 21—22.

племен *төлес*, разделившихся только в 603 г.²⁵⁸⁹ Обретение независимости каганата относится к 545 г., когда с тюрками заключили союз китайцы²⁵⁹⁰.

Что касается причин падения каганата в 630 г., А. Ташагыл выводит их из надписи Бильге кагана: (1) политические интриги китайцев; (2) ослабление авторитета кагана вследствие ошибок в административной политике (принятие То-бо буддизма, ненужные походы в угоду китайской стороне Ышбара кагана, китаизация Ци-минь кагана, повышение налогов в 626 г. Иль (Се-ли) каганом и т.д.); (3) неверность и неразумное поведение народа, легко поддавшегося на уловки китайцев²⁵⁹¹. Сам же А. Ташагыл делит причины падения государства на внутренние и внешние, к первым он относит при этом и экономические, в частности неустойчивость и зависимость хозяйства от погодных условий, часто приводящих к голоду, что вынуждает искать помощи во внешних связях²⁵⁹². Кроме того, ученый выделяет внутривосточные: (1) борьба за трон; (2) восстания племен; (3) неспособные правители, — все это сводится к соответствующей однобокой трактовке исторических фактов²⁵⁹³, — и внешнеполитические, сводящиеся к китайским интригам²⁵⁹⁴. То же самое относительно Второго Тюркского каганата²⁵⁹⁵.

Книга Саадеттина Йагмура Гёмеча «История кёк тюрков», впервые изданная в 1997 г.²⁵⁹⁶ и выдержавшая с тех пор несколько изданий (1997; 1999; 2009; 2011), притом что значительно разрослась за счет включения различных выходивших с тех пор статей автора, интересна с точки зрения неплохой библиографии и содержательных справочных сводок в подстрочных примечаниях. Сама по себе книга затрагивает только политическую историю, но характеризуется рядом сомнительных моментов, вольных интерпретаций и необоснованных сопоставлений (что, в частности, касается и транскрипций имен личных и собственных), поэтому может считаться бесполезной работой. Описание внутреннего устройства каганата поверхностно²⁵⁹⁷. Не обошлось и без традиционного рассуждения о нераздельности государства и земли²⁵⁹⁸.

В одной из статей С. Гёмеч пытается показать, что многие основные правовые нормы империи Чингисхана обязаны происхождением тюркской традиции²⁵⁹⁹. При этом доходит до курьезов, когда автор пытается противопоставить тюркские и монгольские обычаи, указывая,

²⁵⁸⁹ *Taşagıl A. Göktürk Devletlerinin Kuruluşları ve Çöküşleri*. S. 22. Это основано на ошибочном отождествлении древнетюркского слова с группой племен *те-лэ*, китайских источников, закрепившихся в турецкой историографии со времен Б. Öгеля.

²⁵⁹⁰ Aynı eser. S. 22—23.

²⁵⁹¹ Aynı eser. S. 24—25.

²⁵⁹² Aynı eser. S. 25.

²⁵⁹³ Aynı eser. S. 25—26 vd.

²⁵⁹⁴ Aynı eser. S. 25, 26.

²⁵⁹⁵ Aynı eser. S. 28—29.

²⁵⁹⁶ *Gömeç S. Kök Türk Tarihi*. Ankara, 1997 (Türksoy Yayınları No. : 8).

²⁵⁹⁷ Aynı eser. S. 37, 97—112.

²⁵⁹⁸ Aynı eser. S. 37—38.

²⁵⁹⁹ *Gömeç S. Bazı Çingiz Yasalarının Tarihi ve Sosyal Dayanakları // Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları*. 2006. Vol. 2. S. 9—19.

что, например, монголы могли брать в жены столько женщин, сколько могли содержать, при том, что они были бесправны, у тюрков же женщина всегда имела большое уважение²⁶⁰⁰. Если бы он внимательнее прочитал Джованни Плато Карпини и Рашид ад-Дина, думается, он убедился бы в своем заблуждении насчет монголов.

С подобными откровенно нелепыми выпадами против древних монголов, основанными либо на элементарном незнании источников, либо исходящими из заведомого стремления преувеличить историческую роль тюрков по сравнению с монголами, в работах турецких исследователей приходится сталкиваться регулярно.

Филолог Т. Текин, по-видимому, также разделяет националистические позиции, что видно из его стремления трактовать термин *bodun* как 'нация', синонимично с *ulus*, в смысле национального государства²⁶⁰¹.

Определенный интерес представляет книга Сенджера Дивитчиоглу, первое издание которой вышло еще в 1987 г. (*Kök Türkler. Kut, Küç ve Ülüg. İstanbul, 1987*). С. Дивитчиоглу, по специальности экономист, сосредоточил свое внимание на роли и функциях кагана в древнетюркском обществе²⁶⁰². Но вместе с этим он попытался дать характеристику древнетюркскому обществу и государственности, применив новейшие теоретические разработки в этнологии и политической антропологии. Его работа содержит ряд достаточно много спорных интерпретаций и легковесных построений, но фактически предлагает новаторский подход к изучению социогенеза и политогенеза древних тюрков VI—VIII вв.

С. Дивитчиоглу рассматривал *kut* как некоторую жизненную энергию, благодать, дарующуюся, видимо, всему народу²⁶⁰³. При этом три свойства давались непосредственно кагану: *kut* для святости, *küç* для воинственности, *ülüg* для производительности²⁶⁰⁴.

Формулировку *tengride bolmuş* в титулатуре кагана С. Дивитчиоглу вопреки Б. Öгелю трактует не как указание на божественное происхождение кагана, в силу чего ему был обязан подчиняться народ, а как указание на ипостась Тэнгри, посредника между Ним и людьми²⁶⁰⁵. Это интересно в связи с тем, что недавно филолог Серкан Шэн проанализировал семантику глаголов *jarat-* и *bol-*, лежащих в основе эпитетов титулов кагана *tengriteg tengride bolmuş* [КТ, Хб, 1, 2], *tengriteg tengri jaratmış* [БК, X, 1] и пришел к выводу, что в этих текстах не постулируется божественная сущность кагана, а лишь указывается на получение от Неба полномочий посред-

²⁶⁰⁰ Gömeç S. Bazı Çingiz Yasalarının Tarihi ve Sosyal Dayanakları. S. 17.

²⁶⁰¹ Tekin T. Orhon Yazıtları Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. 2. bk. İstanbul, 1998 (Dil ve Edebiyat Dergisi : 1). S. 7—8.

²⁶⁰² Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. *Kök Türkler'in Yenilenmiş* 3. baskısı. Ankara, 2005. Т. Тюркер, по-видимому, вслед за Х. Берктаем, называет С. Дивитчиоглу сторонником теории азиатского способа производства, по крайней мере, в 70-е гг. XX в. (*Тюркер Т.* Османская империя в современной турецкой историографии. С. 46)

²⁶⁰³ Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 75—77.

²⁶⁰⁴ Aynı eser. S. 84—85.

²⁶⁰⁵ Aynı eser.

ника между Ним и людьми²⁶⁰⁶.

Наиболее интересно то, что С. Дивитчиоглу также обратился к анализу древнетюркской терминологии родства и свойства, и к социальной терминологии. Однако он положил в основу эволюционистскую схему развития. Так, например, он считал, что генеалогические легенды тюрков сохранили отголоски свидетельства перехода от охоты к скотоводству²⁶⁰⁷, а поскольку несколько сотен объединившихся семей образовали род А-ши-на, в китайских источниках маркируемый *син* (цит. по работе И. Эчеди), что сам автор передает через тюркское *oğuş*, С. Дивитчиоглу видит в этих объединениях агнатные союзы²⁶⁰⁸.

Подтвердить эту гипотезу должен был анализ терминологии. Так, рассматривая термины родства в целом²⁶⁰⁹, С. Дивитчиоглу, тем не менее, не разобрался здесь до конца. Например, он отождествляет термины *qang* и *eşi ara* в значении ‘отец’²⁶¹⁰, однако, ссылаясь, прежде всего, на А. Инана, К. Грэнбека и сэра Дж. Клосона, удачно распределяет роли терминов *yegeñ* и *ati* в значениях соответственно ‘племянник (сын сестры)’, ‘внук (сын дочери)’ и ‘племянник (сын брата)’, ‘внук (сын сына)’ (будучи не знаком с работой Ш. Баштуг!)²⁶¹¹. С. Дивитчиоглу отмечает разделение терминов родства и свойства на когнатические группы по классам, притом что термины *eşi ara* ‘отец’ и *eşi* ‘брат отца’ восходят к одному термину со значением ‘предок’²⁶¹². Термин *iniyigün* охватывает все мужское родство, происходящее от брата EGO, т.е. боковую ветвь мужского потомства²⁶¹³. Такое генеалогическое объединение семей (*uruk*) из 3—4 поколений составляло *oğuş* в значении, тождественному *aşira* или *clan*²⁶¹⁴.

Что касается А-ши-на и А-ши-дэ, то они рассматриваются как знатные кланы; они выделены из общей структуры племен (по А.М. Хазанову)²⁶¹⁵. Племена, каганское и брачующееся с ним, возвышались над всеми остальными племенами (здесь и ниже — по В. Эберхарду)²⁶¹⁶. Кроме них в двенадцатиплеменную тюркскую конфедерацию входили также внутренние племена и внешние, — покоренные, — чужие племена (др.-тюрк. *baz*), как токуз огузы. Они были

²⁶⁰⁶ Şen S. Orhon yazıtlarında geçen *Teñri teg teñride bolmuş Türiük Bilge Kagan ve Teñri teg teñri yaratmış Türiük Bilge Kagan Yaratmış Türiük Bilge Kagan* ifadelerinin yeni bir yorumu // I. Uluslararası Uzak Asya’dan Ön Asya’ya Eski Türkçe Bilgi Söleni, 18—20 Kasım 2009. Afyonkarahisar, 2010. S. 251—260.

²⁶⁰⁷ Dıvıçtıođlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluđu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 37 dipnot 6.

²⁶⁰⁸ Aynı eser. S. 37—38.

²⁶⁰⁹ Aynı eser. S. 137—139.

²⁶¹⁰ Aynı eser. S. 139—140, 141 şekil 7.

²⁶¹¹ Aynı eser. S. 140, 141 şekil 7. На схеме еще указывается значение *ati* как сына дяди, т.е. двоюродного брата, но это, по-видимому, заблуждение.

²⁶¹² Aynı eser. S. 142—143.

²⁶¹³ Aynı eser. S. 144, 145—147, на s. 146 şekil 10, 11. При этом, следуя А.Н. Бернштаму и Л. Крэдеру, С. Дивитчиоглу повторяет заблуждение о термине *arka gün* (Аynı eser. S. 145 dipnot 44).

²⁶¹⁴ Aynı eser. S. 156—158. При этом в енисейке ему якобы соответствовал *kün* (Аynı eser. S. 158 dipnot 50).

²⁶¹⁵ Aynı eser. S. 160—161.

²⁶¹⁶ Aynı eser. S. 161—162. Именно тем, что мать Да-ло-бяня не принадлежала к знатным А-ши-дэ, может объясняться противодействие со стороны знати его избранию каганом (Аynı eser. S. 161).

на правах *kul* или *unagan bogol*²⁶¹⁷. Племена именовались *bod*, но в VI—VIII вв. большее социальное значение имели наиболее широкие единицы *budun*, являвшиеся объединениями *bod*. Это были, например, как перечисляет С. Дивитчиоглу, *Kırgız budun*, *Dokuz Oğuz budun*, *Tölis-Tarduş budun*, *On Ok budun*, *Dokuz Tatar budun*, *On Yedi Az budun*, *Üç Karluk budun*, *Tabgaç budun*²⁶¹⁸.

При этом *budun* также означал просто массу людей в самых разных контекстах, что С. Дивитчиоглу хорошо показал, обратившим к нескольким случаям употребления в одном сочетании терминов *begler budun*, столь частого для рунических памятников (*türük begler budun bunı eşidin* [КТ, Хб, 10], *toquz oğuz begleri budunu bu sabımın edgüti eşit* [КТ, Хб, 2], (*Karluk*) *qara budun kağanım kelti tip öğdi* [БК, X, 41]). Поскольку там, где оба термина стоят с одинаковыми падежными аффиксами, они явно имеют одну грамматическую роль. В то же время в сочетании *kara budun*, как и в случае с *kara kamıǵ budun*, т.е. *kara* отнюдь не означал ‘простой (народ)’, а именно ‘народ’, ввиду чего перевод *kara budun* с социальной трактовкой второго термина давал бы тавтологию²⁶¹⁹. Поэтому следует говорить о разделении тюркского общества на две социальные группы: беи (*özung~ak*), т.е. беги, и *kara* (народ) *budun*, т.е. народ²⁶²⁰. Что касается *kul* и *küing*, они не были рабами, что невозможно при кочевническом хозяйстве; эта категория пополнялась из военнопленных и инкорпорировалась в массу населения, это могли быть, скорее, слуги, вроде европейского института *comitatus*²⁶²¹. В категорию *ak budun* входили каган и все чиновники, при этом при распределении должностей играла роль их принадлежность к племенам²⁶²². Однако четкого социального расслоения на закрытые группы (типа каст) у тюрков не было²⁶²³.

В Первом Восточно-тюркском каганате существовала система наследования от старшего брата к младшему и затем к старшему племяннику²⁶²⁴. Кроме того, имело место соправительство²⁶²⁵.

Весь образ жизни тюрков был военизирован: и бегов с эрами, и даже каганов с бегами, связывали определенные отношения дружинного подчинения и верности, именно поэтому после смерти Илиг (Се-ли) кагана покончили с собой *Uluǵ Tarkan* Ту-юй-хунь-се и Су-ни-ши, а

²⁶¹⁷ *Divitçioǵlu S.* Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 162—163.

²⁶¹⁸ *Aynı eser.* S. 163—164. При этом тридцатиплеменной союз восточных тюрков в VIII в. С. Дивитчиоглу видит следующим образом: 12 каганских племен (орда) из тибетского документа (*A-shi-te, çoǵ-du-li (Çordili), ha-li (Halis), Par-sil (Barsil), so-ni (Sonit), yan-ti (Sir-yento), heb-dal (Eftalit), garga-pur (Karga-lı?), ke-rget (Kerket), Lolad (?), Yalto (?)*), 9 племен токуз огуз, 6 племен сир, 2 племени эдиз, 1 племя кыпчак (*Aynı eser.* S. 165—166). Что касается төлис и тардуш, то он рассматривает их как федерацию двух племен (*Aynı eser.* S. 164, 184, 188).

²⁶¹⁹ *Aynı eser.* S. 166—167.

²⁶²⁰ *Aynı eser.* S. 168. Ср. в памятнике Кёжээлиг-Хову: *örüngüm qaram* ‘белый и черный народ (мой)’ [E-45, 7].

²⁶²¹ *Aynı eser.* S. 169.

²⁶²² *Aynı eser.* S. 169—171.

²⁶²³ *Aynı eser.* S. 238—239.

²⁶²⁴ *Aynı eser.* S. 172—175, на s. 173—174 şekil-16, 17. Так, Бильге кагану должен был наследовать Кюль те-гин (*Aynı eser.* S. 175).

²⁶²⁵ *Aynı eser.* S. 175—176.

многие командиры из рода А-ши-на, служившие императору Тай-цзуну, также после его смерти последовали за ним²⁶²⁶.

С. Дивитчиогу отмечает у тюрков десятичную систему²⁶²⁷. Что касается войн, то они постоянно велись с соседними племенами в стремлении отстоять священный Ӧтүкән [КТ, Хб, 3—4 = БК, Хб, 2—3; КТ, Хб, 4—5 = БК, Хб, 3; Тон, 15 (= I Южн., 8), 17 (= I Южн., 10)]²⁶²⁸.

Производственные объединения для скотоводства и охоты, т.е. совместного ведения хозяйства, представляли *oba*, при этом термин был почерпнут автором у Махмуда Кашгарлы, а охарактеризован по материалу кочевников XIX в.²⁶²⁹ Само же степное хозяйство было в высшей степени неустойчивым, поэтому вынуждало тюрков искать дополнительные способы выживания²⁶³⁰.

С. Дивитчиоглу также писал об оседлости у тюрков. Им упомянуты пашни, о которых говорится в т.н. памятнике Улу-Кем—Кели-Кем²⁶³¹ и Тариатской (Терхинской) стеле [Тер, 4 (= Зап., 4)]²⁶³². У тюрков были оседлые поселения²⁶³³, а также подвластные им облагавшиеся данью города, населенные, однако, не тюрками, а покоренными оседлыми народами (напр., согдийцами)²⁶³⁴. При этом внутренние племена не подвергались особым поборам, они лишь спорадическими сборами обеспечивали устойчивость союза, и только для внешних племен устанавливался налог или дань, за чем следил *tudun*²⁶³⁵. Тюрки брали пошлины с караванов, контролируя Великий Шелковый путь, прибегая к грабежу лишь в тех случаях, когда требуемая дань не выплачивалась²⁶³⁶. Тюрки торговали с Китаем, меняя лошадей на шелк²⁶³⁷.

Отмечая тамгование скота С. Дивитчиоглу пишет, что невозможно точно сказать, обозначали ли они собственность семьи или *oğuş*²⁶³⁸, но стада находились в частной собственности²⁶³⁹. Что касается земли, то в рунических текстах говорится, что каган расселяет народ и приобретает земли для всего народа [КТб, 19 = БК, X, 16; КТб, 21 = БК, X, 17—18; КТ, Хб, 38],

²⁶²⁶ *Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 181—182.*

²⁶²⁷ *Aynı eser. S. 184, 185.*

²⁶²⁸ *Aynı eser. S. 187—190.*

²⁶²⁹ *Aynı eser. S. 196—198.*

²⁶³⁰ *Aynı eser. S. 217—218.*

²⁶³¹ Как теперь установлено И.В. Кормушиным, фрагменты с упоминанием термина составляют часть самостоятельной надписи Улуг-Кем [E-72], смешивавшейся прежде с текстом Алды-Бель I [E-12] (*Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. С. 180—181*). Э. Айдын показал, что термин *tarlay* здесь, как и в тексте Алды-Бель II [E-72], упоминается не в значении пашни, а в значении реки, в данном случае — р. Тарлак (*Aydın E. Remarks on Qatun in the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011. Vol. 64. № 3. P. 251—256*). Ср.: *qatun tarlay* [E-12, 2, 4; E-72, 1], *kem qatun* [E-12, 3; E-144, 1], *ana kem qatun* [E-143], *egük qatun* [E-3, 4].

²⁶³² *Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 199.*

²⁶³³ *Aynı eser. S. 200—201.*

²⁶³⁴ *Aynı eser. S. 201—202.*

²⁶³⁵ *Aynı eser. S. 212—214, 239.*

²⁶³⁶ *Aynı eser. S. 216.*

²⁶³⁷ *Aynı eser. S. 223—224.*

²⁶³⁸ *Aynı eser. S. 208.*

²⁶³⁹ *Aynı eser. S. 210, 211.*

и каждый входивший в конфедерацию *bidun* имел право на получение своей доли пастбищ внутри нее²⁶⁴⁰. Каган распределял как земли, так и захваченную добычу²⁶⁴¹.

В целом, такую социально-экономическую систему С. Дивитчиоглу характеризует как *степократия (stepokrasi)*. Ее сущность заключалась в том, что кочевнико-скотоводческие племена были объединены в одну конфедерацию, при этом эксплуатировались только сторонние племена; основу хозяйства составляла скотоводческая экономика, и пока она удовлетворяла внутренние потребности, конфедерация держалась на этом; весь народ составлял одно войско, поэтому соседи, опасавшиеся вторжения кочевнических армий, вынуждены были соглашаться на установление торговых отношений с ними²⁶⁴². Соответственно, такие образования не были постоянными и устойчивыми. Они образовывались, когда в степи у какой-то из общин (классового расслоения не было) появлялся энергичный лидер, иногда из наиболее богатых скотоводов; в походах община разживается скотом, и постепенно появляются люди, которые вынуждены следить за ним. Так происходит своеобразное расслоение²⁶⁴³. Тюрки покоряли соседние племена, убивали их каганов и эксплуатировали их, собирая определенные сборы²⁶⁴⁴.

Распад такого образования С. Дивитчиоглу трактует, следуя теории катастроф. Суть в данном случае сводится к тому, что расширение государства и увеличение численности разношерстного населения приводят как к росту сепаратистских настроений, так и увеличивают число внешних конфликтов, власть ослабевает и в один момент переходит к другому племени²⁶⁴⁵.

Данная работа может рассматриваться как проявление тенденции взглянуть на древнетюркское общество через призму теории степного государства с его уникальными характеристиками. С. Дивитчиоглу пытается подкрепить свою теорию при помощи схем и графиков.

Работы других турецких ученых не столь ярки и, в основном, скорее носят реферативный, чем самостоятельный исследовательский характер.

В небольшой статье Джихат Джихан рассматривает Тюркский каганат с позиции кочевнического государства, унаследовавшего политические традиции хуннов. По мнению ученого, каганат был результатом объединения тюркских племен, необходимым для защиты от более агрессивных соседей и призванным установить порядок внутри общества²⁶⁴⁶.

Невин Гюнгөр Эрган выделяет четыре составляющих Тюркского государства (*il*): закон — *töre*, народ, территория, независимость. Притом не отрицая харизматического статуса кагана (*kut*), он указывает, что каган не имел власти выше *töre* — природных, неписанных тюрк-

²⁶⁴⁰ *Divitçioğlu S. Orta-Asya Türk İmparatorluğu VI.—VIII. Yüzyıllar. S. 209.*

²⁶⁴¹ *Aynı eser. S. 209—210.*

²⁶⁴² *Aynı eser. S. 241—242.*

²⁶⁴³ *Aynı eser. S. 243—244.*

²⁶⁴⁴ *Aynı eser. S. 244—246.*

²⁶⁴⁵ *Aynı eser. S. 248—249.*

²⁶⁴⁶ *Cihan C. Türk Devlet Felsefesi Açısından Kök Türk Devleti'nin Dış Politikası // Sosyal Bilimler Dergisi. 2001. Cilt III. Sayı 1. S. 59—71.*

ских законов, передававшихся из поколения в поколение²⁶⁴⁷.

Тунджер Байкара в своей монографии «Обзор истории тюркской культуры» также бегло коснулся социально-экономической проблематики, хотя в центре его внимания был более поздний период²⁶⁴⁸. Он отмечал неэффективность рабства в кочевническом хозяйстве, но захват пленных осуществлялся с целью продажи²⁶⁴⁹. То, что традиционно именуется *kul* и *kiin* обозначает скорее слуг из военнопленных. Для тюркского общества не было характерно деление на классы, человек мог выдвинуться вверх, благодаря своим способностям²⁶⁵⁰. Так, любой человек мог стать бегом или затем ханом²⁶⁵¹, власть которых наследовалась уже в рамках их семьи, но также в зависимости от личных качеств претендента²⁶⁵². В основе общества лежала малая отцовская семья, повзрослевшие сыновья образовывали собственные семьи, которые вместе составляли аулы, а уже они объединялись в племена (**boy**), именовавшиеся в разное время **Urug** или **Oymak**, которые уже, в свою очередь, объединялись в **Bodun**²⁶⁵³.

Несколько статей по теме вышло в первых томах фундаментального энциклопедического издания «Türkler», но они также мало отличались оригинальностью рассуждений. Так, Салим Коджа также пишет о делении общества на правящий слой (беги) и подчиненный (народ), при этом что первые составляли *ak kamag bodun* (народ белой кости), вторые — соответственно *kara kamag bodun* (народ черной кости), не представлявшие закрытых классов. Основой общества была отцовская семья (*oğuş*), выше было племя (*boy*), затем — племенной союз, народ, нация (*bodun*)²⁶⁵⁴. С. Коджа исходил из представлений о кочевнической природе первых государств Центральной Азии. В другой статье он также пишет о Тюркском государстве (*él, il*), которое имело неписаное законодательство (*töre*). Его элементами были: народ — племена (*boy*), объединенные в союзы (*bodun*), при этом различной языковой и этнической принадлежности; территория; суверенитет, представления о котором опирались на концепцию о *Kut* (политическая власть), *Ülüg* (удача, благодать), *Küç* (сила) (по С. Дивитчиоглу), затем идеалы о мудрости и храбрости кагана, опиравшегося на государственный совет, куда входили советники и высшие чиновники (ср. титулатуру); и организация, прежде всего подразумевавшая десятичную систему и всеобщее вооружение²⁶⁵⁵. Статья другого исследователя, Адема Тутара, о представлениях

²⁶⁴⁷ *Güngör Ergen N. Bozkır Türklerinde Töre ve Sosyal Kontrol // Polis Bilimleri Dergisi. 1999. Cilt 1. Sayı 3. S. 1—8.*

²⁶⁴⁸ *Baykara T. Türk Kültür Tarihine Bakışlar. Ankara, 2001 (Atatürk Yüksek Kurumu, Atatürk Kültür Merkezi Yayın : 252).*

²⁶⁴⁹ Aynı eser. S. 143.

²⁶⁵⁰ Aynı eser. S. 155.

²⁶⁵¹ Aynı eser. S. 161, 162.

²⁶⁵² Aynı eser. S. 163.

²⁶⁵³ Aynı eser. S. 157—158.

²⁶⁵⁴ *Koca S. Eski Türklerde Sosyal ve Ekonomik Hayat // Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002. Cilt 3. İlk Çağ. S. 15—37.*

²⁶⁵⁵ *Koca S. Eski Türklerde Devlet Geleneği ve Teşkilâtı // Aynı eser. S. 823—844.*

тюрков о правосудии также говорит о *törü* как обычае народа, являвшемся основой государства (*el*), которым каган правит по благоволению Неба (*kut*), при этом важную роль как хранители порядка выполняли беги. Автор противопоставляет демократичность тюрков аристократичному характеру власти монголов эпохи Чингисхана²⁶⁵⁶. В статье Османа Кашыкчы рассматривается институт каганства, там так же говорится о коллективном правлении каганской семьи и роли курултая беев и народа при избрании каганом претендента с учетом его личных качеств²⁶⁵⁷. В статье, задуманной как изложение вклада Х. Намыка (Оркуна) в историю права, Салиха Окун Гюмрюкчюоглу, тем не менее, просто рассматривает древнетюркские надписи как источники по истории права²⁶⁵⁸. Исследовательница, однако, не проводит самостоятельных изысканий. Так, например, вслед за С. Максуди (Арсалом), А. Ташагылом и С. Коджа, она пишет о заботящемся о народе кагане, которому для того Небом и дан *kut*, о высоком правовом статусе женщин, о законах *törü*, основанных на морали, которые и описывают китайские источники, и т.п.²⁶⁵⁹ Более интересно, что она хоть и признает отсутствие упоминаний в орхонских текстах служителей культа, но вслед за С. Максуди (Арсалом) говорит о высокой роли камов в жизни древних тюрков²⁶⁶⁰.

Айбарс Памир Тюркский каганат представляет как полноценное государство со всеми характерными институтами, развитым правом, где каган служит обществу, демократически избирается и может быть законно низложен. Автор много ссылается на «Кутадгу билиг» Йусуфа Баласагунлу²⁶⁶¹.

Во многом эти работы содержат модернизаторские тенденции, призванные обосновать преподносящийся как постулат тезис о высоком уровне развития политико-правовой системы у древних тюркских политических объединениях.

Интересна также работа Энгина Четина, рассматривающего рунические надписи тюркской знати как средство распространения идеи покорности среди народа. Ученый в целом соглашается с мнением о сегментарном характере древнетюркской социальной организации. Среди тюрков он выделяет кагана, чиновников, народ и кулов, а в качестве механизма социальной организации называет «концепцию “послушания”»²⁶⁶².

Вопросы социально-экономического характера с позиции кочевого государства рассмат-

²⁶⁵⁶ Tutar A. İslam Öncesi Türk Devlet Geleneğinde Adalet Anlayışı // *Türkler*. Cilt 2. S. 868—873.

²⁶⁵⁷ Kaşıkçı O. Eski Türklerde Devlet Başkanlığı-Hakanlık // Aynı eser. S. 888—893.

²⁶⁵⁸ Okur Gümrükçüoğlu S. Hukuk Tarihi Açısından Hüseyin Namık Orkun ve *Fasikülleri* // *Türkiye Araştırmaları Literatür Dergisi*. 2005. Cilt 3. Sayı 5. S. 805—822.

²⁶⁵⁹ Aynı eser. S. 808—809.

²⁶⁶⁰ Aynı eser. S. 810; Максуди Арсал С. Тюркская история и право. С. 25, 325 прим. 70.

²⁶⁶¹ Pamir A. Orta-Asya Türk Hukukunda “Töre” Kavramı. The Concept of “Tore” in the Middle — Asia Turkish Law // *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. 2009. Cilt 58. Sayı 2. S. 359—375; *Idem*. The Concept of Tradition in Middle-Asian Turkish Law // *Ankara Law Review*. 2010. Vol. 7. № I. P. 49—64.

²⁶⁶² Çetin E. Orhon Yazıtlarında “İtaat” Kavramı // *Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları*. 2009. Vol. 4/8. P. 829, 830—831.

ривает в своей статье Абдюлькадир Ильген²⁶⁶³. Магистерская диссертация Айхана Балабана посвящена общественно-экономической жизни скифов, хуннов и тюрков, написанная, однако, на основе, преимущественно исследований предшественников²⁶⁶⁴. Широкий фольклорный и сравнительно-исторический материал тюркского происхождения привлечен в магистерской диссертации Айше Чакыр²⁶⁶⁵. Но, по сути, исследовательница придерживается традиционных позиций турецкой историографии. Йусуф Джэм Шэнджан в своей магистерской работе так же считает политические образования древних тюркских кочевников полноценными государствами²⁶⁶⁶, в его работе мало самостоятельных выводов, однако, есть несколько важных моментов. Так, он упоминает об институте коллективной зависимости, обозначенной еще Б.Я. Владимирцовым как *Unagan-bogol*²⁶⁶⁷. Тюркское государство (*il*) подразумевало объединение тюркских народов, иные по происхождению народы в него не включались, но попадали в политическую зависимость²⁶⁶⁸. Кроме того, ученый достаточно схематично рассматривает общественную организацию древних тюрков²⁶⁶⁹. Ильхами Дурмуш, научный руководитель диссертации А. Чакыр, так же разделяет мнение о специфике древнетюркской государственности как кочевнической (выделяет суровый образ жизни истоком ее формирования), в то же время отмечая типичные, по его мнению, для государства признаки: подданные, территория, суверенитет, обычное право²⁶⁷⁰.

Статья А. Донука, посвященная институту народного собрания, уже с самого начала исходит из отсутствия какой-либо общности у тюрков и монголов как в языковом и антропологическом, так и в культурном плане²⁶⁷¹. Разница между монгольским собранием (*курултай*) и тюркским сводится лишь к тому, что первый имел аристократический характер (собиралась только верхушка племен и внимала решениям Чингисхана)²⁶⁷², второй же — народный, где хан внимал чаяниям подданных²⁶⁷³. О тенденциозном подборе источников и одностороннем сравнительном анализе говорить не приходится: хотя бы просто потому, что литература касательно тюрков используется исключительно определенного круга, а литературы по монголам автор

²⁶⁶³ İlgen A. Bozkır Göçebelerinde Sosyo-Ekonomik Yapı // Sosyal Siyaset Konferansları Dergisi. 2004. Sayı 49. S. 817—840.

²⁶⁶⁴ Balaban A. İskit, Hun ve Göktürklerde Sosyal ve Ekonomik Hayat : Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2006. V, 141 s.

²⁶⁶⁵ Çakır A. Bozkır Kültür Çevresinde Sosyal Yapı ve Teşkilatlanma : Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. Ankara, 2007. vii, 158 s

²⁶⁶⁶ Şencan Y.C. İslamiyet Öncesi Türk Devlet Geleneği : İnönü Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yüksek Lisans Tezi. Malatya, 2007. S. 113, 163—171.

²⁶⁶⁷ Aynı eser. S. 111—112.

²⁶⁶⁸ Aynı eser. S. 131.

²⁶⁶⁹ Aynı eser. S. 106—109.

²⁶⁷⁰ Durmuş İ. Eski Türk Devletlerinin Oluşumunun Temel Unsurları // Gazi Türkiyat. 2008. Sayı 2. S. 25—45.

²⁶⁷¹ Donuk A. Türklerde ve Moğollarda Meclis Geleneği // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Dergisi. 2011. Sayı 52 (2010/2). S. 2.

²⁶⁷² Aynı eser. S. 2—6.

²⁶⁷³ Aynı eser. S. 6—8. Cp.: Ögel B. Devlet Meclisi ve Kurultay // Türkler. Cilt 2. S. 884.

просто не знает и цитирует В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, Р. Груссе и т.п.²⁶⁷⁴.

Как видно, в турецкой историографии, преимущественно националистической, не нашло применения, несомненно, более прогрессивное, с научной точки зрения, направление, предложенное когда-то А.З. Велиди (Тоганом), продвигаемое А. Инаном и А. Джафероглу, и поддерживаемое Х. Нихâлем (Атсызом), но возобладали более политизированная концепция, наметанная работами Х. Намыка (Оркуна), О. Турана и Б. Ёгеля, и развитая затем И. Кафесоглу и др.

Как исключения, имеются и марксистские интерпретации. Так, в 1995 г. вышел первый том коллективного издания «История Турции», посвященный истории тюрков доосманского периода, где история тюрков и Турции получила марксистскую интерпретацию²⁶⁷⁵. Социальную историю тюрков авторы пытались вписать в схему Ф. Энгельса²⁶⁷⁶, трактуя общественный строй кочевых тюрков по книге Б.Я. Владимирцова²⁶⁷⁷. Эпоху истории тюрков от хуннов до огузов (XI в.) они трактуют как «героическую эпоху», в течение которой происходил распад родового строя, сменившийся периодом военной демократии и завершившийся в итоге образованием государства²⁶⁷⁸. При этом они постоянно полемизируют с кемалистской и, в особенности, националистической историографией, противопоставляя им, однако, лишь примеры из работы «Происхождение семьи...» Ф. Энгельса²⁶⁷⁹. На истории «гёктюрков» подробно, тем не менее, авторы (а именно — Х. Берктай) не останавливаются, разбирая лишь огузов. Так, или иначе, это, безусловно, устаревшая и не актуальная концепция на сегодняшний день, что доказывается лучше всего полувековым опытом безуспешных попыток советских ученых вписать в марксистскую схему историю кочевнических народов. Едва ли это методологическое направление сумеет составить конкуренцию националистическим историкам.

Определенный интерес представляет подход Хайати Беширли. Так, он обратился к рассмотрению роли такого явления как распределение продуктов питания в социальной и политической сфере жизнедеятельности тюркского общества²⁶⁸⁰. Социальная иерархия отражается в своеобразной символике: привилегиях на собраниях, пиршествах, что восходит к институту награждения за заслуги, позже становясь ритуалом и формальностью, но оставаясь основным механизмом функционирования власти²⁶⁸¹. Питание, указывает автор, — важный политический инструмент²⁶⁸². Щедрость кагана создает ему авторитет в совокупности с харизмой²⁶⁸³. Дей-

²⁶⁷⁴ См.: *Donuk A. Türklerde ve Moğollarda Meclis Geleneği*. S. 8—11.

²⁶⁷⁵ *Berktaş H., Ödekan A., Hassan Ü. Türkiye Tarihi*. İstanbul, 1995. Cilt 1. Osmanlı Devletine Kadar Türkler.

²⁶⁷⁶ Aynı eser. S. 73 vd.

²⁶⁷⁷ Aynı eser. S. 75—77.

²⁶⁷⁸ Aynı eser. S. 82—86.

²⁶⁷⁹ Aynı eser. S. 86 vd.

²⁶⁸⁰ *Beşirli H. Türk Kültüründe Güç, İktidar, İtaat ve Sadakatin Yemek Sembolizmi Esasında Değerlendirilmesi // Türk Kültürü ve Hacı Beştaş Veli Araştırma Dergisi*. 2011. Sayı 58. S. 139—152.

²⁶⁸¹ Aynı eser. S. 145.

²⁶⁸² Aynı eser. S. 146.

²⁶⁸³ Aynı eser. S. 147—148.

ствия кагана были направлены на то, чтобы накормить народ, иначе это приводило к распаду государства. Именно это подчеркивается в орхонских надписях от лица Бильге кагана: во время походов каганы расширяют пастбищные территории и умножают количество скота [КТб, 21 = БК, X, 17—18]²⁶⁸⁴; каган постоянно в заботе о народе — «не спит ночами и не имеет покоя днем» [КТб, 26 = БК, X, 22], каган подчеркивает, что, если бы не он, народ был голоден (*ac*) [КТб, 26 = БК, X, 21; БК, X, 38]²⁶⁸⁵.

Правители на разных уровнях, начиная от самого кагана, должны были заниматься регулированием питания, но, заботясь о благосостоянии и безопасности народа как сакрализованная фигура, каган имеет право и на применение силы. Кагану дан *kut* именно для регулирования отношений между Небом и народом, но в случае стихийных бедствий или других катастроф, он должен брать инициативу именно в свои руки. Развивая концепцию В.В. Радлова и В.В. Бартольда, ученый отмечает, что богатые гораздо быстрее смирились с китайской властью, чем простой народ²⁶⁸⁶. При этом Х. Беширли хоть и говорит о различиях между «классами», но подразумевает здесь, прежде всего, имущественное расслоение²⁶⁸⁷.

В целом можно сказать, что турецкие ученые, за редким исключением, в основной массе не продвинулись своим уровнем дальше работ Б. Öгеля и И. Кафесоглу, ссылки на одни и те же места которых кочуют от ученого к ученому. Анализ как таковой отсутствует.

О роли этих двух ученых для турецкой историографии прямо говорит Гюльчин Чандарлыоглу, в своей статье, по сути, в реферативной форме излагая категоричные тезисы, почерпнутые именно из их работ: о единстве истории тюркских народов с присущей им «национальной культурой», об отсутствии родственных связей тюрков с монголами, о принадлежности тюрков к европеоидной расе, «туранидскому типу с овальным строением головы», о тюркоязычности хуннов²⁶⁸⁸. При этом автор стремится представить эту точку зрения «тюркских ученых на собственную историю» как единственно правильную и критикует иностранных исследователей истории тюркских народов, отмечая «трудности в методах ее исследования»²⁶⁸⁹. Что касается каганата «гектюрков», то здесь ясно говорится, что «этот каганат объединял все народы тюркского происхождения под одним флагом. После распада каганата его культурные и политические особенности распространялись тюрками и гектюрками в тех регионах, куда они поселялись»²⁶⁹⁰.

²⁶⁸⁴ *Beşirli H. Türk Kültüründe Güç, İktidar, İtaat ve Sadakatin Yemek Sembolizmi ... S. 148.*

²⁶⁸⁵ *Aynı eser. S. 149.*

²⁶⁸⁶ *Aynı eser. S. 149—150.*

²⁶⁸⁷ *Aynı eser. S. 141.*

²⁶⁸⁸ *Чандарлыоглу Г. Научные работы и методы исследования по истории тюркских народов в дальневосточных странах // Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2001. Cilt : 1. Sayı : 1. [Manas Journal of Social Studies. 2001. Vol. 2. № 8]. S. 269—274.*

²⁶⁸⁹ Там же. S. 269.

²⁶⁹⁰ Там же. S. 273.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

(обязательное)

ЗАРУБЕЖНАЯ ТРАДИЦИОННАЯ МАРКСИСТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ.

50-е — 80-е гг. XX в.

РАБОТЫ КИТАЙСКИХ И МОНГОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.²⁶⁹¹

Оценка древнетюркского общества в зарубежных марксистских изданиях была самой различной, однако, в странах, чья наука испытала наиболее значительное влияние советского марксизма, таких как Китай и Монголия, ученые следовали его общим веяниям.

Надо отметить, что, несмотря на отдельные работы по древнетюркским руническим памятникам в первой половине XX в.²⁶⁹², тюркология зарождается в Китае в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в., но ввиду политических причин в период с 1957 по 1976 гг. развитие дисциплины имело определенные сложности, только в последующий период можно более или менее говорить о подъеме изучения истории, культуры и языков тюркоязычных народов²⁶⁹³.

Китайские историки оставались на наиболее консервативных эволюционистских позициях. Некоторые китайские ученые начала 50-х гг. XX в. видели в тюрках племена, находившиеся на стадии разложения родового строя и перехода к рабовладельческому²⁶⁹⁴. Чжан Чжи-и высказался за раннефеодальный строй у тюрков, переход к которому осуществился от первобытного в VI вв. (1950)²⁶⁹⁵.

Ма Чжан-шоу в книге «Тюрки и Тюркский каганат» (1957 г.) посвятил последний раздел социальному строю древних тюрков (с. 84—106)²⁶⁹⁶. По его мнению, изначально тюркам был

²⁶⁹¹ Этот раздел мы наполняем не по политико-географическому принципу, т.е. исходя не из того, что авторы включенных сюда исследований работали в государствах, где господствовала марксистская методология, а представляем здесь сами работы, отразившие наиболее ортодоксальный стадийный марксистский подход.

²⁶⁹² См.: *Аугали Е.* Кытай түркологиясы: өткені мен бүгіні // Түркі Дүніесі: альманах / құраст. Қ.Р. Кемеңгер, К.Н. Райымхан. Алматы, 2013. 194—196 б.

²⁶⁹³ См.: *Geng Shimin.* Recent Chinese Research in Turkic Studies // *Central Asian Survey.* 1982. Vol. 1. № 1. P. 105—109; *Аугали Е.* Кытай түркологиясы ... 196—198 б., о современной тюркологии на 198—200 б.

²⁶⁹⁴ Очерки истории Китая (с древности до «опиумных войн») / под ред. Шан Юэ; пер. с китайск. В.И. Глушина, В.С. Колоколова, Б.А. Митбрейта. М., 1959. С. 189.

²⁶⁹⁵ Цит. по: *Хань Чжунъ-и.* Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзю (1900—2000 нянь) // Цин-хай минь-цзу янь-цзю. 2006. Цз. 17. Вып. 1. С. 90 (на кит. яз.). Здесь и далее мы цитируем обзорные работы, полные выходные данные обсуждаемых исследований, давая их в Приложении 10.

²⁶⁹⁶ *Ма Чжан-шоу.* Ту-цзюэ жэнь хэ ту-цзюэ хань-го. Пекин, 1957 (на кит. яз.). За возможность воспользо-

присущ рабовладельческий строй, но с преобладанием патриархального рабства²⁶⁹⁷. В VIII в. восточные тюрки перешли к феодализму²⁶⁹⁸, у них началась раздробленность²⁶⁹⁹. Кроме того, они изменили хозяйственный уклад, перейдя от кочевого скотоводства к оседлому земледелию²⁷⁰⁰. Западные тюрки перешли к феодализму еще раньше²⁷⁰¹, что связано с захватом территорий оседлых народов Восточного Туркестана и Средней Азии, развитых в социально-экономическом и технологическом плане²⁷⁰². Западные тюрки также начали строить города²⁷⁰³.

Судя по всему, эта работа Ма Чжан-шоу до сих пор остается наиболее подробным исследованием древнетюркского общества в китайской историографии²⁷⁰⁴.

Более развернутую аргументацию мнение ученого получило в вышедшей в следующем году в 3-м и 4-м номерах журнала «Исторические исследования» («Ли-ши янь-цзю») специальной статье «О социальных изменениях у тюркского народа и в Тюркском ханстве» (1958). Хоу шан-чжи возразил Ма Чжан-шоу, указав, что тюрки в своем историческом развитии не проходили стадии рабовладения, а вся их история с VI в. вплоть до раздела на два каганата согласуется с феодальной интерпретацией (1959). Позже с этими аргументами согласился Чжан Гуанчжи, опубликовавший статью «Тюрки и рабовладельческий строй» (1983).

В 1965 г. Цай Хун-шэн опубликовал статью «Исследование законов тюрков» (1965), где рассмотрел такие категории как «землевладение» (*ди-фэнь*) и «клеймение скота» (*чу инь*), «раб» (*ну*) и «подданный» (*чэнь*), «семья и брак» (*цзя-тин хэ хунь-инь*), проанализировал права наследования, уголовное право и др. сферы жизни древнетюркского общества, придя в итоге к выводу о том, что если рабство в нем и имело место, то в очень ограниченном масштабе, или же раб являлся членом семьи (*эр-лан* ‘мальчик; паренек’, ‘мóлодец, храбрец, воин’), что позволяет говорить о патриархальном характере рабства (*фу-цюань ну-ли-чжи*)²⁷⁰⁵. Кроме того, он отметил, что патриархальная семья являлась «мельчайшей экономической ячейкой тюркского кочевого общества в VI—VIII вв.», соотнеся используемые в летописях соответственно для тюрков и китайцев термины *чжан* ‘палатка’, ‘юрта’ и *ху* ‘двор’, ‘семья’²⁷⁰⁶.

ваться этой работой хотелось бы выразить благодарность Хо Хуа-ин (Китайская Народная Республика).

²⁶⁹⁷ Ма Чжан-шоу. Ту-цзюэ жэнь хэ ту-цзюэ хань-го. С. 89—91.

²⁶⁹⁸ Там же. С. 94—96.

²⁶⁹⁹ Там же. С. 97.

²⁷⁰⁰ Там же. С. 106.

²⁷⁰¹ Там же. С. 99.

²⁷⁰² Там же. С. 100—104.

²⁷⁰³ Там же. С. 98.

²⁷⁰⁴ См.: Sarıtaş E. Certain Thoughts of Modern Chinese Researchers on Turkish Perception // А. Ясауи университетінің хабаршысы. 2012. № 1(77). 163—164 б.

²⁷⁰⁵ Цит. по: Линь Гань. Цзинь лю-ши юй-нянь (1919—1984) го-на ту-цзюэ ши янь-цзю пин шу // Минь-цзю янь-цзю. 1985. № 6. С. 71 (на кит. яз.). См. также: Хань Чжунь-и. Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзю (1900—2000 нянь). С. 90.

²⁷⁰⁶ Цит. по: Зуев Ю.А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков : дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967. С. 79.

Линь Гань в вышедшей в 1981 г. статье «Предварительное исследование тюркской социальной системы» (1981) также развернуто высказался за рабовладельческий характер древнетюркского общества (с. 163)²⁷⁰⁷. К примеру, этот же исследователь в другой своей статье рассматривал, исходя из сообщения китайских летописей о присутствующих на похоронах тюрка сородичах и фиксируемых источниками случаев у тюрков левирата и многоженства, древнетюркскую семью как соответствующую переходной стадии от первобытного общества к рабовладельческому²⁷⁰⁸.

С Линь Гань согласился У Цзинь-шань (1995). В 2000 г. он писал, что, несмотря на то, что древнетюркские надписи говорят об «утрате тюркских законов» (*сан-ши ту-цзюэ фа-чжи*), исторический материал показывает, что рабы все еще находятся в этот период под властью «военной аристократии» (*цзун-ши гуй-цзу*) (2000). Лю Си-гань (1994) предложил своего рода «примирительную» позицию, указав, что до 580 г. у тюрков господствовал рабовладельческий строй, после — феодальный. Эти же вопросы в конце 80-х гг. XX в. обсуждались в работах Сюэ Цзун-чжэн (1986) и У Цзян (1989), оба автора пришли к выводу, что проблема еще далека от решения.

Чжан Чжи-и (1950), У Цзин-шань (1998), У Цзян (1989) и другие ученые, изучая тюрков, пришли к выводу, что основой их хозяйства было кочевое скотоводство, обеспечивавшее их всем необходимым, но нестабильное по своему характеру. Важную роль играла охота и торговля.

Цай Хун-шэн, изучая военную организацию и тактику тюрков, пришел к выводу, что кочевой образ жизни обуславливал стремление к военной деятельности. Но военизированная организация, превращающая весь народ в войско, была направлена на сглаживание социальных противоречий (1963)²⁷⁰⁹.

В конце 80-х гг. XX в. появляются работы, отмечающие такое объективное свойство кочевнического общества как стремление к дезорганизации, что, в частности, стало одной из причин распада Тюркского каганата на восточный и западный²⁷¹⁰.

Книга Линь Гань «История тюрков» (1988) написана в традиционном духе китайской историографии, потому идеологизирована, тенденциозна и субъективна²⁷¹¹. В этой работе использованы древнетюркские рунические надписи в переводе Гэн Ши-минь²⁷¹².

²⁷⁰⁷ Цит. по: Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 115; *Его же*. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 137.

²⁷⁰⁸ *Lin Gan*. Göktürklerde Gelenekler ve Dini İnançlar // *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. 2000. Sayı IV. S. 362—363 [Оригинал см.: Линь Гань. Ту-цзюэ дэ си-су хэ цзун-цзюэ // Минь-цзу янь-цзюэ. 1981. Вып. 6. С. 43—48 (на кит. яз.); нами цитируется перевод на турецкий язык, выполненный Э. Сарыташ; первая попытка издания, неудачная из-за технической неувязки, была предпринята в кн.: *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. 1999. Sayı III. S. 219—223].

²⁷⁰⁹ Цит. по: Хань Чжунь-и. Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзюэ (1900—2000 нянь). С. 90.

²⁷¹⁰ См.: Жэнь Бао-лэй. Го-нэй цзинь сань-ши нянь си ту-цзюэ янь-цзюэ цзянь шу (1980—2010) // Си-юй янь-цзюэ. 2011. № 4. С. 129 (на кит. яз.).

Известна книга тайваньского ученого Линь Энь-сянь «Исследование тюрков» (1988), составляющая объемную подборку источников²⁷¹³.

Вышедшая в 1992 г. работа Сюэ Цзун-чжэн, так же с названием «История тюрков»²⁷¹⁴, затрагивает, в основном, политическую историю Тюркского каганата с предысторией, со своей разбивкой на этапы²⁷¹⁵. Нас интересуют Первый Восточно-тюркский каганат, Западно-тюркский каганат, период подданства Китаю, Второй Восточно-тюркский каганат, Средняя Азия после тюрков²⁷¹⁶. К.У. Торланбаева характеризует этот «обобщающий труд китайского ученого» как «большой вклад в тюркологию», и указывает, что «в нем рассматриваются вопросы происхождения ашина и ашидэ, их ранняя история и роль в создании Второго восточно-тюркского каганата, который исследователь называет “Поздним восточно-туцзюеским ханством” (Хоу дун-туцзюэ хань-го). Также в этой работе исследуются роль и место ашина и ашидэ в военно-политических событиях после 716 г.»²⁷¹⁷. В книге у тюрков отмечается племен-

²⁷¹¹ Ср. замечание Э. Сарыташ: «Думается, вследствие того факта, что определенная часть территорий, на которой гектюрки проживали, остается в пределах границ Китая и большое количество тюркских обществ, идущих от гектюркского народа живут в этой стране, китайские историки рассматривают гектюрков как одно из древних китайских кочевых племен [Lin Gan, *Tujue Shi (Gokturk History)*, Inner Mongolia Public Publishing House, Hohhot 1988, p. 1]. Это намерение, что они принимают гектюрков за одно из древних [национальных — *Авт.*] меньшинств китайского общества вытесняется из такого понимания. Видение гектюрков, у которых было государство их собственное в течение более чем 1500 лет и совершенно отличная культурная структура от китайской, как [национальное — *Авт.*] меньшинство китайского общества, не соответствует историческим фактам» (*Sarıtaş E. Certain Thoughts of Modern Chinese Researchers on Turkish Perception*. 163 б.).

В целом такой подход отражает один из взглядов на проблему связи этнической и политической составляющей в истории Китая. «Дискуссия, развернувшаяся в этой связи на страницах китайской научной печати, связана главным образом со специфическим понятием “чжунхуа миньцзу”, которое может быть переведено на русский язык как “китайская нация”. Имеется в виду, однако, не этническая общность китайцев, а совокупность всех народов Китая как некоего единства, сложившегося на протяжении “почти четырехтысячелетней истории” этой страны [Цыхай, 1961, т. 6 <Цыхай (Море слов). Пекин, 1961. Т. 6 — *Авт.* >, с. 7]. Понятие “чжунхуа миньцзу” чрезвычайно широко употребляется в китайской общественно-публицистической литературе, хотя до сих пор и не получило должного обоснования с позиций этнографической науки (см. об этом [Крюков, 1984 <Крюков М.В. Китайские ученые о проблемах теории этноса // Советская этнография. 1984. № 6. — *Авт.* >, с. 145]). Между тем употребление этого понятия существенно влияет на понимание характера взаимодействия различных этнических общностей, существовавших в разное время на территории современного Китая.

Одна точка зрения заключается в том, что любой народ, этническая территория которого находилась в пределах границ КНР, должен рассматриваться как явление истории Китая, его национальное меньшинство. В противоположность этому другие китайские историки настаивают на необходимости исторического подхода к проблеме. Хотя сюнну, древние тюрки, кидане, чжурчжэни, монголы в свое время и жили в пределах современной территории Китая, они не могут рассматриваться как составная часть китайского общества эпохи Хань, Тан, Сун или Мин. Поэтому создававшиеся ими государственные образования были по отношению к тогдашнему Китаю “иностранными государствами”...» (Крюков В.М., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М., 1987. С. 8). В связи с этим см. также: *Lattimore O. Some Recent Inner Asian Studies // Pacific Affairs*. 1947. Vol. 20. № 3. P. 320—322.

²⁷¹² См.: *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005 (*Corpus Scriptorum*. Т. I). 11 дугаар тал.

²⁷¹³ См.: *Taşgıl A.* Gök-Türkler I. 2. bk. Ankara, 2003 (*Türk Tarih Kurumu Yayınları*. VII. Dizi — Sayı 160¹). S. 7.

²⁷¹⁴ Сюэ Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши. Пекин, 1992 (на кит. яз.).

²⁷¹⁵ *Sarıtaş E.* [Eleştiri—tanıtma] Hsüeh Tsung Cheng, Gök Türk Tarihi (T'u-Chüeh Shih), Çin Toplum Bilimleri Yayınları, Pekin, 1992, 808+11 s. // *Tarih İncelemeleri Dergisi*. 1998. Cilt XIII. S. 273—274.

²⁷¹⁶ Сюэ Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши. С. 178—265, 266—370, 371—430, 431—584, 585—703.

²⁷¹⁷ *Торланбаева К.У.* Институт каганской власти (Второй восточно-тюркский каганат): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2003. С. 6. См.: Сюэ Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши. С. 558—564. В этом же разделе историк разбирает военно-административную титулатуру.

ное угнетение (*минь-цзу я-по*) и классовое угнетение (*цзе-цзи я-по*)»²⁷¹⁸.

Автор новейшего исследования о древнетюркских надписях Гэн Ши-минь находит тюркское общество на стадии раннего кочевого патриархально-феодального строя (*чу-ци ю-му цзун-фа фэн-цзянь шэ-хуэй*) с пережитками рабства. Общество живет по неписанным (*бу чэн-вэнь-фа*) племенным законам (*törü*). Основой существования является скотоводство, земледелие и ремесло не играют существенной роли. Собственность на пастбища, формально общественные, сосредоточена в руках племенных вождей (*бу-ло шоу-линь*). Перекочевки пастухов ограничены; этот вывод ученый делает из формулировки *гэ ю дэ-фэнь*. Социальное неравенство измеряется и количеством скота. Основным производителем (*чжу-яо шэн-чань жэ*) являются пастухи (*qara bodun*), а труд рабов (*qul, küng*), пополняющихся из военнопленных, не играл существенной роли. Правящий класс (*тун-чжи цзе-цзи*) состоял из наследственной аристократии (*bäg*) и возглавлялся каганом²⁷¹⁹.

В целом работы китайских ученых пока не в достаточной степени способны сказать что-то новое по проблеме социальной истории древних тюрков. С 90-х гг. XX в. здесь наблюдаются значительные сдвиги в подходах к социальной истории в целом²⁷²⁰.

Для наиболее прогрессивных исследований, — коими являются, например, работы филолога, судя по фамилии, видимо, маньчжурского происхождения, Ло Синь, пытающегося проследить социальную эволюцию северных степных соседей Китая, в т.ч. тюрков, на основе изучения этимологии титулов и племенных названий, произошедших, по его мнению, от личных наименований, — характерно принятие неэволюционистских схем (Э.Р. Сервис) и рассмотрение социальной истории кочевников как развитие от эгалитарного общества к сегментированному, от более примитивных форм социальной организации к более развитым (клан — группа — племя — племенная конфедерация или вождество)²⁷²¹. Он писал: «Я верю, в то, что на ис-

²⁷¹⁸ Сюэ Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши. С. 564.

²⁷¹⁹ Гэн Ши-минь. Гу-дай ту-цзюэ вэнь-бэй мин янь-цзю. Пекин, 2005. 8. С. 13—14 (на кит. яз.). См. также: *Geng Shimin. Die alttürkischen Steppenreiche (552—745) // History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (Philologiae et historiae Turcicae fundamenta. T. 1 ; Philologiae Turcicae fundamenta. T. 3). P. 102—124.*

²⁷²⁰ Zhang Xupeng. Historical Writing in the People's Republic of China since 1978 // *Revue Tiers Monde*. 2013. No 216. P. 92—94.

²⁷²¹ Ло Синь. Лунь То-ба Сянь-бэй чжи дэ-мин // Ли-ши янь-цзю. 2006. № 6. С. 32—48. См. также: *Hou Xudong. Recent Research in China on Wei-Jin Nanbeichao History // Asia Major (The Third Series)*. 2010. Vol. XXIII. Pt. 1. P. 4—5. Ло Синь в серии статей, посвященных изучению личной ономастики, этнонимии и титулатуры народов Центральной Азии первой половины I тыс. н.э., несмотря на то, что местами в них присутствуют достаточно спорные этимологии, тем не менее, удалось отвести многие гипотетические высказывания об иноземном происхождении титулатуры алтайских народов, сяньбэйцев, хуннов, тюрков, и благоприятствовала расширению возможностей по поискам источников ее возникновения в общей для них алтайской языковой среде. Список статей ученого см.: *Ibid.* P. 15. См. также: *Аугали Е. Кытай түркологиясы : өткени мен бүгүні // Түркі Дүніеси : альманах / құраст. Қ.Р. Меменгер, К.Н. Райымхан. Алматы, 2013. 200 б. В 2009 г. в Пекине вышла книга Ло Синь «Исследование средневековых названий северной семьи» («Чжун-го бэй-цзу мин-хао янь-цзу»). Пекин, 2009), где автор объединил опыт своих предыдущих работ. См.: *Yalınkılıç T. Prof. Dr. Luo Xin'in "Orta Çağda Çin'in Kuzeyindeki Milletlerde Unvan" Adlı Kitabı Üzerine // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2012. Sayı 1/4. S. 246—256.*

торической арене есть место для политического объединения каждого народа. Все политические связи и политические силы организовались вокруг социальных групп. Если одинаково говорить об этом виде групп, в основе которых лежали кровные связи, также и у каждого народа, которые были на севере от Китая, есть политические группы, и это не этнические объединения, основанные на расовой близости»²⁷²².

Таким образом, китайские историки, имеющие преимущество по сравнению с учеными из других стран в том, что обладают прямым доступом к китайским письменным источникам, а также к археологическим материалам, тем не менее, в пока еще недостаточной степени могут реализовать его на несколько отличном от источниковедческого (эти работы мы не затрагиваем)²⁷²³ аналитическом уровне. Китайская историческая наука о тюрках переживает период некоторого переосмысления методологических аспектов.

Монгольских ученых, начавших работать с 50-х гг. XX в., древние и т.н. «средневековые» политические образования на территории Монгольской народной республики в собственно домонгольский период интересовали, в основном, с точки зрения «проблемы преемственности культурно-исторических традиций»²⁷²⁴. Характерно, однако, что тюрки по сравнению с народами предшествующих эпох оставались фактически без внимания монгольских исследователей.

История Тюркского каганата нашла отражение лишь в работах археолога Н. Сэр-Оджавы²⁷²⁵. Во втором и третьем изданиях «Истории МНР» (1966/1967; 1984/1983), а также в первом томе ее расширенного трехтомного монгольязычного издания (1966), автором разделов о тюрках в которых этот ученый являлся, древнетюркское общество представлено как раннефе-

²⁷²² Цит. по: *Yalınkılıç T. Prof. Dr. Luo Xin'in "Orta Çağda Çin'in Kuzeyindeki Milletlerde Unvan" Adlı Kitabı Üzerine*. S. 252—253.

²⁷²³ См., напр. об изысканиях У Юй-гуй в этой области: *Yalınkılıç, T. Çinli Tarihçi Wu Yugui'nin Çince Kaynaklarda Geçen Eski Türk Tarihi ile İlgili Çalışmaları // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi*. 2014. Sayı : 3/1. S. 85—95.

²⁷²⁴ *Горохова Г.С.* Монгольское средневековье в трудах ученых МНР // *Общественные науки в МНР* / отв. ред. И.Я. Златкин, С.К. Рощин. М., 1977. С. 42.

²⁷²⁵ Там же. С. 43—44; XX зууны Монгол улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг (Нэмж засварласан хоёр, дахь хэвлэл) / эрхлэн хэвлүүлсэн : академич Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар, 2010. 150—151, 155 дугаар тал.

одальное²⁷²⁶. Эту же позицию Н. Сэр-Оджав отстаивал и в других работах²⁷²⁷, прямо писав об эволюционном характере развития кочевого общества от хуннов до монголов²⁷²⁸.

В монографии о тюрках он использовал как ранее накопленный, так и новый археологический и эпиграфический материал²⁷²⁹, обобщив изыскания монгольских и советских ученых²⁷³⁰. Даже в «Истории Монголии» 2003 г. говорилось, что это — единственное специальное исследование по древним тюркам²⁷³¹. Н. Сэр-Оджав отмечал, что «материалы раскопок... <...> помогли... <...> конкретизировать отдельные положения общественного строя, экономики; материальной и духовной культуры древних тюрков»²⁷³².

Н. Сэр-Оджав относил развитие феодализма к VII в., выразившегося в борьбе бегов и «хар бүдүүн»²⁷³³. Кроме того здесь ученый отметил такой момент, что основные археологические памятники тюрков на территории Монголии имеют «чисто кочевой» характер, в то время как памятники населения окраин каганата (Тува, Алтай, Казахстан, Кыргызстан) «отличаются смешанным характером кочевой и оседлой культур». В целом же результаты монографии сводились к следующему: «В состав тюркского каганата входили многочисленные племена с различными по уровню развития экономическими укладами. Большинство тюркских племен занималось скотоводством. Ведущую роль в стаде играли лошади и овцы. Помимо их тюрки разводили коров и верблюдов. Кроме скотоводства, тюрки занимались и земледелием. Это утверждение относится прежде всего к алтайским и семиреченским племенам. Третьей важной отраслью хозяйства у тюрков была охота. Важное место в хозяйстве тюрков занимала добыча железной руды и изготовление железных предметов. Большое развитие получили другие виды ре-

²⁷²⁶ Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Засварлаж нэмсэн хоёр дахь удаагийн хэвлэл. Улаанбаатар, 1966. 88—92 дугаар тал.; Нэмж засварлаж гуравдах дахь удаагийн хэвлэл. Улаанбаатар, 1984. 124—129 дугаар тал.; История Монгольской Народной Республики. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1967. С. 86—90; Изд. 3-е, перераб. и дополн. М., 1983. С. 108—113; Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх. Улаанбаатар, 1966. Тэргүүн боть. Нэн эртнээс XVII зуун / эрхлэн хэвлүүлсэн Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж, Н. Ишжамц, Х. Пэрлээ, Ш. Бира, Н. Сэр-Оджав, М. Санждорж, Б. Түдэв. 119, 128—129 дугаар тал. См. также: Works by Mongolian Historians (1960—1974) : Annotated Bibliography (In English and Russian) / compiled by Ts. Ishdorj, D. Dorj ; translated by Ts. Tsendsuren, Sh. Bira / Труды монгольских историков (1960—1974) : Аннотированная библиография (на английском и русском языках) / сост. Ц. Ишдорж, Д. Дорж ; редактор Ш. Бира. Ulan-Bator, 1975. P. 8 / с. 5—6.

²⁷²⁷ Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. — XII в. н.э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971. С. 8, 16—20, 24.

²⁷²⁸ Сэр-Оджав Н. Кочевые народы и цивилизации Центральной Азии // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии : [материалы Международного симпозиума, 7—9 мая 1973 г.] / ред. Ш. Бира, А. Лувсандэндэв. Улан-Батор, 1974. С. 277—278.

²⁷²⁹ Новгородова Э.А. Археологические открытия и проблемы древней истории // Общественные науки в МНР. С. 31.

²⁷³⁰ Монгол улсын түүх / түүхийн ухааны Д. Цэвээндорж. Улаанбаатар, 2003. Тэргүүн боть (Нэн эртнээс XII зууны дунд үе). 49—50 дугаар тал.

²⁷³¹ Мөн тэнд. 50 дугаар тал.

²⁷³² Сэр-Оджав Н. Археологическая наука в МНР // Олон улсын монголч эрдэмтний II Их хурал. Улаанбаатар, 1973. II боть. 141 дугаар тал.

²⁷³³ Сэр-Оджав Н. Эртний түрэгүүд (VI—VIII зуун). Улаанбаатар, 1970 (Studia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici. T. 5. Fasc. 2). 14 дугаар тал.

месла — ювелирное, камнерезное, гончарное, ткачество, строительное дело. Тюрки вели оживленную торговлю со Средней Азией и Китаем»²⁷³⁴.

В разделе о тюрках трехтомного издания «Истории МНР», вошедшего также в его докторскую диссертацию, Н. Сэр-Оджав вновь отметил многоукладность Тюркского каганата ввиду включения в его состав разных племен²⁷³⁵. В оценке же социальных отношений он не был оригинален. Эль был союзом родовой знати, в который входили только члены ханского рода. Стоявший во главе государства хан имел наследственную и неограниченную власть, опорой которой была дружина, и лишь формальную роль играл совет знати. Общество делилось на два класса: «голубые тюрки», т.е. знать, и «хар будун», т.е. формально свободные общинники; были также зависимые люди — «тат» (крепостные), и прослойка из патриархальных рабов²⁷³⁶.

Интересна трактовка политики кагана Мо-чжо, который расширял земледелие, а также ввел регулярную армию и создал военную школу, куда принималась молодежь, что освободило часть населения от воинской повинности. Эта реформа облегчила положение рядовых кочевников, но и усилила власть кагана, противостоявшего сепаратистским устремлениям местных феодалов, т.к. теперь подати и налоги поступали в государственную казну через специальных чиновников. От власти была отстранена старая знать, в т.ч. Тоньюкук — противник реформ. Следующий же каган, Мо-цзи-лянь, чтобы удовлетворить старую знать, вернул их на службу; для его политики также характерно стремление восстановить власть над старыми племенами и держаться добрых отношений с Китаем²⁷³⁷.

Х. Пэрлээ, посвятивший ряд работ древним и «средневековым» поселениям и городам Монголии²⁷³⁸, писал, что со второй половины VII в. у населявших Монголию племен шел процесс классовообразования, способствовавший развитию градостроительства²⁷³⁹.

Б. Шырендыб относил «Тюркское хаганство» и «Уйгурское хаганство» к «племенным союзам и государственным образованиям кочевников, находившимся на стадии разложения первобытного строя и формирования раннефеодальных отношений», кратковременное существование которых было связано со «многими социальными причинами, связанными с внут-

²⁷³⁴ Works by Mongolian Historians (1960—1974) ... P. 209—210 / с. 199—200.

²⁷³⁵ БНМАУ-ын түүх ... 1966. Боть I. 126—127 дугаар тал.; Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии ... С. 17.

²⁷³⁶ БНМАУ-ын түүх ... 1966. Боть I. 128—129 дугаар тал.; Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии ... С. 19.

²⁷³⁷ БНМАУ-ын түүх ... 1966. Боть I. 124—126 дугаар тал.; Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии ... С. 20.

²⁷³⁸ См.: Горохова Г.С. Монгольское средневековье в трудах ученых МНР. С. 54—55; XX зууны Монгол улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг ... 114 дугаар тал.

²⁷³⁹ Пэрлээ Х. К истории древних городов и поселений в Монголии // Советская археология. 1957. Вып. III. С. 45. См. также: Works by Mongolian Historians (1960—1974) ... P. 202—203 / с. 192—193, p. 204—205 / с. 194—195.

ренными противоречиями и войнами»²⁷⁴⁰. Как и другим домонгольским объединениям, им были свойственны следующие черты: во-первых, основной экономической жизни было кочевое скотоводство, слабо была развита торговля, имел место лишь натуральный обмен; во-вторых, все они были переходными обществами от первобытнообщинного к классовому, с патриархальной формой рабства; политическая форма племенной организации появлялась как военная демократия на основе выделения племенной знати и ее постепенного усиления; при этом военные походы были связаны не только с интересами верхушки, но и с агрессией китайских соседей (в случае с тюрками — Танской империи); в-третьих, усиление частной собственности на скот и пастбища обостряли социальные противоречия; в-четвертых, сменяющие друг друга племена оказывали друг на друга культурное влияние. Но были и отличия, в частности, выразившиеся в том, что, во-первых, эти народы, от хунну до уйгуров, в разной степени практиковали земледелие; во-вторых, они характеризовались различным уровнем ремесла и развития городского строительства, в частности, «тюрки были более искусными камнетесами и ювелирами»; в-третьих, тюрки и уйгуры имели свою письменность, но у вторых развивалась «наука и культура»²⁷⁴¹.

Н. Ишжамц также отсчитывал начало формирования феодальных отношений в Монголии, которое он рассматривал как часть единого процесса социально-экономического «развития страны», с периода Жужаньского и Тюркского каганатов; они, как и последующие государственные образования в Монголии до XIII в., были раннефеодальными²⁷⁴². У тюрков наблюдается дальнейшее (по сравнению с хуннами) усовершенствование производства железа. Каганы и беги выделялись из простого народа, «презрительно» именовавшегося «карабудун» /чернь/, себя же именовали «кок тюрк» («голубые тюрки», «тюрки из Синевы»); в процессе феодализации простые кочевники все больше попадали в зависимое положение, превращаясь в «татов» /зависимых/. Появление городов при уйгурах говорит о дальнейшей феодализации²⁷⁴³.

Ш. Бира в статье «Концепция верховной власти в историко-политической традиции монголов» (Түүхийн судлал. 1974. Т. X. Вып. 5. 1974. С. 65—72) развивал идею о непрерывно передававшейся от одних народов к другим в степи идеи о «единокаганстве», которая «впервые появилась среди протютюркских и протомонгольских народов Центральной Азии, в результате ранних космологических спекуляций и получила довольно стройную форму своеобразной кон-

²⁷⁴⁰ Шырендыб Б. Некоторые вопросы исследования проблемы «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии» // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии. С. 25—26.

²⁷⁴¹ Там же. С. 28.

²⁷⁴² Ишжамц Н. Образование единого Монгольского государства и установление феодализма в Монголии (XI — середина XIII вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972. С. 9, 31; *Его же*. О формировании монгольской народности // Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии ... С. 156. См. также: Works by Mongolian Historians (1960—1974) ... P. 86—87 / с. 81, 82.

²⁷⁴³ Ишжамц Н. Образование единого Монгольского государства и установление феодализма ... С. 10.

цепции верховной государственной власти при расцвете тюркского и монгольского хаганств»²⁷⁴⁴.

В целом, в работах монгольских историков эпоха VI—XII вв. рассматривалась как «период зарождения и становления феодализма в недрах племенных союзов и первых государственных образований на территории Монголии»²⁷⁴⁵. В последующее время число специалистов, занимавшихся тюркской проблематикой, не было большим, в основном это были отдельные археологи²⁷⁴⁶.

Значительно больше внимания, чем прежде, древнетюркской тематике стали уделять монгольские ученые, преимущественно археологи, в последние годы²⁷⁴⁷. Например, в «Истории Монголии», автором разделов о периоде господства восточных тюрков (Түрэг угсааны хаант улсууд) был археолог Д. Баяр²⁷⁴⁸. Однако здесь мы встретим лишь традиционное описание древнетюркского общества: во главе каган со своими чиновниками, представляющими бегство, им противопоставляется масса скотоводов (кара бүдүн), у бегов были лично зависимые люди (тат), были также рабы (gul)²⁷⁴⁹. Это, однако, больше соответствует и общей линии восприятия кочевников монгольской наукой. Президент Академии наук Монголии акад. Б. Энхтүвшин, экономист по специальности, рассматривает все кочевые государства Монголии от хуннов до Чингисхана как носителей одной развивающейся традиции государственности. Так, тюрки, имевшие дуальное разделение государства и сложную иерархическую систему унаследовали многое от Жужаньского каганата, продолжением этого развития был Уйгурский каганат, а за-

²⁷⁴⁴ Цит. по: Works by Mongolian Historians (1960—1974) ... P. 202—203 / с. 192—193, p. 46—47 / с. 42—43.

²⁷⁴⁵ Гольман М.[И.] Проблемы феодализма в монгольской историографии // Олон улсын монгол эрдэмтэн IV их хурал. Улаанбаатар, 1985. I боть. 271 дугаар тал. При этом монгольские историки «средневековья», в частности, Ш. Нацагдорж, Д. Гонгор, Н. Ишжамц, Ү. Нямдорж и др., придерживались концепции о существовании феодальных отношений на основе «единства скота и земли» (См.: Горохова Г.С. Монгольское средневековье в трудах ученых МНР. С. 39—42. См. также: Шаусланов А.Р. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 88—89; Его же. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 21). В этом же ряду стоят работы таких ученых как Ш. Сандаг, Н. Сэр-Оджав, Б. Ширендыб, Ч. Далай (См.: Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 40—41; Его же. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994. С. 15. См. также: Попов А.В. Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // Историография и источниковедение стран Азии и Африки. Л., 1986. Вып. IX. С. 156—172). Ср. также: Болд Л. БНМАУ-ын нутаг дахь хадны бичээс (Түрэг бичгийн дурсгал). Улаанбаатар, 1990. I боть. 6 дугаар тал.

²⁷⁴⁶ См.: Gül B. Moğolistan Halk Cumhuriyetinde Türklük Bilimi // Çağdaş Türklük Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Çağdaş Türk Lehçeleri ve Edebiyatları Bölümü, Ankara, 5—7 Mayıs 2003. Ankara, 2007. Cilt : 2. S. 272—283.

²⁷⁴⁷ См.: Gül B. Moğolistan'da Türkolojinin Gelişimi ve Moğolistan'da Yapılması Gerekli Türkoloji Çalışmaları Üzerine // I. Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri, 25—26 Mayıs 2006 Mehmet Akif Ersoy Salonu Beytepe/ Ankara, Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü. Ankara, 2006. S. 203—217; XX зууны Монгол улсын түүхийн судалгаа, түүх бичлэг ... 532—533 дугаар тал.

²⁷⁴⁸ Монгол улсын түүх / түүхийн ухааны Д. Цэвээндорж. Улаанбаатар, 2003. Тэргүүн боть (Нэн эртнээс XII зууны дунд үе). 313—333, 333—344 дугаар тал.

²⁷⁴⁹ Мөн тэнд. 326—327 дугаар тал.

тем — киданьское государство²⁷⁵⁰. Тем не менее, это следы именно стадийного подхода.

Таким образом, как мы видим, в зарубежной марксистской историографии, формировавшейся под непосредственным советским влиянием, нашли распространение, прежде всего, крайне консервативные позиции (в частности, в работах китайских ученых). В этом плане примечательно, что в научно-исторической мысли стран, попавших под советское влияние в более поздние периоды, мы встретим более разнообразные методические приемы и, по-видимому, меньшую ограниченность в методологии. Наиболее всего это относится и к венгерской школе, исторически формировавшейся самостоятельно и сохранившей эту автономию, несмотря на господство коммунистов в послевоенный период.

²⁷⁵⁰ Энхтувшин Б. Традиции государственности и история кочевников // Монгольская империя и кочевой мир (Мат-лы междунар. науч. конф-ии). Улан-Удэ, 2008. Кн. 3 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. С. 230—231.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

(справочное)

**БИБЛИОГРАФИЯ БИБЛИОГРАФИЙ РАБОТ ПО ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКУ
ДРЕВНИХ ТЮРКОВ VI—X вв.**

Уже в 1914 г. А.Н. Самойловичем был составлен указатель литературы по памятникам древнетюркской рунической письменности²⁷⁵¹. Более крупная сводка затем была приведена в работе А. фон Габэн по древнетюркской грамматике (1-е изд. в 1941 г.)²⁷⁵². Наиболее важные работы отмечены также С.Е. Маловым²⁷⁵³, Р. Лёвенталем²⁷⁵⁴ и К.Г. Менгесом²⁷⁵⁵. Л. Базен в своей обзорной статье отсылает к региональным библиографиям²⁷⁵⁶, помещенным в выше указанной работе С.Е. Малова, а также в двух книгах Р. Жиро, представляющих собой издание его докторской диссертации (защищена в июле 1958 г.)²⁷⁵⁷, и упоминает подготовленный Венгерской Академией наук библиографический указатель советских тюркологических исследований «Sovietico-Turcica»²⁷⁵⁸. Многочисленные работы приводятся также в перечнях литературы в

²⁷⁵¹ *Самойлович А.Н.* Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности // Труды Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. 1914. Т. XV. Вып. 1. С. 55—80.

²⁷⁵² *Gabain A. (von)* Alttürkische Grammatik. Mit Bibliographie, Lesestücken und Wörterverzeichnis, auch Neutürkisch. Mit vier Schrifttafeln und sieben Schriftproben. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950 (Porta Linguarum Orientalium, Sammlung von Lehrbüchern für das Studium der orientalischen Sprachen, herausgegeben von Richard Hartmann. XXIII). S. 225—246, 268—272 (в качестве дополнения см. также: *Benzing J.* Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. Wiesbaden, 1953. S. 74—75).

²⁷⁵³ *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. ; Л., 1951. С. 14—16.

²⁷⁵⁴ *Loewenthal R.* The Turkic Languages and Literatures of Central Asia. A Bibliography. 'S-Gravenhage, 1957 (Central Asiatic Studies ; 1). P. 26—43.

²⁷⁵⁵ *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples : An Introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968 (Ural-Altäische Bibliothek. XV). P. 204—207.

²⁷⁵⁶ *Bazin L.* La littérature épigraphique turque ancienne // Philologiae Turcaicae fundamenta : iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis. Aquis Mattiacis [Wiesbaden], 1964. Т. 2. Curavit et auxit, indices adiecit Pertev Naili Boratav / ed. L. Bazin, A. Bombaci, J. Deny, T. Gökbilgin, F. İz, H. Scheel. P. 210—211.

²⁷⁵⁷ *Giraud R.* L'Empire des Turcs Célestes. Les règnes d'Elterich, Qapghan et Bilgä (680—734). Contribution à l'histoire des Turcs d'Asie Centrale. Illustré de 4 cartes en hors texte. Paris, 1960. P. 201—206; *Idem.* L'Inscription de Baïn Tsokto : Édition Critique. Paris, 1961. P. 161—164.

²⁷⁵⁸ *Sovietico-Turcica : Beiträge zur Bibliographie der Türkischen Sprachwissenschaft in Russischer Sprache in der Sowjetunion 1917—1957 / redigiert von G. Hazai.* Budapest, 1960 (Bibliotheca Orientalis Hungarica. IX). S. 296 (см. Alttürkisch), 299 (см. Inschriften), 304 (см. Orchon).

двух книгах казахского ученого Губайдуллы Айдарова²⁷⁵⁹, в 1979 г. составившего первый библиографический указатель работ по памятникам древнетюркской рунической письменности орхонского, енисейского и таласского ареалов²⁷⁶⁰. Помещенная здесь литература была разбита составителем на рубрики по языкам и в каждой из них расположена алфавитному принципу.

Основная библиография работ о древних тюрках VI—VIII вв. за период 1756—1956 гг. была приведена Дьюлой Моравчиком²⁷⁶¹. Работы венгерских ученых до 1935 г. можно увидеть в библиографии Ласло Расоньи²⁷⁶², работы послевоенного периода до середины 70-х гг. XX в. в библиографии под редакцией Жужи Какук²⁷⁶³.

Отдельный интерес представляют списки, содержащие литературу, отобранную авторами специальных работ, конкретно связанных с древнетюркской эпохой.

Акдес Нимет (Курат) в библиографии к своей статье приводит лишь наиболее крупные работы²⁷⁶⁴. Издавший свою работу в 1952 г., в примечании к указанию книги А.Н. Бернштама (1946) он отметил, что в ней «передана полная библиография и история вопроса»²⁷⁶⁵, но, как мы указали выше (см.: Введение), это не совсем так. Также литература на начало 50-х гг. XX в., преимущественно турецкая, была собрана Абдуллахом Тахсином Йылмазом (Öztuna)²⁷⁶⁶. Здесь нельзя не упомянуть сводки литературы по письменности и материальной культуре древних тюрков Центральной и Средней Азии VI—X вв. на 1962 г., включающие значительную долю советских исследований, собранные Бахаддином Öгелем²⁷⁶⁷. У Б. Шпулера также в библиографии по истории Центральной Азии периода «раннего средневековья» представлены основные крупные работы по истории орхонских тюрков²⁷⁶⁸. В книге Л. Расоньи библиография, относящаяся к периоду Тюркского каганата (*ту-цзюэ*), разбита по рубрикам, включающим источники, работы о «рунических надписях печенегов и венгров», исторические работы, работы о государ-

²⁷⁵⁹ Айдаров Г. Язык орхонского памятника Бильге-кагана. Алма-Ата, 1966. С. 90—92; *Его же*. Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. Алма-Ата, 1971. С. 367—377.

²⁷⁶⁰ Айдаров Г. Библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности. Алма-Ата, 1979.

²⁷⁶¹ Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 3. unveränderte Auflage. Leiden, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. X). Bd. I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. S. 77—81.

²⁷⁶² Rásonyi L. Ungarische Bibliographie der Turkologie und der orientalisches- ungarischen Beziehungen 1926—1934 // Körösi Csoma Archivum. Leiden, 1967. Vol. I. 1935—1939. S. 15—16.

²⁷⁶³ Hungarian Turcology 1945—1974 : Bibliography / ed. by Zs. Kakuk. Budapest, 1981 (Keleti tanulmányok; Oriental Studies. No. 5). P. 41—51.

²⁷⁶⁴ Kurat A.N. Göktürk Kağanlığı. Birinci Bölüm : siyasi tarihin ana hatları (M.s. 552—745) // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi. Tarih Araştırmaları Degrisi. 1952. Cilt X. Sayı 1—2. S. 54—56 (Переиздано в кн.: Türkler / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 77—78).

²⁷⁶⁵ Kurat A.N. Göktürk Kağanlığı ... S. 54 (то же в кн.: Türkler. Cilt 2. S. 77).

²⁷⁶⁶ Öztuna T.Y. Başlangıcından Zamanımıza Kadar Türkiye Tarihi. 2. bk. Ankara, 1963 (Hayat Kitapları : 37 ; Tarih Dizisi : 1). Cilt 1. Türklerden Önce Anadolu ve Anadoluya Gelmeden Önce Türkler. S. 203—205.

²⁷⁶⁷ Ögel B. İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi (Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre). 2. bk. Ankara, 1984. S. 127—128, 137, 138, 139—140, 143, 144, 146—147, 165, 170—171, 176—177, 181—182 (Пенджикент), 185—187 (Западный Туркестан), 187—188 (Согд), 194, 207.

²⁷⁶⁸ Spuler B. Geschichte Mittelasiens seit dem Auftreten der Türken // Handbuch der Orientalistik. Leiden ; Köln, 1966. 1. Abt. Der Nahe und der Mittlere Osten. Bd. V. Altaistik. Abschnitt 5. Geschichte Mittelasiens. S. 295—297.

ственном устройстве и титулатуре²⁷⁶⁹. Не менее, однако, важна и литература, указанная к разделу об уйгурах²⁷⁷⁰, а также работы об устройстве семьи, общины и государства²⁷⁷¹, и работы об образовании древнетюркских государств из общего раздела²⁷⁷². Емкую и обстоятельную подборку основной исследовательской литературы в 1971 г. представил Дж. Сондерс²⁷⁷³. Значительная библиография представлена Ибрахимом Кафесоглу в статье «Türkler» во второй части 12-го тома сокращенного издания «Энциклопедии ислама» на турецком языке (1-е издание тома в 1979 г.)²⁷⁷⁴. Фактически, основная библиография на начало 90-х гг. XX в. по истории, культуре и культуре языка древних тюрков Центральной Азии доисламского периода дана в кнге В.Э. Шарлиппа «Ранние тюрки в Центральной Азии...» (1992)²⁷⁷⁵.

Д. Синору принадлежит первая аннотированная библиография. В главе, связанной с изучением филологии тюркских народов, им представлены наиболее важные работы по памятниками древнетюркской и уйгурской письменности, а также работы по грамматике и издания словарей²⁷⁷⁶. В главе, посвященной исторической проблематике, им дано описание сводных работ, а также работ по тюркам, токуз огузам, карлукам и уйгурам, и, кроме того, представлены общие работы по истории Центральной Азии той эпохи и исследования по кыргызам²⁷⁷⁷. Дополнена эта библиография по тюркам с учетом работ на конец 80-х гг. XX в. была Д. Синором в «Кэмбриджской истории древней Внутренней Евразии» (1990)²⁷⁷⁸. Основную аннотированную библиографию по истории и эпиграфике древних тюрков VI—X вв. предпослал в своей монографически опубликованной докторской диссертации Л. Базен²⁷⁷⁹. Аннотированная библиография работ монгольских историков за период 1960—1974 гг. содержит информацию как о работах по истории, так и об источниковедческих публикациях, в т.ч. по древнетюркской эпиграфике²⁷⁸⁰. Тоору Хаяси и Хироси Умемура принадлежит библиографическая сводка японских исследова-

²⁷⁶⁹ *Rásonyi L.* Tarihte Türklük. Ankara, 1971 (Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları : 39 ; Seri : III — Sayı : A11). S. 313—315.

²⁷⁷⁰ Aynı eser. S. 316—320.

²⁷⁷¹ Aynı eser. S. 297—298.

²⁷⁷² Aynı eser. S. 298.

²⁷⁷³ *Saunders J.J.* The History of the Mongol Conquests. London, 1971 (Repr. : Philadelphia, 2001). P. 17—18.

²⁷⁷⁴ *Kafesoğlu İ.* Türkler // İslâm Ansiklopedisi : İslâm Âlemi Tarih, Coğrafya, Etnografya ve Biyografya Lugati. İstanbul, 1988. Cilt XII/2. Tuğ — Türşiz. S. 142—280.

²⁷⁷⁵ *Scharlipp W.E.* Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1992. S. 135—144.

²⁷⁷⁶ *Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963. P. 86—90 (тюрки), 90—94 (уйгуры), 94—96 (работы по грамматике и словари).

²⁷⁷⁷ *Ibid.* P. 194—198 (сводные работы), 234—239 (тюрки), 239 (токуз огузы), 239—240 (карлуки), 240—243 (уйгуры), 243—246 (Центральная Азия), 246—248 (кыргызы).

²⁷⁷⁸ [Bibliography] // *The Cambridge History of Early Inner Asia : From Earliest Times to the Rise of the Mongols* / ed. by D. Sinor. Cambridge, 1990. Vol. 1. P. 478—483, на pp. 483—485 также библиография по уйгурам.

²⁷⁷⁹ *Bazin L.* Les calendriers turcs anciens et medievau. Lille, 1974 (Université de Lille III). P. 13—16, 20—24.

²⁷⁸⁰ См.: *Works by Mongolian Historians (1960—1974) : Annotated Bibliography (In English and Russian) / compiled by Ts. Ishdorj, D. Dorj ; translated by Ts. Tsendsuren, Sh. Bira / Труды монгольских историков (1960—1974) : Аннотированная библиография (на английском и русском языках) / сост. Ц. Ишдорж, Д. Дорж ; редактор Ш. Бира. Ulan-Bator, 1975. P. 231—232 / с. 220—221 (публикации источников), p. 245—246 / с. 233—235 (эпиграфика).*

ний по древним тюркам VI—X вв.²⁷⁸¹ Перечень работ российских дореволюционных авторов, опубликованных в периодических изданиях, приведен также в работе Л.Н. Карской²⁷⁸². Списки наиболее важных работ по Тюркскому каганату с критическими замечаниями представлены также после соответствующих разделов «Истории древней Центральной Азии» Иштвана Вашари²⁷⁸³. С. Штарк в своей книге дает перечень и краткую характеристику крупнейших работ по истории Тюркских каганатов²⁷⁸⁴, в этой же работе отмечены археологические публикации²⁷⁸⁵. Предельно краткий, но емкий, больше соответствующий аннотированной библиографии, обзор исследований по древнетюркской тематике дан в вводной части монографии Хатидже Ширин Усер, где выделены следующие разделы: издания и переводы памятников древнетюркской рунической письменности²⁷⁸⁶, словари и исследования лексики²⁷⁸⁷, исследования по грамматике²⁷⁸⁸, исторические исследования²⁷⁸⁹, исследования титулатуры²⁷⁹⁰.

В библиографии работ по археологии и искусству «ранних кочевников евразийских степей», составленной М. Моде, есть разделы, посвященные древнетюркской тематике²⁷⁹¹. Основная библиография по древнетюркскому периоду на конец 90-х гг. XX вв. приведена В.Э. Шарлиппом в третьем томе «Основ тюркской филологии» («*Philologiae Turcicae fundamenta*»)²⁷⁹². Там же представлена основная библиография по археологии Средней Азии

²⁷⁸¹ *Tooru H., Hiroşi U.* Japonya'da Göktürkler ve Uygurlarla İlgili Olarak Japonca Yayınlanan Araştırmaların Bibliyografyası // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 1985. Ankara, 1989. S. 211—254.

²⁷⁸² *Карская Л.Н.* Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии, 1818—1917 гг. : (научная периодика). М., 2000. С. 759—763.

²⁷⁸³ *Vásáry I.* A régi Belső-Ázsia története. Második, átdolgozott kiadás. Budapest, 2003. 68, 73, 77, 82—83, 89. о.

²⁷⁸⁴ *Stark S.* Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und Seßhafte. Vol. 6). S. 16 Anm. 46, S. 21 Anm. 64, S. 22 Anm. 65.

²⁷⁸⁵ *Ibid.* S. 63—66, Anm. 264—273.

²⁷⁸⁶ *Şirin User H.* Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009 (Kömen Yayınları 32 ; Türk Dili Dizisi 1). S. 26—29.

²⁷⁸⁷ Aynı eser. S. 29—32.

²⁷⁸⁸ Aynı eser. S. 32—34.

²⁷⁸⁹ Aynı eser. S. 35—37.

²⁷⁹⁰ Aynı eser. S. 37—38.

²⁷⁹¹ *Mode M.* Frühe Reiternomaden der eurasischen Steppen. Bibliographische Notizen mit Ausblick auf die früh- und hochmittelalterliche Zeit und Angaben zur Geschichte der Forschung [1998] [Электронный ресурс] // *Central Asia Pages: The Pre-Islamic Heritage — Arbeitsbereich Archäologie und Kunst Mittelasiens.* — Режим доступа: <http://www.orientarch.uni-halle.de/ca/nomads/nomads.htm>. (дата обращения: 30.11.2014), где прежде всего см. блок II, в разделе В «Geistige Kultur» пункт 2.2 «Alttürken», С «Kunst (einschl. Sammlungen u. Ausstellungen)» — 1.11.2 «Alttürkische Steinmonumente», I «Spätere Kulturen der Steppenvölker Eurasiens» — 2.2 «Alttürken (einschl. Uiguren)».

²⁷⁹² *Scharlipp W.E.* Bibliographie zur Geschichte der alten Türken // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period* / ed. H.R. Roemer with the assistance of W.E. Scharlipp. Berlin, 2000 (*Philologiae et historiae Turcicae fundamenta*. Т. 1 ; *Philologiae Turcicae fundamenta*. Т. 3). P. 177—186. Этот список можно дополнить некоторыми работами на турецком языке из списка, составленного Саадеддином Гёмечем. С. Гёмеч приводит список из 29 наиболее крупных исследований по тюркскому и 22 по уйгурскому периоду, при этом некоторые работы даны в списке, касающемся хуннского периода, а часть важных сочинений приводится также в списке «Общих трудов по культуре» (*Genel Kültüre Ait Eserler*) (*Gömeç S.* İslam Öncesi Türk Tarihinin Kaynakları Üzerine // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Tarih Bölümü*. 2000. Cilt 20. Sayı 31. S. 88—90, 90—91, 87—88, 92). Ср. также библиографию в его монографии: *Gömeç S.* Kök Türk Tarihi. Ankara, 1997 (*Türksoy Yayınları* No. : 8). S. 129—150. Следует также обратить внимание на работы последних лет из списка, приложенного к ознакомительной статье

предтюркского (Иштван Эрдейи)²⁷⁹³ и тюркского периодов (VI—VIII вв.) (Ф. Гренэ)²⁷⁹⁴, и там же Й.П. Лаутом подготовлена основная библиография по уйгурскому периоду²⁷⁹⁵. В «Библиографии древнетюркских исследований», составленной В. Адамом, Й.П. Лаутом и А. Вайссом²⁷⁹⁶, даны работы 1820—1999 гг., касающиеся истории и, в первую очередь, филологии, прежде всего, древних уйгуров, но, на самом деле, содержащие указания и на важные работы по тематике, связанной с Тюркским каганатом, как и в продолжающемся издании данной библиографии, осуществляемого Й.П. Лаутом²⁷⁹⁷.

Список работ по древнетюркским руническим памятникам, вышедших с 1995 по 2008 гг. опубликовал Осман Фикри Серткайя²⁷⁹⁸. Аиеркен Арези приводит аннотированную библиографию китайских исследований²⁷⁹⁹. Эрхан Айдын в соавторстве с Галипом Гюнером составил библиографический список публикаций по древнетюркским руническим памятникам, изданных в Турции, включающий как самостоятельные исследования, так и переводные работы²⁸⁰⁰. И этому же исследователю принадлежит наиболее полный библиографический указатель литературы, связанной с памятниками древнетюркской рунической письменности²⁸⁰¹. Литература расположена погодно. Объемный поименный указатель с разбивкой литературы по рубрикам при-

П. Циме (*Zieme P.* Die alttürkischen Reiche in der Mongolei // *Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen* : Ausstellungskatalog / hsg.: C. Müller. Bonn ; München, 2005. S. 67).

²⁷⁹³ *Erdélyi I.* Éléments Bibliographiques de l'Archéologie de l'Asie Centrale Vestiges Prototurcs // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. P. 42—47.

²⁷⁹⁴ *Grenet F.* Bibliographie Sélective sur la Présence Turque en Asie Centrale (Sogdiane, Bactriane-Tokharestân, Hindukush) et dans l'Inde du Nord-Ouest à l'Époque Préislamique (VIe—VIIIe s.) // *Ibid.* P. 47—51.

²⁷⁹⁵ *Laut J.P.* Bibliographie zu den Uiguren-Kapiteln // *History of the Turkic Peoples in the Pre-Islamic Period*. S. 235—255.

²⁷⁹⁶ *Bibliographie alttürkischer Studien / ausgewählt und chronologisch angeordnet von V. Adam, J.P. Laut und A. Weiss. Nebst einem Anhang : Alphabetisches Siglenverzeichnis zu Klaus Röhrborn : Uigurisches Wörterbuch, Lieferung 1—6, 1977—1998. Wiesbaden, 2000.*

²⁷⁹⁷ *Laut J.P.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge // *Ural-Altäische Jahrbücher (Neue Folge)*. 2001/2002. Bd. 17. S. 234—239; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (II) // *Ibid.* 2003/2004. Bd. 18. S. 202—207; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (III) // *Ibid.* 2005. Bd. 19. S. 229—232; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (IV) // *Ibid.* 2006. Bd. 20. S. 228—232; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (V) // *Ibid.* 2007. Bd. 21. S. 224—229; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VI) // *Ibid.* 2008. Bd. 22. S. 268—273; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VII) // *Ibid.* 2009. Bd. 23. S. 175—178; *Idem.* Bibliographie alttürkischer Studien : Nachträge und Neuzugänge (VIII) // *Ibid.* 2010/2011. Bd. 24. S. 259—263; и др.

²⁷⁹⁸ *Sertkaya O.F.* Göktürk (Runik) Harfli Yazıtların Envanter, Alfabe ve Bibliyografya Problemleri Uzerine // *Dil Araştırmaları Dergisi*. 2008. Sayı 2. S. 7—34.

²⁷⁹⁹ *Arezi A.* *Orhon Yazıtları'nın Çağdaş Uygurca Çevirisi ve Çin Halk Cumhuriyeti'ndeki İlgili Çalışmaların Genel Bir Değerlendirilmesi* // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 1. Cilt. S. 55—70.

²⁸⁰⁰ *Aydın E., Güner G.* Kök Türk Harfli Metinler ve Kök Türklerle İlgili Türkiye'de Yayımlanmış Çalışmalar Bibliyografyası (Deneme) // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 2007. Ankara, 2010. Cilt 1. S. 33—82.

²⁸⁰¹ *Aydın E.* *Türk Runik Bibliyografyası. Genişletilmiş 2. bk.* İstanbul, 2010 (Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi : 61). От первого издания (*Türk Runik Kaynakçası. Çorum*, 2008) книга отличается дополнением нескольких работ, неучтенных автором прежде (*Aydın E.* *Türk Runik Kaynakçası'na Ek I // Turkish Studies / Türkoloji Araştırmaları*. 2009. Vol. 4/8. S. 552—575), и включением в список работ, указанных в упомянутой выше статье А. Арези.

веден также в дипломной (!) работе Эсры Йавуз²⁸⁰². Р. Төрдалай и С. Чулуун составили библиографию работ по истории Монголии, где по древнему периоду, куда отнесены и древние тюрки VI—X вв., мы имеем указатель изданий исторических источников²⁸⁰³ и исследовательской литературы²⁸⁰⁴.

В целом, по различным аспектам истории, культуры и языка древних тюрков VI—X вв. имеется огромный массив работ.

²⁸⁰² *Yavuz E. Orhun Abideleri ve Bunlarla İlgili Yapılan Çalışmalar Üzerine Bibliyografya Denemesi : Muğla Üniversitesi Lisans Bitirme Tezi. Muğla, 2006. S. 28—164.*

²⁸⁰³ Монгол Улс дахь түүхийн судалгааны ном зүй / эмхтгэсэн: Р. Төрдалай, С. Чулуун. Улаанбаатар, 2012. 124—202 дугаар тал.

²⁸⁰⁴ Мөн тэнд. 203—228 дугаар тал.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

(обязательное)

**КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ТЮРКСКОГО КАГАНАТА VI—VIII вв.**

Периодизация изучения социальной истории Тюркского каганата учитывает три обстоятельства.

Во-первых, прежде всего, она должна коррелироваться с этапами изучения кочевнических обществ в целом. Сколько либо более или менее целостные попытки периодизаций нам неизвестны, а последняя попытка периодизации российских (resp. советских) исследований, учитывающая опыт предшественников, потому содержащая подробную разбивку на этапы, связана с именами С.А. Васютина и П.К. Дашковского. С учетом опыта работ предшественников ими выделены четыре периода: (1) 1920-е — начало 1930-х гг.; (2) вторая треть 1930-х — середина 1960-х гг.; (3) последняя треть 1960-х — начало 1990-х гг.; (4) 1990-е — 2009 гг.²⁸⁰⁵

Второе обстоятельство, которое должно быть учтено при изучении древнетюркского общества — это хронология исследований памятников древнетюркской рунической письменности, накопление материала и расширение базы методов его исследования. Многолетние работы С.Г. Кляшторного позволяют выделить следующие вехи: (1) с 90-х гг. XIX в. по 10-е гг. — 20-е гг. XX в.; (2) с 30-х — 40-х гг. по 60-е гг. XX в.; (3) с конца 60-х гг. и, видимо, до 90-х гг. XX в.²⁸⁰⁶ Ц. Баттулга, выделяя первый период с 1889 по 1910-е гг.²⁸⁰⁷, тем не менее, второй пе-

²⁸⁰⁵ *Васютин С.А., Дашковский П.К.* Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. С. 8, 346—350; *Дашковский П.К.* Мировоззрение и социально-политическая организация кочевников Саяно-Алтая поздней древности и раннего средневековья в отечественной историографии второй половины XIX — начала XXI вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2010. С. 28, 493 сл.

²⁸⁰⁶ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 5—12; *Его же.* История Центральной Азии ... С. 21—29; *Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.* Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии / отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск, 1978. С. 42—46. Мы считаем возможным пренебречь в связи с тематикой нашей работы разрывом в изучении древнетюркских памятников с начала до второй половины 10-х гг. XX в. (*Рухлядев Д.В.* Древнетюркские рунические надписи VIII—IX вв. как памятник историографии : негезис жанра и структура текста : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 140).

²⁸⁰⁷ *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005 (Corpus Scriptorum. T. I). 6—10 дугаар тал.

риод ограничивает промежутком 50-х — 80-х гг. XX в.²⁸⁰⁸ Но и здесь начало 90-х гг. XX в. так же очерчивает определенный этап²⁸⁰⁹. Китайский ученый Гэн Ши-минь начинает второй период с раскопок 60-х гг. XX в.²⁸¹⁰, третий — так же с 90-х гг. XX в.²⁸¹¹

Третий фактор, имеющий значение для нашей периодизации, составляет развитие древнетюркской археологии, прежде всего, изучение погребальных памятников эпохи. Специально занимающийся данной проблематикой Н.Н. Серегин, ориентируясь на исследования на Саяно-Алтае, выделил следующие периоды: (1) 1865—1924 гг.; (2) 1924—1940-е гг.); (3) 1950-е — начало 1990-х гг.; (4) вторая половина 1990-х гг. — начало XXI в.²⁸¹²

Однако если начало собственно древнетюркской археологии, в действительности, может восходить к деятельности, начатой в середине 60-х гг. XIX вв. В.В. Радловым, как и изучение древнетюркских памятников, оно имеет значение для социального строя Тюркского каганата только с момента находки и тут же последовавших расшифровки и перевода Хошо-Цайдамских текстов в 90-х гг. XIX вв., — без учета начавшегося со случайных находок периода предварительных изысканий, длившегося с конца XVII в., — то исследования кочевнических обществ должны восходить уже к работам второй половины XVIII в., труду Ж. Дегиня и первым выполненным иезуитами переводам китайских источников, как это показано в книге К.А. Иностранцева. Это мнение в общих чертах совпадает с периодизацией изучения истории Монголии, где, согласно М.И. Гольману, период с XVII до конца XIX вв. может рассматриваться как цельный этап западной историографии в изучении Монголии, при этом вторая половина XVIII в. выделяется именно обобщающими трудами Ж. Дегиня и ученых-иезуитов²⁸¹³.

Таким образом, предлагаемая ниже периодизация изучения социальной истории Тюркского каганата объективно обнаруживает большую зависимость от вех развития советской науки по следующим причинам: во-первых, все памятники древнетюркской рунической письменности и погребальные комплексы древнетюркского времени находились либо на территории СССР, либо его сателлитов, что объективно создавало советским ученым гораздо более благоприятные условия для доступа к ним и их непосредственному изучению по сравнению с зарубежными коллегами; во-вторых, европейская и американская историография в общем при-

²⁸⁰⁸ *Баттулга Ц.* Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. 10—12 дугаар тал.

²⁸⁰⁹ Мөн тэнд. 13—15 дугаар тал.

²⁸¹⁰ *Гэн Ши-минь.* Гу-дай ту-цзюэ вэнь-бэй мин янь-цзю. Пекин, 2005. 8. С. 39.

²⁸¹¹ Там же. С. 39, 42—43.

²⁸¹² См.: *Серегин Н.Н.* История исследования погребальных комплексов тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Сер. : История. Политология. 2012. № 4/1. С. 199—202; *Его же.* Опыт периодизации истории исследования погребальных памятников тюркской культуры Алтае-Саянского региона // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций / отв. ред. Г.А. Кубарева, В.П. Семибратов. Барнаул, 2013. С. 228—233.

²⁸¹³ *Гольман М.И.* К периодизации изучения Монголии на Западе // Избранные статьи и доклады / ред.-сост. С. Чулуун. Улан-Батор, 2014. С. 159—160, 161.

держивались единой традиции восприятия социальной истории кочевнических обществ и эволюция их взглядов происходила плавно и равномерно, в то время как советские ученые, порвав сначала с традициями дореволюционной школы, сразу приступили к изучению социально-экономических сторон кочевничества, руководствуясь иной методологией, но постепенно все же, фактически опытным путем, придя к выводу о возможности/невозможности существования тех или иных социальных явлений и процессов или бытования тех или иных социальных институтов у кочевников; в-третьих, после падения распада СССР и всего «социалистического лагеря», падения диктатуры марксистской методологии на его территории, утраты монополии на эпиграфические и археологические работы учеными входивших в него стран, исследователи всего мира оказались фактически в равных условиях — перед ними открылось общее поле источников по проблеме и широкий выбор методологических направлений.

Исходя из этого, мы выделяем следующие периоды в историографии истории Тюркского каганата. **Первый период (середина XVIII — конец XIX вв.)**, своего рода подготовительный этап, знаменующийся вводом в оборот письменных нарративных материалов о кочевниках Евразии, тюрках в частности, и первыми попытками осмысления исторической роли кочевнических обществ. **Второй период (конец XIX — 20-е гг. XX вв.)** связан исключительно с обнаружением и расшифровкой, а также первыми переводами и первыми интерпретациями крупнейших, — орхонских, — памятников древнетюркской рунической письменности, кроме того, совпав с кризисом позитивизма; этот этап отметился серьезными дискуссиями, имевшими важное методологическое значение для изучения кочевнических обществ, в т.ч. древнетюркской эпохи VI—X вв., ознаменовавшими возрастающее значение сравнительно-исторических и этнографических материалов. **Третий период (30-е — 50-е гг. XX в.)** имел в некотором роде промежуточное значение, потому может рассматриваться как переходный этап к новому уровню исследований; он характеризуется накоплением нового материала и его осмыслением, что отразилось в появлении обобщающих работ по источниковедению, опосредовавших постановку новых исследовательских задач. **Четвертый период (60-е — 80-е гг. XX в.)** отметился не только введением в оборот нового источникового материала (прежде всего, это предварившие его переводы древнетюркских текстов С.Е. Малова и труд Лю Мао-цай по китайским источникам, новые находки древнетюркской эпиграфики и данные археологических раскопок в Монголии и Южной Сибири), и появлением первых попыток осмысления древнетюркской истории в контексте общеисторическом. **Пятый период (с 90-х гг. XX вв.)** связан с началом в исторических исследованиях интеграционных процессов как внешнего характера, связанных с размыванием границ между научными сообществами разных государств, укрепления международного сотрудничества в сфере изучения истории и культуры древних тюрков, а также процессов внут-

ренного характера, что проявилось в развитии комплексного подхода исследованиях, сочетающего достижения различных дисциплин.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9
(справочное)

**Достижения, проблемы, методы, задачи и перспективы изучения
древнетюркского общества и государственности**

Необходимо подвести итоги на основе всего рассмотренного материала. Теперь возможно окинуть взглядом общую картину, чтобы понять в целом состояние на сегодняшний день и определить степень изученности проблем социальной истории Тюркского каганата VI—VIII вв.: какие вопросы ставились исследователями, какими методами решались, какие из них уже решены и какие стоят новые, которые, соответственно, только предстоит решить.

Этот раздел носит больше абстрактно-теоретический характер и может быть гораздо более подвержен авторскому субъективизму. Подводя итоги всему исследованию, здесь мы лишь обозначим определенный круг наиболее важных, по нашему мнению, проблем изучения социальной истории древних тюрков VI—VIII вв., изложив также некоторые свои соображения относительно методов их решения, но отнюдь не претендуя на само решение.

Все выделенные нами проблемы мы могли бы разделить на *источниковедческие* и *методологические*, где первая группа связана непосредственно с конкретно-историческим, древнетюркским, материалом, вторая — с осмыслением древнетюркского общества в более широком, общем историческом контексте. Но они настолько тесно переплетены между собой, что достаточно сложно было бы представить их отдельно друг от друга без потери ощущения полноты и цельности. Синтезируя эти аспекты, мы можем выделить несколько основных, фундаментальных проблем, определявших задачи конкретных исследований и соответственно позволяющих на этой основе систематизировать рассмотренные работы.

Во-первых, это проблема движущих сил и механизмов социальных изменений, а также факторов, определяющих характер этих изменений, и, как следствие, возникновения развитых политических институтов, и вопрос о природе кочевнической государственности (пока не рассматривается вопрос о дефиниции *государство* и сообразности его применения к кочевническим народам). На древнетюркском материале этот аспект объективно не мог получить специальной разработки, поскольку входит в общий круг ключевых вопросов истории кочевнических обществ. Здесь приводились разные точки зрения: внутренняя (социальная, классовая) борьба,

создание сложной структуры управления для стабилизации ситуации в степи и урегулирования отношений между группами скотоводов, мобилизация как ответ на природный кризис либо внешнюю угрозу, «адаптация» к экономике оседло-земледельческого соседа.

Проблема остается дискуссионной и пока далека от решения, и едва ли может быть решена в рамках древнетюркского материала, разве что, как частный случай, но и тогда мы также не имеем единого мнения среди ученых. Тем не менее, М.Р. Дромпп и С.А. Васютин объективно показали, что это не та ситуация, когда история возникновения и падения кочевнического политического образования коррелируется с аналогичными фазами истории соседствующего оседло-земледельческого государства, но далее М.Р. Дромпп также показал, что фактор харизматического лидера, или условие «кризиса» (по Н. Ди Космо), могут приниматься в качестве определяющих в возникновении Первого Тюркского каганата с определенными оговорками.

Возможности имеющегося на сегодняшний день фонда письменных источников касательно данной проблематики, судя по всему, исчерпали себя. Даже разработка новых методик работы с материалом, скорее всего, может способствовать лишь уточнению отдельных моментов, но вряд ли существенно повлияет на интерпретацию в целом.

Важную роль здесь может сыграть привлечение археологических материалов, даже в большей степени, чем это предположил Н.Н. Серегин, обративший внимание на низкую степень использования результатов археологических изысканий при исследовании социальной истории древних тюрков VI—VIII вв.²⁸¹⁴ Их важность для социальной истории определяется, кроме того, тем, что они определенным образом позволяют проследить *динамику* социогенеза тюрков, в то время как, например, китайские источники отражают, в основном, аспекты, связанные с внешней политикой тюрков, а рунические надписи рассказывают лишь о «довольно коротком периоде существования Второго Восточно-тюркского каганата»²⁸¹⁵.

Так, например, данные археологии и иконографические материалы наскальных изображений Горного Алтая в сопоставлении с данными письменных источников, играющих в этом случае вспомогательную роль, позволили точно утверждать, что основным видом войск у тюрков была тяжелая панцирная конница, применявшая тактику таранного копейного удара²⁸¹⁶.

²⁸¹⁴ Серегин Н.Н. Реконструкция социальной организации раннесредневековых тюрков Саяно-Алтая: источники, проблемы, методы // Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 289; *Его же*. Источники и материалы для реконструкции общественного устройства кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 356. С. 103—104; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2013. С. 28.

²⁸¹⁵ Серегин Н.Н. К вопросу о начальном этапе социогенеза раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул, 2013. С. 222; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 128.

²⁸¹⁶ Горбунов В.В. Тяжелооруженная конница древних тюрков (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.

При этом среди их противников, других алтайских народов, новые типы подразделений и новая тактика утвердиться не успели, и они продолжали использовать старые методы ведения войны — с применением легких конных лучников и, возможно, пехоты²⁸¹⁷. По мнению В.В. Горубнова, массовое распространение у тюрков тяжелых доспехов связано с развитием металлургического комплекса, ставшего экономической основой их военной мощи на ранних этапах истории²⁸¹⁸. В.В. Горбунов, на основе анализа элементов предметного комплекса тюркской культуры на Алтае, выдвинул предположение, что тюркский комплекс вооружения ранее всего сформировался в Горном Алтае на основе компонентов местной *булан-кобинской культуры* (по Ю.Т. Мамадакову) и «нового сяньбийского импульса», исходящего, по его мнению, именно от А-ши-на²⁸¹⁹. Кроме того, на Алтае исследован крупный Чуйско-Курайский металлургический район, где обнаружено 32 памятника черной металлургии, датированных периодом раннего средневековья. На 10-ти из них раскопано 15 железоплавильных печей²⁸²⁰. Это очень важные данные, которые определенным образом коррелируются с данными письменных источников, что, несомненно, дает почву для новых гипотез относительно хода социо- и политогенеза древних тюрков VI—VIII вв. По крайней мере, это заставляет обратить большее внимание на роль внутренних, хозяйственных факторов в этих процессах. Еще С.В. Киселев писал, что, «повидимому... <...> были отдельные группы, иногда целые роды, жившие в районе месторождений и занимавшиеся там добычей металла»²⁸²¹. Ср. также предположения А.С. Букшпана, О. Латтимора, Д. Синора, Ю.А. Зуева о том, что изначально тюрки не были кочевниками.

Особого внимания заслуживает следующее наблюдение Н.Н. Серегина. Кратко суммируя археологические данные по территории Алтая второй половины IV — первой половины VI вв., Н.Н. Серегин отметил, что население региона претюркского времени при высоком

С. 102—128; *Его же*. Военное дело средневекового населения Алтая (III—XIV вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. С. 19, 26—27. Н.Н. Серегин, говоря о «продолжении традиций номадов хунно-сяньбийского времени» у тюрков, отмечает десятичную систему и тот факт, что у них «так же, как и у центральноазиатского региона предшествующего времени, элитным родом войск... <...> была тяжеловооруженная конница» (*Серегин Н.Н.* К вопросу о начальном этапе социогенеза ... С. 221; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 128).

²⁸¹⁷ *Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница ... С. 124—125. По авторитетному мнению Ю.С. Худякова, последнее утверждение о пехоте основано на недоразумении: *Худяков Ю.С.* К вопросу о коннице, пехоте и характере войска древних тюрков // *Российская археология*. 2000. № 4. С. 100—108. См. также: *Его же*. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. С. 132—133, 134, 135, 160; *Его же*. Золотая волчья голова на боевых знаменах : оружие и войны древних тюрков в степях Евразии. СПб., 2007. С. 107, 115—120.

²⁸¹⁸ *Горбунов В.В.* Тяжеловооруженная конница ... С. 125.

²⁸¹⁹ *Горбунов В.В.* Военное дело ... С. 33. См. также их совместные А.А. Тишкиным публикации (*Тишкин А.А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем : исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 195).

²⁸²⁰ См.: *Тишкин А.А.* Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. С. 34; *Его же*. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем ... С. 194.

²⁸²¹ *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949 (Материалы и исследования по археологии. № 9). С. 290; 1951. С. 516.

уровне милитаризации характеризовалось значительной степенью вариабельности характеристик погребальной практики, а это, по мнению С.С. Матренина, специально исследовавшего социальную структуру населения региона на основе памятников *булан-кобинской культуры* (диссертация 2005 г.), могло отражать существование среди него ряда разобщенных, неконсолидированных локальных групп. К середине VI в. сохраняется невысокий уровень социальной дифференциации, но при этом происходит увеличение доли военизированных элементов в погребальной практике²⁸²².

Таким образом, говоря о качественном характере изменения социальной структуры и общественной организации кочевников вообще и древних тюрков VI—VIII вв. в частности, необходимо, прежде всего, уяснить, какой момент следует рассматривать в качестве своеобразной точки отсчета, от которой в дальнейшем будет прослеживаться изменение структуры общества.

Во-вторых, проблема характера и механизмов функционирования социальной организации. Решение этой проблемы было найдено довольно рано уже в работах венгерских ученых, позже их опыт переняли западноевропейские коллеги и только потом, довольно поздно, правда, самостоятельно к нему пришли и советские ученые. Кочевническое общество всегда имело в своей основе пирамидальную сегментированную структуру, притом что каждый сегмент в определенном объединении имел четкое место, занимал свою ступень в политической иерархии, но он не представлял собой типичную устойчивую социальную величину как в качественном отношении, т.е. внутренней структуры, так и в условной шкале величин в разные хронологические отрезки он не всегда мог быть соотнесен с привычными категориями «племя», «подплемя», «клан» и т.д. Начиная с самой минимальной единицы, какой была нуклеарная семья, каждый такой сегмент мог увеличиваться в размерах, расширяться, дробиться, выделять новые сегменты, со временем становившиеся самостоятельными. С учетом того, что каждый из них представлял определенную кочевую группу, социальные связи по горизонтали между которыми строились на фиктивном генеалогическом родстве, ввиду разделений, перекочевок, конфликтов в степи и т.д., здесь происходила постоянная перестройка соотношения между сегментами различного уровня: одни поглощали другие, третьи разъединялись, и т.д. Соответственно постоянно происходила перегруппировка тех или иных пирамидальных структур. При этом названия определенных групп сохранялись за ними, поэтому при поглощении одних групп другими название доминирующей превращалось в своеобразный «политоним» для всех, а их собственные наименования приобретали как бы статус названий «племен» или «подплемен». Нередко расколотые группы, одна из которых, например, попадала под власть другой группы, другая

²⁸²² Серегин Н.Н. К вопросу о начальном этапе социогенеза ... С. 223; *Его же*. Социальная организация раннесредневековых тюрков ... С. 130—132.

откочевывала, сохраняли название первичной общности, позже создавая феномен одинаковых названий у тех или иных сегментов социальной организации живущих на отдалении и уже даже не связанных прямо народов.

Разумеется, такой механизм социальной организации не способствовал созданию устойчивых долговечных общностей, которые можно было назвать этническими. Определяющими признаками здесь был язык (или диалект) и культурный комплекс, т.е. устойчивый набор предметов быта, одеяния и вооружения, а также погребальная обрядность. Однако даже эти признаки с доминированием одной кочевой группы приобретали статус наиболее приоритетных, так ее диалект становился своеобразным «государственным языком», а культура — как бы «официальной модой». В этом ключе следует отметить, что еще в начале XX в. выдающийся деятель бурят-монгольского народа Ц. Жамцарано указывал: «Благодаря тому обстоятельству, что отдельные хошуны состоят из представителей разных родов и племен (даже народностей, каковы монголы и уйгуры), чрезвычайно трудно провести резкую грань не только между говорами, но даже между отдельными наречиями. Так, напр., чахары состоят из чахаров, баргутов, элэтов, минганов, хорчинцев и т.д., ордосцы — из джунгарцев, чахаров, хангинцев (бурятский род), далатов, омонголившихся уйгуров и т.д. К этому надо прибавить роль кочевой жизни и браков, следствием чего бывает нередко то, что в одной и той же семье существует несколько говоров. После этого неудивительно, что в говоре скрещиваются всевозможные оттенки, уловимые лишь для специалистов, а в обычаях сохраняется большое разнообразие»²⁸²³.

Что касается культуры, то именно данное обстоятельство, вероятно, порождает в определенных случаях феномен нивелировки погребальной обрядности, вызывающей значительные трудности у археологов при датировке тех или иных погребений даже при наличии, казалось бы, хронологически определяющего предметного комплекса. Так или иначе, но при смене доминирующей группы в объединении и язык, и культура также меняли свой статус. Характерно, что содержащие крупнейшие рунические надписи стелы правящих племен как Тюркского, так и Уйгурского каганатов имеют отличные друг от друга фонологические особенности, что, по-видимому, связано, не просто с сосуществованием нескольких разговорных диалектов, но и их равноправным бытованием²⁸²⁴.

По отношению к кочевническим обществам ввиду их мобильности и текучести качественных этносоциальных характеристик бессмысленно говорить об этнической, в привычном понимании этой дефиниции, принадлежности и, тем более, выделять какие-либо устойчивые

²⁸²³ Жамцарано Ц. Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1913. Сер. II. № 2. С. 51.

²⁸²⁴ Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden ; Boston, 2004 (Handbook of Oriental Studies, Section 8 Uralic & Central Asia. Vol. 3). P. 12, 20. См. также о енисейских надписях: Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии : грамматика, текстология. М., 2008. С. 178—179.

антропологические признаки, ведь, как, например, было показано в статье С.И. Вайнштейна и М.В. Крюкова, археологические, изобразительные и иконографические источники свидетельствуют в целом о смешанном антропологическом типе населения территорий, входивших в состав Тюркского каганата, на соответствующем хронологическом этапе — преобладание монголоидного или европеоидного облика отмечалось в отдельных районах, с преобладанием, конечно, первого, но какой-либо общей тенденции наметить невозможно²⁸²⁵. Очевидно, к изучению кочевнических народов следует подходить с иных позиций. Постоянные миграции и процессы метисации сделали антропологическую карту Центральной Азии очень разнообразной. В отношении кочевнических обществ не может быть методологически оправданно применение таких терминов, как *этнос*, *народность* и, тем более, *нация* в традиционном понимании, т.к. сам подвижный образ жизни исключает возможность сохранения устойчивой территории и целостности той или иной общности. Важной и наиболее устойчивой характеристикой является *язык*, т.к. изменения в языке требуют наиболее длительного хронологического периода. Однако важно, что, например, главенство тюркоязычного племени в объединении, включавшем и нетюркоязычные племена, могло способствовать усвоению ими какого-либо тюркского диалекта, но и не исключало не только равноправного употребления различных локальных диалектов, но и также усвоения главенствующей верхушкой другого языка (например, согдийского)²⁸²⁶. Поэтому наиболее верным кажется рассматривать в этом направлении кочевнические объединения, прежде всего, начиная с масштабов *локальных групп с характерными археологическими признаками*²⁸²⁷.

Формирование кочевнических политических объединений происходит исключительно в рамках единства хозяйственного уклада: побежденная общность, представленная кочевой группой или объединением таких групп, входит в состав победившей общности, сохраняя свою внутреннюю организацию. Процессы метисации и языковой ассимиляции не имеют закономерностей и уникальны для каждого исторического региона.

Таким образом, этническую историю кочевнических народов следует рассматривать исключительно в контексте истории социальной, с пониманием того, что все этнические процессы у кочевнических обществ характеризуются прямой зависимостью от особенностей социальных процессов.

При развитии современной науки это не должно давать повод для рассуждений об отсталости или неспособности кочевнических обществ как сформировать устойчивую этническую

²⁸²⁵ Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. К 60-летию А.Н. Кононова. С. 177—178.

²⁸²⁶ Erdal M. A Grammar of Old Turkic. P. 2. О распространении и значении согдийского языка в Тюркском каганате см. раздел Т. Осава в кн.: Западный Тюркский каганат. Атлас. Астана, 2013. С. 82—97.

²⁸²⁷ Ср. дискуссию в кн.: Stark S. Die Altürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien. Wiesbaden, 2008 (Nomaden und sesshafte. Vol. 6). S. 57—59.

общность, так и невозможности подняться выше какого-либо уровня в своем социальном или политическом развитии. Скорее, речь должна идти о некорректности применения дефиниций и категорий понятийно-терминологического аппарата для объяснения этнических, социальных и политических процессов, разработанного на основе изучения закономерностей развития оседло-земледельческих обществ по отношению к кочевническим обществам. Это указывает также на относительность и определенную субъективность такой дефиниции как *развитие, эволюция*.

Еще тот же Ц. Жамцарано, между прочим, указывал, что «правовые нормы монголов-кочевников, не обладающих недвижимой собственностью и живущих родовым строем, создаются и развиваются совершенно иначе, нежели у народов оседлых, имеющих недвижимую собственность»²⁸²⁸. Как писал, критикуя советскую методологию, Н.Э. Масанов, «<...> ...большинством исследователей из одних и тех же данных... <...> делаются совершенно противоположные выводы. На наш взгляд, это обусловлено догматическим пониманием... <...> фундаментальных научно-познавательных категорий... [далее следует перечисление примеров — *Авт.*] Таких весьма ограниченных по существу положений, совершенно не отражающих реальность исторического процесса, можно привести огромное множество»²⁸²⁹. Все сказанное позволяет вновь обратиться к постановке проблемы дефиниций в науке, адекватно отражающих специфику кочевнических обществ, о чем говорил недавно А.Р. Шаисламов²⁸³⁰.

Если же вернуться непосредственно к проблеме настоящего исследования, то следует отметить также следующее.

В контексте именно древнетюркской проблематики описанные свойства социальной организации теоретически не позволяют конкретно говорить о значениях тех или иных зафиксированных в источниках терминов.

Еще В.В. Бартольд в свое время отметил, говоря об огузах, что «выяснение племенного и родового строя огузов, как и всяких других кочевых народов, затрудняется скудностью и неопределенностью терминологии», и выразил сомнение, что едва ли зафиксированная в каком-либо словаре она когда-либо и где-либо соблюдалась²⁸³¹. Как мы видели, в разное время отдельные исследователи пытались интерпретировать терминологию единиц социальной организации древних тюрков, зафиксированную в памятниках VIII в., на основе сопоставления с социальной терминологией кочевников, встречающейся в монгольских (О. Прицак), более поздних

²⁸²⁸ Жамцарано Ц. Поездка в Южную Монголию в 1909—1910 гг. С. 52.

²⁸²⁹ Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов : основы жизнедеятельностиномадного общества. Алматы; М., 1995. С. 220—221.

²⁸³⁰ Шаисламов А.Р. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 152; *Его же*. Социальная история номадизма. Проблемы изучения и оценки исторического развития кочевых обществ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. С. 26.

²⁸³¹ Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1963. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 577.

тюркоязычных (Д. Немет, С. Максуди (Арсал), Р. Жиро, сэр Дж. Клосон, в какой-то степени и И. Кафесоглу) и даже китайских источниках (Б. Ёгель, М. Добрович на основе работ И. Эчеди). Однако все подобного рода попытки подогнать социальную терминологию кочевников под некую универсальную систему, повлекшие искусственность и схематизм, едва ли возможно признать удачными.

Мало того, что термины структурных единиц социальной организации кочевников, в частности древних тюрков VI—VIII вв., не знают единой унифицированной системы, затрудняется также выяснение соотношения самой социальной организации как системы расположенных в иерархическом порядке сегментов с содержанием социальной терминологии иноязычных источников, использовавшихся авторами оседлых народов для обозначения социальных единиц своих кочевых соседей, в нашем случае, прежде всего, китайских. Еще в 1963 г. Б. Ёгель по поводу одного из фрагментов работы Лю Мао-цай писал: «Несмотря на его очень точный перевод, относящаяся к социальной системе терминология не всегда унифицирована... <...> Точное разграничение этой терминологии было бы очень важно для понимания жизнедеятельности этого [т.е. древнетюркского — *Авт.*] государства»²⁸³². Однако, как указал и много позже Е.И. Кычанов, «вопрос о применении китайских терминов для характеристики кровнородственных отношений, реальных и мнимых, на обширном материале описания всех сопредельных с Китаем народов еще ждет своего исследования»²⁸³³. В свое время Д. Моравчик для византийских источников вовсе отрицал возможности универсальной схемы для соотнесения источниковых терминов с конкретными социальными единицами²⁸³⁴.

Тем не менее, избирая объектом исследования конкретное кочевническое общество, существовавшее в определенный хронологический этап, в частности древнетюркское, следует учитывать, что при всей своей расплывчатости и неопределенности при общем подходе терминология тюркских кочевников, существовавшая у них на протяжении всей их письменной истории, именно *в конкретном хронологическом срезе непременно должна была иметь более или менее определенную унификацию*. Такой подход не отрицает использования сравнительно-исторического и этнографического материала, хотя снижает его значение²⁸³⁵, однако заставляет

²⁸³² *Ögel B.* Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde // *Central Asiatic Journal*. 1963. Vol. 8. No. 1. S. 29—30 Anm. 14.

²⁸³³ *Кычанов Е.И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 265; *Его же.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 302.

²⁸³⁴ *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. 3. unveränderte Auflage. Leiden, 1983 (Berliner Byzantinische Arbeiten. X). Bd. II. Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen. S. 7—9.

²⁸³⁵ Необходимо понимать ограниченный характер возможностей применения реконструкций различных сфер жизнедеятельности древних тюрков VI—VIII вв. на основе сравнительно-исторического метода при использовании нарративных источников, относящихся к последующим историческим периодам. Подходить к использованию этих источников надо крайне осторожно, поскольку их полезность ограничена, а к выводам относиться очень критично. Справедливо полагать, что сделанные на основе данного способа работы с источниками заключения могут быть охарактеризованы как недостаточно аргументированные. Для качественной работы необходимо

обратиться, прежде всего, к данным языка, к изучению каждой из терминологических единиц, исходя из ее значения в конкретный хронологический период, выявления ее семантической, а также морфологической и фонетической эволюции, опять же в непосредственном конкретно-историческом контексте. Обычно, однако, этот подход заменяется простым сравнительно-сопоставительным методом. В этом ключе высказывался в свое время Э.А. Грантовский, критиковавший А.М. Хазанова за построение заключений при изучении социального строя скифов на основе привлечения обширных сравнительно-этнографических данных вместо конкретно-исторического материала, предложив также при терминологическом анализе обращаться к индо-иранскому материалу, правда, на примере в т.ч. и оседлых обществ²⁸³⁶. С другой стороны, надо учитывать, что и лингвисты, результатами чьих работ мы, сталкиваясь с вопросами семантической эволюции, должны пользоваться, однако, в своих построениях при очерчивании круга значений того или иного термина, также прибегают к использованию работ историков, заимствуя у них толкования терминов, процессов, явлений, стоящие в прямой зависимости от методологической парадигмы. Это затрудняет, между прочим, например, использование этимологических словарей.

В-третьих, нами отмечается проблема социальной структуры, подразумевающая выделение критериев социальной дифференциации и принципов стратификации, установление соотношения различных срезов структуры общества (приближенность индивида к институтам власти, имущественная, половозрастная, профессиональная, этнокультурная стратификация и т.д.) и механизмов социальной мобильности, выявление социальных категорий и их границ, анализ форм взаимоотношений между этими категориями и внутри них, как и на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Соответственно здесь мы имеем дело, прежде всего, с социальной терминологией, в первую очередь, древнетюркской. Китайские и источники других народов не дают внятного ответа на названные вопросы, но они помогают проследить, прежде всего, на примере отдельных исторических персонажей, соотношения между положением индивида, исходя из его происхождения, племенной принадлежности, титулатуры, в иерархии племенной и военно-административной структуры Тюркского каганата. Археологические исследования социальной структуры древнетюркского общества начаты сравнительно недавно, имеют региональный характер, и могут дать пока достаточно ограниченный материал. Очень важной перспективой представляется возможность «наложить» древнетюркскую терминологию на результаты археологических изысканий, когда они смогут представить более четкие данные о критериях социальной дифференциации и возможных выделяющихся группах.

предостережись как от механических переносов частных моментов социальных процессов, так и избегать преждевременных обобщений.

²⁸³⁶ Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // Вестник Древней истории. 1980. № 4. С. 151, 152.

Все эти источники, в совокупности с данными языка и подтвержденные сравнительно-историческим и этнографическим материалом, позволяют говорить об особом механизме социального подчинения, отождествлявшего и сводящего под один знаменатель в понимании самих кочевников те формы социальных отношений, под которыми при изучении оседлых обществ привычно понимать «рабство», институт дружины и вассалитет, при этом не делая различий между формами личной и коллективной зависимости, в масштабах как двух индивидов, так и крупных сообществ, и даже политических объединений, соответствующих государствам. Этот аспект имеет огромную важность для понимания механизмов как общественной организации, так и социальной, и, тем более, политической структуры.

Очень важно остановиться здесь на стремлении турецких ученых показать древнетюркское общество как открытую социальную систему. Их попытки сравнивать в этом плане разделение древнетюркского общества по принципу *черной кости* и *белой кости* с изначальной мыслью с отсылкой, безусловно, к казахскому материалу совершенно некорректны с этой точки зрения. Ведь *черная* и *белая кость* у казахов представляли как раз закрытые социальные категории, принадлежность к которым определялась только рождением, но и это разделение составляло лишь один из уровней социальной градации общества, не исключая такого важного фактора, как имущественная дифференциация. При этом, как хорошо показал С.Г. Кляшторный на примере именно древнетюркского общества, имущественное положение, во многом определявшее и социальный статус индивида, целиком зависело от его личных качеств, прежде всего военных доблестей, увеличивающих его материальное состояние и поднимавших тем самым его престиж среди сообщников.

Продолжая речь об известной дифференциации у кочевников родов и племен на «благородных» (монг. *noyad*, каз. *ақ сүйек*) и «простолюдинов» (монг. *хараси*, каз. *қара сүйек*)²⁸³⁷, следует отметить, что если у казахов принадлежность к *белой кости* определялась принадлежностью к потомкам Чингисхана, то, например, у монголов мы видим, что никакое имущественное богатство и социальное положение в актуальный момент не могло стереть в сознании кочевников прежних, имевшихся за родом (в понимании генеалогической структуры) связей. Так, например, по «Тайной истории монголов» и «Джāми‘ ат-тавāрїх» Рашид ад-Дина ат-Табиба, Тэмучжин назвал То’орила «братом» только потому, что, как он говорит ему, «ты мой раб по наследству», ведь его предок был пленным предка Тэмучжина²⁸³⁸. Так или иначе, по-видимому, имел место принцип знатности, не связанный, прежде всего, с имущественными отношениями,

²⁸³⁷ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 364; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века (Политико-экономический анализ). Алма-Ата, 1971. С. 503.

²⁸³⁸ Цит. по: Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов ... С. 360—361.

на основе которого формировались разграничения правовых норм для тех или иных членов общества.

Складывалась некоторая привилегированная группа родов, которая, по крайней мере, в восприятии населения, не просто могла претендовать на обладание определенными преимуществами в конкретных вопросах экономической, социальной и политической жизни, но монополизировала за собой эти преимущества. А.М. Хазанов именует их «сословиями»²⁸³⁹.

Отсюда следует необходимость понимания именно роли идеологии в кочевническом обществе. Для Тюркского каганата актуально следующее обстоятельство. Как показал опять же С.Г. Кляшторный, переданная китайскими источниками древнетюркская генеалогическая легенда с мотивом волчицы и пещеры могла, судя по всему, являться результатом «социальной переориентации» племенного культа предков в культ предков каганской семьи, правящей династии *А-ши-на*, с целью легитимизации власти за правящим родом/ племенем, и возведением его в общетюркский масштаб²⁸⁴⁰.

Политическая структура — это четвертая, по нашей классификации, проблема, различные аспекты которой продолжают сохранять дискуссионный характер и порождают самые разные, зачастую полярные точки зрения ученых на одни и те же явления, процессы или институты, при этом даже основанные на одном и том же источниковом материале. Неоднозначная интерпретация данных письменных источников чаще всего, однако, вызвана различными методологическими подходами, определяющими не только методы, но зачастую и сводящими процесс исследования лишь к подборке аргументации в пользу заочно определенных выводов, соответствовавших бы избранному подходу.

Так, например, советские (и марксистские ученые вообще), пытаясь доказать существование жестких форм эксплуатации в древнетюркском обществе, писали о безграничной власти кагана в древнетюркском политическом образовании (по крайней мере, на определенной «стадии развития»), тогда как турецкие ученые, заочно придерживаясь мнения о традиционно демократическом характере тюркского общества и открытой социальной системе, отрицая всякие виды социальной борьбы, пишут об ограниченном характере каганской власти, связанной с народом.

Тут же ставит вопрос о существовании особого института в виде совещательного органа (*той, курултай*), о которых известно из источников. Но были ли это совет знати, или народное

²⁸³⁹ Khazanov A.M. Nomads and the Outside World / transl. by J. Crookenden ; with a foreword by E. Gellner. 2nd ed. Madison, 1994. P. 146; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 253—254.

²⁸⁴⁰ Кляшторный С.Г. Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение / редкол. Г.Ф. Гирс [и др.]. М., 1980. С. 158—161; Kljaštornyj S.G. Al-Bīrūnī's Version of an Old Türkic genealogical legend. On the semantics of Türkic *baraq* // Türkic Languages. 1998. Vol. 2. № 2. P. 247—252; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 77—78; Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003. С. 249—252; Его же. Р. Унические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010. С. 185—187.

собрание, источники ответа так же не дают, как не говорят о его функциях и роли в политической жизни древнетюркского общества, в то время как, говоря о значении подобных собраний для социальной и хозяйственной жизни, мы вполне могли бы ограничиться сравнительно-историческими и этнографическими параллелями²⁸⁴¹. В этом же контексте примечателен и тот факт, что совершенно противоположные заключения и относительно термина *törü* (или, возможно, скорее, *törö*)²⁸⁴² исследователи делают на основе рассмотрения одних и тех же участков древнетюркских рунических памятников, также привлекая сравнительный материал из разных тюркских языков, давая трактовку ‘обычное право’, ‘(неписаный) закон’ или ‘ханская власть’²⁸⁴³. Ничего конкретного, за некоторыми исключениями, мы не можем сказать и о функциях носителей многочисленной и разнообразной титулатуры, зафиксированной в древнетюркских, китайских и др. источниках²⁸⁴⁴. Все рассуждения о содержании того или иного термина, его месте в иерархии титулов, и формирования на этой основе представлений об их общей картине, предстающей зачастую в форме развитой бюрократии, опираются, в основном, на аналогии по материалу тюркских политических образований более позднего времени²⁸⁴⁵. Однако мы не можем быть уверены, что один и тот же титул в разные времена в разных политических системах, сложившихся в разных исторических условиях, имел одно и то же значение. Не приходится уже говорить о том, что установление этимологии и происхождения того или иного термина, в случае если он признается заимствованным, часто ведет к довольно спорным параллелям и неоднозначным отождествлениям со значением исходной формы в языке источнике заимствования.

Пятую проблему представляет вопрос о значении отношений с оседло-земледельческими народами, при этом, как с внешней политической силой, так и в контексте роли оседло-земледельческих элементов в составе населения кочевнических политических образований.

В последние годы в историографии под влиянием работ О. Латтимора, А.М. Хазанова, Т.Дж. Барфилда или выросшие из эволюционистских представлений о стадийном развитии обществ, зачастую преобладают взгляды на зависимость развития кочевнических обществ от

²⁸⁴¹ См.: *Ögel B.* Devlet Meclisi ve Kurultay // *Türkler* / ed. H.C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 874—887.

²⁸⁴² См.: *Clauson G.* Turkish and Mongolian Studies. London, 1962 (Prize Publication Fund XX). P. 95; *Idem.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. viii, 531.

²⁸⁴³ Ср. обсуждение в кн.: *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. : Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 38—39. Указатели см.: *Tekin T.* A Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington ; The Hague, 1968 (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 69). P. 385—386; *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997. С. 293; *Его же.* Тюркские енисейские эпитафии ... 2008. С. 327.

²⁸⁴⁴ Ср.: *Sinor D.* The Establishment and Dissolution of the Türk Empire // *The Cambridge History of Early Inner Asia : From Earliest Times to the Rise of the Mongols* / ed. by D. Sinor. Cambridge, 1990. Vol. 1. P. 315.

²⁸⁴⁵ Ср. в этом свете следующую характеристику словаря Махмуда Кашгарлы: «Несмотря на то, что это произведение создано в более поздний период (XI век), его роль в определении терминов и функций, связанных с титулатурой тюрков, остается неоспоримой» (Западный Тюркский каганат ... С. 100).

оседло-земледельческого фактора в их экономической системе. Так, одни исследователи говорят о влиянии торгово-даннических отношений с оседлыми соседями на социо- и политогенез в кочевнических обществах, функции предводителей которых после установления таких отношений, кроме их поддержания, сводятся к регулированию механизмов распределения получаемых в результате этого продуктов и товаров. Другие исследователи пытаются выявить у кочевников, в т.ч. и древних тюрков, такую закономерность социально-экономического развития, придавая ему стадиальный характер, как тенденция к оседанию и градостроительству. Прежде всего, таким хотят видеть древнетюркское общество археологи (С.А. Плетнева, Т. Нагродзка-Майхжык, Т. Хаяси, С. Штарк). Третья группа представлена учеными, отстаивающими мысль о специфике закономерностей изменений и механизмов функционирования обществ кочевников или постепенно пришедшими к ней, т.е. фактически к мысли о существовании особой кочевнической цивилизации. Наиболее показательны в этом плане последние работы С.Г. Кляшторного.

Не касаясь вопроса об определяющих критериях понятия «цивилизация», отметим лишь, что, так или иначе, все попытки стадиальных интерпретаций приводят к выводам об отсталости или неполноценности кочевнических обществ *по сравнению* с оседло-земледельческими. Наибольшую перспективность следует ожидать от подхода, давшего бы возможность исследовать кочевнические общества не в вертикальном, предполагающем универсальную стадиальную шкалу, а в горизонтальном срезе, акцентирующем внимание на особенностях развития кочевнических обществ, и даже в диагональном, предполагающем их рассмотрение по шкале двух осей — как с учетом особенностей, так и не отрицая их как неотъемлемую часть Всемирного исторического процесса. В этом же аспекте следует отметить несостоятельность методики сопоставления обществ в рамках кросс-культурного анализа, обнаруживающей формальность и потому односторонность сравнительных критериев.

А.А. Тишкин, один из авторов разработки периодизационных схем по истории Алтая, не отрицает европоцентристский, и потому заведомо ограниченный, характер стадиального подхода к историческому процессу, но отмечает объективное отсутствие иных четко разработанных подходов²⁸⁴⁶. Указал он и на такой момент, как субъективное восприятие каждым ученым исторического процесса²⁸⁴⁷. Это высказанное компетентным археологом мнение отражает понимание методологической ограниченности современной науки для изучения кочевнических обществ.

Только в последние годы ученые стали отмечать такую характерную особенность кочевнических обществ, определяющую специфику их социально-экономической истории как гораздо большую по сравнению с оседло-земледельческими обществами зависимость от экологиче-

²⁸⁴⁶ Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем ... С. 5—7.

²⁸⁴⁷ Там же. С. 27—30.

ской обстановки. Несмотря на то, что этого касался в свое время Л.Н. Гумилев, много в этом направлении работал Н.Э. Масанов и теперь мы имеем еще исследования Ю.И. Дробышева, вопрос о роли природно-географических условий в процессах социальных трансформаций и степени влияния на них остается неразработанным в исторической науке. Кроме всего, он еще представляет первостепенную важность и для методики и методологии исторических исследований. Решение данного вопроса поможет нам уяснить, в какой степени мы можем использовать сравнительно-исторический и в т.ч. этнографический материал. Имеем ли мы право подменять им нехватку прямых источниковых свидетельств? Насколько научно обосновано применение механических экстраполяций данных одного временного периода на другой? Пример У. Ханичёрча и Ч. Амартүвшина показывает, что это возможно, но опять же в тесном соприкосновении с другими дисциплинами, в частности, археологией.

Именно примат экологического фактора, понимание степени зависимости от него кочевническо-скотоводческого хозяйства, а, следовательно, всей хозяйственной и социальной организации должны учитываться при изучении любого кочевнического общества прежде всего.

В эпоху развития капиталистических отношений производственные возможности оседло-земледельческих обществ достигают достаточного уровня, чтобы свести к минимуму влияние природно-географических условий на способ их хозяйствования. При господстве товарного хозяйства природная среда превращается исключительно в источник рыночного сырья. Однако в условиях натурального и, тем более, присваивающего хозяйства низкий уровень производительных сил практически исключает взаимное влияние общества на окружающую среду, тогда как сама хозяйственная деятельность находится в зависимости от нее. Повышение роли антропогенного фактора в преобразовании природной среды при низком уровне производительных сил возможно исключительно при условии высокой плотности приложенных сил, что может быть обусловлено только большой численностью хозяйственного коллектива на малую площадь эксплуатируемой территории.

Для возникновения кочевого скотоводства как формы ведения хозяйства необходимы соответствующие природные условия, своеобразный физико-географический *полигон*, в рамках которого происходит становление экономического уклада. Кочевнический способ ведения хозяйства, несмотря на то, что оно является производящим, характеризуется экстенсивностью в эксплуатации природных ресурсов в силу невозможности модификации орудий производства, ограниченности сфер разделения труда, постоянной необходимости расширения пастбищных и охотничьих угодий, что делает его потенциальную динамику полностью зависимой от экологической обстановки.

Таким образом, экстенсивный характер кочевнической экономики отнюдь не способствует динамике изменения социальной организации кочевников. Это дает повод говорить о

единстве структуры общества и хозяйства кочевников на протяжении всего существования кочевничества, по крайней мере, в докапиталистический период, что отмечал А.М. Хазанов²⁸⁴⁸, т.е. условно пренебрегать хронологическим принципом, но не пространственным. Также нельзя исключать и внешние влияния, однако не следует и преувеличивать их значение для социо- и политогенеза кочевнических народов.

Поэтому именно отсюда плавно вытекает шестая выделенная нами проблема, такая, как характеристика социально-политических изменений в Тюркском каганате и критерии их оценки. Рассмотрение кочевнического общества в эволюционистской парадигме, так или иначе предполагает сравнительное сопоставление закономерностей происходящих в нем трансформаций с оседло-земледельческими обществами по схемам, разработанным на основе их развития, что заочно определяет его место ниже их в этой схеме. Поэтому здесь мы снова приходим к вопросу теоретико-методологического характера: нам приходится прямо говорить о несоответствии современных, тем не менее, принятых для всей исторической науки понятийных категорий возможностям продуктивного понимания кочевнических обществ.

Все изложенные проблемы сочетают в себе трудности источниковедческого, методического и методологического характера. Но само их существование объективно. Субъективную природу имеет седьмая проблема, связанная с преобладанием и даже доминированием в современной историографии социальной истории древних тюрков VI—VIII вв. работ ученых, не имеющих возможности работать с непосредственным источниковым материалом. При этом В.В. Бартольд еще в 1926 г., писав о древнетюркских рунических надписях, предостерегал, что «попытки без знания языка, на основании существующих переводов, пользоваться надписями как историческим источником могут привести к совершенно ошибочным историческим выводам»²⁸⁴⁹. Как даже сам о себе он, прежде всего, иранист-исламовед, говорил: «Не будучи тюркологом-лингвистом, я не решаюсь высказываться о спорном толковании отдельных слов и спорных приемах перевода»²⁸⁵⁰.

Можно вспомнить и слова филолога-тюрколога С.Е. Малова, призывавшего к тому, что «сначала тюрколог-языковед, используя точно текст памятника, дает его перевод, согласный с тюркским синтаксисом и грамматикой, после чего уже тюрколог-историк может пользоваться этим памятником для своих исторических построений», хотя он оговаривался, что не возражает против того, если «историки будут заниматься переводом памятников, но только с соблюдением всех правил грамматики», специально отмечая, что выступает как против «научной узости и

²⁸⁴⁸ См.: Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 12—13, 252, 265—267, 271—272.

²⁸⁴⁹ Бартольд В.В. Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей // Бартольд В.В. Сочинения : в 9 т. М., 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 455.

²⁸⁵⁰ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Центральной Азии // Там же. С. 21.

кастовости», так и против «историков без знания языков источников их специальности»²⁸⁵¹.

М.А. Кёймен (1954) вслед за М.Ф. Кёпрюлю (1941) отмечал важность такого момента для качества исследования как специализация ученого в этой области, степень подготовки, для востоковеда в т.ч. и филологической, определяющего эффективность его метода²⁸⁵².

Подобное мнение высказывал и Д. Синор, который уже в середине 50-х гг. XX в. сформулировал требования к исследователю истории кочевников степной Евразии, указав на необходимость непосредственного владения методами работы с первоисточниками, т.е. необходимая филологическая подготовка, тем более ввиду того, что все они преимущественно внешние, затем осторожность и скептицизм в их интерпретации и выводах, и, в-третьих, знание работ предшественников, т.е. историографии, чтобы как не повторять уже сделанного, так и избегать ошибок и недоразумений²⁸⁵³.

Обобщающие труды, включавшие историю древних тюрков в качестве одного из разделов, создаваемые, как правило, людьми, не бывшими специалистами по конкретно данной проблематике, как на первых порах изучения истории Тюркского каганата, когда разнообразный фактический материал требовал обобщения и осмысления в контексте общеисторического процесса (Г.Е. Грумм-Гржимайло, Р. Груссе, Л.Н. Гумилев, Л. Квантен), так и впоследствии, когда он уже нуждался в методологической обработке (А.М. Хазанов, Т.Дж. Барфилд), безусловно, имели определенную пользу, поскольку иногда, действительно, приносили новаторское видение некоторых аспектов древнетюркской истории, но наряду с этим грешили наличием неточностей и фактических ошибок, порой весьма значительных, и, как правило, «кочующих» из работ в работы, или же просто заведомо ошибочным или устаревшим толкованием материала. Это было вызвано неверным пониманием или слабым знанием авторами этих работ источников и поверхностным знакомством со специальной литературой по затрагиваемой проблеме.

В этом плане Г.Е. Марков, говоря о необходимости обобщения материала о кочевнических обществах, говорил о двух путях: «...либо бегло описать историю каждого кочевого народа, либо более детально показать только те народы, жизнь которых полнее характеризуют источники», при этом о первом пути он совершенно точно указывал, «что поверхностный рассказ сразу о многом не дает возможности анализировать данные источники и глубоко исследовать фактический материал, необходимый для обстоятельной аргументации теоретических обобщений»²⁸⁵⁴.

Так, А.М. Хазанов и Т.Дж. Барфилд писали о тюрках, не являлись при этом ни тюрколо-

²⁸⁵¹ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков : тексты и переводы. М. ; Л., 1952. С. 88.

²⁸⁵² Кёймен М.А. Gök Türk Kağanlığı Adlı Bir Yazı Münasebetiyle Bazı Mülâhazalar // İlahyat Fakültesi Degrisi. 1954. Cilt 3. Sayı 3. S. 102, 103.

²⁸⁵³ Sinor D. Central Eurasia // Orientalism & History / ed. by D. Sinor. 2-nd edition. Bloomington ; London, 1970. P. 107—114.

²⁸⁵⁴ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 6.

гами, ни синологами, ни археологами, и их работы, по сути, представляют собой теоретические разработки, основанные и на сложившихся общих представлениях о кочевниках, построенные, как правило, на анализе вторичных источников, абстрагированные от конкретного материала. Важно сказать, что используемые историками переводы текстов письменных источников часто очень разнятся и порой принципиально, что в отдельных случаях порождает совершенно разные и противоположные выводы, формирующие общее представление о социальных и политических процессах у древних тюрков. Наиболее показательны в этом отношении работы Л.Н. Гумилева, в которых незнание источников в совокупности с вольной интерпретацией и выборочным использованием литературы способствовало появлению ряда совершенно ошибочных и даже ложных тезисов, к сожалению, некритично заимствованных другими авторами и укрепившихся, таким образом, в историографии. А.З. Велиди (Тоган) справедливо отнес бы такие работы к источникам «из третьих рук», характеризуя их как «компиляции» (telfik)²⁸⁵⁵.

Вместе с тем, существует и другое мнение. Так, высказываясь в защиту Т.Дж. Барфилда, а вместе с тем Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилева, критиковавшегося в последующем советскими востоковедами, Н.Н. Крадин приводит следующие доводы: «Несомненно, хорошее владение китайским языком полезно для специалиста, изучающего кочевников Внутренней Азии. Однако в силу существующего разделения наук это очень проблематично. По той же причине востоковеды, как правило, имеют менее глубокие знания в области этнологии и этнографии. В идеале было бы хорошо иметь одинаково хорошие знания в области языков, этнографии и археологии»²⁸⁵⁶.

Имеются, безусловно, и такие примеры, когда, не обладая достаточной подготовкой по историческому направлению, филологи берутся интерпретировать терминологию или даже описывать этимологию на основе достаточно общих или устаревших представлений о закономерностях исторического процесса, или же аналогично следуя здесь за отдельными авторами исторических работ, не имея возможности проверить правильность их выводов, или даже удостовериться в их компетентности.

Вместе с расширением в последние годы круга теоретико-методологических подходов в историографии наблюдается некоторый отрыв от изначального объекта исследования: критикуя и дополняя друг друга, «теоретики» ссылаются на «теоретиков», не имея достаточной специальной подготовки и опыта работы с непосредственными источниками по проблеме исследования, критика которых во многих обобщающих работах так же во многом требует пересмотра. Таким образом, рушится сам фундамент таких общих работ и сделанные в них выводы бук-

²⁸⁵⁵ *Zeki Velidi Togan A. Tarihte Usûl. 3 üncü. baskı. İstanbul, 1981 (Enderun Yayınları 9). S. 24.*

²⁸⁵⁶ *Крадин Н.Н. Монгольская империя в современной западной историографии // История Небесной империи. Новосибирск, 2011. Т. I. История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. В.Е. Ларичева ; пер. с маньчж. Л.В. Тюрюминой и П.И. Каменского ; коммент. Л.В. Тюрюминой. С. 209 прим. 55.*

вально «повисают воздухе». Антропологи предлагают теоретические модели, которые претендуют на универсальность, но зачастую при этом не работают на конкретно-историческом материале, потому умозрительны (ср., напр., критику М.Р. Дромппом концепции Т.Дж. Барфилда).

В целом в последние годы становится ясно, что вся историография кочевничества оказалась в тупике, не выходя за пределы теоретизирования на уровне широких обобщений, которое, конечно же, тоже необходимо, однако, лишь на определенном этапе развития тех или иных методологических направлений. По нашему мнению, в современном кочевниковедении этот период несколько затянулся. Исследователи несколько абстрагировались и, похоже, слишком увлеклись «теоретизированием», оторвавшись от работы с непосредственно источниковым материалом. Все более заметна тенденция, когда рассмотрение тех или иных кочевнических обществ происходит через призму уже заданной кем-то концепции, а данные источников (зачастую берущиеся не в оригинале) просто «подгоняются» в своей интерпретации под исходную концепцию, хотя все должно быть наоборот. Последний пример — работа Д. Сниса, пытающегося доказать отсутствие родо-племенной организации у кочевников, привлекая в т.ч. в качестве доказательств и древнетюркские материалы, во-первых, «из вторых рук» (по работам Д. Синора и П.Б. Голдена), во-вторых, вольно трактуя их²⁸⁵⁷.

Так, например, в российской историографии, когда в обобщающих работах по кочевникам говорится о тюрках, то ссылки, как правило, даются на те же, по праву сказать, фундаментальные (и даже классические) труды А.Н. Бернштама, С.Г. Кляшторного, Л.Н. Гумилева, многие положения из которых, тем не менее, давно и, зачастую, *безнадёжно* устарели, а источники цитируются по переводам Н.Я. Бичурина, Лю Мао-цай и С.Е. Малова, так же во многом требующим пересмотра. Между тем, источниковая база с тех пор значительно расширилась и продолжает расширяться. Накапливающиеся данные требуют концептуального осмысления на новом уровне с учетом развития современных подходов к изучению кочевников.

В этом плане показательны работы Д.Д. Васильева, на протяжении многих лет занимавшегося непосредственным изучением памятников древнетюркской письменности енисейского ареала на местах. Так, он указал на первостепенное значение этих памятников для понимания внутренней природы древнетюркских племенных объединений. Относительно их информативности он четко высказался следующим образом: «В результате проведенных многолетних полевых изысканий нам удалось обозначить примерные границы родовых владений тюркских племен, входивших в состав Второго тюркского каганата в бассейне Верхнего Енисея (территория

²⁸⁵⁷ Sneath D. The Headless State : Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2007. P. 116—117, 196; *Idem*. [Chapter 5] The Headless State in Inner Asia : Reconsidering Kinship Society and the Discourse of Tribalism // Hierarchy. Persistence and Transformation in Social Formations / ed. by K. Rio, O.H. Smedal. New York ; Oxford, 2009. P. 166. Ср.: Golden P.B. [Review] *The Headless State : Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. By David Sneath. New York : Columbia University Press, 2007. xi, 273 pp. \$50.00 // *The Journal of Asian Studies*. 2009. Vol. 68. Iss. 1. P. 293—296.

современных Тувы, Хакасии) и в Горном Алтае (современная республика Алтай). Енисейские древнетюркские надписи, археологические объекты, тамги и святилища с наскальными рисунками древнетюркского времени представлены в виде комплексной источниковедческой и текстологической базы данных. Они информативно дополняют друг друга, что позволило выполнить реконструкцию родовых генеалогий — “шеджере” бегов, военачальников и героев некаганского происхождения, проследить маршруты их военных походов, обозначить места сражений, пастбищные территории. Кроме этого, подобный анализ позволил проследить процессы социальной мобильности в кочевом обществе и ее особенности в тюркском каганате»²⁸⁵⁸. Понятно, что работать с такими памятниками может только специалист, обладающий исторической и филологической подготовкой.

Наиболее продуктивному продвижению в исследованиях социо- и политогенеза определенных кочевнических обществ, в т.ч. и древних тюрков, могут способствовать лишь работы, опирающиеся на непосредственную интерпретацию конкретного источникового материала²⁸⁵⁹. Именно такие работы появляются в последние годы. Они пока немногочисленны, но уже не вызывает сомнения, что именно подобные им, благодаря своей методике, будут задавать темп современной историографии и диктовать требования для исследований по данной проблематике. Таковы, например, сегодня работы М.Р. Дромппа, П.Б. Голдена, И. Зимоньи, М. Добровича, Т. Осава, С. Штарка.

Именно постепенное расширение круга источников, а также связанных с ним методической и методологической базы создало предпосылки для переноса исследований по общественным отношениям у древних тюрков VI—X вв. на новый уровень. В этой связи назрела необходимость нового исследования, сумевшего бы воплотить в себе все достижения древнетюркского источниковедения и объединить их современными разработками в методике и методологии кочевниковедческих исследований.

²⁸⁵⁸ Цит. по: *Vasilyev D.[D.] Güney Sibirya'daki Göktürk Runik Yazıtlarında Adları Geçen Kişilerin. Hayatları ve Kahramanlıkları Hakkındaki. Tarihi Bilgiler // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri özetleri). Ankara, 2010. S. 106—107. См. полный текст доклада в кн.: “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26—29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 2. Cilt. S. 901—905.*

²⁸⁵⁹ В качестве примера лучше всего, думается, привести критику Э.А. Грантовским книги А.М. Хазанова о социальном строе скифов (*Хазанов А.М. Социальная история скифов ...*), направленную, в основном, на ее методологическую сторону. В качестве основных недостатков этой работы Э.А. Грантовский отметил вольные допущения в толковании социальной терминологии скифов, встречающейся в источниках, которые А.М. Хазанов использовал в переводах, часто неоправданно подменяя внутреннюю критику источника сравнительно-историческими и этнографическими параллелями из истории других кочевников Евразии (*Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов. С. 131, 133, 134, 135—136, 137—138, 140—141, 142, 144*). Э.А. Грантовский призывал к непосредственному источниковедческому анализу в работах подобного плана (Там же. С. 153).

ПРИЛОЖЕНИЕ 10
(справочное)

ОРИГИНАЛЬНОЕ НАПИСАНИЕ ВОСТОЧНЫХ СЛОВ И СОЧЕТАНИЙ,
ПЕРЕДАННЫХ В ОСНОВНОМ ТЕКСТЕ ТРАНСЛИТЕРАЦИЕЙ

1. Китайские слова и выражения

А-бо 阿波

а-бо да-гань 阿波達干

а-де / се-де 阿跌 / 跌跌

А-ши-дэ 阿史德

А-ши-на 阿史那

А-ши-на Синь 阿史那昕

А-ши-на Шэ-эр 阿史那社爾

Ань-ло 庵邏

Ань Лу-шань 安祿山

ба-е-гу 拔野古

ба-си-ми 拔悉密

Ба-янь А-ши-дэ 拔延阿史德

бу 部

бу чэн-вэнь-фа 不成文法

бу-ло 部落

бу-ло да-жэнь 部落大人

бу-ло шоу-линь 部落首领

Ван Мин-цин 王明清

гао-цзюй 高车

Гао-чан 高昌

го 國

го-жэнь 國人

Гу-до-лу 骨咄祿

Гу-ли Пэй-ло 骨力裴罗

гэ ю дэ-фэнь 各有地分

Да А-ши-дэ 闐阿史德

да-жэнь 大人

Да-ло-бянь 大邏便

Да-ло-сы 怛邏斯

Да-ту 達頭

да-эр 大兒

ди 弟

ди-ли 丁零

ди-фэнь 地分

дин-лин 丁靈

до-лу 咄陆

ду-гу 獨孤

ду-ду 都督

ду-ду-фу 都督府

Ду-лань 都蘭

дуань-ну 鍛奴

дэ-фэнь 地分

жань и гэ ю фэнь-дэ 然亦各有分地

жоу-жань 柔然

жуань-жуань 蠕蠕

И-би до-лу 乙毗咄羅

и-кэ-хань 遺可汗

И-ли 乙利 <западно-тюркский каган>

И-ли-ту 一利啞

и-ло 邑落

И-нань 夷男

И-чжи ни-ши-ду 伊覓泥師都

инь цзи си-су 因其習俗

Инь-шань 陰山

ку-мо-си 庫莫系

кэ-бу 客部

Кэ-ло 科羅

кэ-шуй 科稅

ло 落

лин гуй юй бу-ло 令歸於部落

лэ 勒

минь-цзу я-по 民族压迫

Мо-хэ 莫賀

Мо-цзи-лянь 默棘連

Мо-чжо 默啜

Му-гань 木杆

Ни-ши-ду 泥師都

ну 奴

Ну-лай 奴赖

ну-ши-би 弩失毕

Нэ-ду-лю 訥都六

По-ши 婆施 (Со-ши 娑施)

пу-гу 仆骨

сан-ши ту-цзюэ фа-чжи 丧失突厥法制

сань-ши-син... <...> кэ-хань 三十姓... <...> 可汗

Се-ли 頡利

се-янь-то 薛延陀

си мянь 西面

Си-цзе 奚結

син 姓

Су-лу 蘇祿

Су-ни-ши 穌尼失

Суй 隋

Сы шэ-ху 肆葉護

сы-ли-фа 俟利發 <у тюрков>

сы-цзинь 俟斤

сюн-ну 匈奴

сянь-бэй 鮮卑

Сянь-ли 賢力

сянь-ли би-цзя гун-чжу 賢力毗伽公主

та жэнь шуй 他人水

Тай-цзун 太宗

Тан 唐

«Тан хуэй яо» 唐會要

те-лэ 鐵勒 <ЭТНОНИМ>

те-лэ 特勒 <ТИТУЛ>

тин 廳

то-ба 拓跋

То-бо 佗鉢

ту-гэ 屠各

Ту-ли 突利

Ту-мэнь 土門

ту-цзюэ 突厥

ту-цзюэ бу-ло да-жэнь 突厥部落大人

Ту-юй-хунь-се 吐谷渾邪

тун лин бу-ло 統領部落

Тун шэ-ху 統葉護

тун-ло 同羅

тун-чжи цзе-цзи 统治阶级

Тунь-юй-гу 暾欲谷

У-су-ми-ши 烏蘇米施

у-ху 烏護

у-хуань 烏桓

у-хэ 烏紇

фу 婦

фу-ли 附離

Фу-ли-юй 匍利羽

фу-цюань ну-ли-чжи 父权奴隶制

фэнь-чжи цзю шоу 分置酋首

Хоу дун-туцзюе хань-го 后東突厥汗國

ху 胡 <варвар>

ху 戶 <двор, семья>

ху-лу да-гуань 胡祿達官

ху-лу-у 胡祿屋

Ху-се 斛蘇

Хуан-хэ 黃河

хуань лин-со бу 還領所部

хунь 渾

хуэй-гэ 回紇

«Хуэй-чжу лу» 揮塵錄

Хэ-лу 賀魯

цай 財

ца-чу 雜畜

Цзе-де-и-ши 頡跌伊施

цзе-цзи я-по 階級压迫

цзи 及 <соединительный союз>

цзи бу-ло цзю-чжан 其部落酋長

цзинь 勤

цзу 族

цзун-ши гуй-цзу 军事贵族

цзю шоу 酋首

цзю-син 九姓

цзю-син ту-цзюэ 九姓突厥

цзюнь-чжан 君長

цзя 家

цзя-тин хэ хунь-инь 家庭和婚姻

цзянь 賤 <‘низкое общественное положение; подлое состояние (происхождение),
худородство’>

цзянь 箭 <‘стрела’>

ци-би 契苾

ци-дань 契丹

Ци-минь 啟民

цы-ши 刺史

цы-ши-чжоу 刺史州

цюн-лу 穹廬

Цюэ те-лэ 闕特勒

чжан 帳

чжи 之

чжу гуй-жэнь 諸貴人

чжу-яо шэн-чань жэ 主要生产者

чжун 容

чжун мянь да кэ-хань 中面大可汗

чжун-хуа минь-цзу 中华民族

чжэн-фа бин-ма 徵發兵馬

чу инь 畜印

Чу-ло-хоу 處羅侯

чу-му-кунь 处木昆

чу-ци ю-му цзун-фа фэн-цзянь шэ-хуэй 初期游牧宗法封建社会

чэнь 臣

шан-жэнь-му-чжэ чай чжи и ню у-ню цзе шу фу цай 傷人目者償之以女無女則輸婦財

Ша-бо-люэ 沙鉢略

ша-то 沙陀

ши 氏 <‘фамилия’>

ши син 十姓

ши цзянь 十箭

Ши-би 始畢

Ши-бо-би 什钵苾

ши-син бу-ло 十姓部落

ши-цинъ 時勤

шу 衆

шэ 設

шэнь 身

Энь-цзе (Сы-цзе) 恩結 (思結)

эр-лан 儿郎

Юй-гу 欲谷

Юй-гу шэ 欲谷設

я 牙

я-чжан 牙帳

янь-мянь 咽麪

янь-то 延陀

яо-ло-гэ 藥羅葛

2. Японские слова

buzoku 部族

kaikyū 階級

kokka 國家

shizoku 氏族

3. Слова, написанные арабским шрифтом

Qun قون

4. Выходные данные упомянутых в работе китайских изданий по истории Тюркского каганата

Ли, Энь-сянь. Ту-цзюэ янь-цзю / Ли Энь-сянь. — Тай-бэй : Тай-вань шан у ин шу гуань, мин-го 77, [1988]. — 10, 3, 1, 359 с. [林恩顯. 突厥研究 / 林恩顯. — 臺北 : 臺灣商務印書館, 民國77, [1988]. — 10, 3, 1, 359頁].

Линь, Гань. Ту-цзюэ дэ си-су хэ цзун-цзяо / Линь Гань // Минь-цзу янь-цзю. — 1981. — № 6. — С. 43—48 [林幹. 突厥的习俗与宗教 / 林幹 // 民族研究. — 1981年. — 第6期. — 43—48頁].

Линь, Гань. Ту-цзюэ ши / Линь Гань. — Ху-хэ-хао-тэ : Нэй Мэн-гу жэнь-минь чу-бань-шэ чу-бань, 1988. — 10, 301, [4] с. [林幹. 突厥史 / 林幹. — 呼和浩特 : 內蒙古人民出版社出版, 1988. — 10, 301, [4]頁].

Линь, Гань. Ту-цзюэ шэ-хуэй чжи-ду чу-тань / Линь Гань // Шэ-хуэй кэ-сюэ чжань-сянь. 1981. — № 3. — С. 155—165 [林幹. 突厥社会制度初探 / 林幹 // 社会科学战线 (Шэ-хуэй кэ-сюэ чжань-сянь). — 1981年. — 第3期. — 155—165页].

Ло, Синь. Чжун-го бэй-цзу мин-хао янь-цзу / Ло Синь. — Пекин : Бэй-цзин да сюэ чу-бань шэ, 2009. — 311 с. [羅新. 中古北族名号研究 / 羅新. — 北京 : 北京大学出版社, 2009年3月. — 311页].

Лю, Си-гань. Лунь Ту-цзюэ хань-го дэ шэ-хуэй син-чжи / Лю Си-гань // («Синь-цзян да-сюэ сюэ-бао» (Чжэ-сюэ шэ-хуэй кэ-сюэ бань). — 1994. — Цз. 22. № 3. — С. 49—51 [刘锡淦. 论突厥汗国的社会性质 / 刘锡淦 // 《新疆大学学报》 (哲学社会科学版). — 1994年. — 第22卷. 第03期. — 49—51页].

Ма, Чжан-шоу. Лунь ту-цзюэ жэнь хэ ту-цзюэ хань-го дэ шэ-хуй бянь-гэ / Ма Чжан-шоу // Ли-ши янь-цзю. — 1958. — № 3. — С. 9—22; № 4. — С. 47—69 [马长寿. 论突厥人和突厥汗国的社会变革 / 马长寿 // 历史研究. — 1958年. — 第3期. — 9—22页; 第4期. — 47—69页].

Сюэ, Цзун-чжэн. Дун Ту-цзюэ хань-го дэ чжэн-чжи цзе-гоу / Сюэ Цзун-чжэн // Синь шэ-хуэй кэ-сюэ. — 1986. — № 2. — С. 102—112 [薛宗正. 东突厥汗国的政治结构 / 薛宗正 // 新疆社会科学 (Синь шэ-хуэй кэ-сюэ). — 1986年. — 第2期. — 102—112页].

У, Цзинь-шань. Хоу Ту-цзюэ хань-го дэ чжэн-чжи чжи-ду бянь-си / У Цзинь-шань // «Си-бэй минь-цзу сюэ-юань сюэ-бао» (Чжэ-сюэ шэ-хуэй кэ-сюэ бань). — 1995. — № 04. — С. 38—41 [吴景山. 后突厥汗国的政治制度辨析 / 吴景山 // 《西北民族学院学报》 (哲学社会科学版). — 1995年. — 第04期. — 38—41页].

У, Цзинь-шань. Хоу Ту-цзюэ хань-го ши-ци дэ чжу-ти цзин-ци бянь-си / У Цзинь-шань // Чжун-ян мин-цзу да-сюэ сюэ-бао). — 1998. — № 02. — С. 51—56 [吴景山. 后突厥汗国时期的主体经济辨析 / 吴景山 // 中央民族大学学报. — 1998年. — 第02期. — 51—56页].

У, Цзинь-шань. Хоу Ту-цзюэ хань-го ши-ци дэ “фа-ду” гэн-чжан бянь / У Цзинь-шань // Мин-цзу янь-цзю. — 2000. — № 03. — С. 73—78 [吴景山. 后突厥汗国时期的“法度”更张辨 / 吴景山 // 民族研究. — 2000年. — 第03期. — 73—78页].

У, Цзян. Ту-цзюэ хань-го шэ-хуэй цзинь-ци ши-шан дэ и-се вэнь-ти / У Цзян // Синь шэ-хуэй кэ-сюэ). — 1989. — № 04. — С. 76—83 [吴疆. 突厥汗国社会经济史上的一些问题 / 吴疆 // 新疆社会科学. — 1989年. — 第04期. — 76—83页].

Хоу, шан-чжи. Ши лунь ту-цзюэ Хань го фэн-цзянь шэ-хуэй дэ син-чэн — цзянь юй Ма Чжан-шоу сянь-шэн шан-цэ) / Хоу шан-чжи // Лань-чжоу да-сюэ сюэ-бао (Шэ-хуэй кэ-сэе бань)). — 1959. — № 1. — С. 99—112 [侯尚智. 试论突厥汗国封建社会的形成—兼与马长寿先生商榷 / 侯尚智 // 兰州大学学报(社会科学版). — 1959年. — 第1期. — 99—112页].

Цай, Хун-шэн. Ту-цзюэ хань-го дэ цзюнь-ши чжу-чжи хэ цзюнь-ни цзи-шу / Цай Хун-шэн // Сюэ-шу янь-цзю. — 1963. — № 5. — С. 42—51 [蔡鸿生. 突厥汗国的军事组织和军事技术 / 蔡鸿生 // 学术研究. — 1963年. — 第5期. — 42—51页].

Цай, Хун-шэн. Ту-цзюэ фа чу-тань / Цай Хун-шэн // Ли-ши янь-цзю. — 1965. — № 5. — С. 81—98 [蔡鸿生. 突厥法初探 / 蔡鸿生 // 历史研究. — 1965年. — 第5期. — 81—98页].

Цинь-дин си ку цюань шу хуэй-яо : Суй шу (гон эр цо). — Чанчунь : Чанчунь чу-бань шэ), 2005 [钦定四库全书荟要 : 隋书(共2册). — 长春 : 长春出版社].

Чжан, Гуан-чжи. Ту-цзюэ юй ну-ли-чжи / Чжан Гуан-чжи // Цин-хай ши-фань сюэ-юань сюэ-бао). — 1983. — Вып. 2. — С. 73—81 [张广志. 突厥与奴隶制 / 张广志 // 青海师范学院学报. — 1983年. — 第2期. — 73—81页].

Чжан, Чжи-и. Ю-му дэ фэнь-цзянь шэ-хуэй / Чжан Чжи-и // Кэ-сюэ тун-бао. — 1950. — № 12. Цз. 1. Вып. 8. — С. 532—534 [张之毅. 游牧的封建社会 / 张之毅 // 科学通报 (Кэ-сюэ тун-бао). — 1950年. — 12月. 第1卷. 第8期. — 532—534页].

**5. Полное написание выходных данных упомянутых в списке литературы
работ на китайском языке**

Гэн, Ши-минь. Гу-дай ту-цзюэ вэнь-бэй мин янь-цзю / Гэн Ши-минь. — Пекин : Чжун-ян минь-цзу да-цзя чу-бань-шэ), 2005. 8. — 334 с. [耿世民. 古代突厥文碑铭研究 / 耿世民. — 北京 : 中央民族大学出版社, 2005. 8. — 334 页].

Жэнь, Бао-лэй. Го-нэй цзинь сань-ши нянь си ту-цзюэ янь-цзю цзянь шу (1980—2010) / Жэнь Бао-лэй // Си-юй янь-цзю. — 2011. — № 4. — С. 128—135 [任宝磊. 国内近三十年西突厥研究简述(1980—2010) / 任宝磊 // 西域研究. — 2011年. — 第4期. — 128—135页].

Линь, Гань. Цзинь лю-ши юй-нянь (1919—1984) го-на ту-цзюэ ши янь-цзю пин шу / Линь Гань // Минь-цзу янь-цзю. — 1985. — № 6. — С. 68—75 [林干. 近六十余年(1919—1984)国内突厥史研究评述 / 林干 // 民族研究. — 1985年. — 第6期. — 68—75页].

Ло, Синь. Лунь То-ба Сянь-бэй чжи дэ-мин / Ло Синь // Ли-ши янь-цзю. — 2006. — № 6. — С. 32—48 [羅新. 論拓跋鮮卑之得名 / 羅新 // 歷史研究. — 2006年. — 第6期. — 32—48页].

Ма, Чжан-шоу. Ту-цзюэ жэнь хэ ту-цзюэ хань-го / Ма Чжан-шоу. — Пекин : Шан-хай жэнь-минь чу-бань-шэ, 1957. — 107 с. [马长寿. 突厥人和突厥汗国 / 马长寿. — 北京 : 上海人民出版社, 1957. — 107页].

Сюэ, Цзун-чжэн. Ту-цзюэ ши / Сюэ Цзун-чжэн. — Пекин : Чжун-го шэ-хуэй кэ-сюэ чу-бань-шэ), 1992. — 11, 2, 808 с. [薛宗正. 突厥史 / 薛宗正. — 北京 : 中國社會科學出版社, 1992. — 11, 2, 808页].

Хань, Чжунь-и. Бэй-я Ту-цзюэ бай-нянь янь-цзю (1900—2000 нянь) / Хань Чжунь-и // Цин-хай минь-цзу янь-цзю. — 2006. — Цз. 17. Вып. 1. — С. 89—94 [韩中义.

北亚突厥百年研究(1900—2000年) / 韩中义 // 青海民族研究. — 2006年. — 第17卷. — 第1期. — 89—94页].

Hou, Xudong 侯旭東. Recent Research in China on Wei-Jin Nanbeichao History / Hou Xudong 侯旭東 // Asia Major (The Third Series). — 2010. — Vol. XXIII. Pt. 1. — P. 1—17.

6. Выходные данные упомянутых в работе японских изданий по истории Тюркского каганата

Egami, Namio. Kiba minzoku kokka : Nihon kodai-shi he no apurōchi / Egami Namio. — Tōkyō : Chūo Kōronsha, Shōwa 42), [1967] (Chūkō shinsho ; 147). — ix, 348 p. [江上波夫. 騎馬民族国家 : 日本古代史へのアプローチ / 江上波夫. — 東京 : 中央公論社, 昭和42 [1967] (中公新書 ; 147) — ix, 348頁] (на яп. яз.).

Yamada, Nobuo. Kita Ajia yuboku minzoku shi kenkyu / Yamada Nobuo. — Tōkyō : Tōkyōdaigaku shuppan-kai), 1989. — 374 p. [山田信夫. 北アジア遊牧民族史研究 / 山田信夫. — 東京 : 東京大学 出版会, 1989. — 374頁] (на яп. яз.).

7. Полное написание выходных данных упомянутых в списке литературы работ на японском языке

Hayashi, T. [林俊雄]. The Development of a Nomadic Kingdom seen from the Perspectives of Pillage, Agriculture and Trade : in the Case of Tuque

[掠奪・農耕・交易から観た遊牧国家の発展：突厥の場合] / T. Hayashi [林俊雄] // Tōyōshi kenkyū [東洋史研究]. — 1985. — Vol. 44. № 1. — P. 110—136. (на яп. яз с англ. резюме на p. 5).

Maeda, Masana. [Review] M. Mori, Historical Studies of the Ancient Turkic people, Tōkyō, 1967 / Maeda Masana // Tōyō-shi Kenkyū. — 1968. — Vol. 27. № 1. — P. 91—97. [発行日.

<批評・紹介> 護雅夫著 「古代トルコ民族史研究I」 その他のタイトル / 発行日 // 東洋史研究. — 1968. — 27巻1号. — 91—97頁].

Mori, Masao. Kodai Toruko minzokushi kenkyū. I / Mori Masao. — Tōkyō : Yamakawa Shuppansha, Shōwa 42), [1967]. — 16, 656, 25 p. [護雅夫. 古代トルコ民族史研究. I / 護雅夫. — 東京 : 山川出版社, 昭和 42, [1967]. — 16, 656, 25 頁] (на яп. яз. с англ. резюме с добавочным названием «Historical studies of the ancient Turkic peoples I»).

Mori, M. [護雅夫]. An Introduction to the Studies of the Official Titles of the Eastern Türküt : On “Qaghan” (可汗) of the “First Türküt Empire” / M. Mori [護雅夫] // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. — 1954. — 第37巻. 第3号. — P. 279—329 (на яп. яз. с англ. резюме на p. 032).

Mori, M. On Chi-li-fa 俟利発 (Eltäbär/Eltäbir) and Chi-chin 俟斤 (Irkin) of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes / Mori Masao // Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai (東方学会)]. — 1965. — № 9. — P. 31—56.

Mori, M. [護雅夫]. On the Ssü-li-fa 俟利発 (Iltäbär) and the Ssü-chin 俟斤 (Irkin) Titles of the T'ieh-lê 鉄勒 Tribes / M. Mori [護雅夫] // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. — 1963. — 第46巻. 第3号. — P. 293—322 (на яп. яз. с англ. резюме на p. 1).

Murayama, Shichirō. [Review] Mori, M. ; Historical Studies of Ancient Turkic Peoples, I.] / Murayama Shichirō // Tōyō Gakuhō (Reports of the Oriental Society). — 1968. — Vol. 50. № 4. — P. 136—147 [村山七郎 [Review] 護雅夫著 「古代トルコ民族史研究I / 村山七郎 // 東洋学報. — 1968. — 第50巻. 第4号. — 136—147頁].

Naitō, Midori. Nishi Tokketsu shi no kenkyū / Naitō Midori. —Tōkyō : Waseda Daigaku Shuppanbu), 1988. — ix, 456, (1) p. [内藤みどり. 西突厥史の研究 / 内藤みどり. — 東京 : 早稲田大学出版部, 1988. — ix, 456, (1)頁].

**8. Полное написание выходных данных упомянутых в списке литературы работ
на староосманском языке**

Necîp Âşım. Orhon Âbideleri / Necîp Âşım. — İstanbul : Matbaa-yı Âmire, 1340/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 61)). — 95 [birinci kısım], 165 [ikinci kısım] s. [مطبعة عامره، :ستانبول . نجيپ اعاصم / اورخون هبايرل . نجيپ اعاصم . ۱۳۶۰، (۶۱) : ۹۵]. — 95 [birinci kısım], 165 [ikinci kısım] s.].

Necîp Âşım. Türk Târihi / Necîp Âşım. — İstanbul : Darü'l Tıbbâ'at el-Âmire, 1316/1900. — 551 s. [مطبعة عامره، :ستانبول . نجيپ اعاصم / تكرو ذيخير . نجيپ اعاصم . ۱۳۱۶، — 551 s.].

Rızâ Nur. Türk tarihi : resimli ve haritalı / Rızâ Nur. — İstanbul : Matbaa-yı Âmire, 1342/1924 (Maarif Vekaleti : Türkiye Cumhuriyeti Maarif Vekaleti neşriyatından ; Aded 54). —Cild 1. — 377 s. [مطبعة عامره، :ستانبول . رضانور / كروت و خيرات : لمسرو و لطيرخ . رضانور . ۱۳۴۲، م ۱۹۲۴ : ۵۴]. — جلد ۱ — ۳۷۷ (توركييا بيوك ملت مجلسى حكومتى معارف و كالتى نشرىاتندن : عده 54). — 377 s.].